



**Михаил Петрович Грязнов**

(1902–1984)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES  
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

**CULTURES  
OF THE STEPPE ZONE OF EURASIA  
AND THEIR INTERACTION  
WITH ANCIENT CIVILIZATIONS**

**Materials of the International conference dedicated  
to the 110<sup>th</sup> birth anniversary  
of the outstanding Russian archaeologist  
MIKHAIL PETROVICH GRYAZNOV**

**Volume 1**

St. Petersburg

2012

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

# **КУЛЬТУРЫ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ДРЕВНИМИ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ**

**Материалы международной научной конференции,  
посвященной 110-летию со дня рождения  
выдающегося российского археолога  
МИХАИЛА ПЕТРОВИЧА ГРЯЗНОВА**

## **Книга 1**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2012

Издание подготовлено и публикуется при финансовой поддержке  
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-01-14000г  
«Культуры степей Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями»  
Международная научная конференция, посвященная 110-летию со дня рождения  
выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова)

Редакционная коллегия:

*В. А. Алёкин, Е. В. Бобровская, Г. В. Длужневская, М. Т. Кашуба,  
Л. Б. Курчо, С. В. Красниченко, В. П. Никоноров, М. Н. Пшеницына,  
М. Б. Рысин, Д. Г. Савинов, Л. А. Соколова, В. Я. Стёганцева*

**Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями.** –  
СПб: ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 1. – 432 с.

В настоящем издании публикуются материалы конференции «Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями» посвященная 110-летию со дня рождения доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки РСФСР, лауреата Государственной премии СССР, члена-корреспондента Германского Археологического института Михаила Петровича Грязнова, учёного-энциклопедиста, чьи труды по праву вошли в золотой фонд отечественной археологии. Исследуя памятники эпохи энеолита, бронзы и раннего железа в различных областях Евразии, он создал их хронологическую и историко-культурную периодизацию. В докладах конференции развиты на современном исследовательском уровне те научные направления, которые разрабатывал М. П. Грязнов. Материалы конференции обобщают результаты работ отечественных и зарубежных специалистов истекшего десятилетия (2002–2010 гг.). На суд коллег представлены итоги изучения новых археологических памятников от Северного Причерноморья до Забайкалья. В ходе этих исследований были существенно уточнены вопросы происхождения и хронологии многих древних культур от неолита до средневековья. Рассмотрены также дискуссионные проблемы палеоантропологии и эволюции древнего изобразительного искусства. Большое внимание уделено и применению естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Обсуждение проблем археологии евразийских степей и их взаимодействий с центрами древних цивилизаций, дает новый импульс изучению древнейшего прошлого этого обширного ареала.

В книгу 1 вошли материалы докладов секций I, III–V.

The volume contains the materials of the conference “Cultures of the Steppe Zone of Eurasia and Their Interaction With Ancient Civilizations”, dedicated to the 110<sup>th</sup> birth anniversary of Mikhail Petrovich Gryaznov, doctor of historical sciences, Honored Science Worker of the RSFSR, laureate of the State Prize of the USSR, corresponding member of the German Archaeological Institute, a scholar of an encyclopedical knowledge, whose works are rightly included into the “gold reserves” of Russian archaeology. He studied the Eneolithic, Bronze Age and Early Iron Age sites in different regions of Eurasia, and created their historical and cultural periodization. The papers presented to the Conference take the study of the various subjects M. P. Gryaznov worked on to a new level of inquiry. The materials of the Conference sum up the results of the research conducted by Russian and foreign scholars in the last decade (2002–2010). During this period many new archaeological sites have been studied on a huge territory from the North Black Sea region to Transbaikalia. The newly obtained evidence greatly contributes to our better understanding of the origins and chronology of numerous ancient cultures ranging from the Neolithic to the Middle Ages. Considered are also the problems of paleoanthropology and the evolution of ancient art. In addition, much attention is paid to the use of natural science methods in archaeological research. The presented discussion of current issues in the archaeology of the Eurasian steppe cultures and their interactions with ancient civilizations gives a new impulse to the study of the earliest past of this tremendous area.

Volume 1 includes the materials of sessions I and III–V.

ISBN 978-5-906168-01-6-1

© Институт истории материальной культуры РАН, 2012  
© Коллектив авторов, 2012  
© «Периферия», 2012

## СОДЕРЖАНИЕ

### СЕКЦИЯ I. НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ М. П. ГРЯЗНОВА

<i>М. Н. Пишеницына, Н. А. Боковенко (Санкт-Петербург, Россия).</i> Вклад Михаила Петровича Грязнова в мировую археологическую науку.....	11
<i>А. А. Тишкин (Барнаул, Россия).</i> Автобиографии М. П. Грязнова как отражение жизни и деятельности выдающегося исследователя.....	25
<i>А. А. Евгеньев (Оренбург, Россия).</i> М. П. Грязнов и проблемы андроновской культуры Южного Приуралья.....	30
<i>А. В. Жук (Омск, Россия).</i> Андроновская культура на берегах Урала под лопатой М. П. Грязнова: июнь 1926 г. ....	32
<i>Л. Ю. Китова (Кемерово, Россия).</i> Понятие «археологическая культура» в исследованиях М. П. Грязнова.....	38
<i>М. В. Бедельбаева (Караганда, Казахстан).</i> «Ранние кочевники» М. П. Грязнова: проблема терминологии или терминология проблемы?.....	41
<i>О. В. Аникеева, Л. Т. Яблонский (Москва, Россия).</i> Так называемые оселки сарматского времени из могильника Филипповка 1: естественнонаучные исследования.....	47
<i>С. В. Воронятов (Санкт-Петербург, Россия).</i> Оселки с сарматскими тамгами.....	54
<i>А. Б. Ипполитова (Москва, Россия).</i> Из эпистолярного наследия Е. Р. Шнейдера: семейная переписка 1922–1929 гг. ....	58
<i>С. В. Кузьминых (Москва, Россия).</i> А. М. Тальгрэн в научной судьбе М. П. Грязнова (по материалам писем М. П. Грязнова).....	65
<i>С. Ф. Татауров (Омск, Россия).</i> Два письма из архива М. П. Грязнова в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.....	73
<i>С. С. Тихонов (Омск, Россия).</i> Недописанная рукопись о Михаиле Петровиче Грязнове (воспоминания о нем В. И. Матюшенко).....	77
<i>А. С. Вдовин, Н. П. Макаров (Красноярск, Россия).</i> К истории научных связей Петербурга и Красноярска.....	81

### СЕКЦИЯ III. АНТРОПОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

<i>И. С. Туркина, А. А. Казарницкий (Москва, Санкт-Петербург, Россия).</i> Археологические и палеоантропологические данные о происхождении ямной культуры Северо-Западного Прикаспия.....	87
<i>Л. В. Литвинова, С. Д. Лысенко (Киев, Украина).</i> Новый антропологический материал из Войцеховского могильника.....	94
<i>Н. В. Панасюк (Москва, Россия).</i> Половозрастные особенности обряда погребений с курильницами.....	97
<i>Е. Ф. Батиева (Ростов-на-Дону, Россия).</i> Антропологические материалы из массовых захоронений золотоордынского города Азака.....	99
<i>М. Б. Медникова (Москва, Россия).</i> К вопросу о своеобразии и таксономическом положении плейстоценовых гоминид Алтая.....	103
<i>А. В. Зубова (Новосибирск, Россия).</i> Происхождение населения фёдоровской и алакульской культур по одонтологическим данным.....	108
<i>Т. А. Чикишева (Новосибирск, Россия).</i> К вопросу о дифференциации антропологического состава древнего населения южного региона Западной Сибири.....	112
<i>А. В. Громов, Н. И. Лазаретова, Е. Н. Учанева (Санкт-Петербург, Россия).</i> Население Минусинской котловины на рубеже нашей эры (по антропологическим материалам из склепов).....	117
<i>А. Г. Козинцев (Санкт-Петербург, Россия).</i> Из степи – в пустыню: ранние европеоиды Восточного Туркестана по данным генетики и антропологии.....	122

### СЕКЦИЯ IV. ДРЕВНЕЕ ИСКУССТВО СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

<i>Е. Е. Кузьмина (Москва, Россия).</i> Образ Митры в искусстве степей Евразии, Индии и Ирана во II–начале I тыс. до н. э. и лингвистические данные.....	127
---	-----

<i>А. М. Смирнов (Санкт-Петербург, Россия). Решетчатые конструкции в накаменном искусстве Древней Европы и щитовидные фигуры на оленных камнях Центральной Азии</i> .....	134
<i>Е. Г. Дэвлет (Москва, Россия). Об опыте изучения техники выполнения петроглифов</i> .....	141
<i>А. Л. Заика (Красноярск, Россия). Сердцевидные личины в петроглифах Северной Азии (об истоках изобразительной традиции)</i> .....	148
<i>Г. Н. Вольная (Владикавказ, Россия). К вопросу о распространении звериного стиля Северной Евразии</i> ....	156
<i>М. Е. Килуновская (Санкт-Петербург, Россия). Наскальное искусство Тувы скифского времени</i> .....	160
<i>И. В. Рукавишников (Москва, Россия). Применение пространственного анализа изображений для изучения звериного стиля ранних кочевников Евразии</i> .....	166
<i>И. В. Ковтун (Кемерово, Россия). Происхождение масленицы</i> .....	172
<i>В. Г. Котов (Уфа, Россия). Скульптуры на основе естественных форм в палеолите Урала</i> .....	179
<i>В. Я. Шумкин, Е. М. Колпаков (Санкт-Петербург, Россия). Канозерские петроглифы (Мурманская область России)</i> .....	185
<i>А. И. Юдин (Саратов, Россия). Орнаменты костяных изделий Варфоломеевской стоянки как отражение культурных взаимодействий</i> .....	191
<i>В. И. Кузин-Лосев (Донецк, Украина). Структура изобразительного текста второго серебряного сосуда из майкопского кургана Ошад</i> .....	200
<i>Ю. Н. Есин, Ж. Магай, Ч. Еруул-Эрдэнэ, Ж. Гантулга (Абакан, Монако, Улаанбаатар; Россия, Монако, Монголия). К проблеме выделения наскального искусства афанасьевской культуры Монголии: новые материалы и подходы</i> .....	205
<i>Ю. И. Михайлов (Кемерово, Россия). Каменные «жезлы» из могильника Шипуново V</i> .....	211
<i>И. К. Кидиекова, Ю. Г. Кустова (Абакан, Санкт-Петербург, Россия). Женское божество-охранитель из конской лодыжки</i> .....	215
<i>А. В. Субботин (Санкт-Петербург, Россия). К вопросу об отливках в одной форме в тагарском бронзолитейном производстве</i> .....	217
<i>Ю. Б. Полидович (Донецк, Украина). Изображения лошадей на предметах узды прескифского времени</i> ....	220
<i>В. В. Кривицкий (Санкт-Петербург, Россия). Зооморфные изображения на керамике древнего Северного Кавказа</i> .....	225
<i>К. А. Руденко (Казань, Россия). Декоративно-прикладное искусство раннеананьинского времени (по материалам IV Мурзихинского могильника в Татарстане, предварительный анализ)</i> .....	226
<i>В. С. Патрушев (Йошкар-Ола, Россия). Параллели в искусстве ираноязычных племен и финно-угров Волго-Камья (эпоха железа)</i> .....	232
<i>Е. В. Переводчикова (Москва, Россия). Произведения скифского звериного стиля из кургана 5 у сел. Кичигино в контексте искусства кочевников восточных областей Евразии</i> .....	238
<i>Ю. Б. Сериков (Нижний Тагил, Россия). Изобразительные памятники населения Тагильского Зауралья в железном веке и средневековье</i> .....	243
<i>М. Ю. Трейстер (Бонн/Берлин, Германия). Подражания художественным изделиям из драгоценных металлов ахеменидского стиля в искусстве кочевников Южного Приуралья IV в. до н. э.</i> .....	249
<i>Ю. И. Елихина (Санкт-Петербург, Россия). К вопросу об интерпретации сюжета на полихромной шелковой ткани из Ноин-Улы</i> .....	255
<i>Т. М. Кузнецова (Москва, Россия). О подвеске «в форме котла» из кургана Аржан-2</i> .....	258
<i>С. С. Миняев (Санкт-Петербург, Россия). К интерпретации некоторых изображений на оленных камнях</i> .....	262
<i>О. С. Советова (Кемерово, Россия). Об одном спорном изображении кинжала из Оглахты I</i> .....	267
<i>С. В. Панкова (Санкт-Петербург, Россия). Неизвестные фрагменты тепсейских миниатюр</i> .....	272
<i>Л. В. Панкратова (Томск, Россия). «Обезглавленные боги» (к изучению кулайского культового литья)</i> ....	276
<i>Ю. П. Чемякин (Екатеринбург, Россия). Образ всадника в кулайской металлопластике</i> .....	283
<i>Д. В. Черемисин, Г. Плетс (Новосибирск, Гент; Россия, Бельгия). Исследование петроглифических памятников в долине р. Елангаш и Чаган на юго-востоке Российского Алтая</i> .....	289
<i>М. А. Дэвлет (Москва, Россия). О памятниках наскального искусства в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС</i> .....	293
<i>А. Шефер (Берлин, Германия). Опыт реконструкции одного сюжета нартского эпоса на базе археологических материалов кочевников Центральной Азии гунно-сарматского времени</i> .....	299

<i>Ю. И. Ожередов (Томск, Россия).</i>	
Новые сведения об археологических изобразительных памятниках Северо-Западной Монголии.....	304
<i>Э. Якобсон-Тепфер (Юджин/Орегон, США).</i>	
На пороге двух миров – образ женщины в наскальном искусстве Монгольского Алтая .....	311
<i>Э. Гюль (Ташкент, Узбекистан).</i>	
«Бактрийские» ковры: к вопросу о греко-юечжийских культурных взаимодействиях.....	317
<i>Е. Н. Абызова, С. С. Рябцева (Кишинёв, Молдова).</i> О морфологических и стилистических особенностях декора поясных наборов из Пруто-Днестровского междуречья в контексте древностей IX–XI вв. ....	323
<i>Н. А. Фоякова (Чувилло) (Санкт-Петербург, Россия).</i> Загадка Шиловских пластин.....	330
<i>Г. Г. Король (Москва, Россия).</i> Образный мир средневекового искусства кочевников Саяно-Алтая .....	333
<i>Г. В. Кубарев (Новосибирск, Россия).</i> К вопросу о женских древнетюркских изваяниях на Алтае .....	339
<i>И. Ю. Чикунова (Тюмень, Россия).</i> Бронзовые медведи Ипкульского могильника .....	346
<i>И. В. Матюшко (Оренбург, Россия).</i> Ювелирные изделия золотоордынского времени из погребений кочевников Южного Приуралья.....	349
<b>СЕКЦИЯ V. СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ</b>	
<i>Г. Н. Поплевко (Санкт-Петербург, Россия).</i>	
Становление экспериментально-трассологических исследований в российской археологии.....	353
<i>В. В. Зайков, А. М. Юминов, Е. В. Зайкова, А. Д. Таиров, В. А. Котляров (Миасс, Челябинск, Россия).</i>	
Состав и природа включений осмия в золотых изделиях из археологических памятников Урала.....	360
<i>В. В. Зайков, А. М. Юминов, М. Н. Анкушев (Миасс, Россия).</i> Рудная геоархеология Урала .....	366
<i>И. Н. Васильева, А. А. Выборнов, Г. И. Зайцева (Самара, Санкт-Петербург, Россия).</i>	
Новые подходы к изучению неолитических культур степей Поволжья (по данным технологического и радиоуглеродного анализов керамики) .....	370
<i>С. Н. Скочина (Тюмень, Россия).</i> Трассологический анализ костяных вкладышевых оправ (из коллекций неолитических памятников оз. Мергень).....	375
<i>Н. Н. Скакун, Н. М. Виноградова, В. В. Терёхина (Санкт-Петербург, Москва, Россия).</i> Земледельческие орудия эпохи поздней бронзы Южного Таджикистана (по материалам поселения Кангурттут) .....	379
<i>К. Б. Калинина, Е. Г. Старкова (Санкт-Петербург, Россия).</i>	
Исследования связующих красочных слоев керамики культуры Триполье-Кукутень .....	384
<i>Н. И. Шишлина, А. А. Казарницкий, Е. В. Белькевич (Москва, Санкт-Петербург, Россия).</i>	
Курган 3 могильника Улан IV: археология, антропология и хронология культур бронзового века Средних Ергеней .....	390
<i>Н. В. Рослякова (Самара, Россия).</i> Археозоологическое изучение жертвенных комплексов из могильников срубной культуры лесостепного Поволжья .....	399
<i>Г. В. Ковалёва, К. Н. Красноруцкая, М. В. Набоженко, В. В. Польшин, В. В. Потапов, И. В. Толочко</i> <i>(Ростов-на-Дону, Россия).</i> К вопросу о реконструкции палеоландшафтных особенностей Нижнего Подонья в финальный период эпохи бронзы – раннем железном веке .....	405
<i>В. Е. Куликов, С. В. Красниенко (Санкт-Петербург, Россия).</i> Керамика Назаровской котловины: технологии и исследование методом полиполяризации (предварительное сообщение).....	414
<i>Н. А. Гаврилюк (Киев, Украина).</i> Массовый материал, зонная стратиграфия и комплекс архаической кухонной керамики участка ЮЗА Ольвии .....	418
<i>Ф. Б. Бакиит, Л. С. Марсадолов (Красноярск, Санкт-Петербург, Россия).</i>	
Геофизические исследования на Большом Салбыкском кургане.....	425
Список сокращений .....	431

## CONTENTS

### SESSION I. M. P. GRYAZNOV'S SCHOLARLY HERITAGE

<i>M. N. Pshenitsyna, N. A. Bokovenko (St. Petersburg, Russia).</i> Mikhail Petrovich Gryaznov's contribution to world archaeology .....	11
<i>A. A. Tishkin (Barnaul, Russia).</i> M. P. Gryaznov's autobiography as a reflection of the life and activity of this outstanding researcher .....	25
<i>A. A. Evgen'ev (Orenburg, Russia).</i> M. P. Gryaznov and the problems of the Andronovo culture in the southern Urals .....	30
<i>A. V. Zhuk (Omsk, Russia).</i> Andronovo culture on the banks of the Ural under the spade of M. P. Gryaznov: June of 1926.....	32
<i>L. Yu. Kitova (Kemerovo, Russia).</i> The concept of "archaeological culture" in M. P. Gryaznov's studies .....	38
<i>M. V. Bedelbaeva (Karaganda, Kazakhstan).</i> "Early nomads" of M. P. Gryaznov: a problem of terminology or terminology of the problem?.....	41
<i>O. V. Anikeeva, L. T. Yablonsky (Moscow, Russia).</i> So called whet stones of the Sarmatian time from the cemetery of Filippovka I: scientific examination.....	47
<i>S. V. Voronyatov (St. Petersburg, Russia).</i> Whet stones with the Sarmatian tamgas .....	54
<i>A. B. Ippolitova (Moscow, Russia).</i> From the epistolary heritage of E. R. Shneider: family correspondence, 1922–1929.....	58
<i>S. V. Kuzminykh (Moscow, Russia).</i> A. M. Talgren's role in the academic life of M. P. Gryaznov (based on M. P. Gryaznov's letters) .....	65
<i>S. F. Tataurov (Omsk, Russia).</i> Two letters from M. P. Gryaznov's archive in the Museum of Archaeology and Ethnography of Omsk State University .....	73
<i>S. S. Tikhonov (Omsk, Russia).</i> Unfinished manuscript about Mikhail Petrovich Gryaznov (memoirs of V. I. Matyushchenko).....	77
<i>A. S. Vdovin, N. P. Makarov (Krasnoyarsk, Russia).</i> To the history of scientific ties between St. Petersburg and Krasnoyarsk.....	81

### SESSION III. ANTHROPOLOGY OF THE EARLY INHABITANTS OF THE EURASIAN STEPPES

<i>I. S. Turkina, A. A. Kazarnitsky (Moscow, St. Petersburg, Russia).</i> Archaeological and paleoanthropological data on the origins of the Yamnaya culture in the northwestern Caspian Sea region .....	87
<i>L. V. Litvinova, S. D. Lysenko (Kiev, Ukraine).</i> New anthropological materials from the Voitsehovsky cemetery.....	94
<i>N. V. Panasyuk (Moscow, Russia).</i> Sex and age characteristics of the burials with incense-burners.....	97
<i>E. F. Batieva (Rostov-na-Donu, Russia).</i> Anthropological materials from mass interments in the Golden Horde town of Azaka.....	99
<i>M. B. Mednikova (Moscow, Russia).</i> On the peculiar characteristics and taxonomic position of the Pleistocene hominids from Altay.....	103
<i>A. V. Zubova (Novosibirsk, Russia).</i> Origins of the Fyodorovo culture and Alakul culture people according to the odontological evidence .....	108
<i>T. A. Chikisheva (Novosibirsk, Russia).</i> Anthropological composition of the ancient population in the southern part of West Siberia.....	112
<i>A. V. Gromov, N. I. Lazaretova, E. N. Uchaneva (St. Petersburg, Russia).</i> Population of the Minusinsk depression at the turn of the Common era (with special reference to the materials from burial vaults) .....	117
<i>A. G. Kozintsev (St. Petersburg, Russia).</i> From steppe to desert: early Europeoids of East Turkestan in the light of genetic and anthropological data .....	122

### SESSION IV. ANCIENT ART OF NORTHERN EURASIA

<i>E. E. Kuzmina (Moscow, Russia).</i> Image of Mitra in the art of Eurasian steppes, India, and Iran in the 2 <sup>nd</sup> and early 1 <sup>st</sup> millennia BC, and linguistic data.....	127
<i>A. M. Smirnov (St. Petersburg, Russia).</i> Lattice-like constructions in the on-stone art of ancient Europe and shield-like figures on the deer stones of Central Asia.....	134

<i>E. G. Devlet (Moscow, Russia)</i> . About the experience in studying petroglyph-making techniques.....	141
<i>A. L. Zaika (Krasnoyarsk, Russia)</i> . Heart-shaped faces in the rock art of North Asia (on the roots of the pictorial tradition) .....	148
<i>G. N. Volnaya (Vladikavkaz, Russia)</i> . On the distribution of the animal style in North Eurasia.....	156
<i>M. E. Kilunovskaya (St. Petersburg, Russia)</i> . Rock art of Tuva in the Scythian time.....	160
<i>I. V. Rukavishnikova (Moscow, Russia)</i> . Application of spatial analysis to the study of animal style images left by the early nomads of Eurasia.....	166
<i>I. V. Kovtun (Kemerovo, Russia)</i> . The origins of Maslenitsa (Butter Week).....	172
<i>V. G. Kotov (Ufa, Russia)</i> . Natural-form-based sculptures in the Paleolithic of the Urals.....	179
<i>V. Ya. Shumkin, E. M. Kolpakov (St. Petersburg, Russia)</i> . Petroglyphs of Kanozero (Murmansk region, Russia) .....	185
<i>A. I. Yudin (Saratov, Russia)</i> . Ornamental patterns on bone artifacts from the Varfolomeevo site as indicators of cultural contacts.....	191
<i>V. I. Kuzin-Losev (Donetsk, Ukraine)</i> . Structure of the representational text on the second silver vessel from the Oshad barrow (Maikop) .....	200
<i>Yu. N. Esin, J. Magail, Ch. Erool-Erdene, Zh. Gantulga (Abakan, Monaco, Ulan Bator; Russia, Monaco, Mongolia)</i> . To the problem of identification of the Afanasievo culture rock art in Mongolia: new materials and approaches.....	205
<i>Yu. I. Mikhailov (Kemerovo, Russia)</i> . Stone “rods” from the cemetery of Shipunovo V .....	211
<i>I. K. Kidieikova, Yu. G. Kustova (Abakan, St. Petersburg, Russia)</i> . Women’s deity-guard from a horse ankle .....	215
<i>A. V. Subbotin (St. Petersburg, Russia)</i> . To the question of the same form castings in the Tagar bronze foundry.....	217
<i>Yu. B. Polidovich (Donetsk, Ukraine)</i> . Depictions of horses on harness details of the Pre-Scythian time .....	220
<i>V. V. Krivitsky (St. Petersburg, Russia)</i> . Zoomorphic images on the ancient pottery from the Northern Caucasus .....	225
<i>K. A. Rudenko (Kazan’, Russia)</i> . Decorative art of the Early Ananyino time (based on the materials of the Murzikhino IV cemetery; a preliminary analysis).....	226
<i>V. S. Patrushev (Yoshkar-Ola, Russia)</i> . Parallels between the art of the Iran-speaking tribes and Finno-Ugric peoples of the Volga-Kama region (Iron Age).....	232
<i>E. V. Perevodchikova (Moscow, Russia)</i> . Scythian animal style objects from barrow 5 near the village of Kichigino in the context of the nomadic art of Eastern Eurasia .....	238
<i>Yu. B. Serikov (Nizhniy Tagil, Russia)</i> . Iron Age and medieval pictorial monuments of the Tagil region, Trans-Urals.....	243
<i>M. Ju. Treister (Bonn/Berlin, Germany)</i> . Achaemenid-inspired art objects of precious metals in the nomadic art of the Southern Urals of the 4 <sup>th</sup> c. BC.....	249
<i>Yu. I. Elikhina (St. Petersburg, Russia)</i> . On the interpretation of the subject on the polychromic silk fabric from Noyon Uul.....	255
<i>T. M. Kuznetsova (Moscow, Russia)</i> . About the “cauldron-shaped” pendant from Arzhan-2.....	258
<i>S. S. Minyaev (St. Petersburg, Russia)</i> . On the interpretation of some images on deer stones.....	262
<i>O. S. Sovetova (Kemerovo, Russia)</i> . About one debatable depiction of a dagger from Oglakhty I.....	267
<i>S. V. Pankova (St. Petersburg, Russia)</i> . Unknown fragments of the Tepsei miniatures.....	272
<i>L. V. Pankratova (Tomsk, Russia)</i> . «Beheaded gods» (to the study of the Kulai cult castings) .....	276
<i>Yu. P. Chemyakin (Ekaterinburg, Russia)</i> . Horseman image in the Kulai metal sculpture art.....	283
<i>D. V. Cheremisin, G. Plets (Novosibirsk, Ghent; Russia, Belgium)</i> . Rock carvings of the Elangash and Chagan valleys in the southeastern Russian Altay.....	289
<i>M. A. Devlet (Moscow, Russia)</i> . Rock art sites in the Sayano-Shushenskaya hydroelectric power station inundation area.....	293
<i>A. Schäfer (Berlin, Germany)</i> . Reconstruction of a subject from the Nart epos on the basis of Central Asian archaeological materials of the Hunno-Sarmatian time: a trial .....	299
<i>Yu. I. Ozheredov (Omsk, Russia)</i> . New data on archaeological pictorial monuments in the northwestern Mongolia.....	304
<i>E. Jacobson-Tepfer (Eugene/Oregon, USA)</i> . At the threshold of two worlds: the woman’s image in rock art of the Mongolian Altay .....	311

<i>E. Gyul (Tashkent, Uzbekistan).</i>	
«Bactrian» carpets: to the question of the Greek-Yuezhi cultural interactions .....	317
<i>E. N. Abyzova, S. S. Ryabtseva (Kishinev, Moldova).</i>	
Morphological and stylistic characteristics of the decoration of belt sets	
from the Prut-Dniester interfluvium in the context of antiquities of the 9 <sup>th</sup> –10 <sup>th</sup> cc. ....	323
<i>N. A. Fonyakova (St. Petersburg, Russia).</i>	
Riddles of the Shilovo plates .....	330
<i>G. G. Korol' (Moscow, Russia).</i>	
Imaginative world of the medieval nomadic art of Sayan-Altay .....	333
<i>G. V. Kubarev (Novosibirsk, Russia).</i>	
To the question of the Old Turk statues of women in Altay .....	339
<i>I. Yu. Chikunova (Tyumen', Russia).</i>	
Bronze bears from the Ipkul cemetery.....	346
<i>I. V. Matyushko (Orenburg, Russia).</i>	
Jewelry articles of the Golden Horde time from the nomadic burials of the southern Urals .....	349

## SESSION V. MODERN METHODS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>G. N. Poplevko (St. Petersburg, Russia).</i>	
Formation of the experimental-traceological studies in Russian archaeology .....	353
<i>V. V. Zaikov, A. M. Yuminov, E. V. Zaikova, A. D. Tairov, V. A. Kotlyarov (Miass, Chelyabinsk, Russia).</i>	
Composition and nature of osmium inclusions in gold artifacts from the Uralian archaeological sites.....	360
<i>V. V. Zaikov, A. M. Yuminov, M. N. Ankushev (Miass, Russia).</i>	
Ore geoarchaeology of the Urals.....	366
<i>I. N. Vasilieva, A. A. Vybornov, G. I. Zaitseva (Samara, St. Petersburg, Russia).</i>	
New approaches to the study of the Neolithic cultures in the steppes of the Volga basin	
(with particular reference to the technological and radiocarbon analyses of ceramics).....	370
<i>S. N. Skochina (Tyumen', Russia).</i>	
Traceological analysis of bone handles for inserts from the Neolithic sites of Lake Mergen' .....	375
<i>N. N. Skakun, N. M. Vinogradova, V. V. Teryokhina (St. Petersburg, Moscow, Russia).</i>	
Agricultural tools of the Late Bronze Age from South Tajikistan (based on the materials of the settlement of Kangurtut) .....	379
<i>K. B. Kalinina, A. G. Starkova (St. Petersburg, Russia).</i>	
Study of the binding colorant layers of the Trypolye-Cucuteni pottery .....	384
<i>N. I. Shishlina, A. A. Kazarnitsky, E. V. Belkevich (Moscow, St. Petersburg, Russia).</i>	
Barrow 3 of the Ulan IV cemetery:	
archaeology, anthropology, and chronology of the Bronze Age cultures in the Middle Ergeni area.....	390
<i>N. V. Roslyakova (Samara, Russia).</i>	
Archaeozoological study of sacrificial assemblages	
from the Srubnaya culture cemeteries in the forest-steppe zone of the Volga region .....	399
<i>G. V. Kovaleva, K. N. Krasnorutskaya, M. V. Nabozhenko, V. V. Polshin, V. V. Potapov, I. V. Tolochko (Rostov-na-Donu, Russia).</i>	
To the reconstruction of the Lower Don paleolandscapes in the Final Bronze-Early Iron Age.....	405
<i>V. E. Kulikov, S. V. Krasnienko (St. Petersburg, Russia).</i>	
Nazarovo depression pottery: technologies and a study by means of polypolarization (a preliminary report).....	414
<i>N. A. Gavrilyuk (Kiev, Ukraine).</i>	
Mass material, zonal stratigraphy and an archaic kitchen pottery assemblage from sector YuZA in Olbia .....	418
<i>F. B. Baksht, L. S. Marsodolov (St. Petersburg, Russia).</i>	
Geophysical explorations of the Bolshoi Salbyk barrow .....	425
List of abbreviations.....	431

## СЕКЦИЯ I. НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ М. П. ГРЯЗНОВА

*М. Н. Пшеницына, Н. А. Боковенко (Санкт-Петербург, Россия)*

### **Вклад Михаила Петровича Грязнова в мировую археологическую науку**

Михаил Петрович Грязнов, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Государственной премии СССР, член-корреспондент Германского Археологического института, – выдающийся российский археолог, один из ключевых специалистов по древней истории Сибири и кочевых племен степного пояса Евразии. Его труды составляют «золотой фонд» науки. М. П. Грязнову была присуща многогранность исследовательских интересов. Будучи руководителем крупнейших археологических экспедиций, он проявил себя не только как организатор науки, воспитавший не одно поколение археологов из разных стран, но и как создатель доведенной до совершенства методики полевых исследований. Как ученый-энциклопедист, в своих работах он выступал не только в качестве археолога и историка, но и этнографа, социолога, искусствоведа, криминалиста-трасолога, антрополога, палеозоолога и почвоведом.

М. П. Грязнов родился 13 марта (по ст. стилю 28 февраля) 1902 г. в г. Березове бывшей Тобольской губ. (ныне Тюменская обл.) в семье инспектора городского училища. После обучения в начальной школе он учился во Втором Томском реальном училище (1912–1919 гг.), по окончании которого в 17 лет поступил в ТГУ на математическое отделение физико-математического факультета. Весной 1920 г. М. П. Грязнов перевелся на естественное отделение того же факультета. Знаковым событием, определившим дальнейшее направление его жизненного пути, стало его участие летом 1920 г. в работах лимнологического отряда географической экспедиции ТГУ (начальник С. И. Руденко), изучавшей р. Енисей. Здесь М. П. Грязнов случайно попал в археологический отряд той же экспедиции, которым руководил доцент университета С. А. Теплоухов, слова которого, что «каждый археолог должен искать свою Троицу. Искать!», навсегда запомнились молодому студенту. М. П. Грязнов с глубоким уважением отзывался о своем первом учителе археологии. «Но заслуги его в области сибирской археологии неопределимы <...> Он дал первую подробную хронологическую классификацию памятников на Енисее, которая послужила эталоном для хронологических классификаций археологических памятников в других областях Восточной и Западной Сибири, Казахстана и частично Средней Азии» (М. П. Грязнов. Доклад на заседании отдела Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР 15.03.1963). Впрочем, судя по некоторым данным, интерес к древностям возбудил у М. П. Грязнова учитель Томского реального училища Виктор Фёдорович Смолин, впоследствии, будучи уже профессором Казанского университета, открывший абашевскую культуру в Чувашии.

В мае 1922 г. С. А. Теплоухов и С. И. Руденко переезжают в Петроград, где занимают должности в ПГУ, в этнографическом отделе ГРМ и РАИМК. При поддержке С. А. Теплоухова в том же 1922 г. М. П. Грязнов перевелся в ПГУ на естественное отделение физико-математического факультета, где в течение трех лет (1922–1925 гг.) проходил курс по антропологии и палеоэтнологии. Одновременно он стал работать научным регистратором РАИМК. По окончании третьего курса университета исследователь перешел на постоянную работу в этнографический отдел ГРМ. Здесь он трудился с 1925 по 1933 гг., совмещая службу в музее с работой в ГАИМК в должности старшего научного сотрудника.

В 1924 г. М. П. Грязнов проводит самостоятельные раскопки «Тоянова городка» близ Томска (Грязнов 1976), а в 1925 г. – исследования на р. Урал (Казакская АССР) могил андроновской культуры и обследование берегов р. Оби от Бийска до Барнаула. В эти же годы он опубликовал свои первые научные работы. Из них следует упомянуть заметку о методике сбора органических остатков при археологических раскопках, которая спустя десятилетия стала нормой в полевых

исследованиях (Грязнов и др. 1924). Ученый также создал, совместно с С. И. Руденко, инструкцию для измерения черепа и костей человека, которая в тот период явилась прекрасным пособием для молодых антропологов (Грязнов, Руденко 1925).

В конце 1920-х гг. очерчивается круг профессиональных интересов М. П. Грязнова. Он концентрирует свое внимание на изучении памятников эпохи бронзы и раннего железного века в обширном регионе, охватывающем юг Сибири, Алтайский край, Казахстан и Киргизию. Эта устремленность исследователя приобрела прочную основу в раскопках двух княжеских курганов на Алтае (Шибе, 1927 г. и Первый Пазырыкский, 1929 г.). В ходе этих полевых изысканий ученый в деталях воссоздал погребальный обряд алтайской знати второй половине I тыс. до н. э. Он применил также новую методику раскопок курганов с мерзлотой, в которых сохранились предметы из органических материалов. Уже тогда М. П. Грязнов оценил значение дендрохронологического метода определения возраста деревянных сооружений из археологических памятников. В те же годы в ГАИМК группа археологов стала исследовать тему «Возникновение кочевого скотоводства». М. П. Грязнов принял в разработке этого направления активное участие. В 1939 г. он определил эпоху ранних кочевников как особый период в истории Евразии. Эта дефиниция прочно вошла в научную литературу.

Первые публикации М. П. Грязнова обратили на себя внимание не только в нашей стране, но и за рубежом. Известный финский ученый А. М. Тальгрэн, прозрев в его лице выдающегося исследователя, писал в 1928 г. «во всяком случае осмелюсь обещать, что он, посвятив себя эпохе бронзы туркестанских степей, имеет все данные, чтобы эту важнейшую во многих отношениях для всего европейского севера область, полностью изучить и – ее “Монтелиусом” стать» (Tallgren 1928: 187).

В 1926 г. и 1929 г. выходят в свет статьи, написанные совместно с Е. Р. Шнейдером, товарищем М. П. Грязнова по его первым экспедициям. В этих работах на основании детального анализа изображений выделена группа каменных изваяний бронзового века (Грязнов, Шнейдер 1926; 1929). Впоследствии Е. Р. Шнейдер был репрессирован. Его жизнь трагически оборвалась 8 января 1938 г. (Длужневская 2011: 236–237).

В конце ноября 1933 г. органы НКВД взяли под стражу группу ленинградских ученых: А. А. Миллера, Д. А. Золотарёва, Ф. А. Фиельструпа, С. А. Теплоухова, Г. А. Бонч-Осмоловского, а также М. П. Грязнова (арестован 29 ноября 1933 г.). Их обвинили в участии в фашистской контрреволюционной организации украинских и русских националистов, якобы созданной при этнографическом отделе ГРМ, где все они в это время работали (т. н. дело Российской национальной партии или «дело славистов»). Некоторые из арестованных подписывали протоколы следствия, признав свою несуществующую вину, что стало причиной трагических для них последствий. С. А. Теплоухов повесился в камере во время следствия (около 10 марта 1934 г.). Ф. А. Фиельstrup погиб при невыясненных обстоятельствах в Доме предварительного заключения 7 декабря 1933 г. Оба были посмертно реабилитированы в 1958 г. за отсутствием состава преступления (Длужневская 2011: 229, 233). Проявив незаурядную стойкость и силу воли, М. П. Грязнов не признал себя виновным, выдержав 12 допросов. При отсутствии фактических свидетельств органы внутренних дел ограничились его высылкой по этапу в г. Киров сроком на 3 года. 25 декабря 1936 г. он был освобожден, но обвинение было снято только через 20 лет (Справка Военного Трибунала Ленинградского Военного округа № 1179-Н-56/819 от 8.12.1956). В г. Киров ученый работал в местном краеведческом музее и внес значительный вклад в изучение древнейшего прошлого Вятской земли. «До сих пор вятские ученые и краеведы обращаются в архивы к черновикам Михаила Петровича, чтобы с их помощью глубже заглянуть в прошедшие века и разгадать их таинственные знаки» (Кошелева 2003: 7–10).

Вернувшись в начале 1937 г. в Ленинград, М. П. Грязнов некоторое время находился без работы и только при поддержке М. И. Артамонова устроился в ГЭ, с которым был связан до конца

своей жизни. Что же касается ГАИМК, реорганизованной к этому времени в ИИМК АН СССР, то здесь М. П. Грязнов был восстановлен в должности старшего научного сотрудника в 1939 г.

Исследователь вновь с головой окунулся в научную работу. Он первым в мировой археологии использовал метод математической статистики для анализа большой серии кельтов (Грязнов 1941). В этой новаторской работе, которая осталась малоизвестной зарубежным теоретикам, он предложил методику корреляции признаков для объективного выделения типов артефактов. И в дальнейшем ученый продолжал разрабатывать типологический метод.

В годы Великой Отечественной войны с августа 1941 г. до осени 1945 г. М. П. Грязнов находился в эвакуации в Свердловске, храня ценности ГЭ. В 1942 г. он сумел провести раскопки стоянок эпохи палеолита и бронзы на р. Чусовой. По возвращении в Ленинград осенью 1945 г. исследователь продолжил работу в ЛОИИМК АН СССР сначала по совместительству, а с 1948 г. – в должности старшего научного сотрудника. В январе 1945 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Погребения эпохи бронзы в Западном Казахстане», а в июне того же 1945 г. ему присудили степень доктора исторических наук за рукопись монографии «Пазырык – погребение племенного вождя на Алтае». В эти же годы М. П. Грязнов разработал весьма важную для археологии тему – техника графической реконструкции формы и размеров глиняной посуды по ее фрагментам (Грязнов 1946).

Первые послевоенные раскопки исследователь провел в бассейне Верхней Оби. Эти изыскания завершились выходом в свет монографии «История древних племен Верхней Оби» (Грязнов 1956а). Книга построена на материалах работ Северо-Алтайской экспедиции ГЭ и ЛОИИМК (1946, 1947, 1949 гг.), в результате которых ученому удалось создать хронологию археологических культур лесостепной полосы Западной Сибири от эпохи бронзы до XIII в.

С 1951 по 1953 гг. М. П. Грязнов руководил лабораторией археологической технологии, а затем в 1953–1968 гг. заведовал сектором Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР. В 1970-х гг. он также возглавлял Ленинградскую секцию Отдела полевых исследований при Президиуме АН СССР.

Период 1950–1970-х гг. – время главных научных достижений исследователя. В это время им создана школа археологов, ныне успешно работающих в научных учреждениях России, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана и Болгарии.

В 1952–1954 гг. ученый руководил Новосибирской экспедицией ЛОИИМК, работавшей в долине р. Обь, где было открыто около 100 памятников. На 30 из них проведены раскопки, позволяющие проследить историю населения этого района от неолита до XVII в. К сожалению, значительная часть добытых коллекций до сих пор не издана. В кратком изложении опубликованы лишь материалы многослойного поселения Ирмень I (Грязнов 1956б), стоянки Ирмень II и других поселений с неолитическим слоем (Комарова 1956), а также курганов второй половины I тыс. до н. э. (Завитухина 1968). Некоторые находки были введены в научный оборот В. И. Молодиным (1977). Перечень обнаруженных экспедицией памятников представлен в отдельной статье (Грязнов и др. 1973).

В 1959 г. М. П. Грязнов возглавил Иркутскую экспедицию ЛОИА. В течение одного полевого сезона ею было исследовано более 30 стоянок и могильников, давших разнообразный материал, который позволил наметить основные линии истории заселения берегов Байкала и развития культуры местного населения от мезолита до нового времени (Грязнов, Максименков 1992). Материалы этой экспедиции были изданы в начале 1990-х гг. при содействии издательства Иркутского университета (Древности Байкала 1992).

В 1958–1976 гг. ученый руководил одной из крупнейших в Сибири Красноярской экспедицией. Ее основные работы развернулись в Минусинской котловине при активном участии Г. А. Максименкова и М. Н. Пшеницыной. Никогда ранее здесь не производили столь обширные раскопки. В результате их сибирская археология обогатилась новым материалом по всем культурно-историческим периодам юга Сибири. Было спасено для науки свыше 3500 памятников от палеолита до позднего средневековья. Успехи экспедиции во многом определила новая методика изучения

различных погребальных памятников, разработанная М. П. Грязновым. Сплошное вскрытие могильников и детальное изучение их площадей не только расширило объем фактического материала и полноту представления о памятниках, но и позволило поставить новые в археологии вопросы. Опыт исследования курганов вылился у Михаила Петровича в актуальную до сегодняшнего дня работу «Курган – как архитектурный памятник», где показаны возможности анализа и интерпретации этих погребальных сооружений (Грязнов 1961б). Работами Красноярской экспедиции была развита и дополнена периодизация памятников Среднего Енисея, созданная С. А. Теплоуховым.

Много нового дали комплексные исследования двух полностью раскопанных могильников афанасьевской культуры Афанасьева гора и Карасук III (эпоха энеолита, вторая половина III тыс. до н. э.). В ходе раскопок удалось установить, что надмогильное сооружение афанасьевцев представляло собой круглую ограду метровой высоты, сложенную из плит или сооруженную из вертикально поставленных плит. В ее центре находилась большая квадратная могила (иногда две или три) с коллективным захоронением в ней нескольких человек разного пола и возраста. Над могилой возвышался облицованный каменными плитами земляной холм в виде усеченной пирамиды высотой до метра и более. Анализ антропологических материалов позволил выдвинуть предположение о возможности полиандрии у обитателей этого региона в период энеолита. В книге «Афанасьевская культура на Енисее», которая была опубликована лишь после смерти автора (Грязнов 1999), эталонные афанасьевские комплексы введены в исторический контекст с выходом на социальные реконструкции. В книге дан типологический анализ памятников и рассмотрены вопросы их хронологии, а также представлен очерк хозяйства, быта, социального строя, искусства и верований древнего населения Среднего Енисея в афанасьевское время.

Красноярской экспедицией было исследовано не менее 1200 могил карасукской культуры, причем раскопками эталонных могильников Карасук I, IV и Кюргеннер руководили М. П. Грязнов и М. Н. Комарова. Полученные в результате этих полевых изысканий материалы способствовали существенному расширению представлений о погребальных обрядах, архитектуре надмогильных сооружений, хозяйстве, быте и социальном строе карасукских племен. Наблюдения над последовательностью захоронений в семейных группах могил позволяют видеть конкретные особенности сложившейся патриархальной семьи в карасукском обществе. В 2010 г. вышла в свет коллективная монография «Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея» (Грязнов и др. 2010). В ней представлены материалы раскопок этого могильника, в т. ч. и некоторые предварительные выводы М. П. Грязнова, содержащиеся в его полевых отчетах и кратких публикациях.

Исследователь уделял большое значение созданию надежной периодизации археологических культур Хакасско-Минусинских котловин, которая базировалась на исследовании всех памятников в нескольких археологических микрорайонах и сравнении полученных периодизаций между собой. Информативным полигоном для реализации этой методики явился археологический микрорайон у подножия горы Тепсей на Енисее. Здесь были открыты и исследованы памятники одиннадцати периодов истории культуры местных племен, причем созданная периодизация в целом подтвердила хронологию культур С. А. Теплоухова – М. П. Грязнова (Грязнов и др. 1979).

Ученый предложил также деление тагарской культуры на семь последовательных этапов (Там же: 4). Понимая условность некоторых абсолютных дат и выделенных этапов, он рекомендовал придерживаться относительной хронологии, как наиболее надежной, считая, что дробная периодизация тагарской культуры позволит объединить многочисленные памятники в компактные и взаимосвязанные группы, которые затем необходимо датировать как археологическими методами, так и методами естественных наук.

Среди находок у горы Тепсей следует отметить серию деревянных планок с многофигурными резными рисунками батальных и охотничьих сцен (Там же: 99–103). Эти предметы были обнаружены в таштыкских склепах (начало нашей эры).

Ярким событием в научной биографии исследователя стали раскопки царского кургана Аржан в Туве (1971–1974 гг.). Совместная экспедиция ЛОИА, ТНИИЯЛИ и ВООПИК объединила

прекрасный коллектив во главе с М. П. Грязновым и М. Х. Маннай-Оолом, которые на протяжении четырех лет исследовали этот огромный курган. Хотя М. П. Грязнов был уже в преклонном возрасте и центральноазиатское солнце безжалостно палило в раскаленной степи, он проводил раскопки методично и с большим упорством. Постоянная забота и помощь верной спутницы жизни ученого – Марии Николаевны Комаровой, мастерство художника Л. Н. Баранова и археологов: О. Л. Пламеневской, Н. А. Боковенко, Н. Ф. Лисицына, И. К. Кидиековой, труд студентов и школьников, – все это является важной частью Аржанской эпопеи. По мере раскопок памятника у М. П. Грязнова менялись представления об этом уникальном комплексе. Постепенно они сложились в единую концепцию. Результаты исследования кургана были опубликованы в России (Грязнов 1980) и в Германии (Grjaznov 1984). Аржан является самой ранней элитной гробницей скифского облика (конец IX в. до н. э.), которая, по мнению ученого, была возведена представителями нескольких кочевых объединений. По инициативе исследователя началось комплексное изучение кургана: датирование бревен погребальных камер методами естественных наук, изучение тканей, определение химического состава предметов из металла, типологические исследования различных категорий вещей и т. п., что еще раз подтвердило выводы М. П. Грязнова о ранней дате этого памятника.

За многие годы археологических раскопок исследователь определил хронологическую последовательность и историко-культурную принадлежность многих памятников азиатских степей, пересмотрел вопросы происхождения скифо-сибирских культур Евразии. Его научное наследие насчитывает свыше 150 печатных работ. Для них характерны изумительная тонкость и точность наблюдений, большое внимание к вопросам технологии и использования древних вещей, внимательное отношение к мелочам, что позволяло ученому подмечать многие явления, ускользающие от внимания других археологов. Скрупулезный анализ и широкая эрудиция в области этнографии предоставили М. П. Грязнову возможность извлекать максимальную информацию из каждого найденного артефакта. Эти качества давали ему возможность восстанавливать образ жизни древних племен с такими подробностями, которые, казалось бы, не были доступны археологам. С особым вниманием исследователь разрабатывал вопросы социального и идеологического устройства древних обществ.

Предметом особого внимания ученого являлся анализ памятников изобразительного искусства. Широкий кругозор исследователя позволял ему изучать верования кочевников евразийских степей. Произведения искусства в работах М. П. Грязнова начинали говорить о времени, в котором их использовали, об их судьбе, а также о создателях этих артефактов. Тщательное изучение исследователем героических эпосов центральноазиатских народов позволило ему выявить архаические пласты этих сказаний и убедительно доказать, что они, скорее всего, начали складываться в скифскую эпоху (Грязнов 1958; 1961а; 1981).

Стиль публикаций М. П. Грязнова отличался лаконизмом и отсутствием повторов. При обилии фактических материалов, которыми он владел, исследователь был в состоянии издать большее количество монографий, чем значится в списке его работ. И, тем не менее, объем увидевшей свет научной продукции впечатляет. Вершиной научного наследия М. П. Грязнова являются две монографии, получившие мировую известность: «Южная Сибирь» (серия «Археология мира»), вышедшая в 1969 г. на английском, французском и немецком языках (Grjaznov 1969) и «Аржан: Царский курган раннескифского времени» (Грязнов 1980; Grjaznov 1984). Всеобщее признание заслуг ученого в изучении Южной Сибири и Центральной Азии было закреплено в 1983 г. присуждением ему звания лауреата Государственной премии СССР и, что не менее значимо, любовью своих коллег и учеников.

Так в жизни Михаила Петровича Грязнова счастливо сбылось завещанное ему в молодости: «каждый археолог должен искать свою Троию». Его Троей стала Южная Сибирь.

- Грязнов 1941 – *Грязнов М. П.* Древняя бронза Минусинских степей. I. Бронзовые кельты // Тр. ОИПК ГЭ. 1941. Т. 1. С. 237–271.
- Грязнов 1946 – *Грязнов М. П.* Техника графической реконструкции формы и размеров глиняной посуды по фрагментам // СА. 1946. Т. VIII. С. 306–318.
- Грязнов 1956а – *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956 (МИА. № 48).
- Грязнов 1956б – *Грязнов М. П.* К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 27–42.
- Грязнов 1958 – *Грязнов М. П.* Древнее искусство Алтая. Л., 1958.
- Грязнов 1961а – *Грязнов М. П.* Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. 1961. Вып. 3. С. 7–31.
- Грязнов 1961б – *Грязнов М. П.* Курган как архитектурный памятник // ТД на заседаниях, посвящ. итогам полевых исследований в 1960 г., М., 1961. С. 22–25.
- Грязнов 1976 – *Грязнов М. П.* Дневник раскопок Тоянова городка, произведенных в 1924 г. // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 19. С. 73–89.
- Грязнов 1980 – *Грязнов М. П.* Аржан: Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
- Грязнов 1981 – *Грязнов М. П.* Монументальное искусство на заре скифо-сибирских культур в степной Азии // Краткие ТД науч. конф. ОИПК ГЭ «Контакты и взаимодействия древних культур». Л., 1981. С. 21–24.
- Грязнов 1999 – *Грязнов М. П.* Афанасьевская культура на Енисее / Ред. М. Н. Пшеницына. СПб, 1999.
- Грязнов и др. 1924 – *Баярунас М. В., Бялыницкий-Бируля А. А., Громова В. И., Грязнов М. П., Оболенский С. И., Палибин И. В., Полынов Б. Б., Руденко С. И.* Сбор органических остатков при палеоэтнологических и археологических раскопках. 1924 (ММАТ РАИМК ИАТ. Вып. 1).
- Грязнов и др. 1973 – *Грязнов М. П., Троицкая Т. Н., Уманский А. П., Севастьянова Э. П.* Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири. Новосибирск, 1973. С. 3–44 (Науч. тр. НГПИ. Вып. 85).
- Грязнов и др. 1979 – *Грязнов М. П., Завитухина М. П., Комарова М. Н., Миняев С. С., Пшеницына М. Н., Худяков Ю. С.* Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979.
- Грязнов и др. 2010 – *Грязнов М. П., Комарова М. Н., Лазаретов И. П., Поляков А. В., Пшеницына М. Н.* Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. СПб, 2010 (Тр. ИИМК РАН. Т. XXXI).
- Грязнов, Максименков 1992 – *Грязнов М. П., Максименков Г. А.* Задачи и итоги работ Иркутской экспедиции // Древности Байкала. Иркутск, 1992. С. 5–13.
- Грязнов, Руденко 1925 – *Грязнов М. П., Руденко С. И.* Инструкция для измерения черепа и костей человека. 1925 (ММАТ РАИМК ИАТ. Вып. 5).
- Грязнов, Шнейдер 1926 – *Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р.* Каменные изваяния Минусинских степей // Природа. 1926. № 11–12. С. 100–105.
- Грязнов, Шнейдер 1929 – *Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р.* Древние изваяния Минусинских степей // МЭ. 1929. Т. IV, вып. 2. С. 63–93.
- Длужневская 2011 – *Длужневская Г. В.* Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 годах. СПб, 2011.
- Древности Байкала 1992 – *Древности Байкала.* Иркутск, 1992.
- Завитухина 1968 – *Завитухина М. П.* Ордынские курганы V–IV вв. до н. э. // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 28–34.
- Комарова 1956 – *Комарова М. Н.* Неолит верхнего Приобья // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 93–103.
- Кошелева 2003 – *Кошелева Е. А. М. П.* Грязнов в Вятском краевом музее // СЕДС. 2003. Кн. II. С. 7–10.
- Молодин 1977 – *Молодин В. И.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977.
- Grjasnov 1969 – *Grjasnow M.* Archaeologia Mundi. Sudsibirien. Stuttgart; München; Gent; Paris, 1970.
- Grjasnov 1984 – *Grjasnov M. P.* Der Grosskurgan von Arzan in Tuva, Sudsibirien. München, 1984.
- Tallgren 1928 – *Tallgren A. M.* Literatur Berichte // ESA. 1928. Т. III. S. 186–188.

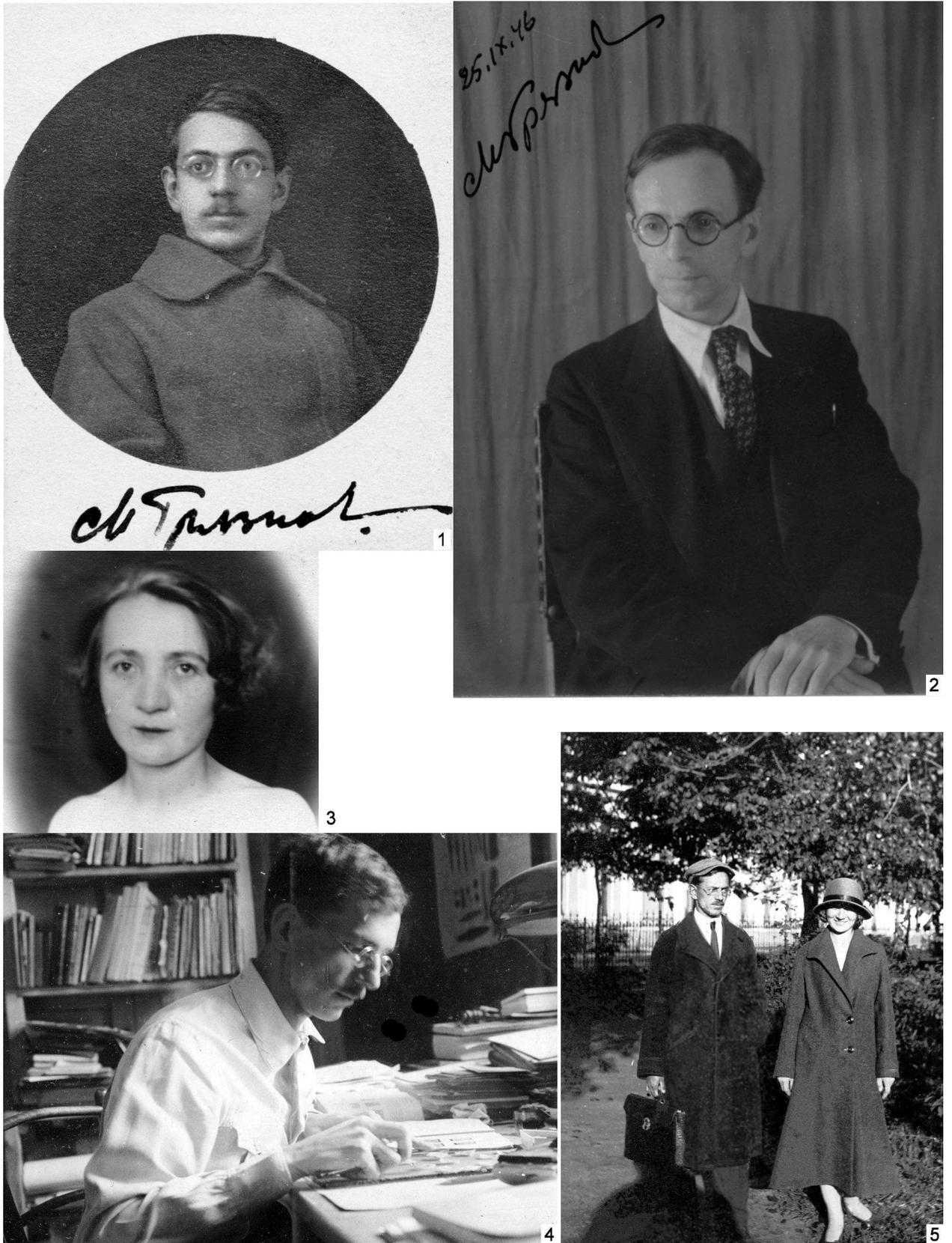


Рис. 1

1 – М. П. Грязнов (1922); 2 – М. П. Грязнов (1946); 3 – М. Н. Комарова (1926);  
 4 – М. П. Грязнов дома за письменным столом (1926); 5 – М. П. Грязнов и М. Н. Комарова (1926)



Рис. 2

1 – М. П. Грязнов и С. А. Теплоухов (в первом ряду слева) среди сотрудников этнографического отделения Русского музея (1922);  
2 – среди сотрудников антропологической экспедиции (1922)



Рис. 3

1 – первые исследователи окуневской культуры (1960), слева направо: Г. А. Максименков, М. П. Грязнов, А. Н. Липский, М. Н. Комарова (фото из архива Э. Б. Вадецкой);  
2 – Иркутская экспедиция (1959), справа налево – М. П. Грязнов, Н. Г. Горбунова, М. Н. Пшеницына

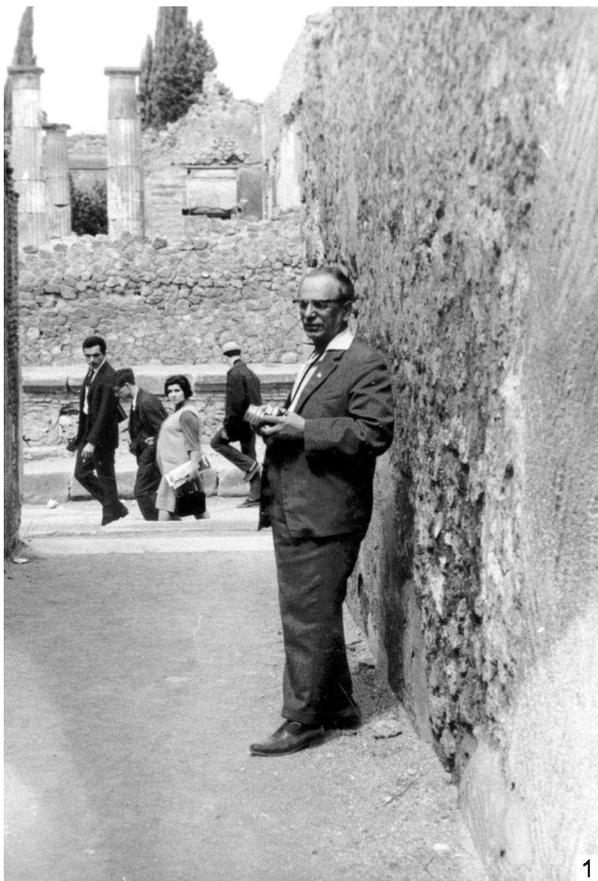


Рис. 4. 1-3 – Италия, о. Сицилия (1966)

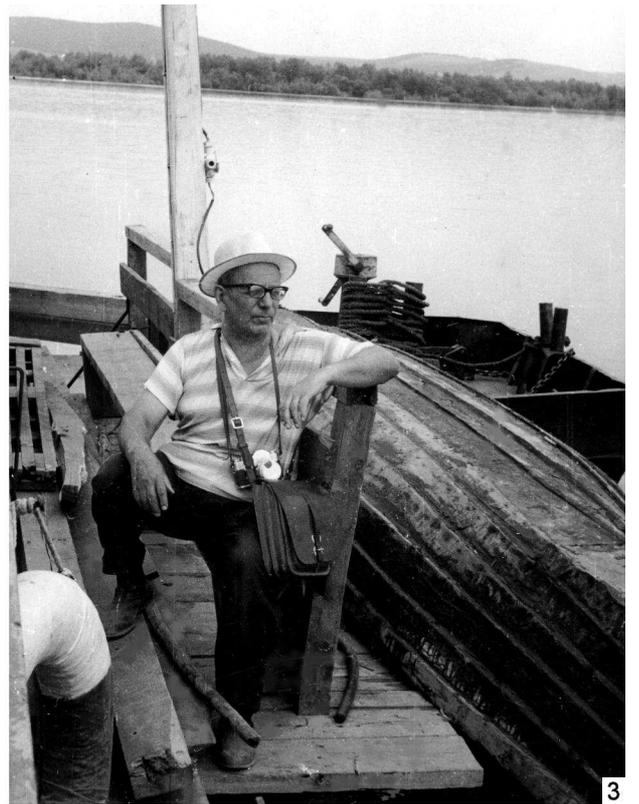


Рис. 5

1 – Абакан, М. П. Грязнов у музея (1970-е гг.);

2–4 – Тепсей: 2 – М. Н. Комарова (1975); 3 – на пароме (1968);

4 – М. П. Грязнов со студентами на раскопе (сидит М. Н. Комарова, слева стоит Н. А. Боковенко)



Рис. 6

- 1 – на даче (1973), слева направо: А. Х. Маргулан; М. Н. Комарова, М. Н. Грязнов;  
2 – К. Йеттмар (Гейдельберг), В. А. Алёшкин, Э. А. Новгородова, М. П. Грязнов  
в кабинете Заведующего ЛОИА АН СССР (07.12.1976 г.);  
3 – Ташкент, М. П. Грязнов и М. Н. Комарова в аэропорту в ожидании самолета (1952)

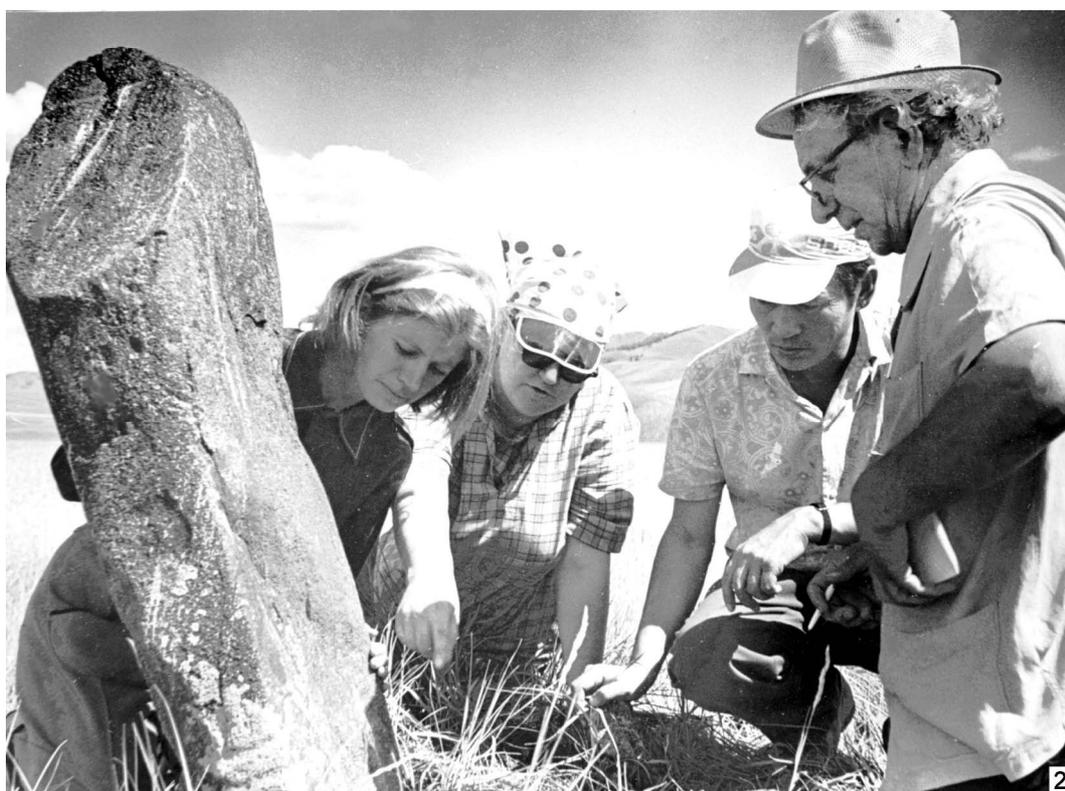


Рис. 7. 1-2 – Тува (1974)

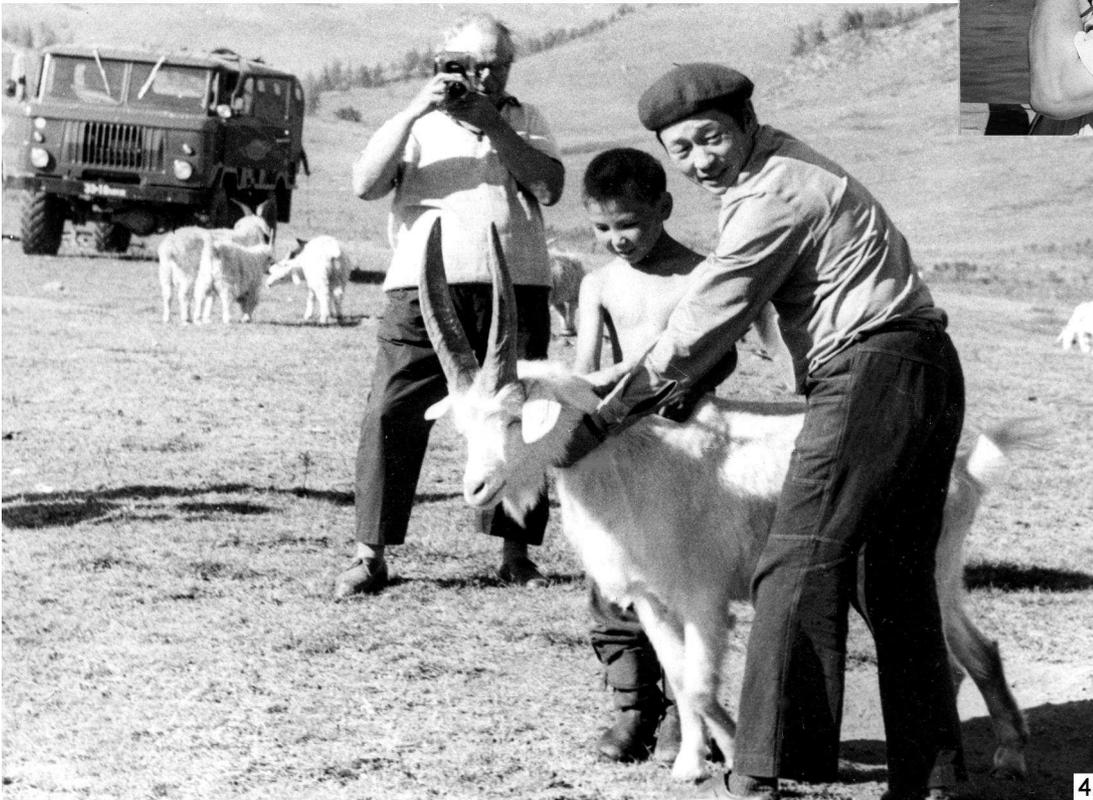
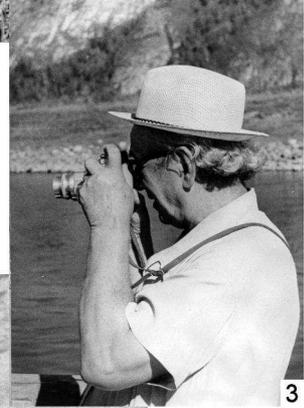


Рис. 8. 1-3 – Тува (1974)

**Автобиографии М. П. Грязнова  
как отражение жизни и деятельности выдающегося исследователя**

О жизни и деятельности выдающегося отечественного археолога Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) написаны статьи и сообщения, опубликованы отдельные воспоминания и некоторые документы. Однако до сих пор нет книг, которые бы обобщили уже известную информацию, а также опирались бы на архивные источники, еще не введенные в научный оборот. Актуальность таких изданий несомненна. Несмотря на прошедшие годы, наследие ученого востребовано и находит отражение в научных трудах, в справочной и учебной литературе. Это свидетельствует, что личность М. П. Грязнова все больше привлекает внимание.

Со временем становится ясным, что для понимания сделанных Михаилом Петровичем открытий, сформулированных идей и подготовленных публикаций необходимо знать подробную биографию исследователя. Важной стороной является передача таких сведений при реализации учебного процесса в высших учебных заведениях. Указанные причины и некоторые другие обстоятельства определили мой интерес к судьбе М. П. Грязнова. В результате был собран разноплановый материал, требующий со временем своего оформления. Этому способствовала неоднократная работа с той частью архива М. П. Грязнова, который находится в Музее археологии и этнографии ОмГУ. Интересные данные, в т. ч. серия фотографий, поступили от сына исследователя О. М. Грязнова и его супруги. Часть информации была получена при изучении биографии другого выдающегося ученого – С. И. Руденко. Тем не менее, остается множество вопросов, требующих уточнений или дополнительных проработок. Имеется значительная группа источников, неизвестных широкому кругу специалистов, которые в той или иной мере опираются на наследие М. П. Грязнова. В данной статье речь пойдет о таких документах.

В архиве ИИМК РАН хранятся два личных дела М. П. Грязнова. Одно начато 19 мая 1922 г. и окончено 13 мая 1939 г. (НА ИИМК, РА, ф. 2, оп. 3, д. 167, 14 л.), а второе отражает период с 20 апреля 1939 г. по 18 августа 1984 г. (НА ИИМК, РА, ф. 35, оп. 5, д. 416, 161 л.). В них особое значение имеют автобиографии, написанные им в разные годы. При одновременном их чтении чувствуется значительный контраст и дуновение разных периодов советской истории. Первая автобиография написана легко и немного беззаботно, с явной надеждой на обозначившиеся перспективы. Второй текст создан после ссылки в Вятку. Он демонстрирует некую настороженность, отличается выверенностью содержания. Третья автобиография изложена уже опытным научным работником, занявшим определенное положение в обществе. Не менее важными в этих текстах являются конкретные сведения, указанные самим М. П. Грязновым. Представленные ниже документальные свидетельства дополняют друг друга, а также демонстрируют научный рост исследователя. Они позволяют наиболее полно отразить основные этапы деятельности отечественного археолога в довоенный и послевоенный периоды. Эти материалы в определенной мере демонстрируют видение М. П. Грязновым результатов своей жизни.

Чтобы автобиографии были доступны широкому кругу современных исследователей, их стоит опубликовать полностью. Интересными являются и другие сведения, находящиеся в указанных архивных делах.

В личном листке по учету кадров первого дела написано, что Грязнов Михаил Петрович родился 28 февраля 1902 г. в г. Березове Тобольской губ. Отмечена его «народность» (русский). Сведения о родителях не указаны, но отражены основная профессия (учащийся), социальное положение (служащий) и отношение к партии (беспартийный, в ВЛКСМе не состоял). Из этого же дела становится известным, что М. П. Грязнов был членом профсоюза (Рабпрос) с 1926 г. Имеются сведения о его образовании:

- ТГУ, физико-математический факультет, естественное отд., не окончил, 1920–1922;
- ЛГУ, физико-математический факультет, геолого-минерал., не окончил, 1922–1925 гг.

Актуальные для того времени пункты личного дела заполнены так: в армиях не служил, в боях и в революционном движении 1917 г. не участвовал, репрессиям за революционную деятельность до Октябрьской революции, соответственно, не подвергался, к судебной ответственности не привлекался, наград нет, за границей не был. Обозначено отношение к военной службе – невоеннообязанный (свидетельство Ленингр. Губ. призыв. ком. 30-Х-1925 № 312). Следует обратить внимание на отмеченное знание языков: английский – читает и переводит со словарем; немецкий и французский – читает и может объясняться; украинский, белорусский – читает и переводит со словарем.

В рассматриваемом деле, кроме личного листка, имеется служебная записка заведующего разрядом органических остатков от 10 мая 1922 г. в Совет ИАТ о принятии М. П. Грязнова на место выбывшего регистратора. К ней приложен отзыв заведующего антропологической секцией института, тогдашнего профессора ПГУ С. И. Руденко, датированный 29 апреля 1922 г., следующего содержания:

«В разряд органических остатков  
Института археологической технологии

В связи с организацией работ по секции антропологии разряда, считаю необходимым привлечение в качестве постоянного сотрудника-регистратора секции одного лица. Со своей стороны рекомендую на должность регистратора студента университета Михаила Петровича Грязнова, имеющего достаточный опыт по остеометрии и по обработке костного материала».

Там же имеется краткая биография (*curriculum vitae*) студента естественного отделения физико-математического факультета ПГУ Михаила Петровича Грязнова:

«Родился в 1902 году. В 1919 г. кончил Второе Томское Реальное училище. С осени 1919 г. состоял студентом естественного отделения Физико-математического факультета Томского университета. В весеннем семестре 1920 г. занимался по антропологии под руководством профессора С. И. Руденко. Летом 1920 года был командирован Университетом в Минусинский край в Антропо-Географическую экспедицию, руководимую профессором С. И. Руденко. В течение 1920/21 академического года занимался остеометрией курганного населения Минусинского края. Летом 21 года командирован Университетом в Минусинский край – в антропологическую экспедицию, руководимую преподавателем Томского университета С. А. Теплоуховым, где производил исследования по курганологии. С 1 ноября 1921 года состоял препаратором при кабинете Географии и Антропологии Томского университета, работал по курганологии Минусинского края и по реставрации керамики и остеологического материала курганов Минусинского края. В декабре 1921 года делал доклад в студенческом кружке на тему «Каменные бабы Минусинского края». С 20 апреля 1922 года состою студентом Петроградского университета».

В первом личном деле указан рабочий и служебный стаж М. П. Грязнова до 1929 г., а также находится рукописный вариант автобиографии, отражающий его положение на 24 ноября 1929 г. (после успешных раскопок Первого Пазырыкского кургана):

«Родился 28 февраля 1902 года в г. Березове, Тобольской губ. В 1919 году окончил реальное училище в г. Томске и поступил на биологическое отделение Физико-Математического факультета Государственного Томского университета. В 1922 г. перевелся на то же отделение Петроградского Государственного Университета, где обучался до 1925 г., но не закончил полного курса обучения.

С 1-IX-1921 по 1-V-1922 г. работал в Томском Государственном Университете в должности препаратора при Кабинете Географии и Антропологии; с 1-X-1925 по 10-V-1929 г. в Ленинградском Государственном Университете в должности препаратора при Кабинете Соматической Антропологии; с 1-V-1922 по 1-XII-1925 г. в Институте Археологической Технологии в секции Антропологии в должности научного регистратора и с 1-III-1925 г. по настоящее время работаю в Государственном Русском Музее в должности научного сотрудника в Этнографическом отделе.

Начиная с 1920 года ежегодно производил полевые исследования в различных пунктах С.С.С.Р. В 1920, 21 и 23 г.г. принимал участие в палеоэтнологических и антропологических исследованиях на юге Енисейской губ. под руководством С. А. Теплоухова и С. И. Руденко. В 1922 г. по поручению Российской Академии Истории Материальной Культуры производил антропологические исследования среди великорусского и карельского населения в Рыбинской губ. В 1924 г. по поручению Общества Естествоиспытателей при Томском Государственном университете производил совместно с А. К. Ивановым палеоэтнологические разведки и раскопки в окрестностях г. Томска. В 1925 г. по поручению Государственного Русского Музея производил разведки и раскопки по верхнему течению р. Оби и близ г. Семипалатинска; в 1926 г. по поручению Особой Комиссии по изучению Союзных и Автономных Республик при Академии Наук С.С.С.Р. в Западной части Казакской А.С.С.Р. (Актюбинская губ.); в 1927 г. по поручению Государственного Русского Музея в Барнаульском окр. и в Ойратской А.О.; в 1928 г. по поручению Средне-Азиатской Комиссии Охраны Памятников Старины и Искусства в Киргизской и Туркменской А.С.С.Р. и в 1929 г. по поручению Государственного Русского Музея в Ойратской А.О.».

К данной автобиографии приложен список научных работ М. П. Грязнова. Среди них указаны уже вышедшие статьи, а также те, которые издаются и приняты к печати (всего 14). Отдельно отмечено, что «в различных периодических изданиях (журналах, газетах и проч.) напечатается ряд мелких статей и заметок как научного, так и научно-популярного содержания».

Следующая публикуемая автобиография М. П. Грязнова датируется 1939 г., что было связано с устройством в ИИМК им. Н. Я. Марра АН СССР на полставки исполняющего обязанности старшего научного сотрудника. Текст напечатан на машинке, подписан М. П. Грязновым и датирован 18 апреля 1939 г.:

#### «АВТОБИОГРАФИЯ М. П. ГРЯЗНОВА

Родился в феврале 1902 г. в г. Березове (б. Тобольской губ.). Отец был инспектором городского 4-х классного училища, мать – учительница. В 1914 г. умер отец в должности инспектора народного училища Мариинского уезда (б. Томск. г.), а в 1917 г. и мать. Оставшись без родителей, жил с двумя братьями на заработок старшей сестры – учительницы. С 15 лет зарабатывал деньги частными уроками с неуспевающими учениками. В 1919 г. кончил в г. Томске реальное училище и поступил в Томский университет на естественное отделение Физико-математического факультета. В 1922 г. перешел в Ленинградский университет, где обучался до 1925 г. на том же факультете, специализируясь по антропологии и «палеоэтнологии». Начиная с 1920 г. ежегодно принимал участие в археологических экспедициях, сначала в Томск. Ун-те, а затем Гос. Русского Музея. В 1921 г. работал препаратором в Географическом кабинете Томского университета. С 1922 г. по 1925 г. работал научно-техническим сотрудником Института археологической технологии при ГАИМК. Выполняя на службе задания по изучению остеологических материалов, все остальное время посвящал научным занятиям по археологии Сибири, а учебные занятия в университете запустил и в 1925 г. оставил университет, не закончив полного курса обучения.

С 1925 г. по 1933 г. работал в Этнографическом отделе Гос. Русского Музея, сначала младшим, а затем старшим научным сотрудником в секции археологии Сибири.

С 1925 г. по 1929 г. работал по совместительству препаратором в Кабинете антропологии Ленинградского университета.

С 1929 г. по 1933 г. работал по совместительству старшим научным сотрудником в ГАИМК.

Три года (1934–36 гг.) находился в административной ссылке в г. Вятке (Кирове) по ст. 58, пункт 10, 11. В это время выполнял чертежные и рисовальные работы для вузов и научных учреждений г. Кирова, выполнял отдельные научные поручения Кировского Краевого Музея, а последний год работал в должности старшего научного сотрудника того же музея, заведую отделом истории.

С 1937 г. работаю в Гос. Эрмитаже в должности действительного члена, а затем (с 1-VIII-1938 г.) в должности профессора, заведую Сибирским отделением Отдела доклассового общества.

В 1938/39 гг. принял участие в работе ИИМК по написанию I-го тома истории народов СССР.

За все время своей научной деятельности занимался главным образом вопросами древней истории Сибири и Казахстана. С 1924 г. вел самостоятельные раскопки в различных пунктах Сибири и Средн. Азии. Опубликовал 22 научные работы (в том числе 3 по антропологии), посвященные главным образом истории древних племен и народов Сибири и Казахстана в эпоху бронзы и ранних кочевников».

К автобиографии прилагается список публикаций. Кроме этого, указано, что четыре статьи печатаются I-м томе Истории народов СССР, а также подготовлена к печати монография о находках Пазырыкского кургана (объемом в 21 авт. лист).

В личной листке по учету кадров указано место рождения по новому административному делению (г. Березов Омской обл.). Отмечено, что отец был чиновником, инспектором народного училища. Перечислены ответы на обозначенные пункты: служащий, беспартийный, член профсоюза, образование – незаконченное высшее, ученой степени нет, имеются научные труды, за границей не был.

Трудовая деятельность представлена следующим образом:

XI 1921	IV 1922	Препаратор	Кабинет географии Томского Гос. Университета	г. Томск Новосибирской области
V 1922	XII 1925	Научный регистратор	Государственная Академия истории материальной культуры	г. Ленинград
I 1928	XII 1933	Мл. науч. сотр. (а с I-31 г. старший науч. сотрудник)	Этнографический отдел Государственного Русского Музея	г. Ленинград
X 1925	V 1929	Препаратор	Ленинградский Гос. Университет, Кабинет антропологии	г. Ленинград
XII 1929	XII 1933	Старший научный сотрудник	Государственная Академия истории материальной культуры	г. Ленинград
VII 1936	I 1937	Старший научный сотрудник	Кировский обл. Музей краеведения	г. Киров Кировской области
II 1937	–	с VI-1937 г. действительный член, с VIII-1938 г. профессор	Государственный Эрмитаж, Отдел доклассового общества	г. Ленинград

По поводу знаний иностранных языков отмечено: английский – слабо; французский и немецкий – хорошо. Привлекался к судебной ответственности по постановлению особого совещания ОГПУ в III-1934 г., подвергнут административной ссылке в Вятку (г. Киров) на 3 года по ст. 58, пункт 10, 11. Указано семейное положение (женат, имеет сына 8 лет), а также написан домашний адрес (г. Ленинград, ВО, 12 линия, д. 15, кв. 5).

Второе вышеуказанное архивное дело более обширное. Но в нем нас интересует автобиография М. П. Грязнова. Текст датирован 26 мая 1948 года:

«Автобиография

Родился в 1902 г. в г. Березове (Омская область) в семье инспектора городского училища. 12-ти лет лишился отца, а через два года и матери. С 15-ти лет жил совместно с братьями и сестрой на средства, добываемые частными уроками и другими случайными заработками.

В 1912–19 гг. учился во 2-м Томском реальном училище, по окончании которого поступил на естественно-историческое отделение физмата Томского государственного университета и в первое же лето (1920 г.) попал на практику в археологическую экспедицию к доценту университета С. А. Теплоухову. С этого момента определились мои научные интересы в области первобытной археологии, а также и антропологии. Ежегодно принимал участие в археологических экспедициях и обработке добытых раскопками материалов. В 1922 г. перевелся в Ленинградский государственный университет на то же отделение. Одновременно с занятиями в университете работал – в 1921–22 гг. препаратором в Кабинете географии Томского университета, в 1922–25 гг. научно-техническим

сотрудником Российской Академии истории материальной культуры и с 1925 г. научным сотрудником Этнографического отдела Государственного Русского музея. Ведя второй год самостоятельные археологические раскопки (в 1924 г. близ г. Томска и в 1925 г. в верховьях р. Оби) и посвящая все свое время работе над темами по археологии Сибири, занятия в университете запустил и в 1925 г. оставил университет, пройдя программу обучения в объеме трех курсов биологического отделения по циклу антропологии. За это время сделал ряд научных докладов по вопросам археологии Южной Сибири и отдал в печать свои первые две работы – Инструкция по остеометрии (2 п. л., напечатана в 1925 г.) и Каменные изваяния Минусинских степей (2,5 п. л., напечатана в 1929 г.).

В период с 1925 г. по 1933 гг. работал в Этнографическом отделе Гос. Рус. Музея, сначала младшим научным сотрудником (1925–28 гг.), а затем старшим (1929–1933 гг.) и в Гос. Академии Института истории материальной культуры старшим научным сотрудником (1929–33 гг.).

За это время разрабатывал ряд тем преимущественно по вопросам эпохи бронзы и раннего железа на Южной Сибири и в Казахстане. Производил раскопки на Алтае, в верховьях р. Оби, в разных местах Казахской и Киргизской ССР. Результатом перечисленных работ явилось установление хронологической последовательности древних культур Алтая и приалтайской равнины (см. Древние культуры Алтая, 1929 г.) и установление территориального деления культур эпохи бронзы в Сибири и Казахстане (см. Казахский очаг бронзовой культуры, 1929; Бронзовый кинжал с оз. Кото-Кель, 1929; Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане, 1927). Одновременно вел работы по изучению культуры ранних кочевников и по истории развития кочевого скотоводства. Изучение материалов, добытых раскопками двух больших курганов на Алтае (Шибее в 1927 г. и Пазырык в 1929 г.), послужило одним из важнейших источников по разработке этих вопросов. Работы по последней теме были завершены позднее.

С 1933 на 1936 г. будучи административно-ссылным в г. Кирове, выполнял отдельные поручения Кировского областного музея краеведения, а в течение 1936 г. работал в нем в должности старш. науч. сотрудника, заведя историческим отделом. Одновременно продолжал работу над темами по истории культуры ранних кочевников.

С 1937 г. работал в Гос. Эрмитаже в должности действительного члена, а затем профессора, заведя отделением Сибири и Казахстана в отделе истории первобытной культуры. С 1939 г. по июль 1941 г. работал с. н. с. в ИИМК АН СССР, где руководил работой группы по изучению истории культуры Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. В 1939 г. производил раскопки на Алтае. За эти годы (1937–41) в основном работал над изучением памятников эпохи ранних кочевников. Завершение этих работ явились: монография о Пазырыкском кургане и соответствующие главы в «Истории СССР». Т. I. Л., 1939 и в «Очерках по истории культуры тюркских племен и народов Алтая» (печатание книги в 1941 г. временно приостановлено). Одновременно продолжал разработку вопросов по истории культуры племен Сибири и Казахстана в эпоху бронзы.

С июня 1941 г. по октябрь 1945 г. продолжал работать в Гос. Эрмитаже (в филиале Эрмитажа в г. Свердловске). Оторванный от необходимых музейных и рукописных материалов, вынужден был доделывать ранее начатые печатные работы, и занимался разработкой вопросов методики изучения археологических памятников и вопросами истории искусства ранних кочевников Сибири. В 1942 г. проводил совместно с А. А. Иессеном раскопки стоянок эпохи палеолита и ранней бронзы на р. Чусовой. В январе 1945 г. защитил в ИИМК АН СССР диссертацию на ученую степень кандидата исторических наук на тему «Погребения эпохи бронзы в Западном Казахстане», а в июле того же года диссертацию на ученую степень доктора исторических наук на тему «Пазырык. Погребения племенного вождя на Алтае».

С июня 1945 г. снова работаю с. н. с. в Ленинградском отделе ИИМК АН СССР, а с октября того же года в Гос. Эрмитаже в Ленинграде. С 1940 г. читаю курс по методике изучения элементарных археологических памятников (вещей) на историческом факультете Ленинградского государственного университета. Последние два года разрабатывал в основном вопросы археологии Верхней Оби.

За все время своей научной деятельности написал свыше 40 работ по вопросам археологии (39), антропологии (4) и этнографии (1). Из них 39 опубликовано, остальные еще не вышли из печати».

В заключение необходимо отметить, что представленные автобиографии М. П. Грязнова требуют дальнейшего детального изучения, а также сопоставления друг с другом при привлечении других материалов.

НА ИИМК, РА, ф. 2, оп. 3, д. 167; ф. 35, оп. 5, д. 416.

**А. А. Евгеньев (Оренбург, Россия)**

## **М. П. Грязнов и проблемы андроновской культуры Южного Приуралья**

В 1926 г. Михаил Петрович Грязнов (1902–1984) в ходе работ Антропологического отряда Казакстанской комплексной экспедиции провел разведочные исследования западнее г. Орска в бассейне левых притоков р. Урал – рек Киргильда, Эбейты, Терекла, Алимбет, Киялы-Буртя, Кишкентайсай и др. (Грязнов 1926). По маршруту разведки было открыто 28 памятников, большинство из которых находилось на территории нынешней Актюбинской области Республики Казахстан (Грязнов 1927б: 216–219). Выявленные памятники были разделены автором работ на четыре типа: курганы с каменной насыпью, курганы с земляной насыпью, земляные курганы, обложенные по поверхности камнем, и каменные кольца. Большинство выявленных могильников относилось, судя по погребальной конструкции (каменные кольца и курганы, обложенные камнем), к эпохе бронзы. Поэтому неслучайно, что рекогносцировочные раскопки были проведены М. П. Грязновым именно на памятниках данного типа. В связи с недостатком времени раскопки были произведены лишь в четырех пунктах в бассейне рек Киргильда и Терекла – мог-ки Киргильда I и II, Кунакбай-сай, Урал-сай. В этих могильниках было раскопано 16 каменных колец и 3 кургана. Весь полученный материал М. П. Грязнов опубликовал в статье «Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане» в сборнике «Казаки: Антропологические очерки». Могильники Киргильды и Тереклы были подвергнуты комплексному исследованию: археологическая интерпретация М. П. Грязнова сопровождалась анализом костей животных, выполненным В. И. Громовым (Грязнов 1927б: 220–221) и анализом антропологических материалов, осуществленным М. П. Грязновым и М. Н. Комаровой (Грязнов 1927а; Комарова 1927).

Погребальный обряд исследованных памятников однотипен: под небольшой насыпью, обложенной камнями, находилась прямоугольная или овальная могила, имеющая широтную ориентировку. В ней обнаружены «один или два скелета, лежащие на боку, с подогнутыми ногами и согнутыми в локтях руками, головой приблизительно на запад» (Грязнов 1927б: 208). Погребения, относящиеся к позднему бронзовому веку, часто ограблены, либо разрушены впускными сарматскими захоронениями. В силу этого скелеты зачастую повреждены. Погребальный инвентарь скуден и представлен, в основном, керамикой и бронзовыми украшениями (подвески, нашивки, бусы, пронизки, серьги, спиральные колечки). М. П. Грязнову не составило труда найти аналогии погребальному обряду. Он сравнил погребения Киргильды и Тереклы с андроновскими комплексами, исследованными в Минусинской котловине С. А. Теплоуховым, и пришел к выводу о своеобразии андроновских памятников Южного Урала, где наряду с типичными каменными кольцами встречаются земляные насыпи с каменной обкладкой.

Самой массовой категорией инвентаря являлась керамика – один-два сосуда, установленные в головах погребенных. Именно керамический материал («сосуды баночной формы со сложным геометрическим орнаментом») стал основой интерпретации исследованных комплексов (Там же: 208). Резкая граница между шейкой и плечиком делит сосуд на две орнаментальные зоны. Орнамент шейки представлен рядами черточек и угловых оттисков, зигзагами и заштрихованными треугольниками; орнамент плечика – горизонтальными линиями, зигзагами, меандрами, Z-образными фигурами, ломаными линиями и т. д. Анализируя глиняную посуду, М. П. Грязнов вышел далеко

за рамки анализа исследованных памятников и сделал обобщение по керамике андроновской культуры Приуралья, Казахстана и Сибири. Привлекая аналогии исследователь выделил два типа сосудов, характерных, соответственно, для западных (бассейн рек Урал, Тобол, Ишим) и восточных областей (верхнее течение рек Иртыша, Оби, Енисея), а также переходные формы. Отличие сосудов восточной группы от западной заключается в отсутствии подчеркнутой границы между шейкой и плечиками и ином расположении орнаментальных зон, хотя орнамент представлен одними и теми же типами узоров (Там же: 209).

Впервые в андроноведении М. П. Грязнов обратился к проблеме соотношения андроновской и срубной культур, относящихся к позднему бронзовому веку. Выявив своеобразие погребального обряда и керамики мог-ков Киргильды и Тереклы и опираясь на данные, полученные участником Казакстанской экспедиции А. П. Булгаковым, ученый отметил близость исследованных памятников с памятниками срубной культуры. Сходство проявилась в курганном обряде и в стиле орнаментации керамики (Там же: 195, 201). М. П. Грязнов приводил и более отдаленные аналогии орнаменту андроновской керамики. Такие его элементы как заштрихованные треугольники и ромбы имели параллели в орнаментации кобанских сосудов Кавказа, сейминских кельтов, материалах маклашеевской культуры Волго-Камья (Там же: 209). При этом М. П. Грязнов не вел речь о прямых аналогиях, а лишь указывал на некое культурное единство племен бронзового века на отдаленных территориях.

Металлический инвентарь исследованных могильников не богат. Он представлен бронзовыми украшениями из тонких пластинок и проволоки (бусы, пронизки, подвески, нашивки), которые также были сопоставлены с уже известными материалами. Аналогии им найдены в андроновских материалах из раскопок С. А. Теплоухова, в памятниках карасукской культуры и в Абашевском мог-ке. Очковая подвеска из кург. 5 мог-ка Урал-сай и отдельные предметы из раскопок М. П. Грязнова находят параллели в кобанской культуре Кавказа (Там же: 204–206).

Таким образом, сравнив погребальный обряд и инвентарь исследованных памятников с материалами из других памятников Южного Урала, Казахстана, Сибири и Поволжья, М. П. Грязнов установил культурно-хронологическую принадлежность раскопанных им погребений. Могильники Киргильды и Тереклы были отнесены к андроновской культуре благодаря особенностям устройства погребений под курганами, преобладанию баночной формы сосудов с зональной орнаментацией, характеру бронзовых украшений и других предметов погребального инвентаря. Круг аналогий позволил М. П. Грязнову датировать изученные могильники 1400–1100 гг. до н. э. по хронологии Тальгрена (Там же: 210). В дальнейшем эти даты не претерпели значительных изменений.

Рекогносцировочные раскопки к западу от Орска и основанная на них статья М. П. Грязнова «Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане» явились достижением в археологии бронзового века. Сам ученый значение своих работ на Южном Урале характеризовал так: «Относя погребения Киргильды и Тереклы к андроновской культуре, мы тем самым устанавливаем, с одной стороны, новый пункт находок андроновской культуры, расширяя область распространения ее на запад, с другой стороны – даем материал для подкрепления и дополнения характеристики культуры, данной С. А. Теплоуховым» (Там же: 208).

Главным итогом работ М. П. Грязнова стало расширение ареала андроновской культуры на запад и выявление связей андроновской культуры с культурами бронзового века соседних территорий, прежде всего, срубной. Именно после раскопок в бассейне рек Киргильды и Тереклы начинается изучение особенностей андроновской культуры на Южном Урале и выявление контактов срубного и андроновского миров.

После завершения работ на Южном Урале и в Казахстане М. П. Грязнов переключился на изучение кочевников раннего железного века Алтая. Раскопки Шибинских и Пазырыкских курганов принесли ему всероссийскую известность. Однако работы на Киргильде и Терекле не стали лишь эпизодом в биографии ученого: к проблемам бронзового века Казахстана М. П. Грязнов

вернулся в статье 1930 г. «Казахстанский очаг бронзовой культуры», а в 1945 г. им была защищена кандидатская диссертация на тему «Погребения эпохи бронзы в Западном Казахстане».

Последующие поколения исследователей позднего бронзового века – К. В. Сальников, Э. А. Фёдорова-Давыдова, Е. Е. Кузьмина (1964), Г. Б. Зданович (1988), В. С. Стоколос (1972) – неоднократно обращались к наследию М. П. Грязнова, подчеркивая его вклад в разработку андроновской проблематики. Э. А. Фёдорова-Давыдова указала, что работами М. П. Грязнова «было положено начало изучения андроновской культуры в Западном Казахстане и Приуралье» (Фёдорова-Давыдова 1968). Могильники, исследованные в бассейне рек Киргильды и Тереклы, стали эталонными для орско-актюбинского локального варианта андроновской культуры.

Грязнов 1926 – *Грязнов М. П.* Раскопки М. П. Грязнова в Уральской области и Актюбинском округе Тургайской области // НА ИИМК РАН, РА, ф. 2, 1926 г., № 153.

Грязнов 1927а – *Грязнов М. П.* Описание костей человека из древних могил на р. Урале // Казаки: Антропологические очерки. Л., 1927. Сб. II. С. 238–257 (МОКИСАР. Вып. 11).

Грязнов 1927б – *Грязнов М. П.* Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Там же. С. 172–221.

Зданович 1988 – *Зданович Г. Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск, 1988.

Комарова 1927 – *Комарова М. Н.* Черепа бронзовой эпохи из могил по левым притокам р. Урала // Казаки: Антропологические очерки. Л., 1927. Сб. II. С. 222–237 (МОКИСАР. Вып. 11).

Кузьмина 1964 – *Кузьмина Е. Е.* Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964. С. 121–140.

Стоколос 1972 – *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). М., 1972.

Фёдорова-Давыдова 1968 – *Фёдорова-Давыдова Э. А.* Племена Южного Приуралья в эпоху бронзы: Дис. ... канд. ист. наук (рукопись) // НОА ИА РАН, Р-2, № 2586.

**А. В. Жук (Омск, Россия)**

### **Андроновская культура на берегах Урала под лопатой М. П. Грязнова: июнь 1926 г.**

В январе 1925 г. 22-летний М. П. Грязнов определяется на службу научным сотрудником в Этнографический Отдел ГРМ. Осенью того же года он оставляет учебу на антропологическом отделении географического факультета ЛГУ. Выполнить это было несложно: антропологическое отделение географического факультета и Этнографический Отдел ГРМ возглавлял С. И. Руденко – наставник М. П. Грязнова еще с томских времен. Кроме того, до конца года М. П. Грязнов состоял в должности сотрудника Института археологической технологии РАИМК, где служил регистратором с мая 1922 г. Работа М. П. Грязнова в «команде» С. И. Руденко выходит с 1925 г. на более высокий уровень.

К этому времени полевой стаж М. П. Грязнова насчитывал шесть лет, начиная с раскопок в окрестностях сел. Батени Енисейской губ. (Абаканско-Минусинская экспедиция 1920 г.). Летом следующего года он вновь работает под руководством С. А. Теплоухова в Минусинском и Ачинском уездах Енисейской губ. В 1922 г., когда экспедиций Этнографического Отдела ГРМ не было, мы видим М. П. Грязнова, изучающего поздний могильник неподалеку от Гатчины, под Петроградом, а также в Верхне-Волжской этнографической экспедиции АН под началом Д. А. Золотарёва (Китова 2008: 16). Здесь сотоварищем М. П. Грязнова оказался М. И. Артамонов, для которого это была первая экспедиция.

В 1923 г. С. А. Теплоухов и М. П. Грязнов продолжили изыскания под Батенями, раскопав там 75 погребений, а также обследовав стоянки каменного века на участке от Ладеек до Борков. В 1924 г. С. А. Теплоухов, М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер руководят отрядом студентов ЛГУ на

памятниках Батеневского микрорайона. В том же году М. П. Грязнов раскапывает близ Томска 48 курганов Тоянова городка. В 1925 г., будучи сотрудником Этнографического Отдела ГРМ, он провел разведку долины Оби от Бийска до Барнаула, исследовал несколько памятников в окрестностях Бийска, Сросток и в Сейлюгемской степи, а также провел разведывательные работы в окрестностях Томска (Жук 1995: 35–38).

На фоне полевых работ публикации М. П. Грязнова выглядели более скромно. Это изданные в 1924–1925 гг. в соавторстве два (правда, очень ценных) методических пособия по антропологии, а также статья в газете «Звезда Алтая». В конце 1926 г. опубликованы три обзорные заметки в журнале «Природа» (в т. ч., одна – в соавторстве).

Для большинства членов «команды» С. И. Руденко 1926 г. стал особым памятным. В этом году он возглавил, по линии Особого Комитета по исследованию союзных и автономных республик АН СССР, Антропологический отряд комплексной Казакстанской экспедиции. Основная часть Отряда работала в июне в степях Южного Урала, к югу и юго-западу от Актюбинска. М. П. Грязнов действовал в стороне, на берегах р. Урал.

Предметом исследования С. И. Руденко и его группы были *казаки*. Именно так обозначали тогда тех, кого позднее назовут казахами. Их территориально-административное образование именовалось Автономная Казакская Социалистическая Советская Республика, причем ее переименовали из автономной Киргисской (*sic!*) республики в 1925 г.

В 1926 г. С. И. Руденко и его коллеги распределили темы сообразно своим интересам. Сам руководитель и С. Ф. Баронов занялись физической антропологией казаков, Ф. А. Фиельструп и А. Н. Глухов – хозяйственной этнографией (организация скотоводства и зимние жилища), Е. Р. Шнейдер – казакской орнаментикой, А. Н. Самойлович – этимологией слова «казак», М. П. Грязнов и его спутница, М. Н. Комарова – археологией, причем такой, которая вообще не имела отношения к казакам – археологией бронзового века.

Чем руководствовался М. П. Грязнов при выборе маршрута, который дал ему столь замечательный материал по эпохе бронзы – пока не ясно. Сам ученый ссылается на знакомство с фондами Оренбургского музея. Здесь он обнаружил важные аналоги своим находкам (Грязнов 1927б: 198), но возможно это знакомство предшествовало полевым изысканиям и, в числе прочего, навело его на мысль, *где именно* следует искать местные погребения бронзового века.

В количественном отношении полевая работа М. П. Грязнова и М. Н. Комаровой в 1926 г. на левом берегу Урала выглядела скромно. Разведка охватила 50-километровый участок ниже Орска, в пределах Актюбинского уезда – между рекой и параллельным ей трактом на Оренбург. По ходу разведки было выявлено 28 памятников – отдельных курганов и могильников; на четырех могильниках (двух – на р. Киргильда и двух – на р. Терекла, притоках Урала) произведены раскопки 19 могил.

Сверх того, М. П. Грязнов работал в 1926 г. на юге Актюбинской обл., в Адаевском уезде (Родионов 1996: 13, 14). В окрестностях самого Актюбинска провел сборы А. П. Булгаков, еще один сотрудник Антропологического отряда. Впрочем, информация по этим изысканиям незначительна: собственные разведки М. П. Грязнова не дали нужного материала и потому он пренебрег ими в публикациях 1927 г., упомянув лишь о находках А. П. Булгакова (Грязнов 1927б: 198, 202).

Содержательная сторона работ на берегах Урала оказалась куда более впечатляющей, причем М. П. Грязнов быстро сориентировался в многообразии форм выявленных сооружений. Как подчеркивал он сам, раскопанные им могилы «принадлежат наиболее распространенному типу памятников, встреченных по левым притокам р. Урала. Внешний вид как отдельных могил, так и образованных ими кладбищ повсюду одинаков, и это еще до раскопок давало повод предполагать об одной какой-то эпохе и одной культуре, оставивших их нам. Раскопки полностью подтвердили это. При наличии мелких уклонений от основного типа в погребальном ритуале и предметах погребального инвентаря, общий характер всех могил совершенно одинаков» (Там же: 186, 187).

Не удивительно, что основные выводы ученый сделал очень скоро и опубликовал их уже осенью 1926 г. Добытые материалы, по его мнению, «характерны для установленной С. А. Теплоуховым Андроновской культуры, широко распространенной в степной зоне Центральной и Западной Сибири и в Казакстане» (Грязнов 1926: 96). Эти материалы «позволяют выделить обследованную область как особую провинцию этой культуры. Вместе с тем, следует отметить, что здесь мы имеем западную границу распространения Андроновской культуры» (Там же). Кроме того, «предварительный осмотр черепов убеждает нас в том, что они принадлежат той же длинноголовой расе, которая населяла в эту эпоху Алтай и Минусинский край» (Там же). Таким образом, факт выделения андроновской культуры был публично озвучен в печати уже осенью 1926 г. Статья С. А. Теплоухова, посвященная этой культуре, увидит свет лишь на следующий год (Теплоухов 1927).

Все, что сформулировал М. П. Грязнов в своей лапидарной заметке, нужно было доказать, и доказательная база в ее исходном варианте появляется весной 1927 г. Сборник «Материалов Особого Комитета по исследованию союзных и автономных республик» (МОКИСАР), в котором увидели свет соответствующие работы ученого, был, как сказано в выходных данных, «начат набором в мае 1927 года». По ходу набора М. П. Грязнову было уже не до сданной в печать публикации: группа С. И. Руденко готовила очередную экспедицию на Алтай, которая и состоялась летом 1927 г. В этой экспедиции М. П. Грязнов займется совсем другими сюжетами, в частности – «княжеским погребением» в кургане Шибэ. Так что время его работы над уральским «бронзовым» материалом можно определить как лето 1926–апрель 1927 г.

Уровень развития науки и состояние базы источников на момент работ М. П. Грязнова не позволяли сколько-нибудь всерьез формулировать проблематику бронзовой эпохи Южного Урала. Одним из первых о ней осторожно заговорил Ф. Д. Нефёдов. В 1899 г., оценивая результаты своих полевых изысканий 10-летней давности на Илецкой земле, он пришел к выводу о том, что изученные им курганы «принадлежат не одному народу и относятся к различным временам». Так, «курганы единичные и группами, судя по состоянию костяков и преобладанию в них орудий и украшений из бронзы, более древнего происхождения, чем курганы массовые, где все орудия и даже часть украшений сделаны уже из железа» (Нефёдов 1899: 11). И чуть ниже: «на сколько далеко восходит здесь древность памятников, легко видеть уже из того, что во многих местностях были находимы медные орудия, напр. цельты <...> вместе с другими бронзовыми вещами» (Там же: 15).

Позже, в 1910 г., И. А. Кастанье писал, имея в виду Киргизскую степь в целом, но, между прочим, и берега Урала, Илека и Ори, следующее: «В городищах находили медные и бронзовые орудия и разнообразную глиняную посуду. Можно предположить, что народ *чудь* жил в Киргизской степи известный период времени, который заходит в эпоху каменного века, чтобы постепенно перейти через бронзовый и медный периоды к железному» (Кастанье 1910: XV).

Однако А. В. Попов в докладе 1904 г. говорил применительно к Тургайской и Уральской областям о раннем железном веке: «Археологические исследования и находки указывают на скрытые в степных курганах следы пребывания здесь скифов. В северной части Тургайской области, т. е. по южному берегу р. Урала (Яика) и по Тоболу <...> обитала одновременно со скифами *чудь*» (Попов 1906: 16–17). Более того, А. А. Спицын в 1904 г. относил «младший медный век» в «курганах западного склона Урала и в древностях Минусинского типа» «к периоду железа», «время существования его определяется примесью поделок сарматских» (Спицын 1905: 173). Правда, он признавал и «средний медный век» «в восточной степи, начиная с р. Урала» (Там же); но этой констатацией, собственно, дело и ограничивалось. Так что «бронзовая эпоха в Западном Казакстане» как полноценный археологический феномен – это прямая научная заслуга 24-летнего М. П. Грязнова.

Что же он, собственно, сделал во второй половине 1926 г. – начале 1927 г.? Ученый вписал раскопанные им на берегах Урала памятники в уже известный контекст бронзовой эпохи российской степи. По его собственным словам, он смог, «набросав картину одного из этапов бронзовой эпохи, установить новую культурную область с рядом своеобразных особенностей, имевших известное значение в сложении культур Восточной Европы» (Грязнов 1927б: 215). Правда, следует

учитывать, что и степной «бронзовый» контекст, как целое, был в значительной степени оформлен тогда им самим.

Уже из заметки в журнале «Природа» следовало, что основным сравнительным материалом для М. П. Грязнова должны были стать «бронзовые» наработки С. А. Теплоухова. Так оно и оказалось. На протяжении всей работы М. П. Грязнов многократно упоминает как в сносках, так и непосредственно в тексте, статью своего коллеги «Древние погребения в Минусинском крае». Интрига, однако, заключается в том, что во время работы М. П. Грязнова над памятниками р. Урал эта публикация С. А. Теплоухова только еще готовилась к печати. Проще говоря, М. П. Грязнов использовал рукопись С. А. Теплоухова, скорее всего, гранки. Таким образом он имел возможность опираться на статью С. А. Теплоухова в ее еще неизданном варианте. Вследствие этого заинтересованный читатель практически одновременно обретал на своем рабочем столе как «Очерки» со статьями М. П. Грязнова (от Академии Наук), так и «Материалы» со статьей С. А. Теплоухова (от Русского Музея). Оставалось лишь читать оба труда параллельно.

Основной упор в идентификации выявленной им культуры М. П. Грязнов делает на керамику – на «аналогичные сосуды, сходные по всем деталям орнамента и формы» (Там же: 198). Он начинает с керамики бронзовой эпохи, которую выявил в старых местных материалах – Ф. Д. Нефёдова и И. А. Кастанье. Далее на восток он выделяет район рек Урала, Тобола и Ишима (работы В. Я. Толмачёва, А. Гейкеля, Ю. П. Аргентовского, П. И. Преображенского, Ю. А. Орлова). Еще далее на восток, в Минусинском крае и Семипалатинской обл., идет уже классический андрон – это верхние течения Иртыша, Оби и Енисея (работы А. В. Адрианова, И.-Р. Аспелина, А. Я. Тугаринова, В. И. Каменского, братьев Белослюдовых).

С другой, западной стороны М. П. Грязнов задействует аналоги и в Южной России, на Кавказе, в Волжско-Камском районе – на материалах П. С. Уваровой, А.-М. Тальгрена, В. А. Городцева (кстати, он везде пишет именно «Городцев», через «е»), Н. И. Репникова, П. С. Рыкова, М. Г. Худякова. Примечательно, что и здесь М. П. Грязнов вступает в скрытую полемику с А. А. Спицыным. По мнению последнего, «в восточной степи, начиная с р. Урала, наблюдается особый средний медный век, имеющий очень мало точек соприкосновения с южно-русским» (Спицын 1905: 173). М. П. Грязнов придерживается на этот счет противоположного взгляда: «Андроновская культура имеет аналогии в ряде других культур (Кобанская культура на Сев. Кавказе, Срубная и Хвалынская в степях Южной России и, наконец, Сейминская и Маклашеевская в Волжско-Камском районе)» (Грязнов 1927б: 210).

Ломать голову над абсолютной датировкой андроновской и близких ей по времени культур М. П. Грязнов не стал. Его устроил вариант, предложенный в 1926 г.: «по хронологии Тальгрена это время соответствует 1400–1100 гг. до нашей эры» (Там же). Обращает на себя внимание оперативность той эпохи: «Eurasia Septentrionalis Antiqua» (ESA), на которую ссылается в данном случае ученый, пришла в Ленинград в год ее издания и даже книга «Bronzezeit am Jenissei» Г. фон Мергарта (1926 г.) была у него в руках.

Разумеется, керамикой дело идентификации археологической культуры М. П. Грязнов не ограничивает: «Из рассмотрения по отдельности каждого из элементов, слагающих культуру погребений Киргильды и Тереклы, выясняется, что целый ряд их характерен для погребений андроновской культуры и в своем географическом распространении тесно связан с занимаемой ею областью. К числу таких элементов относится, прежде всего, внешний вид надгробных сооружений и характер погребения, а затем и все наиболее существенные категории предметов погребального инвентаря» (Там же: 207). Так что и вещественный материал бронзовой эпохи в доказательной базе М. П. Грязнова присутствует. Однако, этот материал задействован как вспомогательный. «Если керамика, встречающаяся почти в каждом раскопанном погребении и представленная целой серией отдельных находок, позволяет установить ряд типов, характерных для определенных областей и культур, то прочие предметы погребального инвентаря, вследствие своей малочисленности, не дают возможности сделать это» (Там же: 203).

Можно сравнить данную методологическую установку с позицией А. А. Спицына, по мнению которого «средний медный век в Европейской России (т. е. эпоха бронзы собственно как таковая. – А. Ж.) выражается, главным образом, в кельтах, серпах, кинжалах, ножах, копьях» (Спицын 1905: 172). Однако вещи, согласно М. П. Грязнову, вообще следует отличать от керамики как источника, определяющего лицо археологической культуры. «Если среди случайных находок на территории, занятой андроновской культурой, найдется ряд орудий одного из типов, сходного с какой-нибудь характерной для перечисленных культур формой, то можно предполагать, что этот тип орудий принадлежит андроновской культуре. Подходя к изучению отдельных находок с такой предпосылкой, оказывается возможным установить некоторые формы орудий, характерные, по-видимому, для андроновской культуры» (Грязнов 1927б: 210–211).

Что же касается антропологического материала из впускных погребений в курганы бронзовой эпохи, то и М. П. Грязнов, и М. Н. Комарова идентифицировали его как сарматский (Грязнов 1927а; Комарова 1927). Сравнивая кости «скелетов бронзовой эпохи» и «скелеты из впускных погребений», М. П. Грязнов делает интересные замечания. Первые «отличаются сравнительно крепким сложением, <...> более массивными, с сильно развитыми гребнями и местами для прикрепления мышц являются кости нижних конечностей, особенно кости стопы, имеющие крупные размеры <...> Это свидетельствует о прекрасно развитой мускулатуре ног, что могло быть лишь при постоянном их упражнении. Надо думать, что населению, погребенному в исследованных могилах, приходилось много ходить и, по всей вероятности, образ его жизни был бродячий <...> По ряду признаков скелеты из впускных погребений отличаются от таковых же бронзовой эпохи и очень близки к скелетам прохоровских курганов, исследованных С. И. Руденко. Скелеты впускных погребений и прохоровских курганов, особенно мужские, обладали менее развитой мускулатурой ног, вследствие чего кости нижних конечностей менее массивны <...> С. И. Руденко предполагает, что население, погребенное в прохоровских курганах, вело скорее сидячий или кочевой образ жизни, нежели бродячий. То же следует сказать и о погребенных во впускных погребениях, раскопанных на р. Урале» (Грязнов 1927а: 257).

М. П. Грязнов лишь попутно интересовался местным ранним железным веком, что вполне оправданно. Действительно, о скифо-сарматской археологии применительно к Южному Уралу вполне определенно говорили уже во второй половине XIX в. В 1916 г. С. И. Руденко по просьбе М. И. Ростовцева раскопал четыре кургана под Прохоровкой в Оренбургской губ. Результаты его работ украсили «Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма» М. И. Ростовцева – последние по времени «Материалы по археологии России, издаваемые Императорскою Археологическою Комиссиею», которые увидели свет под № 37 в Петрограде, в 1918 г. М. П. Грязнов органично восполнил «бронзовым» сюжетом уже сложившиеся к 1920-м гг. представления о местной раннежелезной эпохе.

Примечательно, что, неоднократно ссылаясь на фактический материал, введенный В. А. Городцовым в научный оборот, М. П. Грязнов ни разу не упоминает «Культуры бронзовой эпохи в Средней России» 1916 г. – установочную, концептуальную работу В. А. Городцова. А здесь последний, между прочим, писал: «В начале второй половины II-го тысячелетия совершилось проникновение в Среднюю Россию Сейминской культуры, явившейся сильным авангардом сибирского культурного течения, проникшего не только через всю Россию, но и через всю Западную Европу» (Городцов 1916: 223). Этот тезис, конечно же, нуждался в доказательствах, а потому публикации М. И. Ростовцева 1918 г. и М. П. Грязнова 1927 г. можно рассматривать как первый отклик на заявку В. А. Городцова 1916 г.

Именно «Погребения бронзовой эпохи в Западном Казакстане» имел в виду А. М. Тальгерен в 1928 г., когда восторженно писал о М. П. Грязнове: «Осмелюсь обещать, что он, посвятив себя эпохе бронзы туркестанских степей, имеет все данные, чтобы эту, важнейшую во многих отношениях для всего европейского севера область, полностью изучить и – ее “Монтелиусом” статья. Прочтя его описания раскопок и его ясные истолкования, можно совершенно спокойно

сказать за него: *ille faciet* (он осуществит)» (цит. по: Беленицкий, Пшеницына 1992: 6, 7). Оценка А. М. Тальгрена тем более показательна, что статьи 1927 г. в «Казаках» – это первая у М. П. Грязнова полноценная научная публикация как археологического материала, так и выводов, сделанных на его основе. А выводы были очень серьезные: западная андроновская провинция, выделенная М. П. Грязновым, обозначала те направления, по которым должны были согласоваться исходные формально-типологические панорамы В. А. Городцова и С. А. Теплоухова.

Отчасти М. П. Грязнов оправдал упования старшего коллеги (тем более, что в 1928 г. А. М. Тальгрэн посетил Советский Союз и, возможно, виделся с ним). Три года спустя М. П. Грязнов опубликовал в очередном сборнике «Казаки» статью «Казакстанский очаг бронзовой культуры». Однако посвящать себя ограниченному по времени и пространству сюжету, а уж тем более – локальной систематике ученый не собирался. Он вообще видел археологическую науку несколько иначе, нежели А.-М. Тальгрэн.

- Беленицкий, Пшеницына 1992 – *Беленицкий А. М., Пшеницына М. Н.* Основные этапы жизни и научной деятельности Михаила Петровича Грязнова (1902–1984 гг.) // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб, 1992, С. 5–9.
- Городцов 1916 – *Городцов В. А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Императорского Российского Исторического Музея имени Императора Александра III за 1914 г. М., 1916. С. 121–226.
- Грязнов 1926 – *Грязнов М. П.* Раскопки на р. Урале // Природа. 1926. № 9–10. Стб. 96.
- Грязнов 1927а – *Грязнов М. П.* Описание костей человека из древних могил на р. Урале // Казаки: Антропологические очерки. Л., 1927. Сб. II. С. 238–257 (МОКИСАР. Вып. 11).
- Грязнов 1927б – *Грязнов М. П.* Погребения бронзовой эпохи в Западном Казакстане // Там же. С. 172–221.
- Жук 1995 – *Жук А. В.* Археологи Русского Музея в Сибири: 1920-е годы // III ИЧ памяти Михаила Петровича Грязнова. 1995. Ч. I. С. 35–38.
- Кастанье 1910 – *Кастанье И. А.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края. 1910 (ТОУАК. Вып. XXII).
- Китова 2008 – *Китова Л. Ю.* Забытые архивные материалы о жизни и деятельности М. П. Грязнова // VII ИЧ памяти Михаила Петровича Грязнова. 2008. С. 15–19.
- Комарова 1927 – *Комарова М. Н.* Черепа бронзовой эпохи из могил по левым притокам реки Урал // Казаки: Антропологические очерки. Л., 1927. Сб. II. С. 222–237 (МОКИСАР. Вып. 11).
- Нефёдов 1889 – *Нефёдов Ф. Д.* Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. // Мат-лы по археологии Восточных губ., издаваемые Имп. МАО. М., 1899. Т. III. С. 1–41.
- Попов 1906 – *Попов А. В.* Несколько слов по археологии Тургайской и Уральской области // ТОУАК. 1906. Вып. XVI. С. 16–28.
- Родионов 1996 – *Родионов В. В.* Очерк истории археологических исследований в Актюбинской области // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара, 1996. Вып. 1. С. 5–22.
- Спицын 1905 – *Спицын А. А.* О среднем и младшем медном веке в России // ЗОРСА Имп. РАО. 1905. Т. VII, вып. 1. С. 172–173.
- Теплоухов 1927 – *Теплоухов С. А.* Древние погребения в Минусинском крае // МЭ. 1927. Т. III, вып. 2. С. 57–112.

## **Понятие «археологическая культура» в исследованиях М. П. Грязнова**

«Археологическая культура» – таксономическая категория, о смысле которой задумывается почти каждый археолог. В ходе исследований и М. П. Грязнов постепенно постигал содержание этого понятия, получившее наиболее полное отражение в его докладе, прочитанном на теоретическом семинаре Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и затем опубликованном (Грязнов 1969).

Первоначально основой выделения археологических культур для исследователя служили критерии, определенные С. А. Теплоуховым (Теплоухов 1927: 61; 1929: 42; 1932: 405). Как известно, на рубеже 1920–1930-х гг. Михаил Петрович разработал культурно-хронологическую шкалу археологических памятников Алтая на базе периодизации, созданной С. А. Теплоуховым, и развивал идею своего учителя о последовательной смене связанных между собой археологических этапов (Грязнов 1930а; 1930б).

Признаками археологической культуры М. П. Грязнов считал конструкции могильных сооружений и комплексы погребального инвентаря, обнаруженные в одном месте, а также материалы стоянок. Так, «дометаллическая культура» Алтая установлена им, в первую очередь, на основе устройства земляных курганов, каменной и костяной индустрии, а также форм и орнаментации керамики. Все три признака были получены из разных мест, поэтому исследователь сомневался, принадлежат ли три категории находок трем разным хронологическим этапам одной культуры или одновременны. Ведущими критериями культуры «ранней бронзы» (андроновской культуры), по мнению исследователя, стали кроме погребальных сооружений и сосудов баночной формы со сложным геометрическим орнаментом, отдельные находки бронзовых и медных орудий – топоры, плоские ножи-кинжалы, кельты, украшенные геометрическим орнаментом (Грязнов 1930а: 4–5, 10). М. П. Грязнов отмечал, что в период существования карасукской культуры «западный Алтай являлся центром распространения своеобразных форм ножей и кинжалов, свидетельствующих о существовании особого казахстанского очага бронзовой культуры» (Там же: 6, 10). Позже исследователь будет развивать идею о многовариантности культуры карасукского типа (Грязнов 1952). Четвертый этап бронзовой эпохи Алтая был выделен им на основании материалов стоянок (в первую очередь, кости рыб и промысловых животных; предметы из меди, бронзы, кости, рога; керамика), а также случайных находок. Бронзовым орудиям четвертого этапа, классифицированного как культура поздней бронзы, М. П. Грязнов нашел аналогии как на территории Казахстана и Западной Сибири, так и на территории Минусинской котловины (Грязнов 1930а: 6–7). При определении «этапов железной культуры» исследователь использовал, в основном, материалы погребальных памятников (Там же: 8–10).

Таким образом, в 1930-е гг. под археологической культурой М. П. Грязнов, вслед за С. А. Теплоуховым, понимал прежде всего материальную культуру, с помощью которой можно охарактеризовать определенную эпоху в истории развития древних обществ. Подобное осмысление термина указывает на то, Михаил Петрович шел в русле палеоэтнологических взглядов своего учителя. Археологические источники должны были помочь восстановить бесписьменное, т. е. первобытное прошлое человечества (Грязнов 1930а; 1930б).

В соответствии с представлениями М. П. Грязнова для определения археологической культуры чаще всего требуется массовый материал нескольких поселений, десятков или сотен погребений, принадлежащий разным общественным слоям изучаемого племени. Тем не менее, при обнаружении такого знаменательного по количеству и качеству артефактов памятника, как Пазырык, он считал, что возможно было установление самостоятельной археологической культуры (Грязнов 1950: 41).

В 1930-е гг. понятие «археологическая культура» в отечественной археологии было заменено по идеологическим причинам терминами «эпоха», «период», «время», «стадия», «этап». М. П. Грязнов

в конце 1930-х гг., анализируя алтайские материалы, ввел в научный оборот понятие «эпоха ранних кочевников» (Грязнов 1937: 6–7; 1939: 400), полное теоретическое обоснование которого он дал в монографии «Первый Пазырыкский курган» (Грязнов 1950: 3–8). Д. Г. Савинов справедливо замечает, что «ранние кочевники», по Грязнову, – понятие формационного порядка, которое «отражает качественно новый уровень исследований», и знаменует собой переход от эмпирических наблюдений к историческим обобщениям (Савинов 1995: 76).

Эпоха ранних кочевников была датирована М. П. Грязновым в 1930–1950-е гг. VII в. до н. э. – I в. н. э. Эти даты позднее были взяты за основу хронологических периодизаций археологических памятников Тувы, Казахстана, Средней Азии, Минусинской котловины, Забайкалья, Монголии и Западной Сибири (Марсадолов 1996: 25).

Постепенно «культура» как классификационная единица заняла свое положение в таксономической системе М. П. Грязнова. Уже в ранних работах он предполагал, что предгорье Алтая являлось частью ареала андроновской культуры, охватывающей всю степную и прилегающую к ней лесостепную полосы Западной и Центральной Сибири (Грязнов 1930а: 5). Эта идея была предметом выявления исследователями андроновской культурно-исторической общности. Интеграция культур скифского круга в пределах обширных естественноисторических территорий, по мысли М. П. Грязнова, привела также к формированию культурной общности (Грязнов 1979: 4–5). Михаил Петрович сконструировал горизонтальный ряд таксономической системы: *локальный вариант–культура–культурная общность* (Грязнов 1930а; 1952; 1956; 1979). Кроме того, археологические культуры были разделены им на более дробные хронологические деления – этапы, которым он давал имена собственные (Грязнов 1930а: 4–11; 1947: 9–17; 1956: 44, 85, 92, 100, 117, 127; 1969: 22). М. П. Грязнов предлагал использовать по примеру биологической систематики бинарную номенклатуру, позволяющую распределить памятники на территориальные и хронологические группы. Приняв за основную таксономическую единицу археологическую культуру, исследователь разбил ее на этапы (Грязнов 1969: 21) и, таким образом, более точно определял хронологию отдельных археологических памятников. Деление культуры на локальные варианты, по мысли М. П. Грязнова, позволяло установить более четкое территориальное распространение культуры и выявлять этнические взаимосвязи (Там же: 22).

Согласно представлениям М. П. Грязнова механизм выделения археологических культур основан на классификации археологических объектов. Он отмечал, в первую очередь, что важна типологическая (или генетическая) систематика археологических артефактов, разделяющая «их по признакам сходства и различия в исторически (генетически) связанные друг с другом группы» (Там же: 18). Таким образом, археологическая культура в таксономической системе замыкала вертикальную иерархию *признак–тип–культура*. При этом М. П. Грязнов справедливо считал, что «определяется тип не по одному какому-нибудь признаку, а по совокупности всех доступных нашему учету особенностей изучаемого объекта» (Там же: 19).

М. П. Грязнов обратил особое внимание на то, что погребальный обряд служил критерием для определения социального статуса человека и, тем самым, дополнительно к типологической классификации материала обуславливал соответствие археологической культуры прошлой действительности. Например, М. П. Грязнов подразделил все курганы «ранней железной культуры Алтая» на две группы: «плоские земляные или каменные холмы небольших размеров и огромные каменные насыпи, диаметром до 50–60 м». Первые предназначались рядовому населению, вторые сооружались для знати. Курганы первого типа нередко имели деревянный сруб, в одной могильной яме хоронили и человека, и лошадь. Основной погребальный инвентарь составляли бронзовые и костяные наконечники стрел, железные и бронзовые ножи, а также узда с украшениями из бронзы и рога. Курганы второго типа встречались значительно реже и были ограблены еще в древности. М. П. Грязнов упоминал, описывая погребальный обряд, что знатного человека хоронили в огромной яме, глубиной до 6,5 м, в деревянном сооружении сложной конструкции вместе с большим количеством лошадей (до 15 особей), украшенных уздечными уборами. Он считал, что

погребальные памятники этой культуры принадлежала кочевникам, у которых наблюдалась яркая социальная дифференциация. Позже М. П. Грязнов развил идею о социальном признаке погребального обряда. Исследовав большие курганы типа Пазырык и Аржан, он пришел к выводу о том, что только рядовые могилы общинников характеризуют конкретную социальную и этническую группу. По курганам племенной знати и царским погребениям можно квалифицировать не столько особенности культуры высших слоев общества, сколько быт и культуру всего общества в целом, его связи с народами других стран (Грязнов 1950: 41; 1980: 53).

Для выделения археологических культур в верховьях Оби М. П. Грязнов использовал методику локального района, предложенную С. А. Теплоуховым. Михаил Петрович выявил удобный для проживания участок с огромным лесным массивом – для охоты, рекой – для рыболовства, пашнями и луговыми пастбищами – для земледелия и скотоводства. Он исходил из того, что площадь урочища Ближние Елбаны на правом берегу р. Оби была расчленена на небольшие участки – дюны, и каждый памятник (поселение, могильник) занимал отдельную небольшую площадку с четкими естественными границами. Он предположил, что «жилища и могильник каждого нового этапа в истории древнего поселка располагались на новом месте. Поэтому здесь не было смежных этапов и весь добытый раскопками вещевой материал может быть относительно легко распределен по отдельным хронологическим группам». В случае же расположения могильника на дюне, служившей раньше местом погребения, или нахождения на одной дюне могильников разных эпох, М. П. Грязнов предлагал использовать стратиграфический метод и типологический анализ (Грязнов 1956: 5–6). К сожалению, методика С. А. Теплоухова в данном микрорайоне не оправдала себя. Как известно, М. П. Грязнов ошибся в датировке фоминского этапа выделенной им верхнеобской культуры. Однако, применение методики локального района при создании периодизации культур показало ее несовершенство и дало возможность исследователям в последующем избежать подобных ошибок.

Механизм развития культуры: зарождение, развитие, упадок, перерастание одной археологической культуры в другую, – по мнению М. П. Грязнова, мог быть как относительно кратким по времени, так и длительным. Он отмечал, что при «революционном» скачке от одной культуры к другой сохраняется мало памятников переходного характера, при эволюционном перерастании одной культуры в другую «значительная часть памятников принадлежит разным вариантам переходных форм и четкой границы между такими смежными культурами нет» (Грязнов 1969: 21).

Археологическая культура в понимании М. П. Грязнова была категорией исторической. Исследователь предложил следующее определение: археологическая культура – это «период в истории конкретного общества со свойственным ему своеобразным характером культуры (т. е. совокупности достижений общества во всех областях его хозяйственной, социальной и идеологической деятельности) отличный от культуры других смежных с ним периодов и от культуры других современных ему обществ» (Грязнов 1969: 20–21). Такое определение не соответствует критериям, предъявляемым к научному понятию. В данном случае не была соблюдена формальная логика при его разработке. Понятие «археологическая культура» дано М. П. Грязновым через неэквивалентное ей понятие «период». Археологическая культура предполагает не только действие во времени, но и в пространстве, а также подразумевает общность археологических памятников. В современной отечественной археологии до сих пор нет единства в определении этого понятия, и дефиниция М. П. Грязнова не стала ведущей. Тем не менее, именно он внес большой вклад в наполнение понятия «археологическая культура» историческим содержанием. Велики заслуги М. П. Грязнова в разработке теоретических проблем отечественной археологии в целом, в т. ч. и в создание понятийного аппарата археологии.

Грязнов 1930а – *Грязнов М. П.* Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930.

Грязнов 1930б – *Грязнов М. П.* Древние культуры Алтая // Сибиреведение. 1930. № 3–4. С. 18–26.

Грязнов 1937 – *Грязнов М. П.* Пазырыкский курган. М.; Л., 1937.

- Грязнов 1939 – *Грязнов М. П.* Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет). М.; Л., 1939. Ч. I–II. С. 399–413.
- Грязнов 1947 – *Грязнов М. П.* Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. 1947. Вып. XVIII. С. 9–17.
- Грязнов 1950 – *Грязнов М. П.* Первый Пазырыкский курган. Л., 1950.
- Грязнов 1952 – *Грязнов М. П.* Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. 1952. Т. XVI. С. 129–162.
- Грязнов 1956 – *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956 (МИА. № 48).
- Грязнов 1969 – *Грязнов М. П.* Классификация, тип, культура // Теоретические основы советской археологии. Л., 1969. С. 18–22.
- Грязнов 1979 – *Грязнов М. П.* О едином процессе развития скифо-сибирских культур // ТД Всесоюзной археологической конф. «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». 14–17 ноября 1979 г. Кемерово, 1979. С. 4–7.
- Грязнов 1980 – *Грязнов М. П.* Аржан: Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
- Марсадолов 1996 – *Марсадолов Л. С.* История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV вв. до н. э. СПб, 1996.
- Савинов 1995 – *Савинов Д. Г.* «Ранние кочевники» в исследованиях М. П. Грязнова и современное состояние проблемы // III ИЧ памяти Михаила Петровича Грязнова. 1995. Ч. 1. С. 76–80.
- Теплоухов 1927 – *Теплоухов С. А.* Древние погребения в Минусинском крае // МЭ. 1927. Т. III, вып. 2. С. 57–112.
- Теплоухов 1929 – *Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // МЭ. 1929. Т. IV, вып. 2. С. 41–62.
- Теплоухов 1932 – *Теплоухов С. А.* Металлический период // ССЭ. 1932. Т. 3. Стлб. 400–415.

***М. В. Бедельбаева (Караганда, Казахстан)***

### **«Ранние кочевники» М. П. Грязнова: проблема терминологии или терминология проблемы?**

В современной археологии наряду с классическим понятием «ранние кочевники» используются термины: «древние кочевники», «древние скотоводы», «культуры скифского облика», «раннескифские культуры», «культуры сакского круга», «скифо-сибирское культурно-историческое единство» и «ранняя степная цивилизация». Существуют различные определения термина «ранние кочевники». В этой связи рассмотрим правомерность употребления этого прочно вошедшего в научный лексикон понятия.

Стремление М. П. Грязнова «проследить последовательные изменения в хозяйственной и социальной жизни племен» и определить стадии развития кочевых обществ, привело к формированию концепции «эпоха ранних кочевников» (Грязнов 1939: 400). Логика этого понятия включает временной и пространственный принципы интерпретации археологических материалов. Ученый ввел термин в научный аппарат, опираясь на археологические данные по Алтаю, Казахстану, Южной Сибири и сопредельным территориям. Эпоха ранних кочевников соответствует раннему железному веку. Концепция была теоретически обоснована в докладе на заседании Сектора бронзы и раннего железа ЛОИИМК (Грязнов 1947). Вначале М. П. Грязнов относил все памятники эпохи ранних кочевников на Алтае ко времени, близкому к началу нашей эры. После открытия кургана Аржан он определил ее раннюю дату VIII–VII вв. до н. э., расширив примерно до девяти веков период от возникновения кочевого хозяйства до раннего средневековья (Грязнов 1983: 9).

Эта дефиниция не ограничена хронологическими и территориальными рамками. Ее емкость определяется тем, что М. П. Грязнов в своих работах коснулся не только становления производящего хозяйства, развития транспортных средств, но и рассмотрел социальную организацию и

стратификацию общества, культурные связи населения, его мировоззрение и искусство. Новое понятие встретило как поддержку, так и критику со стороны коллег, вызвав острую дискуссию, отголоски которой слышны и в наше время.

С. И. Руденко усматривал в термине «ранние кочевники» элементы догматизма и влияние теории стадильности. Он был категорически не согласен с этим понятием (Руденко 1960: 162–164). Ученый полагал, что скифский период следует датировать VII–IV вв. до н. э., не разделяя его на отдельные этапы, хотя и указывал на существенные отличия археологических материалов Северного Причерноморья и Горного Алтая. Говоря о скифской культуре Горного Алтая, он использует понятие «древние кочевники» (Руденко 1952: 257–258). С. С. Черников считал, что термин «ранние кочевники» выражает суть процессов, происходящих в евразийских степях в I тыс. до н. э. Однако, широкое использование этого понятия в территориальном (оседлое население ряда этнокультурных зон) и хронологическом смыслах он считал неоправданным, употребляя этнонимы письменных источников (сако-массагетская, скифская и др. культуры). Термин «эпоха поздних кочевников» он отвергал, поскольку названия кочевых этносов рубежа тысячелетий представлены в нарративных источниках (Черников 1960).

Понятие «древние кочевники», получившее распространение как в этнографии, так и в археологии, стало видоизменением термина М. П. Грязнова. Эпоха древних кочевников включает два периода (скифо-сакский и гунно-сарматский), граница между которыми приходится на рубеж III–II вв. до н. э. В пользу данного термина применительно к I тыс. до н. э. высказался А. М. Хазанов, который выделил три кочевнические эпохи – древнюю, средневековую и нового времени (Хазанов 1975: 272). По А. М. Хазанову, системообразующим критерием является тесная связь между кочевыми и оседло-земледельческими обществами. Он полагает, что природа археологических источников не способствует детальному пониманию доисторических форм кочевого скотоводства (Хазанов 2000: 13). Ученый считает, что в хозяйстве и общественной структуре поздних и ранних кочевников нет существенных различий.

А. Д. Грач использовал понятие «ранние кочевники», подразумевая под ним «население, оставившее памятники скифского времени, найденные в Южной Сибири и Казахстане». Термин «древние кочевники» он считал более емким, но оговаривал, что оба они условны и не отражают хронологической и этнокультурной специфики. Поскольку в рассматриваемый период на территории ряда этнокультурных зон образ жизни был оседлым, исследователь полагал, что для большей части Казахстана эпоху древних кочевников нужно называть сакским и гунно-сарматским временем (Грач 1980: 5, 6).

Д. Г. Савинов определил возможности использования вышеперечисленных понятий при рассмотрении этнокультурной истории древних и средневековых народов Западной и Южной Сибири. В работе, посвященной анализу термина «ранние кочевники» (Савинов 1975), он отмечает, что это понятие носит формационный характер и отражает глубину стоящих за ним историкокультурных процессов. Ученый относит к эпохе ранних кочевников период от конца эпохи бронзы до начала становления государств. Для него характерна соционормативная модель культуры, основанная на полукочевом или отгонном скотоводстве с присущим ему уровнем развития социальных отношений, идеологии и искусства (Там же: 79–80). Д. Г. Савинов не видит принципиальных отличий в хозяйстве ранних и поздних кочевников, в связи с чем не одобряет термин «поздние кочевники», выделяя гунно-сарматское время как позднюю границу эпохи ранних кочевников.

С. И. Вайнштейн (1973) называет ранними кочевниками древние степные племена (скифское и гуннское время), у которых формировалось кочевничество, а поздними кочевниками – раннесредневековые скотоводческие народы с особыми формами материальной культуры (приспособленная к кочевому быту войлочная решетчатая юрта, жесткое седло со стременами и др.).

М. Ф. Косарев (1986) поддерживает разделение кочевников на ранних и поздних, причем ранние кочевники заслуживают положительной исторической оценки вследствие хозяйственного освоения ими незаселенных степных междуречий, здоровых отношений с земледельческим миром

и мощных культурных импульсов, влияющих на окружающие племена. Поздние кочевники играли отрицательную роль как жестокие разрушители достижений городских цивилизаций.

В. С. Ольховский использует предложенный им термин «раннекочевнический культурный комплекс» для обозначения совокупности артефактов, характерных для кочевников скифской эпохи (Ольховский 1997: 88). Тем самым он подтверждает целесообразность использования рассматриваемого термина.

В пользу термина М. П. Грязнова высказался В. М. Массон, полагая, что эпоха ранних кочевников была решающим рубежом в развитии общества, практикующего степной образ жизни в пору перехода к всадничеству и подвижному скотоводству, когда сложились предпосылки формирования т. н. кочевых империй (Массон 2002).

Критикуя формационную схему, согласно которой кочевники разделили на древний дофеодальный и средневековый феодальный, Н. Н. Крадин считает ошибочной градацию на «ранних» и «поздних» кочевников. Ученый также отрицает преемственность между древними и поздними кочевниками Центральной и Внутренней Азии, хотя и допускает вероятность культурной диффузии (Крадин 2007: 17, 80–81).

Древние, средневековые и более поздние кочевники имели сходный экономический базис, который оставался неизменным на протяжении столетий. В консервативной кочевой среде, будь то «ранние» или «поздние» кочевники, не происходит коренных изменений.

Среди ученых Казахстана продолжается полемика о природе понятия «ранние кочевники». К. М. Байпаков полагает, что от него необходимо отказаться. По мнению ученого, термин «скифский мир» является более точным, чем понятия «скифо-сибирское единство» и «скифо-сибирский мир» (Байпаков 2008: 54–57). Он не отождествляет термины «эпоха ранних кочевников» и «ранний железный век», утверждая на основании раскопок поселений саков и усуней в Южном Казахстане, что массового перехода к кочевничеству в период поздней бронзы и раннего железа не было (Байпаков 2007: 65, 66). С этим выводом можно поспорить, поскольку изначально исследователи утверждали, что в рамках эпохи ранних кочевников существует как минимум три типа хозяйства: кочевое, полукочевое и полуседлое скотоводство, допускающее земледелие как специализированное домашнее хозяйство в пригодных для этого экологических зонах. Кроме того, основной критерий выделения раннего железного века (освоение железа) признается всеми учеными. Поэтому отказ от устоявшегося соотношения «ранний железный век» и «ранние кочевники» не целесообразен.

Н. Алимбай считает обоснованным употребление понятия «ранние кочевники», поскольку эпоха сложения скифо-сакской этнокультурной традиции была периодом начального формирования кочевничества в хозяйственной, социальной и идеологической сферах. В литературе этот термин используется не только для обозначения населения раннего железного века определенного региона, но и для маркировки скифо-сакского социума – предтечи зрелого кочевничества (Алимбай 1998: 29–30). Рассматривая переход общества «ранних кочевников» к следующей стадии, ученый отмечает длительную «циклическую» фазу, которую считали стагнацией. Н. Алимбай подчеркивает, что «движение по кругу» характеризовало способ адаптации ранних кочевников к меняющимся условиям своего существования, который был обусловлен экологическими, хозяйственными, социокультурными и внешнеполитическими условиями. Растянувшееся на тысячелетия сложение зрелой стадии кочевничества оказалось необратимым.

Некоторые казахстанские исследователи употребляют понятие «древние скотоводы» (Самашев, Мильников 2004: 5; Самашев и др. 1999; 2001; Онгар 2010). Содержание этого термина нейтрально в отношении оседлоземледельческого населения и говорит о попытке компромисса в использовании новой методологии и «устоявшейся» терминологии. Понятие «древние скотоводы» допустимо в определенных пределах.

Задача археологии состоит, наряду с прочим, в выработке новых понятий, которые позволяют познавать действительность, поскольку методология науки не является неизменной. Развиваясь, она

принимает новые формы – от эволюционизма и формационного подхода в советский период до теории цивилизаций настоящего времени. Этногенетические связи культур евразийских степей I тыс. до н. э. привели исследователей к идее скифо-сибирского культурно-исторического единства, а позднее – к мысли о «степной цивилизации».

А. И. Мартынов был первым, кто перенес этот термин на скифо-сакский мир (Мартынов 1989). По его мнению, об интеграции древних кочевников свидетельствуют гробницы элиты, требующие больших затрат на их постройку и демонстрирующие возможности единоличной власти в обществе, а также его высокую культуру. В работах А. И. Мартынова, отстаивающего понятие «степная цивилизация», рассмотрены специфичные и многофункциональные формы экономики и культуры кочевых сообществ, а также их характерные признаки: наличие государственности, регулярные торговые, культурные и политические связи в степной и горной зонах, культурно-мировоззренческая общность населения (Мартынов 2008).

С критикой А. И. Мартынова выступил В. Ю. Зуев (1991), считающий, что к настоящему времени не выявлены критерии, по которым можно выделить степную кочевую цивилизацию. В. А. Башилов полагает, что историческое понимание термина «цивилизация» соответствует раннеклассовому обществу. Ни один из ее признаков не прослеживается в археологических культурах скифо-сибирского мира, оставленных объединениями ранних кочевников, для которых не доказано существование государства (Башилов 1993). По мнению Н. Н. Крадина, общества евразийских кочевников I тыс. до н. э. не соответствовали стадии цивилизации из-за отсутствия в степной зоне письменности и городов (Крадин 2007: 87–89). Идею А. И. Мартынова о «скифской цивилизации» критикует также Л. Т. Яблонский (2003: 72–73). Я. А. Шер констатирует, что понятия «скифо-сибирское историко-культурное единство» и «цивилизация ранних кочевников Евразии» неудачны, т. к. М. П. Грязнов усматривал в формировании скифского мира не «единство», а сходство культур самобытных племен (Шер 2002: 79). Таким образом, идея о существовании скифо-сибирского единства не нашла поддержки среди ученых.

Крупнейший исследователь номадизма К. А. Акишев определил феномен степной цивилизации как совокупность культурных типов, присущих высоко развитому обществу, главной закономерностью которого он считал евразийское историко-культурное единство, предполагавшее взаимодействие с земледельческими цивилизациями. Это выразилось в многообразии культур, этногенезе, обмене и торговле (Акишев 1998). Ученый считал, что скотоводческие общества, способные создавать высокоорганизованные военно-политические социумы, имеют самобытную культуру, нашедшую отражение в археологическом материале раннего железного века Казахстана. Он полагал, что эти социумы составляют «степную цивилизацию» (Акишев и др. 2003).

Аналогичная точка зрения выражена в работе М. К. Хабдулиной. Она определяет кочевую цивилизацию как «особую социокультурную систему, имеющую историческую целостность, протяженность во времени, возникновение и функционирование которой связано с определенной экологической средой» (Хабдулина 1997: 5). Правомерность употребления этого термина исследовательница усматривает в наличии «Страны городов» в Южном Зауралье и сопредельных районах Казахстана. Монументальная архитектура и планиграфия этих укрепленных центров позволяют назвать их городами. Цивилизационный ресурс, накопленный в эпоху бронзы, проявляется в I тыс. до н. э. в ходе становления и развития кочевого скотоводства. Анализируя данные об открытии поселений сако-усуньского времени на юге Казахстана и в Киргизии (Байпаков 2008) и оседлых памятников раннего железного века в степной зоне Центрального Казахстана (Бейсенов 2002; Бедельбаева и др. 2007), М. К. Хабдулина считает экономическую самостоятельности кочевников более высокой, чем полагали ранее. Экономика кочевников обладала потенциалом, достаточным для жизнеобеспечения. Следовательно, есть все основания считать номадизм цивилизацией. М. К. Хабдулина использует понятие «кочевая цивилизация». По ее мнению, степь является природным массивом, неоднородным по своим физико-географическим характеристикам и разнообразным в историко-культурном измерении. Поэтому термин «степная цивилизация» звучит слишком расплывчато (Хабдулина 1997: 9).

Анализируя истоки цивилизации кочевников, В. Ф. Зайберт определяет ее содержание как сочетание скотоводческой экономики и потестарной организации. Потестарность кочевых обществ определяется, по его мнению, тем, что верхушка общины управляла ее хозяйственными, социальными и духовными процессами. Исследователь отмечает «неординарность и глубокое своеобразие раннегосударственных структур степных обществ» (Зайберт 2007: 84). Ученые Казахстана отмечают, что расцвет степной скотоводческой цивилизации приходится на скифо-сакское время. Накопленный в эту эпоху цивилизационный ресурс стал условием формирования древнетюркской цивилизации.

Итак, в историографии отсутствует однозначный подход к понятию «ранние кочевники», в которое исследователи вкладывают скорее этнографическое, чем историческое содержание. Опыт интерпретации нового археологического материала и новые методологические подходы свидетельствуют, что многие элементы культуры ранних кочевников появились еще в эпоху бронзы, а поздняя граница эпохи ранних кочевников подвижна и зависима от уровня «социологизации» того или иного общества. Поэтому хронологические и территориальные границы эпохи «ранних кочевников» неустойчивы, находясь в зависимости от специфики региональных археологических культур.

Термины «древние кочевники» и «древние скотоводы» вряд ли обладают большей понятийной содержательностью. Устаревшая с точки зрения современной археологии терминология становится историографической, т. е. необходимой для понимания эволюции научного знания. Это не относится к понятию «ранние кочевники», поскольку нет исследователей древней истории Алтая, Сибири, Казахстана и Центральной Азии, которые не использовали бы в своих трудах этот термин. По всей видимости, он имеет право на существование, отражая контекст эпохи в ее экономическом, социальном и мировоззренческом проявлениях. Развитие этой идеи на основе новых археологических методов позволит уточнить хронологическое соотношение разных культур евразийского степного континуума и подкрепить новыми аргументами идею М. П. Грязнова о полицентричности и стадильности культур скифо-сакского типа.

- Акишев 1998 – *Акишев К. А.* Степная цивилизация номадов (смысл феномена) // Археологическое наследие Урало-Казахстанских степей. Лисаковск, 1998. С. 54–59.
- Акишев и др. 2003 – *Акишев К. А., Акишев А. К., Хабдулина М. К.* Предисловие // Степная цивилизация Восточной Евразии: Древние эпохи. Астана, 2003. Т. 1. С. 3–7.
- Алимбай 1998 – *Алимбай Н.* Община как социальный механизм жизнеобеспечения в кочевой этноэкосистеме // Традиционная культура жизнеобеспечения казахов: Очерки истории и теории. Алматы, 1998. С. 10–62.
- Байпаков 2007 – *Байпаков К. М.* Оседлость, земледелие и городская жизнь у саков и усуней Жетысу (VII–IV вв. до н. э.) // Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства: Матер. междунар. науч. конф. Алматы, 2007. С. 62–66.
- Байпаков 2008 – *Байпаков К. М.* Поселения саков и усуней Жетысу и Алматы. Алматы, 2008.
- Башилов 1993 – *Башилов В. А.* Можно ли считать скифо-сибирский мир «цивилизацией кочевников»? // КСИА. 1993. Вып. 207. С. 36–37.
- Бедельбаева и др. 2006 – *Бедельбаева М. В., Варфоломеев В. В., Ильин Р.* Центральное-казахстанское поселение Кыштан в системе памятников начальной фазы раннего железного века // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2006. Вып. XV. С. 163–167.
- Бейсенов 2001 – *Бейсенов А. З.* К проблеме поиска и изучения поселений раннего железного века Центрального Казахстана // Исторична наука: проблеми розвитку. Луганск, 2002. С. 9–12.
- Вайнштейн 1973 – *Вайнштейн С. И.* Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии. М., 1973.
- Грач 1980 – *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
- Грязнов 1939 – *Грязнов М. П.* Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. М.; Л., 1939. Т. 2. С. 399–411.

- Грязнов 1947 – *Грязнов М. П.* Памятники майемирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. 1947. Вып. 18. С. 9–17.
- Грязнов 1983 – *Грязнов М. П.* Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. С. 3–18.
- Зайберт 2007 – *Зайберт В. Ф.* У истоков кочевничества // Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства: Сб. матер. междунар. науч. конф. Алматы, 2007. С. 76–84.
- Зуев 1991 – *Зуев В. Ю.* К вопросу о «скифской цивилизации» // Древние культуры и археологические изыскания: Матер. к пленуму ИИМК 26–28 ноября 1991 г. СПб, 1991. С. 58–63.
- Крадин 2007 – *Крадин Н. Н.* Кочевники Евразии. Алматы, 2007.
- Косарев 1986 – *Косарев М. Ф.* Экологические аспекты археологического исследования (по западно-сибирским материалам) // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск, 1986. С. 3–17.
- Мартынов 1989 – *Мартынов А. И.* О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н. э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 284–292.
- Мартынов 2008 – *Мартынов А. И.* Проблемы изучения евразийской степной цивилизации // Номады казахских степей: этнокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Астана, 2008. С. 10–19.
- Массон 2002 – *Массон В. М.* О трех эпохах в древней истории евразийских степей // СЕДС. 2002. Кн. I. С. 54–55.
- Онгар 2010 – *Онгар А.* Погребальный обряд населения Казахского Алтая и Жетысу в раннем железном веке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2010.
- Ольховский 1997 – *Ольховский В. С.* Скифская триада // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М., 1997. С. 85–96 (МИАР. Вып. 1).
- Руденко 1952 – *Руденко С. И.* Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952.
- Руденко 1960 – *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
- Савинов 1975 – *Савинов Д. Г.* К выделению ранних и поздних элементов в культуре пазырыкского времени // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975. С. 49–52.
- Савинов 1995 – *Савинов Д. Г.* «Ранние кочевники» в исследованиях М. П. Грязнова и современное состояние проблемы // III ИЧ памяти М. П. Грязнова. Омск, 1995. Ч. 1. С. 76–80.
- Самашев, Мыльников 2004 – *Самашев З. С., Мыльников В. П.* Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел). Алматы, 2004.
- Самашев и др. 1999 – *Самашев З. С., Жумабекова Г. С., Сунгатай С.* Новые исследования на могильнике Берель в Восточном Казахстане // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 159–164.
- Самашев и др. 2001 – *Самашев З. С., Фаизов К. Ш., Базарбаева Г. А.* Археологические памятники и палеопочвы Казахского Алтая. Алматы, 2001.
- Хабдулина 1997 – *Хабдулина М. К.* Кочевая цивилизация: критерии и понятия // Изв. Министерства науки и АН Республики Казахстан. Алматы, 1997. № 1. С. 3–9.
- Хазанов 1975 – *Хазанов А. М.* Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей. М., 1975.
- Хазанов 2000 – *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000.
- Черников 1960 – *Черников С. С.* О термине «ранние кочевники» // КСИИМК. 1960. Вып. 80. С. 17–21.
- Шер 2002 – *Шер Я. А.* М. П. Грязнов и некоторые вопросы археологии ранних кочевников // СЕДС. 2002. Кн. I. С. 78–82.
- Яблонский 2003 – *Яблонский Л. Т.* Археология и скифология в этноисторической реконструкции // Российская археология. 2003. № 4. С. 71–79.

## Так называемые оселки сарматского времени из могильника Филипповка 1: естественнонаучные исследования

*Одна из первых задач археолога при изучении любой вещи –  
установление ее функции (Грязнов 1961)*

*Введение.* В статье, выдержка из которой стала эпиграфом к данной работе, М. П. Грязнов писал: «К числу древних вещей, функция которых определена первыми же исследователями без каких-либо специальных изысканий, относятся каменные оселки – точильные бруски скифо-сарматского времени» (Грязнов 1961: 139). И далее, проведя тщательное исследование поверхности «оселков», ученый приходит к выводу, что на самом деле это предметы культово-магического назначения или амулеты (Там же: 142). Таким образом, исследователь впервые поставил под сомнение функциональное назначение каменных предметов, которые в скифо-сарматское время носили на поясе. Именно такой способ ношения фиксируется теперь не только предположениями М. П. Грязнова, но и изображениями «оселков» на изваяниях скифского времени (Ольховский, Евдокимов 1994: табл. 11). Однако после раскопок могильника скифского времени у сел. Филипповка (Yablonsky 2010) возник вопрос, все ли «оселки» действительно являлись амулетами или некоторые из них, в т. ч. и упомянутый М. П. Грязновым предмет из Чертомлыка (Грязнов 1961: 142–144) могли иметь иное назначение?

*Обзор филипповской коллекции оселков (гендерные исследования).* По результатам минералого-технологического анализа оселки из *мужских* погребений Филипповки 1 (половозрастные определения выполнены в поле Л. Т. Яблонским) можно разделить на две группы по форме и материалу: 1) оселки группы 1 имеют форму стержня; сечение – круг, овал или прямоугольник со сглаженными углами; сделаны из темно-серого или бурого алевролита; 2) оселки группы 2 имеют форму уплощенного длинного овоида; сечение – длинный прямоугольник или овал; сделаны из светлого кварца или кварцита.

Все они отличаются высоким качеством обработки (выведение формы, степень шлифовки). Поверхность большинства оселков не несет следов сработанности или использования, они имеют отверстия для подвешивания. Замечено, что стержневидные оселки из темного алевролита считались особо ценными: именно среди них есть экземпляры с золотой ручкой (три из пяти образцов). Овоидные оселки из кварца или кварцита золотом не оправлялись.

Оселки из *женских* погребений также можно разделить по форме и материалу на две группы: 1) оселки группы 1 имеют ножевидную форму вследствие обкалывания и грубой пришлифовки пластин камня: утолщение имитирует «ручку», а уплощенная пластина – «лезвие». У них отсутствуют отверстия. Их поверхности несут следы интенсивного использования для заточки предметов. Они изготовлены из яшмоида. В могилах лежали в ногах погребенной, иногда вместе с железным ножом; 2) группа 2 – фрагменты стержневидных оселков. Они представлены либо обломками верхней части оселка с отверстием (имеют грани, образованные при активном *вторичном* использовании обломка в качестве пестика для растирания или толчения), либо фрагментами нижней части оселка (на поверхности отчетливы следы длительного истирания плоскими железными предметами). Сделаны из алевролита, визуально идентичного алевролиту оселков из мужских погребений. Фрагменты оселков в женских погребениях лежали рядом с горшками (в голове или в ногах погребенной).

В *женских* погребениях поверхность целых оселков несет следы интенсивного функционального использования. С ними иногда встречаются твердые камни со следами заточки тонких узких предметов (игл, шил) или мягкие камни (желтые охры), использовавшиеся для чистки или полировки металлических предметов. Фрагменты оселков, сходных с «мужскими», использовались как

терочники в мелких ступках или каменных жертвенниках. Вместе с ними во всех погребениях обнаружены точильные камни со следами интенсивного истирания плоских поверхностей.

Технологические характеристики и выявленные закономерности распределения оселков в мужских и женских погребениях из Филипповки 1 показали, что *мужские оселки не использовали для затачивания инструментов* (Аникеева, Яблонский 2009). Таким образом, если признать, что в могилы действительно помещали предметы, которые использовались погребенными при жизни, то «оселки» из *мужских* погребений являлись своеобразными амулетами или знаками отличия, которые подвешивали к поясу, как и предполагал ранее М. П. Грязнов (1961: 142). Женщины оселки и их обломки использовали для производственных (бытовых) нужд или в домашнем культе в качестве терочников для алтариков.

*«Золотые оселки» из Филипповки 1: общие сведения.* Рассмотрим вопрос об особом назначении трех «оселков» из Филипповки, верхние части которых были оправлены золотом. Один такой предмет был найден в дромосе кургана 1. По мнению автора публикации (Korolkova 2000: 82, № 7), «оселок» («whetstone») изготовлен из песчаника.

В погр. 2 кург. 29 были найдены два каменных предмета с отверстиями для подвешивания, напоминающие широко известные в археологии ранних кочевников Евразии оселки, но оправленные золотом. Несмотря на попытку ограбления погребальной камеры в древности, на дне ее были расчищены остатки двенадцати скелетов, которые принадлежали разновозрастным мужчинам, женщинам и подростку. Один из таких предметов (рис. 1, 1) находился у внутренней поверхности правой бедренной кости скелета 1 (пожилой мужчина). Другой, похожий на оселок предмет (рис. 1, 2), был найден при скелете 5, принадлежавшем мужчине, который умер в возрасте 40–45 л. Предмет располагался у верхнего эпифиза левой бедренной кости.

*Обзор каменных «оселков» с золотыми навершиями из памятников скифской эпохи.* Каменные бруски-оселки с декоративным золотым навершием встречаются в мужских погребениях элитных курганов скифского времени (рис. 1, 3–8). Они были найдены в кург. 1 Филипповки, курганах Чертомлык (Артамонов 1966; Пиотровский, Кузеев 2001), Салгир, Карагодеушх, Зубов хутор, Феттерсфельде (Артамонов 1966), Куль-Оба (Артамонов 1966; Piotrovsky 1986: 186–187; Уильямс, Огден 1995), Малая Близница (Piotrovsky 1986), Ахтанизовка, Талаевском (Грязнов 1961; Piotrovsky 1986), в кург. 9 мог-ка Вани 1 (Шамба и др. 2006).

Можно отметить, что все эти оселки имеют стержневидную форму, изготовлены из плотных темных мелкозернистых пород и имеют золотые колпачки-навершия двух видов: затейливо орнаментированные или гладкие. Мы не нашли упоминаний о подобных каменных предметах, оправленных в какой-либо другой металл. В элитных воинских комплексах из Центральной Абхазии (Шамба и др. 2006) есть находки оселков с гладкой золотой ручкой и стержневидного оселка, имеющего с двух концов по два желобка и характерные потертости (вероятно, следы шлифовки камня под навершия). Было предположено, что оселок был с двух сторон оправлен в металл. Допустить, что оселок мог быть украшен с двух сторон, по мнению авторов, позволяет находка золотого колпачка без отверстия или петельки для подвешивания в Бердянском кургане (Scythian Gold... 1999: cat. 100).

Условно можно выделить три группы каменных «оселков» с золотыми навершиями: 1) с овальным сечением, в орнаменте золотого навершия отчетливо видны элементы растительного орнамента (Талаев курган, курганы Куль-Оба, Малая Близница; рис. 1, 3–5); 2) с прямоугольным сечением, в орнаменте золотого навершия преобладают геометрические элементы (рис. 1, 8; нахождение неизвестно, опубликован в фотоальбоме: Шедевры Платар... 2004: № 123); 3) с овальным и прямоугольным сечениями, с гладкой неорнаментированной ручкой (кург. Чертомлык и кург. 1 мог-ка Филипповка; рис. 1, 7 и 6). Оселки с гладкой неорнаментированной ручкой также встречены в кург. Салгир, Карагодеушх, Зубов хутор, Феттерсфельде (Артамонов 1966), Вани I в Абхазии (Шамба и др. 2006).

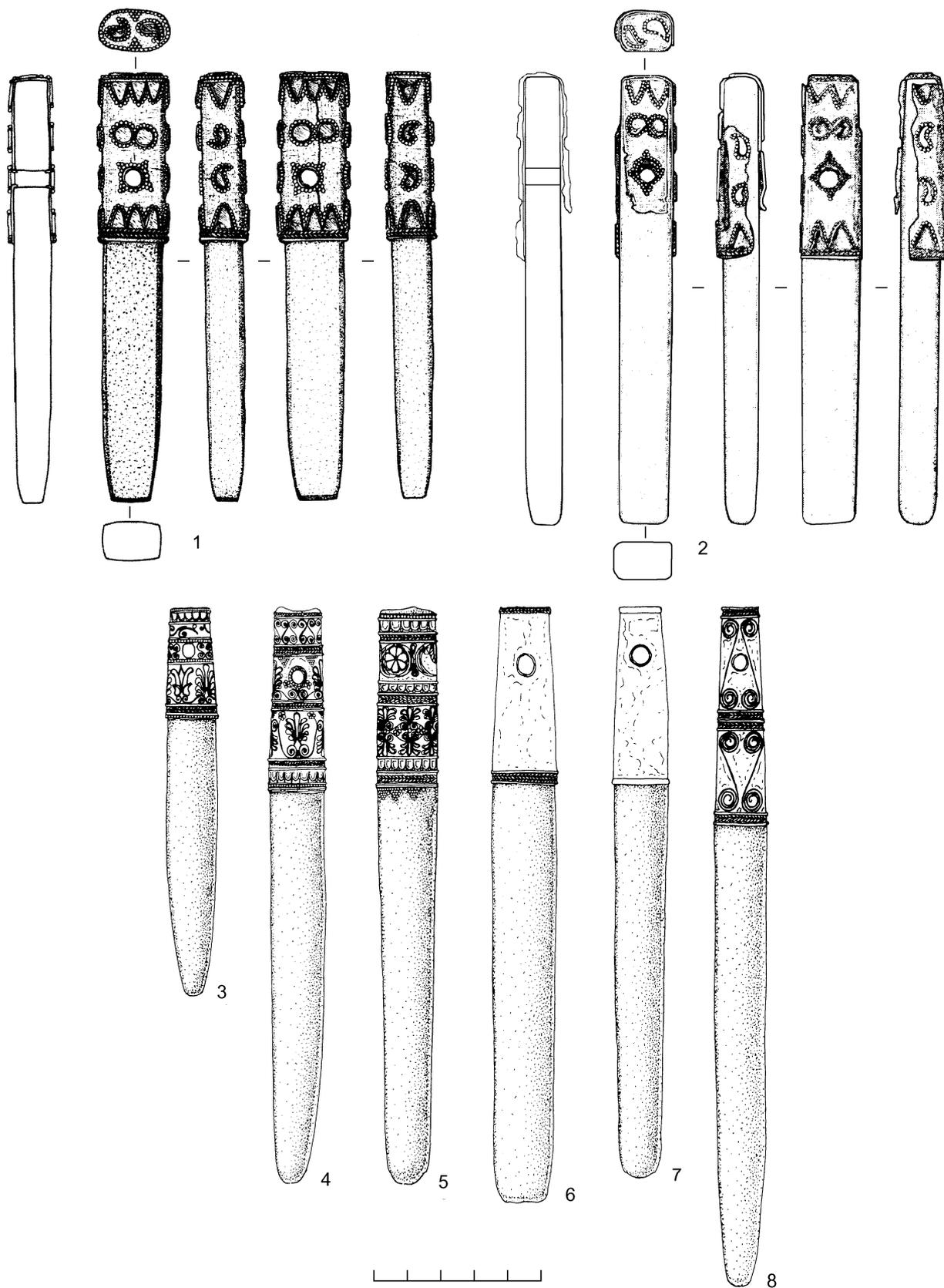


Рис. 1. Каменные оселки с золотыми наконечниками: 1–2 – мог-к Филипповка, кург. 29, погр. 2;  
 3 и 4 – Талаев кург. и Малая Близнаца (по Piotrovsky 1986); 5 – Куль-Оба (по Уильямс, Огден 1995);  
 6 – мог-к Филипповка, кург. 1 (по Пиотровский, Кузеев 2005); 7 – Чертомлык (по Артамонов 1966);  
 8 – местонахождение неизвестно (по Шедевры Платар... 2004)

«Золотые оселки» из Филипповки 1: типология. Всего в коллекции находок из филипповских курганов есть три каменных оселка с декоративными золотыми наконечниками: оселок (№ 831/416) из кург. 1 (Korolkova 2000: 82, № 7; Пиотровский, Кузеев 2001: кат. 8) и два оселка из коллективного погр. 2 кург. 29 (рис. 1, 1, 2). Оселок из кург. 1 (рис. 1, б) относится к группе 3, оселки из кург. 29 – ближе к группе 2 (по орнаменту наконечника, форме и сечению каменного стержня).

В одной из публикаций оселка из Куль-Обы (Уильямс, Огден 1995: 142) он условно отнесен к пробирным камням (по близости характеристик камня к т. н. лидийскому камню, использовавшемуся для пробирования золота). Для проверки этой гипотезы была предпринята попытка исследовать горные породы, из которых сделаны два оселка из погр. 2, кург. 29 (№ 37, 63 по полевой описи находок ПАЭ ИА РАН 2008 г.) естественнонаучными методами (Яблонский и др. 2011).

*Общие сведения о пробирных камнях.* В справочной литературе (Пробирный анализ. Пробирный камень 1955: 558–559; Геологический словарь 1978, 1: 391; 2: 395, 423) термины «пробирный камень» и «лидийский камень» (лидит, геол. – черные плотные непрозрачные породы, цвет обусловлен значительным содержанием углистого или органического вещества; название получил по древнеримской провинции Лидия в Малой Азии; в Древнем Риме широко использовался как пробирный камень и абразив – Браунс 1906: 60) употребляются как синонимы. В справочниках по пробирному анализу (Пробоотбирание... 1978: 114; Справочник пробирера 1953: 98) основные требования к пробирному камню следующие: твердость породы 4,7–7; отсутствие включений, прожилок и трещин; инертность к неорганическим соединениям, применяемым при пробирном анализе; матовая, неполированная поверхность камня; при нанесении на его поверхность полосок не допускается образование царапин и беловатой пыли; одинаковая плотность натира полосок; содержание углерода 8–23 %; остальных примесей (Al, Fe, Ca, Mn и др.) – не более 2 %.

Метод опробования драгоценных металлов на пробирном камне при помощи набора эталонов – пробирных игол известен давно. В Лейденском папирусе – сборнике 111 рецептов по химии и металлургии (III в. до н. э., найден в гробницах Фив) есть сведения, что в Древнем Египте в VI–V вв. до н. э. и позднее в Древнем Риме пробирование золота осуществлялось методом купелирования (от фр. «*coupelle*» – чашечка – окислительное плавление сплава свинца с золотом или серебром с целью выделения их в чистом виде; купелирование основано на том, что свинец и другие неблагородные металлы при высокой температуре легко окисляются кислородом воздуха, тогда как золото и серебро не изменяются) (Голодаева: <http://technojewel.com/?cat=10>). Древние греки не знали пробирования золота с помощью эталонных игл на пробирном камне. Но этот способ был известен в Индии с середины I тыс. до н. э. (Wichli 1981: 154).

Пробирные иглы – латунные полоски длиной около 6 см, к передним концам которых припаяны маленькие полоски из сплава драгоценных металлов с точно известной пробой (Плаксин 1947: 85). Перед работой пробирный камень шлифуют шкуркой или вторым пробирным камнем, моют, запаривают кипятком на несколько минут, обтирают насухо и смазывают растительным маслом (оливковым, льняным, кедровым, миндальным, ореховым и др.), затем протирают насухо тканью или ватой. Метод опробования изделий на пробирном камне осуществляется натиранием на подготовленную поверхность камня полосок одинаковой плотности исследуемым сплавом и пробирной иглой – эталоном с известным содержанием золота. Предварительная подготовка поверхности камня обеспечивает одинаковую плотность натиров для получения сравнимых результатов (Голодаева: <http://technojewel.com/?cat=10>).

Главными преимуществами указанного метода являются быстрота определения содержания драгоценных металлов, сравнительная простота пользования и минимальная порча определяемых сплавов или изделий. Метод дает возможность не только качественно, но и количественно определить содержание платины, золота и серебра. Необходим практический опыт, чтобы достичь точность определения драгоценного металла до нескольких проб: при опробовании на пробирном камне золота 583/585-й пробы точность определения составляет от трех до пяти проб, содержание благородных металлов в изделиях может быть определено с точностью до  $\pm 3$  проб по золоту и  $\pm 5$  проб по серебру, что отвечает соответственно 0,3 и 0,5 % (Пробоотбирание... 1978).

*Анализ включений на поверхности «оселков» из Филипповки.* При исследовании микроструктуры поверхности каменных оселков методами растровой электронной микроскопии и рентгеноспектрального микроанализа было установлено присутствие на поверхности каждого из оселков двух видов включений. Анализ микроструктуры алевролитов позволяет утверждать, что обнаруженные включения для породы являются инородными, т. е. искусственно нанесенными (Аникеева 2010: 200). На поверхности одного оселка установлены два типа включений:

I – сплавы, содержащие медь, серебро и золото (Аникеева 2010: рис. 5, табл. 1). Включения «выстраиваются в линии», перпендикулярные длинной стороне оселка. Во всех трех включениях золото преобладает и его содержания близки, серебро и медь присутствуют в качестве примеси; в первом – преобладает примесь меди, во втором – примесь серебра, в третьем – содержания меди и серебра близки. При пересчете содержания этих элементов на 100 % получается, что включения принадлежат практически чистому золоту с незначительной примесью серебра и меди: 1 вкл. – золото 95 %, серебро 2,2 %, медь 2,8 %; 2 вкл. – золото 94 %, серебро 3,3 %, медь 2,7 %; 3 вкл. – золото 94,3 %, серебро 2,7 %, медь 3 %;

II – сплав, содержащий соединения олова. Линии включений хаотичны (Аникеева 2010: рис. 6, табл. 2).

На поверхности второго оселка установлены также два типа включений:

I – сплавы, содержащие серебро и золото (Аникеева 2010: рис. 8, табл. 4). Включения «выстраиваются в линию», перпендикулярную длинной стороне оселка. Если пересчитать в каждом включении содержание этих элементов на 100 %, то получится, что включения принадлежат сплавам золота и серебра с преобладанием золота: 1 вкл. – золото 58 %, серебро 42 %; 2 вкл. – золото 69 %, серебро 31 %; 3 вкл. – золото 61,8 %, серебро 38,2 %.

II – содержащие железо (Аникеева 2010: рис. 7, табл. 3). Включения беспорядочно концентрируются на площадях в несколько квадратных мм. Присутствие микрорадиальной трещиноватости породы в местах этих включений позволяет предположить, что они появились на поверхности при ударе об нее железным предметом.

Очевидно, что включения типа I в обоих случаях – это сохранившиеся следы от трех линий, нанесенных параллельно длинной стороне оселка. В первом случае определялось содержание чистого золота и количество примеси серебра: в 1-м и 2-м включениях содержания золота и серебра отличаются на фиксированную величину – 1 %; различия между содержаниями серебра и меди также величина фиксированная – 0,6 %. Во втором случае определялось соотношение содержаний золота и серебра: содержания золота и серебра в 1-м и 2-м включениях – величины фиксированные: в 1-м – на 11 % больше серебра, во 2-м – на 11 % больше золота. Содержания золота и серебра в 3-м включении в обоих случаях четко ложатся в промежуток между их содержаниями в 1-м и 2-м включениях.

*Обсуждение результатов изучения «золотых оселков» естественнонаучными методами.* Сопоставление полученных с помощью электронной микроскопии результатов и сопоставление их с известными методиками опробования драгоценных металлов на пробирном камне при помощи набора эталонов (пробирных игл) позволяет утверждать, что изученные оселки с золотыми ручками использовались как пробирные камни. Точность определения в обоих случаях составляла 3 %. На поверхности каждого оселка методами электронной микроскопии установлены следы трех линий, проведенных вдоль длинной стороны оселка: в первом случае методом пробирного анализа определялись проба золота и количество легирующей примеси серебра; во втором случае – соотношение между содержаниями золота и серебра. Вероятно, что первая и вторая линии прочерчены иглами-эталоны, а третья – определяемым сплавом.

С помощью инфракрасной спектроскопии удалось выяснить, что процесс подготовки камня к анализу был близок к современному: поверхности обоих оселков пропитывались маслом растительного происхождения (Аникеева 2010: 197). Это делалось для того, чтобы полоски, нанесенные на камень, получались отчетливые и ровные, что позволяло получать более точные результаты.

Минералого-петрографический анализ показал, что оселки из филипповских курганов по составу и структуре не относятся к лидийскому пробирному камню. Они изготовлены из зеленовато-серых пород, содержащих незначительную примесь органического вещества (или битума). Однако по всем остальным характеристикам они отвечают требованиям, предъявляемым к современным пробирным камням. Также установлено, что породы, из которых изготовлены оселки, происходят из разных местонахождений. Вероятно, они были изготовлены в одном ремесленном центре: техника сверления отверстий, изготовления узора на золотых ручках и способы крепления их к камню в обоих оселках идентичны. Но золотая оправка одного оселка изношена (стерта) на ребрах практически до камня, что свидетельствует о длительности времени его ношения на поясе.

Результаты трасологического обследования показали, что оселок с «поношенной» золотой оправкой был изготовлен значительно раньше. В нем было просверлено отверстие (в 18 мм от края) и какое-то время он действительно использовался для заточки, т. е. выполнял функции оселка. Затем при изготовлении золотой ручки было просверлено второе отверстие (в 29 мм от края) и подшлифованы края оселка. Второй «оселок» сразу же был изготовлен для золотой оправки и для заточки никогда не использовался.

*Были ли кочевники Южного Приуралья ювелирами?* По имеющимся в литературе данным, весьма вероятно, что способы проведения пробирного анализа пришли из Индии (Браунс 1906). Е. А. Голодаева (<http://technojewel.com/?cat=10>), ссылаясь на рецепты по металлургии, приведенные в Лейденском папирусе, упоминала, что анализ драгметаллов на пробирном камне при помощи набора эталонов (пробирных игл) появился в Индии в VIII–VII вв. до н. э. Древние греки не использовали его и в VI в. до н. э. Про Древний Египет данных нет, но судя по тому, что Лейденский папирус найден при раскопках захоронений в г. Фивы и датируется III в. до н. э., не исключено, что египтяне также владели этим способом опробования золота. Весьма вероятно, что из Индии этот способ пробирования со временем мог распространиться на территорию Ахеменидской державы.

Кто же изготовил и использовал пробирные камни? При попытке ответить на этот вопрос можно сформулировать две гипотезы:

Гипотеза 1. На основании полученных данных можно утверждать, что почти 2500 л. т. н. обитатели приуральских степей владели практически современной методикой опробования драгоценных металлов на пробирном камне при помощи набора эталонов (пробирных игл) и делали это с высокой точностью ( $\pm 3$  пробы на каждый анализ).

Гипотеза 2. Кочевники Южного Приуралья получили пробирные камни при тех же обстоятельствах, при которых они получили и другие предметы ахеменидского круга (Трейстер 2008), найденные в могильнике Филипповка 1 – золотые гривны, браслеты, серебряная амфора, светильник в виде зебу и пр. (Сокровища... 2008). Мужчины использовали их вторично – в качестве оселков-амулетов, по М. П. Грязнову (1961). Притом, как было установлено выше, женщины употребляли оселки или их обломки только по прямому назначению – для затачивания инструментов.

Метод опробования на пробирном камне дает возможность не только качественно, но и количественно определить содержание драгметаллов в сплавах и изделиях. Быстрота и точность результатов при использовании этого метода достигается только при наличии большого практического опыта. На поверхности филипповских оселков установлено проведение пробирного анализа с высокой точностью, что, несомненно, свидетельствует о проведении этого анализа в мастерских с высоким уровнем работ с драгметаллами. Поскольку наличие развитого производства работ с драгметаллами у ранних кочевников Приуралья пока не установлено, авторы склоняются в пользу второй гипотезы, полностью подтверждающей соображения М. П. Грязнова.

Аникеева 2010 – Аникеева О. В. «Оселки» – пробирные камни из Филипповки // АПЕССТ. 2010. С. 192–206.

- Аникеева, Яблонский 2009 – *Аникеева О. В., Яблонский Л. Т.* О так называемых оселках из Филипповки // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2009. С. 87–91.
- Артамонов 1966 – *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага, 1966.
- Браунс 1906 – *Браунс Р.* Царство минералов. СПб, 1906.
- Пробирный анализ. Пробирный камень 1955 – Пробирный анализ. Пробирный камень // БСЭ. 1955. Т. 34. С. 557–559.
- Геологический словарь 1978 – Геологический словарь / ред. К. Н. Паффенгольц. М., 1978. Т. 1, 2.
- Голодаева – *Голодаева Е. А.* Неразрушающие методы контроля ювелирных изделий. Пробирный анализ. Ч. 1. Компания «Петрозолото». СПб, URL: <http://technojewel.com/?cat=10>.
- Грязнов 1961 – *Грязнов М. П.* Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР: Сб. статей в честь профессора М. И. Артамонова. Л., 1961. С. 139–144.
- Ольховский, Евдокимов 1994 – *Ольховский В. С., Евдокимов Г. А.* Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. М., 1994.
- Пиотровский, Кузеев 2001 – *Пиотровский М. Б., Кузеев Р. Г.* Золотые олени Евразии. СПб, 2001.
- Плаксин 1947 – *Плаксин И. И.* Опробование и пробирный анализ. М., 1947.
- Пробоотбирание... 1978 – Пробоотбирание и анализ благородных металлов / ред. И. Ф. Барышников. 2-е изд. М., 1978.
- Сокровища... 2008 – Сокровища сарматских вождей (Материалы раскопок Филипповских курганов). Оренбург, 2008.
- Справочник пробирера 1953 – Справочник пробирера / ред. Е. А. Маренкова. М., 1953.
- Трейстер 2008 – *Трейстер М. Ю.* Произведения торевтики ахеменидского стиля и на «ахеменидскую тему» в сарматских погребениях Прохоровского и Филипповского курганных могильников в Южном Приуралье // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008. С. 145–169.
- Уильямс, Огден 1995 – *Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото: Ювелирное искусство классической эпохи (V–IV вв. до н. э.). СПб, 1995.
- Шамба и др. 2006 – *Шамба Г. К., Эрлих В. Р., Джонс А. И., Ксенофонтowa И. В.* Элитные архаические воинские комплексы из Центральной Абхазии. // XXIV КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. Нальчик, 2006. С. 199–202.
- Шедевры Платар... 2004 – Шедевры Платар (трипольская культура в собрании С. Платонова и С. Таруты) / ред. И. Г. Явтушенко. Киев, 2004.
- Яблонский и др. 2011 – *Яблонский Л. Т., Аникеева О. В., Гаршев А. В.* Пробирные камни из могильника Филипповка 1 // Естественнонаучные методы в изучении Филипповского 1 могильника. М., 2011. С. 158–174 (МИАР. № 14).
- Korollkova 2000 – *Korollkova E.* The Fillipovka kurgans and the Animal Style // The Golden Deer of Eurasia. New York, 2000. P. 69–190.
- Piotrovsky 1986 – *Piotrovsky B.* Scythian Art. The legacy of the Scythian World: Mid 7<sup>th</sup> to 3<sup>rd</sup> century B.C. London, 1986.
- Scythian Gold... 1999 – Scythian Gold: Treasures from Ancient Ukraine. New York, 1999.
- Wichli 1981 – *Wichli W.* Touching Precious Metals // Gold Bulletin. Basel, 1981. Vol. 14, no 4. P. 154–158.
- Yablonsky 2010 – *Yablonsky L. T.* New excavations of the Early Nomadic Burial Ground at Filippovka (Southern Ural Region, Russia) // AJA. 2010. No 114. P. 129–143.

## **Оселки с сарматскими тамгами**

Статья Михаила Петровича Грязнова «Так называемые оселки скифо-сарматского времени» (Грязнов 1961), которая навсегда внесла коррективы в интерпретацию этой категории находок, остается актуальной и спустя 50 лет после ее публикации (недавние работы: Малышев 2008: 179; Аникеева 2010: 192). Вывод М. П. Грязнова о том, что оселки, вероятней всего, являются предметами культово-магического назначения или амулетами, по большому счету основан не только на результатах проведенного трасологического исследования. Скорее этот вывод является, по меткому выражению Г. Чайлда, «научным выражением того, что мы не знаем, для чего они предназначались» (Чайлд 1956: 276; Байбурин 1981: 216). Это, конечно, понимал и М. П. Грязнов (1961: 142).

К особенностям оселков скифской эпохи (отсутствие следов их использования по прямому назначению, пестрая порода камня, украшение драгметаллами, форма) в средне- и позднесарматское время добавляется еще и наличие на некоторых из них знаков-тамг. На сегодняшний день известен ряд таких находок с изображением одной и более сарматских тамг.

*Оселок из комплекса кургана близ аула Кончукохабль* (в литературе встречается еще один вариант написания данного топонима – Кунчукохабль). Оселок из мелкозернистого песчаника (рис. 1, 2) происходит из разрушенного в 1960 г. весенним паводком подкурганного погребения близ аула Кончукохабль Теучежского р-на Республики Адыгея (рис. 1, 1:5) (Дитлер 1972: 66). Опубликовавший эту находку П. А. Дитлер сообщает о четырех тамгах, вырезанных на одной из сторон оселка (Там же: 70). Б. А. Раев, недавно предпринявший ревизию материалов комплекса, выявил массу важных подробностей, касающихся различных предметов из погребения (Раев, в печати; благодарю автора за возможность использовать эту работу), включая интересующий нас оселок, на котором были обнаружены неизвестные ранее знаки и граффити (Раев 2012: 230–232). Погребение датируется первой половиной II в. н. э.

*Оселок из слоя городища Казанское 1*. Поврежденный оселок с отверстием для подвешивания (рис. 1, 8) найден при раскопках городища Казанское 1 Кавказского р-на Краснодарского края (рис. 1, 1:4) в 2000-е гг. (Раев 2006: 187–198; 2008: 56). На уцелевшей торцевой поверхности изделия нанесен знак, идентичный одному из знаков на оселке из погребения близ аула Кончукохабль (Раев, в печати). Слой городища, в котором был найден оселок, синхронен времени совершения данного захоронения.

*Оселок из могильника Займо-Обрыв 1*. Оселок брусковидной формы из мелкозернистого песчаника (рис. 1, 4) был обнаружен на левой бедренной кости в мужском погребении 1 кург. 14 мог-ка Займо-Обрыв I, расположенного в Азовском р-не Ростовской обл. (рис. 1, 1:3). Памятник был исследован в 1988 г. (Белинский 1989а: 2; 1989б: 42). Отверстие для подвешивания оселка расположено не совсем обычно. Вход и выход канала отверстия находятся в плоскостях, перпендикулярных друг другу. Две тамги нанесены на одну из двух более широких поверхностей. Погребение датировано II в. н. э. (Белинский 1989б: 42).

*Оселок из слоя Любимовского городища*. Оселок из желтоватого песчаника (рис. 1, 6) был обнаружен в золистом слое Любимовского городища на Нижнем Днестре (рис. 1, 1:1) в 1980-е гг. (Былкова 2007: 99, 100). На противоположных поверхностях оселка в районе отверстия для подвешивания нанесены три тамги. Одна из них схожа со знаками на оселках из Кончукохабля и Казанского 1 городища (Раев 2012: 230). Автор раскопок М. И. Абикулова связывает оселок с финальным периодом обживания городища, сгоревшего во время вражеского нашествия в первые века нашей эры.

*Оселок из могильника Фронтное II*. Каменный оселок (рис. 1, 5) найден в одном из погребений могильника II–III в. н. э. Фронтное II, который исследовали в середине 1960-х гг. в юго-западной части Керченского п-ова, в 20 км от современной Феодосии (рис. 1, 1:2). В публикации

эта вещь рассматривается как приношение (Корпусова 1972: 48; Карашевич и др. 2007: 153–154, рис. 123). На одной из поверхностей оселка нанесена наиболее распространенная среди боспорских царских знаков тамга правителя Рескупорида III (210–222 гг. н. э.) (Яценко 2001: 53–54).

Кроме перечисленных пяти предметов, в литературе есть упоминание об оселке с тамгообразным знаком, происходящем с поселения II–III вв. у дер. Семеновка в Крыму, и о двух точильных брусках со знаками из гробниц в Керчи (Былкова 2007: 100). Рассматривая знаки данных оселков в публикациях (Кругликова 1970: 23, рис. 15, б; Соломоник 1959: 164), я не склонен относить их к сарматским тамгам. Стилистика этих изображений не позволяет уверенно трактовать их как сарматские знаки. Возможно, права Э. И. Соломоник, сравнившая знаки на оселках из гробниц в Керчи с буквами. Дальнейшее исследование будет опираться на известные мне пять перечисленных находок, знаки на которых уверенно можно называть сарматскими.

Развивая гипотезу М. П. Грязнова об оселках как культовых предметах, попытаемся понять, как влияет на данную гипотезу наличие на них сарматских тамг. Поскольку нанесенные знаки подразумевали невозможность использования или ограниченное употребление оселков по прямому назначению, это обстоятельство роднит их с оселками, которые вообще никогда не использовались в качестве абразивного инструмента. Казалось бы, популярная «магическая» теория трактовки сарматских знаков только подтверждает гипотезу об оселках как о предметах культового назначения. Но в действительности мы оказываемся в тупике. Каждая из двух сомнительных гипотез, вроде бы подтверждающих друг друга, остается недоказанной.

Опираясь на современную трактовку сарматских тамг как знаков собственности на участки земли, ценные вещи и причастность к различным действиям (Яценко 2001: 8, 14), следует предположить, что знаки на оселках могут указывать на своего владельца. В связи с этим возникает ряд вопросов, на которые вряд ли можно однозначно ответить. Почему на оселках из погребений в Кончукохабле, Займо-Обрыв I и из слоя Любимовского городища не одна тамга, а несколько, и как это соотносится с трактовкой тамг как знаков собственности? Следует ли предполагать, что оселок из мог-ка Фронтное II являлся имуществом Рескупорида III или имуществом человека, принадлежавшего к семье или клану этого правителя?

На эти вопросы я попытался ответить, исследуя функцию сарматских тамг на сосудах (Воронятов 2009: 81–83). Наличие знаков на сосудах сходно с наличием знаков на оселках. Изображения конкретных знаков на обеих категориях находок имеют любопытные пересечения. В частности, тамга, помещенная справа от отверстия на оселке Любимовского городища, имеется на ручке серебряной чаши из центрального погребения кург. 29 могильника у стан. Усть-Лабинская (Гущина, Засецкая 1994: 63, 135, табл. 36). Тамга Рескупорида III, представленная на оселке из мог-ка Фронтное II, изображена на ручке канфара, найденного при раскопках разрушенного кургана в Майкопском р-не, у дороги в стан. Келермесскую (Сазонов 1992: 247).

Итак, известны случаи, когда одни и те же знаки помещены на сосудах и на оселках. Это обстоятельство заставило меня задаться вопросом, не вкладывался ли в изображение тамг на данных предметах один и тот же смысл? Исследуя функции сарматских тамг на сосудах я предположил, что эту посуду использовали в ритуалах (Воронятов 2009: 87–92). Возможно, что оселки, после того как на них нанесли знаки, так же, как и сосуды, утрачивали свой утилитарный смысл и их употребляли только в некоем обряде. Если для доказательства использования сосудов с тамгами в ритуальных действиях подобран надежный археологический и этнографический материал, то для оселков найти подобные параллели сложно. Но они все же есть.

Исследуя сарматский погребальный ритуал и, в частности, находки в могилах необычных оселков, С. А. Яценко обратил внимание на то, что в ряде версий нартского эпоса упоминаются оселки, обладающие магическими свойствами (Яценко 1998: 71). В археологии также нашелся, хотя и косвенный по отношению к нашим артефактам, пример, свидетельствующий о некоем особом статусе оселков. Речь идет об их изображении на бронзовых тессерах (рис. 1, 3, 7), обнаруженных в материалах римской эпохи г. Пальмиры (Ingholt et al. 1955: 19, 20, Pl. VIII, 131–132).

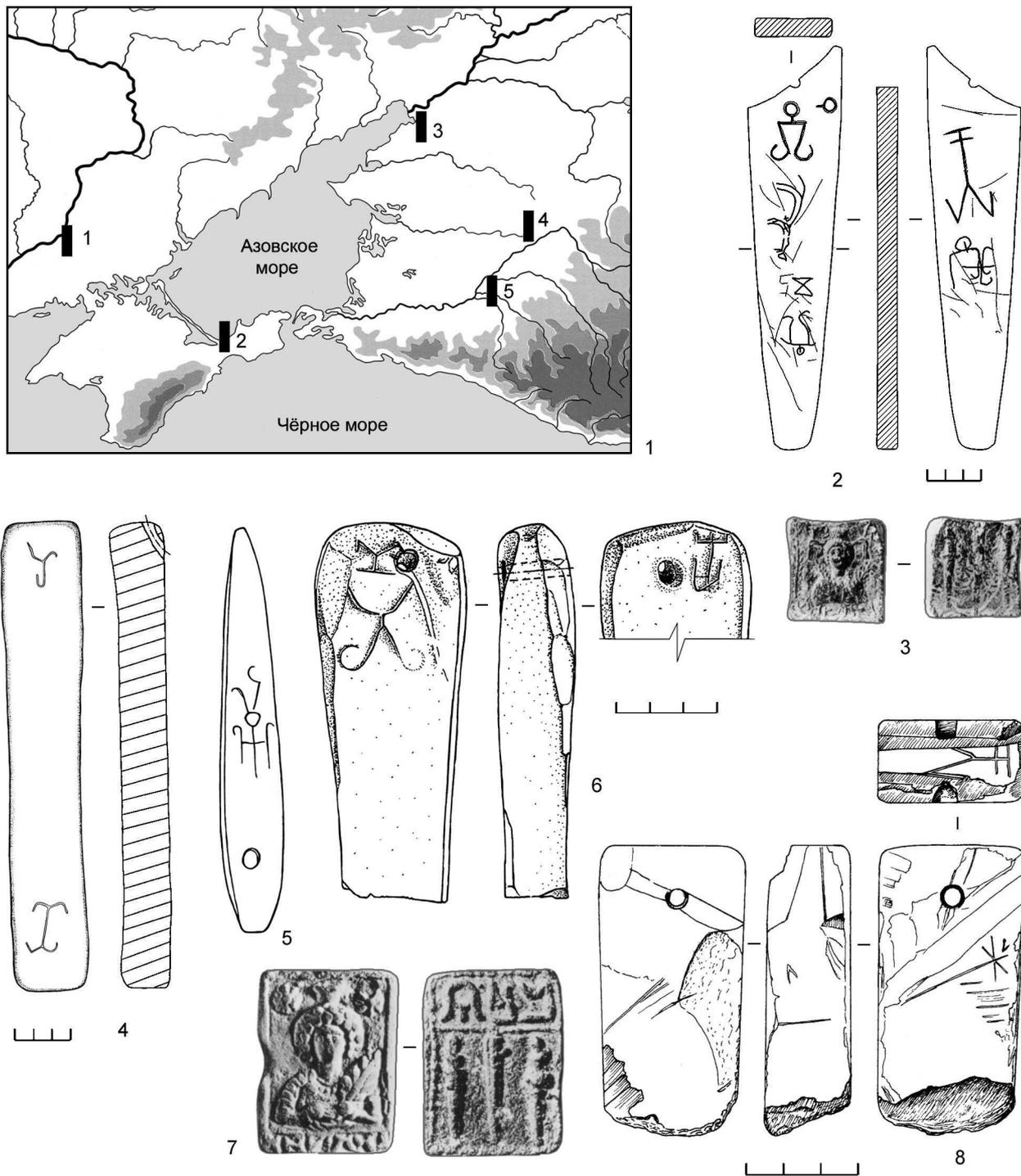


Рис. 1. Оселки с сарматскими тамгами

1 – карта находок (1 – Любимовское городище; 2 – мог-к Фронтное II;

3 – мог-к Займо-Обрыв I; 4 – Казанское 1 городище; 5 – курган близ аула Кончукохабль)

2, 4–6, 8 – оселки: 2 – курган близ аула Кончукохабль (по Раев 2012); 4 – мог-к Займо-Обрыв I

(прорисовка по Белинский 1989б); 5 – мог-к Фронтное II (прорисовка по Карашевич и др. 2007, без масштаба)

6 – Любимовское городище (по Былкова 2007); 8 – Казанское 1 городище (по Раев, в печати)

3, 7 – тессеры из Пальмиры с изображениями оселков (по Ingholt et al. 1955, без масштаба)

Этот редкий пример изображения оселков заслуживает внимания. Тессеры, как известно, служили своего рода марками или билетами, регулирующими массовые действия городского и частного хозяйства в Римской империи (Ростовцев 1903: 242). На упомянутых изделиях с одной

стороны представлено божество Пальмиры – Тихе или Белл, на оборотной стороне – два ножа и точильный камень между ними (Ростовцев 2010: 123, рис. XXI, 5). Ножи трактуют как орудия для жертвоприношений. Следовательно, не исключено, что на одной из сторон пальмирских тессер мастер отобразил предметы культа, которые считаются обычными для изображений на этих изделиях (Ростовцев 1903: 163). Человек, имевший такую тессеру, вероятно, был участником церемонии жертвоприношения в честь божества – Тихе или Белла. Важно отметить, что среди орудий фигурирует и оселок, который как вещь, таким образом, приобретает семиотический статус.

Приведенный пример, непосредственно не связанный с культурой кочевников, наталкивает на мысль о том, что знаки на оселках могут служить маркерами, переводящими в непрофанную область культуры утилитарные предметы, которые изначально предназначались для затачивания холодного оружия. Таким образом, если оселок или нож непосредственно или символически использовали в церемонии жертвоприношения, то это могло сопровождаться нанесением знаков на рассматриваемые вещи.

Как и в случае с изображениями тамг на сосудах, важно обратить внимание на то, что в одном случае на оселке помещен царский знак. Это обстоятельство позволяет мне предположить, что оселок могли маркировать тамгой Рескупорида III после того, как решили использовать его в некоем ритуале, имевшем отношение к этому правителю. Поскольку мы располагаем свидетельствами обожествления боспорских царей, то Рескупориду III, как божеству, могли приносить жертвы. В одной из таких церемоний, вероятно, использовали и оселок с тамгой царя. Оселки, на которых изображено по несколько тамг, могли употреблять аналогичным образом, но в ритуалах, связанных с несколькими людьми или божествами. Возможно, что знаки наносили на оселок не разом, а по мере необходимости совершения ритуала, посвященного персоне или клану, с которым ассоциировали изображаемый знак.

Хотя оселки с тамгами являются лишь малой частью большого массива необычных находок такого рода на территории Евразии, высказанное предположение, по моему мнению, дополняет интуитивную гипотезу М. П. Грязнова о том, что оселки скифо-сарматского времени, не имеющие следов использования, являются предметами культово-магического назначения.

- Аникеева 2010 – *Аникеева О. В.* «Оселки» – пробирные камни из Филипповки // АПЕССТ. 2010. С. 192–206.
- Байбурин 1981 – *Байбурин А. К.* Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. Л., 1981. С. 215–226.
- Белинский 1989а – *Белинский И. В.* Работы Приморского I-го отряда АКМ в 1988 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1988 году: ТД к семинару. Азов, 1989. С. 2–3.
- Белинский 1989в – *Белинский И. В.* Отчет о работах Приморского Первого отряда АКМ в 1988 г. (раскопки курганов в Азовском районе Ростовской области) // НОА ИА РАН, Р-1, № 12878.
- Белинский 1989в – *Белинский И. В.* Альбом иллюстраций к отчету об археологических раскопках Приморского Первого отряда АКМ. Ч. I // НОА ИА РАН, Р-1, № 12879.
- Былкова 2007 – *Былкова В. П.* Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений). Херсон, 2007.
- Воронятов 2009 – *Воронятов С. В.* О функции сарматских тамг на сосудах // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб, 2009. С. 80–98.
- Грязнов 1961 – *Грязнов М. П.* Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР: Сб. статей в честь профессора М. И. Артамонова. Л., 1961. С. 139–144.
- Гущина, Засецкая 1994 – *Гущина И. И., Засецкая И. П.* «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб, 1994.
- Дитлер 1972 – *Дитлер П. А.* Комплекс из кургана близ аула Кунчукохабль // Сб. матер. по археологии Адыгеи. Майкоп, 1972. Т. III. С. 66–78.

- Карашевич и др. 2007 – *Карашевич И. В., Карнаух С. Г., Корпусова В. М., Сон Н. О.* Колекції доби раннього заліза та античних пам'яток Північного Причорномор'я // Колекції наукових фондів Інституту археології НАН України: Каталог. Київ, 2007. С. 107–156.
- Корпусова 1972 – *Корпусова В. М.* Про населення хори античної Феодосії // Археологія. 1972. № 6. С. 41–55.
- Кругликова 1970 – *Кругликова И. Т.* Раскопки поселения у деревни Семеновки // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н. э. М., 1970. С. 4–32.
- Малышев 2008 – *Малышев А. А.* Погребальный инвентарь Цемдолинского некрополя // Аспургiane на юго-востоке азиатского Боспора: По материалам Цемдолинского некрополя. М., 2008. С. 136–181.
- Раев 2006 – *Раев Б. А.* Итоги исследований меотских городищ в среднем течении реки Кубань в 2003–2005 гг. // Современное состояние и сценарии развития Юга России. Ростов-на-Дону, 2006. С. 187–202.
- Раев 2008 – *Раев Б. А.* Меоты и степь: к взаимоотношениям кочевого и оседлого населения в Прикубанье на рубеже эр // Тр. II (XVIII) Всерос. АС в Суздале. М., 2008. Т. II. С. 55–57.
- Раев 2012 – *Раев Б. А.* Каменный оселок из кургана у аула Кончукохабль (Республика Адыгея) // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации: XXVII КЧ. Махачкала, 2012. С. 230–232.
- Раев, в печати – *Раев Б. А.* Комплекс из кургана близ аула Кончукохабль: взгляд через 50 лет // АСГЭ. Вып. 39 (в печати).
- Ростовцев 1903 – *Ростовцев М.* Римские свинцовые тессеры. СПб, 1903.
- Ростовцев 2010 – *Ростовцев М. И.* Караванные города. СПб, 2010.
- Сазонов 1992 – *Сазонов А. А.* Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1992. С. 244–274.
- Соломоник 1959 – *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.
- Чайлд 1956 – *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
- Яценко 1998 – *Яценко С. А.* Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография // Российская археология. 1998. № 3. С. 67–74.
- Яценко 2001 – *Яценко С. А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
- Ingholt et al. 1955 – *Ingholt H., Seyrig H., Starcky J.* Recueil des tessères de Palmyre. Paris, 1955.

**А. Б. Ипполитова (Москва, Россия)**

### **Из эпистолярного наследия Е. Р. Шнейдера: семейная переписка 1922–1929 гг.<sup>1</sup>**

Как известно, ближайшим другом М. П. Грязнова со времен учебы в Томском университете был студент, а впоследствии археолог, этнограф и лингвист Евгений Робертович Шнейдер (1897–1938). Вместе они случайно оказались летом 1920 г. в экспедиции С. А. Теплоухова, вместе переехали в 1922 г. из Томска в Петроград, где продолжили обучение в Петроградском университете и начали работать под руководством С. А. Теплоухова в Этнографическом отделе ГРМ (СЕДС 2002: 6; Пшеницына, Боковенко 2002: 20; Шер 2000; 2002). Даже ленинградские адреса друзей совпадают: сначала они жили на Инженерной ул., 4, а позже, уже обзаведясь семьями – на соседних линиях Васильевского острова (11-й и 12-й). Обоим коснулись репрессии 1930-х гг., но М. П. Грязнову удалось уцелеть, а о судьбе арестованного в ноябре 1937 г. Е. Р. Шнейдера ничего не было известно вплоть до 1990-х гг., когда Ф. Д. Ашнин установил, что ученый был расстрелян в 1938 г. (Алпатов 2000: 88; Кормушин 1998: 8; Васильков, Сорокина 2003; Ленинградский мартиролог... 2007: 460; Колдунович 2007).

Биография Евгения Робертовича Шнейдера – фактологическая, творческая, научная – еще ждет своего исследователя. Сегодня существует лишь три специальных работы о его жизненном и

<sup>1</sup> Выражаю искреннюю признательность Е. Е. Кузьминой, поддержавшей мой интерес к этой теме.

научном пути, в которых раскрыты далеко не все стороны этой поистине многогранной личности (Орлова 1979;<sup>2</sup> Кочешков 2001; Васильков, Сорокина 2003). Это отмечают и сами биографы ученого. Не случайно коллега Е. Р. Шнейдера Е. П. Орлова назвала свою статью «Материалы к биографии» и отметила, что «многое предстоит разыскать в других архивах, а также у лиц, знавших Е. Р. Шнейдера» (Орлова 1979: 134), а Н. В. Кочешков подчеркнул, что «разыскать и опубликовать все созданное незаурядным талантом и самоотверженным благородным трудом Евгения Робертовича Шнейдера – первейший долг и обязанность не только ученых Санкт-Петербурга, но и дальневосточных исследователей» (Кочешков 2001: 169).

Прежде чем перейти к основному содержанию статьи, напомним читателю основные вехи жизненного пути Е. Р. Шнейдера. Будущий ученый родился в Красноярске 3 (15) июля 1897 г. в семье инженера-технолога Роберта Ивановича Шнейдера<sup>3</sup> (1848–1909) и Александры Александровны, урожденной Шепетковской (1853–1901). Евгений рано потерял родителей и примерно с 12 лет его воспитывал старший брат Александр. Существенной чертой этой семьи были интерес и любовь к истории родного края, активное участие в общественной жизни. Так, отец Р. И. Шнейдер входил в комитет по разработке устава Красноярского музея, в 1898 г. в числе других ходатайствовал об открытии Красноярского подотдела ВСО РГО (Мешалкин 1998: 76, 84; Вдовин и др. 2001). Дядя Н. А. Шепетковский – городской голова Красноярска (1898–1901, 1902–1905), в течение четверти века возглавлял Общество попечения о начальном образовании, был инициатором создания и заведующим первой городской общественной библиотеки (Бердников 2003). Отец и братья Шнейдера, в т. ч. Александр и Евгений, собирали для Красноярского музея различные коллекции (Тугаринов 1915: 99). Несомненно, что на становление личности Е. Р. Шнейдера оказал огромное влияние старший брат Александр Робертович (1877–1930) – известный сибирский общественный деятель, член Красноярского подотдела ВСО РГО, инициатор создания в Красноярске Дома Просвещения, активный участник кооперативного движения, член редколлегии Сибирской советской энциклопедии, автор ряда работ по краеведению и экономической географии Сибири (см. подробнее: Мешалкин 1998). Среди ближайшего окружения были и другие, не менее значимые среди красноярской интеллигенции личности. Так, напр., тесть А. Р. Шнейдера – учитель и бухгалтер Николай Иустинович Попов (1843–1921) – принимал активное участие в создании знаменитого Минусинского музея (Кон 1902: 50, 243), его пасынки Петр (1870–1940) и Константин (1874–после 1937) Островских – с детских лет собирали этнографические, археологические и естественнонаучные коллекции, а в зрелые годы проводили этнографические экспедиции в Сибири и Средней Азии; их обширные коллекции хранятся, в частности, в МАЭ и РЭМ (Вдовин и др. 2010). Тесные связи поддерживались с директором Красноярского музея А. Я. Тугариновым (см. о нем: Тугаринов 2011), председателем Красноярского подотдела ВСО РГО В. Ю. Григорьевым, художником Д. И. Каратановым, фольклористом М. В. Красноженовой и с другими подвижниками, круг которых еще предстоит выяснить.

После окончания с отличием красноярской гимназии (1916 г.) Е. Р. Шнейдер поступает на историко-филологический факультет ТГУ (Орлова 1979: 134; Китова 2010: 169), где знакомится со студентом естественного отделения физико-математического факультета М. П. Грязновым и с преподавателем кафедры географии и антропологии С. А. Теплоуховым. Последний ценит студента Шнейдера как «знающего археологию, в совершенстве владеющего изобразительными искусствами и поэтому незаменимого сотрудника при археологических работах» (Китова 2010: 169). В 1920–1921, 1923–1925 гг. Е. Р. Шнейдер участвовал в археологической экспедиции С. А. Теплоухова близ сел. Батени под Минусинском (Орлова 1979: 135; Ипполитова 2010: 120, 126–134), результатом чего

<sup>2</sup> В архиве дочери Е. Р. Шнейдера Г. Е. Колдунович сохранился машинописный вариант статьи Е. П. Орловой о Е. Р. Шнейдере, датированный 1971–1972 гг., и отличающийся от опубликованного варианта.

<sup>3</sup> В статье Н. В. Кочешкова ошибочно указано, что Е. Р. Шнейдер был сыном директора красноярской гимназии (Кочешков 2001: 163).

стала, в частности, совместная с М. П. Грязновым статья о каменных изваяниях Минусинских степей (Грязнов, Шнейдер 1929). В 1922 г. Е. Р. Шнейдер переезжает вслед за С. А. Теплоуховым в Петроград, в 1924 г. заканчивает ЛГУ по археологическому отделу и тогда же устраивается на работу в отделение Сибири и Дальнего Востока в Этнографический отдел ГРМ (Орлова 1979: 134). В 1926 г. он участвует в Казакстанской экспедиции АН СССР, где изучает орнаментику казахов (Орлова 1979: 135; Шнейдер 1927а), в 1927 г. проводит археологические и этнографические (самагиры и негидальцы) исследования в низовьях Амура, а с 1928 г. начинает работу по этнографическому изучению удэгейцев (Орлова 1979: 135). В 1932 г. Е. Р. Шнейдер переводится на работу в Научно-исследовательскую Ассоциацию Института народов Севера для составления письменности удэгейского языка, написания букваря и первых книг на этом языке (Орлова 1979: 138–139; Васильков, Сорокина 2003). Главным научным трудом его жизни стали грамматика и словарь удэгейского языка (Шнейдер 1936), который, по определению лингвиста А. Х. Гирфановой, является «в буквальном смысле слова образцовым для удэгейского языка» (Гирфанова 2001: 9).

Несомненно, что у Е. Р. Шнейдера были большие научные планы, которые 2 ноября 1937 г. были безжалостно оборваны арестом. 4 января 1938 г. он был приговорен к расстрелу по ст. 58-б-11 (шпионаж, организационная контрреволюционная деятельность) по т. н. списку № 2 шпионов – членов Российского общевоинского союза (Ленинградский мартиролог... 2007: 460, 697), 8 января приговор был приведен в исполнение. Жене Е. Р. Шнейдера о расстреле не сообщили; спустя 15 лет, в 1952 г. она писала в анкете: «Муж Шнейдер Е. Р. был арестован в ноябре 1937 г. в г. Ленинграде органами НКВД и осужден ОСО НКВД на 10 лет. Больше мне о нем ничего не известно» (Архив Г. Е. Колдунович). 28 октября 1957 г. Е. Р. Шнейдер был посмертно реабилитирован.<sup>4</sup> Трагическая судьба Е. Р. Шнейдера отразилась и на предмете его исследований: набор книги «Материалы по языку анюйских удэ» (Шнейдер 1937) был рассыпан (чудом сохранились два сигнальных экземпляра), а удэгейский язык на долгие годы опять стал бесписьменным.

Цель настоящей работы – ввести в научный оборот несколько писем Е. Р. Шнейдера.<sup>5</sup> Значимость этих материалов трудно переоценить, т. к. до сих пор никаких личных материалов Е. Р. Шнейдера не публиковалось.

В семейных архивах родственников Е. Р. Шнейдера сохранилось десять его писем 1922, 1925–1927 и 1929 гг. Все они хранились первоначально у племянника Евгения Робертовича – геолога Юрия Александровича Шнейдера<sup>6</sup> (1911–1956), затем у его потомков. В 1992 г. большая часть этих писем (8) была передана дочери Е. Р. Шнейдера – Галине Евгеньевне Колдунович (урожд. Шнейдер), у которой они находятся и теперь.

Адресатом большинства писем был племянник Е. Р. Шнейдера Юрий (6 писем), а также отец Юрия и старший брат Е. Р. Шнейдера – Александр Робертович Шнейдер и его жена Антонина Николаевна (1887–1944) (3 письма); кроме того, одна записка адресована знакомому семьи Шнейдер по Хакасии – И. В. Барашкову (1895–1958) (1 письмо). Приведем перечень этих писем:<sup>7</sup>

1922, 7 июля: Петроград, Инженерная 4, кв. 32 – [Красноярск], Ю. А. Шнейдеру

1922, 25 сентября: Петроград, Инженерная 4, кв. 32 – [Красноярск], А. Р. Шнейдеру

1925, 6 июня: Б. Сыры, ул. Морозов – Аскыз, И. В. Барашкову

[1925], 15 июня: [Батени] – [Аскыз], Ю. А. Шнейдеру

1925, 26 августа: [Батени] – [Аскыз или Минусинск], Ю. А. Шнейдеру

[начало 1926 г.]: [Ленинград, 11 линия В. О., 46, кв. 39] – [Красноярск или Новосибирск],

Ю. А. Шнейдеру

<sup>4</sup> Копия справки о реабилитации от 11 декабря 1957 г. № 2104-Н-57 (Архив Г. Е. Колдунович).

<sup>5</sup> В связи с ограниченным объемом публикации мы не имеем возможности приложить к статье полные тексты писем.

<sup>6</sup> О Ю. А. Шнейдере см. подробнее: Ипполитова 2010.

<sup>7</sup> В случаях, когда даты и места отправления/назначения отсутствуют в тексте письма, они установлены нами по косвенным признакам и приводятся в квадратных скобках.

1927, 5 февраля: [Ленинград] – [Новосибирск], Ю. А. Шнейдеру  
1927, 12 апреля: [Ленинград] – [Новосибирск], А. Р. и А. Н. Шнейдерам  
1927, 23 мая: Ленинград – Новосибирск, Октябрьская 72, Ю. А. Шнейдеру  
1929, 15 января: [Ленинград] – [Новосибирск], А. Р. Шнейдеру.

Хотя письма и были адресованы разным лицам, они составляют единый комплекс документов – так или иначе, они связаны с теплоуховскими экспедициями в Минусинский край, а также с жизнью Е. Р. Шнейдера в Ленинграде. В письмах племяннику «дядя Женя», разумеется, писал о том, что могло быть интересно для мальчика в 11–16 лет, стараясь при этом увлечь его исследовательской деятельностью: он дает Юре подробные указания по обследованию каменных баб, посылает зарисовки археологических предметов, планы местонахождения раскопов; а в 1927 г. подробнейшим образом излагает особенности обучения в различных вузах, чтобы помочь племяннику в выборе направления. Письма к старшему брату Александру посвящены разным темам: раннее письмо от сентября 1922 г. содержит впечатления о новой для сибиряка петроградской жизни и размышления об интеллигенции, а письма 1927 и 1929 гг. посвящены опять же племяннику – вопросу устройства его на лето в одну из экспедиций (апрель 1927 г.) и проблемам его воспитания (январь 1929 г.).

Кратко отметим наиболее значимую информацию, рассеянную в письмах.

В письме от 25.9.1922 встречаются до сих пор неизвестные детали *биографии* Е. Р. Шнейдера: 1) попытка поступления Е. Р. Шнейдера в Академию художеств осенью 1922 г.; 2) в 1922 г. С. А. Теплоухов, М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер жили «коммуной» на Инженерной ул., д. 4, кв. 32, ворота № 3;<sup>8</sup> 3) размышления о преимуществах обучения в Петрограде перед Томском («*Ты был прав, говоря, что уехать сейчас <отсю>да, после того, как с таким трудом удалось вылезти из гнилых болот Томских, равносильно – поставить крест на намеченном пути. Уехать отсюда можно лишь тогда, когда существовать будет или невозможно или незачем*»); 4) впечатления от культурной и научной жизни Петрограда («*Жизнью в Петрограде я доволен страшно. Культурой веет из каждого угла. Масса выставок, новых книг, журналов, лекций, докладов, театров. Дышать этим воздухом, впитывать в себя всем существом своим аромат этого лучшего цветка, чтобы потом творческой работой отдать тому, у кого взял, – что может быть лучше!*»), размышления об интеллигенции и професуре; описание студенческого быта.

В письмах упоминаются различные *персоналии*. Из научного окружения Е. Р. Шнейдера – это М. П. Грязнов (25.9.1922: «*по хозяйству работаем вдвоем с вернувшимся из экспедиции студентом Михаилом Петровичем Грязновым (с которым мы вместе приехали из Томска)*»; 12.4.1927); С. А. Теплоухов (25.9.1922: «*Я писал тебе, что мы живем коммуной в 6 человек, но теперь мы решили, т. е. я, Серг<ей> Алекс<андрович> и Мих<аил> Петров<ич> выделиться, и уже нашли квартирку. Скоро начнем перевозиться и обзаводиться хозяйством*»; 26.8.1925: «*С<ергей> А<лександрович> в Минусинске заболел scarlatinной и лежит уже 6 недель. Теперь поправляется*»; 5.2.1927, 12.4.1927, 23.5.1927), сотрудница теплоуховской экспедиции Анастасия Тихоновна Кузнецова («тетя Тася», 26.8.1925, нач. 1926 г.), красноярский археолог Н. К. Ауэрбах (нач. 1926 г.); родственники Е. Р. Шнейдера: жена Надежда Павловна<sup>9</sup> (нач. 1926 г., 5.2.1927, 12.4.1927, 23.5.1927, 15.1.1929), брат А. Р. Шнейдер («Шура») и его семья (жена «Нина», «Нина Николаевна» – А. Н. Шнейдер и младшие сыновья Авенир и Евгений – 7.7.1922, 25.9.1922, 6.6.1925, нач. 1926 г., 5.2.1927), племянник Ю. А. Шнейдер (6.6.1925, 12.4.1927, 15.1.1929), двоюродный брат геолог И. П. Рачковский («Иван» – 25.9.1922, 12.4.1927), тетка М. А. Бутина («тетя Маня» – 25.9.1922), семья двоюродной сестры Е. К. Зубовой («Зубовы» – 12.4.1927), племянник А. Н. Шнейдер В. В. Башуров («Валя» – 15.6.1925).

<sup>8</sup> Судя по адресу, это, вероятно, один из служебных корпусов Этнографического отдела ГРМ.

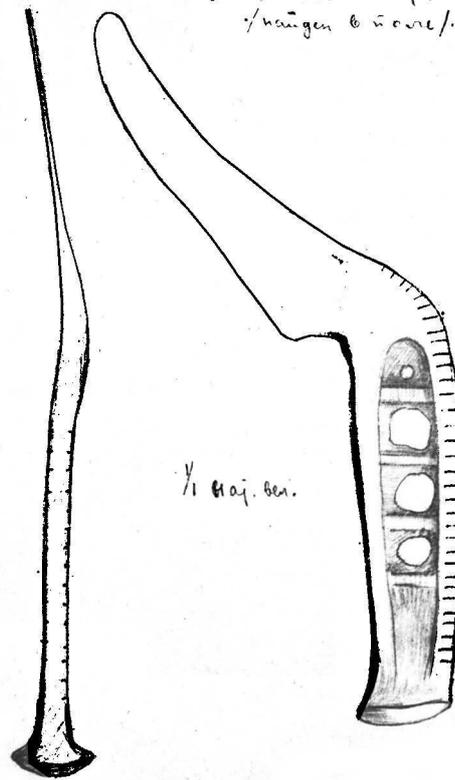
<sup>9</sup> Брак Е. Р. Шнейдера и Н. П. Москалик был зарегистрирован 30 мая 1924 г. (Выпись о браке подотдела ЗАГС при Василеостровском Совете за 1924 г. № 649 // Семейный архив Г. Е. Колдунович).

То она казачка и про...  
 Угу-кузрук-гас; если же эр?  
 не га то не пошлано казанас все?  
 Вероятно все эр ~~Теплоухов~~ "Баба" и др.  
 Вант-релив; тн  
 Т.К. она  
 Только по  
 И сам жем?  
 кафо дефайн  
 рарифай?  
 пашиндир  
 аумаго в литературе  
 изобретены, но  
 уи аминсерис о нест.  
 тн касаетс  
 ситас кино крде  
 сквайт кабуз.  
 Прада в сибирских похатах на  
 Амур, но тн эр эрн внидет  
 пока сквайт тн ридно. Ема пашин



1

Медный нож  
 ул. Аххол на р. Кене  
 /найден в 1925 г./



1/2 най. вен.

выг сверху/с обуха./

Вероятно изобретены  
Теплоухов

2

Рис. 1: 1 – рисунок «трехликой бабы» из письма начала 1926 г.;  
 2 – рисунок медного ножа из села Аххол из письма от 26.8.1925 г.

Письма содержат немало информации о различных экспедиционных выездах. Так, 7.7.1922 Е. Р. Шнейдер пишет, что теплоуховская экспедиция не получила финансирования и в 1922 г. не состоится. 12.4.1927 говорится о планах С. А. Теплоухова поехать в Минусинский край и затем в Монголию; 23.5.1927 эти данные несколько корректируются: Теплоухов предполагал работать в Батенях и по Абакану, а затем поехать в Урянхай.<sup>10</sup>

В письме нач. 1926 г. Е. Р. Шнейдер сообщает о своих планах поехать в экспедицию на Амур.<sup>11</sup> 12.4.1927 он довольно подробно описывает предстоящий ему летом 1927 г. маршрут по притоку Амура Амгуни и планы археологических разведок и раскопок,<sup>12</sup> в связи с чем приглашает племянника присоединиться к нему; тут же обозначены и предполагаемые сроки экспедиции – с конца мая до сентября (в открытке от 23.5.1927 он указывает, что будет проездом в Новосибирске 7 июня).

Археологическая тематика появляется уже в самом раннем письме – 7.7.1922 Е. Р. Шнейдер сообщает, что «сходить на Столбы, на охоту и пособирать черепки и стрелки» удастся только следующим летом. 26.8.1925 Е. Р. Шнейдер сообщает уехавшему из Батеней племяннику, что

<sup>10</sup> В 1926–1927, 1929 гг. С. А. Теплоухов руководил экспедицией АН СССР в Танну-Тувинской республике (Китова 2010: 170).

<sup>11</sup> Эти планы в 1926 г. не воплотились – вероятно, из-за участия Е. Р. Шнейдера в Казакстанской экспедиции АН СССР (см.: Орлова 1979: 135).

<sup>12</sup> Ср.: Шнейдер 1927б; Орлова 1979: 135.

на данный момент раскопки площадью 16 кв. арш. проходят около мельницы на р. Таштык,<sup>13</sup> найдены три мустьерских скребла, обломок костяной шлифованной иголки, фрагмент костяного орнаментированного кольца (приводятся схематические рисунки находок).<sup>14</sup> К письму приложен рисунок медного ножа, найденного в поле около села Аххол (рис. 1, 2). В письме нач. 1926 г. сообщается о находке Н. К. Ауэрбахом<sup>15</sup> палеолитического слоя на р. Таштык и нарисован план местности. 5.2.1927 сообщается, что С. А. Теплоухова заинтересовали Юрины находки.

В письме от 15.6.1925 Е. Р. Шнейдер отмечает, что зарисовал в окрестностях села Большие Сыры 5 новых изваяний (и, кроме того, собрал этнографические материалы), и дает Юре советы по технике изучения каменных баб и обнаружения рисунков на камнях. 26.8.1925 он спрашивает Юрия, какие тому удалось найти рисунки на камнях, изваяния и зарегистрировать курганы и просит присылать ему все рисунки и записи;<sup>16</sup> сообщает и о своих новых находках – о зарисовке 20 писаниц и около 8 баб. В письме начала 1926 г. упоминаются изваяния Улу-Куртуяк-гас и т. н. трехликая баба (рис. 1, 1; см.: Грязнов, Шнейдер 1929: рис. 43, 40). 5.2.1927 Е. Р. Шнейдер благодарит Юрия за рисунок, размеры и указание. Довольно значительное место в письмах 1925–1927 гг. занимает тема минусинских *каменных баб и писаниц*, что связано с тем, что М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер готовили в это время к публикации большую статью об изваяниях Минусинских степей (Грязнов, Шнейдер 1926).

Рассмотренные материалы лишь слегка приоткрывают завесу над личностью Е. Р. Шнейдера – ученого и педагога, страстного полевика и кропотливого исследователя. Завершить их обзор хотелось бы словами самого Евгения Робертовича, которыми он напутствовал племянника: *«Я в своем стремлении к знанию никогда не руководствовался материальными соображениями. Моим путеводным огнем был только мой интерес и я в этом никогда еще не раскаивался, хотя знаю, что избрав другую профессию, вероятно мог бы жить гораздо лучше. <...> В научной работе, как и во всякой работе, прежде всего – любовь к делу и 90 % очень большого труда и усидчивости. Путь этот тернистый и <...> и не всегда венчается “славой”, но зато это путь свободный!»* (из письма от 5 февраля 1927 г.).

Алпатов 2000 – Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917–2000. Социолнгвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000.

Бердников 2003 – Бердников Л. П. Почетный гражданин Красноярска // На берегах Енисея: рассказы, статьи, очерки, стихи / Гл. ред. В. И. Ермаков. Красноярск, 2003. С. 30–53.

Васильков, Сорокина 2003 – Васильков Я. В., Сорокина М. Ю. (сост.). Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб, 2003 (Социальная история отечественной науки о Востоке). URL: <http://memory.pvost.org/pages/shnejderer.html>; <http://memory.pvost.org/pages/griaznov.html>

Вдовин и др. 2001 – Вдовин А. С., Гуляева Н. П., Макаров Н. П., Баташев М. С., Васильев А. Д., Выдрин Е. В. Русское Географическое общество в Красноярске (1901–1937 гг.). Красноярск, 2001.

Вдовин и др. 2010 – Вдовин А. С., Данилейко В. А., Ипполитова А. Б. Петр и Константин Островских: гимназические и студенческие годы (первые исследования 1879–1896 гг.) // ЕП. 2010. Вып. 5. С. 97–105.

Гирфанова 2001 – Гирфанова А. Х. Словарь удэгейского языка. СПб, 2001.

Грязнов, Шнейдер 1926 – Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Каменные изваяния Минусинских степей // Природа. 1926. № 11–12. С. 100–105.

<sup>13</sup> Таштык – левый приток Енисея, к югу от с. Батени.

<sup>14</sup> Очевидно, речь идет о палеолитической стоянке на р. Таштык (Теплоухов 1927: 59, 61).

<sup>15</sup> Ауэрбах – Николай Константинович Ауэрбах (1892–1930), красноярский археолог.

<sup>16</sup> Избранные места и рисунки из дневников Ю. А. Шнейдера 1921, 1923–1926 гг., касающиеся раскопок в Батенях, опубликованы (Ипполитова 2010).

- Грязнов, Шнейдер 1929 – *Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р.* Древние изваяния Минусинских степей // МЭ. 1929. Т. IV, вып. 2. С. 63–93.
- Ипполитова 2010 – *Ипполитова А. Б.* «Дядя Женя видел зайца, а я нашел ножницы...»: Батеневские раскопки 1920-х гг. глазами подростка // ЕП. 2010. Вып. 5. С. 120–137.
- Китова 2010 – *Китова Л. Ю.* Сергей Александрович Теплоухов // Российская археология. 2010. № 2. С. 166–173.
- Колдунович 2007 – *Колдунович Г. Е.* Евгений Робертович Шнейдер // Ленинградский мартиролог: Книга памяти жертв политических репрессий. СПб, 2007. Т. 7: 1937–1938. С. 696–697.
- Кон 1902 – *Кон Ф. Я.* Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902). Казань, 1902.
- Кормушин 1998 – *Кормушин И. В.* Удыгейский язык. СПб, 1998.
- Кочешков 2001 – *Кочешков Н. В.* Друг удэгейцев (Евгений Робертович Шнейдер) // Забытые имена: История Дальнего Востока в лицах. Владивосток, 2001. Вып. 2. С. 163–170.
- Ленинградский мартиролог... 2007 – Ленинградский мартиролог: Книга памяти жертв политических репрессий. СПб, 2007. Т. 7: 1937–1938.
- Мешалкин 1998 – *Мешалкин П. Н.* Одержимые. О деятелях культуры Красноярск на рубеже XIX–XX вв. Красноярск, 1998.
- Орлова 1979 – *Орлова Е. П.* Исследователь удэгейцев Евгений Робертович Шнейдер (1897–1937). К 80-летию со дня рождения (Материалы к биографии) // Страны и народы Востока. М., 1979. Вып. XX. С. 134–140.
- Пшеницына, Боковенко 2002 – *Пшеницына М. Н., Боковенко Н. А.* Основные этапы жизни и творчества Михаила Петровича Грязнова: (1902–1984) // СЕДС. 2002. Кн. I. С. 19–23.
- Теплоухов 1927 – *Теплоухов С. А.* Древние погребения в Минусинском крае // МЭ. 1927. Т. III, вып. 2. С. 57–112.
- Тугаринов 1915 – *Тугаринов А. Я.* Исторический очерк Красноярского Музея со времени его основания // Двадцатипятилетие Красноярского Городского Музея (1889–1914). Красноярск, 1915.
- Тугаринов 2011 – Аркадию Яковлевичу Тугаринову посвящается... / Под ред. М. С. Баташева, Н. П. Макарова, Н. В. Мартыновича. Красноярск, 2011.
- Шер 2000 – *Шер Я. А.* Я учился у М. П. Грязнова // V ИЧ памяти Михаила Петровича Грязнова. 2000. С. 132–142. URL: <http://kronk.narod.ru/library/sher-yaa-2000.html>.
- Шер 2002 – *Шер Я. А.* М. П. Грязнов (1902–1984). 100 лет со дня рождения // URL: <http://sapar.kemsu.ru/gryaznov.html>.
- Шнейдер 1927a – *Шнейдер Е. Р.* Казакская орнаментика // Казаки: Антропологические очерки. Л., 1927. Сб. II. С. 135–171 (МОКИСАР. Вып. 11).
- Шнейдер 1927б – *Шнейдер Е. Р.* Отчет о разведке в бассейне р. Амур // НА ИИМК РАН, РА, ф. 2, оп. 1, 1927, д. 163.
- Шнейдер 1936 – *Шнейдер Е. Р.* Краткий удэйско-русский словарь. С приложением грамматического очерка. М.; Л., 1936.
- Шнейдер 1937 – *Шнейдер Е. Р.* Материалы по языку анюйских удэ. Л., 1937.

### **А. М. Тальгрэн в научной судьбе М. П. Грязнова (по материалам писем М. П. Грязнова)**

М. П. Грязнов принадлежит к первому послереволюционному поколению археологов, пришедших в науку в начале 1920-х гг. Труды этой генерации исследователей сыграли базовую, фундаментальную роль в развитии советской археологии.

Своим учителем в археологии Грязнов по праву считал С. А. Теплоухова. Но важно помнить, что в томском и ленинградском круге общения Грязнова было немало фигур, оказавших влияние на формирование его как личности и ученого. Круг этот, как выясняется, был гораздо шире и выходил за пределы России. В 1924 г. или в 1925 г. Грязнов познакомился в Ленинграде с А. М. Тальгреном, одним из ведущих европейских археологов того времени, признанным специалистом по древним культурам бронзового и раннего железного веков Северной Евразии, человеком, которого А. А. Спицын по праву относил и к числу российских археологов (Кузьминых 2011: 18).

С 1926 г. между Грязновым и Тальгреном завязалась переписка и, судя по всему, по инициативе финского ученого. По контексту первого письма можно понять, что Грязнов отвечает на вопросы Тальгрена и обращается к нему как к хорошо знакомому коллеге. Длилась переписка, к сожалению, недолго – около пяти лет и прервалась, вероятно, в 1930 г. Прежде чем перейти к характеристике писем, несколько слов о том, какой научный путь прошли наши корреспонденты к тому времени.

Финский археолог Арне Михаэль Тальгрэн, или Михаил Маркович, как его величали в России, несмотря на ряд важных исследований по археологии Финляндии и истории финской науки (Kivikoski 1954b), на протяжении всей своей научной деятельности оставался верен выбору евразийской проблематики – от первых работ 1908 г. и диссертации («Медный и бронзовый век севера и северо-востока Европейской России») (Tallgren 1911) до статей 1937–1938 гг. на эту тему в завершающих номерах журнала *ESA* (Kivikoski 1954b) и последнего публичного доклада 1944 г. о русском палеолите (Kivikoski 1954a: 119).

По завершении диссертации Тальгрэн в работах 1910-х гг. определил поле своих дальнейших исследований: бронзовый век евразийского пространства от Урала до Саяно-Алтая с прилегающими территориями. Первое же знакомство с материалами российских музеев заставило его усомниться в правомерности теорий Кастрена и Аспелина об урало-алтайском бронзовом веке как «колыбели» финно-угорских народов (Салминен 2011). Бронзовый век к западу от Урала Тальгрэн никак не мог признать генетическим «отпрыском» сибирского и связать его формирование с миграцией финно-угорских народов из Азии. Уже в диссертационном труде ему удалось доказать, что бронзовый век на севере и северо-востоке Европейской России – явление самостоятельное, сформировавшееся на основе местного каменного века и под влиянием южных степных культур.

Поездка 1915 г. в Сибирь, помимо желания осуществить раскопки в минусинских степях, ставила своей целью найти ответы на вопросы – что являл из себя урало-алтайский бронзовый век, был ли он един и в чем была его специфика? Тальгрэну предстояло прояснить и разрешить все сомнения, касавшиеся гипотезы об урало-алтайском бронзовом веке. Эта поездка и работа в сибирских музеях подтвердила его более ранние выводы: единого урало-алтайского бронзового века не существовало, не могло быть и речи о том, что появление финно-угров в исторических местах их проживания связано с миграцией в бронзовом веке из Сибири.

Длительная экспедиция в Россию в 1915 г. стала началом наиболее продуктивного периода в творческой жизни Тальгрена. В 1916 г. он издал исследование о бронзовом веке Волго-Уралья и каталог знаменитой коллекции В. И. Заусайлова (Tallgren 1916). В 1917 г. вышел аналогичный труд о бронзовом и раннем железном веке на Енисее и каталог коллекции И. П. Товостина (Tallgren 1917). В 1918 г. опубликован 2-й том труда о коллекции Заусайлова с обзором материалов

железного века и болгарской эпохи Волго-Камья (Tallgren 1918), вышел ряд статей о бронзовом веке Урала (Kivikoski 1954a). В 1919 г. появилась книга об ананьинской культуре – вторая часть его диссертационного труда (Tallgren 1919). По сути Тальгрэн завершил всю подготовительную работу, чтобы реализовать намеченный план по созданию сводного монографического труда об урало-алтайском бронзовом веке. Но в начале 1920-х гг. финский археолог всецело переключился на другие исследовательские проекты, хотя археология Урала и Сибири по-прежнему оставалась в сфере его пристального внимания.<sup>17</sup>

В первую послереволюционную поездку в Советскую Россию в 1924 г. А. М. Тальгрэн побывал в Ленинграде и Москве, возобновил связи с российскими коллегами, встретился с А. А. Спицыным и В. А. Городцовым. В 1925 г. ему удалось, кроме столичных музеев, познакомиться с археологическими собраниями Киева, Харькова, Саратова, Казани и Костромы. В 1928 г. его длительное путешествие пролегло по маршруту Ленинград–Москва–Ростов Великий–Нижегород–Казань–Сарапул–Пермь–Самара–Саратов–Покровск–Воронеж–Владикавказ–Тбилиси–Пятигорск–Днепропетровск–Херсон–Одесса–Киев–Чернигов–Петрозаводск. Первое же знакомство с материалами музеев юга СССР в корне изменило вектор исследовательских интересов финского ученого: на первый план вышли степные и лесостепные культуры бронзового века Восточной Европы. Итоги исследований первой половины 1920-х гг. Тальгрэн оперативно подвел в книге «Бронзовый век Северного Причерноморья» (Tallgren 1926). На этот же период приходится преподавательская деятельность в университетах Тарту (1920–1923) и Хельсинки (с 1923 г.), организация и начало издания журнала *ESA*.

Со второй половины 1920-х гг. финский археолог обратился к теме бронзового века Кавказа. Она стала логическим продолжением предшествующих исследований степной бронзы Восточной Европы. Тальгрэн и в книге 1926 г. уделил большое внимание культурам Северного Кавказа, их взаимосвязи и контактам с культурами Северного Причерноморья. Поездка 1928 г., работа с археологическими собраниями в музеях Пятигорска, Владикавказа и Тбилиси, изучение кавказских и анатолийских материалов в других музеях СССР и европейских стран убедили Тальгрэна в необходимости создания большого сводного труда о бронзовом веке Кавказа. Ряд разделов этой будущей монографии он опубликовал в серии статей (Tallgren 1929a; 1929c; 1930a; 1930b; 1933a; 1934; 1936). Однако резкое ухудшение здоровья в 1937–1938 гг. (Kivikoski 1954a: 117–119) и невозможность работы в советских музеях не позволили ему завершить данное исследование.

В 1920-е и в первой половине 1930-х гг. в полной мере раскрылся научный потенциал Тальгрэна как специалиста по археологии бронзового века. Финский ученый – наряду с В. А. Городцовым, Б. С. Жуковым и С. А. Теплоуховым – стал негласным лидером ряда исследовательских направлений в евразийской археологии эпохи раннего металла. Он не был учителем молодых советских археологов, но многие из них стремились к общению с Михаилом Марковичем, советовались с ним, делились своими идеями и планами – и в их числе Грязнов.

Михаил Петрович к 1926 г. окончил три курса ЛГУ по циклу антропологии и палеоэтнологии на естественном отделении физико-математического факультета и стал научным сотрудником Этнографического отдела ГРМ. Позади было участие в раскопках С. А. Теплоухова на Енисее, в Минусинской котловине, самостоятельные раскопки в 1924 г. «Тоянова городка» близ Томска, а в 1925 г. – андроновских могильников в Западном Казахстане на р. Урал. В том же году он провел обследование берегов Оби от Бийска до Барнаула (Пшеницына, Боковенко 2002: 20, 21). К этому

---

<sup>17</sup> Свидетельством тому серия научно-популярных очерков об археологии Урала, Алтая и Минусинской котловины в газете «Helsingin Sanomat» (Kivikoski 1954b), регулярные обзоры советской археологической литературы (Tallgren 1927; 1928a; 1931; 1936), включая археологию Сибири, рецензии на работы М. И. Ростовцева, Г. Мергарта, С. А. Теплоухова (Tallgren 1928c), Г. И. Боровки, М. П. Грязнова (Tallgren 1928b), С. Н. Дурылина и других авторов, обращавшихся к урало-сибирским материалам, ряд научных статей, напрямую связанных с археологией азиатских пределов СССР (Tallgren 1933b; 1938; и др.).

времени выходят из печати его первые труды (Всевиов 2002: 10). Основные научные интересы молодого ученого – вероятно, не без влияния Теплоухова – были связаны поначалу, с культурами бронзовой эпохи, как он признается в первом письме финскому археологу, «я и исследования свои старался производить в этом направлении».

Итак, в нашем распоряжении девять писем Грязнова, адресованных Тальгрелю. К сожалению, нет информации о сохранившихся письмах Михаила Марковича среди бумаг российского археолога в ИИМКе или в ОмГУ.<sup>18</sup> Поэтому вторая – тальгрелевская – сторона диалога может реконструироваться только на основе контекста писем Грязнова, полученных финским ученым.

Четыре письма хранятся в Рукописном отделе Национальной библиотеки Финляндии (эпистолярный фонд А. М. Тальгрелю, колл. 230–4), пять обнаружены мною в его рабочем архиве в финском Музейном ведомстве. Все письма – автографы на русском языке, хранятся без конвертов. Лишь на трех есть дата написания: № 1 – 17.01.1926, № 2 – 27.02.1927, № 6 – 9.04.1928. Очередность остальных (№ 3–5, 7–9) – при отсутствии почтовых штемпелей отправки и получения – определена по контексту писем. В итоге письма № 3, 4 отнесены к 1927 г., № 5, 7 – к 1928 г., № 8, 9 – к 1929/30 гг.

Основные темы писем группируются в несколько блоков. Первый из них касается сведений о раскопках Грязнова и его коллег или планах полевых работ. Письмо № 1 начинается с информации о раскопках летом 1925 г. в Западном Казахстане на р. Урал серии могил эпохи бронзы, которые «относятся к культуре, названной С. А. Теплоуховым “андроновской” (не знаю, известна ли она Вам)» (рис. 1).

В феврале 1927 г. Грязнов делится планами – раскопать летом стоянку «Чудацкая Гора» на Оби в 50 км южнее Барнаула (№ 2). В следующем письме (№ 3), написанном, вероятно, в начале осени того же года, следует подробный отчет об исследовании памятника. Отмечается, что раскопки не оправдали его надежд «найти остатки трех эпох бронзовой культуры в стратиграфически разделенных слоях». Утешением явилась находка неолитического погребения ниже культурного слоя.<sup>19</sup> Тем же летом в урочище Шибе в Горном Алтае Грязнов раскопал «курган радловского типа», к сожалению, ограбленный. И все же на остатки двух мумифицированных трупов и ряд предметов он обращает внимание Тальгрелю, в особенности – на три эффектных уздечных набора, которые подробно описывает.<sup>20</sup>

Примечательны сведения о рекогносцировочных исследованиях в 1928 г. в Анау вместе с М. В. Воеводским, а также о результатах раскопок ими в этом же полевом сезоне четырех курганов II–III вв. до н. э. близ г. Токмак в Киргизии (№ 4). Отмечается, что курганы начисто разграблены. В письме приведены рисунки золотых фигурных листочков, штампованных бляшек, перстней с фигурками зверей, бус из белой эмали и черного камня.<sup>21</sup> Характеризуя эти находки (№ 4), Грязнов указывает на их сходство с алтайскими (внешний вид, некоторые особенности ритуала, аналогии изделиям из золота). В целом же в этих курганах «мы встретились с предметами трех миров – Греция, Китай и Сибирь».

---

<sup>18</sup> Следует помнить, что Тальгрелю резко отреагировал на «Дело» академика С. А. Жебелева (Тункина 2000) и стал с конца 1928 г. персоной *non grata* для советских академических верхов. «Дело» С. И. Руденко и развернувшаяся в ленинградских научных учреждениях кампания по осуждению «руденковщины» (Худяков 1931; В методбюро... 1932; Бернштам 1932) стали прологом сфабрикованного дела «Российской национальной партии», или «Дела славистов» (Ашнин, Алпатов 1994), повлекшего аресты и гибель самых близких коллег Грязнова, и он из чувства самосохранения вряд ли бы в то время решился сохранить в личном архиве письма Михаила Марковича.

<sup>19</sup> О разведочных работах 1925–1927 гг. в верхнем течении Оби см.: Грязнов 1926а; 1930б.

<sup>20</sup> Через год появилась предварительная публикация (Грязнов 1928).

<sup>21</sup> В предвоенной публикации могильник отнесен к числу усуньских (Воеводский, Грязнов 1938).

Многоуважаемый Михаил Маркович,  
работая в течение нескольких последних  
лет по документации Сибирь мне удалось  
пронести в различных пунктах Запад-  
ной Сибирь ряд раскопок и раскопок, пра-  
вда, довольно скромных. Интересно, на-  
вным образом, культурами бронзовой эпо-  
хи, и в последствии свои старания  
пронести в этом направлении. Мину-  
вшим летом я раскопал серию могил  
бронзовой эпохи в западной части Казак-  
Устана, на левом берегу р. Урала. Ухо-  
ди эти могилы относятся к культуре, на-  
званной Р.А. Мельниковым «Андреевской» (не знаю  
известна ли она Вам) и является, как мне  
кажется, крайним пределом распространения  
этой культуры на запад. В то же вре-  
мя в этих могилах найден ряд элемен-  
тов имеющих ближайшую аналогию в куль-  
турах бронзовой эпохи Южной России, в  
культурах «срубной» и «хвалынской». Ре-  
зультаты раскопок на р. Урале я рассти-  
мляю в ближайшее время опубликовать,  
сейчас же, одновременно с этим письмом  
пошлю Вам краткую заметку о них,  
напечатанную в журнале «При-

Рис. 1. Первая страница письма М. П. Грязнова А. М. Тальгрену от 17.01.1926 г.

Запланированные раскопки в Южном Туркменистане Грязнову и Воеводскому провести не удалось – «мы лишь осмотрели Анау и аналогичный ему памятник Ак-тепе». Зачистка в одном из раскопов экспедиции Пампелли на Анау привела к открытию не замеченной в ходе раскопок 1904 г. и почти уничтоженной в их процессе постройки, стены которой были облицованы черепками красных лощеных сосудов.<sup>22</sup>

<sup>22</sup> Результаты разведочных работ 1928 г. в Туркменистане остались неопубликованными.

В следующем письме (№ 5) Грязнов сообщает о раскопках А. Т. Кузнецовой в 1927 г. в Кузнецком округе на р. Ине (между Новосибирском и Барнаулом) нескольких курганов «с культурой аналогичной той, которая представлена в с. Сростки на Алтае», и описывает состав находок. Кроме того, он просит Тальгрена ознакомиться с рукописью статьи автора раскопок и, если она будет отвечать всем требованиям редактора ESA, то опубликовать ее. Эти хлопоты Михаила Петровича не были напрасными: статья вышла в очередном номере журнала (Kuznesova 1930).

Еще одна тема писем касается планов публикаций, в частности, – андроновских могильников на р. Урал (Грязнов 1927) и каменных изваяний Минусинской котловины (Грязнов, Шнейдер 1929). С письмом (№ 1) Тальгрену посланы заметки об этих исследованиях из журнала «Природа» (Грязнов 1926б; Грязнов, Шнейдер 1926).

Обсуждая полученные от финского ученого рисунки бронзовых предметов из Барнаульского музея,<sup>23</sup> Грязнов ответил (№ 4), что «нарисованные Вами два ножа, а также, по-видимому, и остальные предметы я видел и зарисовал. Часть из них мне может быть удастся нынче к весне [1928 г.] опубликовать».<sup>24</sup>

Судя по последним письмам Грязнова 1929/30 гг., Тальгрэн с нетерпением ждал выхода статьи «Казахстанский очаг бронзовой культуры» (Грязнов 1930а). Михаил Петрович обнадеживал коллегу: «Я надеюсь, что через один-два месяца будет напечатана моя статья по вопросу о Семипалатинском очаге бронзовой культуры. Там я даю карту распространения Минусинских и Семипалатинских типов орудий и рисунки около 20 орудий семипалат[инского] типа».

Постоянная тема писем русских и советских археологов к Тальгрену – просьбы о присылке книг. Из переписки А. А. Спицына с финским ученым известно (Кузьминых 2011: 18, 22), какое впечатление произвели на молодежь ГАИМКа книга «La Pontide...» (Tallgren 1926) и последующие выпуски ESA. Тальгрэн оперативно выполнил просьбу Грязнова, и в феврале 1927 г. Михаил Петрович с благодарностью откликнулся на получение «La Pontide...» (№ 2), а позднее – III и IV томов ESA, книг «Collection Tovostine» (Tallgren 1917) и Акселя Гейкеля об археологических коллекциях в уральских и сибирских музеях (Heikel 1894). Грязнов отметил, что нашел в последней много интересных для себя материалов (№ 4).

Диалог в переписке не обходился без взаимных вопросов и ответов. Грязнова, в частности, интересует мнение Тальгрена о датировке каменных изваяний Минусинской котловины (№ 2). Он просит прислать биографические сведения об Аспелине, Аппельгрэн-Кивало, Гейкеле и самом Тальгрене для ССЭ<sup>25</sup> (№ 6). Для него важен отклик финского археолога о статье, посвященной культурам бронзового века Казахстана (Грязнов 1930а) (№ 8). Грязнов спрашивает: дошли ли до Михаила Марковича карты Кубани (№ 5), «Материалы по этнографии» со статьями его и Шнейдера о каменных изваяниях и «Опытом классификации» С. А. Теплоухова (1929) (№ 8).

Письма Грязнова – через ответы на вопросы Тальгрена – дают представление о том, что же интересовало финского ученого. Михаил Петрович сообщает о выходе из печати первой половины минусинских материалов С. А. Теплоухова (1927) и о содержании этой статьи (№ 2), о публикации в этом же томе «Материалов по этнографии» статьи С. И. Руденко и А. Н. Глухова о могильнике Кудыргэ (1927), о планах изданий Алтайской экспедиции ГРМ (№ 2), об отправке через Академию наук сборника «Казаки» с его (Грязнов 1927) и М. Н. Комаровой (1927) статьями (№ 3), о посылке карты Кубани (№ 4). Грязнов уточняет места хранения предметов, некогда зарисованных Михаилом Марковичем в бывшем университетском кабинете антропологии (№ 4), дает характеристику

<sup>23</sup> А. М. Тальгрэн зарисовал и описал эти предметы в 1915 г., возвращаясь из экспедиции в Минусинскую котловину (Кузьминых, Тишкина 2009).

<sup>24</sup> Статья с этими материалами вышла через два года (Грязнов 1930б).

<sup>25</sup> В итоге в 1 томе ССЭ опубликованы биографии Й. Р. Аспелина и А. Гейкеля (Грязнов 1929б; 1929в), а в статье об археологических исследованиях в Сибири Грязнов весьма положительно оценил деятельность и труды финских ученых (Грязнов 1929а: 140–142).

бронзовых изделий Барнаульского музея, отмечая, что они представляют минусинские и семипалатинские типы, а также типы, которые не определены (№ 9), благодарит редактора ESA за предложение опубликовать его [Грязнова] статьи в финском журнале, но сожалеет, что в настоящее время у него нет готовых к печати работ<sup>26</sup> (№ 9). Отклонил он и просьбу Тальгрена предоставить для публикации в ESA большую статью о результатах раскопок Пазырыкского кургана (№ 7), отмечая, что связан обязательством с ГРМ: «мне не разрешается опубликовать его нигде, кроме «Материалов по этнографии». В то же время Грязнов готов предоставить в ESA краткую информацию с двумя-тремя фотографиями.

Важнейшая тема писем – обсуждение с Тальгреном проблем археологических исследований, которые особенно волновали Грязнова в 1920-е гг. Речь идет, прежде всего, о характеристике андроновской культуры Западного Казахстана, ее ареале и ее особенностях (№1). Грязнов отмечает, что исследованные им памятники являются «крайним пределом распространения этой культуры на запад». Он обращает внимание Тальгрена на ряд элементов, имеющих ближайшие аналогии в культурах бронзовой эпохи Южной России, в культурах «срубной» и «хвалынской».

Знакомя финского ученого с их совместной с Е. Д. Шнейдером работе о т. н. каменных бабах в минусинских степях (Грязнов, Шнейдер 1926; 1929), Михаил Петрович отмечает, что «анализ их, произведенный нами, дал любопытные результаты» (№ 1). Касаясь хронологии каменных изваяний (№ 2), Грязнов указывает, что на некоторых из них есть орхонские письмена, которые, казалось, и должны были бы определять их эпоху. Но он и Шнейдер относят их к более древнему времени – к бронзовой эпохе. Грязнов интересуется: согласен ли Тальгрен относить их к этому же времени и не придавать им значения надгробных памятников. Михаил Петрович уверен, что «отмеченные нами факты достаточно убедительны».

Важный обмен мнениями касался особенностей позднего бронзового века лесостепного и степного Алтая и Казахстана. Отвечая на вопрос Тальгрена о распространении минусинских типов орудий на запад, Грязнов указал «на существование *особой культурной провинции*,<sup>27</sup> центр которой расположен *где-то в Семипалатинской области*». Изучение коллекций бронзовых орудий из разных мест Западной Сибири привело его к выводу о том, что «Минусинские типы бронзовых орудий ограничены в своем распространении на запад, и западнее г. Томска они встречаются как исключения». К характерным орудиям этой культурной провинции<sup>28</sup> Грязнов относил асимметричные тесла с упором на одной из сторон, однолезвийные ножи-кинжалы с обособленной рукоятью, иногда с хвостатым лезвием, двулезвийные кинжалы с выделенной рукоятью, кирки-кайла, различные варианты однолезвийных ножей с выделенной и без выделенной рукояти. К письму приложены схематичные рисунки этих вещей. Грязнов отмечал, что на рассматриваемой территории ему известно около 80 подобных орудий, и только два из них (плоские ножи) известны на востоке – в Мариинском округе и в Забайкалье.

Помимо этого в переписке затрагивалась масса, казалось бы, второстепенных тем и вопросов, хотя в той реальности информация по ним, вероятно, была крайне важна и ожидаема обоими исследователями. Многие письма заканчиваются пожеланиями и приветом от М. Н. Комаровой – супруги М. П. Грязнова.

---

<sup>26</sup> Остается только сожалеть, что Грязнов не отправил Тальгреному для публикации в ESA свою статью о бронзовых кельтах Минусинской котловины, переданную автором в мае 1929 г. в издание Музея Центрально-Промышленной области и отклоненную в январе 1931 г. как «узко-научную» (Шер 1992: 90). Эта работа вышла в свет лишь в 1941 г. (Грязнов 1941). Классификации кельтов Грязнова базировалась на использовании статистико-комбинаторного анализа, и данная статья могла стать событием в мировой археологии (Шер 1992: 86–90).

<sup>27</sup> Здесь и далее подчеркивания в тексте принадлежат Тальгреному.

<sup>28</sup> Отождествляется с восточной зоной области культур с валиковой керамикой и, прежде всего, с алексеевско-саргаринской культурой.

М. П. Грязнов выступает в переписке с А. М. Тальгреном с позиции младшего коллеги, с непременным уважением и благодарностью старшему собрату по профессии за диалог и услуги. Письма российского ученого донесли до нас пульс его активной научной деятельности, поисков, устремлений и открытий. Они являются важным источником к характеристике, прежде всего, самого Грязнова как специалиста в области изучения бронзового и раннего железного веков в Азиатской части СССР. В то же время – в дополнение к печатным трудам – письма эти свидетельствуют о неподдельном интересе мэтра европейской археологии к результатам исследований молодого российского ученого (Tallgren 1927: 157; 1928a: 186–188; 1929b; 1931: 186, 189, 197; 1933b: 177; 1936: 149; 1938: 53, 57–59).

Михаил Петрович достаточно быстро, особенно после первых работ на Алтае и в Казахстане, опираясь на культурно-хронологическую периодизацию культур бронзового и раннего железного веков Минусинской котловины, созданную С. А. Теплоуховым, шагнул за пределы концепций своих старших коллег А. А. Спицына, В. А. Городцова и А. М. Тальгрена о культурах азиатских степей этого времени<sup>29</sup> и проторил собственные пути в данной проблематике. Финский ученый с интересом следил за новейшими работами Грязнова в Казахстане и на Алтае. Они в корне изменили представление Тальгрена об азиатских культурах эпохи бронзы степного и лесостепного пояса. Примером тому является его статья о бронзовом веке Туркестана для энциклопедического словаря Макса Эберта (Tallgren 1929b), которая, вне всякого сомнения, базировалась и на новейших разработках российского археолога.

Именно поиски и достижения М. П. Грязнова в 1920-е гг. явились основной темой диалога обоих ученых. Остается только сожалеть, что он был прерван на полуслове. Общение с Михаилом Марковичем, безусловно, придало импульс для творческого роста Грязнова и способствовало его становлению как исследователя. О месте работ Тальгрена в его научной лаборатории свидетельствует хотя бы тот факт, что финский археолог – после М. П. Грязнова, С. В. Киселёва, В. В. Радлова и С. А. Теплоухова – входит в пятерку наиболее цитируемых авторов (Эрлих 1994: 106).

А. М. Тальгрэн являл собой пример товарищеского отношения к коллегам и готовности прийти им на помощь и советом, и делом. М. П. Грязнов – с его безотказностью в поддержке начинающих археологов и множеством учеников – во многом повторил научный путь Михаила Марковича. Пред такой судьбой в науке можно только поклоняться.

Ашнин, Алпатов 1994 – *Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* Дело славистов. 30-е годы. М., 1994.

Бернштам 1932 – Бернштам А. Н. Идеализм в этнографии: Руденко и руденковщина // Сообщения ГАИМК. 1932. № 1–2. С. 22–27.

В методбюро... 1932 – В методбюро Этнографического отдела Русского музея (критическая проработка руденковщины) // СЭ. 1932. № 1. С. 117–118.

Воеводский, Грязнов 1938 – Воеводский М. В. и Грязнов М. П. У-суньские могильники на территории Киргизской ССР: К истории у-суней // ВДИ. 1938. № 3. С. 162–179.

Всевиов 2002 – Всевиов Л. М. (сост.) Список опубликованных работ М. П. Грязнова // СЕДС. 2002. Кн. I. С. 10–17.

Грязнов 1926a – *Грязнов М. П.* Доисторическое прошлое Алтая: (Работа Алтайской экспедиции Гос. Русского музея в 1924/25 г.) // Природа. 1926. № 9–10. С. 97–98.

Грязнов 1926b – *Грязнов М. П.* Раскопки на р. Урале // Там же. С. 96.

Грязнов 1927 – *Грязнов М. П.* Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки: Антропологические очерки. Л., 1927. Сб. II. С. 179–221 (МОКИСАР. Вып. 11).

Грязнов 1928 – *Грязнов М. П.* Раскопка княжеской могилы на Алтае // Человек. 1928. № 2–4. С. 217–219.

Грязнов 1929a – *Грязнов М. П.* Археологические исследования в Сибири // ССЭ. 1929. Т. 1. Стлб. 137–142.

Грязнов 1929b – *Грязнов М. П.* Аспелин И. Р. // Там же. Стлб. 163.

---

<sup>29</sup> Их обзор см.: Кузьминых, Сафонов 2009: 150–155.

- Грязнов 1929в – *Грязнов М. П.* Гейкель А. О. К. // Там же. Стлб. 631.
- Грязнов 1930а – *Грязнов М. П.* Казахстанский очаг бронзовой культуры // Казаки. Л., 1930. Сб. III. С. 149–162 (МОКИСАР. Вып. 15).
- Грязнов 1930б – *Грязнов М. П.* Древние культуры Алтая // Сибироведение. 1930. № 3–4. С. 18–26.
- Грязнов 1941 – *Грязнов М. П.* Древняя бронза минусинских степей. I. Бронзовые кельты // Тр. ОИПК ГЭ. 1941. Т. 1. С. 237–271.
- Грязнов, Шнейдер 1926 – *Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р.* Каменные изваяния Минусинских степей // Природа. 1926. № 11–12. С. 100–105.
- Грязнов, Шнейдер 1929 – *Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р.* Древние изваяния Минусинских степей // МЭ. 1929. Т. IV, вып. 2. С. 63–93.
- Комарова 1927 – *Комарова М. Н.* Черепа бронзовой эпохи из могил по левым притокам р. Урал // Казаки: Антропологические очерки. Л., 1927. Сб. II. С. 222–237 (МОКИСАР. Вып. 11).
- Кузьминых 2011 – *Кузьминых С. В.* А. А. Спицын и А. М. Тальгрэн: из истории отечественной археологии начала XX века // ТАС. 2011. Вып. 8, т. II. С. 5–27.
- Кузьминых, Сафонов 2009 – *Кузьминых С. В., Сафонов И. Е.* Проблемы эпохи раннего металла в научном наследии А. А. Спицына // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 2009. С. 145–162.
- Кузьминых, Тишкина 2009 – *Кузьминых С. В., Тишкина Т. В.* «Вам надо повторить поездку на Алтай» (письмо Н. С. Гуляева А. М. Тальгрэну) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2009. Вып. 5. С. 178–190.
- Пшеницына, Боковенко 2002 – *Пшеницына М. Н., Боковенко Н. А.* Основные этапы жизни и творчества Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) // СЕДС. 2002. Кн. I. С. 19–23.
- Руденко, Глухов – *Руденко С. И., Глухов А. Н.* Могильник Кудыргэ на Алтае // МЭ. 1927. Т. III, вып. 2. С. 37–52.
- Салминен 2011 – *Салминен Т. И.* Р. Аспелин – А. М. Тальгрэн и проблема Урало-Алтайского бронзового века // Российская археология. 2011. № 4. С. 130–139.
- Теплоухов 1927 – *Теплоухов С. А.* Древние погребения в Минусинском крае // МЭ. 1927. Т. III, вып. 2. С. 57–112.
- Теплоухов 1929 – *Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. (В кратком изложении) // МЭ. 1929. Т. IV, вып. 2. С. 41–62.
- Тункина 2000 – *Тункина И. В.* «Дело» академика Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. СПб, 2000. Вып. II. С. 116–161.
- Худяков 1931 – *Худяков М. Г.* Критическая проработка руденковщины // СЭ. 1931. № 1–2. С. 167–169.
- Шер 1992 – *Шер Я. А.* К вопросу о приоритетах // Вопросы истории археологических исследований Сибири. Омск, 1992. С. 85–92.
- Эрлих 1994 – *Эрлих В. А.* Творческие интересы М. П. Грязнова: некоторые статистические данные // III ИЧ памяти Михаила Петровича Грязнова. 1994. С. 102–106.
- Heikel 1894 – *Heikel A.* Antiquités de la Sibirie Occidentale // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1894. T. VI.
- Kivikoski 1954a – *Kivikoski E. A. M.* Tallgren // ESA. Suppl. Volume. 1954. P. 77–121.
- Kivikoski 1954b – *Kivikoski E.* The Bibliography of A. M. Tallgren // Ibid. P. 122–145.
- Kuznecova 1930 – *Kuznecova A.* Altertümer aus dem Tal der mittleren Inja // ESA. 1930. T. V. S. 74–94.
- Tallgren 1911 – *Tallgren A. M.* Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. I. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland // SMYA. 1911. T. XXV: 1.
- Tallgren 1916 – *Tallgren A. M.* Collection Zaouissailov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors, 1916.
- Tallgren 1917 – *Tallgren A. M.* Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr Karl Hedman a Vasa. Chapitres d'archéologie sibérienne. Helsingfors, 1917.
- Tallgren 1918 – *Tallgren A. M.* Collection Zaouissailov au Musée National de Finlande a Helsingfors. II. Monographie de la section de l'âge du fer et l'époque dite de Bolgary. Helsingfors, 1918.

- Tallgren 1919 – *Tallgren A. M. L' époque dite d'Ananino dans la Russie orientale // SMYA. 1919. T. XXXI: 1.*
- Tallgren 1926 – *Tallgren A. M. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. 1926 (ESA. T. II).*
- Tallgren 1927 – *Tallgren A. M. Besprechende archäologische Bibliographie von Osteuropa // ESA. 1927. T. I. S. 139–188.*
- Tallgren 1928a – *Tallgren A. M. Neue archäologische Arbeiten im Sovjetreiche // ESA. 1928. T. III. S. 196–200.*
- Tallgren 1928b – *Tallgren A. M. Рец.: М. Р. Grjaznov. Погребения бронзовой эпохи в западном Казакстане // Ibid. S. 187–188.*
- Tallgren 1928c – *Tallgren A. M. Рец.: S. Teplouchov. Древние погребения в Минусинском крае // Ibid. S. 186–187.*
- Tallgren 1929a – *Tallgren A. M. Etudes sur le Caucase du nord // ESA. 1929. T. IV. P. 22–40.*
- Tallgren 1929b – *Tallgren A. M. Turkestan: Bronzezeit // Reallexikon der Vorgeschichte. Hrsg. von Max Ebert. Berlin, 1929. T. XIII.*
- Tallgren 1929c – *Tallgren A. M. Zur osteuropäischen Archäologie // Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki, 1929. T. XX. S. 1–46.*
- Tallgren 1930a – *Tallgren A. M. Caucasian Monuments. The Kazbek Treasure // ESA. 1930. T. V. P. 109–182.*
- Tallgren 1930b – *Tallgren A. M. Kaukasische anthropomorphe Figure und der vorderasiatische Kulturkreis // Ipek. Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst. Berlin, 1930. S. 48–55.*
- Tallgren 1931 – *Tallgren A. M. Zur archäologischen Bibliographie betr. das Gebiet der jetzigen Sowjetunion für die Zeitperiode 1927–1929 // ESA. 1931. T. VI. S. 181–209.*
- Tallgren 1933a – *Tallgren A. M. Dolmens of North Caucasia // Antiquity. 1933. No 7. P. 190–202.*
- Tallgren 1933b – *Tallgren A. M. Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures // ESA. 1933. T. VIII. P. 175–210.*
- Tallgren 1934 – *Tallgren A. M. Sur les monuments mégalithiques du Caucase occidental // ESA. 1934. T. IX. P. 1–46.*
- Tallgren 1936 – *Tallgren A. M. Archaeological Studies in Soviet Russia // ESA. 1936. T. X. P. 129–170.*
- Tallgren 1938 – *Tallgren A. M. Sur les antiquités trouvées depuis la guerre dans l'Asie septentrionale // Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki, 1938. T. XLIX: 1. P. 47–60.<sup>30</sup>*

**С. Ф. Татауров (Омск, Россия)**

## **Два письма из архива М. П. Грязнова в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского**

Научное наследие М. П. Грязнова, наверное, будет востребовано до тех пор пока будет существовать сибирская археология. Помимо его публикаций и собранных коллекций еще одним практически неисчерпаемым источником научных данных является его архив, хранящийся в Музее археологии и этнографии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского.<sup>31</sup> К сожалению, в настоящее время нет возможности издать полностью подборки материалов и размышления ученого по самым различным аспектам археологии. К сегодняшнему дню опубликовано только несколько небольших работ, касающихся рукописного наследия М. П. Грязнова, хранящегося в Омске (Михалёв 1997; Михалёв и др. 2004; 2006).

М. П. Грязнов был очень пунктуальным человеком, скрупулезно сохранявшим все материалы конференций, записки с вопросами, перечни выступавших в дискуссиях с изложением их основных мыслей. Это действительно неоценимые сведения для изучения истории археологической науки. Мы уже писали о материалах к двум докладам, которые сделал М. П. Грязнов в 1945 и 1946 гг. На конференции ОИПК ГЭ в Свердловске 11 июня 1945 г. им была предложена реконструкция узды ранних кочевников Сибири. Однако, судя по заметкам, автор остался не доволен своей работой, и

<sup>30</sup> Текст этого доклада на заседании Финно-угорского общества, посвященном памяти Отто Донера, опубликован и на финском языке (с. 30–46). В последнем варианте сообщения помещены и иллюстрации, в т. ч. грязновские реконструкции узды из Пазырыка (рис. 11, 12).

<sup>31</sup> В музее археологии и этнографии ОмГУ содержится лишь часть архива М. П. Грязнова. Основное собрание рукописей, документов, писем и фотографий ученого хранится в НА ИИМК РАН в Санкт-Петербурге (прим. редакции).

в деле появляется большое количество материалов, относящихся уже ко второй половине 1945– началу 1946 г. 17 апреля 1946 г. М. П. Грязнов на конференции в ИИМК представил доклад под названием «Развитие узды у ранних кочевников Сибири» (Татауров, Тихонов 1999). Материалы, собранные и обработанные ученым, по прошествии многих десятилетий представляют едва ли не больший интерес для понимания развития науки, чем выводы, сделанные во время докладов.

В архиве хранится большое количество вырезок из газет и научно-популярных изданий, касающихся археологических исследований и отдельных находок. Но особое место занимают письма, которые приходили М. П. Грязнову от его коллег-археологов. Эпистолярный жанр уходит в прошлое, в настоящее время главенствуют электронные сообщения. Это значительно интенсифицировало связи внутри научного сообщества, но в то же время сделало их своего рода «эфмерными», не оставляющими следов для потомков. Особенно «болезненно» это для ученых, занимающихся историографией науки. В письмах передается не только научная информация или отношения между адресатами, в тексте, между строк, зачастую можно увидеть определенный пиетет к собеседнику, значимость его мнения или потребность в определенном совете. Поэтому, то, что удалось обнаружить в омском фонде М. П. Грязнова стало действительно открытием для понимания становления средневековой археологии Западной Сибири.

Речь идет о двух письмах, отправленных из Томска Андреем Петровичем Дульзоном – известным лингвистом, этнографом и археологом, – в Ленинград М. П. Грязнову. Они датированы 12 мая 1949 г. и 5 июля 1949 г.

Из текста первого документа (рис. 1, 1) следует, что отправитель был знаком с М. П. Грязновым, но в переписке с последним не состоял и впервые официально обратился к нему, поскольку в конце письма указал свой обратный адрес. В письме, отправленном вместе со сборником «Басандайка» (1947), А. П. Дульзон интересуется материалами Тоянова городка. До настоящего времени этот памятник остается одной из самых проблемных «болевых» точек Томского Приобья. Несмотря на то, что научные исследования этого средневекового археологического комплекса периодически проводились с 1887 г. и ими руководили такие известные ученые, как С. К. Кузнецов, Ф. Мартин, Ж. де Бай, С. М. Чугунов и др., достоянием научной общественности результаты раскопок так и не стали. На момент написания А. П. Дульзоном первого письма материалы Тоянова городка были разобщены и хранились в Стокгольме, Париже, Томске и нескольких городах СССР. Коллекции и полевая документация многолетних раскопок этого памятника не были систематизированы и практически не опубликованы. Более того, в настоящее время так и не понятно, какой комплекс следует считать Тояновым городком – могильник или городище, и где конкретно они находятся. В 2010 г. экспедиция научно-производственного центра «Архаика» под руководством О. В. Зайцевой провела сборы на месте предполагаемого расположения Тоянова городка. Полученные материалы позволяют надеяться, что культурный слой этого памятника, несмотря на многочисленные строительные работы, сохранился и представляет интерес для исследования. «Необходимо проведение стационарных археологических работ на предполагаемом месте расположения Тоянова городка» (Чернов 2011). Следует сказать, что только в 2011 г. была издана коллекция находок Ф. Мартина из мог-ка Тоянов городок (Яковлев 2009).

В 1924 г. на этом памятнике проводил работы М. П. Грязнов и, как и его предшественники, не опубликовал материалы своих исследований<sup>32</sup> (частично результаты его раскопок представит Л. М. Плетнёва [1976]). Для А. П. Дульзона, который к тому времени уже исследовал ряд средневековых памятников в Томском Приобье, особенно остро стояли проблемы их культурной и хронологической интерпретации. Следует отметить, что к 1949 г. целенаправленного изучения памятников позднего средневековья практически не проводилось. Исключением можно считать раскопки

---

<sup>32</sup> В 1976 г. М. П. Грязнов опубликовал статью «Дневник раскопок Тоянова городка, произведенных в 1924 г. // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 19. С. 73–89 (прим. редакции).

Многоуважаемый

Михаил Петрович!

В музее истории матер. культуры Томского университета, среди предметов с Тоянова городка (против г. Томска), оказалась монетовидная бляшка, записанная в инвентарной книге как "шведская монета". Мне удалось прочесть надпись и установить, что это нюрнбергский счетный жетон Г. Краувинкеля конца XV в. Меня особенно заинтересовали предметы из Тоянова городка в связи с тем, что они показывают множество аналогий с предметами из моих раскопок на нижнем Чулыме (вблизи деревень Тургай и Балагачево), произведенных в 1946 г. К сожалению, в инвентарной книге даже не отмечено, где найден указанный жетон, на городище или в кургане. Так как данный жетон относится к поступлениям сравнительно недавнего времени, то я счел возможным, что он найден был Вами. Может быть Вы помните? Известно ли Вам что-нибудь о находке монет на Тояновом городке? Если я не ошибаюсь, результаты Ваших раскопок не были опубликованы? Если Вас не затруднит, прошу сообщить. Одновременно с этим высылаю Вам сборник статей "Басандайка" - материалы раскопок курганного могильника и городища вблизи речки Басандайка недалеко от гор. Томска.

12/V - 1949.

С уважением

(профессор Томского Педагогического института)

Мой адрес:

г. Томск, ул. Фрунзе 56 кв. 1,  
Дульзону Андрею Петровичу

Глубокоуважаемый

Михаил Петрович!

Очень благодарен за присылку Вашей статьи о древней бронзе минусинских степей, весьма интересной как по методике, так и по своим выводам.

Монетовидную бляшку из раскопанного Вами кургана Тоянова городка я пока не смог найти: инвентарные записи не в порядке и не мало предметов утрачено вследствие неаккуратного обращения при неоднократных переселениях во время войны.

Очень интересна находка серебряной монетки /Михаила Федоровича?/; такие монетки были мною обнаружены также на Чулыме. Я теперь уже не сомневаюсь, что курганы Тоянова городка уверенно можно датировать концом XVI и началом XVII в.; об этом свидетельствуют найденные там предметы и до 30 полных аналогий в вещах и в деталях обряда погребения с курганами ~~или~~ вблизи деревень Тургай и Балагачево на Чулыме где было найдено 15 монет /Михаила Федоровича/ и счетных жетонов того же времени.

Шведская монета, записанная в печатном каталоге Томского универс. музея под № 4401 вовсе не монета, а нюрнбергский счетный жетон *1. Rechenpfennig 1.* Жетон описан правильно, но надписи неверно разобраны. В каталоге указывается: *Hans. Kr. d. K. Win. Fre in Nuz.* /на одной стороне; *Gotes Sage N. Mag. reich (?) Ric (?)* /на другой стороне/. На самом деле на бляшке имеются надписи, выполненные одними заглавными буквами: *HANN S. KRAVWINCEL. IN. NVR (nberg)* /на одной стороне/ и *GOTES. SEGEN. MACHT. REICH* /на другой стороне/.

Желаю Вам много успеха в предстоящей экспедиции

5 июля 1949 г.

Рис. 1. Письма А. П. Дульзона: 1 - от 12 мая 1949 г.; 2 - от 5 июля 1949 г.

В. П. Левашевой в 1920-х гг. Воскресенского городища (Тон-Туры) в Барабе, но работа, которую она посвятила этим проблемным вопросам, будет опубликована только через год (Левашева 1950: 341-350). Чтобы разобраться с хранящимися в Музее истории материальной культуры ТГУ коллекциями Тоянова городка, А. П. Дульзон обращается к М. П. Грязнову, поскольку тот

был единственным, доступным на тот момент томскому ученому, археологом, который исследовал этот памятник и знал его материалы.

Судя по дате и тексту второго письма (рис. 1, 2), А. П. Дульзон оперативно получил ответ, вместе со статьей о древней бронзе минусинских степей (Грязнов 1941). В письме М. П. Грязнова, по всей вероятности, содержались ценные советы, за что А. П. Дульзон высказывает ему глубокую благодарность. Далее в письме упоминаются конкретные находки, а именно европейские жетоны. Суждения М. П. Грязнова оказались значимыми для А. П. Дульзона и в своих последующих работах он неоднократно на них ссылается. Именно счетные жетоны позволили А. П. Дульзону сделать вывод о том, что исследованные им памятники датируются «концом XVI и началом XVII в.» и на основании этого построить хронологическую шкалу для позднесредневековых памятников Притомья и Причулымья.

К сожалению, исследования Тоянова городка стали только эпизодом в научной деятельности М. П. Грязнова. Вскоре после раскопок 1920 г. он переезжает в Петроград, где начинает работать в РАИМК. В последующие годы он выезжает в экспедиции в Южную Сибирь и Казахстан, затем последовали арест и ссылка (реабилитирован М. П. Грязнов был в конце 1956 г.). В Томское Приобье в качестве полевого археолога он уже не вернулся и ни одной работы по позднему средневековью Михаил Петрович так и не написал.

Следует, однако, отметить, что публикуемые письма лежали в папке под названием «Тояновская культура». Особый интерес в этой папке представляет перечень памятников, часть из которых имеет помету – «Тояновская культура». В этот список вошли: пос. у дер. Вершинина, городище Шеломок, мог-к у дер. Чернильщикова, городище Кижирева, городище Городок у дер. Орловка, мог-к у дер. Козюлина, пос. Чердашный лог, пос. и мог-к у села Нагорный Шесток, мог-к у дер. Черданы, городище у дер. Иговка, мог-к Иштан. Хотя в настоящий момент памятники носят другие названия, а указанные деревни большей частью не существуют, тем не менее, этот перечень наглядно свидетельствует наличие значительного числа памятников, показывающих границы и степень освоения территории, занимаемой тюркским населением в Томском Приобье. К сожалению, намерения М. П. Грязнова обобщить собранный материал и выделить новую археологическую культуру позднего средневековья так и не были осуществлены. Для нас же большой интерес представляет не столько находящиеся в архивном деле материалы, сколько даты, указывающие на время их сбора. Первые даты относятся ко времени работ М. П. Грязнова в Томске, т. е. к началу 1920-х гг., а вторые – к 1950-м гг. Тем самым можно предположить, что А. П. Дульзон инициировал у М. П. Грязнова интерес к материалам его ранних раскопок, который так и не был реализован.

По всей вероятности на этом их переписка оборвалась, т. к. М. П. Грязнов вел свой архив очень пунктуально, хотя, возможно, что письма были утеряны при перевозке архива в Омск. Возможно, архив А. П. Дульзона даст ответ на этот вопрос.

Несмотря на то, что в архиве М. П. Грязнова сохранились лишь два письма А. П. Дульзона, они хорошо иллюстрируют становление западносибирской археологии эпохи средневековья и формирование основ культурной и хронологической интерпретации археологических комплексов Томского и Чулымского Приобья.

Басандайка 1947 – Басандайка: Сб. материалов и исследований по археологии Томской области. Томск, 1947 (Тр. ТГУ им. В. В. Куйбышева. Т. 98).

Грязнов 1941 – *Грязнов М. П.* Древняя бронза Минусинских степей // Тр. ОИПК ГЭ. 1941. Т. 1. С. 237–271.

Левашева 1950 – *Левашева В. П.* О городищах Сибирского Юрта // СА. 1950. Т. XIII. С. 341–350.

Михалёв 1997 – *Михалёв В. В.* Карта Минусинской котловины из архива М. П. Грязнова // IV ИЧ памяти Михаила Петровича Грязнова. 1997. С. 93–94.

- Михалёв и др. 2004 – *Михалёв В. В., Михалёва Т. В., Здор М. Ю.* Материалы по археологии Казахстана в архиве М. П. Грязнова // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы; Омск, 2004. С. 16–18.
- Михалёв и др. 2006 – *Михалёв В. В., Михалёва Т. В., Здор М. Ю.* Материалы о лошадях в архиве М. П. Грязнова (Музей археологии и этнографии ОмГУ) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2006. Вып. 2. С. 133–146.
- Плетнёва 1976 – *Плетнёва Л. М.* Тоянов городок (по раскопкам М. П. Грязнова в 1924 г. // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 19. С. 65–72.
- Татауров, Тихонов 1999 – *Татауров С. Ф., Тихонов С. С.* Реконструкция М. П. Грязнова или история одного доклада // Проблемы музееведения и народная культура. Новосибирск, 1999. С. 153–161 (Культура народов России. Т. 4).
- Чернов 2011 – *Чернов М. А.* К вопросу о географической локализации «Тоянова городка» // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: Проблемы, поиск, открытия: Мат-лы LI Региональной (VII Всерос.) археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых, посвящ. 30-летию открытия палеолитического искусства Северного Приангарья и 55-летию организации Красноярской археологической экспедиции. г. Красноярск, 22–25 марта 2011 г. Красноярск, 2011. С. 252–253.
- Яковлев 2009 – *Яковлев Я. А. (Yakovlev Ya. A.)*. Могильник Тоянов городок: Каталог коллекции Ф. Р. Мартина 1891 г. из фондов Государственного Исторического музея (г. Стокгольм). [Cemetery Toyanov Gorodok: Catalogue of F. R. Martin's collection of 1891. State Historical Museum (Stockholm)]. Томск; Сургут, 2009.

**С. С. Тихонов (Омск, Россия)**

### **Недописанная рукопись о Михаиле Петровиче Грязнове (воспоминания о нем В. И. Матющенко)**

Ольга Шевченко – дочь Владимира Ивановича Матющенко, одного из крупнейших сибирских археологов, после смерти отца, последовавшей в 2005 г., передала на кафедру первобытной истории ОмГУ его личный архив, включающий копии полевых отчетов, переписку, рецензии на диссертации и научные издания, фотографии, поздравительные адреса, черновики будущих научных работ, планы и проекты специальных курсов и т. д. Архив пережил несколько переездов и поэтому находится не в полном порядке.

Среди бумаг В. И. Матющенко имеется небольшая рукопись, подготавливаемая им к одной из конференций «Исторические чтения памяти М. П. Грязнова», которые он проводил в Омске. Рукопись состоит из пяти полностью заполненных листов формата А-4 и нескольких фраз на шестом листе. Судя по цвету пасты шариковой ручки, первоначально были написаны три с половиной листа, затем, после перерыва была некоторая правка текста, и потом он был продолжен (рис. 1).

Поскольку эти воспоминания могут быть интересны коллегам, занимающимся историей отечественной археологии, я решил их опубликовать, сопроводив некоторыми комментариями по сюжетам, о которых я лично слышал от В. И. Матющенко. Комментарии приведены в конце настоящего сообщения. В публикуемых воспоминаниях листы отделены один от другого пустой строкой. В издании сохранены авторская орфография и пунктуация.

Итак, обратимся к рукописи:

Мои встречи с Михаилом Петровичем [Грязновым]<sup>33</sup>

<sup>33</sup> В квадратных скобках дан текст, отсутствующий в рукописи.

Впервые я услышал о М.[ихаиле] П.[етровиче] от Евгения Михайловича Пеняева,<sup>34</sup> в 1951 году, когда он, будучи аспирантом Томского государственного университета, съездил в Ленинград и в ЛОИИМК'е имел несколько встреч с М.[ихаилом] П.[етровичем]; первая встреча Е.[вгения] М.[ихайловича] с М.[ихаилом] П.[етровичем] состоялась по рекомендации А. П. Окладникова. Рассказ Е. М. Пеняева об этих встречах создал в моем представлении образ очень доброжелательного и внимательного человека. Это впечатление усилилось во мне сразу же после некоторого общения с ним, с М.[ихаилом] П.[етровичем].

В 1953 году в июле я провел первый сезон раскопок Самусьского могильника.<sup>35</sup> Это были мои первые самостоятельные работы по Открытому листу. Будучи в это время заведующим Музея истории материальной культуры Томского государственного университета, я очень нуждался в квалифицированной помощи археолога - профессионала. И еще до начала работ на Самусьском могильнике я посоветовался на этот счет с Евгением Михайловичем, который в то время доживал уже последние месяцы (в сентябре 1953 года он скончался). Е.[вгений] М.[ихайлович] дал мне совет обратиться в А. П. Окладникову<sup>36</sup> Я с радостью адресовался осенью к А.[лексею] П.[авловичу]. И очень скоро получил от него в письме согласие посмотреть и оценить результаты работы на могильнике.

Я отправил заранее свой отчет о работах на могильнике Алексею Павловичу, и мы условились с ним, что в середине марта я буду в Ленинграде. Я так и поступил.

Моя поездка в Ленинград в марте 1954 года имела насыщенную программу (консультации по экзаменам по кандидатскому минимуму, обсуждение материалов раскопок могильника, работа с коллекциями МАЭ и Эрмитажа и т. д. и т. п.). Надо заметить, что я не был ни ассистентом, ни соискателем в понятных нынешних формах, поэтому никаких формальных официальных отношений у меня не было ни с М.[ихаилом] П.[етровичем], ни с А.[лексеем] П.[авловичем].

При встрече А.[лексей] П.[авлович] оговорил со мной все предстоящие мои дела, свел с разными людьми в ЛОИИМК'е, Эрмитаже и МАЭ и познакомил меня с Михаилом Петровичем, сказав, что мой отчет он передал ему с просьбой посмотреть его с пристрастием.<sup>37</sup> М.[ихаил] П.[етрович] тут же назначил мне встречу по этому поводу у себя дома. Встреча состоялась вечером на Васильевском острове. С тех пор такие встречи бывали у меня по нескольку раз во время моих приездов в Ленинград.

---

<sup>34</sup> Е. М. Пеняев – в то время аспирант ТГУ, учивший В. И. Матющенко археологии как полевой, так и камеральной. Владимир Иванович ездил с Е. М. Пеняевым в экспедиции на Чулым и через него познакомился с А. П. Окладниковым. В. И. Матющенко как-то вспоминал, что был восхищен эрудицией и манерами поведения Е. М. Пеняева. Он умер очень рано, и как-то Владимир Иванович обмолвился, что из-за лучевой болезни. Но больше он никогда об этом не упоминал и разговор на эту тему всегда прекращал. Мне известны две статьи о Е. М. Пеняеве (Матющенко и др. 1956; Галкина 1999).

<sup>35</sup> В этом году после окончания университета В. И. Матющенко не планировал никаких работ, но после разговоров с Г. В. Трухиным, сообщившим ему о памятнике, и с Е. М. Пеняевым о возможности раскопок, свежеепеченный выпускник организовал небольшую экспедицию, которая провела раскопки неолитического могильника Самусь I, где и была найдена каменная фигурка знаменитого мишки.

<sup>36</sup> К тому времени В. И. Матющенко был знаком с А. П. Окладниковым и побывал в некоторых его экспедициях на Ангаре, откуда привез в Томск традицию празднования Дня археолога, несколько песен и познания в методике раскопок археологических объектов. Теплые, дружеские отношения между ними были примерно до середины 1960-х гг., и А. П. Окладников приглашал начинающего ученого на работу в Новосибирск. Однако в результате глупого недоразумения отношения между ними испортились почти до конца 1970-х гг.

<sup>37</sup> В. И. Матющенко рассказывал несколько иначе. Но суть состояла в том, что Михаил Петрович внимательно изучил полевой отчет, изрядно перегруженный ненужной информацией, и научил В. И. Матющенко писать и оформлять отчеты.

В. И. Матюшенко

Они, государственные университетии

Мои встречи с Михаилом Пестриковым

Впервые я ~~встретился~~ узнал о М. П. от Елены Михайловны Поняева, в 1957 году, когда она, будучи ассистентом Подольского государственного университета, ездила в Ленинград и в ЛОИИМК'е и моя первая встреча с М. П.; ~~за тем~~ после первой встречи с М. П. ~~была~~ состоялась на реке Сиверии А. П. Крауцманов. Рязанский Е. М. Поняев во своих встречах с вами и представлял образ очень добродушного и внимательного человека. Дочка Елены Михайловны уехала во время сразу же после некоторого общения с вами, Е. М. П.

В 1953 году в Москве я провел первый сезон раскопок Селужского могильника. Это были мои первые самостоятельные раскопки <sup>по</sup> ~~по~~ сопоставлению между Будучи в то время завязывающим дружбу и делами историками Кривошурой Подольского государственного университета, я очень

Рис. 1. Фрагмент рукописи В. И. Матюшенко

Если на службе (в ЛОИИМК'е или в ГЭ) М. [ихаил] П. [етрович] был всегда очень собран, аккуратно одет (костюм, галстук), застегнут, то в домашней обстановке он преображался и становился очень милым, домашним человеком, с которым можно было говорить о чем угодно: домашняя

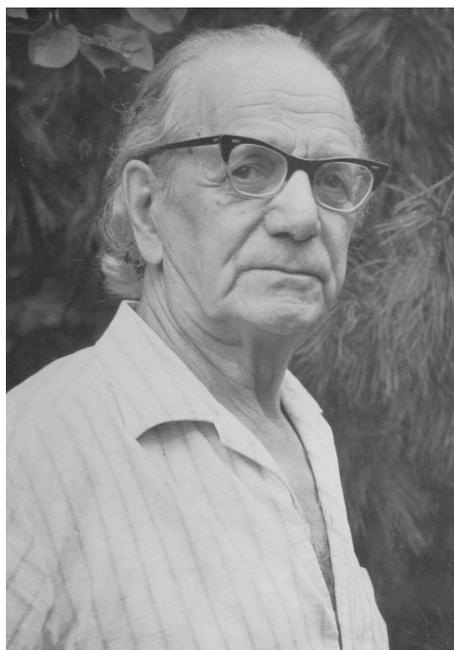


Рис. 2. М. П. Грязнов на своей даче (из фотографий в кабинете В. И. Матющенко)

одежда, свободное поведение снимали официальный барьер. Такие домашние встречи, будучи частыми при моих приездах, вспоминаются как нечто единое целое; я не думаю разделить их на отдельные вечера: уверен, такие впечатления остались и у многих других коллег, кто посещал М.[ихаила] П.[етровича] на В. [асильевском] О.[строве].

У Михаила Петровича и Марии Николаевны была одна большая комната в коммунальной квартире. Эта комната была разделена на три части высокими книжными стеллажами, что придавало помещению иллюзию трехкомнатного жилья. В левой от входа комнате находилась столовая, гостиная, кабинет, иногда спальня и пр. и пр. Узкая средняя часть комнаты против входной двери была своеобразной прихожей, и это не совсем так: в коридоре коммунальной квартиры перед входом в комнату Грязновых была вешалка, где посетители (и члены семьи Грязновых) снимали верхнюю одежду и обувь.

Третья, большая часть комнаты служила спальней и кабинетом.

В первой комнате под низко опущенным абажуром стоял стол со стульями, диван вдоль внешней стены, телевизор. В этом помещении окна не было.

При посещении М.[ихаила] П.[етровича] меня приятно удивляло очень теплое и доброе отношение соседей к М.[ихаилу] П.[етровичу] и М.[арии] Н.[иколаевне]. Непосвященный посетитель мог подумать, что люди – родственники М.[ихаила] П.[етровича] или М.[арии] Н.[иколаевны].

Только в конце 1970-х г. М.[ихаил] П.[етрович] и М.[ария] Н.[иколаевна] получили еще одну комнату в той же квартире. И это было в то время, когда многие коллеги, значительно моложе обзавелись современными, по тем временам очень удобными квартирами. Вообще поражало в М.[ихаиле] П.[етровиче] какое-то органичное безразличие к бытовым удобствам, отсутствие хоть какой-либо стесненности в условиях коммунальной квартиры.

Остался в памяти день моего экзамена по археологии по кандидатскому минимуму. Это было в марте 1955 года, в рабочем кабинете М.[ихаила] П.[етровича] [в] Эрмитаж[е]а. В составе комиссии были, кроме М.[ихаила] П.[етровича], Александр Александрович Иессен и Алексей Павлович Окладников. Мне предстояло сдать два экзамена: по археологии и по археологии каменного века. Я сейчас с трудом вспоминаю те вопросы, которые были предложены мне, не хотел бы на этот счет фантазировать, но зато остались в памяти два важнейших впечатления: 1) удивительная доброжелательность ко мне со стороны всех трех экзаменаторов; 2) поощрительное отношение

ко мне, когда выяснилось, что я построил ответы на монографиях и других публикациях, изученных мною.<sup>38</sup>

У меня сложилось впечатление, что последнее обстоятельство настолько приятно было приятно моим экзаменаторам, что вскоре экзамен превратился в оживленную беседу четверых, среди которых был и я. Это привело к тому, что я утратил всякую скованность и внутреннее напряжение в обстановке общего доброжелательного настроения моих экзаменаторов.

После экзамена...

На этом рукопись обрывается. Остается только проиллюстрировать ее двумя фотографиями Михаила Петровича, стоявшими в кабинете В. И. Матющенко. На одной из них он, как писал Владимир Иванович, «в костюме и галстуке» в своей квартире, на фоне стеллажа с личным архивом (см. рис. на авантитуле). На другой – вероятно, на даче (рис. 2).

Галкина 1999 – *Галкина Т. В.* Исследователь Причулымья Евгений Михайлович Пеняев // Вестник ОмГУ. 1999. Вып. 2. С. 52–58.

Матющенко и др. 1956 – *Матющенко В. И., Дульзон А. П., Синяев В. С., Ураев Р. А.* Памяти археолога Е. М. Пеняева // Тр. Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956. Т. 5. С. 358–359.

**А. С. Вдовин, Н. П. Макаров (Красноярск, Россия)**

### **К истории научных связей Петербурга и Красноярска<sup>39</sup>**

Научные связи между Петербургом и Красноярском насчитывают почти 300 лет. В течение этого периода не только исследователи сибирского провинциального города испытали огромное влияние северной столицы, но заметно и обратное влияние сибиряков на научное сообщество Петербурга.

Выгодное географическое положение Красноярска в Сибири предопределило его особую роль. Уже в ходе работ первых экспедиций Петербургской Академии наук их участники не только проезжали через Красноярск, но и провели в нем не один месяц, собирая и обрабатывая экспедиционные материалы. Отсюда Д. Г. Мессершмидт и Г. Ф. Миллер совершали поездки на юг и север огромного Енисейского региона (Борисенко, Худяков 2005).

Первым сибирским исследователем древностей Енисея по праву можно считать Г. И. Спасского. В 1801 г. он поступает на службу в Берг-коллегию и тогда же начинает слушать лекции в Петербургской Академии наук. В 1803 г. Г. И. Спасский по приглашению Томского губернатора В. С. Хвостова зачислен в штат Томской губернии, а год спустя назначается дворянским заседателем в Красноярский уездный суд. На Енисее молодой исследователь занимается сбором исторических, этнографических и археологических сведений. Проживая в 1817–1834 гг. в Петербурге, Г. И. Спасский занимался издательской деятельностью. В 1818–1825 гг. он являлся издателем и автором «Сибирского вестника», где был постоянный раздел «Сибирские древности». Здесь были опубликованы многие материалы по археологии, в т. ч. и Приенисейского края. В 1825–1827 гг. Г. И. Спасский издавал «Азиатский вестник». Его заслуга заключалась в том, что он ознакомил мировую науку с древностями Сибири и в первую очередь с енисейско-орхонской письменностью. Не случайно Петербургская Академия наук избирает его своим членом-корреспондентом (1810 г.).

<sup>38</sup> В. И. Матющенко не указал, что он отвечал по монографиям и другим публикациям самих экзаменаторов. Манеру подготовки к кандидатским экзаменам по монографиям он применял и в своей педагогической деятельности, вменяя в обязанность аспиранта или соискателя составить список монографий числом около 200 по разным проблемам археологии, и быть готовым обсудить эти работы. Разумеется, нужно было еще ответить на три вопроса, один из которых был по теме диссертации.

<sup>39</sup> Работа выполнена в рамках «Программы стратегического развития КГПУ им. В. П. Астафьева на 2012–2016 гг.» (проект № 06 3/12).

В 1822 г. Красноярск становится губернским городом. Первый енисейский губернатор А. П. Степанов проводит раскопки курганов и накапливает большую археологическую коллекцию. В столице он публикует свою книгу «Енисейская губерния» (Степанов 1835), в которой нашли отражение и древние памятники Енисея.

Во второй половине XIX в. Енисейская губ. привлекает внимание не только столичных ученых, но и сибирских археологов-любителей. Многие исследователи древностей Енисея, родившиеся или служившие в Красноярске, были выпускниками Санкт-Петербургского университета. Среди них: И. Т. Савенков – директор Красноярской учительской семинарии, А. В. Адрианов – правитель дел Красноярского отдела РГО, П. С. Проскуряков – преподаватель Красноярской мужской гимназии и первый консерватор Красноярского городского музея (Макаров и др. 1998), А. С. Еленев – директор Красноярской мужской гимназии и консерватор Красноярского городского музея (Вдовин, Макаров 2009), этнограф П. Е. Островских (Вдовин и др. 2010). Горный институт в столице закончил И. С. Боголюбский, а петербургскую частную гимназию Келлера – И. П. Кузнецов-Красноярский. В Санкт-Петербургском археологическом институте учились уроженцы Енисейской губернии: ее будущий губернатор И. Н. Крафт, этнограф и археолог В. И. Анучин, а также этнограф Красноярского музея А. А. Савельев.

Имена перечисленных исследователей – особая страница в сибирской археологии. Археологические коллекции, добытые ими, хранятся в ГЭ и МАЭ, ГИМе, Красноярском и Минусинском музеях. Они хорошо известны не только специалистам. Наибольшую известность, благодаря книге В. В. Радлова «Сибирские древности», первоначально получила археологическая коллекция И. А. Лопатина (Радлов 1888; 1891; 1894). В МАЭ также была передана и хранится известная коллекция И. Т. Савенкова.

Но первым «археологом», получившим Открытый лист от ИАК на раскопки в окрестностях г. Красноярска, оказался управляющий государственным банком И. Александров. В 1866–1871 гг. он проводит раскопки и посылает в комиссию свои «отчеты» (Белова, Васильева 1992; НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1866 г., д. 36). Работы проводились им без всякой научной цели, на низком методическом уровне, вследствие чего эти «исследования» вызвали у некоторых современников негативные отзывы: «Этот вандал, обладая средствами, перепортил несколько больших курганов и тем увечил, подобно Герострату, свое имя в археологической литературе Сибири» (Адрианов 1884).

Исследования в окрестностях Красноярска и Енисейской губ. по Открытым листам ИАК проводили: в 1869 г. – И. А. Лопатин; в 1890, 1907, 1913, 1914 гг. – И. П. Кузнецов-Красноярский; в 1893 г. – И. Т. Савенков; в 1902 г. – А. В. Адрианов; в 1894, 1896, 1897, 1899 гг. – П. С. Проскуряков; в 1902, 1903, 1904 гг. – В. И. Анучин; в 1913 г. – С. М. Сергеев (Белова 2009).

В 1908 г. Сибирский научный кружок при Петербургском университете положил начало студенческим экскурсиям в Сибирь. С 1909 г. такие экскурсии по Сибири для студентов петербургских учебных заведений организовывало «Общество изучения Сибири и улучшения ее быта». В Красноярске на стоянки в устье р. Собакиной у сел. Ладейки в экскурсии участвовало 12 человек. Экскурсантов сопровождали П. П. Коновалов и Д. С. Каргаполов (Бортвин 1915).

Особенно тесные научные связи прослеживаются между археологами Красноярска и Петрограда-Ленинграда после революции 1917 г. в первые десятилетия советской власти.

Среди известных исследователей, оказавшихся в Сибири в годы революции и гражданской войны, следует назвать Г. П. Сосновского. Еще в старших классах школы он увлекся археологией, а в 1917–1918 гг. стал работать в качестве добровольного сотрудника в археологическом отделе МАЭ. Здесь он знакомится с Б. Э. Петри, который сыграл особо значимую роль в становлении Г. П. Сосновского как археолога. Последний уже во время своих первых археологических разведок в 1917 г. на берегу Сестрорецкого разлива у Тарховки близ Петрограда открывает неолитическую стоянку (Ларичев 1969: 143–144).

После окончания училища Г. П. Сосновского направляют в Ачинский округ Енисейской губ. на Ивановский золотой рудник. Март 1918 г., когда он выезжает к месту назначения, – канун

Гражданской войны в Сибири. По пути в Красноярск Г. П. Сосновский знакомится с Н. К. Ауэрбахом. Удивительно, но именно в это беспокойное время, уже ближайшим летом, два молодых человека планируют провести археологическую разведку по Среднему Енисею. Они должны были встретиться, но по дороге в Красноярск Г. П. Сосновский узнал, что идет мобилизация по приказу Сибирской областной думы. Прямо на вокзале в Красноярске Г. П. Сосновский задержан и спешно отправлен в Иркутск. Он попадает в казармы расквартированного там пехотного полка. Любопытно, что в официальном «Жизнеописании Сосновского Георгия Петровича», хранящегося в НА ИИМК РАН, упомянутые факты его биографии были опущены (Абрамова 1981; Китова 2010).

Вернувшись в Красноярск в 1919 г. Г. П. Сосновский начинает сотрудничать с местным музеем, в котором в это время работают австрийский военнопленный археолог Г. Мергарт и Н. К. Ауэрбах. В этом же году Г. П. Сосновским, Н. К. Ауэрбахом и сотрудниками музея было проведено 40 экскурсий в окрестностях Красноярска, осмотрены ранее известные и открыты новые памятники (Гремячий лог, Кача 1 и др.), проведены раскопки на палеолитической стоянке Военный городок, систематизированы археологические коллекции музея (Ларичев 1969; Акимова 1995). Летом 1920 г. Г. Мергарт и Г. П. Сосновский проводят разведку по Енисею, в результате которой были исследованы и раскопаны десятки археологических памятников от палеолита до средневековья.

Обстоятельства в жизни молодого исследователя вновь складываются так, что второй раз в своей жизни Г. П. Сосновский был вынужден не по своей воле ехать в Иркутск. Он поступает в университет и начинает работать хранителем Иркутского музея. В Иркутске Г. П. Сосновский не теряет связи с Красноярском и планирует продолжить работу на Енисее (Вдовин и др. 2000.)

Красноярск становится одним из центров развивающейся сибирской археологии. Особенно известными стали раскопки Г. П. Сосновского, Н. К. Ауэрбаха и В. И. Громова на Афонтовой горе и Переселенческом пункте в Красноярске, а также на стоянке Бирюса.

Красноярский музей и раскопки на Афонтовой горе не раз посещали С. А. Теплоухов, М. П. Грязнов и другие археологи. Так, в 1924 г. на Афонтовой горе побывали В. А. Городцов, С. А. Теплоухов и Г. И. Боровка. Многие идеи столичных и сибирских археологов задолго до их публикации были озвучены на заседании Коллегии музея Приенисейского края.

Красноярские исследователи древностей Енисея постоянно испытывали дружескую поддержку авторитетных археологов Москвы и Ленинграда. Это наглядно прослеживается на примере деятельности начинающего геолога и палеонтолога В. И. Громова. В начале 1926 г. он покидает Красноярск, но поддерживает регулярную связь с Г. П. Сосновским и с Н. К. Ауэрбахом. Каждую пятницу он пишет им из столицы о своих работах, обсуждает научные проблемы, стараясь хотя бы таким образом преодолеть разделяющее их расстояние. Эта переписка представляет интереснейший материал, позволяющий понять, как формировались научные взгляды В. И. Громова в ту пору, когда он был молодым ученым, подающим большие надежды. В. И. Громов, как и его партнеры Г. П. Сосновский и Н. К. Ауэрбах, были подняты на самый верх волной славы Афонтовой горы. Провинциальный ученый окунулся в самый водоворот столичной научной жизни. Ленинград поразил его. В письме Н. К. Ауэрбаху он отмечает: «какая-то странная смесь дворцовой роскоши, нищеты, запустения и варварства <...> Ты извинишь мне это бессвязное письмо, потому что я никак не могу справиться со своими впечатлениями». Чуть позже он пишет: «мне сразу пришлось окунуться в самый водоворот, что при моей малоподвижности вредно отозвалось и на голове <...> Что касается наших работ, то о них здесь отзывы хорошие. И будь у меня твоя энергия <...> я сделал бы здесь блестящую карьеру... во всем необыкновенно везет. Всюду встречают очень хорошо <...> Но сам-то я чувствую себя неважно <...> как будто забрался на высокую колокольню, с которой жутко смотреть вниз – кружится голова. Мелкая сошка не понимает, почему ко мне так относятся, не понимаю и я сам <...> не верят, когда я говорю, что приехал и раньше почти никого не знал» (Ауэрбах и др. 1997; 2003).

Отношение молодого исследователя к занимаемому им положению было далеко не однозначным. С одной стороны, его радовало такое внимание и такая высокая оценка. С другой стороны,

В. И. Громов чувствовал некоторое разочарование, т. к. оказалось, что возможности поучиться у специалистов гораздо более скромны, чем он представлял это в Красноярске. «Я вижу, что я не хуже других могу справиться с работой, жаль только, что нет руководства. Как это ни странно, но в Ленинграде по этому вопросу (остеология четвертичных и современных) в таком масштабе как это требуется, работают только трое: Бялынинский, Громова и Громов, причем у меня, оказывается самый большой стаж!» (Ауэрбах и др. 1997; 2003). В 1927 г. В. И. Громов уже был настроен более решительно и соблазнял своего друга Н. К. Ауэрбаха предложением П. П. Ефименко: «П. П. говорит, что есть некоторая возможность устроить тебя в Академию наук в КЭИ или КИИС. Нужен человек, обладающий организаторскими способностями, административными талантами» (Ауэрбах и др. 1997; 2003).

Личное знакомство ленинградских археологов и красноярцев нередко перерастало в совместные исследования. Так в 1927 г. сотрудниками Красноярского музея совместно с С. А. Теплоуховым был раскопан комплекс средневековых могил у Часовенной горы в Красноярске. Инвентарь погребений состоял из золотых, серебряных и железных предметов и украшений. Большая часть коллекции этих раскопок хранится в ГЭ (Савинов 1977; 1990) и лишь незначительная – в Красноярском музее (Макаров 1989).

После завершения исследований С. А. Теплоухов забирает полученную коллекцию в Ленинград. В расписке данной им Красноярскому музею он отмечает: «Всю означенную в настоящей описи коллекцию, состоящую из 49 номеров, заключающих 202 предмета получил для научного изучения в помещении Русского музея (Ленинград, Инженерная, 1), после чего обязуюсь их вернуть в Музей Приенисейского края. Хранитель этнографического отдела Русского музея Сергей Теплоухов» (НА КККМ, оп. 1, д. 401, л. 4–5). Часть коллекции была возвращена, однако ее большая часть осталась в Ленинграде. В марте 1928 г. для «обработки» в ГАИМК были дополнительно отправлены археологические материалы, на которые была получена соответствующая расписка за подписью Ученого секретаря Института археологических технологий М. В. Фармаковского (Там же: л. 7).

Только в 1933 г. Красноярский музей попытался вернуть отданную коллекцию. В ответном письме из Ленинграда сообщалось, что «вещей этих обнаружить не удалось и за давностью времени является весьма затруднительным выяснить обстоятельства их использования» (Там же: л. 32). Но по стечению обстоятельств, именно в это время (26 ноября 1933 г.) С. А. Теплоухов был арестован и обвинен в участии в контрреволюционной фашистской организации «Русская национальная партия» (Решетов 2003).

В июне 1934 г. директор музея Приенисейского края В. Медведев еще раз обращается в Наркомпрос РСФСР «просить Вашего распоряжения научному сотруднику ГАИМКа Г. П. Сосновскому и научному сотруднику Русского музея С. А. Теплоухову о возвращении взятых ими у Музея для обработки коллекций <...> Несмотря на наши неоднократные напоминания, коллекции до настоящего времени указанными выше лицами не возвращены, причем на наш последний запрос от 15 февраля 1933 г. за № 380 ответа не поступило. Нахождение этого материала вне стен музея около 10 лет не позволяет нам полностью развернуть экспозицию. Музей надеется при Вашем воздействии получить указанные коллекции в самое непродолжительное время» (ГАРФ, ф. А-2306, оп. 70, д. 1054, л. 26). Относительно судьбы гипсовых погребальных масок и материалов, отправленных в Институт археологических технологий, ответа вовсе не последовало.

С 1932 г. начинаются работы археологических экспедиций в Сибири – на Енисее, Ангаре, Бие, Иртыше и Амуре, в зонах строительства проектируемых ГЭС.

В планах исследований Ангарской экспедиции в 1934 г. предполагалось участие Красноярского отряда (начальник Г. П. Сосновский, производитель работ М. М. Герасимов) (НА ИИМК РАН, РА, ф. 2, 1934 г., д. 224, л. 5, 6). Его главной задачей являлось продолжение раскопок палеолитической стоянки Афонтова гора у Красноярска. Однако провести исследования не удалось, хотя была проведена большая подготовительная работа с различными организациями (прокуратурой

г. Красноярска, Красноярским отделом народного образования, Управлением Томской железной дороги, Музеем Приенисейского края) (Там же: л. 8, 10–12). Г. П. Сосновский отмечал в отчете, что он считает «более правильным отказаться от работ в районе г. Красноярска из-за отсутствия подлежащего объекта для исследования (мощного выхода культурного слоя) и больших трудностей раскопки стоянки (удаление 15-метровой толщи лесса) и переключить все внимание экспедиции на Ангарские работы (раскопки в с. Мальта и пр.)» (Там же: л. 16 об.).

Тем не менее, в 1932 г. на Афонтовой горе в Красноярске был открыт неолитический могильник и археологом музея А. Ф. Катковым было раскопано одно из погребений (НА ИИМК РАН, РА, ф. 2, 1932 г., д. 168, л. 9). Спустя четыре года на данном могильнике сотрудником музея В. И. Нешумаевым и А. П. Окладниковым было раскопано еще два погребения и подготовлена совместная статья (НА КККМ, оп. 1, д. 677). Впоследствии А. П. Окладников синхронизировал погребения Афонтовой горы с глазковскими захоронениями Прибайкалья (Окладников 1949).

Однако в 1920-х–начале 1930-х гг. активные археологические исследования сменились периодом, когда место специалиста занимали не по профессиональным качествам, а по партийному принципу. Первым таким «археологом», после гибели в экспедиции А. Ф. Каткова, становится П. Ф. Кожуховский. «Археолог от комсомола» был командирован на работу в краевой музей решением Оргбюро ЦК ВЛКСМ и занимал эту должность более года (НА КККМ, оп. 2, д. 56, л. 1–2). В архиве КККМ сохранились любопытные документы, проливающие свет на «вклад» П. Ф. Кожуховского в археологическую науку (Там же: л. 5). Летом, в самый разгар экспедиционных работ, «археолог» выезжает в командировку в Ленинград... «За 9 дней познакомился с работой и экспозицией в следующих музеях: Музей Революции, Музей истории религии и Государственный Эрмитаж. Одновременно разрешил вопрос в отношении шефства со стороны ГАИМК над нашим музеем. На этот вопрос мной было сделано официальное заявление на имя ученого секретаря, который согласился принять наше заявление и обещал сообщить т. Окладникову, который работает на Мальте Восточно-Сибирского края, по пути заехать в Красноярск разработать подробный план будущих работ и помочь нам перестроить выставку отдела археологии. Быстрый выезд из Ленинграда вызван тем, что большинство музеев закрыты» (Там же: л. 6–6 об.).

Казалось бы, такая стажировка сотрудника провинциального учреждения в ведущих музеях страны будет полезна. Но авторам статьи так и не удалось обнаружить в Красноярском музее следов хотя бы одного полезного начинания или хотя бы одного артефакта, найденного П. Ф. Кожуховским. Зато из документов становится ясным, как «археолог от комсомола» быстро переквалифицировался в другую область и был назначен в августе 1936 г. директором Красноярского заповедника «Столбы» (Там же: л. 7).

Научные связи Ленинграда и Красноярска начинают возрождаться с началом работ новостроечных экспедиций – Красноярской, Сибирской и др. Сотрудники Красноярского краеведческого музея З. К. Глусская, Р. В. Николаев, Н. В. Нащёкин, Н. П. Макаров, преподаватели и студенты красноярских вузов под руководством М. П. Грязнова, Г. А. Максименкова, Э. Б. Вадецкой и других ведущих ленинградских специалистов в области сибирской археологии принимают в них самое активное участие, продолжая традиции, заложенные три столетия назад.

Абрамова 1981 – *Абрамова З. А.* Г. П. Сосновский (1899–1941) и проблемы палеолита Северной Азии // СА. 1981. № 1. С. 109–117.

Адрианов 1884 – *Адрианов А. В.* Курганография Сибири (Обращение ко всем любителям старины и изучения края) // Приложение к «Сибирской Газете». Томск, 14 июля 1884 г.

Акимова 1995 – *Акимова Е. В.* Из истории красноярской археологии (1919–1920 гг.) // III ИЧ памяти М. П. Грязнова. 1995. Ч. 1. С. 4–8.

Ауэрбах и др. 1997 – *Ауэрбах К. Н., Вдовин А. С., Гуляева Н. П., Макаров Н. П., Оводов Н. Д.* К столетию В. И. Громова (материалы к биографии) // IV ИЧ памяти М. П. Грязнова. 1997. С. 4–7.

- Ауэрбах и др. 2003 – *Ауэрбах К. Н., Вдовин А. С., Гуляева Н. П., Макаров Н. П., Оводов Н. Д. В. И. Громов.* Красноярские истоки научной деятельности // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 2003. Вып. 2. С. 35–41.
- Белова 2009 – *Белова Н. А.* Перечень материалов экспедиций и исследований в фонде Императорской Археологической Комиссии Рукописного отдела НА ИИМК РАН // Приложение: Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб, 2009. С. 12–140.
- Белова, Васильева 1992 – *Белова Н. А., Васильева Р. В.* Материалы рукописного архива ЛОИА АН СССР как источник изучения музейного строительства на территории Сибири // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. Красноярск, 1992. Т. 1. С. 34–36.
- Борисенко, Худяков 2005 – *Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск, 2005.
- Бортвин 1915 – *Бортвин Н. Н.* Из области древней сибирской керамики // Записки РАО. СПб, 1915. Т. XI. С. 173–190.
- Вдовин и др. 2000 – *Вдовин А. С., Гуляева Н. П., Макаров Н. П.* К столетию Г. П. Сосновского. Начало научной деятельности (1918–1920 гг.) // В ИЧ памяти М. П. Грязнова. 2000. С. 26–27.
- Вдовин и др. 2010 – *Вдовин А. С., Данилейко В. А., Инполитова А. Б.* Петр и Константин Островских: гимназические и студенческие годы (первые исследования 1879 – 1896 гг.) // ЕП. 2010. № 5. С. 97–105.
- Вдовин, Макаров 2009 – *Вдовин А. С., Макаров Н. П., Еленев А. С.* Материалы к биографии. Красноярский период // ЕП. 2009. № 4. С. 341–347.
- Китова 2010 – *Китова Л. Ю.* Георгий Петрович Сосновский // Российская археология. 2010. № 3. С. 146–153.
- Ларичев 1969 – *Ларичев В. Е.* Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск, 1969. Ч. 1.
- Макаров 1989 – *Макаров Н. П.* К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. Красноярск, 1989. С. 131–189.
- Макаров и др. 1998 – *Макаров Н. П., Макарова Н. А., Вдовин А. С.* Материалы к биографии и научной деятельности П. С. Проскуракова // Архивные чтения: Становление Красноярска как экономического и общественно-политического центра Енисейской губернии. Красноярск, 1998. С. 89–95.
- Окладников 1949 – *Окладников А. П.* Неолитические погребения на Афонтовой горе // КСИИМК. 1949. Вып. 25. С. 7–13.
- Радлов 1888; 1891; 1894 – *Радлов В. В.* Сибирские древности. Т. 1. СПб, 1888. Вып. 1; 1891. Вып. 2; 1894. Вып. 3.
- Решетов 2003 – *Решетов А. М.* Интеграция наук в научной деятельности и трудах С. А. Теплоухова // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2003. С. 17–21.
- Савинов 1977 – *Савинов Д. Г.* О памятниках «часовенногорского типа» в южной Сибири // Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977. Вып. 1. С. 90–99.
- Савинов 1990 – *Савинов Д. Г.* Археологические памятники завершающего этапа культуры енисейских кыргызов // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 114–131.
- Степанов 1835 – *Степанов А. П.* Енисейская губерния. СПб, 1835. Ч. 1–2.
- ГАРФ, ф. А-2306, оп. 70, д. 1054.  
 НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1866 г., д. 36; ф. 2, 1932 г., д. 168; 1934 г., д. 224.  
 НА КККМ, оп. 1, д. 401, 677; оп. 2, д. 56.

### СЕКЦИЯ III. АНТРОПОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

*И. С. Туркина, А. А. Казарницкий (Москва, Санкт-Петербург, Россия)*

#### **Археологические и палеоантропологические данные о происхождении ямной культуры Северо-Западного Прикаспия**

Исследователями неоднократно предпринимались попытки культурно-хронологического анализа и интерпретации памятников ранней бронзы Северо-Западного Прикаспия. На сегодняшний день большинство исследователей сходится во мнении, что под термином «ямная культурно-историческая общность» (далее – ЯКИО) подразумевается блок синхронных культур, объединенных определенной общностью погребальных установок и культурно-хозяйственным типом (Шишлина 2007; Гей 2000; Шапошникова и др. 1986). Целью данного исследования стал предварительный анализ керамического комплекса ямной культуры Северо-Западного Прикаспия (3200–2500 гг. до н. э.) и предшествующих ей энеолитических групп как одного из основных критериев археологической культуры. Учитывая данные антропологии об обособленности прикаспийских «ямников» (Шевченко 1986; Алексеева, Круц 1999), предпринята попытка проиллюстрировать ситуацию с точки зрения имеющихся археологических публикаций.

По подсчетам специалистов, во всех вариантах ЯКИО, большинство погребений не имеют керамики (Мерперт 1974; Шишлина 2007). Данная категория инвентаря, в зависимости от локального варианта и обрядовой группы погребений, содержится в 3,5–35 % ямных погребений (Мочалов 2009: 78). В 733 погребениях, исследованных в Северо-Западном Прикаспии, сосуды сопровождали лишь около 8 % могил (58 целых сосудов, 3 в обломках и 12 представлены в виде обломков-жаровен). Глиняные сосуды занимают второе место по частоте встречаемости среди погребального инвентаря, а по облику они отражают как керамические традиции данного варианта ЯКИО, так и местные формы. Напр., если для населения ямной группы Средних Ергеней была характерна традиция ставить сосуд только в могилы взрослых людей (мог-ки Лола), то в Прикаспийской низменности – преимущественно, в детские захоронения (мог-ки Кривой Луки), в Кумо-Маньчской впадине традиционные ямные сосуды – в детские, а сосуды иных культур – во взрослые погребения (мог-ки Восточного Маныча). Вся керамика лепная, слабо обожженная. В качестве основной примеси применялся песок и шамот, раковина фиксируется редко.

По классификации Н. И. Шишлиной все сосуды делятся на две самостоятельные группы. Первая характеризует керамическую традицию ямной культуры, вторая представлена посудой, заимствованной из культур катакомбного круга (Шишлина 2007: 85). Вторая группа наиболее близка аналогичным сосудам полтавкинской культуры Нижнего и Среднего Поволжья и представляет собой хронологически более поздние изделия. Горшки первой группы часто не орнаментированы, орнамент нанесен на верхнюю часть сосуда в виде оттисков шнура, прочерченных линий, зубчатого штампа и оттисков веревочки. Для наиболее ранних ямных погребений центральных и южных районов Северо-Западного Прикаспия характерны типичные ямные сосуды, находящие аналогии во многих ямных группах сопредельных территорий. Население северной части прикаспийской низменности (мог-ки Кривой Луки) создало свои типы горшков – горшки удлинённых пропорций (рис. 1, 5, 7, 12). Здесь же найдены типы сосудов, аналогии которым обнаруживаются в культурах начала средней бронзы, в первую очередь, полтавкинской. При этом здесь не встречены некоторые типичные для ямной культуры горшки. Крупные корчаги преобладают у населения Кумо-Маньчской впадины (мог-ки Восточного Маныча, Зунда-Толга), наиболее близко соприкасавшегося с племенами сопредельных территорий, где такие сосуды распространены на рубеже ранней и средней бронзы. Поэтому в ямных погребениях этого региона часто представлены

заимствованные сосуды, которые производило население катакомбной и северокавказской культур. Такие горшки не встречены в комплексах Южных Ергеней.

Все типы яйцевидно-круглодонных горшков, плошки и амфорки можно рассматривать как столовую посуду – на ней не видно следов нагара, она миниатюрна. Аналогии таким сосудам известны во многих культурах ямного круга от Молдавии до Приуралья (Шишлина 2007; Шапошникова и др. 1986; Трифонов 1991; Гей 2000) (рис. 1, 6, 8–11, 13). Таким образом, в посуде ямной культуры Северо-Западного Прикаспия уже на раннем этапе отмечены как оригинальные типы керамики, так и аналогии из круга более западных культур ямной общности.

Можно обозначить линию пересечения развития отдельных плоскодонных форм энеолита Прикаспия и Нижнего Поволжья (рис. 1, 3–4), где аналогичный сосуд найден в погребении ямно-бережновского типа (Дрёмов, Юдин 1992: 24). К таким же выводам приводит и рассмотрение керамики из энеолитических погребений Прикаспия (рис. 1, 1–2). Для данного вида керамики характерно мешковидное тулово со стянутым венчиком. Этот вид горшков входит в группу посуды, одинаковой для всех территориальных вариантов ЯКИО (Мочалов 2009: 85), и относится к т. н. горшкам ямно-бережновского типа (Дрёмов, Юдин 1992). В. Н. Даниленко подобные сосуды относил к каспийско-днепровской фазе формирования ямной культуры, подразумевая влияние на развитие местного азово-черноморского энеолита восточных импульсов (Даниленко 1974).

Накопленные фактические и аналитические данные по изучению ранней бронзы степной зоны Восточной Европы дали возможность наметить генеральную линию развития культур в Понто-Каспийской степи и лесостепи: Мариуполь–Хвалыньск–ранний Средний Стог–«городцовские ямки» (Даниленко 1974; Гей 2000; Васильев 2001; 2003).

Самостоятельные культурно-хронологические периодизационные схемы материалов энеолита существуют для ряда отдельных территорий: Украины, Донского региона, Предкавказья и Северо-Западного Прикаспия (Трифонов 1991; Кияшко 1974; Рассамкин 2001; Ковалёва 2002). Перекрестный анализ этих схем затруднен ситуацией, когда одни и те же памятники фигурируют у разных авторов под оригинальными названиями. В целом переход от энеолита к раннему бронзовому веку характеризуется очаговым возникновением культурообразующих центров, развитие которых привело к сложению в бронзовом веке культурно-исторических областей. Поиск фактических вех этого процесса осложняется небольшим количеством энеолитических погребений (на территории, занимаемой впоследствии ЯКИО, – около 100; Трифонов 1991; Шишлина 2007; Рассамкин 2001).

Таким образом, проблема изучения перехода от энеолита к раннему бронзовому веку выглядит как развитие двух генеральных очагов культурогенеза. На западе – это мариупольские традиции неолита-энеолита, на востоке – более поздние древности хвалынской энеолитической культуры. Для целостного представления об историческом развитии древних коллективов и выявления связей между регионами Восточной Европы необходима массовая статистическая обработка материала, применение новых методов в изучении курганных древностей.

Вопрос о происхождении населения эпохи ранней бронзы Северо-Западного Прикаспия не раз обсуждался в антропологической литературе (Шевченко 1980; 1986; Алексеева, Круц 1999; Хохлов 2006). Нами предпринята новая попытка поиска предковых популяций. В качестве методов исследования были использованы методы многомерной статистики, адаптированные для изучения краниологических серий,<sup>40</sup> с помощью которых проанализированы опубликованные измерения более 1300 мужских черепов из 68 палеопопуляций Восточной Европы, Зауралья и степной полосы Южной Сибири от мезолита до эпохи поздней бронзы.

---

<sup>40</sup> Канонический анализ на основе стандартизированной корреляционной матрицы внутригрупповых корреляций 14-ти краниометрических признаков (продольный, поперечный, высотный, скуловой диаметры, наименьшая ширина лба, верхняя высота лица, ширина и высота грушевидного отверстия и глазниц, назомаларный и зигомаксиллярный углы, симотический указатель и угол выступания носа относительно вертикального лицевого профиля) и обобщенные расстояния Махаланобиса в рамках пакета статистических программ Б. А. Козинцева.

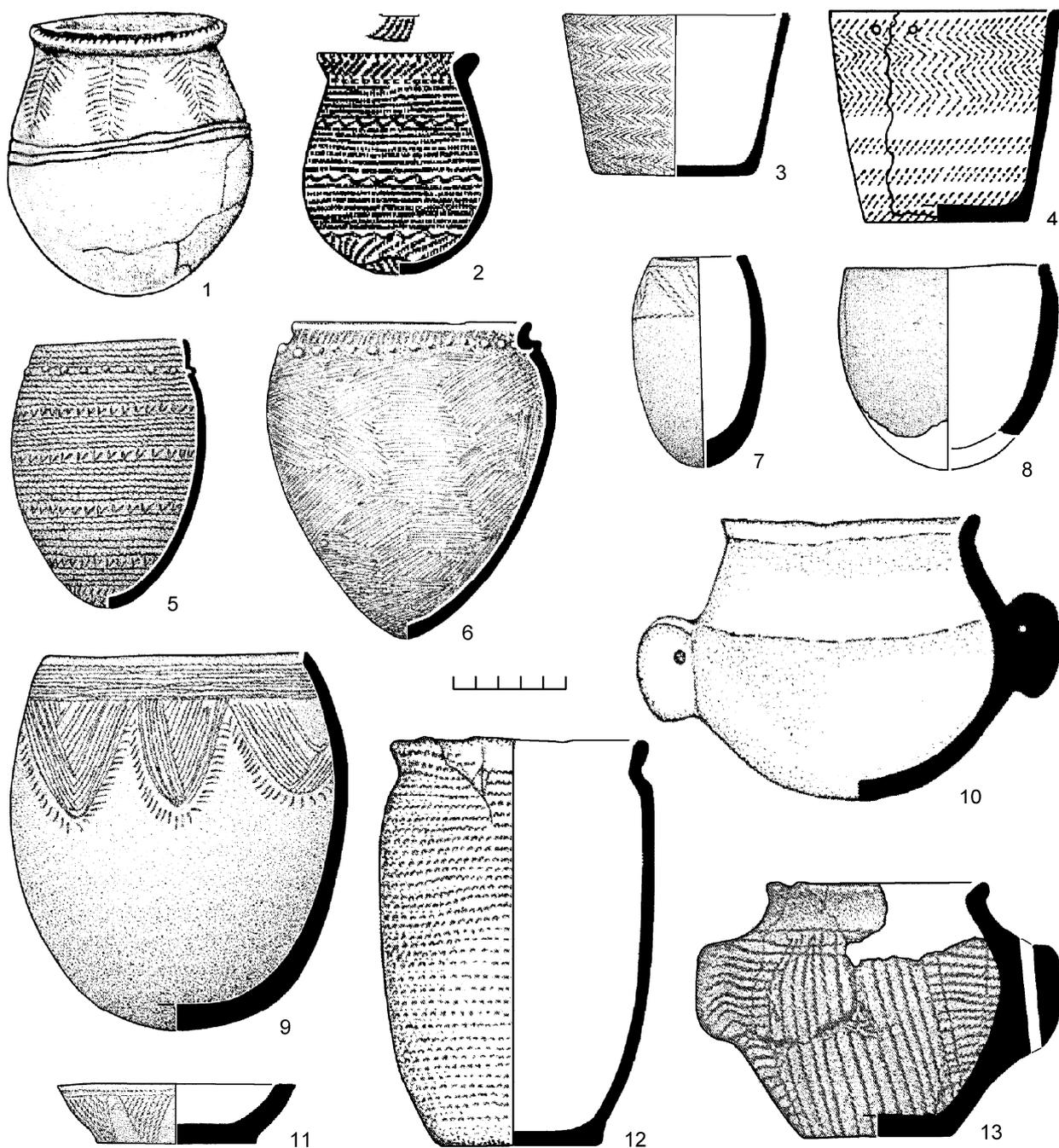


Рис. 1. Сосуды ямной культуры Северо-Западного Прикаспия и материалы для сопоставлений:  
 1 – мог-к Архара 2, погр. 2; 2 – мог-к Бережновка, кург. 5, погр. 22; 3 – мог-к Эвдык 1, кург. 9, погр. 4;  
 4 – мог-к Политотдельское, кург. 12, погр. 15; 5 и 12 – мог-к Кривая Лука XIII, кург. 1, погр. 22 и кург. 3,  
 погр. 8; 6 – мог-к Цаца, кург. 6, погр. 4; 7 – мог-к Кривая Лука XXX, кург. 1, погр. 19; 8 – Восточный Маныч,  
 Правый берег, 1967 г., кург. 18, погр. 3; 9 – мог-к Хаар-Нуурин-Толга, кург. 28, погр. 7;  
 10 – мог-к Му-Шарет-4, кург. 1, погр. 5; 11 – Чограйский мог-к, кург. 7, погр. 1;  
 13 – Восточный Маныч, Левый берег, II, 1966 г., кург. 81, погр. 6

Первый этап межгруппового сопоставления был посвящен оценке степени отличий прикаспийского населения ямной культуры от популяций ранней, средней и поздней бронзы Восточной Европы. В анализ было включено 47 краниологических серий разной культурной и территориальной принадлежности.

В первом каноническом векторе (КВ I) максимальные нагрузки легли на продольный, поперечный, скуловой диаметры черепа и назомаллярный угол; во втором (КВ II) – на угол выступания

носа и снова на продольный диаметр. По координатам групп в КВ I, охватывающем 41 % общей изменчивости, краниологические серии ямной культуры Калмыкии, Астраханской обл. и Ставропольского края обособились от остального восточно-европейского населения эпохи бронзы из-за максимальной ширины мозгового и лицевого отделов черепа в сочетании с недостаточно резкой, по сравнению с остальными европеоидными группами, верхней горизонтальной профилированностью лица (рис. 2, этап 1).

На втором этапе канонический анализ был дополнен десятью краниологическими выборками, которые упоминались как имеющие некоторое сходство с ямной краниологической серией Северо-Западного Прикаспия (Шевченко 1986; Алексеев 1983; Алексеева, Круц 1999): неолитические выборки Днепровского Надпорожья и серии эпохи бронзы Южной Сибири (две андроновские, карасукская и ирменская). КВ I продемонстрировал здесь вариабельность, преимущественно, продольного, поперечного, скулового диаметров и лицевых углов горизонтального профиля; КВ II – поперечных размеров лба, мозговой коробки, лицевого отдела и высоты орбиты. На этот раз в первом каноническом векторе наиболее своеобразными оказались южносибирские группы, столь же брахиморфные, как и прикаспийские ямные, но уже с очевидно уплощенным лицом, гораздо меньше выступающим носом и чуть менее низкими орбитами. В то же время прикаспийские серии ранней бронзы на этом фоне оказались ближе к населению Восточной Европы в целом, а наибольшее сходство проявили с выборками из днепровских неолитических могильников (рис. 2, этап 2).

Результаты второго этапа анализа подтверждают предположение А. В. Шевченко (1980; 1986) и В. П. Алексеева (1983) о возможности участия неолитического населения днепровских степей в формировании некоторых популяций восточной и юго-восточной частей ареала ямной культуры.

Третий этап межгруппового сопоставления был проведен без краниологических серий средней и поздней бронзы, но с использованием всех более или менее репрезентативных выборок черепов мезо-, нео- и энеолита<sup>41</sup> Восточной Европы. Численность анализируемых материалов составила 452 мужских черепа различной сохранности из 29 групп. В результате первые два вектора охватили в совокупности почти 60 % дисперсии, при этом 34 % пришлось на КВ I с максимальными нагрузками на продольный, поперечный, скуловой диаметры и высоту орбит. В КВ II наиболее значимыми стали поперечный и высотный диаметры мозговой коробки и угол выступления носа. Минимальные значения по обоим векторам оказались у серий, находящихся в левом нижнем углу соответствующего графика (рис. 2, этап 3). Это население фатьяновской культуры, мог-ка Шенгавит (Армения) и майкопской культуры. Их лептоморфный краниологический комплекс, сочетающий абсолютно и относительно длинную черепную коробку и узкое или среднеширокое клиногнатное лицо, принято называть средиземноморским или южноевропеоидным (Акимова 1947; Дебец 1948; Герасимов 1955; Шевченко 1986; Алексеева 2004). Все остальное поле графика (рис. 2, этап 3) занято сериями, в большинстве своем некогда относимыми к протоевропеоидному краниологическому типу. Крайнее справа скопление – мезобрахикранные широколицые выборки черепов из погребений ямной культуры Северо-Западного Прикаспия. В правом верхнем квадранте – неолитические серии из Днепровского Надпорожья (Васильевка II, Вовниги, Вольное, Деревка, Никольское), Прибалтики (Звейниекы) и Верхней Волги (Сахтыш). В центральной части координатного пространства – ямные серии из других регионов (Украина, Волгоградская, Саратовская, Самарская и Оренбургская обл.), среди которых расположились и энеолитические выборки (средне-стоговская и хвалынская I). Хвалынская II группа оказалась в непосредственной близости к скоплению серий, сформированному мезолитической и раннеолитической выборками из Прибалтики

---

<sup>41</sup> Вместо отсутствующих в печати данных об относительной высоте переносся в серии из Хвалынска I (Мкртчян 1988) использовалось значение симотического указателя из серии Хвалынск II (Хохлов 2010), что никак не повлияло на результаты анализа, т. к. симотические величины варьируют в рассматриваемых сериях незначительно и потому больших нагрузок не получили.

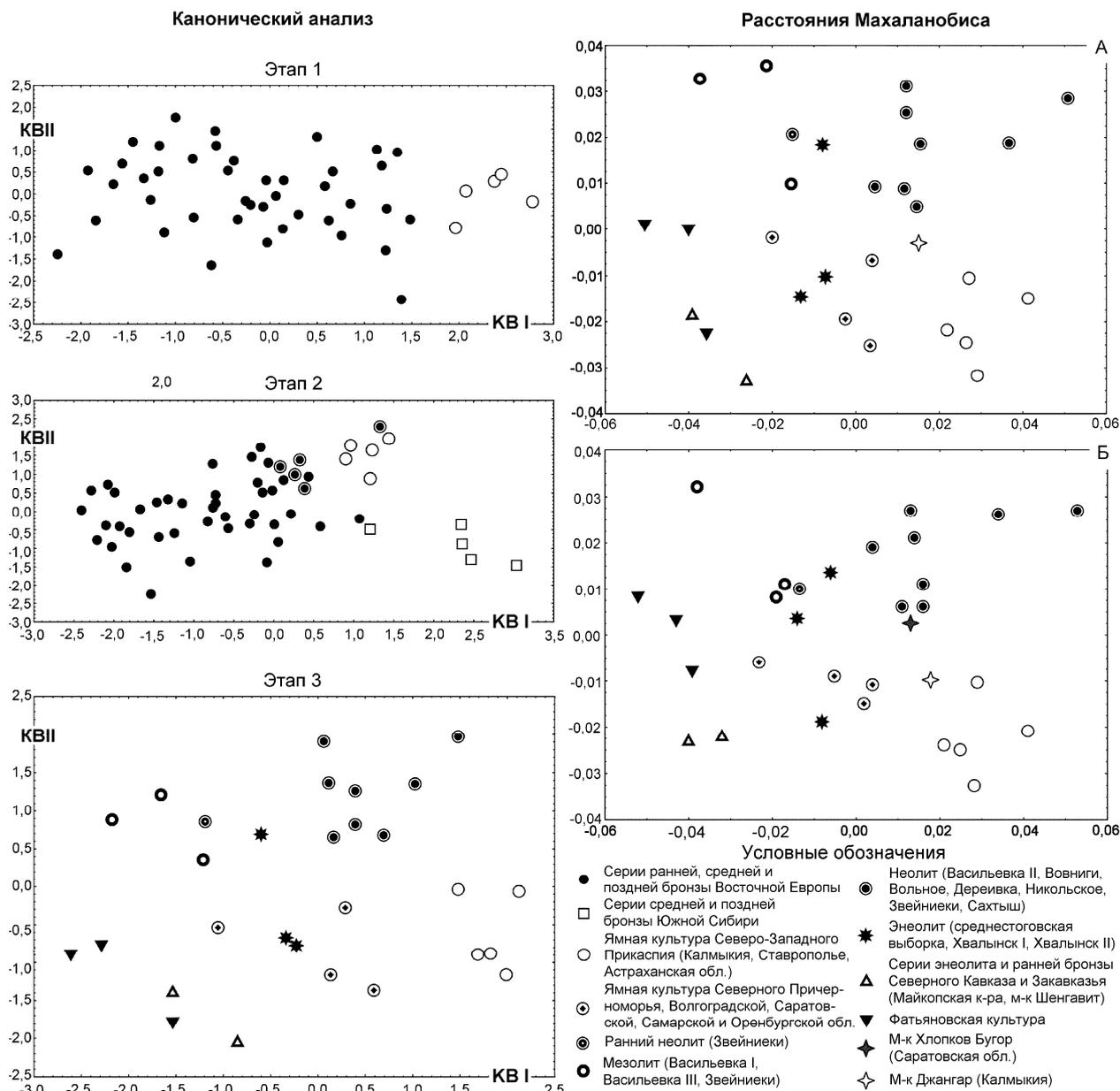


Рис. 2. Положение мужских краниологических серий Восточной Европы в пространстве первых двух КВ по результатам трех этапов канонического анализа (этапы 1–3) и положение черепов из мог-ков Хлопков Бугор (А) и Джангар (Б) среди краниологических серий согласно расстояниям Махаланобиса, шкалированным по алгоритму Л. Гуттмана (1966)

(Звейниеки), и сериями эпохи мезолита Северного Причерноморья (Васильевка I и III). Выборки эпохи энеолита, в целом, демонстрируют комплекс морфологических признаков средний между мезолитическими и ямными (кроме прикаспийских) сериями.

Между популяциями из мезолитических и неолитических могильников Восточной Европы наблюдаются статистически значимые различия по таким признакам, как поперечный и скуловой диаметры, а также назомаллярный угол, размеры которых в неолите значительно больше, чем в предшествующее время. Этот факт, замеченный И. И. Гохманом (1966), свидетельствует, скорее, о притоке в эпоху неолита нового населения и вряд ли объясним с точки зрения автохтонного популяционного процесса, в пользу которого высказывались Т. И. Алексеева и С. И. Круц (1999). При этом мезолитический субстрат не исчез полностью, но вновь проявляется в облике носителей хвалынской и среднестоговской энеолитических культур, а в дальнейшем и в ряде коллективов,

вошедших в состав ЯКИО (Гохман 1966). Палеопопуляции эпохи ранней бронзы Северо-Западного Прикаспия, учитывая их краниологические особенности, находились, вероятно, вне этой предположительной генеалогической линии. Ближайшей аналогией им могут быть серии из неолитических могильников на широкой территории от Северного Причерноморья до Прибалтики, однако говорить о полной идентичности нет оснований, т. к. неолитические черепа, будучи тотально крупнее прикаспийских «ямных», имеют меньшую ширину мозговой коробки, менее высокое переносье и не столь сильно выступающий нос.

Решение проблемы происхождения населения ямной культуры Прикаспия затрудняется отсутствием краниологических серий из энеолитических памятников Калмыкии и сопредельных регионов. Нам известны индивидуальные измерения лишь одного мужского черепа из энеолитического погребения мог-ка Джангар (фонды МАЭ РАН). Кроме того, из энеолитического мог-ка Хлопков Бугор (Саратовская обл.), опубликованы два мужских черепа, имеющие индивидуально-типологическое сходство с прикаспийскими черепами носителей ямной культуры (Хохлов 2006; 2010). Измерения черепов из Джангара и Хлопкового Бугра были использованы наряду с краниометрическими параметрами серий из третьего этапа канонического анализа для подсчета обобщенных расстояний Махаланобиса между ними.

Сопоставление проводилось в два этапа: сначала по 14-ти упомянутым выше краниометрическим признакам с использованием индивидуальных данных только черепа из мог-ка Джангар (рис. 2, А), и затем – по 12-ти параметрам, включая измерения черепов и из Джангара, и из Хлопкового Бугра (рис. 2, Б). Сокращение числа признаков во втором случае связано с отсутствием данных о высоте свода и ширине носа у черепов из последнего могильника. По результатам обоих сопоставлений взаимное расположение серий мезо-, нео-, энеолита и ранней бронзы, установленное ранее по координатам в первых двух канонических векторах, осталось в основных чертах прежним. Среди «протоевропеоидных» групп вновь наблюдаются четыре скопления: два ямных (с одной стороны прикаспийские серии, с другой – все остальные), мезо-ранне-неолитическое и неолитическое. Энеолитические серии хвалынской и среднестоговской культур опять же демонстрируют промежуточный комплекс признаков, между мезо-ранне-неолитическим и наиболее распространенным ямным (без прикаспийских серий). Столь же промежуточного облика оказались черепа из Хлопкового Бугра и Джангара, но в данном случае они сочетают черты неолитических и только прикаспийских ямных групп, расположившись на графиках как раз между соответствующими скоплениями. Индивидуальная характеристика этих энеолитических черепов действительно очень близка таковой для серий ямной культуры Калмыкии, Астраханской обл. и Ставропольского края (Хохлов 2006). Однако поперечные размеры лица и орбит, а также угол верхнего горизонтального профиля у них больше, чем в среднем у населения Северо-Западного Прикаспия эпохи ранней бронзы, что и определило их смещение в сторону неолитических популяций Восточной Европы.

Таким образом, исходя из результатов сопоставлений палеоантропологических данных, среди древних коллективов Восточной Европы от мезолита до ранней бронзы можно выделить две генеалогические линии. Первая отражает преемственность между мезолитическим населением, носителями хвалынской и среднестоговской энеолитических культур, и населением ранней бронзы, оставившим памятники ямной культуры от Северного Причерноморья до Приуралья. Происхождение популяций эпохи неолита, по всей видимости, не было связано с мезолитическим субстратом и составило вместе с ним второй популяционный пласт Восточной Европы. Дальнейшее его распространение охватило и территорию от Саратовской обл. до Калмыкии, дальнейшую популяционную преемственность обеспечили коллективы эпохи энеолита, к которым принадлежали погребенные в мог-ках Хлопков Бугор и Джангар, а позднее – носители традиций ямной культуры Северо-Западного Прикаспия. Степи современных Калмыкии, Астраханской обл. и Ставрополья оказались местом относительной изоляции вплоть до середины III тыс. до н. э. потомков неолитической миграционной волны, прошедшей, видимо, через значительную часть Восточной Европы.

- Акимова 1947 – *Акимова М. С.* Антропологический тип населения фатьяновской культуры // Тр. ИЭ АН СССР. Нов. сер. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 268–282.
- Алексеев 1983 – *Алексеев В. П.* Население эпохи бронзы на Среднем Дону (краниология) // *Синюк А. Т.* Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж, 1983. С. 183–191.
- Алексеева 2004 – *Алексеева Т. И.* К антропологии племен майкопско-новосвободненской общности на Центральном Предкавказье // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004. С. 168–179.
- Алексеева, Круц 1999 – *Алексеева Т. И., Круц С. И.* Древнейшее население Восточной Европы // Восточные славяне: Антропология и этническая история. М., 1999. С. 254–278.
- Васильев 2001 – *Васильев И. Б.* Хвалынская энеолитическая культура и сложение классической курганной «городцовской» культуры в Волго-Уральской степи и лесостепи // БВВЕ. Самара, 2001. С. 123–125.
- Васильев 2003 – *Васильев И. Б.* Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской лесостепи (некоторые итоги исследования) // Вопросы археологии Поволжья, Самара, 2003. С. 61–99.
- Гей 2000 – *Гей А. Н.* Новотиторовская культура. М., 2000.
- Герасимов 1955 – *Герасимов М. М.* Восстановление лица по черепу. М., 1955 (Тр. ИЭ АН СССР. Нов. сер. Т. XXVIII).
- Гохман 1966 – *Гохман И. И.* Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М., 1966.
- Гутман 1966 – *Гуттман Л.* Основные компоненты шкального анализа // Математические методы в современной буржуазной социологии. М., 1966. С. 288–343.
- Даниленко 1974 – *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев, 1974.
- Дебец 1948 – *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948 (Тр. ИЭ АН СССР. Т. IV).
- Дрёмов, Юдин 1992 – *Дрёмов И. И., Юдин А. И.* Древнейшие подкурганные захоронения Степного Заволжья // Российская археология. 1992. № 2. С. 18–31.
- Кияшко 1974 – *Кияшко В. Я.* Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.
- Ковалёва 2002 – *Ковалёва И. Ф.* К выделению территориальных групп в постмариупольской культуре // Проблемы археологии Евразии. М., 2002. С. 51–67.
- Мерперт 1974 – *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
- Мкртчян 1988 – *Мкртчян Р. А.* Палеоантропология неолитического и энеолитического населения юга европейской части СССР: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.
- Мочалов 2009 – *Мочалов О. Д.* Диагностические признаки керамики ямной культурно-исторической области // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург, 2009. С. 78–87.
- Рассамакин 2001 – *Рассамакин Ю. А.* Проблемы периодизации энеолитических памятников Поволжья, Подонья и Северного Причерноморья на примере развития «скелянской» погребальной традиции // БВВЕ. Самара, 2001. С. 84–87.
- Трифонов 1991 – *Трифонов В. А.* Степное Прикубанье в эпоху энеолита-средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991. С. 92–205.
- Хохлов 2006 – *Хохлов А. А.* О краниологических особенностях населения ямной культуры Северо-Западного Прикаспия // ВА. 2006. Вып. 14. С. 136–146.
- Хохлов 2010 – *Хохлов А. А.* Население хвалынской энеолитической культуры. По антропологическим материалам грунтовых могильников Хвалынск I, Хвалынск II, Хлопков Бугор // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура: Исследования материалов. Самара, 2010. С. 407–517.
- Шапошникова и др. 1986 – *Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д.* Ямная культурно-историческая область (южно-бугский вариант). Киев, 1986 (САИ. Вып. В1-3).
- Шевченко 1980 – *Шевченко А. В.* Палеоантропология бронзового века Северо-Западного Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.
- Шевченко 1986 – *Шевченко А. В.* Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л., 1986. С. 121–215.
- Шишлина 2007 – *Шишлина Н. И.* Северо-западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.). М., 2007.

## **Новый антропологический материал из Войцеховского могильника**

Палеоантропологические материалы с территории лесостепной Правобережной Украины эпохи поздней бронзы чрезвычайно малочисленны и опубликованы по короткой краниологической программе, что заметно сужает возможности исследователей. В восточном ареале тшинецкого культурного круга наиболее представительная серия происходит из Войцеховского могильника волинской группы комаровской культуры (Кондукторова 1979). Краниологическая серия из курганной группы 1 (1949 г.) состоит из трех мужских и трех женских черепов и характеризуется резкой долихокранией (один череп мезокранный). Высота черепа в среднем большая, лицо узкое, средневысокое. Орбиты невысокие, нос узкий, средневыступающий, профилировка лица в горизонтальной плоскости значительная. Т. С. Кондукторова подчеркивает генетическую преемственность между населением культур шнуровой керамики и тшинецкой культуры Украины и отмечает сходство населения срубной культуры Украины и культуры Монтеору.

В 2011 г. раскопки Войцеховского мог-ка были возобновлены (см. статью С. Д. Лысенко и С. С. Лысенко в настоящем сборнике). В результате раскопок исследовано погребение (курганная группа 3, кург. 1, погр. 1), в котором был обнаружен один расчленённый скелет удовлетворительной сохранности (еще одно погребение из кург. 3 представляло собой кенотаф).

Определения пола и возраста проводились с учетом особенностей строения черепа, костей верхних и нижних конечностей, а также степени облитерации черепных швов и состояния зубной системы. Удовлетворительная сохранность материала позволяет определить возраст в узком (пять лет) возрастном интервале. . Определение пола и возраста и описание материала проведено по традиционной методике, принятой в исторической антропологии (Алексеев 1966; Алексеев, Дебец 1964; Никитюк 1960). Описываемый скелет принадлежал мужчине 40–45 л. Сохранились: череп почти полностью (частично разрушено основание черепа, левая височная и скуловая кость); на нижней челюсти отсутствует левая ветвь нижней челюсти и частично тело нижней челюсти (левая сторона); кости верхних и нижних конечностей (частично разрушены эпифизы); а также кости таза (сохранился почти полностью).

После реставрации череп измерен по краниологической программе почти полностью (табл. 1), по остеологической программе измерены кости верхних и нижних конечностей (табл. 2). Рост (длина тела) вычислен по двум формулам – Л. Мануврие и М. Троттера, Г. Глезера. Ниже приводим подробное описание антропологического материала из погр. 1 кург. 1 (2011 г.).

Череп, в целом, довольно массивный, значительно развит мышечный рельеф: надбровные дуги – 2 балла; надпереносье – 5 баллов; наружный затылочный бугор – 2 балла; сосцевидный отросток – 3 балла; нижний край грушевидного отверстия антропинной формы; передне-носовая ось – 3 балла. В области грушевидного отверстия отмечено наличие предносовых ямок (*fossae praenasalis*). Лоб покатый, верхний край орбит закруглен, форма орбит прямоугольная. Нижняя челюсть массивная, угол ветви нижней челюсти прямой, значительно развит подбородочный выступ.

Состояние черепных швов: венечный шов облитерирован в области *pregma*, сагиттальный зарос почти полностью, затылочный значительно уплотнен. Состояние зубной системы: стертость зубов неравномерная от 1 до 4 баллов. Наблюдается прижизненная потеря верхних моляров (второго и третьего) с последующей атрофией альвеол и следами воспалительного процесса. Отмечен кариес на третьем моляре (слева).

На нижней челюсти видны следы, вероятно, посмертной обработки кости – «вырезана» правая ветвь нижней челюсти и часть тела нижней челюсти (справа), края ровные, «заполированы». На левой ветви нижней челюсти обнаружены параллельные насечки, выполненные острым предметом. На костях черепа – лобной, теменной и височной обнаружены следы зубов животного.

Таблица 1

Индивидуальные размеры черепа погр. 1 из кург. 1 курганной группы 3 Войцеховского мог-ка

Признаки по Мартину и др.	М. 40–45 л.	Признаки по Мартину и др.	М. 40–45 л.
1. Продольный диаметр	196.0	32. Угол профиля лба (nasion)	77.0
1в. Продольный диаметр от ofr.	192.0	g-m. Угол профиля лба (glabella)	66.0
8. Поперечный диаметр	141.0?	43 (1). Биорбитальная хорда	–
17. Высотный диаметр b-br	143.0?	Sub.n (43) 1. Высота nas. над биорбитальной хордой	–
5. Длина основания черепа	112.0	77. Назомалярный угол	–
9. Наименьшая ширина лба	–	Zm-zm. Зигомаксиллярная хорда	–
10. Наибольшая ширина лба	–	Sub.ss/zm-zm. Высота ss над зигомаксиллярной хордой	–
11. Ушная ширина	121.0?	Zm. Зигомаксиллярный угол	–
12. Ширина затылка	108.0	72. Общий лицевой угол	91.0
29. Лобная хорда	123.0	73. Средний лицевой угол	88.0
30. Теменная хорда	120.0	74. Угол альвеолярной части	92.0
31. Затылочная хорда	104.0	75. Угол наклона носовых костей	55.0
24. Поперечная дуга po-br-po	340.0	75 (1). Угол выступления носа	36.0
26. Лобная дуга	136.0	FC. Глубина клыковой ямки	–
27. Теменная дуга	131.0	68 (1). Длина нижней челюсти от мышелков	–
28. Затылочная дуга	121.0	79. Угол ветви нижней челюсти	–
7. Длина затылочного отверстия	38.0?	68. Длина нижней челюсти от углов	–
16. Ширина затылочного отверстия	30.0?	70. Высота ветви	–
Высота изгиба лба	24.0	71а. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	–
Высота изгиба затылка	26.0	65. Мышелковая ширина нижней челюсти	–
40. Длина основания лица	101.0?	66. Угловая ширина нижней челюсти	–
43. Верхняя ширина лица	109.0?	67. Передняя ширина нижней челюсти	45.0
45. Скуловой диаметр	130.0?	69. Высота симфиза нижней челюсти	33.0
46. Средняя ширина лица	–	69(1). Высота тела нижней челюсти	33.0
48. Верхняя высота лица	74.0	69(3). Толщина тела нижней челюсти	13.0
60. Длина альвеолярной дуги	55.0	Надпереносье (1-6)	5
61. Ширина альвеолярной дуги	–	Надбровные дуги (1-3)	2
62. Длина неба	–	Наружный затылочный бугор (по Брока 0-5)	2
63. Ширина неба	41.0?	Сосцевидные отростки (1-3)	3
55. Высота носа	55.0	Нижний край грушевидного отверстия	Ant.
54. Ширина носа	24.0	Передне-носовая ось ( по Брока 1-5)	3
51. Ширина орбиты	47.0	8 : 1. Черепной указатель	71.9
51а. Ширина орбиты	45.0	45 : 8. Поперечный фацио-церебральный указатель	92.2
52. Высота орбиты	34.0	48:45. Верхней лицевой указатель	56.9
MC. Максиллофронтальная ширина	21.5	54:55. Носовой указатель	43.6
MS. Максиллофронтальная высота	10.5	52:51. Орбитный указатель	72.3
SC. Симотическая ширина	11.0	SS:SC. Симотический указатель	72.7
SS. Симотическая высота	8.0	MS : MC. Максиллофронтальный указатель	48.8
DC. Дакриальная ширина	23.0	DS : DC. Дакриальный указатель	60.8
DS. Дакриальная высота	14.0	69 (3) : 69 (1). Указатель толщины нижней челюсти	39.4

Кости верхних и нижних конечностей массивные, значительно развит мышечный рельеф. На эпифизах длинных костей обнаружены следы обработки кости – удалена часть кости вместе с губчатой тканью (срезы неправильной формы, края неровные). На лучевой кости обнаружены неглубокие параллельные насечки, выполненные острым предметом.

Рост (длина тела) вычислен по Л. Мануври – 174,7 см и по М. Троттеру, Г. Глезеру – 177,7 см, что по рубрикации Р. Мартина характеризует данного индивида как очень высокого.

Кости таза диагностируются как мужские. На подвздошной кости форма большого седалищного отверстия узкая, V-образная, лобковый угол острый, запирающее отверстие овальное с закругленным краем. Крестец высокий, широкий со значительно развитым мышечным рельефом.

Характер насечек на нижней челюсти и лучевой кости свидетельствует о посмертном отделении мягких тканей от костей скелета. Разрушения в области лобной, теменной, височной и скуловой кости, скорее всего, посмертные и нанесены зубами животных.

Индивидуальные измерения костей верхних и нижних конечностей погр. 1  
из кург. 1 курганной группы 3 Войцеховского мог-ка

<b>Признаки по Мартину</b>		<b>М. 40–45 л.</b>	
<b>Плечевая кость</b>		<b>Правая</b>	<b>Левая</b>
1. Наибольшая длина		338.0	342.0
2. Вся длина		334.0	338.0
3. Верхняя эпифизарная ширина		53.0	54.0
4. Нижняя эпифизарная ширина		70.0	–
5. Наибольший диаметр середины диафиза		24.0	25.0
6. Наименьший диаметр середины диафиза		19.0	19.0
7. Наименьшая окружность середины диафиза		68.0	70.0
7а. Окружность середины диафиза		70.0	72.0
<b>Лучевая кость</b>		<b>Правая</b>	<b>Левая</b>
4. Поперечный диаметр диафиза		25.0	–
5. Сагиттальный диаметр диафиза		13.0	–
3. Наименьшая окружность диафиза		45.0	–
<b>Бедренная кость</b>		<b>Правая</b>	<b>Левая</b>
1. Наибольшая длина		476.0	480.0
2. Длина в естественном положении		474.0	478.0
21. Мышелковая ширина		–	90.0
6. Сагиттальный диаметр		34.0	33.0
7. Поперечный диаметр середины диафиза		28.0	29.0
9. Верхний поперечный диаметр диафиза		33.0	34.0
10. Верхний сагиттальный диаметр диафиза		29.0	30.0
8. Окружность середины диафиза		96.0	98.0
<b>Большая берцовая кость</b>		<b>Правая</b>	<b>Левая</b>
1. Полная длина		414.0	412.0
1а. Наибольшая длина		410.0	408.0
8. Сагиттальный диаметр на уровне середины диафиза		31.0	32.0
8а. Сагиттальный диаметр на уровне for. ment.		36.0	36.0
9. Поперечный диаметр на уровне середины диафиза		23.0	23.0
9а. Поперечный диаметр на уровне for. ment.		25.0	25.0
10. Окружность на уровне середины диафиза		88.0	89.0
10в. Наименьшая окружность диафиза		86.0	87.0
<b>Рост (длина тела в см) по формулам:</b>			
Л. Мануврие		174.7	174.7
М. Гроттер и Г. Глезер		177.7	177.7

Подобные следы искусственной обработки костей погребенных широко представлены на Малополовецком мог-ке киево-черкасской группы комаровской культуры тшинетского культурного круга. Такие следы найдены на лобной (погр. 52) и затылочной (погр. 12, скелет 1) костях – это овальные отверстия; на нижней челюсти (погр. 30, скелеты 1 и 2) были «срезаны» углы челюсти и мышелки (края неровные); на верхней челюсти (погр. 30, скелет 2) «вырезан» фрагмент нёба. В остальных случаях следы обработки кости обнаружены на длинных костях в виде насечек (погр. 1, скелет 1; погр. 5); на локтевой кости удален нижний эпифиз (ритуальный комплекс 10; Литвинова 2001: 11).

Ранее отмечалось, что краниологическая серия из мог-ка Малополовецкое-3 отличается от серии Войцеховского мог-ка, прежде всего, размерами лицевого отдела и высотой свода черепа. У населения, оставившего Малополовецкий мог-к, более широкое и высокое лицо, ниже высота свода черепа (Там же: 12). Однако, несмотря на антропологические отличия, оба могильника были оставлены носителями одной культурной традиции (Лысенко 2011). Кроме общей культурной близости, выраженной в особенностях керамического комплекса и металлических изделий, эти памятники сближает также традиция демембрации (расчленения) при проведении погребального обряда, нашедшая отражение, в частности, в искусственной обработке человеческих костей.

Алексеев 1966 – Алексеев В. П. Остеометрия: Методика антропологических исследований. М., 1966.

- Алексеев, Дебец 1964 – *Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.* Краниометрия: Методика антропологических исследований. М., 1964.
- Кондукторова 1979 – *Кондукторова Т. С.* Антропологический тип людей комаровско-тшинецкой культуры Украины // ВА. 1979. Вып. 62. С. 44–60.
- Литвинова 2001 – *Литвинова Л. В.* Население Среднего Поднепровья в эпоху поздней бронзы (по материалам могильника Малополовецкое-3) // Етнокультурні процеси у Середньому Подніпров'ї за матеріалами археологічних досліджень. Київ, 2001. С. 10–12.
- Лысенко 2011 – *Лысенко С. Д.* Реконструкция погребального обряда восточного ареала тшинецкого культурного круга (по материалам исследований последних лет) // Археологія і давня історія України. Київ, 2011. Вип. 5. С. 66–71.
- Никитюк 1960 – *Никитюк Б. А.* Определение возраста человека по скелету и зубам // ВА. 1960. Вып. 3. С. 118–129.

***Н. В. Панасюк (Москва, Россия)***

### **Половозрастные особенности обряда погребений с курильницами**

Изучение роли курильниц в погребальном обряде восточноманычской катакомбной культуры (далее – ВМКК) – сложный и многокомпонентный процесс. Курильница, несомненно, играла особую роль в похоронном ритуале. Для установления ее места в заупокойных культах необходимо провести анализ всех характеристик и черт, составляющих обряд и оставшихся в качестве материальных свидетельств. Сопоставление частоты встречаемости и состава наборов, куда входят и курильницы, позволяет говорить об ординарности и стандартности таких комплексов (Андреева 2008). Эту же мысль подтверждают и антропологические данные.

На сегодняшний день существует довольно обширная база данных по антропологическим материалам ВМКК. Однако, к сожалению, не вся она подвергалась исчерпывающей обработке. Работы, проводившиеся антропологами, устарели с точки зрения культурной интерпретации (Шевченко 1980), большинство же половозрастных определений давались археологами в полевых условиях на основе косвенных данных (Андреева 2008), что не позволяет использовать их без определенных оговорок. А. А. Казарницкому впервые удалось сопоставить данные старых раскопок с новейшими археологическими исследованиями (Казарницкий 2010).

В результате анализа половозрастных характеристик погребенных их можно разделить на два блока, куда входят несколько групп. В первом блоке группы выделяются по количеству погребенных: одиночные захоронения, коллективные (два и более погребенных), кенотафы (рис. 1, 1). Абсолютное большинство погребений ВМКК (73 % выборки) содержали одного умершего, сопровождавшегося погребальным набором, куда входила и курильница. Встречаются также и коллективные могилы, где число погребенных составляло в среднем 2–3 человека. Особую группу составляют кенотафы, характеризующиеся богатым погребальным набором и сложными конструкциями могилы. В таких погребениях курильница играет заметную, если не главенствующую роль. Однако характерно, что во всех группах курильница встречается в единственном экземпляре, т. е. не зависит от количества захороненных в могиле, причем нет явно выраженной тенденции тяготения ритуальной чаши к какому-либо одному из похороненных в могиле – она входит в общий погребальный набор. Вероятно, функция курильницы более универсальна, чем поминание конкретного сородича.

Второй блок выделяется по различиям в поле и возрасте погребенных: взрослые, детские, смешанные погребения и т. н. пакеты. Последние составляют меньшинство в выборке восточноманычских погребений с курильницами, что отражает слабую распространенность в данной культуре подобных захоронений. Типичными являются погребения взрослых, сопровождаемые курильницами. Вопрос о малочисленности детских погребений (они составляют лишь 1/5 погребений с курильницами), чье количество по подсчетам демографов должно быть бóльшим, довольно

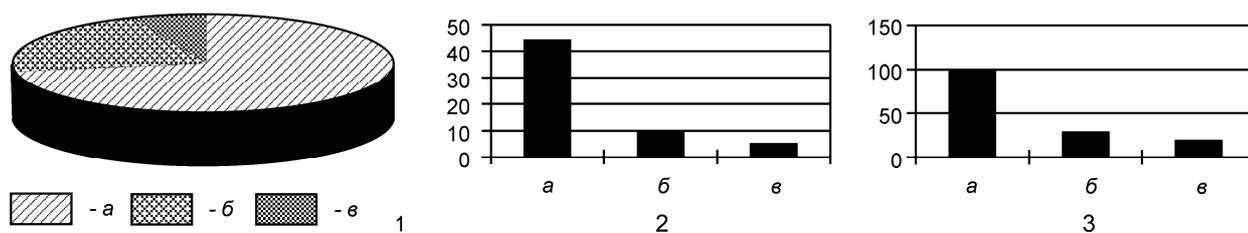


Рис. 1. Погребения с курильницами восточноманьчской катакомбной культуры:

1 – распределение захоронений по количеству погребенных (*a* – одиночные, *б* – коллективные, *в* – кенотафы); 2 – распределение захоронений детей (*a* – ребенок в составе коллективных погребений, *б* – индивидуальные погребения подростков, *в* – индивидуальные погребения детей); 3 – распределение захоронений взрослых (*a* – погребения взрослых, *б* – погребения мужчин, *в* – погребения женщин)

сложно решить однозначно. Редкость одиночных детских захоронений, скорее, связана со спецификой отношения в древних обществах к детям, которых могли хоронить вне курганных родовых кладбищ. Более часты случаи совместного захоронения нескольких детей, нередко в сопровождении подростка. Типичным видом захоронения детей (12 % выборки) является их совместное погребение с одним или двумя взрослыми (рис. 1, 2), причем дети не всегда выступают в подчиненном положении. Для интерпретации подобного соотношения погребенных в могиле была предложена концепция «детоводителя» (Андреева 2008: 131). В целом, указанная выборка детских погребений с курильницами является отражением общей ситуации для ВМКК.

Одиночные и коллективные захоронения взрослых стандартны среди восточноманьчских погребений. В базе данных по полу и возрасту погребенных выделены мужские и женские останки и захоронения взрослых без определения пола. Опираясь на антропологические определения пола и возраста попытаемся выделить особенности погребального обряда мужских и женских захоронений.

Даже немногочисленная выборка половозрастных определений показывает преобладание мужских одиночных захоронений над женскими (рис. 1, 3). При этом женские погребения характеризуются стандартным набором инвентаря: курильница (часто единственный предмет инвентаря), нож, шило, сосуд (очень редко – два сосуда). Зафиксированы случаи помещения в могилу костей МРС. Мужские захоронения заметно богаче и разнообразнее по наборам погребального инвентаря. Помимо типичного набора из курильницы, ножа, шила и сосуда, в мужских могилах встречены реповидные сосуды (именно в таких погребениях они заметнее всего представлены), разнообразные украшения (бронзовые, фаянсовые и каменные бусы), а набор орудий дополняется крюком. Причем богатство набора не зависит от характера могильника или типа курильницы. Так, погребение женщины из престижного мог-ка Ергенинский (включавшего захоронения людей с более высоким статусом, чем все остальное население ВМКК) не выходит за рамки стандарта – оно содержит лишь курильницу (правда, богато украшенную), сосуд и шило.

Результаты анализа половозрастных данных погребений с ритуальными чашами ВМКК позволяют заключить, что курильница представляет собой типичный, ординарный предмет, помещавшийся в рядовые погребения. На это, кстати, указывает редкость встречаемости курильниц в престижных могильниках – Ергенинском, Элистинском. Пол и возраст погребенных не влияет на тип и размер ритуальных чаш, а также на их расположение в могиле, что лишний раз подтверждает стандартность появления такой категории инвентаря, как курильница в могилах ВМКК.

Андреева 2008 – Андреева М. В. Восточноманьчская катакомбная культура (анализ погребальных памятников): Дис. ... канд. ист. наук (рукопись). М., 2008.

Казарницкий 2010 – Казарницкий А. А. Палеоантропология эпохи бронзы степной полосы юга Восточной Европы: Дис. ... канд. ист. наук (рукопись). СПб, 2010.

Шевченко 1980 – Шевченко А. В. Палеоантропология бронзового века Северо-Западного Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.

## **Антропологические материалы из массовых захоронений золотоордынского города Азака<sup>42</sup>**

Город Азак, располагавшийся в XIII–XIV вв. в дельте Дона на территории современного г. Азова, хорошо известен по письменным источникам как один из основных экспортных центров Золотой Орды и конечный пункт сразу нескольких крупных торговых путей (Егоров 1985). Многолетние археологические раскопки свидетельствуют о большой площади, занимаемой городом в пору его расцвета, и широком развитии в нем разнообразных ремесленных производств (Масловский 2006). К сожалению, смута и междоусобица в Золотой Орде XIV в. трагически сказались на судьбе Азака и его жителей и, в конечном итоге, в 1395 г. город был уничтожен войсками Тимура. Следы катастрофических событий тех лет также обнаружены в ходе археологических исследований на территории г. Азова в виде пожарищ и братских могил. Так, в 2002 г. на ул. Измайлова, № 49а и в 2011 г. на ул. Ленинградской, № 114 были открыты массовые захоронения, в которых, по мнению археологов, погребены жертвы карательной экспедиции Мамай, предпринятой им во второй половине 60-х гг. XIV в. против сторонников и родственников хана Абдуллаха (Масловский 2004: 84; Масловский, Фомичев 2004).

Захоронение на ул. Измайлова, № 49а содержало скопление беспорядочно лежащих скелетов разной степени полноты и сохранности, изолированных костей скелетов и черепов. Судя по всему, в заброшенном жилище были сложены тела и части тел в разной степени разложения. При этом многие черепа располагались не только отдельно от скелетов, но и были сложены пирамидками.

При обследовании особое внимание было уделено состоянию поверхности костей и позвонков погребенных, однако следов предполагаемых насильственных действий, приведших к смерти, на них не обнаружено. Не исключено, что эти следы были уничтожены животными-падальщиками, т. к. многие кости и позвонки, не зависимо от глубины залегания, имеют характерные повреждения. Немногочисленные следы прижизненных травм в исследованном материале не носят боевого характера. Особое внимание обращает на себя случай трепанирования левой теменной кости у ребенка 9–10 л. (погр. 9, № 11), как пример оказания высококвалифицированной медицинской помощи и свидетельство достаточно высокого статуса покойного. В общей сложности из братской могилы на ул. Измайлова было обследовано более 1000 костей, как целых, так и фрагментов. Анализ производился по всей сумме костных останков. В результате было определено минимальное количество погребенных – 133 человека, в т. ч. 42 мужчины, 52 женщины и 38 детей (табл. 1).

На ул. Ленинградской, № 114 в выгребной яме золотоордынского времени были обнаружены костные останки 43 человек, в т. ч. 3 мужчин, 9 женщин и 30 детей (табл. 1). Состояние и расположение скелетов в этом захоронении имеет некоторые отличия от братской могилы на ул. Измайлова, № 49а. Посмертные повреждения и изолированные черепа встречаются только в верхнем слое, степень полноты скелетов увеличивается от верхних слоев к нижним. Тем не менее, захоронение также определенно является санитарным, располагается в двух кварталах от коллективного погребения на ул. Измайлова № 49а и, учитывая историко-археологические данные, может рассматриваться суммарно с этим погребением.

Итоговая выборка из двух братских могил содержит 176 погребенных, в т. ч. 45 мужчин, 61 женщину и 68 детей (25,6 %, 34,7 % и 38,6 %, соответственно). У взрослых большинство смертей относится к возрасту 25–35 л. (у мужчин в 80 % случаев, у женщин – в 60 %) (табл. 2; рис. 1, 1). Среди детей больше половины (63 %) умерли в возрасте до 9 л. (табл. 3; рис. 1, 2). Средняя продолжительность жизни в изученной группе – 31 г. у мужчин, 28,4 г. – у женщин, длина поколения – 21,3 г.

---

<sup>42</sup> Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 11-06-12027-офи-м-2011 «Структура фенотипа популяций Евразии: основные этапы формирования».

Таблица 1

Половозрастной состав массовых захоронений золотоордынского времени,  
открытых на территории г. Азова

Местонахождение	М		Ж		Взрослые		Дети		Взрослые и дети n
	n	%	n	%	n	%	n	%	
Ул. Измайлова, № 49а	42	31,6	52	39,1	95	71,4	38	28,6	133
Ул. Ленинградская, № 114	3	7,0	9	20,9	13	30,2	30	69,8	43
Всего:	45	25,6	61	34,7	108	61,4	68	38,6	176

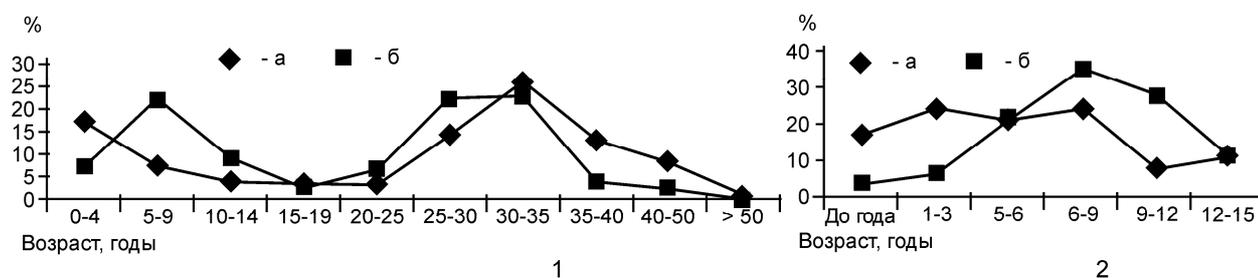


Рис. 1. Антропологические материалы из некрополей (а) и массовых захоронений (б) золотоордынского времени, открытых на территории г. Азова:

1 – распределение взрослых и детей по возрастам; 2 – распределение детей по возрастам

По своим параметрам исследованная группа приближается к показателям, характерным для биологической популяции, по возрастной структуре она может быть отнесена к молодой (растущей) популяции. По сравнению со сборной выборкой из обычных некрополей Азака, в исследованных массовых захоронениях заметно меньше детей младших возрастов и взрослых старше 40 л. (табл. 2; рис. 1, 1). Возможно, это свидетельствует о том, что части детей и людей преклонного возраста удалось избежать гибели.

Обращает на себя внимание, что рассматриваемые коллективные погребения резко отличаются по половозрастному составу, в какой-то степени дополняя друг друга. В «Измайловской» группе количество мужчин, женщин и детей мало отличаются, т. е. их соотношение приближается к нормальному соотношению в популяции. При этом большая часть детей в этой группе старше 9 л. (52,6 %), а дети в возрасте до года отсутствуют. А в «Ленинградской» группе взрослых только 30,2 % (причем большинство из них женщины), а среди детей преобладают дети младших возрастов (83,3 %), есть и младенцы (табл. 3; рис. 1, 2).

Возможно, что такое распределение связано с обстоятельствами смерти погибших. Можно провести аналогии с раскопками на территории «Рубленного города» в Ярославле (Бужилова 2010), где были обнаружены пять коллективных захоронений XIII в., предположительно, жителей города, погибших в результате вторжения войск хана Батые. Братские могилы располагались в разных районах средневекового города и отличались по половозрастному составу: погребения из зоны жилых кварталов содержали больше женских и детских скелетов, в погребениях из зоны заградительных валов преобладали мужские скелеты. Так же, как в Азове, коллективные захоронения в Ярославле являются санитарными погребениями трупов, некоторое время находившихся на поверхности: наряду с целыми скелетами присутствуют изолированные черепа и части скелетов, для их погребения использовались импровизированные могилы (хозяйственные ямы, колодец и др.).

Однако на костных останках из братских могил Азака не были обнаружены следы насильственной смерти, а на скелетах из погребений в Ярославле во множестве присутствуют повреждения от различного рода оружия. Видимо, надо учесть, что события в Азаке и в Ярославле не равнозначны, в одном случае – штурм обороняющегося русского города, в другом – карательная акция против политических противников и их близких на территории крупного золотоордынского города. Так что и характер, и способы действий нападавших могли отличаться.

Таблица 2

Распределение взрослых и детей по возрастам в погребениях азовских выборок золотоордынского времени

Возраст в годах	Азак, некрополи сб.			Азак, братские могилы			ул. Измайлова, № 49а			ул. Ленинградская, № 114		
	Все	М	Ж	Все	М	Ж	Все	М	Ж	Все	М	Ж
0-4	94	17,3	-	13	7,4	-	4	3,0	-	9	20,9	-
5-9	43	7,9	-	39	22,2	-	23	17,3	-	16	37,2	-
10-14	23	4,2	-	16	9,1	-	11	8,3	-	5	11,6	-
15-19	18	3,3	4	2,1	5	2,8	5	8,2	5	3,8	-	5
20-25	21	3,9	8	4,2	13	7,3	12	6,8	3	6,7	9	14,8
25-30	80	14,7	32	16,8	47	26,6	39	22,2	15	33,3	25	41,0
30-35	142	26,1	78	41,1	57	32,2	40	22,7	21	46,7	16	26,2
35-40	72	13,2	42	22,1	30	16,9	7	4,0	2	4,4	5	8,2
40-50	46	8,5	23	12,1	23	13,0	5	2,8	4	8,9	1	1,6
50+	5	0,9	3	1,6	2	1,1	-	-	-	-	-	-
Всего:	544	100	190	100	177	100	176	100	45	100	61	100
			133	100	133	100	42	100	52	100	43	100
			9	100	3	100	9	100	9	100	9	100

Таблица 4  
Средние размеры и показатели мужских и женских черепов из массовых захоронений и некрополей золотоордынского времени на территории г. Азова

№ по Мартину и название признака	ул. Измайлова, № 49а												ул. Ленинградская, № 114											
	Мужчины						Женщины						М						Ж					
	n	x	sd	min	max	n	x	sd	min	max	n	x	sd	min	max	n	x	sd	min	max	n	x	sd	min
1. Продольный диаметр	10	181,6	5,5	175,0	193,0	13	173,6	5,4	167,0	184,0	8	173,1	4,7	166,0	178,0	33	180,5	23	174,0					
8. Поперечный диаметр	11	149,6	4,5	143,0	155,0	12	143,1	4,9	138,0	152,0	8	144,8	7,7	131,0	153,0	31	144,4	24	140,5					
8 : 1. Черепной указатель	10	82,3	4,4	74,1	88,6	12	82,5	3,6	76,7	89,8	8	83,6	4,2	77,1	91,6	31	80,2	23	81,3					
5. Длина основания черепа	6	104,0	5,2	99,0	113,0	2	100,0	-	98,0	102,0	5	99,8	-	95,0	103,0	22	104,6	18	102,4					
9. Наименьшая ширина лба	15	98,4	3,5	93,0	106,0	12	96,0	3,2	90,0	101,0	8	97,5	5,3	90,0	106,0	37	97,4	24	94,6					
17. Высотный диаметр	6	136,8	5,5	128,0	143,0	2	125,0	-	121,0	129,0	5	131,0	-	128,0	134,0	22	136,3	19	133,1					
45. Скуловой диаметр	4	139,0	-	135,0	141,0	4	130,0	-	126,0	134,0	6	134,3	5,0	125,0	140,0	26	137,1	15	129,6					
48. Верхняя высота лица	13	71,5	6,6	57,0	79,0	10	67,9	5,3	59,0	77,0	7	70,0	4,8	62,0	76,0	37	71,7	24	67,5					
48 : 45. Верхний лицевой указатель	3	53,1	-	51,1	56,4	4	50,2	-	46,8	54,5	6	53,1	0,9	52,0	54,3	25	52,3	14	52,8					
51. Ширина орбиты от <i>mf</i>	12	43,3	2,0	41,0	47,0	9	40,2	1,4	38,0	42,0	7	41,2	1,0	39,5	42,5	36	42,1	26	40,5					
52. Высота орбиты	12	33,0	3,0	28,0	39,0	12	32,3	1,8	30,0	35,0	7	33,0	0,8	32,0	34,0	35	33,8	26	33,0					
52 : 51. Орбитный указатель от <i>mf</i>	11	76,3	7,6	65,1	86,7	9	82,2	2,9	78,0	86,1	7	80,1	1,4	78,0	81,9	35	80,2	26	81,5					
54. Ширина носа	14	26,4	2,5	22,0	30,0	12	25,0	1,3	23,0	27,5	7	24,7	2,1	22,0	28,0	39	25,9	23	25,2					
55. Высота носа	12	53,1	3,7	47,0	62,0	10	50,4	3,7	44,0	57,0	7	50,3	2,1	48,0	53,0	37	52,0	24	50,1					
54 : 55. Носовой указатель	11	50,0	5,4	42,3	60,6	9	49,5	3,2	44,2	53,9	7	49,1	2,5	44,9	52,8	37	50,0	21	50,5					
DS : DC. Дакриальный указатель	8	44,0	5,9	37,2	54,2	4	45,8	-	41,7	48,0	4	33,3	-	25,5	42,9	23	47,7	15	42,6					
SS : SC. Симотический указатель	13	46,5	10,9	35,7	75,0	7	37,8	4,6	30,8	42,9	7	34,5	11,6	20,0	50,0	32	50,1	18	42,5					
77. Назомаллярный угол	12	142,1	4,8	134,2	148,7	11	142,6	4,7	132,1	149,8	7	143,2	5,1	132,5	148,5	36	138,2	25	138,7					
$\angle zm'$ . Зигомаксиллярный угол	9	130,9	5,6	122,7	140,0	5	131,5	-	124,5	141,4	6	131,7	8,2	122,4	143,1	37	129,1	17	126,4					
75 (1). Угол выступания носа	8	21,9	8,6	13,0	35,0	6	22,3	5,7	15,0	30,0	6	20,5	8,8	6,0	30,0	31	28,0	14	24,5					

Предварительные краниологические исследования были проведены на 16 мужских и 14 женских черепах из погребения на ул. Измайлова и 8 женских черепах из погребения на ул. Ленинградской (табл. 4). Мужская и женские серии имеют сходные характеристики: брахикранные черепа, средней длины и большой ширины, с широким, средневысоким или высоким, довольно уплощенным лицом, средневысокими орбитами, среднешироким, слабо- или средневыступающим носом и невысоким переносьем. Серии смешанные, монголоидно-европеоидные: черепа европеоидного облика единичны, преобладают различные монголоидные варианты, чаще – южносибирского типа, реже – центральноазиатского.

Таблица 3

Распределение детей по возрастам в погребениях азовских выборок золотоордынского времени

Возраст в годах	Азак, некрополи сб.		Азак, братские могилы		ул. Измайлова № 49а		ул. Ленинградская № 114	
	n	%	n	%	n	%	n	%
до 1	26	15,7	2	2,9	0	0,0	2	6,7
1–3	39	23,5	4	5,9	1	2,6	3	10,0
3–6	33	19,9	14	20,6	6	15,8	8	26,7
6–9	38	22,9	23	33,8	11	28,9	12	40,0
9–12	12	7,2	18	26,5	15	39,5	3	10,0
12–15	18	10,8	7	10,3	5	13,2	2	6,7
Всего:	166	100	68	100	38	100	30	100

Как известно, население Золотой Орды в целом обладало смешанным, европеоидно-монголоидным составом: европеоидные типы преобладали среди горожан, монголоидность в большей степени была свойственна кочевникам. В свою очередь, в пределах нижеволжских городских некрополей выделяются участки и сооружения, отличающиеся по антропологическому облику захороненных в них людей, что иногда вполне определенно, иногда только в форме тенденции, увязывается с их этнической или социальной принадлежностью (Балабанова 2008; Газимзянов 2000; Яблонский 1987). Так, наиболее богатые погребальные сооружения и участки на некрополях Водянского и Селитренного городищ обнаруживают связь с монголоидностью погребенных там людей и, вероятно, могли принадлежать кочевой аристократии (Яблонский 1987).

Как показал предварительный анализ краниологических серий из исследованных участков некрополя Азака (данные автора), население города, как и других золотоордынских городов, было неоднородным, и преобладающим компонентом в его составе также являлся европеоидный компонент (табл. 4). То, что доля монголоидных черепов в выборках из братских могил Азака намного выше, чем в суммарной серии из других участков азакского некрополя того же времени, может свидетельствовать о принадлежности погибших к племенам, пришедшим в донские степи с востока в рядах завоевателей. Но характер рассмотренных захоронений, к сожалению, не позволяет судить о социальном статусе погребенных.

Таким образом, предпринятое исследование антропологических материалов XIV в. из братских могил золотоордынского города Азака не позволяет судить о причинах смерти погребенных в них людей, но состояние костных останков заставляет предполагать санитарное захоронение тел и их фрагментов в разной степени разложения. Половозрастной состав выборки говорит о тотальной (исключая, возможно, стариков и части маленьких детей) гибели группы горожан, в основном, монголоидного облика, не вполне типичного для большинства населения Азака.

Полученные данные не противоречат гипотезе о том, что в исследованных братских могилах могут быть похоронены жертвы Мамаевых репрессий в отношении присных хана Абдуллаха. Новые находки и углубленное исследование антропологических материалов из братских могил и некрополей XIII–XIV вв. на территории г. Азова в дальнейшем позволит лучше судить о составе, происхождении и судьбе жителей золотоордынского города Азака.

- Балабанова 2008 – *Балабанова М. А.* О русском компоненте в городах Золотой Орды (по материалам Водянского городища) // Актуальные направления антропологии: Сб., посвящ. юбилею академика РАН Т. И. Алексеевой. М., 2008. С. 12–17.
- Бужилова 2010 – *Бужилова А. П.* Средневековое население Ярославля по данным антропологии (материалы из коллективных захоронений в «Рубленном городе») // Человек: его биологическая и социальная история: Тр. междунар. конф., посвящ. 80-летию академика РАН В. П. Алексеева (Четвертые Алексеевские чтения). М.; Одинцово, 2010. Т. 1. С. 79–85.
- Газимзянов 2000 – *Газимзянов И. Р.* Золотая Орда и этногенетические процессы на Средней Волге // Народы России: от прошлого к настоящему. М., 2000. Ч. 2. С. 189–216.
- Егоров 1985 – *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
- Масловский 2004 – *Масловский А. Н.* Раскопки в г. Азове в 2002 г. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2002 г. Азов, 2004. Вып. 19. С. 76–90.
- Масловский 2006 – *Масловский А. Н.* Планировочная структура Азака: общее и особенности в развитии золотоордынских городов // Современные проблемы археологии России: Мат-лы I (XVII) Всерос. АС (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск, 2006. Т. 2. С. 227–229.
- Масловский, Фомичев 2004 – *Масловский А. Н., Фомичев Н. М.* О дате побоища в Азаке времени «великой заматни» в Орде // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Азов, 2004. Вып. 20. С. 407–463.
- Яблонский 1987 – *Яблонский Л. Т.* Социально-этническая структура золотоордынского города по данным археологии и антропологии (Монголы в средневековых городах Поволжья) // *Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т.* Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987. С. 142–236.

**М. Б. Медникова (Москва, Россия)**

### **К вопросу о своеобразии и таксономическом положении плейстоценовых гоминид Алтая<sup>43</sup>**

**Введение.** Посткраниальная морфология – важный источник в изучении ископаемых представителей рода *Homo*. Существует достаточно большой набор признаков, позволяющих различать анатомически современных людей и носителей т. н. архаической анатомии, т. е. *H. habilis*, *H. erectus sensu lato*, *H. neanderthalensis*.

Известно, что кроманьонцы демонстрируют в целом повышенную длину тела, высокие значения индексов пиластрии и платикнемии, брахиального и крурального указателей, сильно уплощенные большеберцовые кости, акцентированный костно-мускульный рельеф. Неандертальская специфика проявляется в сочетании большой, за некоторым исключением, массивности диафизов трубчатых костей и крупных сочленовных поверхностей. Посткраниальные признаки у представителей эректоидного круга ископаемых форм, несмотря на большую территориальную и хронологическую изменчивость, также распознаются достаточно хорошо, в частности, такие особенности как медуллярный стеноз и латеральная элонгация некоторых диафизов. Природа большинства таких признаков остается невыясненной. Даже наиболее известная «архаическая» черта – массивность трубчатых костей – имеет разноречивые интерпретации. В соответствии с наиболее распространенной точкой зрения вариации массивности являются отражением различной степени физической активности, поскольку биомеханический стресс способствует утолщению диафизов трубчатых костей.

Вторая гипотеза заключается в том, что большинство скелетных различий между неандертальцами и ранними анатомически современными людьми обусловлено климатическими адаптациями.

<sup>43</sup> Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 11-06-12009 «Трансформация биологических показателей плейстоценовых НОМО в контексте евразийских миграций».

В-третьих, посткраниальные отличия могут быть жестко детерминированы генетически. И хотя морфологическое сходство далеко не всегда означает родство, все же обычно эти признаки отражают общность происхождения.

Тщательное описание морфологических проявлений – это единственный способ очертить ареалы расселения людей с архаическими особенностями строения. Южная Сибирь стала уникальным местом для изучения ископаемого человека. С археологической точки зрения местные плейстоценовые стоянки относятся к самым изученным в Северной Азии (Деревянко 2009а; 2009б; 2009в; 2010; 2011; Деревянко и др. 2003). Выдающимися можно считать результаты палео-генетических исследований, выявивших факт неандертальского проживания в пещере им. академика А. П. Окладникова приблизительно 40 тыс. л. н. и одновременного присутствия ранее неизвестного науке гоминина в Денисовой пещере (Krause et al. 2007; 2010; Reich et al. 2010).

Вместе с тем, нельзя не отметить крайне плохую сохранность и фрагментацию всех пока известных палеоантропологических материалов из алтайских пещер, относимых к эпохе палеолита. Соответственно до сих пор остается неизвестным, как мог выглядеть обладатель уникального и древнего генотипа – человек из Денисовой пещеры, получивший условное название «денисовец» по аналогии с неандертальцем (Reich et al. 2010). Предположительно, он отличался от анатомически современных сапиенсов, но без полноценных морфологических исследований судить об этом невозможно. Происхождение и анатомические особенности сибирских неандертальцев тоже требуют подробного обсуждения.

Настоящая публикация посвящена обобщению некоторых результатов изучения посткраниальных останков *Homo* из раскопок Денисовой и Окладниковской пещер, уже фактологически введенных в научный оборот (Медникова 2011а; 2011б). Исследованные скелетные материалы принадлежали разным индивидуумам, среди которых были и взрослые, предположительно разного пола, и дети. Работа преследовала цель идентифицировать ископаемые останки человека на Алтае, а также выявить морфологическое своеобразие этих находок и определить ближайшие аналогии в круге форм ископаемых гоминид. Наконец, генетические исследования, следующие за морфологическим описанием, открывают возможность корректировки интерпретаций и способны вывести обсуждение на принципиально новый теоретический уровень.

*Денисова пещера.* Палеогенетические исследования утверждают, что в Денисовой пещере жил представитель рода *Homo*, который не был современным человеком, но не был и неандертальцем. И хотя генетически денисовцы и неандертальцы ближе друг другу, чем современному человеку, их дивергенция, по данным изучения ядерной ДНК, экстрагированной из мужского зуба, соотносится с периодом около 600 тыс. л. н. (Reich et al. 2010).

Посткраниальные останки из раскопок Денисовой пещеры, которые были доступны для антропологического изучения, были представлены единственной проксимальной фалангой левой стопы, четвертого или пятого луча (Медникова 2011а). Была и другая фаланга, элемент кисти ребенка женского пола, послуживший источником для выделения митохондриальной палеоДНК (Krause et al. 2010). В этом исследовании установлено, что алтайский гоминин имеет почти в 2 раза больше отличий от современного человека, чем неандертальцы. Филогенетический анализ свидетельствовал, что эта линия отделилась от общего ствола неандертальцев и современных людей гораздо раньше – примерно около 1 млн. л. н. или, если быть точными, 779300–1313 500 л. н. Но, к сожалению, кость девочки из Денисовой пещеры была подвергнута деструкции в процессе лабораторных исследований без предварительного описания анатомических особенностей.

В 2010 г. при раскопках 11-го слоя Денисовой пещеры вновь был найден посткраниальный скелетный материал – уже упомянутая выше фаланга стопы взрослого человека. Кость была относительно удлиненной, с очень массивным и широким диафизом (Там же: 131).

Основная (проксимальная) фаланга стопы у гоминина из Денисовой пещеры больше развита в ширину, чем в высоту, что отличает ее от таковых у большинства современных представителей рода *Homo* и сближает с соответствующими элементами стопы плейстоценовых *Homo* разной

таксономической принадлежности. Кость еще более массивна и широка, чем это было в среднем характерно для неандертальцев и анатомически современных сапиенсов. С одной стороны, это свидетельство «архаичности» морфологии данного человека. С другой – тому может быть функциональное объяснение, поскольку диафизарная грацилизация основных фаланг стопы в последнее время используется в качестве доказательства ношения обуви (Trinkaus 2005). С этой точки зрения, исследованный гоминоид из Денисовой пещеры не только предположительно заметно отличался от представителей современной анатомии, но и перемещался босиком.

У алтайского гоминоида – гипертрофия подошвенных связок и мышц, о чем свидетельствует мощный боковой гребень. Скошенность суставной площадки в дорзо-проксимальном, а не проксимальном, как у большинства современных людей, направлении также имеет функциональное объяснение в привычке к своеобразной «спортивной» ходьбе. Такой способ передвижения в пространстве значительно быстрее обычной ходьбы. Можно предполагать, что обладатель этой фаланги был хорошим стайером, преодолевавшим в повседневной жизни значительные расстояния. Эта черта должна была быть удобной для палеолитического охотника и собирателя, приспособленного к зональным перемещениям в условиях низкогогорья. Примечательно, что среди ископаемых находок аналогичная скошенность фасетки основания фаланги стопы упоминалась только для современного сапиенса из Тяньянь в Китае, бывшего практически современником алтайского человека из Денисовой пещеры (Shang, Trinkaus 2010).

Наблюдения за современными спортсменами свидетельствуют, что при ходьбе они перемещаются на выпрямленных ногах, не сгибая их в коленях. Стопа перекачивается с пятки на носок (именно этот биомеханический стресс, по-видимому, и обуславливает своеобразную скошенность). Но такая локомоция приводит к дополнительным воздействиям – на тазовый пояс и позвоночник – благодаря постоянным круговым вращениям области таза. Эта привычка привносит нечто новое в наше понимание стиля жизни обитателей Алтая сорокатысячелетней давности. Возможно, новые находки соответствующих частей скелета этого или других индивидуумов сумеют укрепить эту биоархеологическую реконструкцию.

Возвращаясь к вопросу о структурном сходстве, данная фаланга пока находит ближайшие морфологические аналогии в строении соответствующих элементов скелета у переднеазиатского неандертальца Шанидар 4. Таким образом, невзирая на наличие уникальных черт, с точки зрения морфологии, не исключается принадлежность фаланги стопы из раскопок Денисовой пещеры в 2010 г. представителю неандертальского таксона.

*«Обобщенный портрет» алтайских палеоантропов из пещеры Окладникова.* Изученные нами останки из пещеры Окладникова, расположенной примерно в 100 км от Денисовой пещеры, обнаружены экспедицией Новосибирского Института археологии и этнографии СО РАН еще в 1984 г. Они представлены ювенильными костями (правой плечевой, парными бедренными, ладьевидной стопы) одной возрастной категории и, в основном, предположительно, одного индивида (Медникова 2011б), а также отдельными фрагментами скелетов взрослых людей (правая плечевая, надколенник, парные пяточные, плюсневая кость, таранная, две медиальные фаланги кисти).

Посткраниальные останки из пещеры Окладникова, несмотря на фрагментарность и разрозненность, и даже на то, что они принадлежат людям разного возраста, в настоящий момент дают возможность воссоздать некую суммарную характеристику скелетного развития в данной популяции. Рассмотрим критерии сходства и различия посткраниальных находок из пещеры Окладникова с другими ископаемыми формами гоминоидов.

*Сходство с неандертальцами:* малые размеры тела, конфигурация диафиза плечевой кости, относительно крупные мышечки, внутренняя массивность посткраниальных костей, отсутствие пиястра бедра, широкая ягодичная бугристость, массивный, утолщенный надколенник, относительно короткая шейка и головка таранной кости, длинный блок таранной кости, увеличение сочленовной поверхности блока таранной и задней площадки пяточной костей, строение медиальных фаланг кисти.

*Отличия от неандертальцев (и сходство с *H. erectus*):* слишком низкий угол шейки бедра, гипертрофия боковых стенок диафиза бедра, передне-задняя уплощенность бедра.

*Отличия от ранних анатомически современных людей группы Схул:* крайне миниатюрные размеры тела, низкий угол шейки бедра, внутренняя массивность трубчатых костей, отсутствие пиялестра на бедренной кости.

*Уникальные особенности:* крайняя степень укороченности и массивности шейки бедра, очень сильное укорочение таранной и пяточной костей, резкое расширение сочленовных поверхностей основания пятой плюсневой и блока таранной кости, слишком большая относительная ширина надколенника, относительная высота таранной кости.

По результатам изучения митохондриальной палеодНК представители Номо из пещеры Окладникова были неандертальцами (Krause et al. 2007). В качестве сравнительного материала немецкими генетиками привлекались европейские формы (Складина, Фельдхофер 1 и 2, Сидрон 1252, Виндия 75, 80, Монти Лессини) и, как считалось, самая восточная находка неандертальца из Тешик-Таш.

Различные статистические методы позволили выявить генетическое своеобразие алтайских палеоантропов. При кластеризации по способу Бойса выделилось две равнозначные совокупности. Первая объединяет более раннего европейского индивидуума из Складины и ребенка из Тешик-Таша; вторая – группу поздних неандертальцев Европы (Фельдхофер 1, Сидрон 1252, Виндия 75, 80, Мт. Лессини, Фельдхофер 2, Мезмайская). Положение человека из пещеры Окладникова обособлено: он равноудаленно связан и с первой из упомянутых групп, и со второй, но на более высоком дихотомическом уровне.

Вторая дендрограмма была построена по методу ближайшего соседа. Кластеризация, проведенная таким способом, сближает окладниковского Номо с ранним неандертальцем Складины и ребенком из Тешик-Таша, которые, впрочем, все равно группируются теснее. Вторая совокупность по-прежнему представлена близкородственными поздними неандертальцами Южной и Центральной Европы, Балкан и Кавказа.

В первоначальных комментариях руководитель палеогенетического проекта С. Паабо предполагал, что миграция палеоантропов в Сибирь произошла около 127 тыс. л. н., в относительно теплый период. Но, по данным археологии, появление сибирячихинской мустьерской традиции сопряжено с гораздо более поздним временем, не ранее 45 тыс. л. н. (Деревянко 2009б).

Основатели южносибирской популяции могли прийти издалека. Вряд ли они пришли непосредственно из ледниковой Европы, по крайней мере, данные генетики этого пока, по-видимому, не подтверждают. В то же время, преодоление при жизни одного поколения нескольких тысяч километров – ситуация, теоретически допустимая для семьи палеолитических охотников. Предварительный анализ изотопов стронция  $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$  в двух зубах из Окладниковской пещеры с целью выявления возможных следов мигрантного происхождения пока не свидетельствует о путешествии конкретного индивидуума, по крайней мере, из региона с сильно отличающейся геохимической ситуацией (Latoczy et al. 2004). Очевидно, перед нами – потомки переселенцев, не первое поколение неандертальцев на Алтае, возможно, люди, уже биологически адаптированные к местным условиям среды.

Откуда же пришли на Алтай неандертальцы?

Предпринятый нами поиск морфологического аналога привел к заключению, что наибольшее сходство демонстрирует неандертальская женщина из пещеры Табун 1 (McKown, Keith 1939), признаки сходства замечены и у палеоантропов с территории Ирака (пещера Шанидар). Выявленные аналогии могут оказаться особенно значимыми на фоне археологических фактов. И действительно, как подчеркивает А. П. Деревянко (2009а: 35), «только индустрии Ближнего Востока могли быть истоками раннесреднепалеолитической индустрии Горного Алтая». При этом, по А. П. Деревянко, позднеашельская-ябрудьенская индустрия не находит полного соответствия в раннесреднепалеолитической Горного Алтая, что неудивительно, потому что обозначенные территории разделяет 5 000 км и по мере продвижения могла произойти культурная трансформация.

По оценке А. П. Деревянко (Там же), для понимания вопросов заселения Южной Сибири особенно важно удревнение хронологических рамок мугаранской традиции: слои Ed-Ea пещеры Табун отнесены к интервалу 385–240 тыс. л. н., а леваллуа-мустьерская индустрия слоя D – к 263–244 тыс. л. н. Для слоя E пещеры Табун определены даты  $260 \pm 60$ ,  $340 \pm 80$ ,  $410 \pm 110$ ,  $480 \pm 120$  тыс. л. н.

Ближневосточные палеоантропы могли бы быть предковой формой для алтайских неандертальцев. Мозаичные черты сходства объединяют этих людей, заставляя думать о близком генетическом родстве указанных палеопопуляций. Учитывая географическую (и хронологическую) дистанцию, нельзя исключить и возможного исхода неандертальцев с подобным морфотипом из какого-то третьего, промежуточного центра.

Однако нельзя не напомнить о некоторых чертах более архаической, эректоидной морфологии, выявленных нами у алтайских палеоантропов. При описании этого феномена было предложено два объяснения (Медникова 2011б: 82–86). Первое состоит в том, что неандертальцы окладниковской группы происходили от очень древней, недифференцированной популяции неандертальцев, еще не приобретшей «классических» черт европейских палеоантропов, но зато сохранившей отдельные предковые особенности. (Представители *Homo erectus sensu lato* были предковой формой и по отношению к неандертальцам, и по отношению к анатомически современным сапиенсам. Следовательно, возможно проявление отдельных архаических или, скорее, атавистических «питекантропских» черт строения у его неандертальских и сапиентных потомков. Мало того, эти унаследованные признаки могут неожиданно создать иллюзию более близкого родства). Вторая гипотеза заключалась в том, что неандертальские мигранты ближневосточного происхождения, продвигаясь на восток, имели генетические контакты с более реликтовым, «эректоидным» населением. На основании морфологических наблюдений была выдвинута концепция возвратной гибридизации, предполагающая ситуацию скрещивания дочерней (в данном случае, неандертальской) формы и формы, стоявшей ближе к предковой (в широком смысле эректоидной).

Итак, в Южной Сибири как минимум около 50 тыс. л. н. становится возможной встреча и гибридизация разных таксонов рода *Homo* – т. н. денисовцев, уже длительное время населявших эту территорию, и неандертальцев, мигрировавших с запада.<sup>44</sup>

Деревянко 2009а – Деревянко А. П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. Новосибирск, 2009.

Деревянко 2009б – Деревянко А. П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Новосибирск, 2009.

Деревянко 2009в – Деревянко А. П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. Новосибирск, 2009.

Деревянко 2010 – Деревянко А. П. Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту. Сценарий первый: переход к верхнему палеолиту на территории Северной Азии // АЭАЕ. 2010. № 3 (43). С. 2–32.

Деревянко 2011 – Деревянко А. П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. Новосибирск, 2011.

Деревянко и др., 2003 – Деревянко А. П., Шуньков М. В., Агаджанян А. К. и др. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая: условия обитания в окрестностях Денисовой пещеры. Новосибирск, 2003.

Медникова 2011а – Медникова М. Б. К антропологии древнейшего населения Алтая: проксимальная фаланга стопы из раскопок Денисовой пещеры // АЭАЕ. 2011. № 1 (45). С. 129–138.

Медникова 2011б – Медникова М. Б. Посткраниальная морфология и таксономия представителей рода *Homo* из пещеры Окладникова на Алтае. Новосибирск, 2011.

Krause et al. 2007 – Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Pufner K., Richards M. P., Hublin J.-J., Hänni C., Derevianko A. P., Paabo S. Neanderthals in central Asia and Siberia // Nature. 2007. Vol. 449. P. 902–904.

<sup>44</sup> Автор приносит глубокую благодарность академику А. П. Деревянко и доктору исторических наук М. В. Шунькову за возможность исследовать уникальные антропологические материалы из Денисовой и Окладниковой пещер.

- Krause et al. 2010 – *Krause J., Fu Q., Good J. M., Viola B., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Paabo S.* The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // *Nature*. 2010. Vol. 464. P. 894–897.
- Latkoczy et al. 2004 – *Latkoczy C., Teschler-Nicola M., Schaefer K., Guenther D., Viola B. T., Seidler H., Weber G. W., Derevianko A. P., Prohaska T., Stinger G., Mitterocker P., Gunz P.* Trace element, strontium isotopic ratio and X-Ray Fluorescence (XRF) analysis of Pleistocene human teeth from the Altai // *AJPA*. 2004. Suppl. 38. P. 132.
- McCown, Keith 1939 – *McCown T. D., Keith A.* The Stone Age of the Mount Carmel. The fossil human remains from the Levallois-Mousterian. Oxford, 1939. Vol. 2.
- Reich et al. 2010 – *Reich D., Green R. E., Kircher M., Krause J., Patterson N., Durand E Y., Viola B., Briggs A. V., Stenzel U., Johnson P. L. F., Maricic T., Good J. M., Marques-Bonet T., Alkan C., Fu Q., Mallick S., Li H., Meyer M., Eichler E. E., Stoneking M., Richards M., Talamo S., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Hublin J.-J., Kelso J., Slatkin M., Paabo S.* Genetic history of an archaic hominin group from Denisova Cave in Siberia // *Nature*. 2010. Vol. 468. P. 1053–1060.
- Shang, Trinkaus 2010 – *Shang H., Trinkaus E.* The early modern human from Tianyuan Cave, China. *Hewston*, 2010.
- Trinkaus 2005 – *Trinkaus E.* Anatomical evidence for the antiquity of human footwear use // *JAS*. 2005. Vol. 32. P. 1515–1526.

**А. В. Зубова (Новосибирск, Россия)**

### **Происхождение населения фёдоровской и алакульской культур по одонтологическим данным**

Немало работ посвящено антропологии андроновского населения (Алексеев 1964; 1967; Алексеев, Гохман 1984; Гинзбург 1962; Гинзбург, Трофимова 1972; Дрёмов 1997; Чикишева, Поздняков 2003; Козинцев 2009; Зубова 2011; и др.). Изучение данной проблемы продолжается более 60 лет. За это время у носителей фёдоровской и алакульской культур выделено несколько краниологических и одонтологических компонентов, истоки которых обсуждаются специалистами и в настоящее время. Сейчас установлено, что фёдоровские, и алакульские популяции относятся к кругу грацильных одонтологических форм, но в их составе ярко выражены признаки присутствия древних вариантов всех одонтологических типов западного ствола – северного и южного грацильных, среднеевропейского и североευропейского реликтового (Зубова 2011; 2012; Китов 2011). Для фёдоровских племен Алтая на первый план выдвигалось сходство с южными представителями европеоидной расы (Тур 2009), для алакульского населения – принадлежность к общему антропологическому пласту с племенами катакомбной культуры Калмыкии и возможность формирования в урало-казахстанском регионе (Зубова 2011). В составе фёдоровских популяций неоднократно фиксировалось присутствие архаичного компонента, вероятно восходящего к древнему населению лесостепной зоны Евразии (Зубова, Чикишева 2010; Зубова 2011).

Недостатком всех более ранних работ являлась слабая возможность соотнесения полученных результатов с археологическими данными. В качестве возможных источников краниологической и одонтологической специфики андроновского населения предлагались носители ямной, полтавкинской, катакомбной, срубной и афанасьевской культур, а также культура расписной керамики Южного Туркменистана. Кроме того, для фёдоровских племен предполагалось длительное существование в контакте с населением северной евразийской антропологической формации (Чикишева, Поздняков 2003: 147), а для алакульских – наличие компонента, восходящего к древнему населению Западной Европы (Козинцев 2009). Понятно, что связь наследия большинства из вышеназванных культур с традициями фёдоровских и алакульских племен находится под большим вопросом. Кроме того, носители некоторых из вышеназванных культур настолько отдалены хронологически и территориально от фёдоровского и алакульского населения, что характер их влияния на формирование андроновской культурно-исторической общности может быть только опосредованным.

Основной целью данной работы является выявление региона, где наблюдаемый одонтологический состав фёдоровской и алакульской культур мог быть объяснен без привлечения хронологически или географически удаленных параллелей. Немаловажным моментом в этом случае являлось соответствие результатов реконструкции археологическим данным. Для достижения поставленной цели были привлечены все известные на данный момент одонтологические данные по фёдоровской и алакульской культуре. Для фёдоровского населения имеются сведения из Кузнецкой котловины (мог-ки Танай-12, Титово-1; Зубова 2012), Барабинской лесостепи (мог-ки Сопка-2, Гришкина заимка, Преображенка-3, Вахрушево-5, Венгерovo-1, Абрамово-4; Там же), Новосибирского Приобья (мог-ки Крохалевка-13, Катково-2, Ордынское; Там же), Минусинской котловины (Рыкушина 2007: табл. 36, 38). Для алакульского населения данные были получены с территории Центрального Казахстана (мог-ки Майтан, Нуртай, Лисаковский; Зубова 2011), Западного Казахстана (Тасты-бутак-1: Там же), Омского Прииртышья (Ермак-4; Там же), Южного Урала (Китов 2011). Также были привлечены сведения о населении, относящемся к т. н. черноозерско-томскому варианту в пределах андроновской культурно-исторической общности (мог-ки Черноозерье-1, Боровлянка-17, Еловский-2; Зубова, неопубликованные данные).

Сведения по каждой культуре были объединены в общие серии. Средние частоты одонтологических признаков для каждой их них были посчитаны не на основе индивидуальных данных, как это обычно делается, а как среднее арифметическое между значениями частот каждого признака в локально-территориальных группах. Такой способ расчетов был выбран для того, чтобы избежать смещения частот в объединенных сериях в сторону более многочисленных групп. Для межгруппового сопоставления использовался анализ главных компонент, который выполнялся при помощи интегрированной системы статистической обработки данных Statistica for Windows, version 6.0, на основе тригонометрически преобразованных частот лопатообразности верхних медиальных резцов (баллы 2+3), бугорка Карабелли на верхних первых молярах (баллы 2–5 суммарно), редукции гипоконуса верхних вторых моляров (баллы 3, 3+ по Дальбергу), 6-бугорковых и 4-бугорковых нижних первых моляров, 4-бугорковых нижних вторых моляров, дистального гребня тригониды и коленчатой складки метаконида.

Одонтологический состав фёдоровского и алакульского населения характеризует очень высокая внутригрупповая вариабельность. Локальные популяции населения обеих культур, как уже говорилось, демонстрируют почти весь спектр одонтологических вариантов в пределах западного ствола. Фёдоровские племена Кузнецкой котловины, Барабинской лесостепи, алакульскую популяцию Центрального Казахстана и Омского Прииртышья можно отнести к древним вариантам северного и южного грацильных типов. Фёдоровское население Минусинской котловины и алакульские племена Южного Урала – к различным древним формам североевропейского реликтового типа. Алакульскую популяцию Западного Казахстана – к смешанному варианту, в составе которого наблюдаются признаки современного средневропейского и североевропейского реликтового типа. В составе фёдоровского населения Новосибирского Приобья и групп черноозерского типа Омского Прииртышья наблюдается влияние племен, тяготеющих к восточному одонтологическому стволу.

Внутреннее разнообразие фёдоровских и алакульских популяций (рис. 1, 1) является наглядным антропологическим отображением т. н. феномена культурной непрерывности, характеризующего археологические культуры степной зоны Евразии во II тыс. до н. э. (Черных 2009: 254). Мозаичность типологических сочетаний высокого таксономического уровня здесь такова, что на территории Западной Сибири перемещение района археологических исследований на несколько километров нередко приводит к фиксации сочетания одонтологических фенотипов, радикально отличающегося от ранее наблюдаемых. При изучении каждой локальной группы андроновцев в отдельности, складывалось ощущение об отсутствии направленного вектора миграции и хаотичном проникновении на территорию Сибири отдельных популяций, в случайном порядке включивших в себя целый ряд инородных элементов, не имеющих отношения к гипотетическому морфологическому ядру «настоящего» фёдоровского или алакульского населения.

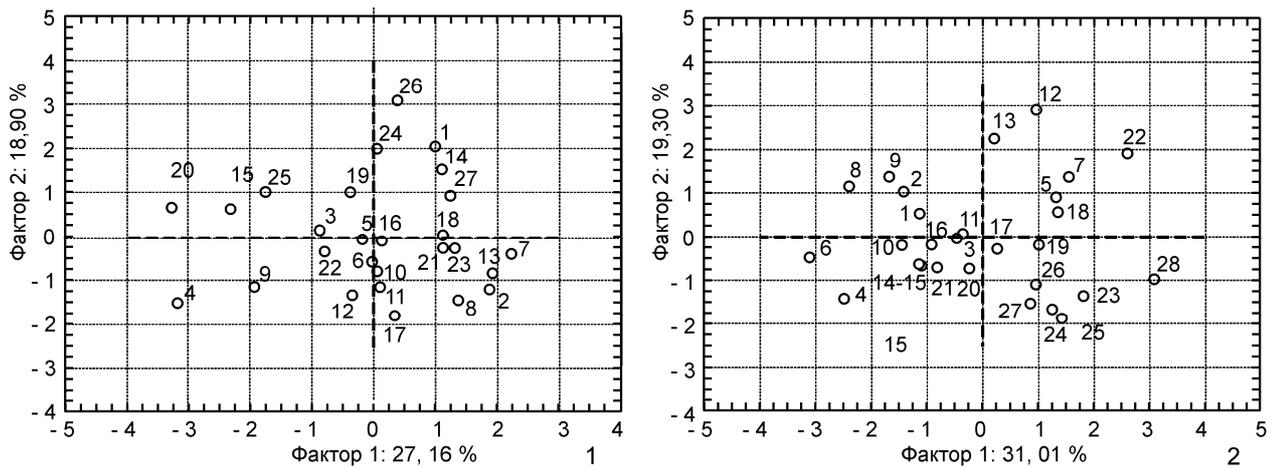


Рис. 1.

- 1 – распределение локальных серий фёдоровской и алакульской культур в пространстве первых двух главных компонент: 1 и 2 – алакульцы Западного (Тасты-бутак-1) и Центрального (Майтан, Нуртай, Лисаковский) Казахстана; 3 – алакульцы Южного Урала; 4 – фёдоровцы Минусинской котловины (Сухое озеро); 5 – афанасьевцы Горного Алтая; 6 – балановцы; 7 – алакульцы Омского Прииртышья; 8 – «катакомбники» Калмыкии; 9 – Ланджик; 10, 11 и 12 – петровская, покровская и потаповская культуры; 13 и 14 – волосовская и поздневолосовская культуры; 15 – синташтинская культура; 16 – фатьяновцы; 17 и 18 – «ямники» Калмыкии и Астраханского Поволжья; 19 – «ямники» Украины; 20 – льяловская культура; 21 – фёдоровцы Кузнецкой котловины; 22 – андроновцы лесостепного Алтая; 23 – фёдоровцы Барабинской лесостепи; 24 – фёдоровцы Новосибирского Приобья; 25 – Боровлянка 17; 26 – Черноозерье-1; 27 – фёдоровцы Томского Приобья (1, 2, 7 – Зубова 2011; 3, 10–12, 15 – Китов 2011; 4 – Рыкушина 2007; 5 – Зубова 2010б; 6, 16, 19 – Гравере 1999; 9 – Худавердян 2009; 22 – Тур 2009; 21, 23, 24, 27 – Зубова 2012; 17, 18 – Зубова 2010а; 8, 13, 14, 20, 25, 26 – Зубова, неопубликованные данные);
- 2 – положение суммарных серий фёдоровской и алакульской культур в пространстве первых двух главных компонент: 1 – срубная культура суммарно; 2 – ЯКИО суммарно; 3 – афанасьевская культура; 4 – катакомбная культура; 5 – Южный Олений Остров (мезолит); 6 – волосовская культура; 7 – льяловская культура; 8 – поздневолосовская культура; 9 – фатьяновская культура; 10 и 11 – Чатал Гуйюк VIII–VII и VI тыс. до н. э.; 12 – Звейниеки (мезолит); 13 – днепро-донецкая культура; 14, 15 и 16 – петровская, покровская и потаповская культуры; 17 – приуральский вариант синташтинской культуры; 18 – синташтинская культура суммарно; 19 – черноозерский вариант андроновской культурно-исторической общности; 20 – фёдоровская культура суммарно, 21 – алакульская культура суммарно, 22 – мог-к у дер. Окунево (Омское Прииртышье, III тыс. до н. э.); 23 – кротовская культура; 24 – неолит Барабинской лесостепи; 25 – одиновская культура; 26 – позднекротовская культура; 27 – усть-тартасская культура; 28 – елуинская культура (1, 4, 6–8, 19, 22, 28 – Зубова, неопубликованные данные; 2 и 3 – Зубова 2010а и 2010б; 5, 9, 12, 13 – Гравере 1999; 10, 11 – Pilloud 2009; 14–18 – Китов 2011; 23–27 – Чикишева, неопубликованные данные)

Однако, при объединении этих разрозненных выборок в единые серии, картина радикальным образом меняется. Оказывается, что одонтологический состав носителей фёдоровских и алакульских традиций очень похож. В составе населения обеих культур представлены аналогичные компоненты, причем в сочетании, имеющем очень мало аналогий на территории Евразии. Сопоставление с синхронным и предшествующим населением показало, что по общему составу основное сходство фёдоровские и алакульские племена проявляют с носителями археологических культур эпохи бронзы Южного Урала – синташтинской, покровской, потаповской и петровской (рис. 1, 2). Для археологической науки идея о формировании андроновских культур в уральском регионе не нова, но на антропологических материалах ранее подтвердить ее было сложно.

Здесь возникает закономерный вопрос о том, каким образом в лесостепной зоне Южного Урала и на прилегающей территории могли одновременно сконцентрироваться носители столь разнообразных одонтологических комплексов? Для ответа на него необходимо рассмотреть динамику культурных влияний на территории Южного Урала и степного Приуралья.

Об одонтологическом составе древнейшего населения этого региона, к сожалению, ничего не известно, можно лишь осторожно предполагать, что по своим одонтологическим характеристикам оно должно быть близко древнему населению севера Европы. Основания для этого дает сближение одонтологического состава синташтинской культуры с льяловской культурой Волго-Окского междуречья и мезолитической серией из могильника на Южном Оленьем о-ве (рис. 1, 2). В составе всех этих серий явно присутствует архаичный компонент, закрепившийся потом в составе современного североевропейского реликтового типа.

В эпоху ранней бронзы южная и западная часть Урала входила в ареал влияния ЯКИО, население которой эксплуатировало местные месторождения медной руды (Черных 2008: 223). По одонтологическому составу носители ямной культуры многокомпонентны. В их составе присутствовал один из древних вариантов грацильного комплекса, еще не разделившегося на современные северный и южный грацильные типы, и архаичный вариант североевропейского реликтового типа (Зубова 2010а). У фёдоровских и алакульских племен эти типы представлены в несколько трансформированном варианте, с большим удельным весом грацильных компонентов. Это можно объяснить более поздним влиянием позднекатакомбного населения, вошедшего как компонент в состав синташтинской культуры (Ткачёв 2007: 345). Население восточной периферии катакомбной общности отличалось исключительно сильной грацилизацией нижних моляров (Зубова, неопубликованные данные), что, по-видимому, нашло свое отражение в характеристиках населения как уральских культур (данные см.: Китов 2011), так и некоторых групп фёдоровских и алакульских племен (Зубова 2011; 2012).

Таким образом, присутствие в составе фёдоровского и алакульского населения вариаций трех базовых одонтологических типов западного ствола достаточно легко объясняется динамикой культурных влияний на территории Южного Урала и не требует привлечения отдаленных параллелей. Вместе с результатами статистического анализа (см. рис. 1), это позволяет с высокой долей вероятности предполагать, что формирование и фёдоровской, и алакульской популяции происходило в степных и лесостепных районах, прилегающих к южной части Уральского хребта. Естественно, что баланс археологических компонентов в их составе может различаться, поскольку к одному антропологическому пласту может относиться население нескольких археологических культур. Для алакульского населения на первый план выходит сходство с носителями петровской культуры Южного Урала. Фёдоровские племена занимают промежуточное положение между носителями петровской и синташтинской культур из-за большей выраженности реликтового одонтологического компонента в их составе.

Алексеев 1964 – *Алексеев В. П.* Антропологический тип населения западных районов распространения андроновской культуры // Тр. ТашГУ. 1964. Т. 235. С. 13–19

Алексеев 1967 – *Алексеев В. П.* Антропология андроновской культуры // СА. 1967. № 1. С. 22–26.

Алексеев, Гохман, 1984 – *Алексеев В. П., Гохман И. И.* Антропология Азиатской части СССР. М., 1984.

Гинзбург 1962 – *Гинзбург В. В.* Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы // *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-бутах-1 в Западном Казахстане. М.; Л., 1962. С. 186–198 (МИА. № 120).

Гинзбург, Трофимова 1972 – *Гинзбург В. В., Трофимова Т. А.* Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.

Гравере 1999 – *Гравере Р. У.* Одонтологический аспект этногенеза и этнической истории восточнославянских народов // Восточные славяне: антропология и этническая история. М., 1999. С. 205–218.

Дрёмов 1997 – *Дрёмов В. А.* Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск, 1997.

- Зубова 2010а – *Зубова А. В.* Население ямной культурно-исторической общности в свете одонтологических данных // ВААЭ. 2010. № 2 (13). С. 85–95.
- Зубова 2010б – *Зубова А. В.* Одонтологическая характеристика афанасьевцев Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2010. С. 340–344.
- Зубова 2011 – *Зубова А. В.* Одонтологические данные к проблеме происхождения алакульской культуры // АЭАЕ. 2011. № 3 (47). С. 143–153.
- Зубова 2012 – *Зубова А. В.* Происхождение населения андроновской (фёдоровской) культуры Западной Сибири по одонтологическим данным // ВААЭ. 2012. В печати.
- Зубова, Чикишева, 2010 – *Зубова А. В., Чикишева Т. А.* Население андроновской культурно-исторической общности по одонтологическим данным // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: Мат-лы XV Междунар. Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск, 2010. С. 413–416.
- Китов 2011 – *Китов Е. П.* Палеоантропология населения Южного Урала в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
- Козинцев 2009 – *Козинцев А. Г.* О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // АЭАЕ. 2009. № 4 (40). С. 125–136.
- Рыкушина 2007 – *Рыкушина Г. В.* Палеоантропология карасукской культуры. М., 2007.
- Ткачёв 2007 – *Ткачёв В. В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007.
- Тур 2009 – *Тур С. С.* Одонтологическая характеристика населения андроновской культуры Алтая // ВАГУ. 2009. № 4-2. С. 228–236.
- Худавердян 2009 – *Худавердян А. Ю.* Население Армянского нагорья в эпоху бронзы: этногенез и этническая история. Ереван, 2009.
- Черных 2008 – *Черных Е. Н.* Формирование Евразийского «Степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // АЭАЕ. 2008. № 3 (35). С. 36–53.
- Черных 2009 – *Черных Е. Н.* Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М., 2009.
- Чикишева, Поздняков 2003 – *Чикишева Т. А., Поздняков Д. В.* Население западно-сибирского ареала андроновской культурной общности по антропологическим данным // АЭАЕ. 2003. № 3 (15). С. 132–148.
- Pilloud 2009 – *Pilloud M. A.* Community Structure at Neolithic Çatalhöyük: Biological Distance Analysis of Household, Neighborhood, and Settlement. PhD Dissertation. Columbus, 2009.

***Т. А. Чикишева (Новосибирск, Россия)***

## **К вопросу о дифференциации антропологического состава древнего населения южного региона Западной Сибири**

Антропоскопические описания и метрические параметры морфологических структур черепа человека могут являться историческим источником, когда они выступают координированным комплексом в определенном географическом и этнокультурном пространствах. Такие комплексы называются антропологическими (краниологическими) типами, и одним из основных направлений антропологического исследования является их выявление. Наличие на той или иной территории антропологического типа, резко отличающегося от основной массы населения, позволяет с уверенностью говорить о миграциях на данную территорию групп людей, определить область, из которой шло переселение и помочь в установлении хронологического периода этого процесса.

В аспекте физической антропологии ключевой проблемой для целого спектра археологических культур Евразии является генезис промежуточных монголоидно-европеоидных краниологических типов. Основные идеи по проблеме происхождения таких комплексов группируются в две концепции: 1) метисационную, предполагающую формирование древнего и современного населения региона при постоянном смешении европеоидных и монголоидных антропологических типов;

2) протоморфной недифференцированности, согласно которой промежуточные антропологические типы представляют собой «осколки» древних протоевразийских антропологических общностей.

Данная статья посвящена расогенетическому анализу древних носителей таких комплексов антропологических признаков на юге Западной Сибири – в ее Барабинской географической провинции и в отдельных областях Саяно-Алтайской горной страны.

Была сделана попытка дифференцировать комбинации антропологических признаков, сложившиеся в популяциях на основе метисации представителей европеоидной и монголоидной рас, с одной стороны, и в результате «консервации» специфических особенностей палеолитического общего монголоидно-европеоидного субстрата до его дивергенции предположительно в мезолитическую эпоху, с другой. Гипотеза о недифференцированности антропологических типов палеолитического населения Евразии, сочетающих черты монголоидной и европеоидной рас, основана на предложенном А. Кизсом (Keith 1948) широтном подходе к группировке исходных дорасовых вариантов. В соответствии с ним первичная дифференциация человеческих популяций шла в направлении их адаптации к условиям boreального и тропического климатических поясов. Ведущий антропологический признак, по которому осуществляется широтная дивергенция популяций – пигментация. Ее ослабление закономерно в популяциях, покинувших африканскую прародину – тропический пояс с его повышенной инсоляцией и эволюционирующих в северном полушарии, адаптируясь к условиям пониженной инсоляции (Там же: 245–247).

Основным в теории расогенеза в отечественной антропологии является меридиональный подход – выделение западного и восточного первичных или надрасовых подразделений человечества (стволов на генеалогическом древе или очагов расообразования). Первичная группировка может состоять из разного числа членов – двух (Алексеев 1974), трех (Чебоксаров 1951; Дебец 1958) или четырех (Бунак 1956; 1980). Суть ее заключается в противопоставлении европеоидно-негроидно-австралоидного (западного) подразделения монголоидному (восточному). Феномен промежуточных монголоидно-европеоидных комплексов на территории Евразии при таком подходе не может быть объяснен иначе, чем процессом метисации между дивергировавшими в эпоху палеолита, и независимо формирующимися монголоидными и европеоидными расовыми комплексами.

Были изучены краниологические серии носителей сменяющих друг друга культур на юге Западной Сибири в хронологическом диапазоне от эпохи неолита (по современным радиоуглеродным датам от VI тыс. до н. э.) до гунно-сарматского времени (I–II вв. до н. э. – I–II вв. н. э.). Подробное описание этого антропологического материала подготовлено к публикации (Чижишева 2012). Здесь же мы остановимся на типологической структуре полученного массива данных, реконструированной в основном по детальному анализу морфологических особенностей исследуемых групп, т. е. методом морфологической типологии.

Краниологические серии, относящиеся к носителям афанасьевской культуры Горного Алтая, демонстрируют определенное многообразие форм строения черепа в разных локальных группах, но наблюдаемые различия не выходят за рамки протоморфного палеоевропейского типа. Сопоставление серий эпохи раннего металла по краниометрическим данным позволило сделать заключение о первой трансматериковой миграции компактной группы населения в горно-степные котловины Алтая из среды носителей восточных маргинальных культур ЯКИО (хвалынской или полтавкинской), на основе которого сформировался очень жизнеспособный археологический феномен – афанасьевская культура.

Весь остальной изученный нами палеоантропологический материал из Западной Сибири характеризуется либо мозаичными сочетаниями ведущих расодифференцирующих признаков, маркирующих монголоидные и европеоидные расовые типы, либо комплексами с промежуточными параметрами этих признаков. В эпохи неолита и раннего металла в антропологическом составе населения юга Западной Сибири преобладали морфологические комбинации мозаичного типа, что свидетельствует о существовании и сохранении в этом регионе популяций с незавершенной дифференциацией на консолидированные комплексы монголоидной и европеоидной рас.

Один из комплексов с мозаичным сочетанием морфологических признаков представлен на территории Барабинской лесостепи у носителей неолитической среднеиртышской культуры (некрополи Сопка-2/1, Протока), усть-тартасской культуры эпохи раннего металла (Сопка-2/3 и Сопка-2/3А) одиновской (Сопка-2/4) и кротовской (Сопка-2) культур раннего бронзового века. С небольшими трансформациями, обусловленными индивидуальной структурой межкультурных взаимосвязей на каждом этапе культурогенеза, население на данной территории, сохраняло в своем антропологическом составе на протяжении четырех тысячелетий (VI–III тыс. до н. э. включительно) как доминирующий компонент уникальный краниологический тип. В нем сочетаются долихо-мезокрания, большая высота мозговой капсулы черепа, большая ширина и средняя высота лицевого отдела, его мезогнатная вертикальная профилировка и гетеропрозопная (с комбинированием платиопии с мезогнатией или клиногнатией) горизонтальная, низкое переносье и малый угол выступания носа. Данное сочетание признаков строения черепа очень своеобразно, и полных аналогий ему обнаружить среди евразийского палеоантропологического материала не удастся. Особенно специфично строение средней части лицевого отдела весьма профилированной в горизонтальном плане, но с узкими носовыми косточками, образующими невысокое переносье, и поразительно слабо выступающими над линией общего вертикального профиля.

Тем не менее, мы можем говорить о его сходстве с морфологическими комплексами, выявленными на палеоантропологических находках с территории северной лесной части Восточно-Европейской равнины (в погребениях мезолитических мог-ков Южный Олений о-в и Попово, в захоронениях среднего и позднего неолита могильника Звейниекы и погребениях ямочно-гребенчатой историко-культурной общности). Таким образом, палеоантропологические материалы позволяют поставить вопрос о взаимосвязи краниологического типа автохтонного населения эпохи неолита Барабинской провинции Западно-Сибирской равнины с антропологическими комплексами, распространенными в мезолите и неолите в широтном поясе от Восточно-Европейской равнины между ареалами северо-европейского и южно-европейского подразделений европеоидной расы. По палеоантропологическим материалам судьба этого комплекса в последующие археологические эпохи не прослеживается на европейской части Евразии, возможно, в силу изначальной немногочисленности его носителей и их ассимиляцией соседями. Хотя в составе некоторых современных угорских и восточно-финских народов его элементы, возможно, присутствуют (Давыдова 1975, 1986). В Западной Сибири мы наблюдаем длительное сохранение автохтонного антропологического субстрата, ассимилировавшего миграционные импульсы из среды носителей большемысской, елунинской и фёдоровской культур.

По вопросу о природе этого комплекса имеются две противоположные точки зрения, ставшие предметом многолетней дискуссии. Они разрабатываются как на палеоантропологическом, так и на соматологическом материале. Одна из них предполагает наличие в антропологическом составе древнего населения Восточной Европы монголоидной примеси, проникавшей сюда с востока, с племенами палеомонголоидов Северной Сибири (Жиров 1940; Чебоксаров 1941; Дебец 1948; 1961; Акимова 1953; Алексеев 1961; 1969; Витов и др. 1959; Денисова 1975 и др.). Другая идея сформулирована В. В. Бунаком (1956) и заключается в обосновании исключительной роли на территории Восточной Европы и Западной Сибири нейтральных протоморфных комплексов на всех этапах расообразования. Остатками таких древних расовых комплексов, по его мнению, являются один из компонентов уральской расы, условно относимый к монголоидному, и субарктический (лопарский) расовый тип. Эта идея была воспринята В. П. Якимовым, подкрепившим ее обширной палеоантропологической аргументацией (Якимов 1957; 1960а; 1960б), И. И. Гохманом (1986), Г. М. Давыдовой (1975; 1986). В. В. Бунак выделил на территории северно-западной лесной зоны Евразии самостоятельную расовую общность, которой дал название «северной евразийской антропологической формации» (Бунак 1956: 101), к которой, по нашему мнению, принадлежат и носители археологических культур Барабинской лесостепи.

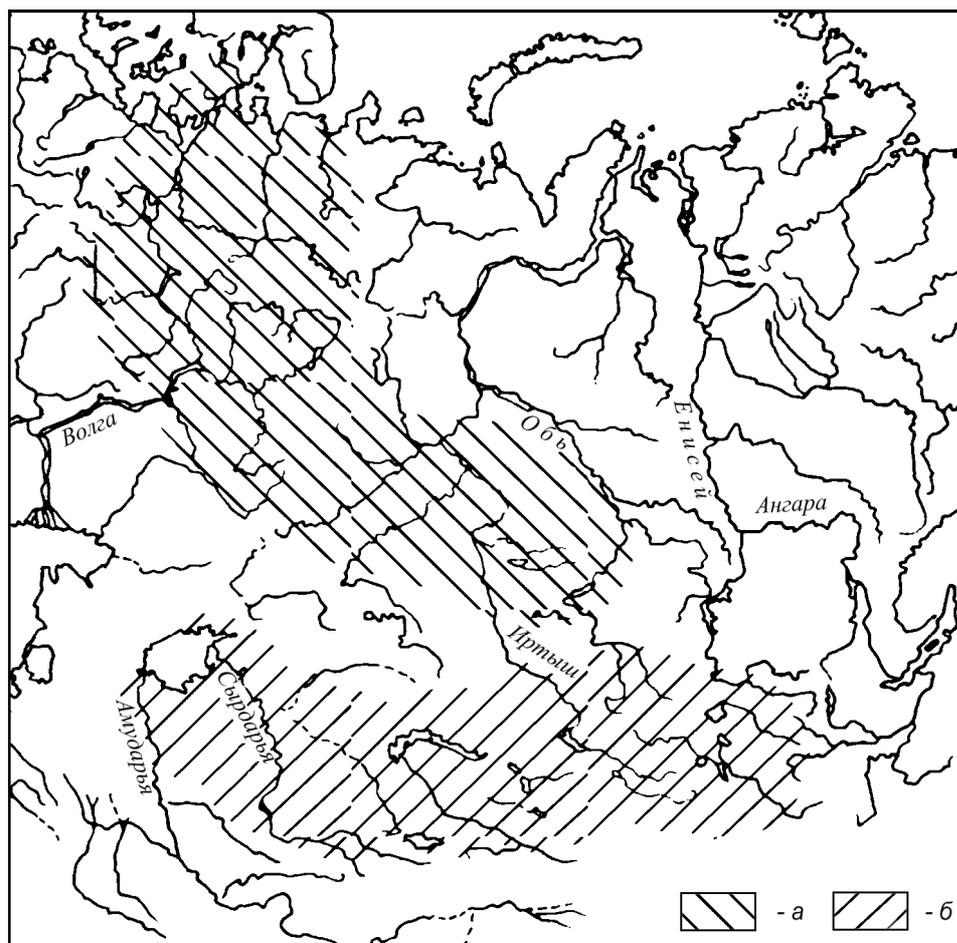


Рис. 1. Реконструкция ареалов северной (а) и южной (б) антропологических евразийских формаций

Реконструируемый по палеоантропологическим материалам ареал данной общности занимал огромное пространство: основные находки получены на северо-западных (Поонежье, Южный бассейн Белого моря, Карелия, Прибалтика) и юго-восточных (Северная Бараба) его окраинах, а также в северной лесной зоне Восточно-Европейской равнины (культурно-историческая общность ямочно-гребенчатой керамики).

В Саяно-Алтайском регионе в эпоху неолита может быть выделен еще один неконсолидированный краниологический комплекс, характеризующийся мезо-брахикранной формой средневысокой черепной коробки, сложным сочетанием монголоидных и европеоидных пропорций ее отделов, умеренной уплощенностью средневысокого лицевого отдела, высоким переносом, при умеренном выступании носовых костей над общей линией ортогнатного лицевого профиля. Первоначально вывод о существовании этого комплекса был сделан мною при изучении палеоантропологического материала эпохи поздней бронзы из мог-ка Старый Сад в Центральной Барабе, где он был обнаружен в одном из своих вариантов, что потребовало интерпретации (Чикишева 2000). Ареал данного комплекса очерчен по хорошо датированным и репрезентативным палеоантропологическим материалам на протяжении нескольких археологических периодов, составляя в абсолютном исчислении около 1500 лет (как минимум со второй половины II тыс. до н. э. до первых веков нашей эры). Он охватывал культурно-исторические общности Тянь-Шаньского горного массива, Саяно-Алтайского нагорья, плоскогорий и среднегорий Казахстана, причем, в Саяно-Алтайском регионе этот комплекс выявлен на краниологических материалах эпохи неолита: на женском черепе из погребения в пещере Каминной в Горном Алтае, в серии из мог-ка Солонцы-5 в предгорно-лесостепном Алтае, на черепаках из мог-ков Базаиха и Долгое озеро в Красноярско-Канской лесостепи и из погребения у сел. Батени в Минусинской котловине.

Столь широкий ареал и длительный период существования дают основание говорить об особой расовой общности, морфологические варианты которой не могут быть идентифицированы ни с памиро-ферганской расой с примесью монголоидного компонента, ни с южно-сибирской расой. По аналогии с северной переходной зоной Евразии (под переходностью понимается географически детерминированная и на отдельных этапах истории реализованная возможность контактов и перемещений разных антропологических типов), где с рубежа мезолита–неолита выявляется расовая общность с несбалансированным комплексом важнейших расоводиагностических признаков – северная евразийская антропологическая формация, я предлагаю придать древнему морфологическому пласту южной переходной зоны Евразии статус южной евразийской антропологической формации.

Реконструированные ареалы северной и южной антропологических формаций представлены на рис. 1. Обе формации обнаруживают себя в сложившемся виде в эпоху неолита. Перед нами встает вопрос об определении для них уровня расовой дифференциации. Будет ли он первым, при котором обе евразийские формации станут в одном ряду с основными географическими расами – монголоидной, европеоидной и негро-австралоидной – или одним из последующих. Я предлагаю, отнести две обнаруженные на территории Западной Сибири антропологические общности в евразийское подразделение (или формацию) первого уровня наряду с европеоидным (западным) и монголоидным (восточным) подразделениями (формациями) бореального надрасового ствола. Северная и южная компоненты евразийской формации в таком случае соотносятся со вторым уровнем антропологической дифференциации.

С позиции древних протоморфных антропологических общностей Евразии, характеризующихся своеобразной монголоидно-европеоидной промежуточностью их расовых комплексов, открывается возможность для интерпретации сходства удаленных в пространственном отношении групп не только миграциями, но и конвергентностью возникновения частично сходных комплексов признаков, что особенно характерно для неолитического времени.

Масштабные трансконтинентальные переселения, имевшие место в начале эпохи металла (афанасьевская миграция) и в эпоху бронзы (андроновская миграция) не оказали существенного модифицирующего влияния на антропологический состав автохтонного населения в южном регионе Западной Сибири. И для предтаежных районов Западно-Сибирской равнины, и для горных районов Саяно-Алтайского нагорья более значимыми в процессе формирования антропологического состава оказались внутренние локально-территориальные межпопуляционные взаимодействия. Об этом свидетельствует устойчивость типологических комбинаций признаков двух антропологических общностей – северной и южной антропологических формаций, ареалы которых отнюдь не изолированы ни в пространственно-географическом, ни в историко-культурном отношении.

- Акимова 1953 – *Акимова М. С.* Палеоантропологические находки эпохи неолита на территории лесной полосы европейской части СССР // КСИЭ. 1953. Вып. 18. С. 55–65.
- Алексеев 1961 – *Алексеев В. П.* О смешанном происхождении уральской расы // ВАУ. Свердловск, 1961. Вып. 1. С. 117–120.
- Алексеев 1969 – *Алексеев В. П.* Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969.
- Алексеев 1974 – *Алексеев В. П.* География человеческих рас. М., 1974.
- Бунак 1956 – *Бунак В. В.* Человеческие расы и пути их образования // СЭ. 1956. № 1. С. 86–105.
- Бунак 1980 – *Бунак В. В.* Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. М, 1980.
- Витов и др. 1959 – *Витов М. В., Марк К. Ю., Чебоксаров Н. Н.* Этническая антропология Прибалтики. М., 1959.
- Гохман 1986 – *Гохман И. И.* Антропологические особенности древнего населения севера европейской части СССР и пути их формирования // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л., 1986. С. 216–221.
- Давыдова 1975 – *Давыдова Г. М.* Антропологические особенности некоторых финно-угорских народов и вопросы их этногенеза // СЭ. 1975. № 6. С. 114–120.

- Давыдова 1986 – *Давыдова Г. М.* Формирование северных манси как народа уральской расы // Этнические связи народов Севера Азии и Америки по данным антропологии. М., 1986. С. 174–197.
- Дебец 1948 – *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948 (Тр. ИЭ АН СССР).
- Дебец 1958 – *Дебец Г. Ф.* Опыт графического изображения генеалогической классификации человеческих рас // СЭ. 1958. № 4. С. 74–94.
- Дебец 1961 – *Дебец Г. Ф.* О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики // СЭ. 1961. № 6. С. 52–89.
- Денисова 1975 – *Денисова Р. Я.* Антропология древних балтов. Рига, 1975.
- Жиров 1940 – *Жиров Е. В.* Заметки о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова // КСИИМК. 1940. Вып. VI. С. 51–54.
- Чебоксаров 1941 – *Чебоксаров Н. Н.* Монголоидные элементы в составе населения Центральной Европы // УЗ МГУ. 1941. Вып. 63. С. 51–54.
- Чебоксаров 1951 – *Чебоксаров Н. Н.* Основные принципы антропологических классификаций // Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., 1951. С. 291–322 (Тр. ИЭ. Нов. сер. Т. XVI).
- Чикишева 2000 – *Чикишева Т. А.* К вопросу о формировании антропологического состава населения Западной Сибири в эпоху поздней бронзы (интерпретация палеоантропологического материала из могильника Старый Сад в Центральной Барабе) // АЭАЕ. 2000. № 4 (4). С. 131–147.
- Чикишева 2012 – *Чикишева Т. А.* Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита–раннего железа. Новосибирск, 2012 (в печати).
- Якимов 1957 – *Якимов В. П.* О древней монголоидности в Европе // КСИЭ. 1957. Вып. 28. С. 86–91.
- Якимов 1960а – *Якимов В. П.* Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове // СМАЭ. 1960. Т. XIX. С. 221–359.
- Якимов 1960б – *Якимов В. П.* Горизонтальная профилированность лицевого отдела черепа у современных и древних людей // ВА. 1960. Вып. 4. С. 62–70.
- Keith 1948 – *Keith A.* A new theory of human evolution. London, 1948.

**А. В. Громов, Н. И. Лазаретова, Е. Н. Учанева (Санкт-Петербург, Россия)**

### **Население Минусинской котловины на рубеже нашей эры (по антропологическим материалам из склепов)**

Для Минусинской котловины на рубеже нашей эры характерно наличие двух типов погребальных памятников. Это склепы, продолжающие традицию предыдущих этапов тагарской культуры, и грунтовые могильники. Впрочем, и для склепов отмечен ряд новых черт погребального обряда, связанный, прежде всего, с посмертными манипуляциями с телами покойных. Появление инноваций в погребальном обряде вызывает законный вопрос об их источнике. Археологической стороне данной проблемы посвящена обширная литература. Итоги этих исследований подведены в работах Д. Г. Савинова (2009) и Н. Ю. Кузьмина (2011). Что касается самого населения, то до последнего времени имелись данные только по краниологическим материалам из грунтовых могильников (Гохман, Громов 2009; Громов 2003; 2004; 2009). Лишь в последнее время были изучены черепа из трех склепов рубежа нашей эры – Степновка II, Большое Русло и Белый Яр VI, в разное время поступивших в отдел антропологии МАЭ РАН. Эти могильники характеризуются сходными чертами погребального обряда (трепанации, замена содержимого черепа растительной массой и т. п.). Традиционно памятники такого типа относили к лепешкинскому этапу тагарской культуры (промежуточному между сарагашенским и собственно тесинским). Н. Ю. Кузьмин считает склепы такого типа раннетесинскими (Кузьмин 2008; 2011). Отметим, что антропологические материалы из поздних склепов тесинской культуры по-прежнему отсутствуют в научной литературе. Изучение краниоскопических признаков на черепах из трех указанных склепов не выявило какого-либо своеобразия населения, оставившего данные могильники, на фоне краниологических материалов тагарской культуры в целом (Громов и др. 2012). Возможно, это связано с небольшой численностью наблюдений по отдельным признакам из-за фрагментарности материала.

Задачей данной работы является сравнение краниологических материалов из мог-ков Степновка II, Большое Русло и Белый Яр VI с известными сериями раннего железного века Минусинской котловины на основании краниометрических данных.

Для целей краниометрии оказались пригодными следующие серии: Степновка II – 29 мужских и 30 женских черепов, Большое Русло – 30 мужских и 19 женских черепов, Белый Яр VI – 28 мужских и 25 женских черепов. Особенностью материала является то, что помимо обычных для черепов данного времени и региона посмертных повреждений в результате ограблений и разрушений могильных конструкций, практически все черепа трепанированы. Поэтому даже у хорошо сохранившихся черепов обычно невозможно измерить либо продольный, либо поперечный диаметр, в зависимости от локализации трепанационного отверстия. То же касается еще ряда признаков свода черепа. В качестве сравнительного материала были привлечены серии из могильников различных этапов тагарской культуры: подгорновского (Гришкин Лог I, Кичик-Кюзюр I, Усть-Чуль, Есино II), биджинского (Улуг-Кюзюр I, Ай-Дай II) и сарагашенского (Малые Копены III, Туран I, II, III, Узун-Хыр, Катюшкино, 72 км, Ай-Дай I, III), а также из грунтовых тесинских могильников Черное Озеро I, Есино III, Сабинка II и Каменка III [измерения А. Г. Козинцева (1977) и авторов]. Материалы из могильников, содержащих разновременные погребения, не рассматривались. Кроме того использована серия скифского времени из мог-ка Аймырлыг (Алексеев и др. 1987).

Таблица 1

Средние размеры и указатели черепов из мог-ка Степновка II

№ по Мартину и др.	Признак	Мужчины			Женщины		
		<i>n</i>	<i>x</i>	<i>sd</i>	<i>n</i>	<i>x</i>	<i>sd</i>
1	Продольный диаметр	14	185.5	5.85	19	176.6	6.30
8	Поперечный диаметр	14	145.2	5.06	11	138.0	4.53
8 : 1	Черепной указатель	10	78.6	3.24	8	78.6	4.98
17	Высотный диаметр	11	133.2	3.57	8	128.3	3.45
20	Ушная высота	14	115.9	4.00	17	112.6	5.57
5	Длина основания черепа	10	102.2	3.02	8	98.3	4.09
9	Наименьшая ширина лба	24	98.1	4.39	22	94.5	3.58
10	Наибольшая ширина лба	16	123.4	4.92	14	116.4	3.97
29	Лобная хорда	23	113.3	3.70	24	110.7	4.90
32	Угол профиля лба от <i>n</i>	10	83.0	2.62	12	83.0	3.81
11	Ушная ширина	13	126.9	6.71	16	123.4	4.63
40	Длина основания лица	8	99.8	3.28	6	95.6	3.34
43	Верхняя ширина лица	15	107.5	2.83	16	103.9	2.57
45	Скуловой диаметр	7	137.6	4.17	2	127.5	–
46	Средняя ширина лица	15	97.9	3.89	11	95.6	4.12
48	Верхняя высота лица	21	74.6	3.90	15	71.6	3.98
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	14	44.1	2.51	17	41.9	1.84
51a	Ширина орбиты от <i>d</i>	14	40.8	1.45	12	39.0	1.72
52	Высота орбиты	19	34.0	1.78	19	34.1	1.94
54	Ширина носа	18	25.1	1.53	14	24.8	1.22
55	Высота носа	22	52.6	2.58	19	51.5	3.36
MC	Максиллофронтальная ширина	13	18.4	1.85	12	17.8	2.05
MS	Максиллофронтальная высота	13	7.2	1.41	12	6.9	1.27
MS : MC	Максиллофронтальный указатель	13	39.6	10.39	12	39.3	8.32
SC	Симотическая ширина	17	7.6	1.81	15	8.0	1.55
SS	Симотическая высота	17	4.3	1.02	15	4.2	0.94
SS : SC	Симотический указатель	17	58.7	14.30	15	53.1	9.86
DC	Дакриальная ширина	11	21.1	1.55	8	19.5	2.30
DS	Дакриальная высота	11	11.9	1.84	8	11.0	0.91
DS : DC	Дакриальный указатель	11	57.0	11.17	8	56.5	6.16
77	Назозамаярный угол	13	141.6	4.33	11	143.1	3.59
$\angle zm'$	Зигомаксиллярный угол	14	128.2	4.52	11	127.4	5.95
72	Общий лицевой угол	8	85.1	2.36	10	84.8	3.24
75 (1)	Угол выступания носа	12	26.6	7.57	12	25.8	4.28
FC	Глубина клыковой ямки	22	5.6	1.56	20	4.7	1.58

Сравнение средних размеров и указателей черепов из трех изученных склепов (табл. 1–3) показывает, что мужские серии не имеют заметных различий. У женщин выделяется серия из Большого Русла, имеющая в среднем более длинный череп и резче профилированное на верхнем уровне лицо. Впрочем, эта группа наименьшая по численности и, возможно, ее особенности носят случайный характер.

Таблица 2

Средние размеры и указатели черепов из мог-ка Большое Русло

№ по Марти-ну и др.	Признак	Мужчины			Женщины		
		<i>n</i>	<i>x</i>	<i>sd</i>	<i>n</i>	<i>x</i>	<i>sd</i>
1	Продольный диаметр	10	185.0	5.28	7	181.0	4.12
8	Поперечный диаметр	9	147.6	5.53	1	139.0	–
8 : 1	Черепной указатель	8	80.7	3.38	1	77.2	–
17	Высотный диаметр	8	135.2	6.08	3	127.0	1.00
20	Ушная высота	12	116.4	5.15	3	113.2	1.89
5	Длина основания черепа	8	102.5	4.78	3	99.0	3.61
9	Наименьшая ширина лба	24	96.7	4.42	12	93.8	4.00
10	Наибольшая ширина лба	11	123.0	7.56	5	117.2	6.06
29	Лобная хорда	21	113.7	5.84	16	108.4	4.20
32	Угол профиля лба от <i>n</i>	9	79.7	3.00	3	79.0	4.00
11	Ушная ширина	12	130.3	6.13	3	127.2	3.62
40	Длина основания лица	5	98.2	5.45	2	95.5	–
43	Верхняя ширина лица	11	105.9	3.20	2	101.8	–
45	Скуловой диаметр	8	135.5	5.81	–	–	–
46	Средняя ширина лица	12	95.6	4.86	1	93.6	–
48	Верхняя высота лица	10	72.6	5.34	6	71.4	4.74
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	13	42.8	1.56	8	41.4	0.82
51a	Ширина орбиты от <i>d</i>	12	39.7	1.54	6	38.2	0.72
52	Высота орбиты	13	32.1	2.15	9	32.3	2.23
54	Ширина носа	13	24.7	1.75	7	25.4	1.46
55	Высота носа	13	51.5	2.09	8	50.0	3.49
MC	Максиллофронтальная ширина	11	18.2	2.23	4	19.7	1.70
MS	Максиллофронтальная высота	11	7.1	1.61	4	7.1	0.22
MS : MC	Максиллофронтальный указатель	11	39.8	9.63	4	36.4	2.60
SC	Симотическая ширина	11	7.1	1.49	5	9.2	1.94
SS	Симотическая высота	11	3.9	1.21	5	4.5	0.96
SS : SC	Симотический указатель	11	54.9	11.56	5	48.8	2.32
DC	Дакриальная ширина	8	20.6	2.87	4	22.6	2.51
DS	Дакриальная высота	8	11.9	2.00	4	11.4	1.40
DS : DC	Дакриальный указатель	8	58.6	11.76	4	50.7	3.76
77	Назомаллярный угол	10	142.0	5.56	2	138.4	–
$\angle zm'$	Зигомаксиллярный угол	12	130.2	5.33	1	127.0	–
72	Общий лицевой угол	8	87.4	3.02	2	89.0	5.66
75 (1)	Угол выступания носа	9	29.5	4.60	3	26.0	3.46
FC	Глубина клыковой ямки	13	5.6	1.70	8	4.0	2.13

Анализ внутригрупповой изменчивости, выполненный методом главных компонент для суммарной серии из трех склепов, показал отсутствие значимых различий между черепами из разных могильников. Стоит отметить, что значительные нагрузки в компонентах, охватывающих существенную долю изменчивости, приходится на размеры переносья. При первичном осмотре серий отдельные черепа с уплощенным переносьем действительно были отмечены авторами. Однако в среднем уплощенность переносья в данных сериях не превышает величин, характерных для известных материалов тагарской культуры. Отдельные черепа с резко выраженными монголоидными чертами регулярно встречаются в краниологических сериях Южной Сибири эпохи бронзы и раннего железа (Гохман, Громов 2009). Они резко отличаются от остальных и обычно исключаются из серий при подсчете средних значений размеров. В нашем случае речь идет, скорее, о наличии некоторой незначительной монголоидной примеси в популяциях. Монголоидные черты не образуют явных комплексов. Так уплощенность переносья не скоррелирована со слабым выступанием носа и ослаблением горизонтальной профилированности на среднем уровне. Поэтому уплощенное

переносе у отдельных черепов в данном случае не послужило основанием для их отбраковки и не оказало существенного влияния на характеристики серий в целом.

Таблица 3

Средние размеры и указатели черепов из мог-ка Белый Яр VI

№ по Мартину и др.	Признак	Мужчины			Женщины		
		<i>n</i>	<i>x</i>	<i>sd</i>	<i>n</i>	<i>x</i>	<i>sd</i>
1	Продольный диаметр	20	183.3	5.75	17	173.0	6.19
8	Поперечный диаметр	15	146.7	4.53	14	138.0	4.25
8 : 1	Черепной указатель	12	80.0	2.77	10	78.6	4.56
17	Высотный диаметр	22	132.8	4.18	18	126.9	6.78
20	Ушная высота	24	115.6	3.25	22	112.1	4.44
5	Длина основания черепа	23	103.1	5.50	20	99.8	4.31
9	Наименьшая ширина лба	27	100.2	4.55	23	96.7	3.26
10	Наибольшая ширина лба	23	125.3	6.81	17	119.1	3.69
29	Лобная хорда	26	112.2	4.84	23	107.7	3.80
32	Угол профиля лба от <i>n</i>	25	82.4	4.05	18	84.3	4.31
11	Ушная ширина	25	131.0	5.00	21	122.5	3.77
40	Длина основания лица	21	101.5	4.63	19	97.6	5.82
43	Верхняя ширина лица	25	108.7	3.11	19	105.4	3.17
45	Скуловой диаметр	19	138.9	3.91	10	128.8	4.59
46	Средняя ширина лица	26	97.5	4.20	19	91.6	3.76
48	Верхняя высота лица	27	74.8	3.73	22	68.6	3.64
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	26	43.6	1.71	23	42.2	1.85
51a	Ширина орбиты от <i>d</i>	22	40.4	1.81	18	39.1	1.49
52	Высота орбиты	25	33.6	1.89	24	32.6	2.29
54	Ширина носа	24	25.2	1.81	18	25.1	1.88
55	Высота носа	28	53.3	2.52	24	49.2	2.91
MC	Максиллофронтальная ширина	25	19.1	2.14	22	18.8	1.76
MS	Максиллофронтальная высота	25	7.4	1.42	20	6.5	1.00
MS : MC	Максиллофронтальный указатель	25	39.2	8.25	20	34.9	6.22
SC	Симотическая ширина	27	8.4	1.85	22	8.5	1.69
SS	Симотическая высота	27	4.6	1.29	22	3.9	1.05
SS:SC	Симотический указатель	27	55.3	12.63	22	46.5	8.54
DC	Дакриальная ширина	20	22.3	2.54	15	21.7	1.62
DS	Дакриальная высота	20	11.8	1.17	14	10.9	1.62
DS : DC	Дакриальный указатель	20	53.9	8.75	14	50.6	8.40
77	Назомаллярный угол	22	141.7	4.11	18	142.9	3.33
Zm'	Зигомаксиллярный угол	23	129.1	4.08	17	131.5	5.63
72	Общий лицевой угол	23	85.9	3.76	16	86.5	4.34
75 (1)	Угол выступания носа	23	27.5	5.37	15	24.2	6.10
FC	Глубина клыковой ямки	27	5.3	1.88	22	5.4	1.85

Межгрупповое сопоставление серий эпохи раннего железа Южной Сибири было проведено методом канонического анализа при помощи программы Б. А. Козинцева. Использовались 14 признаков (табл. 4). Распределение нагрузок на канонические векторы показало существенные различия в характере межгрупповой изменчивости у разных полов. У мужчин значительную роль играют параметры мозговой коробки, а у женщин основная доля изменчивости приходится на лицевой скелет (см. табл. 4). У мужчин в первом каноническом векторе (36,2 % изменчивости) максимальные нагрузки приходится на поперечный диаметр, а также на продольный и высотный диаметры, ширину орбиты и угол выступания носа. Во втором каноническом векторе (17,2 % изменчивости) значимы скуловой диаметр, ширина орбиты, симотический указатель и зигомаксиллярный угол. У женщин в первом каноническом векторе (32,4 % изменчивости) наибольшие нагрузки приходятся на ширину орбиты и носа, а во втором (18,0 % изменчивости) – на те же признаки и верхнюю высоту лица.

В пространстве первых двух канонических векторов (КВ I и II) серии из Степновки II, Большого Русла и Белого Яра VI довольно компактно расположились на положительном полюсе по КВ I (рис. 1, I). К ним примыкают подгорновская серия из могильника Есино II и тесинцы из грунтового мог-ка Сабинка II. В противоположной части графика расположились две биджинские

серии (Ай-Дай II и Улуг-Кюзюр I). Сарагашенские и большинство подгорновских серий, так же как и серии из грунтовых тесинских могильников, расположились по КВ I между биджинцами и вышеописанной группой, расположенной у положительного полюса. Биджинские серии характеризуются наиболее узким черепом и противопоставляются группам с большим поперечным диаметром. По КВ II отделилась группа сарагашенских серий – Туран I, II, III и Малые Копены III. К ним примыкает Кичик-Кюзюр I.

Таблица 4

Элементы канонических векторов для мужских и женских серий

№ по Мартину и др.	Признак	Мужчины			Женщины		
		КВ I	КВ II	КВ III	КВ I	КВ II	КВ III
1	Продольный диаметр	-0.514	-0.379	0.150	-0.403	0.215	0.090
8	Поперечный диаметр	0.745	0.496	0.187	0.326	0.472	-0.064
17	Высотный диаметр	-0.638	0.244	-0.114	-0.296	-0.196	0.705
9	Наименьшая ширина лба	-0.240	0.228	0.308	-0.235	0.163	0.635
45	Скуловой диаметр	0.131	0.532	-0.451	0.325	0.064	0.756
48	Верхняя высота лица	0.304	0.292	0.206	0.323	0.748	0.369
51	Ширина орбиты от mf	0.562	-0.641	0.165	0.588	0.727	0.285
52	Высота орбиты	0.042	0.182	-0.014	0.039	0.303	-0.040
54	Ширина носа	-0.368	-0.136	0.000	0.518	0.566	0.526
55	Высота носа	0.229	0.093	0.303	0.126	0.494	-0.184
SS : SC	Симотический указатель	0.244	-0.506	0.341	0.193	0.234	0.172
77	Назомаллярный угол	0.367	0.466	-0.309	0.071	-0.225	-0.458
$\angle zm'$	Зигомаксиллярный угол	0.181	0.539	-0.589	0.336	-0.358	0.429
75 (1)	Угол выступания носа	-0.534	-0.087	0.592	-0.418	0.190	0.452
Собственные числа		16.415	7.822	5.243	15.653	8.714	6.257
Доля в общей дисперсии (%)		36.187	17.245	11.559	32.391	18.032	12.948

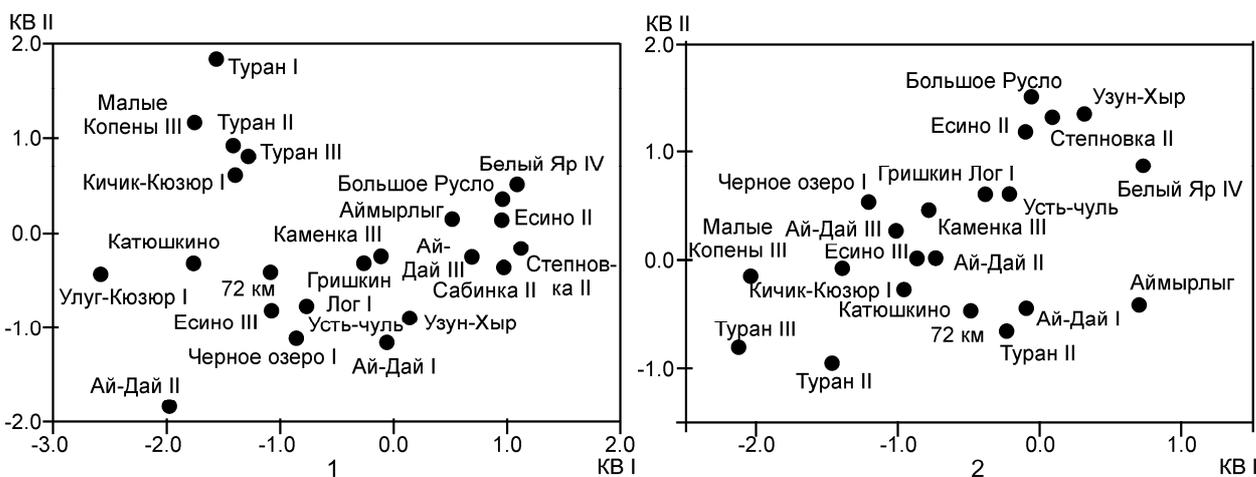


Рис. 1: 1 – положение мужских серий в пространстве I и II канонических векторов; 2 – положение женских серий в пространстве I и II канонических векторов

Женские серии из склепов рубежа нашей эры в пространстве КВ I–II (рис. 1, 2) также располагаются очень компактно. Они занимают верхний правый квадрант вместе с подгорновцами из Есино II (как и у мужчин) и сарагашенцами из Узун-Хыра. В отличие от мужчин женские серии из Степновки II, Большого Русла и Белого Яра VI занимают полярное положение не только по КВ I, но и по КВ II. Это не удивительно, если вспомнить распределение нагрузок в этих векторах (см. табл. 4). На противоположном конце диагонали, в левом нижнем квадранте находится группа сарагашенских серий. Подгорновцы и тесинцы из грунтовых могильников занимают промежуточное положение.

Таким образом, несмотря на разный характер межгрупповой изменчивости у мужчин и женщин, в обоих случаях серии из склепов рубежа нашей эры демонстрируют единство и определенное своеобразие по отношению к большинству остальных серий. Интересно, что в обоих случаях сходство с ними обнаруживается у черепов из подгорновского могильника Есино II. Большее

своеобразие в «общетагарском масштабе» краниологических материалов из склепов рубежа нашей эры по сравнению с тесинцами из грунтовых могильников заслуживает дальнейшего изучения с привлечением более широкого круга сравнительных материалов.

- Алексеев и др. 1987 – *Алексеев В. П., Гохман И. И., Тумэн Д.* Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 208–241.
- Гохман, Громов 2009 – *Гохман И. И., Громов А. В.* Тесинский грунтовый могильник Каменка III: данные краниометрии и краниоскопии // АЭАЕ. 2009. № 1 (37). С. 136–145.
- Громов 2003 – *Громов А. В.* К вопросу об антропологическом составе и происхождении тесинского населения юга Хакасии // СЕДС. 2003. Кн. 2. С. 33–36.
- Громов 2004 – *Громов А. В.* Палеоантропология тесинского населения юга Хакасии по материалам из грунтовых могильников // Музейные коллекции и научные исследования: материалы годичной научной сессии МАЭ РАН. СПб, 2004. С. 204–207 (СМАЭ. Т. XLIX).
- Громов 2009 – *Громов А. В.* К антропологии тесинского населения Минусинской котловины // Вестник ТГУ. История. 2009. № 3 (7). С. 143–147.
- Громов и др. 2012 – *Громов А. В., Лазаретова Н. И., Учанева Е. Н.* Краниоскопия раннетесинского населения Минусинской котловины // Радловский сборник. 2012: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. СПб, 2012 (в печати).
- Козинцев 1977 – *Козинцев А. Г.* Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л., 1977.
- Кузьмин 2008 – *Кузьмин Н. Ю.* Этапы сложения и развития тесинской культуры (по погребальным памятникам Степей Минусинской котловины) // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи: Сб. мат-лов междунар. науч. конф. Астана, 2008. С. 187–204.
- Кузьмин 2011 – *Кузьмин Н. Ю.* Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб, 2011.
- Савинов 2009 – *Савинов Д. Г.* Минусинская провинция Хунну (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб, 2009.

**А. Г. Козинцев (Санкт-Петербург, Россия)**

### **Из степи – в пустыню: ранние европеоиды Восточного Туркестана по данным генетики и антропологии**

Происхождение европеоидов, живших в бассейне Тарима в эпоху бронзы (на рубеже III и II тыс. до н. э.) и известных нам не только по костным, но и по естественно-мумифицированным останкам, остается загадкой. Согласно преобладающему мнению, это самая восточная группа индоевропейцев, язык которой принадлежал либо к тохарской (Mallory, Mair 2000: 314, 318; Кузьмина 2010: 94), либо к иранской группе (Mair 2005: 15). Выбор осложняется тем, что их культура, несомненно, европейская по происхождению, не является ни афанасьевской, ни андроновской (Молодин, Алкин 1997; Mallory, Mair 2000).

Прекрасная сохранность мягких тканей у мумий позволяет сузить область поисков первичного очага миграции, ограничив ее Европой. Действительно, родина светловолосых людей не могла находиться на Ближнем Востоке, в Средней Азии или в Закавказье. Речь идет о той самой «белокурой расе в Центральной Азии», существование которой более 80 лет назад постулировал Г. Ф. Дебец (1931), сопоставив свидетельства китайских источников и портретные изображения с данными о тагарских черепах.

О европейской, а не ближневосточной, локализации первичного очага миграций европеоидов на восток в бронзовом веке свидетельствуют и результаты, полученные палеогенетиками (Keyser et al. 2009). Жители восточноевразийских степей бронзового и раннего железного веков в своем большинстве были не только светловолосыми, но и голубоглазыми, о чем свидетельствует ДНК,

экстрагированная из костных образцов. Согласно данным о генах, контролирующих пигментацию, у четырех андроновцев из семи были светлые или смешанные оттенки глаз, а двое из трех остальных жили в бассейне Чулыма, где вероятно монголоидная примесь. Вдобавок у одного из них Y-хромосома относилась к восточноевразийскому типу С. У остальных она принадлежала к типу R1a1a (M17), считающемуся маркером миграций индоевропейцев из Европы по степям на восток (на Ближнем Востоке она редка). К тому же, древняя европеоидная примесь в современных группах Южной Сибири, Казахстана и Центральной Азии, как правило, сопровождается депигментацией.

Та же хромосома R1a1a обнаружена у всех семи мужчин, погребенных в древнейшем могильнике долины Тарима – Сяхэ (Малая Речка, или «Кладбище № 5»)<sup>45</sup> западнее оз. Лобнор. Его калиброванная радиоуглеродная дата – 1980 г. до н. э. (Li et al. 2010). Но мтДНК у большинства захороненных (пяти мужчин и девяти женщин) принадлежала к восточноевразийской гаплогруппе С4, которая у монголоидов Сибири встречается чаще, чем у монголоидов Центральной и Восточной Азии. Лишь у двух женщин встречены западноевразийские (в основном, западноевропейские) гаплогруппы Н и К. Таким образом, отцы всех захороненных мужчин имели европейское происхождение, а матери их и большинства женщин – сибирское. Это самый ранний и неоспоримый пример метисации пришельцев из Европы с аборигенками Сибири. Подобная картина свидетельствует о начальной стадии смешения, когда пришельцы – в основном мужчины – вступают в контакты с местными женщинами. В данном случае это произошло, видимо, еще до переселения в Восточный Туркестан и, подобно языковым параллелям между тохарскими и финно-угорскими языками (Иванов 1992), указывает на северный, а не южный путь заселения Синьцзяна.

Однако мтДНК людей, захороненных на мог-ке Гумугоу (уйгурское его название – Кявригуль), который расположен поблизости от Сяхэ, но отличается от него по культуре, хотя и датирован практически тем же временем (калиброванная дата – 1800 г. до н. э.), имеет чисто европейское происхождение и никаких следов смешения мигрантов из Европы с аборигенками Азии не несет (Cui et al. 2009). Интерпретация этой непростой картины – дело будущего.

Итак, Восточный Туркестан заселялся не из Средней Азии по пути, совпадающему с Великим Шелковым путем позднейших эпох, а с севера, из степей. Первичный очаг миграции, вне всякого сомнения, находился в Европе.

Вторичный очаг локализовать сложнее. Для решения этой задачи наиболее информативными оказались данные краниологии. Черепа из Гумугоу были изучены Хань Кансином по принятой в российской антропологии программе (Нап 1986).<sup>46</sup> Северные (степные) связи данной группы, отмеченные им на уровне типологических определений, были подтверждены статистическими исследованиями других китайских антропологов (He et al. 2003). Материал этот хорошо известен российским специалистам (Алексеев 1992; Чуев, Китов 2007; Солодовников 2010).

Анализ большого массива данных с территории Евразии показал, что группа из Гумугоу не обнаруживает близких афанасьевских параллелей и ближе всего к двум группам из андроновских (фёдоровских) могильников в Восточном Казахстане и на Рудном Алтае (Козинцев 2009).<sup>47</sup> Смежность этих территорий с Синьцзяном убеждает в неслучайности сходства и доказывает, что Восточный Туркестан заселялся через Джунгарские ворота или по долине Иртыша. То, что восточные

---

<sup>45</sup> Ф. Бергман, впервые раскопавший могильник в 1934 г., назвал его «Могильник Эрдека» по имени проводника-уйгура.

<sup>46</sup> Серия из Сяхэ, насколько мне известно, пока не опубликована. В 2008 г. в 700 км к З от Сяхэ был обнаружен мог-ке Бэйфан («Северный»), в культурном отношении очень близкий, но возможно, несколько более ранний. Сведения о других памятниках эпохи ранней бронзы см.: Baumer 2011.

<sup>47</sup> Вывод Б. Хемпхилла о сходстве серии из Гумугоу с группой из Хараппы (Hemphill, Mallory 2004) противоречит очевидности и объясняется очень малым числом привлеченных им групп и признаков, небрежным обращением с данными (приведенные в указанной статье измерения не совпадают с цифрами Хань Кансиня), а, возможно, также идеологическими причинами (В. Майр, личное сообщение).

андроновские могильники значительно позже, чем Гумугоу, не может служить решающим аргументом против такого предположения, т. к. ближайшие краниологические параллели двум восточно-андроновским сериям обнаруживаются в материалах степных культур Восточной Европы и Северного Казахстана III и начала II тыс. до н. э. – ямной, катакомбной, полтавкинской, потаповской, петровской и др. Не исключено, впрочем, что имела место обратная миграция – из Восточного Туркестана на север. Если это предположение верно, то вторичный очаг миграции ранних европейцев в Китай установить не удастся.

Н. А. Дубова (2008) обнаружила для серии из Гумугоу еще более близкую аналогию, однако еще более позднюю – группу конца бронзового века (XII–XI вв. до н. э.) из Дашти-Казы в долине Зеравшана (Ходжайов 2004). К. Н. Солодовников (2010) усмотрел в этом подтверждение гипотезы о том, что протохочары занимали обширные территории Средней Азии. Но люди из Дашти-Казы не были аборигенами данного региона. Об этом свидетельствует и их пришлая культура, относящаяся к кругу культур степной бронзы, и их физический тип, почти не находящий аналогий в Средней Азии,<sup>48</sup> зато сходный с типом жителей степей и лесостепей, в частности, фёдоровцев Рудного Алтая, алакульцев Южного Урала и синташтинцев Зауралья. Возможно, между группами из Гумугоу и Дашти-Казы существовала прямая связь, вызванная миграцией из Восточного Туркестана в Среднюю Азию либо северным путем через Семиречье (позже, как известно, такой путь проделали юечжи, спасаясь от сюнну), либо по южному маршруту, совпадающему с Великим Шелковым путем. Так или иначе, для понимания генезиса раннего населения бассейна Тарима группа из Дашти-Казы не дает ничего.

К сожалению, у нас пока нет антропологического материала, относящегося к еще одной культуре Синьцзяна эпохи ранней бронзы – чемурчекской (кэрмуци). Археологические факты указывают на то, что ее появление в Джунгарии и в предгорьях Алтая могло быть вызвано прямой миграцией из Западной Европы (Ковалёв 2011). Действительно, мтДНК из костей мужчины и женщины, захороненных в чемурчекском кургане Айна-Булак в Восточном Казахстане, принадлежала к западноевразийским гаплогруппам Н и Т (Куликов 2004).

К чемурчекской культуре близка елунинская культура Верхней Оби. МтДНК трех младенцев с елунинского поселения Березовая Лука относилась к восточноевразийским вариантам, в частности, к гаплогруппе А (Там же). Женские черепа елунинцев также обнаруживают некоторый восточный сдвиг, тогда как мужские отчетливо европеоидны (Солодовников, Тур 2003). Та же закономерность проявляется по данным о черепках из погребений окуневского типа («чаахольских») на могильнике Аймырлыг в Туве (Там же). Она же выявлена и по результатам генетического анализа материалов из Сяхохэ (см. выше). Все это, по-видимому, свидетельствует о том, что процесс метисации находился в сравнительно ранней стадии.

По моим данным, мужские елунинские черепа ближе всего к алакульским из Южного Приуралья, на втором месте – параллель с «окуневской» (чаахольской) группой из Тувы, что подтверждается археологическими материалами. Чаахольцы же Аймырлыга близки не только к южноуральским алакульцам, но и к некоторым группам III тыс. до н. э., в частности к ямной – с р. Ингулец и раннекатакомбной – с р. Молочной. Роль последних двух групп как возможных свидетельств продвижения ариев из Европы на восток уже обсуждалась мною (Козинцев 2009). Если привлечь зарубежные серии, изученные, правда, по неполной программе, то елунинцы, чаахольцы, синташтинцы, носители петровской культуры и западные алакульцы обнаруживают множество параллелей среди групп эпох неолита и ранней бронзы Центральной и Западной Европы, в частности, ФРГ, Франции, Дании и Польши, но никаких – на Ближнем Востоке, в Закавказье или Средней Азии.<sup>49</sup>

<sup>48</sup> Единственное исключение – группа эпохи ранней бронзы из Пархья II в Южном Туркменистане (Громов 2004), также изолированная на среднеазиатском фоне и обнаруживающая степное тяготение.

<sup>49</sup> На западное происхождение большинства восточноевропейских групп эпохи бронзы справедливо указывал А. В. Шевченко (1984).

То, что группа из Гумугоу не находит близких аналогий нигде, кроме смежных с Синьцзяном районов (если не считать Дашти-Казы), может объясняться ее малочисленностью и сравнительной изолированностью. В этом можно было бы усмотреть параллель с ранним обособлением тохарского языка от прочих индоевропейских. Но если люди из Гумугоу были предками тохаров, то их физический тип не дает подтверждения ни одной из существующих гипотез о происхождении этого народа – ни афанасьевской (Семёнов 1993), ни карасукской (Клейн 2000), ни загорской (Ковалёв 2004). Правда, обе восточно-андроновские группы, сравнительно близкие к Гумугоу, обнаруживают некоторое тяготение к алтайским афанасьевцам, но не большее, чем к степным и лесостепным группам Восточной Европы эпохи бронзы.

Могут ли восточно-андроновские параллели физическому типу людей из Гумугоу служить аргументом в пользу их ираноязычности или хотя бы в пользу того, что их язык относился к арийской ветви? Едва ли, поскольку культура Гумугоу похожа на андроновскую еще меньше, чем на афанасьевскую. Возможно, некоторые группы ранних мигрантов из Европы ушли в Синьцзян, тогда как другие осели в Восточном Казахстане и предгорьях Алтая и были, затем, ассимилированы мигрантами следующей волны – восточными андроновцами.

Что же касается елунинцев и особенно «окуневцев» Тувы (чаахольцев), то косвенным указанием на иранскую или, во всяком случае, индоиранскую принадлежность их языка может служить их антропологическая близость к степным скифам, язык которых, согласно преобладающему мнению, относился к восточноиранской группе (Кулланда 2011). Если в случае елунинцев, которые были очень похожи на алакульцев Южного Урала, почти наверняка говоривших на одном из арийских языков, речь идет лишь об одной антропологической скифской параллели (с группой из Верхне-Тарасовки), то в случае окуневцев Аймырлыга – о тесном сходстве со степными скифами в целом. На мой взгляд, это исключает предположение о случайности такого сходства (Козинцев 2007). Носители срубной культуры, судя по всему, тоже были иранцами (Кузьмина 2008: 200), но их физический тип был дальше от степного скифского. Поэтому, если центральноазиатская гипотеза происхождения скифов верна, то ираноязычными они могли стать не благодаря местному происхождению от «срубников», а вследствие того, что их предками были люди, подобные «окуневцам» (чаахольцам) Тувы, елунинцам, а, судя по археологическим данным, также и чемурукцам (Ковалёв 2007).

Алексеев 1992 – *Алексеев В. П.* Антропологический очерк населения древнего и раннесредневекового Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и средневековье. Этнос. Языки. Религии. М., 1992. С. 389–394.

Громов 2004 – *Громов А. В.* Древнее население долины р. Сумбар (Юго-Западный Туркменистан // Палеоантропология. Этническая антропология. Этногенез: К 75-летию Ильи Иосифовича Гохмана. СПб, 2004. С. 8–20.

Дебец 1931 – *Дебец Г. Ф.* Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии // Сов. Азия. 1931. № 5/6. С. 195–209.

Дубова 2008 – *Дубова Н. А.* Особенности внешнего облика жителей страны Маргуш // Туркменская земля – колыбель древних культур и цивилизаций: Мат-лы междунар. науч. конф. Ашхабад, 2008. С. 85–94.

Иванов 1992 – *Иванов Вяч. Вс.* Тохары // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии. М., 1992. С. 6–31.

Клейн 2000 – *Клейн Л. С.* Миграция тохаров в свете археологии // STRATUMplus. 2000. № 2. С. 178–187.

Ковалёв 2004 – *Ковалёв А. А.* Древнейшая миграция из Загроса в Китай и проблема прародины тохаров // Археолог: Детектив и мыслитель: Сб. статей, посвящ. 77-летию Л. С. Клейна. СПб, 2004. С. 249–292.

Ковалёв 2007 – *Ковалёв А. А.* Скифы-иранцы из Джунгарии и чемурукская культура // *Клейн Л. С.* Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб, 2007. URL: [http://bulgari-istoria-2010.com/booksRu/Klein\\_Dr\\_migr\\_IEN.pdf](http://bulgari-istoria-2010.com/booksRu/Klein_Dr_migr_IEN.pdf)

Ковалёв 2011 – *Ковалёв А. А.* Великая чемурукская миграция из Франции на Алтай в начале третьего тысячелетия до н. э. // Российский археологический ежегодник. 2011. Т. 1. С. 183–244.

- Козинцев 2007 – *Козинцев А. Г.* Скифы Северного Причерноморья: Межгрупповые различия, внешние связи, происхождение // АЭАЕ. 2007. № 4 (32). С. 143–157.
- Козинцев 2009 – *Козинцев А. Г.* О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // АЭАЕ. 2009. № 4 (40). С. 125–136.
- Кузьмина 2008 – *Кузьмина Е. Е.* Арии – путь на юг. М., 2008.
- Кузьмина 2010 – *Кузьмина Е. Е.* Предыстория Великого шелкового пути. М., 2010.
- Куликов 2004 – *Куликов Е. Е.* Молекулярная характеристика древней ДНК человека и животных из коллекционного материала и археологических находок: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2004.
- Кулланда 2011 – *Кулланда С. В.* Скифы: язык и этнос // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2 (63). С. 9–46.
- Молодин, Алкин, 1997 – *Молодин В. И., Алкин С. В.* Могильник Гумугоу (Синьцзян) в контексте афанасьевской проблемы // Гуманитарные исследования: Итоги последних лет. Новосибирск, 1997. С. 35–38.
- Семёнов 1993 – *Семёнов В. А.* Древнейшая миграция индоевропейцев на восток // ПАВ. 1993. № 4. С. 25–30.
- Солодовников 2010 – *Солодовников К. Н.* Еще раз о морфологической характеристике населения эпохи бронзы Восточного Туркестана (могильник Гумугоу, Синьцзян) // ВА. 2010. № 18. С. 109–112.
- Солодовников, Тур 2003 – *Солодовников К. Н., Тур С. С.* Краниологические материалы эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // *Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Тишкин А. А.* Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Барнаул, 2003. С. 142–176.
- Ходжайов 2004 – *Ходжайов Т. К.* Новые антропологические материалы эпох неолита и бронзы среднего и верхнего Зарафшана // ВА. 2004. № 11. С. 87–101.
- Чуев, Китов 2007 – *Чуев Н. И., Китов Е. П.* Археолого-антропологическое изучение древнего населения Синьцзяна эпохи бронзы по материалам могильников в районе озера Лобнор // ВА. 2007. № 15, ч. 2. С. 284–291.
- Шевченко 1984 – *Шевченко А. В.* Палеоантропологические данные к проблеме происхождения индоевропейцев // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 1. М., 1984. С. 118–120.
- Baumer 2011 – *Baumer C.* The Ayala Mazar – Xiaohu Culture: New discoveries in the Taklamakan Desert, China // Asian Affairs. 2011. Vol. 42, no 1. P. 49–69.
- Cui et al. 2009 – *Cui Y. Q., Gao S. Z., Xie C. Z. et al.* Analysis of the matrilineal genetic structure of population in the Early Iron Age from Tarim Basin, Xinjiang, China // Chinese Science Bulletin. 2009. Vol. 54, № 21. P. 3916–3923. URL: <http://www.springerlink.com/content/1mk6120014352864/>
- Han 1986 – *Han K. X.* Anthropological characteristics of the human skulls from the ancient cemetery at Gumu Gou, Xinjiang // Каогу сюэбао (AAS). 1986. № 3. P. 361–384 (на кит. яз., англ. резюме).
- He et al. 2003 – *He H. Q., Jin J. Z., Xu C. et al.* Study on mtDNA polymorphism of ancient human bones from Hani of Xinjiang, China, 3200 BP // Жэньлейсюэ сюэбао (AAS). 2003. Vol. 24, № 3. P. 329–337 (на кит. яз., англ. резюме).
- Hemphill, Mallory 2004 – *Hemphill B. E., Mallory J. P.* Horse-mounted invaders from the Russo-Kazakh steppe or agricultural colonists from Western Central Asia? A craniometric investigation of the Bronze Age settlement of Xinjiang // AJPA. 2004. Vol. 124, no 3. P. 199–222.
- Keyser et al. 2009 – *Keyser C., Boukaze C., Crubezy E. et al.* Ancient DNA provides new insights into the history of South Siberian kurgan people // Human Genetics. 2009. Vol. 126, № 3. P. 395–410.
- Li et al. 2010 – *Li C. X., Li H. J., Cui Y. Q. et al.* Evidence that a West–East admixed population lived in the Tarim Basin as early as the Early Bronze Age // BioMed Central, Biology. 2010. No 8–15. P. 1–12. URL: <http://www.biomedcentral.com/1741-7007/8/15>
- Mair 2005 – *Mair V.* Genes, geography, and glottochronology: The Tarim Basin during late prehistory and history // Proceedings of the 16<sup>th</sup> Annual UCLA Indo-European Conference. Washington, 2005. P. 1–46 (JIES Monograph Series. No 50).
- Mallory, Mair 2000 – *Mallory J. P., Mair V.* The Tarim Mummies. London, 2000.

## СЕКЦИЯ IV. ДРЕВНЕЕ ИСКУССТВО СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

*Е. Е. Кузьмина (Москва, Россия)*

### **Образ Митры в искусстве степей Евразии, Индии и Ирана во II–начале I тыс. до н. э. и лингвистические данные**

Доклад представляет собой развитие подхода к интерпретации искусства ираноязычных народов степной Евразии I тыс. до н. э. М. И. Ростовцев предложил этот подход в 1918 г. Впервые его использовал Б. А. Литвинский (1968), а затем и другие ученые (Акишев 1978; Бонгард-Левин, Грантовский 1974; 1983; 2001; Кузьмина 1972; 1976а; 1976б; 1977; 2002; Мозолевский 1979; Раевский 1977; 1985; 2006; Dumezil 1978). Теперь он получил широкое применение (Дашковский 2011).

Поскольку обязательным требованием изучения семантики искусства является установление этнической принадлежности его творцов, то занятие этой темой стало возможно только сейчас, потому что, несмотря на распространенную точку зрения о срубно-андроновской атрибуции индо-иранцев (далее и-и) (Березанская 1982; Грантовский 1970; 1998; Дьяконов 1961; Кузьмина 1984; 1988; 1994; 2008; Погребова 1977; Смирнов, Кузьмина 1977; ЭПИЦАД 1981; Anthony 2007; Gening 1979; Kuzmina 2007; Malloy 1989), лишь в последнее время окончательно оспорены гипотезы о локализации прародины и-и – переднеазиатской (Т. В. Гамкрилидзе, Вяч. Вс. Иванов), бактрийской (В. И. Сарианиди), «катакомбной» (Л. С. Клейн) (библиографию см.: Кузьмина 2010). Это дает возможность предложить гипотезу о сложении и развитии образа древнейшего персонажа и-и мифологии бога Митры (Kuzmina 2011; 2012). Слово Митра восходит к индо-европейскому (далее и-е) корню «ми» «мерить» и обычно рассматривается как доказательство и-е происхождения этого божества (Топоров 1988).

Основой реконструкции этапов формирования человеческого интеллекта и художественной деятельности является изучение развития человеческого мозга (Иванов 1978; Леонтьев 1975; Маркарян 1973; современные работы Института изучения головного мозга, основанного П. Алленом в г. Сياتл, США). Другим источником являются труды по развитию детского творчества (Выготский 1926; Кон 1989; Шацкий 1962).

В настоящее время установлено, что распространение мифов соответствует ностратической гипотезе о расселении древних групп людей на Земле (Берёзкин 2007). По заключению мифологов, древнейшими являются космогонические креативные мифы о происхождении вселенной и человека. Причем самыми ранними из них являются солярные, в которых повествуется о том, как из хаоса и мрака мирового океана и зародыша или расколовшегося яйца появляется на небе солнце, а на земле – вода (чаще – Мировой океан). Эта солярно-мифологическая концепция мифа была создана М. Мюллером, основывавшимся на успехах сравнительно-исторического и-е языкознания и интуитивно-символического восприятия мира на мифологической стадии мышления, что доказано Э. Кассирером и развито в классических трудах русских ученых (Иванов 1988; Иванов, Топоров 1974; Мелетинский 1976; Топоров 1967; 2009; 2010а). Этот этап развития интеллекта назван В. Н. Топоровым эпохой «мирового дерева» (1973; 2010б; 2010в).

Культ солнца восходит к эпохе до распада и-е общности (конец IV–начало III тыс. до н. э.), а, по мнению многих ученых, – и ко времени более ранних и-е обществ (V–начало IV тыс. до н. э.) (Иванов 1985; 1988). Солнце у и-е является творцом вселенной, соотносенным с почитанием царя и человеческим коллективом. Оно дарит скот, сыновей и здоровье.

Астральные мифы противопоставляют коня, олицетворяющего солнце, чет и добро, быку, символизирующему воду, нечет и зло. В более позднее время бык становится второстепенным божеством, связанным с гаданием и магическими обрядами. Мифы, связанные с ним и его ритуальным убийством являются общими и-е (Иванов 1979; 1987; 2003).

В и-и мифологии есть три космогонических мифа. Согласно одному из них все сущее происходит из тела первочеловека Пуруши, в соответствии с другим – из тела первородного быка, в соответствии с третьим (наиболее популярным) – из яйца, которое делится на две половины: верх – солнце – Митра, низ – вода (океан) – Варуна (о двух последних см.: Бойс 1994; Воусе 1979). Эти данные позволяют обратиться к анализу главного солярного бога и-и Митры (Топоров 1988), культ которого просуществовал от конца III до первой половины I тыс. до н. э. Пять групп источников дают основания реконструировать некоторые особенности культа Митры в степях Евразии.

Теофорные имена и свидетельства культа коня и колесницы первой волны ариев в Передней Азии и Митании, относящиеся к XIV в. до н. э. и, вероятно, восходящие даже к XVI–XV вв. до н. э. Их аналогии в Ригведе, записанные на северо-западе Индии после прихода туда ариев около XIII–XII вв. до н. э. или даже ранее. Часть текстов Авесты, относящихся ко времени до проповеди пророка Заратуштры, которые дают возможность реконструировать культ Митры на степной прародине.

Группа иранцев (сако-скифы) степной зоны Евразии от Дуная до Алтая и большей части Средней Азии, которые поклоняются божеству Гойтосиру, отождествленному Геродотом (Herod. IV, 59) с Апполоном. Этимология имени упомянутого иранского бога, вопреки Д. С. Раевскому (1992: 44), хорошо известно иранистам. Гаети Сура («Владыка пастбищ») является эпитетом Митры.

Этот культ был заимствован у ариев их северными соседями финно-уграми Урала, в материальной и духовной культуре которых археологически прослеживается влияние срубных и андроновских племен. Эпитет Митры – «мир созерцающий человек» – стал именем бога Мир-Сусне-Хума, «сына золотого света на сияющем белом коне или колеснице» (Кузьмина 1994; Мошинская 1976; Напольских 1997; 2010; Топоров 1966; ECUIE 2001).

Древнейшее письменное свидетельство культа Митры сохранилось у индо-ариев, которые первыми мигрировали с прародины на Ближний Восток, в государство Митанни, куда они привели коней и колесницы. Договор митаннийского царя Шаттивазы с хеттами (середина II тыс. до н. э.) скреплен клятвой богами Митра, Варуна, Индра и близнецами Насатья (Dumezil 1977; Herzfeld 1968; Maughofer 1966; 1974; 1996; Thieme 1960; Zaccagnini 1977).

В Ригведе<sup>50</sup> Митре, одному из семи Адитьев, сыновей матери богов Адити, посвящен гимн, в котором он предстает, прежде всего, как бог, благосклонный к людям (мандала III, 59). Многократны также его упоминания (вместе с Варуной) и в других мандалах: V, 69–72; VI, 67; VII, 60–66.

В гимне, посвященном Митре, говорится: 1. «Митра, (другом) называемый, объединяет людей, Митра, удерживает небо и землю, Митра, не смыкая очей, озирает народы». 2. «Неистребим и не победим поддерживаемый тобою, не настигает его беда ни вблизи, ни издалека». 3. «Без болезней, радующиеся жертвенному подкреплению <...> Да будем мы в милости у Митры!». 4. «Этот Митра, достойный поклонения, очень благосклонный, родился царем с доброй властью, устройте-лем обряда». 5. «Он приводит в порядок людей, благосклонен к певцу». 6. «Помощь бога Митры, поддерживающего людей, приносит добычу. Блеск его окружен самой яркой славой». 7. «Митре, чья сила в помощи, покорились пять народов. Он несет всех богов» (мандала III, 59).

Культ Митры в текстах Ригведы часто сливается с культом Варуны (мандала I, 136; 137), причем оба бога гарантируют победу коню на скачках (мандала I, 151). В мандале V о Митре-Варуне говорится: «Все потоки с пастбища Вы делаете набухшими. Умножайте растения, делайте коров, набухшими от молока, изливайте дождь о пастухи мира» (62); «Мы просим Вас о дожде, как о даре <...> с пестрыми тучами вы приближаетесь к грому <...> вы заставляете небо излиться дождем», «окропите нас молоком неба», «солнце Вы помещаете на небо как яркую колесницу» (63); «создайте для нас широкий (путь) к захвату добычи, к богатству, к благополучию» (64). В мандале VII повествуется: «Митра, самый любимый среди мужей», «Окропите наше пастбище жиром! <...> О Митра-Варуна», «дождь ниспослите нам с неба и поведите самыми прямыми путями» (62); «сделайте наши земли полными питательной силы», «окропите пастбище потоками

---

<sup>50</sup> Здесь и далее Ригведа цитируется по следующим изданиям: Елизаренкова 1995; Ригведа 1972; 1989; 1995; 1999.

жира <...> наполните нас вождеденной, небесной водой» (65); «на восходе солнца я воспеваю вас двоих <...> для силы, защищающей от волка» (66). В мандале VIII сказано: «Митра-Варуна, как два коня колесницы <...> пусть придут к нам ваши потоки дождя, сопровождаемые тучами» (25); «мы соблюдаем старые привычные заветы Митры, наделенного высшей властью» (27).

В иранской Авесте<sup>51</sup> содержатся те же призывы: «Помолимся Митре, луга чьи просторны» (яшт VI, 5). В гимне, посвященном Митре (Михр-Яшт X), говорится: «Коней даст быстрых Митра, чьи пастбища просторны» (3); «дарящего блаженство, покой Арийским странам» (4); «пусть нам придет на помощь, придет ради простора» (5); «Молюсь я Митре мощному, сильнейшему в творениях» (6); «Мы почитаем Митру, чьи пастбища просторны <...> чьих мириад очей» (7); «Взывают к Митре ратники <...>, прося себе здоровья, коням в упряжку силу» (11); «Он правит колесницей с высокими колесами» (67); «Прокладывает путь и скакуны небесные сверкающие, светлые, сияющие, белые» (68).

В яште XVII, вновь говорится о «мириаде очей, Могущего, Всеведущего, обману неподвластного» Митры (69), у которого «кони добры, Прекрасна колесница» (76) и к которому обращаются за поддержкой «Приди же к нам на помощь <...>, чтоб под твоей защитой надолго населили мы Обитель благодатную» (77).

Эпитеты Митры и адресованные к нему просьбы позволяют установить, что гимны, относящиеся ко II тыс. до н. э., характеризуют арийцев как скотоводов, разводящих коров, и, главное, коней, которых запрягали в колесницы. Свою родину они называли Арианами Вайджах – «широкий арийский простор», который локализуется в евразийских степях, где в V–IV тыс. до н. э. впервые появились антропоморфные изображения (Telegin, Mallory 1994; Vassilkov 2011) и были широко распространены кони (Цалкин 1970). Позднее в степной зоне впервые зафиксированы ритуальные захоронения лошадей (культ коня) и их изображения (Васильев 1981; Кузьмина 1994), а в XXI–XVIII вв. до н. э. в азиатских степях появляются древнейшие в Старом Свете колесницы (Генинг 1977; Gening 1979, Смирнов, Кузьмина 1977).

Во II тыс. до н. э. обширные пастбища арийцев располагались в зоне их расселения от Волги (ее название Ранха есть в Михр Яште XXV, 104) до Алтая и Урала (Рипа) и позже – в Средней Азии, о чем свидетельствует Авеста, описывающая, как Митра с горы озирает Мерв в Хорайве, Гавуву в Согдиане и Хорезм (Михр Яшт, III, 14). Арийцы называли Митру «владыкой обширных пастбищ» (Benveniste 1960).

Итак, Митра, культ которого несомненно возник в обще и-и эпоху, изначально связан с поклонением солнцу. Как же изображали божество? Была высказана гипотеза о том, что петроглиф из святилища Тамгалы, представляющий собой стоящее на спине быка существо с лучами на голове, является изображением арийского бога солнца, убивающего первородного быка, из тела которого произошло все сущее (Кузьмина 1986). Это святилище надежно датируется андроновским временем (Рогожинский 2011),

Аналогичные изображения бога с лучами известны на петроглифах северо-западного Индостана (Тхор, Гогдара, Мирзапур Пахар) (Косамби 1968; Jettmar 1985; Kosambi 1976; Olivieri 1998) в одних композициях с быками, баранами, а также двухгорбыми верблюдами (неизвестными в Индии до арийской миграции), а, главное, с конными колесницами (Brooks, Wakankar 1976). Особенно выразительно изображение из Чибарналла: солнцеголовый персонаж стреляет из лука во врага (Новожёнов 2012). Солнцеголовые персонажи северо-западной Индии (Бхимбатка, Навдатоли) аналогичны изображениям в Тамгалы и Саймалы-Таш (Кузьмина 1986: рис. 36), а колесницы со стоящим возницей (Тхор, Чиббарнала, Дхарампури, Леча-Гата) (Jettmar 1980; Brooks, Wakankar 1976; Bhatnager et al. 1977/1978; Olivieri, Vidale 2004), отнесенные В. А. Новожёновым (2012) к варианту 5:2, «особенно близки к рисункам Тянь-Шаня, Чу-Или, а также к Акджилча и Текке-Таш, отражая путь ариев из степей на юг (Кузьмина 2008: рис. 44).

---

<sup>51</sup> Здесь и далее Авеста цитируется по изданиям: Авеста 1990; 1998.

В Иране Митра изначально – бог солнца и неба, дружелюбный людям. Эпитеты Митры «тысячеглазый», с одним глазом – солнцем (в гимне 7 раз), «озирающим землю», «владыка обширных пастбищ» (53 раза), пастух. Он – бог чести, «которому не лгут» (34 раза), он доброжелателен к людям, и они называют его другом и просят послать им коней, «коров полных молоком», колесницы, сыновей, оросить пастбища и дать победу над врагами.

О значении Митры свидетельствует и то, что в иранском календаре, созданном еще в древнеарийский период, ему посвящены шестнадцатый день и седьмой месяц (сентябрь-октябрь) двенадцатимесячного солярного года (30 дней x 12 месяцев + 5 дней). Зороастрийский календарь можно рассматривать и как развитие и-и наследия, поскольку сходные представления есть и в древнеиндийских ведах. В древнеперсидском календаре был месяц поклонения богу Митре (бога Ядиш) (Лившиц 1975). Второй важнейшей после Науруза праздник Митраган сохранялся в Иране еще в XX в., а в Средней Азии отмечается и сейчас.

В поздней части Авесты (Гаты) имя Митры отсутствует (Hertel 1927). Но Ахеменидские цари продолжали ему поклоняться (Дандамаев 1963; Дандамаев, Луконин 1980). В парфянском языке солнце называется «митра». О популярности бога свидетельствуют надписи с его именем (Лившиц 2008), которое также встречено и на петроглифах северо-западной Индии (Sims-Williams 1992). В народе культ Митра был так популярен, что упоминание о нем было возвращено в Младшую Авесту. В кушанскую эпоху культ Митры отражен в нумизматике (Зеймаль 1983: 190, 194, 207, 209).

Об устойчивости поклонения божеству в Иране свидетельствует монумент в Таге-Бустане, который изображает убивающего быка Митру с лучами (это композиция характерна для скифского бога Аполлона-Гойтосира-Митры). В античную эпоху культ Митры стал невероятно популярен в Римской империи. В посвященных ему храмах, митрейонах, доминировало изображение Митры в иранском костюме (брюки и колпак) или с лучами на голове, который убивал быка (Cumont 1896–1899; Vermaseren 1965; Lommel 1949; Campbell 1954; Кюмон 2000). Поздний митроизм, одна из самых светлых религий древности, оказал большое влияние на раннее христианство.

Авеста 1990 – Авеста. Избранные гимны / пер. И. В. Стеблин-Каменского. Душанбе, 1990.

Авеста 1998 – Авеста в русских переводах (1861–1996) / Сост., общ. ред. примеч. и справ. раздел И. В. Рака. СПб, 1998.

Акишев 1978 – Акишев К. А. Курган Иссык: Искусство саков Казахстана. М., 1978.

Березанская 1982 – Березанская С. С. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев, 1982.

Берёзкин 2007 – Берёзкин Ю. Е. Мифы заселяют Америку: Ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет. М., 2007.

Бойс 1994 – Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. СПб, 1994

Бонгард-Левин, Грантовский 1974 – Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Загадки истории древних ариев. М., 1974.

Бонгард-Левин, Грантовский 1983; 2001 – Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. 2-е изд. М., 1983; 3-е изд. М., 2001.

Васильев 1981 – Васильев И. Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981.

Выготский 1926 – Выготский Л. С. Педагогическая психология. М., 1926.

Генинг 1977 – Генинг В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. 1977. № 4. С. 53–73.

Грантовский 1970 – Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.

Грантовский 1998 – Грантовский Э. А. Иран и иранцы до Ахеменидов. М., 1998.

Дандамаев 1963 – Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н. э.). М., 1963.

Дандамаев, Луконин 1980 – Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.

Дашковский 2011 – Дашковский П. К. Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2011.

- Дьяконов 1961 – *Дьяконов М. М.* Очерк истории Древнего Ирана. М., 1961.
- Елизаренкова 1995 – *Елизаренкова Т. Я.* Мир идей ариев Ригvedы // Ригveda. Мандалы V–VIII / пер. Т. Я. Елизаренковой М., 1995. С. 452–486.
- Зеймаль 1983 – *Зеймаль Е. В.* Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.
- Иванов 1978 – *Иванов Вяч. Вс.* Чет и нечет. М., 1978.
- Иванов 1979 – *Иванов Вяч. Вс.* Эстетическое наследие древней и средневековой Индии // Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1979. С. 6–36.
- Иванов 1985 – *Иванов Вяч. Вс.* Античное переосмысление архаических мифов // Жизнь мифа в античности: Мат-лы науч. конф «Випперовские чтения 1985». М., 1985. Вып. XVIII, ч. 1. С. 9–26.
- Иванов 1987 – *Иванов Вяч. Вс.* Бык // МНМЭ. 1987. Т. 1. С. 203.
- Иванов 1988 – *Иванов Вяч. Вс.* Соляные мифы // МНМЭ. 1988. Т. 2. С. 461–462.
- Иванов 2003 – *Иванов Вяч. Вс.* Евразийские эпические мифологические мотивы // Евразийское пространство: Звук, слово, образ (язык, семиотика, культура). М., 2003. С. 13–54.
- Иванов, Топоров 1974 – *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Кон 1989 – *Кон И. С.* Психология ранней юности. М., 1989.
- Косамби 1968 – *Косамби Д. Д.* Культура и цивилизация древней Индии. М., 1968.
- Кузьмина 1972 – *Кузьмина Е. Е.* О синкретизме образов скифского искусства в связи с особенностями религиозных представлений иранцев // Скифско-сибирский звериный стиль: ТД III Всесоюз. конф. М., 1972. С. 51–52.
- Кузьмина 1976а – *Кузьмина Е. Е.* О семантике изображений на чертомлыцкой вазе // СА. 1976. № 3. С. 68–75.
- Кузьмина 1976б – *Кузьмина Е. Е.* Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифско-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 52–65.
- Кузьмина 1977 – *Кузьмина Е. Е.* В стране Кавата и Афрасиаба. М., 1977.
- Кузьмина 1984 – *Кузьмина Е. Е.* Лингвистический и археологический аспекты проблемы происхождения и расселения индоиранских народов // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1984. С. 44–47.
- Кузьмина 1986 – *Кузьмина Е. Е.* Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.
- Кузьмина 1988 – *Кузьмина Е. Е.* Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии // ВДИ. 1988. № 2. С. 35–59.
- Кузьмина 1994 – *Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли индо-арии? М., 1994.
- Кузьмина 2002 – *Кузьмина Е. Е.* Мифология и искусство скифов и бактрийцев (культурологические очерки). М., 2002.
- Кузьмина 2008 – *Кузьмина Е. Е.* Арии – путь на юг. М., 2008.
- Кузьмина 2010 – *Кузьмина Е. Е.* Предыстория Великого Шелкового пути: Диалог культур. Европа–Азия. М., 2010.
- Кюмон 2000 – *Кюмон Ф.* Мистерии Митры. СПб, 2000.
- Леонтьев 1975 – *Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
- Лившиц 1975 – *Лившиц В. А.* Зороастрийский календарь // *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. М., 1975. С. 320–332.
- Лившиц 2008 – *Лившиц В. А.* Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб, 2008.
- Литвинский 1968 – *Литвинский Б. А.* Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). Душанбе, 1968.
- Маркарян 1973 – *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1973.
- Мелетинский 1976 – *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 1976.
- Мозолевский 1979 – *Мозолевский Б. М.* Товста могила. Київ, 1979.
- Мошинская 1976 – *Мошинская В. И.* Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976.
- Напольских 1997 – *Напольских В. В.* Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997.

- Напольских 2010 – *Напольских В. В.* Урало-арийские взаимоотношения: история исследований, новые решения и проблемы // *Индоевропейская история в свете новых исследований* (Сб. тр. конф. памяти профессора В. А. Сафронова). М., 2010. С. 229–242.
- Новожёнов 2012 – *Новожёнов В. А.* Чудо коммуникаций и древнейший колесный транспорт Евразии. М., 2012.
- Погребова 1977 – *Погребова М. Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.
- Раевский 1977 – *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
- Раевский 1985 – *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. М., 1985.
- Раевский 1992 – *Раевский Д. С.* Четырёхугольная Скифия (к анализу природы и судеб образа) // *Фольклор и этнографическая действительность*. СПб, 1992. С. 41–47.
- Раевский 2006 – *Раевский Д. С.* Мир скифской культуры. М., 2006.
- Ригведа 1972 – *Ригведа. Избранные гимны* / пер. Т. Я. Елизаренковой. М., 1972.
- Ригведа 1989 – *Ригведа. Мандалы I–IV* / пер. Т. Я. Елизаренковой. М., 1989; 2-е исправ. изд. М., 1989.
- Ригведа 1995 – *Ригведа. Мандалы V–VIII* / пер. Т. Я. Елизаренковой. М., 1995; 2-е исправ. изд. М., 1995.
- Ригведа 1999 – *Ригведа. Мандалы IX–X* / пер. Т. Я. Елизаренковой. М., 1999.
- Рогожинский 2011 – *Рогожинский А. Е.* Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алма-Аты, 2011.
- Смирнов, Кузьмина 1977 – *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индо–иранцев в свете новейших археологических данных. М., 1977.
- Топоров 1966 – *Топоров В. Н.* Еще раз о природе ведийского Митры в связи с проблемой реконструкции некоторых индоиранских представлений // *ТД во второй летней школе по вторичным моделирующим системам*. Тарту, 1966. С. 50–52.
- Топоров 1967 – *Топоров В. Н.* К реконструкции мифа о мировом яйце (по материалам русских сказок) // *УЗ ТартГУ*. 1967. Вып. 198. С. 81–99 (ТЗС. Т. III).
- Топоров 1973 – *Топоров В. Н.* О космологических источниках раннеисторических описаний // *УЗ ТартГУ*. 1967. Вып. 308. С. 106–150 (ТЗС. Т. VI).
- Топоров 1988 – *Топоров В. Н.* Митра // *МНМЭ*. 1988. Т. 2. С. 154–157.
- Топоров 2009 – *Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. М., 2009. Т. 3. Индийские и иранские языки. Кн. 1.
- Топоров 2010а – *Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. М., 2010. Т. 3. Индийские и иранские языки. Кн. 2.
- Топоров 2010б – *Топоров В. Н.* Первобытное представление о мире // *Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы*. М., 2010. Т. 1. С. 25–51.
- Топоров 2010в – *Топоров В. Н.* Космологические представления и космогонические мифы // *Там же*. Т. 2. С. 389–404.
- Цалкин 1970 – *Цалкин В. И.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970 (МИА. № 161).
- Шацкий 1962 – *Шацкий С. Т.* Педагогические сочинения. М., 1962. Т. I.
- ЭПИЦАД 1981 – *Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности* (II тыс. до н. э.). М., 1981.
- Anthony 2007 – *Anthony D.* The Horse, the Wheel and Language. How Bronze-Aged Riders from the Eurasian Steppes shaped the Modern World. Princeton; Oxford, 2007.
- Benveniste 1960 – *Benveniste E.* Mithra aux vastes pâturages // *Journal Asiatique*. Т. 248, f. 3. P. 421–429.
- Bhatnagar et al. 1977/78 – *Bhatnagar S., Chodhary A., Pancholi R., Tillner E., Wakankar V., Wanke L.* Indische Felsbilder // *Jahrbuch der Gesellschaft für Vergleichende Felsbildforschung*. Graz, 1977/1978. Bd. 1.
- Boyce 1979 – *Boyce M.* Zoroastrians: Their Religious Beliefs and Practices. London, 1979.
- Brooks, Wakankar 1976 – *Brooks R. R. R., Wakankar V. S.* Stone Age Painting in India. New Haven, 1976.
- Campbell 1968 – *Campbell L. A.* Mithraic iconography and ideology. Leiden, 1968.
- Cumont 1896–1899 – *Cumont F.* Textes et monuments figurés relatifs aux mystères de Mithra. Т. 1–2. Bruxelles, 1896–1899.
- Dumézil 1977 – *Dumézil G.* Les dieux souverains des Indo-Européens. Paris, 1977.
- Dumézil 1978 – *Dumézil G.* Romans de Skythie et d’alentour. Paris, 1978.

- ECUIE 2001 – Early Contacts between Uralic and Indo-European Linguistic and Archaeological Considerations // Carpelan Ch., Parpola A., Koskikallio (eds.). Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki, 2001. Vol. 242.
- Gening 1979 – *Gening V. F.* The cemetery at Sintashta and the early Indo-Iranian peoples // JIES. 1979. Vol. 7, no 1–2. P. 1–29.
- Hertel 1927 – *Hertel J.* Die Sonne und Mithra im Awesta. Leipzig; Haessel, 1927.
- Herzfeld 1968 – *Herzfeld E.* The Persian Empire. Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East. Wiesbaden, 1968.
- Jettmar 1980 – *Jettmar K.* Felsbilder und Inschriften am Karakorum Highway // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. XXIV, no 3–4. S. 185–221.
- Jettmar 1985 – *Jettmar K.* Non-Budhist Traditions in the Petroglyphs of the Indus Valley // SAA 1983. Naples, 1985. Vol. 2. P. 751–778.
- Kosambi 1976 – *Kosambi D. D.* The Culture and Civilisation of Ancient India in Historical Outline. Delhi, 1976.
- Kuzmina 2007 – *Kuzmina E. E.* The Origin of the Indo-Iranians. Leiden; Boston, 2007.
- Kuzmina 2011 – *Kuzmina E. E.* New data on the Development of the Indo-Iranians in the Bronze Age // 7<sup>th</sup> European Conference of Iranian Studies. Cracow. 2011. URL: [www2.filg.uj.edu.pl/ecis7/ecis7\\_abstracts.pdf](http://www2.filg.uj.edu.pl/ecis7/ecis7_abstracts.pdf)
- Kuzmina 2012 – *Kuzmina E. E.* The Cult of the God Mithra in Iran and the Asian Steppes in the Light of the Mythology and the Arts // 20<sup>th</sup> International Congress of Society of SAA. Zahedan, Iran. 2012. URL: [www.seminars.usb.ac.ir/sosaa/en-us/Page1339/](http://www.seminars.usb.ac.ir/sosaa/en-us/Page1339/)
- Lommel 1949 – *Lommel M.* Mithra und das Stieropfer // Paideuma. 1949. No 3. S. 207–218.
- Mallory 1989 – *Mallory J. P.* In Search of the Indo-Europeans Language, Archaeology and Myth. London, 1989.
- Mayrhofer 1966 – *Mayrhofer M.* Die Indo-Arier im alten Vorderasien; mit einer analytischen Bibliographie. Wiesbaden, 1966.
- Mayrhofer 1974 – *Mayrhofer M.* Die Arier im Vorderen Orient – ein Mythos? // Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte 294. Bd. 3, 3. Abhandlung. Wien, 1974.
- Mayrhofer 1996 – *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Heidelberg, 1996. Bd. II.
- Olivieri 1998 – *Olivieri L. M.* The Rock-Carving of Gogdara I (Swat). Documentation and Preliminary Analysis // EW. 1998. Vol. 48, no 1–2. P. 57–91.
- Olivieri, Vidale 2004 – *Olivieri L. M., Vidale M.* Beyond Gogdara I. New Evidence of Rock Carvings and Rock Artefacts from Kandak Valley and Adjacent Areas (Swat, Pakistan) // EW. 2004. Vol. 54, no 1–4. P. 121–180.
- Sims-Williams 1992 – *Sims-Williams N.* Sogdian and other Iranian inscription of the Upper Indus II // Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part II. Inscriptions of the Seleucid and Parthian Periods and of Eastern Iran and Central Asia. London, 1992. Vol. III. Sogdiana.
- Telegin, Mallory 1994 – *Telegin D. Ja., Mallory J. P.* The Anthropomorphic Stelae of the Ukraine: The Early Iconography of Indo-Europeans. Washington, 1994 (JIES. Monograph series. No 11).
- Thieme P. 1960 – *Thieme P.* The “Aryan” Gods of the Mittani Treaties // Journal of the American Oriental Society. 1960. Vol. 80. P. 301–317.
- Vassilikov 2011 – *Vassilikov Ja.* Indian “Hero-Stones” and the Earliest Anthropomorphic Stelae of the Bronze Age // JIES. 2011. Vol. 39, no 1–2. P. 194–229.
- Vermaseren 1965 – *Vermaseren M. J.* Mithras, Geschichte eines Kultes. Stuttgart, 1965.
- Zaccagnini 1977 – *Zaccagnini C.* Pferde und Streitwagen in Nuzi: Bemerkungen zur Technologie // Jahresbericht des Instituts für Vorgeschichte der Universität Frankfurt am Mainz. 1977. S. 21–38.

## Решетчатые конструкции в накаменном искусстве Древней Европы и щитовидные фигуры на оленных камнях Центральной Азии

Термин «накаменное искусство» в данной статье используется для обозначения совокупности изображений, нанесенных в различных техниках: гравировки, рельефа, росписи, на различные каменные поверхности: скальные и др. массивы, плиты гробниц, антропоморфную скульптуру, стелы, каменные блоки и др. Решетчатыми мы называем изображения в виде прямоугольных или подпрямоугольных фигур с заполнением внутри из вертикальных и горизонтальных линий, как по отдельности, так и вместе. Большинство из них относится к IV–III тыс. до н. э. Выборку таких конструкций можно разделить на три группы.

*Первую группу* образуют изображения в виде «гребенки» из частых коротких вертикальных линий, расположенных иногда в несколько рядов. Это «гребенчатые» фигуры на плите гробницы Варбург I, Германия (рис. 1, 1; Günther 1996: 36), на торсе изваяния из Шафштэдт (рис. 1, 2; Müller 1995: fig. 1, 2), на стенах гипогеев Парижского бассейна, Франция (рис. 1, 3; Bailloud 1974: fig. 37) и на сосуде из мегалитического некрополя в Лос Милларес, Испания (рис. 1, 4; Leisner G., Leisner V. 1943: Taf. 20, 1, 6b).

Во *вторую группу* включены изображения, сходные по своей структуре с первой, – это прямоугольники также с вертикальными линиями внутри контура, но здесь они единичны или малочисленны. Такие фигуры известны на торсе женской фигуры в росписи гробницы в кург. 28 у стан. Новосвободная (рис. 1, 5; Резепкин 1987: рис. 1, 1), на фасадной плите дольмена у пос. Лазаревский (рис. 1, 6; Марковин 1978: рис. 114, 4), на торсе женской скульптуры из Монферран (Франция) (рис. 1, 7; Colomer et al. 1975: 119).

*Третью группу* составляют все остальные учтенные изображения. Это конструкции прямоугольной или подпрямоугольной формы с треугольной или овальной верхней частью. В отличие от первой группы в их заполнении преобладают горизонтально расположенные линии, в ряде случаев пересеченные вертикальными. Это «идолы» на стелах из Табуйо дель Монте и Сехос (Испания) (рис. 1, 8–9; Saro, Teira 1992: fig. 3, 5; Bueno Ramirez 1995: fig. 17, 1), гребень из мегалитического некрополя в Лос Милларес (Испания) (рис. 1, 10) (Schuhmacher, Vanerjee 2009), петроглиф из Монт Бего (Франция) (рис. 1, 11; Lumley et al. 1976: 222), пятиугольная фигура на плите гробницы из Леуна-Гёлитцш (Германия) (рис. 1, 13; Häusler 1994: Abb. 19), а также овальные фигуры на стеле из Лангенайхштэдт и на плите гробницы из Хале-Дёлау (Германия) (рис. 1, 15–16; Müller 1995: fig. 2, 1; Behrens 1973: Abb. 92).

Какая общая идея, общий смысл может объединять все эти изображения? Для решения этой задачи я предлагаю привлечь к рассмотрению другие, также решетчатые конструкции, но уже не в гравировках и росписях европейских памятников, а в искусстве Древнего Востока.

В глиптике Месопотамии додинастического периода одним из наиболее распространенных сюжетов становится изображением тростниковых сооружений с парами стоящих перед ними копытных животных (рис. 2, 1–2; Delougaz 1968: fig. 5; 6). Это полуовальная или, реже, подпрямоугольная конструкция, контур которой заполнен вертикальной штриховкой, передающей структуру материала постройки, а горизонтальными линиями показана круговая обвязка сооружения. На верхней части конструкции часто изображались пучки тростника, собранные вместе или расходящиеся в разные стороны. Здесь же помещены один или несколько вертикальных штоков. Из боковой части или из ворот выходит показанное в полкорпуса молодое животное. Пара животных, стоящая у конструкции – это взрослые особи, и если обозначен пол, то впереди стоит самка, а за ней – самец.

Композиция может варьировать в видовой принадлежности животных (но все они – домашние) и особенностях конструкции сооружения. Вместе с тем, стабильной характеристикой, общей

для подавляющего большинства изображений в центре сцены является акцентирование именно тростниковой (решетчатой) ее структуры. По сути, это изображение хлева или овчарни.

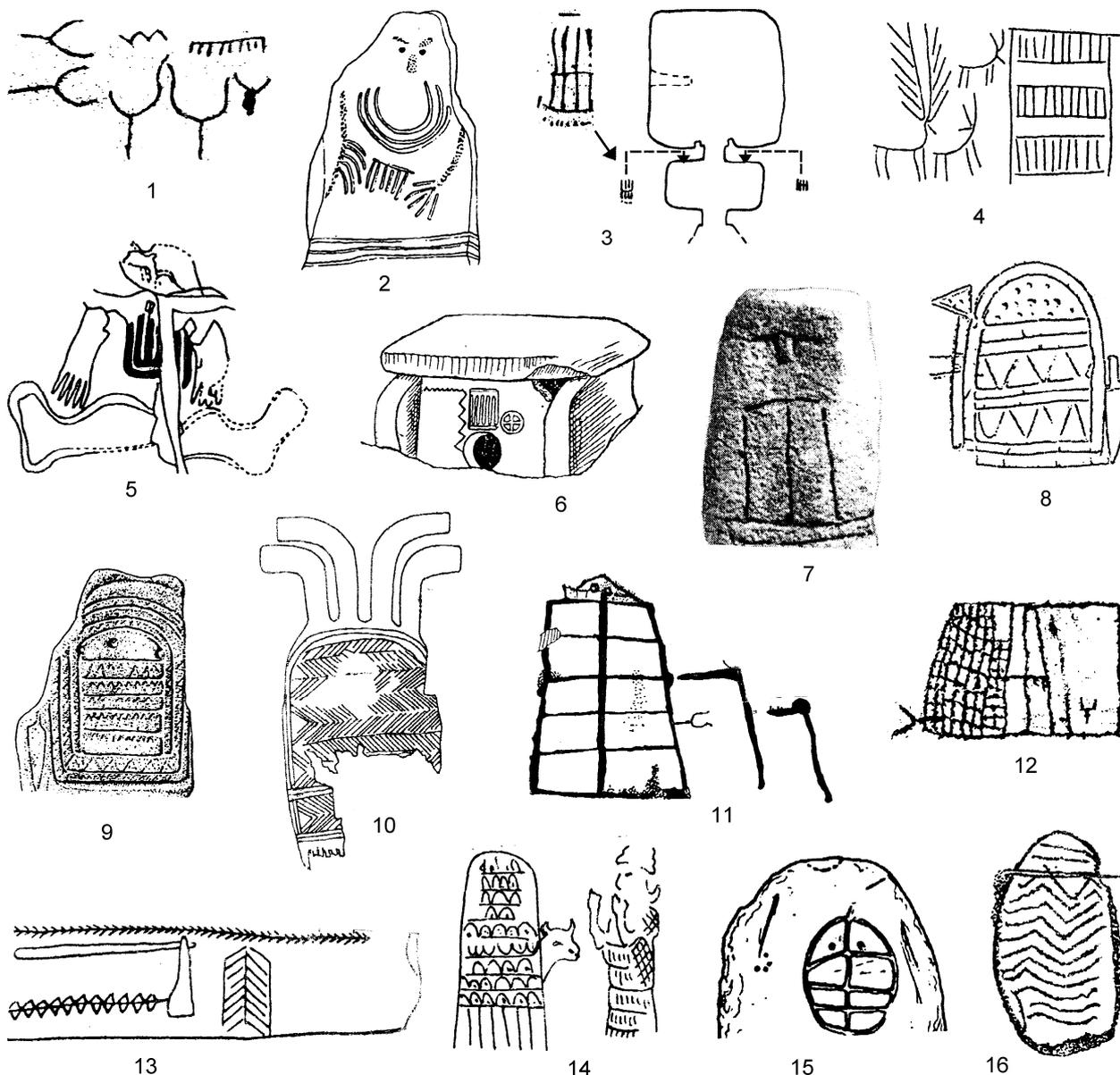


Рис 1. Изображения решетчатых фигур в мегалитическом (1–10, 14–15) и наскальном (11–12) искусстве и в глиптике Анатолии (13): 1 – изображение на плите гробницы Варбург I (Германия); 2 – стела из Шафштэдт (Германия); 3 – изображения в гипогеях Парижского бассейна (Франция); 4 – изображение на сосуде из Лос Милларес (Испания); 5 – изображение из гробницы кург. 28 у стан. Новосвободная; 6 – дольмен у пос. Лазаревский; 7 – статуя-менгир из Монферран (Франция); 8 – изображение на стеле из Табуйо дель Монте (Испания); 9 – изображение на стеле из Сехос (Испания); 10 – гребень из Лос Милларес (Испания); 11, 12 – изображения из Монт Бего (Франция); 13 – изображение на плите гробницы из Леуна-Гёлитш (Германия); 14 – изображение на печати из Аджэм-Гуюк (Турция); 15 – изображение на стеле из Лангенайхштэдт (Германия); 16 – изображение на плите гробницы из Халле-Дёлау (Германия).

1 – по Günther 1996; 2, 15 – по Müller 1995; 3 – по Bailloud 1974; 4 – по Leisner, Leisner 1943; 5 – по Резепкин 1987; 6 – по Марковин 1978; 7 – по Colomer et al. 1975; 8 – по Saro, Teira 1992; 9 – по Bueno Ramires 1995; 10 – по Schuhmacher, Banerjee 2009; 11–12 – по Lumley et al. 1976; 13 – по Häusler 1994; 14 – по Stager 2010; 16 – по Behrens 1973)

В одной из работ П. Делугаса был убедительно дешифрован смысл этого сюжета. Ключом к его пониманию послужило неизменное изображение в этих сценах детенышей животных, появляющихся из этих построек. Исследователь доказал, что это ни что иное, как показ процесса рождения животного, что «эта хижина заменяет здесь некоторым образом мать (или матку)». Он отмечает, что неодушевленная хижина при этом может заменять живое животное, что вполне характерно для искусства Месопотамии (Delougaz 1968: 195, 197). Такая трактовка вполне оправдана, поскольку данная сцена носит исключительно сакральный характер: доказано, что тростниковые овчарни здесь являются в то же время храмовыми сооружениями. Эта функция постоянно демонстрируется изображением соответствующих божественных символов, водруженных на верху хижин – штоков и др. (рис. 2, 1–3; Ibid.: 185).

Вопрос о том, с каким божеством следует ассоциировать эти тростниковые храмы, подробно рассмотрен в одном из исследований Т. Якобсена (1995). Автор полагает, что это Нинтур, ипостась богини Нинхурсаг, входившей в триаду наиболее могущественных божеств додинастической Месопотамии, матери богов и людей. Имя Нинтур, ипостаси функций Нинхурсаг как «матери и родительницы» условно переводится как «Владычица хижины для рожениц». Ее называют также «Владычица матки» «Госпожа зародыша». Т. Якобсен (1995: 279) указывает также, что символ, периода Урук IV, читаемый как «tur», на письме сопровождался знаком, первоначально изображавшим «хижину для рождений»: «В своей ранней форме знак изображает, по-видимому, хижину, украшенную одной или несколькими связками тростника на крыше» (Там же) (рис. 2, 4–6; Goff 1963: fig. 309). Это изображение пиктограммы хижины напрямую связано с набором значений данного символа: «рожать», «дитя», «юный».

Таким образом, месопотамские композиции с животными, стоящими у конструкции, контур которой заполнен вертикальной штриховкой, – это сцены, где центральной фигурой является тростниковый храм, назначением которого является рождение, воспроизведение потомства, что отражено в синонимах его названий: «хижина для рождений», «матка». Сакральный характер этих тростниковых (решетчатых) конструкций с выходящим из него животным хорошо иллюстрируется и на примере хеттской печати из Аджэм-Гуюк с фигурой жреца, стоящим в позе адорации перед подобным сооружением и животным в нем (рис. 1, 14).

Композиционно и географически близкую аналогию этим сюжетам представляют две гравировки на антропоморфных стелах из Северного Причерноморья. Это изображение пары эквидов (самки и самца), стоящих перед квадратной фигурой на стеле из Керносовки (рис. 2, 12; Крылова 1976: рис. 2) и оленей (также самки и самца) – перед квадратной конструкцией со штоком на ее верхней части на стеле из Верхоречья (рис. 2, 14; Telegin, Mallory 1994: fig. 6). Хотя на обеих конструкциях нет решетчатого заполнения, но то, что они имеют прямое отношение к месопотамскому сюжету с храмом и животными, доказывается другими композициями, идентичными изображаемым на стелах. Это пара оленей (вновь самка и самец), стоящие перед квадратной фигурой, но уже с решетчатым заполнением на сосуде из мегалитического некрополя в Лос Милларес в Испании (рис. 1, 4). Показательно, что здесь же изображен и теленок. Незаполненные «гребенкой» горизонтальные полосы, видимо, соответствуют полосам круговой обвязки тростниковых сооружений на месопотамских печатях. К этим же композициям следует отнести и схематическое изображение пары взрослых животных (букрании) перед горизонтальной полосой «гребенчатой» решетки на плите гробницы Варбург I (рис. 1, 1). Здесь же в одном ряду с крупными букраниями показана меньшая по размеру особь, т. е. теленок.

Таким образом, месопотамский сюжет с тростниковым храмом был достаточно известен и полностью воспроизводился в искусстве Древней Европы. Остальные рассматриваемые ниже решетчатые конструкции представляют, видимо, уже сокращенные варианты этого сюжета. Таковыми являются «гребенчатая» решетка на торсе женского изваяния из Шафштэдт (рис. 1, 2) и в росписях на стенах гипогеев в Парижском бассейне (рис. 1, 3).

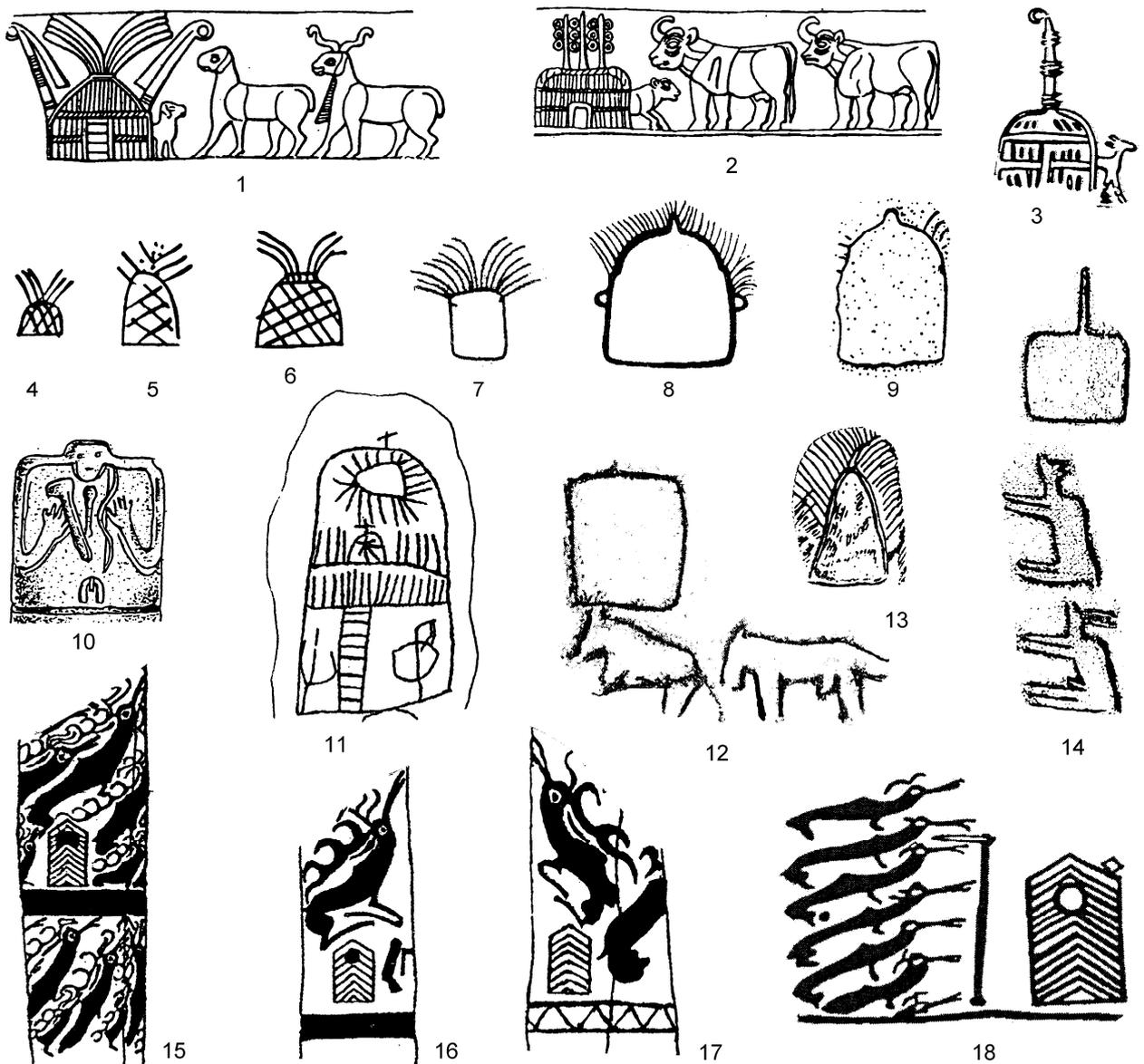


Рис. 2. Изображения решетчатых и «щитовидных» фигур в искусстве Месопотамии (1–6), Древней Европы (7–14) и Центральной Азии (15–18): 1 – изображение на желобе из Урука; 2 – изображение на вазе из Хафадже; 3 – оттиск печати (фрагмент); 4–6 – пиктограммы из Урука; 7 – «щит» из гробницы в Барненэ (Франция); 8 – «щит» из гробницы в Иль Лонгю (Франция); 9 – «щит» из гробницы в Бретани; 10 – стела из Натальевки; 11 – стела из Triga (Италия); 12 – изображение на стеле из Керносовки; 13 – «щит» из гробницы в Манерроек (Франция); 14 – изображение на стеле из Верхоречья; 15–17 – изображения на оленьих камнях из жертвенника Жаргалант (Монголия); 18 – изображение на оленьем камне из Кош-Пей (Тува). 1–3 – по Delougaz 1968; 4–6 – по Goff 1963; 7, 8 – по Müller-Karpe 1974; 9, 13 – по Häusler 1966; 10, 14 – по Telegin, Mallory 1994; 11 – по Anati 1968; 12 – по Крылова 1976; 15 – 17 – по Волков 2001; 18 – по Килуновская, Семёнов 1998

Конструкции в виде прямоугольника с заполнением из одной или нескольких вертикальных линий внутри, учтенные во второй группе, видимо, представляют сокращенный вариант «гребенчатых» решеток первой группы. В пользу этого, свидетельствует и то, что две из них изображены на торсах женских фигур (рис. 1, 5, 7), как и решетка на стеле из Шафштэдт, что возможно напрямую связано с их функцией воспроизводства потомства (см.: Смирнов 2001; 2006). Более частая

вертикальная решетка на фасаде дольмена у пос. Лазаревский делает предполагаемую связь решеток обеих групп достаточно правдоподобной в силу промежуточной позиции такого изображения.

Серия решетчатых фигур третьей группы характеризуется преобладанием горизонтально расположенных линий и сходством в специфике изображений верхних частей контуров. Они могут быть либо подтреугольной, либо овальной формы. Специальное оформление этих частей в отличие от остального корпуса конструкции подчеркивается в ряде случаев и особым стилем ее орнаментации. Это, напр., круглые в плане углубления в количестве от нескольких до гораздо большего числа (рис. 1, 8–9, 11, 15). На овальной фигуре из Халле-Дёлау верхняя часть, отделенная от остальной части контура горизонтальной линией, также орнаментирована иным, более линейным декором (рис. 1, 5).

Связаны ли эти изображения с рассматриваемой идеей храма, воплощенного в решетчатых конструкциях? Полагаем, что да. Так, решетчатая фигура с треугольным верхом и двумя круглыми углублениями в нем из Монт Бего внешне кажется антропоморфной (рис. 1, 11). Однако такой возможной трактовке противоречит букрания, «появляющаяся» из боковой части конструкции. Причем это не случайный штрих, лишь внешне напоминающий реальную фигурку, т. к. именно как «маленькую стилизованную букранию» характеризует ее Э. Анати (Anati 1968: 145). Подобные букрании сопряжены и с другими решетчатыми конструкциями в этом местонахождении наскального искусства (рис. 1, 12) и относятся к одним из его основных мотивов (Lumley et al. 1976: 222).

Структурно аналогичными фигуре из Монт Бего являются и другие изображения этой группы, особенно на стелах из Табуйо дель Монте и Сехос (рис. 1, 8–9). Особый же интерес представляет гребень из слоновой кости из некрополя в Лос Милларес, учтенный в этой же группе (рис. 1, 10). С одной стороны, он очень близок к вышеуказанным «идолам» из Испании по форме контура (прямоугольник с овальным верхом) и структуре заполнения (горизонтальные линии с зигзагами между ними), и в то же время гребень отличается спецификой внешней атрибутики фигуры. Это четыре Г-образно изогнутых отростка, помещенные на его вершине. Если сравнивать конструкцию гребня с элементами конструкции тростниковых храмов Месопотамии, то помимо сходства в структуре заполнения нельзя не отметить определенное соответствие отростков на гребне пучкам тростника на крышах этих храмов (рис. 2, 1, 4–6).

В то же время данный гребень может служить ключевой находкой в понимании назначения серии однотипных изображений, происходящих из мегалитических гробниц Бретани. Это полуовальные в плане фигуры, часто с выступом в верхней части и пучками отходящих от контура во вне коротких линий, что давало повод называть их «волосатыми идолами» (рис. 2, 7–9, 13; Müller-Karpe 1974: Taf. 580, G; 587, A8; Häusler 1966: Abb. 1). Такие изображения и поныне семантически надежно не идентифицированы и за ними закрепились лишь чисто описательные наименования – «щиты» (*écusson*, *bouclier/buckler*) и др. Однако указанные признаки представляются существенными с точки зрения их формального сходства с соответствующей внешней атрибутикой – пучками тростника и штоками месопотамских тростниковых храмов. Тем не менее, ни на одной из подобных конструкций в Бретани не обнаружено решетчатого заполнения. Поэтому гребень из Лос Милларес в силу своего сходства как со структурой месопотамских храмовых сооружений, так и со «щитами» Бретани имеет ценность связующего эти образцы звена.

Типологически сходны с бретонскими «щитами» полуовальная фигура со штоком в верхней части контура на торсе антропоморфной стелы из Натальевки (рис. 2, 10 – Telegin, Mallory 1994: fig. 1, 1), полуовальный «щит» с крестовидным навершием и меньшим идентичным «щитом», помещенным также над поясом, и схематическими фигурами адорантов внизу на стеле из Триора (Италия) (рис. 2, 11 – Anati 1968: fig. 74), а также квадрат со штоком вверху в уже упоминавшейся композиции на стеле из Верхоречья (рис. 2, 14).

В связи с темой исследования в данной статье определенный интерес представляют некоторые изображения на каменных изваяниях, отделенные от вышерассмотренных одним или более тысячелетиями во времени и происходящие из совершенно иной географической области. Речь

идет об оленных камнях Саяно-Алтая и Монголии. На ряде из них изображены фигуры, обычно описываемые как «пятиугольная фигура-щит», часто с решетчатым заполнением, дополняемым округлыми углублениями вверху, назначение которых до сих пор остается не вполне ясным. Одна из наиболее утвердившихся в литературе трактовок пятиугольных фигур на оленных камнях как щитов не представляется убедительной. В качестве аналогий им приводятся похожие образы из наскальных гравировок в Валкамонике (Италия), «которые трактуются исследователями как рисунки щитов» (Дэвлет 1976: 233). Однако Э. Анати, на исследования которого сделана ссылка, в обоих изданиях цитируемой публикации (Anati 1975; 1976) применительно к данным фигурам использует лишь один термин «щитовидные фигуры», но отнюдь не щиты (!), и отличает их от предметов вооружения (Anati 1976: 102). То, что в этом перечне щитовидные фигуры более близки к религиозным символам, чем к оружию, видно, исходя из того, что в дальнейшем Э. Анати данные изображения интерпретирует уже определенно в качестве символов (напр., в рубрике «символы» – Anati 1985: 34).

Очевидно, что проблематичность надежной интерпретации этих фигур обусловлена сложностью соотнесения с какими-либо уже известными, хорошо понимаемыми предметами или объектами в соответствующей материальной культуре, в т. ч. с близлежащих территорий. В данной работе мы, в свою очередь, предлагаем сопоставление их с теми изображениями, которые проанализированы выше.

В качестве образца для такого сравнения нами выбран оленный камень с горы Кош-Пей у пос. Аржан в Туве. В числе прочих фигур на нем изображен «пятиугольный предмет – щит с «умбоном» в центре», слева от него «выбито изображение втульчатого клевца» (рис. 2, 18; Килуновская, Семёнов 1998: 148, рис. 2). Следует констатировать, что структура данной пятиугольной конструкции по основным составляющим признакам подобна структурам фигур из Монт Бего (рис. 1, 11), Леуна-Гёлитцш (рис. 1, 13), а также на стелах из Табуйо дель Монте и Сехос (рис. 1, 8–9).

Основания для такого вывода следующие. «Щит» из Кош-Пей и эти европейские изображения не поддаются точной предметной идентификации, т. е. им трудно найти соответствующий аналог в репертуаре материальной культуры. Все сопоставляемые фигуры – геометрические конструкции в виде вертикально стоящей подпрямоугольной основы и со специфически (!) оформленным верхом. Обратим внимание на данную деталь. На конструкциях из Монт Бего и Леуна-Гёлитцш – это треугольный выступ вершиной вверх, придающий обеим фигурам пятиугольную форму, подобную конфигурации «щитов» оленных камней. На стелах из Табуйо дель Монте и Сехос, как и на гребне из Лос Милларес (рис. 1, 10), – это овальное закругление верха. То есть очевидно, что древние граверы осознавали необходимость передачи особой, не линейной, а более сложной формы верха конструкции.

На рассматриваемых французских и испанских фигурах, как и на стеле из Лангенайхштэdt (рис. 1, 15), в их верхних частях выбиты круглые углубления – от двух и до гораздо большего количества. Но и на кош-пейском «щите» также изображен «кружок» – как отмечает Д. Г. Савинов (1994: 150), на таких «щитах» их может быть несколько: от одного до трех. Внутреннее заполнение фигур из Леуна-Гёлитцш, Mont Végо и Испании с преобладанием горизонтально расположенных линий подобно решетчатому заполнению «щита» на камне из Кош-Пей и на других оленных камнях. И, наконец, что нам представляется существенным, – у фигур из Монт Бего и Леуна-Гёлитцш, у «идола» из Табуйо дель Монте, как и у «щита» из Кош-Пей идентичны контекстуальные характеристики. Это оружие, причем (как ни удивительно) сходное по типу изображенного предмета и его местоположению: алебарды – у французской и испанской фигур (рис. 1, 8, 11), топор – у пятиугольника из Леуна-Гёлитцш (рис. 1, 13) и клевец – у кош-пейского изображения.

Несомненно, при достаточно полном формальном сходстве сравниваемых конструкций совпадения в типе и месте этих дополнительных контекстуальных признаков делает выводы о типологическом единстве изображенных фигур более надежными. Однако сделать отсюда заключение об

идентичности смысла пятиугольных конструкций на оленных камнях, реконструируемому нами значению изображений из Монт Бего и приатлантической Испании сложно, поскольку в течение длительного времени их использования в религиозной практике/искусстве в различных культурах (если это было так!) предполагаемый смысл мог видоизменяться. В настоящей статье мы представили аргументацию в пользу понимания подобных изображений как конструкций храмового назначения – эффективного, реально функционирующего (т. е. сами изображения могли обладать таким активным качеством) механизма воспроизводства потомства востребуемых в социуме животных, их изобилия. В связи с этим уместно заметить, что «щиты» на оленных камнях обычно сопровождаются обилием изображенных на них оленей.

- Волков 2001 – *Волков В. В.* Ранние кочевники Северной Монголии // *Мировоззрение древнего населения Евразии*. М., 2001. С. 330–354.
- Дэвлет 1976 – *Дэвлет М. А.* О загадочных изображениях на оленных камнях // *СА*. 1976. № 2. С. 232–235.
- Килуновская, Семёнов 1998 – *Килуновская М. Е., Семёнов Вл. А.* Оленные камни Тувы. Ч. 1: Новые находки, типология и вопросы культурной принадлежности // *Археологические вести*. СПб, 1998. № 5. С. 143–154.
- Крылова 1976 – *Крылова Л. П.* Керносковский идол (стела) // *Энеолит и бронзовый век Украины*. Киев, 1976. С. 36–46.
- Марковин 1978 – *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
- Резепкин 1987 – *Резепкин А. Д.* К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ станицы Новосвободная // *КСИА*. 1987. Вып. 192. С. 26–33.
- Савинов 1994 – *Савинов Д. Г.* Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб, 1994.
- Смирнов 2001 – *Смирнов А. М.* Изображения храмовых структур и сюжетов в европейском мегалитическом искусстве в IV–III тыс. до н. э.: опыт идентификации // *Мировоззрение древнего населения Евразии*. М., 2001. С. 60–89.
- Смирнов 2006 – *Смирнов А. М.* «Женское божество и храм» в искусстве монументальной скульптуры и архитектуры Европы в IV–III тыс. до н. э. // *Археологические вести*. СПб, 2006. № 13. С. 281–296.
- Якобсен 1995 – *Якобсен Т.* Сокровища тьмы: История месопотамской религии. М., 1995.
- Anati 1968 – *Anati E.* Arte preistorica in Valtellina // *Archivi di Arte Preistorica*. Capo di Ponte, 1968. No 1.
- Anati 1975 – *Anati E.* Evoluzione e stile nell'arte rupestre. Capo di Ponte, Brescia. 1975.
- Anati 1976 – *Anati E.* Evolution and Style in Camunian Rock Art // *Archivi*. Capo di Ponte, 1976. No 6.
- Anati 1985 – *Anati E.* Alle origini della civiltà europea: L'arte rupestre in Valcamonica // *Archeo dossier*. Novara, 1985.
- Bueno Ramirez 1995 – *Bueno Ramirez P.* Megalitismo, estatuas y estelas en España // *Statue-stele e massi incisi nell'Europa dell'eta del rame*. Bergamo, 1995. P. 77–129 (*Notizie archeologiche bergomensi*. 3).
- Bailloud 1974 – *Bailloud G.* Le Néolithique dans le Bassin parisien. Paris, 1974.
- Behrens 1973 – *Behrens H.* Die Jungsteinzeit im Mittelbe-Saale-Gebiet. Berlin, 1973.
- Colomer et al. 1975 – *Colomer A., Roudil J.-L., Guthertz X.* La Statue-menhir de Montferrand (St.-Mathieu de Trévières, Hérault) // *Bolletino del Centro Camuno di Studi Preistorici*. 1975. Vol. XII. P. 117–121.
- Delougaz 1968 – *Delougaz P. P.* Animals Emerging from a Hut // *JNES*. 1968. Vol. 27, no 3. P. 184–197.
- Goff 1963 – *Goff B. L.* Symbols of Prehistoric Mesopotamia. New Haven; London, 1963.
- Günther 1996 – *Günther K.* Galeriegräber, Stein- und Holzkammern // *Archäologie in Deutschland*. 1996. Heft 3. S. 34–37.
- Häusler 1966 – *Häusler A.* Anthropomorphen Stelen des Eneolithikums im nordpontischen Raum // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin Lütter Universität*. Halle, 1966. XV. Heft 1.
- Häusler 1994 – *Häusler A.* Die Maikop-Kultur und Mitteleuropa // *Zeitschrift für Archäologie*. 1994. Heft 28. S. 191–246.
- Leisner G., Leisner V. 1943 – *Leisner G., Leisner V.* Die Megalithgräber der Iberischen Halbinsel. Der Süden. Berlin, 1943.

- Lumley et al. 1976 – *Lumley H. de., Fonvielle M.-E., Abelanet J.* Les gravures rupestres de l'âge du Bronze dans la région du Mont Bégo (Tende, Alpes-Maritimes) // *La préhistoire française*. Paris, 1976. T. II. P. 222–236.
- Müller 1995 – *Müller D. W.* Die verzierten Menhirstelen und ein Plattenmenhir aus Mitteldeutschland // *Statue-stelle e massi incisi nell'Europa dell'eta del rame*. Bergamo, 1995. S. 295–304 (Notizie archeologiche bergomensi. 3).
- Müller-Karpe 1974 – *Müller-Karpe H.* Handbuch der Vorgeschichte. Kupferzeit. München, 1974. Bd. III.
- Saro, Teira 1992 – *Saro J. A., Teira L. C.* El ídolo del Hoyo la Gándara (Rionansa) y la cronología de los ídolos antropomorfos en la Cornisa Cantábrica // *Trabajos de Prehistoria*. 1992. Vol. 49. P. 347–355.
- Schuhmacher, Banerjee 2009 – *Schuhmacher T. X., Banerjee A.* Woher stammt iberisches Elfenbein? // *Archäologie in Deutschland*. 2009. Heft 4. S. 62–65.
- Stager 2010 – *Stager L. E.* When Canaanites and Philistines Ruled Ashkelon // URL: <http://www.bib-arch.org/e-features/canaanites-and-philistines.asp#>
- Telegin, Mallory 1994 – *Telegin D. Ya., Mallory J. P.* The Anthropomorphic Stelae of the Ukraine: The Early Iconography of the Indo-Europeans. Washington, 1994 (JIES. Monograph series. No 11).

**Е. Г. Дэвлет (Москва, Россия)**

### **Об опыте изучения техники выполнения петроглифов<sup>52</sup>**

Традиционно наскальные изображения делятся на выполненные краской – росписи или живопись (фигуры или знаки, нанесенные за счет привнесения на природные скальные выходы или отдельно лежащие камни нового материала – сухого или влажного пигмента, который также может быть смешан с наполнителями) и петроглифы (любые фигуративные или нефигуративные элементы, выполненные за счет удаления части скальной поверхности выбивкой, гравировкой, выскабливанием, шлифовкой и др. способами или их сочетанием).

В центре исследований, осуществлявшихся с 2006 г. на различных памятниках наскального искусства, оказались выбитые петроглифы, поскольку именно этот вид изображений наиболее распространен в большинстве ареалов наскального искусства России. Предпринята попытка их трасологического исследования и поиска критериев, диагностирующих, был ли применен для выполнения изображения каменный или металлический инструмент. Исследование было инициировано вопросами, возникшими при изучении петроглифов Пегтымеля, поскольку сомнения вызывала возможность нанесения многих из них орудиями из камня. С этим местонахождением заполярной Чукотки в настоящее время связан наибольший массив информации по технологии пикетажа. Здесь в 2005–2008 гг. экспедицией ИА РАН проводилось полевое изучение самых северных в Азии петроглифов. Местонахождение было обследовано и опубликовано Н. Н. Диковым (1971; Dikov 1999), позднее сведения о нем были дополнены усилиями других специалистов.

Образы и сюжеты петроглифов Пегтымеля гомогенны в силу особенностей хозяйственно-культурного типа и природно-географической специфики региона. Анализ сюжетов показывает, что на удаленном от побережья памятнике представлены как картины быта обитателей тундры, так и виды промыслов, связанных с приморским типом адаптации населения Арктики (Devlet 2012). Как и в мелкой пластике, тема тундры и моря неразрывно переплелась в искусстве петроглифов (Тишков 2008), причем набор мотивов весьма ограничен. Доминирующим зооморфным образом, бесспорно, является северный олень. Профильные силуэтные изображения этих животных, одиночных и в стаде, численно преобладают. Чаше других повторяется сцена охоты на плывущего оленя с каяка (рис. 1, 1). В большинстве вариантов охотник из одноместной лодки поражает животное гарпуном, реже копьем на длинном древке. Подобные сцены могут быть представлены одиночно или быть включенными в более сложные сюжетные композиции. Часто показан лень гарпуна,

<sup>52</sup> Публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

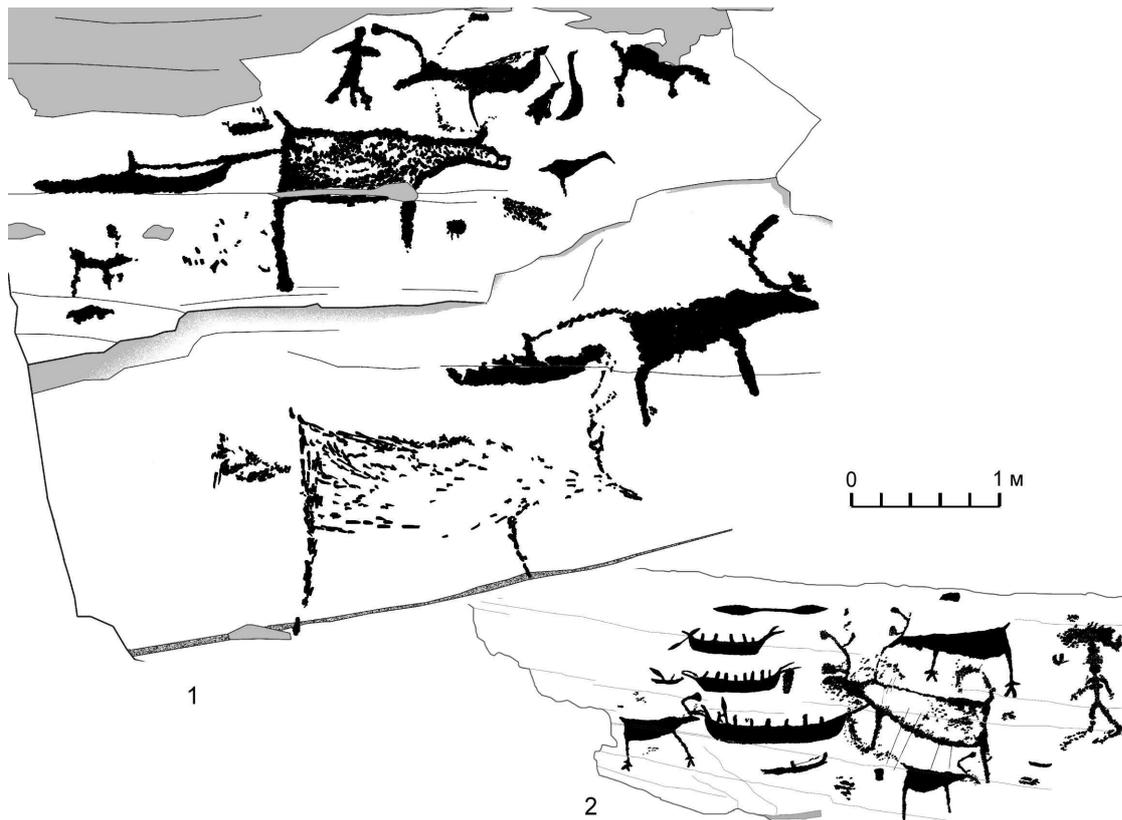


Рис. 1. Петроглифы Пеггымеля

натянутый или провисший, человек в небольшом каяке бывает просто обозначен вертикальным штрихом, но есть и иные варианты, когда и преследуемое животное реалистично проработано, и человек вместе со снаряжением и транспортным средством представлен более детально. Многие из фигур загарпуненных оленей показаны с задними ногами, опущенными ниже передних, как будто животное плавает по воде. Объект охоты порою непропорционально велик.

Этнографические источники свидетельствуют, что около столетия назад дикие олени, жившие постоянно в одних и тех же местах, большими стадами перекочевывали от лесных окраин в тундру. По древнему юкагирскому обычаю охота на суше строго запрещалась, и оленей безжалостно били на переправе, которая ежегодна была в одном и том же месте. Добыча оленей на переправе перестала быть юкагирской прерогативой и по берегам рек охотники – чукчи, эвены (ламуты), обрусевшие туземцы – группировались в артели по национальностям, устраивая засады несколько ниже переправы. «Когда стадо подойдет к реке, вожак обычно первый начинает переправу. Во время переправы стадо несколько сносится течением вниз. Когда олени достигнут середины реки, охотники бросаются в лодки и стремятся перерезать им путь. Испуганные животные кидаются вверх по течению, но силы их скоро истощаются <...> Тогда одна или две лодки подходят к стаду, чтобы отрезать отступление, и после этого начинается избиение оленей. Олени сбиваются в кучу и беспомощно плавают посредине реки. Люди в лодках приближаются к стаду и поражают оленей копьями с длинным древком и с маленьким железным наконечником, употребляемым только в этой охоте. Иногда для той же цели служит двухлопастное весло, один конец которого снабжается маленьким железным копьем. Такое оружие, правда, не слишком длинно, но довольно удобно. Избиение оленей совершается с невероятной быстротой, один человек может убить до сотни животных в час... Некоторые охотники, особенно искусные в гребле, проникают в середину стада и, поместив свою лодку между двумя большими самцами, поражают копьем всех оленей, которых могут достать <...> Старики, женщины и дети, собираясь ниже по течению реки, перехватывают добычу» (Богораз 1991: 71–72). Возможно, что в этом описании следует искать объяснение тем промысловым

сценам пегтымельских петроглифов, в которые включены не только изображения оленей и мотив их добычи из одноместных каяков, но и многоместные байдары (рис. 1, 2; 2, 2). Большинство композиций, изображающих охоту на воде, довольно схематичны, но есть и подлинные шедевры, в которых простыми изобразительными приемами удалось передать драматизм происходящего и охотничий азарт, динамику и экспрессию преследования (Дэвлет 2007; Дэвлет и др. 2012).

Не пытаясь охарактеризовать все особенности изображений оленей, отмечу вариативность поз (плывущие, пасущиеся с опущенными головами, отдыхающие олени с подогнутыми ногами, с опущенными копытами и др.) и их стилистическое разнообразие. В группе могут соседствовать варьирующие по стилю фигуры (рис. 2; 3; 4, 1). Иногда бывает показана только голова и часть спины животного – так выглядят олени в стаде, плывущие или выходящие из воды. Встречаются изображения отпечатков копыт – своего рода символических заместителей животных. Могут быть выполнены сцены преследования оленей волками или собаками. Интересной особенностью некоторых групп пегтымельских петроглифов является наличие своеобразных расчесов на поверхностях с наскальными изображениями, эти подвертикальные или несколько выгнутые линии встречены на плоскостях с изображениями антропоморфных мухоморов, а также в группах, где представлены многочисленные фигур оленей, в т. ч. попарно обращенные морда к морде.

Весь массив наскального искусства Пегтымеля относится к петроглифам, изображения, выполненные краской или со следами использования пигмента, здесь выявлены не были. Подавляющее большинство нанесено многообразным по глубине и плотности пикетажем, на некоторых мастерски выполненных фигурах оленей различается выбивка инструментом перпендикулярно плоскости и удлиненные следы ударов, нанесенные под углом, которые порождали имитацию шерсти изображенных животных. Контур пикетированных изображений зачастую проработан углубленным желобком. Завершенные фигуры оленей нанесены силуэтом. Все экземпляры, которые могут быть приняты за контурные изображения с частичным заполнением, относятся или к незавершенным, или выполнены с применением шлифовки – в отдельных случаях контур корпуса животного остается выбитым, а тело слегка затертым. Есть примеры использования гравировки в сочетании с пикетажем. На некоторых петроглифах отчетливо прослеживаются процарапанные тонкие линейные наброски контура будущего изображения. Так автор делал разметку, которую затем предстояло заполнить выбивкой. Некоторые группы демонстрируют соседство завершенных изображений и набросков, так и не доведенных до конца. В ряде случаев можно проследить варианты последовательности выполнения фигуры северного оленя. Представлены экземпляры с полностью проработанным контуром, который затем начинал заполняться пикетажем. Есть и альтернативные варианты – выбивка начинается со спины, с ноги или рогов животного, но работа прервана и не закончена. Незавершенные фигуры могут располагаться как на отдельных гранях, так и входить в группы, включающие старательно выполненные варианты. В сложных композициях могут быть представлены не только незавершенные по неясным причинам фигуры, но и преднамеренно неполные, парциальные. Таким приемом, по-видимому, автор стремился передать перспективу: из-за помещенных на переднем плане корпусов животных видны лишь спины и головы расположенных на заднем плане.

Стилистический анализ позволил Н. Н. Дикову выделить пять изобразительных канонов и соотносимых с ними изображений, которым он придал датировку от II тыс. до н. э. Предложенная типология изображений оленей («стиль оленьих силуэтов») группировала известный исследователю статистически обработанный массив петроглифов в хронологической последовательности от реалистичных к более схематизированным (Диков 1971: рис. 27; Dikov 1999: fig. 27). Для Н. Н. Дикова случаи перекрытия изображений, выполненных в разной технике, служили хронологическим маркером, однако это суждение не подтверждается новыми наблюдениями. Существенную роль играет новый массив данных, которые не столько меняют приведенную Н. Н. Диковым статистику (полевыми исследованиями корпус петроглифов Пегтымеля увеличился по крайней мере в три раза), сколько предложенную им корреляцию мотивов (рис. 4, 2).



Рис. 2. Петроглифы Пегтымеля

Например, в промысловую композицию может быть включено реалистически выполненное изображение оленя (рис. 2, 2), что противоречит представлению Н. Н. Дикова о том, что подобные фигуры встречаются лишь вне сцен добычи оленей (Диков 1971: 33). Двулопастные весла не обязательно сопровождают фигуры оленей, что диктует канон, подразумевающий их обязательное сочетание. Точкой отсчета для построения хронологии петроглифов Пегтымеля на основе местных реалий материальной жизни для Н. Н. Дикова стало изображение, трактовавшееся как поворотный гарпун. Изучение плоскости, на петроглифы которой ссылается исследователь, показало, что расцененный им как изображение стабилизатора гарпуна элемент группы, является фрагментом палимпсеста: линию рогов крупного изображения северного оленя перекрывает силуэт многоместной байдары, с которой, вероятно, ведется преследование кита. Из-за наложения изображений рог оленя практически примыкает к хвосту кита – он и был ошибочно принят за изображение стабилизатора

(Devlet 2008: fig. 8, 3). В настоящее время среди пегтымельских петроглифов встречены многочисленные сцены охоты с гарпуном, однако изображений т. н. крылатых предметов, или стабилизаторов выявлено не было. Представляется, что «стиль оленьих силуэтов», как и «изобразительные каноны», выделенные Н. Н. Диковым, могли и не иметь хронологической последовательности.

В предпринятом исследовании существенное внимание было уделено изучению техники выполнения изображений и материала орудий, которыми они могли быть нанесены. Задача применить сложившиеся в трасологии методики и подходы к материалу наскального искусства была реализована сотрудником экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН Е. Ю. Гирей (Семёнов 1957; Семёнов, Щелинский 1971). Поскольку местный кварц, выходы которого отчетливо видны на Кайкуульском обрыве, Н. Н. Дикову представлялся наиболее вероятным материалом для изготовления орудий, которыми нанесены петроглифы Пегтымеля, была предпринята попытка его использования для выполнения пикетажа. В результате была получена серия экспериментальных следов пикетажа на поверхности отдельных блоков местного камня, а также зафиксированы изменения, которые происходили с самим кварцевым орудием при прямом пикетаже, и при работе с использованием ударника. Конец кварцевого орудия практически сразу начинал видоизменяться, следы ударов получались разнофигурные, подправленное орудие видоизменялось с той же интенсивностью. На экспериментальном участке оставалось множество фрагментов кварца. Ударник, которым служили местные гальки, приобретал следы использования – на локальной площадке возникали характерные следы работы по камню. Аналогичное орудие, которое заманчиво связать с выполнением изображений, было обнаружено между группами петроглифов, расположенных в верхнем ярусе между скоплениями I и II, и неподалеку от локализуемой выше стоянкой, частично раскопанной Н. Н. Диковым. Галька подтреугольной формы имеет характерные следы сработанности, возникающие при применении в качестве ударника при работе по каменному посреднику (Дэвлет, Гиря 2011: рис. XIII). Однако основания для ее соотнесения с выполненными поблизости петроглифами все же не бесспорны.

Использование материалов экспериментов с каменным орудием для сравнения с массивом наскальных изображений Пегтымеля показывает, что лишь незначительная часть петроглифов демонстрирует сопоставимые следы выполнения. Это, как правило, отдельные нефигуративные пятна в композициях, а также некоторые со стилистической точки зрения довольно грубо нанесенные изображения, наличие которых можно объяснять не столько относительной хронологией, сколько индивидуальной слабой подготовленностью того, кто взялся за создание рисунка – многие из них так и остались незавершенными.

Иначе выглядит основной массив петроглифов, которые в значительном большинстве выполнены неглубоким одинаковым по размеру пикетажем. Согласно проведенным экспериментам, подобные стандартизированные следы могли быть получены лишь при работе металлическим инструментом. Моделирование работы показало непригодность 7 % оловянистой бронзы – такое орудие сминалось при первых же ударах. Применением орудия из железа получены эталонные следы, практически тождественные зафиксированным на выбитых петроглифах Кайкуульского обрыва. Как и следовало ожидать, на ударнике после работы с металлическим инструментом следов не остается.

По результатам пегтымельских экспериментов основным диагностирующим признаком, отличающим следы ударов, оставленные каменным орудием-посредником, от следов работы орудием из железа является быстрое изменение рабочей части каменного инструмента, следы от которого динамично трансформируются от подокруглых или подквадратных к вытянутым линейным. Другой важный признак применения каменного орудия – широкое входное отверстие и отсутствие резких перепадов между пиками и депрессиями. Существенное отличие получают орудия-ударники, которые применялись с посредником из камня или металла, четко читаются следы сработанности (концентрация выбоин и грубых царапин) исключительно на тех на ударниках, которыми работали с каменным посредником. При работе с посредниками из металла или каменными теслами в роговых рукоятях подобные следы не образуются.



Рис. 3. Петроглифы Пегтымеля

Использование каменных орудий для пикетажа должно было бы дать значительное количество чешуек и отщепов, которые потенциально могли сохраниться перед плоскостями с изображениями в том случае, если они не были перемещены под действием природных сил. С учетом последнего обстоятельства была выбрана площадка перед вертикальной плоскостью с петроглифами. В результате промывки грунта из шурфа размерами 4 м<sup>2</sup> были добыты многочисленные фрагменты кварца, которые при дальнейшем исследовании Е. Ю. Гирей под микроскопом не выявили следов антропогенного расщепления или иного использования. Дальнейшие исследования подкрепили уверенность, что композиция на данной плоскости выполнена металлическими инструментами.

В результате целенаправленных экспериментально-трасологических работ на Кайкуульском обрыве были отработаны приемы создания стабильного косонаправленного освещения, необходимого для достоверного определения контуров и особенностей изображений, расположенных на



Сопутствующие образцы							Изобразительный канон	Стиль оленьих силуэтов					
7	6	5	4	3	2	1		1	2	3	4	5	6
		1	1				I	7	9	8	11	3	5
		1	1			2	II		5	15	6		3
1		1			1		III		3	6	3	1	3
				1			IV			1	1	1	1
1	1			3			V				3	2	

Рис. 4: 1 – Петроглифы Пегтымеля;

2 – таблица корреляции «стилей оленьих силуэтов» и «изобразительных канонов» (по Дикову 1999)

вертикальных скальных поверхностях, а также следов орудий, примененных для их нанесения. Методика выполнения контактных силиконовых оттисков фрагментов поверхностей со следами пикетажа с предварительной защитой скальной плоскости при помощи разделительного слоя позволила получить материал для последующего анализа следов при макроувеличении. С силиконовых оттисков изготавливались тесты из гипса высокой твердости, пригодные для лабораторного изучения искусственной модификации рельефа камня. Характер следов орудий документировался и исследовался в плане и в профиле при помощи линейной тени. Были получены макроснимки искусственного рельефа поверхности и описаны различия между следами, оставленными на фрагментах петроглифов и участках экспериментального пикетажа на обломках скал из сходных горных пород при пикетаже каменными и металлическими орудиями. В результате трасологической программы изучения техники выполнения петроглифов и материала орудий, примененных для их выполнения, установлено, что подавляющее большинство изображений в охваченной выборке выбито металлическими орудиями, хотя есть отдельные примеры петроглифов, выполненных каменным инструментом (Дэвлет, Гиря 2011). Существенно важно, что и экспериментальная часть исследования выполнена профессиональным трасологом, поскольку достоверность самостоятельных заключений по недокументированным экспериментам вызывает недоумение.

Анализ материала показывает, что сюжетные вариации в наскальном искусстве Чукотки весьма ограничены, но петроглифы Пегтымеля имеют сложную хронологию. В рамках текущего исследования вне стилистических реконструкций пока удалось опереться лишь на трасологическое определение металлических инструментов, которыми выполнены выбитые изображения, что само по себе существенно омолаживает значительную часть корпуса петроглифов Пегтымеля.

Итогом работы стала разработанная методика документирования следов орудий, которыми были выполнены петроглифы. Она нашла применение для петроглифов Шалаболино и других местонахождений, а также для плиток из кургана Аржан-2 (Гиря, Дэвлет 2010; Гиря и др. 2012: 308–330; Ćugunov et al. 2010).

Богораз 1991 – *Богораз В. Г.* Материальная культура чукчей. М., 1991.

Гиря, Дэвлет 2010 – *Гиря Е. Ю., Дэвлет Е. Г.* Некоторые результаты разработки методики изучения техники выполнения петроглифов пикетажем // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2010. № 1 (26). С. 107–118.

Гиря и др. 2012 – *Гиря Е. Ю., Дроздов Н. И., Дэвлет Е. Г., Макулов В. И.* Шалаболинская писаница: опыт трасологического исследования // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2012. № 1 (19). С. 308–330

Диков 1971 – *Диков Н. Н.* Наскальные изображения древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля. М., 1971.

Дэвлет 2007 – *Дэвлет Е. Г.* Петроглифы Пегтымеля: застывший миф // Чукотка в прошлом и настоящем. Наследие народов Российской Федерации. М., 2007. С. 258–267.

Дэвлет, Гиря 2011 – *Дэвлет Е. Г., Гиря Е. Ю.* «Изобразительный пласт» в наскальном искусстве и исследование техники выполнения петроглифов Северной Евразии // Древнее искусство в зеркале археологии: К 70-летию Д. Г. Савинова. Кемерово, 2011. С. 186–201 (Тр. САИПИ. Вып. VII).

Дэвлет и др. 2012 – *Дэвлет Е. Г., Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н.* Материалы к своду петроглифов Чукотки (изображения в скоплениях I–III на Кайкуульском обрыве) // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. М.; Кемерово, 2012. С. 203–283 (Тр. САИПИ. Вып. IX).

Семёнов 1957 – *Семёнов С. А.* Первобытная техника. (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы. М.; Л., 1957 (МИА. № 54).

Семёнов, Щелинский 1971 – *Семёнов С. А., Щелинский В. Е.* Микрометрическое изучение следов работы на палеолитических орудиях // СА. 1971. № 1. С. 19–30.

Тишков 2008 – *Тишков В. А.* Тундра и море. Чукотско-эскимосская резьба по кости. М., 2008.

Devlet 2008 – *Devlet E.* Rock Art Studies in Northern Russia and the Far East, 2000–2004 // RASNW. 2008. No 3. P. 120–137.

Devlet 2012 – *Devlet E.* Rock Art Studies in Northern Eurasia // RASNW. 2012. No 4. P. 124–148.

Dikov 1999 – *Dikov N. N.* Mysteries in the Rocks of Ancient Chukotka (Petroglyphs of Pegtyemel). Anchorage: U.S. Dept. of the Interior, National Park Service, Shared Beringian. 1999.

Ćugunov et al. 2010 – *Ćugunov K. V., Parzinger H., Nagler A.* Der Skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz, 2010.

***А. Л. Заика (Красноярск, Россия)***

### **Сердцевидные личины в петроглифах Северной Азии (об истоках изобразительной традиции)**

Первые антропоморфные образы появляются в древнем искусстве в эпоху палеолита, но уровень экономического и социального развития общества не предполагал широкого распространения в искусстве палеолита антропоморфных образов вообще и их персонификации в частности. Определенную популярность имело искусство малых объемных форм. Примечательно, что в контексте натуралистичности первобытного искусства большинство скульптурных женских образов

обезличено. Профильные плоскостные изображения несли традиции анималистического искусства, часто представлены в виде карикатурных образов «уродцев» с гипертрофированно выраженными деталями лица. Попытки фронтальной экспозиции человеческого лица были единичны, случайны и не всегда удачны (Заика 2007). Неолитическое искусство продолжает традиции анимализма и, в определенной степени, профильных антропоморфных «уродцев» эпохи палеолита. Вместе с тем, получают развитие кардинально новые сюжеты – личины (Заика 2008).

Под личиной мы понимаем фронтальное изображение лицевой (головной) части антропоморфного образа. Под маской-личиной подразумеваются гипертрофированные контуры с деталями внутреннего и внешнего оформления на месте головной части антропоморфных фигур. Одной из архаичных форм выражения данной категории образов являются сердцевидные личины, характерной особенностью которых является типичный межглазничный прогиб в верхней части контура (рис. 1, 1–12). Труднообъяснимо широкое распространение в эпоху неолита и последующие периоды на территории Северной Азии подобных образов. Не ясны истоки этой своеобразной образительной традиции.



Рис. 1. Сердцевидные личины в искусстве народов Евразии: 1 – писанный камень на р. Вишере (по Леонтьев 1978); 2–5 – Томская писаница (по Окладников, Мартынов 1972); 6–8 – Долгий порог на Средней Ангаре; 9 – Сурухта-Аян на Средней Лене; 10–12 – Сакачи-Алян, Вознесенка на Нижнем Амуре (по Окладников 1974б; 1977; 1978); 13, 16 – Восточная Европа (по Голан 1994)

По мнению Е. А. Окладниковой сердцевидные личины являются одним из вариантов изображения череповидных образцов (Окладникова 1979: 39–42). М. А. Дэвлет предполагает, что, возможно, на сердцевидных личинах углублением обозначено теменное отверстие, в котором по представлениям древних была сосредоточена жизненная сила. Это сакральное место, спустя тысячелетия, получило в буддизме название «отверстие Брахмы» (Дэвлет М. 1997: 242). А. Голан считает, что в основе «древней графемы, которая в наше время считается изображением сердца» лежит изображение совмещенных женских бедер (рис. 1, 13, 16), что могло символизировать «Великую богиню», т. е. мать-прародительницу (Голан 1994: 169). По нашему мнению в основе иконографии образа лежит принцип развертывания на плоскости объемного изображения лица (головы) человека посредством симметричного совмещения двух его профилей. Соответственно, при этом в верхней части изображения, на месте контакта контуров лба появлялся характерный прогиб.

Подобный художественный прием (симметричная развертка, «удвоение», «расчленение» образа пополам) широко распространен в изобразительных традициях народов Тихоокеанского бассейна (Заика 2001; 2006; Леви-Стросс 1983: 219–220). О том, что он использовался, напр., окуневцами, свидетельствуют: двоянные изображения фрагментов головы хищника (принцип симметричного совмещения двух профилей), графическое сходство известных барельефов и плоскостных изображений личин, как промежуточный вариант – факты помещения личин на ребрах плит в петроглифах по обе стороны океана (рис. 2, 13, 19–21). Замечено, что характерной чертой для «развернутых» изображений является широко распахнутый и растянутый в «улыбке» рот, часто встречаемый у окуневских личин (Тарасов, Заика 2000) и зоо-, антропоморфных образов в искусстве культур тихоокеанского пантеона (рис. 2, 4, 18). Наглядно иллюстрируют принцип симметричной развертки человеческого лица рисунок женщины из племени кадувео (Южная Америка) и роспись лица вождя из племени маори (рис. 2, 22–23).

Следствием симметричного удвоения образа объясняется также появление в наскальном искусстве Северной Азии фигур «адорантов». Фигуры симметричны, показаны с непропорционально широкими плечами и зауженной талией, неестественно развернутыми нижними конечностями (рис. 2, 5, 11–12). Каждая половина фигуры часто встречается как самостоятельный образ профильных «танцующих человечков» в неолитическом искусстве региона (рис. 2, 6–7, 9–10). Генетическую связь профильных и фронтально-симметричных фигур, наглядно иллюстрирует роспись на шите папуасов Новой Гвинеи (рис. 2, 8). Ось симметрии у ряда фронтальных фигур в петроглифах графически обозначена (рис. 2, 14–17). Вертикальная линия «татуировки» сердцевидных личин в петроглифах Приангарья также маркирует принцип симметричной развертки (рис. 1, 6–8). Семантическая связь личин и фигур адорантов прослеживается на примерах взаимной полиэikonии (Заика 2002). Таким образом, принцип симметричной развертки образа был известен еще в древности, получив широкое распространение в этнографической современности у многих народов мира. Данный прием иллюстрирует переходную стадию преобразования на плоскости профильных форм во фронтальные, объемных – в плоскостные.

Наивно было бы, резюмируя вопросы генезиса сердцевидных личин в наскальном искусстве Северной Азии, ограничиться графическим аспектом проблемы, рационализмом древнего художника, который задачу проекции человеческого лица на плоскость решил путем симметричного совмещения его профилей. Симметрия, как природный феномен, оказала существенное влияние на создание человеком первичного образа мира, его космогонические схемы. «Археологические памятники с бесспорностью свидетельствуют о том, что человечество уже на заре своей культуры имело представление о симметрии и реализовывало его в рисунках, предметах быта, строениях» (Пяткин 1987: 33). Некоторые виды симметрии заложены в самом человеке. Наряду с природными они послужили основой для создания бинарных и тернарных оппозиций, входящих в систему двоичных и троичных противопоставлений первобытности (Вейль 1974: 12). Бинарные оппозиции, основанные на зеркальной симметрии, обязательны для горизонтальных моделей, а троичные – основные составляющие вертикальной структуры мира (Топоров 1982). Таким образом, симметричная развертка

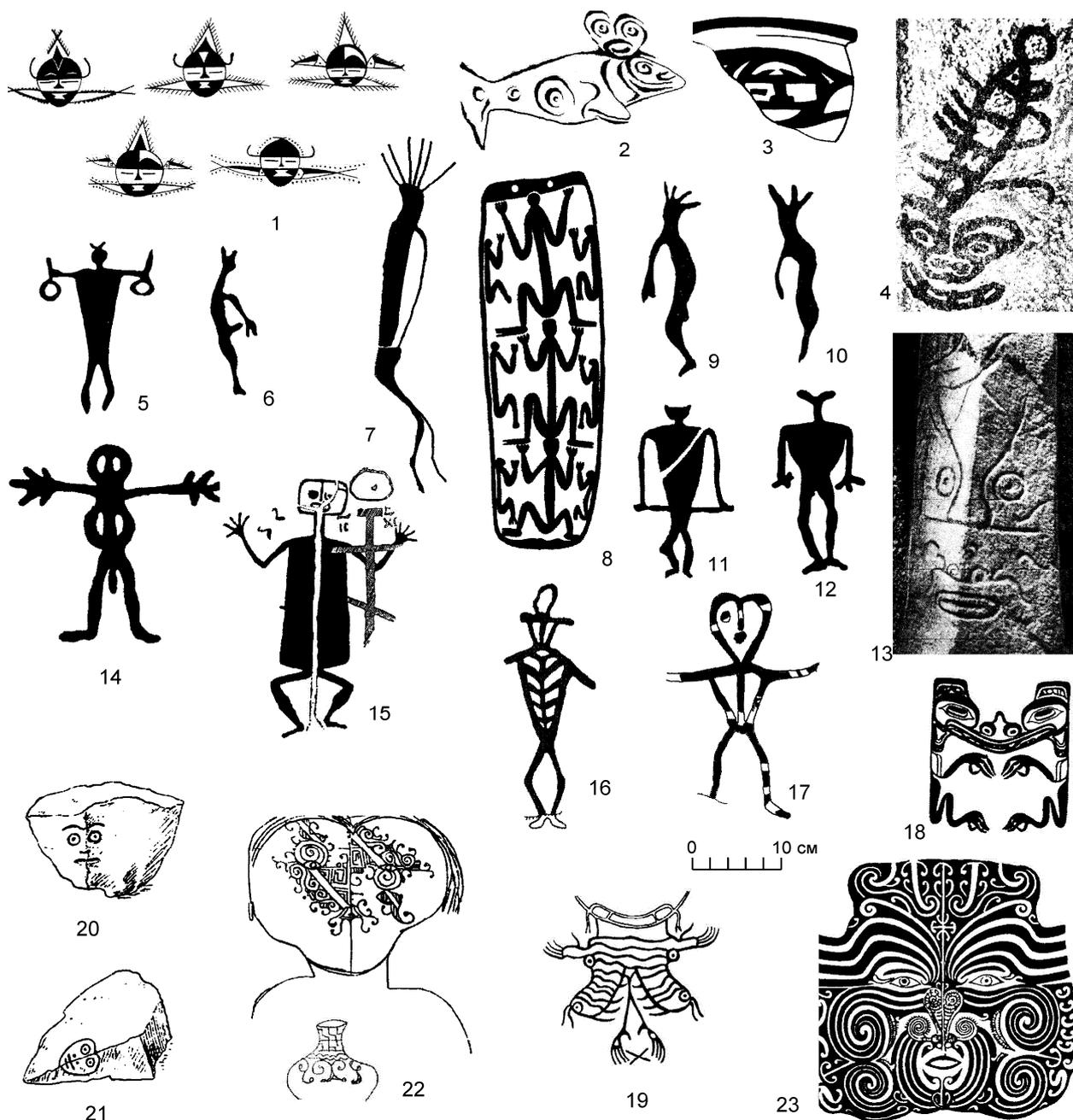


Рис. 2. Принцип симметричной развертки образа в искусстве Евразии, Америки и Океании:  
 1, 3 – роспись керамики яншао (Китай); 2, 4, 20 – петроглифы Северо-Западной Америки;  
 5, 11 – петроглифы Байкала; 6–7, 9–10 – петроглифы Верхней Лены; 8 – роспись на щите папуасов  
 (Норт-Вест-ривер, о-в Новая Гвинея); 12, 14, 16–17 – петроглифы Нижней Ангары;  
 13, 19 – изображения на окуневских изваяниях (Минусинская котловина);  
 15 – петроглифы Бесов Нос (Северо-Восточная Европа); 18 – изображение медведя индейцев хайда  
 (Северо-Западная Америка); 21 – петроглифы Сакачи Алян (Нижний Амур); 22 – рисунок женщины  
 кадувео, 1935 г. (Южная Америка); 23 – роспись лица вождя маори, XIX в. (Океания).  
 1, 3 – по Евсюков 1988; 2, 4, 20–21 – по Окладникова 1979; 5–7, 9–11, 14, 16 – по Окладников 1966;  
 1974а; 1977; 8 – по Эйбл-Эйбесфельдт 1995; 12, 17 – по Заика 2003а;  
 13, 19 – по Леонтьев 1978; 18, 22–23 – по Леви-Стросс 1983

антропоморфных образов в мировоззренческом плане, маркирует принцип бинарности оппозиций в *горизонтальной* модели мира. Право-левая оппозиция подчеркивается вертикальной манерой

татуировки, «разноглазостью» личин, «очковидным» их композиционным построением (Дэвлет Е. 2004: 187–193).

В архаичной горизонтальной модели мира стержневой осью мироздания служила река, истоки которой ассоциировались с позитивным началом (рождение, свет, тепло), устье олицетворяло смерть, тьму, холод. Соответственно, именно по реке («мировой», «родовой», «шаманской») должны были отправляться умершие в «страну предков» (Топоров 1994). Это подтверждается речной ориентацией погребений эпохи неолита – ранней бронзы Приангарья, лодкообразной формой каменных погребальных выкладок, многочисленными фактами захоронения на островах (стационарные «суда» естественного происхождения) в Восточной Сибири. Распространенным в культуре многих сибирских народов и других этносов мира был обряд погребения в лодке (сжигание, погребение в ладье или гробу ладьеобразной формы, отправление мертвого в лодке в море или по реке, укрепление лодки с телом умершего на столбах, изображение ладьи на погребальной утвари и могильных камнях) (Ерофеева 1994: 33).

В петроглифах лодки, как правило, показаны условно, в виде горизонтальной линии с вертикальными «штрихами» гребцов, реже – в виде полулунного контура или дуги. Странную, на первый взгляд, безрукость и безногость «пассажиров» можно объяснить тем, что изображены не живые люди, а души умерших (Заика 1996). Как правило, в некоторых лодках выделена крупная человеческая фигура в «рогатом» головном уборе или с маской-личиной. В различных вариантах на многих петроглифах Северной Азии с изображениями лодок композиционно сочетаются антропоморфные личины (Заика 2003в). На основе анализа петроглифов Нижнего Амура и этнографических источников А. П. Окладников высказал предположение о семантической связи изображений лодок и личин с культом мертвых. «Ладьи мертвых», переполненные условно обозначенными на камне душами умерших, сопровождают по мифической реке в потусторонний мир «духи – водители мертвых» в виде личин (Окладников 1974: 100).

Таким образом, сочетание антропоморфных личин с лодками в петроглифах Северной Азии не является случайным или частным фактом, а отражает базовые позиции в древних представлениях о жизни и смерти, связывает такие понятия, как «река смерти», «ладьи мертвых», «страна предков». «Интернациональность» культов предков, мифических родоначальников, тотемных покровителей, архаичных представлений о структуре мироздания определили широкое распространение данного сюжета («личины-лодки») как во времени, так и в пространстве.

Вместе с тем, ряд композиций с участием лодок можно трактовать не только, как путешествия душ умерших по реке смерти, но и как мифические сцены их возвращения на лодках воскрешения в сопровождении соответствующих персонажей. В мифологии многих народов мира существовали понятия о «ладье воскрешения», о возвращении душ предков. Незамысловатые по своей форме композиции петроглифов с участием лодок по своему содержанию могут нести довольно глубокий смысл мировоззренческого характера. А персонажи, как и сами лодки, – отражать семантическое единство с «фазами космического цикла»: закатом-восходом солнца, сменой времен года, смертью-воскресением и т. д., т. е. так или иначе выходить далеко за рамки событийного, повествовательного сюжета (Заика 2003б).

Подведем предварительные итоги. Неолитические инновации в искусстве Северной Азии маркированы появлением кардинально нового сюжета в петроглифах – антропоморфных личин. Одна из архаичных форм выражения данной категории образов – сердцевидные личины. Своеобразная иконография образа связана с художественным принципом проекции объема на плоскость путем симметричного совмещения его профилей. Симметричная развертка антропоморфного образа в данном случае иллюстрирует не столько новый художественный прием, сколько отражает более глубокий смысл – принцип бинарности оппозиций, как на уровне социальных отношений, так и на мировоззренческом уровне, маркируя архаичную горизонтальную модель мироустройства, где стержневую роль играет река, водоем.

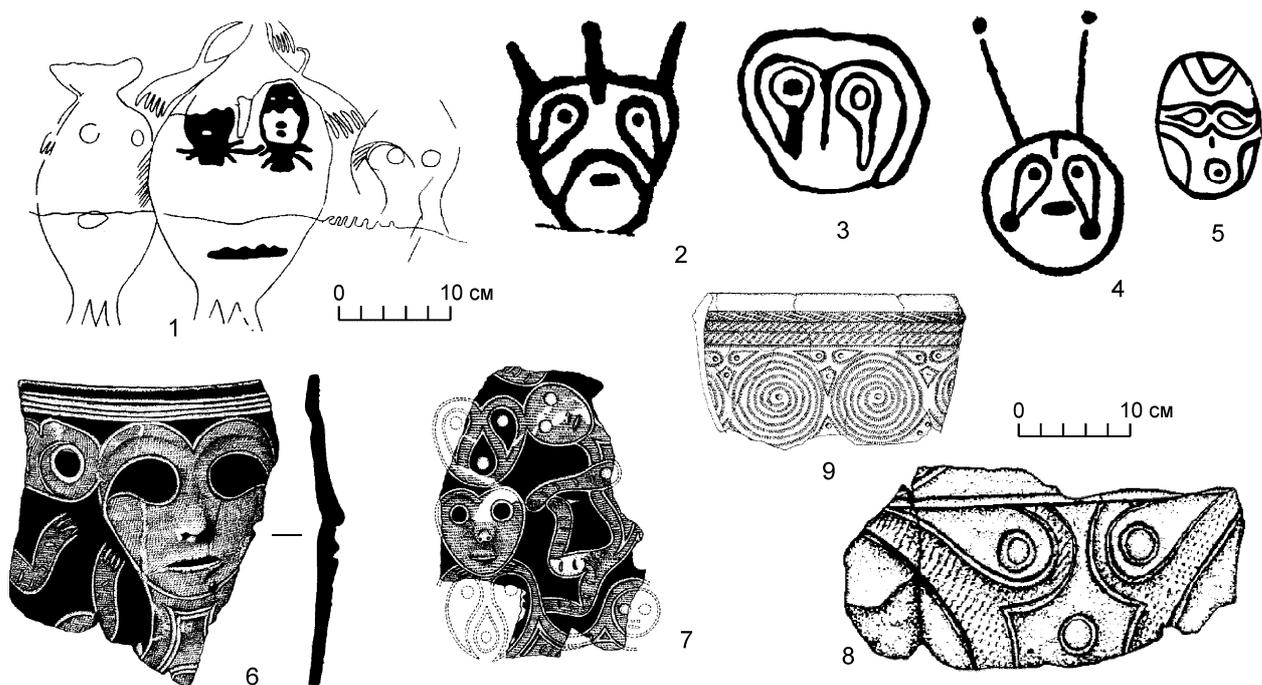


Рис. 3. Ихтиоморфная символика личин в искусстве Северной Азии:

1–5 – петроглифы (1 – Шишкинская писаница, 2 – Усть-Туба, 3 – Лунные горы, 4 – Тас-Хаза, 5 – Сакачи-Алян); 6–9 – керамика (6–7 – Вознесенское, 8 – Кондон, 9 – о-в Сучу). 1 – по Мельникова 1992; 2 – по Шер 1980; 3 – по Дэвлет М. 1992; 4 – по Леонтьев 1978; 5–9 – по Медведев 2005

Затронув сюжет «личины-лодки», обратим внимание на возможную семантическую связь личин с водной средой. Глобальные климатические изменения в эпоху голоцена, повлекшие исчезновение крупных представителей плейстоценовой фауны, явились причиной значительного снижения пищевых ресурсов древнего человека. Это заставило его искать другие источники существования, «окунуться» в прямом и переносном смысле в стихию водоемов. Результаты рыбного промысла, значительно восполнили недостаток в пищевом рационе на ранних стадиях присваивающего хозяйства. Соответственно, аквафауна и связанная с ней водная среда должны были занять приоритетные позиции не только в хозяйственной, но и культурной жизни древнего населения. Вместе с тем, узнаваемые образы представителей ихтиофауны, практически, отсутствуют или единичны в сюжетах наскального искусства.

Возникает закономерный вопрос: какие образы и сюжеты в наскальном искусстве по своей форме могут отражать кардинальные изменения в хозяйстве и, соответственно, мировоззрении неолитических племен? Если изображения рыб были табуированы (что подчеркивает их культовую значимость и предполагает тотемический статус представителей ихтиофауны), то какие же изобразительные формы отождествлялись с ними? Используя метод исключения при анализе композиций петроглифов эпохи неолита по параметрам соответствия образа/персонажа и его среды обитания (лось, марал, медведь, кабан – лес, тайга и т. д.), можно прийти к выводу, что с водной средой, рекой, морем, их обитателями семантическую связь может иметь оставшаяся категория наскальных изображений – личины (Заика 2009).

Такой вывод наглядно демонстрируется сюжетами росписей керамической посуды китайской неолитической культуры яншао (этап баньпо), где изображения рыб не только дополняют, но и являются составной частью антропоморфного образа (рис. 2, 1, 3), а также каплевидным оформлением глаз («рыбки») у личин на неолитических сосудах Нижнего Амура и в более поздних окуневских петроглифах (рис. 3, 2–9). Примером инверсии данного изобразительного приема (часть целого) являются изображения нерп на Шишкинских писаницах, которые графически вписываются в контур личин. Антропоморфные черты образов маркированы наличием округлых глаз и продолговатого

контура рта. Более того, у одной из нерп на месте предполагаемых глаз помещены антропоморфные личины (рис. 3, 1), что свидетельствует о существовании семантической связи между личинами и представителями аквафауны.

В иконографии многих личин на окуневских изваяниях и наскальных рисунках угадывается аббревиатура ихтиоморфного характера (Заика 1991). Сами изваяния по своей форме рыбоподобные, а портативные – явно моделируют объемное тело рыбы (Тарасов, Заика 2000). Сопричастность личин с водной средой подтверждается топо-ландшафтными характеристиками их месторасположения: изображения находятся на периодически затопляемых фризах скалы или береговых валунах. Судя по картографии, степные изваяния Хакасско-Минусинской котловины в большинстве своем приурочены к водоемам (реки, озера) (Леонтьев и др. 2006).

Не исключено, что изначально натуральным макетом для сердцевидных личин (и маской в ритуальных целях) могла служить развернутая на плоскости голова рыбы, которая графически гармонично вписывается в данный образ (Заика, Емельянов 1998: 98–99). Наглядно иллюстрирует данный процесс трансформации и семантическую связь образов композиция американских петроглифов, где изображения головы рыбы и антропоморфной личины не только композиционно сочетаются, но и иконографически (в контексте концепции автора) соответствуют друг другу (рис. 1, 11). Многочисленные линии надбровных дуг, в таком случае, первоначально могли моделировать жаберные щели (рис. 1, 22). Не исключено, что в исходном варианте сердцевидные личины несли ихтиоморфную символику, обозначали «хозяинов» водоемов, от которых зависел успех в рыболовном промысле, благополучие при переправах и т. д. Являясь в определенной степени ипостасью водной среды, данные образы в контексте сюжета петроглифов «личины-лодки» могли претендовать на роль «проводников» душ умерших во время их путешествия в загробный мир – «страну предков».

Таким образом, появление в искусстве Северной Азии антропоморфных образов в виде личин связано с наступлением голоценового межледниковья и активным освоением человеком водных ресурсов и пространств, которые стали предметом сакрализации. Формировалась горизонтальная модель мира, которая на мировоззренческом уровне предполагала бинарность оппозиций и нашла свое отражение в новом художественном приеме – симметричной развертке образа (как вариант проекции объема на плоскость). Сердцевидные личины – следствие графического развития по сагитальной линии лица/головы человека (изначально и натурально, возможно, рыбы).

Любая абстрактная идея в архаичном сознании отождествлялась с реальными объектами окружающего мира и наоборот. Учитывая базовые позиции водоема в данной структуре, первоначально его обитатели, затем метафоричные их образы в виде личин фантастического облика несли синкретические функции и как символы мироздания, и как мифические образы, и как объекты промысловых культов. Универсальной графической формой *выражения* сочетания различных аспектов социо-культурной жизни древних обществ явились антропоморфные образы в виде сердцевидных личин. По мере трансляции образа в пространстве и во времени, в процессе его переосмысления сердцевидные личины получают широкое распространение не только в наскальном искусстве Северной Азии, но и художественной металлопластике.

Вейль 1974 – Вейль Г. Симметрия. М., 1974.

Голан 1994 – Голан А. Миф и символ. М., 1994.

Дэвлет Е. 2004 – Дэвлет Е. Г. Альтамира: у истоков искусства. М., 2004.

Дэвлет М. 1992 – Дэвлет М. А. Древнейшие антропоморфные изображения Южной Сибири и Центральной Азии // Наскальные рисунки Евразии: Первобытное искусство. Новосибирск, 1992. С. 29–43.

Дэвлет М. 1997 – Дэвлет М. А. Окуневские антропоморфные личины в ряду наскальных изображений Северной и Центральной Азии // ОС. 1997. Вып. 1. С. 240–250.

Евсюков 1988 – Евсюков В. В. Мифология китайского неолита. По материалам росписей на керамике культуры Яншао. Новосибирск, 1988.

- Ерофеева 1994 – *Ерофеева Н. Н.* Ладыя // МНМЭ. 1994. Т. 2. С. 33.
- Заика 1991 – *Заика А. Л.* К интерпретации окуневских изображений // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 1991. Т. 2. С. 30–34.
- Заика 1996 – *Заика А. Л.* Наскальное искусство Среднего Енисея // Тайны Среднего Енисея. Железногорск, 1996. С. 25–39.
- Заика 2001 – *Заика А. Л.* Вопросы семантики и хронологии антропоморфных изображений в виде личин (по материалам петроглифов Нижней Ангары) // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 2001. Вып. 2. С. 48–58.
- Заика 2002 – *Заика А. Л.* О полиэпичности антропоморфных изображений в петроглифах Нижней Ангары // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 39–43.
- Заика 2003а – *Заика А. Л.* Антропоморфные личины в наскальном искусстве Нижней Ангары: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2003.
- Заика 2003б – *Заика А. Л.* Личины и лодки (анализ сюжетного сочетания в петроглифах Нижней Ангары) // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск, 2003. С. 128–130.
- Заика 2003в – *Заика А. Л.* Лодки в страну предков (анализ сюжета в петроглифах Нижней Ангары) // История и культура Приенисейской Сибири. Красноярск, 2003. С. 21–31.
- Заика 2006 – *Заика А. Л.* Феномен личин в древнем искусстве Северной Азии (об истоках изобразительной традиции) // Современные проблемы археологии. Новосибирск, 2006. Т. II. С. 294–296.
- Заика 2008 – *Заика А. Л.* «Неолитическая революция» в наскальном искусстве Северной Азии на примере антропоморфных образов // Homo Eurasicus в глубинах истории. СПб, 2008. С. 175–190.
- Заика 2009 – *Заика А. Л.* Водная среда в мировоззрении неолитического населения Северной Азии (по материалам петроглифов) // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность. Красноярск, 2009. С. 92–105.
- Заика, Емельянов 1998 – *Заика А. Л., Емельянов И. Н.* О личинах нижней Ангары // Междунар. конф. по первобытному искусству. Кемерово, 1998. С. 98–99.
- Леви-Стросс 1983 – *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1983.
- Леонтьев 1978 – *Леонтьев Н. В.* Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. Новосибирск, 1978. С. 88–118.
- Леонтьев и др. 2006 – *Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н.* Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан, 2006.
- Медведев 2005 – *Медведев В. Е.* Неолитические культовые центры в долине Амура // АЭАЕ. 2005. № 4 (24). С. 40–69.
- Мельникова 1992 – *Мельникова Л. В.* Изображения нерп на верхней Лене (Шишкинская писаница) // Наскальные рисунки Евразии: Первобытное искусство. Новосибирск, 1992. С. 69–71.
- Окладников 1966 – *Окладников А. П.* Петроглифы Ангары. М.; Л., 1966.
- Окладников 1974а – *Окладников А. П.* Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск, 1974.
- Окладников 1974б – *Окладников А. П.* Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1974.
- Окладников 1977 – *Окладников А. П.* Петроглифы Верхней Лены. Л., 1977.
- Окладников 1978 – *Окладников А. П.* Новые наскальные рисунки на Дубынинском – Долгом пороге (Ангара) // Древние культуры Приангарья. Новосибирск, 1978. С. 160–191.
- Окладников, Мартынов 1972 – *Окладников А. П., Мартынов А. И.* Сокровища Томских писаниц: Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М., 1972.
- Окладникова 1979 – *Окладникова Е. А.* Загадочные личины Азии и Америки. Новосибирск, 1979.
- Пяткин 1987 – *Пяткин Б. Н.* Представления древних людей о пространстве и времени по курганным надмогильным сооружениям // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 31–37.

- Тарасов, Заика 2000 – Тарасов А. Ю., Заика А. Л. Малые формы окуневских каменных изваяний (проблемы интерпретации) // Тр. междунар. конф. по первобытному искусству. Кемерово, 2000. Т. II. С. 182–188.
- Топоров 1982 – *Топоров В. Н.* Первобытные представления о мире // Очерки естественнонаучных знаний в древности. М., 1982. С. 24–28.
- Топоров 1994 – *Топоров В. Н.* Река // МНМЭ. 1994. Т. 2. С. 374–376.
- Шер 1980 – *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
- Эйбл-Эйбесфельдт 1995 – *Эйбл-Эйбесфельдт И.* Биологические основы эстетики // Красота и мозг: Биологические аспекты эстетики. М., 1995. С. 29–73.
- Zaika 2007 – *Zaika A.* Anthropomorphs in Petroglyphic Art of Eurasian Paleolithic // *Suyangge and her neighbors: Prehistoric migrations in Eurasia and America.* Krasnoyarsk, 2007. P. 194–196.

**Г. Н. Вольная (Владикавказ, Россия)**

## **К вопросу о распространении звериного стиля Северной Евразии**

В бассейне р. Терек известны кочевнические погребальные памятники среднескифского периода. Среди них выделяется ряд кочевнических памятников, откуда происходят изделия, связанные с восточными районами распространения скифо-сибирского звериного стиля, проанализированные мной в различных статьях и монографии. Однако последние годы были опубликованы новые материалы из Алтая, Саяно-Минусинской котловины, Южного Урала и Нижнего Поволжья (Богданов 2006; Королькова 2006; Пшеничнюк 2006; Рукавишникова, Яблонский 2008: 199 сл.; и др.), позволяющие вновь рассмотреть такие предметы.

Среди находок из бассейна р. Терек можно выделить несколько изделий, связанных своим происхождением с территорией Центральной Азии. Среди них бронзовое зеркало с зооморфной боковой ручкой из погр. 1 кург. 2 второй курганной группы Новосельского мог-ка (рис. 1, 1; Вольная 1997). Зеркало с боковой ручкой в виде двух фигурок зайцев и щитка полукруглой формы. Ручка прикреплена с помощью двух штифтов к диску округлой формы. Отличительной чертой изображения фигурок является вывернутость их задней части, изображение тела в виде буквы «S». Животные изображены противостоящими друг другу, морда одного животного касается лапы другого. Создается впечатление, что это сцена терзания. Зеркала с боковыми ручками в виде фигурок двух и более животных, часто со сценой терзания, встречены в памятниках Центральной Азии. Схожую композицию из двух сплетенных хищников можно видеть на рукояти бронзового зеркала из кург. 13 Саглы-Бажи II в Туве (Артамонов 1973: рис. 101; Богданов 2006: табл. XLIII, 2), а на рукояти зеркала из Северного Китая, хранящегося в Токийском национальном музее, также изображена сцена терзания из трех хищников, один, находящийся на переднем плане изображен с вывернутой задней частью (Богданов 2006: табл. XLIV, 3) (рис. 1, 2, 3). В Третьем Пазырыкском кургане встречено деревянное изображение фигурки зайца с вывернутой задней частью туловища. О том, что это заяц, а не копытное животное (олениха, лань), свидетельствуют особенности окончаний лап этих животных и выделение пальцев (рис. 1, 4).

Изображения оленя с вывернутым крупом встречено в мог-ке Ани-Ирзо возле сел. Урус-Мартан (рис. 1, 10). Аналогией ему являются большое число изображений копытных животных (олений, ланей, лосей, козлов, коней) с вывернутым крупом в скифо-сибирском зверином стиле саяно-алтайского региона (Филипповский курган, Сибирская коллекция Петра I), а также Монголии и Ордоса, датирующихся VI–IV вв. до н. э. (рис. 1, 5–9, 11–13). Одно изображение оленя происходит из сел. Новопривольное (Поволжье). Передние лапы животных расположены под шеей и мордой животного, а задние ноги заброшены за спину, на бедре в некоторых случаях изображена голова хищной птицы, отростки рогов оленей в виде буквы «S» или «C». Изображения хищников с вывернутой задней частью туловища встречаются на Северном Кавказе (мог-ки Урус-Мартан и Ялхой-Мохкский, Уляп, кург. 2, 3, 4) и в Закавказье (мог-к Гюэнос-1) (Вольная 2004: 60–64). Они находят аналогии в находках из кург. Иссык, в мог-ке Алгоу (Ордос), Сибирской коллекции Петра I,

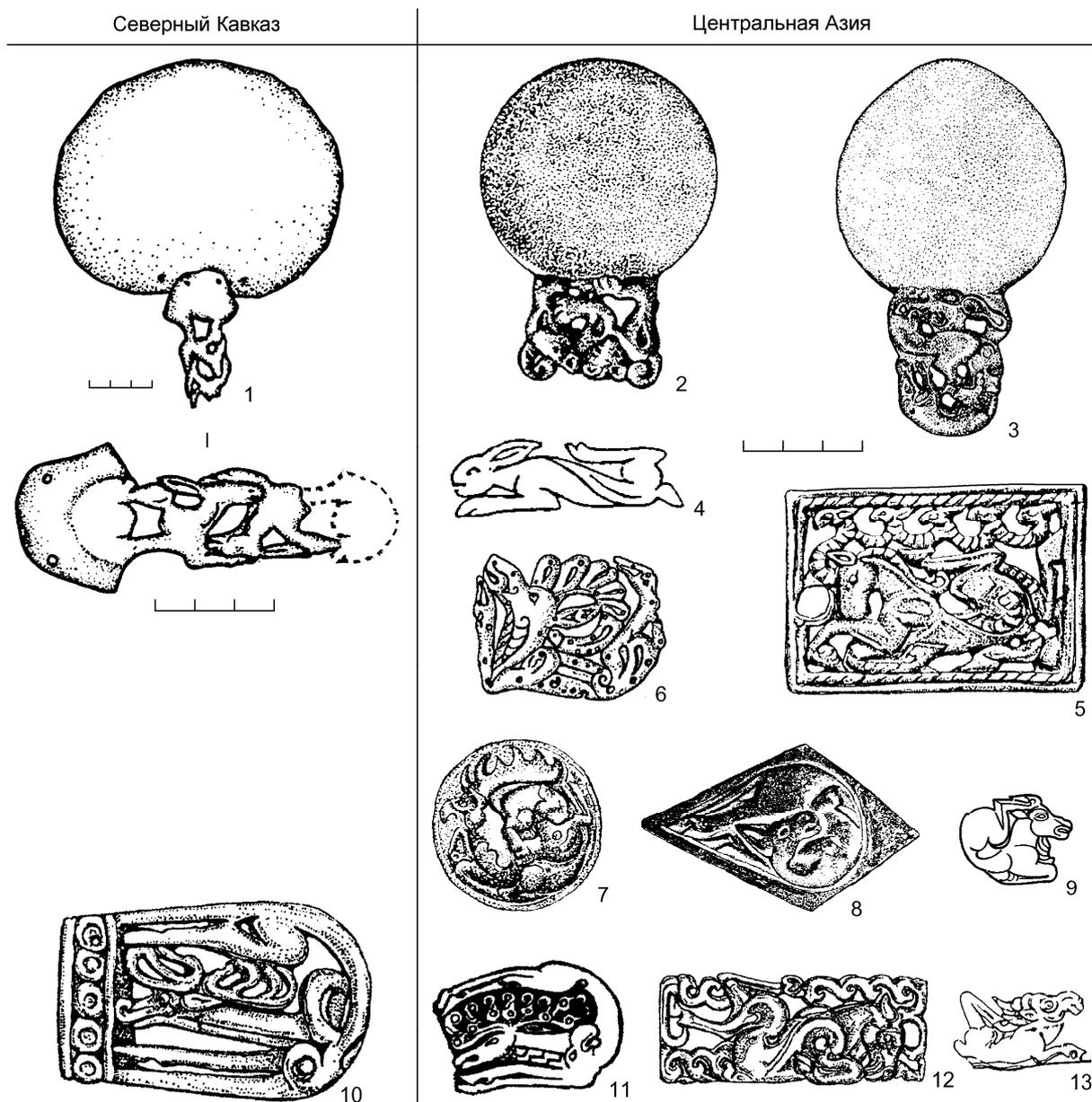


Рис. 1. Изображения зайцев и копытных животных с «вывернутым крупом»:

- 1 – 2-я курганная группа Новосельского мог-ка, погр. 1, кург. № 2; 2 – Саглы-Бажи II, кург. 13;  
 3 – Токийский национальный музей; 4 – Третий Пазырыкский кург.; 5, 12 – Внутренняя Монголия;  
 6 – Филипповский 1-й кург., тайник 1; 7 – Сибирская коллекция Петра I; 8 – Северный Китай; 9 – Алтай;  
 10 – мог-к Ани-Ирзо, сел. Урус-Мартан; 11 – сел. Новопривольное; 13 – Первый Туэктинский кург.

а также в случайной находке на юге Красноярского края (рис. 2, 1–8). Изображения двух фигур хищников, где вывернутая задняя часть превращается в шею и голову другого хищника, происходит из Семибратнего кургана и находит аналогии в Ордосе (рис. 3, 1, 3).

Для мотива животного с «вывернутым крупом» характерны следующие закономерности: если изображен хищник – его лапы направлены в сторону морды и касаются ее, если это изображение терзаемого животного (копытное), то ноги направлены вперед и проходят под мордой животного, либо согнуты и касаются бедра или живота. Схема изображения сохраняется и в кавказских памятниках вне зависимости от того, в каком материале (войлок, бронза, золотая фольга) и в какой технике она воплощена.

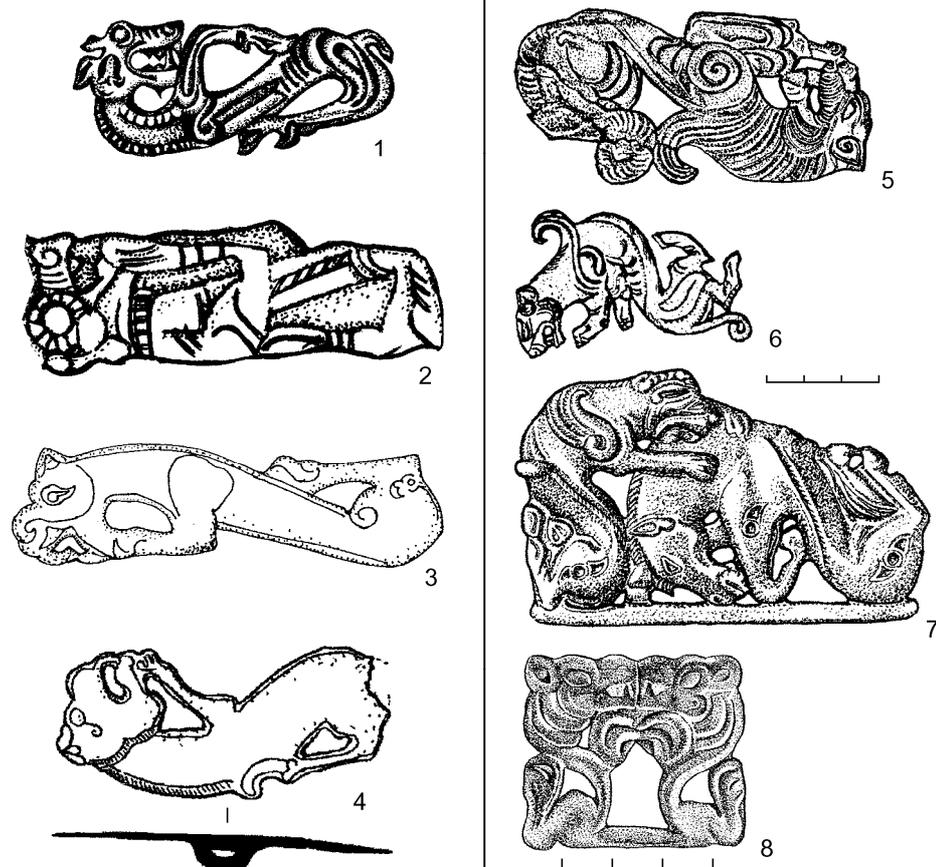


Рис. 2. Изображения хищных животных с «вывернутым крупом»:

1 – Ялхой-Мохкский 4-й мог-к; 2 – Урус-Мартановский 2-й мог-к, кург. 1; 3 – Уляп, кург. 2; 4 – Гюэнос-1; 5 – Четвертый Пазырыкский кург.; 6 – кург. Иссык; 7 – Сибирская коллекция Петра I; 8 – юг Красноярского края

Животные в аналогичной позе встречаются в сибирских памятниках (на золотых бляхах из Сибирской коллекции Петра I – рис. 1, 7; 2, 7), в алтайских курганах (изображение деревянного рельефного грифона из Первого Туэктинского кург., на бронзовой пластине с петелькой из Ордоса). Изображения животных с вывернутым крупом в скифо-сибирском зверином стиле саяно-алтайского региона появляется в VI–IV вв. до н. э. По мнению Л. Л. Барковой, животное с перевернутым туловищем появляется в алтайских памятниках в поздний период, в V–IV вв. до н. э. (Баркова 1995: 76). Такая поза используется для изображения животных в сценах терзания и для передачи одиночных фигурок животных в Пазырыкских курганах, Филипповском 1-м кург., Ак-Алаха, Ордосе, 11-м Берельском кург., Сибирской коллекции Петра I и др.) (Там же). Что касается Филипповского мог-ка, то по мнению Л. Т. Яблонского все курганы могут быть датированы в пределах второй половины V–IV в. до н. э. (Яблонский 2008: 262).

В Пазырыкских курганах много изображений животных – хищников, копытных с вывернутой задней частью туловища – на войлочных седельных покрывах, деревянных украшениях конского убора (рис. 1, 4; 2, 5). Е. В. Переводчикова, рассмотрев локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья, отмечает, что изображения с вывернутым телом V–IV вв. до н. э. отличаются от изображений в зверином стиле Северного Причерноморья, и объясняет это ахеменидским влиянием (Переводчикова 1987). К ее мнению присоединилась и Н. Л. Членова, которая считала, что «на искусство Горного Алтая пазырыкской эпохи оказало влияние искусство Ахеменидского Ирана» (Членова 1999: 315). Однако для ахеменидского Ирана не характерны изображения животных с вывернутой задней частью. Зато подобные изображения известны в Центральной Азии, Ордосе и Сибири.

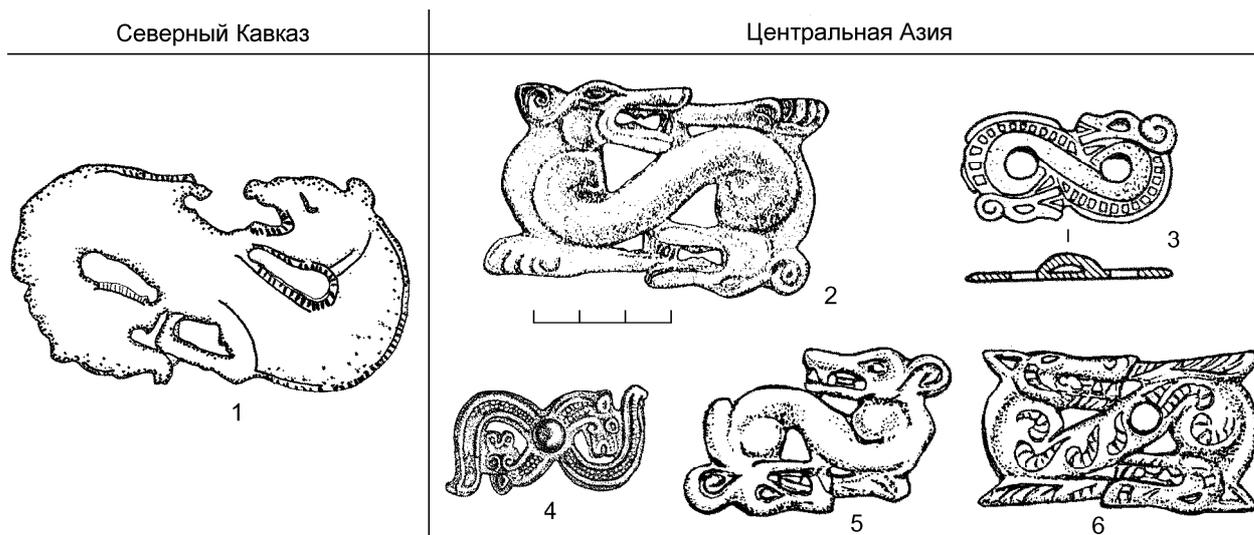


Рис. 3. Сдвоенные S-образные изображения хищников: 1 – Семь братьев, кург. 3; 2 – Северо-Восточный Китай; 3 – Ордос; 4 – Северный Китай, случайная находка (коллекция Харрисов); 5–6 – Северный Китай

В V в. до н. э. аналогичная схема изображения животных встречается и на Северном Кавказе (мог-ки Урус-Мартан и Ялхой-Мохкский, 2-й Новосельский мог-к, мог-к Ани-Ирзо, Уляп, Малый Семибратний кург., Семь Братьев, кург. 2, 3, 4) и в Закавказье (Гюэнос-1) (рис. 1, 1, 10; 2, 1–4; 3, 1).

Важно проследить пути проникновения таких изделий из Южной Сибири. Исследуя скифские миграции, в т. ч. и на Северный Кавказ, Н. А. Боковенко отмечает пути, проходящие из Южной Сибири через Алтай, Среднюю Азию, огибая с юга Каспийской море, и ведущие на Кавказ с юга (Vokovenko 1996: fig. 20). Во многом эти миграции подтверждаются и находками скифо-сибирского звериного стиля. Однако существовал и другой, северный путь проникновения предметов скифо-сибирского звериного стиля на Северный Кавказ из центрально-азиатского региона через Поволжье. Курганные могильники Чечни свидетельствуют о проникновении кочевых племен, связанных происхождением с Центральной Азией.

Артамонов 1973 – Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973.

Баркова 1995 – Баркова Л. Л. О хронологии и локальных различиях в искусстве ранних кочевников Алтая // АСГЭ. 1995. Вып. 32. С. 60–76.

Богданов 2006 – Богданов Е. С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии. Новосибирск, 2006.

Вольная 1997 – Вольная Г. Н. Бронзовое зооморфное зеркало из 2-го Новосельского кургана // Некоторые вопросы культурных и этнических связей населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы – раннего железа. Армавир, 1997. С. 57–63.

Вольная 2004 – Вольная Г. Н. Мотив животного с перекрученным туловищем в скифо-сибирском зверином стиле Кавказа // Старожитности степового Причерномор'я і Криму. Запоріжжя, 2004. Вып. XI. С. 60–64.

Королькова 2006 – Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.): Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. М., 2006.

Переводчикова 1987 – Переводчикова Е. В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М., 1987.

Пшеничнюк 2006 – Пшеничнюк А. Х. Звериный стиль Филипповских курганов // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа, 2006. С. 26–37.

Рукавишникова, Яблонский 2008 – Рукавишникова И. В., Яблонский Л. Т. Костяные изделия в зверином стиле из могильника Филипповка I // Проблемы современной археологии: Сб. памяти В. А. Башилова. М., 2008. С. 199–238 (МИАР. № 10).

- Членова 1999 – *Членова Н. Л.* Новые данные о связях Монголии и Северного Кавказа в скифскую эпоху // Евразийские древности. М., 1999. С. 310–318.
- Яблонский 2008 – *Яблонский Л. Т.* Новые раскопки Филипповского I могильника // Археология восточно-европейской степи. Саратов, 2008. С. 253–268.
- Bokovenko 1996 – *Bokovenko N. A.* Asian Influence on European Scythia // Ancient civilizations from Scythia to Siberia. 1996. Vol. III, 1. P. 97–122.

***М. Е. Килуновская (Санкт-Петербург, Россия)***

## **Наскальное искусство Тувы скифского времени**

Центральная Азия – колыбель скифского искусства. Об этом неопровержимо свидетельствуют тысячи петроглифов, выбитых на скалах Тувы, Монголии, Горного Алтая и Минусинской котловины. Ни в Армении, ни на Кавказе, ни в северо-западном Иране нет наскальных изображений, выполненных в скифском зверином стиле. Исключение составляет несколько гравировок в селе Верхнее Лабко-Махи в Дагестане (Марковин 2006: 14), но они столь вычурны, что лишний раз доказывает, что пришельцы из Центральной Азии утратили целостное представление о своей культуре и стремились удержать какие-то фрагменты. Напротив, в Туве наскальное искусство сохранило все образы скифского бестиария, изображения всадников и человеческие фигуры.

М. П. Грязнов выделил два этапа в развитии искусства скифского времени: ранний – до V в. до н. э., и поздний – с V в. до н. э. (Грязнов 1978: 229). Основываясь на сопоставлении различных категорий памятников: предметов прикладного искусства, петроглифов и оленных камней, мне удалось выделить шесть изобразительных комплексов, объединяющих несколько линий художественного развития, на базе которых формировался скифский звериный стиль (Килуновская 2001). Эти комплексы не совпадают с археологическими культурами и не вмещаются в жесткие хронологические рамки. Два первых комплекса (1 и 2) сохраняют в своей основе первоначальные художественные традиции, восходящие к окуневскому и карасукскому искусству. Они сосуществуют на протяжении VIII–VII вв. до н. э. (возможно, IX–VII вв. до н. э.). Третий изобразительный комплекс сложился как результат контаминации первых двух и датируется VI в. до н. э. Произведения искусства, определяющие своеобразие этого комплекса, происходят, как правило, из алдыбельских памятников Тувы. Четвертый и пятый изобразительные комплексы демонстрируют процесс дезинтеграции алды-бельской культуры, что связано, в первую очередь, с усилением алтайских влияний на западные территории Тувы и вторичной эгалитаризацией степных племен. Под влиянием этих факторов формируется искусство саглынской культуры и более выпукло очерчиваются признаки уюкских памятников, также сформировавшихся на какое-то время в самостоятельную культуру и удерживающих ряд «аржано-алды-бельских» традиций. Шестой изобразительный комплекс маркирует полное исчезновение «уюкских» традиций. На этом этапе, в III–II вв. до н. э. (возможно, III–I вв. до н. э.) саглынская культура вбирает в себя ряд инноваций, связанных с эпохальными этнополитическими изменениями в этой части степной Евразии.

Первый изобразительный комплекс объединяет изображения, выполненные в аржано-майэмирской традиции, второй – в монголо-забайкальском стиле. В отличие от монголо-забайкальского стиля, проявляющегося в Туве как манифестация контактов с культурами скифского типа, ареалы которых локализируются южнее Танну-ола, аржано-майэмирский стиль формируется непосредственно в бассейне Верхнего Енисея (Килуновская 2002). Обломок оленного камня из Аржана демонстрирует наличие определенного канона, возникшего не позднее IX–VIII вв. до н. э. По-видимому, с Саяно-Алтая этот стиль распространяется на ЮЗ в Среднюю Азию (петроглифы Ур-Марала) и на ЮВ – во Внутреннюю Монголию (петроглифы в горах Инь-Шань). Передача некоторых особенностей агрессивных животных, напр., пасти вепря из Ур-Марала и пасти тигра из Инь-Шаня, свидетельствует о сквозных устойчивых инвариантах, закрепленных в художественной практике в данном регионе в скифскую эпоху.

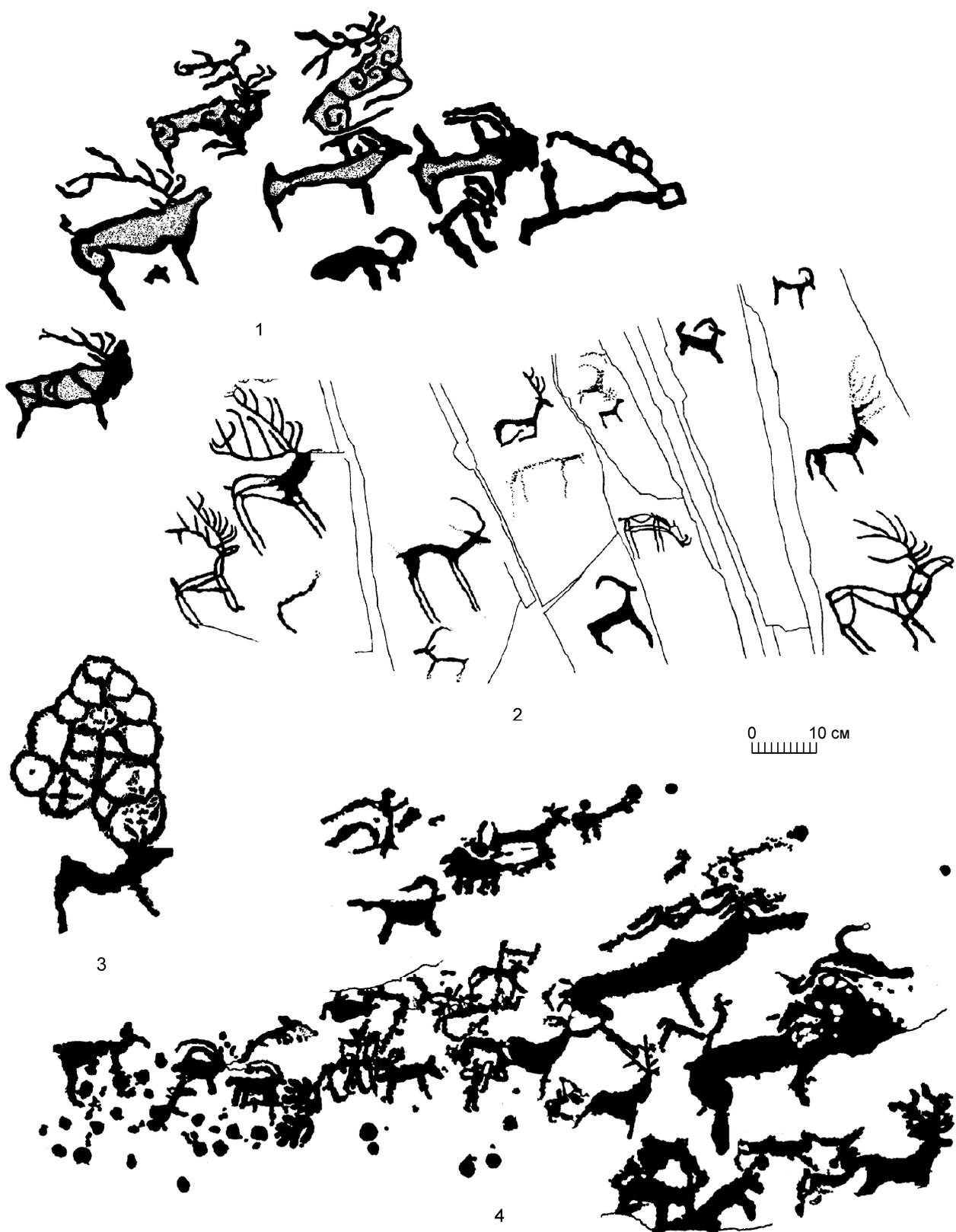


Рис. 1. Петроглифы скифского времени: 1 – гора Хербис, группа 5;  
2 – гора Шанчиг, правый берег р. Чыргакаы; 3 – гора Йиме; 4 – камень у горы Догээ

Петроглифы на горе Хербис, у подножия которой располагаются мог-ки Суглуг-Хем 1 и 2, включают в себя архаические пласты, позволяющие говорить о формировании канона аржаномайэмирского стиля. На одной из плоскостей (№ 5, второй ярус) изображены четыре оленя в

вертикальной последовательности как на оленном камне (рис. 1, 1). Все они изображены строго в профиль, только у одного оленя показаны две передние ноги, у остальных – по одной передней и одной задней ноге, ветвистый рог и острое ухо. Нижний олень (№ 1) – контурно-силуэтное изображение с поднятой вверх головой, на вытянутых ногах, на спине острый горб, туловище расчленено поперечными линиями, благодаря чему выделяются значимые в скифском зверином стиле лопатка и бедро, а средняя часть – силуэтная. Вторым рисунком – контурный, со слабой точечной забивкой внутри выделенного контура. У этого оленя показан глаз, из которого, как и на оленных камнях, «вырастает» рог, но ухо отнесено немного назад. Спина ровная, со слабо выделенным треугольным выступом, ноги вытянуты, на них показано копыто, на бедре – спиральный завиток. Третья фигура с подогнутыми передними ногами и прямой задней, спиральные завитки на плече и бедре подчеркивают значение этих частей тела. Четвертая фигура выбита перед третьей, т. к. размеры плоскости скалы не позволяют поместить эту фигуру над третьей. Здесь также спиральные линии отмечают бедро, лопатку, среднюю часть фигуры, ноги подогнуты одна под другую, голова поднята вверх, рог раскинут над спиной – это классическая скифская поза, которую можно сопоставить с образцами бронзового литья, широко представленного в памятниках Минусинской котловины, но совершенно неизвестных в Туве.

В определенной степени эти рисунки могут быть сопоставлены с более стройными ортаа-саргольскими аржано-майэмирскими оленями, но также выбитыми в контурно-силуэтной манере – с двумя ногами, с ветвистым раскидистым рогом. Такие же, но более изящные олени, сопоставимые с изображениями на аржанском камне, известны на «Дороге Чингисхана» (Дэвлет 1982: 57–60, табл. 10). Помимо оленей на скалах Тувы в том же стиле выбиты и кабаны – их изображения имеются на памятниках около Эрбека, на Ортаа-Сарголе, на горе Шанчиг у реки Чыргагы (рис. 1, 2).

При всем кажущемся обилии рисунков в том или ином каноническом стиле на скалах Тувы их оказывается не так и много. Более многочисленны характерные для этого региона петроглифы, выбитые в условно-реалистической манере, которые можно связать с третьим изобразительным комплексом. Подавляющая часть этих рисунков представлена изображениями горных козлов, а также всадников в остроконечных шапках (Эрбек). Сравнительно редки в наскальном искусстве кошачьи хищники, подобные тому, что изображен на скалах Йиме (Куйлуг-Хем). Этот петроглиф опубликован М. А. Дэвлет (1976: табл. 71) и А. Д. Грачом (1980: рис. 114) в обоих случаях не вполне точно. Среди петроглифов скифского времени встречаются также и верблюды – редкий мотив в прикладном искусстве скифского времени Тувы, но широко представленный в культуре савроматов и позднее – в гунно-сарматское время. В связи с этим небезынтересно наличие на скалах Йиме на Куйлуг-Хеме оленя с разветвленными, вычурными рогами, определенные аналогии которому могут быть представлены объемными и плоскостными фигурами оленей из Филипповского Пятого кургана на Южном Урале (рис. 1, 3). В целом, весь bestiary наскального искусства (за исключением оленей) дублируется в мелкой пластике и торевтике, входящей в закрытые комплексы уюкских и алды-бельских погребений.

Чрезвычайно важным открытием для хронологической атрибуции наскальных рисунков скифского времени явилось обнаружение плит с изображениями в кург. Аржан-2. Они находятся в закрытом археологическом комплексе, и поэтому мы можем установить для них верхнюю дату – середина–вторая половина VII в. до н. э., т. е. дата сооружения кургана (Чугунов 2008). В ограде кургана и насыпи было найдено 36 плит с изображениями, выполненными в различных манерах. Часть рисунков относится к предскифскому времени – личины, колесница, хищник с зубастой пастью, контурные фигуры оленей и козлов. Есть рисунки в условно-реалистической манере, но большинство относится к аржано-майэмирскому стилю. Причем они также отличаются в некоторых деталях, напр., изображение глаз, постановка ног, контуры фигур и т. д., что дало возможность К. В. Чугунову прийти к очень важным выводам о возникновении и развитии аржано-майэмирской традиции в пределах IX–VII вв. до н. э. (Там же: 68). Однако хотелось бы отметить, что изображения животных из Аржана-2 сделаны чрезвычайно тщательно и с большим мастерством,

прослеживается предварительная их разметка тонкими гравированными линиями на поверхности камня, четкий силуэт сделан мелкой плотной ровной выбивкой. Такая манера не характерна для наскального искусства Тувы. Так выполнены единичные петроглифы, на Ортаа-Сарголе и Сыын-Чюреке. Аржанские рисунки – полные аналогии изображениям на оленных камнях из Уюкской котловины – Туранский, Орзак-Аксы, Уюк-Аржан и др. (Килуновская, Семёнов 1998). Особенно это относится к изображениям лосей и оленей, «стоящих на кончиках копыт» (плиты 3/01, 16/02 и др.), а также кабанов на плите 15/02. Создается впечатление, что они сделаны по тому же шаблону, что и на Туранском камне. Это может подтвердить предположение, что многие плиты из Аржана-2 были изготовлены специально для кургана и имели ту же семантическую нагрузку, что и оленные камни. Тогда и плита с решетчатой фигурой, которые столь характерны для оленных камней, действительно находится на своем месте в ограде и была сделана именно для кургана (Чугунов 2008: 54).

В различных районах Тувы зафиксированы петроглифы, выполненные в монголо-забайкальском стиле. Изображения оленей в монголо-забайкальском стиле почти всегда входят в композицию, включающую собственно оленя и преследователей. На камне у Догээ-Баары в роли преследователей выступает два всадника, один с луком в руках, два пеших лучника и собака. Кроме этих персонажей здесь есть изображения оленей с древовидными рогами, козлы и чашечные углубления (рис. 1, 4). На Куйлуг-Хеме на горе Шолде-Тей выявлена композиция на горизонтальной поверхности скалы с оленем в монголо-забайкальском стиле, рядом с которым расположены олени с древовидными рогами, а также изображения козлов собственно скифские и схематические (геометрические) рисунки эпохи поздней бронзы. На этой же горе есть незаконченный рисунок подобного оленя: здесь выбит глаз (круг), от которого отходит длинный клювовидный нос оленя и длинный ветвистый рог, не четко, но все же выбито и ухо (Килуновская 2004). Изображение оленя может быть преднамеренно сделано неполным. Зачастую выбивается только рог оленя, напр., на скале Алды-Мозага на правом берегу Улуг-Хема выше р. Чинге (Дэвлет 1998: 185–191, рис. 15, 1).

На горе Йеме (левый берег Куйлуг-Хема, примерно в 2 км от современного устья реки, выше плато Алдыбель) нами обнаружено четыре изображения оленей в монголо-забайкальском стиле. Их особенностью является постановка ног (полусогнутые в коленях), длинные клювовидные морды, ветвистые рога, проработка копыт (Дэвлет 2001: табл. 10; 11). У одной из фигур копыта показаны раздвоенными в виде «рогульки», проработана лытка, скаковой сустав, четко очерчено бедро, хвост, показан глаз, два ветвистых рога, раскрытая пасть (рис. 2, 1). Оленя преследует собака.

В урочище Мозага-Комужап представлена многофигурная композиция, объединяющая не менее 40 изображений, среди которых семь оленей выполнены в монголо-забайкальском стиле (Дэвлет 2009: табл. 35–38). Среди них выделяется левая часть плоскости, где в центре расположены три оленя, окруженные со всех сторон хищниками (собаками?) (Semjonov 1986). У одного из оленей (оленуха?) под брюхом изображены животные. Оба животных имеют рога, что дает право думать, что рога в данном случае выступали в роли индикатора – знака, служащего указанием на видовую принадлежность животного. Подобные сцены – оленуха с олененком, известны и на других памятниках Тувы, в частности, в Хемчикской котловине на скалах горы Шанчиг, правый берег р. Анныяк-Чыргакы.

На правом берегу Чинге на горе Алага олени в монголо-забайкальском стиле также окружены фигурами животных, выбитыми, по-видимому, в разное время (рис. 2, 2). В основном, это изображения козлов, человека, возможно, собак. Изображения оленей с Чинге стилистически близки рисункам на Куйлуг-Хеме.

На правом берегу Енисея олени в монголо-забайкальском стиле есть в долине Ортаа-Саргол, где М. А. Дэвлет зафиксировала, как минимум, две плоскости с подобными петроглифами, включающими сцены преследования оленя хищниками (Дэвлет 1982: 65, 87, табл. 13, 1; 21). Несколько подобных фигур мы зафиксировали на скалах Овюра и у около пос. Саглы.



Рис. 2. Петроглифы скифского времени:

1 – гора Йиме, олень в монголо-забайкальском стиле; 2 – гора Алага, правый берег р. Чинге

Этим перечнем почти исчерпываются местонахождения петроглифов, выполненные в монголо-забайкальском стиле. Большинство из них приурочено к берегам Улуг-Хема и его притокам. Известна одна скала с монголо-забайкальскими оленями на правом берегу Алаша, неподалеку от его впадения в Хемчик.

Большинство рисунков на скалах Тувы выбито в условно-геометрическом стиле. По-видимому, он формируется в эпоху поздней бронзы (?) и существует вплоть до рубежа нашей эры. Реплики этого стиля вновь появляются в средние века в облике т. н. тамгообразных козлов у древних тюрков. В целом, в наскальном искусстве Тувы доминирует образ сибирского козерога и барана-архары. Горные животные, обитающие вблизи ледников и снежников, считаются в высокогорной Азии собственностью богов, обитателей верхнего мира. Этим и объясняется огромное число сюжетов со стадами диких козлов и баранов, кроме того они ассоциируются с энергиями солнечного света и грома/молнии и т. д. (Семёнов 1999). Статистические данные, собранные на отдельных, полностью обследованных памятниках, подтверждают исключительную роль горных животных в искусстве, а, следовательно, и в мифологии народов Центральной Азии. Так, на скале

Йиме (левый берег Куйлуг-Хема) учтено 177 изображений, из них: 114 – горные козлы; 18 – олени; 8 – люди; 1 – фигура кошачьего хищника; 7 – триквестры, т. е. композиции, составленные из спирально закрученных рогов тех же горных козлов или баранов; 30 – различные другие изображения, включающие рисунки тувинцев. Такая же картина вырисовывается и на других местонахождениях Тувы. Так, на скалах Бижиктиг-Хая, расположенных на правом берегу Улуг-Хема ниже р. Чинге, выбито не менее 415 изображений козлов, 43 – собак, 33 – оленей, 21 – людей (включая тувинские рисунки), 12 – быков, 6 – кабанов, 4 – всадников и 2 – коней. Около 50 неясных рисунков и несколько плит с нефигуративными изображениями (чашечные камни) (Дэвлет 1993).

Олени и собаки часто изображены вместе в сценах преследования или охоты, т. к. наряду с собакой представлен иногда и лучник, реже – всадник, преследующий оленя. Настоящие хищники встречаются среди петроглифов чрезвычайно редко. Одно такое изображение известно на скалах Йиме. Здесь действительно изображен зверь с длинным, закрученным на конце спиралью хвостом, с длинными выпущенными когтями и вытянутой мордой. В целом этот рисунок совмещает в себе признаки разных зверей, но его нельзя назвать волком или медведем, перед нами попытка изобразить именно кошачьего хищника (тигра?), нередко встречающегося на скалах Монголии. Промежуточное положение между копытными и хищными животными занимают кабаны, наделенные клыками и копытами. Кабаны являют некий фантастический образ, свидетельствующий о двойственности всех природных качеств. В отдельных случаях он уподобляется хищникам – обитателям нижнего мира, и его часто помещают на оленном камне в нижней зоне рядом с оружием, чем подчеркивается его связь с определенным кругом представлений, включающих переходные обряды жизненного цикла (Килуновская, Семёнов 1993).

Редкими среди петроглифов являются рисунки коней и верблюдов. Известные на перечисленных памятниках кони относятся к эпохе, предшествующей появлению скифского звериного стиля. Скифский пласт петроглифов представлен конем со всадником на спине, и только на оленных камнях встречаются кони сами по себе, как одна из составляющих скифский бестиарий, а не как часть культуры раннего кочевника. Верблюды встречаются еще более редко и изображаются, как правило, в реалистической манере. Их появление на скалах Тувы можно связать с начальными этапами Великого переселения народов (гунно-сарматское время).

Грач 1980 – *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.

Грязнов 1978 – *Грязнов М. П.* Саяно-Алтайский олень (этиюд на тему скифо-сибирского звериного стиля) // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 222–232.

Дэвлет 1976 – *Дэвлет М. А.* Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976.

Дэвлет 1982 – *Дэвлет М. А.* Петроглифы на кочевой тропе. М., 1982.

Дэвлет 1993 – *Дэвлет М. А.* Изображения на скалах Бижиктиг-Хая // Памятники наскального искусства. М., 1993. С. 79–193.

Дэвлет 1998 – *Дэвлет М. А.* Петроглифы на дне Саянского моря. М., 1998.

Дэвлет 2001 – *Дэвлет М. А.* Петроглифы Куйлуг-Хема // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001. С. 370–454.

Дэвлет 2009 – *Дэвлет М. А.* Мозага-Комужап: Памятник наскального искусства в зоне затопления Саянской ГЭС. М., 2009.

Килуновская 2001 – *Килуновская М. Е.* Типология и хронология памятников искусства скифского времени Тувы // Евразия сквозь века. СПб, 2001. С. 179–182.

Килуновская 2002 – *Килуновская М. Е.* Аржано-майэмирский стиль в наскальном искусстве Тувы // СЕДС. 2002. Кн. I. С. 52–57.

Килуновская 2004 – *Килуновская М. Е.* Наскальные композиции на горе Шолде-Тей (Улуг-Хая) в Туве // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. СПб, 2004. С. 255–261.

Килуновская, Семёнов 1993 – *Килуновская М. Е., Семёнов Вл. А.* Оленный камень – изобразительная и мифологическая структура // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово, 1993. С. 88–103.

- Килуновская, Семёнов 1998 – *Килуновская М. Е., Семёнов Вл. А.* Оленные камни Тувы (ч. 1. Новые находки, типология и вопросы культурной принадлежности) // Археологические вести. СПб, 1998. № 5. С. 143–154.
- Семёнов 1999 – Семёнов Вл. А. Знаки-индексы в наскальном искусстве Северной Евразии // Тр. междунар. конф. по первобытному искусству. СПб, 1999. Т. 1. С. 180–185.
- Чугунов 2008 – *Чугунов К. В.* Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан-2 (к хронологии аржаномайэмирского стиля) // Тропой тысячелетий: Сб. науч. тр., посвящ. юбилею Марианны Арташировны Дэвлет. Кемерово, 2008. С. 53–69.
- Semjonov 1986 – *Semjonov Vl.* Maa Aasia audames // Horizont. 1986. No 1. P. 34–37.

**И. В. Рукавишникова (Москва, Россия)**

### **Применение пространственного анализа изображений для изучения звериного стиля ранних кочевников Евразии**

Известные изображения, выполненные в зверином стиле, а также многочисленные труды, посвященные изучению звериного стиля как изобразительной системы кочевников в целом и отдельных его вариантов, в частности (Толстой, Кондаков 1890; Borovka 1928; Rostovtzeff 1929; Грязнов 1958; Руденко 1961; Артамонов 1971; Раевский 2001; Кузьмина 1983: 95 сл.; Шер 1980; Переводчикова 1994; Королькова 2006; Подольский 2010; Кореняко 2002; Канторович 2002; и др.), способствуют тому, что проблемы происхождения и развития этого художественного направления продолжают оставаться актуальными при поступлении новых материалов и осмыслении основных концепций. Изучение «звериного стиля» важно для исследования археологических культур ранних кочевников, т. к. оно непосредственно связано с проблемами хронологии и культурных взаимодействий кочевых племен раннего железного века.

Сложение звериного стиля, как художественного направления, проходило в разных регионах евразийских степей под воздействием достижений искусства древнейших цивилизаций человечества, с которыми происходили непосредственные контакты: Древней Греции, Персии и Китая. Истоки художественных форм и архетипов мифотворческого искусства, как видится, находились в древнейших цивилизациях Передней Азии, Бактрийско-Маргианского археологического комплекса, Древнего Китая и Древней Индии. Территория распространения звериного стиля скифского времени «сако-сибирских» культур – от Волги до Южной Сибири, от Зауралья до Притяньшанья – это степные пространства, которые населяли в раннем железном веке кочевники со схожей материальной культурой и мировоззрением.

Конкретная задача настоящего исследования в рамках проблемы изучения звериного стиля – анализ сходства и различия изображений разных регионов хронологически и территориально. Важность исследования ярких образцов семантически значимых творений древнего искусства, таких как, напр., меч из Филипповского могильника (Яблонский и др. 2011: 219), делает необходимым изучать новейшими методами большие выборки изображений декора на предметах кочевых культур.

Для этого исследовались выполненные в зверином стиле и относящиеся к скифскому времени изображения из разных регионов, имеющих контактные зоны. Применяемая методика изучения изображений – комплексный системный подход в анализе изображений звериного стиля, предметов быта и погребального культа ранних кочевников скифского времени (VII–III вв. до н. э). Использовались как систематизация, так классификационный, стилистический и композиционный методы, изучение технологии и метод пространственного анализа. В ходе исследования были созданы базы данных по отдельным регионам, изображения были подробно разобраны по 11 характеристикам, далее – изучалось место каждого изображения в общем комплексе художественного направления и материальной культуры ранних кочевников.

Пространственный анализ для изучения звериного стиля раннего железного века необходим для понимания принципов происхождения и встречаемости различных иконографических схем звериного стиля, которые анализировались по разным признакам. Очень важной в развитии этого подхода явилась диссертация С. А. Васильева, посвященная искусству ананьинской культуры (Васильев 2002). Простые и сложные стилистические, композиционные и также технологические подходы в прикладном декоративном творчестве свидетельствуют о разнообразии в декоративных решениях художников и многоплановом мировоззрении заказчиков – носителей материальной культуры. Поэтому сложные композиционные схемы при декорировании предметов материальной культуры кочевников – есть свидетельства мифологического мировоззрения и эволюционного развития художественного стиля, в т. ч. и вследствие разнообразных контактов с соседними культурами.

Сочетание в исследовании декора предмета определенных стилистических и композиционных черт, типа изделия, материала и технологии, помогает найти не только аналогии, но и определить направления заимствований иконографии, технологии и импортов, а также вектор контактов носителей культур.

Первоначально база данных изображений создавалась на основе комплекса изображений звериного стиля Южного Приуралья, происходящих из Филипповского мог-ка, т. к. их количество и разнообразие позволяет учесть разные характеристики, в т. ч. аналогии и происхождение. В дальнейшем были добавлены изображения из следующих регионов: 1) Нижнее Поволжье; 2) Южное Приуралье и Западный Казахстан; 3) Зауралье; 4) Хорезмийский оазис; 5) Семиречье; 6) Северо-Восточный Казахстан; 7) Юго-Восточный Казахстан; 8) Алтайский край; 9) Горный Алтай; 10) Тува; 11) Хакасия; 12) Сынцзян. Также дополнительно (вне рамок основного исследования) рассматриваются изображения Среднего Дона и Северного Предкавказья. Разделы по изображениям Хакасии и Сынцзяна рассматривались лишь в качестве дополнений, т. к. находятся в процессе накопления данных.

Основой базы данных является табличная структура хранения сведений о каждом отдельном изображении. Поля базы данных содержат информацию по 11 категориям. Для отдельных вариантов значений в рамках каждой категории используются дополнительно таблицы классификаторов и числовые значения признака, позволяющие связывать таблицы между собой, получать выборки по отдельным признакам или по группе признаков. Отдельная таблица содержит данные по рассматриваемым памятникам, откуда происходят изображения. Каждому памятнику присвоен уникальный идентификатор, который используется как индексное поле при заполнении данных по значениям рассматриваемых категорий для отдельных изображений.

Геоинформационная система на основе программного продукта ArcGIS также содержит данные по исследуемым памятникам в табличном виде с уникальными идентификаторами для каждого памятника. Отдельные записи в таблицах привязаны к отдельным картографическим объектам. В результате можно привязать данные из базы данных по изображениям к отдельным картографическим объектам и получать специализированные карты, отображающие распределение памятников, изображения которых обладают требуемыми параметрами отдельной категории или группы категорий на основе выборки из базы данных средствами специализированных SQL запросов.

Всего обработаны изображения из 103 погребальных памятников и случайных находок, при этом было рассмотрено более 1000 изображений. Используемые категории для анализа каждого изображения – это характеристики декорированного археологического артефакта и самого изображения, которое анализируется по 11 категориям: 1) местонахождение предмета; 2) образ; 3) изделие (декорированный предмет); 4) материал изделия; 5) технология изготовления; 6) рельеф; 7) редуцированность образа; 8) композиция; 9) стилистические особенности; 10) аналогии; 11) датировка. Рассмотрим эти категории.

*Категория 1 – местонахождение.* В этом признаке указывается могильник, курган или случайная находка и дается информация о местонахождении. Для узкой базы изображений, относящейся к одному могильнику (это возможно лишь с материалом коллекций, происходящих

из памятников типа Аржан-2 или Филипповка) в этой графе указаны признаки, дающие основу для планиграфии изображений внутри могильника, т. е. курган, погребение и т. д. Данная информация позволяет выявлять закономерности в расположении особенно значимых изображений и предметов в захоронении, что дает возможность выявлять их значение в погребальном обряде.

Основные выборки изделий с изображениями происходят из таких ярких погребальных комплексов, как Блюменфельд, Филипповский, Пятимары, Мечетсай, Кичигино, Кара-Оба, Тагискен, Уйгарак, Тасмола, Талды, Берель, Чиликты, Иссык, Туекта, Башадар, Пазырык, Ак-Алаха (особенно из-за сохранности предметов из органики), Аржан-2. Также рассматриваются материалы и из многочисленных рядовых курганов на обширной территории от Нижнего Поволжья до Хакасии. Этот фактор показывает значимость изображений в зверином стиле в рядовых комплексах и широкое распространение этого искусства в жизни ранних кочевников. Дополнительно исследуются изображения из кладов (напр. Жалаулинского) и случайных находок.

*Категория 2 – образ.* На исследуемых предметах изображены различные животные: горные козлы или бараны, лошади, сайгаки, олени, верблюды, волки, медведи, «пантеры», тигры, леопарды, хищные птицы, рыбы; части этих образов, а также части их тел (голова, рога, лапы). Встречаются фантастические образы, чаще грифоны, которые маркируют наличие связей с переднеазиатской традицией в вариантах звериного стиля (Канторович 2010: 189). Широко распространены головы грифонов на предметах узды, но в некоторых регионах – это лишь хищные птицы с ушами, а в Туве – только головы хищной птицы.

*Категория 3 – изделие.* Вещи, украшенные звериными образами, входят в круг вещевого комплекса погребального обряда. Это предметы вооружения и культа, украшения, посуда, навершия, зеркала, узды и др. Предметы вооружения и сопутствующие артефакты: мечи, клевцы и секиры, ножи, ножны, стрелы, колчаные крюки, костяные ложечки, портупейные пряжки, чехлы для наконечника копья. Украшения: гривны, пекторали браслеты, нашивки, накладки, пронизи, перстни, булавки, подвески, навершия головных уборов. Среди изделий также: оковки сосудов и ручек, ручки сосудов (что свойственно для более позднего звериного стиля – сарматского); жертвенные столики, зеркала, навершия, детали музыкального инструмента, пест. Детали конской упряжи: бляшки, псалии, наносники, налобники, пронизи, пряжка, накладки. Все изображения в зверином стиле относятся к прикладному искусству и зависят от предмета, на котором они выполнены, включая наскальные изображения. Поэтому пространство для композиции – это сама вещь. Изображение вписано в границы изделия, либо само формирует абрис изделия (оковки сосудов), часто оно зависит от линии симметрии предмета.

*Категория 4 – материал изделия.* Предметы, украшенные звериным стилем, выполнены из золота, серебра, бронзы, железа, камня и кости. В восточных вариантах звериного стиля (особенно, в пазырыкском) много вещей из дерева, наряду с костью встречаются кожа, войлок, береста. Наблюдается сходство в используемых стилистических особенностях изображений при сходных приемах технологии, напр., литье или резьба, вырезание штихелем. Литые изделия из разных металлов во всех регионах обладают мягкими переходами, рельефом, выпуклостями и выемками. Предметы из кости и из золотых пластин (или золотые аппликации) украшены тонкими завитками, линиями и вогнутыми треугольниками, их поверхности, зачастую пышно декорированы. Это же относится и к деревянным, кожаным, войлочным изделиям других вариантов звериного стиля.

*Категория 5 – технология.* Технологии, при помощи которых выполнены предметы с изображениями, зависят от материала изделий, функционального назначения вещи и характера декора. Самые распространенные технологии: литье, резьба, аппликация, – свойственны кочевому обществу и выполнялись вне стационарных мастерских. Различие в технологиях для изделий одного и того же назначения в одном комплексе говорит о разных традициях производства и местах происхождения вещи.

*Категория 6 – композиция.* Любое изображение – это определенная композиция, схема. При изучении изображения и его композиции изначально необходимо определить его пространственное

решение – является ли оно объемным или фронтальным. Во фронтальных композициях изображения подразделяются на рельефные и плоские. Также композиции рассматриваются как однофигурные и многофигурные с конечным набором сцен (Рукавишников 2010: 287).

*Категория 7 – рельеф.* Для рассматриваемых изображений рельеф (как и рельеф изделий) подразделяется на высокий, средний, низкий, с объемными деталями. Взаимосвязь рельефа и изделия, материала, технологии и композиции формируют окончательный вид значимого для кочевников предмета.

*Категория 8 – редуцированность.* Редуцированными частями в одиночной композиции могут быть голова, протома и т. д.

*Категория 9 – стилистические особенности.* В рассматриваемых однофигурных и многофигурных композициях различаются целые образы и редуцированные, в этом случае к стилистическим особенностям относятся как детали изображенного, так и особенности композиции и рельефа. Следует отмечать S-овидность и редуцированность образов, прием «превращения» частей образов, использование черт «загадочной картинки», сочетание объемных и плоских деталей. Отдельно выделены изображения с «превращениями» – этот стилистический прием выражается в замещении части тела звериного образа другим образом или его частью (Канторович 2002: 78). Все звериные образы стилизованы в разной мере, но основные части тела узнаваемы и часто украшены деталями. Так, на голове образа значимыми элементами являются глаз, пасть, нос, скула, ухо, борода, а на теле – лопатка, бедро, хвост, лапы, грива, реберная часть, копыто. В разных изображениях присутствует различный набор стилистических признаков.

*Категория 10 – аналогии.* Сюда включены известные похожие изображения по сочетанию нескольких или всех характеристик из разных регионов. Несомненно, этот раздел может дополняться при дальнейшем расширении базы данных.

*Категория 11 – датировка.* Эта важная характеристика наполняется информацией из публикаций памятников и позволяет, таким образом, отнести все изображения к последовательным, относительным хронологическим периодам в развитии звериного стиля.

Основная суть представленной систематизации – не в классификации всех изображений, а в перекрестном анализе каждого из них по всем категориям. Поэтому логичным в данном случае явилось формирование единой базы данных для всех изображений по формализованному набору признаков, что позволяет упростить возможность выборок среди объектов по схожим критериям для дальнейшего анализа. Таким образом, в единой таблице базы данных присутствуют и анализ предмета исследования, и, частично, его результаты, т. е. аналогии. База данных становится инструментом изучения наглядным отображением этого изучения, его результатом, представлением процесса сложения и развития стиля на протяжении периода его существования.

При анализе полученных карт согласно различным выборкам видно, что можно получить карты распространения изображений по выбранным периодам согласно стилистическим, композиционным и технологическим признакам. При таком широком охвате можно анализировать частные сюжеты, их встречаемость в разных регионах или в разные периоды и на разных предметах, в различном материале исполнения. Изображения можно объединять в различные группы по разным характеристикам. Один из важных прикладных результатов такого исследования – это поиск происхождения и бытования различных стилистических деталей на изображениях, которые формируют стилистические особенности сложных, семантически значимых композиций декора, таких, как изображения на мече из Филипповского кург. 4 или акинака из Аржана-2 (Чугунов 2004).

С помощью наглядно представленной выборки каждого региона, напр., можно составить не только представление о бестиарии региона по периодам, но также по количеству сохранившихся предметов, их материалу, технологии изготовления изображений (напр., сочетание литья и резьбы, которое берет начало в бронзовых изделиях и проявляется в вещах из золота и железа). Изучение сочетания трудоемких технологий изготовления железного парадно-ритуального оружия,

где проявляются подходы в отображении стилистических деталей, выработанные как литейщиками, так и резчиками, позволяет понять направления распространения и заимствования технологий и самих изображений, а также возникновение иконографических схем.

Основным результатом этого исследования является создание гибкой и универсальной системы признаков, характеризующей изображения, выполненные в различных вариантах звериного стиля. Она позволяет изучить все аспекты изображений и обобщенно взглянуть на их выборки. Это дает возможность подойти к решению таких проблем, как происхождение отдельных образов, стилистических деталей и мотивов, а также их семантической наполненности.

Созданная и постоянно пополняемая база данных показывает, что в территориальном пространстве распространения вариантов звериного стиля от Южного Урала до Тувы и Минусинской котловины существовало некое единство, формируемое широко распространенными образами и некоторыми приемами изображений при безусловной особенности в рамках ареалов вариантов стиля.

Примером данного метода является исследование такого уникального предмета, декорированного в зверином стиле, как железный меч с золотым убором из кург. 4 Филипповского мог-ка (Яблонский и др. 2011: 219). Меч железный, с насаженным перекрестием, которое, как и рукоять, украшены объемными изображениями, отлитыми или вырезанными из железа и покрытыми золотой фольгой. Погребение, из которого происходит меч, датируется концом V – началом IV в. до н. э. Лезвие меча покрыто вырезанными из золота композициями с антропоморфными и зооморфными сценами. Декор и его стилистические детали находят аналогии как в самом могильнике (многочисленные обкладки чаш и костяных изделий), так и в синхронных могильниках региона, а также среди «ажурного» декора предметов пазырыкской культуры на Алтае (Рукавишникова 2011: 176 сл.). Сочетание материала, технологических особенностей (зависящих от стилистики звериного стиля, выполненного как в бронзе, так и в кости и дереве: литье и вырезание – см.: Воронка 1928: 31) и таких характеристик, как набор образов, рельеф, композиция, редуцированность изображений, стилистические признаки дает полное многостороннее представление о предмете и представляет возможность по сочетанию любых характеристик составить карту аналогий из разных регионов, имеющих в базе.

Среди общих признаков при таком анализе четко выделяются следующие важные характеристики: 1) *набор образов*: хищники (волк, тигр, пантера, медведь, леопард) и травоядные (олень, сайга, козел, баран); превалирует олень, кабан, люди, но нет фантастических животных, нет птиц и грифонов; 2) *рельеф*: средний и низкий, плоский; нет объемных частей и все образы целые; 3) *композиции*: линейно-ритмичные, вертикально симметричные, сложные со сценами взаимодействия животных; композиция перекрестия включает в себя элементы «загадочной картинки»; 4) *стилистические признаки* (здесь не перечисляются): соответствует изображениям «ажурным» с украшением тела завитками, а также длинномордые образы, S-овидность вывернутого крупа некоторых травоядных.

Анализ этих важных характеристик показывает, что согласно сочетанию технологии и золотого декора с образами зверей (ритмичные композиции на клинке, вертикально симметричные на перекрестии, звери с длинной мордой) железному мечу с золотым убором из кург. 4 Филипповского мог-ка близок кинжал из Хакасии (экспозиция ГЭ, коллекция Толстова), а также, частично, акинаки из Аржана-2, меч из Уйгарака, и еще один меч из самого Филипповского мог-ка. Стилистика «ажурности» образов на клинке и линейно ритмичные композиции с циклами дают аналогии помимо Урала в пазырыкской культуре Алтая: башадарская колода (Руденко 1960, Баркова 1984: 20–31), кожаные аппликации из туэктинского кургана (Руденко 1960). Некоторые изображения в золотом декоре и на железных предметах происходят из Восточного Казахстана (мог-ки Тасмола, Шерубай, Талды). Анализ проявления стилистических признаков и материала изделий при картографировании показывает, что аналогии встречаются в изделиях из кости на Урале и Алтае, а также из дерева на Алтае. Соответственно, можно сделать определенные выводы о сходстве изобразительной традиции и мифотворчества у носителей пазырыкской культуры раннего периода

(башадарско-туэктинский) и творцов и заказчиков уникальных предметов в зверином стиле из Филипповского мог-ка. Причем сходство проявляется в истоках, а развивались эти варианты стиля уже каждый в своей среде.

Описываемый комплексный подход к исследованию изображений – это способ применения анализа художественных особенностей звериного стиля для решения археологических, искусствоведческих и исторических задач.

- Артамонов 1971 – *Артамонов М. И.* Скифо-сибирское искусство звериного стиля (основные этапы и направления) // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 24–35 (МИА. № 177).
- Баркова 1984 – *Баркова Л. Л.* Резные изображения животных на саркофаге из 2-го Башадарского кургана // АСГЭ. 1984. Вып. 25. С. 20–31.
- Васильев 2002 – *Васильев С. А.* Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2002.
- Грязнов 1958 – *Грязнов М. П.* Древнее искусство Алтая. М.; Л., 1958.
- Канторович 2002 – *Канторович А. Р.* Классификация и типология элементов «зооморфных превращений» в зверином стиле // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк, 2002. Т. 1. С. 77–130.
- Канторович 2010 – *Канторович А. Р.* Истоки и вариации образов грифона и грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле VII–VI вв. до н. э. // Изобразительное искусство в археологическом наследии. Донецк, 2010. С. 189–225 (АА. № 21).
- Кореняко 2002 – *Кореняко В. А.* Происхождение скифо-сибирского звериного стиля (прагматические аспекты семиотики) // Структурно-семиотические следования в археологии. Донецк, 2002. Т. 1. С. 132–188.
- Королькова 2006 – *Королькова Е. Ф.* Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.): Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб, 2006.
- Кузьмина 1983 – *Кузьмина Е. Е.* О «прочтении текста» изобразительных памятников искусства евразийских степей скифского времени // ВДИ. 1983. № 1. С. 95–105.
- Переводчикова 1994 – *Переводчикова Е. В.* Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М., 1994.
- Подольский 2010 – *Подольский М. Л.* Зверь, который был сам по себе. СПб, 2010.
- Толстой, Кондаков 1890 – *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3: Древности времен переселения народов. СПб, 1890.
- Раевский 2001 – *Раевский Д. С.* Скифский звериный стиль: поэтика и прагматика // Древние цивилизации Евразии. История и культура: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию проф. Б. А. Литвинского М., 2001. С. 364–382.
- Руденко 1960 – *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая. М.; Л., 1960.
- Руденко 1961 – *Руденко С. И.* Искусство Алтая и Передней Азии (середина 1-го тыс. до н. э.). М., 1961.
- Рукавишникова 2010 – *Рукавишникова И. В.* Возможности изучения композиций звериного стиля раннего железного века как археологического источника на примере звериного стиля Саяно-Алтая // Изобразительное искусство в археологическом наследии. Донецк, 2010. С. 287–320 (АА. № 21).
- Рукавишникова 2011 – *Рукавишникова И. В.* Декор меча из могильника Филипповка I // Древность: историческое знание и специфика источника // Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского. М., 2011. Вып. V. С. 176–182.
- Чугунов 2004 – *Чугунов К. В.* Кинжал-акинак из кургана Аржан-2 // СГЭ. 2004. Т. LXII. С. 72–74.
- Шер 1980 – *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
- Яблонский и др. 2011 – *Яблонский Л. Т., Рукавишникова И. В., Шемаханская М. С.* «Золотой» меч из царского кургана № 4 могильника Филипповка I // ВДИ. 2011. № 4. С. 219–243.
- Borovka 1928 – *Borovka G.* Scythian Art. London, 1928.
- Rostovtzeff 1929 – *Rostovtzeff M.* The animal style in South Russia and China. Princeton, 1929.

## **Происхождение масленицы**

Буксировка конем лыжника, запечатленная в скульптурной композиции, которой увенчана рукоять металлического ножа из могильника Ростовка (эпоха бронзы, Омское Прииртышье) (рис. 1), представляет собой ритуально-обрядовую мизансцену.

*Лыжи и календарь.* Конструкция лыж субъекта указывает на начало межсезонья: раннюю весну (март) или осень (ноябрь). Судя по небольшой длине, малой ширине, и ребристости правой лыжи, изображены неподшитые мехом голицы (рис. 1, б, в), отличные от обернутых мехом подвальных лыж. Голицы использовались аборигенами Сибири при весенней охоте по талому снегу и насту, а также женщинами и детьми при передвижении на короткие расстояния возле дома. Передвижение лыжника за лошадь, на подшитых мехом лыжах, используемых для зимних охотничьих промыслов, весной по насту затруднительно (Антропова 1953: 13, 15, 33), ввиду того, что при таком состоянии снега они утрачивают свои скоростные качества. У южных селькупов апрель это: «месяц, когда ходят на клееных необшитых лыжах», или: «в одной ноге лыжа, в другой голица», «половина на лыжах, половина на голицах» (Колесникова 2010: 70), или же применительно к марту: «месяц, когда надевают одну обклеенную камусом лыжу, а другую – голицу» (Головнёв 1995: 342). Голицы олицетворяли переходность ранневесеннего состояния, символизируя календарное время заезда, изображенного на ноже.

*Конь и направление.* Жертвенный конь движется «по пути богов» (Ригведа I. 162. 4), т. е. в северном направлении, по смещению солнца к северу, между зимним и летним солнцестоянием (Сыркин 1992: 219). «Путь богов» ведет: «из светлой половины месяца – в шесть месяцев, когда солнце движется к северу» (Брихадараньяка Упанишада VI. 2. 15). Согласно символизациям Мирового коня: «утренняя заря – это голова жертвенного коня, солнце – его глаз <...> восходящее [солнце] – его передняя половина», и далее: «Восток – его голова» (Брихадараньяка Упанишада I. 1. 1; I. 2. 3). Конь, представленный на ноже из Ростовки, как будто обращен на восток. Но уклонившийся влево для удержания равновесия на вираже лыжник, и его перемещенные в противоположную сторону лыжи, означают поворот налево, по направлению уклона (рис. 1, а). Поэтому маршрут коня и лыжника «проходит» левее, т. е. на северо-восток.

На северо-восток отправляли и жертвенного коня ашвамедхи: «Затем они отпускают его к северо-востоку для этого, а именно, на северо-восток – это область, как богов, так и человека» (Satapatha-Brahmana XIII. 4. 2. 15; курсив наш. – И. К.). Смещение солнца в северо-восточный сектор, начинается после весеннего равноденствия. Считалось, что: «“когда солнце, поворачивает к северу, находится в северной сфере, оно среди богов, когда оно поворачивает к югу и находится в южной сфере, – среди предков”; “путь богов” (дэваяна) или “северный путь” (уттараяна), начинается с весеннего равноденствия» (Бонгард-Левин, Грантовский 1983: 12; см. также: Иванов 1974: 118). К этому новогоднему периоду и приурочивалась ашвамедха, олицетворяя Творение мироздания (Элиаде 2009: 272) и начало движения солнца на северо-восток, куда и направляется пара, изображенная на артефакте из Ростовки.

*Путь и поворот.* Интрига пути и поворота коня и лыжника проясняется параллелями в «митаннийском арийском». Здесь *aka-artanna* ‘один поворот, соответствует структурно идентичному *ekavt-* ‘единственный в Атхарваведе (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 546). Другой эквивалент *artanna* – «поворот», это древнеиндийское *vartana-* н., означающее вращение, кружение, *откатывание, отодвигание прочь*, блуждание вокруг (Гиндин, 1972: 305; см. также: Лушникова 2004: 157). Симптоматично значение «поворота» как символа «пути», отмечающего его уникальность – «единственный» и безвозвратность исхода – «откатывание», «отодвигание прочь». Поэтому поворот коня и лыжника, изображенных на ноже из Ростовки, сводится к смысловой доминанте *особого, предназначенного лишь для данных персонажей северо-восточного пути, в один конец без возврата.*



Рис. 1. Могильник Ростовка, навершие ножа (фотографии автора):

а – вид сверху слева; б – вид сзади справа; в – вид справа

Уподобление движения ростовкинских персонажей сезонному перемещению Солнца, указывает на календарное время сцены. «Поворот» Солнца от строго восточного направления к северу на «путь богов» происходит после весеннего равноденствия. Следовательно, конь и лыжник совершают *изменяющий направление движения «поворот»*, следуя своим уникальным маршрутом именно в это время. Мотив безвозвратности их путешествия удостоверяет жертвенный характер коня и новогоднюю «смерть» влекомого им субъекта.

*Движение и жертва.* Жертвенностью статичной лошадки обусловлен ее диссонанс с динамичным лыжником (рис. 1, а, б). Это следует из лексики ведийского гимна. До жертвоприношения конь не идет сам, его «ведут» или «обводят» (Ригведа I. 162. 2, 3, 4). После жертвоприношения конь «движется» самостоятельно – «входит», «вступает», «идет» к богам в качестве жертвы (Ригведа I. 162. 7, 20, 21). Такое «движение» сопровождается статикой характеризующей достижение жертвой конечной цели – конь «встал» (Ригведа I. 162. 21). Статичность жертвы проявляется в ритуальном «удерживании» жертвенного коня путами или участниками обряда. Мотив «удерживания» характеризует статичное положение коня при умерщвлении и констатации совершения обряда (Ригведа I. 162. 14, 16, 19), приравниваемого к «спутыванию» и обездвиживанию жертвы (Satapatha-Brahmana XIII. 1. 2. 4; Шомахмадов 2007: 41).

Обездвиженность жертвы – это предусловие и символ начала кульминации обряда. Поэтому приносимая в жертву ростовкинская лошадка и изображена стоящей на месте, а неразделенность ее ног могла означать их спутанность. Придание скульптурке признаков идущей или скачущей лошади обесмыслило бы предполагаемый жертвенный финал мизансцены. В кинетическом смысле, жертвенный конь не может «идти». Перед жертвоприношением его либо «ведут», либо он «удерживается» и «стоит» в момент, и после его совершения. Мотив «самостоятельного» и невидимого движения возникает только, когда умерщвленная жертва перемещается к богам: «входит», «вступает», «идет» (Ригведа I. 162. 7, 20, 21).

Ведийская жертва «идет к богам», «ее ведут к богам», «ее отправляют в путь» (Огибенин 1968: 61). Поэтому скрытый смысл композиции фигурально «противоречит» ее зрительному восприятию, т. к. семантически не столько лошадь везет лыжника, сколько лыжник «ведет» ее на закание и «отправляет» к богам.

Жертвенность ростовкинского коня символизируют двенадцатичастная грива и заплетенный хвост (рис. 1, а), аналогичный посмертному хвосту ведийского коня (Ригведа X. 56. 3). Такие признаки жертвы также несовместимы с ее динамикой. Поэтому буксировку лыжника лошадью олицетворяет он сам, а его экспрессией компенсируется неестественная, для текущего момента, статика коня (рис. 1, б, в).

*Прадакшина и атасавья.* В эпической ашвамедхе передвижение коня также уподоблялось движению солнца: «Тот конь, о царь, сокрушитель врагов, шел по земле кругом прадакшины, с севера на восток» (Махабхарата. XIV. Ашвамедхикапарва или книга о жертвоприношении коня.

72. 16–27). Движение по кругу прадакшины означает ритуальное обхождение святыни, почитаемого человека или статуи божества по движению солнца, слева направо (Васильков 1996б: 333; Невелева 2003: 202). Но такое движение «по ходу солнца» следует не за сезонным смещением Солнца к северу, а воспроизводит полукруг его дневного пути по небосклону, т. е. «по часовой стрелке».

Соотнесение маршрута жертвенного коня с дневным движением Солнца представляется архаичным космогоническим мотивом. Но двигаясь на северо-восток, ростовкинский конь и лыжник поворачивают не направо, как в прадакшине, а налево, т. е. против видимого дневного движения Солнца. Такая направленность обратна значению др.-инд. *pradakia*- «движение направо, к югу» (Лушникова 2004: 157), при совпадении обозначения правой стороны и юга – *dákia*- ‘правый’ и ‘южный’ (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 915). Ростовкинская пара мчится не в «правую» и «южную» сторону прадакшины, а на СВ или на ВСВ. Конь и лыжник следуют не «по ходу солнца», а против него. Такое обрядовое левостороннее круговое движение – апасавья, противоположно прадакшине. В апасавье обход совершается не слева направо, а «против солнца» справа налево, левым боком к обходимому объекту. Апасавья использовалась в погребально-поминальных обрядах, а совершаемая вокруг живого человека, считалась вредоносной магией [Махабхарата. Книга восьмая. О Карне (Карнапарва) 1990: 294; Васильков 1996б: 333]. Так обратное ходу солнца движение ростовкинских персонажей, обнаруживает причастность данного маршрута к миру мертвых. Следуя ему, лыжник уподоблялся влекущему его жертвенному коню и разделял с жертвой ее необратимость. Это существенный признак образа, являвшегося частью сценарного плана обряда, который представлен в композиции.

Поворот лыжника *справа налево* против дневного движения Солнца идентичен и второму обходу «царицами» коня в ашвамедхе, т. е. «против солнца», как в апасавье. Этот обход тоже обратен прадакшине и выполнялся для поминовения предков (Satapatha-Brahmana XIII. 2. 8. 4; Satapatha-Brahmana. Part V. Books XI, XII, XIII. And XIV 1900: 323). Он однонаправлен смещению Солнца от летнего до зимнего солнцестояния на юг или *справа налево*, также отождествлявшемуся с «путем предков». Следовательно, направленность ростовкинской пары на СВ отражает мотив конского жертвоприношения в период весеннего равноденствия, когда Солнце начинает смещаться к С. Но поворот коня и лыжника *справа налево* против дневной траектории Солнца проявляет погребально-поминальные значения композиции (ср. «проводы-похороны» Масленицы).

*Уродства и персонажи.* Хромота, горбатость, разная длина рук и рост ниже среднего, составляют уродства ростовкинского индивида (рис. 1, б, в) (Ковтун 2010: 113, 118–119). Он напоминает видушаку из древнеиндийского театра – горбатого, хромого и безобразного карлика, в равном и грязном платье (ср. с Масленицей) (Гринцер 1978: 189–190). Его образ восходит к ведийскому брахману-джумбаке (Елизаренкова 1986: 23–24). Лыжник из Ростовки участвует в ранневесеннем обряде заклания коня, а брахман-джумбака – в ашвамедхе, где представляет Варуну (Satapatha-Brahmana XIII. 3. 6. 5; см. по: Там же).

Ф. Б. Я. Кёйпер считал уродство джумбаки выражением образа «козла отпущения» (Там же: 24). Метафора общей вины за прегрешения социума, как «коллективного уродства», возложенная на некоего субъекта, сводится к искупительной жертве, олицетворяемой и брахманом-джумбакой и ростовкинским лыжником. Символизация жертвы выражается смысловой симметрией стесненных ног спутанной лошади и стесняющей ходьбу хромоногости человека. По Шатапатха-Брахмане: «Ашвамедха – это Жрец, т. к. жертва – это Жрец» (Satapatha-Brahmana XIII. 2. 2. 1). Знаменательно и соответствие между ведийским *rābṣa*- «ножные оковы», «конские ножные путы» и *uamāsya rābṣāt*, означающим ножные колодки или путы Ямы, равносильные путам Варуны (Ригведа X. 97. 16; Елизаренкова, Топоров 1999: 513). Ножные путы символизируют смерть и самого Яму, как ее божество (Дандекар 2002: 86, 99). У Ямы усохшая, лишённая мяса и сухожилий нога, переосмысленная как мотив его смерти (Гринцер 1994: 683), и эпитет: «хромой, калека на все времена» (Лушникова 2004: 148–149), что совпадает с хромотой лыжника.

*«Полубоги» и лыжник.* Ростовкинская пара сопоставима с «полубогами» Ригvedы: Тритой и Ямой. Они представляют архаичный и альтернативный ведийскому индоарийский (индоиранский) пантеон (напр.: Эрман 1980: 72; Йеттмар 1986: 191; Елизаренкова 1989: 495).

Ведийский жертвенный конь наделяется качествами Ямы, Адиты и Триты (Ригведа I. 163. 2, 3). Уподобление Трите особенное: «Ты – Трита по тайному обету» (Ригведа I. 163. 3). Смысл обета аналогичен функции джумбаки в ашвамедхе. В образе жертвенного коня Трита служит «козлом отпущения». Он *первопричастен* к принятию на себя вины и грехов богов и людей: за убийство Индрой дракона, за зло, грехи, недобрые сны, беды и болезни (Эрман 1980: 73). Поэтому и Трита, и брахман-джумбака олицетворяют «козла отпущения» – искупительную жертву социума. Уподобляясь жертвенному коню, Трита еще и запрягает его (Ригведа I. 163. 2), отправляя «в путь» жертву, «идушую к богам», как и «ведущий» жертвенного коня лыжник. Он – первый человек, приготовивший жертвенного сому, и прообраз жреца, совершившего первое жертвоприношение (Топоров 1994: 525; Топоров 2006: 480–482; Елизаренкова, Топоров 2010: 169, 170). Эта функция связывает его с исполнителем роли лыжника. В образе Триты обнаруживаются черты Ямы, также считавшегося первым жертвователем и первым, принесенным в жертву (Дандекар 2002: 87, 94). Местонахождение Ямы ассоциируется с именем Триты – «третий»: находящийся в колодце, т. е. в Нижнем – «третьем» мире, его хозяин, преодолевший смерть (Топоров 2006: 491, 492), как и Яма, царь умерших (Семенов 1981: 77).

На лыжнике виден пояс (рис. 1, б). Пояс-петля Варуны-Ямы часто связывался с реальной, а пояс иницируемого – с ритуальной смертью опоясанного персонажа [Атхарваведа (Шаунака) VI. 133. 1. 2. 3; Эрман 1980: 147; Пандей 1990: 113, 115–116, 126–128, 137, 258–259; Васильков 1996а: 178; Мосс 2000: 58; Элиаде 2009: 275]. Яма и Йима, обладают чудесным орудием, сопоставимым с атрибутом в левой руке лыжника (рис. 1, а, б), – жезл (данда) и стрекало, соответственно (Невелова 1975: 80–81; Стеблин-Каменский 1995: 166; 2009: 12, 14, 18).

Итак, в лыжнике сочетаются архаичные черты праобразов и Триты, и Ямы: хромота, причастность к жертвенному коню, к искупительным жертвоприношениям, к Нижнему миру.

*Масленица и Ростовка.* Ростовкинский мотив *нетипичного передвижения за (на) лошадью (-и), необычного персонажа* присущ проводам Масленицы в XIX–начале XX в. Так: «в знак окончания масленицы на гулянье кто-нибудь выезжал в рваной или вывороченной наизнанку одежде, на кляче, запряженной веревками или мочалами в старые развалившиеся сани». Этот человек, по-видимому, воспринимался как олицетворение Масленицы. В пос. Лена Архангельской обл. рассказывали: «Потом насмех запрягут дровни плохие, колокола привяжут, с которыми коровы ходили, на смех, на дугу и катятся нарочно». В дер. Мыс Ленского р-на говорили, что, провозая Масленицу, «лошадей запрягут не по настоящему, ухват привяжут». Конец масленицы в Вологодской губ. «это катанье <...> на маленьком жеребеночке. Сбруя вся была сделана из соломы, санки были сделаны маленькие <...> В некоторых селах Московской губ. <...> Масленицу представлял «какой-нибудь крестьянин, одетый самым странным образом, на лошади, убранный рогожами, мочалами, лаптями и т. п., запряженной в так же странно убранные сани» <...>, в Среднем Поволжье: «В последний день масленицы один из парней на снях делает балаган <...> Сам нарядится в худые брюки, пиджак, мохнатую шапку, подпоясается соломой, сядет на лошадь верхом и проедется по улице», и далее: «все атрибуты масленичного поезда и одежды масленичной куклы – старая, негодная рухлядь. В разваливающиеся сани впрягли клячу, на нее вешали колокольчики, с которыми ходили коровы, иногда лошадь покрывали рогожей, дерюгой, а в Сибири на передние ноги ей даже надевали рваные штаны и пимы, причем обязательно разного цвета» (Соколова 1979: 28–30). В Костромской губ. составлялся верховой обоз из мужчин в соломенных колпаках. В Саратовской губ. деревянного истукана Масленицу возили верхом на лошади, а в воскресенье «хоронили». В Забайкалье на масленицу делали чучело, наряжали его в вывороченную шубу и возили по деревне. В XVIII в. на Москве-реке масленичные гуляния, включали «конные ристания и беги рысистых лошадей» (Дубровский 1870: 15–16, 23–24; Соколова 1979: 27). Конные состязательные

катания на украшенных лошадях – съездки, неотъемлемый атрибут конца масленичной недели. Современные конно-лыжные заезды у восточных славян тоже сохранили следы мифокалендарного смысла и часто приурочены к масленице (Ковтун 2010: 110–112).

Масленице и ее лошади сопутствуют признаки старости и немощи. Зачастую и сопровождающие лица тоже представлялись «стариками», одетыми в старое, грязное и рваное тряпье. В Тобольском крае Масленице кричали: «Убирайся вон, рваная старуха, грязная!», а масленичный поезд пародировал похоронную процессию. Иногда обыгрывался ритуальный сценарий жизни Масленицы: от рождения (изготовления чучела женщинами) и свадьбы, до смерти и похорон (вывоз и уничтожение чучела). Такая символизация сводится к образу «состарившегося» мира и его уничтожению для достижения нового состояния (Байбурин 1993: 133, 142–143, 151). Аналогичная идея перехода к новому календарному циклу воплощена в двенадцатичастной гриве ростовкинского коня (рис. 1, а), символизирующей сроки ашвамедхи.

Масленичной обрядности и ростовкинской композиции, как и ашвамедхе (Элиаде 1998: 254), присуща идея преодоления социумом накопившихся прегрешений. В последние дни масленицы испрашивается прощение у соседей, родственников и на кладбище у умерших. Избавлению от греха служит и уничтожение чучела Масленицы наделявшей негативными чертами: обжорство, пьянство и т. п. (см.: Байбурин 1993: 138–139, 151). Небезынтересна и встречавшаяся традиция рядиться горбунами в последний день масленицы (Левкиевская 1995: 521), сопоставимая с изъёмом ростовкинского лыжника (рис. 1, б).

*Ростовка и Перун.* Следы масленичной обрядности сравнимые с ростовкинской композицией присутствуют при низвержении Владимиром кумира Перуна. В манипуляциях с идолом обнаруживаются черты «проводов-похорон» Масленицы, Ярилы, Костромы и т. д. (Васильев 1999: 228–234). Идол Перуна привязывают к конскому хвосту, а по пути его бьют палками *двенадцать* приставленных «мужей» (Васильев 1999: 229; Повесть временных лет 1950: 80). Хвост не может служить фалом для буксировки. Поэтому между заплетенным хвостом и *двенадцатичастной* гривой ростовкинской лошади, и хвостом коня «буксирующего» Перуна при *двенадцати* «мужах», имеется смысловое соответствие. Инварианты, связующие Ростовку и Перуна, – это заплетенный конский хвост, числительное «*двенадцать*», необычность способа транспортировки и уникальность перемещаемого персонажа. К подобным календарно-обрядовым сценариям, восходят и шутовские украшения, несурзая упряжь, необычные одеяния возниц и седоков масленичного поезда. Так *необычность передвижения неординарного субъекта, использующего специфически украшенного коня*, связывает лыжника, Масленицу и Перуна.

Числовая символика ростовкинского коня обнаруживает параллели и в масленице, и в ашвамедхе. В XIX в. на масленицу во Владимирской и в Вятской губ. на сани, запряженных *двенадцатью* лошадьми, возили ряженого мужика, сидящего на колесе (Дубровский 1870: 16). На переосмыслении индоарийского образа испытываемого царя основана метафора двенадцати «мужей», симулирующих «умерщвление» Перуна. В финале ашвамедхи, с весеннего равноденствия *двенадцать* дней царь предается воздержанию, подвергается физическим лишениям и испытаниям (Кузьмина 1977: 37). Аналогичная числовая символика запечатлена на *двенадцатичастной* гриве ростовкинского коня (рис. 1, а), олицетворяющей *двенадцатимесячную* продолжительность ашвамедхи.

*Лыжник и Новый Год.* В ростовкинской мизансцене, в ашвамедхе и в масленице фигурирует приуроченный к весеннему равноденствию новогодний обрядово-ритуальный комплекс, с жертвоприношением коня или (и) сопутствовавшего ему (замещавшего его) персонажа. Это восточнославянская Масленица и символизирующие схожий образ ростовкинский лыжник и брахманджумбака. Все они олицетворяют отрицательное начало: Старый Год, зиму, зло, беды, грехи людей и т. п. Отождествление мифокалендарного, сезонно-климатического и социального негатива с подобным субъектом и конское жертвоприношение способствуют преодолению переходной ситуации, отрешению от «старого» и началу нового календарного цикла. Такой сценарий запечатлен и в композиции из Ростовки, где вобравшего негативные данности субъекта мчащийся по «пути

богов» жертвенный конь, подобно сезонному смещению солнца к северу – к теплому времени года, после весеннего равноденствия уносит прочь из обновляющегося мира людей. Но направление поворота участников заезда противоположно дневной траектории светила, что символизировало уже «путь предков», погребальные и заупокойные практики. Поэтому выражением поворачивающихся справа налево, т. е. «против солнца», коня и лыжника олицетворяется их безвозвратный исход и необратимость действия, подобного умерщвлению коня в ашвамедхе и проводам похоронам Масленицы.

- Антропова 1953 – *Антропова В. В.* Лыжи народов Сибири // Сборник МАЭ. М.; Л., 1953. Т. XIV. С. 5–36.
- Атхарваведа (Шаунака) 2005 – Атхарваведа (Шаунака): в 3 т. / Пер., вступ. ст., коммент. и прил. Т. Я. Елизаренковой. М., 2005. Т. I. кн. I–VII.
- Байбурин 1993 – *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб, 1993.
- Бонгард-Левин, Грантовский 1983 – *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. 2-е изд. доп. и испр. М., 1983.
- Васильев 1998 – *Васильев М. А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1998.
- Васильков 1996а – *Васильков Я. В.* Дикша // Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь. М., 1996. С. 177–178.
- Васильков 1996б – *Васильков Я. В.* Прадакшина // Там же. С. 333.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и пракультуры. Тбилиси, 1984. Т. I–II.
- Гиндин 1972 – *Гиндин Л. А.* Некоторые ареальные характеристики хеттского, I // Этимология. 1970. М., 1972. С. 272–321.
- Головнёв 1995 – *Головнёв А. В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
- Гринцер 1978 – *Гринцер П. А.* Видушака // Краткая литературная энциклопедия М., 1978. Т. 9: Аббасзадэ–Яхутль. Стлб. 189–190.
- Гринцер 1994 – *Гринцер П. А.* Яма // МНМЭ. 1994. Т. 2. С. 682–683.
- Дандекар 2002 – *Дандекар Р. Н.* От вед к индуизму: Эволюционирующая мифология. М., 2002.
- Дубровский 1870 – *Дубровский Н.* Масляница / Составил Н. Дубровский. Материалы: Снегирёв. Забелин. Вельтман. Шепинг. Терещенко и др. М., 1870.
- Елизаренкова 1986 – *Елизаренкова Т. Я.* Ф. Б. Я. Кёйпер: основные направления научного творчества // *Кёйпер Ф. Б. Я.* Труды по ведийской мифологии. М., 1986. С. 7–27.
- Елизаренкова 1989 – *Елизаренкова Т. Я.* «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы. I–IV. Приложения. М., 1989. С. 426–543.
- Елизаренкова, Топоров 1999 – *Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н.* Мир вещей по данным Ригvedы // Ригведа. Мандалы V–VIII. 2-е изд., испр. Приложения. М., 1999. С. 487–525.
- Елизаренкова, Топоров 2010 – *Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н.* Трита в колоде: ведийский вариант архаичной схемы // *Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. М., 2010. Т. 3: Индийские и иранские языки. Кн. 2. С. 168–171.
- Иванов 1974 – *Иванов Вяч. Вс.* Опыт истолкования ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva* – конь (жертвоприношение коня и дерево *aśvattha* в древней Индии) // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974. С. 75–138.
- Йеттмар 1986 – *Йеттмар К.* Религии Гиндукуша. М., 1986.
- Ковтун 2010 – *Ковтун И. В.* Иконографические и смысловые планы ростовкинской композиции // Материалы и исследования древней, средневековой и новой истории Северной и Центральной Азии. Томск, 2010. С. 105–123 (Тр. Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ. Т. III, вып. 1).
- Колесникова 2010 – *Колесникова С. Ю.* Календарь в традиционной культуре селькупов. Томск, 2010.

- Кузьмина 1977 – *Кузьмина Е. Е.* Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // *Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура)*. М., 1977. С. 28–52.
- Левкиевская 1995 – *Левкиевская Е. Е.* Горб // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого*. М., 1995. Том 1: А–Г. С. 521.
- Лушникова 2004 – *Лушникова А. В.* Модель универсума древних календарей (лингвистическая реконструкция). М., 2004.
- Махабхарата 1990 – Махабхарата. Книга восьмая. О Карне (Карнапарва). М., 1990.
- Махабхарата 2003 – Махабхарата. Книга четырнадцатая. Ашвамедхикапарва, или книга о жертвоприношении коня. СПб, 2003.
- Мосс 2000 – *Мосс М.* Очерк о природе и функции жертвоприношения // *Марсель Мосс. Социальные функции священного / Избр. произв.* СПб, 2000. С. 9–104.
- Невелера 1975 – *Невелера С. Л.* Мифология древнеиндийского эпоса (пантеон). М., 1975.
- Невелера 2003 – *Невелера С. Л.* Эпическая ашвамедха // Махабхарата. Книга четырнадцатая. Ашвамедхикапарва, или книга о жертвоприношении коня. СПб, 2003. С. 196–213.
- Огибенин 1968 – *Огибенин Б. Л.* Структура мифологических текстов «Ригведы» (Ведийская космогония). М., 1968.
- Пандей 1990 – *Пандей Р. Б.* Древнеиндийские домашние обряды (обычаи). 2-е изд. М., 1990.
- Повесть временных лет 1950 – *Повесть временных лет / Перевод Д. С. Лихачёва и Б. А. Романова*. М.; Л., 1950. Ч. 1.
- Ригведа 1989 – Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1989.
- Ригведа 1999 – Ригведа. Мандалы IX–X. М., 1999.
- Семенцов 1981 – *Семенцов В. С.* Проблемы интерпретации брахманической прозы. Ритуальный символизм. М., 1981.
- Соколова 1979 – *Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX – начало XX в. М., 1979.
- Стеблин-Каменский 1995 – *Стеблин-Каменский И. М.* Арийско-уральские связи мифа об Йиме // *Россия и Восток: проблемы взаимодействия*. Челябинск, 1995. Ч. V, кн. 1. С. 166–167.
- Стеблин-Каменский 2009 – *Стеблин-Каменский И. М.* Вступительные статьи // *Гаты Заратуштры / Пер. с авестийского, комм. и прил. И. М. Стеблин-Каменского*. СПб, 2009. С. 4–32.
- Сыркин 1992 – *Сыркин А. Я.* Комментарии // *Упанишады в 3-х кн.* М., 1992. Кн. 1: Брихадараньяка Упанишада. С. 161–226.
- Топоров 1994 – *Топоров В. Н.* Трита // *МНМЭ*. 1994. Т. 2. С. 525–526.
- Топоров 2006 – *Топоров В. Н.* Авест. Ōrita, Ōraētaona, др.-инд. Trita и др. и их индоевропейские истоки // *Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. М., 2006. Т. 2: Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 2. С. 479–504.
- Брихадараньяка Упанишада 1992 – Брихадараньяка Упанишада // *Упанишады в 3-х кн.* М., 1992. Кн. 1.
- Шомахмадов 2007 – *Шомахмадов С. Х.* Учение о царской власти (Теории имперского правления в буддизме). СПб, 2007.
- Элиаде 1998 – *Элиаде М.* Мефистофель и андрогин. СПб, 1998.
- Элиаде 2009 – *Элиаде М.* История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. Изд. 2-е. М., 2009.
- Эрман 1980 – *Эрман В. Г.* Очерк истории ведийской литературы. М., 1980.
- The Satapatha-Brāhmana 1900 – *The Satapatha-Brāhmana. According to the text of the Mādhyandina school / Translated by Julius Eggeling. Part V. Books XI, XII, XIII and XIV // The sacred books of the east. Translated by various oriental scholars and edited by F. Max Müller. Oxford, 1900. Vol. XLIV.*

## **Скульптуры на основе естественных форм в палеолите Урала**

Вопрос об использовании первобытными людьми камня и кости природных форм, как одно из объяснений происхождения искусства, возник еще на заре науки о первобытности (Столяр 1985: 69 и сл.). В последние годы уральский исследователь Ю. Б. Сериков, основываясь на материалах своих раскопок, убедительно обосновал факт использования природных форм в культовой практике древнего уральского населения, начиная с эпохи палеолита вплоть до средневековья (Сериков 2004; 2005а). Наибольшие споры вызвали скульптуры из гальки, однако новые открытия, сделанные другими исследователями, позволили Ю. Б. Серикову утвердить в науке и этот вид изобразительной практики (Сериков 2007а). В его материалах по скульптуре из гальки отсутствовали изделия эпохи палеолита, и только один предмет был описан им как «скульптура» из кости со стоянки Гари (Сериков 2004: 58; 2005а: 28). Опираясь на критерии выделения фигурных кремней (искусственная обработка, отбор по форме, нахождение в культурном слое), предложенные А. Д. Столяром (1985: 76), нами были зафиксированы на палеолитических памятниках Урала простейшие скульптурные изображения из камня и кости, сохраняющие естественную форму основы и лишь частично подвергнутые обработке.

*Изделия из кости.* Стоянка Лабазы 1 расположена в Курманаевском р-не Оренбургской обл. Памятник открыт С. В. Богдановым и исследуется им с 2006 г. (Богданов, Котов 2008). Руслом р. Бузулук здесь вскрыт культурный слой верхнего палеолита. Основную массу находок на стоянке Лабазы I составляют кости ископаемых животных и орудия, изготовленные из них. На многих костях имеются различные насечки, царапины, особенно многочисленные возле эпифизов. На двух обломках ребер (носорог и бизон) отмечены следы красной охры. Изделия из камня (15 экз.) представлены, в основном, пластинами и изделиями из них. В фаунистическом комплексе стоянки зафиксировано преобладание четырех видов животных (носорог, мамонт, ширококоргий бизона, лошадь) в комбинации с теплолюбивыми видами копытных и грызунов (верблюд, кулан, тушканчик и др.), что указывает на теплый интерстадиал – ленинградский горизонт. Абсолютная дата  $40310 \pm 3830$  л. (ИГАН-3442), полученная при датировке обломка рога гигантского оленя, подтверждает геологический и палеонтологический возраст стоянки.

Одно костяное изделие, обнаруженное здесь, было отнесено к предметам, связанным с изобразительной деятельностью (Богданов, Котов 2008: 35, рис. 11, 1). Оно изготовлено из фигурной «катушки» эпифиза плечевой кости благородного оленя. Размеры поделки –  $6,4 \times 5 \times 5$  см (рис. 1, 5). Предмет имеет форму антропоморфной статуэтки. Его верхняя часть, соответствующая «голове», декорирована наклонными насечками, центральная выпуклая часть эпифиза подбита и обрешена таким образом, что выделены короткие выступающие в стороны руки и две округлые груди, на нижней наиболее широкой части эпифиза гравированными ломаными линиями показаны ноги (возможно, согнутые в коленях). Изображение симметрично. А. Д. Столяр относил близкие по форме и типу антропоморфные статуэтки из Авдеево (1 экз.) и Пршедмости (4 экз.) виллендорфско-костенковской культуры к «знаковой» скульптуре (Столяр 1985: 249, рис. 32–34).

Стоянка Троицкая 1 находится в Южном Зауралье на берегу р. Уй, недалеко от г. Троицка Челябинской обл. Предположительно, данный памятник является временным стойбищем около скопления костей или туш погибших животных (Широков и др. 1996: 21; 2005). Радиоуглеродная дата стоянки получена по обработанной кости мамонта –  $16300 \pm 300$  л. (ИЭРЖ-165). При раскопках найдены каменные изделия, большинство которых сделано из хрусталя. По мнению Ю. Б. Серикова (2007в: 12), его наличие на памятнике является индикатором культового комплекса. Выявлено здесь и уникальное костяное изделие, выполненное из пястной кости лошади (рис. 1, 1). У него удален один эпифиз и вблизи головки сохранившегося дистального эпифиза там, где толщина кости составляет 2,5 см, просверлено цилиндрическое отверстие диаметром 1,8–2 см.

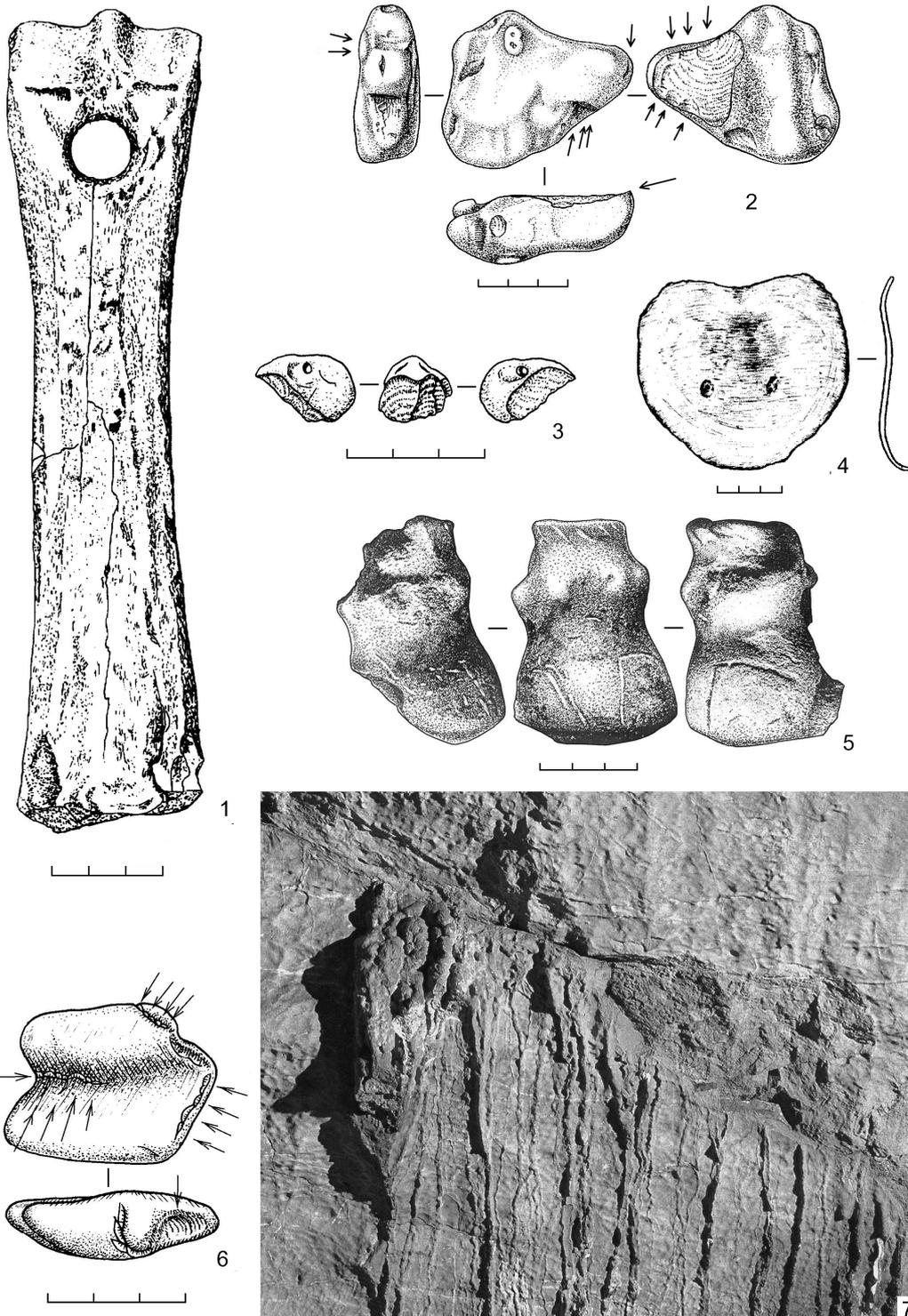


Рис. 1. Предметы изобразительной деятельности в палеолите Урала:

1 – стоянка Троицкая 1, жезл (по Широков и др. 1996); 2 – стоянка Сергеевка 1, голова животного (материалы автора); 3 – пещера Байсланташ, голова птицы (по Котов 2004); 4 – стоянка Гари, личина (по Сериков 20076); 5 – стоянка Лабазы 1, женская статуэтка (по Богданов, Котов 2008); 6, 7 – пещера Шульган-Таш, фигурка животного (материалы автора) и протомы лошади (по Ляхницкий, Солодейников 2004). 1, 4–5 – кость, 2–3, 6 – кварцито-песчаник, 7 – кальцитовый натек

Авторы исследования писали о вероятном использовании этого изделия в качестве выпрямителя древков метательных орудий или орудия для размягчения ремней (Широков и др. 1996: 11,

рис. 2, 1). Однако для выполнения этих операций подойдет любая другая кость. Для этого нет нужды тратить время на просверливание отверстия и удаление эпифиза. Последнее, очевидно, имело целью создать рукояточную часть и выделить дистальную часть изделия. По материалам каменного века Урала и других регионов известно, что искусственное отверстие придавало предмету особо символический статус (Сериков 2005б: 147). По нашему мнению, изделие из Троицкой 1 неслучайно отличается строгой симметричностью, и размещение отверстия точно под выступом и рельефными деталями эпифиза на одной из его сторон напоминает личину деревянных идолов. Вероятно, эта поделка имела символическую функцию и являлась жезлом. Сочетание искусственной обработки и естественного рельефа кости в антропоморфном изображении перекликается с антропоморфной статуэткой со стоянки Лабазы 1.

Стоянка Гари находится на правом берегу р. Сосьва на южной окраине пос. Гари. С 1973 г. ее исследует Ю. Б. Сериков (2007б). В 1999 г. здесь было обнаружено изделие из межпозвоночного диска мамонта размером  $9,8 \times 8,6$  см. По свидетельству автора раскопок, диск отличается симметричностью и правильностью формы. Несколько ниже его центра и симметрично, на расстоянии 3 см друг от друга по свежей кости пробиты два сквозных отверстия диаметром 2 мм, образующие на «лицевой» стороне изделия две выколки диаметром до 7 мм (рис. 1, 4). Автор находки считает, что этот диск представляет собой, предположительно, медвежью личину (Сериков 2007б: 63, рис. 29, 2).

*Изделия из камня.* Стоянка Сергеевка 1 расположена на левом берегу Нугушского водохранилища, в его северо-восточной части, поблизости от впадения в него р. Нугуш, в Мелеузовском р-не Республики Башкортостан. Памятник открыт в 2008 г. археозоологом Д. О. Гимрановым. В 2009 и 2010 гг. стоянку обследовала экспедиция ИИЯЛ УНЦ РАН под руководством В. Г. Котова (Гимранов и др. 2012; Котов, Румянцев 2012). Памятник, скорее всего, является сезонной стоянкой охотников на лошадей. Технично-типологические характеристики найденных здесь каменных изделий указывают на верхнепалеолитический облик индустрии. По костям животных была получена радиоуглеродная дата памятника –  $18000 \pm 340$  л. (Le-9603) (Котов, Румянцев 2012).

Среди находок обнаружена поделка, которую можно отнести к предметам изобразительной деятельности. Она представляет собой плоскую подтреугольную фигурную гальку из окремненного желто-коричневого песчаника (рис. 1, 2). Размеры этого изделия с закругленными концами –  $6 \times 5,5 \times 2$  см. Одна сторона гальки уплощена вследствие преднамеренного широкого скола. На лицевой стороне естественные выпуклости образуют подобие головы животного с вытянутой мордой, выпуклой скуловой частью и круглым выпуклым глазом размерами  $1,2 \times 0,7$  см. Для придания большего сходства с животным галька подработана. Посредством твердого острого посредника сделано два углубления на поверхности «глаза», чтобы обозначить зрачок. Наличие двух углублений, очевидно, вызвано тем, что отбойник соскальзывал, и мастеру не удалось проработать первое углубление. В районе «носа» также острым твердым посредником сделан узкий скол, очевидно, обозначающий ноздрю. Ниже, примерно посередине гальки, острым посредником был сделан скол в направлении от «лицевой» поверхности, а затем многочисленными торцевыми снятиями в направлении от основания он был аккуратно расширен, образовав глубокую выемку, обозначающую открытую пасть животного. Небольшие сколы на «темени» и в других местах могли появиться в процессе обработки изделия на каменной наковальне. На «темени» фигурной гальки виден отпечаток древней ракушки. Поверхность изделия с обеих сторон покрыта красно-бордовой минеральной краской, которая имеется и на поверхности негатива скола, на вентральной стороне. Остатки охры указывают на то, что галька была специально принесена на стоянку, здесь же обработана и затем использована в каких-то обрядах. На памятнике также был найден фигурный кремь в виде головы животного, что позволяет предполагать наличие здесь и других подобных изделий.

Пещера Шульган-Таш (Каповая) находится в Бурзянском р-не Республики Башкортостан на правом берегу р. Белой, в 5 км к З от дер. Гадельгареево (Шульганово). В 2009 г. нами был полностью вынесен и промыт отвал строителей трапов, вскрывших на первом уступе (Балконе) Каскадной

галереи пещеры культурные напластования эпохи верхнего палеолита, отложившиеся 14–16 тыс. л. н. (Котов 2011). В ходе промывки было обнаружено около пятисот находок, включая шесть, явно принесенных в пещеру, кварцитовых галек.

Некоторые участки одной из них были обработаны. Рассматриваемая поделка из серовато-зеленого кварцито-песчаника имела плоскую подтрапециевидную форму. Ее размеры –  $4,5 \times 3,3 \times 1,3$  см (рис. 1, б). Одна сторона изделия гладкая. На выпуклой поверхности поделки острым твердым посредником сделан горизонтальный желобок от глубокой выемки на левой стороне гальки до ее половины. На торцевой грани серией ударов тем же инструментом сделан полукруглый желобок глубиной до 1 мм и шириной 1 мм, оформляющий полусферическую выпуклость. Она дополнительно выделена глубокой выемкой, которая была подправлена снятием в направлении от нижней плоскости. Параллельно правой наклонной грани серией ударов, произведенных острым твердым посредником, был сделан вертикальный желобок, не достигающий до закругленных выступов.

Однозначно интерпретировать данное изделие затруднительно. В зависимости от ориентации этой галечной скульптуры ее можно воспринимать и как изображение человека, и как изображение носорога или мамонта. Последнее более предпочтительно, т. к. здесь присутствуют основные символические детали этого животного: голова полусферической формы, отделенная от покатым спиной небольшой выемкой, хобот и массивное туловище. Очевидно, данное изделие было символическим жертвоприношением в контексте поклонения священной пещере в эпоху верхнего палеолита. Подобные находки необычных поделок сделаны и в других местах пещерного святилища. В частности, в раскопе В. Е. Щелинского в зале Знаков среднего этажа была найдена плоская полированная галька каплевидной формы из зеленого серпентинита (змеевика). В. Г. Котов нашел в плейстоценовых отложениях раскопа 1 в Купольном зале (Капелла Черепов) полированную хрустальную гальку диаметром около 2 см (Котов 2011). Все это указывает на то, что древние люди придавали особое значение камням необычной формы или с необычными свойствами. В некоторых случаях они могли усиливать их сходство с животными или людьми дополнительной обработкой.

Об этом свидетельствует моделированный обработкой известняковый натек в виде протомы лошади и длинной, ниспадающей «гривы» (рис. 1, 7), расположенный по трещине под группой изображений на Восточном панно зала Рисунков верхнего яруса пещеры Шульган-Таш. Он был первоначально обнаружен первооткрывателем палеолитической живописи на Урале А. В. Рюминым, затем его необычная форма была зафиксирована фотографом А. К. Солодейниковым, а позднее нами были замечены следы подправки натека (Рюмин 1961; Ляхницкий, Солодейников 2004: 57, рис. 4; Котов 2009: 14). Негативы сколов видны вдоль трещины (подправка «гривы») и на конце натека, который был обломан. Здесь же, под толстой кальцитовый коркой, наряду с углями, известняковыми сколами и охрой отрядом под руководством Т. И. Щербаковой в 2004 г. была выявлена нижняя часть этого сталактита. В работе отряда принимал участие и автор статьи. Естественная скульптура расположена под трещиной, являвшейся символической границей между второй и третьей группой изображений. Такое расположение неслучайно. Оно проистекает из мифологического контекста этой и других композиций пещерного святилища (Котов 2009: 14–15, 17).

Пещера Байсланташ (Акбутинская) расположена в 1 км западнее хут. Акбута на правом берегу р. Белой, в Мелеузовском р-не Республики Башкортостан. Ее раскопки были начаты автором в 1999 г. Здесь вскрыто около  $70 \text{ м}^2$  (Котов 2004). Слой 3, заключающий культурные остатки финального палеолита, датирован верхним звеном неоплесточена, осташковским временем, а по концентрату мелких костей из 18 горизонта была получена радиоуглеродная дата:  $13560 \pm 250$  л. (ГИН-10853). Индустрия пещеры по ряду признаков находит аналогии среди выделяемых П. Ю. Павловым памятников т. н. среднеуральского варианта палеолита Урала (Павлов 1988), особенно его второй хронологической группы.

К категории украшений или амулетов нами была отнесена кварцитовая галька с отверстием («куриный бог»), расколотая и подработанная несколькими сколами так, что она приобрела облик

головы хищной птицы с клювом (рис. 1, 3). Размеры изделия –  $2 \times 1,5 \times 1,7$  см. Сочетание необычной формы гальки и наличие в ней отверстия послужило причиной того, что ее аккуратно оформили в миниатюрную скульптуру.

*Выводы.* Рассмотренные выше находки, несмотря на свою малочисленность, позволяет говорить о широком распространении данного явления в верхнем палеолите уральского региона. Причем традиция использования естественных форм из камня и кости в изобразительной практике относится как к началу верхнего палеолита, так и к финалу плейстоцена. Приемы исполнения изображений из фигурной кости и фигурной гальки сходны: природная форма дополняется отдельными деталями посредством обивки, пикетажа, сверления и гравировки. Для предметов изобразительной и культовой практики на основе естественных форм, датируемых голоценовым временем, характерны те же приемы обработки (Сериков 2007). Сходство проявляется и в том, что среди изображений представлены как образы животных и человека (3 экз.), так и их голов (4 экз.). Среди рассмотренных находок имеются два изображения человека, два – животных и по одному – птицы, лошади и мамонта (?). Таким образом, можно говорить о единой традиции от начала верхнего палеолита до эпохи средневековья, причем для верхнего палеолита предполагается, что использование и почитание естественных форм является важным и специфичным способом символизации в рамках изобразительной деятельности на территории Урало-Поволжья.

Данные артефакты нельзя рассматривать с точки зрения выделения стиля. Очевидно, что само использование естественных форм камня и кости в культовой практике нельзя назвать изобразительной деятельностью, если они не были подвергнуты обработке. Вместе с тем, отбор природных форм указывает на существование художественного вкуса и развитой склонности к ассоциации. Само по себе внимание человека каменного века к формам камня и кости естественно. Первобытный охотник и мастер постоянно осматривал окрестности в поисках пригодного сырья для своих нужд. Ему также приходилось соотносить форму сырья или заготовок с определенными мыслительными образами необходимых ему орудийных форм. Можно было бы предположить случайный характер наличия подобных предметов, напр., в качестве игрушек или сувениров, если бы они не были подвергнуты тщательной обработке. Кроме того, находка двух скульптур в пещерном святилище Шульган-Таш (Каповой) и двух на предполагаемых святилищах (стоянка Троицкая 1 и пещера Байсланташ), а также следы охры на скульптуре из гальки, обнаруженной на стоянке Сергеевка 1, свидетельствуют о высоком символическом статусе данных предметов. Для каменного века вообще характерен культ камня и костей почитаемых (тотемных) животных. В этом культе, как показывают материалы из святилищ Южного Урала (Черноозерье II, Большие Аллаки, Игнatieвская, Шульган-Таш (Каповая), Заповедная, Мурадымовская 2), сакральными функциями обладает и сам процесс раскалывания и обработки камня (Петрин 1992: 80; Волков 2004: 211, 212; Котов 2010: 208; 2011: 161). Сходство природных форм камня и кости с конкретными образами животных или человека должно было восприниматься первобытным человеком как чудо, или точнее, как проявление в камне или кости некоего минимума-зародыша души этих животных или человека, причем производимая доработка таких предметов есть окончательное извлечение образа из природного контекста. Поэтому такие изделия должны были восприниматься как амулеты или даже идолы. Данная реконструкция смыслового содержания этих предметов позволяет понять устойчивость такой традиции на протяжении десятков тысяч лет. Наличие находок каменных скульптур, выполненных из гальки на территории Красноярского края и Дальнего Востока (Сериков 2007: 160), а также на Северном Донце (Роголикиские стоянки) (Ветров 2007: 14–16), позволяют воспринимать их как проявление изобразительно-культовой практики «восточного» мира охотников верхнего палеолита.

Богданов, Котов 2008 – *Богданов С. В., Котов В. Г.* Верхнепалеолитическая стоянка Лабызы I (Оренбургская обл.) // УАВ. 2008. Вып. 8. С. 27–38.

Ветров 2007 – *Ветров В. В.* Искусство позднего палеолита степей Северного Причерноморья и Приазовья // Искусство и религия древних обществ. Луганск, 2007. С. 12–18.

- Волков 2004 – *Волков Р. Б.* Многоликий камень // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004. С. 210–223.
- Гимранов и др. 2012 – *Гимранов Д. О., Котов В. Г., Курманов Р. Г., Румянцев М. М.* Стоянка верхнего палеолита Сергеевка 1 на р. Нугуш (Южный Урал) // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 1 (18). С. 24–37.
- Котов 2004 – *Котов В. Г.* Исследование палеолитического слоя в пещере Байсланташ (Акбутинская) // УАВ. 2004. Вып. 5. С. 36–55.
- Котов 2009 – *Котов В. Г.* Пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая). Мифологическая структура и семантика изображений // УАВ. 2009. Вып. 9. С. 5–21.
- Котов 2010 – *Котов В. Г.* Уникальное святилище в пещере Заповедная на Южном Урале: история исследования и гибели // Культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Уфа, 2010. С. 194–220.
- Котов 2011 – *Котов В. Г.* Некоторые итоги изучения пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Труды III (XIX) Всерос. АС. СПб; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. I. С. 159–161.
- Котов, Румянцев 2012 – *Котов В. Г., Румянцев М. М.* К вопросу о культурной ситуации в уральском регионе в эпоху верхнего палеолита // Урал–Алтай: через века в будущее: Мат-лы V Всерос. тюрколог. конф., посвящ. 80-летию ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа. 2012. С. 189–192.
- Ляхницкий, Солодейников 2004 – *Ляхницкий Ю. С., Солодейников А. К.* Результаты исследования рисунков пещеры Шульган-Таш (Каповой) группой ВСЕГЕИ в 2001–2004 гг. // УАВ. 2004. Вып. 5. С. 56–64.
- Рюмин 1961 – *Рюмин А. В.* Пещерная живопись позднего палеолита на Южном Урале // *Arheologicke rozledy*. Praha. 1961. Roc. 13, ses. 5. P. 712–732.
- Павлов 1988 – *Павлов П. Ю.* Палеолит северо-востока Европейской части СССР: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
- Петрин 1992 – *Петрин В. Т.* Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992.
- Сериков 2004 – *Сериков Ю. Б.* Использование естественных форм из кости и камня в первобытном искусстве // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: Мат-лы темат. науч. конф. СПб, 2004. С. 58–61.
- Сериков 2005а – *Сериков Ю. Б.* Использование природных форм в культовой практике древнего населения Урала // Проблемы археологии и древней истории Урала. Нижний Тагил, 2005. С. 26–44.
- Сериков 2005б – *Сериков Ю. Б.* К вопросу о функциональном и сакральном назначении так называемых пряслиц // Там же. С. 141–150.
- Сериков 2007а – *Сериков Ю. Б.* Галечные скульптуры – изобразительные символы обрядовой деятельности древнего человека // Миф и символ в прошлом и настоящем. Нижний Тагил, 2007. С. 28–39.
- Сериков 2007б – *Сериков Ю. Б.* Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые проблемы уральского палеолитоведения. Нижний Тагил, 2007.
- Сериков 2007в – *Сериков Ю. Б.* Становление ритуально-культовой практики у палеолитического населения Урала // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической перспективе. Барнаул, 2007. Вып. 1. С. 7–24.
- Столяр 1985 – *Столяр А. Д.* Происхождение изобразительного искусства. М., 1985.
- Широков и др. 1996 – *Широков В. Н., Косинцев П. А., Волков Р. Б.* Палеолитическая стоянка Троицкая I на реке Уй // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996 (Южный Урал: Природно-географические факторы и историко-культурные процессы).
- Широков и др. 2005 – *Широков В. Н., Волков Р. Б., Нестерова Г. М.* Палеолит и мезолит Урала: Учебное пособие. Екатеринбург, 2005.

## **Канозерские петроглифы (Мурманская область России)**

В широчайшем диапазоне исследовательских интересов Михаила Петровича Грязнова изучение духовной культуры древнего населения занимало немаловажное место. Особое значение он придавал исследованию изобразительных памятников, в т. ч. древних петроглифов (Грязнов 1933; 1950; 1958; 1960; 1961; 1964; 1981; Грязнов и др. 1981).

Первые изображения на скалах оз. Канозеро в южной части Кольского п-ова (Мурманская обл.) были обнаружены в 1997 г. (Лихачёв 2007; Shumkin 2000; Kolpakov et al. 2008). Систематическая работа по выявлению и документированию канозерских петроглифов производится с 1999 г. Кольской археологической экспедицией ИИМК РАН (Шумкин 2001). К 2012 г. зафиксировано 1245 фигур в 18 группах (Колпаков, Шумкин 2012). Среди них целый ряд уникальных изображений и значительное количество выбивок, находящихся аналогии в петроглифах выдающихся памятников наскального творчества Фенноскандии – Альта (Alta) в Норвегии, Намфорсен (Nämforsen) в Швеции, Залавруга и Бесов Нос в российской Карелии.

Основную массу петроглифов составляют изображения лодок с лосиными форштевнями и людьми-«штырьками», антропоморфные изображения анфас, зооморфные изображения в профиль (преимущественно лоси и олени), китообразных (вид сверху), следов человека и животных (Колпаков 2007). Их дополняют изображения птиц, чашевидные углубления, геометрические фигуры, а также немалое количество поврежденных, нераспознаваемых выбивок (Колпаков 2011: рис. 1). Наиболее часто встречаются сцены охоты с лодок на китообразных. Характерно, что и на других животных (лоси, бобры, медведи) также охотятся с лодок.

*Датировка петроглифов* Канозера в настоящее время может основываться лишь на типологическом сходстве с другими памятниками, в первую очередь, с рядом изображений беломорской Залавруги. Наиболее обоснованной для этого комплекса является предварительная датировка, предложенная А. М. Жульниковым на основе анализа типов керамики из перекрывающего петроглифы культурного слоя, с учетом высоты расположения изображений над уровнем моря. Принимая во внимание имеющиеся радиоуглеродные даты, он пришел к выводу, что «в целом, все группы наскальных изображений Белого моря, судя по полученным данным, были созданы в период от начала IV до конца III тыс. до н. э.» (Жульников 2006а: 246). Опираясь на эти выводы, петроглифы Канозера можно датировать этим же периодом, что укладывается в общие представления о времени существования наскального творчества Северной Фенноскандии.

*Озеро Канозеро: острова и скалы.* В наше время Канозеро расположено в зоне северной тайги и окружено непроходимыми болотами. Петроглифы разбросаны на трех островах (о-ва Горелый, Еловый, Каменный) и прибрежной скале (скала Одинокая). Острова и скала находятся в средней части оз. Канозеро (25 × 5 км), которое является расширением р. Умба и находится в южной части Кольского п-ова (в 75 км к В от г. Кандалакша, в 28 км к С от Кандалакшского залива Белого моря, на высоте 52,7 м). В подавляющем большинстве изображения выбиты на скальных поверхностях, которые полого спускаются к воде. Скалы сложены относительно мягкими серицит-амфибол-хлоритовыми сланцами (определение В. В. Травина). Многие выбивки повреждены в результате воздействия как природных процессов: ледохода, абразивного воздействия волн с песком, растрескивания и выветривания скал, так и антропогенного фактора. Не вызывает сомнений, что часть изображений бесследно исчезла.

*Техника выбивки.* Из-за мягкости скал реконструкция способов создания изображений, которые применялись на Канозере, представляет непростую задачу (Городилов 2007). Современная поверхность гравировок зачастую совершенно ничем не отличается от примыкающей поверхности скалы. Поэтому наше понимание способов создания канозерских петроглифов поверхностно в буквальном смысле. С уверенностью можно говорить о том, что использовались разные приемы.

Прежде всего, применялся пикетаж: глубокий и мелкий, крупноточечный и мелкоточечный, плотный и разреженный. В ряде случаев гравированная поверхность дополнительно шлифовывалась. Кроме того, иногда использовалось прорезание или процарапывание треугольным в сечении инструментом. В различных сочетаниях эти приемы могли применяться для создания одной фигуры. Небольшие раскопки, проведенные вплотную к скалам с гравировками, обнаружили сотни мелких кварцевых чешуек. Не вызывает сомнений, что они образовались в результате выкрашивания каменных инструментов, с помощью которых выбивались изображения. Возможно, использовали и металлические инструменты, но пока не удалось обнаружить признаков их применения.

Все выбивки выполнены в силуэтном и однолинейном стилях, т. е. вся их внутренняя поверхность заполнена пикетажем. Исключения составляют лишь несколько антропоморфных изображений, у которых что-либо показано внутри тела. Последнее свидетельствует о том, что конкретный стиль был известен создателям канозерских петроглифов, но не применялся.

*Остров Каменный.* Наибольшее количество выбивок находится на этом, меньшем (330 × 130 м), но самом высоком из трех островов. В его СВ части находится необычная скала (15 м над уровнем воды в озере), разделенная глубокой трещиной по оси С–Ю. Не исключено, что именно она была тем сакральным пунктом, с которым связаны наскальные изображения. Подобная скала с расщелиной есть на высшей точке о-ва Вайгач между Баренцевым и Карским морями, (Аринин и др. 2006) и она является древним святилищем Неве-Хеге («Мать богов») или Хадако («Старуха»).

К западу от раздвоенной скалы, на отдельных скальных поверхностях зафиксировано семь групп петроглифов, насчитывающих 846 фигур, расположенных на высоте от 0,3 до 8 м над уровнем воды в озере.

Ближайшая к этой скале и самая большая группа Каменный-7,<sup>53</sup> состоит из 612 изображений. Она занимает полусферическую скальную поверхность, разделенную ложбиной на две неравные части. Эта группа расположена на наибольшей высоте над уровнем воды в озере (от 6,5 до 8 м), и дальше всех остальных групп от ближайшего берега – 33 м. Изображения именно этой группы ярко выделяются своими особенностями как среди петроглифов Канозера, так и среди памятников наскального творчества Северной Европы.

Здесь находятся почти все канозерские изображения, выполненные в шлифованной технике. Здесь же есть единственный случай применения особой техники выбивки – мелкий плотный пикетаж нанесен на отшлифованный участок скалы. Выбивка глубиной не более 1 мм, но на шлифованной поверхности она хорошо видна. Представлено антропоморфное изображение с длинным извивающимся хвостом-фаллосом и он помещен в скальную ложбину. После дождя, когда по ложбине стекает вода из расположенной рядом трещины, возникает впечатление, что фигура движется. Особое внимание привлекает композиция на южном фасае скалы – сцена зимней охоты на медведя, состоящая из 89 отдельных элементов (рис. 1, 1). Поразительно, но это единственный несомненный, «полномасштабный» случай показа сухопутной охоты на Канозере. Изображены цепочка медвежьих следов с параллельными им лыжными следами, сопровождаемыми следами от лыжных палок, и в конце – охотник, сняв лыжи, поражает медведя (более похожего на белого медведя) копьем в грудь. Использован естественный наклон скалы: следы полого наискосок поднимаются вверх, а затем резко поворачивают под острым углом вниз. Причем после поворота лыжные следы становятся длинными и появляется след от одной лыжной палки справа от лыжни – более тонкие линии с кружком, т. е. изображен спуск с горы. Заканчивается лыжня парой поперечных лыжных следов и следами ног. Медвежьи следы сначала расположены равномерно, а затем – группами по четыре, т. е. сначала соответствуя идущему, а затем – бегущему галопом медведю. И медведь, и охотник изображены головой вниз, по направлению движения. Охотник изображен в профиль.

---

<sup>53</sup> В разработанной документации (Колпаков, Шумкин 2012) все петроглифы разделены на группы по месту их размещения на отдельных скальных поверхностях. Названия групп складываются из названия острова и условного номера по чертежу.

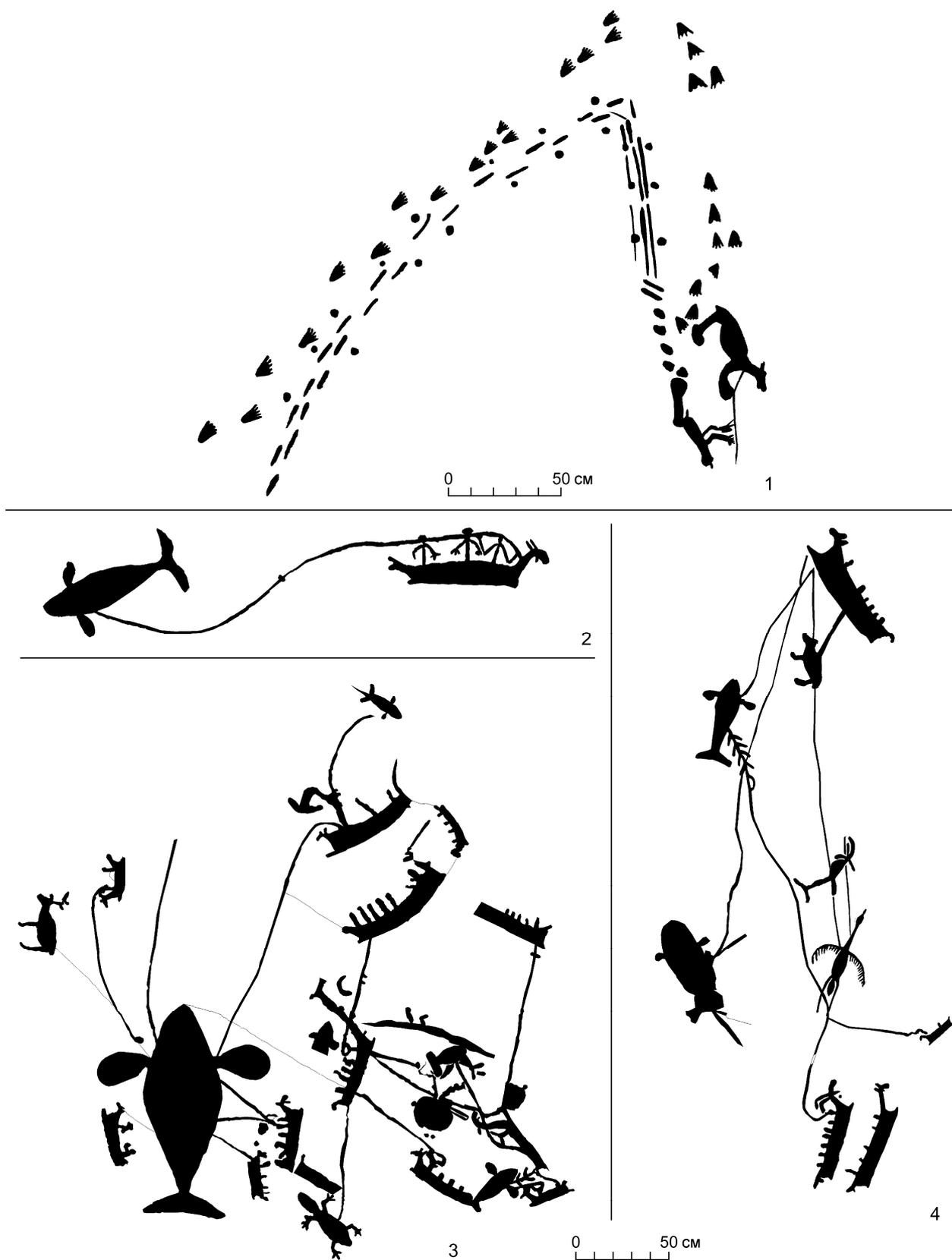


Рис. 1. Петроглифы Канозера, группа Каменный-7:  
 1 – сцена охоты на медведя; 2–4 – сцены охоты на китообразных

У него показаны две руки с пальцами, прикасающимися к копыю, фаллос, ноги, слившиеся в одно целое. Копье изогнуто под тупым углом. Видимо, требовалось изобразить или поражение копьем в верхнюю часть груди медведя (в сердце?) или показать, что копье сломалось (рис. 1, 1). К этой композиции может относиться и великолепная фигура бобра, расположенная за спиной охотника. Отдаленные аналогии этой охоте на медведя есть только в Альте, в Норвегии (Helskog 1988).

Охоту на медведя пересекает композиция морской охоты (рис. 1, 4). Она занимает пространство  $3,6 \times 1,7$  м от нижней части скалы до ее вершины. В ней задействовано четыре лодки с лосиными форштевнями, три кита, медведь (?), тюлень (?) и летящая птица (журавль?). Одна лодка соединена линем (с гарпуном на конце) с китом. От второй отходят четыре линия (наибольшее количество на одну лодку), соединяющие ее с тремя китами, медведем, тюленем и птицей. Третья лодка, скорее всего, также входит в эту композицию, но от нее не отходит ни одного линия. Еще одна лодка соединена с линем, на конце которого находится гарпун.

На северном фаса скалы расположена другая сложная композиция морской охоты, занимающая пространство  $3,1 \times 2,8$  м и состоящая из нескольких самостоятельных композиций, соединенных между собой (рис. 1, 3). Центральным элементом в ней является самое большое изображение кита, похожего на касатку. К нему подходит восемь линий от лодок. Причем, к одному из линий присоединен и олень, который изображен наиболее реалистично. В эту большую композицию еще включено не менее трех сцен охоты на кита и одно изображение охоты с лодки на бобра, а также округлый объект, с которым лодки соединены линиями. Всего в ней (не считая неясные выбивки) участвует 14 лодок, четыре китообразных, бобр и олень.

Необходимо обратить внимание на тщательно выбитую сцену охоты на кита, в которой три члена экипажа лодки изображены с головами и пальцами на руках, а у лодки показан полный набор атрибутов: высокий форштевень с лосиной головой, длинный ахтерштевень с отростком вниз, киль выступающий вперед и назад. Передний член экипажа держит в руках литье, который соединяется с китом. Весь сюжет занимает в длину 2,7 м (рис. 1, 2). Среди других памятников на скальном творчестве Северной Европы, только на Залавруге в Карелии имеются сцены охоты на китообразных, сходные с канозерскими (Равдоникас 1936; Саватеев 1970; Жульников 2006б).

Кроме сцен охоты на китов, бобра и медведя, на этой скале есть три сцены охоты на лося. При этом во всех случаях на лося охотятся с лодок, как на китов (рис. 2). Есть основания считать большинство зооморфных изображений в профиль представителями семейства оленьих (лоси и северные олени). Как правило, они показаны без определенной связи с другими фигурами, за исключением тех случаев, когда выстроены в ряд, идущими друг за другом. Лоси всегда изображены без рогов.

Второе, не охотничье, тематическое направление представляет «человеческие отношения», точнее, антропоморфные изображения, связанные между собой и с другими объектами каким-либо образом. «Главный» среди них – большая фигура в профиль с изогнутым фаллосом, поднявшая над собой топор-жезл с лосиной головой. Перед этим существом находится пятипалая птица с мощным горбатым клювом. Здесь невольно вспоминаются предания- мифы о грозных древне-скандинавских богах (напр., Один с его парой вещих воронов и Тор с боевым молотом-топором). Но сцен боевых столкновений, как на Залавруге, здесь практически нет. Единственная композиция в этой группе, которая показывает, что антропоморфные персонажи противоборствуют друг с другом, состоит из двух фигур в профиль, одна из которых поражает другую копьем, а между ними (над копьем) находятся мелкое, также антропоморфное изображение анфас и птица (гагара?).

На разных участках скалы присутствуют три персонажа с подчеркнутыми мужскими признаками, с растопыренными пальцами на поднятых руках, хватающих женщину. Этот специфический сюжет повторяется и в других канозерских группах. Дополняют его две «сцены любви». В одной сцене (повреждена трещиной) показаны два антропоморфных существа, одно из которых – с фаллосом, другое – с вульвой. Фигуры расположены ногами друг к другу и фаллос направлен к вульве. В другой сцене мужская фигура расположена под женской и рука мужской фигуры



Рис. 2. Петроглифы Канозера, группа Каменный-7, сцена охоты с лодки на лося

направлена к вульве, а под мужской расположено антропоморфное изображение меньшего размера, которое, впрочем, может не относиться к этой композиции. Однако, самая выразительная «любовная» сцена находится в 40 м к Ю, в другой небольшой группе (Каменный-5).

Замечательным продолжением композиции, изображающей борьбу людей, является вся маленькая группа Каменный-4, которая целиком представляет собой сцену, напоминающую «любовный треугольник». На наклонном участке скалы, на высоте 1,5 м над водой выбиты беременная женщина (ребенок показан внутри фигуры головой вниз), по левую руку от нее мужчина (к которому ведет цепочка следов) с длинным извивающимся фаллосом и с копьем (рогатиной с нижним упором) в левой руке, по левую руку от него другой, изображенный в профиль человек, с топором «с лосиной головой», направленным на мужчину с копьем. По правую руку от женщины непонятная фигура и лодка. Персонаж с топором как бы нападает на женщину или на «копыеносца», который защищает беременную «даму». Еще одна подобная композиция (группа Каменный-1) включает фигуру беременной женщины (ребенок показан полосой внутри фигуры), по правую руку от нее имеется похожее на ящерицу антропоморфное существо с длинным хвостом-фаллосом, за который его держит обеими руками третий антропоморфный персонаж. У последнего под правым предплечьем выбит крест, на конец лопасти которого наложено изображение лодки.

Таким образом, на Канозере есть всего три сцены противоборства антропоморфных персонажей между собой. Все они находятся на о-ве Каменный и относятся к одному и тому же сюжету, который можно описать как «любовный треугольник». Интересно, что ближайшая аналогия этой сцене обнаруживается в Витлюке (Vitlycke; Южная Швеция) – памятнике бронзового века. На этом острове, в той же группе Каменный-1 частично сохранилась чрезвычайно выразительная композиция, в которой антропоморфное существо с подчеркнутыми мужскими признаками (фаллос и тестикулы) хватается огромными руками персонажа с подчеркнутыми женскими признаками (вульва и женская грудь).

*Скала Одинокая* (в 0,4 км к СВ от о-ва Каменный, на восточном побережье озера, 15 × 15 м, высота над уровнем воды – до 2 м). В южной части скалы выбита 61 фигура. Для этой группы характерны однолинейные антропоморфные и зооморфные фигуры. Представлены также изображения трех лодок и китообразного.

*Остров Еловый* (300 × 300 м, в 4,3 км к ЮВ от о-ва Каменный, максимальная высота – 7 м) характерен тем, что при крепком ветре значительная часть выбитых на нем изображений заливаются набегающей волной. Скалы идут узкой полосой по северо-западному берегу. Петроглифы (320 фигур в шести группах) расположены на всем его протяжении и находятся, в основном, на высоте до 1 м от уровня воды. Выделяется лишь группа Еловый-6, расположенная на скате, обращенном внутрь острова, в 18 м от уреза воды, на высоте 4,5 м. Здесь изображен антропоморфный персонаж

с фаллосом и поднятыми руками с растопыренными пальцами, над которым находится неясная фигура. Эта композиция больше всего напоминает сцены на о-ве Каменный, в которых мужской персонаж «хватает» женщину. Еще две, сходные по сюжету композиции находятся в группе Еловый-2, которая занимает участок скалы в небольшой ложбине вокруг подтреугольного углубления, всегда заполненного водой. Характерно, что на соседних, точно таких же участках, но менее заливаемых, выбивки отсутствуют. Петроглифы этой группы начинаются непосредственно от уреза воды и сильно заглажены водой и льдом, часть их, несомненно, уничтожена, от многих сохранились лишь наиболее глубоко выбитые фрагменты.

Выделяется одна композиция, представляющая собой фантастическую рыбу, из плавника которой как бы вырастает антропоморфная фигура с поднятыми трехпальными руками, одна из которых наложена на ногу другого персонажа, у которого изображена вульва. Большинство изображений в этой группе посвящено, как и в группе Каменный-7, охоте с лодок на китообразных, но фигуры здесь мелкие и, соответственно, обладают меньшим количеством проработанных деталей.

Изображения группы Еловый-3, расположенные на пологой, уходящей в озеро скале, имеют очевидное сходство с петроглифическим комплексом Чальмн-Варрэ на р. Поной, в центральной части Кольского п-ова (Shumkin 2000; Gurina 2005). И здесь, и там присутствует большое количество зооморфных изображений в профиль (в основном, семейства оленьих) с изображенными четырьмя или тремя ногами. Добавим к этому, что на о-ве Еловом находятся 11 из 13 таких изображений всего Канозера. Группа Еловый-3 отличается еще и тем, что в ней нет изображений китообразных.

*Заключение.* Петроглифы Канозера, несомненно, принадлежат к кругу древнего наскального искусства Северной Фенноскандии, резко отличаясь как от изображений Южной Швеции, так и Сибири. Наибольшее сходство Канозера с другими наскальными комплексами Северной Фенноскандии прослеживается по деталям изображений лодок: форштевни с лосиными головами, выступающий вперед киль, загнутый назад ахтерштевень. При этом изображения самих лодок весьма различаются от памятника к памятнику. Создается впечатление, что сходство изображений лодок обусловлено, в первую очередь, единством конструкции и украшений лодок, использовавшихся в древности на Севере.

Более показательное специфическое сходство на уровне композиционных структур, объединяющее Канозеро с рядом памятников Северной Фенноскандии. Например, такой сложный тип композиции как «любовный треугольник» встречается в Альте и Намфорсене, вплоть до петроглифов Южной Швеции, относящихся к эпохе бронзы. Учитывая, что сюжеты, которые мы можем условно распознать в композициях, скорее всего, связаны с мифологией, можно сделать предварительное заключение, что у всего древнего населения Фенноскандии существовали важные общие элементы мировоззренческих представлений. При этом, однако, пока не удастся проследить явных, убедительных, специфических связей канозерских петроглифов с изобразительным творчеством аборигенного населения Кольского полуострова – саамов.

Завершая краткий обзор петроглифов Канозера, подчеркнем, что за 15 лет, прошедших со дня их открытия, выполнена их первоначальная фиксация, составлен каталог и проведен предварительный анализ. Каждый год обнаруживаются новые изображения и уточняются прорисовки уже известных. В 2007 г. состоялась международная конференция, посвященная десятилетию открытия, а в следующем, 2008 г., администрацией пос. Умба Терского р-на Мурманской обл., при поддержке Администрации и Управления культуры Мурманской обл. было организовано Муниципальное учреждение культуры Музей наскального искусства «Петроглифы Канозера».

Аринин и др. 2006 – *Аринин Е. И., Несанелис Д. А., Теребихин Н. М.* Священная экология коренных народов Европейского Севера в контексте модернизации и международного сотрудничества // Баренц-журнал. 2006. Вып. 1.

Городилов 2007 – *Городилов А. Ю.* Техника выбивки петроглифов озера Канозеро // КС. 2007. С. 184–191.

- Грязнов 1933 – *Грязнов М. П.* Боярская писаница // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 7–8. С. 41–45.
- Грязнов 1950 – *Грязнов М. П.* Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // СА. 1950. Т. XII. С. 217–250.
- Грязнов 1958 – *Грязнов М. П.* Древнее искусство Алтая: Альбом. Л., 1958.
- Грязнов 1960 – *Грязнов М. П.* Писаница эпохи бронзы из д. Знаменки в Хакасии // КСИИМК. 1960. Вып. 80. С. 85–89.
- Грязнов 1961 – *Грязнов М. П.* Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. 1961. Вып. 3. С. 7–31.
- Грязнов 1964 – *Грязнов М. П.* Прикладное и декоративное искусство на Енисее в скифское время // Тез. докл. на Юбилейной науч. сессии (Гос. Эрмитаж). Секц. заседания. Л., 1964. С. 12–14.
- Грязнов 1981 – *Грязнов М. П.* Монументальное искусство на заре скифо-сибирских культур в степной Азии // Краткие ТД науч. конф. ОИПК ГЭ «Контакты и взаимодействие древних культур». Л., 1981. С. 21–24.
- Грязнов и др. 1981 – *Грязнов М. П., Столяр А. Д., Рогачёв А. Н.* Письмо в редакцию: [по поводу работ В. Е. Ларичева] // СА. 1981. № 4. С. 289–295.
- Жульников 2006а – *Жульников А. М.* К вопросу о датировке Беломорских петроглифов // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006. С. 238–247.
- Жульников 2006б – *Жульников А. М.* Петроглифы Карелии: Образ мира и миры образов. Петрозаводск, 2006.
- Колпаков 2007 – *Колпаков Е. М.* Петроглифы Канозера: типологический анализ (по состоянию на 2005 г.) // КС. 2007. С. 155–183.
- Колпаков 2011 – *Колпаков Е. М.* Петроглифы Канозера и Северной Европы // Тр. III (XIX) Всерос. АС. СПб; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. I. С. 155–156.
- Колпаков, Шумкин 2012 – *Колпаков Е. М., Шумкин В. Я.* Петроглифы Канозера (Rock carvings of Kanozero). СПб, 2012.
- Лихачёв 2007 – *Лихачёв В. А.* Петроглифы оз. Канозеро: история открытия // КС. 2007. С. 146–154.
- Равдоникас 1938 – *Равдоникас В. И.* Наскальные изображения Белого моря. М.; Л., 1938.
- Савватеев 1970 – *Савватеев Ю. А.* Залавруга. Ч. 1: Петроглифы. Л., 1970.
- Шумкин 2001 – *Шумкин В. Я.* Наскальные изображения р. Умбы: Новый уникальный комплекс Северной Европы // Археология в пути или путь археолога. СПб, 2001. Ч. 2. С. 88–107.
- Gurina 2005 – *Gurina N. N.* The Petroglyphs at Čalmn-Varrè on the Kola Peninsula. Trondheim, 2005.
- Helskog 1988 – *Helskog K.* Helleristningene I. Alta, 1988.
- Kolpakov et al. 2008 – *Kolpakov E. M., Murashkin A. I., Shumkin V. Ya.* The Rock Carvings of Kanozero // Fenno-scandia Archaeologica. 2008. XXV. P. 86–96.
- Shumkin 2000 – *Shumkin V.* The rock art, labyrinths, seids and beliefs of Eastern Lapland's ancient population // Myanddash: Rock art in the Ancient Arctic. Rovaniemi, 2000. P. 202–241.

***А. И. Юдин (Саратов, Россия)***

### **Орнаменты костяных изделий Варфоломеевской стоянки как отражение культурных взаимодействий**

При исследовании Варфоломеевской неолитической стоянки в степном Заволжье получена серия костяных изделий с орнаментом, которая включает орудия, украшения, предметы культа и мелкую скульптурную пластику (Юдин 2004). Эти изделия украшены как простейшими геометрическими орнаментами (короткие насечки, точки, параллельные линии), так и сложными, включая меандры. Эти предметы представляют несомненный интерес для установления культурных взаимодействий местного поволжского населения орловской культуры с земледельческими культурами в позднем неолите–раннем энеолите.

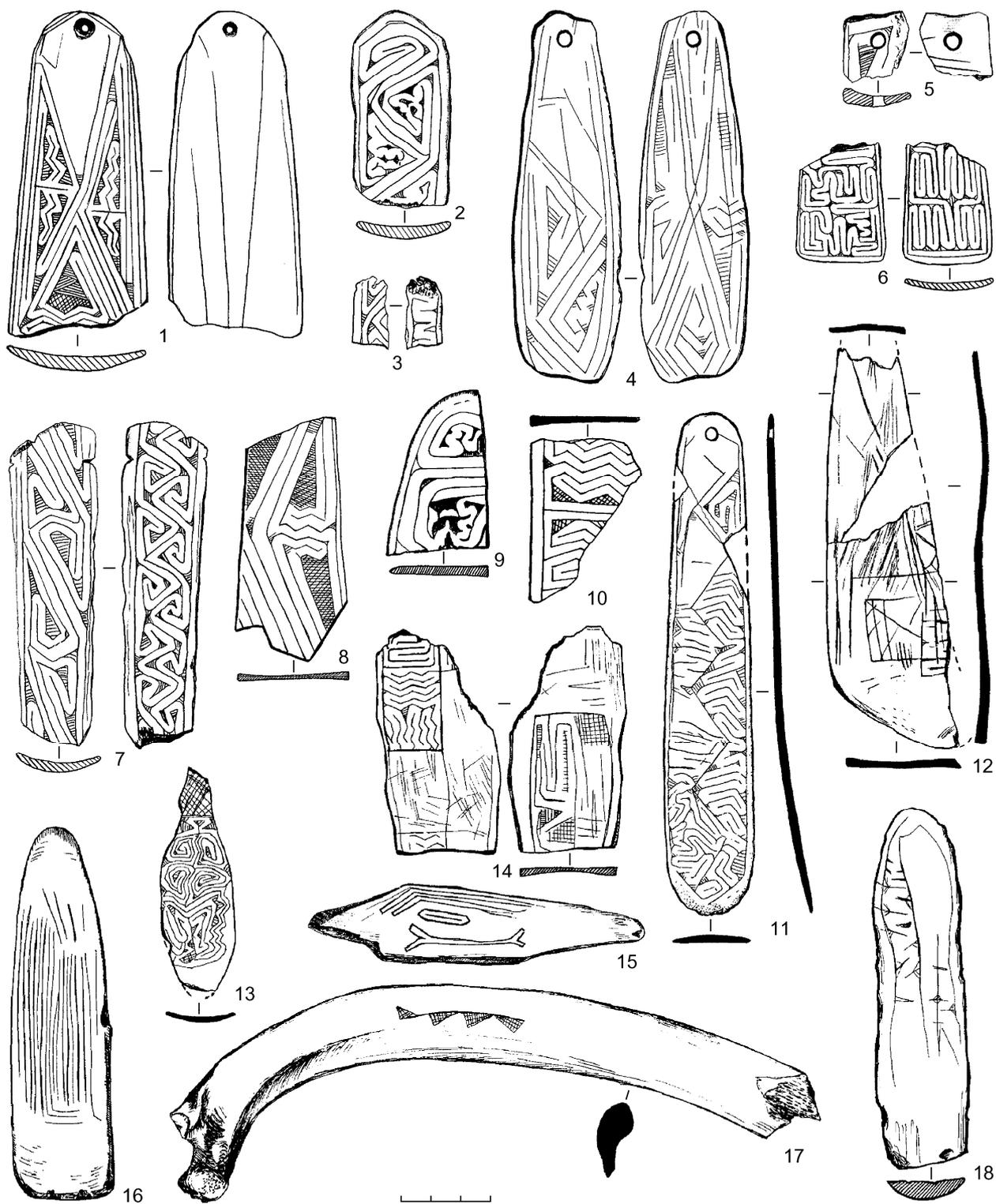


Рис. 1. Орнаментированные костяные изделия Варфоломеевской стоянки

Классификация и подробное описание костяных предметов выполнены ранее (Юдин 2003а; 2003б). Сложный геометрический орнамент встречен в подавляющем большинстве случаях на двух категориях изделий – длинных плоских пластинах и путовых костях лошади (метаподия II). Часть пластин осмотрена В. В. Килейниковым. Им было установлено, что это были шпатели для обработки керамики (рис. 1, 4, 11, 16), лоцило по коже (рис. 1, 15) и просто украшения (рис. 1, 7), которые использовали в качестве подвесок-амулетов (Килейников, Юдин

1993). Вероятно, подобные изделия были наделены сакральными функциями, т. к. даже обломки орнаментированных пластин вторично использовали в качестве амулетов (рис. 2, 9–10). В свою очередь, гравировки на кости можно разделить на чисто орнаментальные (рис. 1, 1–11; 3, 11–16, 20) и с «пиктографическими» мотивами (рис. 1, 12–16) которые уже нельзя считать собственно орнаментами, хотя грань между ними расплывчата (рис. 1, 14). Уникальность всех этих предметов заключается в том, что в подобном сочетании они не встречаются ни на одном памятнике степной зоны Евразии, а некоторые гравировки пока не имеют даже отдаленных аналогий среди костяных изделий.

Простейшие элементы орнамента и составленные из них композиции характерны для большинства первобытных культур, и их сравнение в плане культурно-исторических выводов представляется бесперспективным. Имеет смысл сравнивать предметы со сложными орнаментальными композициями, хотя понятие «сложный» зачастую весьма относительно. Поиск аналогий упирается в практически полное отсутствие материалов для сравнений в степной зоне Поволжья мезолита–неолита–раннего энеолита и даже среди неолитических культур Нижнего Поволжья – джангарской и сероглазовской, связанных с орловской культурой общим происхождением. Конечно, сохранность костяных изделий в прикаспийских песках и суглинках степного Заволжья различна, но костяные изделия на стоянках обеих культур встречаются, однако здесь мы не увидим ничего сравнимого с варфоломеевскими материалами. На стоянке Каир-шак III найдена рукоятка-оправа для каменных вкладышей (рис. 3, 1), украшенная параллельными линиями, насечками, крестами. Здесь имеются другие категории изделий, известные на Варфоломеевке, – две зооморфные пластины из клыка кабана и путовая кость с насечками (рис. 3, 2–3; Васильев и др. 1989), что показывает наличие единых традиций, но очень невыразительно по сравнению с орловской культурой. На представительной коллекции стоянки Джангар костяные орудия со сложной орнаментальной гравировкой отсутствуют, несмотря на совпадение многих орнаментальных композиций на керамике.

В лесостепном Поволжье предметы искусства, сопоставимые с варфоломеевскими, известны на двух раннеэнеолитических грунтовых могильниках – Съезжее и Липовый овраг, в которых обнаружены костяные фигурки лошадей и зооморфные пластины (рис. 3, 4–5). К настоящему времени известно 11 находок плоских костяных фигурок лошадей (Крюкова 2007: 66–70). Эти фигурки очерчивают регион распространения, приходящийся на территорию занимаемую мариупольской культурно-исторической областью и, в данном случае, являются только индикаторами возможного наличия орнаментированных предметов, аналогичных варфоломеевским.

На Нижнем Дону орнаментированная кость есть в ракушечной культуре, близость которой с орловской по многим параметрам, включающим и изделия из кости, уже отмечалась ранее (Юдин 1998). На стоянке Ракушечный Яр обнаружены многочисленные изделия из кости, но орнаменты на них простейшие, хотя в плане сравнения показательны наличие орнаментированных метаподий лошади и оленя (рис. 2, 21; Белановская 1983). На Раздорской стоянке из костяных предметов искусства можно назвать фигурку быка (рис. 3, 14; Кияшко 1994), сопоставимую с фигурками лошадей на Варфоломеевской стоянке (рис. 2, 17–19) и только на Раздорской 2 стоянке обнаружена представительная серия орнаментированных костяных изделий (рис. 3, 6–12; Цыбрий, Кияшко 2003). Это костяные пластины с двумя отверстиями, морфологически близкие варфоломеевским шпателям, и украшенные как собственно орнаментом, так и неким подобием пиктограммы, а также орнаментированные наконечники стрел. Элементы орнаментов на этих изделиях включают зигзаг, ромб, треугольник. Композиции, составленные из них, слабо сопоставимы с варфоломеевскими, т. к. здесь отсутствует столь характерный для Варфоломеевки меандр.

Некоторые аналогии варфоломеевским изделиям из кости есть в Мариупольском мог-ке – это костяные фигурки быков, нашивки из клыка кабана с простейшим орнаментом (рис. 3, 15–25). Костяной предмет со змеевидным орнаментом представлен в Нальчикском мог-ке на Северном Кавказе (рис. 3, 13; Круглов и др. 1941). В материалах сурской культуры встречен костяной предмет,

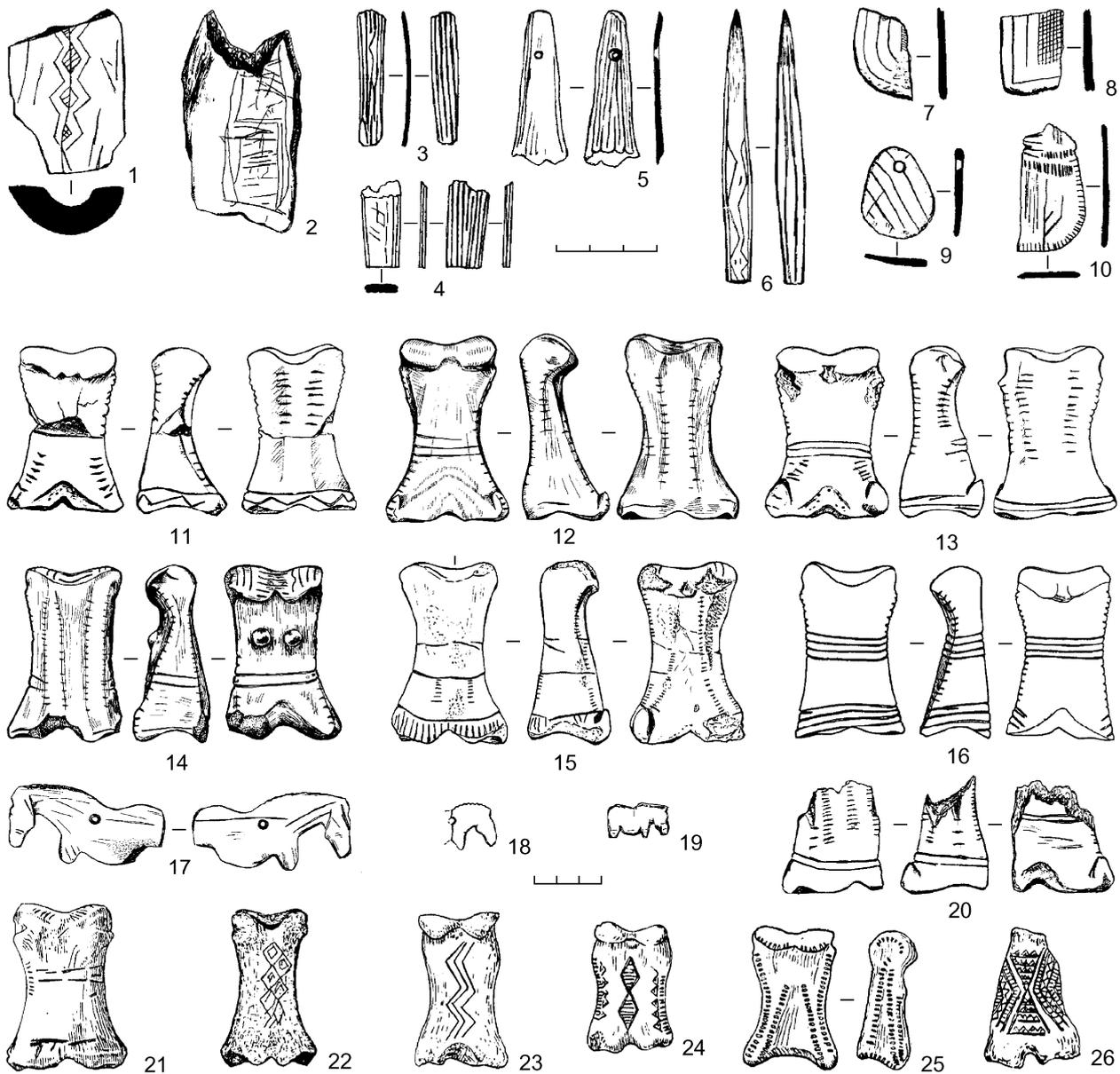


Рис. 2. Орнаментированные изделия (1–10), антропоморфная (11–16, 20–26) и зооморфная (17–19) пластика из кости: 1–20 – Варфоломеевская стоянка; 21 – Ракушечный Яр; 22 – Ивановская; 23–26 – Ботай

покрытый геометрическим орнаментом (рис. 3, 26). Двойной зигзаг и треугольники, заполненные штриховкой, в какой-то мере сопоставимы с варфоломеевскими – здесь даже зигзаг, как и на варфоломеевских пластинах, разделяет композицию на две части, но нет ни спирали, ни меандра (Телегин 1996: 43, рис. 8, 11).

Более близкие аналогии обнаруживаются на костяных браслетах из могильника мариупольского типа Васильевка 2 (Телегин 1991: 44, рис. 15, 2–7). Концы браслетов с отверстиями (рис. 4, 12) морфологически близки к пластинам с отверстиями из Варфоломеевки, а гравировка в виде треугольников, заполненных штриховкой (рис. 4, 9–10), находит в Варфоломеевке прямые аналогии (рис. 1, 1, 4–5, 10; 2, 1). Композиция одного из браслетов разделена зигзагом (рис. 4, 10), другого – включает прямоугольник (рис. 4, 8), что также характерно для варфоломеевских гравировок. Из всех узоров костяных изделий Юго-Восточной Европы орнамент васильевских браслетов является, пожалуй, наиболее близким к гравировкам предметов из Варфоломеевки.

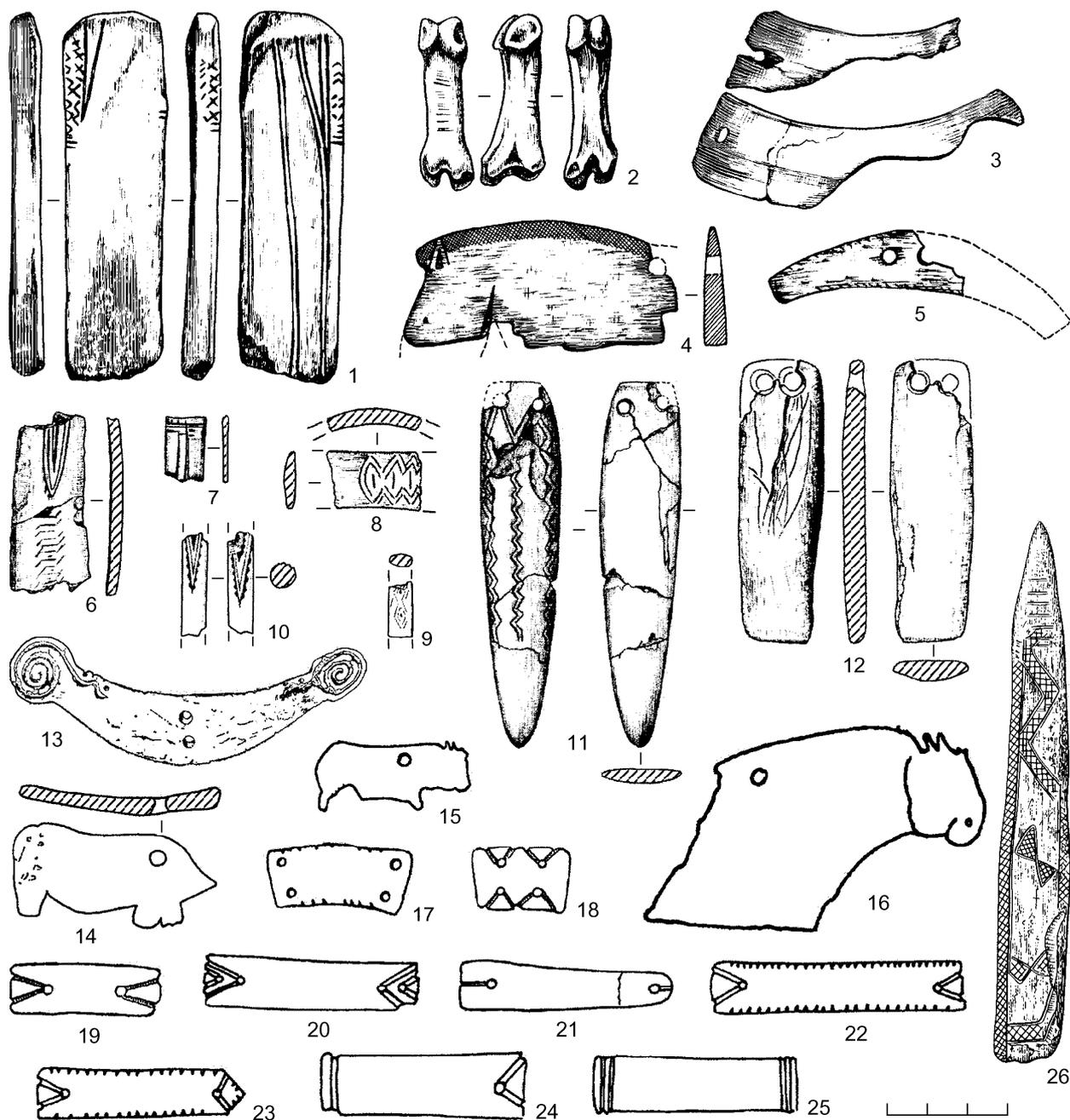


Рис. 3. Костяные предметы искусства из сопредельных регионов:

- 1–3 – Каир-Шак III (по Васильев и др. 1989); 4, 5 – Липовый овраг (по Васильев 1985);  
 6–12 – стоянка Раздорская 2 (по Цыбрий, Кияшко 2003); 13 – Нальчикский мог-к (по Круглов и др. 1941);  
 14 – стоянка Раздорская (по Кияшко 1994); 15–25 – Мариупольский мог-к (по Телегин 1991);  
 26 – о-в Сурской (по Телегин 1996)

Если рассматривать более западные территории, то можно указать на находки костяных браслетов из раннеэнеолитических погребений в Бресте Куявском в Польше (рис. 4, 13–15), но это уже собственно больше аналогия для Васильевки 2, чем для Варфоломеевки (Gimbutas 1956: pl. 21, 1–3). Однако среди украшений из Бреста (ожерелье из зубов волка, собаки и кабана) имеется подквадратный каменный амулет-подвеска с округлыми углами и двумя отверстиями (рис. 4, 16; Gimbutas 1956: pl. 21, 4). Аналогичные изделия встречаются в раннем энеолите степной зоны – порфириновая подвеска из Мариупольского мог-ка (рис. 4, 4; Телегин 1991: рис. 7, 31) и круглая подвеска из мергеля из погребения в г. Грозный (рис. 4, 6; Мунчаев 1982: табл. LI–I, 3). Возможно,

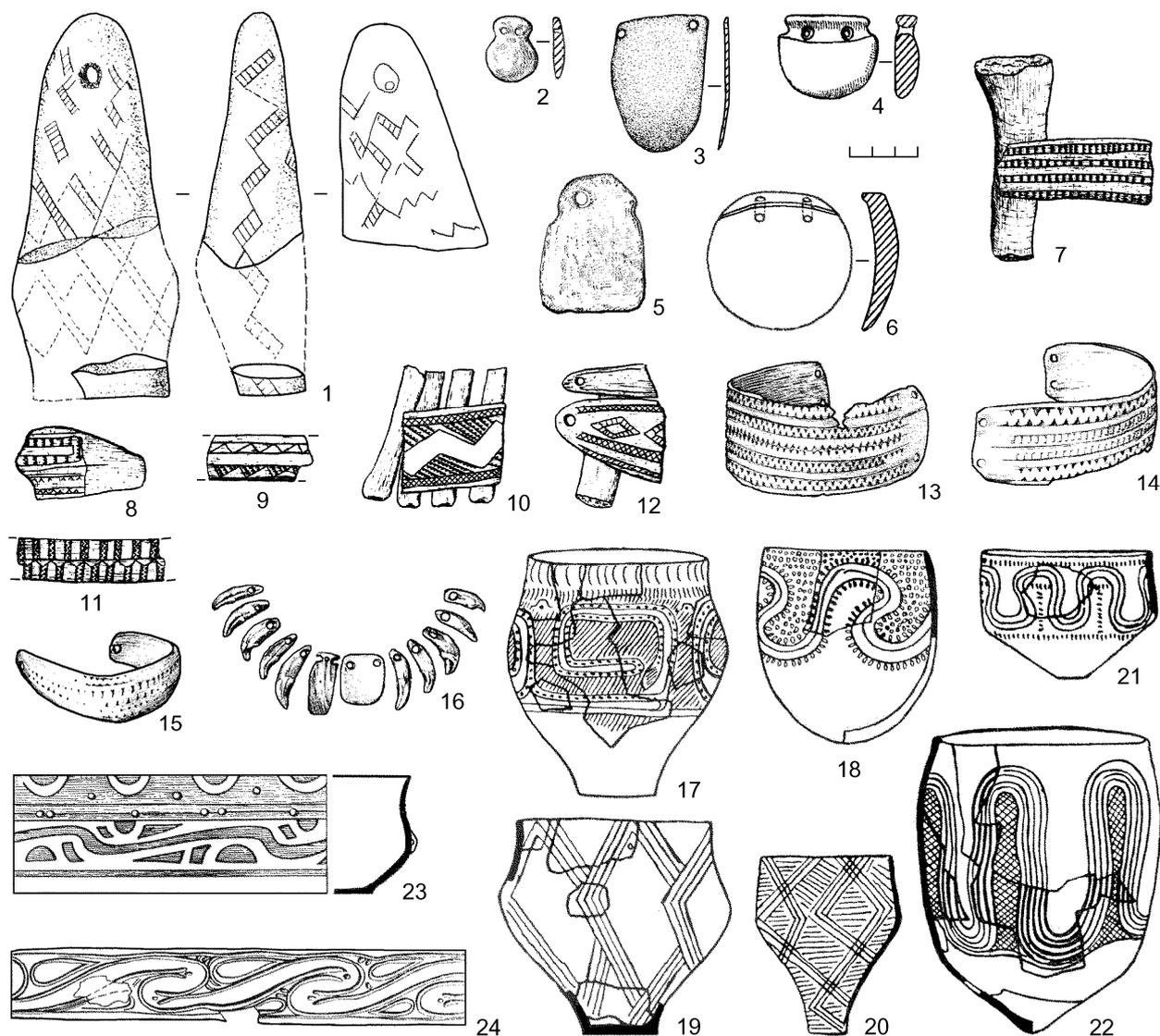


Рис. 4. Орнаментированные предметы

(1, 6 – мергель; 2 – глина; 3, 5 – медь; 4 – порфирит;

7–15 – кость; 16 – клыки животных, камень; 17–24 – керамика):

1 – Митьков о-в (по Даниленко 1969); 2, 5, 14 и 23 – Хэбэшты I, Карбуна, Извоаре I<sub>2</sub> и Фрумушика I (по Черныш 1982); 3 – Варфоломеевская стоянка;

4 и 7–12 – Мариупольский мог-к и Васильевка 2 (по Телегин 1991); 6 – г. Грозный (по Мунчаев 1982);

13–16 – Брест Куявский (по Gimbutas 1956); 17–22 – буго-днестровская культура (по Даниленко 1985)

что и медная пластина из поздненеолитического слоя 2А Варфоломеевки, скорее всего, являлась деталью украшения, тем более что она была обнаружена в комплексе с почти четырьмя сотнями зубов лошади, два десятка которых имели насечки для подвешивания (Юдин 2004: 165). Морфологически близкие амулеты из камня, глины и меди были широко распространены в памятниках Триполья (рис. 4, 2, 5).

Таким образом, немногочисленный круг аналогий варфоломеевским гравировкам в материалах культур лесостепной и степной зон Восточной Европы относится к позднему неолиту–раннему энеолиту.

Расширить круг аналогий можно за счет сравнений с орнаментами, выполненными на изделиях из других материалов, а не только кости.

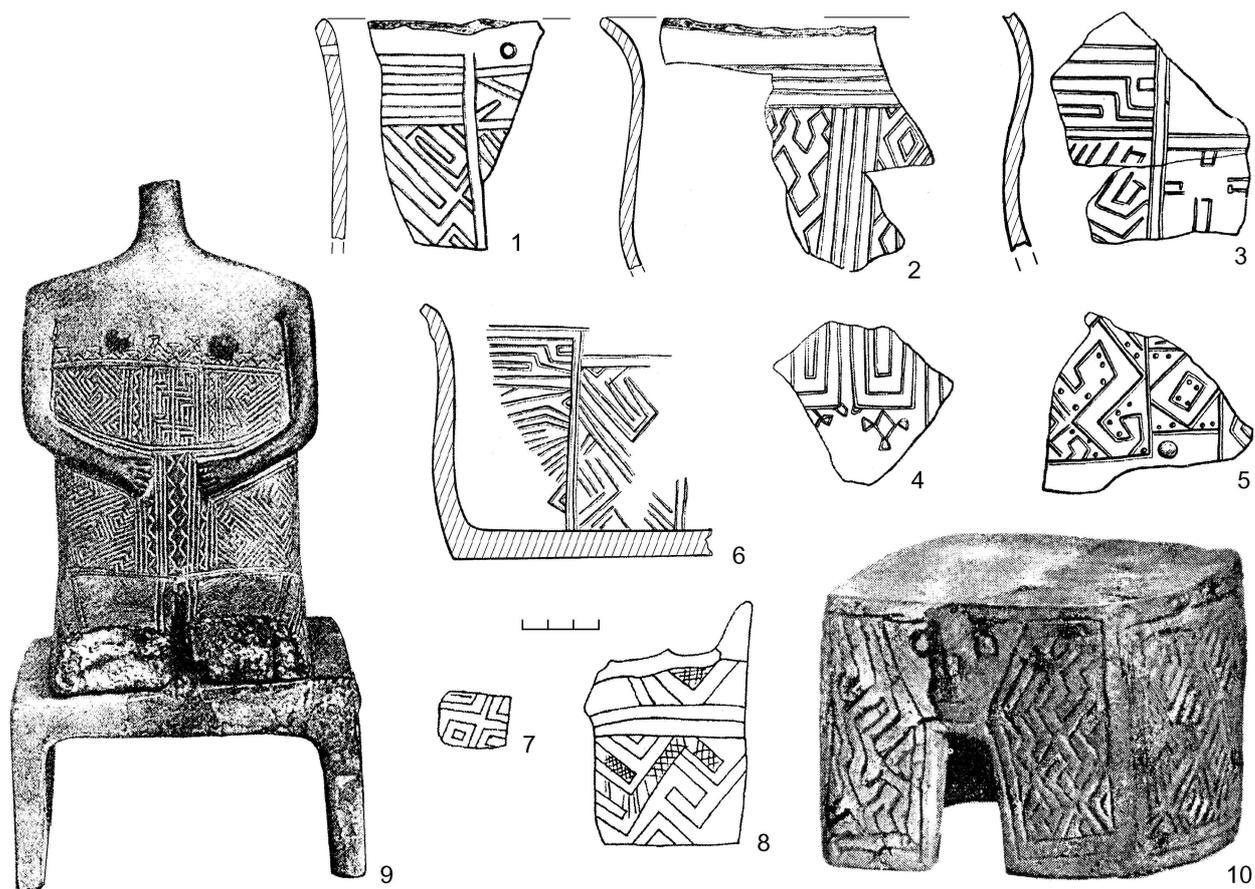


Рис. 5. Орнаментированная керамика, антропоморфная статуэтка (9) и жертвенный столик (10):  
 1–6, 9, 10 – культура Тиса (Кишкёре, Ходмезёвашархей-Кёкешдомб, Сегвар-Тюзкёвеш;  
 по Археология Венгрии 1980); 7, 8 – керамика типа Дудешть (по Даниленко 1974)

Одной из таких аналогий является обломок антропоморфной статуэтки из мергеля из буго-днестровской стоянки Митьков о-в (рис. 4, 1; Даниленко 1969: 76, рис. 32). Зигзаг, штриховка, меандровидный элемент – все это находит соответствия на варфоломеевских гравировках. В. Н. Даниленко соотносит эту статуэтку с печёрской фазой ранней буго-днестровской культуры, но допускает и более раннее ее происхождение. В отношении орнамента, по его мнению, статуэтка ближе всего к пластике хаманджийской культуры Румынии. В свою очередь, керамика печёрской фазы связывается со старчево-керешским ареалом раннеземледельческой культуры Балкан, а сама буго-днестровская культура входит в южноевропейскую зону раннеземледельческих культур (Даниленко 1985: 122). Керамика печёрской и предшествующей савранской фазы характеризуется волнистыми лентами, меандрами, заштрихованными участками (рис. 4, 17–22), т. е. теми же элементами, что и на варфоломеевских находках. Истоки подобного «развитого вырезного орнамента» на керамике буго-днестровской культуры В. Н. Даниленко видел в керамике Анатолии, Эгеиды и Балкано-Дунайского региона типа Дудешть (рис. 5, 7–8; Даниленко 1974: 18).

Как было отмечено, гравировки на варфоломеевских костяных предметах включают орнаменты и пиктограммы. Рассмотрение пиктограмм интересно с целью понимания заложенного в них смысла. Но в данном случае эти предметы искусства не несут полезной для нас информации, т. к. в силу своей индивидуальности не могут являться источником по установлению культурных взаимодействий. Простейшие элементы орнамента не имеют культурной и хронологической привязки и для сравнений остается самый характерный орнамент – меандр.

Орнаментальные композиции на костяных изделиях Варфоломеевки представляют собой сложный замкнутый меандр-лабиринт, обычно включающий две симметричные ленты, составленные

вместе вершинами так, что они полностью покрывают поверхность изделия (рис. 1, 1, 7–8). Дополнительно участки поверхности заполнены штриховкой. Меандр на пластинах не всегда симметричен, но разделен на сектора зигзагом или прямоугольником (рис. 1, 10–11, 14).

Меандр как элемент орнамента известен с верхнего палеолита (Бибикова 1965). В интересующее нас время он, вместе с шевроном, получил наибольшее распространение в неолитических культурах Тиса, Винча и Бутмир Центральной Европы. На керамике Варфоломеевской стоянки шеврон является одним из основных элементов орнамента, тогда как меандр использовался исключительно при гравировке кости. Сложные выгравированные композиции, включающие кроме меандра зигзаг, треугольники и прямоугольники, находят поразительное сходство в орнаменте керамики перечисленных культур Центральной Европы, особенно, керамики культуры Тиса Венгрии (рис. 5, 1–6). Особенно показательно совпадение некоторых элементов варфоломеевских гравировок с резным орнаментом на антропоморфных статуэтках и жертвенных столиках этой же культуры Тиса (рис. 5, 9–10; Археология Венгрии 1980: рис. 193–195, 216–217, 219–220).

Поиски истоков меандрового орнамента именно в среде неолитических культур Балкано-Дунайского региона вполне возможны. Культурные контакты, начиная с неолитического времени осуществляемые опосредованно, через культуры степной полосы Восточной Европы, орнаментальные аналогии с которыми перечислены выше, привели к установлению связей Балкано-Дунайского региона с Поволжьем, что способствовало очень раннему проникновению металла в местную культурную среду хвалынского и позднего орловского населения. Феномен появления раннего металла в хвалынской культуре практически одновременно с возникновением Балканского металлургического очага пока не находит объяснения (Черных, Орловская 2010).

Проблема связей западных земледельческих культур и восточных скотоводческих в раннем энеолите обсуждается давно и относительно хорошо разработана. Т. Г. Мовша приводит пример, когда отдельные трипольско-кукутенские общины входили в несколько систем межплеменного обмена как с носителями скелянско-стоговской линии культурного развития, так и тисаполгарского круга (Мовша 2000: 41). Вероятно, эти культурные связи простирались и далее на восток, выстраивая возможную цепочку Тисаполгар–Триполье–Кукутень–скелянско-среднестоговское население–хвалынское население, которая функционировала продолжительное время. Здесь уместно отметить, что и среди варфоломеевских гравировок есть змеевидные (рис. 1, 6, 9), выделяющиеся из общего геометрического стиля и в какой-то мере сопоставимые со змеевидными орнаментами на трипольской керамике (рис. 4, 23–24) (Черныш 1982: табл. LV, 16, 18).

Совершенно другая линия культурных взаимодействий обнаруживается при анализе орнаментированных путовых костей лошади. Путовые кости с орнаментом, кроме Варфоломеевки (рис. 2, 11–16, 20), встречены на ряде неолитических памятников степной зоны Евразии – Ракушечный Яр, Ивановская стоянка (рис. 2, 21–22), но особенно много их за Уралом, в материалах ботайских и терсекских памятников (рис. 2, 23–26). Орнаменты на этих костях разнообразны: от простейших линий и насечек, до сложных, состоящих из нескольких геометрических элементов. Путовые кости с орнаментом из Поволжья занимают более раннюю хронологическую позицию по отношению к ботайско-терсекским и отличаются более простыми орнаментами. В. Ф. Зайберт, опубликовавший наиболее крупную коллекцию орнаментированных путовых костей с ботайских памятников, иронично относится к мнению своих американских коллег об отождествлении геометрических композиций с орнаментом на женской одежде (Зайберт 2009: 565). Между тем, в палеолитоведении вопрос о тождестве орнаментов на реалистических скульптурах и условных, в качестве которых выступают обработанные фаланги животных, уже давно не подвергается сомнению (Гвоздовер 1953: 218–219; 1985: 37–38; Яковлева 1989: 52–54). Именно на этом основании орнаментированные фаланги лошади с Варфоломеевки были интерпретированы нами как фигурки женщин (Килейников, Юдин 1993: 80–81), что не исключает трактовку гравировки в качестве орнамента на одежде.

Несомненно, более массовый материал ботайских поселений позволяет ставить вопросы интерпретации на более высокий уровень осмысления, но в любом случае ботайские и терсекские памятники показывают продолжение орнаментальных традиций позднего неолита и, возможно, указывают на его поволжское происхождение.

- Археология Венгрии 1980 – Археология Венгрии: Каменный век / ред. Титов В. С., Эрдели И. М., 1980.
- Белановская 1983 – *Белановская Т. Д.* Орнаментированные изделия из кости и рога неолитического поселения Ракушечный Яр // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983. С. 158–164.
- Бибикова 1965 – *Бибикова В. И.* О происхождении мезинского палеолитического орнамента // СА. 1965. № 1. С. 5–8.
- Васильев 1985 – *Васильев И. Б.* Могильник мариупольского времени в Липовом овраге на севере Саратовской обл. // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985. С. 3–19.
- Васильев и др. 1989 – *Васильев И. Б., Выборнов А. А., Козин Е. В.* Исследование неолитической стоянки Каир-Шак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989. С. 18–45.
- Гвоздовер 1953 – *Гвоздовер М. Д.* Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки // Палеолит и неолит СССР. М.; Л., 1953. Т. 2. С. 192–226 (МИА. № 39).
- Гвоздовер 1985 – *Гвоздовер М. Д.* Типология женских статуэток костенковской палеолитической культуры // СА. 1985. № 1. С. 9–22.
- Даниленко 1969 – *Даниленко В. Н.* Неолит Украины: Главы древней истории Юго-Восточной Европы. Киев, 1969.
- Даниленко 1974 – *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины: Этноисторическое исследование. Киев, 1974.
- Даниленко 1985 – *Даниленко В. Н.* Буго-Днестровская культура // Археология Украинской ССР. Киев, 1985. Т. 1. С. 118–126.
- Зайберт 2009 – *Зайберт В. Ф.* Ботайская культура. Алматы, 2009.
- Килейников Юдин 1993 – *Килейников В. В., Юдин А. И.* Костяные орудия и изделия Варфоломеевской стоянки // Археологические вести. Саратов, 1993. Вып. 1. С. 63–86.
- Кияшко 1994 – *Кияшко В. Я.* Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тысячелетиях до н. э.). Азов, 1994 (Донские древности. Вып. 3).
- Круглов и др. 1941 – *Круглов А. П., Пиотровский Б. Б., Подгаецкий Г. В.* Могильник в г. Нальчике // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. М.; Л., 1941. С. 67–146 (МИА. № 3).
- Крюкова 2007 – *Крюкова Е. А.* Мелкая костяная скульптура неолита–энеолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы // АПО. 2007. Вып. VIII. С. 66–70.
- Мовша 2000 – *Мовша Т. Г.* К проблеме взаимодействия древних земледельцев трипольско-кукутенской общности с носителями культур понтийских степей // Проблеми археології Подніпров'я. Дніпропетровськ, 2000. С. 29–53.
- Мунчаев 1982 – *Мунчаев Р. М.* Энеолит Кавказа // Энеолит СССР. М., 1982. Ч. 2. С. 93–164 (Археология СССР).
- Телегин 1991 – *Телегин Д. Я.* Неолитические могильники мариупольского типа. Киев, 1991.
- Телегин 1996 – *Телегин Д. Я.* Сурская культура (Нижний Днепр и степное Левобережье) // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 40–45 (Археология).
- Цыбрий, Кияшко 2003 – *Цыбрий В. В., Кияшко В. Я.* Изделия из кости стоянки Раздорская 2 на Нижнем Дону // Неолит–энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы: новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов. СПб, 2003. С. 30–40.
- Черных, Орловская 2010 – *Черных Е. Н., Орловская Л. Б.* Радиоуглеродная хронология Хвалынских некрополей // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура: Исследования материалов. Самара, 2010. С. 121–129.
- Черныш 1982 – *Черныш Е. К.* Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // Энеолит СССР. М., 1982. Ч. 3. С. 165–164 (Археология СССР).

- Юдин 1998 – Юдин А. И. Общие тенденции в развитии культур неолита степного Поволжья и Нижнего Дона // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: ТД. Ростов-на-Дону, 1998. С. 28–29.
- Юдин 2003а – Юдин А. И. Костяные предметы искусства из коллекции Варфоломеевской стоянки // Российская археология. 2003. № 4. С. 9–24.
- Юдин 2003б – Юдин А. И. Неолитическое искусство населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки) // Археологическое наследие Саратовского края: Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5. С. 37–71.
- Юдин 2004 – Юдин А. И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004.
- Яковлева 1985 – Яковлева Л. А. Позднепалеолитические схематические статуэтки женщин территории Поднепровья // Первобытная археология. Киев, 1985. С. 36–49.
- Gimbutas 1956 – Gimbutas M. The prehistory of Eastern Europe. Part I. Mesolithic, Neolithic and cooper age cultures in Russia and the Baltic area. Cambridge, Mass., 1956.

**В. И. Кузин-Лосев (Донецк, Украина)**

### **Структура изобразительного текста второго серебряного сосуда из майкопского кургана Ошад**

В работе предпринята попытка анализа изобразительного декора второго серебряного сосуда из кургана Ошад (рис. 1, 1). Ранее был произведен разбор принципов композиционного построения изображений на первом из двух серебряных майкопских сосудов, найденных в кургане Ошад. Ключевым для всей композиции на первом сосуде признавался мотив шествия животных (Кузин-Лосев 2010). Мотив шествия присутствует и на втором сосуде. Особенность изображения на данном предмете состоит в ритмичном повторении шествующих животных разного видового состава: пятнистый кошачий хищник (гепард), козел (или горный баран), бык-тур, птица (Кореневский 2001: 47). Шествие животных несет, пусть и в такой своеобразной манере, как хоровод зверей, смысл замкнутого пространства, обладавшего положительным значением, а ритм, как структурообразующее начало, превращается в видимое выражение «порядка». Сам порядок передается через активную фазу действия, динамическое состояние животных. Внутреннее пространство словно очерчивается звериными телами, проводящими некую защитную границу. На сосуде показано священное, дивное место, удивительное по своей сути, потому что дикие животные, антиподы в реальном мире, оказываются объединенными в общем хороводе. Изображенное демонстрируется как некий акт, направленный на выделение «священного».

Общий смысл изображенного на майкопских сосудах из кургана Ошад сводится к значениям, связанным с опоясыванием пространства. Для мифологизированного сознания существовала известная неразделенность вещи и человека, при которой характеристики вещи переносились на человека, закрепляясь за ним. Вещь как атрибут, как определенный знак для сознания древнего человека, еще не отделена от людей. Знаки на майкопском сосуде идентифицировали владельца сосуда как субъекта, проводившего священную черту. В древнем мире подобной функцией обладал один человек – царь-жрец. Царь являлся гарантом и воплощением социального и космического порядка в мире; в такой функции царь превращался в спасителя и защитника людей, всего мироустройства. Значение «спасение» способно было передаваться множеством синонимических по значению образов. Одним из выражений сакрального круга могла стать процессия, в т. ч. изображение шествующих друг за другом диких зверей. Поэтому смыслы, группированные вокруг царя-спасителя, вполне способны реализоваться посредством изображения кругового хоровода зверей.

Единая для обоих майкопских сосудов тема «шествия» в каждом конкретном случае получила достаточно оригинальную трактовку. Ключевым в выстраиваемой смысловой системе для первого сосуда был образ разорванного шествия.

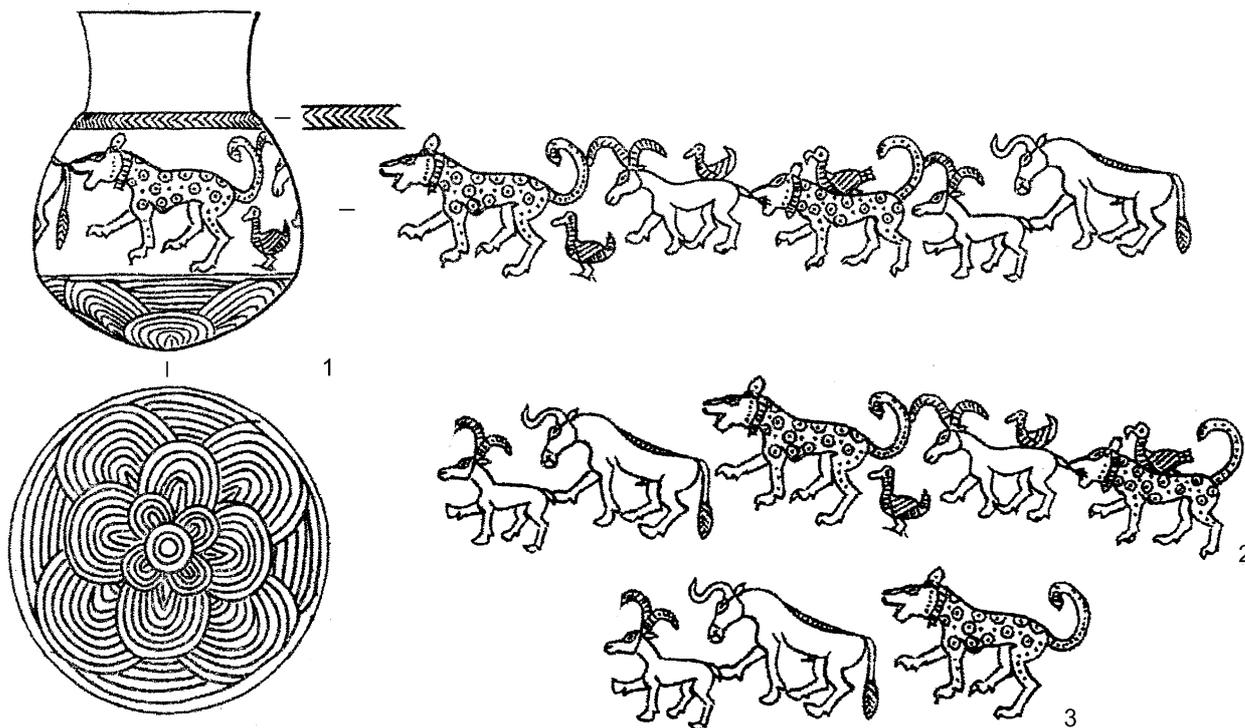


Рис. 1. Второй майкопский сосуд из кургана Ошад:

1 – изображение на сосуде (по Пиотровский 1994); 2–3 – смысловые группы изображения  
(2 – птицы и животные в процессии; 3 – группа козел, гепард, бык)

На втором сосуде из кургана Ошад отсутствует прием прерывания процессии. В основу организации шествия животных на втором сосуде положен иной принцип. Здесь достаточно четко выражена идея неоднородности шествующих персонажей – изображены пять животных и птицы. Образы по своей сущности разные. Однако присутствует повторяемость отдельных животных в процессии: гепарда и козла, – которая не безусловна, поскольку эта пара в одном случае усложнена добавочными элементами – изображениями птиц на спине животных. Пара гепард-козел является главной смысловой доминантой изображения, поскольку животные дважды встречаются в хороводе. Этот момент достаточно важен в дальнейшем прояснении смысловой системы изображения на сосуде.

В общем потоке шествующих фигур выделяется птица. Птица не принадлежит миру животных, в смысловом плане ее появление несет специфическую функцию: разрывать непрерывность цепи зверей. Птица разделяет животных условно на две группы: на тех, кто имеет птиц на своей спине, и тех, кто не имеет (рис. 1, 2). В первую группу входят гепард и козел, во вторую те же гепард и козел, но к ним добавлен еще бык. Образуется неравновесие по количеству животных в группах: два субъекта в первом случае, и три субъекта – во втором. Двойственность образа птицы видна в том, что птица, помимо того что является участницей шествия и находится непосредственно среди животных, изображена еще и на крупах животных. Примечателен и другой момент: птица помещена в процессии шествующих достаточно низко, около ног козла, словно теряясь под его ногами. Столь приземленная позиция акцентирует значение, отсылающее к смысловой области «низ». Противоположной является позиция «верх», маркируемая расположением птиц на животных. Вполне возможно, что вот эта способность птицы маркировать низ и верх была решающей при отборе данного образа, и задавалась потребностью акцентировать смысловую пару «верх/низ». Выделяются две функции образа птицы. В одном случае она разделяет животных на группы, в другом – становится маркером, дополнительным знаком, характеризующим животных.

Интерес представляет группа животных без птиц, в которую входят гепард, козел, бык. В этой группе между гепардом и козлом помещен бык, так что животные, которые в иной ситуации составляли целостную пару, оказывались разъединенными (рис. 1, 3). На первом майкопском сосуде быки также несли функцию разъединения, разрывая цепь шествующих животных центрального фриза. На примере разбора композиции первого сосуда было продемонстрировано, что исходным при оценке двух быков на майкопском сосуде являлись: разнонаправленность движения быков и мотив встречного их движения друг к другу, т. н. мотив встречи, рубежа (Кузин-Лосев 2010). Таким образом, на втором сосуде бык снова выступает образом, который маркирует собой разрыв, но уже не цепочки животных, а разъединение животных двух видов. С учетом места, занимаемого быками на первом сосуде, появление образа быка в разделительной функции на втором сосуде выглядит вполне логичным. Фактически, значение «разрыв» на втором сосуде передано дважды двумя разными персонажами: птицей и быком. Наличествует два персонажа, разрывающих целостность и обладающих качеством нести функцию разъединения.

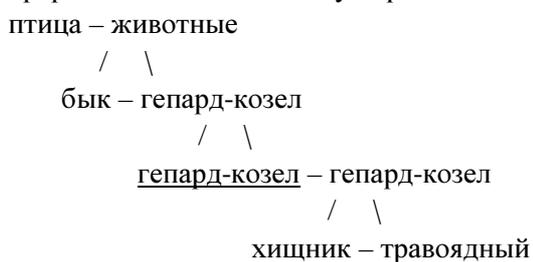
Анализ формальных средств выражения позволяет выйти на структуру смысловой области изобразительного текста второго майкопского сосуда из кургана Ошад. Всех участников шествия можно развести по двум большим классам: животные и птицы. Возникает некий смысловой контраст, обусловленный подбором персонажей для изображения. Как раз смысловой контраст и задает простейшую область значений и выстраивает систему отношений между образами изобразительного текста второго майкопского сосуда. Образуется смысловая пара «животные :: птица», где знак :: обозначает отношения между элементами пары. В свою очередь, животные не составляют однородную однородность и распадаются на два смысловых компонента – «гепард-козел :: бык». Гепард и козел дважды встречаются на сосуде, тогда как бык только один раз. В одном случае гепард и козел расположены рядом, в другом случае они разделены быком. Бык вносит разрыв в паре гепард-козел, располагаясь непосредственно между животными.

Далее непосредственно две пары «гепард-козел» различаются между собой по наличию/отсутствию на спине птицы где знак ( ) обозначает отмеченность животных птицей: «гепард-козел» :: «гепард-козел». Непосредственно сама пара «гепард-козел» состоит из двух самостоятельных подвидов животных – хищников и травоядных.

Сквозь структуру изобразительного текста второго майкопского сосуда проступает смысловая система, которая передается оппозиционными парами. Во взаимной связи образов возникает система отношений такого рода:

(животные :: птица) :: (бык::гепард-козел) :: (гепард-козел :: гепард-козел) :: (хищник :: травоядный)

Систему иерархии отношений между персонажами можно представить графически:



Иерархия отношений идет от системы отношений достаточно глобальной пары – представителей «небесного мира» и «земного», какими являются птицы и животные. Далее прослеживается переключение системы отношений с пары птица-животные на неоднородность видового состава животных и наличие/отсутствие дополнительного знака на животных (каковым были птицы). И завершается вся система простейшей, но важнейшей видовой характеристикой животных: хищник/травоядный. Так, первоначально присутствующая в мире неоднородность передается своеобразным способом – через смысловую систему отношений между птицами, животными, хищниками, травоядными. Отличительной чертой мира является принципиальное его неравновесие.

Возникает вопрос, чем задавалась смысловая система построения образов, наблюдаемая на втором майкопском сосуде? На мой взгляд, при воплощении царского комплекса неосознанно происходило обращение к архаической семантической системе, и востребовались образы некой древнейшей мифологии. Как раз выявленная структура на втором сосуде и относится к реликтовой семантической системе, сохранившейся в майкопской культуре. Возникла типичная ситуация, когда для выражения новых смыслов, возникавших в обществе, переступившем рубеж первобытности, использовались ранее бытовавшие архаичные формы и семантические структуры.

Объективно семантическая система, нашедшая реализацию на втором майкопском сосуде, выстраивается на основе бинарности. Бинарная система – простейшая структура, хорошо известная по первобытным мифам, и, как доказывает К. Леви-Строс, бинарная образная иерархия восходит к космологическим основам. Для майкопского сосуда восстанавливается космологическая схема с серией промежуточных образов и кодов, которые исчерпывают себя в тот момент, когда смысловая система подходит к неразрешимому противоречию «хищник/травоядное»:

верх (небо)

птицы

птица

гепард-козел

хищник/его жертва

гепард-козел

бык

животные

низ (земля)

В архаических нарративах преодоление противоречия космологического плана достигалось за счет создания развернутой синтагматической повествовательной конструкции. Для архаической семантической системы изобразительного текста из кургана Ошад снятие противоречий двух крайностей космологического характера (или сближение их между собой) – в образном выражении «небо» и «земля» – происходило за счет введения промежуточных элементов, какими были птица, бык, гепард, козел. Смысловое продвижение вперед шло до противоречия, не разрешимого на уровне «хищник и его жертва». Наиболее полно подобное противостояние хищника и его жертвы находит свое выражение в системе режима питания – тех, кто поедает, и тех, кого поедают.

Зверей на майкопском сосуде в системе смыслов можно было бы «развести» по режиму питания (пищевому коду), соответственно, и содержательная основа текста восходила бы к коллизиям вокруг охоты как средству добывания пропитания. Но по режиму питания звери разделяются на травоядных, плотоядных и всеядных. При реализации пищевого кода следовало бы ожидать на сосуде изображения зверя, всеядного по режиму питания. Однако образа свиньи или иного всеядного нет среди изображений на втором майкопском сосуде, хотя таковой известен по первому сосуду – это медведь. Таким образом, на втором сосуде нет изображения медиатора, способного охватить собой два режима питания, и смысловая система заканчивается парой «гепард-козел». Значит, ключевой была не тема пищевого режима как таковая, а несколько иные дефиниции. Как было продемонстрировано на примере первого сосуда, для майкопского общества восстанавливается смысловая система, основу которой составляет мифологема «возрождение-спасение», нашедшая реализацию в царском комплексе. Вполне возможно, что и для второго сосуда подобные темы оставались актуальными.

С точки зрения извлечения из изобразительного текста содержания в виде развернутого сообщения мы сталкиваемся с трудностями объективного характера. Следует признать, что на втором майкопском сосуде запечатлена некая семантическая система, которая не обязательно является отражением конкретного мифо-легендарного текста, чье содержание мастер переносил

на поверхность сосуда. Изобразительность только на определенном этапе развития общества начинает отображать в зримых образах мифо-легендарные тексты.

Разнообразие образов на сосуде вносит изменчивость и ощущение действия, что отсылает к овладению представителями майкопской культуры в определенной мере временной перспективой. Изображения на майкопских сосудах лишены безусловных признаков орнамента, который подразумевает повторение в изобразительном ряде *тождественных* элементов. Отсутствие безусловного тождества позволяет расценивать изображенное на майкопских сосудах с позиций линейности – одного из ключевых признаков синтагматического типа текста. Первый майкопский сосуд с фризовой композицией свидетельствует о довольно высокой степени развития сознания (по сравнению с архаикой) представителей майкопской культуры и их способности к сложному текстопостроению, что с большой долей вероятности позволяет предположить существование пространственных повествовательных текстов в обществе. Ограниченность и примитивизм изобразительного набора второго майкопского сосуда осложняет понимание совокупности образов с точки зрения реконструкции видового формата текста на уровне нарратива. Система иерархии животных второго майкопского сосуда вполне может поместиться в простейшую кумулятивную композицию.

В прояснении содержательной основы текста и значений образов, изображенных на втором сосуде, важен знак «птица на спинах». Животные, имеющие на спинах птиц, актуализируют значения принадлежности к миру верха, неба, божественного мира. Показательно, что и в более поздние времена обнаруживается использование идентичного приема. На хеттских изображениях боги стоят на спинах животных или на вершинах гор. В Передней Азии получило распространение изображение антропоморфных персонажей с ногами быков и крыльями в виде рыб. Признаки быков и рыб указывают на среду обитания или происхождения героя – земную, водную. Широко известны в мифах и эпосе герои или мифические существа, происходившие из воды, земли, камня. Греческое искусство и мифология в этом отношении дают многочисленные примеры – Ахелой со змеиным телом, рогатой головой и стекающей водой, составные тела Химеры и Ехидны, Меркурий с крылатыми сандалиями и т. д. Изображения птиц на втором майкопском сосуде позволяли явиться дополнительному значению, что придавало всей картине определенный оттенок. Примечательно, что на первом сосуде из кургана Ошад возле ленты присутствует изображение птицы, выполнявшей функцию уточнения значения.

Если согласиться, что гепард и козел маркируются птицей для обозначения их принадлежности к «верху», то движение смысловой системы, запечатленной на втором сосуде, будет развиваться в сторону смены значений, задаваемых «низом» (земной мир), к значениям, обозначающим «верх» (небесный мир). Или, наоборот, возможно движение от «верха» к «низу». Принимая за исходное неразрешимое противоречие «гепард :: козел», данное противоречие и выражающие его образы следует трактовать в качестве изначальности (или конечности) смысловой системы второго майкопского сосуда. Вслед за этим можно предположить, что подобное противоречие при переводе в повествовательную форму будет располагаться в начале или конце повествования.

Начальным эпизодом повествования станет встреча Героя с животным. Фабула должна разворачиваться от ситуации «недостачи», и все события вокруг Героя будут концентрироваться в достижении результата по ликвидации этой «недостачи». Отрицательная ситуация или позиция Героя в начале текста трансформируется в положительную ситуацию в конце этого текста. Остальные персонажи и множество кодов разместятся между начальной и финальной частями текста, станут нанизываться на содержательную основу.

Подобная структурная система восходит к космологической по своему характеру истории, в которой Герой последовательно встречается с различными животными. И здесь важна восстановленная иерархия животных и система отношений между персонажами второго майкопского сосуда. Тогда начало сюжета будет восходить к встрече/взаимодействию Героя с птицей или быком, гепардом, затем – переход к горному миру, где происходит встреча Героя с животным этого мира, каким является козел (горный баран). В качестве инверсии варианта: Герой встречает сначала козла

и уже затем остальных представителей звериного мира. На поверку эти животные оказываются не теми, какими их воспринимал Герой, и встреча с животными приводит к неким его трансформациям. Окончание истории проходит под знаком изменения статуса Героя на иной. Реконструируется схема достаточно общего вида.

Нельзя обойти вниманием розетку на дне сосуда. С. Н. Корневский расценивает розетку в качестве символа волшебного цветка Древа жизни, известного по мифам Передней Азии как цветок богини Инанны-Иштар. Показательно, что подобного рода знаки украшали и иные предметы майкопской культуры (Корневский 2011). Вполне допустимо, что женский персонаж являлся центральным в смысловой системе, восстанавливаемой на основе второго майкопского сосуда, а сам царский комплекс майкопского общества и Герой каким-то образом были связаны с Богиней.

Семантическая система, нашедшая воплощение в изобразительных текстах майкопской культуры, находила реализацию в иных семиотических областях культуры, напр., ритуальной. Ритуалы, приуроченные царю-герою, вполне могли быть подобны мистериальным процессиям, в которых помимо людей участвовали еще и животные. Кульминацию мистерии составлял акт разрывания животного и поедания его частей, что должно было приблизить царя или участников действия к божеству, спасению. При обращении к проблематике ритуала возникают вопросы, связанные с основами религиозной системы носителей майкопской культуры, что требует самостоятельного анализа.

Подводя итог, следует признать гипотетический характер восстанавливаемого содержания изображения на втором майкопском сосуде. Ограниченность и примитивизм изобразительного набора осложняет трактовку цепочки образов и понимание их значений с точки зрения текстопостроения, реконструкции видового формата исходных текстов. Что является безусловным, так это реконструкция на основе майкопского изобразительного искусства отдельных частей семантической системы предмайкопского времени, которая находит параллели, напр., в образах из Чатал-Гуюка, где имеются изображения птиц, хищников, быков и обезглавленных людей. Благодаря обрванной системе второго сосуда удается выйти на семантическую систему более архаического времени, чем майкопское.

Корневский 2001 – *Корневский С. Н.* Зооморфные и антропоморфные образы в искусстве племен майкопско-новосвободненской общности // *Мировоззрение древнего населения Евразии.* М., 2001. С. 45–59.

Корневский 2011 – *Корневский С. Н.* Феномен власти и его символы на долгом пути к государственности (теория и практика исследования) // *STRATUMplus.* 2011. № 2. С. 143–166.

Кузин-Лосев 2010 – *Кузин-Лосев В. И.* Композиционные основы древнего изобразительного искусства степной Евразии. Ч. 1 // *АА.* 2010. № 21. С. 35–77.

Пиотровский 1994 – *Пиотровский Ю. Ю.* Заметки о сосудах с изображениями из Майкопского кургана (Ошад) // *Памятники древнего и средневекового искусства: Проблемы археологии.* СПб, 1994. С. 85–92.

***Ю. Н. Есин, Ж. Магай, Ч. Еруул-Эрдэнэ, Ж. Гантулга  
(Абакан, Монако, Улаанбаатар; Россия, Монако, Монголия)***

### **К проблеме выделения наскального искусства афанасьевской культуры Монголии: новые материалы и подходы**

С 2006 г. в долине р. Хойт Тамир, в местности Цацын Эрэг на территории аймака Архангай в Центральной Монголии проводит исследования Монако-Монгольская археологическая экспедиция (Ерөөл-Эрдэнэ et al. 2007; 2009; 2011; Gantulga et al. 2009; Magail 2008; Magail et al. 2009; 2010). В 2011 г. к ее исследованиям подключился сектор археологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Одним из направлений работ экспедиции в 2011 г. стало изучение наскальных изображений Хуроогийн узуур. Этот памятник открыт в 1969 г. в ходе исследований Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции (Волков, Гришин

1970: 444; Дорж, Новгородова 1975; Новгородова 1984: 9). Основная часть изображений была отнесена к эпохе бронзы, однако специальное их изучение в те годы не проводилось. Цель данной публикации – введение в научный оборот предварительных результатов новых исследований наиболее древнего пласта этого памятника, которые могут сыграть важную роль в решении актуальной проблемы выделения наскального искусства афанасьевской культуры Монголии.

Петроглифы Хуроогийн узуур нанесены на поверхность базальтовых валунов и скальные обнажения нескольких сопков по правому берегу р. Хойт Тамир. Древнейший их пласт представлен, прежде всего, изображениями копытных животных: козлов и баранов, лошадей, быков. Изображения животных обычно вырезаны по контуру тонкими линиями, иногда контур внутри «заштрихован» или покрыт орнаментом, встречаются также фигуры животных с шлифованным силуэтом. С точки зрения стиля для этих рисунков характерно массивное туловище, вытянутая вперед шея и небольшая голова, показано только две ноги, передняя нога обычно слегка подогнута; у лошадей иногда короткими штрихами показана грива. Ранний возраст данных изображений подтверждают случаи, когда они перекрыты рисунками эпохи поздней бронзы и эпохи железа (рис. 1, 1). Об этом же свидетельствует цвет «загара» изображений, который, в отличие от петроглифов других стилистических групп, практически не отличается от цвета поверхности камня. По ключевым стилистическим признакам эти рисунки сопоставимы с наиболее древними петроглифами других памятников Центральной и Западной Монголии, Российского Алтая, Минусинской котловины на Енисее. Однако в настоящее время аналогии с других территорий мало помогают в атрибуции петроглифов Хуроогийн узуур, т. к. вопрос датировки и культурной принадлежности подобных изображений из других регионов является предметом острых дискуссий. В частности, по поводу датировки петроглифов Енисея, получивших название «петроглифов минусинского стиля», существуют две гипотезы: одна относит их к эпохе камня, не исключая верхнепалеолитического возраста (Шер 1980: 193; Пяткин, Мартынов 1985: 138; Советова, Миклашевич 1999: 53–55), другая – к эпохе энеолита (Подольский 1973: 271, 275; Ковтун 2001: 144, 170; Русакова 2005: 214–216; Есин 2010а: 13; 2010б: 73). Полностью аналогична ситуация и с петроглифами Алтая.

Резная техника нанесения изображений ранней группы Хуроогийн узуур позволяла их создателям изображать на камне различные детали, отсутствующие у выбитых в подобном стиле рисунков с других памятников. Изучение этой дополнительной информации помогает продвинуться в решении вопросов их датировки и культурной принадлежности. Наиболее важной находкой представляется изображение лошади, туловище которой полностью покрыто орнаментом из нескольких рядов параллельных наклонных линий, расположенных под углом друг к другу в виде «елочки» или «рыбьих костей» (рис. 1, 2). Такой орнамент, прежде всего, обнаруживает аналогию с декором керамики афанасьевской культуры эпохи энеолита Центральной Азии, для которой он является наиболее распространенным и традиционным (рис. 1, 3–5).

К настоящему времени погребения афанасьевской культуры открыты в Центральной и Западной Монголии, в т. ч. и в долине р. Хойт Тамир (Волков 1980). Более того, 15 фрагментов афанасьевского сосуда с «елочкой» в сезон 2011 г. найдены всего в нескольких сотнях метров от описываемого рисунка (рис. 2). Вероятно это также погребальная керамика, происходящая из разрушенного оврагом кургана. Представляется, что это важный аргумент для датировки всего пласта ранних изображений Хуроогийн узуур.

Помимо изображений животных к этому же древнейшему пласту наскального искусства Хуроогийн узуур могут быть отнесены своеобразные изображения в форме столбов, наделенных признаками человеческой фигуры (рис. 3, 1–3). Антропоморфные признаки проявляются в следующих особенностях: специально выделена верхняя часть фигуры, сопоставимая с головой; широкий прямоугольник в средней части фигуры сравним с туловищем в одеянии; два узких вертикальных прямоугольника по бокам средней части фигуры соотносимы с рукавами, украшенными бахромой по нижнему краю; параллельные вертикальные линии в нижней части фигуры могут быть сопоставлены с бахромой по нижнему краю платья.

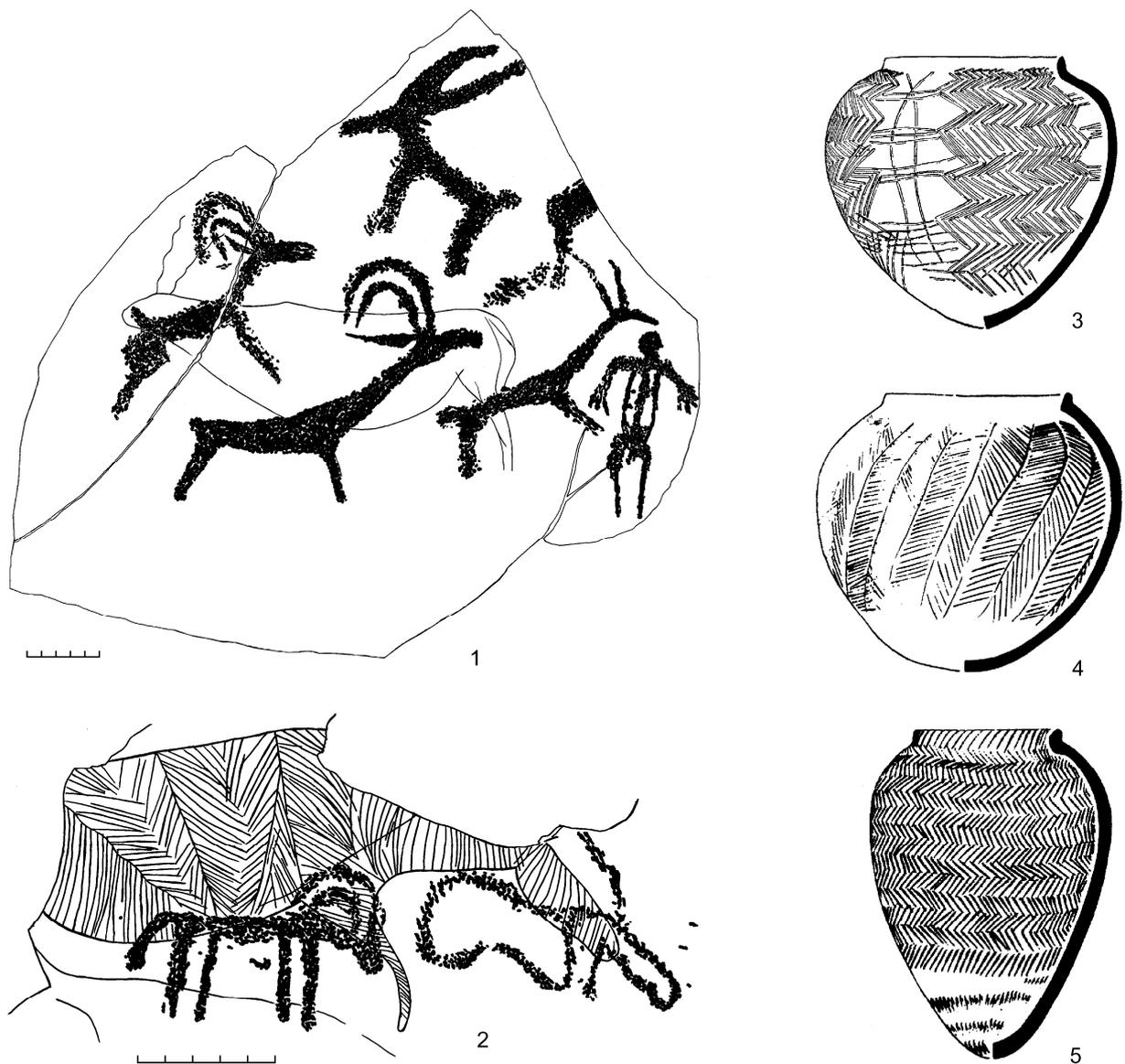


Рис. 1. 1 – Хуроогийн узуур, раннее изображение, перекрытое рисунками эпохи поздней бронзы; 2–5 – орнамент на корпусе лошади в сравнении с декором сосудов афанасьевской культуры Минусинской котловины [2 – Хуроогийн узуур; 3 – Подсуханиха (по Грязнов, Вадецкая 1968); 4 и 5 – Афанасьева гора и Сыда (по Грязнов 1999: рис. 28, 6 и 19, 10)]

Для «столбов» характерен вертикальный ряд горизонтальных линий, похожих на зарубки, нанесившимися еще недавно на стволы священных деревьев у шорцев, алтайцев и телеутов (Кызласов 1986: 196). Как и другие образы раннего пласта, данные фигуры также выполнены тонкими резными линиями и порой представлены на одних плоскостях с рисунками животных. Зафиксированы случаи перекрывания их изображениями эпохи развитой и поздней бронзы, а также эпохи железа. На территории Монголии такие рисунки находят некоторые аналогии среди изображений долины р. Чулуут (Новгородова 1984: 14). Однако у последних антропоморфные признаки представлены более явно. Изображения с р. Чулуут передают фигуру женщины анфас, наделенную некоторыми растительными и другими неантропоморфными элементами. Другие варианты вертикальных фигур с поперечными линиями открыты на памятниках Алтая (Кубарев 2010: рис. 50, 1, 7–8, 12–13 и др.). Очень важно, что столпообразные фигуры с поперечной штриховкой представлены на керамических сосудах из афанасьевских погребений Минусинской котловины (мог-ки Подсуханиха и Тесь) (рис. 1, 3; 3, 5). Кроме того, изображения из Хуроогийн узуур можно сравнить с одной из групп



Рис. 2. Фрагменты керамики афанасьевской культуры, найденные недалеко от Хуроогийн узуур

каменных стел Минусинской котловины. Для них характерен вертикальный ряд поперечных линий на узкой грани (рис. 3, 4). Есть основания связывать эти стелы с традицией афанасьевской культуры (Есин 2010б: 65; 2010в: 83–85). Содержательно близкие рисунки присутствуют также в наскальном искусстве окуневской культуры (рис. 3, 6–8). Они сохраняют в основе тот же образ деревянного столба или шеста, оформленного в виде человеческой фигуры при помощи развешенных одеяний и оружия. Стилистически они различны, однако трудно допустить, чтобы эти изображения эпохи ранней бронзы из Минусинской котловины и рисунки Хуроогийн узуур разделял очень большой временной период. Рассмотренные аналогии из Минусинской котловины позволяют определить время существования столпообразных изображений Хуроогийн узуур эпохой энеолита–ранней бронзы. Они же дают достаточно весомые аргументы в пользу вероятной связи данных образов с афанасьевской культурой.

Еще одним образом древнейшего пласта петроглифов Хуроогийн узуур являются рисунки птиц. Техника их нанесения такая же – резные линии. Типичны изображения с крупным туловищем, длинными ногами и шеей. Похожие рисунки, только нанесенные выбивкой, открыты в Западной Монголии (Кубарев 2005: рис. 2, 1–6). Последние одни исследователи считают рисунками страуса, другие – журавля. Определение вида птицы оказалось исключительно важным для датирования самих рисунков. Первая гипотеза позволяет ее сторонникам относить такие рисунки к эпохам позднего палеолита и мезолита, т. е. к тому времени, когда на территории Монголии обитал страус (Цэвээндорж 2005: 74–76; Jacobson-Tepfer et al. 2010, fig. 2, 3). Вторая гипотеза допускает датировку эпохой бронзы (Кубарев 2005: 95). Изображения Хуроогийн узуур позволяют внести в эту дискуссию новые аргументы в пользу второй гипотезы. Дело в том, что у некоторых рисунков птиц Хуроогийн узуур позади головы отчетливо показаны длинные перья. Таких перьев нет у страусов, но они есть у журавля-красавки и цапли. Форма туловища и клюва у изображений Хуроогийн узуур в большей мере соответствуют облику журавля. Журавль-красавка и сегодня – типичный обитатель степей в долине р. Хойт Тамир. Одним из аргументов в пользу отождествления со страусом был крупный размер рисунков таких птиц на памятниках Монгольского Алтая, аналогичный соседним рисункам копытных. Однако и на памятниках Западной Монголии, и на Хуроогийн узуур рисунки птиц не входят в единые композиции с копытными, каждый рисунок имеет самостоятельное значение и свой собственный масштаб. Следовательно, нет оснований считать,

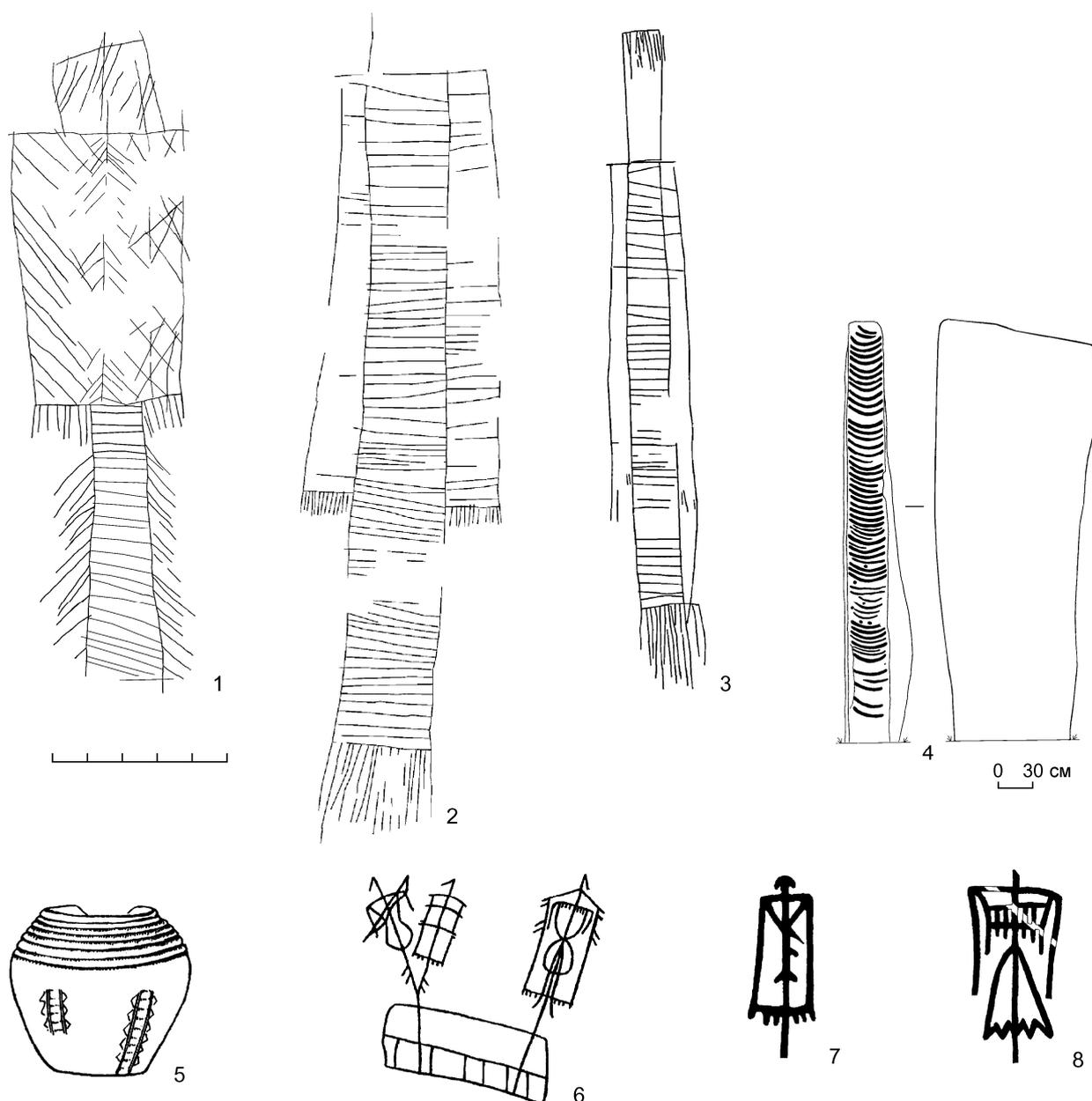


Рис. 3. Образы ритуальных столбов Хуроогийн узуур (1–3) и их параллели среди изображений эпохи энеолита–ранней бронзы Минусинской котловины: 4 – Усть-Есь; 5 – Тесь (по Киселёв 1949: табл. III, 28); 6 – Беле (по Рыгдылон 1959: табл. XIII); 7 и 8 – Кызлас и Аскиз (по Леонтьев и др. 2006: № 255 и 215)

что размер прообраза изображенной птицы сопоставим с высотой копытного. Свидетельства почитания журавля по материалам афанасьевских погребальных памятников пока неизвестны, однако особую роль этой птицы в мировоззрении населения Центральной Азии в эпоху ранней бронзы демонстрируют находки журавлиных клювов в погребениях окуневской культуры Минусинской котловины. Не исключено, что они могли быть частью головного убора. Следовательно, изображения птиц не противоречат датировкам, которые были предложены для других образов древнейшего пласта петроглифов Хуроогийн узуур.

Таким образом, как отдельные типы образов, так и древнейший пласт петроглифов памятника Хуроогийн узуур в целом могут быть датированы эпохой энеолита–ранней бронзы. Если учесть археологический контекст из долины р. Хойт Тамир и аналогии из других регионов Центральной Азии, география которых совпадает с ареалом афанасьевских курганов, то вероятна связь памятника с афанасьевской культурой Монголии. В свою очередь, это весомый аргумент для

аналогичной датировки стилистически близких образов с других памятников. Это дополняет и уточняет аргументацию, предлагавшуюся для датировки раннего пласта наскального искусства Монголии в работах Д. Доржа, Э. А. Новгородовой и В. Д. Кубарева.

- Волков 1980 – *Волков В. В.* Курганы афанасьевского типа в Монголии // SA. 1980. Т. IX, fasc. 2. С. 13–16.
- Волков, Гришин 1970 – *Волков В. В., Гришин Ю. С.* Раскопки и разведки в Монголии // АО 1969 года. 1970. С. 444–446.
- Грязнов 1999 – *Грязнов М. П.* Афанасьевская культура на Енисее. СПб, 1999.
- Грязнов, Вадецкая 1968 – *Грязнов М. П., Вадецкая Э. Б.* Афанасьевская культура // История Сибири. Т. 1: Древняя Сибирь. Л., 1968. С. 159–165.
- Дорж, Новгородова 1975 – *Дорж Д., Новгородова Э. А.* Петроглифы Монголии. Улаанбаатар, 1975.
- Ерөөл-Эрдэнэ и др. 2007 – *Ерөөл-Эрдэнэ Ч., Гантулга Ж., Цэнгэл М., Магай Ж., Милсент П.-И., Лодран Ф., Буссиер Ж.-Ф.* Цацын эрэг дэх археологийн судалгааны урьдчилсан үр дүнгээс // SA. 2007. Т. XXIV (IV), Fasc. 10. Т. 131–140.
- Ерөөл-Эрдэнэ и др. 2009 – *Ерөөл-Эрдэнэ Ч., Гантулга Ж., Цэнгэл М., Магай Ж., Гризо Ж.-Ж., Рене Д., Клауде С., Яник М., Бенжамин В.* Монгол-Монакогийн хамтарсан археологийн хээрийн шинжилгээний ангийн 2009 оны ажлын тайлан. Улаанбаатар, 2009.
- Ерөөл-Эрдэнэ и др. 2011 – *Ерөөл-Эрдэнэ Ч., Гантулга Ж., Магай Ж.* Монгол-Монакогийн хамтарсан археологийн хээрийн шинжилгээний ангийн 2011 оны ажлын тайлан. Улаанбаатар, 2011.
- Есин 2010а – *Есин Ю. Н.* Петроглифы древней Сибири // Петроглифы древней Сибири: Альбом. М., 2010. С. 11–23.
- Есин 2010б – *Есин Ю. Н.* Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 53–73.
- Есин 2010в – *Есин Ю. Н.* Тайна богов древней степи. Абакан, 2010.
- Киселёв 1949 – *Киселёв С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949.
- Ковтун 2001 – *Ковтун И. В.* Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии (Проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов северо-западного Саяно-Алтая). Новосибирск, 2001.
- Кубарев 2005 – *Кубарев В. Д.* Интерпретация и хронология некоторых сюжетов и персонажей Арал-Толгой // *Цэвээндорж Д., Кубарев В. Д., Якобсон Э.* Арал толгойн хадны зураг. Уланбаатар, 2005. С. 80–102.
- Кубарев 2010 – *Кубарев В. Д.* Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск, 2010.
- Кызласов 1986 – *Кызласов Л. Р.* Древнейшая Хакасия. М., 1986.
- Леонтьев и др. 2006 – *Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н.* Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан, 2006.
- Новгородова 1984 – *Новгородова Э. А.* Мир петроглифов Монголии. М., 1984.
- Подольский 1973 – *Подольский Н. Л.* О принципах датировки наскальных изображений: По поводу книги А. А. Формозова «Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР». М., 1969. 235 с. // SA. 1973. № 3. С. 265–275.
- Пяткин, Мартынов 1985 – *Пяткин Б. Н., Мартынов А. И.* Шалаболинские петроглифы. Красноярск, 1985.
- Русакова 2005 – *Русакова И. Д.* К вопросу о хронологии древнейших петроглифов Минусинской котловины // Мир наскального искусства. М., 2005. С. 214–218.
- Рыгдылон 1959 – *Рыгдылон Э. Р.* Писаницы близ оз. Шира // SA. 1959. Т. XXIX–XXX. С. 186–202.
- Советова, Миклашевич 1999 – *Советова О. С., Миклашевич Е. А.* Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работ петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999. С. 47–74.
- Цэвээндорж 2005 – *Цэвээндорж Д.* Петроглифы Арал Толгой // *Цэвээндорж Д., Кубарев В. Д., Якобсон Э.* Арал толгойн хадны зураг. Уланбаатар, 2005. С. 69–79.
- Шер 1980 – *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.

- Gantulga et al. 2009 – *Gantulga J., Grizeaud J.-J., Magail J., Tsengel M., Yeruul-Erdene Ch.* Compte-rendu de la campagne 2009 de la mission archéologique conjointe Monaco-Mongolie // ВМАРМ. 2009. No 49. P. 115–120.
- Jacobson-Tepfer et al. 2010 – *Jacobson-Tepfer E., Meacham J., Tepfer G.* Archaeology and Landscape in the Mongolian Altai: an Atlas. Redlands, 2010.
- Magail 2008 – *Magail J.* Tsatsyn ereg, site majeur du début du I<sup>er</sup> millénaire en Mongolie // ВМАРМ. 2008. No 48. P. 107–120.
- Magail et al. 2009 – *Magail J., Milcent P.-Y., Laudrin F., Bussiere J.-F., Erool-Erdene Ch., Gantulga Zh., Munkhtulga R., Tsengel M.* The Joint Monaco-Mongolian “Tsatsyn ereg” Archaeological Expedition // Current Archaeological research in Mongolia. Bonn Contributions to Asian Archaeology. Bonn, 2009. Vol. 4. P. 171–182.
- Magail et al. 2010 – *Magail J., Gantulga Zh., Erool-Erdene Ch., Tsengel M.* Inventaire et relevés des pierres à cerfs de Tsatsyn ereg // ВМАРМ. 2010. No 50. P. 77–114.

**Ю. И. Михайлов (Кемерово, Россия)**

### **Каменные «жезлы» из могильника Шипуново V**

Любые находки образцов древнего художественного творчества неизменно попадают в центр внимания специалистов. Для эпохи бронзы юга Западной Сибири их число сравнительно невелико. Еще реже в распоряжении исследователей оказываются ритуальные наборы художественно оформленных предметов. С учетом этого комплект каменных изделий, обнаруженный в разрушенном комплексе Шипуново V, несмотря на утраченные детали связанного с ним ритуального сценария, представляет исключительный интерес.

Судя по имеющимся данным, случайно обнаруженные «жезлы» стояли вертикально в ряд, навершиями вниз, что позволило рассматривать их как единый набор ритуальных изделий. Три из них, имеющие сигарообразную форму, изготовлены из разновидностей порфирита. Их скульптурные навершия выполнены в технике шлифовки. Четвертое, вытянуто-коническое изделие сделано из туфа андезитовых порфиритов. Оно не имеет скульптурного оформления, а многие неровности заготовки не устранены (Кирюшин, Иванов 2001: 43 и сл., рис.1, 4). Отмеченные авторами публикации минералогические и морфологические характеристики позволяют отдельно анализировать жезлы, имеющие скульптурное оформление.

В рамках интересующей нас проблематики особого внимания заслуживают те иконографические особенности скульптурных наверший, которые позволяют сопоставлять шипуновские находки с каменными и металлическими изображениями эпохи бронзы. Круг ближайших аналогий для двух наиболее выразительных из них (с головами коня и барана) достаточно очевиден. Это конноголовые навершия каменных пестов и жезлов, а также художественные бронзовые отливки сейминско-турбинского круга, которые уже привлекались для сравнительного анализа (Там же: 44–51; Кирюшин 2002: 55–59). Третий шипуновский «жезл», оформленный с одного конца шлифованными желобками и валиками, был интерпретирован как вероятная скульптурная имитация суставного конца трубчатой кости, а точнее – третьей запястной кости лошади (Ковтун 2009: 408). Мы отвлекаемся от семантической реконструкции, поскольку нас непосредственно интересуют формальные признаки этого изделия. Прежде всего, существенно то, что округлый каменный стержень изделия имеет уплощение с одной из сторон. Кроме того, один из его концов рельефно оформлен пояском из шлифованных желобков. С учетом этих морфологических признаков изделие может быть проанализировано в нескольких культурных и хронологических контекстах.

Один из них составляют находки с поселения Самусь IV. На наш взгляд, характер декоративной отделки шипуновского изделия обнаруживает непосредственные аналогии в хорошо известных каменных самусьских антропоморфных фигурках и фаллических изделиях, которые также моделированы желобками и валиками. В наиболее изощренном виде подобная техника декоративного оформления представлена на каменном предмете из пос. Дзержинский на р. Томи. Эта

известная находка (терочник?) характеризуется сочетанием антропоморфных и фаллических черт – антропоморфная головка на вертикальном стержне расположена под прямым углом к плоскому основанию. Ступнеобразное основание изделия имеет декоративное оформление в виде валиков и желобков, которые образуют рифленую поверхность. Зубчатым округлым гребнем моделировано морфологически сходное изделие с поселения Самусь IV. В целом, разделка каменной поверхности желобками и валиками – характерный технико-стилистический прием самусьских антропоморфных изображений (Матюшенко 2006: рис. 2, 1, 3; 3, 7).

Еще один культурно-хронологический контекст составляют сейминско-турбинские комплексы. Орнаментальное оформление валиками округлых ушек наконечников копий и кельтов характеризует комплексы и случайные находки этих изделий к востоку от Урала. Интересующий нас декоративный прием, прежде всего, выделяет изделия из мог-ка Ростовка (р. Омь вблизи Омска), а также более поздние образцы бронзовых орудий самусьско-кижировского типа. Среди восточных бронз сейминско-турбинского круга особо отметим морфологические особенности алтайских находок. Это валики на округлых навершиях выгнутообушковых ножей из мог-ка Цыганкова Сопки и рифление на полукруглом ушке наконечника копья с р. Чарыш (Кирюшин 2002: рис. 119, 1, 2; 151, 2). По одному из мнений, роль декоративного ушка, возможно, выполняла орнаментированная насечками фигурка животного на наконечнике копья, обнаруженного южнее Омска (Черных, Кузьминых 1989: 67, рис. 31, 1). Подобная замена рифленого ушка на фигурку животного достаточно показательна. На наш взгляд, тесную связь с декоративным рифлением округлых ушек демонстрируют и разделенные на пряди округлые гривы коней на навершиях ножей из Сейминского и Ростовкинского мог-ков. Этот же декоративный прием представлен на алтайских ножах (Елунино I и Усть-Мута), рукояти которых оформлены головками коней с пышными гривами (Кирюшин 2002: рис. 150, 1, 4). Длинные округлые и разделенные на пряди гривы животных иконографически близки к круглым рифленным навершиям ножей из Цыганковой Сопки. Показательно, что верхняя часть рукояти ростовкинского ножа с фигурным навершием также имеет рифленую валиками поверхность. Фигурка животного на втулке уже упоминавшегося наконечника копья композиционно связана с рельефным пояском из валиков.

Можно предположить, что декоративное оформление валиками округлых ушек и кольчатых наверший, также как и рельефные, разделенные на пряди гривы коней, – проявление общего технико-стилистического приема, который отражает тесную связь художественно-оформленных бронз сейминско-турбинских типов из комплексов, найденных к востоку от Урала. Поскольку в восточной зоне данная декоративная особенность представлена как на металлических, так и на каменных скульптурных изображениях, есть основания говорить о ее местном происхождении.

Декоративная композиция из валиков на шипуновском «жезле» примечательна не только в общем контексте, но и в составе самого комплекса. Отметим, что грива лошади на другом каменном «жезле» из этого набора декоративного рифления не имеет. Тем не менее указанная морфологическая особенность не является препятствием для сближения этой каменной конской головки с сейминско-турбинскими скульптурными отливками. Подобными гладкими гривами наделены парные лошадки на рукояти недавно опубликованного сейминско-турбинского выгнутообушкового ножа из окрестностей Омска (Молодин, Нескоров 2010: рис. 14; 15). Существенно, что этот нож, наряду с другими находками, по мнению авторов публикации, происходит из комплексов разрушенного могильника. Возможно, разделенная на пряди рельефная грива упряжной лошадки из Ростовки демонстрирует специфику, присущую именно ростовкинской изобразительной школе. Термин «школа» представляется оправданным, если иметь в виду, что за сейминско-турбинскими художественными бронзами стояли специализированные объединения или кланы кузнецов-металлургов.

О традиции декоративного рифления (с помощью валиков) округлых конструктивных деталей ритуальных предметов и художественных изображений предварительно можно сказать следующее. Если культурные истоки данной традиции пока неясны, то хронологическая приуроченность ее широкого бытования на юге Западной Сибири достаточно очевидна. Она разнообразно

представлена на изделиях сейминско-турбинского круга и в комплексах, которые непосредственно продолжают культурные традиции этого хронологического горизонта. Независимо от материала изготовления (металл, камень) валики, оформляющие округлые конструктивные формы, выступают как художественно-семантический и технико-стилистический прием, отличающий, прежде всего, вещи особого ритуального статуса.

Еще один культурный и хронологический контекст шипуновских изделий обнаруживает фронтальный анализ целого ряда случайных находок, которые связывают с окуневской изобразительной традицией. Особо отметим функционально-ритуальный набор каменных изделий в окуневской погребальной ограде мог-ка Красный Камень. Его составили три топора, пест, «утюжок», прямоугольная плитка-абразив и терочник с изображением головы козла. Эти изделия, выпоненные из зеленой речной гальки, были компактно помещены в ямку, вырытую в углу ограды с диагональными выкладками. По мнению И. П. Лазаретова, каменные изделия с головой животного составляют особую категорию орудий – терочники морфологически сходного облика. Эти орудия с зооморфными изображениями (бык, козел, хищник, рыба, змея) могли воплощать тотемных животных, каждому из которых поклонялся определенный коллектив носителей окуневской культуры. Соответственно, они использовались каждым коллективом в ритуальной практике (Лазаретов 2011: 240–242). Именно с окуневскими терочниками, представляющими собой округлые стержни с уплощением и зооморфным оформлением одного из концов, может быть сопоставлен шипуновский «жезл» с рифленным навершием и характерным уплощением одной из сторон. Обратим внимание на то, что он был найден в комплекте с «жезлами», украшенными скульптурными изображениями голов коня и барана. Таким образом, можно говорить о функциональной и типологической близости ритуальных комплектов из Красного Камня и Шипуново V.

В пользу правомерности сближения этих территориально удаленных комплексов, возможно, свидетельствуют следующие изобразительные аналогии. Рога козла на окуневском терочнике из Красного Камня, моделированные на противоположных профильных проекциях, иконографически близки изображением рогов у козлов на каменной плите из Озёрного (Горный Алтай; Молодин, Погожева 1990: рис. 2). Совпадает не только иконография, но и сама техника создания рельефных изображений, в которой исполнены анатомические детали. Предполагаемое нами иконографическое сходство, вероятно, подтверждает окуневский терочник с р. Тея, один из концов которого оформлен в виде головы быка. Необычное изображение рельефных рогов на тейском изделии находит аналогии в изображении рогов у бычьих фигур на плите из Озёрного. В «горноалтайском варианте» рога развернуты в одной плоскости в виде лировидной композиции. Тейский мастер, следуя исходной форме каменной заготовки (галька), был вынужден изобразить рога на противоположащих плоскостях, но сохранил при этом их специфически изогнутую форму. Если изображения бычьих рогов на окуневском терочнике с р. Теи совместить в одной плоскости, то они составят лировидную композицию, которая неоднократно повторяется на плите из Озёрной. Соотношение сходных технико-стилистических приемов в среде окуневских и горноалтайских мастеров – отдельная проблема, но отметим следующее. На наш взгляд, рельефные изображения на окуневских каменных терочниках демонстрируют иконографическую зависимость по отношению к композиционным приемам, представленным на плите из Озёрного. Такое сходство приемов может являться результатом параллельного развития одной изобразительной традиции, либо изображения на плите из Озёрного послужили прототипами для окуневских каменных образцов.

Вероятные горноалтайские параллели для окуневских ритуальных атрибутов на наш взгляд свидетельствуют, что шипуновский комплекс изделий, подобно комплексу находок из Красного Камня, может быть определен как функционально-ритуальный комплект, связанный с территорией разрушенного могильника.

Четвертое изделие из шипуновского комплекса, лишенное декоративных деталей, само по себе не дает каких-либо оснований для детального морфологического анализа, но достаточно показательным именно в составе всего комплекта изделий. Это орудие элементарной формы подчеркивает

функциональное назначение остальных художественно-оформленных предметов из Шипуново V. Приведем еще одну аналогию – комплект каменных изделий из поселения Камышное I, исследованного в лесостепном Притоболье (Потёмкина 1985: 111, рис. 41; 42). В комплект входили полированный сосуд из туфита, украшенный двумя широкими желобками, между которыми был оставлен округлый валик и «великолепно отшлифованный» пест из змеевика, один из концов которого оформлен двумя желобками и валиком. Кроме того, вместе с ними найдены три «палицы» из кварца, сланца и туфита, не вполне ровно зашлифованные по всем четырем граням. Каменный сосуд предназначался для приготовления из руды порошковой смеси. Пест служил для растирания руды, причем грибовидное навершие его рукояти использовалось как молоточек легкого действия при изготовлении металлических орудий. «Палицы» использовали в качестве абразивных инструментов (Потёмкина 1985: 115). Показательно, что у двух «палиц» один конец был уплощен, а другой – скошен, как и у четвертого шипуновского изделия, не имеющего декоративных деталей. Весьма возможно, что в обоих случаях этот вариант оформления был продиктован функциональными характеристиками. Для алтайских изделий осторожно предполагается их использование в качестве пестов (Кирюшин 2002: 57). Типологическая близость составов обоих комплексов подчеркивается не только количеством каменных изделий (четыре орудия и сосуд в Камышном I и четыре песта с крупной галькой-терочником в Шипуново V), но и техникой их обработки. Кроме того, грибовидное навершие полированного песта-молоточка из Притоболья своей формой напоминает круглую шапочку антропоморфного персонажа на алтайском песте из окрестностей сел. Саввушка, которая, в свою очередь, была сопоставлена с головным убором ростовкинского лыжника (Кирюшин 2002: 58, рис. 131, I).

В исследовании Н. А. Аванесовой песты с поселения Камышное I были соотнесены с широким кругом пестов фаллической формы (тип V, по Boroffka, Sava 1998: 113), обнаруженными в комплексах, связанных с горно-металлургическим и металлообрабатывающим производством. Среди этих находок особый интерес представляют экземпляры с грибовидными навершиями из коллекции Самаркандского музея-заповедника, а также пест-«скипетр» фаллической формы с пос. Тугайное (Аванесова 2004: 408, рис. 1, 2–3). Эта линия соответствий для петровских древностей подкрепляется и другими свидетельствами. Для нас существенно то, что среди многочисленной серии пестов, бытовавших в эпоху бронзы на территориях, расположенных восточнее синташтинско-петровского культурного ареала, пока неизвестны экземпляры с грибовидной шляпкой. Тем не менее круглые гладкие шапочки антропоморфных скульптурных изображений (Ростовка, Саввушка) и грибовидные шляпки пестов демонстрируют культурную и хронологическую близость, природа которой не вполне ясна. Можно лишь указать, что изделия (песты, булавы) с грибовидными шляпками и округлыми выступами тяготеют к более ранним восточноевропейским образцам. Песты с фигурными навершиями, в т. ч. шипуновские находки, очерчивают центрально-азиатский ареал бытования иных культурных традиций. Для этих традиций характерно широкое использование образов человека и животного в изобразительной практике на каменных изделиях и плоскостях, а также вышеописанные декоративные приемы оформления орудий из камня и металла.

Сочетание высокоразвитого уровня металлообработки и совершенных навыков работы с каменным сырьем на территории Алтая выглядит отнюдь не случайным. Под этим углом зрения изделия из елунинских комплексов весьма показательны в рамках проблемы происхождения художественных образов на сейминско-турбинских бронзах. На данный момент именно елунинские комплексы демонстрируют те исходные слагаемые, на базе которых формировались фигурные композиции на сейминско-турбинских выгнутообушковых ножах. Это, разумеется, не означает, что елунинские комплексы лесостепного Алтая непременно должны рассматриваться в качестве исходных в общем круге изделий сейминско-турбинских типов. Но, несомненно, они указывают на территориальную приуроченность истоков сейминско-турбинской художественной практики, неразрывно связанной не только с металлообработкой, но и с различными технологиями обработки каменного сырья.

- Аванесова 2004 – *Аванесова Н. А.* Случайные находки эпохи бронзы из фондов госмузея-заповедника Самарканда // У истоков цивилизации: Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. М., 2004. С. 405–414.
- Кирюшин 2002 – *Кирюшин Ю. Ф.* Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.
- Кирюшин, Иванов 2001 – *Кирюшин Ю. Ф., Иванов Г. Е.* Новый сейминско-турбинский могильник Шипуново-V на Алтае // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001. С. 43–52.
- Лазаретов 2011 – *Лазаретов И. П.* Клад каменных орудий с окуневским изваянием // Труды III (XIX) Всероссий. АС. СПб; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. 1. С. 240–242.
- Матющенко 2006 – *Матющенко В. И.* О северо-западных границах самусьско-окуневской общности // ОС. 2006. Вып. 2. С. 312 – 321.
- Молодин, Погожева 1990 – *Молодин В. И., Погожева А. П.* Плита из Озёрного (Горный Алтай) // СА. 1990. № 1. С. 167–177.
- Молодин, Нескоров 2010 – *Молодин В. И., Нескоров А. В.* Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века) // АЭАЕ. 2010. № 3 (43). С. 58–71.
- Потёмкина 1985 – *Потёмкина Т. М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
- Черных, Кузьминых 1989 – *Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* Древняя металлургия Северной Азии М., 1989.
- Boroffka, Sava 1998 – *Boroffka N., Sava E.* Zu den steinernen «Zeptern/Stössel Zeptern», «Miniatursälen» und «Phalli» der Bronzezeit Eurasiens // AMIT. 1998. Bd. 30. S. 17–113.

***И. К. Кидиекова, Ю. Г. Кустова (Абакан, Санкт-Петербург, Россия)***

### **Женское божество-охранитель из конской лодыжки<sup>54</sup>**

В 1953 г., при раскопках зольника на поселении карасукской культуры эпохи бронзы Ирмень I обнаружена поделка из конской бабки. Эта находка из раскопок Новосибирской экспедиции ИИМК АН СССР под руководством М. П. Грязнова поступил в ГЭ (Инв. 2258/359). Одним из блестящих примеров реконструкции и осмысления археологического предмета, следуя этнографической методике, является изданная в 1962 г. небольшая по объему статья М. П. Грязнова «Антропоморфная фигурка бронзового века с реки Оби», в которой он полагает, «что еще недавно хакасские и казахские девочки играли в куклы из конских бабок, наряженные в сшитые для них платья. Возможно, это связано с древним культом женского божества» (Грязнов 1962: 27).

Д. Г. Савинов отмечает особую группу предметов из поселения Торгажак со следами искусственной обработки – астрагалы или т. н. альчики. Встречаются альчики с просверленными отверстиями культового характера: «явное использование всех астрагалов со знаками в каких-то трудовых операциях заставляет усомниться в ставшем традиционным объяснении подобных предметов как игральные кости» (Савинов 1996: 27, табл. XIV). В Торгажаке найдены астрагалы овцы или барана, козули и других животных.

Обратить внимание на эти находки позволила конская лодыжка из коллекции старинных предметов Прасковьи Лаврентьевны Кызласовой, переданных в музей-заповедник «Казановка» в Хакасии ее потомками в 2012 г.<sup>55</sup>

<sup>54</sup> Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 12-04-00034/12.

<sup>55</sup> П. Л. Кызласова (1896–1970). Мать и тетя П. Л. Кызласовой Пелагея и Авдотья Кызласовы в 1904 г. передали А. В. Адрианову образцы хакасской вышивки, шубу и трафареты узоров на бересте. Ныне они хранятся в РЭМ (коллекция А. В. Адрианова). В свою очередь, в Хакасский национальный музей Прасковья Лаврентьевна в 1959 г. передала коллекцию хакасской посуды, среди них два медных кувшина и чаши. После ее смерти старинные вещи П. Л. Кызласовой, которые более 40 лет хранились у ее дочери Клавдии Гавриловны Топоевой, сейчас переданы в музей «Казановка».

Астрагалы, альчики, бабки по-хакасски носят название *хазыхтар*. «*Хазых* – бабка, лодыжка; *Хазых ойнирга* – играть в лодыжки; *Олганнар хазых тастап, ойнапчалар* – дети играют в бабки; *Хазых ойыны* – игра в лодыжки» (Хакасско-русский словарь 2006: 780).

Среди различных видов традиционных детских игрушек, бытовавших у хакасов, самыми распространенными были *хазыхтар*. Они были двух типов: бараньи альчики – символизировали скот, который дети во время игры «пасли», «меняли», «дарили», а содержание игры сводилось, в основном, к отображению реальной жизни семьи, рода, аала. Мелкие альчики у хакасов применялись также во взрослых играх наподобие пешки или игры на выбывание участников. Игра называлась «*хазых сиртин*» – выбивая альчики.

Конская лодыжка у хакасов была одним из распространенных способов получения объемного изображения, используя естественные формы природного материала. Сохранившись до недавнего времени в некоторых семьях хакасов, она, несомненно, была связана с культом женского божества. В отличие от предполагаемого вида конской лодыжки с бусинками глаз и отверстиями для сережек (рис. 1, 1) или конской бабки со сделанными отверстиями, найденной на поселении эпохи бронзы Усть-Нарым в Восточном Казахстане (Черников 1960: табл. 26), у хакасов сохранились необработанные конские лодыжки, но со следами накинутого на них куса ткани с поясом. Цвет и форма своеобразной туники указывают на женский образ, ее хранили в сундучке *абдыра* (шкатулка), основное предназначение которой – хранение культовых предметов и украшений. Конскую лодыжку хранили на полке около супружеского ложа, в подушке *частых* вместе с большими и белчыми шкурками.

В литературе существует представление о том, что их (женские скульптурки) «молодая жена приносит с собой из родительского дома в свой новый дом» (Дыренкова 1937: 128). Скульптурки наследовали, бережно хранили, они становились предками, над ними совершали необходимые обряды, связанные с кормлением, одеванием, обрызгиванием молоком.

В декоративно-прикладном искусстве хакасов изображение женской скульптурки в виде конской лодыжки сохранилось в кызыльских узорах войлочных ковров. Характер узора *хазыхтар* может быть разным: удлиненным, более квадратным, далеким от оригинала и т. д. Его расположение – углы изделия. Можно предположить охранительную функцию узора *хазыхтар*. Изготовление войлока – женское занятие. На нем спали члены семьи, укрывались, поэтому изображение женского покровителя на изделиях вполне объяснимо, они имели практическую значимость.

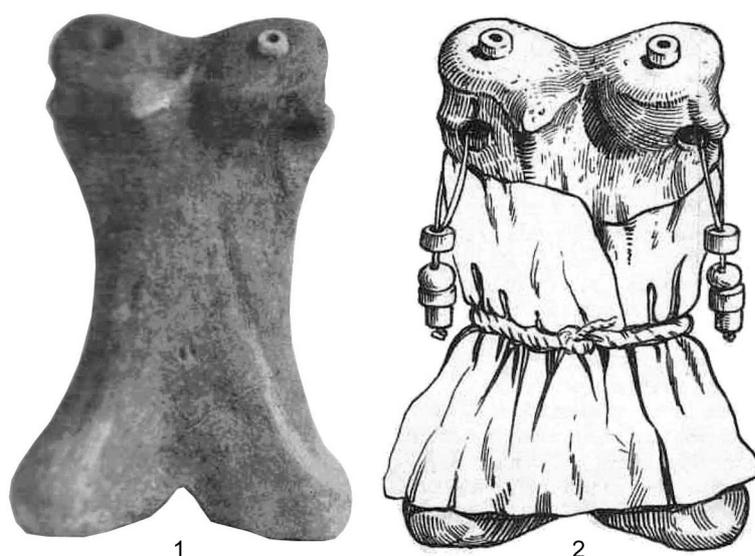


Рис. 1. Антропоморфная фигурка с р. Обь (1)  
и ее предполагаемый первоначальный вид (2 – реконструкция М. П. Грязнова)

О факте использования природных материалов в изготовлении женской статуэтки-охранителя свидетельствуют гравированные гальки из Торгажака (Савинов 1996: табл. XX–XXVIII), которые использовали при проведении обрядов. Назначение этих обрядов Д. Г. Савинов связывает с «идеями культово-генеалогического порядка, направленными, в первую очередь, на обеспечение жизненного цикла женщин и благополучное рождение детей» (Там же: 47).

Таким образом, конская бабка (лодыжка) служила защитницей семейного очага, рода, племени, скота и т. д., была своеобразным фетишем, идолом, женским божеством, предком, бабушкой *Хуртуях* и относится к культовым предметам, обеспечивающим счастье, здоровье потомства, благополучие семьи. Этот образ пережил тысячелетия, прошел длительный путь трансформации от окуневского времени до современности, сохранив свое главное предназначение – оберегать человека. Конская бабка в музее-заповеднике «Казановка» включена в практику музейной педагогики. Значит, тысячелетние традиции живы и все еще актуальны.

Грязнов 1962 – *Грязнов М. П.* Антропоморфная фигурка бронзового века с реки Оби // СГЭ. 1962. Т. XXII. С. 26–27.

Савинов 1996 – *Савинов Д. Г.* Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб, 1996.

Хакасско-русский словарь 2006 – Хакасско-русский словарь. Новосибирск, 2006.

Черников 1960 – *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М., 1960 (МИА. № 88).

Дыренкова 1937 – *Дыренкова Н. П.* Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков // Памяти В. Г. Богораза (1865–1936): Сб. статей. Л., 1937.

**А. В. Субботин (Санкт-Петербург, Россия)**

### **К вопросу об отливках в одной форме в тагарском бронзолитейном производстве**

В начале 1980-х гг. сотрудникам Сибирской экспедиции ЛОИА АН СССР в летний полевой сезон принесли случайную находку – массивный бронзовый тагарский кинжал. Он попал в сети рыбаков в Кадатском водохранилище (Шарыповский р-н, Красноярский край), образованном при строительстве Кадатской ГЭС в 1950-х гг. Вероятно, под затопление попали и стоявшие на высоком берегу р. Кадат тагарские курганы, насыпи которых за более чем тридцать лет размыло, обнажив находящийся в подкурганых захоронениях погребальный инвентарь. Кинжал богато украшен весьма характерными для скифо-сибирского звериного стиля изображениями животных – парными фигурами кошачьих хищников (на навершии) и протомами двух кабаньих голов с одним ухом, смотрящих в разные стороны (на перекрестье) (рис. 1, 1). Эти мотивы, по мнению М. И. Артамонова (1973: 110), являются важными хронологическими индикаторами, которые позволили исследователю определить время существования предметов с такими признаками – V в. до н. э.

Семантика данных образов широко освещена в научной литературе. Относительно «кошачьего хищника» или «пантеры» Д. С. Раевский считал, что «сам образ этого животного в системе звериного стиля был соотнесен с нижним, хтоническим миром» (Раевский 1985: 119), а Е. В. Переводчикова утверждала, что очень опасный и быстроногий кабан с его убийственной силой выполнял роль связующего звена между средним и нижним мирами (Переводчикова 1994: 48). Эти наблюдения достаточно убедительно соотносятся с функциональным назначением кинжала – быть опасным, убийственным и способствовать переходу из среднего в нижний, хтонический, мир.

Сам факт появления в научной литературе публикуемого кинжала, помимо его несомненных высоких художественных достоинств, интересен еще и тем, что является абсолютной копией кинжала из известной коллекции И. А. Лопатина (рис. 1, 2), найденного в дер. Каменка Минусинского округа Енисейской губ., хранящегося в ГЭ (Инв. 5531/334) и опубликованного несколько раз (Радлов 1891: табл. XII, 11; Артамонов 1973: ил. 145; Завитухина 1983: рис. 129).



Рис. 1. Кинжалы, найденные в Шарыповском р-не Красноярского края (1) и в сел. Каменка Енисейской губ. (2)

В последней монографии представлено подробное описание двух упомянутых композиций на кинжале из ГЭ: «Рукоять массивного кинжала увенчана навершием с изображением двух перевернутых фигур кошачьего хищника. Фигура одного зверя закрывает частично туловище другого. Перекрестье представляет композицию из двух голов кабана с одним ухом. У хищника выделено ухо с завитком, подтреугольный глаз, на щеке – круглая выпуклость. В пасти обозначен клык. Четко моделированы когтистые лапы. Выразительны головы кабанов. Глаза ромбовидные, с выпуклой точкой посередине. В оскаленной подтреугольной пасти рельефно показан клык. Островерхое ухо снабжено завитком. Тупая морда имеет прямой обрез на конце.

Изображения на навершии и перекрестье двусторонние, уплощенные» (Завитухина 1983: 49).

Полное соответствие до мельчайших деталей изображений на кинжале из Минусинского округа и кадатском кинжале дает основание утверждать, что последний, вероятно, следует признать копией кинжала из Минусинска.

Допущение, что кинжал, обнаруженный в дер. Каменка, был отлит раньше, чем его копия, найденная в Шарыповском р-не, вытекает из того факта, что описанные выше и хорошо видимые на изображении этого кинжала мельчайшие детали профилировки животных на кадатском кинжале выглядят затертыми. Конечно, не исключено, что длительное пребывание в воде может несколько «смазать» степень рельефности мелких форм на предмете, причем даже на таком крепком металле как бронза. Однако в данном случае мы, скорее всего, имеем дело с отливкой в одноразовой глиняной форме, снятой с кинжала из дер. Каменка. Сложность композиции, высокое мастерство проработки деталей, абсолютное совпадение по размерам (длина и того и другого кинжалов – 28,3 см) исключают версию о заимствовании идеи или реплике.

При всем богатстве и разнообразии хранящегося в музеях страны тагарского материала подобные факты фиксируются нечасто. Причиной тому являются особенности бронзолитейного производства в тагарскую эпоху. В первую очередь, следует отметить огромное разнообразие форм, деталей оформления, конструктивных и орнаментальных отличий, значительные диапазоны

размеров (длина, толщина, характер сечения и пр.) функционально одинаковых предметов. Все это говорит о том, что металлообработку вело большое количество мастеров и литье металла носило кустарный характер. По мнению Ю. С. Гришина, «бронзолитейное дело было доступно еще сравнительно широкому кругу общинников и лишь особое искусство отдельных лиц могло вести к временному разделению труда» (Гришин 1960: 141).

Но ведь именно разделение труда способствует «оптимизации» производственных процессов, что, наряду с особым искусством отдельных мастеров, видимым на рассматриваемых двух кинжалах, позволяет прийти к выводу о существовании в тагарскую эпоху литейных форм, дающих возможность профессионалам сделать первый шаг к массовому производству. Редкость нахождения литейных форм, помимо ряда причин (о чем ниже) обусловлена, вероятно, еще и тем, что литейными формами пользовались единичные мастера, чьи высокохудожественные изделия относятся к лучшим образцам тагарского скифо-сибирского звериного стиля. Обладать такими предметами (в большинстве своем – это кинжалы и чеканы) могли только далеко не рядовые тагарские воины. Тем интереснее сам факт нахождения на удаленном расстоянии (более 300 км) двух практически одинаковых кинжалов.

Единичные случаи нахождения в археологических памятниках литейных форм (Грязнов 1956: 90–92; Матющенко 1959: 163), по мнению ряда ученых, объясняется особенностями материала, из которого их изготовливали – камень, металл, глина. Так, М. П. Грязнов считал, что каменные литейные формы, изготовление которых являлось очень трудоемким процессом, были распространены в карасукской культуре, а к тагарскому времени они уже вышли из употребления, уступив место глиняным (Грязнов 1941: 254). Поскольку возможность достичь тонкой профилировки деталей изделия, отливаемого в каменной форме (как правило, из песчаника и известняка – наиболее широко распространенных в Южной Сибири пород) весьма ограничена, то можно согласиться с мнением ученого о замене каменных форм на глиняные к тагарской эпохе, т. к. глина, являясь более пластичным материалом, позволяла добиться значительной вариативности тончайшей детализировки тагарских бронзовых изделий. По мнению Ю. С. Гришина (1960: 144–145), тагарцы для изготовления литейных форм использовали медь и глину и вообще не употребляли каменные формы. Однако металлические формы были весьма недолговечны, поскольку при небольшой разнице в температуре плавления меди и бронзы имелась вероятность «прилива» бронзы к стенкам формы, что не позволяло после ряда операций сохранить мелкие детали отливок. Что касается глиняных форм, то Ю. С. Гришин считает, что последние были одноразовыми, и изготавливались по уже готовым изделиям. После каждой отливки их разбивали и для того, чтобы еще раз изготовить копию, необходимо было повторить слепок с готовой модели.

Отсутствие швов и остатков литникового натека (находящихся, как правило, со стороны наверхия) на кинжале из Шарыповского р-на также говорит о том, что, скорее всего, шарыповская копия минусинского кинжала была отлита в одноразовой, вылепленной по готовой модели форме, что подтверждает мнение М. П. Грязнова о переходе тагарцев к литью в глиняных формах.

Артамонов 1973 – *Артамонов М. И.* Сокровища саков. М., 1973.

Гришин 1960 – *Гришин Ю. С.* Производство в тагарскую эпоху. М.; Л., 1960 (МИА. № 90).

Грязнов 1941 – *Грязнов М. П.* Древняя бронза Минусинских степей // Тр. ОИПК ГЭ. 1941. Т. 1. С. 237–271.

Грязнов 1956 – *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956 (МИА. № 48).

Завитухина 1983 – *Завитухина М. П.* Древнее искусство на Енисее. Л., 1983.

Матющенко 1959 – *Матющенко В. И.* К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи // СА. 1959. № 4. С. 154–165.

Переводчикова 1994 – *Переводчикова Е. В.* Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М., 1994.

Радлов 1891 – *Радлов В. В.* Сибирские древности. СПб, 1891. Т. 1, вып. 2.

Раевский 1985 – *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. М., 1985.

## Изображения лошадей на предметах узды прескифского времени

Декоративное оформление конской узды доскифского времени связано, прежде всего, с использованием геометрических композиций. Одновременно в предскифское время появилась новая тенденция в декоре псалиев, связанная с зооморфизмом. В это время появляются первые зооморфно оформленные псалии, выполненные в виде фигурок лошадей или дополненные лошадиными головками или копытами. Древнейшим псалием с изображением лошади является щитковый псалий, найденный на поселении Нижняя Красавка-II (Нижнее Поволжье) покровской культуры начала периода поздней бронзы (рис. 1, 1). На его дисковидном щитке вокруг центрального отверстия нанесен уникальный орнамент свастического типа, где окончания трехлучевого элемента украшены стилизованными конскими головками (Лопатин 2010: 141, рис. 9, 13).

Одними из самых древних среди предскифских псалиев с изображением лошади являются две пары бронзовых псалиев из Штильфрида в Нижней Австрии (Kaus 1988/89: 253, pl. 2, 8–11; Chochorowski 1993: rys. 2, 12) (рис. 1, 2), датируемые периодом HaB3 (Kaus 1988/89: 255–257). Они имеют форму стержня с тремя поперечными муфтами и шляпкой на одном конце, второй – оформлен в виде небольшой лопасти, переходящей в стилизованную лошадиную (?) головку. Псалии данного типа известны как в Центральной Европе, так и на Северном Кавказе, а также в степях Восточной Европы (Козенкова 1975: 58–59; Вальчак 2009: 59–62). В состав комплекса из Штильфрида входили еще бронзовые удила и бронзовые уздечные бляхи, характерные и для восточноевропейских памятников предскифского времени (Kaus 1988/89: pl. 1–2). Можно считать вполне обоснованным мнение о появлении зооморфного мотива на трубчатых псалиях как результата контактов населения Подунавья с племенами Северного Кавказа в период предполагаемых миграций VIII–VII вв. до н. э. (Козенкова 1975: 65; Metzner-Nebelsick 2010: 133; и др.).

Серия псалиев в виде полнофигурных скульптурок коней (тип *Cerveteri*, по Ф.-В. Хазе – Hase 1969) происходит из Центральной и Северной Италии. Скульптурки схематично передают фигуру коня, на его спине крепятся две боковых петли, одна из которых, расположенная на крупе, имеет форму еще более схематичной лошадки (рис. 1, 3). По совокупности признаков данный тип псалиев сопоставляется с «луристанскими бронзами» (Hase 1969: 9) и соотносится с горизонтом киммерийских древностей в Средней Европе (Chochorowski 1993: 77).

Наибольшее количество псалиев предскифских типов, имеющих зооморфное оформление, происходит с Кавказа. Прежде всего, это цельнолитой уздечный комплект из Верхнекобанского мог-ка (Уварова 1900: рис. 31; Иессен 1953: рис. 26; Вальчак 2009: 38, 62, рис. 12, 2) (рис. 1, 7). Его внешние окончания представляют собой симметричные трехпетельчатые псалии с завершением концов в виде конских головок. По мнению многих исследователей, верхнекобанский уздечный комплект является изолированным в северокавказском регионе, однако близок по ряду черт к закавказско-иранской традиции. Для последней характерны зооморфное оформление псалиев и сам тип жесткокрепленной узды, именно поэтому верхнекобанские псалии принято считать либо переднеазиатским импортом, либо подражанием ему (Вальчак 1996: 31–34; 2009: 62; Иванчик 2001: 196). Однако отмечаемые в качестве аналогий закавказско-иранские изделия (Там же) иные по системе крепления удил и псалиев (неразъемные подвижные), и, соответственно, иные по структуре (с отверстием в центральной части и, как правило, изогнутые), а их окончания оформляются, в основном, в виде львиных головок (Moorey 1971: 122, fig. 5; Древности страны луров 1992: кат. 222; Mahboubian 1997: 116, cat. 93; Иванчик 2001: рис. 94, 5–6).

Иные варианты жесткокрепленной узды с псалиями, оканчивающимися зооморфными головками, встречаются чрезвычайно редко. Вероятно, одним из исключений являются находки из гробницы 3 Алтынтепе в Турции, датирующиеся рубежом VIII–VII вв. до н. э. (Иванчик 2001: 203–208), где найдено шесть разнотипных наборов конской узды. Среди них – 2 экз. близких

между собой удил, цельнолитых с псалиями, окончания которых были украшены протомами животных: коней с одной стороны и быков с другой (рис. 1, 5). Сами псалии по конструкции представляют собой определенный синтез урартских и закавказско-иранских традиций (Там же: 203–204, рис. 100, 4–5).

Уздечные комплекты с жесткоскрепленными удилами и псалиями найдены в Приаралье в кург. 26 мог-ка Уйгарак (Вишневская 1973: табл. VIII, 5) (рис. 1, 4) и в кург. 55 мог-ка Южный Тагискен (Толстов, Итина 1966: рис. 8, 5; Итина, Яблонский 1997: рис. 47, 9). Здесь удила имеют стремечковидное окончание, а оба конца псалиев оформлены в виде копыт. Приаральские комплекты с данным скреплением удил и псалиев возникли, скорее всего, под воздействием юго-западных соседей на основе переработки собственного типа уздечных принадлежностей (Итина, Яблонский 1997: 56; Иванчик 2001: 203). Их датируют либо началом раннескифского времени, т. е. VII в. до н. э. (Итина, Яблонский 1997: 56, 67), либо даже предскифским, определяя *terminus post quem* рубежом IX–VIII вв. до н. э. (Иванчик 2001: 203).

Рассматриваемым луристанским изделиям в определенной степени близки псалии, найденные в погр. 16 мог-ка Трели-II в г. Тбилиси (Грузия) и датируемые рубежом IX–VIII или началом VIII в. до н. э. (Abramischwili 1995: 23 сл.; Иванчик 2001: рис. 92, 44–45, 51–55). Из этого захоронения происходит 15 комплектов узды с неразъемным подвижным соединением удил и псалиев. Из них пять комплектов имеют псалии с центральным отверстием и двумя боковыми петлями, в верхней части украшенные головкой лошади (рис. 1, 6). По мнению Р. Абрамишвили, погр. 16 оставлено киммерийцами или скифами (Abramischwili 1995: 32–33), хотя А. И. Иванчик (2001: 190) считает, что степные элементы в этом погребении отсутствуют, а инвентарь (в т. ч. псалии) имеет вполне закавказский, в частности, урартский облик. Однако ни один псалий данного типа, происходящий с территории собственно Закавказья и Урарту, не украшен изображением лошадиной головки.

Среди находок на Северном Кавказе выделяется пара трехпестельчатых псалиев в виде полнофигурного изображения лошадей, найденная в погр. 90 Псекупского мог-ка (Ловпаче 1985: 16 сл.; Эрлих 2007: 126–127, рис. 27; 43, 4) (рис. 1, 10). Эти псалии также напоминают знаменитые луристанские изделия. На территории Луристана (Центральная часть Западного Ирана) в первые века I тыс. до н. э. бытовало несколько типов напускных зооморфно оформленных псалиев, в т. ч. в виде целой фигурки животного, антропоморфного существа или даже сюжетных сцен (Potratz 1966; Calmeyer 1969; Moorey 1971: 120–125; Древности страны луров 1992: 37–38; и др.). Наиболее ранние луристанские псалии в виде схематичной фигурки лошади или другого животного являются по форме бантовидными и датируются по изображениям на рельефах ассирийского царя Ашшурнасирапала II (883–859 гг. до н. э.) (Moorey 1971: 120–121; Muscarella 1988: cat. 251). Более поздние псалии в виде полнофигурного изображения лошади (рис. 1, 10) были достаточно распространены (Porada 1962: pl. 21, 1; Muscarella 1988: cat. 253–254; Mahboubian 1997: cat. 82–87; и др.) и известны в т. ч. по изображениям на ассирийских рельефах времени Синаххериба (704–681 гг. до н. э.) (Porada 1962: pl. 21, 2; Moorey 1971: 123; Medvedskaya 1988: fig. 1, 4).

Псалии луристанского типа известны и далеко за пределами региона. Серия псалиев в виде фигурки лошади найдена на о-ве Самос (Jantzen 1972: Taf. 61; Moorey 1974: fig. 2, 7) (рис. 1, 9). В кург. Сарычобан в Нагорном Карабахе найдены псалии изогнутые, с центральным отверстием и симметрично расположенными лошадиными головками (Джафаров 1993: рис. 7, 1) (рис. 1, 8), аналогии которым известны в Луристане (Muscarella 1988: cat. 252; Древности страны луров 1992: кат. 225; Mahboubian 1997: 108–109, cat. 79). Однако псекупские псалии подобны луристанским только в общих чертах, поскольку они воспроизводят совершенно иной стилистический образ (см.: Дударев 2002: 216–218) и имеют иную систему крепления с удилами.

В погр. 14 мог-ка Клин Яр-III (р-н Кисловодска) найдены бронзовые трехпестельчатые псалии, загнутый длинный конец которых воспроизведен также в виде фигурной головки и шеи лошади (Дударев 1991: табл. 22) (рис. 1, 11). Данные псалии уникальны, аналогии им пока неизвестны (Иванчик 2001: 247). Кроме того, серия трехпестельчатых псалиев типа Баксан-Филипповская,

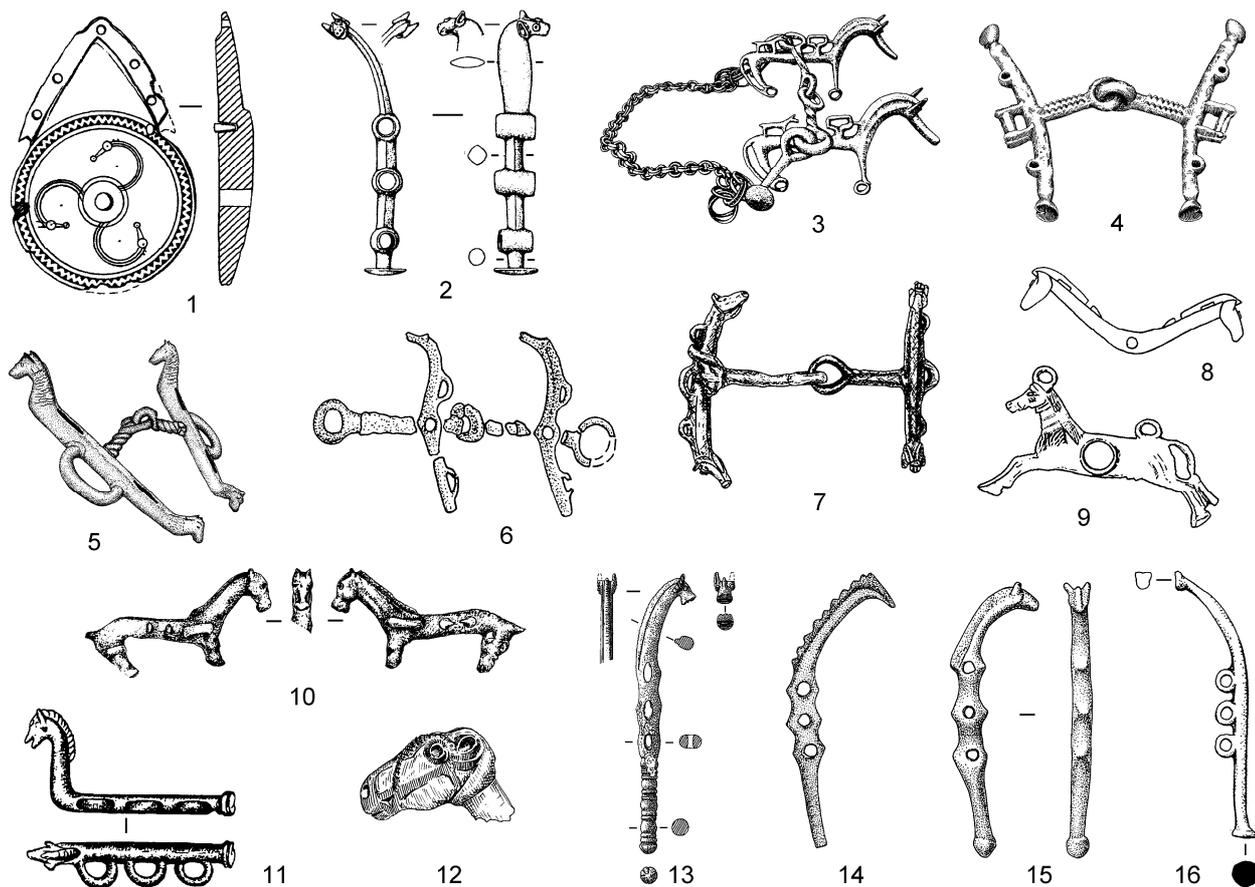


Рис. 1. Изображения лошадей на предметах узды:

1 – поселение Нижняя Красавка-II, Нижнее Поволжье (по Лопатин 2010); 2 – Штильфрид, Нижняя Австрия (по Kaus 1988/1989); 3 – Ветулония, Северная Италия (Chochogowski 1993); 4 – кург. 26 мог-ка Уйгарак, Приаралье (по Вишневская 1973); 5 и 6 – гробница 3 Алтынтепе, Турция и погр. 16 мог-ка Трели-II в г. Тбилиси (по Иванчик 2001); 7 – Верхнекобанский мог-к (по Вальчак 2009); 8 – кург. Сарычобан, Нагорный Карабах (по Джафаров 1993); 9 – о-в Самос (по Mooney 1974); 10 – погр. 90 Псекупского мог-ка (по Ловпаче 1985); 11 – погр. 14 мог-ка Клин Яр-III, р-н Кисловодска (по Дударев 1991); 12 – курган Аржан-1, Тува (по Грязнов 1980); 13 – Луристан, коллекция Британского музея (по Curtis, Kruszyński 2002); 14–15 – Луристан (по Иванчик 2001); 16 – кург. 2 мог-ка Хаджох, Адыгея (по Сазонов 2000)

по типологии С. Б. Вальчака (2009: 72, рис. 80; 81), имеет оригинальное исполнение лопасти, размещенной в верхней части и напоминающее изображение копыта. В позднейшем предскифском комплексе кург. 2 мог-ка Хаджох (Адыгея) найдены две пары стержневидных трехпестельчатых псалиев, загнутый конец которых оформлен в виде конского копыта (Сазонов 2000: 42 сл.; Эрлих 2007: 126) (рис. 1, 16). В целом, псалии данного типа с зооморфным оформлением характерны уже для раннескифского времени (Эрлих 2007: 126).

К рубежу предскифского и скифского периодов относятся и трехмуфтовые псалии типа «Уашхиту-Жаботин» (по В. Р. Эрлиху), окончания которых в нескольких случаях также оформлены в виде конского копыта. Это псалии из кург. у хут. Алексеевский (Ставрополье) (Иессен 1954: 118, рис. 7; Вальчак 2009: рис. 67, 4), кург. 2 группы II у сел. Медвин и погр. 1 кург. 6 у сел. Яснозорье (Поднепровье) (Ковпаненко 1981: 111, рис. 61, 8; Ковпаненко и др. 1994: рис. 6, 3). Стоит отметить, что в раннескифское время изображение конского копыта на нижнем окончании псалия являлось одним из главных мотивов оформления псалиев.

Серия бронзовых трехдырчатых псалиев, украшенных в верхней части головой или протомой коня и датирующихся финалом предскифского–началом раннескифского времени, происходит из

случайных находок в Северном и Северо-Западном Иране (Bomford 1966: pl. V, 36; Иванчик 2001: рис. 101, 2–3, 6–7; Curtis, Kruszyński 2002: 82, 84, fig. 47, 191) (рис. 1, 13–15).

Все рассмотренные псалии предскифского времени, оформленные с использованием мотива лошади, уникальны и не имеют прямых аналогий ни в Закавказье, ни в Центральной части Западного Ирана (Луристан). На наш взгляд, их появление можно считать зарождением местной традиции зооморфного оформления псалиев, что следует рассматривать в общем русле зарождения евразийского зооморфного искусства, тесно связанного с новой обрядностью и новым образом жизни.

Еще одним свидетельством общеевразийской тенденции новой традиции в оформлении конской узды могут быть находки из тувинского кург. Аржан-1, дата и вещевого комплекс которого соответствуют предскифским комплексам Северного Причерноморья. Это роговой наконечник в виде головы коня (Грязнов 1980: 26, рис. 15, 1–3) (рис. 1, 12), возможно, являющийся частью составного псаля (Грязнов 1980: 26; Смирнов 2005: 82–83, табл. 4, 8–9) или «навершием плети (?)» (Шульга 2008: 27), выполненные из нижней челюсти лошади оригинальные костяные псалии, а также различные подвески из челюсти коня и его резцов (Грязнов 1980: 26, 50, рис. 30, 9).

Появление первых зооморфно оформленных псалиев с изображением лошади по времени соотносится со становлением у степных народов традиции сопогребения коня, оформлением мифологических взглядов о коне как главном перевозчике умершего в мир мертвых. Такой конь, несомненно, должен был обладать и некими дополнительными свойствами, отличными от обычных коней. Возможно, первым шагом в осмыслении новой мифологемы было придание коню силы и мощи, усиленной при помощи декора конской узды изображениями коней. Семантический аналог таким действиям содержится, на наш взгляд, в «Ши-цзин», оде Чжун Шань-фу, наставнику чжоуского государя Сюань-вана, правившего в 827–721 гг. до н. э. (т. е. времени, соответствующему предскифскому периоду в евразийских степях). Там при упоминании колесничих коней употребляются особые сдвоенные эпитеты, призванные, вероятно, магически усилить мощь этих животных: *«Жертву приносит Чжун духам дороги: на ней / Крепких из крепких четверка могучих коней. <...> Мощные, мощные кони четверкою в ряд, / Восемь на них колокольчиков звоном звенят. <...> Сильными, сильными были четыре коня»* (Ши-цзин 1972: 97).

Вместе с тем, в предскифское время одновременно с псалями, декорированными изображениями коней, появляются и псалии, концы которых оформлены в виде голов других животных – хищников (гробница 37 кобанского мог-ка Адайдон – Чшиев 2011: 167–168, рис. 3), хищной птицы (погр. 39 протомеотского Кубанского мог-ка – Анфимов 1975: 45, рис. 3, 6), барана (погр. 5 мог-ка Чишхо, Прикубанье – Сазонов 1998: 114; Эрлих 2007: 128). Эти изделия и предметы из кабаньих клыков, также появляющиеся в предскифское время, по всей видимости, должны были придать коню после его смерти свойства, не характерные его природе, превратить его из обычного земного коня в некое мифологическое существо, способное преодолеть путь в мир мертвых.

Таким образом, под влиянием изменяющихся мифологических представлений и становления новой ритуальной практики в предскифское время появляются и первые псалии, оформленные с использованием изображений животных. Прежде всего, таковыми являются псалии с изображениями лошадей, что, на наш взгляд, отражало первоначальную мифологему, связанную с посмертным конем. Но почти одновременно с ними появляются и псалии с изображениями других животных – птиц, баранов и хищников. В дальнейшем уже в раннескифское время количество псалиев с зооморфным оформлением возросло в сотни раз. При этом изображались самые различные животные, в т. ч. в начале скифского периода продолжали использоваться изображения лошадей.

Анфимов 1975 – Анфимов Н. В. Новый памятник древнемеотской культуры (могильник у хут. Кубанского) // Скифский мир. Киев, 1975. С. 35–51.

Вальчак 1996 – Вальчак С. Б. Два уникальных уздечных комплекта кобанской культуры из собрания ГИМ // ТД Отчетной сессии ГИМа по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М., 1996. С. 31–34.

- Вальчак 2009 – *Вальчак С. Б.* Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. М., 2009.
- Вишневецкая 1973 – *Вишневецкая О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э.: по материалам Уйгарака. М., 1973.
- Грязнов 1980 – Грязнов М. П. Аржан: Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
- Джафаров 1993 – *Джафаров Г. Ф.* Курган эпохи поздней бронзы вблизи Сарычобана // Российская археология. 1993. № 4. С. 191–207.
- Древности страны луров 1992 – Древности страны луров: Каталог выставки / Сост. Л. Ванден-Берге. СПб, 1992.
- Дударев 1991 – *Дударев С. Л.* Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991.
- Дударев 2002 – *Дударев С. Л.* Об одной малоазийско-северокавказской археологической параллели VIII–VII вв. до н. э. // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э.–V в. н. э.): Мат-лы Междунар. конф. Тирасполь, 2002. С. 216–218.
- Иванчик 2001 – *Иванчик А. И.* Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001.
- Иессен 1953 – *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР // СА. 1953. Т. XVIII. С. 49–110.
- Иессен 1954 – *Иессен А. А.* Некоторые памятники VIII–VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.; Л., 1954. С. 112–131.
- Итина, Яблонский 1997 – *Итина М. А., Яблонский Л. Т.* Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997.
- Ковпаненко 1981 – *Ковпаненко Г. Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев, 1981.
- Ковпаненко и др. 1994 – *Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А.* Новые погребения раннего железного века в Поросье // Древности скифов. Киев, 1994. С. 41–62.
- Козенкова 1975 – *Козенкова В. И.* Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (некоторые археологические параллели) // Скифский мир. Киев, 1975. С. 52–73.
- Ловпаче 1985 – *Ловпаче Н. Г.* Могильники в устье реки Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985. С. 16–64.
- Лопатин 2010 – *Лопатин В. А.* Покровский культурный комплекс поселения Нижняя Красавка-II (по материалам исследований 2007–2009 годов) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2010. С. 126–156.
- Сазонов 1998 – *Сазонов А. А.* Могильник Чишхо: поздние протогеоты и раннескифские древности // XX КЧ. Ставрополь, 1998. С. 114–116.
- Сазонов 2000 – *Сазонов А. А.* Хаджохские курганы – некрополь древнегеотских вождей // Информационно-аналитический вестник. Майкоп, 2000. С. 42–67.
- Смирнов 2005 – *Смирнов Н. Ю.* Псалии аржанского типа (опыт классификации и типологии) // Альманах молодых археологов. 2005. СПб, 2005. С. 67–85.
- Толстов, Итина – *Толстов С. П., Итина М. А.* Саки низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Тагискена) // СА. 1966. № 2. С. 151–175.
- Уварова 1900 – *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа. М., 1900 (МАК. Вып. 8).
- Чшиев 2011 – *Чшиев Х. Т.* Новые уздечные комплексы из памятников кобанской культуры предскифского-раннескифского времени Северной Осетии // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный; М., 2011. С. 165–172.
- Ши-цзин 1972 – Ши-цзин. Ода царскому наставнику Чжун Шань-фу // Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2-х т. М., 1972. Т. 1. С. 78–99.
- Шульга 2008 – *Шульга П. И.* Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул, 2008.
- Эрлих 2007 – *Эрлих В. Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протогеотская группа памятников. М., 2007.

- Abramischwili 1995 – *Abramischwili R.* Neue Angaben über die Existenz des thrako-kimmerischen Elements und des sog. skythischen Reiches im Osten Transkaukasiens // *Archäologischer Anzeiger*. Berlin, 1995. S. 23–39.
- Bomford 1966 – *Bomford J.* Exhibition of ancient Persian bronzes and other selected items of ancient art from the Collection of Mrs Brenda Bomford. Oxford, 1966.
- Calmeyer 1969 – *Calmeyer P.* Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanshah. Berlin, 1969.
- Chochorowski 1993 – *Chochorowski J.* Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. Kraków, 1993.
- Curtis, Kruszyński 2002 – *Curtis J., Kruszyński M.* Ancient Caucasian and Related Material in the British Museum. London, 2002 (The British Museum Occasional Paper. No 121).
- Hase 1969 – *von Hase F.-W.* Die Trensens der Früheisenzeit in Italien. München, 1969 (Prähistorische Bronzefunde. XVI/1).
- Jantzen 1972 – *Jantzen U.* Ägyptische und Orientalische Bronzen aus dem Heraion von Samos. Bonn, 1972 (Samos. Bd. VIII).
- Kaus 1988/89 – *Kaus M.* Kimmerischer Pferdeschmuck im Karpatenbecken – Das Stillfrieder Depot aus neuer Sicht // *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*. Wien, 1988/89. Bd. 118/119. S. 247–257.
- Medvedskaya 1988 – *Medvedskaya I. N.* Who Destroyed Hasanlu IV? // *Iran*. 1988. Vol. XXVI. P. 1–15.
- Metzner-Nebelsick 2010 – *Metzner-Nebelsick C.* Aspects of Mobility and Migration in the Eastern Carpathian Basin and Adjacent Areas in the Early Iron Age (10th –7th centuries BC) // *Studies Migration in Bronze and Early Iron Age Europe*. Kraków, 2010. P. 121–152 (Prace Archeologiczne. No 63).
- Moorey 1971 – *Moorey P. R. S.* Towards a Chronology for the “Lūristān Bronzes” // *Iran*. 1971. Vol. IX. P. 113–129.
- Moorey 1974 – *Moorey P. R. S.* Ancient persian bronzes from the island of Samos // *Iran*. 1974. Vol. XII. P. 190–195.
- Muscarella 1988 – *Muscarella O. W.* Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art. New York, 1988.
- Porada 1962 – *Porada E.* The Art of Ancient Iran: Pre-Islamic Cultures. New York, 1962.
- Potratz 1966 – *Potratz J.* Die Pferdetransens des Alten Orient. Rome, 1966 (Analecta Orientalia. XLI).

## **В. В. Кривицкий (Санкт-Петербург, Россия)**

### **Зооморфные изображения на керамике древнего Северного Кавказа**

На глиняных сосудах раннего железного века (VII–VI вв. до н. э.) нарезными линиями схематично изображены быки (станция Урухская), козлы (Терезинский мог-к), лошади (Кисловодский мог-к), олени (Ставропольский край, Пятигорск, Нальчик, Отрадненский и Серженьюртовский мог-ки).

Туловища животных показаны трапециями или прямоугольниками, ноги – двумя узкими полосами. Вытянутые головы имеют маленькую квадратную или прямоугольную форму. Неестественно длинные шеи представлены в виде тонкой полосы. Уши обозначены двумя короткими штрихами, рога – двумя косыми короткими узкими полосами, хвосты – короткими отростками, ветками растений или вытянутыми острыми углами. Рот, нос, глаза и копыта отсутствуют. Олени на сосудах из Ставрополя, Пятигорска, Нальчика изображены бегущими. Их пасти разинуты, головы резко запрокинуты назад. Вытянутые узкие морды похожи на птичий клюв. Передние ноги животных вытянуты, задние поджаты. Пропорции фигур нарушены.

Плоскостные, силуэтные и контурные изображения «заполнены» внутри короткими штрихами, «елочным» орнаментом, косой штриховкой, точками и косыми линиями, что создает иллюзию рельефного изображения и выделяет эти образы на гладкой поверхности. Большие ветвистые рога оленей, напоминающие «елочный» орнамент, слишком велики относительно тела животного. Бедрa оленей заполнены волутообразными завитками или концентрическими кругами. Контурные изображений этих животных округлы. Основные объемы и пропорции их тел лаконично переданы несколькими изгибами линий.

Зооморфные образы, представляя собой фриз, чередуются со своеобразным резным орнаментом, напоминающих чертеж. Для создания этого узора использовали геометрические элементы: квадраты из мелких штрихов, вертикальные линии, пересеченные ломаными линиями с мелкими штрихами, вертикальные линии, дугообразные изогнутые линии, круги, точки, заштрихованные треугольники, прямоугольники, квадраты, трапеции, узкие и широкие полосы. Стилизованные изображения животных сочетаются с этим орнаментом, составляя единую композицию.

Описанные изобразительные приемы доминируют в прикладном искусстве раннего железного века на Северном Кавказе.

**К. А. Руденко (Казань, Россия)**

### **Декоративно-прикладное искусство раннеананьинского времени (по материалам IV Мурзихинского могильника в Татарстане, предварительный анализ)**

История изучения декоративно-прикладного искусства Волго-Камья в ананьинское время по материалам могильников насчитывают более 100 лет. Историография этого вопроса требует отдельного изучения, отметим лишь некоторые исследования, среди которых фундаментальный труд А. В. Збруевой (1952), а также работы В. С. Патрушева (1994) К. И. Корепанова и М. Ф. Обденнова (Корепанов и др. 2011), С. А. Васильева (2000) и др.

Представляется интересным рассмотреть в этом ключе материалы из IV Мурзихинского мог-ка, который находился в Алексеевском р-не Татарстана, в нижнем течении Камы – на левобережье р. Архаровки, левого притока Камы (в настоящее время затоплен Куйбышевским водохранилищем). В 1991–1992 гг. автором здесь было изучено более 30 захоронений (Руденко 1991; 1992). Исследованная часть могильника датируется IX–началом VII в. до н. э., материалы опубликованы частично (Беговатов и др. 1993; Руденко 2002; 2008).

Выделяются несколько категорий изделий,<sup>56</sup> находившихся в составе погребального инвентаря, которые характеризуют декоративно-прикладное искусство населения региона в раннем железном веке. *Изделия из глины* представлены, в основном, керамическими сосудами с раковинной примесью в тесте – это небольшие, округлодонные чашечки диаметром 6–9 см (рис. 1, 35–38, 42–48, 50). Они имеют чаще всего заглаженную поверхность, реже – грубую, бугристую. Большая часть сосудов не орнаментирована. Встреченный узор на остальных изделиях – это отдельные наколы по шейке (рис. 1, 35), в одном случае в сочетании с кружочками с точкой в центре (рис. 1, 37), реже – оттиски гребенчатого штампа (рис. 1, 34, 45). Крупный сосуд из погр. 7 был украшен вертикальным зигзагом и крупными ямками между ними. Оттисками веревочки и гребенчатым штампом декорирован только один сосуд, от которого сохранился фрагмент в погр. 16 (рис. 1, 34). Из глины изготовлено биконическое пряслице с небольшим канальцем, верхняя часть которого украшена наколами (рис. 1, 32).

*Костяные изделия* представлены предметами конского снаряжения (псалии), вооружения (наконечники стрел, привески к колчану и т. п.) и бытовыми поделками (рис. 1, 1–2, 4–30). Сырьем для изготовления таких изделий служили рог и трубчатые кости животных. Орнаментированных изделий практически нет. Интересна поделка полусферической формы, диаметром 4 см и высотой 2,7 см, сделанная из верхней части эпифиза берцовой кости человека (?) со сквозным отверстием в центре. На нижней плоскости предмета имеются неглубокие хаотичные насечки (рис. 1, 8).

Многочисленны декорированные *металлические изделия*. Первое место по количеству занимают бронзовые кельты, имеющие линзовидное и шестигранное сечение. Специфика формы – наличие граней или их отсутствие, обусловила характер орнаментации этих предметов.

<sup>56</sup> Коллекция находок хранится Национальном музее Татарстана (книга поступлений 23461), часть ее представлена в экспозиции «Древняя история Татарстана», инвентарные номера находок даются в скобках.

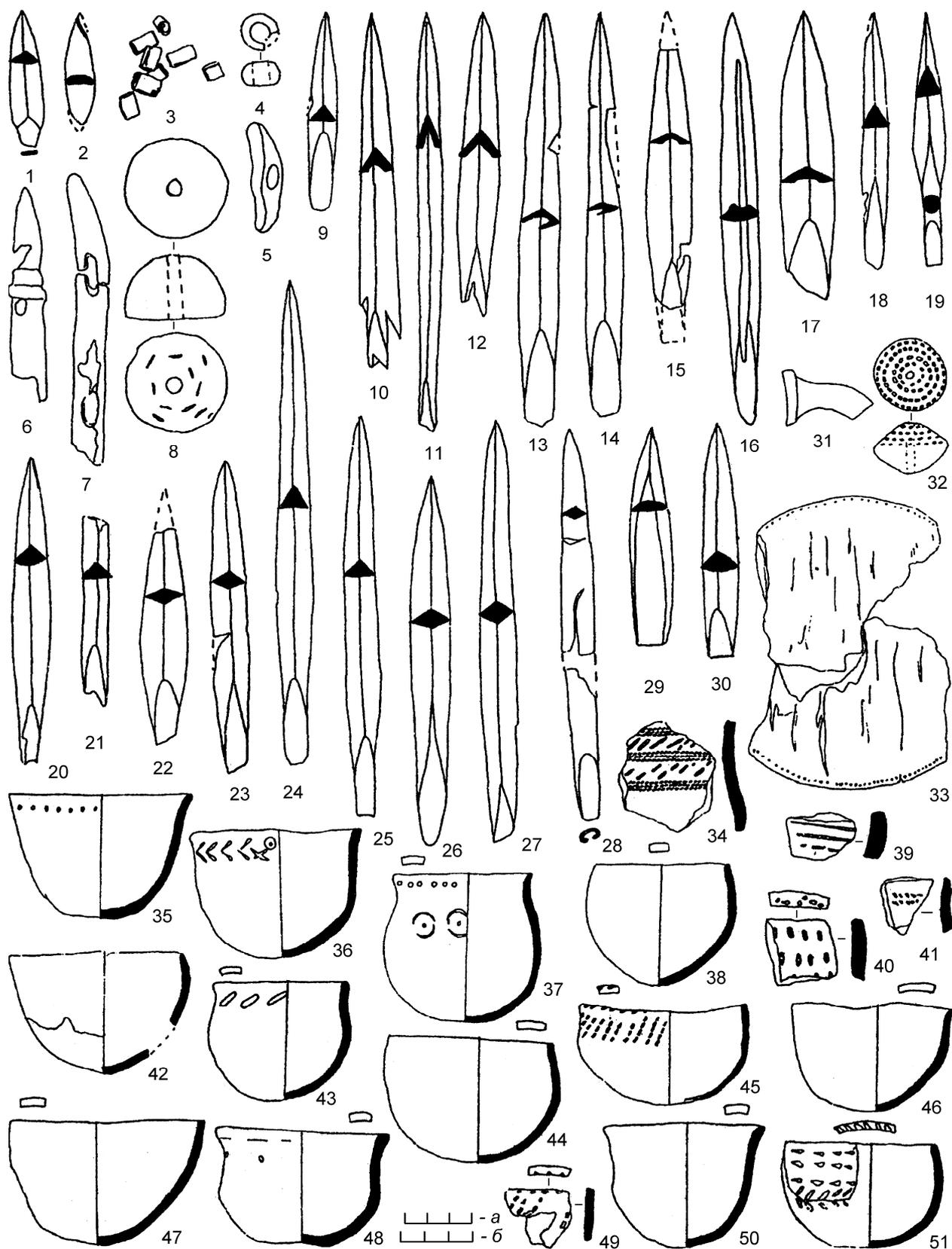


Рис. 1. IV Мурзихинский мог-к, изделия из кости (1–2, 4–30), бересты (3, 33) и глины (31–32, 34–51).  
 Масштабы: *a* – для 31–51; *b* – для 1–30

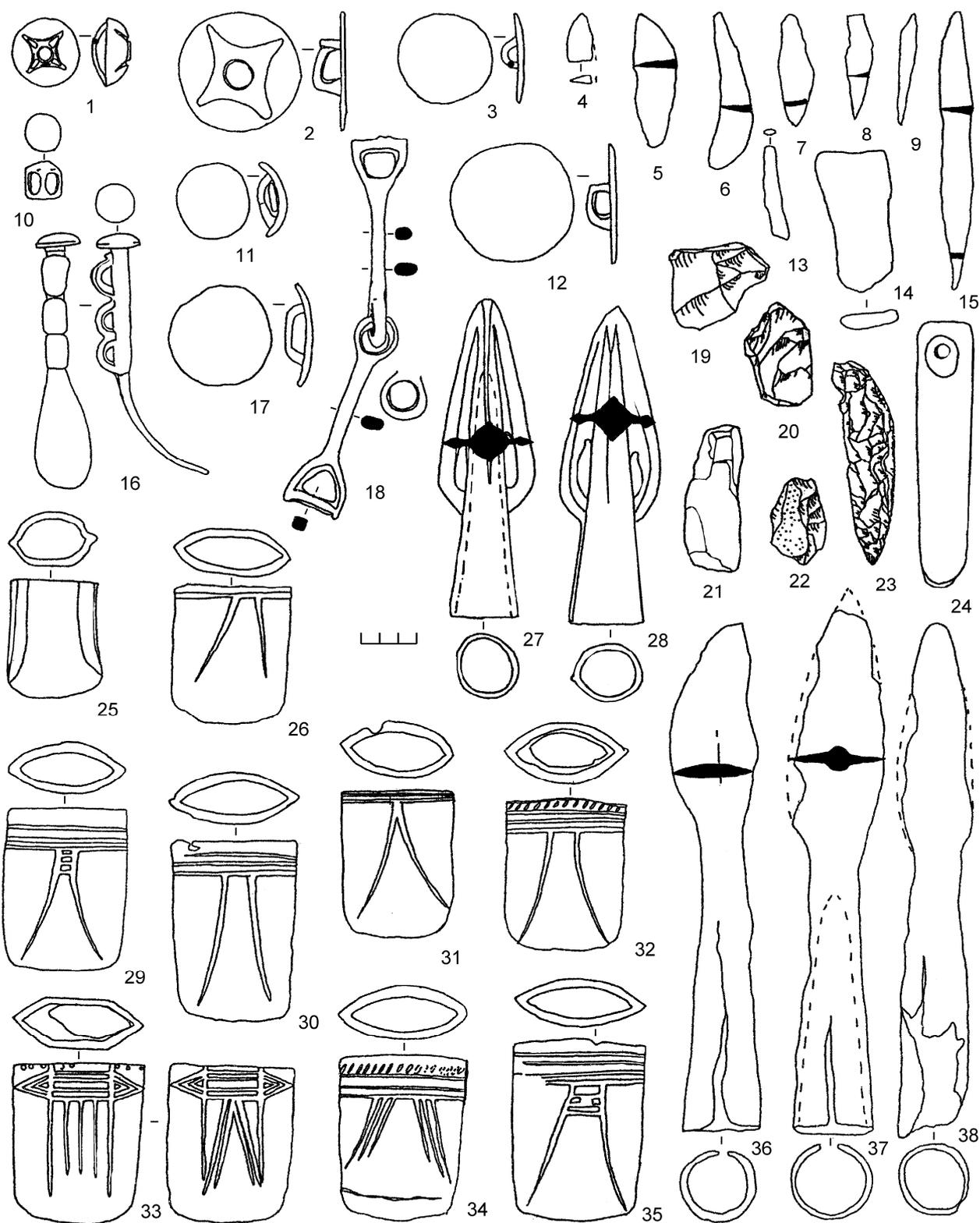


Рис. 2. IV Мурзихинский мог-к, предметы из бронзы (1–3, 10–12, 16–18, 25–35), железа (4–9, 13–15, 36–38) и камня (19–24)

Так, кельты линзовидного сечения, кроме традиционного пояска из трех выпуклых линий, имеют ряд наклонных насечек над ними (рис. 2, 32, 34). У нескольких кельтов орнаментальные вертикальные полосы-«усы» в верхней части соединены тремя поперечными валиками (рис. 2, 29, 35). Шестигранные кельты, в отличие от линзовидных, имеют разный рисунок на противоположных

сторонах (рис. 2, 33). Композиция его проста: четыре парные линии в верхней части изделия, образующие прямоугольник на лицевой и обратной стороне соединяются окончаниями на боковых гранях, причем острия этих геометрических фигур смыкаются остриями на острой боковой грани кельта. Разнообразие вносит расположение вертикальных валиков, отходящих от нижней линии под прямым углом или под углом 15–20°. Иногда этот сюжет дополняется зигзагом у верхней кромки кельта.

Наконечники дротиков (рис. 2, 27–28) типичны для памятников ананьинской культурной общности и обычно украшены геометрическим орнаментом в верхней половине втулки и на лопастях пера, но в Мурзихинском IV мог-ке чаще всего представлены образцами без декора. Сквозные отверстия на рассматриваемых изделиях являются литейным браком, а не декором.

Удила чаще всего характерной для рассматриваемой эпохи формы – стремечковидные (рис. 2, 18), псалии – трехпетельчатые с лопастью (рис. 2, 16) и трехдырчатые стрежневидные с небольшим изгибом и утолщенными окончаниями. Последняя форма, скорее, имитирует железные псалии, однако по размеру они значительно меньше. Выделяются два оригинальных стержневидных псалия (Инв. 23461/40–41) из погр. 14, одинаковых по размерам (11,7 × 4 × 0,94 см и 11,85 × 4,1 × 0,87 см), форме и декору. Один из них имел стержень круглого сечения (диаметром 1 см, длиной 16,5 см), изогнутый в верхней части на 90°. В средней его части имеются три сквозных овальных отверстия (0,8 × 1,2 см). Стержень декорирован глубокими кольцевыми выемками, за исключением средней части, где расположены отверстия. Нижнее окончание псалия завершается небольшой полусферической шишечкой, а верхнее разветвляется, образуя два отростка длиной 2,5 см, расходящихся под 45°. Эти отростки также заканчиваются полусферическими шишечками. В месте изгиба стержня и перехода к «рожкам» выделено подтрапециевидное основание с чуть приостренными боковыми гранями, ограниченное сверху и снизу несколькими кольцевыми выемками. Очевидно, что такая форма окончания псалия является стилизацией зооморфного мотива – возможно, головы козла.

Распределитель ремней уздечки представлен цилиндрическим изделием со сквозными отверстиями (рис. 2, 10). Ремни уздечки были украшены небольшими полусферическими бляшками-накладками с гладкой поверхностью (рис. 2, 3, 11) или с подромбической выемкой (рис. 2, 1). В погр. 20 найдены такие же накладки, но большего размера (рис. 2, 2, 12, 17).

Оригинальны четыре бронзовые круглые накладки с полихромной декоративной вставкой (Инв. 23461/53–56; погр. 9) одинаковых размеров – диаметр 4,2 см и высота 2 см. Полностью сохранилась одна из них (рис. 3, 2), остальные имеют повреждения и утраты. Накладки имеют литую основу в виде диска с пластинчатой петлей в нижней части и наклонный бортик высотой 0,5 см в верхней части. Благодаря этому бортику центральная часть накладки удерживает достаточно плотную массу белого цвета, похожую на мел, закреплявшую центральную цилиндрическую вставку диаметром 1,2 см и высотой 1,3 см. Прежде чем эта масса была помещена на свое место, на бронзовую основу была положена аккуратно вырезанная под размер диска берестяная прокладка. Вставка представляет собой цилиндр из черной плотной массы высотой 0,8 см, в верхней части его закреплено тонкое золотое колечко высотой 0,2 см, внутри которого находятся пластиночки-перегородки. Перегородки сделаны из тонких золотых пластинок, образующих композицию в виде 12-лучевой розетки. Центром композиции является миниатюрное колечко из золотой пластинки, к которому припаяны «лучи». Основу рисунка составляет 6-лучевая звездочка с вытянутыми длинными лучами, между ними помещены короткие широкие лучи. Пространство между лучами-перегородками заполнено стекляннной эмалью: центральная часть – красной эмалью, лучи – коричневой, а оставшееся пространство – бирюзовой.

Многочисленны бронзовые накладки, крепившиеся на головных венчиках. Венчики представляли собой полоску материи или кожи шириной от 2 до 3 см с нашитыми на них бронзовыми круглыми, овальными или реже прямоугольными накладками. Некоторые круглые или овальные накладки украшали штампованным орнаментом в виде концентрических окружностей. Интересны

композиции украшений на таких изделиях. Например, использовалось сочетание накладок-зажимов в виде широких прямоугольных незамкнутых обойм, охватывавших сверху и снизу основу венчика с нашивными накладками. Иногда нашивные накладки разной формы без обойм составляли единую систему (погр. 23). Венчик из погр. 26 представлял из себя кожаную или тканую ленточку шириной 1,6 см с нашитыми на нее прямоугольными и бронзовыми квадратными накладками (1,6 × 2,4 см и 1,5 × 1,5 см) с тремя отверстиями в верхней части, а в центре находилась овальная пластина. Во втором варианте композиционного решения венчик состоял из двух или трех ремешков с прикрепленными к ним бронзовыми трубочками или пронизками-обоймицами. Ремешки закреплялись между собой овальными или прямоугольными пластинами с отверстиями. Такой тип венчика зафиксирован в погр. 28 – это была тонкая кожаная полоска шириной 2,5–3 см с прикрепленными к ней накладками трех типов: прямоугольными пластинами с четырьмя круглыми вдавлениями и с тремя отверстиями в верхней части; длинными трубочками, сплюсненными с одной стороны, и овальными накладками с четырьмя отверстиями по краям, украшенными концентрическими окружностями в центре. Количество трубочек было различным: в центре чередовались овальные бляхи и звено составленных из трех (одна под другой) трубочек. Причем после двух разделенных бляхами трехрядных звеньев шло одно звено двухрядных с разных сторон, возможно, дальше нашивались подпрямоугольные накладки с вдавлениями. Третий вариант налобного венчика (погр. 18) близок первому, отличаясь только формой и размерами накладок. Здесь наиболее распространенными были очковидные накладки в сочетании с прямоугольными и круглыми.

Украшения пояса зафиксированы в виде массивных прямоугольных пластин, декорированных, как правило, круглыми вдавлениями по краю. Выделяется прямоугольная пластина с гравированным рисунком (Инв. 23461/101) размерами 9,8 × 8,55 см и толщиной 0,3 см (рис. 3, 1), покрытая черной патиной. На верхнем и нижнем краях пластины сохранились четыре отверстия для крепления к основе. В центре выгравировано изображение копытного животного (быка?), показанного в движении. Корпус животного, опирающегося на задние ноги, напряженно изогнут; хвост с дисковидным завершением, повторяющий движение тела, подчеркивает динамичность его позы. Спина, шея и подбрюшье окаймлены узкой заштрихованной полоской. Ноги, часть корпуса и шея, разделенные на «сектора», украшены точками или штриховкой. Штриховка разнообразная: линейная, дуговидная, пунктирная. Фигуру животного окаймляют пояски прерывистых линий, нанесенных пуансоном. Аналогичные пояски идут по верхнему и нижнему краям пластины. Между ними изображены три орнаментальных полосы, состоящие из S-овидных элементов, оконтуренных линиями из точек. Это изделие привозное, скорее всего, с Кавказа или Закавказья.

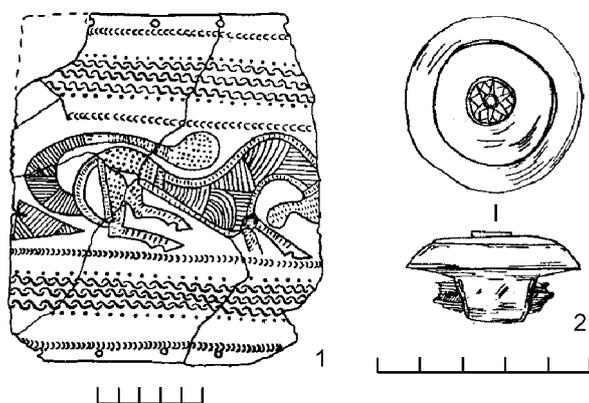


Рис. 3. IV Мурзихинский могильник, бронзовые изделия:  
1 – орнаментированная пластина из погр. 13; 2 – накладка из погр. 9

Оригинален набор из 16 накладок, вероятно сделанных из стенок привозного бронзового сосуда (Инв. 23461/78–92). Часть пластин – прямоугольные или квадратные, другие – трапециевидные. Прямоугольные накладки украшены круглыми вдавлениями по длинным краям, как правило, в сочетании с горизонтальными или наклонными насечками. Квадратные пластины декорированы хаотично нанесенными вдавлениями и снабжены тремя отверстиями для крепления. Более сложен декор трапециевидных накладок. Это, прежде всего, объемные каплевидные вдавления (возможно, оставшиеся от декора сосуда, использованного в качестве сырья), имеющие в нижней части декоративный поясок. Этот поясок был разделен на прямоугольные отрезки с двумя перекрещивающимися линиями внутри, образующими своеобразный узор из ромбиков, фон которых выделен тонкой чеканкой. Орнамент (контуры рисунка и заполнение фона) нанесен миниатюрным пуансоном.

Украшения головы (прически?) представлены небольшими изделиями в виде «граммофончиков» (Инв. 23461/10–11) – закрученной в несколько оборотов бронзовой спирали, на одном из концов которой имеется маленький конус. Размеры изделий практически одинаковы (2,82 × 2,67 × 2,3 см, диаметр раструба 2,05 см и 2,56 × 2,23 × 1,96 см, диаметр трубочки 1,77 см). Такое же украшение, сделанное из золота, известно в Ананьинском мог-ке и ныне хранится в Национальном музее Финляндии (Карпелан, Уйно 2009: 23).

*Железные предметы* представлены наконечниками копий (рис. 2, 36–38), ножами и неопределимыми предметами (рис. 2, 4–9, 13–15). Состояние их не позволяет установить имели ли они какой-либо декор или нет. *Изделия из кремня* маловыразительны (рис. 2, 19–23).

Этим не исчерпывается набор предметов декоративно-прикладного искусства из этого памятника. Учитывая, что часть IV Мурзихинского мог-ка разрушена водохранилищем, целесообразно было бы исследовать и разнообразный подъемный материал, собранный в 1991–1992 гг. и ранее В. Н. Марковым и Е. А. Беговатым (Руденко 2002: 157–158, 168, рис. 22а–б; 28). Здесь имеются интересные предметы, выполненные в зверином стиле. Однако этот материал смешан с находками из захоронений другого, полностью разрушенного I Мурзихинского мог-ка VI–V вв. до н. э., расположенного неподалеку, что требует отдельного анализа.

Предварительные итоги исследования материалов IV Мурзихинского мог-ка показывают, что в нем нашли отражение общие тенденции, отмеченные ранее исследователями по материалам других памятников раннеананьинской культурной общности. Можно говорить также о немалом влиянии предметов импорта, в первую очередь с юга, на развитие ремесленных и художественных традиций населения Нижнего Прикамья. Отметим, что в IV Мурзихинском мог-ке они представлены несколькими редкими в Волго-Камье изделиями оригинального производства и их стилизованными репликами, но также выполненными за пределами территории проживания ананьинского населения. Поделки, изготовленные местными мастерами, более просты – в качестве ведущих элементов декора выступают несложные геометрические мотивы. Дальнейшие исследования этого материала позволят уточнить и конкретизировать полученные выводы.

Беговатов и др. 1993 – *Беговатов Е. А., Руденко К. А., Истомин К. Э., Марков В. Н., Чижевский А. А.* Новые находки ананьинского времени с Мурзихинского могильника // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола, 1993. С. 126–157.

Васильев 2000 – *Васильев С. А.* К истории изучения искусства ананьинской культуры // Вестник СПбГУ. 2000. Серия 2. Вып. 4 (№ 26). С. 102–105.

Збруева 1952 – *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М., 1952 (МИА. № 30).

Карпелан, Уйно 2009 – *Карпелан К., Уйно П.* Очерк о коллекции вещей из Ананьинского могильника близ Елабуги в Национальном музее Финляндии // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга, 2009. С. 13–23.

Корепанов и др. 2011 – *Корепанов К. И., Обьденнов М. Ф., Корепанов В. К.* Древнейшие художественные стили в искусстве Урала и Волго-Камья. Уфа, 2011.

- Патрушев 1994 – *Патрушев В. С.* Древнее искусство финно-угров Поволжья: I тысячелетие до н. э. Йошкар-Ола, 1994.
- Руденко 1991 – *Руденко К. А.* Отчет об археологических работах в Татарии в 1991 г. Казань, 1991 // НОА ИА РАН, Ф. 1, № 16337.
- Руденко 1992 – *Руденко К. А.* Отчет об археологических разведках в Татарстане в 1992 г. Казань, 1993 // НОА ИА РАН, ф. 1, № 18489.
- Руденко 2002 – *Руденко К. А.* Остров «Мурзиха» и его окрестности. Хронологический атлас археологических коллекций НМ РТ (1991–1999 гг.). Опыт микрорегионального исследования: Каталог археологических коллекций НМ РТ. Казань, 2002.
- Руденко 2008 – *Руденко К. А.* Уздечный набор ананьинского времени: проблемы реконструкции (по материалам IV Мурзихинского могильника IX–VII вв. до н. э.) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2008. Вып. 4. С. 37–43.

***В. С. Патрушев (Йошкар-Ола, Россия)***

### **Параллели в искусстве ираноязычных племен и финно-угров Волго-Камья (эпоха железа)**

Начало эпохи железа в Восточной Европе в наиболее развитых областях приходится на VIII–VI вв. до н. э. К этому времени относятся многочисленные параллели в формах изделий, известных у ираноязычных племен степной зоны и финно-угорских племен лесной зоны Евразии. Основной материал для установления параллелей в искусстве финно-угров и ираноязычных племен эпохи железа Восточной Европы дают могильники Волго-Камья. Среди них особое значение имеет Старший Ахмыловский мог-к конца VIII–VI в. до н. э., где на площади почти 13000 м<sup>2</sup> исследовано 946 погребений (около 1500 скелетов). В Археологическом музее Марийского государственного университета хранится 2200 предметов из бронзы, меди, около 200 железных изделий, 11 биметаллических предметов различного назначения из Старшего Ахмыловского мог-ка. Аналогии в южных областях на территории расселения ираноязычных племен найдены для 133 форм оружия, конской сбруи, украшений, бытовых предметов. С учетом находок изделий одинаковых форм из Ахмылова, аналогичных ираноязычным древностям, общее число таких предметов доходит до 800. Благодаря богатейшим комплексам этого и других могильников раннеананьинского времени удалось уточнить даты ряда произведений искусства. При установлении хронологии раннего этапа эпохи железа Среднего Поволжья использованы методы сравнительной датировки (Патрушев 1984: рис. 53; Patrushev 2004: fig. 1–5), взаимовстречаемости находок в комплексах и др. (Патрушев 1984: 129 сл.). Даты всех комплексов представлены в таблице с краткой характеристикой раннеананьинских могильников Волго-Камья (Патрушев 2011: 28 сл.).

Оригинальную группу произведений искусства из памятников Волго-Камья составляют зооморфные украшения – именно они находят яркие параллели в ираноязычном мире. В погр. 800 Старшего Ахмыловского могильника найдены медные накладки налобного венчика с уникальными образами двух крылатых львов в сопровождении символов древа жизни (Патрушев 1982: рис. 4, 1–2). Выполненные в урартско-хурритском стиле они являются самыми северными находками предметов искусства Древнего Востока. Фигуры хищников воспроизведены техникой чеканки с обратной стороны, на внешней поверхности они дополнительно четко выделены резными рисунками. Обе фигуры передают состояние мощного прыжка или полета. Задние лапы, соединенные вместе, оттянуты назад. Мощное тело и массивная голова приподняты, обе передние лапы вытянуты вперед. Отведенные назад хвост с кисточкой на конце и могучие расправленные крылья довершают ощущение полета. Изображения почти одинаковые. Различны лишь их головы: на одной пластине изображен грифон с головой хищной птицы, на другой – сфинкс с головой человека в короне (так изображались восточные владыки). Подобные изображения, сочетающие динамичность позы, геральдичность и графическую проработку тел и крыльев, известны в Луристане и

Кавказе, напр., на накладке из Зивие (Godard 1950; 1962: 109, fig. 21; 25), на поясах из сел. Гушчи в Курдистане (Куфтин 1944: табл. XI) и на урартских предметах с Кавказа (Пиотровский 1959: рис. 85; 1962: рис. 44). В. Г. Луконин (1977: 31) считает подобные изображения характерными для древневосточного искусства в его урартском варианте.

Изображения священных деревьев на концах пластин состоят из двух ярусов ветвей, завершающихся остроконечными бутонами нераспустившихся цветов или круглыми плодами с гроздьями наверху. Подобная трактовка древа жизни известна как на предметах с Кавказа (Пиотровский 1962: рис. 42–43), так и из скифских кург. Келермес и Литой (Пиотровский 1959: рис. 87). Южные аналогии изображениям крылатых львов датируются VII–VI вв. до н. э., поэтому дата погр. 800 Старшего Ахмылова приходится на вторую половину VII–первую половину VI в. до н. э.

Явные элементы стилизации можно видеть в изображении свернувшейся пантеры на ажурной бляхе из погр. 926 Старшего Ахмыловского могильника (Patrushev 2000: fig. 51, 21), которая, судя по ее местоположению, являлась нагрудным украшением. В гибком мускулистом теле пантеры чувствуется огромная сила, подобная силе сжатой пружины. Такое впечатление усиливается благодаря напряженным ногам со спиральными узорами на них, чрезмерно утолщенной голове со стилизованными чертами (в виде кружочков – глаза и ноздри, дугой обозначены уши) и длинному, тонкому телу. Неестественная, и даже невозможная в природе поза пантеры, стилизация частей, предназначенных для нападения, делают образ пантеры еще более хищным и угрожающим. Форма бляхи, поза животного и трактовка черт выполнены в скифо-сибирском зверином стиле. Такие же изображения из памятников ираноязычных сакских племен Средней Азии и Сибири (Артамонов 1976; Вишневская 1973: 122; Членова 1967: табл. 27, 32–34), а также Европейской Скифии (Полидович 1994: 63 сл.; 2001: 25–34; Шкурко 1969: 21–28) и Передней Азии (Godard 1950: fig. 147) датированы VI в. до н. э. Комплекс погр. 926 Старшего Ахмылова с изображением свернувшейся в кольцо пантеры датируется второй и третьей четвертью VI в. до н. э. (Патрушев 1984: рис. 53, Г, 4). Как считают исследователи, ахмыловское и другие приуральские изображения свернувшегося в кольцо хищника сюда попали из приаральского региона (Погребова, Раевский 2001: 50).

На Старшем Ахмыловском могильнике вблизи остатков сложного погребального сооружения обнаружена бронзовая пластина с четким рельефным рисунком хищника, очевидно, пантеры (Патрушев 1984: рис. 18, б), Хищник как бы застыл перед прыжком: выгнутая спина, широко раскрытая пасть, хвост, поднятый вверх в виде стрелки, напряженно согнутые ноги – все создает впечатление, что еще мгновение, и он в стремительном прыжке достигнет свою жертву. Удивительно реалистично передано состояние хищника. И в то же время его некоторые части стилизованы: передние лапы – в виде наклонного конуса, полукругом передана раскрытая пасть. Подобные художественные приемы не характерны для местного населения. Вряд ли спокойный пейзаж равнин и лесов Среднего Поволжья мог вдохновить местного мастера на изображение подобных экспрессивных сцен с диковинными для него хищниками. Некоторые детали (передача фигуры техникой чеканки, оформление орнамента точечными выбитыми наколами) указывают на предполагаемую территорию происхождения этого изделия – Северный Кавказ. Бронзовая пластина входила в состав женского налобного венчика, состоящего из двух других прямоугольных пластин с гладкой поверхностью и трубчатых пронизок, судя по следам кожи на них, прикрепленных к кожаной полоске. По кельту погребение датируется второй половиной VII–VI в. до н. э.

Символом власти служило массивное бронзовое полое навершие жезла в виде головы лося из погр. 925 Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев 1994: рис. 9). У животного пасть показана прямоугольным вырезом, глаза обозначены кругами, уши широкие, почти прямоугольной формы, завершение морды также прямоугольное. Подобные черты, по мнению В. А. Ильинской (1976: 18), характерны для изображений лосей. Наиболее близкая аналогия данному изображению известна из скифских Келермесских курганов VI в. до н. э. в Прикубанье (Шлеев 1950: 42–48).

Изображение головок лошадей имеется на бронзовой орнаментированной рукояти кинжала из Акозинского могильника (Patrushev 2000: fig. 52, 1). Головки расположены симметрично, у

животных слегка отмечены пасти, без перехода к скулам, но резкий переход к изогнутой шее. Четко выделены клиновидные уши и маленькие круглые глаза. Данное изображение более схематичное, да и передает оно статичное положение животного. Направленные друг против друга одинаковые фигурки характерны для тагарского искусства VII–III вв. до н. э. в Сибири (Членова 1967).

Интерес также представляет изображение головки животного, напоминающего в профиль лошадь, из погр. 83 Акозинского мог-ка (Патрушев 1986: рис. 10). Она украшает верх бронзового флажстока-навершия в виде полого цилиндра с нарезкой по внешней поверхности. Миниатюрная головка животного снабжена вытянутыми стоячими клиновидными ушами, опускающимися к горлу. При этом у животного отсутствует переход от пасти к скулам, но переход носовой части в округлую голову довольно резкий; глаза отмечены круглыми ямками, с неестественно опущенными вниз вертикальными прорезями век. Фигурка при рассмотрении в фас отличается от изображений лошадей: вместо лошадиной пасти – округлый пяточок, как у кабана, с оскалом одного ряда клыков, и небольшая грива. В целом, разноречивость трактовки фигурки воссоздает весьма оригинальный образ фантастического животного, содержащего черты лошади, кабана и собаки, но также отдельные элементы хищника. Общий стиль изображения близок к скифо-тагарским изделиям (Членова 1967), хотя близкие аналогии автору не известны.

Гравированное изображение крупа и задних конечностей лошади передано на медной пластине женского налобного венчика из погр. 840 Ахмыловского мог-ка (Patrushev 2000: fig. 51, 23). Рисунок частей лошади, оконтуренных резной линией, очень четкий. Внутри контуров все тело покрывает чеканный орнамент из пунктирных линий. На крупе – солнечный круг с расходящимися лучами, каждый из них завершается точкой. С большим мастерством изображено движение лошади: одна нога несколько отведена назад и согнута в колене, копыто плавно отходит, как только что оторвавшись от земли; вторая нога, более резко согнутая в колене, направлена вперед по движению. Хвост в виде стрелки слегка отходит назад. В целом рисунок передает плавный и грациозный бег лошади. Нижнюю часть накладки украшают две линии из крестовидных узоров и двойной ряд спиралей. Данное изображение аналогично частям кавказских поясов и в Ахмылово является импортом. Вместе с тем, сами мотивы изображений были близки древним волжанам.

К числу стилизованных образов следует отнести две обращенные в разные стороны головки лошадей на рукояти бронзового шестизубого гребня (Патрушев 1994: рис. 7). Благодаря параллельным линиям на рукояти стилизация головок лошадей доведена до уровня орнамента. Переход от реалистических изображений животных к стилизованным с дальнейшим превращением их в орнамент весьма характерен для синхронного по времени скифского искусства Северного Причерноморья (Ильинская 1976: 9 сл.).

Уникальна находка ажурной бляхи в погр. 704 Старшего Ахмыловского могильника в виде свернувшейся в спираль змеи (Patrushev 2000: fig. 52, 7), хвост которой расположен в центре. От хвоста тело змеи постепенно расширяется и завершается округленной головой. Вдоль тулова, разделенного двумя параллельными линиями, располагаются символы змей – косые насечки у хвоста и елочные узоры. Край внешнего круга бляхи украшен спиральными узорами. В пружинистом теле змеи чувствуется напряжение и сила. Бляха в верхней части завершается, скорее всего, крыльями (или стилизованной фигурой медведя) с узорами в виде полумесяцев. Изогнутое тело змеи насыщено зигзагообразными узорами, передающими напряженное состояние. Формально-стилистический анализ и анализ семантики сюжетов этой бляхи приводит к широкому кругу древневосточных (крылатые змеи древнеиранского эпоса, среднеазиатские, скифо-сарматские, северокавказские изделия) предметов искусства.

Явные параллели с южными областями имеют оригинальные образы птиц. Стилизованная головка хищной птицы из погр. 926 Старшего Ахмыловского мог-ка украшала лук (Patrushev 2000: fig. 51, 17). В могиле данный наконечник лука встречен в комплексе с богатым набором наконечников стрел скифского облика. Клюв птицы (очевидно, орла), неестественно вытянутый и оформленный в виде асимметричной петли, является продолжением головы; огромные глаза в виде

концентрических кругов с точкой-зрачком в центре олицетворяют основное назначение фигурки – придать остроту глаза владельцу лука. Форма полого наконечника лука имеет аналогии среди находок в урартском городе Эребуни VII–VI вв. до н. э. (Пиотровский 1950: рис. 64) и в скифских памятниках – Люботинском городище и Городница, датируемых VI–V вв. до н. э. (Радзиевская 1969: рис. 1д; Крушельницка 1974: рис. 68, 14). Комплекс погр. 926 Старшего Ахмыловского мог-ка датируется серединой VI в. до н. э. С древневосточной мифологией связывает В. А. Ильинская (1976: 26) и мотив птицы с распластанными крыльями (Патрушев 1984: рис. 48, 1).

Символическое изображение хищной птицы можно видеть на наконечнике ножен одного из цельножелезных кинжалов Старшего Ахмыловского мог-ка (Patrushev 2000: fig. 52, 6). Полая втулка наконечника переходит в согнутые сжатые когти птицы в виде неправильного полукруга. Подобные формы наконечников известны из северокавказских памятников скифского облика – Нижне-Чегемский мог-к, Дигория и Кобань, где они датируются первой половиной VI в. до н. э. (Виноградов 1972: 144, рис. 28, 1, 11; Крупнов 1960: табл. XXV, 2–5; Уварова 1900: табл. XCV, 4–5). Дата комплекса погр. 336 Старшего Ахмыловского мог-ка ограничивается VI в. до н. э., за исключением третьей его четверти (Патрушев 1984: рис. 53 Г, IX, 6).

С формами изделий ираноязычных племен перекликаются многие формы украшений конской сбруи (Патрушев 1984: рис. 53, В, V). Среди них: полое навершие с продольными прорезями (погр. 161 Ахмылова и Нижне-Чегемский мог-к на Северном Кавказе – Виноградов 1972: 89, рис. 28, 14); лунница с семью круглыми выпуклинами (погр. 688 Ахмылова и мог-к у хут. Кубанского (Анфимов 1975: 42, 48, рис. 4, 2; и др.), Пастерское городище и Зольный кург. у г. Симферополя (Тереножкин 1976: 39, рис. 17, 3–4; 39, 2), поселение у сел. Жаботин (Покровская 1973: 186, рис. 4, 7). Хорошие параллели имеются для ажурных бляшек с крестовидными и четырехлучевыми узорами в центре (Патрушев 1984: рис. 53, В, V, 16–21): 1) Ахмылово, погр. 272 и находка у г. Пятигорска, Зольный кург. у г. Симферополя, Кубанский мог-к (Тереножкин 1976: 78, 208, рис. 17, 5; 94, 4); 2) Ахмылово, погр. 288 и мог-к у г. Кисловодск (Виноградов и др. 1980: 198–199, рис. 2, 23), сел. Бутенки (Тереножкин 1976: 208, рис. 38, 7); 3) Ахмылово, погр. 248 и Черкасский уезд Киевской губ. (Там же: рис. 60, 3); 4) Ахмылово, погр. 383 и Кобань, мог-к 1 у г. Кисловодск (Козенкова 1975: 65, рис. 8, 1–2).

Близкие параллели с ираноязычным миром имеют некоторые формы гривен с ложновитыми узорами и пластинчатая гривна с изображением змеи в виде волнистой линии (Патрушев 1984: рис. 53, В, VI, 3, 5–6, 8–9, 14). Довольно много параллелей среди блях с умбонами, в т. ч. с вытянутыми гвоздевидными, близкими целому ряду подобных изделий из северокавказских памятников (Ахмылово, погр. 281 и Верхние Эшеры, Бештау, Султангорский мог-к, Малаклю, погр. 10; Куланурхва, погр. 1 (Воронов 1980: 208 сл., рис. 1, 8, 23, 65). Однако у последних нет широких краев с узорами, какие имеются на ахмыловской находке. Дата погребений с такими изделиями в Ахмылове ограничена второй половиной VII–началом VI в. до н. э., а южные их аналогии датированы VII или второй половиной VII в. до н. э.

Сходные формы с северокавказскими имеют булава из погр. 1000 Старшего Ахмылова (Patrushev 2000: fig. 41, 10). Но в отличие от южных образцов (Козенкова 1977: табл. XIX, 3) это изделие имеет дополнительные детали. Дата ахмыловской булавки более узкая по сравнению с находкой из Сержень-Юртовского мог-ка (VIII–VII вв. до н. э.) и ограничивается второй половиной VII–началом VI в. до н. э. Близкие формы изделий из памятников лужицкой культуры Б. Н. Граков (1977: 88, 90, рис. 63, 1) также датирует VIII–VII вв. до н. э.

В марийском крае довольно много общих форм с изделиями восточных кочевников Средней Азии и Горного Алтая, относящихся к скифоидным культурам ираноязычного населения. Изделия кочевых саков находят отражение в предметах конской сбруи (Патрушев 1984: рис. 53 В, V, 5, 12, 14) и украшениях (Там же: рис. 53 Г, VII, 3–4, 6–7; IX, 13–14, 19), обнаруженных на памятниках Марийского Поволжья. Особый интерес представляют аналогии из царского кургана восточных кочевников Аржан-1. Исследователем памятника М. П. Грязновым курган датирован

VIII–серединой VII в. до н. э. (Грязнов 1980: 54). Даты немногочисленных находок из этого памятника, аналогичных предметам Старшего Ахмыловского мог-ка в Поволжье, не выходят за пределы второй половины VII–начала VI в. до н. э. В комплексах погр. 182 и 871 Старшего Ахмылова найдены бляхи с выпуклой средней частью (Патрушев 1984: рис. 53 Г, VII, 7), аналогичные обнаруженным в кургане Аржан-1.

Параллели с ираноязычным миром отмечены в произведениях искусства из памятников финно-угров Прикамья. Высокохудожественные изделия ананьинской эпохи многие исследователи сравнивают с предметами скифского «звериного стиля» ираноязычных степных племен и рассматривают их как особое проявление «звериного стиля» в условиях лесного края. А. Д. Таиров (2007: 131–150) приводит многочисленные параллели ананьинским и сакским изделиям, в частности, предметам культа и искусства, среди которых особо выделяются чеканы с головкой хищной птицы. По его мнению, в ранний период связи между ними были в форме прямых контактов, а с конца VI в. до н. э. осуществлялись через иткульское население (Там же: 133, 166).

Значительная коллекция предметов из раскопок Ананьинского мог-ка и сборов В. И. Зайсайлова хранится в Национальном музее Финляндии в Хельсинки (Aspelin 1877; Tallgren 1916; НМФ, оп. 1400; 5381). Среди предметов есть бронзовая рукоять кинжала с навершием в виде направленных друг против друга головок хищных птиц; бронзовые секиры и навершие из Пермской обл. (НМФ, № 243) с изображением на обухе раскрытой пасти хищника с мощными клыками; две находки из Архангельской обл., обухи которых украшены подобными же вытянутыми мордами хищника с раскрытой пастью, с выделенными головками хищных птиц в верхней части секир (НМФ, № 240–241). Клевец из Елабуги (очевидно, из сборов на Ананьинском мог-ке) украшен головкой травоядного животного (НМФ, № 242) и, в отличие от предыдущих изделий, отражает особенности «лесного звериного стиля».

В скифском зверином стиле оформлены находки из Пермской области: навершие с фигуркой горного козла в стоячем положении с приподнятой головкой и рогами в виде кольца (Aspelin 1877: 306), три фигуры «летающих» оленей с подогнутыми ногами, запрокинутой головкой и тремя или пятью витками рогов над спиной (Ibid.: 313–315). Позы оленей весьма напоминают скифских оленей (Келермес и др.), однако менее утрированы, по сравнению со скифскими, глаза, уши, копыта и мускулатура животных. В этих фигурах особенно заметен переход от скифского звериного стиля к более мягким формам «лесного звериного стиля».

Самую позднюю группу произведений искусства финно-угров ананьинского времени составляют металлические изделия с солярными символами (Патрушев 1994: рис. 39–74). Их явные параллели с ираноязычным миром позволяют считать такие предметы южным импортом. Из южных областей финно-угры переняли спиральный орнамент, впоследствии у них весьма популярный вплоть до средневековья (Там же: рис. 78–86).

Анфимов 1965 – *Анфимов Н. В.* Кинжалы кабардино-пятигорского типа из Прикубанья // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 196–197 (МИА. № 130).

Артамонов 1976 – *Артамонов М. И.* Сокровища саков М., 1976.

Виноградов 1972 – *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.

Виноградов и др. 1980 – *Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П.* Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 184–199.

Вишневская 1973 – *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. М., 1973.

Воронов 1980 – *Воронов Ю. Н.* О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 200–218.

Граков 1977 – *Граков Б. Н.* Ранний железный век: Культуры Западной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.

Грязнов 1980 – *Грязнов М. П.* Аржан: Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.

Ильинская 1976 – *Ильинская В. А.* Современное состояние проблемы скифского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 9–29.

- Козенкова 1975 – *Козенкова В. И.* Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром // Скифский мир. Киев, 1975. С. 53–73.
- Козенкова 1977 – *Козенкова В. И.* Кобанская культура. Восточный вариант. М., 1977 (САИ. Вып. В2-5).
- Крупнов 1960 – *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Крушельницька 1974 – *Крушельницька Л. І.* Лісостепові землеробські племена скіфського часу на Західному Поділлі // Стародавнє населення Прикарпаття і Волині. Київ, 1974.
- Куфтин 1944 – *Куфтин Б. А.* Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. Тбилиси, 1944 (Вестник Государственного музея Грузии. Вып. 13В).
- Луконин 1977 – *Луконин В. Г.* Искусство древнего Ирана. М., 1977.
- Патрушев 1982 – *Патрушев В. С.* Налобные венчики Старшего Ахмыловского могильника // СА. 1982. № 4. С. 186–200.
- Патрушев 1984 – *Патрушев В. С.* Марийский край в VII–VI вв. до н. э. Йошкар-Ола, 1984.
- Патрушев 1986 – *Патрушев В. С.* Эпоха раннего железа Марийского края. Йошкар-Ола, 1986.
- Патрушев 1994 – *Патрушев В. С.* Древнее искусство финно-угров Поволжья. I тысячелетие до н. э. Йошкар-Ола, 1994.
- Патрушев 2011 – *Патрушев В. С.* Могильники Волго-Камья раннеананьинского времени. Казань, 2011 (Археология Поволжья и Урала. Вып. 2).
- Пиотровский 1959 – *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство. М., 1959.
- Пиотровский 1962 – *Пиотровский Б. Б.* Искусство Урарту VIII–VI вв. до н. э. Л., 1962.
- Погребова, Раевский 2001 – *Погребова М. И., Раевский Д. С.* «Уйгаракский аргумент» в контексте дискуссии о генезисе звериного стиля скифской эпохи // Российская археология. 2001. № 4. С. 45–52.
- Покровская 1973 – *Покровская Е. Ф.* Предскифское поселение у с. Жаботин // СА. 1973. № 4. С. 169–188.
- Полидович 1994 – *Полидович Ю. Б.* О мотиве свернувшегося хищника в скифском «зверином стиле» // Российская археология. 1994. № 4. С. 63–78.
- Полидович 2001 – *Полидович Ю. Б.* К истокам скифского искусства: происхождение мотива свернувшегося хищника // Российская археология. 2001. № 3. С. 25–34.
- Радзиевская 1969 – *Радзиевская В. Е.* Новые находки предметов скифского звериного стиля // СА. 1969. № 4. С. 87–92.
- Таиров 2007 – *Таиров А. Д.* Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. Челябинск, 2007.
- Тереножкин 1976 – *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976.
- Уварова 1900 – *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа. М., 1900 (Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII).
- Членова 1967 – *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
- Шкурко 1969 – *Шкурко А. И.* Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии // СА. 1969. № 1. С. 21–28.
- Шлеев 1950 – *Шлеев В. В.* К вопросу о скифских навершиях // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV. С. 42–48.
- Aspelin 1877 – *Aspelin J. R.* Antiquités du Nord Finno-Ougrien / Перев. на фр. язык G. Blandet. Helsingfors, 1877. Vol. 2.
- Godard 1950 – *Godard A.* Les Trésors de Ziwiye. Haarlem, 1950.
- Godard 1962 – *Godard A.* L'Art de l'Iran. Paris, 1962.
- Patrushev 2000 – *Patrushev V.* The Early history of the Finno-Ugric Peoples of European Russia. Oulu, 2000 (Studia archaeologica Fenno-Ugrica. I).
- Patrushev 2004 – *Patrushev V.* The chronology of the Iron Age of the Middle Volga region // Dating and chronology: The 12<sup>th</sup> Finnish-Russian archaeological symposium. Fenno-Ugri et slavi 2002. Helsinki, 2004. P. 75–87 (Museoviraston Arkeologian osaston julkaisu. 10).
- Tallgren 1916 – *Tallgren A. M.* Collection Zaoussailov au Musée Historique de Finlande, a Helsingfors: Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors, 1916. I.

**Произведения скифского звериного стиля  
из кургана 5 у сел. Кичигино в контексте искусства кочевников  
восточных областей Евразии**

Курганы у сел. Кичигино (Увельский р-н Челябинской обл.) находятся на крайнем юге лесостепной зоны Южного Зауралья. В 2008 г. в кург. 5 было открыто богатое аристократическое погребение сакского времени (Таиров, Боталов 2009; 2010),<sup>57</sup> в котором найдена значительная серия предметов, оформленных в скифском зверином стиле. Это бронзовые предметы, относящиеся к поясу: обоймы с изображениями пар голов сайгаков, две бляшки в виде стоящего хищника кошачьей породы (Таиров, Боталов 2009: рис. 1, 11–12, 20), крюк с верхней частью в виде протомы лошади и нижней – в виде схематичной головы хищной птицы (Там же: рис. 1, 13), бронзовый костылек-застежка с головой сайгака на конце (Там же: рис. 1, 21), концевая поясная бляха-застежка в виде стилизованной головы хищной птицы. Крайние звенья трехчленной бронзовой цепи, с помощью которой к поясу были подвешены деревянные ножны с ножом и кинжалом, заканчиваются стилизованными головками хищных птиц (Там же: рис. 1, 22). К поясу относятся также бляха с протомами двух лошадей, смотрящих в разные стороны (Там же: рис. 1, 10), и бляха в виде стоящего на кольце кошачьего хищника со стилизованной головой орла над спиной, к кольцу через дополнительное звено подвешен крючок в виде головы лошади на длинной шее (Там же: рис. 1, 8).

Горит был украшен по краю пятью рельефными золотыми бляшками в виде лежащего хищника из породы кошачьих (Там же: рис. 1, 6). На груди погребенного найдена рельефная золотая бляшка в виде лежащего хищника из породы кошачьих, аналогичная бляшкам горита, но чуть более крупная. Головной убор умершего был украшен двумя золотыми ажурными пластинами (Там же: рис. 1, 17, 19). В левом ухе погребенного находилась золотая серьга в форме массивного кольца с припаянной к нему рельефной фигуркой лежащего кошачьего хищника (лев?) (Там же: рис. 1, 9). Были найдены также остатки деревянной чаши, край которой был украшен двумя золотыми обкладками в форме стилизованной головы хищной птицы (Там же: рис. 1, 15, 18).

Публикуя материалы из этого кургана А. Д. Таиров и С. Г. Боталов приводят ему аналогии из памятников раннесакского времени Южного Зауралья, Приаралья, Центрального Казахстана, Алтая, Тувы и других регионов восточной части степной Евразии (Таиров, Боталов 2010: 343–349). Приведенные исследователями параллели, в целом, не вызывают возражений.

Так, несомненными представляются аналогии поясным бляхам-застежкам в виде головы хищной птицы (рис. 1, 8) в материалах Северо-Западного Алтая – Гилёво-10 (рис. 1, 11) и Тувы – Демир-Суг II и Аржан-2 (рис. 1, 7) (Там же: 344–346). К ним следует добавить модификацию такой формы птичьей головы, представленную на известной роговой застежке из кург. 3 мог-ка Тасмола V, которую П. И. Шульга интерпретирует как поясную застежку (Шульга 2008: 274, рис. 82, 4). Можно заметить, что сама форма завитка на поясных застежках и крючке с головой лошади (рис. 1, 14) практически одинакова, а завиток за спиной хищного зверя (рис. 1, 1) также похожей формы.

Характерные признаки изображений лошадей (рис. 1, 1, 14): направленный вперед хохолок и грива, показанная в виде ленты равномерной ширины, расчерченной полосками, повторяющими ее изгиб, – характерны и для золотых фигурок лошадей из кургана Аржан-2 (рис. 1, 10, 13).

Изображения львов на бронзовых предметах из поясного набора отличаются некоторыми специфическими особенностями. Прежде всего, это сочетание плоского завитка (стилизованной птичьей головы) со скульптурно выполненным изображением (рис. 1, 1), которое встречается редко.

---

<sup>57</sup> Приношу глубокую благодарность А. Д. Таирову и С. Г. Боталову, предоставившим в мое распоряжение качественные изображения вещей и обеспечившим знакомство с коллекцией в г. Челябинск.

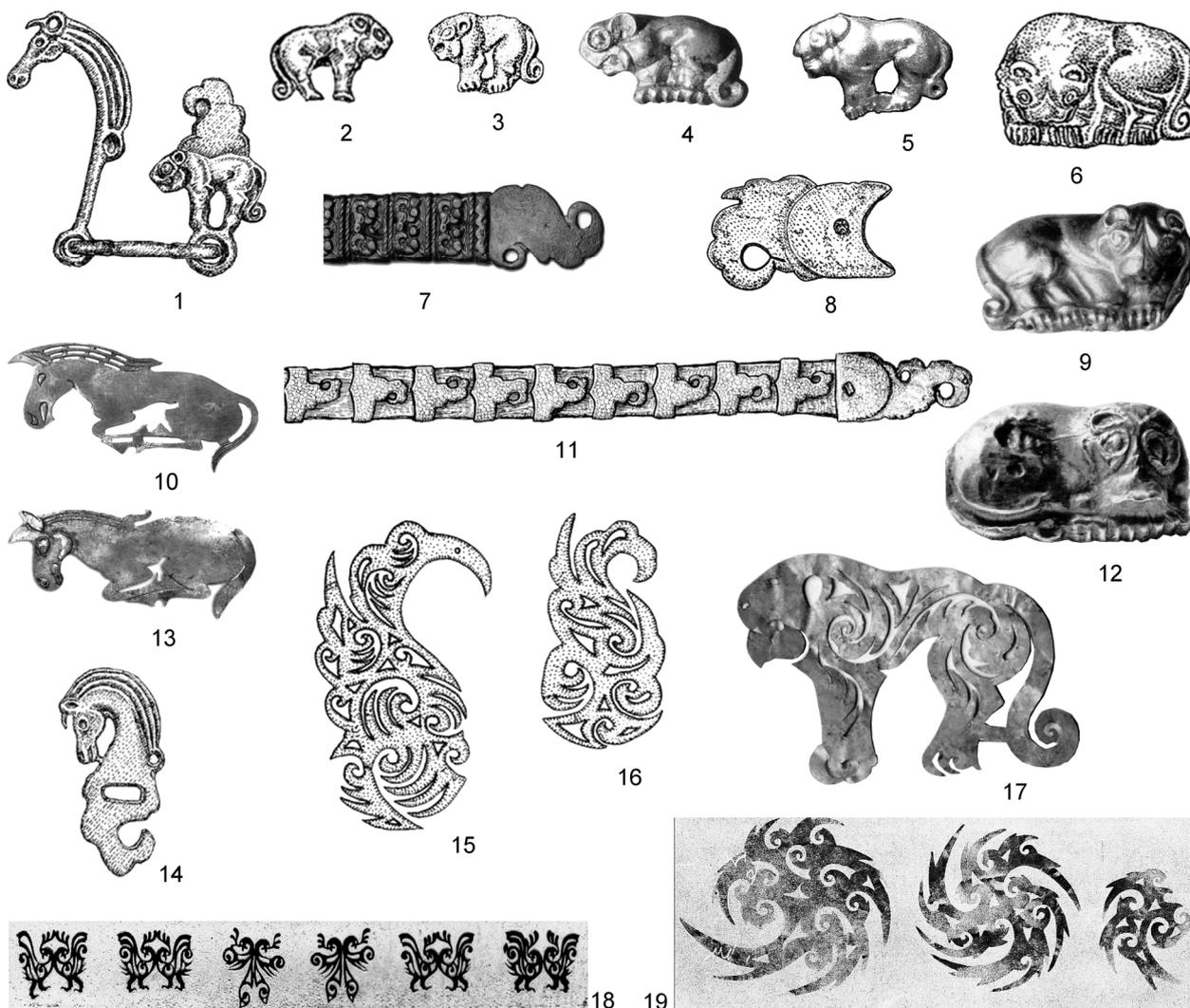


Рис. 1. Предметы и ажурные изображения из кург. 5 у сел. Кичигино (1-2, 6, 8, 14-16) и аналогии к ним (3-5, 7, 9-13, 17-19):

- 1 – бляха и крючок, соединенные звеном цепи; 2-5 – бляшки в виде хищника (3 – Южный Тагискен, кург. 31; 4 – Аржан-2, 5 – Талды-2); 6, 9, 12 – фигурки хищников с головой, повернутой анфас (9 – Тасмола V, кург. 3; 12 – Южный Тагискен, кург. 53); 7-8 – поясные бляхи-застежки (7 – Аржан-2); 10, 13 – фигурки лошадей, Аржан-2; 11 – фрагмент пояса, Гилёво-10; 14 – крюк; 15-19 – ажурные изображения (17 – Карашоки; 18 – Первый Пазырыкский кург.; 19 – Яконур, кург. 5. 1-2, 6, 14-16 – по Таиров, Боталов 2009; 3 – по Итина, Яблонский 1997; 4, 7, 10, 13 – по Аржан 2004; 5, 17 – по Бейсенов 2012; 8 – по Таиров, Боталов 2010; 9, 12 – по по Артамонов 1973; 11 – по Шульга 2008; 18 – по Грязнов 1950; 19 – по Грязнов 1940. 1-2, 7-8, 14 – бронза; 3-6, 9-10, 12-13, 15-17, 19 – золото; 18 – кожа

Наибольшее сходство по соотношению рельефной части с плоскостью завитка кичигинская фигурка обнаруживает с деревянными резными предметами из Первого Туэктинского кург. В материалах последнего плоский завиток сочетается с самыми разными элементами, выполненными в низком рельефе: мордой хищника анфас (Руденко 1960: табл. XCIV, 2; XCV, 1-3), стержнем псаля (Там же: табл. LXXX, 4; LXXXI, 5; LXXVIII, 2; LXXIX, 4), круглой выпуклой бляхой (Там же: табл. LXXVIII, 1-2).

Параллели самим фигуркам зверей А. Д. Таиров и С. Г. Боталов видят в комплексах кург. 53 и 31 мог-ка Южный Тагискен и в Аржане-2. При этом изображения из тагискенского кург. 53

«очень похожи, однако отличает их передача ряда существенных деталей. Более близка к кичигинским золотая бляшка-накладка в виде стоящего льва из кург. 31 Южного Тагискена, хотя и она не является полной аналогией. Наиболее близки кичигинским изображения хищников на золотых и бронзовых изделиях из кургана Аржан-2» (Таиров, Боталов 2010: 344). Таким образом, приведенные аналогии выстраиваются в некую иерархию. Для оценки этой иерархии следует рассмотреть подробно все сравниваемые изображения.

Бронзовые фигурки «львов» из Кичигина (рис. 1, 1–2), как и все принадлежности этого поясного набора, выполнены в низком рельефе. Звери показаны стоящими на прямых ногах (ноги выполнены довольно схематично, когти не акцентированы). Трактовка глаз, ушей, пасти, бедра традиционна для скифского звериного стиля. Выделяющий эти изображения из очерченного круга признак – очень массивная шея, переходящая в выступ лопатки и отделенная рельефным выступом от туловища зверя. Нет сомнения, что таким образом мастер показал гриву животного. Таким образом, перед нами изображение именно льва, а не традиционного для скифского звериного стиля абстрактного хищника. По этому признаку они находят ближайшие аналогии в фигурках зверей из тагискенского кург. 31, у которых грива тоже выделена выступом рельефа (рис. 1, 3). Сходство дополняется аналогичной трактовкой глаз, ушей и пасти животных. На изображениях хищников из кург. 45 и 53 Южного Тагискена при достаточно массивной голове грива не выделена (Итина, Яблонский 1997: рис. 29, 1–4; 44, 2).

Выделенная грива присутствует и на золотых бляшках (в форме стоящих хищников) от костюма из кург. Аржан-2 (рис. 1, 4). Здесь этот эффект достигается при помощи очень массивной головы и примыкающего вплотную к ней выступа лопатки, созданного довольно высоким рельефом. Характер рельефа, а также трактовка глаз и ушей животных не позволяет видеть в этих изображениях наиболее близкую аналогию кичигинским. Гриву можно увидеть и на бронзовых бляшках в виде хищных зверей из Аржана-2 (Аржан 2004: 32) – у них тоже выделенная рельефом лопатка смыкается с затылком довольно массивной головы. Подобный прием использован и при изображении хищников на перекрестии железного с золотом кинжала (Там же: 51), по многим стилистическим признакам отличающихся от кичигинских зверей.

Грива показана и на золотых фигурках хищников из кург. 5 мог-ка Талды-2 в Центральном Казахстане (Бейсенов 2010: 77–79, рис. 6). Здесь использован похожий прием – объединение выступа лопатки с массивной головой зверя. На некоторых экземплярах этот выступ отделен рельефом от морды зверя, на некоторых в нем находится рельефное углубление. У этих хищников на передних лапах рельефом показаны по три когтя, отделенные от лапы поперечной рельефной полоской (рис. 1, 5).

Подобным способом акцентирована грива у хищника, вырезанного из золотой фольги, найденного в кург. Карашоки, расположенного неподалеку от Талды-2 (Бейсенов 2011: 18). Здесь мощная голова зверя вместе с лопаткой несколько возвышается над его спиной. На лопатке помещены спиралевидные завитки (рис. 1, 17), в которых исследователи вполне обоснованно видят стилизованные птичьи головы (Бейсенов и др. 2011: 33–34). На лапах льва изображено по три когтя, загибающихся по направлению друг к другу.

Изображение из Карашоки по таким признакам, как ширина контурных и внутренних полосок фольги, характер перехода между ними, конфигурации завитков, очень похоже на кичигинские изделия из золотой фольги. А. Д. Таиров и С. Г. Боталов описывают последние как пластины со сложным орнаментом, выполненным «с использованием мотива «сложного завитка», состоящего из направленных в противоположные стороны клювовидных отростков, дополненных полукруглыми фестонами, спиральями и пламевидными фигурами, в виде изогнутого вытянутого треугольника» (Таиров, Боталов 2010: 340). В комбинации этих орнаментальных мотивов можно увидеть фигуры хищных птиц или грифонов, одна из которых показана присевшей на лапы с повернутой назад головой (рис. 1, 15), а у другой можно разглядеть хвост и крылья (рис. 1, 16). Общим же контуром эти пластины напоминают золотые бляхи-застежки от портупей горита из кургана

Аржан-2 (Чугунов 2008: 100, рис. 2, 5), форма которых определена К. В. Чугуновым как сложный завиток (Там же: 101). Эти предметы не ажурные, сходство с рассматриваемыми пластинами состоит лишь в общем контуре.

Подобные изделия из фольги редки. Помимо упомянутого центрально-казахстанского изображения хищника, можно назвать сходные по стилю вихревые композиции из золотой фольги – также на головном уборе (но в этом случае женском) из кург. 5 Яконура (рис. 2, 19). Ажурный предмет похожего клювовидного контура из золотой фольги найден и в кург. 57 Южного Тагискена (Итина, Яблонский 1997: рис. 52, 7). На его краях читаются птичьи головы в виде завитков, но сам стиль исполнения грубее кичигинского. Золотая ажурная нашивка на головной убор из Аржана-2 (Чугунов 2008: 99, рис. 1, 5), хоть и содержит в своем узоре завитки, но по их форме и ритмической организации они ближе не к кичигинским изображениям, а к золотой поясной пряжке из Аржана-2 (Там же: 100, рис. 2, 3) и к узору на ажурном выступе шпильки оттуда же (Там же: 100, рис. 2, 2). При этом общий контур выступа напоминает кичигинские экземпляры.

Сходные орнаментальные мотивы, близкие по стилю исполнения, можно наблюдать на ажурных изделиях из других материалов – кожи и войлока. Кожаные аппликации в виде фигур петухов (Руденко 1960: 262) или же фениксов (Киселёв 1949: 200) на погребальной колоде из Первого Пазырыкского кург. (рис. 1, 18) содержат очень похожие изобразительные элементы: завитки, треугольники с вогнутыми сторонами, отходящие в стороны изогнутые отростки с острыми концами.

Золотые фигурки лежащих хищников с повернутой анфас головой (рис. 1, 6) относятся к своеобразному иконографическому типу и по этому признаку находят место в небольшой серии золотых предметов из кург. 3 мог-ка Тасмола V, кург. 53 Южного Тагискена и кург. 4 Филипповки (Переводчикова 2010: 296). Подобная иконография отличает и деревянную резную фигурку хищника из Четвертого Пазырыкского кург. (Руденко 1953: 203, рис. 124). Среди этих предметов ближайшей аналогией нашему изображению является тасмолинское (рис. 1, 9). У этих изображений сходным образом слегка согнуты задние ноги, на концах лап показано по четыре когтя, отделенных от лапы рельефно поперечной полоской. Практически одинаково трактованы голова, глаза, уши, выступ бедра. Тагискенский зверь (рис. 1, 12) отличается от них более массивной головой, а также специфическим приемом изображения задней лапы, завернутой под бедро – прием, выделенный К. В. Чугуновым на материалах кургана Аржан-2 (Чугунов 2008: 99).

Таким образом, стилистические параллели произведениям скифского искусства из кичигинского кург. 5 найдены в памятниках Тувы, Центрального Казахстана, Приаралья и Алтая. Нетрудно заметить, что большинство аналогий некоторым вещам находятся в довольно ограниченной серии памятников. Это Аржан-2, кург. 31 и 53 Южного Тагискена, кург. 3 Тасмола V, Талды-2, Карашоки, а также пазырыкские памятники Алтая. При этом признаки каждого отдельно взятого изображения этой группы находят параллели в разных памятниках, упомянутых выше. Можно сказать, что их связи постоянно перекрещиваются. Исключение составляют лежащие хищники с головой анфас из Кичигина и Тасмола, практически полностью аналогичные. Следует напомнить, что поиск аналогий проводился по признакам, выделяющим то или иное изображение из круга памятников скифского звериного стиля. Нет ли в таком случае какой-либо закономерности в распределении этих признаков внутри выделенной серии памятников?

Для ответа на этот вопрос попробуем суммировать изложенные наблюдения в виде табл. 1, строки которой соответствуют памятникам, а столбцы – признакам. Наличие признака обозначается знаком +, сильное сходство с кичигинскими образцами – ++, практически полная аналогия им – +++. Выбраны те признаки, по которым установлены связи кичигинских изображений. Исключение составляет подвернутая задняя лапа хищника – признак, не встреченный в Кичигине, однако очень важный, отличающий ряд изображений восточного ареала евразийских степей (Чугунов 2011: 74).

Признаки сходства изображений из кург. № 5 у сел. Кичигино с предметами из других памятников

Признак Памятник	Сложный завиток- птичья голова	Изобра- жение львиной гривы	Трактовка лошадиная гривы по- лосками	Лежащий хищник с головой анфас	Ажурные предметы из золотой фольги	Подверну- тая задняя лапа хищ- ника
Кичигино, кург. 5	+	+	+	+	+	–
Аржан-2	+	+	+	–	–	+
Тагискен, кург. 31, 53, 57	–	++	–	+	+	+
Тасмола V	+	–	–	+++	–	–
Талды-2	–	+	–	–	–	–
Карашоқы	–	+	–	–	+	–
Памятники пазырыкской куль- туры (Пазырык-1, 2, Яконур)	–	–	–	+	+	–

Данные табл. 1 демонстрируют достаточно хаотичное распределение выделенных признаков сходства, которое не удалось упорядочить ни по принадлежности к той или иной категории вещей, ни по материалу изготовления (при попытке графически изобразить наблюдаемые связи получаем беспорядочно перекрещивающиеся линии). Как же следует интерпретировать такую картину?

Наличие столь разнообразных связей с различными культурами восточных областей евразийской степи в искусстве южноуральского памятника не позволяет считать, что эти произведения искусства были откуда-то принесены, поскольку связи перекрещиваются. Скорее всего, следует полагать, что такая картина свидетельствует о некоем едином пространстве, в пределах которого осуществлялся обмен художественными идеями. Получается, что в это пространство входило отчасти и Южное Зауралье.

Тот факт, что южноуральский памятник Кичигино по признакам найденных в нем произведений искусства обнаруживает связи не только с тасмолинской культурой Центрального Казахстана, но и с другими культурными образованиями востока евразийской степи, вполне вписывается в сложную динамику отношений кочевых культур Южного Урала, Приаралья, Центрального Казахстана, Алтая и Тувы. Южноуральские кочевники в разные периоды своей истории могли входить в единую общность с центрально-казахстанскими, отделяться от них, вступать в контакты с населением Приаралья и т. д. (см., напр., Таиров 2007: 113–117). Думается, связи, выявленные на материалах кург. 5 у сел. Кичигино дают новую информацию для уточнения вопросов истории кочевников очерченного региона.

Что же касается концепции «аржано-кичигинского культурно-хронологического горизонта второй половины VII–середины VI в. до н. э.», предложенной А. Д. Таировым и С. Г. Боталовым (2010: 351–352), то наблюдаемые перекрещивающиеся связи произведений звериного стиля из Кичигина затрагивают более широкий круг памятников. В представляемом исследовании не были затронуты вопросы хронологии, поскольку, во-первых, датирующие возможности произведений звериного стиля довольно ограничены, и, во-вторых, для возможности обеспечения более объективного поиска аналогий. Однако нетрудно заметить, что приведенные аналогии выходят за рамки предлагаемого «горизонта».

Изложенные наблюдения, разумеется, не исчерпывают всего своеобразия произведений скифского звериного стиля из кург. 5 у сел. Кичигино. Этот новый памятник содержит богатую информацию по истории скифского звериного стиля.

Аржан 2004 – Аржан. Источник в Долине царей: Археологические открытия в Туве. СПб., 2004.

Артамонов 1973 – Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973.

Бейсенов 2010 – Бейсенов А. З. К изучению особенностей крупных курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Кадырбаевские чтения-2010: Мат-лы II Междунар. науч. конф.. Актобе, 2010. С. 77–79.

- Бейсенов 2011 – *Бейсенов А. З.* Талды-2 и памятники раннесакского времени степной Евразии // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: ТД круглого стола, посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан. Караганды, 2011. С. 14–20.
- Бейсенов 2012 – *Бейсенов А. З.* Сарыарқа сактары мәдениетінің жаңа деректері (Новые данные о сакской культуре Сарыарки) // Археология и история Сарыарки. Караганда, 2012. С. 223–241.
- Бейсенов и др. 2011 – *Бейсенов А. З., Джумабекова Г. А., Базарбаева Г. А.* К вопросу о сложении раннесакского звериного стиля (по материалам курганов Талды-2) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: ТД круглого стола, посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан. Караганды, 2011. С. 32–35.
- Грязнов 1940 – *Грязнов М. П.* Раскопки на Алтае // СГЭ. 1940. Т. I. С. 17–20.
- Грязнов 1950 – *Грязнов М. П.* Первый Пазырыкский курган. Л., 1950.
- Итина, Яблонский 1997 – *Итина М. А., Яблонский Л. Т.* Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997.
- Киселёв 1949 – *Киселёв С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949 (МИА. № 9).
- Переводчикова 2010 – *Переводчикова Е. В.* Еще раз о юго-восточных связях Филипповских курганов // АПЕССТ. 2010. С. 295–298.
- Руденко 1960 – *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
- Таиров 2007 – *Таиров А. Д.* «Тасмолинцы» и внешний мир // Кадырбаевские чтения-2007: Мат-лы Междунар. науч. конф. Актобе, 2007. С. 112–120.
- Таиров, Боталов 2009 – *Таиров А. Д., Боталов С. Г.* Аристократическое погребение сакского времени из Южного Зауралья // Маргулановские чтения – 2009: Мат-лы междунар. науч. конф. (22–25 апреля, 2009 г.). Петропавловск, 2009. Т. 1. С. 209–214.
- Таиров, Боталов 2010 – *Таиров А. Д., Боталов С. Г.* Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // АПЕССТ. 2010. С. 339–354.
- Чугунов 2008 – *Чугунов К. В.* Некоторые особенности искусства кургана Аржан-2 // Тр. II (XVIII) Всерос. АС в Суздале. М., 2008. Т. II. С. 98–101.
- Чугунов 2011 – *Чугунов К. В.* Синхронизация археологических культур раннесакского времени Казахстана и Тывы // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: ТД круглого стола, посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан. Караганды, 2011. С. 69–77.
- Шульга 2008 – *Шульга П. И.* Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. 1. Раннескифское время. Барнаул, 2008.

**Ю. Б. Сериков (Нижний Тагил, Россия)**

### **Изобразительные памятники населения Тагильского Зауралья в железном веке и средневековье**

В раннем железном веке на территории Тагильского Зауралья происходят значительные изменения в области изобразительной деятельности. Практически исчезает каменная, костяная и глиняная скульптура, значительно реже применяется декорирование каменных и костяных изделий, сосуды практически не украшаются налепами и графическими изображениями. С широким освоением цветного металла на первое место выходят художественные изделия из меди, бронзы и других металлов.

Костяные и галечные скульптуры выявлены только в пещерных святилищах р. Чусовой. В пещере Туристов, находящейся в 1 км от пещерного святилища на камне Дыроватом, найдено Г-образное скульптурное изображение лося. Его длина всего 6,4 см, изготовлено оно из рога. Сохранилось рельефно выделенное ухо. В нижней части изделия имеется вырезанное металлическим орудием овальное отверстие 4 × 5 мм (рис. 1, 32). Возможно, это «навершие» являлось рукояткой

составного ковшика, к которому оно крепилось при помощи отверстия и паза. Изделие найдено в слое раннего железного века—средневековья (Сериков 2002: 143). В этой же пещере присутствуют еще две уплощенные скульптурные поделки в виде голов животных. У одной головки выделен заостренный нос, вырезанные сверху зубцы обозначают уши. На плоскости находится гравировка из трех параллельных линий. Изготовлена скульптура из рога. Данное изделие очень похоже на другую скульптуру, но вырезанную из расколотой вдоль кости. Морда зверя вырезана металлическим ножом. Им же оформлены ухо и шея (рис. 1, 40). Обе скульптуры, по-видимому, изображают голову медведя (Сериков 2009: 62).

Еще одна скульптура из рога (длина 4,5 см) найдена в слое раннего железного века в пещере Котёл. Она выполнена в виде вытянутой головы животного с короткими округлыми ушами, скорее всего, медведя. В передней части морды металлическим орудием прорезано овальное отверстие (рис. 1, 33). Данная скульптура выглядит более реалистичной, чем предыдущие. Она также могла являться навершием рукоятки ковшика, который при помощи отверстия подвешивался к поясу (Сериков 2002: 143–144).

Большая часть галечных скульптур происходит из средневековых комплексов пещерных святилищ р. Чусовой. Зооморфные гальки выявлены в пещере Туристов (34 экз.), Котёл (5 экз.) и в Кумышанской пещере (42 экз.). В пещере Туристов изображения четырех рыб представлены полными фигурами, остальные изображают головы животных. В 13 гальках можно опознать изображения голов лося, еще 13 изображают головы животных, вид которых определить затруднительно. В двух гальках можно увидеть изображения голов змей, еще в одной – голову медведя. В Кумышанской пещере найдена галька в виде птички (воробья или синицы). Она плоская, без каких-либо следов обработки. Ее длина – 5,1 см. Естественные неровности подчеркивают очертания головы, клюва и хвоста (рис. 1, 37). Здесь же присутствует реалистическая скульптура змеи, выполненная на длинной (12,3 см), узкой и слегка изогнутой гальке. Эта изогнутость выделяет голову змеи, а также передает ее изгиб. Проступающая на гальке слоистость материала усиливает сходство со змеей (рис. 1, 35). Еще одна голова змеи изготовлена на такой же длинной (12,5 см) и узкой гальки, причем глаз змеи обозначен естественной выпуклостью диаметром около 1 см (рис. 1, 34).

Анализируя комплекс галечных скульптур в целом, необходимо подчеркнуть несколько особенностей. Практически все зооморфные гальки плоские. Это свидетельствует о целенаправленном отборе. Все гальки можно подразделить на две группы. Одна группа представлена гальками без следов подработки, у которых узнаваемость образа достигается за счет естественных неровностей поверхности гальки. Обычно эти неровности подчеркивают характерные черты животного. Вторая группа галек имеет следы двух видов обработки. В одном случае от гальки просто отсекалась лишняя часть, что придавало изображаемой фигуре большую выразительность. В другом случае незначительной подработкой подчеркивались детали образа. Чаще всего несколькими сколами обозначались шея животного, разрез рта или глаз. Но в одном случае глаз рыбы или животного был показан глухой сверлиной (рис. 1, 36). Повторяемость признаков оформления и серийность находок позволяют считать зооморфные гальки артефактами (Сериков 2007).

Глиняная скульптура в Тагильском регионе представлена фрагментом лепной антропоморфной фигурки со святилища на скалах Три Сестры. Ее поверхность заглажена местами до блеска. На «ноге» есть ряд нарезок. Длина сохранившейся части фигурки – 3,1 см, изготовлена она из слабо обожженной глины. Возможно, небольшое количество скульптур железного века и средневековья на территории Тагильского Зауралья объясняется отсутствием широких раскопочных работ на памятниках этого периода.

Гораздо больше на данной территории найдено скульптурных изображений из меди. Но сразу следует подчеркнуть, что по сравнению с комплексами культового литья Свердловского Зауралья и Прикамья их количество ничтожно. Скульптурная металлопластика Тагильского региона представлена, прежде всего, антропоморфными и птицевидными изображениями.

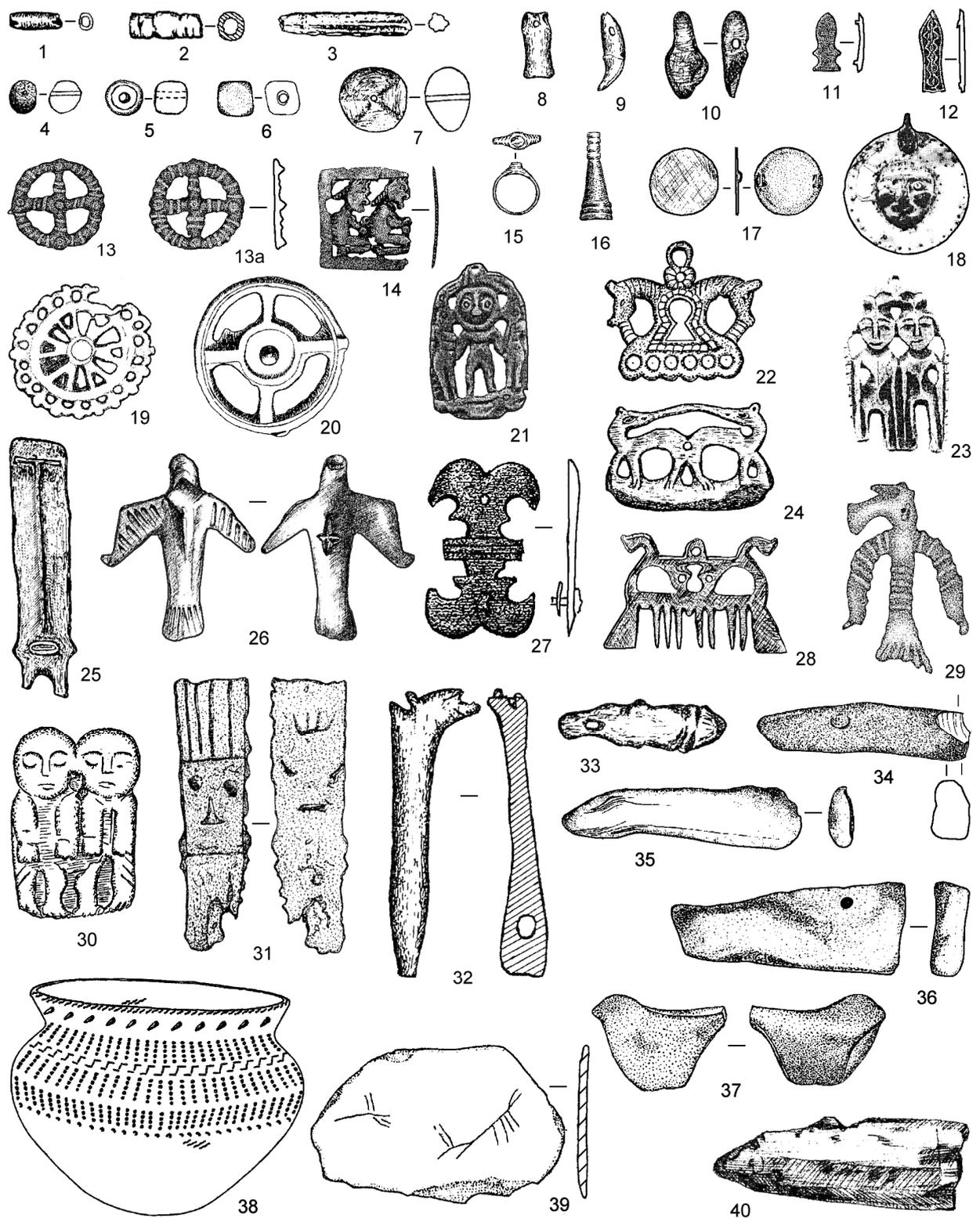


Рис. 1. Украшения, скульптурные и графические изображения Тагильского Зауралья раннего железного века и средневековья (1–3, 11–14, 16–17, 19–27, 29–31 – медь; 4, 38 – керамика; 5–6 – стекло; 7, 34–37, 39 – камень; 8–10, 40 – кость; 15 – серебро; 18 – золото; 28 – белый металл; 32, 33 – рог): 1, 17 – Шайтанское озеро I; 2, 4–10, 15, 18, 19, 32, 40 – пещера Туристов; 3, 20 – камень Дыроватый; 11, 16 – гора Голый Камень; 12, 27, 38 – гора Три Сестры; 13, 13а, 29 – Южный Шихан; 14 – Кокшаровское Поле; 21, 23 – Нижний Тагил; 22 – гора Вороний Камень; 24, 34–37 – Кумышанская пещера; 25 – гора Лубная; 26 – Средний Шихан; 28 – Шайтанское озеро II; 30 – гора Синяя; 31 – Шайтанский Шихан; 33 – пещера Котёл; 39 – Тагильский мог-к

На святилище Шайтанский Шихан (Шайтанское озеро) найден медный идол длиной 12,7 см и шириной в средней части 3,3 см. Он имеет столбообразную, слегка суживающую книзу форму, выпуклые глаза в виде выступающих шишечек, нос показан короткими, соединенными валиками в виде перевернутой буквы «Т», за рот можно принять узкую полоску под носом. Изображение разделено на три части двумя выпуклыми поясками. Причем нижняя часть отделяется от лица пояском с раздваивающимися концами. От верхнего пояса вверх тянутся четыре длинных луча, расположенные на неодинаковом расстоянии друг от друга. В нижней части изображения присутствует длинное углубление, которое, по-видимому, должно было разделять ноги (рис. 1, 31). По моделировке изображения данную скульптуру можно с уверенностью отнести к кругу металлической пластики иткульской культуры.

Еще один медный идол найден на вершине горы Лубной, которая находится в районе Шигирского торфяника. Он также выполнен в технике плоского литья в виде личины. Брови и нос показаны единым валиком подквадратного сечения. Глазницы не выражены. Рот показан в виде сплющенного по вертикали кольца. Щеки подчеркнуты треугольными выступами с боков (рис. 1, 25). Высота личины – около 8 см при ширине около 2 см (Мищенко 2001: 143).

Находки птицевидных идолов известны на культовом памятнике Шигирского торфяника Скворцовская гора V. Там найдено восемь птицевидных фигур, пять целых и три в обломках. Длина идолов колеблется от 5,4 до 7 см. Крылья у фигур опущены, головы имеют округлые очертания, глаза выполнены в виде полугорошин, клювы показаны валиками (Чаиркина 2011: 132–135). Два птицевидных идола найдены на скальных святилищах Шайтанского озера. Длина одного из них (на Южном шихане) – 6,5 см, ширина в средней части – 4,2 см. У него небрежно отлитая массивная голова повернута влево, крылья плавно опускаются книзу, прямое туловище заканчивается рыбовидным хвостом. Верхняя часть крыльев, середина тулова и хвост имеют ребристую лицевую поверхность (рис. 1, 29). Идол типичен для иткульской культуры раннего железного века. На Среднем шихане под гранитными обломками был найден еще один птицевидный идол. Его высота – 6,7 см, размах крыльев – 5,5 см. Закругленная голова идола обращена назад. Крылья у него несимметричные: одно изогнуто под тупым углом, а второе, стреловидное, опущено книзу. Крылья и хвост имеют ребристую поверхность. На лицевой стороне идола в центре его груди находится выступающий на 0,4 см треугольный выступ. На оборотной стороне, немного ниже по отношению к выступу, нанесен выпуклый прямой крест (рис. 1, 26). Среди 90 опубликованных Ю. П. Чемякиным (2006) птицевидных идолов фигуры с подобным оформлением отсутствуют.

Изделия средневекового культового литья на данной территории также немногочисленны. В 1950-е гг. в г. Нижнем Тагиле при рытье котлована для будущего драмтеатра рабочими были найдены 2 бронзовые бляшки. В центре первой бляшки помещена антропоморфная фигура с опущенными вниз руками и несколько расставленными ногами. У нее непропорционально крупная голова, нос, крупные круглые глаза с выделенными зрачками и надбровными дугами. По ее бокам расположены две фигуры человеко-лосей. Под ногами всех трех фигур находится звероящер. Фигуры ограничены кантом, в верхней части которого обозначена дужка с пробитым отверстием (рис. 1, 21). Боковые края бляшки со всех сторон обточены абразивом. Также мелкозернистым абразивом сточены (закруглены) ребра на лицевой поверхности и выступающий нос. Дополнительной обработке (прочеканке деталей) изделие не подвергалось. Бляшка имеет красноватый цвет, близкий к цвету меди. Размеры фигурки – 5,1 × 3,2 × 0,15 см (Сериков 2009: 75–76). По сюжету и композиции бляшку можно отнести к группе изображений ломоватовской культуры V–VIII вв. (Игнатьева 2002: 180–181). Аналогичные изделия найдены на жертвенном месте VII–VIII вв. Подбобыка в Приуралье (Викторова 2004: 185–186).

На второй бляшке размерами 5,9 × 3,4 × 0,15 см изображены две соединенные человеческие фигурки анфас. В общих чертах фигурки сходны: удлиненные головы увенчаны головными уборами или прическами, над которыми располагается дужка с пробитым отверстием. Лица изображены с прямым носом, удлиненными глазами и выступающим подбородком. Фигуры имеют

хорошо обозначенные талии и ноги разной длины. По бокам изображений расположены вертикальные столбики, украшенные поперечными насечками (рис. 1, 23). После отливки детали дополнительно не прорабатывались. Но все прорезные отверстия и промежутки между ногами проточены тонким и узким абразивом. Также абразивом обработаны боковые края бляшек. Причем закраины на ногах сточены с двух сторон – лицевой и оборотной. Однако не исключено, что обточка обеих фигурок сделана находчиками 50 лет назад. Цвет бляшки желтый, близкий к цвету бронзы. Прямых аналогий данной бляшке не найдено. Можно отметить, что элементы изображения лица и туловища характерны для зауральской и угорской традиции. Парные фигурки известны на ряде уральских памятников позднего железного века и средневековья: Кокшаровское поле, Синяя гора, Барсов городок (Сериков 2009: 76).

Бляшка в виде двух стоящих рядом (плечо к плечу) человеческих фигур обнаружена на святилище, находящемся на вершине горы Синей (пос. Баранчинский). Она литая, плоская, длиной 4,4 см, шириной 3,5 см (рис. 1, 30). На обороте имеется небольшое отверстие для крепления. Изображены близнецы, т. е. левая фигура во всех деталях аналогична правой. У фигурок округлые сверху головы без головных уборов. Скулы широкие, подбородки, наоборот, заужены. Глаз как таковых нет. Присутствуют лишь округлые глазничные впадины. Надбровья полукруглые, рты – в виде небольших углублений. Руки показаны в виде рельефного рисунка на теле. Они плотно прижаты к туловищу и вытянуты вниз. Одна нога каждой фигуры с внешней части бляшки прямая, вторая – чуть согнута в колене. На ногах в области бедер нанесены косые полосы, возможно, показана одежда. Обuvi на ногах нет. Ступни, как и кисти рук, хорошо проработаны (Мищенко 2001: 140).

Оригинальная бронзовая бляшка найдена на стоянке Кокшаровское Поле (Юрьинское оз.). Она представляет ажурную пластину размером 5 × 4,2 × 0,2 см. В прямоугольной рамке изображены две сидящие на корточках человеческие фигуры. На коленях у них показаны какие-то круглые предметы (возможно, барабаны), в которые упираются руки (рис. 1, 14). Изделие обломано, отсутствует как минимум половина пластины. Датируют бляшку I–V вв. н. э. (Волков 2001: 158).

Уникальной находкой для Тагильского Зауралья является бляшка в виде личины, найденная в пещере Туристов. Она выполнена своеобразно: изображение лица вытеснено на бронзовой пластине, обтянутой золотым листиком. От долгого использования листик золота на выступающих местах личины (нос, щеки) протерся до бронзовой основы. По периметру бляшки, диаметр которой 3 см, выбиты неглубокие ямки (рис. 1, 18). Подобные бляшки хорошо известны в комплексах так называемого «гуннского круга» середины I тыс. н. э. (Богачёв 2008: 343). Особенностью данной бляшки является выгравированное по золоту слева от лица изображение животного – волка или медведя. Подобные граффити известны на территории Прикамья. Можно полагать, что бляшка проделала значительный путь от южных степей до западного склона Урала, а уже оттуда попала в горную часть Урала в пещерное святилище на реке Чусовой.

Средневековые зооморфные скульптуры представлены коньковыми подвесками и огнивом. Одна подвеска с реалистически изображенными головками коней (рис. 1, 22) происходит со святилища на вершине горы Вороний Камень (Мищенко 2001: 144). Интересной находкой этого периода является коньковое украшение из белого металла с культовой площадки Шайтанского озера II. Оно изображает двух стилизованных коньков, смотрящих в противоположные стороны (рис. 1, 28). Размеры изделия – 5,9 × 3,7 см. Украшение вырублено из листа металла, а затем обточено по всему периметру. В Кумышанской пещере найдено зооморфное огниво. Оно изготовлено из меди, но на ударную рабочую часть приварена железная пластина. Длина огнива – 5,4 см, высота – 3,5 см. Фигурно-прорезная рукоять представляет двух противостоящих драконов (рис. 1, 24). Подобные изделия бытовали во времена ломоватовской культуры V–IX вв., хотя известны и в материалах более поздней родановской культуры X–XV вв. (Сериков 2009: 153).

Немногочисленны в Тагильском регионе и орнаментированные изделия из камня, кости и глины. На Голом Камне известны каменные и глиняные пряслица с гравировками. Представляет интерес тальковое пряслице, на одну сторону которого нанесена гравировка, напоминающая знаки

рунического письма. На стоянке Крутяки I найдена тальковая нашивка с просверленными по углам отверстиями. На одной ее стороне в бессистемном порядке прорезаны прямые и волнистые линии, а на другой – крест. Косые кресты, вырезанные по сухой глине, выявлены на трех фрагментах керамики железного века с Шайтанского озера.

Любопытная находка этого времени обнаружена на святилище Лайский мыс (окрестности Нижнего Тагила). Это плитка сланца размерами 6 × 3,5 см, одна сторона, которой сохранила естественную корку, а на второй вырезаны две графические фигуры. Одна из них напоминает птицу в полете, вторая – более загадочна. Она, по всей видимости, изображает животное: процарапанными прямыми линиями показаны туловище, четыре ноги, голова с рогами и раздвоенный хвост (рис. 1, 39). Возможно, это стилизованное изображение мамонта. В этнографии народов Сибири хорошо известны изображения мамонтов с лосиными рогами и рыбьим хвостом (Сериков, Серикова 2004: 171).

Иногда гравировки фиксируются на костяных наконечниках стрел раннего железного века. Такие наконечники известны в пещерном святилище на камне Дыроватом и жертвенном месте на скалах Три Сестры. В гранитном гроте Шайтаноозерский Каменный Остров I в слое раннего железного века найдено скопление из 915 обработанных костяных пластин, которые являлись частью панцирного доспеха. 149 пластин были украшены геометрическим орнаментом. Такие пластины от защитных доспехов широко распространены в середине I тыс. до н. э.

Оригинальной находкой в коллекции святилища Три Сестры является сосуд, который собран практически полностью. На плечико сосуда нанесен орнамент в виде трех поясков вертикальных отпечатков гребенчатого штампа, между первым и вторым поясками идет горизонтальный ряд схематичных изображений птиц (уток). На внешней стороне сосуда, ниже пояска наколов, имеются четыре волнистые линии, расположенные друг над другом – схематичные изображения змей. Точно напротив этих изображений, на внутренней стороне венчика, имеются еще три таких же гравировки (рис. 1, 38). Орнаментация сосуда сочетает черты иткульской и гамаюнской культур железного века (Мищенко, Шамонова 2002).

Традиционно к предметам искусства относят и разнообразные украшения. Они достаточно широко представлены в культовых комплексах святилищ, расположенных на вершинах гор и в пещерах. Среди них имеются нагрудные, височные и поясные украшения из меди (рис. 1, 11–13, 13а, 16–17, 19–20, 27), медные, стеклянные и пастовые бусы и пронизки (рис. 1, 1–6), подвески из зубов и костей животных (рис. 1, 8–10). Оригинальными изделиями являются бусина из гальки горного хрусталя (рис. 1, 7) и серебряное колечко (рис. 1, 15).

Таким образом, в раннем железном веке и средневековье на территории Тагильского Зауралья сохраняются все виды изобразительного искусства: скульптура (объемная и плоская), гравировки, художественное литье, орнамент, а также украшения. Однако традиционные для Урала материалы, применяемые для изготовления произведений искусства: кость, рог, камень и глина, – теряют свое значение. На первое место выходят цветные металлы и, отчасти, стекло. При этом практически все произведения изобразительного искусства происходят из комплексов древних святилищ.

Богачёв 2008 – *Богачёв А. В.* К символике блях-«личин» из раннесредневековых комплексов Восточной Европы // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008. С. 343–349.

Волков 2001 – *Волков Р. Б.* Рекогносцировочные раскопки на многослойном поселении Кокшаровское Поле // АО 2000 года. 2001. С. 157–158.

Викторова 2004 – *Викторова В. Д.* Жертвенные места на горах и холмах // Культовые памятники горнолесного Урала. Екатеринбург, 2004. С. 174–191.

Игнатьева 2002 – *Игнатьева О. В.* Пермский звериный стиль как культурный феномен: Очерки археологии Пермского Предуралья. Пермь, 2002.

- Мищенко 2001 – *Мищенко О. П.* К вопросу о происхождении, хронологии и сакральном значении медных и бронзовых изделий со святилищ в Среднем Зауралье // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. С. 140–150.
- Мищенко, Шамонова 2002 – *Мищенко О. П., Шамонова Е. К.* Сосуд из комплекса (святилища) Три Сестры: символика и сакральное значение // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: Мат-лы XLII Региональной археолого-этнографической студенческой конф. Омск, 2002. С. 240–241.
- Сериков 2002 – *Сериков Ю. Б.* Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала // ВАУ. Екатеринбург, 2002. Вып. 24. С. 127–150.
- Сериков 2007 – *Сериков Ю. Б.* Галечные скульптуры – изобразительные символы обрядовой деятельности древнего человека // Миф и символ в прошлом и настоящем. Нижний Тагил, 2007. С. 28–37.
- Сериков 2009 – *Сериков Ю. Б.* Пещерные святилища реки Чусовой. Нижний Тагил, 2009.
- Сериков, Серикова 2004 – *Сериков Ю. Б., Серикова А. Ю.* Мамонт в мифах, этнографии и археологии Северной Евразии // Российская археология. 2004. № 2. С. 168–172.
- Чаиркина 2011 – *Чаиркина Н. М.* Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века. Екатеринбург, 2011.
- Чемякин 2006 – *Чемякин Ю. П.* Случайная находка в окрестностях Коркино // Пятые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2006. С. 71–76.

***М. Ю. Трейстер (Бонн/Берлин, Германия)***

### **Подражания художественным изделиям из драгоценных металлов ахеменидского стиля в искусстве кочевников Южного Приуралья IV в. до н. э.**

Имеются многочисленные свидетельства высокоразвитой местной обработки драгоценных металлов у ранних кочевников Южного Приуралья. Критериями выделения местных типов ювелирных украшений могут служить: 1) своеобразие формы вещей, 2) их распространение, преимущественно, на данной территории. По этим критериям в качестве продуктов южноуральских мастеров могут рассматриваться золотые серьги с припаянными декоративными элементами в виде колечек различных форм (Лылова 2010). В Южном Приуралье складывается своеобразный вариант звериного стиля, представленный, в частности, деревянными скульптурами оленей с золотыми обкладками, золотыми нашивными бляшками, демонстрирующими связи со звериным стилем Алтая (Королькова 2006: 82, 104, 123–124; Пшеничнюк 2006: 25–26; Переводчикова 2006: 107–113; 2010: 297; Рукавишникова 2009: 324–328), а также золотыми и серебряными обкладками деревянных сосудов (Пшеничнюк 2000; Фёдоров 2006), среди которых предположительно выделяются изделия различных мастеров (Переводчикова 2008).

Можем ли мы говорить о том, что мастера, работавшие на Южном Урале в V–IV вв. до н. э., занимались также подражанием украшений, выполненных в ахеменидском стиле? Некоторые наблюдения подтверждают это. К группе подражаний могут быть отнесены золотая гривна с окончаниями в виде фигурок львов из мужского погр. 3 кург. 4/2006 некрополя Филипповка (Яблонский, Мещеряков 2007: 56, рис. 1; цв. вкл., рис. 1; Yablonsky 2007: 88, 95, fig. 5; Кат. Оренбург 2008: 84–85, № 7) (рис. 1, 1) и найденная в погр. 5 того же кургана золотая тисненная бляшка в виде контурного изображения крылатого льва в профиль вправо (Яблонский, Мещеряков 2007: 59; Yablonsky 2007: 94; Кат. Оренбург 2008: 96, № 28) (рис. 1, 2).

Одним из важнейших элементов канона изображения львов в ахеменидском искусстве является разделка: плеча – в виде восьмерки с вписанными в нее каплевидными или каплевидным и округлым элементом (Salmony 1949: 6), «груши и яблока» (Roes 1952: 18), или «запятой и точки» (Руденко 1961: 53), бедра – в виде дуговидных элементов с вписанным в центр кругом, а также крыловидного элемента, который обозначал полоску шерсти по краю живота. Этот канон

соблюдался как в монументальном (рельефы из Персеполя и Суз), так и в прикладном искусстве (см.: Roes 1952: 18–19; Руденко 1961: 53–54; Артамонов 1973: 233; Rehm 1992: 262–263).

О том, какое значение в ахеменидском искусстве придавалось разделке плеча, свидетельствует набросок на известняковом блоке, найденном в районе дворца Н в Персеполе, на котором только этот элемент был выполнен на контурном изображении льва (Roos 1970: 52, fig. 2; 5). Этот же элемент, наряду с дугой и кругом на бедре и крылом на боку, изображен на контурном наброске на мантии Дария I на рельефе с изображением царя из его дворца в Персеполе (Schmidt 1953: 226, pl. 140; 142; Kantor 1957: 14, pl. XII; Rehm 1992: 182, fig. 65). Не случайно даже на таких миниатюрных изделиях, как нашивные бляшки, этот канон как правило соблюдался, примером чему являются упоминаемые ниже элементы разделки на бляшках из Персеполя, с о. Самофракия и из Додоны.

С учетом отмеченных критериев рассмотрим указанные украшения из Филипповки. Начнем с гривны из погр. 3 кург. 4 (рис. 1, 1). Форма глаз (миндалевидные с обозначенной слезницей и выделенным круглым глазным яблоком) близка ахеменидскому канону. В целом, соответствует ему и оформление глаз сверху и снизу дуговидными валиками. Обращает на себя внимание трактовка крыловидного элемента, обозначающего полоску шерсти по краю живота (об этом элементе в ахеменидском искусстве см.: Rehm 1992: 263). В отличие от крыловидных элементов львиноголовых грифонов на браслетах Амударьинского клада (Dalton 1964: 32–33, No 116, pl. I; Rehm 1992: 44–47, 70, Nr. A.118, Abb. 53; Cat. London 2005: 138–139, No 153; Armbruster 2010: 397–402), горных баранов и козлов на ювелирных украшениях из курганов ранних кочевников Южного Приуралья, выполненных по канонам ахеменидского искусства (напр., гривна из кург. 1 Новокумакского мог-ка – Трейстер 2010: 362–367 с лит., рис. 5–8), на рассматриваемой гривне эти элементы не являются углубленными кастами. Их форма лишь обозначена канавкой по краю. Не менее серьезным отступлением от канона является то, что у одной из фигурок такой элемент изображен лишь на одном боку, с внутренней стороны гривны. Очевидно, что такое могло произойти лишь в том случае, если мастер не понимал, что он изображает, а главное, не воспринимал полоски шерсти по краю живота как значимый элемент изображения животного.

Если крылатые львы – фигурки окончаний гривны, найденной на женском скелете в погр. 4 того же кургана и которую я определяю как ахеменидскую, изображены в прыжке с вытянутыми вперед лапами и приподнятой повернутой вбок головой (Яблонский, Мещеряков 2007: 58, рис. 5, цв. табл. 1; Кат. Оренбург 2008: 81, № 2; Treister 2010: 245, 246, fig. 17), то на рассматриваемой гривне львы представлены с головой, положенной на лапы – в позе, более характерной для искусства звериного стиля номадов (ср. гривны из курганов Европейской Скифии IV в. до н. э.: Петренко 1978: 44–45, табл. 32, 1–3; 33, 1–4; Королькова 2001: 72, 76–77, рис. 2; 3, 1). Не менее существенно и расхождение в трактовке задних лап животных. Если на гривне из погр. 4 лапы, выполненные в низком рельефе на фоне ствола гривны, вытянуты назад, что вообще является характерным признаком изображения животных в ахеменидском искусстве, то на гривне из погр. 3 задние лапы львов, также как и передние, представлены поджатыми. И этот признак находит полное соответствие как на отмеченных выше гривнах из скифских курганов Северного Причерноморья, так и на гривне из погр. 2 того же кургана в Филипповке (Yablonsky 2007: 87, 89, fig. 3; 2010: 136–137, fig. 11; Кат. Оренбург 2008: 80, № 1).<sup>58</sup> Даже в тех случаях, когда в ахеменидском искусстве лев изображался с поджатыми лапами, как, напр., на бронзовой гире с акрополя Суз, его голова никогда не опущена и не лежит на лапах (Cat. London 2005: 194, No 301).

Ближайшими иконографическими параллелями бляшке из Филипповки (рис. 1, 2) среди находок известного происхождения являются золотые бляшки из сокровищницы Персеполя (Schmidt 1957: 78, fig. 14B; Rehm 1992: 182, 219–220, Nr. H45; Cat. London 2005: 147, No 190), из контекста римского времени на о-ве Самофракия (McCredie 1968: 233–234, pl. 72d; Miller 2004: 42 с лит., fig. 8),

<sup>58</sup> Оформление плеч и бедер углублениями каплевидной и миндалевидной формы в центре находит параллели в оформлении одной из обкладок деревянных ручек сосуда из тайника № 1 кург. № 1 (Cat. New York 2000: 135, No 73).

из святилища в Додоне в Эпире (*Chronique des fouilles en Grèce* 1956: 300, fig. 2; Miller 2004: с лит., fig. 7), а также из т. н. второй части клада Окса, в Музее Михо (*Cat. Miho* 2002: 146, 252, No 202j). Все они также представляют собой профильные изображения идущих крылатых львов.

Аналогичные изображения прочерчены на мантии Дария I на рельефе с изображением царя из дворца Дария (Schmidt 1953: 226, pl. 140; 142; Kantor 1957: 14, pl. XII; Rehm 1992, 182, fig. 65), на рельефах из дворца и гарема Ксеркса, из трипилона (Kantor 1957: 14, pl. XI; Roos 1970: 53–59, fig. 7–8), а также на известняковом блоке, найденном в районе дворца Н, который использовался мастером для набросков (Roos 1970: 52, fig. 2; 5). Для большинства этих изображений из Персеполя характерна типичная для ахеменидского искусства разделка тулова животного (Rehm 1992: 262–263).

При всей схожести иконографии льва на бляшке из Филипповки (рис. 1, 2) с приведенными выше примерами профильных изображений крылатых львов бросается в глаза несоблюдение характерных для ахеменидского искусства канонов изображения глаза и разделки лап животных. Даже в тех случаях когда, как на плече или бедре, мы видим элементы разделки, очевидно, что они являются всего лишь грубой попыткой воспроизвести оформление указанных элементов на бляшках ахеменидского стиля. Так, плечо имеет в целом овальную форму, при этом контур его очерчен не в рельефе, а канавкой, также канавкой выделены два сегмента внутри овального элемента. Еще менее похоже на ахеменидские прототипы оформление бедра льва – грубо ооконтуренный канавкой вертикальный овальный элемент (о том, что прототипом его был дуговидный элемент, свидетельствует лишь слегка вогнутая поверхность одной из сторон). Справа от него расположен не круг, а спиральный завиток. Подобное сочетание элементов разделки в ахеменидском искусстве мне не известно, но встречается в оформлении бедра оленя на золотой обкладке ручки деревянного сосуда из тайника 1 кург. 1 в Филипповке (*Cat. New York* 2000, 137, No 75). Да и в целом, мотив спиралей характерен для художественного стиля Филипповки. Еще в меньшей степени соответствует ахеменидским прототипам оформление головы льва. Полоса, которая должна была бы изображать внутренний край гривы, является продолжением элемента разделки плеча, образуя вместе с ним длинную плавно изогнутую S-видную линию. Детали морды переданы очень условно и схематизировано – характерных для ахеменидских изображений элементов, как, напр., на бляшке с о-ва Самофракии, на ней не наблюдается.

Все детали переданы на бляшке только одним способом – при помощи канавок и углублений различных форм. За исключением несколько закругленной части по контуру бляшки основная ее часть плоская. Техника такого плоского рельефа и моделирования тела при помощи канавок находит ближайшие параллели в оформлении деревянных, обтянутых золотым и серебряным листом, фигур оленей из тайников кургана 1 в Филипповке (*Cat. New York* 2000: 72–79, 144–151, No 1–4; 84–92), некоторых золотых обкладок ручек деревянных сосудов, найденных там же в тайнике 1 (*Ibid.*: 95–97, 132–133, 137–139, 141, No 24; 71; 75–77; 79), а также – костяных изделий из Филипповки, в частности, зооморфных окончаний ручек костяных ложек: из кург. 4 (того же погребения, что и бляшка со львом – Кат. Оренбург 2008: 102, № 48; Рукавишникова, Яблонский 2008: 205, 211, 232, рис. 5, 48), кург. 5 (*Ibid.* 2000: 172–173, No 114–115; Там же. 2008: 207, 211, 232, рис. 5, 50–51) и кург. 7 (*Ibid.* 2000: 175, No 121; Там же. 2008: 206–207, 211, 232, рис. 5, 47). Также на многих тисненых золотых бляшках из Филипповки мы видим использование такого приема моделировки тела животных (*Ibid.* 2000: 162–163, No 99–100). Очевидно, что эта близость техники не случайна, и возможно говорит о том, что и матрица для бляшки была вырезана из дерева.

Вероятно, мастер матрицы был знаком с изображениями крылатых львов в ахеменидской торевтике, но не видел их прототипы в монументальном искусстве и не воспринимал значение отдельных изобразительных элементов. Это, скорее, свидетельствует об изготовлении бляшек в среде кочевников, нежели в мастерской на периферии Ахеменидского государства. Косвенно наше предположение подтверждает использование характерного для искусства кочевников Южного Приуралья мотива завитков, которые частично замещают канонические элементы разделки тулова львов в ахеменидском искусстве.

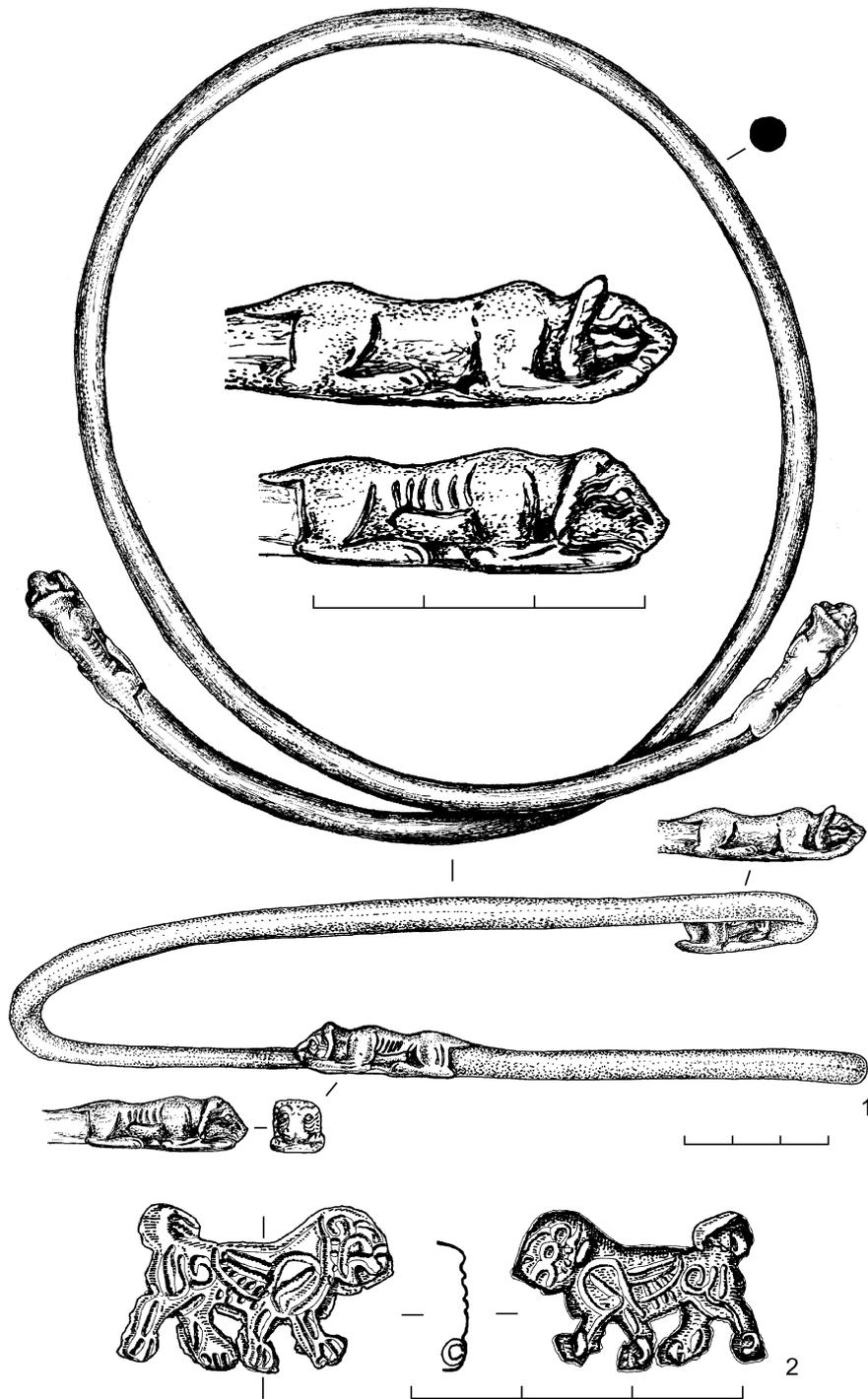


Рис. 1. Золотые изделия из кург. 4/2006 мог-ка Филипповка-1: 1 – гривна из погр. 3;  
2 – бляшка из погр. 5 (1 – рисунок И. В. Рукавишниковой; 2 – рисунок О. И. Куринских)

Представленные наблюдения, позволяющие нам говорить о местных подражаниях и заимствовании образов и элементов декора ахеменидского стиля кочевниками Южного Приуралья, находят соответствие в искусстве Алтая, в частности, в Пазырыкских курганах (Руденко 1961: 45–61; Rubinson 1990: 57–60; Lerner 1991: 8–9, 12; Wu Xin 2007: 127–142), среди находок из которых имеется серия различных изделий из дерева, аппликаций из войлока и кожи, для которых уже неоднократно отмечалось то же явление. Напротив, в памятниках искусства Европейской Скифии заимствований форм и элементов ахеменидского искусства не наблюдается.

В целом, эта картина соответствует основным тенденциям распределения памятников ахеменидского круга к северу от границ Ахеменидской державы с наибольшей концентрацией находок именно в Южном Приуралье и на Алтае (Трейстер 2011: 122–123). Если количественно импорты ахеменидского круга преобладают именно в Южном Приуралье, то количество, разнообразие заимствований, использование форм и мотивов ахеменидского искусства, как в деревянной резьбе, так и в аппликациях из кожи и войлока, выделяют Алтай как регион, в котором ахеменидское искусство оставило наибольший след в материальной культуре местных кочевников.

Обращает на себя внимание хронология памятников. В Южном Приуралье редкие примеры заимствования образов и элементов декора ахеменидского стиля происходят из могильника Филипповка-I и относятся с наибольшей вероятностью ко времени конца V–третьей четверти IV в. до н. э. Находки из курганов Пазырыкского и Берельского могильников более поздние – рубежа IV/III–первой половины III в. до н. э. Таким образом, в Южном Приуралье они относятся к позднеахеменидскому, а на Алтае – к пост-ахеменидскому времени. Заимствование образов и элементов ахеменидского стиля кочевниками Евразии происходило практически одновременно с аналогичными процессами, как на территории бывшей империи, так и на периферии греческого мира, в частности, в Боспорском царстве.

Артамонов 1973 – *Артамонов М. И.* Сокровища саков. М., 1973.

Кат. Оренбург 2008 – Сокровища сарматских вождей (Материалы раскопок Филипповских курганов): Каталог / ред. Л. Т. Яблонский. Оренбург, 2008.

Королькова 2001 – *Королькова Е. Ф.* Звериный стиль в оформлении гривен скифо-сарматской эпохи // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб, 2001. С. 68–95.

Королькова 2006 – *Королькова Е. Ф.* Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.): Проблемы стиля и принадлежности. СПб, 2006.

Лылова 2010 – *Лылова Е. В.* Серьги в виде кольца с цилиндрическим блоком из погребений ранних кочевников степной зоны Южного Урала // АПЕССТ. 2010. С. 237–246.

Переводчикова 2006 – *Переводчикова Е. В.* Скифский звериный стиль Прикубанья и филипповские курганы // *Libet archaeologicae*: Сб. статей, посвящ. 60-летию Б. А. Раева. Краснодар, 2006. С. 107–113.

Переводчикова 2008 – *Переводчикова Е. В.* Золотые оковки сосудов из I Филипповского кургана: к постановке вопроса о месте производства // «Ювелірна мистецтво – погляд крізь вікі». Музейні читання: Мат-лі наук. конф. (12–14 листопада 2007). Київ, 2008. С. 64–72.

Переводчикова 2010 – *Переводчикова Е. В.* Еще раз о юго-восточных связях Филипповских курганов // АПЕССТ. 2010. С. 295–298.

Петренко 1978 – *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. М., 1978 (САИ. Вып. Д4-5).

Пшеничнюк 2000 – *Пшеничнюк А. Х.* Деревянная посуда из погребений ранних кочевников Южного Урала // УАВ. 2000. Вып. 2. С. 76–93.

Пшеничнюк 2006 – *Пшеничнюк А. Х.* Звериный стиль Филипповских курганов // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: К 70-летию А. Х. Пшеничнюка. Уфа, 2006. С. 26–37.

Руденко 1961 – *Руденко С. И.* Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тысячелетия до н. э.). М., 1961.

Рукавишникова 2009 – *Рукавишникова И. В.* Композиции зооморфных изображений Южного Приуралья как важнейший аспект в изучении звериного стиля Евразии раннего железного века // Пятая Кубанская археологическая конф. Краснодар, 2009. С. 324–328.

Рукавишникова, Яблонский 2008 – *Рукавишникова И. В., Яблонский Л. Т.* Костяные изделия в зверином стиле из могильника Филипповка 1 // Проблемы современной археологии: Сб. памяти В. А. Башилова. М., 2008. С. 199–238 (МИАР. № 10).

Трейстер 2010 – *Трейстер М. Ю.* Серебряный ритон и золотая гривна из Ново-Кумакского кургана № 1/1971 // АПЕССТ. 2010. С. 355–377.

- Трейстер 2011 – *Трейстер М. Ю.* Ахеменидские «импорты» на территориях к северу от границ Ахеменидской державы // Иран и античный мир: политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций: ТД междунар. науч. конф. (Казань, 14–16 сентября 2011 г.). Казань, 2011. С. 122–124.
- Фёдоров 2006 – *Фёдоров В. К.* О предназначении деревянных сосудов ранних кочевников Южного Урала, украшенных драгоценными обкладками // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: К 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка. Уфа, 2006. С. 46–57.
- Яблонский, Мещеряков 2007 – *Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В.* Раскопки «царского» кургана в Филипповке (предварительное сообщение) // Российская археология. 2007. № 2. С. 55–62.
- Armbruster 2010 – *Armbruster B.* Technological Aspects of Selected Gold Objects in the Oxus Treasure // The World of Achaemenid Persia: History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East: Proceedings of a Conference at the British Museum. 29<sup>th</sup> September–1<sup>st</sup> October 2005. London, 2010. P. 397–408.
- Cat. London 2005 – *Forgotten Empire. The World of Ancient Persia.* London, 2005.
- Cat. Miho 2002 – *Treasures of Ancient Bactria.* Miho Museum. Miho, 2002.
- Cat. New York 2000 – *The Golden Deer of Eurasia. Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes.* New York, 2000.
- Chronique des fouilles en Grèce en 1955 – *Chronique des fouilles et découvertes archéologiques en Grèce en 1955 // Bulletin de correspondance hellénique.* 1956. T. 80. P. 219–432.
- Dalton 1964 – *Dalton O. M.* The Treasures of the Oxus.<sup>3</sup> London, 1964.
- Kantor 1957 – *Kantor H. J.* Oriental Institute Museum Notes, 8. Achaemenid Jewellery in the Oriental Institute // *Journal of Near Eastern Studies.* 1957. Vol. 16. P. 1–23.
- Lerner 1991 – *Lerner J. A.* Some So-Called Achaemenid Objects from Pazyryk // *Source. Notes in the History of Art.* 1991. X, 4. P. 8–15.
- McCredie 1968 – *McCredie J. R.* Samothrace. Preliminary Report on the Campaigns of 1965–1967 // *Hesperia.* 1968. Vol. 37. P. 200–234.
- Miller 2004 – *Miller M. C.* Athens and Persians in the Fifth Century BC: A Study in Cultural Receptivity. Cambridge, 2004.
- Rehm 1992 – *Rehm E.* Der Schmuck der Achämeniden. Münster, 1992.
- Roes 1952 – *Roes A.* Achaemenid Influence upon Egyptian and Nomadic Art // *Artibus Asiae.* 1952. Vol. XV. P. 17–30.
- Roos 1970 – *Roos P.* An Achaemenian Sketch Slab and the Ornaments of the Royal Dress at Persepolis // *EW.* 1970. Vol. 20. P. 51–59.
- Rubinson 1990 – *Rubinson K. S.* The Textiles from Pazyryk. A Study in the Transfer and Transformation of Artistic Motifs // *Expedition.* 1990. Vol. 32.1. P. 49–61.
- Salmony 1949 – *Salmony A.* Sarmatian Gold collected by Peter the Great // *Gazette des beaux-arts.* 1949. T. XXXV, I. P. 5–10.
- Schmidt 1953 – *Schmidt E. F.* Persepolis I. Structures, Reliefs, Inscriptions. 1953 (OIP. No 68).
- Schmidt 1957 – *Schmidt E. F.* Persepolis II. Contents of the Treasure and Other Discoveries. 1957 (OIP. No 69).
- Treister 2010 – *Treister M.* ‘Achaemenid’ and ‘Achaemenid-inspired’ Gold- and Silverware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenid Empire // *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers.* Aarchus, 2010. P. 223–279 (Black Sea Studies. 11).
- Wu Xin 2007 – *Wu Xin.* Persian and Central Asian Elements in the Social Landscape of the Early Nomads at Pazyryk, Southern Siberia // *Social Orders and Social Landscapes.* Cambridge, 2007. P. 120–150.
- Yablonsky 2007 – *Yablonsky L. T.* Excavations of a “Royal” Barrow-Grave in the Southern Ural // *Folia Archaeologica.* 2007. T. LIII. P. 85–100.
- Yablonsky 2010 – *Yablonsky L. T.* New Excavations of an Early Nomadic Burial Ground at Filippovka (Southern Ural Region, Russia) // *AJA.* 2010. Vol. 114. P. 129–143.

## **К вопросу об интерпретации сюжета на полихромной шелковой ткани из Ноин-Улы**

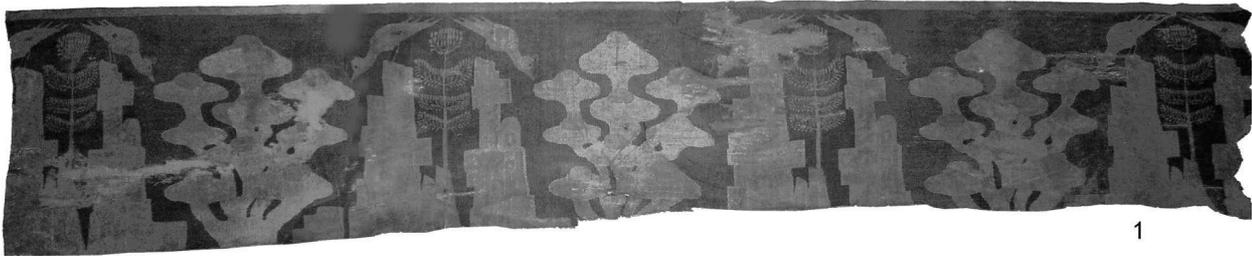
Одним из самых известных археологических памятников сюнну (азиатских гуннов) являются могильники в горах Ноин-Ула на севере Монголии. Они были открыты последней экспедицией 1923–1926 гг. Петра Кузьмича Козлова (1863–1935), русского путешественника и исследователя Центральной Азии.

Могильники в горах Ноин-Ула расположены в трех лесистых падах: Гуджиртэ, Цзурумтэ и Суцзуктэ. Во всех могильниках Монголо-тибетской экспедицией было учтено 212 курганов (Руденко 1962: 8). Конструкция раскопанных курганов в общих чертах сходная. Они имели квадратную насыпь, ориентированную по сторонам света, и квадратную могильную яму глубиной от 6 до 13 м. На дне могильной ямы настилали пол, на котором устанавливали двойную камеру с гробом во внутренней камере. Полы застилали коврами, стены драпировали тканями. В коридорах помещали погребальный инвентарь. Курганы Ноин-Улы относятся к категории элитных захоронений сюнну. До сих пор многие находки из курганов Ноин-Улы требуют дополнительной интерпретации.

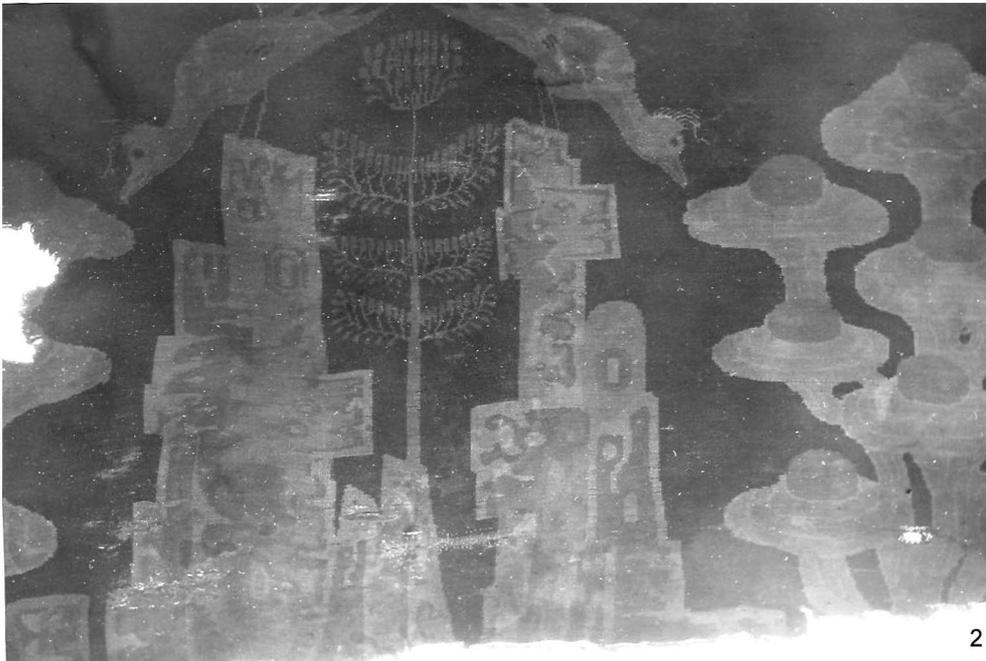
Одной из самых необычных китайских тканей считается полихромная ткань (ГЭ. Инв. МР-1330) из кург. 12 в пади Суцзукте (раскопан С. А. Теплоуховым в 1924 г.) с изображением орнамента в виде птиц, скал, деревьев и грибов (Trever 1932: 35, pl. 15) (рис. 1, 1). Местонахождение этой ткани в архивных описях не указано. Ткань имеет длину 184 см и ширину 35 см, с одной сохранившейся кромкой. При раскопках были найдены еще и небольшие фрагменты этой ткани. Ткань поражает технической сложностью и совершенством исполнения. Она, как и большинство тканей, относится ко времени династии Хань (206 г. до н. э.–220 г. н. э.). В нитях основы ткани находится 340 волокон, а в нитях утка – 112. Ткань выполнена обычным для того времени типом переплетений, но насчитывает четыре основы, а на отдельных участках – шесть основ, в отличие от ханьских полихромных тканей, имеющих, как правило, две-три основы, одна из которых является фоновой, а другие – работающими. Раппорт рисунка по основе занимает всю длину ткани, а по утку составляет 53 см. Для изготовления такой ткани на станке требовалось 350 планок, т. е. в десять раз больше, чем для других тканей. Если на тканях той эпохи узор обычно разворачивается в уточном направлении от кромки до кромки, повторяясь в направлении основы, то на этой ткани декор идет в направлении основы. Этот прием можно объяснить намерением мастера создать непрерывную ландшафтную даосскую композицию крупным планом. По все вероятности, ткань предназначалась для изготовления из нее не одежды, а декоративной завесы. Сейчас ткань имеет темно-коричневый цвет фона в сочетании бежевым узором. Изначально ее фон был темно-пурпурным, а узор был выткан золотисто-желтым цветом. Пурпурные тона характерны для даосских изображений. Узор представляет собой чередование гор, птиц, грибов и деревьев. Горы представлены двумя сужающимися кверху скалами с зубчатыми прямоугольными краями. В глубокой расщелине между скалами находится стилизованное дерево с тремя симметричными парами веток и с плодами на вершине. На каждой скале изображена наклонившаяся птица с длинным хвостом и гребешком. Головы птиц обращены к грибу с тремя ответвлениями, помещенному в большом промежутке между скалами (Elikhina 2009).

Этот фрагмент ткани представляет собой один из наиболее ранних образцов ландшафтного изображения. В могильниках Мавандуя аналогичных тканей не найдено (Laumann 1984: 127–142). Таким образом орнамент ткани не имеет аналогов в искусстве ханьской эпохи.

Первоначально Е. И. Лубо-Лесниченко трактовал этот образ с точки зрения китайских представлений. Он считал, что символика этого орнамента находит отражение в древнекитайской мифологии – в различных сборниках рассказов повествуется о том, что «на востоке находится гора, на ней растет большое дерево, на котором сидит небесный петух. В тот момент, когда солнце поднимается и освещает это дерево, небесный петух кричит. Вслед за ним кричат все петухи». Гриб



1



2

Рис. 1. Полихромная ткань из кург. 12 в пади Суцзуктэ:  
1 – общий вид ткани; 2 – фрагмент ткани в ультрафиолетовых лучах

«чжи», как и персиковое дерево, по представлениям китайцев, дарует бессмертие и укрепляет жизненные силы. Культ петуха как символа солнца – активного начала – ян (петушиный крик прогоняет злых духов, порожденных темным началом – инь) достаточно древний и имеет большое значение в религии древнего Китая. В период Хань культ петуха получил особое распространение. Так, по свидетельству ханьской династийной истории, император приносил в жертву божеству яшмового петуха. На китайских полихромных тканях, найденных в курганах Ноин-Улы, сравнительно часто встречаются изображения петухов и птиц. Персиковое дерево в древнекитайской традиции также рассматривалось как символ солнца, под теплыми лучами которого оно раньше других деревьев покрывалось цветами (Лубо-Лесниченко 1961: 51–54, табл. LIV).

Однако некоторые исследователи считают, что изображение гриба «чжи» восходит к древнеиндийским ведическим представлениям о священном напитке сома. Мотив дерева может быть обусловлен западным влиянием и представляет собой стилизованное «древо жизни». После фотографирования ткани в ультрафиолетовых лучах в физической лаборатории ГЭ проявились еще некоторые дополнительные детали орнамента (рис. 1, 2).

В основании скалы рядом с деревом видно фантастическое существо. Оно стоит вертикально с вытянутыми лапами, открытой пастью и поднятым хвостом. Возможно, что здесь изображено божество этой горы. В древнем Китае гора почиталась как местопребывание духа-божества, и культ гор был тесно связан с культом предков. Не вызывает сомнения, что декор ткани носит ярко выраженный символический характер и связан с религиозными и мифологическими представлениями того времени (Лубо-Лесниченко 1994: 196–197, рис. 45).

«Денежные деревья», которые достаточно часто находили в погребениях ханьского времени, не имеют определенного названия, их именуют «денежными» в современной литературе весьма условно, и их назначение до сих пор не выяснено. В ханьских текстах подобные предметы не упоминаются, однако понятно, что они связаны с погребальным ритуалом. Обычно их изготавливали из бронзы, а подставки для них делали из глины или керамики (Liu et al. 2005: 457). Сейчас найдено уже более пятидесяти подобных деревьев. Они могут рассматриваться, с одной стороны, как благопожелание умершему, а с другой, именно как мировое дерево, по которому душа умершего поднимается из нижнего мира в верхний. Китайские элитные могильники этого времени украшали камнями с каменными рельефами. На одном из рельефов мог-ка Хуан-цзята в провинции Шаньси сохранились изображения деревьев, по стволам которых поднимаются человеческие фигурки, а на вершине дерева находится богиня Си Ванму, восседающая на троне, и птицы. Иногда над Си Ванму изображаются грибы. В погребениях находили не только изображения деревьев, но и светильники в форме дерева, на ветвях которых изображались птицы и бессмертные, как напр., в мог-ке Лоуян провинции Хэнань (Ibid: 458–460).

Таким образом, ткань из кург. 12 представляет собой древнейшее китайское изображение пейзажа, сюжет которого, вероятно, можно рассматривать следующим образом: завеса имела ритуальное значение и отражала мир древнекитайских даосских представлений о жизни и смерти. Наиболее вероятным представляется, что завеса служила для погребального ритуала. Поэтому именно с ним связан весь комплекс изображений на ткани. Культ гор связан с предками. На фотографии в ультрафиолетовых лучах видно не одно зооморфное существо, а несколько. Это могут быть и души предков, и злые духи, и владыки гор. Кроме того, пещеры считаются местом перехода души в загробный мир. Именно в них пребывают души предков. Дерево, произрастающее между горами, представляет собой Мировое дерево, по которому душа умершего поднимается из Нижнего мира в Верхний. Поэтому здесь вряд ли уместна дискуссия о том, какое именно дерево выткал мастер (Лубо-Лесниченко 1961: 51–54; Меньшикова 2011: 30–35).

Необычные технические характеристики выделяют эту ткань среди известного нам материала. По-видимому она была изготовлена в знаменитых мастерских Сяньи по особому заказу для погребальной церемонии и затем была передана кому-то из представителей сюнну. Скорее всего, ткань должна была украшать стены или одну из стен внутренней погребальной камеры.

Лубо-Лесниченко 1961 – *Лубо-Лесниченко Е. И.* Древние китайские шелковые ткани и вышивки. Л., 1961.

Лубо-Лесниченко 1994 – *Лубо-Лесниченко Е. И.* Китай на шелковом пути. М., 1994.

Меньшикова 2011 – *Меньшикова М. Л.* Полихромная ткань из Ноин-Улы с композицией со скалами, деревьями, грибами и птицами: Возможная интерпретация сюжета // СГЭ. 2011. Т. LXIX. С. 30–35.

Руденко 1962 – *Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноин-улинские курганы. М.; Л., 1962.

Elikhina 2009 – *Elikhina J.* Les textiles Xiongnu de Noïn-Ula. // *La route de la soie. Un voyage á travers la vie et la mort.* Bruxelles, 2009. P. 60–63.

Liu et al. 2005 – *Liu C. Y., Nylan M., Barbieri-Low A.* Recarving China's Past. Art, Archaeology and Architecture of the "Wu Family Shrines". Princeton; New Haven; London, 2005.

Laumann 1984 – *Laumann M.* The secret of excellence in ancient Chinese silk. Taipei, 1984.

Trever 1932 – *Trever C.* Excavation in Northern Mongolia. L., 1932.

Umehara 1960 – *Umehara S.* Studies of Noin-Ula Finds in North Mongolia. Tokyo, 1960 (The Toyo Bunko Publications. Series A, no 27).

## **О подвеске «в форме котла» из кургана Аржан-2**

В результате археологического исследования кургана раннескифского времени Аржан-2 (на территории современной Республики Тыва) было открыто захоронение в глубокой яме, на дне которой находилась погребальная камера – сруб с двойными стенками, перекрытый двумя накатами. В центре сруба покоились мужчина и женщина. Погребенные лежали на левом боку с согнутыми ногами и были ориентированы головами на СЗ (Чугунов 2004: 17). Сопроводительный инвентарь выделялся не только разнообразием предметов, но и большим количеством вещей, изготовленных из золота. Социальная принадлежность захоронения интерпретирована как могила «царя» и «царицы» (Чугунов 2004; 2006: 200–201).

К. В. Чугунов, рассматривая расположение сопроводительного инвентаря при погребенных, пишет, что «с внешней стороны левого бедра женщины зафиксировано пятно красной краски и лежащий рядом кожаный мешочек с зеленым красителем – вероятно, остатки косметического набора. Ближе к колену расчищено скопление крупных и мелких каменных и золотых бус. В нижней части скопления сконцентрированы крупные шарообразные и каплевидные подвески. По-видимому, это остатки украшения какой-то сумки». Исследователь отмечает также, что «здесь же найдена золотая модель котла, подвешивавшаяся при помощи витой цепочки, закрепленной на перекладину в поддоне. Это изделие украшено изображениями баранов и хищника, выполненных в орнаментальной манере» (Чугунов 2004: 24).

Присутствие в могиле кургана Аржан-2 маленького золотого сосуда, по форме напоминающего бронзовые котлы на коническом поддоне, но без ручек (рис. 1, 1), уже привлекало внимание исследователей (Чугунов 2006; Кисель 2007), и, т. к. его атрибуция и интерпретация пока не однозначны, хотелось бы остановиться на этом предмете еще раз.

К. В. Чугунов отмечает, что «местонахождение котелка в могиле на одинаковом расстоянии от скелета женщины и мужского акинака затрудняет однозначное соотнесение его с комплексом предметов кого-то одного из погребенных. С одной стороны, направление цепочки, некогда продолжающейся ремешком для подвешивания, указывает на возможность отнесения котелка к женскому погребению. С другой, – близкое расположение к ножнам акинака позволяет допустить, что массивный круглый предмет мог откатиться в сторону в результате падения мужского оружия при развале скелета». Поскольку «археологический контекст» для рассматриваемой подвески не ясен, автор раскопок предложил два варианта ее интерпретации с целью уточнить положение котелка в комплексе основного захоронения Аржана-2, а, следовательно, и его атрибуцию (Чугунов 2006).

В том случае, если подвеска принадлежала «царице», исследователь предполагает видеть в ней атрибут культа женского божества, верховной жрицей которого, «хранительницей царского очага», «могла быть женщина, похороненная вместе с кочевым вождем», поскольку «изделия сходной (но не идентичной) формы известны в памятниках скифского времени Тувы» (Там же). В качестве близких аналогий К. В. Чугунов рассматривает «так называемые колоколовидные подвески-амулеты, соотносимые с женскими захоронениями и выполненные из кости или отлитые в бронзе», встречающиеся, как правило, в не потревоженных могилах в количестве нескольких экземпляров, расположенных чуть ниже пояса погребенных, поскольку «они подвешивались при помощи кожаных шнурков к кушаку». Истоки этого культа на территории Саяно-Алтая исследователи возводят к традиции эпохи бронзы (Грач 1980: 66–69; Мачинский, Чугунов 1998). В данном случае вызывает возражение лишь определение жреческого статуса женщины, погребенной в кургане Аржан-2, поскольку жрецов, как и иных священнослужителей, не хоронили в общих усыпальницах не только в одной могиле или кургане, но и в пределах могильника. Однако это не исключает вероятности того, что «жреческие функции» могли входить в круг обязанностей представителей верховной власти (Бессонова 1983: 59).



Рис. 1. Царская гробница кург. Аржан-2:

1 – золотая подвеска «в форме котла»; 2–3 – бронзовые котлы (масштабы разные)

В другом случае, если подвеска принадлежала «царю», исследователь, вслед за В. А. Киселем, предполагает видеть в ней чашу, «которую скифы подвешивали к поясам в память о своем предке Геракле» [Herod. IV, 10], подробно обосновывая возможность ношения этой чаши на поясе даже в том случае, когда «застежки» у пояса скифов могло и не быть, а «на поясе Геракла золотая чаша могла висеть у *окончания соединения*, то есть под узлом кушака». Поэтому, как полагает К. В. Чугунов, «не исключено, что в основном погребении Аржана-2 мы находим убедительную иллюстрацию “Скифскому логосу” Геродота» (Чугунов 2006).

Однако, как представляется, более важно в данном случае определить не столько место чаши на поясе скифов, сколько степень ее встречаемости, позволяющей связать рассматриваемую подвеску со скифами, а, следовательно, и с Гераклом. Аналогии форме сосуда-подвески, которые приводит автор, происходят из различных регионов Евразии: из Абхазии (Новый Афон), Северного Китая (случайная находка), с юга Хакасии (раннетагарский комплекс) и датируются VIII–VII вв. до н. э., что, хотя и может показывать существование миниатюрных сосудов «на всей территории обитания ранних кочевников» (Там же), но не позволяет связывать эти сосуды со скифами.

Ранее, анализируя погребальный обряд кург. 15 мог-ка Догээ-Баары, датируемого VI–V вв. до н. э., К. В. Чугунов отметил, что в рассматриваемом им кургане удалось обнаружить «впервые достоверно зафиксированную подвешенную к поясу деревянную чашу. Параллель такому обычаю можно найти в скифском логосе Геродота: “скифы носят чаши на поясе” в память о золотой чаше, подвешенной на конце застежки пояса своего предка Геракла» (Чугунов 1996: 71–72), из чего следует, что к поясу кочевников (да и не кочевников также) могли крепиться чаши различной формы (и не только чаши). В постгеродотовское время достоверная находка деревянной чаши у пояса скифа зафиксирована в Бердянском кург. IV в. до н. э. (Болтрик и др. 1994: 146).

Однако, из приведенных данных вовсе не следует, что все народы, которые носили чаши на поясах – скифы, а все чаши, которые крепились к поясам, обязаны своим происхождением Гераклу. Исходя из этого, хотелось бы напомнить, что, как уже отмечалось ранее, чаша на поясе скифов, как и их священная чаша, названа Геродотом «фиалой», и это название введено в оба варианта этногонического предания о скифах, связанного с Северопонтийским регионом [Herod. IV, 5, 8–10]. Из этого следует, что «фиала» – и традиционный сосуд, который скифы носили на поясе (из-за этой *фиалы*, по рассказам греков, живущих у Понта, скифы и поныне носят *фиалы* на поясах: Herod. IV, 10), и отличительный знак для них (Кузнецова 2004: 102; 2002: 76; 2010: 259).

Исследователи отмечают, что фиала представляла собой сосуд «с неглубоким вместилищем и очень тонкими стенками», внутри которого «по середине дна возвышалась выпуклость – умбон или омфал» (Блаватский 1953: 49–50). Омфал был необходим, т. к. он давал возможность держать этот довольно плоский сосуд с невысокими стенками, опустив в углубление омфала (с внешней стороны сосуда) палец. Фиала в античном мире употреблялась для совершения жертвоприношений (возлияний) богам и была, в основном, культовым сосудом. Однако она могла употребляться и в быту, т. к. ее «было удобно брать с собой отправляющимся в путь или путешествие» (Там же). Фиалы с омфалом или умбоном появляются только в IV в. до н. э. (Онайко 1970: 20), а у более древних форм такой выступ на дне отсутствовал (Potier 1904: 434).

Следует напомнить также, что Геродот составлял свой рассказ в расчете на эллинское восприятие изложенных им сведений, поэтому, как показало исследование, был точен в своих дефинициях, поскольку для определения какой-либо формы сосуда употреблял термины по ассоциации с античной посудой (Кузнецова 2004). В тех случаях, когда форма сосуда была знакома греческому читателю, автор обходился без пояснений [Herod. IV, 2, 5, 7, 10, 62, 66], а если размеры или форма сосудов была незнакома грекам, приводил дополнительные уточнения [Herod. IV, 61, 70, 81]. Так, упоминая скифские бронзовые котлы, Геродот проводит их сравнение с «лесбосскими кратерами», а «котел Арианта» сравнивает с «кратером Павсания» [Herod. IV, 61, 81]. Исходя из этого, следует признать, что ни Геродот, ни его, провозглашенный В. А. Киселем предшественник, якобы оставивший неизвестный «письменный источник VII–VI вв. до н. э., посвященный кочевникам азиатских степей» (Кисель 2007: 77), путать «котел», как и любой иной сосуд, с «фиалой» не могли.

В отличие от Геродота, К. В. Чугунов менее конкретен в своих дефинициях, сравнивая рассматриваемую подвеску с бронзовыми котлами и определяя суммарно ее форму как миниатюрное «воспроизведение котла скифского типа», предположив что, «несмотря на исключительную редкость, эта категория предметов, как и ее прототип – котлы на поддоне – существовала на всей территории обитания ранних кочевников, от самого восточного до западного ее края». Правда он отметил, что «маленький золотой сосуд» повторяет по форме «большие медные котлы на коническом поддоне», подобные тем (рис. 1, 2, 3), которые «стояли за бревенчатыми стенами погребальной камеры» в царской могиле кургана Аржан-2» (Чугунов 2006).

Бронзовые котлы, по мнению исследователей, – это та часть погребального инвентаря, которая использовалась в обиходе и культовых действиях скифов (Манцевич 1961; Сеницын 1967: 47; Боковенко 1990: 172). Однако согласно письменным источникам скифские котлы являются исключительно сакральными предметами [Herod. IV. 61, 81].

При изучении скифских погребальных памятников Северного Причерноморья и Северного Кавказа удалось проследить, что обнаруженные в них бронзовые котлы, являясь символом (маркером) социума, выступали в погребальном обряде скифов как значимый социальный индикатор, который входил в состав сопроводительного инвентаря «царей» и «номархов» (Кузнецова 2007; 2008).

А. М. Хазанов убедительно показал, что «царская» власть и власть «номархов» у скифов носила следы традиционной родоплеменной структуры (Хазанов 1975: 183–185, 196–197). Изучение бронзовых котлов позволило предположить, что различия в их форме и оформлении могли служить индивидуальным признаком (родовым?) для определенных групп скифского населения (Кузнецова 2008).

Было бы заманчиво провести сравнение бронзовых котлов рассматриваемого региона с анализируемой подвеской из кург. Аржан-2, поскольку К. В. Чугунов отмечает, что «ритуальное назначение миниатюрного сосуда, несомненно, поэтому искать место этого атрибута нужно среди категорий сакральных предметов кочевой культуры» (Чугунов 2006). Однако пока еще на территории Евразии не обнаружена форма котла (рис. 1, 1), идентичная форме подвески (Studies... 2011), а большие бронзовые котлы, стоявшие в царской могиле кургана Аржан-2, и по форме тулова, и по наличию ручек, отличаются от нее (рис. 1, 2, 3). Поэтому интерпретация подвески «в форме котла», найденной пока в единственном экземпляре, представляется преждевременной. Тем более это касается ее атрибуции, которая должна базироваться на археологическом материале, а не на его толковании, поскольку, как пишет и сам автор раскопок, именно на основании полевой «документации могут быть сделаны те или иные выводы, которые, в свою очередь, приведут к реконструкции каких-то аспектов древности» (Чугунов 2006: 200).

- Бессонова 1983 – *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983.
- Блаватский 1953 – *Блаватский В. Д.* История античной расписной керамики. М., 1953.
- Боковенко 1990 – *Боковенко Н. А.* Скифские бронзовые котлы Северного Причерноморья (к проблеме выделения культурных типов) // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 166–174.
- Болтрик и др. 1994 – *Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е., Чередниченко Н. Н.* Бердянский курган // Российская археология. № 3. 1994. С. 140–156.
- Грач 1980 – *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
- Кисель 2007 – *Кисель В. А.* Рассказ Геродота и ритуальные сосуды древних кочевников // АЭАЕ. № 3 (31). 2007. С. 69–79.
- Кузнецова 2002 – *Кузнецова Т. М.* Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. М., 2002. Т. I.
- Кузнецова 2004 – *Кузнецова Т. М.* Сосуды скифов в «Истории» Геродота // Археологические памятники раннего железного века Юга России. М., 2004. С. 93–116 (МИАР. № 6).
- Кузнецова 2007 – *Кузнецова Т. М.* Скифские котлы (сакральный маркер социума) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб, 2007. Ч. 2. С. 239–243.
- Кузнецова 2008 – *Кузнецова Т. М.* Социальные индикаторы в погребальном обряде скифов (бронзовые котлы) // Проблемы современной археологии. М., 2008. С. 173 – 198.
- Кузнецова 2010 – *Кузнецова Т. М.* Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. М., 2010. Т. II.
- Манцевич 1961 – *Манцевич А. П.* Бронзовые котлы в собрании Государственного Эрмитажа // Исследования по археологии СССР. Л., 1961. С. 145–150.
- Мачинский, Чугунов 1998 – *Мачинский Д. А., Чугунов К. В.* Атрибуты женского культа в древних культурах Саяно-Алтая (пути генезиса, археологический и семантический аспекты) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб, 1998. С. 183–188.
- Онайко 1970 – *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н. э. М., 1970. (САИ. Вып. Д1-27)
- Синицын 1967 – *Синицын М. С.* Некоторые собственно скифские элементы в культуре Геродотовой Скифии // Записки Одесского археологического общества. Одесса, 1967. Т. II (35). С. 37–59.
- Хазанов 1975 – *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975.
- Чугунов 1996 – *Чугунов К. В.* Погребальный комплекс с кенотафом из Тувы (К вопросу о некоторых параллелях археологических и письменных источников) // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб, 1996. С. 69–80.
- Чугунов 2004 – *Чугунов К. В.* Аржан – источник // Аржан. Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб, 2004. С. 10–39.
- Чугунов 2006 – *Чугунов К. В.* Сосуд Гестии или чаша Геракла? Размышления по поводу одного шедевра // In Situ: к 80-летию проф. А. Д. Столяра. СПб, 2006. С. 200–207.
- Pottier 1904 – *Pottier E. Phiala // Daremberg M.* Dictionnaire des antiquites Grecques et Romaines. Paris, 1904. Т. 4.
- Studies... 2011 – *Studies on Ancient Cauldrons. Cultic or Daily Vessels in Eurasian Steppes.* Tokyo, 2011.

## К интерпретации некоторых изображений на оленных камнях

Оленные камни – специфический тип памятников евразийских степей эпохи бронзы и скифского времени. Они представляют собой каменные стелы различных размеров, иногда с антропоморфными, но, в основном, с зооморфными изображениями, среди которых доминируют стилизованные фигуры галопирующих оленей с длинными ветвистыми рогами. Данные памятники неоднократно были предметом изучения многих исследователей, определивших их датировку и ареал распространения (Волков 1981; Членова 1984; Худяков 1987; Савинов 1994; Варёнов 1998). Все исследователи определяют оленные камни как символические фигуры воинов, а изображения на них трактуют как татуировку или кожаные аппликации на одежде воинов.

Анализ ряда бронзовых изделий, как из музейных коллекций, так и из раскопок последних лет позволяют предложить еще один вариант трактовки таких изображений. Рассмотрим, в первую очередь, бронзовую пластину из частной коллекции (рис. 1, 1; Treasures... 1998: 68, fig. 62). Условия находки этой пластины неизвестны, но стилистика изображений позволяет связать ее с кругом скифо-сибирских культур. Форма пластины близка к трапециевидной, ее размеры – 31,5 × 8,5 см при толщине около 0,5 см, нижний край закруглен, верхний, более широкий, имеет подтреугольную форму. На лицевой стороне пластины расположено несколько орнаментальных зон: три из них представлены геометрическими композициями и две – зооморфными сюжетами. Геометрические композиции состоят из волн, три ряда которых находятся в центре пластины и по одному ряду – на ее нижнем и верхнем краях. Зооморфный сюжет в верхней части пластины представлен расположенными в зеркальной симметрии двумя фигурами оленей и двумя фигурами быков (рис. 1, 2). В нижней части пластины в два ряда (но уже практически в прямой симметрии) показаны сцены терзания: в каждом ряду изображен кошачий хищник, под которым находится голова копытного (лошади или кулана); позади зверя стоят в ряд три хищные птицы с длинными клювами (рис. 1, 3).

Вдоль длинных краев пластины и ее нижнего края на примерно равном расстоянии друг от друга расположены 37 отверстий диаметром 0,3–0,4 см. Наличие этих отверстий дало основание авторам каталога атрибутировать описанное изделие как украшение конской сбруи (вероятно, имелся ввиду налобник), крепившееся к коже (Treasures... 1998: 68). Однако для такого использования не требуется наличие многочисленных отверстий, поэтому вполне возможно предложить другое применение рассматриваемой пластины. Она могла быть частью защитного вооружения и использоваться либо как латы, либо (с помощью кожаных шнуров или сухожилий) соединяться с другой аналогичной пластиной или пластинами, образуя защитный панцирь.

Сходство фигур оленей и других животных на рассматриваемой пластине с изображениями на оленных камнях очевидно (рис. 1, 4). Поэтому можно предположить, что образы, выбитые на этих каменных изваяниях воинов, представляют не только татуировку или кожаные аппликации на одежде, но и зооморфные композиции на бронзовых доспехах, использование которых в степях в скифское время хорошо известно.

В археологических памятниках части таких доспехов представлены, прежде всего, бронзовыми шлемами, традиция изготовления и использования которых уходит в эпоху бронзы (Комиссаров 1988; Варёнов 1989). Долгое время такие шлемы скифской эпохи в восточной части степного пояса были известны по случайным находкам и, в единичных случаях, были найдены в ограбленных могилах (Эрдэнэбатар, Худяков 2000; Худяков, Эрдэнэ-Очир 2010; Варёнов 1994; сводку находок в восточном ареале степного пояса см.: Kang In Uk 2009). Раскопки последних лет в Северо-Восточном Китае не только дополнили коллекцию предметов вооружения, но и впервые, возможно, зафиксировали находки деталей доспехов *in situ*.



Рис. 1. 1–3 – бронзовая пластина с зооморфными изображениями из частной коллекции (1 – общий вид; 2 и 3 – зооморфные композиции в верхней и нижней частях пластины; по Treasures... 1998: fig. 62); 4 – изображение на Иволгинском оленем камне (по Окладников 1954); 5 – погребение 85 NDXA I M2 на стоянке Сяохэйшигоу, план и профиль. 1–4 – масштабы разные

В первую очередь это относится к могиле 2 в раскопе 1985 г. (85 NDXA I M2) на стоянке Сяохэйшигоу в уезде Нинчэн (Внутренняя Монголия). В конце XX в. в ходе раскопок было обнаружено несколько десятков захоронений, прорезавших культурные слои и хозяйственные сооружения стоянки. Кроме того, были собраны представительные коллекции бронзовых изделий, происходивших, видимо, из разных разрушенных погребений. В соответствии с годом работ эти коллекции (не представляющие собой реальный комплекс инвентаря какой-либо могилы) получили условное наименование «могила 8501», «могила 9601» и т. д. (Xiaoheishigou... 2009).

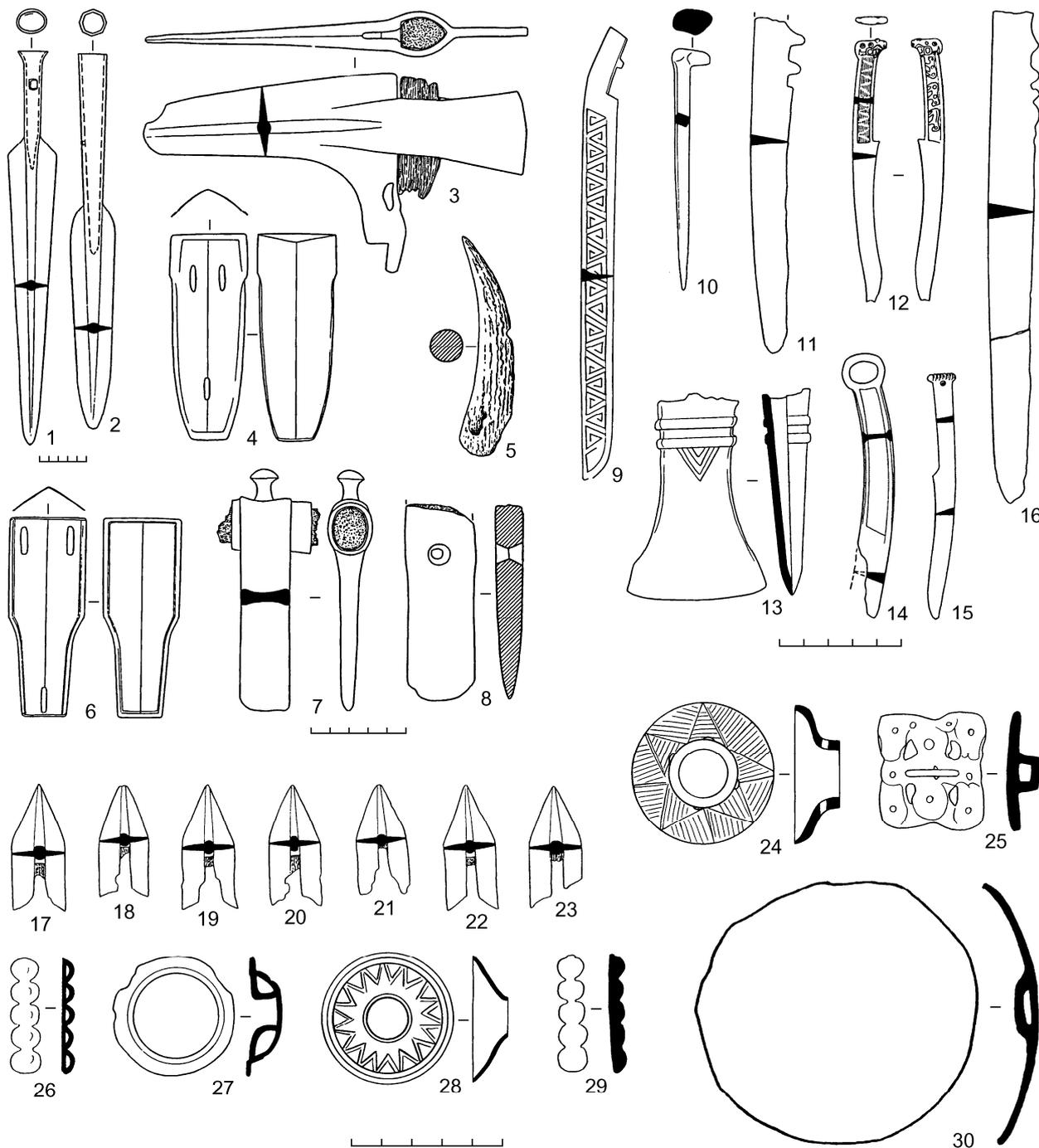


Рис. 2. Погребение 85 NDXA I M2 на стоянке Сяохэйшигоу, инвентарь

В целом на стоянке обнаружено шесть бронзовых шлемов, пять из которых найдены вне комплексов и еще один – в вышеупомянутой могиле. Захоронение совершено в деревянном гробу в неглубокой яме с вертикальными стенками (рис. 1, 5). Погребенный мужчина лежал на правом боку, головой на ЮВ, с вытянутыми руками и ногами, стопы отсутствовали. На голове умершего был бронзовый шлем с прямоугольной петлей в верхней части. В инвентаре (рис. 2) представлено бронзовое оружие (копье, кинжал, втульчатый чекан с подтреугольным острием и трапециевидным обухом, проушной прямоугольный топор с бойком на обухе, двухлопастные наконечники стрел), ножи, шилья, небольшой кельт, бронзовые втулки, поясные украшения из пяти полусферических бляшек каждое, квадратные бляшки из двух пар головок животных. За головой погребенного лежали каменный клиновидный предмет с отверстием (возможно, топорик) и острие из рога животного.

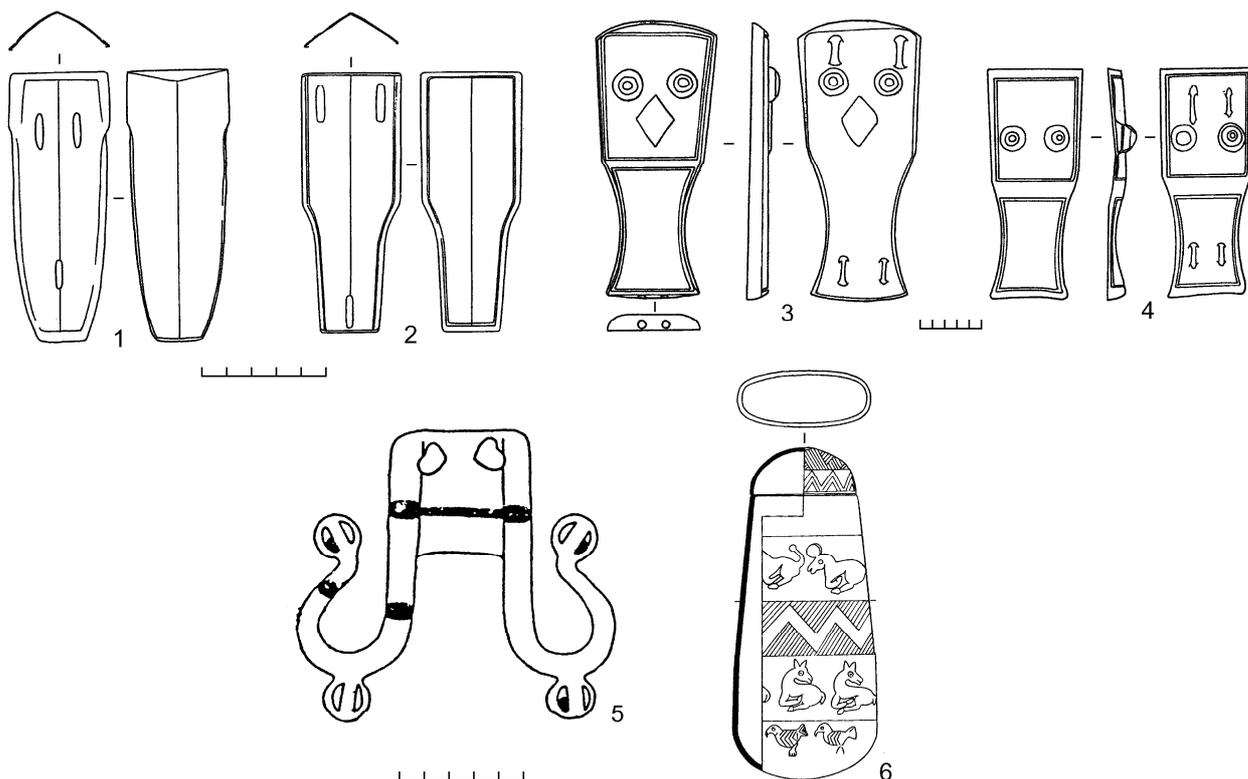


Рис. 3. Стоянка Сяохэйшигоу, бронзовые изделия: 1, 2 – пластины из погребения 85 NDXA I M2; 3 и 4 – пластины из т. н. могил M8501 и 9601; 5 и 6 – предметы из т. н. могил M8061 и 8501

Особый интерес представляют две бронзовые пластины, найденные в области предплечий погребенного (рис. 3, 1–2). Их размер в публикации приведен не совсем корректно: на таблице с рисунками инвентаря пластины имеют примерно одинаковый размер, тогда как в описании находок сказано, что одна пластина имеет длину 22,1 см, другая – 11,4 см (Xiaoheishigou... 2009: 298, рис. 238). Исходя из размеров могилы (285 × 100 см) и соотношения размеров пластин с другими категориями инвентаря вероятной длиной пластин является 22 см. Одна из них имеет форму неправильной трапеции с округлыми длинными краями, нижняя часть другой выполнена в форме прямоугольника, а ее верхняя часть сужается в форме трапеции. Сечение пластин треугольное, на оборотной стороне имеются две петли в верхней части и одна – в нижней. Авторы раскопок атрибутируют данные изделия как конские налобники, что вряд ли оправданно: в инвентаре захоронения 85 NDXA I M2 нет предметов, которые можно было бы связать с деталями конской упряжи (тогда как в других погребениях они встречаются). Учитывая расположение пластин *in situ* в области предплечий и наличие петель для крепления этих предметов, можно предположить, что они могли использоваться как латы и, наряду со шлемом, служить для защиты от ударов рубящим оружием.

Сходные по форме и, возможно, аналогичные по назначению пластины известны на стоянке и среди случайных находок (собрание предметов под условным номером «M8501» и «M9601»). Длина одной из них – 24 см, другой – 20 см. Верхняя часть пластин имеет форму трапеции со скругленным верхним краем, нижняя часть суживается в форме неправильной трапеции с вогнутыми длинными сторонами (Xiaoheishigou... 2009: рис. 330, 2, 10). На лицевой стороне пластин в центре верхней части имеются две выпуклости; на пластине «M8501», кроме того, виден небольшой выступ под выпуклостями в виде ромба (возможно, в целом эти детали имитируют личину); на оборотной стороне обеих пластин с коротких сторон имеются небольшие петли для крепления (рис. 3, 3–4).

Принадлежность погребения 85 NDXA I M2, как и большинства других захоронений на стоянке Сяохэйшигоу, к дальневосточному ареалу скифского мира очевидна (Миняев 1991). Об

этом свидетельствует инвентарь могил, где представлены многие предметы, как найденные в погребениях скифского времени, так и изображенные на оленных камнях (кинжалы, чеканы, топоры, держатели поводьев), а также «скифо-сибирский» стиль изображений, представленных на ряде изделий (рис. 3, 5–6).

Однако связь рассматриваемых погребений с культурой «верхнего слоя Сяцзядянь» (к которой относят саму стоянку) по-прежнему остается дискуссионной. Как и на опорном памятнике данной «культуры» стоянке Сяцзядянь, слой стоянки Сяохэйшигоу и связанные с ним безынвентарные погребения в круглых ямах были прорезаны захоронениями с инвентарем скифского облика, часто совершенными в каменных саркофагах, реже – в деревянных гробах или гробах, вставленных в каменный саркофаг. Именно поэтому объединение в одну культуру слоя стоянок типа «верхнего слоя Сяцзядянь», безынвентарных захоронений, найденных в слоях стоянок, и прорезавших их погребений с инвентарем скифского облика представляется преждевременным. Последнюю группу захоронений следует обозначить иным термином: погребения типа «Наньшаньгэнь» (Миняев 1991: 173) или, по месту одной из первых находок, погребения типа «Шиэртаинцзы» и пока рассматривать отдельно от культуры, представленной в стоянках типа «верхнего слоя Сяцзядянь». Сам же феномен «культуры верхнего слоя Сяцзядянь» нуждается в более детальном анализе во избежание терминологической и хронологической путаницы (Миняев 1985: 78; 1991: 173).

Учитывая принятую к настоящему времени хронологию стоянок типа «верхнего слоя Сяцзядянь» – 1000–600 гг. до н. э. (Regional archaeology... 2003), указанную стратиграфическую позицию рассматриваемых погребений, а также аналогии большинству находок из «впускных» погребений в Сяохэйшигоу среди скифских культур Центральной Азии, вероятной датой таких погребений является вторая половина периода Чуньцзо–первая половина периода Чжаньго, около VII–IV вв. до н. э.

Варёнов 1989 – *Варёнов А. В.* Древнекитайский комплекс вооружения эпохи развитой бронзы. Новосибирск, 1989.

Варёнов 1994 – *Варёнов А. В.* Бронзовые шлемы на границах чжоуского Китая и их «кубанские» аналоги // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. История и культура востока Азии. Новосибирск, 1994.

Варёнов 1998 – *Варёнов А. В.* Оленные камни из Восточного Туркестана // ТД конф. по первобытному искусству. Кемерово, 1998. С. 91–92.

Волков 1981 – *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981.

Комиссаров 1988 – *Комиссаров С. А.* Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск, 1988.

Миняев 1985 – *Миняев С. С.* К проблеме происхождения сюнну // Информационный бюллетень Международной Ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М., 1985. Вып. 9. С. 70–78.

Миняев 1991 – *Миняев С. С.* Новая зона скифского мира на северо-востоке КНР // Общество и государство в Китае. М., 1991. Вып. XXII. С. 170–174.

Окладников 1954 – *Окладников А. П.* Оленный камень с реки Иволги // СА. 1954. Т. XIX. С. 207–220.

Савинов 1994 – *Савинов Д. Г.* Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб, 1994.

Худяков 1987 – *Худяков Ю. С.* Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 136–162.

Худяков, Эрдэнэ-Очир 2010 – *Худяков Ю. С., Эрдэнэ-Очир Н.* Бронзовый шлем – новая находка в Монголии // АЭАЕ. 2010. № 1 (41). С. 53–60.

Членова 1984 – *Членова Н. Л.* Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск, 1984.

Эрдэнэбаатар, Худяков 2000 – *Эрдэнэбаатар Д., Худяков Ю. С.* Находки бронзовых шлемов в плиточных могилах Северной Монголии // Российская археология. 2000. № 2. С. 140–148.

Kang In Uk 2009 – *Kang In Uk.* The Origin and Diffusion of the bronze helmets from Upper Xiajiadian Culture (12–7 century B.C.) // The Collection of International Symposium on Ordos Bronze Wares. Beijing, 2009. P. 221–266.

Regional archaeology... 2003 – Regional archaeology in Eastern Inner Mongolia: The Chifeng International Collaborative Archeological Research Project. Beijing, 2003.

Treasures... 1998 – Treasures of the Eurasian Steppes. New York, 1998.

Xiaoheishigou... 2009 – Xiaoheishigou: Xiajiadian shang ceng wen hua yi zhi fa jue bao gao. Beijing: Ke xue chu ban she/ Beijing, 2009 (на кит. яз).

**О. С. Советова (Кемерово, Россия)**

## **Об одном спорном изображении кинжала из Оглахты I**

В 1960-х гг. в зоне затопления Красноярского водохранилища работал Каменский отряд Красноярской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Я. А. Шера. Уже неоднократно писали о том, что сотни великолепных петроглифов, сконцентрированных на прибрежных скалах Енисея, в результате промышленного освоения края оказались затопленными и фактически уничтоженными. Одним из выдающихся памятников наскального искусства, многие рисунки которого ожидала эта печальная участь, являются Оглахты. Эти рисунки, по описаниям современников, находились на обнажениях горы, обрывающейся к Енисею. Между отвесной скалой писаницы и рекой было около 10 метров суши, отчего доступ к ним во время разливов Енисея был возможен только с лодки. Известно, что здесь, в Оглахты I (по Я. А. Шеру), было сосредоточено огромное количество многофигурных разновременных композиций (в т. ч. палимпсестов), свидетельствующих о длительном почитании этих мест. Имеются сведения о том, что еще хакасы устраивали возле Оглахтинских скал с петроглифами свои праздники. И. Т. Савенков писал: «На памяти старожилков и стариков-инородцев, около некоторых больших петроглифов бывали многочисленные собрания, на которых шаманами делались посвящения (изых) животных, особенно коня» (Савенков 1886: 95).

Подавляющее большинство изображений представляло собой животных. По всей вероятности самым ранним можно считать пласт петроглифов в «минусинском стиле». Среди рисунков Оглахты I было много уникальных. К сожалению, полного представления о количестве затопленных изображений нет. В исследовательских описаниях много неразберихи, да и просто курьезной информации. Так, напр., Г. И. Спасский упоминает «изображение свиньи» (Спасский 1857: 37), которого здесь никогда не было (судя по всему, это описание делалось по рисунку Титова). Р. В. Николаев сообщал об изображении нерпы, которая, по его комментарию, «в настоящее время никогда не заходит в эти места; изображение лодки с сооружением типа юрты на ней» (Николаев: 10) и др. Но сохранились фотографии и прорисовки многих действительно мастерски выполненных уникальных композиций и отдельных фигур. Среди рисунков тагарской эпохи – это серия своеобразных «разрисованных» коней (Советова 2005), некоторые из которых «клювоголовые», напоминающие пазырыкских «коне-грифонов» и клювоголовых персонажей скифского и гунно-сарматского искусства (Черемисин 2008); сцена с т. н. господином коней, известная по прорисовкам эстампажа А. В. Адрианова (Шер 1993; Миклашевич, Ожередов 2008: рис. 16, фото 17–19), в 1966 г. выпиленная сотрудником Хакасского краеведческого музея г. Абакана А. Н. Липским и вывезенная в музей. К счастью, ее фрагменты в 2006 г. были обнаружены в фондах Хакасского Республиканского краеведческого музея (Миклашевич, Ожередов 2008). К слову, аналогичная композиция не так давно обнаружена на горе Куня (Советова 2006).

Определенная часть ныне затопленных рисунков уже опубликована и осмыслена (Вяткина 1961; Шер 1980: рис. 87–90; 1993; Sher et al. 1994; Советова 2005; Миклашевич, Ожередов 2008; и др.). Но, к сожалению, многим из этих петроглифов не повезло, они в силу разных обстоятельств так и не вошли в научный оборот, несмотря на их исключительно важное значение для исторических реконструкций. В фотоархиве Я. А. Шера, который хранится в «Музее археологии, этнографии и экологии Южной Сибири» КемГУ, имеется несколько фотографий плоскостей с изображениями

Оглахты I (Шер, фотоархив: ОI–100–102). Если рассматривать рисунки слева направо, то первой (ОI–100) будет сцена с неким антропоморфным персонажем («вписанным» в дугу и как бы «стоящим» на двух безрогих оленях), рядом с которым в противоестественной позе лежит конь, вытянувший вперед задние и передние ноги, весь корпус которого расчерчен на квадраты, а на крупе имеется солярный символ (рис. 1, 2). Е. А. Миклашевич и Ю. И. Ожередову в Архиве Музея антропологии и этнографии ТГУ удалось обнаружить письмо от неустановленного корреспондента, адресованное А. В. Адрианову, относящееся к 1907 г., в котором тот пишет: «На Оглахтах писаницы есть в начале горы над самою водой <...> большой зверь «тигр» с колесом на задней ноге» (Миклашевич, Ожередов 2008: 161, рис. 1). Про рисунки этой плоскости в 1857 г. Г. И. Спасский писал: «великан покоится на головах двух стоящих под ним оленей. <...> Лежащая влево от него огромная лошадь, с изображенными около нее небольшой лошадейю и свиньей, украшенная по всему телу четырехугольниками, а на задней части изображением колеса, вероятно, не что иное, как идол-покровитель конских табунов; чему донныне видим пример у кочевых племен тех мест, в изваянии барана – покровителя стад» (Спасский 1857: 37). Большинство исследователей эта сцена отнесена к тагарской эпохе.

На второй плоскости (ОI–102) изображены две фигуры животных, выполненные в минусинском стиле, взаимоперекрывающие одна другую, – олень и лосиха. Поскольку, очевидно, они неоднократно подновлялись, палимпсест представляет трудности в определении перекрывания одной фигуры другой. Под этими фигурами животных, выполненных в «минусинском стиле», имеется изображение *кинжала* (рис. 1, 3, 10). Удивительно, что это изображение до сих пор не получило заслуженного внимания. Мне удалось найти упоминания о нем только в связи с определением его как «лика» (Есин 2010: 71), «маскоида» (Ковтун 2001), с чем можно согласиться лишь с большой натяжкой. Даже на фотографии хорошо видно, что это именно кинжал. Тем более, что имеются вполне убедительные изобразительные аналогии. Наиболее близкая из них – изображение из Хар-Чулуна (Монгольский Алтай) (рис. 1, 6). По мнению Д. Г. Савинова, там представлен *кинжал в ножнах* с округлым наконечником и отходящим в сторону ремнем. Этот рисунок выполнен в натуральную величину (его длина 42 см) на отдельном камне (Савинов 2008: 41; Кубарев 2000). М. В. Гореликом приводятся прекрасные прорисовки кинжалов в ножнах с изобразительных памятников (рис. 1, 12).

Кинжал в Оглахты I расположен под изображениями, выполненными в «минусинском стиле», и среди целого массива изображений скифской эпохи. Видимо, рисунков других хронологических срезов здесь нет. Нельзя сказать, что этот кинжал – единственное изображения подобного оружия на Оглахтах. Наиболее известны выявленные изображения кинжалов в урочище Кизань, которые большинством исследователей датированы в пределах карасукской эпохи (Пяткин 1985; Савинов 2008: 44; и др.). Но рассматриваемый кинжал резко отличается от вышеназванных своим широким лезвием. У него прямое перекрестье, концы которого имеют дугообразные «отростки» (возможно, так переданы вертикальные ограничители?), направленные вниз; рукоять сужается к навершию, имеющему полуовальную форму и в какой-то мере напоминающему человеческую голову с более широкой верхней частью, сужающейся в области «подбородка».

Очень важно понять, к какому времени относится этот кинжал, т. к. явной его связи с изображениями животных, под которыми он нанесен, как будто нет. От его датировки будет зависеть доказательство возможной взаимосвязи изображений всех трех плоскостей, глубина семантики всей сцены. Также важно определить место происхождения этого кинжала, т. к. среди местных материалов явных аналогий мною не обнаружено.

На третьей плоскости (ОI–103) очевиден палимпсест. Нижний слой представляют изображения животных, выполненных, скорее всего, в «минусинском стиле» (черновское и «ангарские» – Ковтун 2001: 100). Частично их перекрывая, уже в другую эпоху (в тагарскую) была выбита батальная сцена, в которой участвуют разновеликие фигуры, вооруженные луками разных типов (рис. 1, 4).

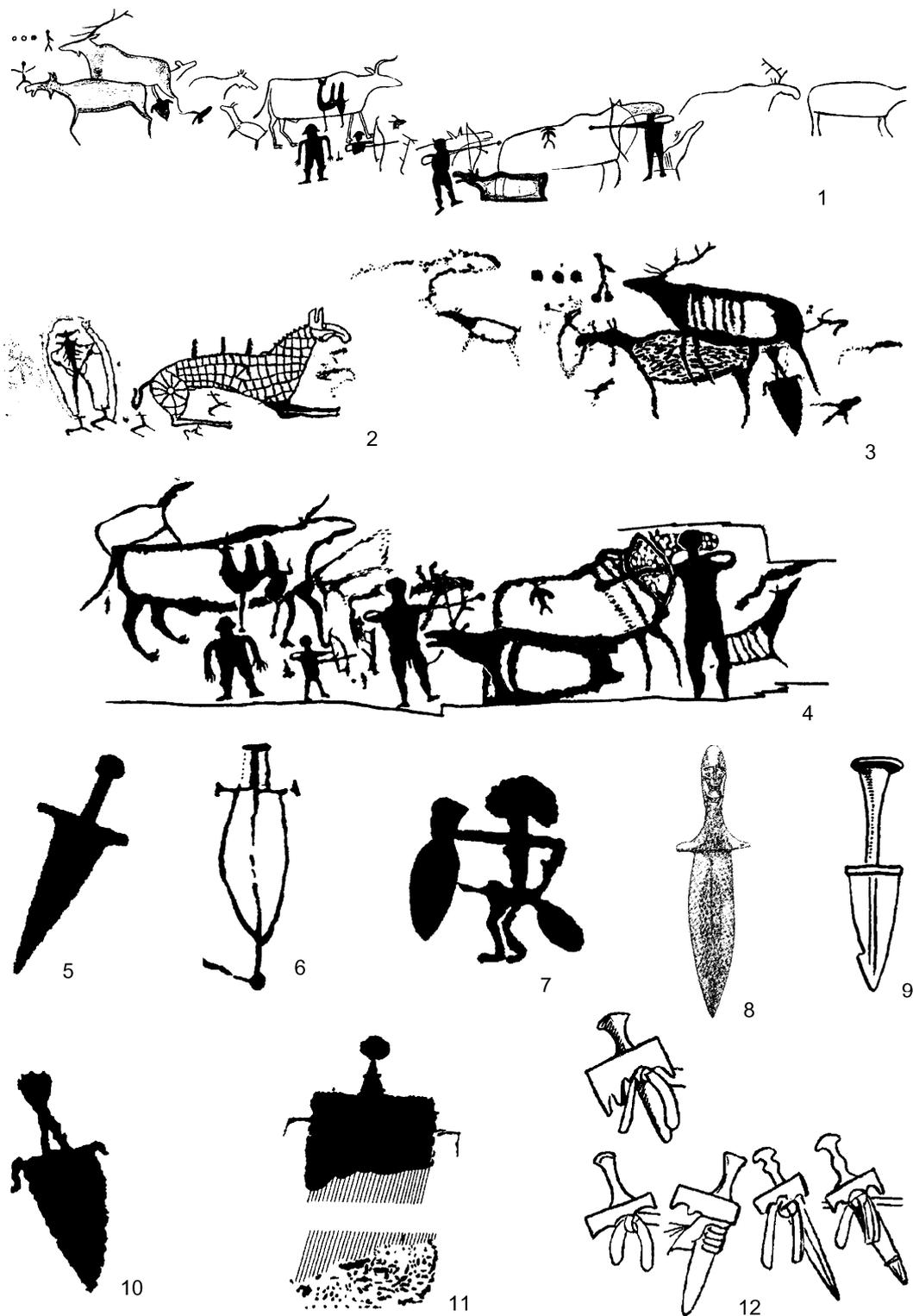


Рис. 1. 1 и 2–4 – Оглахты I, фриз и плоскости с рисунками (по Sher et al. 1994); 5 – олений камень, Монголия (по Новгородова 1989); 6 – Хар-Чулун, Монгольский Алтай (по Кубарев 2000); 7 – Бага-Ойгур, Монгольский Алтай (по Jacobson et al. 2001); 8 – кинжал «меч-бог» (?), Иран (по Godar 1962); 9 – кинжал «восточножюуского» типа, р-н г. Сячжоуфу, V в. до н. э. (по Горелик 1993); 10 – изображение кинжала, Оглахты I (по Sher et al. 1994); 11 – Усть-Туба (по Vlednova et al. 1995); 12 – рельефы дворца Ксеркса в Персеполе (по Горелик 1993)

Подобные лучники были и на соседней плоскости, что свидетельствует, по-видимому, о каком-то «сквозном» сюжете. Е. А. Миклашевич в 1999 г. при очень низком уровне воды удалось ее скопировать и позднее воссоздать панораму плоскости (Миклашевич, Ожередов 2008: 161, рис. 1).

Самая ранняя из известных публикаций рассматриваемых сцен, выполненная художником «на глаз», а потому с искаженными пропорциями и утратой многих значимых фигур и их элементов, принадлежит И. Т. Савенкову, полагавшему, что на этих трех плоскостях запечатлена единая по смыслу композиция (рис. 1, 1). Эта зарисовка принадлежит, очевидно, чиновнику Титову, выполнившему ее в середине XIX в. по заказу, сделанному через губернатора Г. И. Спасским (Савенков 1910: 78). «Лежащий» конь также неоднократно публиковался. Наиболее известная копия принадлежит А. В. Адрианову, который выполнил ее эстампжным способом (эстампаж недавно обнаружила в фондах МАЭ Е. А. Миклашевич) (Миклашевич, Ожередов: 2008: рис. 1). Прорисовку этого эстампажа в свое время также публиковали К. В. Вяткина (1961: рис. 1), Н. Л. Членова (1981: рис. 4), Я. А. Шер (1980: рис. 87; Sher et al. 1994) (рис. 1, 2).

В силу необычности сцена с конем и человеком в «дуге» особенно интересовала исследователей. И. Т. Савенков, в частности, считал, что фигура человека в головном уборе с полями (рогатом?) связана с сооружением стены Оглахтинского городища. Исследователь, описывая рисунок, отмечал, что в руках тот держит две «меньшие человеческие фигуры». Справа от его ноги начинается двойная линия, идущая вверх, изгибающаяся над его головой в виде дуги, заканчивающейся внизу у левой ноги. «Под ногами большого человека изображены три скачущих животных, по-видимому, козы» (Савенков 1886: 103). Сам И. Т. Савенков отмечал неточность рисунков Титова. По его сведениям, зарисовывал эту сцену и некто Шехолдоев. Он писал, что «при рисовании богатырского коня Шехолдоев не высказал знания легенды об этом коне» (Там же). По поводу техники выполнения этих рисунков он отмечал: «Богатырский конь вблизи великана по рисунку современен немногим старейшим изображениям Майдашинского утеса, сеченым бороздчатым, а не запятовидным штрихом» (Там же: 65).

По описаниям Р. В. Николаева, «фигура правого маленького человека отсутствовала, разрушившись, вероятно, от времени. Интересно, что дуга, опоясывавшая фигуру, отчасти напоминает Оглахтинскую стену в плане, которая, начинаясь от берега Енисея к югу от Оглахтинских гор, идет на запад, поворачивает затем на север, огибает горный узел, затем обрывается у берега Енисея к северу от Оглахтинских гор, подобно тому, как дуга над фигурой обрывается у ног великана. И. Т. Савенков видел в названной фигуре одного из древних властителей этой местности, окруженного двойным покровом и дающего убежище и защиту двум представителям соседних племен или родов с их сородичами» (Николаев: 6). Сам Р. В. Николаев предложил иное толкование этой сцены: «В древности весьма обычно изображение повелителя, намного превосходящее по размеру изображения его подданных. Достаточно ярким примером тому могут служить общеизвестные рисунки древнего Двуречья и Египта, где фигуры царей и фараонов всегда даны в огромных размерах по отношению к фигурам подданных и рабов. Кажется, что изображение великана, держащего в руках маленьких людей и окруженного дугой, передающей в плане Оглахтинскую стену, может изображать правителя Оглахтинских горных долин, повелевающего подданным соорудить стену вокруг своих владений. Если это так, то необходимо предположить наличие известного социального неравенства и племенной аристократии, что должно было иметь место в Хакасско-Минусинской котловине, во всяком случае, не ранее конца второй и начала третьей стадии. Таким образом, приведенные факты как будто указывают на возможность сооружения Оглахтинской стены в конце II стадии тагара. Может быть, она была создана для защиты от гуннов, усиливших натиск на север на рубеже III–II вв. до н. э. в направлении шаньюя Модэ и его преемников» (Там же: 7).

Если посмотреть местный материал, то, пожалуй, самой близкой аналогией является кинжал из Минусинского округа, относящийся к IV в. до н. э. (Горелик 1993: табл. XII, 4), сближающийся с рассматриваемым изображением округлым навершием и прямым перекрестьем. Но очевидно, что на этом сходство и ограничивается. Определенное сходство дают китайские материалы.

Так, кинжал из района Сючжоуфу провинции Цзянсу царства Су, относящийся к V в. до н. э. (Там же: табл. XIII, 10), имеет такое же короткое и довольно широкое лезвие и сужающуюся к навершию рукоять (рис. 1, 9).

Относительно «свисающих» с перекрестья дугообразных элементов можно сделать и другие предположения, напр., что здесь акцентирована какая-то необычная форма перекрестия. Так, среди китайских экземпляров имеются кинжалы с волютообразными концами перекрестий, они появляются в Китае в конце II тыс. и, по мнению М. В. Горелика, приближаются к западным кинжалам днепро-уральского региона срубной культуры XIII–XII вв. до н. э. От степных они отличаются маленькими листовидными клинками с закругленными концами, имеющими только режущую функцию. М. В. Горелик отмечает, что их редкость в этот период, а также весьма низкая функциональная эффективность говорят о том, что эти предметы к оружию можно отнести лишь условно, и они являлись, скорее, регалиями знати, нежели собственно оружием (Горелик 1993: 19). Среди иранских материалов мне попался опубликованный А. Годаром кинжал, у которого в месте соединения рукояти с клинком помещено изображение зверя – его голова и свисающие лапы, удивительным образом напоминающие рассматриваемые элементы оглахтинского кинжала (Godar 1962: fig. 108). Не исключено также, что эти «дуги» были подбиты к изображениям кинжалов позднее – возможно, при их помощи хотели придать изображению признаки антропоморфности. О том, что это был существенный для художников элемент, свидетельствует аналогия из этого же региона: изображение с Усть-Тубы (Blednova et al. 1995) (рис. 1, 11); подобная фигура, напоминающая оглахтинский кинжал, есть на Бычихе. Если на самом деле на навершии имелись прорисованные детали лица (про впечатление о которых в устной беседе делился и Я. А. Шер), то в качестве аналогии можно привести еще один кинжал из Ирана, опубликованный А. Годаром – «меч-бог»(?) (рис. 1, 8; Godar 1962: fig. 106).

Таким образом, предварительно можно предположить, что рассматриваемое изображение представляет кинжал в ножнах (рис. 1, 12), который, судя по короткому широкому клинку, округлому навершию и прямому перекрестию, может быть отнесен к переходному «карасук-тагарскому» или раннетагарскому времени. Не исключено, что семантически он связан с животными, под которыми расположен, являясь кинжалом «жертвенным» (т. е. ритуальным, а не боевым), чем и предопределена его форма. Возможно, определенный ключ дают расположенные рядом батальные сцены скифской эпохи, в которых представлены разновеликие воины с разными типами луков в руках (в т. ч. со скифским), а также довольно редкое для этих мест изображение двугорбого верблюда (рис. 1, 4). По мнению А. Н. Мухарёвой, образ верблюда, как и само животное, «пришли» сюда из среднеазиатских степей и Казахстана. Присутствие верблюдов в Минусинской котловине во второй половине II тыс. до н. э. зафиксировано (по костям этих животных) на двух памятниках карасукской культуры – Горе Ильинской и Горе Георгиевской (Киселёв 1951: 141; Мухарёва 2007: 108).

Вяткина 1961 – *Вяткина К. В.* Наскальные изображения Минусинской котловины // СМАЭ. 1961. Т. XX. С. 188–237.

Горелик 1993 – *Горелик М. В.* Оружие древнего Востока. М., 1993.

Есин 2010 – *Есин Ю. Н.* Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 53–73.

Киселёв 1951 – *Киселёв С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

Ковтун 2001 – *Ковтун И. В.* Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. Новосибирск, 2001.

Кубарев 2000 – *Кубарев В. Д.* Алтай – заповедная зона (предварительные результаты полевых исследований 1993–1998) // Тр. Междунар. конф. по первобытному искусству. Кемерово, 2000. Т. II. С. 64–77.

Миклашевич Ожередов 2008 – *Миклашевич Е. А. Ожередов Ю. И.* Фотографии сибирских писаниц в наследии А. В. Адрианова // Тропой тысячелетий: К юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово, 2008. С. 156–187.

Мухарёва 2007 – *Мухарёва А. Н.* Сцены с верблюдами в наскальном искусстве Минусинской котловины // АЭАЕ. 2007. № 4 (32). С. 102–109.

- Николаев – Николаев Р. В. Археологические памятники Оглахтинского горного узла // Личный архив О. С. Советовой. Рукопись статьи.
- Новгородова 1989 – Новгородова Э. А. Древняя Монголия. М., 1989.
- Пяткин 1985 – Пяткин Б. Н. Камень с рисунками в урочище Кизань (гора Оглахты) // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С. 118–127.
- Савенков 1886 – Савенков И. Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия Вост.-Сиб. Отд. Имп. РГО, 1886. Т. XVII. № 3–4. С. 26–105.
- Савенков 1910 – Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее: Сравн. археолого-этнограф. очерки. М., 1910 (Тр. XIV АС в Чернигове в 1908 г. Т. 1).
- Савинов 2008 – Савинов Д. Г. «Меч-кладенец» на скалах Центральной Азии и Южной Сибири // Тропою тысячелетий: К юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово, 2008. С. 40–52.
- Советова 2005. – Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее: (Сюжеты и образы). Новосибирск, 2005.
- Советова 2006 – Советова О. С. «Господин коней» на Кунинских скалах // Археология Южной Сибири: Сб. науч. тр., посвящ. 30-летию кафедры археологии КемГУ. Кемерово, 2006. Вып. 24. С. 128–130.
- Спаский 1857 – Спаский Г. И. О достопримечательных памятниках Сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими // Записки Императорского Археологического Общества. 1857. Кн. 12.
- Черемисин 2008 – Черемисин Д. В. К семантике образа клювоголового оленя в пазырыкском искусстве // Тропою тысячелетий: К юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово, 2008. С. 99–105.
- Членова 1981 – Членова Н. Л. Тагарские лошади (О связях племен Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981. С. 80–94.
- Шер, фотоархив – Шер Я. А. Оглахты I // НА Музея археологии, этнографии и экологии Южной Сибири КемГУ, № 955.
- Шер 1980 – Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
- Шер 1993 – Шер Я. А. «Господин коней» на берегах Енисея // ПАВ: Сб. археологических статей в честь 56-летия Д. А. Мачинского. 1993. № 6. С. 17–22.
- Godar 1962. – Godar A. L'art de l'Iran. Paris, 1962.
- Blednova et al. – Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J. A., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. Sibirie du Sud 2: Tepsej I–III, Ust-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). 1995 (RPAC. Fasc. 2).
- Sher et al. 1994 – Sher J. A., Blednova N., Legtchilo N., Smirnov D. Sibirie du Sud 1: Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). 1994 (RPAC. Fasc. 1).
- Jacobson et al. 2001 – Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D. Mongolie du Nord-Ouest Tsagaan Salaa/Baga Oigor. 2001 (RPAC. Fasc. 6).

**С. В. Панкова (Санкт-Петербург, Россия)**

### **Неизвестные фрагменты тепсейских миниатюр**

В 1968 г. Красноярская экспедиция ЛОИА АН СССР, руководимая М. П. Грязновым, проводила раскопки древних памятников у подножия горы Тепсей на Енисее. При исследовании одного из таштыкских склепов здесь впервые были обнаружены деревянные плакетки с тончайшими гравировками – сюжетными композициями с участием людей и животных. Обугленные в горящем склепе планки раскололись на фрагменты, часть из которых оказалась утрачена, но сохранившиеся гравировки поражали детальностью и мастерством исполнения. Изображения тепсейских плакеток были предварительно опубликованы вскоре после их открытия, а затем еще раз, подробно и с уточнениями, в прорисовках Л. Н. Баранова (Грязнов 1971; 1979). Особая манера их исполнения, присущая и ряду наскальных изображений, позволила считать их произведением местных мастеров (Грязнов 1971: 106). В представленных сценах, с трудом поддающихся дешифровке, М. П. Грязнов увидел отражение исторического фольклора таштыкского населения (Там же: 104; Грязнов 1979: 145). Эти первые исследования таштыкских гравировок стали основой их дальнейшего изучения, а сами тепсейские миниатюры предстали как новый удивительный источник.

Как и другие материалы раскопок на Тепсее, деревянные планки были переданы в ГЭ, где находятся и по сей день – на экспозиции и в фондах. В ходе недавнего исследования тепсейской коллекции была определена древесина плакеток – береза,<sup>59</sup> сделаны единичные уточнения в про-рисовках гравировок, а также выявлены фрагменты планок с изображениями, по какой-то причине не вошедшими в публикации. Это два небольших кусочка с двусторонними изображениями, а также резные фигуры с одной стороны планки б (здесь и далее используется нумерация, данная М. П. Грязновым).

На фрагменте плакетки размером  $7 \times 4$  см выпукло-вогнутого сечения частично сохранились изображения воина на одной стороне и коня – на другой (рис. 1, 1). Фрагмент относится к планке 4 (Грязнов 1979: рис. 61, 2–3), о чем свидетельствуют их сходные параметры – ширина и толщина, а также изобразительные особенности, специфичные для одной только этой планки – подчеркнута крепкие, тяжеловесные фигуры коней с массивными копытами, характерный абрис фигуры воина. Равномерно уплощенная планка 4 обломана с обоих концов, у одного из которых ее сечение становится выпукло-вогнутым. Вероятно, именно с этого края планки и располагался наш фрагмент. Тогда фигура человека на его вогнутой стороне могла находиться позади быков с бороной (рис. 1, 2, *фиг.* 7–8), а изображение коня на выпуклой стороне примыкать к фигуре воина, обращенного влево (рис. 1, 2, *фиг.* 9–10). Невозможность непосредственной стыковки частей планки определяет предположительный характер такой реконструкции. Если она верна, то с присоединением нового фрагмента на обеих сторонах плакетки образуются комбинации фигур, уже известные по другим гравировкам. Одна из них – пара быков с бороной и человеческая фигурка позади них (см. напр., Грязнов 1979: рис. 59, 2; Подольский 1998: рис. 1, 3а; Панкова 2004: 52–53; рис. 2), вторая – изображение коня и воина с протянутыми к нему руками. Последнее сочетание может представлять вариант сцен «взнуздывания», наиболее достоверно узнаваемых на тепсейских планках 3 и 6 (Грязнов 1979: рис. 59, 3; 61, 4). Выявление на планках таких повторяющихся комбинаций фигур – устойчивых смысловых моментов – оказывается на сегодняшний день единственным способом проникнуть в сюжетный ряд миниатюр, т. к. попытки их линейного прочтения до сих пор не удавались (Михайлов 1995: 17; Подольский 1998: 202–204).

Следующий фрагмент планки размером  $3,3 \times 2,6 \times 0,8$  см обломан с трех сторон, а его целый край представлен нижней кромкой. На одной стороне вплотную к кромке изображено колесо, на другой – задние и передние ноги двух копытных (рис. 2, 1). Принадлежность фрагмента определенной планке установить не удастся, по толщине и сечению фрагмента вероятно его связь с плакетками 2, 3 или 8. В изображении колеса показаны ступица, обод (?), значительное число спиц, а также пара дуговидных линий, идущих от колеса влево и вверх. Описанный фрагмент – первое достоверно таштыкское изображение колеса, представлявшего, вероятно, часть повозки. Ранее к числу таштыкских предположительно была отнесена наскальная гравировка четырехколесной повозки, обнаруженная вблизи Ошкольской писаницы и расположенная среди фигур таштыкского облика (Севастьянова 1980: 105, рис. 1, 3). Есть, однако, и другие мнения о возрасте этого изображения – эпоха бронзы или раннескифское время (Новожёнов 1994: 100–101; Савинов 2002: 29–30). В ходе наших работ на Ошкольской писанице в 2002–2003 гг. обнаружить композицию с повозкой не удалось; ее примерный облик можно предполагать в коллаже В. Ф. Капелько в зале «Древнее искусство Сибири» Хакасского национального краеведческого музея им. Л. Р. Кызласова (Панкова 2012: 79–80, рис. 4). Ошкольскую повозку и тепсейское колесо сближает резная техника исполнения, большое количество спиц и выделенные ступицы – особенности, редкие для степных изображений колесного транспорта более раннего времени. На обоих изображениях имеются диагонально ориентированные линии, идущие от центра колеса за его пределы.

---

<sup>59</sup> Определение касается планок 1, 4, 6 и 7, от которых удалось взять достаточные образцы дерева для идентификации микроскопическим методом по признакам анатомического строения. Определения выполнены в Отделе Научно-технической экспертизы канд. биол. наук М. И. Колосовой, которой я искренне признательна.

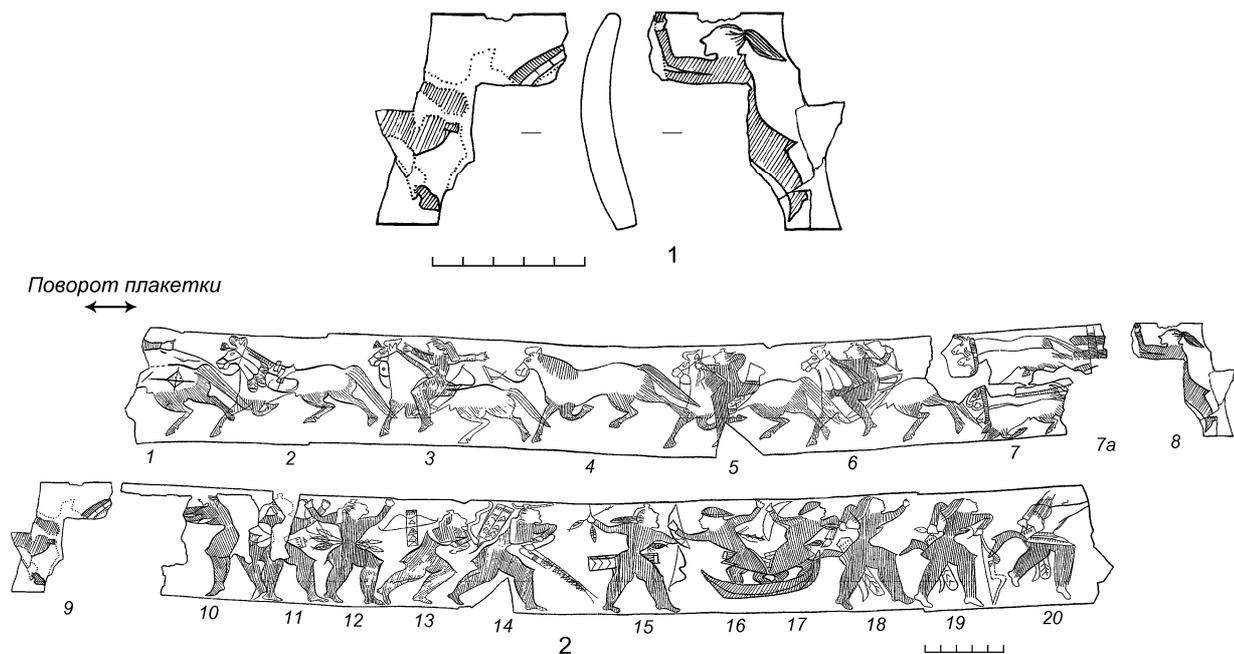


Рис. 1. Неизвестный фрагмент тепсейской планки 4 (1) и реконструкция планки 4 с добавленным фрагментом (2)

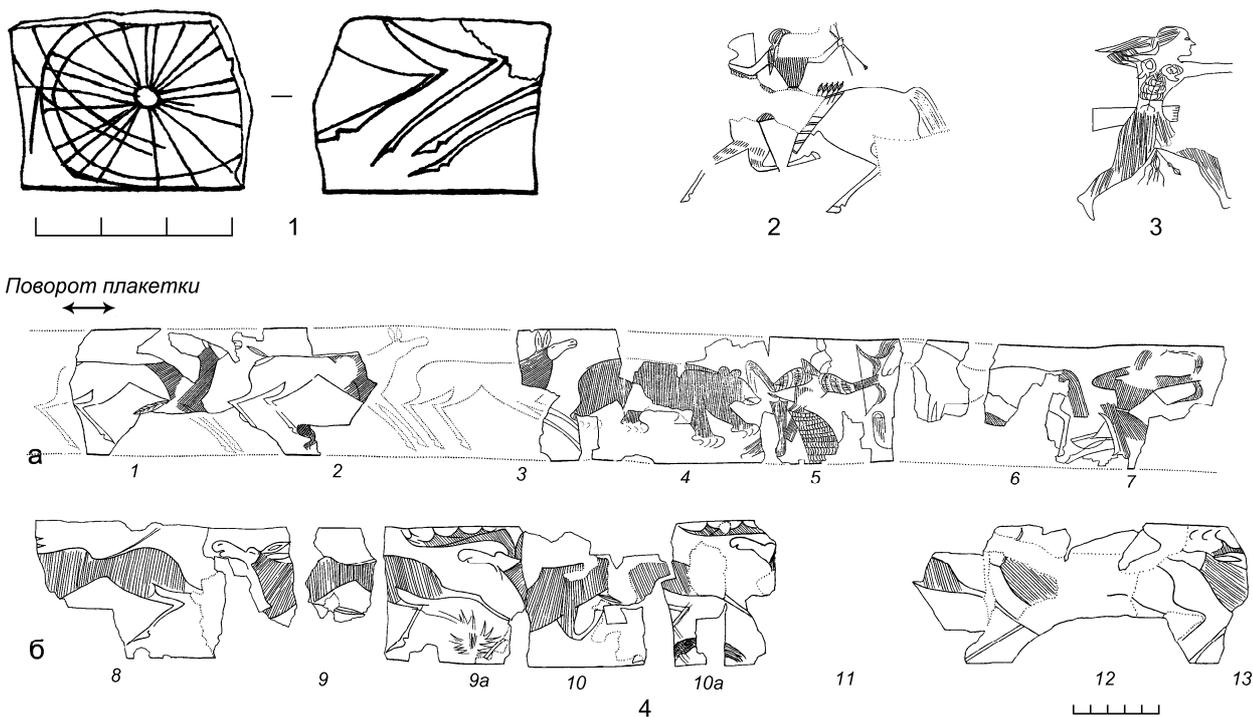


Рис. 2. Неизвестные и уточненные фрагменты тепсейских гравировок: 1 – фрагмент с изображением колеса (планка не определена); 2, 3 – уточненные прорисовки фигур с планок 1 и 3; 4а и 4б – гравировки планки 6 [сторона «а» (опубликована М. П. Грязновым) и сторона «б» (прорисовка автора 2010)]

В то же время, ошкольская гравировка представлена в т. н. плановой проекции, обычной как раз для петроглифов эпохи бронзы. Временная принадлежность ошкольского изображения остается под вопросом. Облик тепсейской «повозки» также пока не может быть реконструирован. В ее изображении мастер вполне мог следовать петроглифической традиции предшествующего времени,

аналогично ошкельской фигуре. Однако не менее вероятно, что тепсейская «повозка» была показана в профиль подобно изображениям ханьской традиции и хуннского круга (Finsterbusch 1971: abb. 541, 566, 624; Новгородова 1984: рис. 52; L'Asie des steppes... 2000–2001: 152, cat. 135; Миняев 2009: рис. 10), несомненно имеющих отношение к формированию таштыкской изобразительной традиции. Описанный фрагмент планки с изображением колеса позволяет надеяться на другие находки таштыкских изображений колесного транспорта, несущих новую важную информацию.

Планка 6 в публикации 1979 г. представлена только гравировками одной ее стороны (Грязнов 1979: рис. 61, 4). Между тем на обратной стороне плакетки также имеются изображения (рис. 2, 4б). Здесь сохранились фигуры бегущих лосей и лосих, двое из которых пронзены стрелами (рис. 2, 4б, *фиг. 9 и 10*), а также, вероятно, марала. Какие-то неясные изображения показаны в ногах животных (рис. 2, 4б, *фиг. 9а и 10а*). Обращают внимание клювовидные морды копытных, с выделенной нижней губой и рельефным надбровьем. Фигуры лосих отличаются подчеркнuto тонкими «талиями», у лосей акцентированы мощные рога, показанные как бы фронтально, развернутыми на обе стороны. Подобная передача рогов характерна для большинства таштыкских изображений лосей, в отличие, что интересно, от фигур маралов.

Прорисовки Л. Н. Баранова выполнены с высокой точностью и при рассмотрении плакеток были сделаны лишь единичные уточнения, касающиеся гравировок планок 1 и 3. На первой зафиксированы выступающие из колчана всадника древки стрел с четко показанным оперением и раздвоенными окончаниями для тетивы (рис. 2, 2; ср. Грязнов 1979: рис. 60, 2). Они исполнены тончайшими линиями, подобными линиям штриховки фигур. Эта деталь предоставляет конкретную информацию о способе ношения стрел в колчанах подобной формы у воинов определенного облика – наконечниками вниз. Кроме того, она позволяет непосредственно сопоставить изображенный футляр с сохранившейся моделью горита из погр. 4 Оглахтинского мог-ка (Кызласов 1992: рис. 25). В свою очередь уточнение изображений на груди лучника с планки 3 (рис. 2, 3; ср. Грязнов 1979: рис. 59, 3) выявило их сходство с фигурами татуировки погребенного в этом же комплексе. Названные сопоставления, наряду с другими параллелями между деталями гравировок и материалами таштыкских погребений, позволяют выделить среди персонажей тепсейских миниатюр группу воинов-таштыкцев (Панкова 2011: 121–126).

При публикации плакеток М. П. Грязнов выразил уверенность в том, что рисунки на них были раскрашены, хотя «какие были краски, вряд ли удастся установить. Только в редких случаях в линиях надрезов сохранились спекшиеся, превратившиеся в уголь, совершенно незначительные остатки краски» (Грязнов 1971: 102–103; 1979: 105). Предварительная оценка факта наличия краски и возможности ее определения была проведена ст. н. с. Отдела научно-технической экспертизы ГЭ Л. С. Гавриленко. Осмотрев планки, она отметила, что визуально следы раскраски не просматриваются, но, возможно, они сохранились в бороздках резных линий и могут быть выявлены при исследовании плакеток с помощью микроскопа. Если бы краской была охра, на горелом дереве она бы проявилась более явно – желтая стала бы красной, красная – еще более насыщенной. Если использовалась киноварь, то ее присутствие вряд ли можно обнаружить на глаз, т. к. она восходит при высоких температурах. Однако с помощью рентгено-флюоресцентного анализа поверхности можно выявить следы этих минеральных красителей: железа – для охры и ртути – для киновари. При этом обнаружение железа будет не очень показательным, т. к. оно могло осесть на плакетках из почвы, а вот присутствие ртути предполагало бы наличие раскраски более определенно. Именно в этом направлении может быть продолжено исследование тепсейских миниатюр.

Грязнов 1971 – *Грязнов М. П.* Миниатюры таштыкской культуры (из работ Красноярской экспедиции 1968 г.) // АСГЭ. 1971. Вып. 13. С. 94–106.

Грязнов 1979 – *Грязнов М. П.* Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979.

Кызласов 1992 – *Кызласов Л. Р.* Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992.

- Миняев 2009 – *Миняев С. С.* Элитный комплекс сюннских захоронений в пади Царам (Забайкалье) // АЭАЕ. 2009. № 2 (38). С. 49–58.
- Михайлов 1995 – *Михайлов Ю. И.* Семантика образов и композиций в таштыкской изобразительной традиции (опыт анализа тепсейских плакеток) // Древнее искусство Азии: Петроглифы. Кемерово, 1995. С. 17–21.
- Новгородова 1984 – *Новгородова Э. А.* Мир петроглифов Монголии. М., 1984.
- Новожёнов 1994 – *Новожёнов В. А.* Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы, 1994.
- Панкова 2004 – *Панкова С. В.* Таштыкские гравировки на Тепсее // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2004. Вып. 2. С. 52–60.
- Панкова 2011 – *Панкова С. В.* Воины таштыкских миниатюр: возможности атрибуции // Древнее искусство в зеркале археологии: К 70-летию Д. Г. Савинова. Кемерово, 2011. С. 117–141 (Труды САИПИ. Вып. VII).
- Панкова 2012 – *Панкова С. В.* Ошкольская писаница в Хакасии // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. М.; Кемерово, 2012. С. 76–96 (Труды САИПИ. Вып. IX).
- Подольский 1998 – *Подольский М. Л.* Композиционная специфика таштыкской гравюры на дереве // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Мат-лы Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения А. Д. Грача. СПб, 1998. С. 199–205.
- Савинов 2002 – *Савинов Д. Г.* Изображение четырехколесной повозки на плите из могильника Есино V // Вестник САИПИ. Кемерово, 2002. Вып. 5. С. 27–30.
- Севастьянова 1980 – *Севастьянова Э. А.* Петроглифы горы Тунчух // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980. С. 103–107.
- L'Asie des steppes... 2000–2001 – L'Asie des steppes. D'Alexandre le Grand à Gengis Khân: Catalog. Barselona; Paris; Madrid, 2000–2001.
- Finsterbusch 1971 – *Finsterbusch K.* Verzeichnis und Motivindex der Han-Dastellungen. Bd. II. Abbildungen und Addenda. Wiesbaden, 1971.

***Л. В. Панкратова (Томск, Россия)***

### **«Обезглавленные боги» (к изучению кулайского культового литья)**

Одним из феноменов западносибирской археологии является кулайская культурно-историческая общность раннего железного века (конец VI в. до н. э.–V в. н. э.), территория которой простиралась от нижнего течения Оби на севере и включала Верхнюю Обь на юге, на востоке граница проходила в междуречье Оби и Енисея, на западе – в Правобережье среднего течения Иртыша и его левых притоков в устьевой зоне (Чиндина 1984; 2006). Бронзовое культовое литье, наряду с керамикой, ярко характеризует духовную культуру кулайцев и неизменно привлекает внимание специалистов. Среди находок кулайской бронзовой металлопластики известны парциальные изображения: личины, головы животных, конечности и безголовые фигуры. Среди последней категории изображений легко распознаются обезглавленные животные. Однако имеются и бронзовые отливки, в которых угадываются как звериные, так и человеческие черты. Не претендуя на полный обзор находок, обозначим круг подобных персонажей. Обезглавленные изображения происходят из т. н. культовых мест кулайцев, к числу которых следует отнести и городища, полифункциональный характер которых неоднократно обсуждался исследователями.

Подобные изделия могут быть разделены на две группы. *Первую группу* составляют безголовые образы, происходящие из Кулайского, Кривошеинского, Новообинцевского, Саровского культовых мест и р. Чижалка (рис. 1, 1–4, 8). Их орнитоморфные черты подчеркнуты формой и изображением верхних конечностей – распахнутых, опущенных крыльев. У саровской отливки ноги

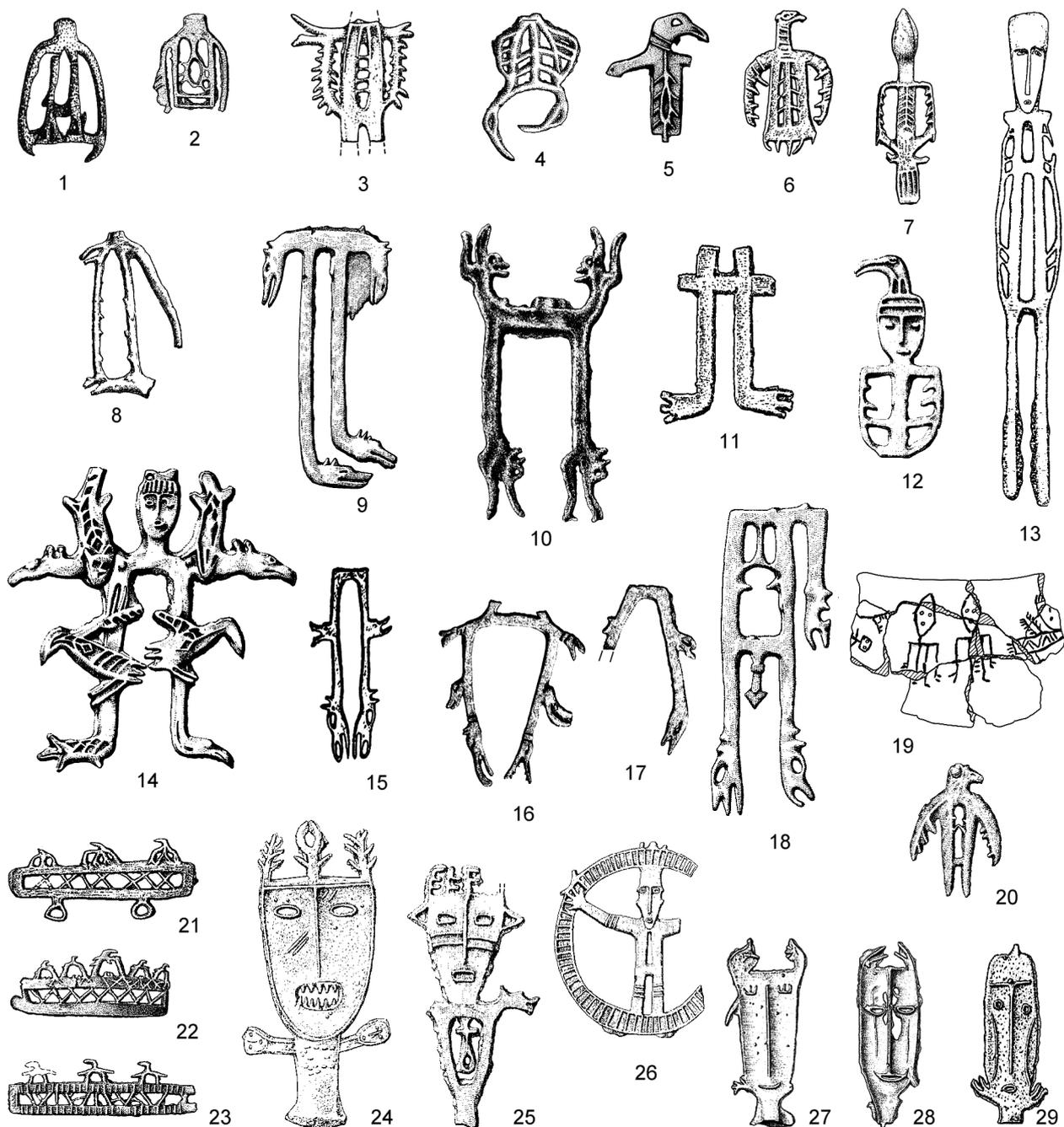


Рис. 1. Бронзовая металлопластика (1–18, 20–29) и изображения на керамике (19) кулайской культурно-исторической общности:

- 1 – р. Чижанка; 2, 5, 14, 16–17 – Кулайское культовое место; 3, 24 – Новообинцевский клад;  
 4, 6–7, 20–23 – Саровское культовое место; 8–9, 12, 15, 18 – Кривошеинское культовое место;  
 10 – городище Рюзаково; 11 – поселение Самусь-IV; 13, 26 – Напасская находка;  
 19 – Кижировское городище; 25 – Рыбинская находка; 27–29 – Холмогорский клад.

1 – по Чиндина 2003; 2 – по Чемякин, Кузьминых 2011; 3, 24 – по Бородаев 1987; 4, 6–7, 20–23 – по Яковлев 2001; 5, 14 – по Мягков 1929; 8–9, 12, 15, 18 – по Ураев 1956; 10 – по Рыбаков 2009; 11 – по Матющенко 1973; 13, 16, 17, 25, 26, – по Полосьмак, Шумакова 1991; 27–29 – по Зыков, Фёдорова 2001

заканчиваются изображением голов орноморфных существ (рис. 1, 4). Тела персонажей переданы в т. н. скелетном (рентгеновском) стиле. Именно стиль в передаче образа саровской поделки позволил нам взглянуть на нее иначе, чем увидел ее автор публикации коллекции (Яковлев

2001: 80–81), а именно, перевернув на 180°. В таком положении центральная часть фигурки воспринимается как тело, заполняющие его элементы – как ребра и позвоночник, а в дуговидных фигурах по сторонам тела угадываются крылья. Подобным образом «скелет» показан и у других отливок Кулайского и Саровского культовых мест – у изображений птиц (рис. 1, 5–7).

У некоторых фигур утрачены (отсутствуют) не только головы, но и конечности или нижняя часть тела (рис. 1, 1–3, 8). В. Б. Бородаев, описывая новообинцевскую отливку, отмечает, что «в целом обломок производит впечатление торса и рук антропоморфной фигуры с отломанными головой и ногами» (Бородаев 1987: 101). Р. А. Ураев видел в кривошеинской находке изображение туловища животного или человека, «отбитое со всех сторон» (Ураев 1956: 345). Описание же саровской поделки позволяет предположить, что голову у персонажа отделяли рубящим предметом. Полагая, что там, где на наш взгляд располагалась голова, находился литник, А. Я. Яковлев (2001: 80) фиксирует след рубящего удара и последующего слома остывшего изделия.

Какие же головы могли быть у расчлененных фигурок? Для того чтобы это выяснить, необходимо среди кулайских находок выявить отливки с головами, тела которых выполнены в скелетном стиле, а верхние дугообразные конечности должны напоминать крылья, нижние могут отсутствовать. Данным требованиям удовлетворяют изображения птиц из Саровского культового места (рис. 1, 6–7). Не исключено, что и рассмотренные безголовые персонажи являлись изображениями птиц. Однако нельзя полностью устранить и возможность сочетания в одном образе птичьих и человеческих признаков. Перечисленные черты человека и птицы, напр., сочетаются во внешнем облике одного из напасских идолов (рис. 1, 13). Сложный антропо-орнитоморфный образ обнаружен на Кривошеинском культовом месте (рис. 1, 12). Над человеческим ликом идола выполнено профильное изображение птичьей головы. Вероятно, дуги с отростками по обеим сторонам тела символизируют руки-крылья. Нижняя часть тела и нижние конечности у кривошеинской находки отсутствуют. Скорее всего, фигурка является изображением мифологического персонажа в образе человека-птицы. Антропо-орнитоморфные изображения нередко встречаются среди гравировок на бронзовых дисках или их фрагментах, на каменных предметах и на керамической посуде кулайцев. Видимо, в мифологической картине мира древних обитателей Приобья образ человека-птицы играл значимую роль. Не противоречат данному предположению и этнографические материалы (Прокофьева 1961).

Полагаем, что все фигурки первой группы обезглавлены, у некоторых из них отчленены и конечности. Об этом же свидетельствуют описания находок, сделанные авторами публикаций.

Во *вторую группу* объединены изображения, у которых показаны верхние и нижние конечности, обычно заканчивающиеся головами или фигурами животных, но отсутствуют четко проработанные контуры тела. Поделки имеют форму буквы «Н» или буквы «П». Они известны среди кривошеинских находок, материалов поселения Самусь IV, одно изображение найдено на Рюзаковском городище (рис. 1, 9–11). Все они являются фрагментами расчлененных, чаще обезглавленных изображений. Д. Ю. Рыбаков, описывая рюзаковскую находку, отметил, что в перемычке между двумя верхними головами находился литник, который после извлечения из формы был надрублен и отломлен (Рыбаков 2009: 65). Однако вертикальный канал на месте литника может быть интерпретирован и как шея существа, на которой могла быть голова.

Бронзовые антропоморфные изображения с головами и с формой тела, напоминающей буквы «Н» или «П», известны в кулайской металлопластике. Пожалуй, наиболее ярким примером является антропо-зооморфная фигура с горы Кулайка (рис. 1, 14). Тело персонажа не проработано, его нижние конечности формируют одновременно и антропоморфную фигуру, а звериные головы в верхней части тела создают иллюзию верхних конечностей. При этом вертикально размещенные в плечевой зоне фигурки животных, вероятно, бобров, создают конструкцию, напоминающую букву «Н», сближающую поделку с рюзаковской (рис. 1, 10). Очертания правой ноги персонажа соответствуют абрису ног самусьской отливки (рис. 1, 11), а левой ноги – конечностям саровской фигурки (рис. 1, 6). Животные, расположенные симметрично парами на теле антропоморфного

изображения, вызывают ассоциацию с некоторыми дуговидными изделиями из Кривошеинского и Кулайского культовых мест (рис. 1, 15–17).

Иначе говоря, перечисленные бронзовые изображения в виде буквы «Н» или «П», вероятно, являются расчлененными антропо-зооморфными персонажами с человеческими ликами (рис. 1, 9–11, 15–17). С ними сопоставима фигура из Кривошеинского культового места, у которой нижние и сохранившаяся верхняя конечность заканчиваются головами животных, обозначены признаки пола, но отсутствует голова (рис. 1, 18). Сочетание признаков первой (форма тела, скелетный стиль) и второй (конечности в виде голов животных) групп в одном персонаже показывает, что разные, на первый взгляд, образы могут являться изображениями существ, относящихся к одной мифологеме. Вероятно, ее сюжет и центральные персонажи представлены в композиции, нарисованной на стенках одного из керамических сосудов городища Кижирова (рис. 1, 19).

Сочетание признаков иконографии фигур первой и второй групп можно обнаружить и в других кулайских изображениях. Так, возникающая в просветах тела кривошеинской фигурки латентное изображение схоже с аналогичным внутри фигуры саровской птицы (рис. 1, 18, 20). В то же время, изображения птиц на очельях из Саровского культового места напоминают П-образные фигуры антропо-зооморфов второй группы (рис. 1, 21–23). Выступы-отростки на плечах новообинцевской находки (группа 1) (рис. 1, 3) можно сопоставить с парными изображениями животных, символизирующих верхние конечности или плечи у фигурок второй группы (рис. 1, 9–10, 14). Интересно, что в составе Новообинцевского клада это не единственное изображение, фланкированное симметрично расположенными фигурами. В комплексе находок имеется бронзовый идол с парой личин-отростков (рис. 1, 24). Аналогичные личины, но с головами животных, известны в кулайской металлопластике. У некоторых из них над ликами размещены головы животных (рис. 1, 25, 27–29). Данные изображения демонстрируют признаки обеих групп отливок. Это, в свою очередь, указывает на то, что антропо-зооморфные изображения кулайцев образуют гамму образов, в которых актуализируются те или иные аспекты инвариантного мифологического персонажа.

Таким образом, у многих из рассмотренных бронзовых поделок отчленены или отсутствуют головы, тела не проработаны или показаны в скелетном стиле. Способы передачи конечностей разнообразны: крылья или изображения голов животных. Конечности, как и головы, могли быть отломаны от готовых фигурок. Во всех изображениях в явном или в скрытом виде прослеживаются орнитоморфные черты. Одним из характерных признаков персонажей является наличие парных образов, расположенных на плечах, у головы или над головой. Так, напр., у новообинцевской личины парные антропоморфные образы на плечах сочетаются с симметрично расположенными древовидными изображениями над головой (рис. 1, 24). Звериные головы венчают идолов Саровского культового места, рыбинскую и бакчарскую (бокчарскую) находки, отливки с рек Бундюр, Чая и Васюган, в иконографии которых отмечены стилистические признаки обезглавленных кулайских персонажей. Иногда в сочетании с мордами животных или вместо них на головах идолов показаны древовидные изображения (рис. 1, 24–25). Иконографические особенности бронзовых изображений позволяют реконструировать образ мифологического персонажа, в котором сочетаются антропо-зооморфные и растительные (древовидные) признаки. Очевидно, бронзовые поделки являлись культовыми изображениями, которые в ходе обряда могли подвергаться расчленению: от тела идола отрубали (?) голову и/или конечности. В то же время, парциальные изображения могли использоваться в процессе ритуального конструирования мифологического образа.

Семантика изображений культового кулайского литья – одна из наиболее сложных проблем в археологии Западной Сибири. Этой теме посвящено много статей, в т. ч. монография (Полосьмак, Шумакова 1991). Зафиксированные археологически контакты кулайцев с носителями культур скифо-сибирского мира, а также участие андроновского компонента в генезисе культур эпохи бронзы Среднего Приобья (Косарев 1974; Чиндина 1984; Троицкая 1979; Могильников 1986; Мартынов, Мартынова 1978; и др.) позволяют предполагать возможность знакомства обитателей тайги с религиозно-мифологическими представлениями индоиранцев. Более того, один из компонентов

самусьской культуры, являвшейся наряду с прочими генетической основой кулайской (Чиндина 1973: 171), связан происхождением с Центральной Азией. Таким образом, влияние мировоззренческих концептов обществ с производящим хозяйством Центральной и даже Передней Азии на культуру аборигенов западносибирской тайги может восходить, по крайней мере, к эпохе бронзы (Есин 2009: 176). Из этого вытекает возможность сопоставления мифологических персонажей кулайцев с индоиранскими и даже индоевропейскими.

Описанные характеристики культового образа кулайцев и осуществляемые с его телом действия сравнимы с мифопоэтическими и религиозно-философскими представлениями о Первочеловеке, в частности, с древнеиндийским мифологическим персонажем Пурушей и обрядом его жертвоприношения. Как известно, Пуруша был принесен в жертву богам путем расчленения тела на составные части, из которых возникли основные элементы мироздания и социальной организации. Его многочисленность или многосоставность (тысячеглав, тысячеглаз, тысяченог), а также огромные размеры позволяют заполнить Вселенную и стать прародителем всего сущего, даже собственных родителей. Из его тела возникли дикие и домашние животные, птицы, стихотворные размеры и ритуальные формулы, жертвенные животные – кони, быки, козы и овцы (Ригведа. X. 90). Ритуальное расчленение стало источником бессмертия Пуруши (Топоров 2009а: 126–127), а, следовательно, и его богоподобности, которая обнаруживается в более поздних ведийских текстах, предлагающих отождествление Пуруши в образе Праджапати (Топоров 1997в: 351).

Ведийская анатомия описывает тело человека как восьмичленное: две руки и две ноги, разделенные, соответственно, локтем и коленом каждая на две части, и девятью отверстиями (Топоров, Елизаренкова 2009: 103–104; Атхарваведа. X. 2). Эти же части тела – руки, бедра и ноги – являются элементами творения социальной структуры общества (Ригведа. X. 90). По-видимому, жертвоприношение Пуруши начиналось с отчленения по суставам конечностей. Вероятно, в таком семантическом значении может рассматриваться декор в зоне локтей и колен у бронзовой фигурки из сел. Напас (рис. 1, 26). Возможно, значимостью этих частей тела Первочеловека в мифоритуальном аспекте объясняется обычай их татуирования у пазырыкцев. Как отметила Н. В. Полосьмак, «самые крупные изображения пазырыкских татуировок были нанесены на плечи (часть туловища от шеи до руки)». Ими украшены также руки и ноги (часть стопы и голень) мумий, в то время как «на спинах пазырыкцев изображений почти нет», мало рисунков встречается и на груди (Полосьмак 2011: 204–205). Напрашивается сравнение топографии пазырыкских татуировок и изображений животных на теле бронзового идола с Кулайки (рис. 1, 14). Не исключено, что обоих случаях древние обитатели Сибири при помощи изобразительного кода выразили собственное видение древнего мифа о первотворении.

При столь высоком семиотическом статусе конечностей человека, его тело как бы остается за пределами мифологического осмысления. Однако это не так. В тексте Атхарваведы «туловище», «корпус», «каркас» человеческого тела метафорически называется стволом дерева (Топоров, Елизаренкова 2009: 90, 95). Этимология слова *бра́хман*, по мнению В. Н. Топорова, позволяет реконструировать его исходное значение как «предмет, являющийся опорой, основанием, соединением каких-либо других предметов», возможно, обозначающий ритуальное сооружение с универсальным значением (аналог мирового древа и его вариантов) (Топоров 1997а: 186; 2009б: 142). Создание Первочеловека было актом «делания» и «размещения» («установления») отдельных частей его тела на *бра́хман*'е (мировом древе, жертвенном столбе или его аналоге) (Топоров, Елизаренкова 2009: 112). Обозначенная семантическая связь объясняет и использование человеческого тела в качестве алломорфа мирового древа, и широко распространенный мифологический мотив антропоморфного существа, находящегося на мировом древе (Топоров 2009б: 154). В. Н. Топоров предполагает, что в конструкции ритуального *бра́хман*'а могли использоваться два или четыре столба или шеста, соединенные между собой перекладиной (аналоги: арка, ворота, лестница). Исследователь отмечает, что в традициях, удваивающих символ, парные деревья являются разнополыми – мужским и женским (Там же: 156, 161). Это наблюдение позволяет понять

символизм иконографической трактовки П- и Н-образных тел антропоморфных изображений, а также объясняет разнополость персонажей, объединенных общей мифологемой.

Вместе с *бра́хман*'ом, также как и мировым деревом, в текстах перечисляются мифологизированные животные (бык, лошадь, птица). Особое значение имеет образ солярной птицы, которая в связи *бра́хман*'ом упоминается, напр., в гимне Атхарваеды (IV. 1. 2), а в связи с мировым деревом – в Ригведе (I. 164. 20. 22) (Топоров 2009б: 157, 158).

О голове человека речь идет в заключительной части гимна Атхарваеды (X. 2), где она иносказательно называется «божественным сосудом», «золотым сосудом», в который через «черепную щель» проходит Брахман, после чего человек становится неподвластным смерти в духе, бессмертным (Топоров, Елизаренкова 2009: 102, 116). Творение Человека завершается «установлением» на древе-*bráhmaṇ*'е головы. Вероятно, способ «конструирования» Первочеловека, описанный в ведийских мифологических текстах, иконографически был закреплен кулайцами в виде изображений ликов или антропоморфных фигур с древовидными знаками над головой (рис. 1, 24). Жертвенный столб/шест или дерево, поднявшееся «верх из мозга», «из темени» (Атхарваеда. X. 2) над головой, вместе с зооморфными изображениями дублировал и композицию «у мирового дерева».

Голова Первочеловека была особо значимым элементом жертвоприношения. Из нее сотворено небо, а из ее частей – социальный ранг жрецов, солнце и луна, стороны света, боги. Отмеченное сопоставление головы человека с сосудом находит соответствие в изобразительном творчестве кулайцев. Л. А. Чиндина отмечает, что дугообразные мотивы кулайского художественного литья копируют по абрису форму сосудов, особенно котлов. По ее наблюдениям, антропоморфные изображения часто имеют головы, по форме напоминающие котлы, иногда с ручками-ушками (Чиндина 2003: 111–112). Можно предположить, что голова или лик бога-творца в ритуале выстраивания мирового дерева могла быть замещена сосудом, предпочтительно металлическим. По-видимому, и шаманское дерево (как вариант мирового дерева) обустроивалось в соответствии с подобными представлениями. Так, напр., описывая дерево селькупского шамана Калина, Г. И. Пелих сообщает, что на его стволе, на высоте двух метров от земли привязана оловянная тарелка и железное изображение человека-птицы (Пелих 1980: 6–7, 14). О том, что подобная замена могла использоваться и в раннем железном веке свидетельствует находка на поселении Половинка (р. Кеть) плоскодонной бронзовой чаши-«зеркала» с бортиками и антропоморфной личиной на внутренней стороне, отлитой в виде выпуклых прямоугольных валиков, символизирующих глаза и рот (Яковлев 1993: 126–127).

Известно, что на кулайских городищах-святилищах Большой Лог, Саровском, Усть-Полуйском совершались человеческие жертвоприношения (Мошинская 1965; Чиндина 1978; 2003). Вероятно, обряды, осуществлявшиеся кулайцами на рассмотренных культовых комплексах, могли включать процедуры ритуального творения и расчленения богочеловека с целью воссоздания космического порядка, на что были нацелены новогодние церемонии (Панкратова 2011а).

Таким образом, сопоставление самобытной иконографии культовых бронзовых антропоморфных персонажей кулайцев с религиозно-мифологическими представлениями индоиранцев о Первочеловеке позволяет выявить структурные соответствия. Они могут объясняться универсальным характером архетипического символа мирового дерева, лежащего в их основе. Однако в изобразительном творчестве среднеобского населения мифологема мирового дерева получает явное выражение только в эпоху бронзы (самусьская культура). Возможно, пришлое население сыграло роль катализатора в формировании мифо-ритуального комплекса аборигенов тайги, а непрерывные контакты между лесом и степью «подпитывали» общность мифологических представлений. По-видимому, кулайское изобразительное творчество представляет один из этапов этих взаимоотношений. Несомненно, оформление кулайского звериного стиля во многом обусловлено влиянием скифо-сибирского искусства (Яковлев 1993: 130). Предположительно к этому времени можно отнести и окончательное формирование семантической основы кулайского искусства, сохранившего и по-своему переработавшего древнейшие мифологемы древневосточного пантеона.

- Бородаев 1987 – *Бородаев В. Б.* Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения: Первобытное искусство. Новосибирск, 1987. С. 96–114.
- Есин 2009 – *Есин Ю. Н.* Древнее искусство Сибири: самусьская культура. Томск, 2009 (Труды музея археологии и этнографии Сибири. Т. II).
- Зыков, Фёдорова 2001 – *Зыков А. П., Фёдорова Н. В.* Холмогорский клад: коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург, 2001.
- Косарев 1974 – *Косарев М. Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974.
- Мартынов, Мартынова 1978 – *Мартынов А. И., Мартынова Г. С.* Лесостепная тагарская культура и вопросы происхождения и хронологии кулайской культуры // Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978. С. 25–32.
- Матющенко 1973 – *Матющенко В. И.* Некоторые новые материалы по самусьской культуре // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 191–198.
- Могильников 1986 – *Могильников В. А.* Взаимоотношение кулайской и саргатской культур // КСИА. Вып. 186. 1986. С. 25–29.
- Мошинская 1965 – *Мошинская В. И.* Археологические памятники Севера Западной Сибири. М., 1965 (САИ. Вып. ДЗ-8).
- Мягков 1929 – *Мягков И. М.* Древности Нарымского края (В собрании Томского краевого Музея) // Тр. Томского краевого музея. Томск, 1929. Т. II. С. 51–88.
- Панкратова 1997 – *Панкратова Л. В.* Гравированное изображение на бляхе из могильника Шеркалы IX // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 204–208.
- Панкратова 2011а – *Панкратова Л. В.* Запечатленные в бронзе образы Саровского культового комплекса: реконструкция семантики // АЭАЕ. 2001. № 1 (45). С. 82–91.
- Панкратова 2011б – *Панкратова Л. В.* Камень с гравировкой из поселения Половинка-I // Тр. III (XIX) Всерос. АС. СПб; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. I. С. 366–367.
- Пелих 1980 – *Пелих Г. И.* Материалы по селькупскому шаманству. Фетиши селькупских шаманов // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 5–70.
- Полосьмак 2011 – *Полосьмак Н. В.* Птицы в татуировке пазырыкцев // «Тerra Scythica»: Мат-лы междунар. симпозиума. Новосибирск, 2011. С. 204–207.
- Полосьмак, Шумакова 1991 – *Полосьмак Н. В., Шумакова Е. В.* Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск, 1991.
- Прокофьева 1961 – *Прокофьева Е. Д.* Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // СМАЭ. 1961. Т. XX. С. 54–74.
- Рыбаков 2009 – *Рыбаков Д. Ю.* Комплексные исследования городища Рюзаково (Духовое) // Проблемы археологии и истории Северной Евразии. Томск, 2009. С. 57–67.
- Топоров 1997а – *Топоров В. Н.* Брахма // МНМЭ. 1997. Т. 1. С. 185–186.
- Топоров 1997б – *Топоров В. Н.* Кришану // Там же. Т. 2. С. 15.
- Топоров 1997в – *Топоров В. Н.* Пуруша // Там же. С. 351.
- Топоров 2009а – *Топоров В. Н.* О двух типах древнеиндийских текстов, трактующих отношение целостности-расчлененности и спасения // Исследования по этимологии и семантике. Т. 3: Индийские и иранские языки. М., 2009. Кн. 1. С. 125–137.
- Топоров 2009б – *Топоров В. Н.* О брахмане. К истокам концепции // Там же. С. 138–183.
- Топоров, Елизаренкова 2009 – *Топоров В. Н., Елизаренкова Т. Я.* К структуре Атхарваеды X. 2: опыт толкования в свете ведийской антропологии // Там же. С. 90–124.
- Троицкая 1979 – *Троицкая Т. Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979.
- Ураев 1956 – *Ураев Р. А.* Кривошеинский клад // Тр. Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956. Т. V. С. 329–342.
- Чемякин, Кузьминых 2011 – *Чемякин Ю. П., Кузьминых С. В.* Металлические орнитоморфные изображения раннего железного века Восточной Европы, Урала и Западной Сибири (лесная и лесостепная зоны) // ТАС. 2011. Вып. 8. Т. II. С. 43–74.

- Чиндина 1973 – Чиндина Л. А. Культурные особенности среднеобской керамики эпохи железа // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 7. С. 161–174.
- Чиндина 1978 – Чиндина Л. А. Саровское городище // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978. С. 51–80.
- Чиндина 1984 – Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984.
- Чиндина 2003 – Чиндина Л. А. Новые данные о сакральной первооснове и функциональной специфике Кулайского святилища // Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири. Томск, 2003. С. 106–112.
- Чиндина 2006 – Чиндина Л. А. Проблемы кулайской культуры: вчера и сегодня // II Северный Археологический Конгресс: Доклады. 24–30 сентября 2006. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2006. С. 404–420.
- Яковлев 1993 – Яковлев Я. А. К проблеме формирования кулайского художественного стиля // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири: ТД IX Западно-Сибирского археолого-этнографического совещания. Томск, 1993. С. 126–130.
- Яковлев 2001 – Яковлев Я. А. Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. Томск, 2001.

**Ю. П. Чемякин (Екатеринбург, Россия)**

### **Образ всадника в кулайской металлопластике**

Образ всадника появляется в металлопластике лесной зоны Урала и Западной Сибири во второй половине раннего железного века. В Приуралье, на территории Пермского края, в ареале гляденовской культуры (III в. до н. э.–V в. н. э.) найдено 24 медно-бронзовых изображения всадников. Как отмечают пермские археологи, до этого времени, в ананьинскую эпоху, изображения всадников неизвестны, хотя обнаружены первые фигурки лошадей, выполненные как в металле, так и в кости (Коренюк и др. 2008: 55–56). По технологии изготовления фигурки всадников делятся на три группы: 1) выполненные в технике плоского литья; 2) вырезанные из медного листа фигуры лошадей, к которым припаяны выполненные в технике объемного литья или вырезанные из медного листа фигурки людей; 3) изготовленные отдельно в технике объемного литья и затем припаянные друг к другу фигурки лошадей и людей (всадников) (Там же).

В таежной зоне Западной Сибири первые изображения всадников связываются с кулайской культурой. В первую очередь, здесь следует назвать Истяцкий клад (рис. 1, 5–9), в составе которого есть пять крупных фигур всадников, сделанных в технике плоского литья, и, как минимум, пять «плосковыпуклых» блях с их гравированными изображениями<sup>60</sup> (Чернецов 1953: 162, 165; табл. XX, 1–4; XXI, 1–5). Следует заметить, что фигурки моделированы и отлиты достаточно небрежно, излишки металла не убраны. Все они сломаны. У лошадей отсутствуют одна-две ноги, есть один «всадник без головы» (рис. 1, 6), у другого, вероятно, не убран литник со стороны головы (рис. 1, 9). Отметим, однако, что часть утрат произошла уже в музее (ср.: Спицын 1906: рис. 20 и Чернецов 1953: табл. XXI, 3; Чернецов 1953: табл. XXI, 2 и История северной цивилизации 2001: рис. 42). Похоже, что лошади отливались с двумя (передней и задней) ногами, а короткая изогнутая нога между ними принадлежала всаднику. У двух лошадей морды опущены вниз, у трех – смотрят прямо. У лошадей, повернутых вправо, углубленными линиями (желобками) или тонкими валиками передана сбруя: у животных, скачущих влево, сбруя не видна, однако всадники держатся за узду (?). Н. В. Фёдорова так описывает иконографические особенности истяцких всадников: «лошадь непропорционально мала по отношению ко всаднику, грива и сбруя переданы углубленными

<sup>60</sup> Автору довелось в 1999 г. просмотреть часть блях в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике, при этом мной была обнаружена гравировка всадника, отсутствующая в публикациях А. А. Спицына (1906), В. Н. Чернецова (1953), а также Н. В. Полосьмак и Е. В. Шумаковой (1991). Отметим, что И. А. Сыркина (1973: 257) упоминает 28 дисков с изображениями из Истяцкого клада, в то время как у В. Н. Чернецова опубликованы только 9 блях, а у А. А. Спицына – 13 гравировок.

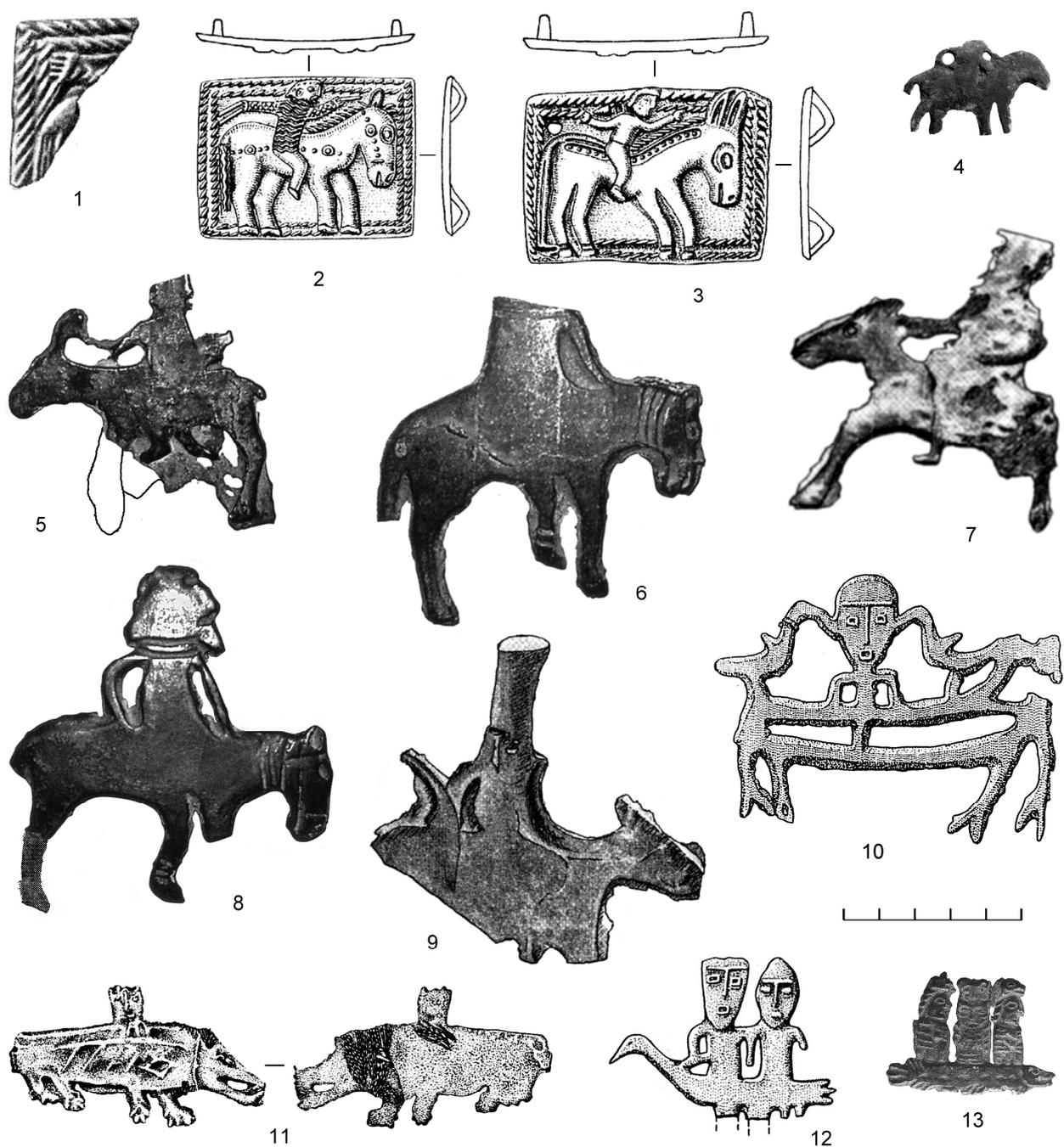


Рис. 1. Литые изображения всадников:

- 1 – Айдашинская пещера; 2–3 – Холмогорский клад; 4, 13 – городище-святилище Усть-Полуй;  
 5–9 – Истяцкий клад; 10 – могильник Каменный Мыс;  
 11 – селище Сырой Агань; 12 – р. Васюган (Колпашевский музей).  
 1 – по Молодин и др. 1980; 2–3 – по Зыков, Фёдорова 2001; 4 – по Усть-Полуй... 2003;  
 5–6, 8 – по История северной цивилизации 2001; 7, 9 – прорисовка по Чернецов 1953;  
 10 – по Троицкая 1979; 11 – по Арефьев, Карачаров 2003;  
 12 – по Полосьмак, Шумакова 1991; 13 – по Фёдорова 2009

бороздами, всадник показан в профиль, только плечи развернуты в фас, в трех случаях из пяти непонятно – лошадь или какое-то другое животное под всадником, у одного из них, по-видимому, изображен длинный лук в налучье (?)» (Фёдорова 1989: 118). Отмечу, что лук или меч отлиты еще у одной фигуры (рис. 1, 5).

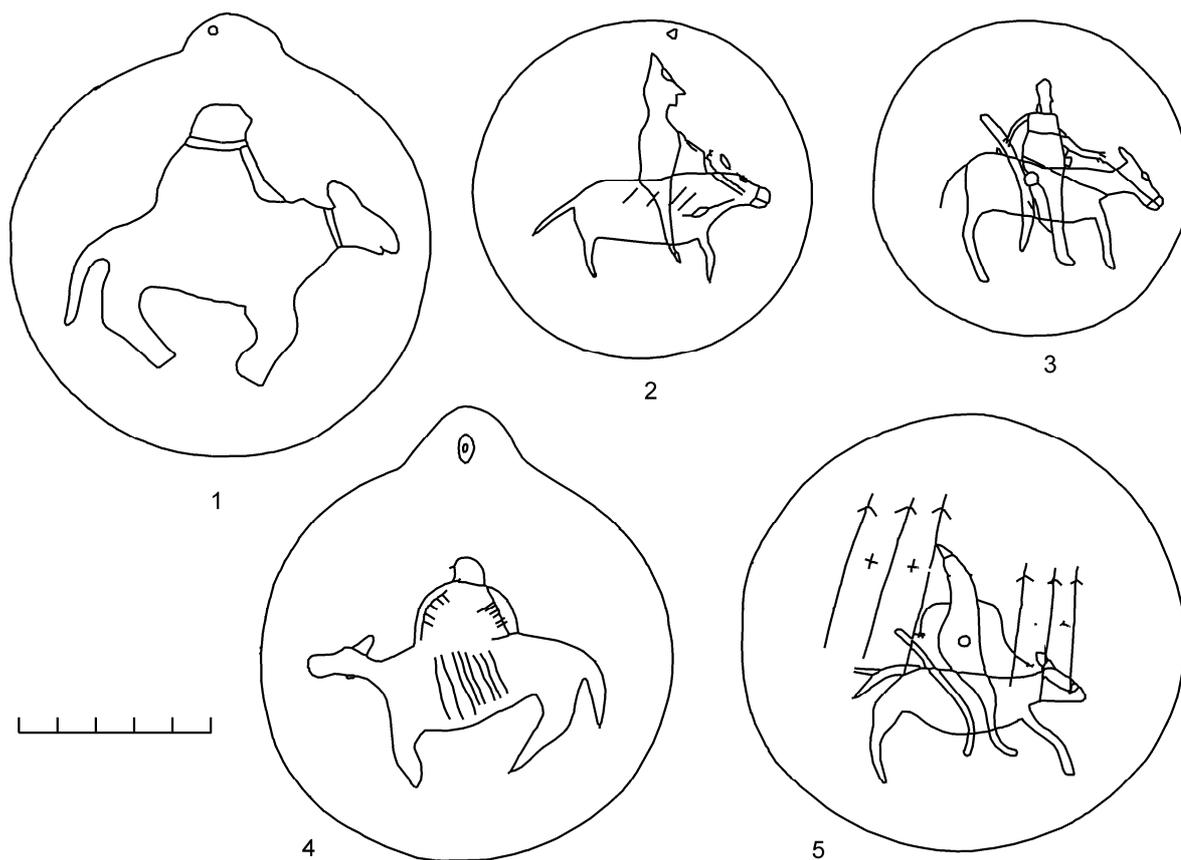


Рис. 2. Истьяцкий клад, гравированные изображения всадников (1–2, 4–5 – по Спицын 1906 и Чернецов 1953)

Близки фигурам всадников и гравировки на бляхах, среди которых можно выделить три типа. На двух бляхах (обе с выступами, в которых проделаны отверстия) антропоморфные изображения процарапаны одной линией вместе с животными, без отрыва инструмента (рис. 2, 1, 4). Туловище их не выделено, ноги отсутствуют (своеобразные кентавры). Один из них даже напоминает орнитоморфа (рис. 2, 4). На трех других изделиях полные фигуры всадников вырезаны поверх коней, пересекая их туловища. На двух бляхах выгравированы вооруженные всадники, один остроголовый (в шлеме – рис. 2, 5), у другого голова подтрапециевидная (рис. 2, 3). Они изображены в профиль с развернутыми в фас плечами, правые руки отведены назад, к луку, левые держат повод; на одной бляхе справа и слева от всадника процарапаны по три копья (?). Наконец, еще на одной бляхе безоружный всадник в остроконечном шлеме сидит в профиль, рукой держит повод. У коня (?) изображена линия жизни (рис. 2, 2).

В. Н. Чернецов датировал этот клад по входящим в его состав серебряному изображению Артемиды, китайским зеркалам и шлемам, концом III–первой четвертью II в. до н. э. (Чернецов 1953: 165). Л. А. Чиндина, исследовав кулайские изображения в корреляции с сопутствующим инвентарем, пришла к выводу, что наиболее вероятной датой клада является II в. до н. э.–II в. н. э. (Чиндина 1984: 106–107, 110–111). Близкую позицию занимает Н. В. Фёдорова и ряд других исследователей (Угорское наследие 1994: 38). Ю. В. Ширин предлагает еще более позднюю дату – не ранее III в. н. э. (Ширин 1991: 157). Вторая дата нам кажется наиболее обоснованной.

Миниатюрная, по сравнению с истьячками, фигурка всадника найдена на городище-святилище Усть-Полуй (рис. 1, 4; Усть-Полуй... 2003: рис. 17). Она лишена головы, две петли по обеим сторонам туловища, видимо, изображают руки, аналогично тому, как это выполнено у средневековых всадников из поселения Кипо-Кулары III (Коников 2007: рис. 245), мог-ков Барсов городок (Угорское наследие 1994: рис. 73), Собакинского (Чиндина 1991: рис. 30, 12) и ряда других культовых мест Западной Сибири, а также довольно многочисленной группы приуральских

подвесок в виде фигурок всадников (см.: Белавин и др. 2009: рис. 59; 60). Отличается она от истяцких и тем, что у лошади отлиты четыре ноги, а у всадника от живота вперед отходит рельефный отросток. У средневековых западносибирских фигур здесь обычно изображен меч. Современные датировки Усть-Полуя приходятся на I в. до н. э.–I в. н. э.; дендрохронологическим методом для него получены даты: осень–зима 49–48 гг. до н. э. (Фёдорова, Гусев 2008: 8).

Концом кулайской эпохи датируются бляхи-накладки с изображениями всадников из Холмогорского клада (рис. 1, 2–3). Они детально описаны в работе А. П. Зыкова и Н. В. Фёдоровой (2001: 107–108). Аналоги им имеются в Северном Приуралье, на р. Вычегде – на поселениях Ягкодж II и III (Васкул 1997: рис. 11, 12, 13). Обломок такой же бляхи найден в Айдашинской пещере (рис. 1, 1). На бляхах всадник сидит в профиль, плечи развернуты в фас, правая рука отведена назад, левая – вперед (держит узду). У лошадей на всех изделиях изображены по четыре ноги.

С фоминской культурой на восточной окраине позднекулайского мира (рубеж II/III–IV в. н. э.) связаны восемь накладок на ножны в мог-ках Ближние Елбаны-7 и Усть-Абинском (рис. 3). Как отмечает Ю. В. Ширин, «фигуры всадников и лошадей на всех предметах отличаются разной степенью стилизации. Но всем изображениям присущи общие характерные особенности: лошадь статична, руки всадников разведены в стороны, в руках ничего нет, за исключением, вероятно, плетки или веревки <...> Наиболее близок к иконографии всадника на фоминских бронзовых накладках на ножны образ угорского Мир-Сусне-Хум'а, особенно его канонизированное изображение на ритуальных покрывалах» (Ширин 2003: 149). Можно еще указать, что на абсолютном большинстве накладок лошадь изображена с двумя ногами, как в Истяцком кладе, и лишь на одной накладке у нее четыре ноги, как на отливке из Усть-Полуя и на прямоугольных пластинах-накладках из Холмогорского клада и с р. Вычегды.

Считается общепринятым, что культ всадника появился в таежном Приобье и Приуралье в результате индо-иранских заимствований, под влиянием митраизма, а сам всадник является воплощением Мир-сусне-хума (Мир савите хо) (Чернецов 1953: 165; Топоров 1981: 146–149; Чиндина 1991: 113; Полосьмак, Шумакова 1991: 61–63; Кулемзин 2000: 174; Гемуев 2001: 90; Ширин 2003: 148–152; Коренюк и др. 2008: 63; и др.). В то же время Н. В. Фёдорова отмечала, что на «фоне огромного количества зооморфных, антропоморфных, птицевидных изображений I тыс. н. э. <...> сюжет “всадник” выглядит очень бедно», что «создается впечатление, что перед нами не традиция, а несколько импульсов извне, способствовавших <...> изготовлению фигур и рисунков. А это ставит под сомнение тезис о раннем появлении культа всадника в круге лесных культур Приобья» (Фёдорова 1989: 120). За прошедшие двадцать с лишним лет ситуация с количеством изображений всадников мало изменилась, по крайней мере в сибирском регионе. Но, на мой взгляд, даже единичные находки, в т. ч. на Усть-Полуе и в Усть-Абинском мог-ке, показывают существование определенной иконографии всадников и ее эволюции в финно-угро-самодийской среде на протяжении железного века. Интересно, что прототипами приуральских средневековых подвесок с изображениями всадников являются, скорее, кулайские фигурки эпохи раннего железа, чем гляденовские.

Говоря о кулайских «всадниках», можно упомянуть еще о четырех фигурках, происходящих из разных регионов кулайского ареала и изображающих антропоморфные существа, сидящих (стоящих) на различных животных. Одна из них найдена в мог-ке Каменный Мыс (Новосибирское Приобье). По мнению Т. Н. Троицкой, на ней «фигура человека переходит в фигуру лося (?), уши переходят в клювы водоплавающих птиц, стоящих на лосе» (Троицкая 1979: 14, 60). В. И. Молодин увидел в ней всадника верхом на северном олене, на крупе которого сидит птица (Молодин 1992: 116). Мне кажется, что увидеть конкретное животное в этом «тяни-толкае» без головы (возможно, голова была с правой стороны фигурки, но впоследствии отломана), с двух сторон которого сидят птицы, прикасающиеся клювами к голове антропоморфной фигуры, очень сложно (рис. 1, 10). Но раздвоенные «копыта» свидетельствуют, вроде бы, о травоядном существе, хотя абсолютизировать этот факт нельзя.

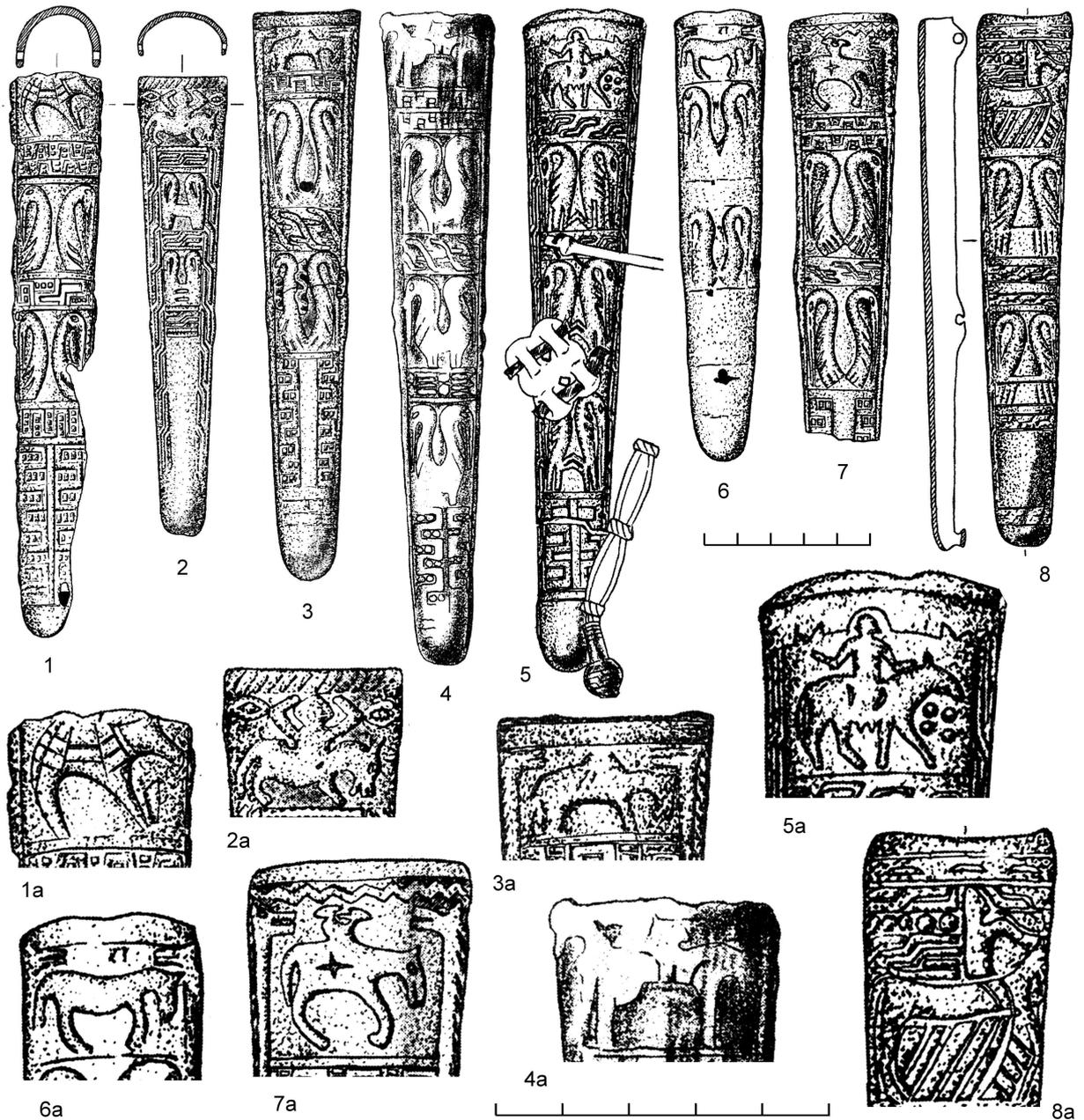


Рис. 3. Изображения всадников на накладках на ножны:

1, 2 – мог-к Ближние Елбаны 7; 3–8 – Усть-Абинский мог-к (по Ширин 2003)

Другое антропоморфное существо, сидящее на медведе (?), найдено в Сургутском Приобье (рис. 1, 11). Как отмечали В. А. Арефьев и К. Г. Карачаров, у аганских хантов существуют представления, что на том свете медведь – слуга, и «смутно упоминается “езда” на медведе. Не исключено, что изображение всадника на звере является отражением подобных представлений или связанного с ним мифологического сюжета» (Арефьев, Карачаров 2003: 32). Всадники на хищниках найдены и на Гляденовском костыше (Спицын 1906: рис. 66; 69). Этот сюжет отражен на ряде средневековых подвесок, а также пронизок в виде животных, втулки на спине которых оформлены в виде антропоморфных фигур (Оборин, Чагин 1988: ил. 51; 52; Арефьев, Карачаров 2003: рис. 3).

В. Н. Чернецов упоминал еще одно изображение медведя с «неудавшейся антропоморфной фигурой, стоящей на спине зверя» (Чернецов 1953: 177, табл. XXIV, 3) с р. Конды. Но, как отмечал еще А. А. Спицын (1906: 49, рис. 74), скорее, «на спине не всадник, а литничок». Необычность этого «литничка» в его величине и раздвоении к спине животного.

В Колпашевском музее хранится найденная на р. Васюган (Нарымское Приобье) «божественная пара», сидящая на водоплавающей птице (рис. 1, 12) (Полосьмак, Шумакова 1991: 25). Разное оформление голов у антропоморфов позволяет предполагать, что перед нами существа мужского и женского пола.

В Нижнем Приобье на городище-святилище Усть-Полуй обнаружена фигурка, изображающая три антропоморфные существа, стоящие на рыбе (рис. 1, 13; Фёдорова 2009: рис. 1). Трудно отнести ее к «всадникам», но по формальным признакам (антропоморфная фигура на животном) такую находку следует рассматривать в этой же группе металлопластики.

Обзор находок показывает, что сюжет, представляющий всадника, появился в таежном Обь-Иртышье на втором (кулайском) этапе раннего железного века Западной Сибири, скорее всего, на рубеже эр. Практически одновременно, но в других иконографии и технологиях, он возник в Приуралье, в гляденовской среде. Дальнейшее развитие сюжета, исходя из имеющегося материала по обе стороны Урала, шло на основе кулайских или других (индо-иранских?) прототипов, истоки которых пока неизвестны. Вполне возможна связь этого образа с проникновением митраизма в таежную среду, а также с зарождением в местных обществах военно-потестарной элиты. Этот факт получил отражение и в металлопластике, в появлении образа «косатого богатыря», воина. Не исключено, что богатыри могли изображаться и в облике всадника.

- Арефьев, Карачаров 2003 – *Арефьев В. А., Карачаров К. Г.* Всадник на медведе // *Образы и сакральное пространство древних эпох.* Екатеринбург, 2003. С. 31–34.
- Белавин и др. 2009 – *Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б.* Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа, 2009.
- Васкул 1997 – *Васкул И. О.* Памятники гляденовской культурной общности // *Археология республики Коми.* М., 1997. С. 349–399.
- Гемуев 2001 – *Гемуев И. Н.* Мир-сусне-хум // *Мифология манси.* Новосибирск, 2001. С. 89–91.
- Зыков, Фёдорова 2001 – *Зыков А. П., Фёдорова Н. В.* Холмогорский клад: коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург, 2001.
- История северной цивилизации 2001 – *История северной цивилизации: Каталог выставки.* СПб., 2001.
- Конигов 2007 – *Конигов Б. А.* Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск, 2007.
- Кореньюк и др. 2008 – *Кореньюк С. Н., Мельничук А. Ф., Перескоков М. Л.* Всадники гляденовской культуры // *Вестник Пермского университета.* 2008. Вып. 7 (23). С. 55–65.
- Кулемзин 2000 – *Кулемзин В. М.* Мир савите хо // *Мифология хантов.* Томск, 2000. С. 172–174.
- Молодин 1992 – *Молодин В. И.* Древнее искусство Западной Сибири (Обь-Иртышская лесостепь). Новосибирск, 1992.
- Молодин и др. 1980 – *Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н.* Айдашинская пещера. Новосибирск, 1980.
- Оборин, Чагин 1988 – *Оборин В. А., Чагин Г. Н.* Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль. Пермь, 1988.
- Полосьмак, Шумакова 1991 – *Полосьмак Н. В., Шумакова Е. В.* Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск, 1991.
- Спицын 1906 – *Спицын А. А.* Шаманские изображения // *ЗОРСА РАО.* 1906. Т. VIII, вып. 1. С. 29–145.
- Сыркина 1973 – *Сыркина И. А.* О бронзовых пластинах Истяцкого и Сузгунского кладов // *СА.* 1973. № 4. С. 255–260.
- Топоров 1981 – *Топоров В. Н.* Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии (1–2) // *Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье.* М., 1981. С. 146–162.
- Троицкая 1979 – *Троицкая Т. Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979.
- Угорское наследие 1994 – *Угорское наследие (Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета).* Екатеринбург, 1994.
- Усть-Полуй... 2003 – *Усть-Полуй: I век до н. э.: Каталог выставки.* Салехард; СПб., 2003.

- Фёдорова 1989 – *Фёдорова Н. В.* Иконография всадника в художественном металле Приобья (I тыс. н. э.) // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения): Тез. всесоюз. археол. конф. Кемерово, 1989. Ч. II. С. 117–120.
- Фёдорова 2009 – *Фёдорова Н. В.* Антропоморфные изображения Усть-Полуя // Пермские финны и угры Урала в эпоху железа. Пермь, 2009. С. 171–176 (Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VI).
- Фёдорова, Гусев 2008 – *Фёдорова Н. В., Гусев А. В.* Древнее святилище Усть-Полуй: результаты исследований 2006–2008 гг. // Усть-Полуй – древнее святилище на Полярном круге. Салехард, 2008. С. 3–36 (Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Вып. 9 [61]).
- Чернецов 1953 – *Чернецов В. Н.* Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953. С. 121–178 (МИА. № 35).
- Чиндина 1984 – *Чиндина Л. А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа: Кулайская культура. Томск, 1984.
- Чиндина 1991 – *Чиндина Л. А.* История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). Томск, 1991.
- Ширин 1991 – *Ширин Ю. В.* Хронология фоминского этапа // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 157–158.
- Ширин 2003 – *Ширин Ю. В.* Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003.

***Д. В. Черемисин, Г. Плетс (Новосибирск, Гент; Россия, Бельгия)***

### **Исследование петроглифических памятников в долине р. Елангаш и Чаган на юго-востоке Российского Алтая**

Долина р. Елангаш, одного из притоков р. Чуи, вытекающего с ледников г. Тепсей-Баш в отрогах Южно-Чуйского хребта, с момента становления моделей природопользования, основанных на подвижном скотоводстве, во все времена служила высокогорным пастбищем поколениям скотоводов. Елангаш – наиболее крупное из исследованных местонахождений наскальных изображений на Алтае. На скальных выходах и моренных камнях, расположенных по берегам в верхнем течении р. Елангаш, по подсчетам археологов, сконцентрировано около 30000 рисунков.

Для изучения петроглифов был создан Алтайский археологический отряд Института истории, филологии и философии СО РАН (Новосибирск). В дальнейшем под общим руководством академика А. П. Окладникова были проведены экспедиционные работы в течение 11 полевых сезонов с 1969 по 1979 г. Начальниками отрядов были этнограф Е. М. Тощакова и Е. А. Окладникова (Кубарев 1980; Кубарев, Маточкин 1992).

В результате были открыты, скопированы и опубликованы десятки тысяч наскальных изображений разных эпох. На обоих берегах реки был выделен 21 участок с петроглифами (16 – на левом и 5 – на правом берегу). Концентрация изображений на разных участках неоднородна, сами участки разграничены достаточно условно, причем, скорее, в связи с ходом работ по копированию рисунков, чем в соответствии с реальной топографией памятников. В результате многолетних исследований были скопированы и опубликованы около 14 000 рисунков, которые составили пять альбомов, включавших прорисовки, краткое описание фигур и композиций, а также краткие аналитические обзоры полученных материалов (Окладников и др. 1979; 1980; 1981; 1982; Окладников, Окладникова 1985).

Оценивая культурно-историческое значение памятника, исследователи отметили, что район, где расположены петроглифы, входил в зону становления самобытных культур, основой которых было кочевое скотоводство. Авторы датировали петроглифы, начиная с эпохи бронзы (III–II тыс. до н. э.) до современности. Помимо многочисленных изображений, датируемых эпохой бронзы, выделялся пласт рисунков эпохи раннего железного века («сакский» период), а также петроглифы

древнетюркского времени («досакская», «сакская», «тюркская» хронологические группы) (Окладников и др. 1979: 9). Памятник отличается также существованием большого пласта поздних («этнографических») рисунков XIX–XX вв.

Исследования петроглифов в долине р. Елангаш были одной из первых попыток полного изучения материалов одного местонахождения в отечественной археологии. При этом важно, что сам памятник отличается дисперсностью, расположением скальных выходов с рисунками на большой площади, на разных берегах реки на протяжении десятка километров. Следует отметить, что опубликованные прорисовки наскальных изображений Елангаша достаточно схематичны и, как правило, не точны. Неточности полученных копий определены методикой копирования петроглифов контактным способом путем переноса петроглифов на кальку с предварительной прорисовкой фигур на скале мелом. Далеко не всегда фиксировались изображения, выполненные в технике гравировки. Поздние и современные рисунки, процарапанные на патинированных поверхностях сланцевых скальных выходов на береговых террасах и на поверхностях моренных валунов, выборочно копировались, но не принимались во внимание древние граффити (гравированные фигуры людей и животных, конструктивные детали колесниц, эскизы, по которым наносилась выбивка). В силу этих недостатков ряд археологов считает бесперспективным использование публикаций в качестве репрезентативного воспроизведения оригинальных петроглифов и привлечение опубликованных материалов по наскальному искусству р. Елангаш для аналитических исследований.

Что касается датировки и выяснения культурной принадлежности наскальных рисунков комплекса, то достоверно определяется пласт изображений, иконографически, стилистически и тематически близких петроглифам соседних регионов Центральной Азии и Южной Сибири и связанный с ранними пастушескими культурами степной Евразии эпохи развитой и поздней бронзы. К числу сюжетов и образов данного хронологического и культурного пласта можно отнести изображения выючных быков, изображения колесного транспорта, антропоморфных персонажей в сценах перекочевок с домашними животными и охоты с луком на диких животных. Ряд изображений – крупные фигуры животных (быков, лошадей, маралов), выполненные контурной выбивкой, можно оценить как самые древние петроглифы комплекса и предположительно датировать эпохой ранней бронзы или еще более ранним временем (конец III – начало II тыс. до н. э.).

К эпохе развитой бронзы относятся петроглифы культурно-хронологического пласта, известного по другим петроглифическим памятникам Алтая (Калбак-Таш, Жалгыз-Тобе, Джурамал). Это сюжеты, связанные с домашними животными, прежде всего, быками (яками). Представлены выючные быки или яки, на которых верхом сидит человек, которых ведут за поводья женщины. Другим характерным сюжетом петроглифов Елангаша эпохи бронзы являются изображения колесниц, которые можно отнести к середине–второй половине II тыс. до н. э. На скалах по берегам р. Елангаш сконцентрировано самое крупное в Центральной Азии скопление изображений колесниц (более 70-ти фигур). В Елангаше колесный транспорт неоднократно представлен в многофигурных композициях; на колеснице здесь часто изображается пара антропоморфных персонажей (Окладников и др. 1979: 81, 83, 124, табл. 40; 42; 83). Кроме того, не раз зафиксирована концентрация нескольких изображений колесниц на одной плоскости. Колесные экипажи воспроизведены в деталях, для чего использовалось сочетание техники пикетажа и гравировки – воспроизведение спиц в колесах, ремней упряжи коней, поводьев в руках возничего (Черемисин 2007; 2011).

В Елангаше многочисленны изображения, маркирующие яркий, четко распознаваемый стиль, характерный для времени, переходного к эпохе раннего железа. Изображения благородных оленей-маралов в стиле оленных камней зафиксированы почти на всех участках, где есть многочисленные петроглифы (Черемисин 2009). Древнетюркский пласт петроглифов Елангаша не столь обширен, выбитые и гравированные изображения, в основном, сконцентрированы на поверхностях скальных выходов вершины Тамга-Таш – фигуры всадников в сценах охоты, воинского противостояния, воспроизведение эпохальных образцов вооружения и экипировки верхового коня, изображение штандарта (Черемисин 2011).



Рис. 1. Петроглифы долины р. Чаган  
(прорисовка гравюр по цифровым фотографиям с использованием программы Agisoft)

«Этнографические» изображения Елангаша встречены повсеместно. Они выполнены путем процарапывания патинированных скальных поверхностей и отличаются тем, что лишены патины. Представлены изображения мужчин и женщин в традиционной одежде в сценах перекочевков и выпаса скота, верхом на лошадях и яках. Среди сюжетов преобладают сцены охоты, в т. ч. с огнестрельным оружием. Воспроизведены сошниковые ружья, юрты и срубные постройки. Достоверно выделяются сюжеты, содержание которых отражает реалии шаманизма тюрков Алтая (теленгитов). На скалах изображены фигуры служителей шаманского культа в характерных облачениях – шаманских костюмах, также представлены атрибуты этих ритуалов (шаманские бубны). Данный пласт петроглифов можно предварительно датировать в пределах XVII–начала XX в. Изображения более позднего, новейшего времени также представлены весьма широко. Это многочисленные вырезанные на скалах, нередко поверх древних фигур, автографы, надписи, памятные даты, реалии современной жизни (автомобильный транспорт, оружие и т. п.).

Следует констатировать, что комплекс петроглифов долины р. Елангаш не является чем-то совершенно уникальным среди памятников наскального искусства региона. Аналогичная картина фиксируется в соседней долине р. Чаган – тысячи петроглифов сконцентрированы на скалах по обоим берегам реки на протяжении десятков километров: местонахождения Кызыл-Джар, Соок-Тыт, Абиджай, Кара-Оюк и др. (рис. 1). Там представлены те же наскальные сюжеты и образы, что

и в Елангаше. Большой интерес представляют гравированные изображения эпохи бронзы (композиция с «бегунами-танцорами»), изображения колесниц и батальные сцены с участием древнетюркских рыцарей (Черемисин 2002; 2003; 2004; 2007; 2009; Cheremisin 2008). К особенностям Елангаша можно отнести приуроченность самых содержательных рисунков к двум крупнейшим скальным выходам (Тамга-Таш и плоскости в устье ручья Турой). При этом значительная часть петроглифов помещена на поверхности моренных валунов на террасах высокогорного плато.

Относительно сохранности памятников можно констатировать, что ситуация благоприятна. Она определена тем, что долины р. Елангаш и Чаган практически не подвержены воздействию техногенной цивилизации. Высокогорные пространства, где расположены скальные выходы и моренные глыбы с рисунками, используются в рамках традиционного природопользования как места сезонных стоянок чабанов с. Бельтир. Следует отметить, что современные пастухи наносят многочисленные рисунки и автографы путем выбивки и процарапывания скальных поверхностей, в т. ч. нередко поверх древних рисунков, разрушая тем самым наскальные ансамбли. Свои автографы на скалах поверх древних рисунков оставляют и проходящие здесь туристы.

Начало нового этапа изучения петроглифов в долине Елангаша и в Чаганке связано с нашими разведками и использованием новых подходов к фиксации наскальных изображений (использование ГИС-технологий для картографирования и фотофиксации для копирования рисунков). Возможности современной цифровой фотографии позволяют фиксировать плохо различимые на скалах петроглифы, выполненные в технике тонкой гравировки. Обработка полученных фотографий при помощи графических компьютерных программ и, в частности, использование программы AGISOFT позволяет по совокупности фотоснимков построить ортогональную проекцию скальной поверхности с изображениями (т. е. использовать своего рода фотограмметрию) и даже создать объемную модель скалы с петроглифами (технологии 3D-моделирования). Основные результаты новейших исследований с использованием данных технологий будут представлены в докладе соавторов.

- Кубарев 1980 – *Кубарев В. Д.* Археологические памятники Кош-Агачского р-на (Горный Алтай) // Археологический поиск. Центральная Азия. Новосибирск, 1980. С. 69–91.
- Кубарев, Маточкин 1992 – *Кубарев В. Д., Маточкин Е. П.* Петроглифы Алтая. Новосибирск, 1992.
- Окладников и др. 1979 – *Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А.* Петроглифы долины р. Елангаш. Новосибирск, 1979.
- Окладников и др. 1980 – *Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А.* Петроглифы Горного Алтая. Новосибирск, 1980.
- Окладников и др. 1981 – *Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А.* Петроглифы Чанкыр-Келя. Новосибирск, 1981.
- Окладников и др. 1982 – *Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А.* Петроглифы урочища Сары-Сатак (долина р. Елангаш). Новосибирск, 1982.
- Окладников, Окладникова 1985 – *Окладников А. П., Окладникова Е. А.* Древние рисунки Кызыл-Келя. Новосибирск, 1985.
- Тошакова 1970 – *Тошакова Е. М.* Изучение петроглифов Горного Алтая // Известия СО РАН. Серия общественных наук. Новосибирск, 1970. № 11, вып. 3. С. 119–120.
- Черемисин 2002 – *Черемисин Д. В.* Петроглифы бассейна р. Чаган: результаты исследований 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы годовой сессии ИАЭ СО РАН 2002 г. Новосибирск, 2002. Т. VIII. С. 491–496.
- Черемисин 2003 – *Черемисин Д. В.* Наскальная композиция с изображением колесницы и «танцоров» из Чаганки (Кара-Оюка), Алтай // АЭАЕ. 2003. № 4 (16). С. 57–63.
- Черемисин 2004 – *Черемисин Д. В.* Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // АЭАЕ. 2004. № 1 (17). С. 40–51.

- Черемисин 2007 – *Черемисин Д. В.* Проблемы изучения наскальных изображений колесниц (на материалах петроглифов Алтая) // Алтай-Саянская горная страна и соседние территории в древности и средневековье. Новосибирск, 2007. С. 261–274.
- Черемисин 2009 – *Черемисин Д. В.* Еще раз об интерпретации образа оленя в наскальных изображениях и на каменных изваяниях Южной Сибири и Центральной Азии // *Homo Eurasicus* у врат искусства. СПб, 2009. С. 302–306.
- Черемисин 2011 – *Черемисин Д. В.* Несколько наблюдений над граффити Горного Алтая // Древнее искусство в зеркале археологии: Сб. науч. трудов к 70-летию Д. Г. Савинова. Кемерово, 2011. С. 146–160.
- Cheremisin 2008 – *Cheremisin D. V.* New information concerning chariot images in the Altai // *The International Newsletter on Rock Art*. 2008. No 52. P. 23–27.

**М. А. Дэвлет (Москва, Россия)**

### **О памятниках наскального искусства в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС**

С 1965 г. в течение двух десятилетий Саяно-Тувинская экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством А. Д. Грача, затем С. Н. Астахова, проводила исследования в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС.

Саянский каньон Енисея – участок протяженностью около 300 км, где река, миновав степи Тувинской котловины, входит в «трубу» и, уже не дробясь на рукава, течет по глубокому узкому ущелью Западного Саяна. Крутые склоны, осыпи и камнепады препятствуют продвижению по берегу. Исследования показали, что, несмотря на все очевидные трудности освоения Саянского каньона, он был заселен с глубокой древности. Археологами были зафиксированы сотни объектов культурного наследия, изучены палеолитические местонахождения, раскопаны курганы и древние стоянки, городища и пр. В результате работ Саяно-Тувинской экспедиции в зоне затопления было открыто более 500 памятников разных исторических эпох, произведены раскопки на 150 археологических объектах по правому берегу Улуг-Хема и 120 – по левому (Длужневская, Савинов 2007).

В составе экспедиции работал Отряд по изучению петроглифов под руководством автора. Местонахождения петроглифов в Саянском каньоне были зафиксированы на участке между ручьем Беделиг и устьем р. Хемчик, где горные хребты на Правобережье местами отступают от берега и между горами и рекой теснятся небольшие наклонные плато и равнины. На правом берегу Улуг-Хема пролегает неширокая долина, которую прорезает разветвленное русло р. Чинге. Именно здесь сосредоточены основные местонахождения петроглифов. Если следовать от входа в ущелье вниз по течению Улуг-Хема, то на правом берегу расположена гора Мозага-Комужап, затем Устю-Мозага, «Камень под горой Устю-Мозага», Алды-Мозага, Бижиктиг-Хая. На левом берегу в той же последовательности – «у Чингенской воронки», Мугур-Саргол, «Дорога Чингисхана», отступая от берега – Саргольское ущелье, Ортаа-Саргол.

К моменту заполнения ложа водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС в конце 1980-х гг. были систематически исследованы все известные нам памятники наскального искусства этого региона, ныне ушедшие под воду, а также подавляющая часть петроглифов, находящихся в зоне риска. Теперь, по прошествии более четверти века после завершения полевых работ Отряда по изучению петроглифов, памятники наскального искусства, погребенные на дне рукотворного моря, опубликованы (Дэвлет 1976; 1980; 1982; 1990; 1993; 1998; 2004; 2009), петроглифы горы Устю-Мозага, затопленной частично, подготовлены к изданию. Актуальна задача сравнительного изучения местонахождений петроглифов Саянского каньона – значительной территории, наскальное искусство которой в Азиатской части нашей страны едва ли не наиболее полно изучено.

Каждый памятник Саянского каньона имел свой неповторимый облик, свой специфический набор сюжетов. Для каждого – периодом наиболее активной деятельности создателей петроглифов был какой-то определенный отрезок времени. В целом местонахождения петроглифов довольно

близки друг к другу по своим культурно-историческим характеристикам, составляя в совокупности единый Саянский очаг наскального искусства – уникальный историко-культурный регион.

В определенном смысле петроглифы Саянского каньона мы можем рассматривать как памятники единого археологического микрорайона. В последнее время подход под таким углом зрения к разнообразным археологическим объектам разрабатывается исследователями в разных регионах нашей страны. Особое внимание изучению микрорайонов уделял классик сибирской археологии В. И. Матюшенко, опиравшийся на теоретические и методологические разработки своих предшественников – С. А. Теплоухова, проводившего полевые исследования на среднем Енисее у сел. Батени, и М. П. Грязнова, изучавшего археологические памятники на верхней Оби у сел. Большая Речка. Археологический микрорайон по В. И. Матюшенко – понятие, известное уже давно, но только в последние десятилетия оно наполняется более или менее определенным содержанием (Матюшенко 2002: 25).

В отношении памятников наскального искусства понятие «микрорайон» специально не разрабатывалось. Среди прочих, в настоящее время встречается понимание археологического микрорайона как определенной территории, в рамках которой по единой исследовательской программе ведется целенаправленное изучение местонахождений наскального искусства разных эпох. Представляется, что подобное понимание применимо к нашему случаю, когда памятники, расположенные на определенной изолированной территории, являющейся экологической микронисшей, изучались в силу обстоятельств (предстоящее затопление ложа водохранилища) максимально полно.

Петроглифы Саянского каньона разновременны, тем не менее, удастся проследить постоянно встречающиеся изображения, которые есть основания относить к одному и тому же хронологическому пласту. Установлено, что для каждого периода характерны определенные сюжеты, особенности стиля и техники нанесения рисунков на скалы. В результате были выделены и описаны петроглифы бронзового века, скифского времени, гунно-сарматской и тюркской (средневековой) эпох, а также наскальные изображения, относящиеся к этнографической современности.

*Мугур-Саргол* – памятник наскального искусства в Саянском каньоне на Левобережье Улуг-Хема напротив устья р. Чинге, наиболее выдающийся с точки зрения природной исключительности, научной и художественной значимости. В то же время это, скорее всего, один из самых древних памятников. Скалы Мугур-Саргола, покрытые петроглифами, тянутся полосой на протяжении более 500 м вдоль Улуг-Хема. Изображения выбиты на прибрежных скалах и отдельно лежащих валунах. Всего индексирован 371 камень, на каждом из них – от одной до ста и более фигур. Наскальные изображения выбиты в т. н. точечной технике. Изредка встречались резные или шлифованные изображения или их отдельные детали, выполненные в резной технике. Петроглифы по цвету обычно не отличались от скального фона и, также как и он, были покрыты коркой иссиня-черного глянцевого пустынного загара. Камни с петроглифами располагались на высоте 3–5 м над современным уровнем реки и заливались во время паводков, которые бывали на Мугур-Сарголе регулярно в первой половине–середине июня, в некоторые годы они повторялись летом и осенью.

Данное место было выбрано древними людьми для будущего святилища не случайно. Для проведения культовых обрядов оно обладает оптимальными характеристиками. С одной стороны, дикий уединенный характер местности, с другой – расположение на перекрестке водных и сухопутных путей, хотя и труднопреодолимых, что немало способствовало относительной изолированности микрорайона.

Еще в древности люди, посещавшие эти места, могли наблюдать, как в период больших паводков причудливые мрачные скалы буквально на глазах поглощала пучина. И, как Феникс из пепла, через какой-то промежуток времени они появлялись вновь. Очевидцы присутствовали как бы в начале времен, когда из хаоса водной стихии возникали миры. В этой впечатляющей картине было что-то мистическое, что никого не могло оставить равнодушным. Во время работы Отряда по изучению петроглифов нам довелось наблюдать, как в период пика паводков из разлившейся

реки выступали лишь вершины трех скальных монолитов алтарного комплекса. Старожилы – чабаны, а также геологи, гидрологи, работавшие в этих местах, рассказывали, что в отдельные годы, примерно раз в десятилетие, на пике паводка вода поднималась и заливала святилище выше «дороги Чингисхана», пролежавшей параллельно реке, подступая к самому подножию гор.

Творцы петроглифов предпочитали прибрежные скалы. В Сибири это было традиционно излюбленное место для наскальных изображений: бегущая вода будоражила воображение древних философов, в их мифологическом сознании река символизировала Нижний мир. На древнего и на современного наблюдателя подобные явления оказывали большое эмоциональное воздействие, как и селевые потоки, внезапно возникающие в результате прошедших в горах дождей и мчащиеся с грохотом по дну Саргольского ущелья.

Должно быть, близость Чингенской воронки придавала своеобразный колорит этим местам. Плавание через громадный бурлящий водоворот, пенящиеся воды которого нередко поглощали в пучине лодки и опытных пловцов, представляло в древности большую опасность и вызывало чувство трепета и поклонения перед грозной стихией – могучим Улуг-Хемом. Шум водоворота доносился до святилища, отдаваясь эхом в горах.

Напоминанием о природных сейсмических катастрофах служил огромный оползень на противоположном правом берегу Енисея, справа от входа в Чингенское ущелье. Эта сейсмогравитационная структура Чинге своей необычностью и цветовыми характеристиками сразу же обращала на себя внимание. Возможно, землетрясение, породившее этот оползень, произошло на памяти поколений творцов петроглифов Мугур-Саргола. Окружающий ландшафт, своеобразные природные факторы обуславливали и корректировали замысел древних художников – топографические особенности местности создавали предпосылки для превращения череды прибрежных валунов и скальных выходов Мугур-Саргола в храм под открытым небом с алтарным комплексом в центре.

Люди появились у скал Мугур-Саргола не случайно, они пришли с намерением нанести на черные блестящие плоскости священные рисунки. В то время скалы еще были свободны от петроглифов и древние художники могли выбирать для осуществления своих замыслов любые подходящие поверхности. Наиболее семантически значимые из задуманных композиций нашли свое воплощение на главной плоскости алтарного комплекса, именуемой нами иконостасом.

Сюжетами, наиболее характерными для данного местонахождения петроглифов, являются личины-маски (около 250), жилища с примыкающими к ним загонами для скота (около 40), представленными в плане, а также солярные символы, ямки-лунки, символизирующие небесные тела (около 3000), и точечные выбоины, датируемые бронзовым веком. Они составляют наиболее ранний пласт петроглифов на святилище. На камне 358 специфические мугур-саргольские сюжеты нашли триединое воплощение. Как обычно, под подбородком личины имеется ручка-отросток, на макушке линия с точкой на конце – т. н. антенна, а по бокам головы – рога. Отличительной особенностью данной личины является завершение одного рога окружностью с ямкой-лункой в центре, другого – квадратом, который трактуется как изображение жилища, представленного в плане. Этот своеобразный рисунок сам по себе является веским доказательством одновременного существования всех трех сюжетов. Для данного памятника особенно характерны мировоззренческие композиции: структура мироздания, верхний мир, «поселок предков» или «галерея портретов предков» на фоне звездного неба. Уникальны изображения созвездий.

Наблюдения над топографией памятника позволяют наметить хронологическую последовательность создания изображений и сделать вывод, что личины были нанесены на еще свободные от петроглифов скальные плоскости, наряду с сопровождающими их изображениями древнего пласта. Наиболее ранние и сложные композиции встречаются возле уреза воды и в алтарной части. Предпочтение отдавалось плоскостям, обращенным к реке. Петроглифы, относящиеся к более поздним эпохам, тяготеют к периферийным участкам святилища.

Гора *Алды-Мозага* высотой около 25 м протянулась от устья р. Чинге вниз по течению Улуг-Хема. Восточный склон круто обрывается в сторону устья р. Чинге. Южный склон близ

устья р. Чинге отвесный. Ниже по течению Улуг-Хема он становится относительно пологим, гора как бы отступает от реки. Далее в воду основанием уходит скальный цоколь – огромные глыбы, регулярно затопляемые в период половодья. Перед этими скальными монолитами у подножия горы имелась площадка, покрытая песком, на которой могли располагаться участники древних обрядов. Любопытно отметить, что водная гладь Улуг-Хема под горой Алды-Мозага была отличным транслятором человеческой речи с одного берега на другой. Возможно, эти акустические особенности местности учитывались или даже использовались участниками мистерий. С северной и западной сторон к подножию горы примыкает прибрежная долина, покрытая древними курганами и изрезанная сетью пересохших русел старинной, давно уже не функционирующей оросительной системы.

На горе Алды-Мозага индексируются 152 камня с изображениями. Рисунки создавались начиная с эпохи бронзы вплоть до этнографической современности. На каждом камне представлены как отдельные фигуры, главным образом, изображения животных, так и скопления петроглифов, образующие целые композиции. Скалы у кромки воды покрыты изображениями, сопоставимыми с мугур-саргольской «триадой», только их значительно меньше (личин – менее четырех десятков). Чаще, чем на других памятниках, здесь встречаются фигуры выючных животных и сцены с их участием. Характерны антропоморфные фигуры в грибообразных головных уборах, представленные в определенной позе: туловище в фас, согнутые в коленях ноги в профиль, часто с оттянутыми вниз носками; в одной руке человек держит лук, а другая на поясе, у бедра – предмет, по большей части округлых очертаний. Уникальна композиция «круговорот жизни и смерти».

Когда появились первые наскальные изображения на горе Алды-Мозага, в какой последовательности складывался петроглифический комплекс? На эти вопросы со всей определенностью мы затрудняемся ответить. Не исключено, что отдельные изображения были выбиты в этих местах еще до того, как в бронзовом веке древние художники создали замечательные композиции наскальных рисунков, благодаря которым окружающая местность стала восприниматься творцами древних петроглифов и их соплеменниками в качестве святилища. Представляется все же, что на скалах Алды-Мозага наиболее семантически значимые изображения были выбиты уже после того, как были созданы композиции на скалах алтарного комплекса Мугур-Саргола или, что менее вероятно, одновременно с ними. В то время, когда святилище Мугур-Саргол стало утрачивать значение центра коллективных ритуальных действий, скалы Алды-Мозага продолжали сохранять притягательную силу для творцов петроглифов и участников обрядов.

Гора *Устю-Мозага* высотой свыше 50 м находится у Чингенской воронки, на правом берегу Улуг-Хема, выше устья его притока р. Чинге. Восточные и южные склоны горы отвесные. По склонам к реке спускались живые каменистые осыпи. Около скального цоколя очертания береговой линии в течение года почти не менялись, хотя уровень воды резко повышался в период паводков. Западный и северный склоны были несколько более пологими. С севера подножие горы огибало сухое русло – старица Улуг-Хема. Вершина горы относительно плоская, хотя и неровная, разделяется поперечными логами на три части: западную, центральную и восточную. Наскальные изображения сосредоточены в большинстве своем на вершине Устю-Мозага. Всего в процессе работ на памятнике было индексировано свыше 160 камней с петроглифами (рис. 1).

На горе Устю-Мозага можно выделить петроглифы эпохи бронзы, скифского, гунно-сарматского и тюркского времени, а также наскальные изображения, относящиеся к этнографической современности. Кроме того, была зафиксирована тюркская «руническая» надпись, насчитывающая семнадцать знаков. Наиболее ранние немногочисленные петроглифы на горе Устю-Мозага датируются эпохой бронзы. Фигуры, сопоставимые с мугур-саргольской «триадой», единичны. Изображений личин всего пять. Близ вершины есть большая композиция, где среди персонажей уникальна фигура мага. Имеется серия антропоморфных фигур в грибообразных головных уборах. Преобладают петроглифы скифского времени и более поздних эпох вплоть до этнографической современности.

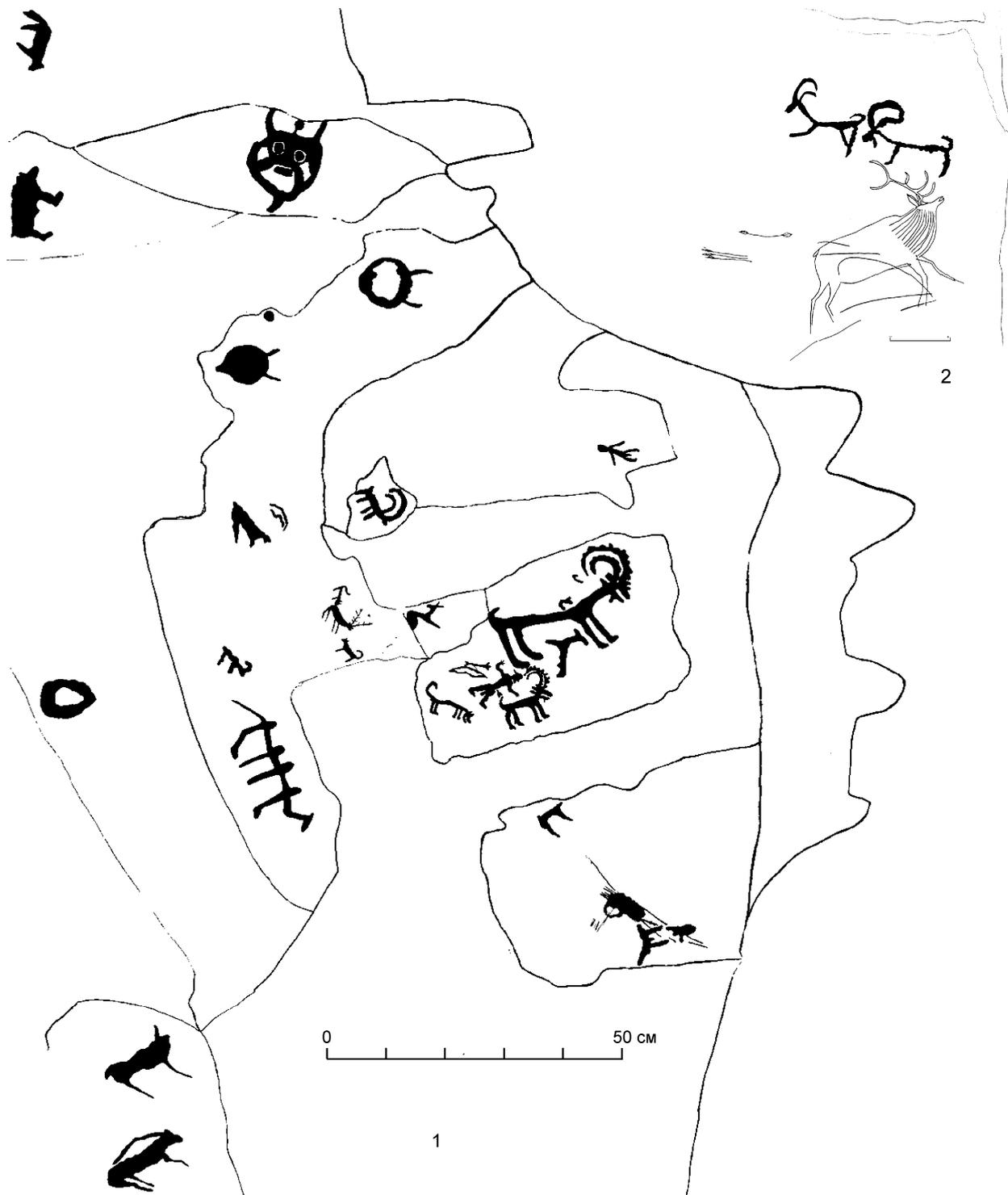


Рис. 1. Устю-Мозага: 1 – камень 3; 2 – камень 91

*Камень под горой Устю-Мозага*, т. н. каменный «компас». На плоской плите находится большая композиция с изображением четырех колесниц, вьючных животных, охотников, воинов, знаков в виде стрелок-указателей и др. Всего насчитывается более 100 фигур.

*Бижиктиг-Хая* – гора с самыми крупными в Саянском каньоне петроглифами – изображениями животных. Внутри их контура бывают вписаны как целые зооморфные фигуры, так и их части. Подобные изображения хорошо видны на расстоянии, с реки, и представляют «лицо»

данного памятника. Всего 99 камней с петроглифами. Другая характерная особенность памятника – скопления крупных и глубоких ямок-лунок и чашечных углублений, иногда соединенных между собой желобками.

*«Дорога Чингисхана».* Петроглифы сосредоточены на скальных выходах и отдельно лежащих камнях, расположенных вдоль тропы, идущей параллельно береговой линии. Выделяется пласт изображений эпохи бронзы, для которых характерен предельный схематизм и удлинённые пропорции. Преобладают фигуры козлов. Встречаются прекрасные образцы петроглифов, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле, сцены преследования копытных волками или собаками. Уникален камень, на котором наряду со стилизованными, непомерно вытянутыми фигурами верблюдов и козлов обнаружена древнетюркская надпись.

*Мозага-Комужан* – гора, на вершине которой сосредоточены, главным образом, «рядовые» петроглифы – схематические изображения горных козлов. Всего 119 камней с петроглифами. Вблизи реки несколько крупных многофигурных композиций. На горном склоне к реке на отвесной скале, перед которой находится площадка, представлена сцена жертвоприношения – шедевр искусства скифо-сибирского звериного стиля.

*У Чингенской воронки* на Левобережье Енисея, на валунах и скальных выходах – разновременные петроглифы от эпохи бронзы до этнографической современности, в т. ч. ирреальные фантастические фигуры.

*Саргольское ущелье.* На скалах, обрамляющих ущелье, – динамичные фигуры животных. На одной из плоскостей фигуры более чем 100 козлов. Имеются средневековые изображения мчащихся всадников.

*Ортаа-Саргол.* Здесь сосредоточены блестящие произведения скифо-сибирского звериного стиля. Преобладают зооморфные сюжеты. Имеются изображения образцов национальной женской одежды и сложных причёсок.

Выдающийся, уникальный памятник наскального искусства бронзового века Мугур-Саргол, в целом, наиболее ранний, по сравнению с прочими местонахождениями петроглифов в Саянском каньоне. Памятник наскального искусства Алды-Мозага, лишь немногим уступающий Мугур-Сарголу, в целом, несколько более поздний. В определенном смысле он может рассматриваться в единстве с Мугур-Сарголом, поскольку оба они располагались в непосредственной близости друг от друга, на противоположных берегах великой реки. Пласт петроглифов эпохи бронзы на горе Устю-Мозага невелик. В скифское время святилища переносятся на новые места. Таким новым сакральным центром в Саянском каньоне могла стать гора Устю-Мозага, где петроглифы скифского времени преобладают по сравнению с наскальными изображениями эпохи бронзы в отличие от таких памятников наскального искусства, как Мугур-Саргол и Алды-Мозага, где петроглифы бронзового века составляют большинство.

Существует уникальная возможность рассмотреть памятники, представляющие собой древние святилища, в хроностратиграфическом и хронопланиграфическом аспектах; определить, в какой последовательности заполнялись изображениями скалы не только конкретных местонахождений, но и всего микрорайона в целом; выявить периоды, когда каждое святилище функционировало и когда не было востребовано древними обитателями края; выяснить, какие исторические события оказали влияние на выбор сюжетов петроглифов, реализовать возможности их исторической интерпретации. В этой связи решающее значение приобретают находки плит с петроглифами в основании каменной насыпи кургана Аржан-2, исследованного в недавние годы. Изучаемая нами территория Саянского каньона Енисея, хотя и находилась на периферии ареала аржанского вожества, была тесно связана с Уюкским «Герросом». Сенсационные находки изображений хэланьшаньского хищника в кургане Аржан-2, наряду с личинами мугур-саргольского и окуневского типов, дают основания для разработки вопросов взаимовлияний и миграций в древности. Новейшие данные, полученные в результате раскопок кургана Аржан-2, вписываются в концепцию, выдвинутую А. Д. Грачём на основании курганной стратиграфии, и развитую автором по материалам

палимпсестов Саянского каньона Енисея, о характере исторических событий на рубеже бронзового и раннего железного веков, нашедших отражение в «борьбе символов» и манифестации «идеи подчинения». Введение новых материалов расширит источниковедческую базу и послужат делу сохранения культурного наследия.

В результате работ Отряда по изучению петроглифов весь фонд наскального искусства, погребенного на дне рукотворного Саянского моря, зафиксирован и в будущем может быть доступен для изучения каждому, кто интересуется искусством древних обитателей Центра Азии.

Длужневская, Савинов 2007 – *Длужневская Г. В., Савинов Д. Г.* Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб, 2007.

Дэвлет 1976 – *Дэвлет М. А.* Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976.

Дэвлет 1980 – *Дэвлет М. А.* Петроглифы Мугур-Саргола. М., 1980.

Дэвлет 1982 – *Дэвлет М. А.* Петроглифы на кочевой тропе. М., 1982.

Дэвлет 1990 – *Дэвлет М. А.* Листы каменной книги Улуг-Хема. Кызыл, 1990.

Дэвлет 1993 – *Дэвлет М. А.* Изображения на скалах Бижиктиг-Хая в Саянском каньоне Енисея // Памятники наскального искусства. М., 1993. С. 79–193.

Дэвлет 1998 – *Дэвлет М. А.* Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). М., 1998.

Дэвлет 2004 – *Дэвлет М. А.* Каменный «компас» в Саянском каньоне Енисея (камень с изображением «дороги» у подножия горы Устю-Мозага). М., 2004.

Дэвлет 2009 – *Дэвлет М. А.* Мозага-Комужап – памятник наскального искусства в зоне затопления Саянской ГЭС. М., 2009.

Матющенко 2002 – *Матющенко В. И.* Археологический микрорайон как одна из форм междисциплинарных исследований // Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии Западной Сибири: Мат-лы Всерос. науч. конф. Томск, 2002. С. 25–31.

***А. Шефер (Берлин, Германия)***

### **Опыт реконструкции одного сюжета нартского эпоса на базе археологических материалов кочевников Центральной Азии гунно-сарматского времени**

В статье рассматривается категория изделий гунно-сарматского времени на территории Центральной Азии, представляющая собой, по мнению автора, единую сюжетную группу. В раскопанном в пади Царам (Кяхтинский р-н Республики Бурятия) памятнике, раскопанном Забайкальской экспедицией ИИМК РАН под руководством С. С. Миняева, под остатками покрытия у южной стенки гроба находились две железные пряжки (7,5 × 5 см), покрытые золотой фольгой с изображением лица мифического, антропоморфного существа (рис. 1, 2), условно названного С. С. Миняевым и Л. М. Сахаровской сатиром. Лицо на пряжках было выполнено рельефно. Вставками из агата были отмечены брови, глаза и усы, а застежка для волос и основания рогов были украшены бирюзой (Миняев, Сахаровская 2007: 201, рис. 3, 1; Miniaev, Sakharovskaia 2007: 53–54, fig. 18).

Поясная пряжка с идентичным, на наш взгляд, персонажем была опубликована А. Сальмони (Salmony 1933: Pl. XVI, 4). В том, что представлено одно и то же существо нет никаких сомнений. На это указывают маленькие рога и уши, четко показанные брови и усы, закрученные вверх. Пустое замкнутое пространство между усами и шпеньком для закрепления ремня на конце бляхи обозначает открытую полость рта, соответствовавшую пластине из пади Царам. На лбу, по всей видимости, воспроизведен пылающий огонь (рис. 1, 3).

Аналогию изображениям на поясных пластинах мы находим на территории Хакасии. На р. Ташебе в течение четырех сезонов (1940, 1941, 1945 и 1946 гг.) была раскопана, предположительно, резиденция наместника гуннского шаньюя (Евтюхова 1954; Кызласов 2001; Ковалёв 2007).

У дверных проемов в зале на восточной, северной стороне и у южной двери вестибюля дворца, а также на западной стороне между комнатами Д и И были найдены бронзовые маскароны, служившие ручками дверей зала дворца (рис. 1, 1) (Евтюхова, Левашева 1946: 74, 80–82, рис. 33; Киселёв 1951: 482, табл. XLVI, 1–2; Евтюхова 1954: 204; Кызласов 2001: 98–101, рис. 50–52; Кызласов 2006: 201, рис. 36–37). Изображенное на них лицо имеет большое сходство с существом на поясных пластинах из погребения в пади Царам и пряжке из коллекции Лу, изданной А. Сальмони. Общими чертами можно назвать глаза, широкие брови, рога и закрученные вверх усы. Трактовка Л. Р. Кызласова трех языков пламени, вздымающихся над головой духа-хранителя из дворца на р. Ташебе (Кызласов 2001: 99), находит себе подтверждение в сравнении ее с изображением пламени на лбу персонажа поясной пряжки коллекции Лу. Возможно, древние мастера хотели так подчеркнуть огненно-рыжий цвет волос данного образа. На то, что это могли быть волосы, нас наталкивает четко просматривающееся их изображение на пластине из пади Царам.

К следующим ближайшим аналогиям данных изображений можно отнести фресковую роспись гробницы 11 у подножья горы Лао-Тье около Порт-Артура с изображением гения, охраняющего дверь (Евтюхова, Левашёва 1946: рис. 40; Киселёв 1951: табл. XLV, 3) и глиняный налесток европеоидного лица с усами и имитацией ручки-кольца (Gabori 1960: 84, Fig. 1; Кызласов 2001: рис. 53). Отдаленное сходство с образом духа-хранителя на поясной пластине из мог-ка в пади Царам имеет золотая бляха-накладка из кург. 43 мог-ка Яломан II, представляющая, по мнению А. А. Тишкина, рогатого «дракона» с усами (рис. 1, 4) (Тишкин 2007: 385, рис. 2, 1; 2010: 43, рис. 2, 28; 3; Tishkin 2011: Fig. 14, 1–2). Оба изображения имеют между собой лишь некоторые общие черты, но, возможно, представляют один и тот же образ.

В Китае на протяжении многих веков складывалось огромное число культов и верований. Помимо сложной системы духов, божеств и космологических представлений о мире, важнейшее место занимал культ Неба и Земли, подразумевавший служение духам Неба, Земли и людей (Вяткин 2001: 124–127). Духи неба *тянь шэнь* входили в одну большую группу духов *шэнь*, являвших собой противоположность злым земным духам *гуй*. Жертвоприношения небесным духам, подразумевали жертвы пяти мифическим правителям, а также солнцу, луне и звездам (Вяткин 2001: 126; Рифтин 1992: 654). Как видно из письменных источников, изначально существовало пять духов-хранителей, двое из которых являлись стражами ворот и дверей (Ли Цзи 1994: IX, 104). Впоследствии духов-хранителей ворот и дверей объединяют вместе и начинают обозначать термином *мэнь-шэнь* (Юань Кэ 1965: 113–114). Духи *мэнь-шэнь* изображались как воины, один из которых был китайцем, а другой – иноземцем с большой бородой, усами и носом. В Китае и в наши дни очень распространен обычай наклеивать изображения *мэнь-шэнь* на ворота и двери дома как своего рода оберег и защиту от злых бесов (Алексеев 1966: 18, 42; Решетов 1977: 99).

Почему духов стало двое и один из них изображался иноземцем? Ответить на этот вопрос помогают выводы Г. Е. Грум-Гржимайло, считавшего, что известный нам из китайских письменных источников народ ди, судя по всему, европеоидного происхождения, проживавший в непосредственной близости с китайцами династии Шан, смешавшись с частью из них, образовал государство Чжоу. Также, он предполагает, что китайцы царства Чжоу, почитавшие своих предков, изображали их рыжими. С постепенным изменением антропологического типа населения Китая и преобладанием черноволосого компонента, дух прародитель перестал быть узнаваем и превратился в демона с рыжими волосами земного мира *гуй* (Грум-Гржимайло 1899: 341, 393; 1926: 14–16; Гумилёв 1959: 17, 22).

Если в Китае существовало два духа, являвшихся хранителями ворот и дверей, то, вполне возможно, что с течением времени дух-предок ди и динлинов, уже сменивший свой облик на рыжеволосого демона, и хорошо вписывающийся в концепцию даосизма о двух вселенских началах добра и зла, становится одним из духов-хранителей ворот и дверей *мэнь-шэнь* наравне со своим китайским собратом, сохранив антропологически отличающееся лицо до наших дней.



Рис. 1. 1 – бронзовый маскарон, дворец на р. Ташебе (по Кызласов 2006: рис. 36); 2 – золотая пряжка, падь Царам, кург. 7 (по Миняев, Сахаровская 2007: рис. 3, 1); 3 – поясная пряжка, северный Китай (по Salmony 1933: Pl. XVI, 4); 4 – золотая пластина, Яломан II, кург. 43 (по Тишкин 2010: рис. 2, 28)

В данном случае интерес для нас представляют, т. н. маски Таоте, образ которых мы видим на бронзовых сосудах династии Шан и Чжоу. М. И. Ростовцев указывал на популярность данных масок в эпоху Чжоу (Rostovtzeff 1929: 72, pl. XIX, 5). Маски Таоте, изображенные позднее на погребальной камере близ Лояна (пров. Хэнань), датируемой I–II вв. н. э., наряду с духами четырех стран света, являлись уже духами-хранителями на каменных дверях в погребальную камеру. По внешнему виду можно сказать, что у них есть рога, а через нос продета круглая ручка-кольцо (Виноградова 1988: 20, табл. 27). Под масками расположен тигр. По преданию злые духи, пойманные духами-хранителями *мэнь-шэнь*, бросались ему на съедение. Изображение маски Таоте мы видим на саркофагах, воротах и на ручках сосудов из погребения Лиу Хэ (Gold und Jade... 2007: 75, no 11). Примечателен тот факт, что круглое кольцо, продетое сквозь нос показанного существа, является аналогией уже известных нам гениев-хранителей из дворца на р. Ташебе. Наличие рогов, большого носа, форма глаз масок предполагает сходство данных существ с духами *мэнь-шэнь*, а точнее – с рыжеволосым прообразом одного из них. В вышедшем 27 томе монументального сборника статей китайских археологов «Полное собрание археологии Китая» (Чжунго каогу... 2009) повторно опубликовано большое число работ, наглядно показывающих огромную популярность образа духов-хранителей дверей и ворот в Китае в эпоху Хань, несомненно, происходящих от звериных прообразов масок Таоте.

На сегодняшний день есть несколько мнений исследователей относительно функционального назначения «дворца» (Евтюхова, Левашёва 1946; Бернштам 1951; Киселёв 1951; Вайнштейн, Крюков 1976; Кызласов 2001; 2006; Ковалёв 2007; 2011). Не останавливаясь на них, хотим лишь упомянуть новую работу А. А. Ковалёва, в которой автор на основании анализа найденной черепицы, ставит жесткие хронологические рамки относительно периода возникновения «дворца» (Ковалёв 2011: 108–109). Трудно не согласиться с выводами прекрасно проведенной аналитической работы, но, как нам кажется, 27–29 гг., в которые Лу Фан проживал на территории хунну и был признан шаньюем императором Китая, связаны со вторичной фазой использования «дворца». Отсутствие археологического материала, указывавшего абсолютно точно на период более раннего существования «дворца», не может быть причиной, не допускающей возможность наличия более ранней фазы. На наш взгляд, здание на р. Ташебе изначально было храмом. В китайских письменных источниках мы находим упоминания о знаменитом китайском полководце Ли Гуан-ли. Попав в плен в 90 г. до н. э. к хунну, по клеветническому доносу в 89 г. до н. э. он был принесен в жертву. Вскоре шаньюй, раскаявшись в содеянном, приказал построить храм в его честь (Бичурин 1950: 76). Где был построен храм и кем – неизвестно. Можно предположить, что строительство было поручено Ли Лину, приходившемуся Ли Гуан-ли внуком и являвшимся наместником территории

Хагас. По своей планировке здание напоминает погребальные сооружения ханьского времени. Они строго ориентированы по сторонам света, с центральным входом с Ю или З. Обязательным условием было наличие центрального зала, в котором находилось тело погребенного, с входными дверями по сторонам, ведущими в другие прилегающие комнаты. Иногда их было семь, как и в храме на р. Ташебе. Общее число комнат обычно было намного больше.

Определяя находки маскаронов из «дворца» на р. Ташебе, С. В. Киселёв указал на возможность изображения на них духа-хранителя дверей (Киселёв 1951: 484). В своей оценке изображений маскаронов Л. Р. Кызласов отождествил их с гениями-хранителями (Кызласов 2001: 99; 2006: 201). Важным условием для хозяев и строителей храма было предоставить защиту центрального помещения со всех сторон света, что было возможно только во внутренней части здания. Размещение маскаронов по китайской традиции на главных, внешних дверях здания было невозможно, т. к. вход в здание находился только с южной стороны.

Со времени образования империи шаньюя Маодуня влияние китайской культуры резко усилилось во всех отраслях жизни хунну. Не исключено, что изначальные представления хунну и китайцев о небе, земле, луне и духах-хранителях были схожи (Бичурин 1950: 49). Вполне возможно, что в мировоззрении хунну о духах существовало много общего с китайскими верованиями, представляющими демонов рогатыми, с густой растительностью на лице и определенного антропологического типа. Все выше перечисленные изображения духов-хранителей можно, предположительно, связать с духами *мэнь-шэнь* в трактовке кочевников. Духи явно агрессивны. Они имеют клыки, рога и, возможно, не делились у хунну на темные и светлые начала, как у китайцев. Это косвенно подтверждается изображением всего одного духа хранителя из гробницы 11 у подножья горы Лао-Тье и расположением всегда по одному маскарону на дверях храма в Хакасии. Антропоморфные лица на поясных пластинах из могильника в пади Царам также, на наш взгляд, являются духами *мэнь-шэнь* в интерпретации кочевников. Пояс, являясь для кочевника оберегом и важнейшим атрибутом одежды, показывал социальный статус владельца, заключал в себе также представления о вселенной как о круге, замкнутости и целостности и защищал от злых духов (Добжанский 1990: 58). Существа антропоморфного вида, названные нами *мэнь-шэнь*, стоят на страже не только защищая, но и предупреждая злых бесов о последствиях в случае нападения на их владельца. По всей видимости, поясные пряжки данного типа были парными, но изображения указывали на существование всего одного «злого» духа-хранителя в представлениях кочевников хунну. Также можно предположить, что появление именно «злого» духа *мэнь-шэнь* в китайской традиции связано исторически с постоянным противостоянием Китая кочевникам, особенно усилившемся во время образования большого, полиэтничного племенного союза во главе с хунну.

В заключение нам хотелось бы обратиться еще к одному источнику, а именно, нартскому эпосу народов Кавказа (Нарты 1989). Для нашей темы интересен один сюжет нартского эпоса, особенно популярный и имеющий множество вариантов. В повествовании «Мукара сын Тара» или «Сослан и сыновья Тара» главным героем выступает нарт Сослан (Созруко). В голодную зиму он ведет стада нартов пастись на благодатные земли вайюга Мукары. В некоторых вариантах у Мукары есть брат Бибыц. Сослан, испытывая Мукару знаменитыми играми нартов, безуспешно пытается его победить. Наконец, он заманивает его в воду (реку, озеро) и, заморозив ее, отрубает Мукаре его же собственным оружием (бритвой) голову. Перед смертью Мукара просит Сослана сделать из его спинного мозга (жилы) себе пояс, надеясь погубить его. Но Сослан, поняв хитрость, лишает волшебный пояс силы и, опоясавшись им, возвращается в страну нартов.

Некоторые исследователи указывали на идентичность большого числа мотивов и элементов нартского и хакасского героических эпосов (Майногашева 1998; Наглер 2003: 229). Сам факт близости фольклорного наследия народов, столь удаленных друг от друга территориально, не должен нас смущать. Кочевники в силу различных обстоятельств могли переселяться на большие расстояния, а изначальная территория расселения алан, известных по письменным источникам и считающихся большинством ученых носителями нартского эпоса, до сих пор не установлена.

Гунно-сарматская эпоха являлась временем сложения героических эпосов многих кочевых народов. Сюжетной основой для них служили, как правило, события, надолго сохранившиеся в памяти. На наш взгляд, построенное в Минусинской котловине на р. Ташебе сооружение должно было производить как на местное население, так и на пришлых людей огромное впечатление. Эпическое повествование о далекой земле, где правит золотоволосый вайюг Мукара сын Тара, охраняющий семь золотых ворот рая (Дзицойты 1992: 209), может быть отголоском событий, давно происходивших в регионе Ташебинского храма. Маскароны на семи дверях, ведущих в центральный зал, могут быть, безусловно, охарактеризованы как вайюги, злые великаны, имеющие демонические черты и являющиеся не только противниками нартов, но и привратниками загробного мира (Абаев 1990: 106). Толстые стены до двух метров толщиной могли служить не только как несущая конструкция для крыши здания, но и выполнять защитную теплоизолирующую и антисейсмическую функцию.

Еще одним интересным моментом является сообщение Л. А. Евтюховой и В. П. Левашёвой о постоянном затоплении долины Ташебинского храма, находящегося между р. Ташебе и Абакан (Евтюхова, Левашёва 1946: 72). Если такие разливы происходили осенью, то при ранних морозах долина могла покрываться льдом, что косвенно подтверждается эпосом о замерзшем Мукаре. Удаление Сосланом спинного мозга у Мукары и использование его как пояс может напрямую быть связано с находками, обсуждавшихся нами выше, поясных пластин. Остается неясным, какую функцию могли выполнять пряжки: защитную или являлись своего рода «трофеем», символизирующем победу над врагом. По всей видимости, изначально именно ташебинские маскароны дали определенный импульс к изготовлению у кочевников поясных наборов с изображениями рогатых духов *мэнь-шэнь*.

- Абаев 1990 – *Абаев В. И.* Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990.
- Алексеев 1966 – *Алексеев В. М.* Китайская народная картина. М., 1966.
- Бернштам 1951 – *Бернштам А. Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951.
- Бичурин 1950 – *Бичурин Н. Я. (Иакинф)* Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950.
- Вайнштейн, Крюков 1976 – *Вайнштейн С. И., Крюков М. В.* «Дворец Ли Лина», или конец одной легенды // СЭ. 1976. № 3. С. 137–149.
- Виноградова 1988 – *Виноградова Н. А.* Искусство Китая. М., 1988.
- Вяткин 2001 – *Вяткин Р. В.* «Основные записи» как исторический источник // Сыма Цянь. Исторические записки (Ши Цзи). М., 2001. Т. 1. С. 66–130.
- Грум-Гржимайло 1899 – *Грум-Гржимайло Г. Е.* Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми? (Квопросу о народах белокурой расы в Средней Азии) // Журнал Министерства народного просвещения. СПб, 1899. Ч. СССХХІІІ, июнь. С. 340–397.
- Грум-Гржимайло 1926 – *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 2.
- Гумилев 1959 – *Гумилев Л. Н.* Динлинская проблема // Известия ВГО. Л., 1959. Т. 91, вып. 1. С. 17–26.
- Дзицойты 1992 – *Дзицойты Ю. А.* Нарты и их соседи. Владикавказ, 1992.
- Добжанский 1990 – *Добжанский В. Н.* Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990.
- Евтюхова 1954 – *Евтюхова Л. А.* Южная Сибирь в древности // По следам древних культур: От Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 193–224.
- Евтюхова, Левашёва 1946 – *Евтюхова Л. А., Левашёва В. П.* Раскопки китайского дома близ Абакана // КСИИМК. 1946. Вып. XII. С. 72–84.
- Киселёв 1951 – *Киселёв С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Ковалёв 2007 – *Ковалёв А. А.* Китайский император на Енисее? Еще раз о хозяине Ташебинского «дворца» // Этноистория и археология Северной Евразии: Теория, методология и практика исследования. Иркутск, 2007. С. 145–148.
- Ковалёв 2011 – *Ковалёв А. А.* Император Китая в Хакасской степи // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. Улан-Удэ, 2011. С. 77–114.

- Кызласов 2001 – *Кызласов Л. Р.* Гуннский дворец на Енисее: Проблема ранней государственности Южной Сибири. М., 2001.
- Кызласов 2006 – *Кызласов Л. Р.* Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. М., 2006.
- Ли Цзи 1994 – *Ли Цзи.* Древнекитайская философия / Сост. Ян Хин-шун. М., 1994. Т. 2. С. 99–140.
- Майногашева 1998 – *Майногашева В. Е.* Об общности некоторых основ мифологии и эпоса хакасов и осетин – потомков скифо-иранцев // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития. Абакан, 1998. С. 42–50.
- Миняев, Сахаровская 2007 – *Миняев С. С., Сахаровская Л. М.* Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // Российская археология. 2007. № 1. С. 194–201.
- Наглер 2003 – *Наглер А.* Курган могильника Байкара – святилище скифского времени // *Парцингер Г., Зайберт В., Наглер А., Плешаков А.* Большой курган Байкара: Исследование скифского святилища. Майнц, 2003. С. 221–229. (Archäologie in Eurasien. Nr. 19).
- Нарты 1989 – Нарты. Осетинский героический эпос. М., 1989.
- Решетов 1977 – *Решетов А. М.* Традиционный китайский новый год (по материалам XIX – начала XX в.) // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 97–103.
- Рифтин 1992 – *Рифтин Б. Л.* Шэнь // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2.
- Тишкин 2007 – *Тишкин А. А.* Обзор исследований в Западной Монголии и на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы XV Годовой сессии ИАЭ СО РАН. Новосибирск, 2007. Т. XIII. С. 382–387.
- Тишкин 2010 – *Тишкин А. А.* Предметы торевтики хуннского времени из памятника Яломан-II (Центральный Алтай) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул, 2010. С. 40–45.
- Чжунго каогу... 2009 – Чжунго каогу цзичэн (Полное собрание археологии Китая). Чжэнчжоу, 2009. Т. 27. (на кит. яз.).
- Юань Кэ 1965 – *Юань Кэ.* Мифы древнего Китая. М., 1965.
- Gabori 1960 – *Gabori M.* Compte rendu d'un voyage d'étude en Mongolie en 1958 // Archaeologiai Értesítő. Budapest, 1960. Vol. 87, 1 szam. P. 83–86.
- Gold und Jade... 2003 – *Gold und Jade: Sensationsfunde aus chinesischen Herrschergräbern.* Loeben, 2007.
- Miniaev, Sakharovskaia 2007 – *Miniaev S. S., Sakharovskaia L. M.* Investigation of a Xiongnu Royal Complex in the Tsaraam Valley // The Silk Road. 2007. Vol. 1, no 5. P. 44–58.
- Rostovtzeff 1929 – *Rostovtzeff M.* The animal style in South Russia and China. New York, 1929.
- Salmony 1933 – *Salmony A.* Sino-Siberian art in the collection C. T. Loo. Paris, 1933.
- Tishkin 2011 – *Tishkin A. A.* Characteristic Burials of the Xiongnu Period at Ialoman-II in the Altai // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn, 2011. P. 539–558 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5).

**Ю. И. Ожередов (Томск, Россия)**

## **Новые сведения об археологических изобразительных памятниках Северо-Западной Монголии<sup>61</sup>**

В историко-культурном наследии Монголии лидирующую позицию традиционно занимают памятники археологии, издавна привлекающая внимание исследователей из многих стран. В 1999–2009 гг. экспедицией Томского и Ховдского университетов проводились поиск и фиксации памятников для археологических карт пяти западных аймаков Монголии. Как выяснилось при анализе отработанных объектов, некоторые из них оказались незаслуженно обойденными, а другие, напротив, были отнесены к объектам первостепенной значимости, но требуют серьезных уточнений. В настоящем сообщении рассмотрены три подобных случая из Ховдского аймака Западной Монголии.

<sup>61</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии, проект № 10-01-00620а/Г «Многообразие и единство кочевых культур Западной Монголии».

*Поминальник Торх-Улан* (рис. 1, 1–4). Типичным примером незаслуженно забытых памятников являются объекты, открытые Г. Н. Потаниным на «Русском берегу» близ горы Торх-Улан (Красная Бочка), в современном сомоне Эрдэнэ-Бурэн. В XIX в. в этом месте почтовый тракт пересекал довольно широкое и глубокое русло р. Ховд, для форсирования которого монголами был устроен лодочный перевоз. На подступах к переправе 14 ноября 1877 г. Г. Н. Потанин зафиксировал группу насыпей и 10 изваяний, двум из которых уделил особое внимание (Потанин 1881: 66–68, табл. IX, фиг. 26; 1948: 184–185, 187). С одной из них А. В. Потанина сделала зарисовку, использованную в публикациях о монгольском путешествии 1876–1877 гг. (рис. 1, 1).

Истинные масштабы находки в прямом и переносном значении, стали понятны только после встречи с изваяниями. Г. Н. Потанин писал: «Длина лежащего 20 четвертей, ширина 4 четверти; тех же размеров и стоящий»<sup>62</sup> (Потанин 1881: 67). Согласно современной системе мер это значительно превышает 3 м и означает, что были открыты круглые древнетюркские изваяния, не имеющие до сих пор аналогов по своим габаритам. Но эти сведения не нашли должной оценки в дальнейшем, виной чему стало невнимание к термину *четверть*. Стоило при изучении трудов Г. Н. Потанина перевести старую меру в современный метрический вид, и наука обрела бы этот уникальный памятник много раньше.

При обследовании 2008 г. был снят план (рис. 1, 2) и составлено новое детальное описание (Ожередов 2009; Ожередов и др. 2011). Скульптуры, вырубленные из рыхлой светло-серой породы, располагаются у северного подножия горы Торх-Улан (N48° 19' 14,0"; E91° 45' 14,3" h 1176 м). Одна из них стоит *in situ*, вторая повалена рядом (рис. 1, 3, 4) в границах прямоугольного двухкамерного поминальника (440 × 212 см), выстроенного из обломков красного гранита. Камни ограды установлены на ребро, а долевые стены ориентированы по линии ССВ–ЮЮЗ. К СВ и к ЮВ от условных углов ограды располагаются три поминальных кольца (рис. 1, 2), выложенные из семи камней каждый (в южной выкладке седьмой камень отсутствует).

В техническом, образном и художественном отношении изваяния однотипны. Оба изготовлены из каменных плит, детали проработаны рельефом и контррельефными линиями. Портретируемые изображены в полный рост, с согнутыми в локтях руками, в которых удерживают шаровидные сосуды с расширяющимся узким горлом и таким же поддоном-подставкой. Аналогичные образцы известны среди древнетюркской посуды из драгоценных металлов.

Нижняя часть головы у обеих фигур отмечена резной линией с мысовидным отростком, передающим горловой разрез плечевой одежды (?). Лица заметно расширяются вниз, на тупоугольных выступах подбородков имеются признаки бороды. Глаза и нос переданы рельефом в Т-образной форме. Поверхность лба возвышается над плоскостью щек. Контуры овальных глаз, рта и усы у второй фигуры показаны резными линиями. Уши у обеих скульптур не отмечены. Непропорционально тонкие руки резко контрастируют с массивными туловищами. Пальцы проявились только на микалентной копии правой руки лежащей фигуры. На портретируемых изображены своеобразные головные уборы, другие детали одежды в обоих случаях отсутствуют.

*Индивидуальные черты изваяния 1* (рис. 1, 3). Фигура в форме односторонне-выпуклого челнока, зауженного к вершине и основанию. Стоит лицом на ЮВВ в северной камере поминальника (214 × 112 см). Высота над поверхностью – 278–280 см, еще не менее 50 см скрыто в грунте. Полный рост – около 330 см. Если головной убор был аналогичен образцу лежащей фигуры (высота 29 см), то «рост» изваяния достигал почти 360 см. Ширина туловища у основания – 50 см, в центре – 68–74 см у, толщина – 18–26 см. Голова выделена массивным пятигранником высотой 65–68 см, плечи обозначены небольшими выступами. На талии контррельефной полосой показан пояс с портупейными ремнями (?), справа рельефом – поясная сумочка «каптаргак», предназначенная для хранения огнива с трупом, шила, ножичка и напильника для заточки оружия (Евтюхова 1952: 110; Кызласов 1981: 56; Килуновская, Семенов 2006: 90). В случае, если на верхнем клапане

<sup>62</sup> Четверть в современных единицах равна 17,78 см.

крепилось огниво (Сунчугашев 1979: 127), что вполне вероятно по наличию двух «жемчужин» на поверхности, то получалась «сумочка-кресало», в которой носили трут и кресальные камни (Кубарев 2005: 56).

*Индивидуальные черты изваяния 2* (рис. 1, 4). Вырублено в виде столба с легким сужением к основанию и вершине, выпуклой лицевой и плоской оборотной сторонами. Повалено на ЮВВ, основание находится в южной камере поминальника (226 × 175 см). Поверхность заметно повреждена осадками и ветрами. Полный «рост» с головным убором – 320 см при максимальной ширине 54–56 см и толщине 30 см. Голова достигает в высоту 77 см. Лицо хорошо проработано, но несет дефекты. С помощью копирования на микалент выявлены усы и рот. Головной убор в форме высокого щитка с треугольным обрезаем (40 × 29 см) символизирует один из атрибутов тюркской знати (Там же: 46).

Культурно-хронологическая градация древнетюркских изваяний не разработана, но существует мнение, что фигуры в головных уборах, без оружия и с сосудами в руках принадлежали культуре средневековых уйгуров (Килуновская, Семёнов 2006: 90).

Необычно крупные габариты, посуда из драгоценных металлов и специфические головные уборы позволяют предполагать, что торхуланские скульптуры установлены в память людей, заслуживших особого почитания.

*Писаница Хар-Хад* (рис. 1, 5). В 1973 г. на южном фесе скалы Хар-Хад (Чёрный Камень), расположенной под южным склоном хребта Цамбагарав уул (N48° 31' 412", E 91° 04' 417"), был открыт великолепный наскальный комплекс воинских изображений. В 1980 г. появляется публикация с анализом «5 всадников в доспехах и шлемах» VI–VII вв. (Новгородова, Горелик 1980: 102, 112, рис. 7). Результаты обследования памятника в 2008 г. потребовали вернуться к рисунку, где «не выбита броня одного из воинов и его коня, хотя показано копьё, а фигуры человека и животного имеют такой силуэт, будто предполагалось изобразить броню» (Там же). На самом деле все выглядит иначе, что и стало причиной обращения к этой теме (рис. 1, 6).

«Всадник» (рис. 1, 5–6). Фигура «наездника» возникла из серии случайных линий, породивших ложный персонаж, который не сидит, как другие, в седле, а завис выше линии спины «коня». В дополнение у него нет ног, свешивающихся, как у других, под брюхо коня. Прецедент «монтажа» кроется в том, что над спиной «коня» находится фигурка «скифского» горного козла, перекрывающего своими конечностями контур «конской» спины. Козлик стал невольным «наездником», на основе которого, возник псевдовсадник. Добавлением к его «образу» выступили нечеткие контуры (козла?) справа, живо имитирующие левое плечо «наездника». Усугубила ситуацию изогнутая вверху линия, прочерченная через голову козла и спускающаяся на туловище «коня». На фото 2008 г. и моей прорисовке (рис. 1, 6; 2, 1) отчетливо видно, что она проходит по иной амплитуде, чем на рисунке 1980 г. (рис. 1, 5), и следовательно, не может поддерживать контур туловища «наездника». Верхний изгиб этой линии сильно напоминает очертания головы человека. Но в реальности он не соединяется с рогом козла, имитирующим правое плечо, и контур головы остается незамкнутым. Кроме того, линия с изгибом выглядит свежее контура «коня», много четче козлика и других элементов «человека» (левое плечо, туловище, копьё). Она вполне самостоятельна и нанесена позже изображений животных. Если ее убрать, то исчезнет «голова» и сам образ пятого наездника.

Расплывчатые контуры справа от фигурки козла, принятые за абрис туловища, левой руки и копьё, не более, чем видимость. Здесь действительно имеются неясные контуры, возможно, еще одного животного. В отношении копьё следует добавить, что все формы хархадских копий стандартны: древко пересекает туловище воина в обе стороны и заметно выступает за пределы головы коня, близ «наконечника» – подвеска. В данном случае этого нет. В завершение следует отметить, что реальные воины имеют вполне определенный вид, которого нет у рассматриваемого случайно подобия человека.

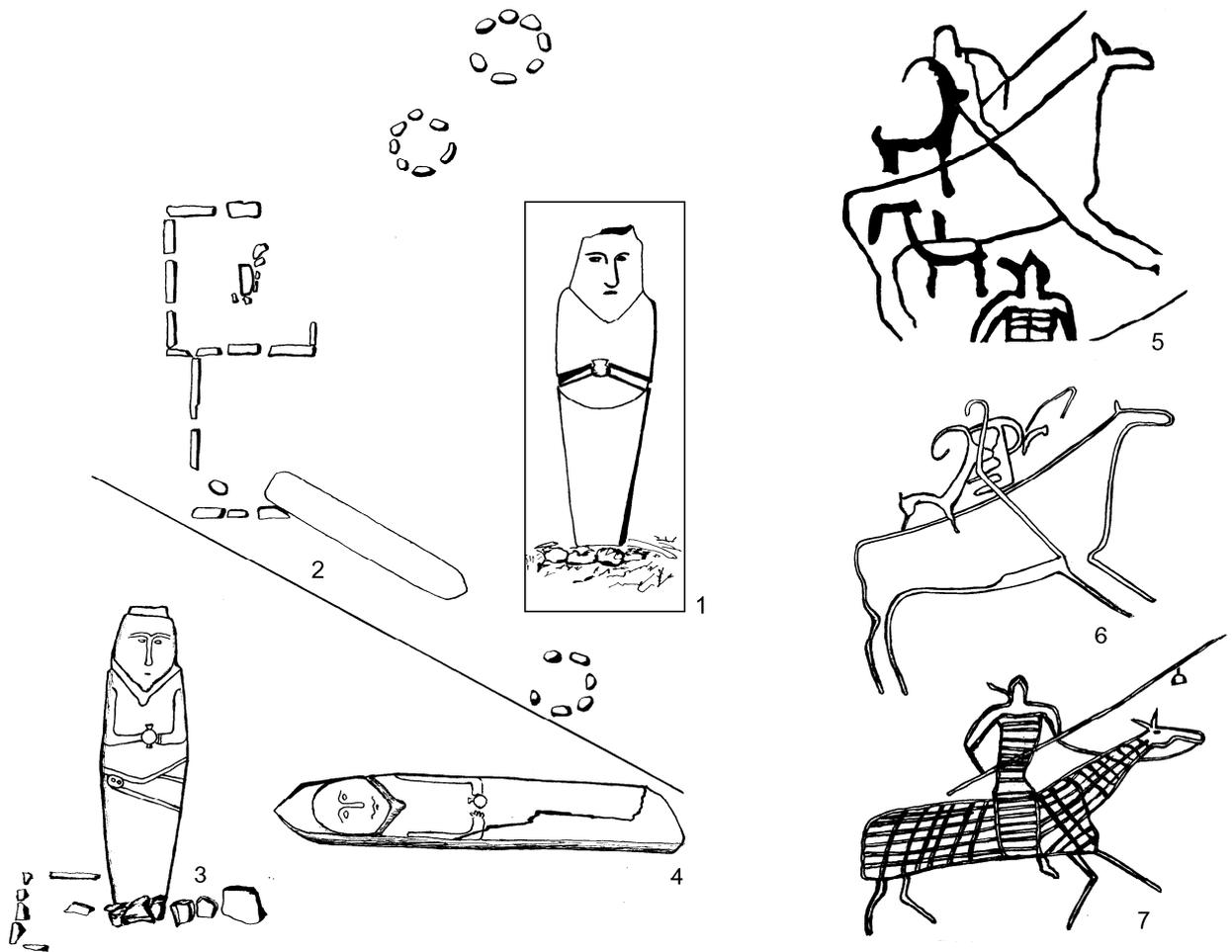


Рис. 1

Поминальник Торх-Улан (1–4): 1 – скульптура 1 (по Потанин 1881: табл. IX);

2 – план поминальника; 3 – скульптура 1; 4 – скульптура 2;

Писаница Хар-Хад (5–7): 5 – изображение псевдоконя (по Новгородова, Горелик 1980: рис. 7);

6 – изображение псевдоконя по фото 2008 г.; 7 – всадник в доспехах

«Конь» (рис. 1, 5, 7). Гипотеза о пятом коне также имеет ряд контраргументов. Во-первых, все кони под наездниками находятся в стилистически определенной близости (рис. 1, 7), в которую не укладывается пятая особь. Настоящих коней отличает *вытянутая шея*, форма головы, ремень повода. У псевдоконя линии груди и холки сходятся к основанию головы, практически не образуя шеи, нет повода. Во-вторых, туловище очень массивно не потому, что оно подготовлено к «облачению» в броню, а от конституции животного. Броня на реальных конях не делает их грузными и отмечена кромкой доспеха, свисающего ниже корпуса. Конечности выступают из-под нее резко, без перехода. У псевдоконя переход ног в туловище, напротив, плавный, «перетекающий», а законченные очертания фигуры явно не свидетельствует о намерении изображать на ней доспех. Таким образом, видовая принадлежность пятого «коня» не выдерживает критики. Совокупность черт, не свойственных образам человека и коня, ставит под сомнение наличие пятого всадника, а с этим – меняет композиционное построение плоскости и смысловую гамму произведения.

*Олений камень из Хар-Говь* (рис. 2, 2; 3). Первооткрыватель памятника В. В. Волков писал: «На границе Мунхайрхан и Муст сумынов в 6 км от 5 бригады последнего находится большой керексур с круглой оградой. С ним связаны два оленных камня: первый лежал на насыпи кургана, а второй стоял в 20 м южнее» (Волков 2002: 94). В контексте настоящей работы интерес представляет

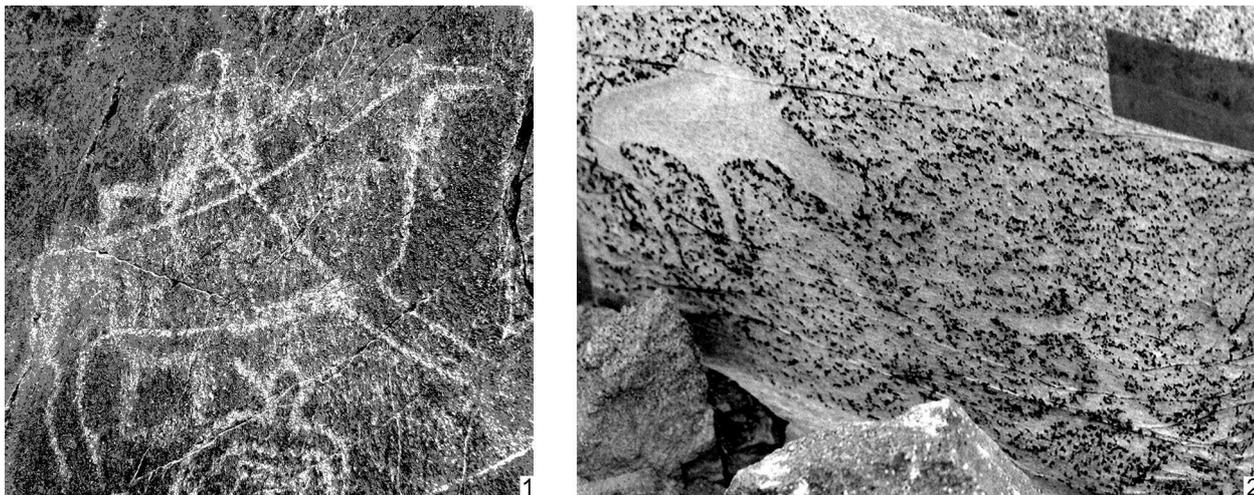


Рис. 2: 1 – писаница Хар-Хад, изображение псевдоконя (фото 2008 г.);  
2 – олений камень из Хар-Говь, сцена с кабаном и собакой

широкая левая грань второго камня, где В. В. Волков отметил: «серьга кольцо в виде дисковидного углубления с выпуклым валиком по краю, под ожерельем – диск-зеркало, крупное изображение лука в налучье, две маленькие фигурки коня и кабана» (Там же: 94, табл. 105). Координаты памятника – N46° 52' 277"; E91° 59' 103" h 2482 м. Фото и микалентные копии позволили выявить детали, дополнившие прежнюю композицию (Ожередов 2010: 269). На фото и прорисовке отчетливо видно, что изобразительное поле разбито на три зоны, отделенные друг от друга поясами, не заполненными рисунками (рис. 3).

*Изображения верхней и средней зон* (рис. 3). Вверху, под скошенной вершиной располагаются рельефный диск-серьга и сразу под ним – цепочка овальных углублений, символизирующая ожерелье. Примерно в 20 см ниже ожерелья выбивкой нанесен диск-зеркало, от уровня которого начинается контур лука в горите, оснащенный подтреугольной подвеской у днища. Справа от горита выбита обращенная влево фигурка коня с «вытянутыми конечностями» и «копытами».

В прорисовке В. В. Волкова на голове коня отмечена короткая черта, отходящая вверх и напоминающая ухо. По микалентной копии здесь располагается султан, напоминающий образцы конских причесок с рельефа в Персеполе (по Ковтун 2008: рис. III, б). Географически и стилистически близкой аналогией является султан на гриве коня, служившего ручкой скифского котла из Минусинской котловины<sup>63</sup> (Ожередов 2010: рис. 3). При сравнении изображений и рукояти котла обнаруживается стилистическая близость форм конского экстерьера и «прически». На основе стилистических характеристик предполагается синхронность рисунка из Хар-говь, рельефа из Персеполя, строившегося с 518 по 450 (?) г. до н. э. (Медведская 2004: 686), и скифского котла. Размещение монгольского изображения в рамках персепольского периода вполне согласуется с мнением Д. Г. Савинова о бытовании всех оленных камней в I тыс. до н. э. (Савинов 1994: 113; 2010: 119).

Серия радиоуглеродных дат с кересура варьирует в пределах 1200–750 гг. до н. э. В то же время культурно соотносимый памятник Адууч 2/1 датируется в диапазоне 800–360 гг. до н. э. (Ковалёв, Эрдэнэбаатар 2010: 110). Столь разные даты культурно близких памятников открывают широкий коридор для датирования коня с оленного камня. Тем не менее, при совмещении вывода Д. Г. Савинова, данных А. А. Ковалёва и даты персепольского рельефа, дата изображения из Хаар-говь укладывается в границы вышеуказанного времени бытования оленных камней.

Ранняя традиция украшения конских грив султанами отразилась примерно с XIV в. до н. э. в египетских батальных и охотничьих росписях на барельефах XIX династии. При этом рельефы со сражением при Кадеше (Карнаке) и битвой Рамсеса III с ливийцами (Мединет-абу) убедительно

<sup>63</sup> Собрание Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ, № 1290.

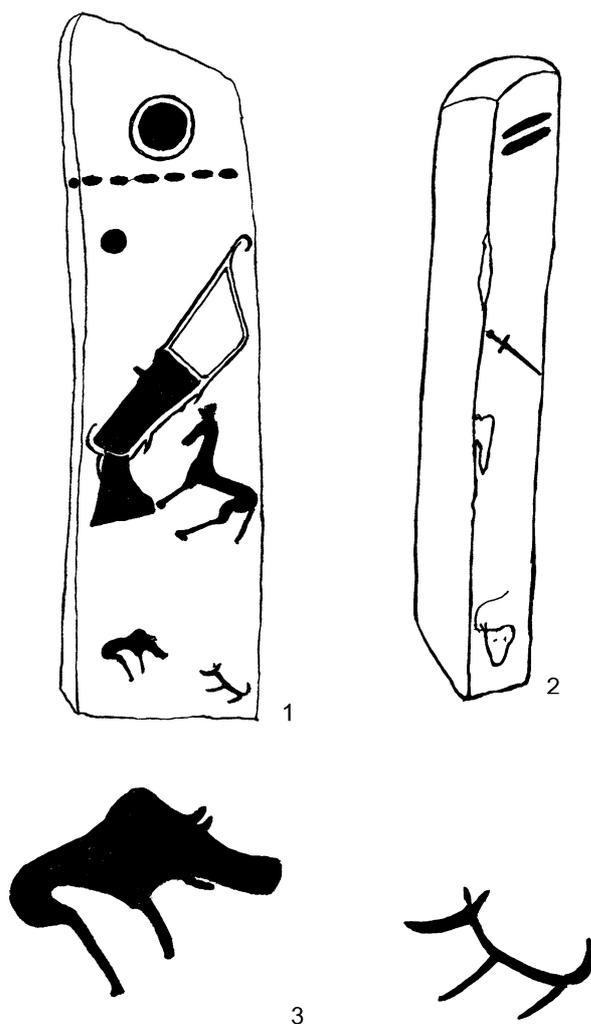


Рис. 3. Олений камень из Хар-Говь:

1 – левая плоскость; 2 – лицевая плоскость; 3 – сцена с кабаном и собакой

показывают, что султаны имеются на конях только в запряжках фараонов (История... 1988: рис. 143, 173, 180, 183). Тем самым подчеркнут их знаковый, сакральный смысл принадлежности правителю (сыну бога). В таком случае конь на монгольском оленном камне и рукоятка на сибирском котле могут одинаково маркировать сакральную и профанную причастность к судьбам выдающихся персон кочевого мира.

*Изображения нижней зоны* (рис. 2, 2; 3, 3). Персонажи находятся близ поверхности почвы. Первооткрыватель видимо не извлекал камень из грунта, как поступал в других случаях для полного изучения изваяния (Волков 2002: табл. 108; Ожередов 2010б). Но рядом с камнем сохранились следы раскопа, благодаря которым исследователь, видимо, установил отсутствие рисунков ниже зоны «обитания» выбитых там кабана и собаки.

Фигуры животных нанесены примерно в 30 см ниже окончания задних конечностей коня. Выбивка, как и в других случаях, сплошная, выбранная полость шлифована. На прорисовке В. В. Волкова здесь отмечена обращенная влево фигура внезапно остановившегося кабана. Однако, как показала микалентная копия, здесь имеется еще один персонаж (рис. 2, 2; 3, 3). Напротив и чуть ниже располагается фигурка лающей собаки, изображенной в профиль. Вытянувшись всем телом вперед, она слегка присела на задние лапы, показанные чуть короче передних. Собака явно не боится опасного противника и лишь выжидает момент для нападения или появления охотника: ее уши и хвост воинственно подняты вверх, в преддверии атаки. С появлением в композиции

собаки возникает сюжетная интрига, отсутствовавшая ранее. В частности, объясняется замешательство кабана, появляется вероятность развития, напр., охотничьего сюжета, возможно, связанного с прежней жизнью человека, символом которого стал олений камень.

*Изображения на лицевой стороне* (рис. 3, 2). Помимо двух косых линий, ожерелья и кинжала, отмеченных В. В. Волковым в верхней и средней части камня, на лицевую грань нанесен графический знак (знаки?) у подножия. Фигура выбита в форме, напоминающей личину с тремя короткими и одной длинной изогнутой линией, отходящими слева вверх. Форма и смысл этого знака пока неясны.

*К семантике композиции.* Со смысловой точки зрения зональная структура может рассматриваться в контексте представления о вертикальной троичности мироустройства. Такому объяснению не противоречит генеральная идея оленного камня, базирующаяся на символизме человека (воина), образ которого, в свою очередь, замыкает конструкцию миров.

Помимо общей схемы мироустройства, рисунки на плоскости демонстрируют смысловые конативы отдельных его зон – божественного верхнего (голова, зеркало, бусы), мирского среднего (конь и оружие) и хтонического нижнего мира, где собака могла быть проводником души умершего, а кабан – его постоянным обитателем. Данный порядок необязателен и может варьироваться в смысловом отношении, т. к., напр., конь и оружие часто ассоциированы с верхним миром.

Археология Западной Монголии пока еще мало изучена и хранит множество загадок и сюрпризов. Широкомасштабные исследования на ее территории не ведутся, а стационарные работы проходят в рамках локальных тем и задач. В этих условиях большое значение сохраняют поисковые работы, направленные на фиксацию памятников, их оценку и мониторинг археологического наследия в целом. Исследования такого рода создают возможность шире обозреть картину археологического наследия, а также стимулировать качественное совершенствование источниковой базы. Без этого публикации, основанные на литературных данных, продолжат транслирование неточностей и забвение памятников из малодоступных источников. Близким тому примером служат два монгольских издания со сводками археологических памятников Ховдского аймака (Батмунх 2000; 2008), в которых, несмотря на серьезный временной разрыв, сведения качественно не изменились.

Батмунх 2000 – *Батмунх Б.* Ховд аймагийн нутаг дахь эртний туух соёлын дурсгал. Улаанбаатар, 2000.

Батмунх 2008 – *Батмунх Б.* Монгол алтайн нурууны төв хэсгийн археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар, 2008.

Волков 2002 – *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. М., 2002.

Евтюхова 1952 – *Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // *Материалы и исследования по археологии Сибири.* М., 1952. Т. 1. С. 72–120 (МИА. № 24).

История... 1988 – *История Древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации.* М., 1988. Ч. 2.

Ковалёв, Эрдэнэбаатар 2010 – *Ковалёв А. А., Эрдэнэбаатар Д.* Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий международной Центрально-азиатской археологической экспедицией // *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири.* Улан-Удэ, 2010. С. 104–117.

Ковтун 2008 – *Ковтун И. В.* Древнейшее скульптурное изображение лошадиных «причесок» в Северной и Центральной Азии // *Тропюю тысячелетий: К юбилею М. А. Дэвлет.* Кемерово, 2008. С. 139–143.

Медведская 2004 – *Медведская И. Н.* Ахеменидское искусство // *История Древнего Востока: От ранних государственных образований до древних империй.* М., 2004. С. 656–697.

Килуновская, Семёнов 2006 – *Килуновская М. Е., Семенов Вл. А.* Дворец уйгурского кагана // *Тува: Сокровища культуры.* М., 2006. С. 86–91 (Наследие народов Российской Федерации. Вып. 7).

Кубарев 2005 – *Кубарев Г. В.* Культура древних тюрков Алтая. Новосибирск, 2005.

Кызласов 1979 – *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979.

- Новгородова, Горелик 1980: – *Новгородова Э. А., Горелик М. В.* Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с Монгольского Алтая // Древний Восток и античный мир. М., 1980. С. 101–112.
- Ожередов 2009 – *Ожередов Ю. И.* Новая находка Г. Н. Потанина на «монгольской тропе» // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2009. С. 111–121.
- Ожередов 2010 – *Ожередов Ю. И.* Изображения на оленном камне из Хар-Говь. Дополнение к известному // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск, 2010. С. 269–274.
- Ожередов и др. 2011 – *Ожередов Ю. И., Мунхбаяр Б. Ч., Ожередова А. Ю.* Тюркские изваяния горы Торх-Улан // Эрдэм шинжилгээний бичиг. Улаанбаатар, 2011. № 4 (16). С. 111–117.
- Потанин 1881 – *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Императорского Русского Географического Общества. Вып. 2. Материалы этнографические. СПб, 1881.
- Потанин 1948 – *Потанин Г. Н.* Путешествие по Монголии. М., 1948.
- Сунчугашев 1979 – *Сунчугашев Я. И.* Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск, 1979.
- Савинов 1994 – *Савинов Д. Г.* Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб, 1994.
- Савинов 2010 – *Савинов Д. Г.* Реалистические изображения животных на оленных камнях Монгольско-байкальского типа // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2010. С. 118–125.

### **Э. Якобсон-Тепфер (Юджин/Орегон, США)**

#### **На пороге двух миров – образ женщины в наскальном искусстве Монгольского Алтая**

Крупное изображение женщины, сидящей на троне, держащейся за дерево и обращающейся к приближающемуся всаднику повторяется семь раз на большом войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кург. (рис. 1, 2). Судя по поднятой руке, она что-то говорит, и это, возможно, предупреждение всаднику, требование или обещание помощи в его дальнейшем путешествии в страну мертвых. М. П. Грязнов предположил, что ковер служил настенным украшением; точки прикрепления отмечены крупными войлочными лебедями, и они – еще один знак перехода от жизни к смерти. Этот мотив – женщина, дерево и всадник повторяется на паре блях из Сибирской коллекции Петра Великого (рис. 1, 3), где женщина убаюкивает мертвого всадника, она соединена с деревом и это, кажется, обещанием новой жизни. В этих образах женщина занимает пограничное пространство в двух смыслах: с одной стороны она является порогом между жизнью и последующим миром, с другой стороны, она занимает положение между человеком и «нечеловеком». Можно сказать, что этот мотив отражает символическую структуру с глубокими корнями в сибирской системе верований. В поисках более ранних изобразительных примеров этого подразумеваемого порогового пространства я хотела бы обратиться к североазиатским источникам. Материал, который я собираюсь представить, получен, главным образом, в результате изучения наскального искусства севера Монгольского Алтая, той его части, которая лежит к югу от Саянского хребта (рис. 1, 1). В конечном счете, задача заключается в поиске корней изобразительных мотивов ковра из Пятого Пазырыкского кург. в искусстве раннего бронзового века Сибири.

В комплексе Цагаан Салаа-Бага Ойгор (далее ЦС-БО) есть, возможно, 16 примеров любопытного образа – колоколовидного, рогатого и не имеющего лица. Это единственный образ некоего духа в целом комплексе. В одном случае фигура сведена к двум большим крыльям (Jacobson et al. 2001: vol. II, pl. 106; [http://boundless.uoregon.edu/digcol/maic/Search:RA\\_PETR\\_OI\\_0088](http://boundless.uoregon.edu/digcol/maic/Search:RA_PETR_OI_0088)), в других – фигура имеет форму большого ящика (Jacobson et al. 2001: vol. I, fig. 749). Имеются изображения, где она заштрихована (рис. 1, 4; Ibid.: vol. II, pl. 107), а также, где она имеет очертания человеческого тела внутри колоколовидной формы (рис. 1, 8). Это существо, фронтальное и иератическое, не имеет очевидного отношения ни к какому другому художественному элементу, если исключить сопоставление. Судя по технике исполнения, состоянию камня и обработке соседних

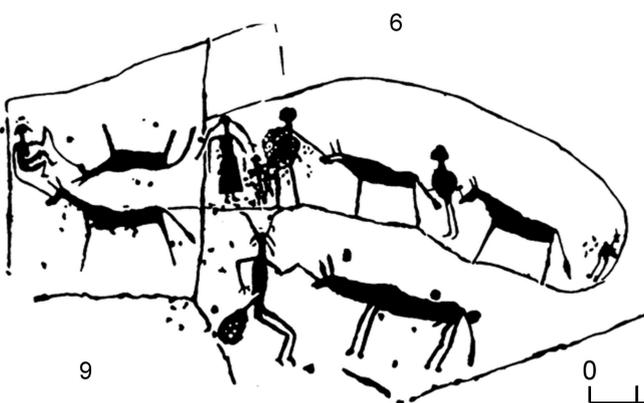
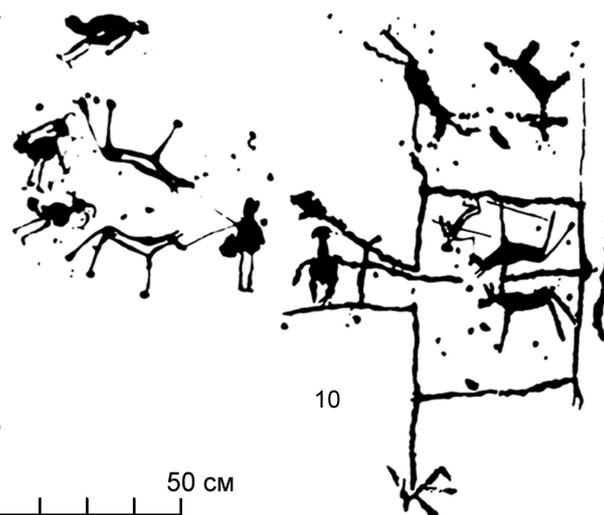
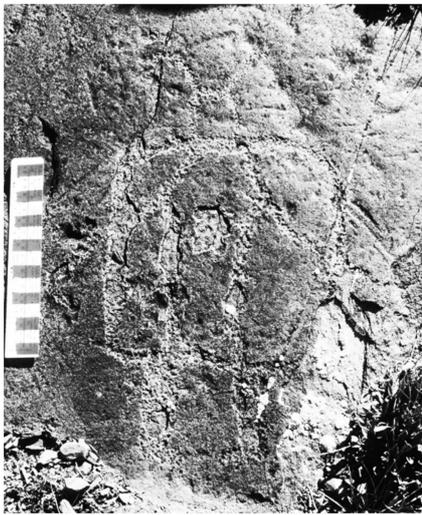
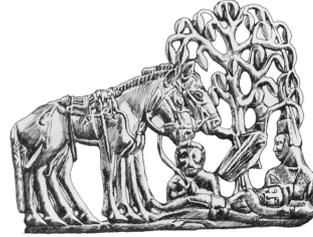


Рис. 1

элементов (там, где они есть), эти образы охватывают значительный период бронзового века. За исключением одного небольшого изображения в долине к юго-востоку (Харганатиин Гол) и еще одного вероятного образа в Билууте, в Хотон Нуур, ни о чем подобном в Монгольском Алтае информации не было.

Что же подразумевают эти невыразительные образы без лиц? Судя по уверенной манере их повторяющегося воспроизведения, они несут некий специфический смысл, по крайней мере, для тех, кто жил в этой долине в эпоху бронзы. Хотя большей частью колоколовидные фигуры загадочны, есть и такие, которые имеют конкретное содержание. На одной из выразительных панелей в ЦС II (рис. 1, 7) колоколовидное существо представленное как бы идущим, расположено над изумительными рисунками зубров и маралухи. Хотя мощное тело зубра напоминает, скорее, быка, внутри него находится изображение маленького животного. Это животное, сопровождающее крылатую фигуру (самое древнее и едва заметное изображение), тоже является самкой лося. Другая фигура, напоминающая колокол, в участке БО I, несет маленькое животное внутри своего тела (рис. 1, 5). Самое большое и наиболее впечатляющее существо колоколовидной формы было обнаружено на вертикальной поверхности в ЦС V, выходящей на южную сторону над Бага Огор Гол (рис. 1, 8). С одной стороны к фигуре приближаются несколько диких зверей и между ногами фигуры появляется ребенок. Это существо, рогатое и без лица, но странным образом величественное, предположительно существует между двумя мирами – между царствами людей и животных, с одной стороны, и между тем, что известно и узнаваемо и тем, что неизвестно и не имеет имени – с другой. Эта плоскость, как и плоскость с крылатым существом и маралухами (ЦС III), связывает колоколовидную фигуру и с животными, и с женщиной – источником жизни. Иными словами, она занимает пограничное пространство.

Другой знак пограничного бытия – рожаящая женщина – часто появляется внутри комплекса ЦС-БО. В раннем примере (ЦС II) она представлена крупной фронтальной фигурой, сопровождаемой другими фигурами, которые либо рожают, либо танцуют (Jacobson et al. 2001: vol. II, pl. 80; URL: [http://boundless.uoregon.edu/digcol/maic/Search:RA\\_PETR\\_OI\\_0057](http://boundless.uoregon.edu/digcol/maic/Search:RA_PETR_OI_0057)). Порой изображение женщины находится рядом с изображениями массивных зубров (ЦС I) (Jacobson et al. 2001: vol. II, pl. 21). Классический тип – фигура на переднем плане, руки и ноги подняты вверх, несомненно архаичен. На стоянке Арал Толгой, расположенной далее к югу, рожаящие фигуры окружены изображениями, которые по манере их исполнения и типологии являются, видимо, более ранними, чем эпоха мезолита (URL: [http://boundless.uoregon.edu/digcol/maic/Search:RA\\_PETR\\_AT\\_0066-0068](http://boundless.uoregon.edu/digcol/maic/Search:RA_PETR_AT_0066-0068)).

Параллельно рожаящим женщинам из ЦС-БО и из Арал Толгой представлены десятки изображений, возвышающиеся над рекой в пределах высокого горного комплекса Хёлцёттиин Гол (Jacobson 2006; Halbersma, Bikhumar 2011: fig. 6; URL: [http://boundless.uoregon.edu/digcol/maic/Search:PETR\\_00027\\_SA](http://boundless.uoregon.edu/digcol/maic/Search:PETR_00027_SA)). Особенно интересно, что эта тема иногда проходит в сочетании с охотничьими сценами. На низком валуне в ЦС IV охотничья сцена, которая, судя по некоторым деталям относится к ранней бронзе, была выбита над двумя неясными фигурами рожениц (URL: [http://boundless.uoregon.edu/digcol/maic/Search:PETR\\_00344\\_OI,PETR\\_00345\\_OI](http://boundless.uoregon.edu/digcol/maic/Search:PETR_00344_OI,PETR_00345_OI)). В БО II – памятнике эпохи бронзы, охотничья сцена находится на той же плоскости, где представлены два архаических образа рожениц (URL: [http://boundless.uoregon.edu/digcol/maic/Search:PETR\\_00384\\_OI](http://boundless.uoregon.edu/digcol/maic/Search:PETR_00384_OI)). В обоих случаях художники, выбившие охотничьи сцены, должно быть чувствовали, что наложение композиций на эти образы добавляет им некую особенную силу и значимость. При взгляде на группу валунов из ЦС IV (URL: [http://boundless.uoregon.edu/digcol/maic/Search:PETR\\_00357\\_OI](http://boundless.uoregon.edu/digcol/maic/Search:PETR_00357_OI)) возникает ощущение, что эти картины были высечены одной рукой в бронзовом веке – это мир диких зверей, среди которых присутствуют два охотника. На западной стороне самого большого валуна есть четкое изображение рожаящей фигуры, окруженной дикими животными. Эта фигура, видимо, аналогична колоколовидным изображениям: это существо, дающее жизнь, но ассоциации с миром животных и со сценами охоты дают основание интерпретировать ее еще и как духовную силу, которая восполняет мир животных. То есть, она также занимала пограничное пространство.

В пределах комплекса ЦС-БО можно найти два типа композиций, которые являются вариациями на эту же тему в позднем бронзовом веке. На одной композиции в БО III мы видим фронтальное изображение женщины, которая находится в стороне от охотничьей сцены (рис. 2, 11), как будто

она каким-то образом связана с местом, где эта охота происходит. Другой выразительный пример мы видим на участке Хар Чулуут в верхнем Цагаан Гол (URL: [http://boundless.uoregon.edu/digcol/maic/Search:RA\\_PETR\\_TG\\_0829](http://boundless.uoregon.edu/digcol/maic/Search:RA_PETR_TG_0829)). Я полагаю, что тут возникает ассоциативный мотив, который мы находим в теме совокупления пары на заднем плане охотничьей сцены (URL: [http://boundless.uoregon.edu/digcol/maic/Search:RA\\_PETR\\_TG\\_0418](http://boundless.uoregon.edu/digcol/maic/Search:RA_PETR_TG_0418)). По моему мнению, это – не картина насилия, как предполагают некоторые исследователи, а, скорее, это мотив, который может быть отнесен к ранней сибирской традиции, известной нам только по этнографическим источникам – мотив необходимости для охотника провести ночь накануне охоты с хозяйкой горы, что должно способствовать успеху в охоте (Потапов 1946; Кызласов 1982). В композициях с неправдоподобной фигурой, стоящей на краю охотничьей сцены, мы, возможно, имеем портрет самой хозяйки горы.

В тех репрезентивных образах, на которые я до сих пор ссылаюсь: колоколовидные фигуры, рожающая женщина, представленная и сама по себе, и включенная в охотничью сцену, а также фронтальные изображения женщин и картина совокупления пары на краю охотничьей сцены, – это все вариации, построенные на ассоциативных связях между женщиной, как источником жизни и изобилием животных, и необходимостью обращения к этой силе, дающей жизнь, в момент отбирания жизни у животного. Похоже, что эти мотивы отражают концепцию людей того времени – то, что взято у природы, должно быть восполнено. Эти мотивы также служат указанием, что на протяжении бронзового века женская фигура изображалась на пороге между миром животных и миром людей, благодаря ее власти восполнять жизнь. Она существовала на границе между жизнью и смертью, т. е. принадлежала к обоим мирам.

Со временем фигуральное выражение этого принципа становилось все более человеческим и реалистичным. На крупном обнажении пород в БО III, там где мы зафиксировали одну из охотничьих сцен, о которой говорилось выше, есть несколько других композиций; все они сделаны одной рукой и все выполнены на удивительно высоком художественном уровне. Хотя четыре композиции из пяти уникальны среди тысяч выбитых рисунков на плоскостях, которые мы зарегистрировали в Монгольском Алтае, они выполнены с поразительной уверенностью и ясностью, как будто отражая те знания, которыми обладали люди. Стиль и детали изображения всех пяти композиций, позволяют нам заключить, что хронологически они относятся к бронзовому веку и к более раннему периоду, предшествующему появлению верховой езды. Взятые вместе, эти композиции на выходе пород представляют собой, видимо, целое повествование о жизни, смерти и роли женщины на пороге между этими мирами. Упомяну три композиции из этого комплекса.

Первая из них включает любопытную комбинацию элементов (рис. 1, 9). Небольшая фигура с приподнятыми согнутыми ногами помещена далеко слева, внутри квадратного ограждения. Она держит за уздечки двух коней, которые стоят спина к спине, как если бы они были привязаны к повозке. С правой стороны от ограды находится фронтальное изображение женщины в длинном одеянии и с заплетенными в косы волосами. Слева от нее две странные фигуры ведут двух лошадей. Ниже этой группы есть еще одна фигура с неким рогатым головным убором и большим «далур» (предмет использовали во время охоты на мелких животных), также держащая за уздечку одного коня.

Близко к этому изображению на этом же обнажении находится вторая композиция (рис. 1, 10). Она родственна первой по стилю, теме и манере исполнения. В этом случае странная, частично человеческая фигура ведет пару коней, стоящих спина к спине, мордами вправо; позади коней находятся три подобных же существа. Понятно, что эти существа отчасти похожи на фигуры людей из первой композиции. Их головные уборы, длинные тонкие ноги и странные силуэты с хвостами позволяют предположить, что это наполовину – люди, наполовину – птицы. В этой композиции первый птичеловек стоит прямо перед большой поврежденной фигурой, охраняющей узкий вход в большое квадратное ограждение. Внутри этого ограждения, в свою очередь, мы видим другую пару лошадей, стоящих спина к спине, и ведомых (с помощью узды) человеческой фигурой с согнутыми ногами.

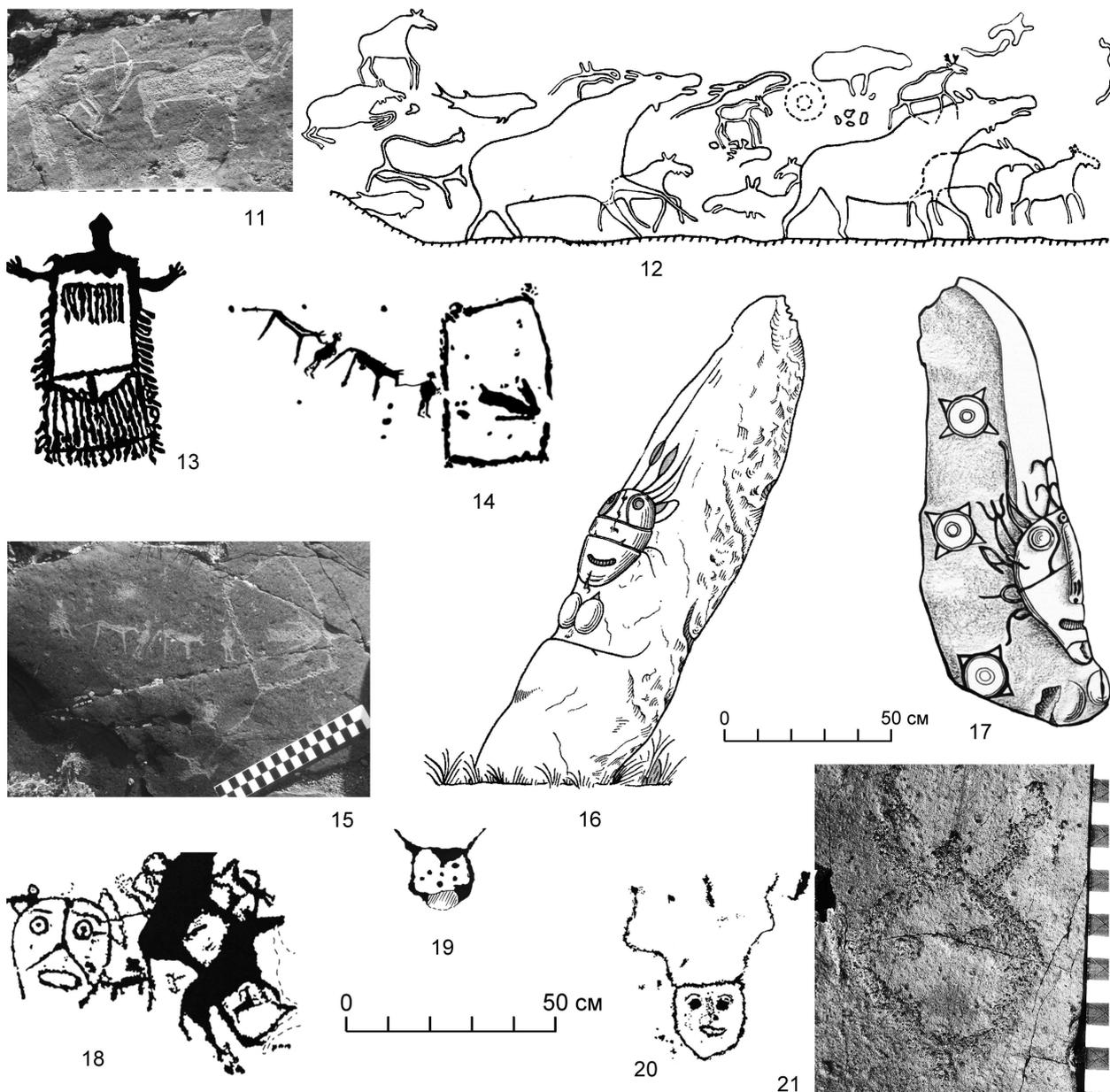


Рис. 2

Третья композиция расположена непосредственно под второй на том же крупном скальном обнажении (рис. 2, 14–15). В этом случае две фигуры – возможно типа птичеловека – ведут двух лошадей в правую сторону, за ними следует третий птичеловек. Эта процессия направляется к квадратному ограждению, внутри которого находится большая женская фигура, изображенная фронтально, в широком халате, с длинными косами по обеим сторонам головы.

Кони в третьей композиции расположены иначе – не спина к спине, но их силуэты также стройны. Во всех трех композициях коней ведут по направлению к ограде. В двух композициях фигуры, сидящие (?) на земле, держат уздечки от других коней. В третьей композиции в ограде доминирует женщина, а в первой композиции женщина стоит снаружи, как будто охраняя ограду. Во второй композиции фронтальную фигуру, охраняющую вход в ограждение, трудно идентифицировать, но такие полностью фронтальные позиции совершенно необычны для мужских образов. Все эти картины производят сильное впечатление благодаря совершенству их исполнения и той уверенности, с которой художник передал определенное повествование. Но что это за повествование и как оно может помочь нам понять мотивы, определяющие изображение женщины в Монгольском Алтае?

Эти три композиции предлагают необычный взгляд на современное понимание перехода из нашего мира в последующий. Они дают основание предположить, что даже до того как кони стали частью захоронений, они (как и их придаток – повозка на колесах) были существенным элементом в этом процессе. Фигура, сидящая на земле, – это изображение мертвого человека. Кони, которых он держит за узду, – это виртуальные создания, которые перевезут его в последующий мир; птицевидные фигуры каким-то образом связаны с этим переходом. Возможно они исполняют роль тех лебедей, которые были изображены на войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кург. И что более важно, женские фигуры, которые стоят у входа в ограду, являются божеством, сторожащим дорогу в мир мертвых. Это ранние примеры тех мотивов, которые мы найдем позднее на ковре из вышеназванного кургана или на бляхах из Сибирской коллекции, где женщина сидит под деревом, убаюкивая мертвого всадника, и она же охраняет дорогу в страну мертвых (рис. 1, 3). Но в раннем железном веке конь мертвого человека был не виртуальным, а реальным.

Кратко, в общих чертах обоснуем вывод о том, что основной мотив, представленный на пазырыкском ковре, по происхождению сибирский, и что ему предшествовали многие образы из наскального искусства в Монгольском Алтае.

Рогатые колоколовидные фигуры из ЦС-БО помогают прояснить древнее происхождение пазырыкских мотивов. Все изображения либо направлены на юг (напр., рис. 1, 7–8), возвышаясь над рекой, протекающей внизу, либо они лежат на плоской поверхности (напр., рис. 1, 6), как бы отмечая вход в иное пространство. Эти фигуры являются женскими, беременными, рожаящими или связанными с самками животных. Из человеческих образов самыми архаичными являются фигуры рожаящих женщин; эти изображения часто наложены на сцены охоты бронзового века. Спокойное появление женщин в стороне от охоты или как участниц эротических сцен предполагает их связь и с рождением новой жизни, и с отниманием этой жизни, о чем говорят сцены с дикими животными и с охотой. Женские фигуры в трех композициях из БО III являются предшественницами бронзового века по отношению к женщине пазырыкской культуры. Как и она, эти предшественницы находятся на пороге между жизнью и смертью, между этим миром и миром духов и предков. Все эти фигуры занимают пороговое пространство. Но я предполагаю, что у них есть «родственники», которые находятся далее к северу и северо-западу, и тоже относятся к раннему бронзовому веку. Образы самок-лосей, распространенные в наскальном искусстве вдоль рек Томь и Ангара (рис. 2, 12), четко вписываются в концепцию «животное-мать», связанную с речными источниками. Женщина-птица из Калбак-Таша (рис. 2, 13) представляет собой, видимо, полуптицу с четким изображением деторождающих органов.

Маски, выбитые на окуневских стенах в Минусинской котловине (рис. 2, 16–17), являются удивительными аналогиями колоколовидным фигурам из ЦС-БО. Рогатые и анималистические, они определенно связаны с миром животных, при этом их груди и полные животы, которые мы видим на некоторых изображениях, ассоциируются, прежде всего, с женским могуществом. Эти существа также пребывают на границе между человеком и животным, между узнаваемым и пугающим, между жизнью и смертью.

Безусловно, попытка связать материалы из Северного Монгольского Алтая с традиционной окуневской системой образов может показаться несколько натянутой, но считаю, что более тщательное изучение материалов из этого региона могло бы оправдать предположение о том, что окуневские проникали через Саянский хребет и далее вниз, в бассейн р. Ойгор. Здесь можно сослаться на один след, который ведет от самого центра ЦС-БО назад, к истоку р. Енисей. В пределах памятников ЦС II (URL: [http://boundless.uoregon.edu/digcol/maic/Search:RA\\_PETR\\_OI\\_0082](http://boundless.uoregon.edu/digcol/maic/Search:RA_PETR_OI_0082)), ЦС IV (рис. 2, 18), БО IV (рис. 2, 19) и БО V (рис. 2, 20) мы нашли несколько масок-личинок. Они не имеют отношения к распространенным художественным темам с реалистическими сценами охоты, караванного передвижения и пасущихся животных. Любопытно, что далее к югу в наскальном искусстве они не встречаются. По крайней мере три эти личинки (ЦС II, ЦС IV, БО IV) являются несомненно архаичными. Маска в БО V (рис. 2, 20) передает реальное лицо, но с длинными рогами.

Далее, в нескольких километрах к северу, вдоль р. Хар Ямаа, все еще в пределах бассейна Ойгор, мы зафиксировали личину (рис. 2, 21), которая относится к мугур-саргольскому типу (Дэвлет 1980). Я полагаю, что эта личина с продолговатой выпуклостью под подбородком – это все, что осталось от тонкого звена, связывающего окуневские личины Саянского хребта с теми масками, которые мы обнаружили в северной части Монгольского Алтая. Эти маски и колоколовидные образы, за которыми последуют реалистические изображения женщин в сценах охоты или у входа в страну мертвых, отражают архаическое понимание того, что женщина, обладающая властью дарить жизнь в соединении с мощностью животного, занимает пограничное пространство. Самыми ранними отражениями этих верований были образы самок лосей и образы на окуневских стелах. Последний след этой традиции, возможно, мотив на ковре из Пятого Пазырыкского курга, где женщина держится за дерево, что знаменует порог между человеком и не-человеком, между жизнью и смертью.

Дэвлет 1980 – *Дэвлет М. А.* Петроглифы Мугур-Саргола. М., 1980.

Кызласов 1982 – *Кызласов И. Л.* Гора-прародительница в фольклоре хакасов // СЭ. 1982. № 2. С. 83–92.

Потапов 1946 – *Потапов Л. П.* Культ гор на Алтае // СЭ. 1946. № 2. С. 145–160.

Halbersma, Bikhumar 2011 – *Halbersma T., Bikhumar O.* Petroglyphs of Khölsöötiin Gol Valley (Mongolia) // International Newsletter on Rock Art. 2011. No 60. P. 1–8.

Jacobson 2006 – *Jacobson E.* A new petroglyphic complex in Bayan Ölgii aimag, Mongolia // International Newsletter on Rock Art. 2006. No 45. P. 23–27.

Jacobson et al. 2001 – *Jacobson E., Kubarev V. C., Tseveendorj D.* Mongolie du Nord-Ouest – Tsagaan Salaa/Baga Oigor. Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. Paris, 2001. Fascicule no 6.

URL: <http://boundless.uoregon.edu/digcol/maic/>

## **Э. Гюль (Ташкент, Узбекистан)**

### **«Бактрийские» ковры: к вопросу о греко-юечжийских культурных взаимодействиях**

С античной Бактрией связана одна из интересных страниц в истории Узбекистана, на протяжении многих десятилетий привлекающая внимание исследователей всего мира. Местная культура и этнический фон представляли собой синтез оседлоземледельческих (собственно бактрийских) и степных (сакских, юечжийских) элементов; с завоеваниями Александра Македонского происходит распространение и адаптация эллинистической культуры, наконец, на рубеже н. э. уже кушанская Бактрия знакомится с буддизмом. Сплав всех этих компонентов в различных сочетаниях давал оригинальные результаты: уникальные произведения искусства, которые, как в зеркале, отражали доминирующие художественные тенденции.

Художественная культура греко-бактрийского и кушанского периодов представлена нумизматическим материалом, скульптурой и терракотовой пластикой, керамикой, в т. ч. типично греческих форм, настенными росписями, изделиями из художественного металла, слоновой кости. Находки ткацких грузил (Дальверзин, I–II вв.) свидетельствовали о производстве тканей. Однако античные текстильные изделия на территории Узбекистана практически не сохранились, и лишь сенсационные находки за пределами бактрийских границ – в Синзьян-Уйгурском автономном округе (Китай) и Ноин-Уле (Монголия) дали возможность говорить о высочайшем развитии художественного текстиля, разнообразии его видов, техник и стилей, а также о характере взаимодействия доминировавших в то время культур, отражавшегося в памятниках искусства.

Как известно, текстиль – материал нестойкий, подверженный быстрой изнашиваемости, и лишь счастливый случай способствовал сохранности древнейших образцов. Так случилось с пазырыкскими коврами и тканями VI–III вв. до н. э., «выжившими» в могильниках Горного Алтая в условиях вечной мерзлоты. Нестандартные условия помогли сохранить для потомков и самые

ранние из известных образцы бактрийского текстиля. Это шерстяная и войлочная одежда, фрагменты настенных ковров, выполненных в безворсовой (паласной) технике из могильников с мумифицированными телами в районе пустыни Такла-Макан, славящейся необычайно сухим и жарким климатом (бассейн р. Тарим, Синзцян-Уйгурский автономный округ, Китай).

Сами могильники, как часто бывает в археологической практике, были обнаружены случайно: в 1895 г. британский ученый А. Стейн наткнулся в засушливых соляных песках пустыни на захоронения с мумифицированными телами людей, удивительно похожих на европеоидов. В начале XX в. аналогичная ситуация произошла со шведским ученым С. Хедином, который также пытался их идентифицировать. Однако археологическая наука того времени не смогла оценить их в должной мере; о мумиях вскоре забыли.

Известно, что в 1970-х гг. китайские власти просто сжигали все новые находки мумий: их настораживал их европеоидный вид, и, с учетом напряженного уйгурского вопроса, открытие замалчивалось. В 1984 г., во время очередных земляных работ близ местного населенного пункта Сампулы вновь были выявлены коллективные захоронения с более чем сотней останков в каждом, датируемые, как и предшествующие, периодом II в. до н. э.–IV в. н. э. Факты получили огласку: уйгуры проявили повышенный интерес к находкам, стараясь доказать китайским властям, что захоронения принадлежат предкам уйгуров. Несколько тел выставляют в музее Урумчи. История с мумиями стала приобретать политический контекст. В результате почти детективной истории был проведен генетический тест, который показал, что мумии имели то же самое генетическое происхождение, что и современные европейцы – скандинавы, итальянцы, а также... жители Сибири. На предполагаемый «европейский» след наталкивал и анализ текстиля (рис. 1, 1, 4). В частности, Э. Барбер обнаружила поразительное сходство фрагмента клетчатой ткани из могильника с кельтским тартаном (клетчатой шерстяной тканью, из которой шьется шотландский килт).

Однако ситуация с предполагаемым европейским влиянием на развитие азиатского региона и «переселением» европейцев в Китай становится объяснима благодаря исследованиям канадского медика Д. Фаукса. В частности, на основании анализа генетических материалов он сделал вывод, что предками скандинавов-викингов были гунны: «доказано, – пишет автор, – что племенные группы мигрировали из Средней Азии до Скандинавии» (Faux 2007). В этой связи более объективно звучит версия, что таримские захоронения принадлежали центральноазиатским кочевникам, которые ранее оставили свой генетический след во многих странах Европы, в частности, в Скандинавии и Италии. Одежда и татуировки погребенных – платья-халаты, юбки, штаны, высокие конические войлочные головные уборы, войлочная и обувь из оленьей кожи типа мокасин, войлочные чулки, – также типичны для культуры кочевых племен Центральной Азии. Значительное количество во многом аналогичной одежды дают могильники Пазырыка (Руденко 1952: 88–115).

Известно также, что Таримский бассейн – одна из территорий расселения тохаров, известных также как юечжи (юечжи, по китайским источникам, – «белые люди с длинными волосами»; название племени произошло от местности, где они обитали: горы Ючжи в провинции Ганьсу). Этнический типаж мумифицированных, возбудивший мировое научное сообщество, находит устойчивые параллели с общеэтническим юечжийским типом, известным по раннекушанским монетам и скульптуре Халчаяна, дворца начинающей свое возвышение кушано-юечжийской династии (I в. н. э.). В этой связи есть основания считать таримские захоронения юечжийскими.

Судя по находкам сопровождающих предметов из могильников, юечжи вели подвижный образ жизни (остатки конных повозок, деревянные дисковые колеса и прочее); известно также, что они в течение нескольких столетий использовали таримские курганы в качестве династийной усыпальницы. Однако главное для рассматриваемой темы – обнаруженный в погребениях текстиль. Это одежда из тканой шерсти, насыщенного пурпурно-красного цвета, а также голубого, коричневого и зеленого, с клетчатыми и диагональными узорами. Самые интересные находки – фрагменты безворсовых сюжетных ковров, из которых была сшита одежда – штаны на одном из погребенных. Анализ подтвердил, что ковровая ткань была изготовлена в III–II вв. до н. э.



Рис. 1. 1, 4 – ковры из Сампула, III–II вв. до н. э. (4 – звериный стиль);  
 2 – персонаж дионисийского круга, играющий на салпинксе, Александрия, I в до н. э.;  
 3, 5–6 – вышитые ковры, Ноин-Ула (5, 6 – фрагменты, находка 2006–2009 гг., по Полосьмак 2010);  
 7 – правитель Кушан (Герай), Халчаян, рубеж нашей эры; 8 – тетрадрахма Кушана (Герая), аверс

Уникальность обнаруженных текстильных материалов: тканей, ковров и войлоков, – не только в их древности (текстильные находки античного времени крайне редки), но и в возможности оценить факты этнической истории, пути миграций, особенности быта жителей античного времени.

Также находки позволяют судить о высоком художественном уровне ковроткачества и о сложившейся традиции использования ковров в быту, в частности, в виде стенных тканых картин. Декор основных ковровых фрагментов – сюжетные изображения, выполненные с большим мастерством и отличающиеся точным следованием натуре, выразительной реалистической подачей. Достижению выразительности рисунка способствовала широкая цветовая гамма ниток, насчитывающая до 24 оттенков (в настоящее время фрагменты находятся в музее Урумчи, Синьцзян, Китай) (рис. 1, 1).

Существующие версии предполагают, что ковер висел на стене дворца где-нибудь в завоеванной греками Азии, и был сделан в Селевкии, Пальмире (Малая Азия) или Причерноморье. Имеется и версия, связанная с греко-бактрийским городом Ай-Ханум, основанным греческими колонистами. Также считается, что ковер выполнен греческими мастерами, а главный персонаж трактуется как греческий воин ([http://en.wikipedia.org/wiki/Sampul\\_tapestry](http://en.wikipedia.org/wiki/Sampul_tapestry)).

Однако обратимся к первоисточнику. На одной из частей – изображение вооруженного копьем воина, почти в натуральную величину (очевидно, сюжет центрального поля), на второй – трубящий кентавр в окружении разбросанных вокруг цветочных розеток и пальметт (фрагмент бордюра?) (рис. 1, 1). Образ воина весьма индивидуален. Это молодой мужчина крепкого телосложения, с округло-мягким, массивным подбородком, прямым носом, миндалевидными голубыми глазами, несколько набрякшими нижними веками. На голове – золотая диадема, поддерживающая зачесанные назад волосы. Лицо персонажа находится в трехчетвертном повороте – такой прием действительно типичен для классического греческого искусства и встречается повсеместно в греко-римских мозаиках стран Северной Африки и Передней Азии.

Вместе с тем, исследователи отмечают типично «скифскую» одежду и аксессуары «греческого» воина. В результате возникло предположение о том, что перед нами – греко-македонский воин в одежде кочевника. Но это не выдерживает критики – скорее, мы видим типичного представителя юечжийско-сакской знати, с характерными чертами лица, уже известными по нумизматическому материалу и скульптуре Халчаяна, дающей множественные примеры юечжийского этнического типа. Важными этноопределяющими признаками являются прическа и диадема – такие головные повязки-диадемы были типичны для кочевых народов; кожаные ободки носили рядовые жители, диадемы из тонкого листового золота – вожди (рис. 1, 7–8).

Весьма показателен в плане культурных взаимодействий и второй фрагмент с изображением кентавра в кругу цветочных розеток (рис. 1, 1). Кентавр – классический образ греческой мифологии, однако его появление было обусловлено знакомством с миром степных кочевий: для греков, столкнувшихся в свое время с конными всадниками кочевых племен – скифов, саков и прочих, казалось, что люди буквально срослись с лошадьми, настолько умелыми и ловкими наездниками были последние.

Кентавр на ковре трубит в трубу, подобную салпинксу – греко-римскому духовому музыкальному инструменту, громкие звуки которого сигнализировали о начале военного похода или атаки. Интересно, что по форме и назначению салпинкс схож с популярными узбекскими инструментами – карнаем и сурнаем. В средние века карнай служил для исполнения боевых или торжественных сигналов, в т. ч. для связи на больших расстояниях; в наши дни с его помощью созывают всех окрест на свадьбы. Возможно, оба инструмента имели в качестве прообраза военную трубу греко-македонских легионеров. Предположение основано на том, что практика использования салпинкса выработана опытом военных походов, а до прихода македонцев в Бактрию сколько-нибудь серьезных военных событий не фиксируется, таким образом, это – привнесенная традиция (рис. 1, 2). Композиционно кентавр предстает в окружении цветочных розеток. Эти розетки, в свою очередь, также типичны для кочевнического искусства: аналогичные по форме нашивные бляшки во множестве украшали погребальную одежду вождей, символизируя идею его близости верхнему, божественному миру (захоронение близ с. Иссык, Казахстан, VI–V вв. до н. э., юечжийские могилы Тиллятепе, Афганистан, рубеж нашей эры) (Сарианиди 1967: 36; и др.).

Наконец, проглядывающие в правой верхней части фрагмента изделия перья, как часть крыла (рис. 1, 1), позволяют предполагать, что там изображен грифон – популярный образ в искусстве степи, появившийся в результате знакомства кочевников с искусством Передней Азии (Ассирия).

В целом, декор ковра говорит о том, что он выполнен в греческой изобразительной стилистике (реализм, прямое следование натуре) и, одновременно, с хорошим знанием особенностей кочевнического мира, его быта и мифологии. Сюжет ковра – аллегория военных побед кочевников. Главный персонаж – сакский (юечжийский) вождь – свидетельство того, что ковер ткался греко-бактрийцами по заказу, в качестве предмета дани. Также возможно, что он украшал погребальную камеру вождя одного из племен. Параллели с нумизматическим материалом и халчаянской скульптурой подтверждают, что ковер был соткан в Бактрии, тогда как в Тариме – очутился по вполне понятной причине – таримский район был местом захоронения юечжийской знати на протяжении многих веков. Однако остается неясным, почему ковер был разрезан и стал материалом для шитья штанов, спустя почти два века после его создания.

Существует мнение, что кочевники заказывали ковры оседлым народам, не умея производить высокохудожественных вещей. Возможно, оно основано на данных Страбона, писавшего, что эллины привозили к устью Дона ковры для продажи скифам. Однако жители кочевий издавна пользовались коврами собственного производства – войлочными, безворсовыми и ворсовыми (самый ранний сохранившийся экземпляр ворсового ковра – из могильников Горного Алтая V в. до н. э.). Более того, именно степной кочевой мир, с его обилием шерсти и потребностями в мобильных жилищах и емкостях для перевозки домашнего скарба, дал в свое время толчок для развития такого изделия, как ковер. В отличие от стиля ткачества (типичного для «западных» городских цивилизаций, с реалистической подачей образов) манера «степного» рисунка тяготела к условности и декоративизму. В упомянутых могильниках близ Сампулы был обнаружен еще один фрагмент безворсового ковра с изображением стилизованных грифонов с меандровыми мотивами на крыльях (бежевый и сиреневый рисунок по светло-синему фону), выполненный в «зверином» стиле. В литературе он оценивается как бактрийский, сделанный под греческим влиянием. Однако сравнение с грифонами на войлочных коврах из Пазырыка позволяет сделать уточнение – это ковер юечжийский, при этом не исключено, что он действительно мог быть сделан на территории Бактрии (рис. 1, 4).

Еще одну важную группу «бактрийского» текстиля представляют изделия из хуннских могильников Ноин-Улы (Монголия, рубеж нашей эры). Первые находки в горах Ноин-Улы были сделаны исследователем П. К. Козловым еще в начале XX в. Здесь среди прочего был обнаружен текстиль, поражающий разнообразным декором: войлочный ковер со сценой терзания в «зверином» стиле, вышитые ковры с реалистическими изображениями всадников в «скифских» одеждах, отличающиеся индивидуальностью портретные образы (Рерих 2004: 283) (рис. 1, 3).

К. В. Тревер отнесла фрагменты вышитых ковров с персонажами к изделиям эллинизированной бактрийской среды около II в. до н. э. (Тревер 1940: 27). Более конкретен был Л. И. Ремпель, выявив общность образов (европеоидные лица с характерными прическами, перехваченными лентами-диадемами) на сохранившихся фрагментах с портретами правителей-юэчжей на ранних кушанских монетах и скульптурой Халчаяна. Г. А. Пугаченкова также подтверждает юечжийско-кушанское происхождение вышитых фрагментов. Вместе с тем, она замечает, что изобразительный сюжет, выполненный в реалистической манере, – это уже продукт не степной кочевой культуры, а городских ремесленных мастерских Бактрии (Пугаченкова 1966: 191). Очевидно, как и в «сампульском» случае, ковер был выполнен в Греко-Бактрии по заказу юэчжей. На одном из фрагментов – голова мужчины в трехчетвертном обороте (вновь тот самый типичный для греческого искусства прием), обод-диадема, собирающая зачесанные назад волосы, крепится к полотну ковра золотой тесьмой – явный признак, что перед нами – правитель племени.

Феномен могильников Ноин-Улы – в непрекращающихся уникальных открытиях; с 2006 по 2009 г. новосибирские ученые сделали новые находки уникальных по своему декору вышитых

ковров I в. до н. э. Реставрированные фрагменты изображают сцену битвы, а также череду спешившихся воинов и жрецов (?) – шествие к алтарю с пылающим огнем (рис. 1, 6). Автор находки Н. В. Полосьмак оспаривает «бактрийско-юечжийскую» атрибуцию обнаруженных прежде аналогичных ноин-улинских фрагментов. Она считает, что ткань, на которой вышит ковер, происходит из Сирии (Дура-Европос), Пальмиры или Палестины, а сама вышивка сделана на территории Северо-Западной Индии (современный Пенджаб), где еще до возникновения там Кушанской империи существовало индоскифское государство. Аргументом для такого предположения послужил нумизматический материал с изображением индоскифских или индопарфянских правителей, имеющих сходство с образом конного воина на ковре (Полосьмак 2010).

Однако более убедительным фактором, свидетельствующим в пользу бактрийско-юечжийской версии, является явное портретное сходство персонажей со все той же скульптурой Халчаяна и монетами ранних Кушан, их принадлежность к юечжийскому этническому типу. На одном из фрагментов имеется изображение мужчины в профиль (рис. 1, 5), чей образ – практически полное совпадение со скульптурной головой правителя из Халчаяна (рис. 1, 7) и изображением «Правящего “Герая” Санаба Кушана» на серебряной тетрадрахме, обнаруженной в пос. Вахшинский в 1967 г. (Зеймаль 1983: 76) (рис. 1, 8). Э. В. Ртвеладзе предлагает иное прочтение легенды на монете: «первое слово – греческий титул, второе – также титул, но не местный, может быть, юечжийский, третье слово (Санаб) – прозвище, означающее “тражающий врага” четвертое слово – личное имя, Кушан» (Ртвеладзе 1999: 7). Таким образом, как на монете, так и на вышитом ковре можно видеть изображение самого Кушана, основателя юечжийской династии, а ковер действительно может быть датирован не ранее I в. до н. э.–I в. н. э. (точный период правления Кушана «Герая» остается под вопросом).

Другой образ – спешившийся воин – находит параллели со спешившимися всадниками пазырыкского ворсового ковра V в. до н. э., вопрос атрибуции которого до сих пор дискутируется, но, тем не менее, признается его принадлежность кочевнической культуре.

Ковер дает также возможность говорить о вероисповедании правящей династии в период становления Кушанского царства: алтарь с горящим огнем наводит на мысль о зороастризме. Известно, что кочевники были не чужды зороастризма, познакомившись с этой религией в эпоху Ахеменидов. Такого рода композиции были известны степнякам еще в середине I тыс. до н. э. – по коврам из тех же курганов Пазырыка. В данном случае сцена поклонения также включает элемент шаманизма – в руках персонажа, стоящего у алтаря, гриб – типичный атрибут шаманских камланий (галлюциногенные грибы, как пища, дарованная Богом, использовались для достижения необходимого состояния транса). Сочетание зороастрийских и шаманистских элементов вполне вписывается в обрядовую практику юечжей, еще верных степным племенным культам и верованиям, но уже перенимающих религиозные ритуалы городских цивилизаций, как это происходило в период становления Кушанской империи. Показательно отсутствие индубуддийских символов. Наличие гриба в композиции позволило Н. В. Полосьмак сделать вывод о том, что этот особый сорт использовался при изготовлении хаомы (Полосьмак 2010).

Подводя итог, отметим, что «бактрийские» тканые и вышитые ковры – уникальная страница в истории текстиля Центральной Азии, свидетельствующая о том, что античная Бактрия была одним из регионов высокоразвитого текстильного производства. Наряду с более древними коврами из Пазырыка, «бактрийские» находки из Сампулы и Ноин-Улы стали важной страницей в истории художественного текстиля. Авторство этих ковров принадлежало как греко-бактрийским мастерам, носителям реалистической изобразительной традиции, так и ткачам степных обществ, бывших важным политическим и культурным фактором в развитии Бактрии, которые сохраняли верность популярному «звериному» стилю, и, одновременно, находились под обаянием греческого искусства (юечжи, саки, хунну). Как результат, мы имеем возможность проследить два основных стиля в бактрийском ковроткачестве.

С одной стороны, привнесенная греческая текстильная традиция адаптировалась под местные сюжеты, греко-бактрийские мастера ткали и вышивали ковры, в которых в изобразительной манере передавали реальные образы и сюжеты, в т. ч. связанные с жизнью кочевников. Этот стиль находит также параллели с декором античной бактрийской торевтики. С другой стороны, сохранился текстиль в духе «звериного» стиля, авторство которого принадлежало кочевым племенам. Более ранние пазырыкские войлочные изделия свидетельствуют о давности и устойчивости этой традиции. Наконец, имеет смысл говорить и о восприятии юэжками реалистического стиля, и о появлении на его основе рисунка, отличавшегося от греческого большей примитивностью форм (возможно, находки 2006–2009 гг. могли быть выполнены самими юэжками).

Бактрийские ковры иллюстрируют плодотворные взаимоотношения греческой культуры и цивилизации степных кочевых племен, корни которых уходят к середине I тыс. до н. э., ко времени контактов скифов и греков в Причерноморской зоне. Эти взаимоотношения стали важной ступенью культурного роста степняков, переходивших к оседлости, основывавших новые государства и великие династии, осваивавших стереотипы городского образа жизни. Бактрийские ковры и вышивки интересны и с той точки зрения, что образный язык художественного текстиля впоследствии изменится кардинальным образом – растворится во времени появившийся под греческим влиянием реализм, исчезнет эстетика «звериного» стиля. Однако причины этих изменений – тема отдельного исследования.

Зеймаль 1983 – *Зеймаль Е. В.* Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.

Полосьмак 2010 – *Полосьмак Н. В.* Мы выпили сому, мы стали бессмертными // Наука из первых рук. М., 2010. № 3, С. 50–59.

Пугаченкова 1966 – *Пугаченкова Г. А.* Халчаян. Ташкент, 1966.

Рерих 2004 – *Рерих Ю.* История Средней Азии. М., 2004. Т. 1.

Ртвеладзе 1999 – *Ртвеладзе Э. В.* Новый взгляд на скульптуру Халчаяна // *San'at*. Ташкент, 1999. № 3. С. 6–7.

Руденко 1952 – *Руденко С. И.* Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952.

Сарианиди 1967 – *Сарианиди В. И.* Тайны исчезнувшего искусства Каракумов. М., 1967.

Тревер 1940 – *Тревер К. В.* Памятники греко-бактрийского искусства. Л., 1940.

Faux 2007 – *Faux D. K.* Kurgan culture in Scandinavia. URL: [http://s155239215.onlinehome.us/turkic/btn\\_Archeology/FauxDKGeneticLinkOfVikingEn.htm](http://s155239215.onlinehome.us/turkic/btn_Archeology/FauxDKGeneticLinkOfVikingEn.htm)

URL: [http://en.wikipedia.org/wiki/Sampul\\_tapestry](http://en.wikipedia.org/wiki/Sampul_tapestry)

***Е. Н. Абызова, С. С. Рябцева (Кишинёв, Молдова)***

### **О морфологических и стилистических особенностях декора поясных наборов из Пруто-Днестровского междуречья в контексте древностей IX–XI вв.**

Одной из характерных черт европейской мужской моды IX–первой половины XI в. являлись длинные наборные пояса, декорированные многочисленными бляшками. В аналогичном стиле украшали накладками и поясные сумки. Пояса близкого облика представлены у хазар, венгров, болгар, удмуртов, мари и мордвы, встречаются и в древнерусских памятниках (Чернигов, Гнёздово, Тимерёво и др.) (Фонякова 1998; *The ancient Hungarians* 1996; Fettiĥ 1937; Dienes 1976; Станилов 1993; Казаков 2000; Мурашова 2000: 75). При всей универсальности этой моды выделяется и ряд характерных черт, присущих как формам деталей поясов, так и стилистике декора поясных пряжек и накладок, типичных для различных школ торевтики, напр., хазарской (Фонякова 1986; 1998).

В Пруто-Днестровском регионе детали поясных наборов обнаружены на поселениях и в погребениях. В близлежащем регионе Румынской Молдовы они найдены и в составе клада (Teodor 1980). По всей видимости эти предметы принадлежали представителям различного по

происхождению населения. Однако сами они в качестве «этнических маркеров» вряд ли могут быть использованы. Две находки поясов происходят из типичных кочевнических погребальных памятников. В первом случае могильник мог принадлежать населению, близкому к носителям салтовских древностей, во втором – болгарскому или печенежскому (Чирков 1990; Щербакова Т. и др. 2008: 69–76).

1. На Левобережье Днестра поясной набор найден в позднесредневековом могильнике у г. Слободзея, представлявшем собой курганный насыпь, служившую усыпальницей в различные исторические эпохи. Были выявлены погребения эпохи энеолита (в первичной насыпи), ямной культуры (сопровождавшиеся второй досыпкой), культуры многоваликовой керамики и, наконец, самой многочисленной группой погребений являются захоронения кочевников IX в. (Щербакова Т. и др. 2008: 4). Поясной набор находился в погр. 18. Поверх берцовых костей захороненного располагались череп и нижние конечности лошади, неподалеку найдены стремена и остатки уздечки (?). Возле черепа человека размещались одноручный гончарный кувшин, две кольцевидные серебряные позолоченные проволочные серьги и остатки жертвенной пищи (кости овцы). На левой плечевой кости погребенного – пять наконечников стрел, на кисти – крючок для крепления колчана. В области груди были найдены накладки на лук, в поясной области – остатки кожаного ремня с серебряной поясной гарнитурой, с правой стороны – железный нож и кожаный мешочек с железным кресалом и остатками ткани.

Сохранился 13-сантиметровый обрывок ремня шириной 1,7 см. К ремню на расстоянии 1,8 см друг от друга крепились литые прорезные бляшки щитовидной формы с прямым гладким верхним и фестончатым полукруглым краями (13 экз.). В центре бляшек расположен гладкий щиток, также с фестончатым оформлением и щелевидной прорезью (рис. 1, 24–29). К поясу крепились и дополнительные кожаные ремешки с аналогичными бляшками, но без прорези и с фестончатым краем со всех сторон (14 экз.) (рис. 1, 30–37). Щиток поясной пряжки декорирован по краю выступами и ложным жемчужником, а в центре – достаточно сложным растительным узором (Там же: 119, рис. 8) (рис. 1, 23). Поясная бляшка, по форме близкая к слободзейским, но несколько более грубая и отлитая из бронзы, найдена у сел. Бучулены (Унгенский р-н Республики Молдова). Вместе с ней обнаружены бронзовый поясной наконечник и перстень «салтовского типа» с крупной вставкой (Национальный музей археологии и истории Молдовы, акт № 59 – рис. 1, 17–18).

Наиболее близкой аналогией поясному набору из Слободзейского кургана являются детали пояса из клада Рэдукэнь (Румыния), который может быть отнесен к IX–первой половине X в. (Teodor 1980: 403 сл.). В кладе находилось девять серебряных поясных бляшек листовидной формы (без прорезей), у которых и наружный край и контур внутреннего щитка оформлены фестонами. Щиток не гладкий, а декорирован углубленным стилизованным узором. Кроме того, имеются бляшка с петелькой и поясная пряжка со щитком, украшенным растительным орнаментом (рис. 1, 19–22). В кладе находились ранние монеты – дирхемы середины VIII в. и начала IX в., подборка лунниц и гроздевидных украшений. Одна литая бронзовая лунница с загнутыми «рожками», декорированными дериватами растительных побегов, имеет, с одной стороны, аналогии в великоморавских памятниках (напр., Нитра, Прушанку; Dekan 1979: 30; Klanica 2006: 108, obr. 43), а с другой – на городище Екимауцы в Молдове. Тот же вектор связей Подунавье–Восточная Европа демонстрирует и подборка гроздевидных украшений и штампованно-филигранных лунниц из этого клада, также имеющих прямые аналогии на городищах Екимауцы и Алчедар в Молдове. Аналогии среди материалов Алчедара имеют и большая дротовая гривна из данного клада, и перстни салтовского типа (последние найдены и на городище Екимауцы) (Рябцева 2006). На территории Румынии еще одна бляшка щитовидной формы с фестончатым краем (но с криновидным узором в центре внутреннего щитка) была найдена в Обыршия (рис. 1, 16), а с гладким краем и простым щитком – в Пэкуюл луй Соаре (Diaconu, Vilceanu 1972: 155; Рябцева, Рабинович 2007: 206, рис. 1).

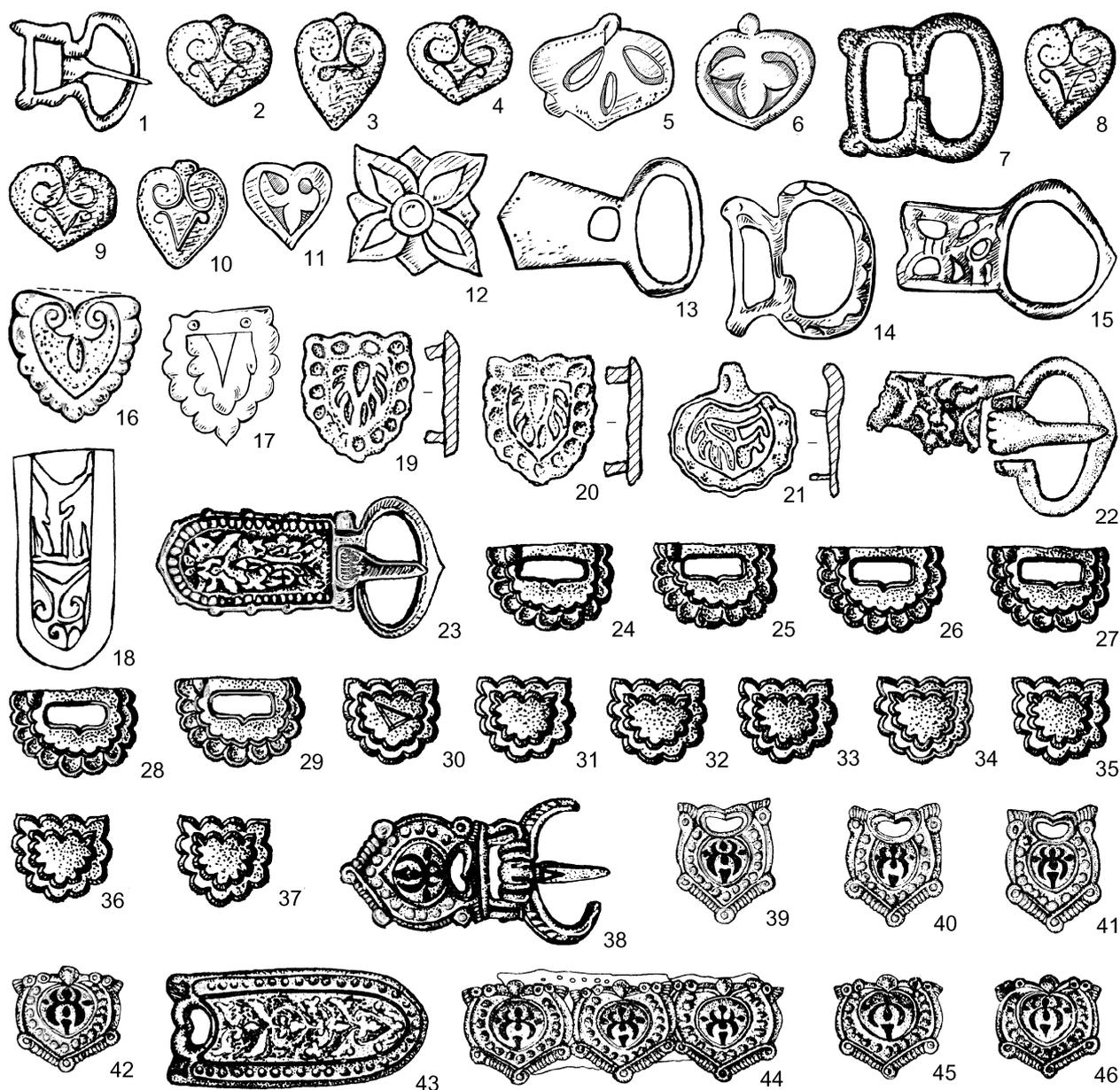


Рис. 1. Детали поясных и сумочных наборов:

1–15 – Екимауцы; 16 – Обыршия; 17–18 – Бучулены; 19–22 – Рэдукэнь; 23–37 – Слободзея;  
38–46 – Бедражи (1–15, 17–18, 23–37 – Молдова; 16, 19–22 – Румыния)

В целом, бляшки щитовидной формы с фестончатым краем встречаются достаточно редко, причем отличительной чертой рассматриваемых изделий можно считать именно углубленные относительно поверхности изделия фестоны. Ближайшими аналогиями находкам из Карпато-Днестровского региона являются предметы из Больше-Тиганского мог-ка (Chalikova, Chalikov 1981: 131, Taf. XXIII), и случайная находка из т. н. Сатановской коллекции (ныне хранится в ГИМ).<sup>64</sup> Подобный специфический бордюор представлен и на ряде щитков пряжек и поясных накладок, найденных на территории Украины (напр., Орджоникидзе, Ново-Николаевка; Тюркское наследие... 2008: 214; Dienes 1973: Abb. 8). В целом же, среди деталей поясных наборов явно преобладают вещи с выпуклым бордюором (напр., Fettih 1937: Taf. C).

<sup>64</sup> Приносим глубокую благодарность научному сотруднику Института археологии Венгерской Академии наук Аттиле Тюрк за ценные консультации и помощь с литературой.

2. Поясной набор с бляшками совсем другого облика был найден в Пруто-Днестровском регионе при раскопках кург. 3 у сел. Бедражи Унгенского р-на Республики Молдова (Чирков 1990: 158–168, рис. 162). Погребение принадлежало взрослому мужчине, под скелетом которого были обнаружены остатки продольно лежавшей древесины, под черепом – плечевая кость лошади. В области костей рук и таза прослежены остатки кожи и ткани (вероятно, от куртки). На лучевых костях и в нижней части бедер найдена серебряная фольга на матерчатой основе, являвшаяся, возможно, элементом декорировки одежды. В состав погребального инвентаря входили, вероятно, колчан (сохранилось пять черешковых ромбовидных наконечников стрел) и нож. У левого виска погребенного находилась золотая перстневидная серьга с несомкнутыми концами диаметром 2 см. Детали пояса, декорированные в единой манере жемчужником и растительным орнаментом, предполагались в районе таза умершего.

Поясной набор состоял из 40 позолоченных бляшек, отлитых из низкопробного серебра (500 пробы), наконечника пояса (изготовленного из несколько более качественного серебра – 600 пробы) и пряжки (рис. 1, 38–46). Бляшки каплевидной формы представлены двумя разновидностями: более широкие с выступом в нижней части и узкие, длинные с сердцевидной прорезью внизу. В центре бляшек расположен выпуклый щиток, обрамленный каймой жемчужника и декорированный растительным орнаментом. На некоторых бляшках сохранилась чернь, заполнявшая контуры рисунка. Щиток пряжки по форме и декору повторяет бляшку с сердцевидной прорезью. Удлиненный поясной наконечник декорирован растительным узором, который подчеркнут черновой проработкой фона.

Подобные пояса встречаются в венгерских древностях, напр., Сентес-Надьхедж, но гораздо чаще их находят в памятниках Болгарии (Дрэстар, Велико Тырново, Стана, Средище, Преслав, Добрич, Шумен, Попина, Изворник, Кривин; Fettih 1937: Taf. ХСII; Дончева 2004; Плетьев 2004; Станилов 1993; Gomalka-Fuchs 2002). В целом, данная группа поясов наиболее типична для древностей Карпато-Балканского региона.

У сел. Новосел в Болгарии такие бляшки были найдены среди других многообразных вариантов поясных накладок в составе комплекса ювелирной мастерской (Бонев, Дончева 2011: 275, 276). В болгарском Кривине в 1998 г. обнаружен и целый поясной набор, весьма близкий к набору из Бедражей. Набор происходит из землянки на поселении, существовавшем в VII–последней трети X в. на развалинах античного Итруса и разрушенного предположительно в 971 г. во время военных действий между Византией и Первым Болгарским царством. Он включает 38 латунных накладок, весьма близких по оформлению представленным в молдавской находке, пряжки с небольшим пятиугольным щитком, декорированным врезным геометрическим орнаментом, и вытянутого, практически гладкого наконечника (рис. 2, 1–7). Одна из бляшек имеет шарнирное крепление, к которому подвешено колечко. Пояс застегивался при помощи дополнительного ремешка, т. к. накладки основного пояса не проходили бы через пряжку (Gomalka-Fuchs 2002).

3. В Пруто-Днестровском регионе известен еще один пояс – на Екимауцком городище (Резинский р-н Республики Молдова). Поясные бляшки обнаружены в 1951 г. при раскопках богатого комплекса ювелирной мастерской. Оттуда же происходят сердоликовые и пастовые бусы, медные и серебряные украшения, набор кузнечных и ювелирных инструментов, заготовки и отходы производства (Фёдоров 1953). Поясной набор состоит из 40 литых бронзовых сердцевидных бляшек с небольшим выступом, декорированных врезным волютообразным узором (рис. 1, 2–4, 8–10). Бляшки представлены двумя разновидностями: одни – более широкие, другие – узкие, удлиненные, относятся к типам XXVIII Б1 и 2, соответственно, по типологии В. В. Мурашовой (2000: 45). Узкие накладки крепились, по всей видимости, на свисающей части пояса острой частью вниз.

Бляшки, близкие к екимауцким, известны в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе и демонстрируют сложение единого стиля в оформлении поясов. Сходные экземпляры происходят из Карош, Хомокмедь, Ладаньбене-Бенепуста и других мест в Венгрии (The ancient Hungarians 1996: 84, fig. 10; 312, fig. 1; 339, fig. 6; Fettih 1937: Tabl. XXXV, LXIV, CXXX; Eszter

2003: 505, tabl. 3; Szóke 1954: fig. 6) (рис. 2, 32–37). Однако наиболее близкие к екамауцким находки обнаружены в Нижнем Подунавье и на Балканах – Пэкуюл луй Соаре (Румыния), Преслава, Надарово, Шуменский округ (Болгария) (Diaconu, Vîlceanu 1972: 155; Dumitriu 2001: Taf. 46; Дончева 2004; Плетнёв 2004; Станилов 1993) (рис. 2, 38–43). На территории Восточной Европы сходные бляшки, но отличающиеся отсутствием каплевидного выступа и некоторыми графическими дополнениями в орнаменте, найдены в Гнёздове, Тимерёве и Владимирских курганах, Лядинском и Томниковском мог-ках и «Черемисском кладбище» (Мурашова 2000: 45). Схожие накладки известны как в древнерусских материалах X–XI вв., так и в Прикамье, Волжской Булгарии, у марийцев, черемисов и мордвы (Там же: 45, 46; Fettih 1937: Tabl. XXVII) (рис. 2, 44).

Бляшки пояса из Екимауц, несколько отличающиеся от других восточноевропейских, по всей видимости, могут быть отнесены к изделиям подунайской ремесленной традиции, представленной находками из Венгрии, Румынии и Болгарии. Наибольшую близость к бляшкам Екимауцкого пояса демонстрируют накладки из Пэкуюл луй Соаре (Румыния) и Надарова (Болгария) (рис. 2, 38, 39, 43, 45, 46, 49). Причем, находки на территории Болгарии, напр., в упомянутом местонахождении из Надарова, не только поясных бляшек, но и шаблонов, и другого инструментария для их изготовления, а также бракованных экземпляров свидетельствует о том, что мы имеем дело со следами функционирования производственного комплекса, вероятно, аналогичного исследованному в Измерях в Поволжье (Плетнёв 2004: 238; Бонев, Дончева 2011; Казаков 2000).

Помимо набора однотипных бляшек с валютообразным орнаментом в Екимауцах было найдено несколько бляшек с криновидным и листовидным узором, а также геометризованная накладка-розетка, предназначенная для декорирования сумки или кошель (Рябцева, Рабинович 2007: рис. 1) (рис. 1, 12). Миниатюрные бляшки с криновидным узором из Екимауц, вероятно, также могли относиться к декору сумки – маленькими бляшками украшали ремешки-застежки (рис. 1, 11; 2, 48). Кроме того, на городище было найдено несколько пряжек от ременных гарнитур, в т. ч. и миниатюрная, которая, по-видимому, украшала тонкий внутренний ремешок, служивший для застегивания наборного пояса или сумочки (рис. 1, 1, 7, 13–15).

Наборные пояса, сумочки-ташки и кошель зачастую находят в одних комплексах. Наиболее распространены такие находки на территории Венгрии, но известны и в Восточной Европе. Подобный комплект представлен, напр., в кург. Ц-160 Гнездовского некрополя. На погребенном, завернутом в шерстяной плащ, была надета шерстяная рубаха или кафтан с шелковой отделкой, перепоясанная наборным поясом (Щербакова Е. 2010). Сохранился кожаный ремень длиной около 168 см, украшенный 66 бляшками трех видов (Мурашова 2000: 72). Ремень опоясывал талию погребенного, а один конец его свисал свободно. На свисающем крае и части пояса, прилегавшей к нему, располагались 34 удлиненные сердцевидные бляшки с геометризованным орнаментом, расположенные острой частью вниз; завершал эту часть ремня поясной наконечник. Остальная часть ремня декорирована широкими сердцевидными накладками с двумя вариантами декора (29 экз. одного вида и три – другого, возможно, появившиеся в результате починки), укрепленными острым концом вверх. Пряжка располагалась ближе к правой части ремня.

Гнёздовская находка сохранила и фрагмент дополнительного ремешка, служившего для застегивания пояса, и декорированного миниатюрной бляшкой и маленьким поясным наконечником. С правой стороны от погребенного были зафиксированы металлические детали гарнитуры поясной сумочки. К ним относятся бляшки-розетки, аналогичные найденным на Екимауцах, а также центральная крупная ромбовидная бляха, сквозь которую породевался ремешок. В декоре ремешка-застежки использованы две крупные широкие накладки, аналогичные трем бляшкам пояса и миниатюрные бляшки, такие как на внутреннем ремешке пояса. Таким образом, декор пояса и сумки из Гнездова подтверждает то, что эти вещи рассматривались как комплект, а также дает некоторое представление о том, как мог выглядеть набор из Екимауц.

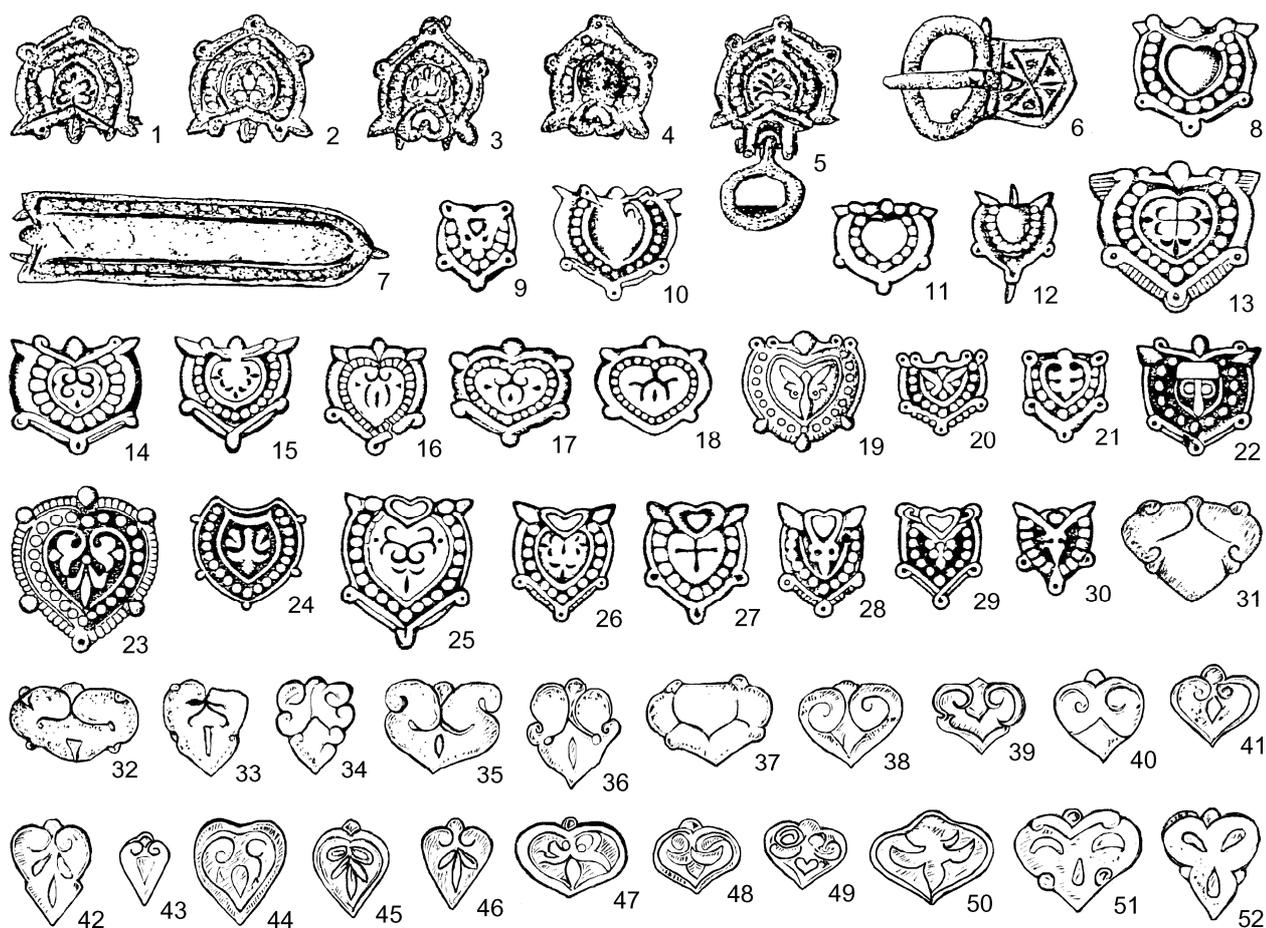


Рис. 2. Детали поясных наборов: 1–7 – Кривина; 8 – Дрэстар; 9, 21–22 – Попина; 10, 23 – Велико Тырново; 11, 25 – Стана; 12, 16, 27 – Средище; 13, 19, 31, 42 – Преслав; 14 – Добрич; 15, 17, 20, 24, 29, 30 – Шумен; 18, 28 – Болгария; 26 – Изворник; 32–34 – Хомокмедь; 35–36 – Карош; 37 – Ладаньбене-Бенепуста; 38, 43, 45–46, 49 – Надарова; 39 – Пэкуюл луй Соаре; 40, 41 – Пет могила; 44 – Гнёздово; 47 – Надьёс; 48 – Екимауцы; 50, 52 – Шестовицы; 51 – Киев (1–17, 18–31, 37–38, 40–43, 45–46, 49 – Болгария; 32–36, 47 – Венгрия; 39 – Румыния; 44 – Россия; 48 – Молдова; 50–52 – Украина)

Рассматриваемый поясной набор из Екимауц происходит из контекста славянского поселения конца IX–начала XI в., где представлены, однако, и вещи, выполненные в венгерской традиции (наконечник ножен и перекрестие сабли, витые гривны и дрововые браслеты), близкие к типичным изделиям для культуры Бьело-Брдо (Ряцева 2006).

Таким образом, в памятниках Пруто-Днестровского региона IX–начала XI в. представлено несколько поясных наборов, демонстрирующих сложение престижного пояса, характерного как для воинской дружины, так и для кочевнической среды. Наиболее ранним временем датируется пояс из Слободзеи, относящийся, по всей видимости, к IX в. Форма и декор бляшек из этого набора весьма своеобразны – видимо, говорить о широком распространении поясов с подобным фестончатым декором нельзя. Накладки этого пояса имеют наиболее близкие аналогии в материалахклада Рэдукэнь, более грубые изделия происходят из ряда пунктов на территории Республики Молдова и Румынии. Несколько аналогичных изделий известны в Центральной и Восточной Европе.

Судя по многочисленным аналогиям из Карпато-Балканского региона (с явным преобладанием находок с территории Болгарии) (рис. 2, 1–30), пояс из Бедражей может быть отнесен ко второй половине X–началу XI в. Вероятно, этим же временем датируется и пояс из Екимауц. Поясные наборы с бляшками, аналогичными екимауцким, были представлены весьма широко – территория их

распространения охватывает Центральную, Юго-Восточную и Восточную Европу (рис. 2, 31–52). При этом, судя по ряду морфологических и декоративных элементов, пояс из Екиманец тяготеет к группе изделий, выполненных мастерами-ювелирами Карпато-Балканского региона.

- Бонев, Дончева 2011 – *Бонев С., Дончева С.* Стаобългарски производствен център за художествен метал при с. Новосел, Шуменско. Велико Търново, 2011.
- Дончева 2004 – *Дончева С.* За един вид орнаментална украса в ранносредновековна Българска металлопластика // Преслав. София, 2004. Т. 6. С. 212–227.
- Казаков 2000 – *Казаков Е. П.* Измери – главный торговый пункт Волжской Булгарии (конец X–XI в.) // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: Доклады междунар. симпозиума по вопросам археологии и истории. СПб, 2000. С. 87–99.
- Мурашова 2000 – *Мурашова В. В.* Древнерусские ремешковые наборы украшений (X–XIII вв.). М., 2000.
- Плетнёв 2004 – *Плетнёв В.* Производство на коланни гарнитури в ранносредновековна България // Преслав. София, 2004. Т. 6. С. 228–240.
- Рябцева 2006 – *Рябцева С. С.* Ювелирные украшения Пруто-Днестровского междуречья в контексте этнокультурных связей региона в X–XI вв. // РА. 2006. Vol. II, nr. 1–2. С. 143–168.
- Рябцева, Рабинович 2007 – *Рябцева С. С., Рабинович Р. А.* О роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях в IX–X вв. // РА. 2007. Vol. III, nr. 1–2. С. 195–230.
- Станилов 1993 – *Станилов С.* Две групи старобългарски ремъчни украси от Североизточна България // Плиска-Преслав. София, 1993. Т. 6. С. 152–163.
- Тюркское наследие... 2008 – Тюркское наследие Евразии VI–VIII вв. Астана, 2008.
- Фёдоров 1953 – *Фёдоров Г. Б.* Городище Екиманцы // КСИА. 1953. Вып. 50. С. 104–126.
- Фонякова 1986 – *Фонякова Н. А.* Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры // СА. 1986. № 3. С. 36–76.
- Фонякова 1998 – *Фонякова Н. А.* Художественный стиль украшения поясов из Хазарии второй половины VIII–X вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь. 1998. Вып. VI. С. 635–641.
- Чирков 1990 – *Чирков А. Ю.* Новые данные о поздних кочевниках Среднего Попрутья // Археологические исследования молодых ученых Молдавии. Кишинев, 1990. С. 158–168.
- Щербакова Е. 2010 – *Щербакова Е. Е.* Текстиль из мужского погребения кургана Ц-160 в Гнездове // Российская археология. 2010. № 1. С. 82–93.
- Щербакова Т. и др. 2008 – *Щербакова Т. А., Тащи Е. Ф., Тельнов Н. П.* Кочевнические древности Нижнего Поднепровья. Кишинев, 2008.
- Chalikova, Chalikov 1981 – *Chalikova E. A., Chalikov A. H.* Altungarn an der Kama und Ural (Das Gräberfeld von Bolshie Tigani). Budapest, 1981.
- Dekan 1979 – *Dekan J.* Wielkie Morawy: Epoka I sztuka. Bratislava; Wrocław, 1979.
- Diaconu, Vilceanu 1972 – *Diaconu P., Vilceanu D.* Păcuiul Iuo Soare. Cetatea bizantină. I. București, 1972.
- Dumitriu 2001 – *Dumitriu L.* Der mittelalterlich Schmuck des unteren Donaugebietes im 11. 15. Jahrhundert. București, 2001.
- Dienes 1973 – *Dienes I.* Honfoglalás kori veretes tarsoly Budapest-Farkasrétről // Folia archaeologica 1973. Vol. XXIV. P. 177–217.
- Dienes 1976 – *Dienes I.* The Hungarians at the Time of the Conquest and their Ancients // Ancient cultures of the Uralian peoples. Budapest, 1976. С. 79–113.
- Gomolka-Fuchs 2002 – *Gomolka-Fuchs G.* Eine Gürtelgarnitur vom ungarischen Typ aus der Frühmittelalterlichen Siedlung von Krivina, Bezik Ruse, Bulgarien // Eurasia Antiqua. 2002. Bd. 8. S. 493–514.
- Fettih 1937 – *Fettih N.* Die Metallkunst der Landnemenden Ungarn. Budapest, 1937.
- Eszter 2003 – *Eszter I.* A Rétköz honfoglalás és Árpád-Kori emlékeinyaga. Nyiregyháza, 2003.
- Klanica 2006 – *Klanica Z.* Nechvalín, Prušanky. Čtyři slovanská pohřebišť. Brno, 2006. Díl. I.

Szóke 1954 – Szóke B. Adatok a Kisalföld IX es X századi Történetéhez // *Arhaeologiai Ertesítő*. 1954. Vol. 81, 2. P. 119–139.

The ancient Hungarians 1996 – The ancient Hungarians. Budapest, 1996.

Teodor 1980 – *Teodor Dan Gh.* Tezaurul de la Răducăneni – Iași // *Studii și Cercetări de Istorie Veche și Arheologie*. 1980. T. 31, nr. 3. P. 403–423.

**Н. А. Фонякова (Чувилло) (Санкт-Петербург, Россия)**

### **Загадка Шиловских пластин**

В 1992 г., исследуя разрушенный кург. 1 у сел. Шиловка Сенгилеевского р-на Ульяновской обл., в погр. 2 археологи Самарского госуниверситета под руководством Р. С. Багаутдинова обнаружили несколько костяных пластин с изображением драконов, а также со сценами охоты, сражения и обороны крепости (рис. 1). Эти рисунки были прочерчены тонким резцом и зачернены по линиям. По золотому солиду, найденному вместе с ними, пластины датируются серединой VII в. н. э. Погребальный обряд указывает на то, что здесь был похоронен очень знатный воин.

Такие яркие произведения искусства не могли оставить равнодушными исследователей раннесредневековых кочевнических древностей. Однако мнения ученых разделились. Одни считают, что на Шиловских пластинах представлен эпический сюжет (Котов 1999: 441–442), другие допускают возможность изображения конкретного исторического события (Багаутдинов и др. 1998: 108). Но все сходятся на том, что на пластинах изображена «борьба драконов», «охота на медведей» и воины в засаде. При этом интересно, что сами четыре пластины, украшавшие одно седло, исследователи никак не связывают друг с другом.

Прежде чем искать исторические и эпические соответствия сюжетам на Шиловских пластинах надо разобраться в том, что же все-таки на них изображено.

На одной пластине изображены два дракона сбоку, застывшие друг против друга, образуя геральдическую композицию (рис. 1, 1). У них длинные языки с пальметками на концах, переплетенные в виде цепочки. Подчеркнутая декоративность изображений – обилие декоративных деталей (пальметок, штриховок, плетенок, рамок) указывает на то, что это не живые создания и они не «борются» (борьба языками вообще неизвестна), а, напротив, представляют собой эмблему или знак царского рода.

По предположению В. Е. Флёровой, на Шиловских пластинах изображены драконы «макара» (Флёрова 2001: 83). Они известны с древности и связаны с водной стихией. Драконы как мифические существа божественного или титанического характера были созданы фантазией народов, обитавших в тропических и субтропических странах, откуда это представление, различно видоизменяясь, перешло к народам умеренного пояса Европы и Азии. Реальной основой для создания такого типа драконов послужили, по-видимому, некоторые виды крокодилов.

В сборнике рассказов «Панчатантра»,<sup>65</sup> созданном в Индии в первой половине I тыс. н. э., есть упоминание о драконах «макара». Издавна навершия в виде драконьих голов использовались для украшения военных стягов, а изображения драконов помещались на вымпелах и знаменах и имели сакральный смысл. Изображение «макары» было помещено на знамени бога любви Камары, которого дракон проглотил и во чреве которого он жил, согласно легенде, некоторое время. Стяг с «макарой» выступал первым в сражениях и нес, по представлению древних индусов, победу и богатство.

Драконы были известны как повелители не только водной, но и воздушной стихии и не только в Индии и Китае, но также в Иране. Таков, напр, иранский сенмурв. Он представляет собой один из вариантов дракона. К. В. Тревер считала, что серебряная с позолотой голова сенмурва, найденная

<sup>65</sup> Дата и место издания «Панчатантры», как и личность ее автора, не поддается точному определению. Она известна более чем в 200 вариантах и переведена на 60 языков.

в кладе из Ханты-Мансийского национального округа, была навершием иранского знамени. Само же тело «сенмурва» было сделано в виде вытянутого шелкового мешка, наполнявшегося встречным ветром и, возможно, завивавшегося кольцами подобно змее, когда всадник скакал со знаменем и таким навершием на древке (Тревер 1937).

Изображения драконов на знаменах Ирана могли указывать на царствующую династию, эмблемой которой они являлись. Так, в Иране делали шелка с изображением сенмурвов. Шаханшах на рельефе из Так-и Бостана в сцене охоты на кабанов одет в шелковые одежды с изображением сенмурвов – возможно, своеобразного шахского герба. Такие гербы изображали на серебряных сосудах и на печатях. Протома Сенмурва венчала головной убор сасанидского принца (Луконин 1977: 188).

Средневековое войско кочевников «на походе» и перед сражением, по-видимому, было пестрым от обилия стягов, значков и личных штандартов предводителей племен. То, что у болгарского царя (или князя) мог появиться символ дракона, не случайно. В степях происходил обмен между противниками не только приемами войны, снаряжением, оружием, но и внешними воинскими атрибутами. О значении внешней атрибутики в древних и средневековых войсках хорошо сказано в китайском «Трактате о военном искусстве» (конец VI–VII вв. н. э.) Сунь-цзы: «Гонги, барабаны, знамена, значки соединяют воедино глаза и уши солдат» (Конрад 1977: 26–45).

Что же касается двух зайцев, лежащих в позе покорности (сложив лапы на груди и прижав уши к спине), то они кажутся маленькими рядом с этими величественными созданиями (рис. 1, 1). Возможно, они представляют покоренные народы. Неслучайно, что один из трех царских родов хунну был родом зайца. Зайцы считались также посредниками между высшими духами и людьми. По-видимому предводители племен искали себе покровителей на небесах и украшали головные уборы, стяги и даже седла их изображениями. Шкурка зайца у алтайцев символизировала удачу на охоте и приносилась в дар духу леса (Алексеев 1980: 272, 273).

Закономерным поэтому представляется прочтение сюжета на второй пластине как изображения неудачной царской охоты на лань. На пластине 2 (рис. 1, 2) представлен охотник, который убил лань и хотел уже взять свой трофей, как на него неожиданно вышел медведь и отобрал добычу. Охотник является центральным персонажем этой сцены. Кроме того, его фигура значительно больше по размерам, чем фигуры окружающих его животных и всадников. Поэтому можно предположить, что на Шиловских пластинах изображен царь (или князь).

В данном случае прочтение охотничьей сцены как «схватки с медведем или охоты на медведя» вызывает сомнение. На медведя не охотятся, стоя на коленях с луком в руках. Это охота, как правило, облавная. В ней участвуют охотники и собаки. Кроме того, для царей в искусстве степи традиционна охота на ланей, кабанов и баранов. И нигде не встречается изображение медведя, догоняющего лань. Я предлагаю следующее объяснение этого драматического по характеру сюжета. Охотник, на которого во время ловли напал огромный медведь, пытается спасти свою жизнь. Поэтому он встал на колени и натянул лук. В самый неподходящий момент у него лопнула тетива и повисла вдоль ноги. Свита (или конвой) оставили своего царя и с копьями наперевес скачут в сторону. Другой отряд спешил и, оставив оседланных лошадей, также ушел от царя. На пластине 2 стоят четыре лошади.

На пластине 3 показаны четыре пеших воина в таких же доспехах, как и свита царя (рис. 1, 3). По-видимому, лошади эти принадлежат им. Воины попали в засаду и пытаются вырваться (Багаутдинов и др. 1988). С двух сторон их обстреливают лучники, стоящие на коленях и одетые иначе, чем тяжеловооруженные «рыцари» царского конвоя. Один воин в длинной кольчужной рубахе, перехваченной поясом в талии, стоит на коленях, натянув мощный лук, контуры которого показаны двойной линией. Другой, по-видимому, был изображен на противоположном конце пластины: от него сохранился только фрагмент такого же лука. Это «тюрко-хазарский» тип лука (Медведев 1966: 13–14; Круглов 2005: 90). Конструкция луков этого типа считается «непрактичной»: «При возникновении силового напряжения, которое создавала тетива, когда ее натягивали, роговые пластины,

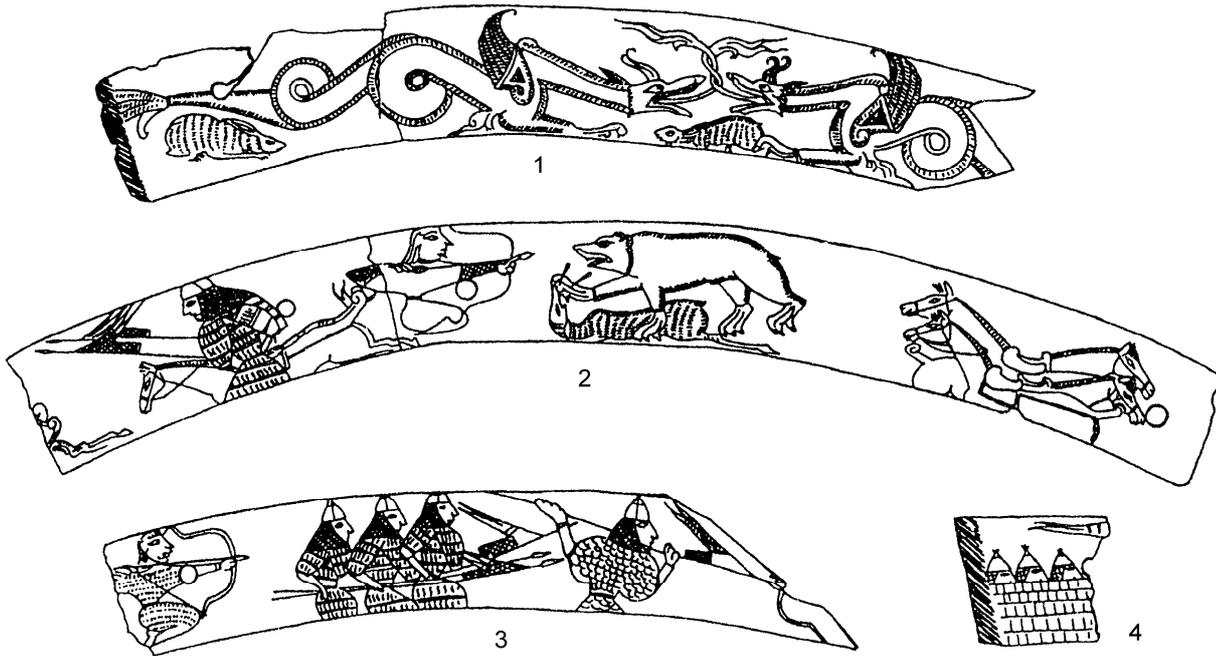


Рис. 1. Шиловские пластины, кость

укреплявшие лук, теряли свою гибкость и ломались по краям» (Круглов 2005: 90). При этом сама тетива могла оборваться. Впоследствии этот конструктивный недостаток был устранен, а лук модифицирован.

Доспехи у свиты (или конвоя) царя были универсальными в раннем средневековье у тяжеловооруженных конных «рыцарей» Центральной Азии.

Всадники и пешие воины держат копья наперевес. Концы их украшены треугольными боевыми стягами. Граффити таких стягов имеются на серебряных диргемах IX в. и считаются древнерусскими (Добровольский и др. 1991: 66). Можно предположить, что такие русские стяги восходят к кочевническим флагам более раннего времени, по-видимому, болгарским VII–VIII вв.

И, наконец, на Шиловских пластинах изображены кони, в древности имевшие символическое значение. «Древний китайский миф провозглашал коня родственником дракона, близким к таинственным силам воды <...> Все высокорослые кони, которых нельзя было сравнить с низкими степными лошадаками, в древности у китайцев назывались просто драконами. Таких длинноногих ферганских и Нисейских скакунов китайцы покупали за баснословные деньги и перевозили по Шёлковому пути. Они были “божественными” и “потеющими кровью и понимающими человеческую речь”» (Шефер 1981: 89–92).

Таким образом, три пластины связываются воедино и могут рассматриваться как «парадный портрет», демонстрирующий военную хитрость, доблесть и силу победителя.

Скорее всего, это драматический эпизод из жизни царя. Я предлагаю следующее прочтение сюжета: знатный болгарин (царь или князь), одержавший победу над своими врагами не совсем честным путем, заказал выходцу из Средней Азии, очень умелому ремесленнику, сделать костяные пластины и украсить их самыми яркими сценами этой борьбы. Он водрузил их на седло, чтобы народ видел и расступался перед победителем.

От обкладок седла сохранилось еще несколько обломков с фрагментами хвостов и языков драконов, а также один небольшой прямоугольный обломок, на котором изображена кирпичная стена крепости (рис. 1, 4). За ней видны головы воинов в шлемах и фрагмент развевающегося знамени. В какой степени это изображение связано с тремя предыдущими сказать трудно, т. к. сам обломок очень мал, сопоставим с остальными изображениями только фрагмент стяга на нем.

- Алексеев 1980 – *Алексеев И. А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980.
- Багаутдинов и др. 1988 – *Багаутдинов Р. С., Богачёв А. В., Зубов С. Э.* Праболгары на Средней Волге: У истоков истории татар Волго-Камья. Самара, 1998.
- Добровольский и др. 1991 – *Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К.* Граффити на восточных монетах. Л., 1991.
- Конрад 1977 – *Конрад Н. А.* Избранные труды. М., 1977.
- Котов 1999 – *Котов В. Г.* Об одной археологической иллюстрации к башкирскому эпосу «Алдар и Зухра» // STRATUMplus. 1999. № 5. С. 431–444.
- Круглов 2005 – *Круглов Е. В.* Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4: Хазарское время. Донецк, 2005. С. 73–142.
- Медведев 1966 – *Медведев М. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел. М., 1966 (САИ. Вып. Е1-36).
- Тревер 1937 – *Тревер К. В.* Сэнмурв-Паскудж, собака-птица. Л., 1937.
- Флёрова 2001 – *Флёрова В. Е.* Согдийское ремесло и кочевники VII–VIII вв.: О происхождении накладок седла из Шиловского кургана // Средневековые древности Евразийских степей. Воронеж, 2001. С. 82–85 (Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 15).
- Шеффер 1981 – *Шеффер Э.* Золотые персики Самарканда. М., 1981.

**Г. Г. Король (Москва, Россия)**

## **Образный мир средневекового искусства кочевников Саяно-Алтая<sup>66</sup>**

Средневековое искусство кочевников Саяно-Алтая представлено разными видами: монументальной каменной скульптурой (изваяниями), петроглифами и декоративно-прикладным искусством, известным, в основном, по торевтике малых форм (мелкой художественной пластике из цветного металла). Последняя включает в себя, преимущественно, ременные украшения всадников и ряд других предметов, которые в последней четверти I тыс. н. э. стали декорировать в новом «степном» стиле, получившем широкое распространение. Каменные изваяния Южной Сибири и Центральной Азии исследуются специалистами (Л. А. Евтюхова, А. Д. Грач, Я. А. Шер, А. А. Чариков, В. Д. Кубарев, Л. А. Ермоленко, А. А. Досымбаева и др.) в разных аспектах. Образный мир наскального искусства изучают специалисты по петроглифам, которые имеют богатый опыт исследования и анализа средневековых петроглифов Сибири и Центральной Азии (А. П. Окладников, Я. А. Шер, М. А. Дэвлет, Э. А. Новгородова, В. Д. Кубарев и др.). В последнее время эти исследования обобщают, выделяя изобразительные традиции (общие и региональные), внешние влияния (А. Н. Мухарева и др.).

Перечисленные виды искусства – визуальные. К вербальному искусству в раннем средневековье можно отнести формировавшийся героический эпос. Для исследователей всегда интересен вопрос о возможности сопоставления и сравнения визуальных и вербальных видов искусства. Такое сопоставление наиболее удобно проводить, анализируя образный мир обоих видов искусства. Рассмотрим данный вопрос на примере декоративно-прикладного искусства, представленного в раннем средневековье многочисленными изделиями торевтики малых форм (конечно, мы отдаем себе отчет в том, что возможности петроглифоведения в этом плане гораздо убедительнее).

Декоративное искусство, как известно, по сути своей представляет собой двойственное явление. Оно отражает одновременно и материальный аспект жизни общества, его производящего и/или потребляющего, и духовный, проявленный в содержании искусства, его понимании и восприятии. К духовной составляющей жизни того или иного народа относятся также мировоззрение,

<sup>66</sup> Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

ритуальная обрядность, мифология, эпос и, в целом, фольклор. Мифологический, эпический (шире – фольклорный) характер изображений на разных материалах разных эпох, в т. ч. на изделиях средневековых торевтов, был отмечен и исследовался многими учеными (С. В. Киселёв, А. П. Окладников, М. П. Грязнов, К. Йеттмар, В. П. Даркевич, Д. С. Раевский, М. А. Дэвлет, Е. Е. Кузьмина, Л. Н. Ермоленко, О. С. Советова и др.).

Проблемам связи раннекочевнического и раннесредневекового искусства тюрков Южной Сибири с тюрко-монгольским эпосом особое внимание в 1950-е–1970-е гг. уделил М. П. Грязнов (1956: 143; 1961; 1971). Его работы оказались чрезвычайно плодотворными и до сегодняшнего дня служат образцом в части тщательной аргументации предлагаемых сопоставлений конкретных произведений искусства (в основном, торевтики) с эпическими сюжетами. Подробный анализ достижений М. П. Грязнова в этой тематике провела Р. С. Липец (1982) в единственной в своем роде историографической работе о проблеме взаимодействия тюрко-монгольского эпоса с изобразительным искусством кочевников Евразии. Она подчеркнула особое значение выводов исследователя о древних истоках героического эпоса кочевников, который, несомненно, уже существовал во второй половине I тыс. до н. э., судя по сложным сюжетным композициям в декоративном искусстве, представленным, преимущественно, на бронзовых литых поясных бляхах. Проблема соотношения древнего изобразительного искусства и фольклора тюрко-монгольских народов рассматривалась и другими исследователями (К. Айдаркулов, А. С. Суразаков, И. Б. Шинжин и др.).

О существовании в раннем средневековье у древних тюрков Южной Сибири сформировавшегося героического эпоса помимо М. П. Грязнова писал и С. В. Киселёв, но конкретные эпические тексты им не привлекались. Этот аспект также подробно рассмотрен в упоминавшейся статье Р. С. Липец. Исследователи героического эпоса народов Саяно-Алтая и их истории (Л. В. Гребнев, М. А. Унгвицкая, В. Е. Майногашева и др.) единодушно считают, что в раннем средневековье формировался основной его «пласт». Датировке как более древнего мифологического «пласта» или элементов, так и раннесредневекового, способствовали и исследования археологов по сопоставлению изобразительных предметов с атрибутами определенной эпохи, известными по археологическим источникам, с сюжетами и образами эпических произведений.

Соотношение слова и вещи – образов эпических произведений (шире – фольклора) и образов декоративно-прикладного искусства – требует, по мнению специалистов, не совпадения, не тождества, а дополненности смыслов. Чтобы понять и глубоко проникнуть в содержание мифического или эпического образа, хочется его и увидеть воплощенным, овеянным. А чтобы понять смысл изображения, скажем, на бляшке, необходимо знание соответствующих преданий и легенд, эпических сказаний. Таким образом, художественная система народного творчества едина, но представлена двумя ветвями: фольклором и декоративно-прикладным искусством.

Возможность и необходимость комплексного рассмотрения любых произведений народного творчества не подлежат сомнению, но совместные усилия специалистов разных профессий (археологов, этнографов, фольклористов и искусствоведов) в этом направлении практически не предпринимаются. При углублении в конкретную тематику исследований (в данном случае – декор и орнамент), связанную не только с производством утилитарной вещи, но и с аспектом духовного творчества людей прошлых эпох, с их мировоззрением и мировосприятием, также сталкиваешься с необходимостью комплексного подхода к изучению проявлений такого творчества. Трудности интерпретации сюжетов древнего изобразительного искусства и сопоставления его с мифами или эпосом хорошо известны и отражены в многочисленных работах на эту тему ученых разных специальностей (А. К. Байбурин, П. Г. Богатырёв, М. П. Грязнов, В. П. Даркевич, Д. С. Раевский, Е. Е. Кузьмина, С. И. Дмитриева, Р. В. Кинжалов, А. С. Суразаков, Ш. М. Шукуров и др.).

Художественная структура раннесредневекового декоративно-прикладного искусства (торевтики малых форм) Саяно-Алтая – система орнаментации и декора – содержит в себе «блоки» (растительный, зооморфный, антропоморфный типы), позволяющие искать точки соприкосновения

с мифологией и эпосом. Особенно многообещающим в этом смысле является антропоморфный тип, включающий сюжетные композиции, но их, к сожалению, единицы.

*Антропоморфные образы.* Проведенное нами (Король 2008) исследование антропоморфно-сюжетных изображений, учитывая возможность «составления сюжета» накладками с одиночными персонажами, показало, что они представляет, в основном, декларативные «сюжеты» (коронованные особы и слуги/служители культа; «богини»; «пиршественные сцены»), которым нет конкретных соответствий в эпосе народов Саяно-Алтая, хотя набор сюжетов вполне «эпичен». Иконография заимствована, но самим образам можно найти некоторые соответствия в традиционном мировоззрении, известном по памятникам древнетюркской письменности и этнографическим данным, записям устных обрядовых и фольклорных образцов. Представляется, что декоративный «сюжет» создавался или, возможно, заказывался не ради того, чтобы зафиксировать устные предания, легенды, эпические песни, а тем более жанровые сцены, или просто украсить, напр., пояс (в культуре многих народов, как хорошо известно, он важен сам по себе, имеет особый статус и значение). Делалось это, возможно, в целях наглядного проявления, а, значит, усиления той или иной семантической нагрузки, которую несло изображение. Изначальная семантика могла переосмысливаться и трактоваться по-новому.

Популярные в Саяно-Алтае изображения отдельных антропоморфных личин, в т. ч. «портретные», иногда с характерными чертами определенных антропологических типов, не сопоставимы с конкретными эпическими героями или с их образами. Лишь такому иконографическому элементу, как раздвоенная борода личин-подвесок была найдена параллель в алтайском эпосе: «Чтобы разглядеть раздвоенную бороду / Вскормившего меня отца» (Маадай-Кара 1973: 369, 4878). Личины с чрезмерно открытым ртом, иногда тщательно проработанными зубами, создающими впечатление угрозы, и другими иконографическими особенностями, по мнению Л. Н. Ермоленко (2008: 109), могут быть образами, утрированно передающими выражение гнева и ярости, что соответствует эпическому мотиву ярости, нередко присутствующему в героическом эпосе.

*Зооморфные образы.* Что касается зооморфных изображений, то они (иногда в сочетании с антропоморфными) в количественном отношении незначительны по сравнению с растительными, но разнообразны. Преобладают самостоятельные зооморфные изображения (иногда в сочетании с растительными мотивами) и фигурки. Сочетания с антропоморфными образами представлены, преимущественно, всадниками. Фигурки всадников в основном статичны, иногда тщательно проработаны вооружение, снаряжение и даже конская упряжь. Связать с эпическими коллизиями можно лишь фигурки или изображения скачущих и определенно охотящихся всадников, а также всадников с птицей (соколом?) на одной руке (Король 2008: табл. 13). Богатырская загонная и облавная охота – один из сюжетных мотивов ряда героических сказаний народов Саяно-Алтая. Она была и элементом реальной жизни тюрков в раннем средневековье (Худяков 2010), что хорошо известно как по материалам петроглифов, так и по памятникам древнетюркской эпиграфики (обзор см.: Король 2008: 132–135).

Сопоставимы ли в принципе образы декоративно-прикладного искусства с образами животного мира в эпических произведениях (шире – фольклоре)? Этому вопросу особое внимание уделил В. А. Коренько, выделив особенности зооморфных элементов в тюрко-монгольских фольклорных текстах. Исследователь пришел к выводу, что для задач анализа и интерпретации анималистики в декоративно-прикладном искусстве древних кочевников (на примере скифо-сибирского звериного стиля) фольклорные зооморфные образы и мотивы неинформативны (Коренько 2002: 80–84). Обозначенные им особенности зооморфных мотивов в тюрко-монгольском фольклоре и, в первую очередь, лаконичность вплоть до простого упоминания животных или птиц, описание зооморфных изображений как декора бытовых объектов, снаряжения героя и т. п., многочисленные сравнения, в которых используются зооморфные образы, отсутствие деталей – прекрасно соответствуют, на наш взгляд, стилистике зооморфных изображений в раннесредневековом декоративно-прикладном искусстве.

Как и в эпосе, в декоре можно видеть разнообразный, но вполне определенный набор образов, они статичны и малоинформативны. Можно назвать только общее «видовое имя»: хищные кошачьи, в т. ч. крылатые; степная и крылатые собаки; копытные (горный козел, кабан, лань, лошадь, олень, верблюд, два последних – в т. ч. крылатые); птицы; рыбы. Из них лишь парные изображения животных у «древя», да «летающих» (в т. ч. над горами) оленей (с крыльями и без них) можно сопоставлять с какими-то мифическими представлениями или эпическими сюжетами. Объединяют оба вида искусства простое наличие определенных видов животных и птиц, некоторое совпадение систематики, но главное – мифический пласт. Отметим наличие в декоративном искусстве животных с фантастическими чертами; популярность образа летящей водоплавающей птицы – характерного элемента мифологии тюркских и других народов Сибири; фиксируемую связь с растительными мотивами; явно смысловое сочетание образов животного мира и растительности в одном сюжете (олени/рыбы/цветы; фениксы/растения – на накладках на сумочки для огнива; в эпосе огниво иногда используется для оживления героя, а птицы/рыбы/растения – частые объекты для оборотничества, превращения в них героев); образ всадника – главного героя не только жизни общества, ведущего частые войны, но и всех эпических произведений.

Судя по этим характеристикам, именно мифологический пласт и сам жизнеутверждающий дух произведений искусства устного и визуального делают их дополняющими друг друга источниками анализа и взаимной интерпретации образов анималистики на уровне идей, но не конкретных деталей или морфологии. При этом спектр животного мира в эпосе (на основе анализа девяти произведений, изданных в академическом формате, – трех алтайских, двух хакасских, двух тувинских и двух шорских – нами выделены три группы: животные домашние и дикие; земноводные, пресмыкающиеся, насекомые; птицы; как дополнение – рыбы, если они встречаются в повествовании) более разнообразен (Король 2008: 145–150), чем в декоративном искусстве. В последнем, по-видимому, визуализированы наиболее значимые и понятные для восприятия образы.

Знакомство с зооморфными образами героических сказаний позволяет обоснованно сравнить их набор с тем, который можно видеть в раннесредневековом декоративно-прикладном искусстве. Уже отмеченное разнообразие спектра образов в эпосе может быть дополнено и другим наблюдением – в визуальном искусстве есть мотивы, которых нет в рассмотренных образцах вербального искусства (учитывая, конечно, что нами исследовано ограниченное их число), а именно: крылатые кошачьи хищники, крылатые собаки (образ известен лишь по хакасской сказке). Из копытных животных – крылатые олени, из птиц – фениксы, петухи. Благодаря знанию «ролей» животных, птиц, рыб в эпосе мы можем предполагать возможную семантическую нагрузку этих образов на предметах декоративно-прикладного искусства. Но сопоставить декоративные образы с конкретными эпическими вряд ли удастся, о чем уже говорилось выше.

Отметим явные региональные различия в присутствии некоторых образов и их назначении в эпосе. Состав животных чаще всего отражает особенности хозяйственного уклада каждого народа. Можно говорить о преобладании скотоводства и его особенностях: напр., отсутствие верблюда в рассмотренных хакасских сказаниях; его присутствие в качестве пищи, а также как помощника врагов – в алтайских; чрезвычайное разнообразие – в тувинских, где отражены многие тонкости о возрасте, использовании верблюдов, много сравнений. В некоторых случаях особое внимание уделено и богатырской охоте (о которой сказано выше), а также деталям обращения с добычей. Такое внимание охоте в эпосе может быть признаком более раннего формирования конкретного произведения. К подобным ранним признакам специалисты относят и мифо-эпические образы, отголоски очень древних мифов, которые имеют как много общего, так и свои особенности, к примеру, мифологические конь-олень и верблюд встречены нами только в тувинском сказании.

Можно заключить, что ни антропоморфный, ни зооморфный типы декора раннесредневекового прикладного искусства Саяно-Алтайского региона в своих образах не содержат конкретной информации, позволявшей бы проводить сопоставление с эпическими сюжетами, но в них отражено

в некоторой степени «единство идейно-художественных систем обеих ветвей искусства», по словам Р. С. Липец (1982: 190).

*Растительные «образы».* Это единство идейно-художественных систем проявлено в наибольшей мере в растительном декоре. Именно растительные мотивы в декоративном искусстве выражает концепцию бессмертия, бесконечного возрождения жизни – красную нить многих фольклорных, в т. ч. эпических произведений. В основе структуры большинства растительных композиций – схема «древа» в разных вариантах. Исследования мировоззрения тюркских народов, отразившегося в мифологии и ритуальной обрядности, позволили говорить об «особой роли вегетативного кода и дерева как его абсолюта в полифонии тюркской культуры» (наиболее полно см.: Традиционное мировоззрение... 1990: 43–63; Сагалаев 1991).

Очевидно, что для сопоставления растительного мира эпических сказаний в его конкретных проявлениях (определенные виды деревьев, трав, цветов) и мотивов растительного орнамента предметов раннесредневекового декоративно-прикладного искусства Саяно-Алтая нет оснований, а посему и смысла в этом нет. Знакомство с репертуаром флоры в упомянутых выше девяти эпических произведениях народов Саяно-Алтая (Король 2008: 154–157) позволяет понять и оценить разнообразие (нами выделены три группы флоры: деревья и кусты; травы и цветы; культурные растения) растительного мира в эпосе народов, традиционное мировоззрение которых, как сказано выше, буквально пронизано вегетативным кодом.

Относительно образов растительного мира, способов и разнообразия их описания в героических сказаниях, отметим, что, как и в отношении животного мира, налицо много общих образов и приемов, но есть и региональные отличия. Они четко определяют природно-ландшафтные зоны, в которых живет каждый народ, – по общим упоминаниям степи или тайги, набору видов деревьев, трав, выделению горных растений. Особенно наглядны описания лугов в алтайском эпосе и степи во всех рассмотренных произведениях – от черной степи Нижнего мира в шорском сказании, неприветливой сухой, желтой и т. п. – в других, до обилия восхищенных эпитетов – в хакасских. Видовой состав растений невелик (от 5 до 15). По «эпической» флоре можно увидеть и различия в хозяйственной деятельности народов, проживающих в разных природно-ландшафтных условиях: культурные растения присутствуют в алтайских сказаниях, упоминаются – в хакасских, а в тувинском не раз упомянуты съедобные травы, ягоды, орехи – то, что дает человеку природа. Одним из сходных мотивов можно назвать целебные травы, обладающие свойствами излечивать больных, раненых, оживлять мертвых.

Отметим, что основой экономики раннесредневекового населения Саяно-Алтая было скотоводство. Исходя из рациональной оценки экономики, можно с уверенностью говорить, что чрезвычайно важным для любого члена общества было состояние пастбищ – базы развития кочевого и экстенсивного скотоводства. Плодородие пастбищ, качество трав было жизненно необходимым. Трава/растительность (условные «мировое дерево» и «дерево жизни», связующие не только все уровни мироздания – «подземное», «земное» и «надземное», но и символизирующие бесконечность жизни, ее круговорот) – основа воспроизводства пищи для скота и, соответственно, самого скота, что ведет к благополучию и благосостоянию рода.

Интересен факт использования растительных образов при описании обобщенных зооморфных. При явном преобладании последних все же «совершенно особая роль вегетативного кода в полифонии тюркской культуры», о которой говорилось выше, проявляется и здесь. В алтайских сказаниях при описании тучных пасущихся стад применяются сравнения с цветущими кустами или другими растениями. Специалистами отмечено, что сравнение скота с растительностью известно и в фольклоре других народов Сибири, напр., эвенков (Алтайские... 1997: 592, 95). Если в вербальном искусстве такое взаимопроникновение образов разных уровней наблюдается лишь иногда, то в декоративно-прикладном искусстве оно достаточно распространено.

Можно предположить, что символ жизни, природы, человека и всего рода и их процветания, идея круговорота жизни получили прекрасное воплощение в растительном декоре, преобладающем

в украшениях – защите воина и его коня. Знак «древа», растительности служил оберегом и гарантией плодородия и сохранении самой жизни. Магическое значение декора воинского снаряжения, усиливающего возможности самого воина, известно по фольклору: напр., назначение смысловых украшений воинского снаряжения приведено при описании лука, украшенного резьбой. Изображены животные, которые «оживают» и усиливают своей энергией, даже борьбой между собой, боевую мощь оружия (Тувинские... 1997: 1055–1065, варианты: 1803–1810). Аналогичным образом (как магическая помощь и защита) могло мыслиться и воздействие ременных украшений, нередко сплошь покрытых растительным орнаментом и декором (особая роль трав и растений, в целом, в эпосе несомненна). Традиционное мировоззрение тюрков было основой популярности предложенной исторической ситуацией и принятого тюркскими и другими племенами раннего средневековья идеального зрительного выражения мировоззренческих взглядов и устной мифологической и эпической традиции, растительного кода декоративного искусства. Дополняющими элементами были зооморфные образы, антропоморфные, а также смысловые («образные») геометрические мотивы (Король 2008: 169–175, 196–197).

Художественная структура декоративно-прикладного искусства (на примере торевтики малых форм) Саяно-Алтайского региона в раннем средневековье, ее особенности и сопоставление с эпосом (шире – фольклором, в котором отражены мифология и мировоззрение народов этого региона) показывают, что это искусство перспективно для изучения не конкретных сопоставлений, а для выявления мировоззренческих основ и реальных исторических условий его возникновения и развития.

- Алтайские ... 1997 – Алтайские героические сказания: Очи-Бала. Кан-Алтын. Новосибирск, 1997 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 15).
- Грязнов 1956 – *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби. М.; Л., 1956 (МИА. № 48).
- Грязнов 1961 – *Грязнов М. П.* Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. 1961. Вып. 3. С. 7–31.
- Грязнов 1971 – *Грязнов М. П.* Миниатюры таштыкской культуры (из работ Красноярской экспедиции 1968 г.) // АСГЭ. 1971. Вып. 13. С. 94–106.
- Ермоленко 2008 – *Ермоленко Л. Н.* Изобразительные памятники и эпическая традиция: по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии. Томск, 2008.
- Коренько 2002 – *Коренько В. А.* Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. М., 2002.
- Король 2008 – *Король Г. Г.* Искусство средневековых кочевников Евразии: Очерки. М.; Кемерово, 2008 (Тр. САИПИ; Вып. V).
- Липец 1982 – *Липец Р. С.* Проблема взаимосвязей тюрко-монгольского эпоса с изобразительным искусством кочевников Евразии (Тр. советских археологов 40–50-х годов) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1982. Вып. IX (Тр. ИЭ. Нов. сер.; Т. 110).
- Маадай-Кара 1973 – Маадай-Кара: Алтайский героический эпос / Запись текста, пер. и прил. С. С. Суразакова. М., 1973 (Эпос народов СССР).
- Сагалаев 1991 – *Сагалаев А. М.* Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск, 1991.
- Традиционное мировоззрение... 1990 – Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Знак и ритуал. Новосибирск, 1990.
- Тувинские... 1997 – Тувинские героические сказания. Новосибирск, 1997 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 12).
- Худяков 2010 – *Худяков Ю. С.* Богатырская охота у средневековых тюркских кочевников Центральной Азии // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана: Научные чтения памяти Н. Э. Манаева. Алматы, 2010. С. 173–180.

## К вопросу о женских древнетюркских изваяниях на Алтае

Как известно, тюркские статуарные памятники в Центральной и Средней Азии посвящались, преимущественно, мужчине-воину. Женские изображения известны большей частью в западном ареале древнетюркской культуры – на территории Семиречья. Они представляют собой изваяния с сосудом в обеих руках и с воспроизведенной женской грудью (рис. 1, 2–5) (Шер 1966: 22, 26; Маргулан 2003: рис. 29–30, 32–33; и др.). Их, как правило, устанавливали на курганах. Большая часть таких изваяний отнесена Я. А. Шером к более позднему периоду – X–XII вв. (Шер 1966: рис. 15). Впоследствии среди скульптур Семиречья исследователями была выделена небольшая группа женских древнетюркских изваяний в трехрогом головном уборе (Там же: рис. 3, 6–9), которые возводились у поминальных оградок (Ахинжанов 1978: 67; Ермоленко 1995: 55; Табалдиев 1996: 82; и др.). Впрочем, с их интерпретацией как исключительно женских изваяний согласны далеко не все исследователи. Так, А. Досымбаева считает, что часть этих изваяний могла изображать мужчин, а трехрогий головной убор указывал на то, что изображенный человек наделен жреческими функциями и является шаманом (Досымбаева 2006: 45).

Женские изваяния у древних тюрков центрально-азиатского региона также известны, однако они пока крайне малочисленны. В отличие от семиреченских они не устанавливались одиночно у оградки, а практически всегда сопровождали мужские изваяния. Можно упомянуть обломки статуи супруги Кюль-Тегина и статую женщины с платком на поминальном памятнике, сооруженном в честь Кюль-Тегина (Жолдасбеков, Сарткожаулы 2006: ил. 119–120, 124–125), и еще одну женскую скульптуру на памятнике Шивээт-Улан (Там же: ил. 39).

Традиция сопровождения мужских скульптур женскими – воплощениями жен мужчин-воинов и аристократов – прослеживается, пусть пока и на немногочисленных примерах, и на территории Алтая. Так, в исследованном нами поминальном комплексе древнетюркского аристократа на р. Хар-Ямаатын-гол в Монгольском Алтае рядом с мужской скульптурой было обнаружено обломанное основание изваяния (Kubarev et al. 2009). Судя по всему, это изваяние принадлежало женщине – супруге аристократа. От обломанного женского изваяния также отходил ряд балбалов, но более короткий по сравнению с рядом балбалов мужского изваяния. Еще один факт совместного нахождения женского и мужского изваяния зафиксирован нами в степи Макажан в Кош-Агачском р-не Республики Алтай. Здесь, у восточной стенки рядовой оградки было установлено два изваяния. Если на одном из них, мужском, воспроизведен пояс и оружие, то второе, предельно схематичное и лицевое изваяние, может быть приписано женщине. Этими двумя примерами и ограничиваются пока находки изваяний или их обломков на территории Алтая, которые можно считать женскими.

Женское изваяние из урочища Айлян (рис. 1, 1), недавно обнаруженное в Шебалинском р-не Республики Алтай, исследователи считают древнетюркским и относят к курайскому этапу древнетюркской культуры (Худяков, Белинская 2012: 128). Можно согласиться с тем, что на изваянии действительно изображена женская грудь. Однако выдвинутая авторами статьи гипотеза о выделении группы древнетюркских женских изваяний с воспроизведенной на них грудью на территории Алтая, Тувы и Верхнего Приобья и следующие из этого культурно-исторические и мировоззренческие выводы не выдерживают критики. У немногочисленных женских изваяний центрально-азиатского региона, как и у женских изваяний Семиречья, при всех отличиях последних (трехрогий головной убор, одиночная, а не парная установка у оградки), не воспроизведена женская грудь. Такой традиции у древних тюрков не существовало, как это утверждают авторы статьи.

Ю. С. Худяков и К. Ы. Белинская пытаются выделить группу «древнетюркских» женских изваяний, оперируя серией разнородных и, по преимуществу, плохо документированных скульптур. К самому айлянскому изваянию это относится в полной мере – оно обломано в нижней части,

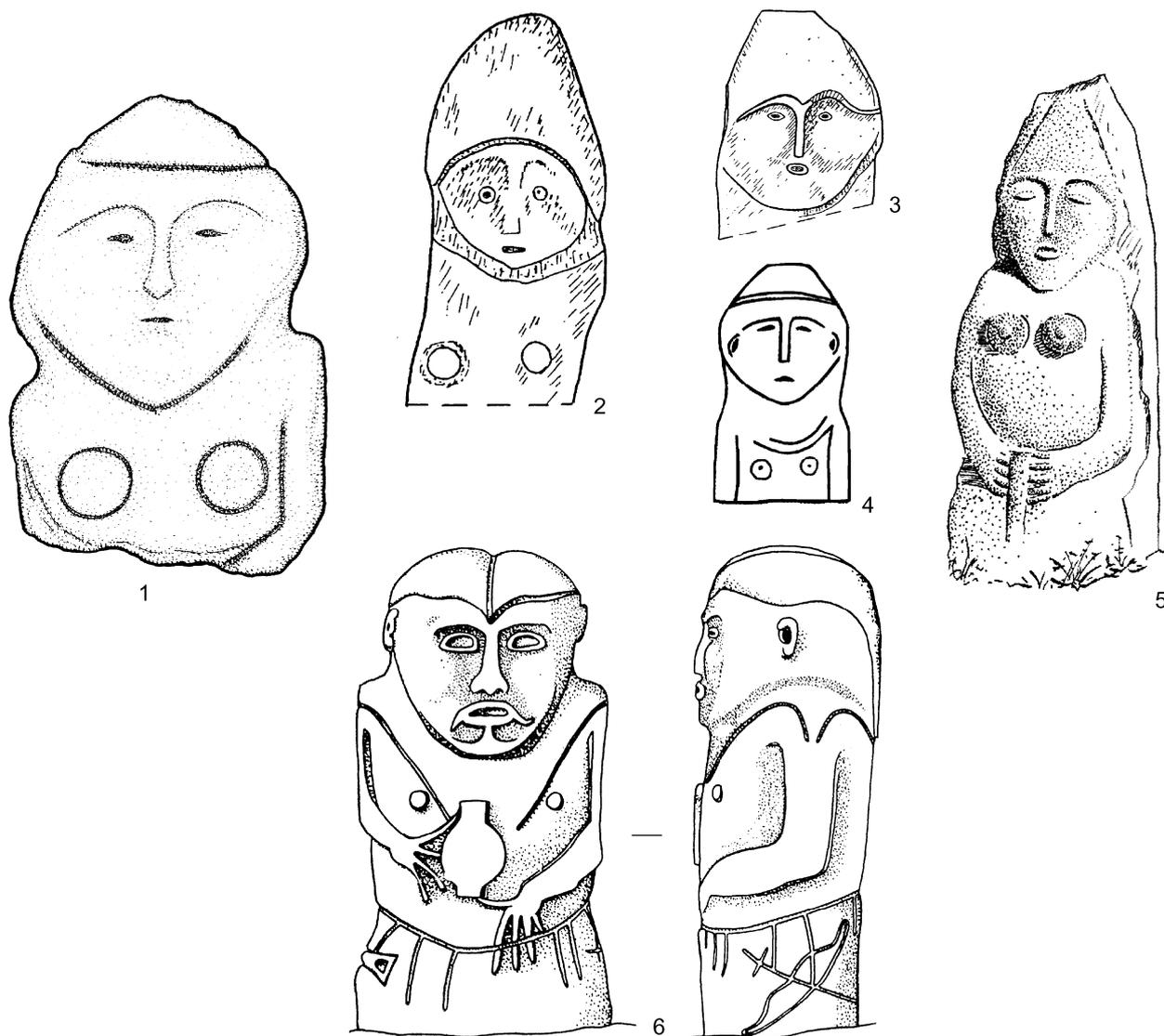


Рис. 1. Женские изваяния кимако-кипчакской традиции с воспроизведенной грудью (1–5) и мужское уйгурское изваяние (6): 1 – урочище Айлян, Алтай (по Худяков, Белинская 2012); 2–3 – Актогайский р-н Карагандинской обл., Центральный Казахстан (по Ермоленко 1995); 4 – Мерке, Казахстан (по Досымбаева 2006); 5 – Казахстан (по Маргулан 2003); 6 – урочище Эрги-Барлык, Тува (по Кызласов 1969)

а археологический контекст его первоначальной установки не известен (у оградки или на кургане). В качестве аналогий авторы статьи приводят изображения двух изваяний из «Алтайских гор» из сборов XIX в., известных по сведениям Г. И. Спасского и К. Ф. Ледебура (Худяков, Белинская 2012: рис. 5, 2, 3). Причем у одного из этих изваяний женская грудь не воспроизведена (Там же: рис. 5, 3). Приводятся также устные сведения о фиксации каменных изваяний учеными первых научных экспедиций в Сибирь в XVIII и XIX вв. (Д. Г. Мессершмидт, Г. В. де Геннин, П. С. Паллас и др.) (Там же: 122–123). При этом авторов статьи не смущает то, что все они происходят с территории Рудного, а не Горного Алтая, а также тот факт, что часто они изображены стоящими на курганах. Более того, в тексте статьи в последующих выводах эти изваяния неожиданно «перекочевывают» на территорию Горного Алтая (Там же: 127), что является принципиально важным для их последующей этнокультурной и хронологической интерпретации.

По нашему мнению, женское изваяние из урочища Айлян является едва ли не единственным изваянием кимако-кипчакского облика, из числа найденных на территории Горного Алтая.

В пользу этого свидетельствует его иконографические особенности: черты лица (маленькие глаза и рот), низкий рельеф как лица, так и всей скульптуры – объем максимально приближен к исходной форме монолита. Наконец, воспроизведение женской груди и острроверхого головного убора, возможно, первоначально – сосуда в обеих руках. Эти иконографические и стилистические особенности айлянского изваяния, прежде всего, соотносятся именно с кимако-кипчакскими изваяниями Восточного и Центрального Казахстана, а не с древнетюркскими скульптурами Алтая.

Крайне важно то, что айлянское изваяние обнаружено в Шебалинском р-не Республики Алтай, который представляет собой предгорную или горно-степную часть Алтая, граничащую как со степным Алтаем, так и с Восточным Казахстаном. Именно предгорья Алтая в значительно большей степени, чем Горный Алтай во все исторические эпохи являлись контактной зоной. В то же время, в Северном Алтае древнетюркских изваяний, как и других древнетюркских памятников, значительно меньше, чем в Центральном и Южном Алтае.

Известно, что кимаки создали свое государство на территории Казахстана и прилегающих районов юга Западной Сибири. Большинство археологов (Ф. Х. Арсланова, Д. Г. Савинов, В. А. Могильников и др.) отмечали чрезвычайную близость северо-алтайских и восточно-казахстанских погребений середины IX–первой половины XI в. и связывали материалы сrostкинской археологической культуры Верхнего Приобья с кимако-кипчаками. Л. П. Потапов писал по этому поводу: «В сочинениях восточных авторов кимако-кыпчакские племена выступают как жители долины Иртыша и западносибирских степей. Они, конечно, обитали в горах Алтая, особенно Западного» (Потапов 1952: 32). Изваяния Восточного Казахстана, абсолютно идентичные айлянскому изваянию, датируются исследователями IX–XI вв. и вплоть до XIII в. (Чариков 1980: 138; и др.).

Женские изваяния, о которых авторами рассматриваемой статьи приведены столь подробные сведения первых исследователей, еще в XVIII и XIX вв. были зафиксированы именно на территории Рудного Алтая–Верхнего Приобья. Учитывая иконографию этих изваяний и нахождение их на курганах, этот факт полностью соотносится с наличием здесь памятников сrostкинской культуры, приписываемых кимако-кипчакам. Это подтверждается и археологическими исследованиями конца XX в. Кипчакские изваяния на кургане найдены на памятнике Павловка II и в окрестностях дер. Гилёво в степных северо-западных предгорьях Алтая (Могильников 2002: рис. 201, 2–3).

Что касается четырех изваяний с территории Алтая (№ 44, 150, 182, 219 – по В. Д. Кубареву), на которых выбиты от двух до четырех кружков на груди, то следует согласиться с мнением исследователя, что они представляют собой круглые парные бляхи – деталь защитного панциря, либо деталь украшения костюма (Кубарев В. 1984: 29). Ю. С. Худяков и К. Ы. Белинская не заостряют внимание и никак не объясняют назначение двух окружностей на груди у явно мужских скульптур с наборными поясами и оружием – из Кара-Дюргуна на Алтае (Там же: табл. XXXVII, 219) и Эрги-Барлык, в Туве (рис. 1, 6; Кызласов 1969: рис. 27, 1, 2). Именно поэтому в некоторых случаях «женская грудь» может быть интерпретирована совершенно по-иному. Так, напр., изваяние с р. Хемчик в Туве, которое авторы статьи вслед за О. Х. Аппельгрэн-Кивало считают женским, должно быть признано уйгурским и изображающим мужчину. В пользу этого свидетельствуют характерные шапки, косы и сферические выпуклости – «женские груди» на других, явно мужских скульптурах этого круга.

Таким образом, айлянское изваяние и приводимые ему в аналогии скульптуры с территории Рудного Алтая относятся к кимако-кипчакской традиции, а изваяние с р. Хемчик в Туве – уйгурское. Выделение Ю. С. Худяковым и К. Ы. Белинской женских изваяний с воспроизведенной грудью у восточных тюрков является мнимым и искажающим факты. В свете этой темы особое значение имеют два древнетюркских изваяния, найденные нами в нижнем течении р. Чуи, на Алтае.

В полевом сезоне 2011 г. Чуйским отрядом Алтайской экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН были обследованы археологические памятники левого берега р. Чуи, в ее нижнем течении. Одной из наиболее интересных находок явились два древнетюркских изваяния (рис. 2), установленные у двух смежных древнетюркских оградок. Эти объекты входят в большой

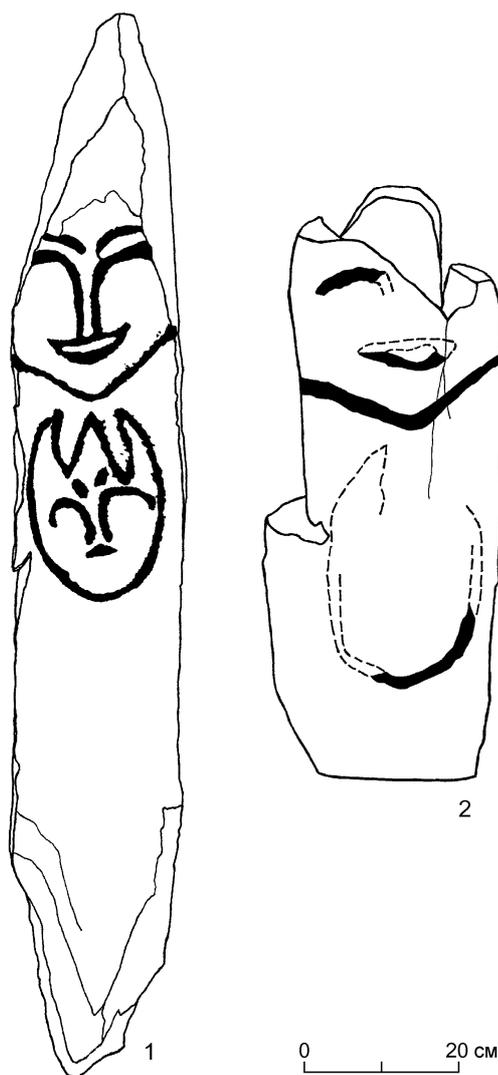


Рис. 2. Древнетюркские изваяния с мужской и женской личинами из Апшиякты, Алтай

погребально-поминальный комплекс в долине сухой р. Апшиякта – левого притока р. Чуи. Они расположены обособленно и далеко к западу от курганного мог-ка пазырыкской культуры. Объекты были сооружены на площадке, с трех сторон окруженной склонами гор и скальными выходами.

Оградка 1 имеет размеры  $2 \times 2,5$  м и высоту 0,2 м. Лучше других сохранилась восточная стенка оградки (длина одной из двух плит составляет 1,5 м), остальные практически не прослеживаются. Сооружение сильно задерновано, каменное заполнение почти не различимо. В центре оградки зафиксировано два вертикально вкопанных камня. Вплотную у восточной стенки установлено изваяние размерами  $135 \times 18 \times 19$  см, сделанное из плиты серо-голубого сланца. Первоначально изображения или выбивки на стелоподобном камне не были видны. Только после его очистки в верхней части удалось рассмотреть личину (рис. 2, 1, *верх*). Она достаточно схематична: подбородок-шея показан одной выбитой линией, образующей тупой угол. Нос и скулы изображены линиями, совмещающимися со ртом. Две линии воспроизводят брови, глаза подразумеваются, но как таковые отсутствуют. Необработанный подтреугольный верх камня мог символизировать высокий головной убор.

К рис. 3. Жанровые сцены с женщиной в трехрогом головном уборе (1–5) и женские изваяния (6–9): 1, 4 – наскальные граффити из Бичикту-Бома, Алтай (по Мартынов 1995); 2 – сцена на роговом предмете из кург. 54 мог-ка Суттуу-Булак, Киргизия (по Табалдиев 1996); 3 – сцена на кудыргинском валуне, Алтай (по Гаврилова 1965); 5 – изваяние с жанровой сценой из Когалы, Казахстан (по Рогожинский 2010); 6–9 – изваяния из Семиречья (по Табалдиеву 1996)

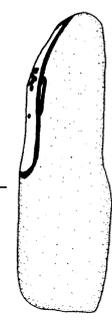
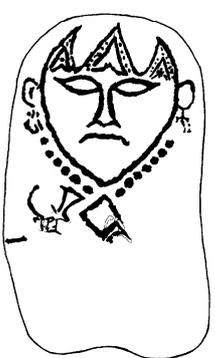
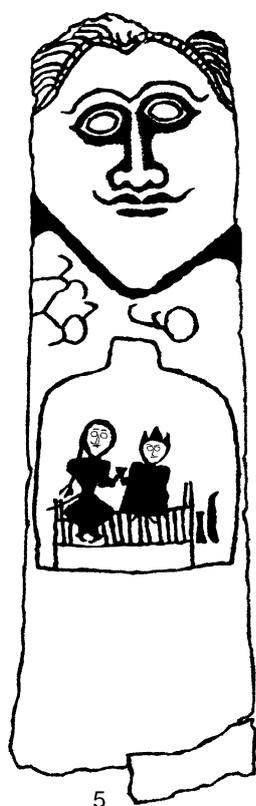
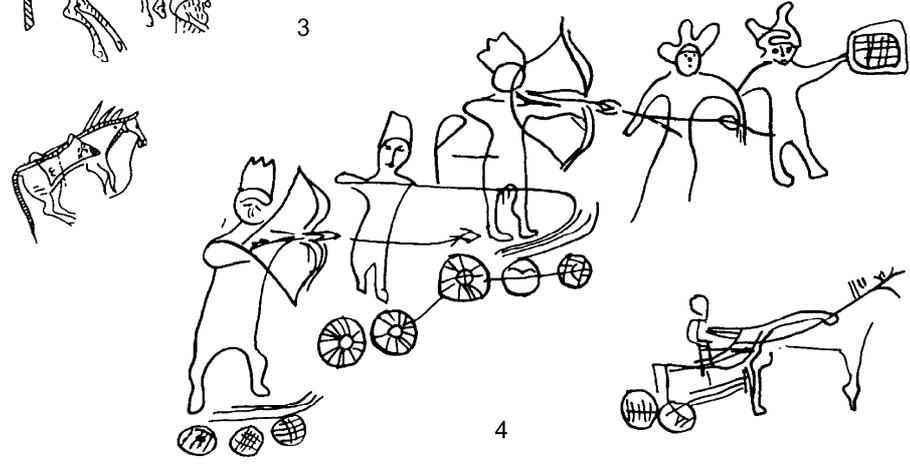
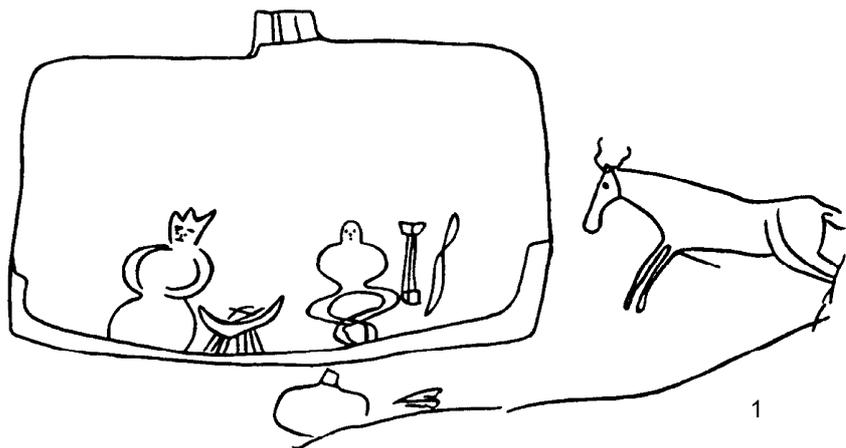


Рис. 3

Было очевидно, что на стеле присутствует еще одна выбивка, находящаяся под личиной. Поскольку она была большей частью задернована, пришлось выкопать камень целиком. Обнаруженная вторая личина находилась ниже первой (рис. 2, 1, низ) и также была выполнена в предельно схематичной манере. Скулы и нос переданы двумя отдельными выбитыми линиями, рот – в виде треугольника. У этой личины изображен характерный трехрогий головной убор. Глаза также не показаны, но на лбу (?) или головном уборе имеются две точки. Плоскость камня, на которой выбиты личины, и его края подработаны и выровнены многочисленными точечными ударами.

С севера к оградке 1 вплотную примыкает оградка 2. Они имеют общую стенку. По своим размерам и характеристикам оградка 2 близка к уже описанному сооружению –  $2,8 \times 2,8$  м, высотой 0,2 м. Стенки оградки слегка смещены к ССВ по отношению к объекту 1 и различимы по отдельным камням. Восточная стенка сохранилась значительно лучше остальных. Сооружение сильно задерновано, из каменного заполнения фиксируются несколько крупных валунов.

Вплотную у восточной стенки оградки вкопано антропоморфное изваяние, выполненное из светло-серого сланца (рис. 2, 2). Его размеры во вкопанном состоянии –  $75 \times 33 \times 14$  см. Верх камня сколот, очевидно, еще в древности, лицевая поверхность также сохранилась значительно хуже, чем у первого изваяния. Тем не менее, по отдельным выбитым линиям с уверенностью можно заключить, что первоначально здесь также были выбиты две личины. Об этом свидетельствует подбородок-шея показанный тупым углом, рот и бровь (?) верхней личины, а также общий абрис нижней личины (округлый подбородок, головной убор). По-видимому, они были выполнены в такой же схематичной манере.

Рассмотренные поминальные оградки представляют собой единый комплекс, созданный с небольшим хронологическим перерывом. В пользу этого свидетельствует то, что они являются смежными сооружениями, имеют близкие размеры и конструктивные особенности, а также сопровождаются изваяниями с мужской и женскими личинами, выполненными в единой манере.

На Алтае известно большое число лицевых изваяний. Однако изваяния из Апшиякты, на которых на одной плоскости воспроизведены сверху мужская личина, а чуть ниже – женская, следует признать уникальными. Нам не известны какие-либо аналогии таким изваяниям не только на Алтае, но и на всей территории распространения древнетюркских статуарных памятников – Монголии, Туве, Семиречье, Восточном Туркестане. По своей неординарности они встанут в один ряд с такими единичными и ранними древнетюркскими изваяниями как кудыргинский валун (Гаврилова 1965: табл. VI) в Российском Алтае, изваянием из Хар-Ямаатын-гол (Kubarev et al. 2009: fig. 1) в Монгольском Алтае, скульптурой из Когалы (рис. 3, 5) (Рогожинский 2010: рис. 8) в Чу-Илийском междуречье в Казахстане.

Кроме перечисленных изваяний антропоморфные стелы из Апшиякты входят в единый культурно-хронологический горизонт с несколькими жанровыми сценами, одно из центральных мест в которых занимает женщина в трехрогом головном уборе. Они известны в граффити Бичикту-Бома (рис. 3, 1, 4), на сцене с кудыргинского валуна (рис. 3, 3) на Алтае, сцене на роговом предмете из Суттуу-Булак (рис. 3, 2) в Киргизии. Уже упомянутые древнетюркские женские изваяния в трехрогом головном уборе с территории Семиречья (рис. 3, 6–9) также являются прямыми аналогами находкам из Апшиякты. Любопытно, что если большая часть жанровых сцен происходит с территории Алтая, то выбитое на изваянии лицо женщины в трехрогом головном уборе встречено на Алтае впервые, в отличие от Семиречья, где известна целая серия таких изваяний.

По нашему мнению, персонаж в трехрогом головном уборе, что мы доказывали в отдельной работе (Кубарев Г. 2003), несомненно, представляет собой женщину. Лишним подтверждением этого является находка изваяний из Апшиякты. Действительно, на них воспроизведена та же идея, что и на жанровых сценах в юртах – совместное изображение мужа, воина-батыра и его жены, катун. Другим воплощением этой идеи является установка двух изваяний у одной оградки – мужского и женского (Алтай), либо установка мужского и женского изваяний у персональных оградок, являющихся смежными или располагающихся в непосредственной близости друг от друга (Тянь-Шань).

По-видимому, эти изваяния, как и сами поминальные оградки, должны относиться к раннему периоду истории древних тюрков (V–VI вв.). Об этом может свидетельствовать тот факт, что оградки смежные, т. е. принадлежащие к одному из наиболее ранних типов древнетюркских поминальных сооружений. В этот период поминальные памятники, как и иконография самих изваяний у древних тюрков Алтая, еще не получили своего классического, завершенного вида. Наиболее часто смежные оградки сопровождают лицевые изваяния (Табалдиев 1996: рис. 31–32; Досымбаева 2006: рис. 8; Рогожинский 2010: рис. 6; 7; и др.). В то же время в состав таких комплексов могут входить объемно и реалистично выполненные скульптуры (Досымбаева 2006: рис. 9а; Рогожинский 2010: рис. 8). Еще одной разновидностью ранних изваяний являлись антропоморфные стелы, также установленные у восточной стенки поминальных оградок (Досымбаева 2006: рис. 9а; Кубарев Г. 2011: рис. 4; 6; 11). Именно в таком контексте и следует рассматривать изваяния из Апшиякты. Вероятно, они представляют собой вариант лицевых изваяний с той существенной разницей, что на них воспроизведены две личины. Обращает на себя внимание предельный схематизм в воспроизведении черт лица и их отличие от сложившегося позднее древнетюркского канона: линии рта, носа и глаз соединены между собой. Глаза как будто подразумеваются и являются продолжением линии носа. Подобный схематизм в изображении личин может служить дополнительным доводом в пользу ранней датировки изваяний из Апшиякты.

Хотя эта публикация носит предварительный характер, и мы надеемся более аргументировано подойти к интерпретации изваяний из Апшиякты, уже сейчас можно утверждать, что женские древнетюркские изваяния на Алтае были известны, пусть и в небольшом количестве. Как правило, они сопровождают мужские изваяния и устанавливаются у одной и той же оградки. Другим вариантом этой же идеи являются обнаруженные нами изваяния с мужской и женской личинами. При этом подобная традиция, по-видимому, существовала у древних тюрков Алтая с самого раннего периода их истории (V–VI вв.). Обнаженная грудь на древнетюркских женских изваяниях Центральной и Средней Азии никогда не воспроизводилась. Айлянское изваяние с изображенной женской грудью чуждо культуре древних тюрков и является едва ли не единственным изваянием на Алтае (его северной, горно-степной зоны), принадлежащим к кимако-кипчакской традиции. Его датировка должна определяться в пределах середины IX–первой половины XI в.

- Ахинжанов 1978 – *Ахинжанов С. М.* Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах из Семиречья // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 65–79.
- Гаврилова 1965 – *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
- Досымбаева 2006 – *Досымбаева А. М.* Западный Тюркский каганат: Культурное наследие казахских степей. Алматы, 2006.
- Ермоленко 1995 – *Ермоленко Л. Н.* К проблеме изваяний в «трехрогих» головных уборах // Наскальное искусство Азии. Кемерово, 1995. Вып. 1. С. 54–55.
- Жолдасбеков, Сарткожаулы 2006 – *Жолдасбеков М., Сарткожаулы К.* Атлас Орхонских памятников. Астана, 2006.
- Кубарев В. 1984 – *Кубарев В. Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984.
- Кубарев Г. 2003 – *Кубарев Г. В.* Жанровая сцена из Бичикту-Бома // СЕДС. 2003. Кн. II. С. 242–246.
- Кубарев Г. 2011 – *Кубарев Г. В.* Оградки кудыргинского типа в урочище Ак-Кообы (Юго-Восточный Алтай) // Вестник Новосибирского гос. университета. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 7: Археология и этнография. С. 219–235.
- Кызласов 1969 – *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.
- Маргулан 2003 – *Маргулан А. Х.* Каменные изваяния Улытау. Алматы, 2003. Соч. Т. 3–4. С. 36–46.
- Мартынов 1995 – *Мартынов А. И.* Средневековые сцены охоты на плитах Бичикту-Бома // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 178–185.
- Могильников 2002 – *Могильников В. А.* Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002.

- Потапов 1952 – *Потапов Л. П.* Очерк этногенеза южных алтайцев // СЭ. 1952. № 3. С. 16–35.
- Рогожинский 2010 – *Рогожинский А. Е.* Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Алматы, 2010. С. 329–344.
- Табалдиев 1996 – *Табалдиев К. Ш.* Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек, 1996.
- Худяков, Белинская 2012 – *Худяков Ю. С., Белинская К. Ы.* Каменное изваяние из урочища Айлян в Горном Алтае // АЭАЕ. 2012. № 1 (49). С. 122–130.
- Чариков 1980 – *Чариков А. А.* Каменные скульптуры средневековых кочевников Прииртышья // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 130–140.
- Шер 1966 – *Шер Я. А.* Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966.
- Kubarev et al. 2009 – *Kubarev G. V., Gilsu So, Tseveendorzh D.* Research on ancient Turkic monuments in the valley of Khar-Iamaatyn Gol, Mongolian Altai // Current archaeological research in Mongolia. Bonn, 2009. S. 427–435 (Bonn contribution to Asian Archaeology. Vol. 4).

**И. Ю. Чикунова (Тюмень, Россия)**

### **Бронзовые медведи Ипкульского могильника**

Ипкульский мог-к расположен на перейме северного берега оз. Ипкуль, в Нижнетавдинском р-не Тюменской обл. (рис. 1, 1). Открыт в 1971 г. М. Ф. Косаревым и В. Ф. Старковым (1971). В 1983 г. отряд Уральской археологической экспедиции под руководством Л. Н. Коряковой исследовал Ипкульский мог-к в течение двух лет (Корякова 1984; 1988; Корякова, Фёдоров 1993). Могильник оставлен смешанным по своему составу населением в середине I тыс. н. э. В 2010–2011 гг. экспедицией Института проблем освоения Севера СО РАН вскрыто девять курганных насыпей (около 800 м<sup>2</sup>) и изучено 15 захоронений (из них четыре частично ограблены и два уничтожены практически полностью, включая границы могил). В результате раскопок получен материал, свидетельствующий об интенсивных и достаточно сложных этнокультурных процессах, происходивших в южной тайге Приоболья, начиная с середины I тыс. н. э. – в переходную эпоху от раннего железного века к средневековью.

Под насыпью одного из курганов в маленькой (1 × 0,6 м), видимо детской могильной яме без остатков скелета обнаружены небольшой сосуд кушнаренковского облика (по шейке украшен рядами отпечатков косо поставленного гребенчатого штампа) и четыре полые бронзовые пронизки в виде фигурок медведей (рис. 1, 2–8). Фигурки находились в истлевшем чехольчике из шкурки животного. Все они имеют разную форму и орнамент. Для отливки каждой использовалась своя, индивидуальная форма. Явно фиксируются изъяны литья.

Первый медведь (рис. 1, 4) имеет длину 3 см, высоту 2,2 см и ширину 1 см. Поверхность по бокам несет следы заполировки. Голова фигурки опущена, морда вытянута, пасть открыта. Глаза большие, круглые, оконтурены желобком. Уши расположены по бокам морды, над глазами, обозначены выпуклой подковкой. На боках медведя фиксируется контурный орнамент, выполненный желобками. Концы задних и передних лап оформлены двумя поперечными вдавлениями. На конце каждой лапы желобками обозначены по три пальца. Правая передняя лапа обломана. Хвост длинный. От кончика хвоста, вдоль всей спины излишки металла, оставшиеся при литье, оформлены как хребет. На спине в центре имеется большое отверстие для шнура.

Вторая фигурка (рис. 1, 5) самая маленькая (2,5 × 1,9 × 0,9 см) и невыразительная. На боках заметна полировка. Между головой, лапами и хвостом остались излишки металла в виде сплошных перемычек. На правом боку – большая дыра. Над задними лапами и частично на боках прослеживаются слабые следы орнамента в виде желобков. Морда опущена, слегка вытянута. Глаза и нос детально не проработаны, уши обозначены маленькими, практически незаметными выпуклостями. На задних лапах выделены ступни и угадываются пальцы. В центре спины имеется отверстие для кожного двойного шнура, остатки которого, завязанного в узелок, сохранились внутри пронизки.

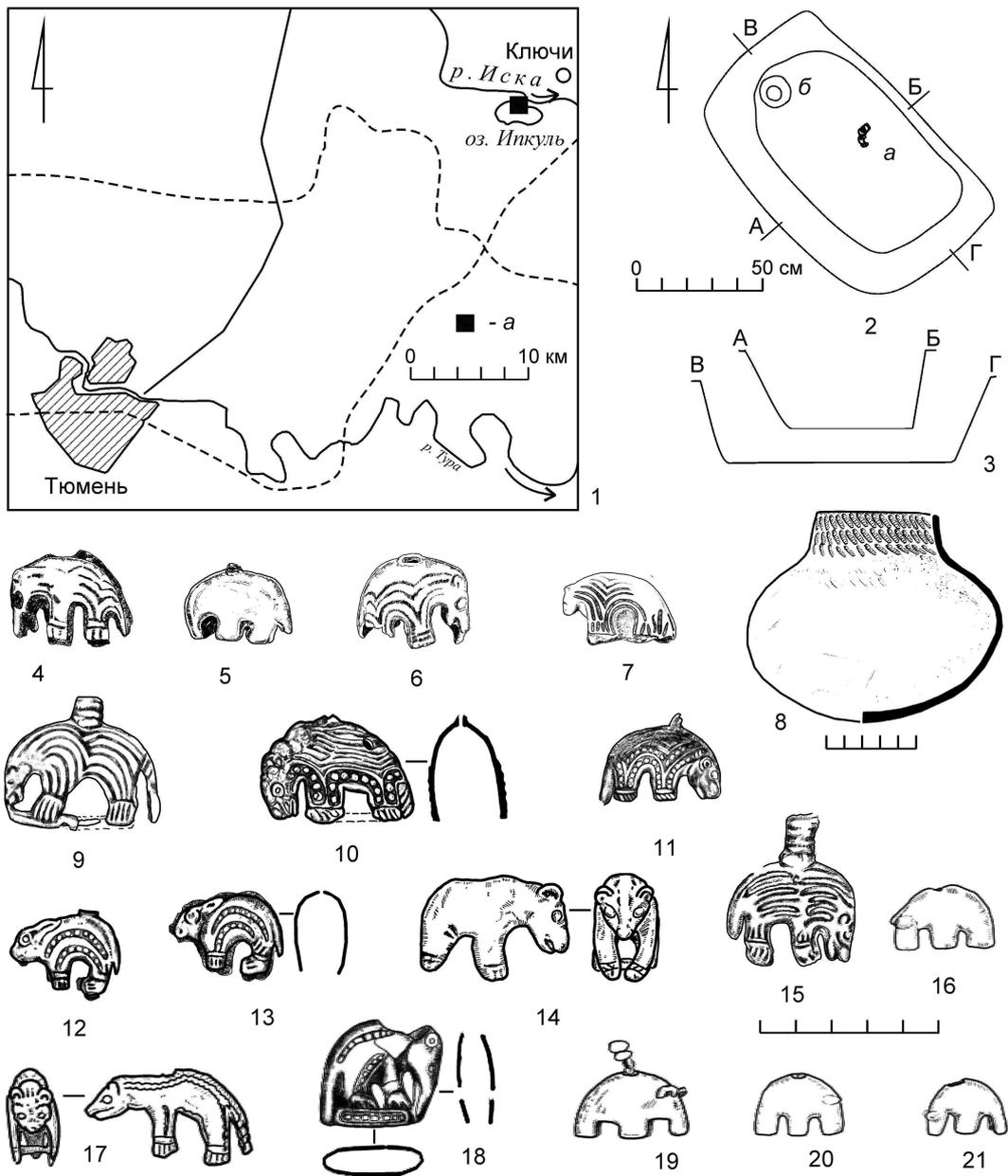


Рис. 1. Бронзовые медведи Ипкульского могильника и их аналогии:

1 – Ипкульский кург-к; план-схема (*a* – мог-к); 2–3 – погр. 2, кург. 1, план и разрезы (*a* – бронзовые пронизи; *b* – сосуд); 4–7 – бронзовые пронизки-«медведи»; 8 – сосуд; 9, 15 – Красноярский могильник; 10–11 – мог-к Старо-Бибеево 6; 12–13 – Аббатский мог-к; 14, 17 – Барсова Гора 1/20; 16, 20–21 – Козловский мог-к; 18 – мог-к Ордынское; 19 – Тарасовский мог-к

Третья фигурка (рис. 1, *b*) по размерам ( $3 \times 2,1 \times 1$  см), виду и декору схожа с первой. Голова опущена, морда вытянута, пасть открыта. Круглые большие глаза оконтурены желобком. Уши по бокам морды над глазами выделены небольшими закругленными валиками. Внешняя поверхность фигурки слегка заполирована и покрыта орнаментом в виде прерывистых волнистых желобков, повторяющих нижний контур тела зверя. На этом изделии особенно заметны изъяны литья на морде и по нижнему краю. Правая задняя лапа обломана, остальные явно недолиты – пальцы на концах лап практически не прослеживаются. Кроме того очевидно, что одна половинка формы для отливки этой фигурки имела несколько больший размер. На спине – подчетыреугольное отверстие для шнура.

Четвертая фигурка (рис. 1, 7) размерами  $3,5 \times 2,5 \times 1,1$  см, значительно отличается от предыдущих трех своей формой. По бокам, на спине и на срезах лап – заполировка. Голова поднята,

морда, по сравнению с фигурками 1 и 3, укорочена. Глаза и ноздри обозначены небольшими углублениями. Уши округлые, обращены вперед. Хвост длинный. От головы до хвоста бока зверя орнаментированы гладкими желобками, повторяющими контур фигурки. Концы лап обозначены двумя поперечными желобками, также желобками выделены по пять пальцев. Излишки металла между лапами и хвостом не убраны, образуя единую поверхность.

Подобные фигурки-пронизки в виде медведей, зайцев, бобров, росомех, распространены на довольно обширной территории от Приуралья до Новосибирского Приобья: встречены в мог-ках Старо-Бибеево-6 (бобер) и Ордынское 1 (медведь) в Новосибирском Приобье (рис. 1, 10–11, 18) (Троицкая, Шишкин 2000: 207, рис. 1, 1–2; Гутов 1989: 70, рис. 1), в Красноярском мог-ке в Омском Прииртышье (росомаха-медведь) (рис. 1, 9, 15),<sup>67</sup> в Абатском мог-ке в Приишимье (заяц и медведь) (рис. 1, 12–13) (Матвеева 1994: 136–137), в Козловском мог-ке в Притоболье (медведи), Барсова Гора 1/20 (рис. 1, 14, 17) (Чемякин 2008: 194, рис. 88, 1, 4). Несколько упрощенные, почти колоколовидные зооморфные фигурки, обнаружены в могильниках Прикамья – Тарасовском и Кудашевском (рис. 1, 19) (Голдина 2004: 213, 263, рис. 103, 9; 132, 8) и Притоболья – Козловском мог-ке (рис. 1, 16, 20–21).<sup>68</sup> Датируются они широко: начиная с рубежа эр до VI в. н. э., причем у лесного, более северного населения традиция изображения медведя в иконографическом варианте 2 (на подставке) продолжается вплоть до XIV в.

С глубокой древности образ медведя занимал очень важное место в изобразительном искусстве населения Западной Сибири. Подтверждением этому являются многочисленные находки зооморфных бронзовых (и не только) изделий в виде плоских и рельефных отливок, пронизок, блях с изображением медведя в жертвенной позе. Их употребление связано с магическими представлениями, верой в охранительные силы предметов звериного стиля (Ильина 1994). Практически все подобные фигурки обнаружены в могильниках, что является свидетельством их немаловажной роли в погребальном обряде.

Изображение медведя, идущего или стоящего, Н. В. Фёдорова относит к наиболее простому иконографическому типу (ИТ-1), выделяя при этом два варианта – без дополнительных деталей (ИВ-1) и на основании (ИВ-2) (Фёдорова 2000: 37).

В свете вышеизложенного отметим, что: 1. Интересным представляется рассмотрение фигурок медведей как одного из вариантов изображения «медведя в жертвенной позе», широко используемого в изобразительном искусстве финно-угорских народов Урала и Западной Сибири. Вид описанных выше предметов спереди (анфас) явно сходен с образом «медведя-жертвы»: голова опущена между передними лапами (рис. 1, 14); 2. Достоверных изображений медведя среди опубликованных материалов на самом деле довольно мало. Реалистичными можно назвать, пожалуй, только фигурки с Барсовой Горы 1/20. Остальные, придерживаясь основного иконографического канона, изображают бобров, зайцев, росомех, пушных из семейства куньих, и лишь в некоторых угадывается медведь; 3. Топография фигурок, изображающих разных зверей, показывает, что «медведь» распространен в основном в Зауралье, далее на восток, кроме медведей, встречаются зайцы, росомехи и бобры, что может отражать идеологические представления древнего населения, тотемистический характер верований и обрядов (Ильина 1994).

Голдина 2004 – Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 2004.

Гутов 1989 – Гутов Е. А. Процесс изготовления полых бронзовых изделий во второй половине I тыс. н. э. (по материалам Новосибирского Приобья) // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири: Межвуз. сб. науч. трудов. Новосибирск, 1989. С. 69–73.

Ильина 1994 – Ильина И. В. Стиль и семантика // Традиционная культура народа коми: Этнографические очерки. Сыктывкар, 1994. С. 225–234.

<sup>67</sup> Приношу искреннюю благодарность М. А. Грачеву за возможность использования материалов.

<sup>68</sup> Раскопки В. Н. Чернецова (1957). Материалы хранятся в ГИМ.

- Корякова 1984 – *Корякова Л. Н.* Отчет о разведке в Нижнетавдинском и Ярковском районах Тюменской области в зоне проектирования строительства газопровода «Уренгой–Омск». Свердловск, 1984 // Архив Кабинета археологии Уральского гос. университета, ф. а-2, № 411/1984.
- Корякова 1988 – *Корякова Л. Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
- Корякова, Фёдоров 1993 – *Корякова Л. Н., Фёдоров Р. О.* Гончарные навыки зауральского населения в раннем железном веке (по материалам Ипкульского могильника) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург, 1993. С. 76–96.
- Косарев, Старков 1971 – *Косарев М. Ф., Старков В. Ф.* Отчет о работе Западно-Сибирской экспедиции в 1971 г. // НОА ИА РАН, Р-1, № 4497.
- Матвеева 1994 – *Матвеева Н. П.* Ранний железный век Приишимья. Новосибирск, 1994.
- Фёдорова 2000 – *Фёдорова Н. В.* Иконография медведя в бронзовом пластике Западной Сибири (железный век) // Народы Сибири: история и культура: Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск, 2000. С. 37–42.
- Троицкая, Шишкин 2000 – *Троицкая Т. Н., Шишкин А. С.* Изображения бобров из Старо-Бибеево-6 // Исторический ежегодник. Омск, 2000. С. 205–207
- Чемякин 2008 – *Чемякин Ю. П.* Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск, 2008.
- Чернецов 1957 – *Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры: Обзор и классификация материала // *Смирнов А. П., Моцинская В. И. Чернецов В. Н. Золотарёва И. М.* Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М., 1957. С. 136–245 (МИА. № 58).

***И. В. Матюшко (Оренбург, Россия)***

### **Ювелирные изделия золотоордынского времени из погребений кочевников Южного Приуралья**

Ювелирные изделия в погребениях кочевников Южного Приуралья представляют собой вещи, характерные для монгольской и тюркской культур. В XIII–XIV вв. сложился комплекс вещей, типичный для женских погребений и состоящий из бокки, зеркала, ножниц, гребня, ножа и бус. Бокка – это вид монгольского женского головного убора. По материалам Южного Приуралья она представлена фрагментами бересты со следами прошивки и иногда с окраской в сиреневый или красный цвета. В одном из погребений был зафиксирован целый берестяной «сапожок» (рис. 1, 1) (Линевский курганный мог-к I; Иванов 1988). Такая форма, вероятно, может быть связана с монгольским свадебным обрядом, который совершался при помощи мозговой кости передней ноги барана, называемой «богто» и, по мнению Е. П. Мыськова, верхняя часть женского головного убора представляла собой символическое воспроизведение этой бараньей кости (Мысков 1995). З. В. Доде выделяет для Орды два вида берестяных головных уборов – «сапожок» и «конус» (Доде 2008: 54).

По археологическим материалам Южного Приуралья известны случаи украшений берестяных уборов серебряной бляхой, укрепленной в центре шапочки (курганный мог-к Буранчи I; Матюшко 2004). Вместе с боккой, как правило, встречаются серьги в виде вопросительного знака. Они изготовлены из золотой, серебряной или бронзовой проволоки. Техника изготовления их следующая: один конец проволоки загибали, а другой вытягивали, оставляя петлю, и наматывали на стержень серьги. В петле часто крепили бусинки из речного жемчуга. Размеры таких серег – от небольших (длиной около 4 см, шириной в верхней части 1,5 см и сечением проволоки 0,1–0,3 см) до 6 см в длину. Наиболее крупные серьги встречаются в мавзолеях. Следует отметить, что в погребениях мавзолеев степного Приуралья обнаружены прекрасные образцы ювелирного искусства. Имеются небольшие фрагменты золотых украшений и крышечки от ароматницы или амулетницы (рис. 1, 3, 5–6, 8), изготовленные в технике зерни с запаиванием золотых шариков и в технике скани (Моргунова и др. 2005).

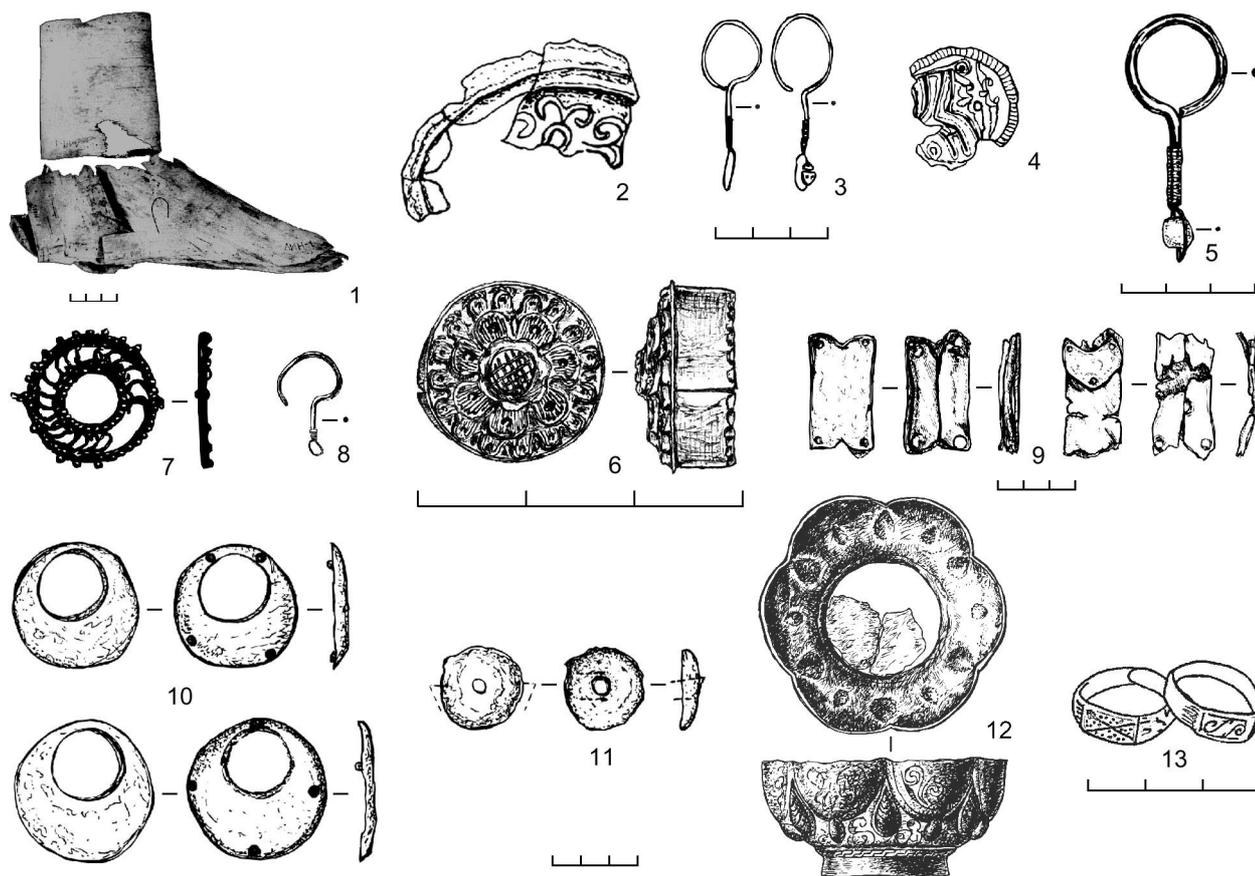


Рис. 1. Украшения и ювелирные изделия Южного Приуралья золотоордынского времени:

1 – курганный мог-к Линевский I, кург. 5, берестяная бокка-«сапожок»; 2–4 – курганный мог-к Буранчи I, серебряные бляхи (2, 4) и пара золотых серег (3); 5–7 – курганный мог-к Мустаево V, кург. 6 – мавзолей, золотая серьга (5), крышечка от амулетницы (6), фрагмент украшения (7); 8 и 9 – курганный мог-к Шумаево I, кург. 6, погр. 1, золотая серьга (8) и фрагменты пояса с накладками (9); 10 и 11 – курганный мог-к Шумаево II, кург. 5, погр. 7, бронзовые поясные накладки (10) и бляхи (11); 12 – курганный мог-к Шумаево II, кург. 7, погр. 5, серебряная «розетка»; 13 – курганный мог-к Ишкулово II, кург. 4, серебряные перстни

К ювелирному искусству золотоордынского периода относятся также предметы торевтики – серебряные чашечки в погребениях кочевников степного Приуралья. Они имеют аналогии в технике изготовления и орнаментации среди серебряных сосудов, найденных в степях Восточной Европы в период господства Золотой Орды, но в то же время являются индивидуальными образцами. Такова, напр., часть серебряного предмета – розетка (рис. 1, 12). Она была отчеканена и декорирована с использованием гравировки и чернения. Розетка (высота – 4,2 см, диаметр – 9 см, толщина серебряного листа – 0,1 см) образована шестью полусферами. Верх розетки грубо спилен, а дно представляет собой тонкий лист серебряной фольги, грубо напаянный на поддон. Эти детали свидетельствуют, что розетка являлась частью другого предмета, возможно, подсвечника или кубка.

Мотив цветочной розетки – шести-, семи- или восьми-лепестковой – воплощение иранских мотивов. Произведения иранских мастеров были широко известны у разных народов и оказали сильное влияние на чеканщиков Средней Азии, Китая, Восточного Туркестана (Худяков, Хаславская 1990: 122).

Техника декора серебряного изделия, где сначала наносили контур изображения, затем рисунок внутри заполняли штриховыми короткими линиями, а фон покрывали точками кольцевого пуансона, находит аналогии в восточных районах евразийских степей на серебряных изделиях XII–XIV вв. (Маршак 1971: 80, рис. 28–30).

Широкое распространение по всей кочевой степи такие ювелирные изделия получают в золотоордынское время (Фёдоров-Давыдов 1976: 183). Они встречаются в качестве даров умершим в кыпчако-половецких комплексах степей Евразии (Мажитов 1977: рис. 46, 1, 2; Даркевич 1976, табл. 36, 8; Кригер 1983: 56, 62) и в захоронениях монгольских воинов в Средней Азии (Пугаченкова 1967: 256).

Серьги в виде вопросительного знака находят и в погребениях под курганами. О таких серьгах, как характерных элементах этнического костюма половецких племен, пишет Н. Н. Вактурская (1970: 251). По археологическим материалам Южного Приуралья известны погребения с такими серьгами, но без фрагментов бокки. Очевидно, рассматриваемые серьги были характерным (модным) элементом материальной культуры XIII–XIV вв. В погребениях, как правило, в женских, представлено по две серьги, но известны и мужские и женские погребения с одной серьгой (курганное мог-ки Шумаево I, кург. 6 и Изобильное I – Моргунова и др. 2005; Нефёдов 1899; Турецкий 1993).

На Южном Урале в захоронениях мавзолеев, под сырцовыми выкладками и в погребениях под каменными площадками найдены серебряные перстни, украшенные текстильным орнаментом или завитком (рис. 1, 13). Аналогичные перстни имеются в материалах памятников Волжской Булгарии домонгольского времени и периода Золотой Орды (Валеев 1975: 84, рис. 30; Валеева 2003: 148).

К ювелирному искусству, как разновидности декоративного ремесла, относятся также зеркала и поясные накладки, украшение оружия и конской упряжи, напр., серебряные обкладки седла и дротиков (курганное мог-к Шумаево II – Моргунова и др. 2005; Матюшко 2008). Поясные накладки в погребальных комплексах Южного Урала в золотоордынское время встречаются редко и выделяют нерядовые погребения. Так, в комплексе с огромным рвом вокруг погребальной площадки в самом захоронении были обнаружены фрагменты поясной гарнитуры с гладкими бронзовыми накладками-лунницами (рис. 1, 10) и прямоугольной накладкой с раздвоенными концами. Бронзовые круглые бляхи в составе кожаных накладок найдены в погребении с бальзамированием (рис. 1, 11). Исследователи костюма народов Урало-Поволжья в эпоху средневековья также отметили малочисленность находок поясных накладок и их индивидуальный характер (Иванов, Крылатова 2006: 100). Погребения с фрагментами поясной гарнитуры, как правило, воинские и содержат предметы вооружения.

Золотоордынские зеркала широко представлены в погребениях кочевников степного Приуралья – в культурах половцев и Золотой Орды. Известны зеркала без орнамента и с небольшим валиком по краю; с сюжетными композициями, изображающими животных, следующих друг за другом; с орнаментом из перекрещивающихся полукружий, розеток, растений и линий; с кувфическими надписями (Иванов, Кригер 1988). Размеры зеркал – 5–8,5 см в диаметре, изготовлены они из бронзы или биллона и происходят из женских погребений.

Таким образом, в погребениях Южного Урала XIII–XIV вв. представлены ювелирные украшения, связанные с культурами, известными у монголов и половцев, т. е. кочевое население данного региона было носителем монгольских и тюркских традиций. В списке племен, населявших степи Восточной Европы после монгольского нашествия, историки отмечают множество монгольских названий и в то же время подчеркивают, что монголы были тюркизированы (Кляшторный, Султанов 2000: 209). Имеются сведения о разрушении тюркских родоплеменных союзов в степях Восточной Европы после монгольского нашествия и организации новых военных единиц, состоявших из смешанных монгольских и тюркских родов (Фёдоров-Давыдов 1966). Анализ ювелирных изделий позволяет проследить общие тенденции в системе украшений кочевников региона: тюрков и монголов. Как отмечено выше, в XIII–XIV вв. были распространены серьги в виде вопросительного знака, зеркала, украшенные в растительно-геометрическом и зооморфном стиле, шапочки-бокки.

Материалы Приуралья дают представление, преимущественно, о системе женских украшений. В мужских погребениях ювелирные украшения встречаются редко и являются, скорее,

исключением – золотая серьга в виде вопросительного знака или бронзовые накладки на пояс. Все ювелирные украшения были привозными и их происхождение связано с городскими центрами бронзолитейного производства в Средней и Передней Азии и Волжской Булгарии. Также следует отметить, что ювелирные изделия из степей Южного Приуралья имеют близкие аналогии в Поволжье, на Северном Кавказе и свидетельствуют о формировании в Золотой Орде общих элементов материальной культуры.

- Вактурская 1970 – *Вактурская Н. Н.* О серьгах со средневекового городища Шерлик // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 249–252.
- Валеев 1975 – *Валеев Ф. Х.* Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975.
- Валеева 2003 – *Валеева Д. К.* Искусство волжских булгар периода Золотой Орды (XIII–XIV вв.). Казань, 2003.
- Даркевич 1976 – *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VII–XIII вв. М., 1976.
- Доде 2008 – *Доде З. В.* К вопросу о боктаг // Российская археология. 2008. № 4. С. 52–63.
- Иванов 1988 – *Иванов В. А.* Научный отчет о раскопках средневековых памятников в Оренбургской области в 1988 г. Уфа, 1988 // НОА ИА РАН, Р-1, № 14087.
- Иванов, Кригер 1988 – *Иванов В. А., Кригер В. А.* Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М., 1988.
- Иванов, Крыласова 2006 – *Иванов В. А., Крыласова Н. Б.* Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). Пермь, 2006.
- Кляшторный, Султанов 2000 – *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей: Древность и средневековье. СПб., 2000.
- Кригер 1983 – *Кригер В. А.* Средневековые захоронения Ново-Кумакского могильника // СА. 1983. № 3. С. 171–187.
- Мажитов 1977 – *Мажитов Н. А.* Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977.
- Маршак 1971 – *Маршак Б. И.* Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М., 1971.
- Матюшко 2004 – *Матюшко И. В.* Средневековые комплексы у села Буранчи // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Мат-лы II региональной науч.-практич. конф. Челябинск, 2004. С. 91–94.
- Матюшко 2008 – *Матюшко И. В.* Захоронение забальзамированного воина XIII–XIV вв. на левобережье Иртека // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2008. Т. 6: Золотоордынское время. С. 141–156.
- Моргунова и др. 2005 – *Моргунова Н. Л., Краева Л. А., Матюшко И. В.* Курганный могильник Мустаево V // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2005. Вып. VII. С. 5–49.
- Мыськов 1995 – *Мыськов Е. П.* О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды // Российская археология. 1995. № 2. С. 36–43.
- Нефёдов 1899 – *Нефёдов Ф. Д.* Археологические исследования в Южном Приуралье (1887–1888) и Прикамье (1893–1894). М., 1899 (Мат-лы по археологии восточных губерний России. Т. 3).
- Пугаченкова 1967 – *Пугаченкова Г. А.* Погребение монгольского времени в Халчяне // СА. 1967. № 2. С. 252–258.
- Турецкий 1993 – *Турецкий М. А.* Отчет о раскопках курганных могильников у с. Изобильное в Соль-Илецком районе Оренбургской области в 1993 году. Оренбург, 1993 // Архив АЛ Оренбургского гос. педагогического университета, ф. П-90/1994.
- Фёдоров-Давыдов 1966 – *Фёдоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Фёдоров-Давыдов 1976 – *Фёдоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М., 1976.
- Худяков, Хаславская 1990 – *Худяков Ю. С., Хаславская Л. М.* Иранские мотивы в средневековой торевтике Южной Сибири // Семантика древних образов. Новосибирск, 1990. С. 118–125.

## СЕКЦИЯ V. СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Г. Н. Поплевко (Санкт-Петербург, Россия)

### Становление экспериментально-трасологических исследований в российской археологии<sup>69</sup>

В Санкт-Петербурге в Институте археологической технологии в начале прошлого века впервые были широко использованы данные естественных наук и их методы в обработке археологических материалов. Здесь же проходило становление и развитие трасологического метода – метода микроанализа поверхности каменных орудий с целью изучения не только следов обработки, оставленных на поверхности изделий при их изготовлении, но, что самое главное, – изучение микроследов, сохранившихся на поверхности рабочих лезвий орудий от работы ими по разному обрабатываемому материалу. Этот метод позволяет расшифровывать хозяйственную деятельность первобытного человека, начиная с древнейших времен и до появления письменных источников, когда эти данные можно было подтвердить и проверить. Без малого столетний процесс становления и развития методики трасологического исследования можно разделить на несколько периодов. В настоящей статье рассматриваются три из них, охватившие время до конца 1950-х гг., когда зародилась сама идея микроскопических исследований в археологии, а также сформировалась методика трасологического метода.

*Период с 1917 г. по 1927 г. – истоки и формирование идеи микроскопических исследований в археологии.* Начало тесному сотрудничеству представителей естественных и гуманитарных наук было положено в первой четверти прошлого века в Санкт-Петербурге. Подтверждение этому находим у М. В. Фармаковского: «Мысль о совместной научной работе представителей наук гуманитарного порядка с естественниками и учеными технологами возникла в том кружке, который образовался около Высших Женских Курсов в первый год Революции. Здесь с живейшим интересом обсуждались как возможности осуществления, так и самая идейная сторона такой работы. В первом номере невышедшего в свет журнала «Природа» предполагалась статья А. Е. Ферсмана, посвященная детальной разработке этой идеи. Но журнал не вышел, кружок распался, однако мысль, шедшая навстречу серьезно назревшей потребности, погибнуть не могла, и осуществление ее связано с именем Академии Истории Материальной Культуры» (Фармаковский 1922б: 1).

Потребность в постоянном органе, который бы брал на себя частичную работу по обработке археологического материала, была настолько велика, что преобразованная Археологическая Комиссия должна была выделить особый Технический комитет. Но, как сама Археологическая Комиссия в 1917–1918 гг. уступила место Академии истории материальной культуры с грандиозной постановкой задач и всеобъемлющей широтой горизонта, так и Технический комитет в том же стихийном порыве должен был превратиться в масштабно организованное учреждение – ИАТ. ИАТ был организован для решения практических задач, но как институт должен был оставаться ученым учреждением с широким научным взглядом на дело. Поэтому 12 сентября 1919 г. на собрании комиссии по организации института был предложен первый черновой проект организации ИАТ в составе РАИМК с двумя отделениями: научно-техническое и художественно-археологическое (реставрационное) (Фармаковский 1922б: 2). Далее он пишет: «Стало ясно, что необходимо найти в качестве руководителя лицо, которое в силу своей научной традиции и школы могло бы объединить всех работников нового научного учреждения. Собрание обратилось к А. Е. Ферсману, с просьбой взять на себя первые работы по организации Института, считая его одним из представителей

<sup>69</sup> Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 10-06-0096-а и РГНФ, проект № 10-01-00553а/м.

естественно-научных дисциплин, которые с интересом подходят к вопросам археологии». *Организационное бюро института и научно-техническое отделение возглавил А. Е. Ферсман.*

Научно-техническое отделение было разделено на разряды (секции) керамики, металла, пищевых остатков, строительных материалов, камня, живописи, фресок, химической и фото-лабораторий. В его задачи входило всестороннее изучение археологического материала по четырем направлениям: 1) изучение природы материала, его свойств и происхождения; 2) выяснение методов его обработки, как химической, так и технической; 3) изучение взаимоотношения между природой материала, состоянием техники его обработки и практическим использованием сделанного из него изделия; 4) выявление тех свойств материала, которые влияли на появление художественного творчества, и установление связи между материалом и воплощенной в нем художественной идеей (Там же: 4).

В декабре 1919 г. возник вопрос об утверждении *биологического разряда*, который должен был заняться изучением условий, в которых возникает определенная культура, исследованием взаимоотношений между ландшафтом и материальной культурой и, наконец, *реконструкцией археологического ландшафта* (Там же: б). Задачи биологического разряда были сформулированы М. И. Тихим (1922: 49–52).

По данным М. В. Фармаковского: «11 июля 1920 года состоялось соединенное заседание Совета Института и представителей Московского Института Историко-Художественных Изысканий и музееведения в лице И. Э. Грабаря, Н. Д. Протасова и Г. О. Чирикова, которые сделали подробные доклады о планах работ Художественно-Лабораторной секции Московского Института, причем выяснилось весьма значительное расхождение во взглядах Петербурга и Москвы: в то время как первый исходит в своих работах из общего научного обследования вопросов техники в приложении их к археологическим объектам, Москва решительно вступает на путь практический – в данном случае реставрации и отмычки старинной живописи; научно-лабораторная подготовка опытов заменяется эмпирически добытыми знаниями» (Фармаковский 1922б: 8).

В 1922 г. А. Е. Ферсман в статье «Задачи исследования камня в предметах археологии и истории культуры» сформулировал направление работ научно-технического отделения, в основу которых должны быть положены следующие задачи: А. Историко-литературные исследования; Б. Экспериментальные исследования – 1) определение материала камня в памятниках археологии, искусства и техники, 2) изучение микросвойств его, как основы для определения происхождения камня, 3) выяснение технических приемов обработки; В. Синтетические исследования.

Подробно рассматривая экспериментальное исследование камня, А. Е. Ферсман предложил три основных метода изучения камня: 1) химический метод изучения основного состава камня (и его примесей спектроскопическими исследованиями); 2) микроскопический метод исследования включений с помощью шлифов и изучение самих образцов в микроскопе, с целью различения деталей их микростроения. Эти отличия необходимо снимать на микрофотографии для объективного сравнения; 3) спектроскопический метод исследования камня. Третьей задачей экспериментальных исследований является изучение техники обработки памятников археологии и искусства, начиная с технических приемов извлечения материала из земли и кончая его полировкой и искусственной окраской (Ферсман 1922: 15–17).

Первая формулировка задач микроскопических исследований поверхности каменных изделий была сформулирована А. Е. Ферсманом: «В этом направлении представляется исключительно интересною попытка воссоздать, на основании типов обработки, ту техническую обстановку, в которой происходила работа; такое воссоздание может базироваться лишь на изучении, с одной стороны, деталей технической обработки, как-то царапин, следов токарного станка и т. д., а с другой – на сравнении этих приемов с современными техническими приемами, особенно кустарной работы. Нам, казалось бы, что внимательное и очень детальное ознакомление с поверхностью изделий, особенно с поверхностью вытачивания или сверления, может привести к очень любопытным выводам, но только в том случае, если для этого будет привлечен специалист-техник, знакомый

с обточкою, сверловкою, полировкой и другими отраслями камнерезно-ограночного дела. <...> Традиции в обработке камня упорно через поколения предавались, сохраняя старые приемы, тем не менее, эта задача представляется очень интересною, особенно при сравнении методов работы у разных народов» (Ферсман 1922: 17).

Синтетические исследования он видел в следующей последовательности: 1) составление археолого-минералогических карт; 2) установление торговых центров и торговых путей камня; 3) установление происхождения материала памятников и сравнение его с районами распространения камня в природе; 4) установление для отдельных стран и эпох применение камня в разных областях искусства, техники и домашнего обихода; 5) выяснение влияния камня, как материала, на формы искусства и техники и отражение его в духовной и культурной жизни человека каждой страны (Ферсман 1922: 18). Можно считать, что такого рода синтетические исследования и положили начало комплексным исследованиям в современной археологии.

*Разряд керамики и стекла* возглавил М. В. Фармаковский: «<...> совершенно недостаточна чисто литературная разработка вопросов техники: необходимо не только проверить выводы теоретически, при содействии ученых-керамистов, но и воссоздать в действительности те технические условия, при которых возникли изучаемые изделия, <...> надо найти глины, построить печи или хотя бы в современных печах вызвать условия, аналогичные изучаемым, в этих условиях провести производственные процессы от начала до конца, путем повторных анализов материалов и изделий подлинных и воссозданных <...> и лишь тогда можно будет сказать, что мы подошли <...> к главному, основному вопросу – о зависимости, существующей между художественной формой с одной стороны и материалом, орудиями и производственной техникой с другой» (Фармаковский 1922а: 31). Далее он отмечал, что необходима работа по установлению терминологии керамики и хорошо разработанной шкалы твердостей керамических изделий. Химические анализы, опыты над сырым материалом, обжигом, исследования с помощью микроскопа являются неразрывно связанной частью работы разряда керамики.

По главным методам работы ИАТ распались на микро- и макрокопический анализ, оптический, химический анализ и т. д. Одним из первых руководителей ИАТ был М. В. Фармаковский: с 1920 г. – ученый секретарь ИАТ, а с 1934 по 1937 гг. – заведующий кафедрой консервации и реставрации ГАИМК. Вся его деятельность была посвящена реставрации и консервации археологических объектов, в частности, тканей из раскопок П. К. Козлова в Монголо-Тибетской экспедиции в Монголии, средневековых памятников и керамики Триполья.<sup>70</sup> М. В. Фармаковский уже тогда говорил о необходимости проведения реставрационного эксперимента.

Первые экспериментальные исследования по обжигу керамики были проведены П. А. Замятчинским в 1925 г. Еще в 1922 г. А. А. Поповицкий намечены пути, по которым были направлены фотографические изыскания в решении вопросов, выдвигаемых археологическими исследованиями. Уже тогда проводилась фотосъемка с использованием разных светофильтров (оранжевых и синих и др.), при последующем сложении этих диапозитивов получается цветное изображение, близкое к натуральному оригиналу (Поповицкий 1922: 64).

Все это убедительно показывает, что исследования под микроскопом проводились давно, но они были направлены не на изучение следов износа на древних орудиях, а на исследование других объектов материальной культуры.

Далее ИАТ был преобразован в лабораторию Академии по исторической технологии, не имеющих себе подобных в других странах. В них осуществлялись совместные работы представителей гуманитарных и естественных наук: «Задачи этих учреждений были узки, чисто практического назначения, по вопросам реставрации, без самостоятельных задач научного порядка в виде

---

<sup>70</sup> Исследования тканей производилось под микроскопом, изучался состав красителей и засорений на тканях. Исследования керамики проводились путем изучения микроструктуры с помощью микрошлифов, химического и фотоанализов (см.: Красников, Фармаковский 1926).

изучения технологии объектов археологии и разработки самих методов этого изучения. За первые 12 лет была проделана большая работа, это был первый этап, он был трудным, как и во всех отраслях знания, он был периодом кристаллизации и установления методики и приемов исследования» (Тихонов 1931а: 43).

В 1930-е гг. в Лаборатории исторической технологии ГАИМК первый раз в археологических исследованиях была поставлена задача о необходимости изучения следов на поверхности древних орудий. Однако впервые вопрос о микроскопическом исследовании поверхности каменных изделий был поставлен еще А. Е. Ферсманом в 1922 г. при формулировке задач экспериментального исследования камня, а затем Н. П. Тихонов в статье «Итоги и перспективы исторической технологии» во многом повторил предложенные А. Е. Ферсманом методы и подходы в исследовании камня (Там же: 43–51). Вслед за А. Е. Ферсманом он писал: «Необходимо изучить с применением микроскопа и спектроскопа вид его поверхности, на основании следов инструментов и приемов сверления, вытачивания и т. п. и, пользуясь аналогиями с современными кустарными приемами в этой области, воссоздать техническую обстановку, в которой происходила работа. Здесь мы встречаемся с производственными традициями, которые упорно сохраняются и передаются из поколения в поколение». В этот же период лаборатории ГАИМК изучали методологию микрофотографирования археологического объекта и его фотодокументации (Тихонов 1931б: 17–19). Н. П. Тихонов подчеркивал: «Мы методически и экспериментально работаем по применению методов точных наук и раскрытию смысла археологического материала» (Тихонов 1931а: 51).

Таким образом, вопрос о необходимости применения метода микроанализа к изучению археологического материала был поставлен, сформулированы задачи, начала изучаться техника микрофотосъемки артефактов с увеличением до 700 раз.<sup>71</sup> Стоит отметить, что техника микрофотографирования микроследов на поверхности древних орудий является неотъемлемой частью современных археологических исследований.

*Период с 1927 г. по 1934 г. – становление метода.* В разных областях археологических исследований появляются работы, использующие микроанализ и другие методы точных наук. В 1930 г. В. А. Городцов остановился на значении изучения древней техники в археологии (Городцов 1930). Во второй своей статье «К истории развития техники первобытных каменных орудий» он по следам сработанности на круглых камнях из неолитических стоянок определяет их функциональное назначение как «ударников» для выработки кремневых орудий с «посредниками» (Городцов 1935).

В 1931 г. А. Ф. Гаммерман исследовал уголь из очагов Кара-Абызского городища VI–II вв. до н. э. с помощью шлифов, сделанных сухим путем и изученных под микроскопом. Были сделаны микрофотографии шлифов, проведено их сравнение и в результате было установлено, что это была липа. В том же 1931 г. Н. П. Тихонов в работе «Исследование картин с помощью лучей рентгена» останавливается на приемах микроанализа в соединении с фотоанализом. В 1932 г. в совместной работе А. А. Вознесенский и Н. П. Тихонов указывают: «Методы, которыми работает Технологическая лаборатория ГАИМК, – методы новые и своеобразные, но это методы, которыми археология может добиться результатов, недостижимых иными путями. Планируемая обработка археологического материала этими методами дала советской науке реальные результаты из области теоретического обсуждения работа перешла на совершенно конкретные задачи и органически спаялась с анализом формальным, историческим и бытовым» (Воскресенский, Тихонов 1932: 10).

Важность представляет изданная в 1931 г. заметка Г. А. Бонч-Осмоловского «О нарезках на палеолитических костях», в которой он писал: «В одном из своих сообщений в группе палеолита я уже указал, что при тщательном просмотре, с лупой в руках, обломков костей животных из Крымских

---

<sup>71</sup> Эта микрофотосъемка проводилась для установления природы шелковой нити, доставленной из Монголо-Тибетской экспедиции. С помощью микрофотосъемки было установлено, что шелковые ткани изготовлены из нити полудико-го шелкопряда, у которого нити имеют овально-ромбическое сечение, а у культурного шелкопряда – круглое.

стоянок пришлось убедиться, что на огромном большинстве из них (около 80 %) встречаются нарезки – следы расчленения туши, перерезания сухожилий и прочее, проводившееся кремневыми орудиями» (Бонч-Осмоловский 1931: 25–27). Насечки на обломках трубчатых костей из грота Киик-Коба им были определены как следы, образовавшиеся от ретуширования кремневых изделий. Так, впервые Г. А. Бонч-Осмоловским были выделены ретушеры из кости, а позднее С. А. Семёнов дал подробное описание микроследов использования на каменных ретушерах позднего палеолита (Семёнов 1953а).

Необходимо также отметить работы М. В. Воеводского, посвященные изучению технологии изготовления керамики и следов орудий на ней, оставленных при ее изготовлении, что нашло отражение в двух его статьях (Воеводский 1930; 1936).

Таким образом, можно констатировать, что вопрос о трасологическом изучении древних орудий, поставленный еще А. Е. Ферсманом при изучении каменных изделий, а затем Н. П. Тихоновым для исследования поверхности орудий, окончательно сложился и оформился в отдельную область исследований. Дальнейшие изыскания в этом направлении возглавил С. А. Семёнов.

*Период с 1937 г. по 1957 г. – разработка методики трасологического метода.* Начало разработки методики трасологического исследования древних орудий в отечественной археологии было положено в 1930-е гг. С. А. Семёновым. В 1937 г. им была защищена кандидатская диссертация «Изучение функций верхнепалеолитических орудий труда по следам от употребления». С началом деятельности С. А. Семёнова начинается качественно новый этап развития трасологии как таковой. В это время отрабатывается методика изготовления орудий, впервые С. А. Семёновым были определены функции орудий из палеолитических стоянок: Мальта, Костёнки 1, Тимоновка, производятся первые интерпретации следов износа на ряде орудий из ангарских погребений эпохи неолита (Семёнов 1940а; 1940б; 1941; 1950; 1953б).

Помимо фундаментальных, основополагающих работ С. А. Семёнова необходимо упомянуть и работы других исследователей, обращавших внимание на следы износа и их интерпретацию. Так, М. М. Герасимов в своей статье «Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта» проанализировал костяные орудия и статуэтки и реконструировал технику их изготовления (Герасимов 1941: 65–85). В 1941 г. Н. Н. Гурина в своей статье «Орудия Вознесенской стоянки» обратила внимание на следы использования на кремневых орудиях, а в работе 1950 г. она подробно описала технику изготовления грузил на стоянке Вой-Наволоки 9. Важными были исследования М. В. Фармаковского, сохранившиеся в рукописях «Краткий очерк техники керамических изделий», «Новые пути в изучении археологического материала» и «О направлении экспериментальной работы» (Фармаковский: НА ИИМК РАН, РА, ф. 59, д. 46; 49; 54). В своих исследованиях он показал возможности применения экспериментального метода и микроанализа к исследованию различных материалов, в частности, им изучались микрошлифы керамики.

Можно отметить несколько других работ этого направления. В своей монографии «Ремесло древней Руси» Б. А. Рыбаков, детально изучив состояние внешней поверхности древнерусских ювелирных изделий, выделил аналогичные приемы в технике их изготовления, что позволило выделить ремесленные центры производства и районы сбыта украшений. Тогда же появляется работа Т. Н. Симченко «К вопросу о применении рентгенографии для изучения археологических объектов», в которой показываются возможности этого метода при исследовании трипольских статуэток и керамики. П. И. Борисковский в книге «Палеолит Украины» обратил внимание на следы на кремневых пластинах из стоянки эпохи палеолита Гонцы, а в совместной статье П. П. Ефименко и П. И. Борисковского ими были обнаружены следы использования на палеолитических пластинах стоянки Борщево-2 (Ефименко, Борисковский 1953). И, наконец, А. Н. Рогачёв впервые высказался о комплексном подходе: «Как для всех нас, так и для французских археологов важная сущность проблемы классификации каменных орудий заключается в нахождении правильного триединого, технического, морфологического и функционального подхода к анализу этих вещей

<...> Г. А. Бонч-Осмоловский является пионером, глашатаем и проводником комплексного метода исследования памятников эпохи палеолита» (Рогачёв 1973: 15).

Значительное внимание следам на поверхности орудий уделял и М. П. Грязнов. Еще в своей статье 1947 г. «К методике определения типа рубящего орудия» он дал детальное описание типов рубящих орудий из бронзы, в статье «Костяное орудие палеолитического времени из Западной Сибири» описал технику изготовления изделия из бивня мамонта, а в статье «Так называемые оселки скифо-сарматского времени» определил функции оселков (Грязнов 1947; 1950; 1961). Помимо этого он проанализировал следы на стенках деревянной колоды-гроба из Первого Пазырыкского кургана и убедительно доказал, что она была изготовлена с помощью металлических тесел. Важно отметить, что с середины 1960-х гг. на кафедре археологии ЛГУ (ныне – СПбГУ) М. П. Грязнов читал курс лекций по трасологии (Грязнов 1982).

Своеобразным итогом трасологических исследований этого периода явилось издание монографии С. А. Семёнова «Первобытная техника», в которой была подробно описана методика трасологического исследования археологического материала (Семёнов 1957). Спустя несколько лет эта книга была издана на английском языке, что придало новый импульс в развитии трасологического метода не только в России, но и за рубежом. В последующее время начинается деятельность первой и ведущей его ученицы Г. Ф. Коробковой (1969; и др.), с деятельностью которой связаны массовые трасологические исследования коллекций как отдельных археологических культур, так и целых регионов Кавказа, Причерноморья, Средней Азии. Она уделяла особое внимание процедуре трасологического исследования, ввела понятие каменной индустрии и первая начинала комплексные исследования, разделив свой подход на изучение техники расщепления камня, техники вторичной обработки и набора типов изделий (Коробкова 1987).

*В заключение* важно подчеркнуть, что дальнейшее развитие методики трасологических и экспериментальных исследований и ее применение к исследованию археологического материала нашли отражение в новых и новейших работах сотрудников экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН. Современное состояние трасологических исследований показывает, что пришло время специализации по направлениям изучения разного обрабатываемого сырья: 1) обработка кремня (обсидиан, кварц); 2) обработка осадочных и других пород камня; 3) обработка кости, рога, бивня мамонта; 4) техника и технология изготовления керамики.

Вышеизложенное убедительно показывает, что сама идея, становление и развитие микроскопического исследования камня, впервые примененного в ИАТ, принадлежит Санкт-Петербургской археологической школе. Именно в ИАТ из первоначального хаотичного применения микроскопических исследований к разным археологическим материалам постепенно становилась и выкристаллизовывалась методика трасологического исследования. В настоящее время широко используются комплексный подход в экспериментально-трасологических исследованиях и экспериментальный метод для физического моделирования, верификации и изучения микроследов, для исследования техники расщепления кремня, керамики. Опыт и накопленные знания передаются исследователям во время стажировок в экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН, проводится огромная работа по внедрению в археологические изыскания достижений методики экспериментально-трасологических исследований в Новосибирске, Воронеже и Самаре. Можно заключить, что Санкт-Петербургская экспериментально-трасологическая школа является основным и ведущим центром развития методики, откуда пошло широкое внедрение в практику археологических исследований нового метода в Испании, Франции, Англии, США, Польше, Италии, Болгарии, Германии и др. странах.

Бонч-Осмоловский 1931 – *Бонч-Осмоловский Г. А.* О нарезках на палеолитических костях // СГАИМК. 1931. Вып. 8. С. 25–27.

Воеводский 1930 – *Воеводский М. В.* К истории гончарной техники народов СССР // СЭ. № 4. С. 55–70.

- Воеводский 1936 – *Воеводский М. В.* К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны европейской части РСФСР // СА. 1936. № 1. С. 51–79.
- Воскресенский, Тихонов 1932 – *Воскресенский А. А., Тихонов Н. П.* Технологическое изучение материалов курганного погребения Наин-Ула // Изв. ГАИМК. 1932. Т. XI, вып. 7–9. С. 1–10.
- Герасимов 1941 – *Герасимов М. М.* Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта // Палеолит и неолит СССР. М.; Л., 1941. С. 65–85 (МИА. № 2).
- Городцов 1930 – *Городцов В. А.* Значение изучения древней техники в археологии // Тр. секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М., 1930. Т. 5. С. 9–14.
- Городцов 1935 – *Городцов В. А.* К истории развития техники первобытных каменных орудий // СЭ. 1935. № 2. С. 63–85.
- Грязнов 1947 – *Грязнов М. П.* К методике определения типа рубящего орудия // КСИИМК. 1947. Вып. 16. С. 170–173.
- Грязнов 1950 – *Грязнов М. П.* Костяное орудие палеолитического времени из Западной Сибири // КСИИМК. 1950. Вып. 31. С. 165–167.
- Грязнов 1961 – *Грязнов М. П.* Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР: Сб. статей в честь профессора М. И. Артамонова. Л., 1961. С. 139–144.
- Грязнов 1982 – *Грязнов М. П.* Археологическая трассеология: Программа спецкурса по археологии. Свердловск, 1982.
- Ефименко, Борисковский 1953 – *Ефименко П. П., Борисковский П. И.* Палеолитическая стоянка Борщево II // Палеолит и неолит СССР. М.; Л., 1953. С. 56–110 (МИА. № 39).
- Коробкова 1969 – *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. М., 1969 (МИА. № 158).
- Коробкова 1987 – *Коробкова Г. Ф.* Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л., 1987.
- Красников, Фармаковский 1926 – *Красников И. П., Фармаковский М. В.* Керамика, ее техника и сохранение // Материалы по методологии археологической технологии. Л., 1926. Вып. VI.
- Поповицкий 1922 – *Поповицкий А. А.* О некоторых свойствах фотографии, важных для археологических исследований // Изв. ИАТ. 1922. Вып. 1. С. 53–64.
- Рогачёв 1973 – *Рогачёв А. Н.* Каменные орудия, как исторический источник // КСИА. 1973. Вып. 137. С. 14–21.
- Семёнов 1940а – *Семёнов С. А.* Результаты исследования поверхности каменных орудий // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1940. № 6–7. С. 110–113.
- Семёнов 1940б – *Семёнов С. А.* Изучение следов работы на каменных орудиях // КСИИМК. 1940. Вып. 4. С. 21–26.
- Семёнов 1941 – *Семёнов С. А.* Следы употребления на неолитических орудиях из ангарских погребений // Палеолит и неолит СССР. М.; Л., 1941. С. 203–211 (МИА. № 2).
- Семёнов 1950 – *Семёнов С. А.* Топор в верхнем палеолите // КСИИМК. 1950. Вып. 31. С. 168–173.
- Семёнов 1953а – *Семёнов С. А.* Каменные ретушеры позднего палеолита // Палеолит и неолит СССР. М.; Л., 1953. С. 446–454 (МИА. № 39).
- Семёнов 1953б – *Семёнов С. А.* О каменных сверлах // Палеолит и неолит СССР. М.; Л., 1953. С. 455–458 (МИА. № 39).
- Семёнов 1955 – *Семёнов С. А.* К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды // КСИА. 1955. Вып. 57. С. 137–144.
- Семёнов 1957 – *Семёнов С. А.* Первобытная техника. М., 1957 (МИА. № 54).
- Тихий 1922 – *Тихий М. И.* Задачи Биологического разряда // Изв. ИАТ. 1922. Вып. 1. С. 49–52.
- Тихонов 1931а – *Тихонов Н. П.* Итоги и перспективы исторической технологии // СГАИМК. 1931. Вып. 11–12. С. 43–51.
- Тихонов 1931б – *Тихонов Н. П.* Обработка древних тканей фотоаналитическим путем // СГАИМК. 1931. Вып. 1. С. 17–19.

- Фармаковский 1922а – *Фармаковский М. В.* Задачи Разряда керамики и стекла // Изв. ИАТ. 1922. Вып. 1. С. 25–48.
- Фармаковский 1922б – *Фармаковский М. В.* Институт Археологической технологии // Изв. ИАТ. 1922. Вып. 1. С. 1–8.
- Фармаковский – *Фармаковский М. В.* Краткий очерк техники керамических изделий // НА ИИМК РАН, РА, ф. 59, д. 46.
- Фармаковский – *Фармаковский М. В.* Новые пути в изучении археологического материала // НА ИИМК РАН, РА, ф. 59, д. 49.
- Фармаковский – *Фармаковский М. В.* О направлении экспериментальной работы // НА ИИМК РАН, РА, ф. 59, д. 54.
- Ферсман 1922 – *Ферсман А. Е.* Задачи исследования камня в предметах археологии и истории культуры // Изв. ИАТ. 1922. Вып. 1. С. 9–24.

***В. В. Зайков, А. М. Юминов, Е. В. Зайкова, А. Д. Тауров, В. А. Котляров  
(Миасс, Челябинск, Россия)***

### **Состав и природа включений осмия в золотых изделиях из археологических памятников Урала<sup>72</sup>**

В последние годы в золотых изделиях из археологических памятников Урала выявлены включения минералов группы самородного осмия, которые относятся к семейству платиноидов. Находки сосредоточены в двух группах объектов, примыкающих к Главному Уральскому и Восточно-Уральскому разломам: западной группе, расположенной в Приуралье, и восточной – в Зауралье. К первой группе относятся кург. 4 из мог-ка Филипповка I и средневековое городище Уфа-2; ко второй – курганы из мог-ков Переволочан I, Кичигино I, Магнитный, Ушкатты, Степной, а также одиночные курганы Яковлевский II, Большой Климовский (рис. 1, I).

Цель сообщения – характеристика находок минералов группы осмия в предметах из исследованных памятников, определение их природы и оценка возможного источника золота для производства золотых изделий в древности.

Выявленные включения соответствуют естественным сплавам осмия, иридия, рутения и номенклатура их дана в работе с использованием кристаллохимических формул (Harris, Kabri 1991: 231–237). Нами применяется данная номенклатура с добавлением определения по элементам, находящимся в заметных количествах, подобно тому, как это сделано в работе (Кобяшев, Никандров 2007: 234–245), напр., осмий рутенисто-иридий. При малом количестве элемента (менее 10 ат. %) он не входит в наименование минерала, а к основному названию добавляется уточнение, напр., рутений иридино-осмистый платину содержащий.

Из исследуемых предметов отрезались частички золота размером 2–4 мм. После выявления включений под оптическими микроскопами (AxioLab и Olympus) выбирались места для микрозондового анализа. Золото наклеивалось на электропроводящий скотч или включалось в шашки диаметром 2 см с последующим углеродным напылением. Изучение состава металла проводилось с помощью электронного микроскопа РЭММА-202М (аналитик В. А. Котляров). Данные по составу включений даны в табл. 1 и отражены на рис. 1, 2.

#### *Западная группа археологических памятников*

*Мог-к Филипповский I* расположен в 100 км к З от г. Оренбург, на водоразделе рек Урал и Илек (Яблонский 2008: 17–32). Высота кург. 4 – около 7 м, диаметр насыпи – 80 м. Под насыпью кургана было расчищено деревянное перекрытие центральной погребальной камеры,

<sup>72</sup> Работа выполнена при поддержке междисциплинарного проекта УрО РАН № 12-М-456-2024 и проекта РГНФ (№ 12-01-00293). Авторы благодарят за содействие в исследованиях Д. Г. Здановича, С. В. Сиротина, А. Н. Султанову, В. В. Ткачёва, Л. Т. Яблонского.

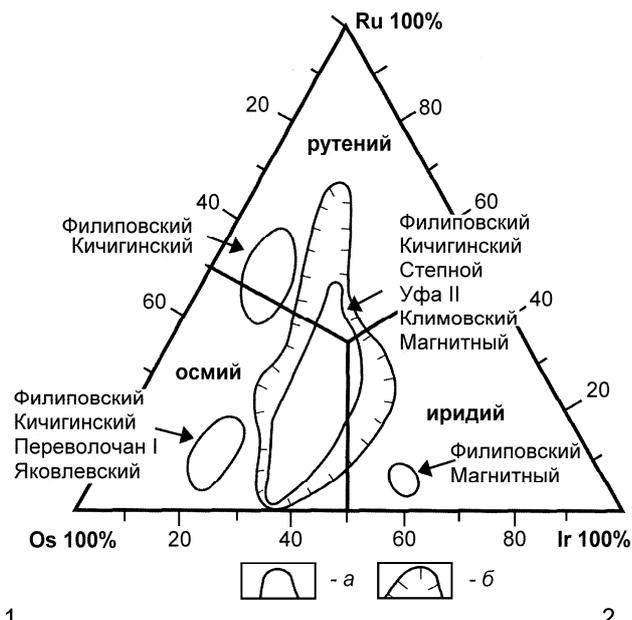


Рис. 1: 1 – схема размещения исследованных археологических памятников на Южном Урале (а и б – могильники и городища с включениями осмия в золотых изделиях; в – исследованные курганы, в золотых изделиях которых не установлены включения осмия; г – глубинные разломы [ГУР – Главный Уральский, ВУР – Восточно-Уральский] с телами золотоносных ультрабазитов; д – ареалы главных золотоносных россыпей; е – установленные по включениям осмия пути распространения золота; ж – основные города; 2 – тройная диаграмма полей составов минералов осмия в золотых изделиях из курганов Приуралья и Зауралья (поля составов зерен: а – из включений в золотых изделиях; б – из россыпей золота)

которое состояло из радиально направленных к центру бревен, уложенных в 7–10 слоев. Перекрытие было сожжено в ходе погребального ритуала. В полах насыпи были обнаружены три впускных захоронения в глубоких (около 4 м) могильных ямах. Выявленный в кургане комплекс предметов вооружения предварительно датируется в пределах V–IV вв. до н. э.

Исследованное золотое изделие представлено инкрустацией клинка меча в виде пластинок толщиной 0,5–1 мм. Они имеют состав (мас. %): Au 97–98 %; Ag 1–2 %; Cu 1 % и характерную пористую микротекстуру. Всего в изделиях из Филипповки проанализировано 18 включений округлой, удлиненной и треугольной формы размером по длинной оси 40–200 мкм. Часть округлых зерен раздроблена, а часть расщеплена по спайности.

По соотношению Os, Ru, Ir в кристаллохимических формулах (табл. 1) выделяются зерна трех типов: 1 – с преобладанием Os: осмий иридисто-рутенистый (№ 4, 5, 13–15), при этом в зернах 13–15 отмечается резкое преобладание осмия; осмий рутенисто-иридий (№ 1, 16); 2 – с преобладанием Ru: рутений иридисто-осмистый (№ 2, 3, 8, 9); рутений осмистый с иридием (№ 6, 11); 3 – с преобладанием Ir: иридий осмистый с рутением (7, 10, 12, 17); иридий рутениево-осмистый (№ 18).

Платина встречается в 3 пробах с преобладанием рутения (№ 2, 3, 9) и в 3 пробах с преобладанием иридия (№ 7, 10, 15). В случае преобладания осмия платина встречается только в одной пробе (№ 16) и в минимальном количестве.

*Средневековое городище Уфа II* расположено на юге г. Уфа. В 1957 г. здесь были выявлены культурные напластования мощностью до 4 м. В 2006 г. начаты охранные археологические раскопки, в процессе которых на глубине 3,5 м были обнаружены куски золотой проволоки, – заготовки для изготовления ювелирных украшений (Мажитов и др. 2007). С этими находками соседствуют изделия из сплавов серебра и меди, содержащие примеси цинка, свинца, олова. Слои с находками металла были датированы VIII–IX вв.

Исследованные образцы золотой проволоки толщиной 2–4 мм отличаются по составу (Зайков и др. 2009). В одной из них металл высокопробный с содержанием серебра в пределах 2–3 %, меди 0,4 %. В таком золоте (проба У2-ГО12-4) выявлено включение осмия № 1. Оно имеет линзовидную форму с угловатыми ограничениями, размер 25x35 мкм и относится к рутению иридиево-осмистому. Золото, из которого сделана вторая проволока (У2-ГО12-3), отличается: (мас. %): Au 61,5–64,27; Ag 30,51–32,06; Cu 4,87–6,45. Зерно осмия размером 25 × 40 мкм имеет форму близкую к треугольной и в нем намечаются трещинки, разделяющие его на два фрагмента. По средним соотношениям атомных количеств ( $Os_{0,40}Ir_{0,37}Ru_{0,23}$  и  $Os_{0,42}Ir_{0,33}Ru_{0,25}$ ) оба они относятся к осмию рутенисто-иридистому.

*Восточная группа археологических памятников*

*Могильник Переволочан I* расположен в 2 км к ЮЗ от дер. Переволочан Хайбуллинского р-на Республики Башкортостан, на высоком ровном плато левого берега р. Дергамыш. В некрополе насчитывалось 12 насыпей, вытянутых цепочкой по линии ЮЗ–СВ. Диаметр курганов – от 14 м до 50 м, высота – от 0,4 до 5 м. Могильник датирован IV в. до н. э. (Юминов и др. 2010).

Включение осмия было выявлено в литой декоративной накладке из кургана 11 (обр. № 11.5.8). Вмещающее золото имеет состав (мас. %): Au 87–88; Ag 3–4; Cu 8. Судя по этим параметрам, расплав был легирован медью. Форма включения близка к треугольной, размеры 8x10 мкм. Состав соответствует осмию иридистому с рутением – Os 71,85; Ir 24,21; Ru 3,71 %.

*Одиночный курган Яковлевка II* расположен вблизи мог-ка Переволочан I, в 2,2 км к СЗ от сел. Яковлевка Хайбуллинского р-на Республики Башкортостан. Диаметр кургана – 50 м, высота – 3,7 м. В кургане обнаружено 9 погребений. По характеру погребального обряда и инвентарю кург. Яковлевка II может датироваться IV в. до н. э. Комплекс золотых вещей обнаружен во впускных погр. 3, 4, 5, 6 и 9.

Включение выявлено в височной подвеске-серьге (обр. Я-3) состава (мас. %): Au 80–81; Ag 17–18; Cu 2–3. Размер включения 16 × 22 мкм, форма линзовидная, состав (мас. %): Os 70–73; Ir 24; Ru 2–4. Таким образом, состав включений осмия из кург. 11 мог-ка Переволочан I и одиночного кургана Яковлевка II практически идентичен (осмий иридистый с рутением) при существенных различиях в составе вмещающего золота.

*Мог-к Кичигино I* находится на левом берегу Южно-Уральского водохранилища, в 1,5 км к З от сел. Кичигино. Курганы расположены цепочкой вдоль склона возвышенности. Диаметр их насыпей – от 14 до 35 м, при высоте – 0,1–1,5 м. В 2007 и 2008 гг. исследованы кург. 3 (первая половина IV в. до н. э.) и 5 (вторая половина VII в. до н. э.). В погребениях были обнаружены уникальные золотые изделия. Изученный материал представлен золотой фольгой, покрывающей браслет (кург. 3) и деревянный сосуд (кург. 5). Состав фольги практически одинаков (мас. %): Au 71–72; Ag 23–24; Cu 3. В фольге выявлены включения осмия овальной формы размером 7 × 18 и 20 × 50 мкм. Состав их различен и относятся они к осмию рутенисто-иридистому (кург. 3) и рутению осмистому с иридием (кург. 5).

*Мог-к Степной* находится вблизи одноименного села Пластовского р-на Челябинской обл. При раскопках кург. 7 в погр. 19 была обнаружена желобчатая бронзовая подвеска в 1,5 оборота диаметром 0,7–1,5 см, покрытая золотой фольгой. Толщина фольги составляла 40–50 мкм. В фольге установлены включения осмия пластинчатой формы толщиной 5–10 мкм, разорванные на две части, предположительно, при ковке золотой фольги. Общая длина включений равна 30 мкм. Они принадлежат к осмию рутенисто-иридистому.

*Большой Климовский кург.* находится в 3,5 км к ЮЗ от сел. Климовка (Чесменский р-н, Челябинской обл). Курганная группа состоит из двух курганов – Большого и Малого. Земляная насыпь Большого кург., имеющего диаметр 50 м и высоту 4 м, сильно прокалена, местами ошлакована. Под насыпью обнаружены остатки деревянной конструкции в виде обугленных и истлевших бревен, жердей и хвороста. Курган датирован концом VI–началом V в. до н. э.

Состав минералов группы осмия из археологических памятников Южного Урала

№ пп.	Место отбора	№ пробы	Кол-во анализов	Предметы	Содержания, мас. %			Кристаллохимическая формула минералов
					Os	Ir	Ru	
1.		№ 7-1	6		45,76	36,10	17,45	Os <sub>0,40</sub> Ir <sub>0,31</sub> Ru <sub>0,29</sub>
2.		№ 7-2	10		34,54	29,30	27,66	Ru <sub>0,42</sub> Os <sub>0,28</sub> Ir <sub>0,24</sub> Pt <sub>0,06</sub>
3.		№ 7-3	7		35,28	29,20	27,63	Ru <sub>0,42</sub> Os <sub>0,29</sub> Ir <sub>0,23</sub> Pt <sub>0,06</sub>
4.		№ 7-4	1		57,58	14,82	27,02	Os <sub>0,47</sub> Ru <sub>0,41</sub> Ir <sub>0,12</sub>
5.		№ 7-5	8		56,88	17,04	25,57	Os <sub>0,47</sub> Ru <sub>0,39</sub> Ir <sub>0,14</sub>
6.		№ 7-6	7		55,07	8,97	35,42	Ru <sub>0,51</sub> Os <sub>0,42</sub> Ir <sub>0,07</sub>
7.		№ 7-7	5		32,67	53,85	3,43	Ir <sub>0,53</sub> Os <sub>0,32</sub> Pt <sub>0,09</sub> Ru <sub>0,06</sub>
8.		№ 7-8	6	золотая	45,03	20,56	33,93	Ru <sub>0,49</sub> Os <sub>0,35</sub> Ir <sub>0,16</sub>
9.	Филипповский I,	№ 7-9	7	инкруста-	37,23	29,91	26,88	Ru <sub>0,41</sub> Os <sub>0,30</sub> Ir <sub>0,24</sub> Pt <sub>0,05</sub>
10.	курган № 4	№ 7-10	5	ция желез-	35,12	58,52	2,26	Ir <sub>0,57</sub> Os <sub>0,35</sub> Ru <sub>0,04</sub> Pt <sub>0,04</sub>
11.		№ 7-11	5	ного меча	56,53	10,16	32,78	Ru <sub>0,48</sub> Os <sub>0,44</sub> Ir <sub>0,08</sub>
12.		№ 7-12	5		37,74	56,05	5,87	Ir <sub>0,55</sub> Os <sub>0,37</sub> Ru <sub>0,08</sub>
13.		№ 7-13	3		79,45	12,64	7,58	Os <sub>0,75</sub> Ru <sub>0,13</sub> Ir <sub>0,12</sub>
14.		№ 7-14	2		73,36	16,17	10,09	Os <sub>0,68</sub> Ru <sub>0,17</sub> Ir <sub>0,15</sub>
15.		№ 7-15	3		72,60	16,83	10,29	Os <sub>0,67</sub> Ru <sub>0,18</sub> Ir <sub>0,15</sub>
16.		№ 7-16	6		40,32	38,13	17,28	Os <sub>0,35</sub> Ir <sub>0,33</sub> Ru <sub>0,29</sub> Pt <sub>0,03</sub>
17.		№ 7-17	5		35,83	53,34	2,85	Ir <sub>0,52</sub> Os <sub>0,36</sub> Ru <sub>0,05</sub> Pt <sub>0,07</sub>
18.		№ 7-18	8		38,99	42,80	17,71	Ir <sub>0,37</sub> Os <sub>0,34</sub> Ru <sub>0,29</sub>
19.		Уфа-2	5		44,25	41,83	13,40	Os <sub>0,40</sub> Ir <sub>0,37</sub> Ru <sub>0,23</sub>
20.		У2 ГО12-3	4	проволока	47,85	37,34	14,92	Os <sub>0,42</sub> Ir <sub>0,33</sub> Ru <sub>0,25</sub>
21.		У2 ГО12-4а	6	проволока	31,56	23,52	36,20	Ru <sub>0,51</sub> Os <sub>0,24</sub> Ir <sub>0,17</sub> Rh <sub>0,05</sub> Pt <sub>0,03</sub>
22.	Переволочан-I	11.5.8	4	накладка	71,86	21,15	6,81	Os <sub>0,68</sub> Ir <sub>0,20</sub> Ru <sub>0,12</sub>
23.	Яковлевский	Я-3	6	подвеска	71,85	24,21	3,71	Os <sub>0,70</sub> Ir <sub>0,23</sub> Ru <sub>0,07</sub>
24.	Кичигинский I, № 3	МЯ5-бр	6/4	фольга	49,62	36,82	14,02	Os <sub>0,44</sub> Ir <sub>0,32</sub> Ru <sub>0,24</sub>
25.	Кичигинский I, № 5	7 к	4/4	фольга	46,23	11,82	41,53	Ru <sub>0,57</sub> Os <sub>0,34</sub> Ir <sub>0,09</sub>
26.	Б. Климовский	173-БК	5/3	фольга	33,15	33,76	27,27	Ru <sub>0,41</sub> Ir <sub>0,27</sub> Os <sub>0,26</sub> Rh <sub>0,04</sub> Pt <sub>0,02</sub>
27.	Степной № 7	1637ab	5/6	подвеска	40,78	40,56	18,38	Os <sub>0,35</sub> Ir <sub>0,35</sub> Ru <sub>0,30</sub>
28.		M2-1	2		40,06	50,27	7,34	Ir <sub>0,45</sub> Os <sub>0,36</sub> Ru <sub>0,12</sub> Fe <sub>0,06</sub> Rh <sub>0,01</sub>
29.		M2-1-1	4	бляшки	32,89	30,06	29,87	Ru <sub>0,43</sub> Os <sub>0,26</sub> Ir <sub>0,23</sub> Rh <sub>0,05</sub> Pt <sub>0,02</sub> Fe <sub>0,01</sub>
30.		M2-A	5	полусфериче- ские	46,55	39,29	12,26	Os <sub>0,41</sub> Ir <sub>0,34</sub> Ru <sub>0,21</sub> Fe <sub>0,03</sub> Rh <sub>0,013</sub>
31.	Магнитный № 21	M-II	5		73,62	14,47	10,41	Os <sub>0,67</sub> Ru <sub>0,18</sub> Ir <sub>0,13</sub> Rh <sub>0,02</sub>
32.		M3-1	5	бляшки	59,86	37,05	2,39	Os <sub>0,59</sub> Ir <sub>0,36</sub> Ru <sub>0,04</sub> Fe <sub>0,01</sub>
33.		M3-1-1	5	треуголь- ные	42,74	13,01	37,80	Ru <sub>0,52</sub> Os <sub>0,32</sub> Ir <sub>0,10</sub> Rh <sub>0,04</sub> Pt <sub>0,02</sub>
34.		M-III	6		28,82	60,97	5,68	Ir <sub>0,53</sub> Os <sub>0,25</sub> Fe <sub>0,13</sub> Ru <sub>0,09</sub>
35.	Ушкатынский № 12	Ук7	3	подвеска	64,82	34,11	0,47	Os <sub>0,65</sub> Ir <sub>0,34</sub> Ru <sub>0,01</sub>

Примечания: 1 – небольшие содержания Rh, Pt, Fe в таблице не показаны, они отображены в формулах минералов; 2 – анализы выполнены в Южно-Уральском центре коллективного пользования на электронном микроскопе РЭММА-202 М (аналитик В. А. Котляров); 3 – рабочие коллекции: 1–18 – Л. Т. Яблонского (Оренбург, ОРОМ, врем. хр. 419, находится на реставрации в ГосНИИР); 19–21 – А. Н. Султановой; 22–23 – С. В. Сиротина; 22–26 и 28–34 – А. Д. Таирова; 27 – Д. Г. Здановича; 35 – В. В. Ткачёва.

Могильная яма полностью ограблена в древности. В ней обнаружены лишь отдельные кости животных, кусочек золотой фольги и фрагменты бронзового котла. В фольге выявлено включение осмия линзовидной формы длиной 10 мкм. Включение относится к рутению осмисто-иридиостому с родием и платиной.

*Мог-к Магнитный* находится в 2,5 км к СЗ от пос. Магнитный Агаповского р-на Челябинской обл. (Таиров и др. 2011: 54–60). В 2010 г. исследован кург. 21, представляющий собой округлую земляную конструкцию диаметром около 30 м и высотой почти 2 м. Основное погребение было совершено под западной полкой кургана и не было потревожено грабителями.

В могильной яме с подбоем вдоль продольной западной стенки выявлено захоронение погребенной женщины. На шее погребенной находилось ожерелье, состоявшее из круглых золотых бусин, разделяющих круглые и листовидные золотые подвески со вставками граната в обрамлении зерни. На ее плече лежала бронзовая фибула. Рукава и ворот одежды были расшиты золотыми

бляшками треугольной формы. Обувь украшена золотыми полусферическими бляшками. Набор бронзовой и стеклянной посуды, имеющий аналогии в позднееримских древностях Восточной Европы, позволяет отнести погребение к гунно-сарматскому времени и датировать его III в.

Включения осмия (7 зерен) выявлены в полусферических и треугольных бляшках. В изделиях первого типа диаметром 4–6 мм установлено 4 зерна осмия размерами от  $6 \times 15$  до  $100 \times 120$  мкм. Морфология их разнообразна: овальная, треугольная и четырехугольная с закругленными вершинами. Состав вмещающего золота исключительно однороден: Au 99 мас. %. В бляшках треугольной формы размером 5–6 мм выявлено 3 зерна осмия. Включения имеют овальную форму и заключены в золоте состава (мас. %): Au 94; Ag 4; Cu 1.

По соотношению атомных количеств Os, Ru, Ir в кристаллохимических формулах в исследованных зернах выделяются три типа составов. 1 – с преобладанием Os: осмий рутенисто-иридий (№ М-2-А), осмий иридио-рутенистый (№ М-И), осмий иридий (№ М3-1). 2 – с преобладанием Ru: рутений иридио-осмистый, родий и платину-содержащий (№ М1-1-1, № М3-1-1). 3 – с преобладанием Ir: иридий рутенисто-осмистый (№ М2-1), иридий осмистый, содержащий рутений (№ М-III).

*Мог-к Ушкатты* расположен в 9 км к ЮВ от пос. Домбаровский Оренбургской обл., на левом берегу одноименной реки. Могильник состоит из 22 курганов, которые по особенностям конструкции и найденному инвентарю датируются XV–XIII вв. до н. э. и относятся к алакульской культуре. В погр. 3 кург. 12 была обнаружена желобчатая височная подвеска в 1,5 оборота, орнаментированная в технике чеканки. При изучении металла под микроскопом в нем были выявлены два включения осмия треугольной формы, размером  $8 \times 10$  мкм, относящихся к осмию иридио-осминю с рутением (иридо-осмин).

#### *Природа включений осмия*

Первой известной нам публикацией о включениях осмия в древних золотых изделиях из Турции является статья В. Янг (Young 1972). Позднее Дж. Огден (Ogden 1977) дал всесторонний обзор включений металлов платиновой группы в археологическом золоте и пришел к заключению, что корреляция золотых изделий с источниками золота по анализу включений трудно выполнима. Следующей крупной работой является статья Н. Микса и М. Тайта (Meeks, Tite 1980), в которой охарактеризованы осмиевые минералы в артефактах Египта, Южной Месопотамии, Сирии, Палестины, Кипра, Крита и Лидии. Известно упоминание (Уильямс, Огден 1995: 15) о включениях этого минерала в древних изделиях из Греции. В этих публикациях приведены сведения о присутствии в золоте крупниц осмия, иридия и рутения, что затрудняло изготовление тонкого золотого листа и проволоки малого диаметра. Такие включения более обычны для массивных предметов: перстней, печатей, рукоятей пробирных камней. О включениях подобных минералов в золоте Турции пишет П. Крэддок (Craddock 2000).

Выполненное нами исследование позволило детально рассмотреть морфологию, параметры и состав включений. Большинство из них имеют размер 5–120 мкм, округлую или сглаженную морфологию, что свойственно зернам из россыпей. Часть включений представлена пластинками, для которых ряд исследователей предполагает связь с самородным золотом из коренных месторождений. Для выяснения ситуации обратимся к минерагении Урала. Установлено, что платиноиды, включая осмий, связаны с массивами гипербазитов и локализуются в хромитовых рудах. С этими массивами пространственно сближены золотоносные породы. Поэтому при размыве гипербазитов платиновые минералы попадают в россыпи, в которых накапливаются и частицы золота. Те случаи, когда включения представлены пластинками, объясняются высокой хрупкостью осмия и расщеплением его на пластинки. Он интенсивно измельчается в водных потоках и попадает в изделия в виде осколков зерен вместе с россыпным золотом. В отличие от осмия, платина более ковкая и образует в россыпях зерна более крупных размеров, а также самородки.

Изученные зерна осмия отличаются по составу (см. табл. 1). На рис. 1, 2 основное поле составов охватывает участок в центре диаграммы, практически совпадая с полем составов осмия из

россыпей Урала. Эти составы мало информативны для определения источников металла. Вместе с тем, выделяются отдельные перспективные комбинации. В секторе иридия осмий из Филипповского кург. совпадает с осмием мог-ка Магнитный; в секторе осмия с ними ассоциируют составы Переволочанского и Яковлевского курганов. В секторе рутения совпадают составы осмия из Филипповского и Кичигинского мог-ков. Аналогов этим составам минералов группы осмия в россыпях пока не установлено.

Вероятным источником металла являлись золотые россыпи, приуроченные к зонам Главного Уральского и Восточно-Уральского разломов. Эти тектонические структуры и оперяющие их тектонические швы вмещают тела золотоносных гипербазитов с осмиевой минерализацией. Особенно богатыми в отношении осмия россыпями являются аллювиальные и делювиальные отложения р. Миасс, Уй, Урал. В них установлены россыпи, содержащие в промышленных концентрациях платиноиды. Поэтому можно полагать, что из этих районов поступало золото для изделий большинства курганов. Для более точного определения мест добычи золота, из которого выполнены древние изделия, потребуется сравнение состава осмия из уральских россыпей и из золотых украшений во всех пунктах находок артефактов из этого минерала.

- Зайков и др. 2009 – *Зайков В. В., Султанова А. Н., Сунгатова Ф. А., Зайкова Е. В.* Состав золота с включениями осмия из ювелирной мастерской городища Уфа–II // *Минералы и минералообразование в природных и техногенных процессах.* Уфа, 2009. С. 37–40.
- Кобяшев, Никандров 2007 – *Кобяшев Ю. С., Никандров С. Н.* Минералы Урала. Екатеринбург, 2007.
- Мажитов и др. 2007 – *Мажитов Н. А., Сунгатова Ф. А., Султанова А. Н.* Средневековый город Башкорт (Уфа) // *Вестник АН Республики Башкортостан.* 2007. Т. 12, № 3. С. 39–44.
- Таиров и др. 2011 – *Таиров А. Д., Зайков В. В., Юминов А. М., Зайкова Е. В., Самойлова О. В.* Включения осмия в золотых изделиях из курганов Южного Зауралья как индикаторы источника металла // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки.* 2011. Вып. 6. С. 54–60.
- Уильямс, Огден 1995 – *Уильямс Д., Огден Дж.* Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV века до н. э. СПб, 1995.
- Юминов и др. 2010 – *Юминов А. М., Зайков В. В., Сиротин С. В., Хворов П. В., Котляров В. А.* Состав золотых изделий из материалов погребений курганных могильников Переволочан-I, Переволочан-II и одиночного кургана Яковлевка-II // *Уральский минералогический сборник.* Миасс; Екатеринбург, 2010. № 17. С. 153–161.
- Яблонский 2008 – *Яблонский Л. Т.* Сарматы Южного Приуралья // *Сокровища сарматских вождей (материалы раскопок Филипповских курганов).* Оренбург, 2008. С. 17–32.
- Harris, Cabri 1991 – *Harris D., Cabri L.* Nomenclature of platinum-group-element alloys: review and revision // *Can. Min.* 1991. Vol. 29. P. 231–237.
- Young 1972 – *Young W. J.* The fabulous gold of the Pactolus valley // *Bulletin of Boston Museum of Fine Arts.* 1972. P. 88–95.
- Craddock 2000 – *Craddock P. T.* The Platinum Group Element Inclusion // *King Croesus' Gold.* London, 2000. P. 238–244.
- Ogden 1977 – *Ogden J. M.* Platinum group metal inclusions in ancient gold artifacts // *Journal Hist. Metall.* 1977. 11 (2). P. 53–72.
- Meeks, Tite 1980 – *Meeks N. D., Tite M. S.* The Analysis of Platinum-group Element Inclusion in Gold Antiquities // *JAS.* 1980. 7. P. 267–275.

**В. В. Зайков, А. М. Юминов, М. Н. Анкушев (Миасс, Россия)**

## **Рудная геоархеология Урала<sup>73</sup>**

*Рудная геоархеология* исследует минерально-сырьевую базу древних обществ (древние рудники, обогатительные площадки), продукты передела руд и металлообработки (шлаки, слитки, металлические изделия) с использованием геологических и смежных дисциплин. Они включают: учение о полезных ископаемых (минерагению), горное дело, минералогию, минераграфию и петрографию (исследование руд, шлаков и изделий с помощью оптических микроскопов), геохимию (в т. ч. изотопную), аналитические исследования, рудную геофизику, палеометаллургию. Перечисленные дисциплины являются частью геоархеологии в широком смысле этого слова (Зайков и др. 2011: 8–17).

Информационной базой для рудной геоархеологии Урала послужили результаты геологических и археологических работ, выполненных огромным коллективом специалистов производственных и научных организаций, высших учебных заведений на территории Южного Урала.

*Основными объектами исследований служили* древние рудники Мугоджарского и Южно-Уральского горно-металлургических центров, часть которых выявлена авторами (Воровская Яма, Дергамыш, Ивановка). Были составлены схемы строения 24 рудников, на ряде объектов проведена геологическая, геохимическая съемка. Авторы участвовали в раскопках древних поселений Аркам, Аландское, Синташта, Куйсак, Каменный Амбар, а также курганов Больше-Караганского и Александровского. Мы получили материал от коллег для изучения шлаков, медных, бронзовых и золотых изделий из 30 археологических памятников Южного Урала.

Исследование состава артефактов проведено в Институте минералогии УрО РАН следующими методами: оптическим (микроскопы Olympus BX-51 и Axiolab, Carl Zeiss), химическим, атомно-адсорбционным (прибор Perkin-Elmer 3110); рентгеноспектральным (растровый электронный микроскоп РЭММА 202М, микроанализатор JEOL-733), рентгенофлуоресцентным (прибор INNOV). Последний анализатор имеет компактную модификацию и может проводить анализ предметов неразрушающим методом, что очень ценно для археологии. На основании проведенных работ составлены базы геоархеологических данных с характеристикой древних рудников, обогатительных площадок, реликтов металлургических печей. Подготовлены таблицы с результатами исследования состава руд, минеральных и расплавных включений в шлаках, металлических изделий. Обобщение полученных данных позволило обосновать распространение металла из разных источников в местах обитания древних обществ на территории региона.

### *Добыча и переработка медных руд*

*Древние рудники по добыче медных руд* представлены карьерами диаметром до 80 м, а также вертикальными и наклонными выработками. Разрабатывались, главным образом, окисленные руды, содержащие малахит, азурит, борнит, тенорит и др. Реже добывались сульфидные руды, что установлено по составу корольков в шлаках и минеральным включениям (ковеллин). В Южном Зауралье выделены три основных типа меднорудных объектов, отличающихся геологической позицией, строением рудных тел, минеральным и химическим составом руд, количеством полезных компонентов:

1. Рудники в гипербазитовых (ультраосновных) породах, в которых руды содержат кроме меди примеси никеля, кобальта, мышьяка (Воровская яма, Дергамышский, Ивановский, Ишкинский);

---

<sup>73</sup> Исследования выполнены при поддержке междисциплинарного проекта УрО РАН № 12-М-456-2024 и проекта РГНФ № 12-01-00293. Авторы благодарят за содействие в исследованиях Е. В. Зайкову, А. Д. Таирова, Д. Г. Здановича, В. А. Котлярова и Е. И. Чурина.

2. Рудники в риолит-базальтовых комплексах колчеданных месторождений. Они почти повсеместно нарушены современной горнорудной деятельностью. Их типичным примером является рудник Бакр-Узяк;

3. Рудники в контактах гранитоидных интрузий, примером которых является турмалин-малахитовое месторождение Еленовское.

Общая сумма добычи кондиционных медных руд из древних рудников Южного Урала оценена примерно в 70 тыс. т. Для приближенной оценки количества выплавленного металла учитывается содержание меди в рудах, равное на разных рудниках 3–8 % и коэффициент извлечения металла при металлургическом переделе, минимальное значение которого 50 % (Горная... 1987: 276). Учитывая эти параметры, из добытых руд могло быть получено около 2000 т меди.

*Древние металлургические шлаки.* Авторы исследовали состав шлаков из 16 поселений Южного Урала. Среди них выделяется несколько групп, отличающихся по составу, минеральным и расплавленным включениям. По данным метода РФА основными типами являются шлаки медь-, хром-, кобальт- и оловосодержащие.

*Минеральные включения* в шлаках представлены, преимущественно, хромитами. Хромит  $\text{FeCr}_2\text{O}_4$ , – минерал из группы хромшпинелидов, в составе которого присутствуют в качестве примесей в различных пропорциях Mg, Al, Ti, Mn, Zn, V. Это тугоплавкий минерал; температура плавления высокохромистых разностей достигает  $2180^\circ\text{C}$  и он очень слабо реагирует со шлаковым расплавом. Такое свойство минерала позволило определить по составу хромитов из руд и шлаков конкретный источник сырья для ряда металлургических центров. На Южном Урале гипербазиты с аксессуарным хромитом распространены в виде отдельных тел и линейных групп массивов восточнее Главного Уральского разлома практически повсеместно. Исследование археологических памятников показало присутствие включений хромитов в шлаках из десяти поселений (рис. 1). Предварительные минералого-геохимические исследования свидетельствуют, что в северной группе поселений (Куйсак, Каменный амбар, Родники, Сарым-Саклы, Устье) хромиты в шлаках отличаются повышенными количествами цинка (0,2–1,3 % ZnO) и присутствием разностей с содержанием  $\text{Cr}_2\text{O}_3$  38–42 %. Хромиты в шлаках южной группы археологических памятников (от Ишкиновки до Аркаима) близки между собой и среди них отсутствуют низкохромистые разности (переобладают содержания  $\text{Cr}_2\text{O}_3$  48–55 %). Соответственно, палеометаллурги этих поселений использовали иной источник руд.

*Расплавные включения* принадлежат к меди и двум типам бронз: мышьяковым и оловянным. Получение первых связано, по имеющимся данным, с использованием арсенидных руд кобальт-медно-колчеданных месторождений, залегающих в гипербазитах. Оловянные бронзы фиксируются присутствием соответствующих корольков в шлаках. Ранее такие включения не были выявлены в продуктах уральской металлообработки и их наличие свидетельствует об использовании палеометаллургами оловосодержащих руд. Данный вид полезных ископаемых не обнаружен в ощутимых количествах на Урале. Источником этого сырья, по геологическим данным, служили оловянные месторождения Казахстана.

#### *Древние изделия из меди и бронз*

В исследованных археологических памятниках выявлены металлические изделия, среди которых установлены топоры, ножи, долота, тесла, крюки, шилья, пронизи, бляшки, браслеты, бусы, кольца, подвески.

*На Синташтинском поселении* предметы изготовлены из пяти типов металла: 1 – чистой меди, содержащей мышьяк, олово и серебро в количестве менее 0,1 %; 2 – мышьяковистой меди, содержащей мышьяк в пределах 0,1–1 %; 3 – серебристой меди с содержанием десятых долей процента серебра; 4 – мышьяковой бронзы, с содержанием мышьяка 1–4 %; 5 – оловянной бронзы с содержанием олова 1–7 %. Два украшения, сделанные из оловянной бронзы, очевидно, привезены из другого металлургического центра (Зайкова 2002).

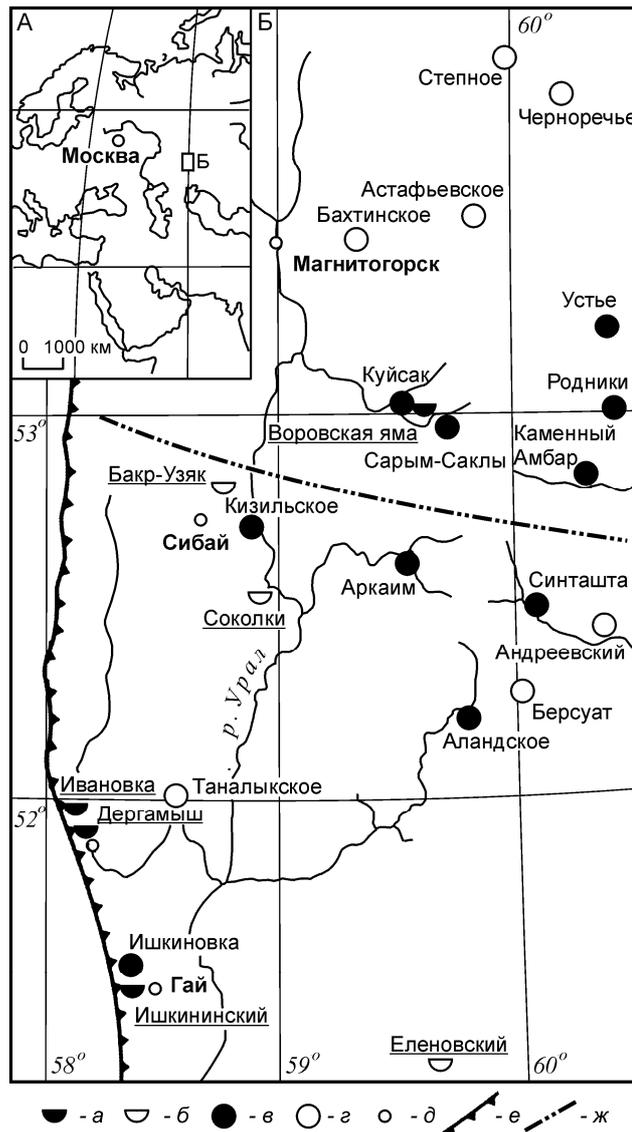


Рис. 1. Схема расположения рудников и поселений бронзового века на Южном Урале:

А – положение исследуемого региона в Северо-Восточной Евразии; Б – рудники Южного Урала.

Условные обозначения: *a* – древние рудники с хромитсодержащими рудами; *b* – то же, на которых не выявлены хромитсодержащие руды; *v* – поселения бронзового века с хромитсодержащими шлаками; *g* – то же, на которых не выявлены хромитсодержащие шлаки; *d* – современные населенные пункты; *e* – западный шов Главного Уральского разлома; *z* – граница предполагаемого раздела южной и северной групп поселений с различными источниками медного сырья

На поселении Аркаим и в Большекараганском мог-ке большинство предметов сделано из чистой меди (Бушмакин 2002), т. к. примеси составляют менее 0,5 %. Несколько экземпляров шильев и ножей оказались сделаны из мышьяковой бронзы (содержания мышьяка 1,1–2,8 %) и мышьяковистой меди (содержания мышьяка 0,13–0,88 %), а один предмет – из никелевой бронзы (содержание никеля 1,1 %). При этом включения корольков меди в шлаке представлены никелистой бронзой, мельхиором, чистой медью. Исходя из данных по составу шлаков и обломков руды предполагается, что для медеплавильного производства на Аркаиме были использованы малахитсодержащие серпентиниты, бурые железняки (зона окисления колчеданных месторождений), кварцевые жилы и хлорит-турмалиновые породы. При составлении шихты к руде добавляли кварц и лимонит.

На поселении *Каменный амбар* проанализированы металлические пластины, представленные бронзой оловянной селенсодержащей и мышьяковистой. В первой – содержание олова 3–5 % и примесь селена до 3 %, во второй – содержание мышьяка 1–2 %. Кроме этого, в бронзе выявлены включения свинца, оксидов и сульфидов меди. Эти результаты надежно коррелируют с данными спектро-аналитического изучения металла мог-ка *Каменный Амбар-5*, синхронного ранней фазе существования поселения. Основу коллекции составляют мышьяковистая бронза и мышьяковистая медь (Дегтярёва 2010: табл. 10). Исключением из этого «правила» являются украшения с большими концентрациями олова (5,1 % и 8,2 %), в одном случае сопровождаемого свинцом (5 %) и цинком (4,6 %).

Из кургана *Степного* проанализировано 44 предмета из коллекции Д. Г. Здановича и И. В. Приёмовой. По составу они представлены следующими группами: чистой медью (топоры, ножи, сплески, бляшки); мышьяковой бронзой (проколки, скрепки); оловянной бронзой. Последняя группа наиболее многочисленна и к ней относятся разнообразные украшения (браслеты, бусины, кольца, подвески) и инструменты (пинцет, шилья). Содержание олова находится в пределах 2–14 %. Среди уральских археологических памятников бронзового века могильник *Степное-7* выделяется наиболее явственными оловянными бронзами. Этот факт мы увязываем с обнаружением в шлаках близлежащих поселений включений оловянных бронз, что свидетельствует о местном производстве данного металла.

#### *Добыча золотых руд и производство ювелирных украшений*

*Следы разработки коренных и россыпных месторождений золота.* Выявлены признаки добычи золота из золото-кварцевых жил на древних рудниках в бассейнах р. Кизил и Сакмара, в Баймакском золоторудном районе (Двести лет... 1948: 112–122). Древние выработки выглядят как карьеры и маленькие шахты, на стенах которых сохранилась копоть. Вблизи выработок найдены каменные песты и ступы в виде каменных плит диаметром 30 см с углублением в середине. О разработке россыпей косвенно свидетельствуют находки бронзовых и каменных кирок в золотоносных песках. Такие находки отмечены в россыпях Миасского и Кочкарского рудных районов.

*Древние ювелирные украшения* найдены в археологических памятниках Урала на территории Оренбургской и Челябинской обл., а также Республики Башкортостан. Особенно богаты могилы Филипповка I, Переволочан I, Магнитный, Кичигино I. Поражает воображение коллекция золотых оленей и украшений из Филипповки в музеях Уфы и Оренбурга (Яблонский 2008). Все предметы выполнены в «сибирском зверином стиле». Предметы ювелирного дела в виде различных заготовок и мотков проволоки найдены в мастерской средневекового городища Уфа II.

*Состав археологического золота* разнообразен. На основании гистограмм распределения пробности золота выделяются следующие группы изделий по составу (в промилле): высокопробные (980–860), средней пробности (840–600), низкопробные (550–370). Это свидетельствует о различных источниках металла. Дана характеристика состава золотых изделий, выявленных в археологических памятниках Башкортостана, Челябинской и Оренбургской обл. По составу преобладают предметы с содержанием золота 82–87 %, реже – 61–67 %. В ювелирной мастерской городища Уфа II выявлена проволока с содержанием Au 97 %. По содержанию меди определены предметы, при производстве которых использовалось легирование: в природном золоте этот показатель менее 3 %, а изделия с более высоким содержанием (до 9 %) получены при искусственном введении в расплав меди. Важной деталью состава древнего золота являются включения осмия, выявленные в нескольких археологических памятниках и описанию которых посвящена специальная статья в данном сборнике.

#### *Задачи дальнейших исследований*

Основными задачами по дальнейшему изучению геоархеологии Уральского региона являются: 1) анализ «металлической» минерально-сырьевой базы древних обществ различных эпох; 2) исследование строения горнодобывающих выработок и состава руд на новых рудниках; 3) поиски металлургических мастерских, функционировавших в бронзовом и раннем железном

веке; 4) выявление минеральных и геохимических индикаторов распространения сырья из определенных источников на Урале и в сопредельных территориях; 5) определение масштаба добычи минерального сырья и организации горнодобывающего и палеометаллургических производства.

- Бушмакин 2002 – *Бушмакин А. Ф.* Металлические предметы из кургана 25 Большекараганского могильника // *Зданович Д. Г.* Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника. Челябинск, 2002. Кн. 1. С. 132–143.
- Горная 1987 – Горная энциклопедия / под ред. Е. А. Козловского. М., 1987. Т. 3.
- Двести лет... 1948 – Двести лет золотой промышленности Урала. Свердловск, 1948.
- Дегтярёва 2010 – *Дегтярёва А. Д.* История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск, 2010.
- Зайков и др. 2011 – *Зайков В. В., Юминов А. М., Зайкова Е. В., Таиров А. Д.* Основы геоархеологии. Челябинск, 2011.
- Зайкова 2002 – *Зайкова Е. В.* Геохимические типы меди и бронз в металлических изделиях поселения Синташта // Археологический источник и моделирование древних технологий. Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск, 2000. С. 104–111.
- Яблонский 2008 – *Яблонский Л. Т.* Сарматы Южного Приуралья // Сокровища сарматских вождей (материалы раскопок Филипповских курганов). Оренбург, 2008. С. 17–32.

***И. Н. Васильева, А. А. Выборнов, Г. И. Зайцева  
(Самара, Санкт-Петербург, Россия)***

### **Новые подходы к изучению неолитических культур степей Поволжья (по данным технологического и радиоуглеродного анализов керамики)<sup>74</sup>**

Степные пространства Поволжья соприкасаются с рядом очагов производящего хозяйства Евразии. По мнению специалистов, они оказали влияние на процесс неолитизации северных районов, что проявилось и в появлении керамики (Сорокин 2008). Проведен полный анализ соотношения автохтонных и миграционных факторов сложения неолитических сообществ (Долуханов 2003). Относительно степей Нижнего Поволжья исследователи также затрагивают вопрос о производящем хозяйстве в среде носителей неолитических культур (Кольцов 2004; Юдин 2004; Моргунова 2004; Вискалин 2010). Однако на однослойных памятниках степного Поволжья палеозоологи не обнаружили костей домашних животных.

Применяя лишь типологический метод, современные исследователи на одних и тех же материалах выдвигают противоположные точки зрения. Так, на основе изучения керамики одни находят истоки елшанской культуры в Средней Азии (Васильев, Выборнов 1988), а другие – на Балканах (Вискалин 2002). Возникли существенные противоречия и в определении хронологии процесса неолитизации в изучаемом регионе. В частности, выявились значительные различия между датировками, полученными по углю и костям Варфоломеевской стоянки (Выборнов 2007). Это весьма существенно, т. к. данный памятник из-за наличия стратиграфии является эталонным. Схожая ситуация сложилась и в определении хронологии елшанской культуры, основанной на датах, полученных по раковинам моллюсков. Они послужили базой для предположения о ее формировании во второй половине VII тыс. до н. э. и автохтонном характере (Мамонов 2000).

Авторы данной статьи не ставят под сомнение возможности как типологического, так и радиоуглеродного методов. Речь идет о необходимости расширения подходов к разработке проблем неолитизации Поволжья с помощью новых методик в рамках уже существующих методов. Так, разрабатывается методика радиоуглеродного анализа непосредственно самой керамики. Она опубликована как в отечественных (Ковалюх, Скрипкин 2007; Зайцева и др. 2008; Выборнов и др.

<sup>74</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00393а.

2008), так и зарубежных (Zaitseva et al. 2009) изданиях. По этой методике осуществляется датирование керамики в разных лабораториях.

Исследование технологии изготовления неолитической керамики Поволжья проводится в рамках разработанного А. А. Бобринским историко-культурного подхода к изучению керамики. Он включает бинокулярную микроскопию, трасологию и эксперимент в виде физического моделирования. Источниковая база состоит из данных технико-технологического анализа более 1500 сосудов неолитических памятников, расположенных на указанной территории. Часть коллекций к настоящему времени изучена практически полностью (стоянки Северного Прикаспия, елшанской культуры) или в значительном объеме (Варфоломеевка, Орловка, Ивановка). Результаты исследований опубликованы (Бобринский, Васильева 1998; Васильева 1999; 2006; 2009). Полученные данные позволили дать общую характеристику неолитического гончарства изучаемого региона и вычлнить наиболее важные для изучения проблем зарождения и распространения неолитического гончарства элементы гончарной технологии – представления об исходном пластичном сырье и рецептуру формовочных масс.

Выводы исследования базируются на гипотезе А. А. Бобринского о возникновении гончарства, которая научно аргументирована и основывается на многочисленных этнографических и экспериментальных данных, но главное – на результатах микроскопического изучения конкретной археологической керамики эпохи неолита Восточной Европы и Ближнего Востока (Бобринский 1978; 2006). Суть ее заключается в том, что в «очагах» зарождения гончарства существовал длительный догончарный период, в течение которого для изготовления емкостей использовались органические природные пластические материалы (до работ А. А. Бобринского факт изначального использования глин в качестве сырья для древнейшей керамики никем не подвергался сомнению). Изделия из органических природных материалов не обжигались, а только высушивались и применялись для хранения и переноски продуктов. Эволюционное развитие гончарных традиций шло по пути добавления в органическую массу глины в качестве примеси и постепенного увеличения доли глины в ней. Параллельно происходило совершенствование технологии обжига: от очень низких температур (до 450°) – к низким (менее 650°), а затем – к температурам каления (выше 650–700°). Первоначально к органическим природным материалам, используемым в древнем гончарстве, А. А. Бобринский относил навоз животных, помет птиц, пресноводных моллюсков с их раковинами, которые отражали особенности хозяйственной деятельности древних коллективов, существовавшей ко времени зарождения гончарства. По мнению исследователя, факты использования различных природных органических материалов в изготовлении неолитической керамики являются свидетельством независимого хода развития, а возможно, и зарождения гончарства в разных культурно-хозяйственных группах древнего населения (Бобринский 1978). Важнейшим итогом работ А. А. Бобринского в области изучения древнего гончарства стало осознание того, что проблема происхождения гончарства может решаться с новых позиций, а именно с рассмотрения особенностей процесса зарождения представлений древнего населения о конкретных природных пластических материалах как сырье для изготовления емкостей. Различия видов этих материалов могут свидетельствовать о принадлежности древних гончарств к разным центрам или очагам производства.

На основе анализа видов пластичного сырья, из которого была изготовлена неолитическая керамика степной зоны Поволжья, удалось оконтурить два ареала распространения ранне-неолитических гончарных традиций: ареал древнейшего гончарства, основанного на *илах* и ареал елшанских традиций, связанный с использованием *илистых глин* и «шамотной» традицией составления формовочных масс.

Исследование древнейшей керамики юга степного Поволжья позволило выявить один, но более универсальный вид пластичного сырья: речные и озерные илистые отложения, которые представляли собой естественным путем подготовленную формовочную массу, включавшую как глинистый субстрат и минеральные примеси, так и перегнившие остатки растительной и животной

органики (Васильева 1994; Бобринский, Васильева 1998). В целом же, исходя из гипотезы происхождения гончарства на базе опыта использования органических и илистых материалов, в ранних керамических комплексах на территории очагов зарождения гончарства должны остаться следы догончарного периода, связанные с определенными составами формовочных масс и использованием огня только как объекта почитания, обладавшего очистительными и другими магическими свойствами (Бобринский 1999). Все признаки таких реликтов прослежены в керамических материалах Северного Прикаспия, что позволяет нам предполагать самостоятельный характер зарождения гончарства в данном регионе. Важно подчеркнуть, что данная технология в Северном Прикаспии существует без изменений на всем протяжении неолита (Васильева 1999).

А. В. Виноградов отмечал близость кельтеминарских древностей и североприкаспийских материалов (Виноградов 1981), что дало основание предполагать участие кельтеминарцев в генезисе каиршакской культуры. Были приведены соответствующие контраргументы (Васильев, Выборнов 1988). Благодаря технологическому анализу керамики обеих культур можно констатировать существенные различия между ними. Кельтеминарскую посуду изготавливали из глин с примесью песка или шамота (Виноградов 1968; Виноградов, Мамедов 1975; Цетлин 2007). Это принципиально отличает ее от североприкаспийской. Вряд ли есть основания трактовать эти различия экологическими нишами. Кроме того, глина (не говоря уже о песке) широко представлена и в Северном Прикаспии.

Факт, что северокаспийская технология является одной из древнейших, подтверждается и данными радиоуглеродного анализа керамики. Если по углистой почве для стоянок развитого неолита были получены даты 6900–6700 л. ВР, то по керамике – 7900–7600 л. (Выборнов 2008). Данное расхождение могло бы объясняться спецификой технологии керамики. Ил содержит естественную примесь раковин озерных моллюсков, что приводит к резервуарному эффекту. Это подтверждается на примере датировок керамики со стоянки Тентексор. В киевской лаборатории была получена дата 6640 л. ВР, что и вызвало определенное недоумение у специалистов, поскольку по почве дата была 5500 л. ВР. Затем фрагмент с Тентексора был исследован в лаборатории г. Уппсала. Из него были удалены раковины моллюсков, по которым дата – 7235 л. ВР, а на АМС продатирован фрагмент керамики без раковин – 6695 л. ВР. То есть примесь раковины удревает возраст на 500 лет (Зайцева и др. 2008), а во-вторых, киевская и уппсальская даты совпали. Дело в том, что в киевской лаборатории перед датированием фрагмент обрабатывается плавиковой кислотой, которая уничтожает карбонаты. Поэтому они не могут оказать воздействие на возраст даты. Дата по керамике со стоянки Тентексор, полученная в лаборатории РГПУ – 6650 л. ВР, совпала с предыдущими значениями. Затем были продатированы кости – 6540 л. ВР, что подтвердило прежние даты по керамике (Барацков и др. 2012). Что касается стоянок каиршакского типа, то по Каиршаку III были получены даты 7800–7600 л. ВР, а в дальнейшем на АМС в г. Уппсале – 7775 л. ВР. Сделана дата и по нагару – 7700 л. ВР. Допустимы два вывода. Во-первых, методика радиоуглеродного датирования керамики юга Нижнего Поволжья дает положительный результат. Во-вторых, подтверждается глубокая древность керамики данного региона по сравнению с посудой культур соседних областей, включая кельтеминарскую.

В степном Поволжье уже в развитом неолите происходил переход к новым видам пластичного сырья – илистым глинам и глинам. Использование илистых глин мы рассматриваем как переходное звено в эволюции сырьевой базы гончарства – от илов к глинам. Эти заключения подкреплены результатами изучения стратифицированной Варфоломеевской стоянки (Васильева 2009). Было установлено, что процесс перехода от илов к илистым глинам не был одновременным и хронологически определенным событием. В частности, им не были затронуты древние коллективы, оставившие стоянки Тентексор I в Северном Прикаспии и Орловка в степном Поволжье. Параллельно с переходом к илистым глинам и глинам формировалась только одна культурная традиция: подготовка формовочных масс с искусственной примесью дробленой раковины. Следует подчеркнуть, что в неолитических материалах Нижнего Поволжья не обнаружены рецепты формовочных масс с шамотом.

Интересные данные были получены в результате радиоуглеродного датирования керамики Варфоломеевской стоянки. Слой 2А по костям датировался 5430–5220 л. ВР, что противоречило археологическим представлениям о развитии неолита–энеолита в степном Поволжье. По керамике в киевской лаборатории были получены даты по этому слою: 6540–6860 л. ВР. Во-первых, они совпали с датами по керамике стоянок тентексорского типа. Это важно, поскольку специалисты по неолиту Нижнего Поволжья признают типологическое и стадияльное сходство этих комплексов. Во-вторых, по керамике из слоя 2А в Уппсале на АМС были получены даты: 6693 и 6544 л. ВР (Зайцева и др. 2011). Они совпали с киевскими датами как по Варфоломеевке, так и по Тентексору. По керамике слоя 2Б Варфоломеевской стоянки в киевской лаборатории были получены даты, включая 7070 и 7230 л. ВР, а в лаборатории Уппсалы на АМС – 7040 л. ВР. Хронологический разрыв между датами слоев 2А и 2Б вполне реален, поскольку зафиксирована прослойка мощностью 20–30 см, разделяющая их (Юдин 2004). Что касается слоя 3, то в киевской лаборатории получены даты: 7260, 7170 и 7620, 7760 л. ВР. Отличия дат слоя 3 и 2Б допустимо трактовать разрывом между ними при их формировании (Юдин 2004). Внутри слоя 3 также допустимы подпериоды, поскольку мощность слоя достигает 70 см. И если дата 7250 л. ВР относится к посуде, украшенной прочерченными узорами, то значение 7620 л. ВР получено по неорнаментированному плоскому дну. Интересно отметить, что именно в слое 3 Варфоломеевской стоянки присутствует посуда из ила и с прочерками каиршаковского типа. Таким образом, допустимо констатировать приемлемость применения радиоуглеродного датирования по керамике и в данном регионе.

Сходная картина прослеживается и по материалам поселения Джангар, в нижнем слое которого также представлена орнаментированная керамика из ила, аналогичная каиршаковской. Керамика слоя 3 Джангара датируется 7080 л. ВР. Можно предполагать, что контакты населения Северного Прикаспия с обитателями Варфоломеевской стоянки начались в период существования стоянки Каиршак III, а с населением Джангара – во время бытования стоянки Каиршак I, даты по керамике которой совпадают с джангарскими. На поселении Джангар между 3 и 2 слоями, из очага по углю получена дата 6870 л. ВР (Кольцов 2004). Дата по керамике из 3 слоя – 6990 л., а из 2 слоя – 6780 л. ВР. Таким образом, и в данном случае есть основания считать даты по керамике приемлемыми.

Для второго, елшанского ареала древнейшего гончарства было характерно: распространение взглядов на илистые глины как сырье для производства посуды; отбор, в основном, запесоченного ожелезненного сырья без раковины; существование двух традиций составления формовочных масс (с шамотом и без него) (Васильева 2007; 2011). В гончарстве преобладающей части елшанского населения илистые глины выполняли функцию моносырья. В то же время имелись производства елшанской керамики, в которых илистые глины служили основным сырьем, к которому добавлялась примесь шамота. Эти факты могут отражать два возможных процесса: эволюцию взглядов местного населения на пластичное сырье (от уровня протогончарства до архегончарства) или определенную изначальную смешанность данной группы неолитического населения Поволжья. Данные о елшанской гончарной технологии дают основания предполагать неместный характер ее происхождения. Освоение того или иного вида пластичного сырья представляло собой длительный процесс формирования представлений о нем как сырье для производства посуды. Елшанские гончарные традиции появились в Волго-Уралье, будучи уже на более высоком этапе развития, чем развивающееся одновременно гончарство культур прочерченно-накольчатой керамики. Можно предполагать, что начальные звенья эволюции елшанского гончарства находились за рамками изучаемого региона. Об этом свидетельствуют и даты.

Благодаря изысканиям последних лет стало понятно, что значения древнее 8000 л. ВР и моложе 6000 л. ВР не корректны по отношению к елшанской культуре (Андреев и др. 2012). Наиболее достоверный интервал для самых ранних комплексов – 8000–7220 л. ВР. Даты по керамике стоянок Большая Раковка – 7790 л., Чекалино IV – 7660 л., Ивановской – 7560 л. ВР. Они хорошо коррелируют с датами по раковинам и костям. Дата по углю – 7250 л. и дата на АМС по керамике – 7222 л.

ВР. Последние значения совпадают с датами по кельтеминарским материалам Аякагитмы (Szymczak et al. 2006), где представлены наконечники стрел, не характерные для ранних памятников. Поэтому вполне приемлемы для елшанской культуры и даты 7790–7560 л. ВР. Елшанская керамика аналогична именно ранним среднеазиатским материалам типа Учащи 131 и Лявлякан 221, которые характеризуются тонкостенностью, плотностью, залощеностью поверхности, профилированностью, остродонностью, рядом ямок под венчиком, слабой орнаментированностью.

Таким образом, новые подходы к изучению неолитической керамики степного Поволжья позволяют получить полезную информацию для разработки проблем неолитизации.

- Андреев и др. 2012 – *Андреев К. М., Выборнов А. А., Кулькова М. А.* Некоторые итоги и перспективы радиоуглеродного датирования елашанской культуры лесостепного Поволжья // Изв. СНЦ РАН. 2012. С. 156–160.
- Барацков и др. 2012 – *Барацков А. В., Выборнов А. А., Кулькова М. А.* Проблемы абсолютной хронологии неолита Северного Прикаспия // Там же. С. 161–164.
- Бобринский 1978 – *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
- Бобринский 1999 – *Бобринский А. А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999. С. 5–109.
- Бобринский 2006 – *Бобринский А. А.* Данные технологии о происхождении гончарства // ВАП. 2006. Вып. 4. С. 413–421.
- Бобринский, Васильева 1998 – *Бобринский А. А., Васильева И. Н.* О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: Межвуз. сб. Самара, 1998. С. 193–217.
- Васильев, Выборнов 1988 – *Васильев И. Б., Выборнов А. А.* Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев, 1988.
- Васильева 1994 – *Васильева И. Н.* Илы как исходное сырье для древнейшей керамики Поволжского региона // Тезисы междунар. конф. по применению методов естественных наук в археологии. СПб, 1994. С. 111.
- Васильева 1999 – *Васильева И. Н.* Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // ВАП. 1999. Вып. 1. С. 72–96.
- Васильева 2006 – *Васильева И. Н.* К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // ВАП. 2006. Вып. 4. С. 426–439.
- Васильева 2007 – *Васильева И. Н.* О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // АПО. 2007. Вып. VIII. С. 23–38.
- Васильева 2009 – *Васильева И. Н.* Об эволюции представлений о пластичном сырье в среде неолитического населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки) // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург, 2009. С. 65–77.
- Васильева 2011 – *Васильева И. Н.* Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // АЭАЕ. 2011. № 2 (48). С. 70–81.
- Виноградов 1968 – *Виноградов А. В.* Неолитические памятники Хорезма. М., 1968.
- Виноградов 1981 – *Виноградов А. В.* Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М., 1981.
- Виноградов, Мамедов 1975 – *Виноградов А. В., Мамедов Э. Д.* Первобытный Лявлякан. М., 1975.
- Вискалин 2002 – *Вискалин А. В.* Пути неолитизации Волго-Камья (к постановке вопроса) // ТАС. 2002. Вып. 5. С. 274–283.
- Вискалин 2010 – *Вискалин А. В.* Динамика климатических колебаний и культурные процессы в неолите Волго-Уральской лесостепи // Человек и древность: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010. С. 228–236.
- Выборнов 2007 – *Выборнов А. А.* О противоречии в периодизации неолита Доно-Волжской лесостепи и степи // Археологическое изучение центральной России. Липецк, 2007. С. 102–105.

- Выборнов 2008 – *Выборнов А. А.* Корректировка радиоуглеродной хронологии неолита Нижнего Поволжья // Изв. СНЦ РАН. Самара, 2008. Т. 10, № 4. С. 1249–1255.
- Выборнов и др. 2008 – *Выборнов А. А., Ковалюх Н. Н., Скрипкин В. В.* К радиоуглеродной хронологии неолита Среднего Поволжья: западной регион // Российская археология. 2008. № 4. С. 64–66.
- Долуханов 2003 – *Долуханов П. М.* Неолитизация Европы: хронология и модели // Неолит и энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы. СПб, 2003. С. 193–206.
- Зайцева и др. 2008 – *Зайцева Г. И., Ковалюх Н. Н., Скрипкин В. В., Выборнов А. А., Долуханов П. М., Посснерт Г.* Радиоуглеродное датирование керамики памятников неолита Евразии: проблемы и перспективы // Мат-лы II (XVIII) Всерос. АС в Суздале. М., 2008. Т. I. С. 217–219.
- Зайцева и др. 2011 – *Зайцева Г. И., Скаковский Е. Д., Посснерт Г., Выборнов А. А., Ковалюх Н. Н., Скрипкин В. В.* Органическое вещество керамики: природа, органические компоненты и достоверность радиоуглеродных дат // Тр. III (XIX) Всерос. АС. СПб; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. 2. С. 383–385.
- Ковалюх, Скрипкин 2007 – *Ковалюх Н. Н., Скрипкин В. В.* Радиоуглеродное датирование археологической керамики жидкостным сцинтилляционным методом // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб, 2007. С. 120–125.
- Кольцов 2004 – *Кольцов П. М.* Поселение Джангар. М., 2004.
- Мамонов 2000 – *Мамонов А. Е.* Елшанская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Каменный век. Самара, 2000. С. 147–176.
- Моргунова 2004 – *Моргунова Н. Л.* К проблеме определения культурной принадлежности и хронологии неолитических памятников Самарского Поволжья и Южного Приуралья // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб, 2004. С. 214–226.
- Сорокин 2008 – *Сорокин А. Н.* Мезолитоведение Поочья. М., 2008.
- Цетлин 2007 – *Цетлин Ю. Б.* О происхождении верхневолжской культуры // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Йошкар-Ола. 2007. С. 197–208.
- Юдин 2004 – *Юдин А. И.* Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004.
- Szymczak et al. 2006 – *Szymczak K., Khudzhazarov M., Fontugne M.* Exploring the Neolithic of the Kyzyl-Kums. Warsaw, 2006.
- Zaitseva et al. 2009 – *Zaitseva G. Skripkin V. Kovaliukh N. Possnert G. Dolukhanov P. Vybornov A.* Radiocarbon dating of neolithic pottery // Radiocarbon. 2009. Vol. 51, no 2. P. 795–801.

**С. Н. Скочина (Тюмень, Россия)**

### **Трасологический анализ костяных вкладышевых оправ (из коллекций неолитических памятников оз. Мергель)**

Для неолитической эпохи Тоболо-Ишимского региона вкладышевые орудия из кости и рога относятся к числу достаточно редких находок. Поэтому большой интерес представляют орнаментированные однолезвийные оправы, обнаруженные при раскопках поселений на оз. Мергель (V тыс. до н. э.). Предметы, представляющие собой оправы трех ножей и кинжаловидного изделия, отнесены к охотничьему и к бытовому оснащению. Оправы ножей выполнены из ребер животных (в двух случаях ребра расщепляли, в одном – нет), кинжаловидная оправка изготовлена из длинного расщепленного отростка рога. Форма будущему орудию придавалась скоблением и строганием, затем с помощью каменного резца прорезался паз, окончательной доработкой являлась частичная косая пришлифовка поверхности и краев изделий. Орнамент наносился тонкой гравировкой.

К категории охотничьего снаряжения отнесена кинжаловидная заготовка (40 × 5,5 × 2,9 см). Она выполнена из массивного расщепленного рога и в плане имеет вытянуто-треугольную форму. Сечение основной части – линзовидное, у острия – трапециевидное. Паз расположен вдоль одного продольного края и начинается на расстоянии 20,5 см от острия. Поперечное сечение паза V-образное,

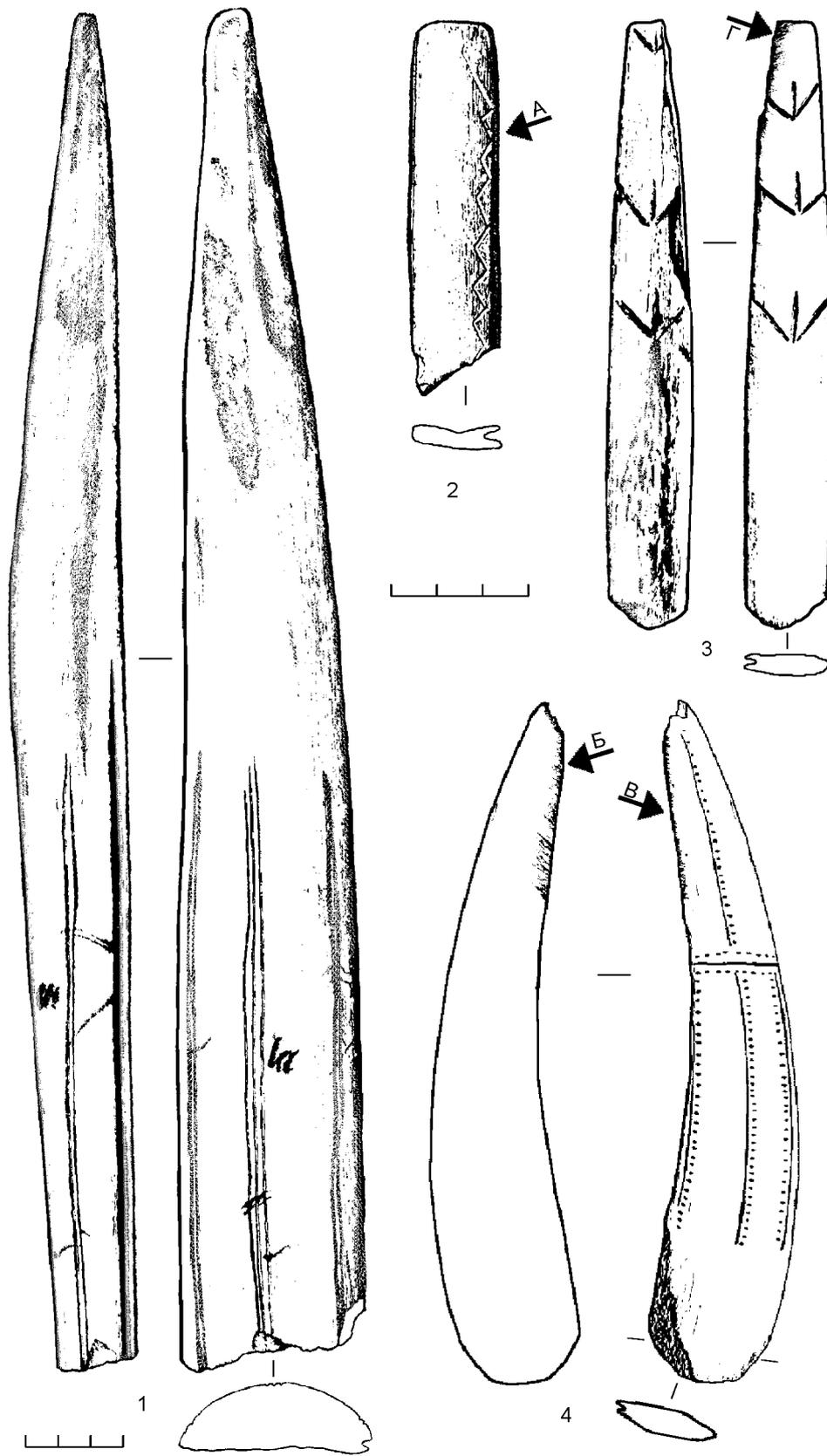


Рис. 1. Орнаментированные вкладышевые оправы из поселений Мергень 6 (1, 3–4) и Мергень 5 (2):  
 1 – кинжаловидная оправа; 2 – мясной нож; 3 – рыбный нож; 4 – строгальный нож (А – Г – см. на рис. 2)

ширина и глубина его – 0,5 см. Рукоять не выделена или обломана. Выпуклая плоскость оправы украшена вертикальными, сгруппированными по две и три гравированными линиями (рис. 1, 1). Каких-либо следов сработанности не обнаружено.

К категории бытовых ножей относятся две прямые однолезвийные оправы режущего действия и оправка ножа колюще-режущего действия.

Первая оправка (9,5 × 2,2 × 0,6 см) плоская, с подпрямоугольным концом, изготовлена из расщепленной кости, которой строганием и пришлифовкой придано выпукло-вогнутое поперечное сечение (рис. 1, 2). Рукояточная часть обломана. Паз начинается у поперечного края оправки, он V-образный шириной 0,4 см, сужающийся до 0,1 см, глубина паза – 0,25 см. На одной плоскости, у края гравировкой нанесен орнамент в виде тонкой зигзагообразной линии. Блок признаков от использования представлен характерной изношенностью кромок паза, заполировкой и линейными следами. Под микроскопом кромка продольных краев паза сглажена, выкрошенности нет, в поперечном сечении она арочная, на ней фиксируется слабая заполировка с размытыми очертаниями. Линейные следы обнаружены на двух продольных краях у паза – это редкие длинные, тонкие линии, параллельные длинной оси орудия (рис. 2, А). Характер изношенности указывает на использование оправки в качестве разделочного ножа, напр., для резания мяса.

Вторая оправка (19,6 × 2,5 × 1 см) плоская, с подпрямоугольным концом (более узким по сравнению с шириной рукояти), изготовлена из расщепленного ребра, имеющего выпукло-вогнутое поперечное сечение. Начало рукояти не выделено, условно определяется по концу паза, длина рукояти, таким образом, составляет около 10 см. Паз начинается у поперечного края оправки, его длина – 9 см. Паз U-образный в сечении, шириной 0,3 см, глубиной 0,6 см. Обе плоскости орудия украшены тремя вертикально поставленными «трехлистниками» (рис. 1, 4).

Визуально у краев паза наблюдается легкая выкрошенность кромки, а у поперечного конца оправки с одной стороны фиксируются грубые царапины, расположенные чуть наклонно относительно длинной оси орудия. Под микроскопом для лезвия следы фиксируются с одного края паза. Кромочная линия имеет частичный, «рваный», выкрошенный характер. Линейные следы в виде длинных царапин, локализованные у конца оправки, расположены наклонно по отношению к длинной оси изделия. Это широкие, сужающиеся на плоскости длинные царапины, ниже вдоль краев паза лезвия фиксируются редкие, иногда сгруппированные короткие царапины. Заполировки практически нет (рис. 2, Г). Подобный блок следов фиксируется на деревообрабатывающем комплексе из кости и рога с поселения Мергень 6 (рис. 2, Д), что указывает на использование оправки в качестве строгального ножа.

Плоская изогнутая оправка ножа (16 × 2,8 × 0,9 см) выполнена из нерасщепленной кости. Оправка имеет линзовидное поперечное сечение, острый конец и паз для вкладышей на вогнутом крае. Рукоять не выделена. Верхняя обушная часть в зоне ухвата чуть подработана обивкой. Паз начинается прямо у острия и завершается на расстоянии 3,5 см, не доходя до конца оправки. Поперечное сечение паза U-образное, ширина его – 0,3 см, глубина – 0,5 см (рис. 1, 3).

На одной плоскости оправки нанесен линейный орнамент в техниках гравировки и перфорирования. Орнамент выполнен каменным резчиком или резцом, под микроскопом видны полосы от гравировки. Узор представляет собой прочерченные линии с параллельными им рядами точек. В наиболее широкой части оправки, в зоне ухвата расположены три параллельные линии с рядами точек (по краям и по центру плоскости). Ближе к сужающемуся концу орудия, в месте, где видимо, заканчивается область ухвата, поперек оси предмета и линиям с точками прочерчена линия с точками и за ней, по оси оправки продолжается только центральная линия с точками. Узор похож на имитацию шва. На другую плоскость нанесено восемь косых разновеликих линий.

Под микроскопом следы от использования обнаружены с двух сторон у края паза орудия. Кромочная линия заглаженная, в поперечном сечении затуплена, заполировка яркая, выглаживающая микрорельеф. Основная локализация линейных следов приурочена к острому концу оправки.

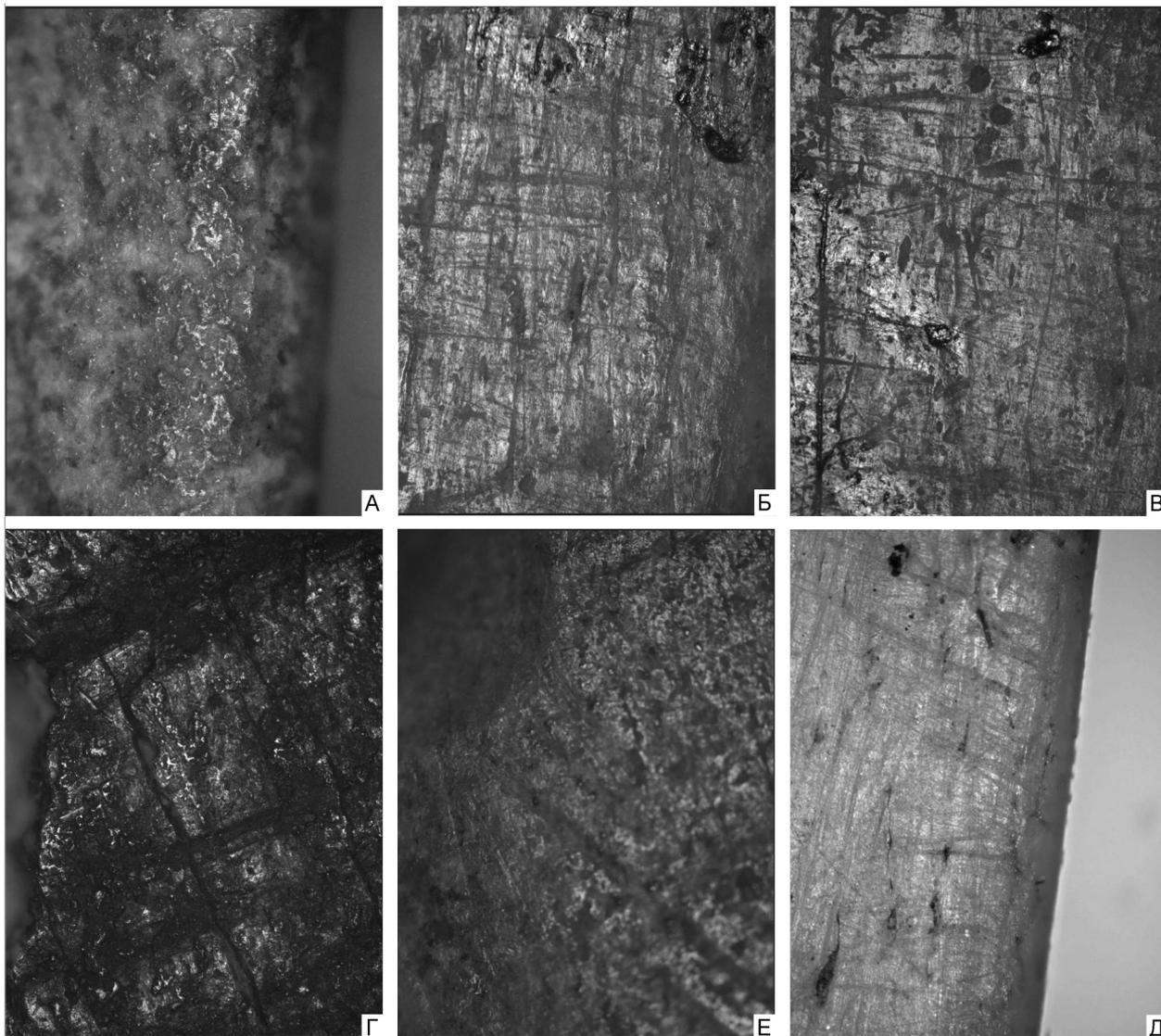


Рис. 2. Микрофотографии следов сработанности (увеличение  $\times 5$ , микроскоп Olympus BX-51):

А – заполировка и продольная линия у края паза на мясном ноже; Б–В – перпендикулярные и наклонные царапины и риски на рыбном ноже; Г – диагональные царапины на лезвии строгального ножа; Д – линейные следы от обработки дерева; Е – царапины и риски от чистки рыбы на экспериментальном ноже

На одной стороне линейные следы представлены в виде длинных, тонких, параллельных друг другу частых рисок, расположенных наклонно и перпендикулярно к длинной оси изделия. На другой стороне следы представлены в виде коротких царапин, часто пересекающихся, также расположенных перпендикулярно относительно оси (рис. 2, Б–В). Кроме того, вдоль кромки паза обнаружены продольные линии. Характер следов четко соотносим с износом, зафиксированным на экспериментальном ноже из ребра, использовавшегося для чистки рыбы (рис. 2, Е).

Таким образом, трасологический анализ позволил конкретизировать функциональное назначение вкладышевых оправ и установить их разнообразное использование в сфере хозяйственно-бытовой деятельности. Необходимо отметить, что на фоне многочисленного и разнообразного типологического ряда орудий, характеризующих определенную отрасль производства на поселении Мергень 6, оправы ножей довольно редки. Видимо использование данного типа орудий отходит на последний план в хозяйственной деятельности и приобретает неутилитарное значение. Заметим, что кинжаловидная оправка и изогнутый нож были обнаружены на дне неолитических жилищ в составе т. н. строительных жертв.

Для неолитического времени мергенская коллекция оправ является единственной, обнаруженной на территории Тоболо-Ишимского междуречья. Ближайшим памятником, где имеется богатое собрание вкладышевых изделий эпохи мезолита и неолита, является Шигирский торфяник (Савченко 2005). Подобные предметы широко представлены в мезолите Восточной Европы (Жилин 2001). Оправы с тупым окончанием встречены на памятниках серовской культуры Прибайкалья (Окладников 1950). Наши находки несколько отличаются от изделий с перечисленных территорий, тем самым демонстрируя своеобразие мергенского комплекса.

Жилин 2001 – *Жилин М. Г.* Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.

Окладников 1950 – *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М., 1950 (МИА. № 18).

Савченко 2005 – *Савченко С. Н.* Кинжалы и ножи из кости и рога Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005. С. 213–237.

***Н. Н. Скакун, Н. М. Виноградова, В. В. Терёхина***  
***(Санкт-Петербург, Москва, Россия)***

### **Земледельческие орудия эпохи поздней бронзы Южного Таджикистана (по материалам поселения Кангурттут)**

В эпоху бронзы во многих регионах Евразии, несмотря на распространение металла, каменные орудия труда продолжают играть значительную роль. Не составляют исключения и памятники Центральной Азии. Так, на поселении поздней бронзы Кангурттут, расположенном в Дангаринском р-не Южного Таджикистана, эти изделия наряду с керамикой представлены значительным числом находок. Кангурттут находится на небольшом склоне горной долины, рядом с ним открыт могильник (Виноградова 1984: 74; 1987: 76; Vinogradova 1994: 171). Древний поселок занимал территорию размерами 500 × 300 м, толщина культурного слоя бронзового века колеблется от 0,5 до 2,7 м. В юго-восточной части поселения он подстилается неолитическим слоем гиссарской культуры (0,2–0,6 м толщины). В верхних горизонтах встречается керамика раннего железного века (культура типа Яз I), а также позднеантичного и средневекового времени (Виноградова 2004: 25; Виноградова и др. 2008: 170). По керамике слой позднего бронзового века датируется бустонской фазой сапаллинской культуры (Виноградова 2004: 70; Виноградова и др. 2008: 190); по радиоуглеродным датам – интервалом между 1976/1756 и 1594/1291 гг. до н. э. (Виноградова 2004: 290–291; Виноградова и др. 2008: 191; 226–227).

На поселении найдено 209 каменных изделий и их обломков. Среди них имеются зернотерки, куранты, ступки, песты, ядра, наковальни, диски, подпятники, утяжелители, «гири», топорик, литейная форма, кремневый нуклеус, а также каменные конкреции, сохранившие полностью или частично свою естественную форму. Вся коллекция была изучена с помощью технико-типологического и экспериментально-трасологического методов. Сырьем служили различные местные породы камня: песчаники, известняки, диориты, диабазы, порфириды, граниты, сланцы, а также речные гальки с гладкой естественной поверхностью, часто не требовавшие дополнительной обработки (Щеколдин 2004). Отмечено, что некоторые сорта камня использовали только для изготовления орудий определенного назначения. Технология обработки изделий достаточно разнообразна. Она включала следующие операции: разбивку крупных глыб и плиток на заготовки нужных размеров, первичную обработку отбойником или отбивку о наковальню, подработку поверхности точечной техникой (пикетажем), а также шлифовку и полировку.

Среди каменных инструментов Кангурттута большую группу составляют орудия, которые по формально типологическим признакам считаются земледельческими (110 экз.). Среди них представлены разные типы зернотерок, курантов и пестов, в эту же группу входят ступка и утяжелители для палок-копалок (табл. 1).

Таблица 1

Типологическая классификация каменных изделий из поселения Кангурттут

Тип	Подтип	Наименование	Кол-во
1		зернотерки	62
	1	овальные	15
	2	подпрямоугольные с бортиком	17
	3	седловидные	38
2		куранты	30
	1	овальные	6
	2	подчетырёхугольные	5
	3	седловидные	19
3		ступки	1
4		песты	15
	1	цилиндрические	6
	2	брусковидные	8
	3	с выделенной головкой	1
5		литейные формы	2
6		наковальни	5
	1	кубовидные	3
	2	с углублением	2
7		диски	5
8		гири	3
9		ядра	20
	1	шаровидные	18
	2	биконические	2
10		утяжелители	2
11		топорики	2
12		подпятники	3
13		нуклеусы	1
14		предметы без обработки	58
Итого:			209

Зернотерки представлены целыми образцами и их обломками (62 экз.). Их можно разделить на овальные (рис. 1, 1), прямоугольно-удлиненные с одним широким приподнятым краем, другим – узким (рис. 1, 2), прямоугольно-удлиненные ладьевидной или, как их еще называют, седловидной формы (рис. 1, 8). Размеры зернотерок: длина – 20–60 см, ширина – 10–40 см, толщина – 5–10 см. Нижние, нерабочие поверхности орудий, как правило, обработаны только грубой обивкой, боковые стороны – обивкой и нередко шлифованием. На рабочие поверхности для устранения скольжения зерна при размоле нанесены часто расположенные насечки. С особенной тщательностью обработаны зернотерки прямоугольно-удлиненной формы с приподнятым краем и седловидные. Их формы четко выражены, размеры стандартны. Один или оба их конца имеют хорошо зашлифованные бортики, которые ограничивают длину рабочей части (рис. 1, 2, 8).

Для большинства зернотерок использовали гранодиоритовые, диабазовые, порфириновые и, реже, песчаниковые породы камня (Там же). Технология изготовления некоторых из них была воспроизведена экспериментальным путем. Опыты показали, что большое значение имел правильный подбор заготовок, которые должны были быть крупными, массивными кусками камня с большими плоскими поверхностями без трещин. При их обработке обивкой наиболее эффективными оказались овальные и шаровидные отбойники весом 250–300 г. Орудия удлиненных форм с заууженными рабочими концами быстро раскалывались. Опытным путем под руководством С. А. Семёнова было изготовлено 20 зернотерок из различных пород камня (Семёнов 1968: 80–81; Ширинов 1986: 22). За 12 часов чистого времени с поверхности одной из них площадью 1496 см<sup>2</sup> пикетажем было удалено 1–1,5 см породы и нанесены насечки на рабочую часть. Обработка производилась 10 отбойниками, три из которых раскололись при первых же ударах.

Куранты (30 экз.) изготовлены из тех же пород камня, что и зернотерки и подразделяются на овальные, подчетырёхугольные и седловидные. Последние по форме и размерам составляют

единый комплекс с седловидными и прямоугольно-удлиненными зернотерками: их длина, ограниченная выпуклыми краями, соответствует ширине зернотерок (рис. 1, 8).

Ступки представлены обломком высотой 5 см. Судя по нему, ступка, изготовленная из известняка, имела слегка выпуклые стенки, плоское дно и небольшую глубину, ее внутренний диаметр составляет 6,5 см. С внешней стороны она обработана пикетажем и зашлифована, а углубление выдолблено.

Песты (15 экз.) имеют вытянутые пропорции и разделяются на брусковидные с четырехугольным поперечным сечением, длиной 4–6 см и цилиндрические с одним слегка зауженным концом, длиной 12–20 см. Диаметр пестов колеблется от 4,5 до 6 см. Одно из орудий длиной 16,5 см имеет более сложную форму с четко выделенной обушковой частью в виде головки (рис. 1, 5). Поверхности всех пестов обработаны пикетажем и зашлифованы, особенно тщательно изготовленные песты цилиндрической формы и орудие с обушком (рис. 1, 5).

Утяжелители для палок-копалок (2 экз.) представляют собой диски не всегда правильной формы, толщиной 6 см, диаметром 13–15 см. В центре предмета расположено отверстие диаметром 3,5–5 см, иногда оно слегка смещено в сторону (рис. 1, 7).

Вышеописанные изделия были исследованы с помощью трасологического анализа, в ходе которого выявлены орудия, несомненно использовавшиеся в земледелии, орудия по форме относимые к земледельческим, но имевшие признаки иной утилизации, кроме того несколько инструментов не имели следов утилизации или диагностирующие их признаки были слабо выражены. Поэтому число типологически выделенных инструментов не всегда соответствует количеству функционально определенных (табл. 1 и 2).

Большинство зернотерок имело следы интенсивного использования (58 экз.). Их специально обработанная насечками поверхность была нивелирована в ходе работы, причем износ направлен вдоль длинной оси орудия, некоторые участки которого заглажены до блеска (рис. 1, 10). Отметим, что несколько зернотерок и их обломки не использовались по своему прямому назначению. Одну из них употребляли для растирания руды (рис. 1, 3), другую – для приготовления дресвы (рис. 1, 4), служившей примесью при изготовлении керамики. Небольшие обломки зернотерок использовались для растирания краски. Возможность употребления зернотерок для измельчения и растирания различных материалов была подтверждена в ходе экспериментальных исследований (Ширинов 1986; Hamon, Plisson 2008).

Куранты или терочки также сильно изношены. В этой функции, помимо инструментов с четкими искусственно полученными формами, использовались фрагменты других орудий, чаще всего зернотерок, а также подходящие обломки камней, рабочая часть которых частично подрабатывалась пикетажем, поэтому число этих орудий увеличилось с 30 до 43 предметов по сравнению с типологически выделенными изделиями. Следы изношенности особенно четко различаются на курантах седловидной формы. Они располагаются поперек длинной оси орудий. Наши опыты подтвердили предположение о том, что такие куранты могли использовать только в паре с зернотерками – прямоугольными с приподнятым широким концом и седловидными. Их длина строго соответствовала ширине зернотерок (рис. 1, 8). При работе курант держали двумя руками и двигали возвратно-поступательно по рабочей части зернотерки, которая должна быть прочно закреплена. Эксперименты показали, что орудия этого типа самые рациональные по форме и наиболее производительные среди всех найденных изделий. В ходе опытов на обычной овальной зернотерке за два часа можно растереть 1600 г зерна, а на седловидной – 2200 г (Ширинов 1986: 103).

Для дробления и растирания растительных материалов употребляли также песты. Следы соответствующего износа обнаружены только на 10 из 15 типологически определенных орудий (рис. 1, 9), остальные использовались для обработки других материалов. Среди пестов, кроме орудий типичных форм, есть изделия из галек с минимальной искусственной обработкой, чаще всего на обушковой части.

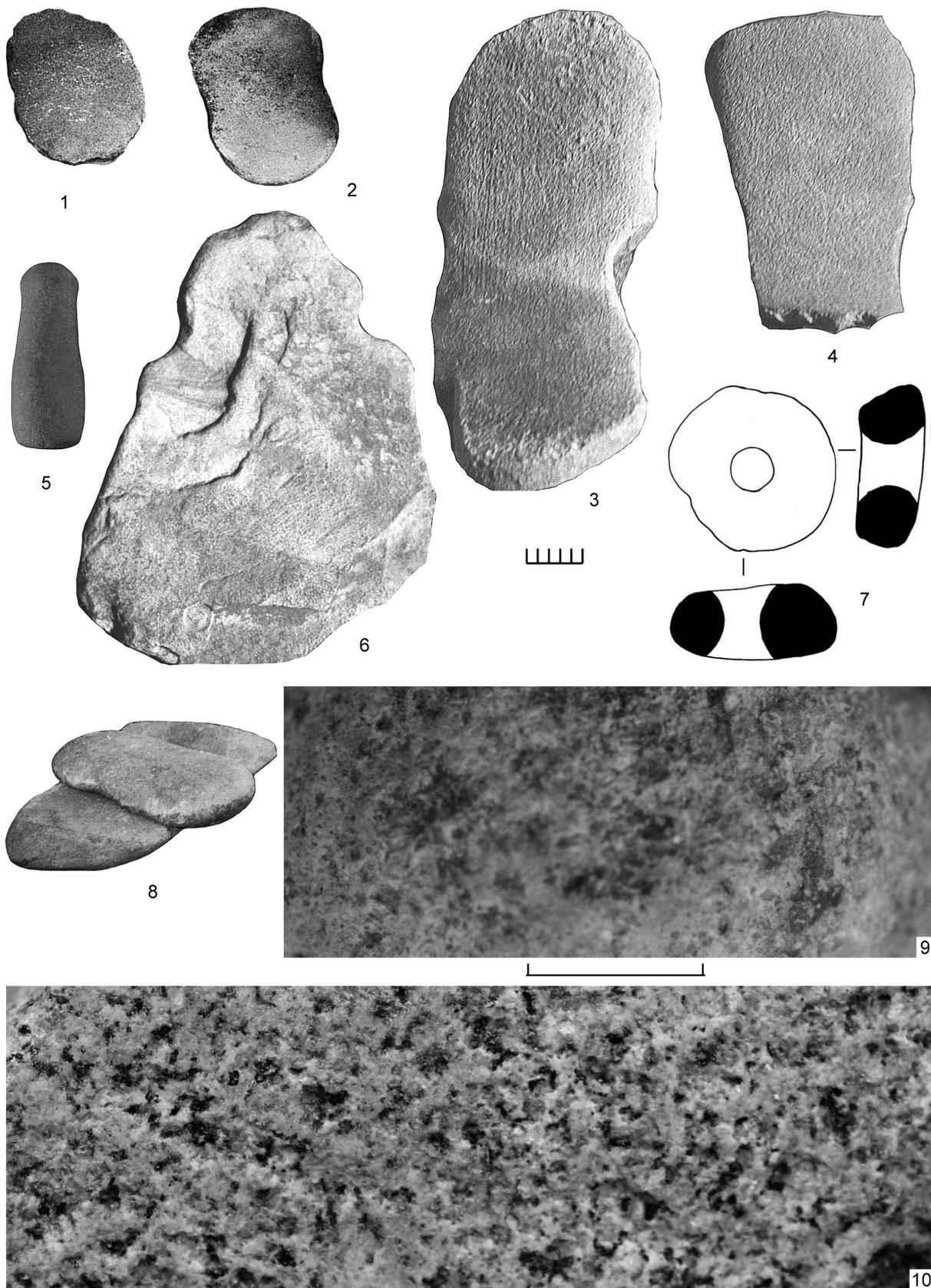


Рис. 1. Каменные орудия пос. Кангуртут: 1–2, 8 – зернотерки; 3–4 – зернотерки со следами вторичного использования для растирания руды (3) и дровы (4); 5 – пест для растирания растительности; 6 – «гиря» – молотильный камень; 7 – утяжелитель для палки-копалки; 9 и 10 – макрофото поверхностей песта (5) и зернотерки (8). Масштаб действителен для № 5–7

Функциональная классификация земледельческих каменных орудий из поселения Кангурттут

Тип	Наименование	Кол-во
1	зернотерки	58
2	куранты	43
3	песты	10
4	утяжелители	2
Итого:		113

К этой же функциональной категории можно было бы отнести и ступку, как это делается в большинстве формально типологических классификаций. Однако наблюдения показывают, что эти предметы могли служить и для растирания минеральной краски, и для дробления твердых веществ, поэтому дать их четкое функциональное определение без дополнительных специальных анализов часто невозможно. Ступка из Кангурттута сохранилась частично и не имеет хорошо выраженных признаков использования.

Земледельческим инструментом является одна из «гирь» (40 × 29 × 10 см), найденных на поселении. Она весит 11 кг. Ее поверхность подработана небрежной ступенчатой обивкой. На узком конце «гири» крупными сколами выделен небольшой асимметричный треугольный выступ (рис. 1, б). По форме она очень похожа на орудие эпохи бронзы, найденное в Зангезуре (Армения), которое, по данным энографов, имеет прямые аналогии во многих районах Закавказья (Есаян, Шагинян 1962: 200, рис. 1, 1; *Azərbaycan etnoqrafiyası* 2007: 98). Работа подобным молотильным камнем производилась следующим образом. Снопки зерновых расстилались на току колосьями к центру, молотилку за верхний выступ привязывали к упряжи тяглового животного, которого гоняли по кругу. Под ударами тяжелого камня зерна вымолачивались из колосьев, а стебли соломы ломались и разминались. На орудии, найденном в Зангезуре, износ в виде сильно залощенных участков аналогичен износу на этнографических молотилках. Следы утилизации на орудии из Кангурттута менее выражены, что, возможно, связано с его непродолжительным использованием.

Два предмета, исходя из этнографических аналогий, традиционно именуется утяжелителями для палок-копалок (рис. 1, 7). Эксперименты подтвердили возможность их употребления в качестве составного элемента упомянутого орудия, что позволяет предполагать существование такого способа обработки земли в эпоху бронзы. Однако использование в этой функции рассматриваемых изделий не может иметь четких диагностирующих следов износа, поэтому о сфере их применения можно лишь строить догадки.

Таким образом, изучение коллекции каменных орудий из Кангурттута свидетельствует не только об употреблении данного инвентаря в эпоху поздней бронзы, но и об усовершенствовании приемов обработки сырья, что позволяло использовать более широкий ассортимент разных пород камня, включая твердые, трудно поддающиеся обработке. Безусловно, что для успешного производства предметов из камня было необходимо хорошее знание его физических свойств, технологии изготовления изделий и профессиональное использование орудий камнеобработки.

Земледельческие орудия Кангурттута имеют широкие аналогии как в более ранних, так и в одновременных памятниках различных культур. Однако несмотря на незначительную вариабельность их форм, ограниченную функциональной спецификой, среди орудий разных регионов имеются весьма существенные отличия в деталях. Напр., такие типы зернотерок, как прямоугольно-удлиненные с широким приподнятым краем, седловидные зернотерки и парные к ним куранты встречаются также на поселениях бронзового века Узбекистана (Ширинов 1986: 90, рис. 19, 1) и в некоторых регионах Закавказья (Бунятов 1957: 37, табл. 1, рис. 3, 4; в неопубликованных материалах поселения Пловдаг в Южном Азербайджане), но они совершенно неизвестны на памятниках эпохи бронзы Туркменистана (Скакун 1977; Кирчо и др. 2008: 137–138). К сожалению, несмотря на описание этих находок среди материалов многих древнеземледельческих памятников, их детальная типологическая классификация отсутствует, что не позволяет сделать более обоснованные

сравнения, а из-за немногочисленности трасологических исследований пока не представляется возможным привести и статистические данные вариантов вторичного использования этих орудий.

В заключение необходимо подчеркнуть, что исследования каменных орудий Кангурттута, выявившие значительный процент земледельческих инструментов, принесли дополнительные доказательства важной роли земледелия в хозяйстве жителей этого поселка.

- Бунятов 1957 – *Бунятов Т. А.* Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957.
- Виноградова 1984 – *Виноградова Н. М.* Отчет о работе отряда по изучению памятников бронзового века ЮТАЭ (1978 г.) // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе, 1984. Вып. XVIII. С. 74–83.
- Виноградова 1987 – *Виноградова Н. М.* Новые памятники эпохи бронзы на территории Южного Таджикистана. Центральная Азия (новые памятники письменности и искусства). М., 1987.
- Виноградова 2004 – *Виноградова Н. М.* Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М., 2004.
- Виноградова и др. 2008 – *Виноградова Н. М., Ранов В. А., Филимонова Т. Г.* Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзового века). М., 2008.
- Есаян, Шагинян 1962 – *Есаян С. А., Шагинян А. Н.* Археологические находки в Зангезуре // СА. 1962. № 3. С. 199–208.
- Кирчо и др. 2008 – *Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Технично-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб, 2008.
- Семёнов 1968 – *Семёнов С. А.* Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
- Скакун 1977 – *Скакун Н. Н.* Каменные орудия эпохи бронзы (по материалам Алтын-депе 1970–1972 гг.) // Каракумские древности. Ашхабад, 1977. Вып. VI. С. 98–101.
- Ширинов 1986 – *Ширинов Т.* Орудия производства и оружие эпохи бронзы среднеазиатского Междуречья. Ташкент, 1986.
- Щеколдин 2004 – *Щеколдин Р. А.* Результаты определения горных пород, из которых изготовлены орудия труда в древнем поселении Кангурттут // *Виноградова Н. М.* Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы: Приложение. М., 2004. С. 230–231.
- Azərbaycan etnoqrafiyası 2007 – *Azərbaycan etnoqrafiyası.* Bakı, 2007. Cild I.
- Hamon, Plisson 2008 – *Hamon C., Plisson H.* Functional analysis of grinding stones: the blind-test contribution // «Prehistoric Technology» 40 Years Later: Functional Studies and the Russian Legacy. 2008. P. 29–38 (BAR IS. 1783).
- Vinogradova 1994 – *Vinogradova N. M.* The Farming Settlement of Kangurtut (South Tadjikistan) in the Late Bronze Age // *Archäologische Mitteilungen aus Iran.* 1996. Bd. 27 (1994). S. 29–47.

***К. Б. Калинина, Е. Г. Старкова (Санкт-Петербург, Россия)***

### **Исследования связующих красочных слоев керамики культуры Триполье-Кукутень**

Триполье-Кукутень является одной из самых ярких раннеземледельческих культур – т. н. культур крашеной керамики или балканского типа, занимающих в Северном Причерноморье территорию от Верхнего Поднестровья на западе до Поднепровья на востоке. Согласно принятым радиоуглеродным датировкам время ее существования охватывает полторы тысячи лет – с конца V по начало III тыс. до н. э. Эта культурная общность формировалась под влиянием сложных миграционных процессов, когда в середине IV тыс. до н. э. (этап VI среднего периода Триполья, по периодизации Т. С. Пассек) население Сиретско-Прутского междуречья постепенно продвинулось на территории Верхнего и Среднего Поднестровья и Буго-Днепровского междуречья. Это способствовало образованию обширной культурной общности, одним из основных индикаторов которой стала посуда с полихромной и монохромной росписью. К середине среднего периода Триполья формируется трипольско-кукутенский керамический комплекс с двумя основными группами

посуды, которые по технологически признакам условно можно разделить на столовую (расписную) и кухонную (с рельефно-штампованным орнаментом).

За многолетнюю историю исследований были подробно рассмотрены различные аспекты трипольского гончарного производства: состав теста, способы формовки сосудов, особенности обжига. Установлено, что трипольско-кукутенская расписная керамика изготавливалась из плотного, хорошо отмученного глиняного теста без примесей или с минимальным их количеством. Она вылеплялась ленточным способом с последующей обработкой поверхности путем обрезки излишков глины, и далее подвергалась окислительному обжигу в специализированных гончарных печах. Роспись покрывала около двух третей поверхности, оставляя неорнаментированной придонную часть. Для этапа VI (начало среднего периода) характерна трихромная роспись, красной, черной (темно-коричневой) и белой красками, а также две разновидности бихромной росписи. На этапе VI–VII преобладает трихромная и бихромная орнаментация в стилях  $\alpha$ ,  $\beta$ ,  $\gamma$  и  $\delta$ , по классификации Г. Шмидта (Schmidt 1932; эта же система классификации использовалась и Н. М. Виноградовой – см.: Виноградова 1983). Как правило, основные элементы декора выполнены темно-коричневым или черным цветами, а дополнительные – белым и красным. Позднее, на этапах VII и VII–СI наиболее распространена монохромная роспись (стиль  $\epsilon$ , по Г. Шмидту), где орнамент наносился темно-коричневой краской на естественный фон сосуда или на оранжевую (светло-коричневую) подгрунтовку.

Важнейшим аспектом изучения трипольского гончарства является исследование технологий росписи керамики. Анализ состава пигментов трипольской керамики производился еще в 1930-е гг. (Красников 1931: 10–13). И. П. Красниковым было установлено, что для росписи посуды использовались минеральные красители: каолин, красная охра и болотная руда. По его мнению, краски тщательно отмучивались, растирались с водой и после нанесения на поверхность закреплялись слабым обжигом (Там же: 11). Согласно выводам И. П. Красникова, хуже всего скреплялся с поверхностью черепка каолин, дающий белую краску. Действительно, на большинстве найденных фрагментов керамики, где есть элементы, выполненные белым цветом, такая краска очень плохой сохранности. Красная краска (охра, иногда предварительно обожженная) сохраняется лучше, чем белая. Наиболее устойчива – темно-коричневая краска, получаемая из болотной руды (Там же: 11). Скорее всего, количество краски определенного цвета зависело именно от ее устойчивости. Так, основные элементы орнамента всегда выполнялись темно-коричневой краской, а дополнительные – красной, еще реже – белой. По мнению И. П. Красникова, обжиг трипольской керамики не мог превышать 700–800°C, поскольку при более высокой температуре поверхность черепка становилась тусклой (Там же: 12). Таким образом, автор пришел к выводу, что роспись на трипольскую посуду наносилась до обжига, но температура обжига не превышала 700–800°C.

*A priori* предполагалось, что в качестве связующего трипольской краски выступала вода, поэтому анализы на определение каких-либо других связующих не проводились. Со времен И. П. Красникова факт, что трипольская керамика расписывалась до обжига, считался установленным и не требовавшим дополнительных доказательств. Это констатировалось во всех работах, затрагивающих вопросы керамической технологии в Триполье, со ссылкой на И. П. Красникова или даже без нее (Черныш 1982: 192; Рижов 2001: 11; Цвек 1994: 71). Тем не менее, в дальнейшем при проведении петрографических анализов для определения состава глиняного теста было установлено, что температура обжига расписной трипольской керамики могла достигать 1000°C (Сайко 1984: 131 сл.; Рижов 2001: 18).

Через несколько десятилетий подобные выводы о составе пигментов были получены американской исследовательницей Л. Эллис (Ellis 1984: 119–120, fig. 41–46, tab. 19), однако анализ на определение связующих не проводился. В 2000-е гг. румынскими археологами опубликованы результаты анализа красочного слоя кукутенской керамики, но они также посвящены исключительно определению пигментов (Constantinescu et al. 2007: 281–288; Bugoi et al. 2008: 195–199; Buzgar et al. 2010: 95–108).

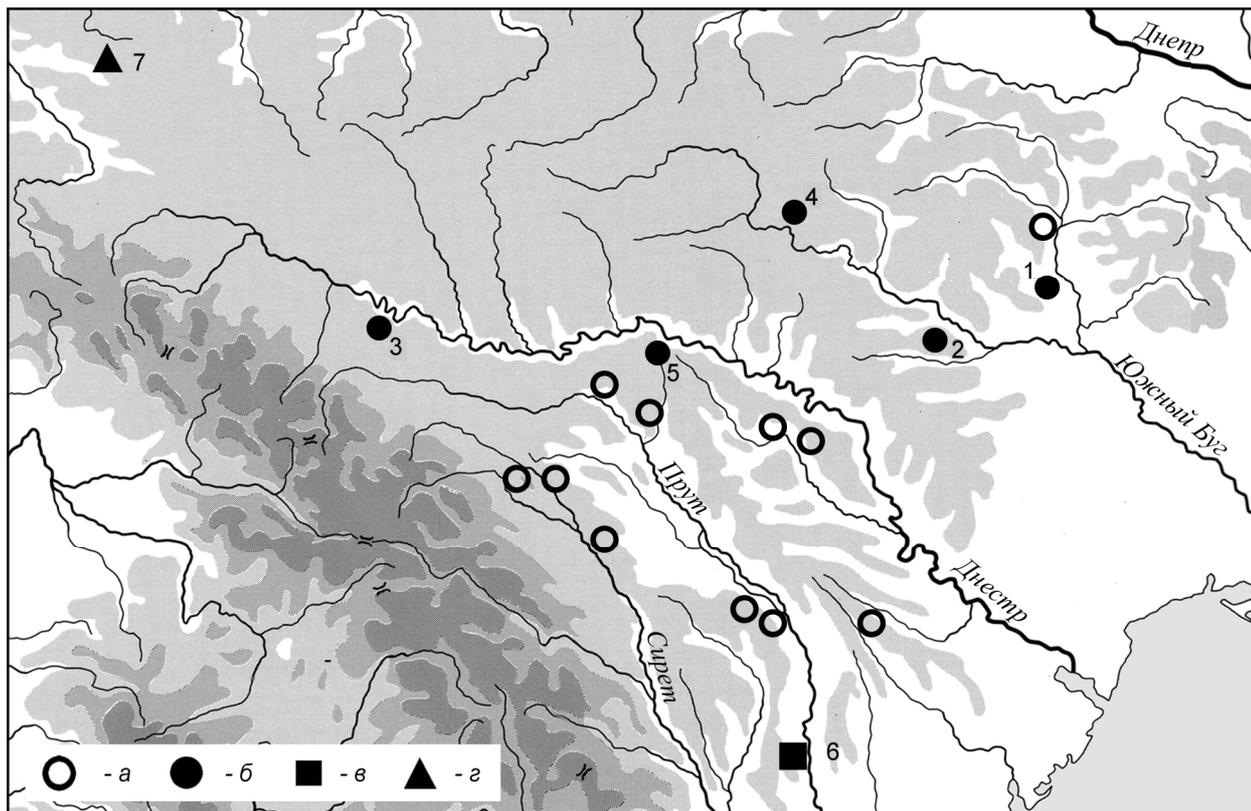


Рис. 1. Памятники трипольской, люблинско-волынской культур и культуры Гумельница, откуда взяты образцы для исследования красочного слоя керамики на связующие материалы: а – памятники трипольской культуры первой половины среднего периода, этап VI; б – памятники трипольской культуры второй половины среднего–начала позднего периода, этапы VIП и VIП–СІ (1 – Владимировка; 2 – Кринички; 3 – Незвиско; 4 – Немиров; 5 – Поливанов Яр II); в – культура Гумельница (поселение Стойкань-Четэцуе); г – люблинско-волынская культура (могильник Орнатовице)

Впервые связующие материалы в росписях трипольско-кукутенской керамики были выявлены в Лаборатории физико-химических исследований ГосНИИР, где красочные слои исследовались методом тонкослойной хроматографии – такие технологии применяются при исследовании связующих живописи (Подвигина и др. 1999; Палагута 2000: 239–253; Рижов 2001: 17). Для анализа были отобраны 25 образцов трипольско-кукутенской керамики периодов А, VI, VI–VIП, VIП–СІ с поселений, расположенных на территории современной Молдовы, Румынии и Правобережной Украины (Подвигина и др. 1999: 35) (рис. 1). Памятники, из которых происходят образцы, представляют различные части ареала и практически все хронологические этапы развития Триполья-Кукутень. В результате этих анализов было установлено, что роспись наносилась при помощи белковых (яичный желток или цельное яйцо) и углеводных (глюкоза, фруктоза, камедь) связующих материалов. Роль защитных покрытий выполняли липиды: воск, воск со смолой или масло со смолой (Подвигина и др. 1999: 36–37; Палагута 2000: 239–253). Также были проведены анализы красочного слоя керамики (два фрагмента) культуры Гумельница. Было установлено, что роспись наносилась на естественный фон сосуда: в одном случае красной, в другом – темно-коричневой краской. В обоих образцах в качестве связующего красочного слоя выявлен белок (Палагута 2000: 251–252).

Аналогичные анализы росписи проводились польскими исследователями еще в 60-гг. прошлого века и на керамике синхронной по времени люблинско-волынской культуры (Gurba, Jasiński 1963). Для керамики этой культуры характерна роспись белой краской по естественной поверхности, но сама роспись, как правило, очень плохой сохранности. Результаты анализа керамики из могильника Орнатовице показали наличие растительных масел в составе красочного слоя, что свидетельствует о том, что роспись наносилась после обжига сосудов (Ibid.: 362).

В последние годы также опубликованы результаты исследований поздненеолитической крашеной керамики Восточной Македонии и Северной Греции. Установлено, что вся керамика данного региона подвергалась высокотемпературному обжигу (до 1000°C). В то же время посуда из некоторых регионов расписывалась после обжига с использованием органических соединений в составе красителей. Такая технология выявлена на поселении Промачон-Топольница (Promachon-Topolnitsa), где путем эксперимента было установлено, что красочный декор исчезает при нагревании сосуда до 450°C в течение 30 мин. (Yiouni 2000: 205–206).

В Лаборатории научно-технической экспертизы ГЭ в 2009 г. был проведен дополнительный хроматомасс-спектрометрический анализ органических материалов 15 образцов трипольской керамики с поселений Незвиско, Владимировка, Немиров, Кринички, Поливанов Яр II (Kalinina, Starkova 2009: 31). Все эти памятники расположены в разных областях трипольского ареала и принадлежат нескольким хронологическим этапам среднего периода Триполья (рис. 1): пос. Незвиско находится в Верхнем Поднестровье и соответствует этапу VII среднего периода; Поливанов Яр II – на Среднем Днестре и соотносится с самым началом этапа VII (или переходным этапом VI–VII); Немиров и Кринички – побужские памятники, соответствующие самому концу этапа VII в Среднем Побужье; Владимировка – самый восточный и самый поздний из рассматриваемых памятников, который находится в Буго-Днепровском междуречье и относится к этапу VII–CI.

Наши исследования показали, что на образцах керамики с пос. Владимировка, Незвиско и Поливанов-Яр II краска была нанесена в два слоя: подгрунтовка и роспись. Подгрунтовка нанесена той же краской, что и сама роспись, но более слабой концентрации. Анализ данных образцов показал наличие отдельных химических органических веществ, относящихся к разным классам, на основании чего были сделаны следующие выводы о составе связующих (табл. 1). Наличие сахарозы дает возможность предположить присутствие остатков растительного происхождения. В принципе указанный дисахарид мог быть как привнесенным компонентом из почвы (сок растений), так и входить в состав связующего. Однако результаты проведенного исследования показали, что на внутренней поверхности черепка, где нет росписи, ее значительно меньше, что свидетельствует о возможном искусственном происхождении этого органического компонента. Результаты анализа аминокислот, содержащихся в смеси после проведения гидролиза, а также наличие состаренного окисленного холестерина позволяют заключить, что в состав связующего, возможно, входило яйцо.

Присутствие в анализируемой смеси жирных кислот C22–C26, а также группы предельных углеводов дает возможность предполагать, что в состав связующего входил и пчелиный воск. С другой стороны, нельзя исключать использование пчелиного воска для окончательного закрепления красочного слоя, поскольку он найден на расписанной поверхности всех отобранных образцов. Сначала нами было выдвинуто предположение, что минеральная краска смешивалась с расплавленным воском перед нанесением на поверхность, однако анализ поверхности рядом с красочным слоем также показал наличие воска. Поэтому воском, скорее всего, покрывали расписанный сосуд на последнем этапе обработки поверхности для закрепления краски, а также, возможно, для повышения влагостойкости сосудов. Таким образом, последние исследования подтвердили результаты анализов, проведенных в Лаборатории физико-химических исследований Государственного научно-исследовательского института реставрации (Подвигина и др. 1999: 33–37), и доказали наличие органических связующих и защищающих покрытий в росписи трипольской керамики.

Что касается образцов из пос. Криничек и Немиров, то в их красочном слое органических веществ обнаружено не было. Скорее всего, это объясняется плохой сохранностью росписи, которая наносилась одним слоем на естественную поверхность без подгрунтовки, и, возможно, использованием высококонцентрированной кислоты при очистке керамики от известкового налета.

Таким образом, органические связующие в красочном слое расписной трипольской керамики обнаружены на образцах с многослойным наложением краски с бихромной или полихромной орнаментацией, а также в тех местах, где монохромный рисунок наносился на подгрунтовку, выполненную краской более слабой концентрации.

Хроматоспектрографический анализ красок, использованных для росписи трипольско-кукутеньской керамики

Таблица 1

Памятник	Цвет красочного слоя	Примечание	Обнаруженные органические вещества						Выводы о возможном составе связующего
			Сахара	Аминокислоты	Глицерин	Жирные кислоты	Холестерин	Парафинны	
Поливанов Яр II	темно-коричневый	-	сахароза	+	+	S16, S18, S20, S22-26	+	+	яйцо, воск пчелиный, сахароза (возможно, сок растения)
	белый	-	+	$K_{\text{сорт}}=0,85$ (яйцо)	+	S16, S18, S20, S22-26	+	+	яйцо, воск пчелиный, сахароза (возможно, сок растения)
	темно-коричневый	-	+	$K_{\text{сорт}}=0,84$ (яйцо)	+	S16, S18, S20, S22-26	+	+	яйцо, воск пчелиный, сахароза (возможно, сок растения)
	темно-коричневый	большое количество силиоксанов	+	+	$K_{\text{сорт}}=0,82$ (яйцо)	+	S16, S18, S20, S22-26	+	яйцо, воск пчелиный, сахароза (возможно, сок растения)
	светло-коричневый	большое количество силиоксанов	+	+	$K_{\text{сорт}}=0,83$ (яйцо)	+	S16, S18, S20, S22-26	+	яйцо, воск пчелиный, сахароза (возможно, сок растения)
Кринички	темно-коричневый	-	-	мало	мало	мало	-	-	-
Немиров	коричневый	-	+	мало	мало	мало	-	-	-
	коричневый	-	+	мало	мало	мало	-	-	-
Владимировка	черный	-	сахароза	+	+	S16, S18, S20, S22-26	+	+	яйцо, воск пчелиный, сахароза (возможно, сок растения)
	черный	-	++	$K_{\text{сорт}}=0,81$ (яйцо)	+	S16, S18, S20, S22-26	+	+	яйцо, воск пчелиный, сахароза (возможно, сок растения)
	черный	-	+	$K_{\text{сорт}}=0,79$ (яйцо)	+	S16, S18, S20, S22-26	+	+	яйцо, воск пчелиный, сахароза (возможно, сок растения)
Независко	черный	-	+	$K_{\text{сорт}}=0,86$ (яйцо)	+	S16, S18, S20, S22-26	+	+	яйцо, воск пчелиный, сахароза (возможно, сок растения)
	черный	-	+	$K_{\text{сорт}}=0,79$ (яйцо)	+	S16, S18, S20, S22-26	+	+	яйцо, воск пчелиный, сахароза (возможно, сок растения)

Указанный метод анализа позволяет получать наиболее точную и достоверную информацию по содержанию отдельных органических веществ. Проведенная математическая обработка полученных результатов дает возможность сделать выводы о происхождении обнаруженных органических компонентов и на основании коэффициентов корреляции сделать заключение о виде природного материала, использованного в качестве связующего.

Данные выводы ставят под сомнение широко распространенное предположение о том, что трипольско-кукутенская керамика расписывалась до обжига (см., напр.: Цвек 1994: 70), поскольку установлено, что температура обжига трипольско-кукутенской керамики могла достигать 900–1000°C, при которой органические компоненты связующих сохраниться не могли (Подвигина и др. 1999: 37). При этом вполне возможно, что на поверхность наносили подгрунтовку, после чего сосуд обжигали, а сверху, уже после обжига, наносили рисунок, который в свою очередь закреплялся низкотемпературным обжигом. В тех случаях, когда роспись одним слоем наносили на естественную поверхность, как в Немирове и Криничках, где органических связующих в красочном слое выявлено не было, вероятен вариант орнаментации до обжига, когда не было необходимости закреплять несколько слоев краски дополнительно.

Полученные результаты открывают новые возможности в изучении гончарного производства раннеземледельческих культур Европы, а также меняют представления о последовательности технологических этапов, применявшихся в изготовлении керамики эпох неолита и энеолита. В дальнейшем предполагается продолжение исследований с привлечением большего количества образцов широкого хронологического диапазона и территориального охвата.

- Виноградова 1983 – *Виноградова Н. М.* Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры. Кишинев, 1983.
- Красников 1931 – *Красников И. П.* Трипольская керамика (технологический этюд) // СГАИМК. 1931. № 3. С. 10–12.
- Палагута 2000 – *Палагута И. В.* Локальные особенности и относительная хронология памятников Триполья VI–Кукутени А (по материалам керамических комплексов): Дис. ... канд. ист. наук (рукопись). СПб, 2000.
- Подвигина и др. 1999 – *Подвигина Н. Л., Писарева С. А., Киреева В. Н., Палагута И. В.* Исследования расписной энеолитической керамики культуры Триполье-Кукутени IV–III тыс. до н. э. // *Художественное наследие: Хранение, исследование, реставрация*. М., 1999. Вып. 17. С. 33–37.
- Рижов 2001 – *Рижов С. М.* Гончарство племен трипольської культури // *Давня кераміка України*. Київ, 2001. С. 5–60.
- Сайко 1984 – *Сайко Э. В.* Техническая организация керамического производства раннеземледельческих культур // *Studia Praehistorica*. София, 1984. № 7. С. 131–152.
- Цвек 1994 – *Цвек Е. В.* Гончарное производство племен трипольской культуры // *Ремесло эпохи энеолита–бронзы на Украине*. Киев, 1994. С. 55–95.
- Черныш 1982 – *Черныш Е. К.* Памятники среднего периода культуры Триполье-Кукутени и основания для выделения локальных вариантов // *Энеолит СССР*. М., 1982. С. 191–205 (Археология СССР).
- Bugoi et al. 2008 – *Bugoi R., Constantinescu B., Pantos E., Popovici D.* Investigation of pigments from Cucuteni Neolithic ceramics using Synchrotron Radiation X-Ray Diffraction // *Powder Diffraction*. September 2008. Vol. 23, no 3. P. 195–199.
- Buzgar et al. 2010 – *Buzgar N., Bodi G., Buzatu A., Ionut A.* Raman And XRD Studies Of Black Pigment From Cucuteni Ceramics // *Analele Științificeale Universității «Al. I. Cuza»*. Iași, 2010. Geologie. T. LVI, no 2. P. 95–108.
- Constantinescu et al. 2007 – *Constantinescu B., Bugoi R., Pantos E., Popovici D.* Phase and chemical composition analysis of pigments used in Cucuteni Neolithic painted ceramics // *Documenta Praehistorica*. 2007. XXXIV. P. 281–288.
- Ellis 1984 – *Ellis L.* The Cucuteni-Tripolye Culture: A Study in Technology and the Origins of Complex Society. 1984 (BAR IS. 217).

- Gurba, Jasiński 1963 – *Gurba J., Jasiński A.* Zniszczone cmentarzysko tzw. kultury ceramiki wstęgowej malowanej w Ornatowicach, pow. Hrubieszów // Wiadomości Archeologiczne: Bulletin Archéologique Polonais. Warszawa, 1963. T. XXIX, z. 4. S. 361–362.
- Kalinina, Starkova 2009 – *Kalinina K., Starkova E.* An analytical study of organic components of decoration of painted pottery from the Neolithic site of Polivanov Yar (Cucuteni-Tripolye) // Mass Spectrometry and Chromatography 2009 Meeting. Abstracts. London, 2009. P. 31.
- Schmidt 1932 – *Schmidt H.* Cucuteni in der Oberen Moldau, Rumänien. Berlin; Leipzig, 1932.
- Yiouni 2000 – *Yiouni P.* Painted Pottery From East Macedonia, in North Greece: Technological Analysis of Decorative Techniques // 7<sup>th</sup> Neolithic studies. 2000. P. 199–214 (Documenta Praehistorica. XXVII).

**Н. И. Шишлина, А. А. Казарницкий, Е. В. Белькевич  
(Москва, Санкт-Петербург, Россия)**

### **Курган 3 могильника Улан IV: археология, антропология и хронология культур бронзового века Средних Ергеней**

*Введение.* В статье представлен анализ материалов эпохи бронзы из кург. 3 мог-ка Улан IV (Ремонтненский р-н Ростовской обл.). В этом кургане высотой более 3 м и диаметром 50 м, было исследовано 31 погребение, среди которых особый интерес представляют захоронения эпохи бронзы.

*Анализ стратиграфии и планиграфии кургана* позволил выделить пять строительных горизонтов насыпи. На слабозаметном в рельефе микроповышении сооружено погр. 12 (рис. 1, 1). Неглубокая яма, ориентированная по линии СВ–ЮЗ, была выкопана с уровня древней дневной поверхности. Скелет мужчины 45–55 л. лежал на растительной подстилке скорченно на спине, черепом ориентирован на ЮЗ. Все кости окрашены охрой, под головой – «подушка». Находок не было. Неясно, была ли сооружена дополнительная досыпка.

Скорее всего, в это же микроповышение позже введено погр. 15 (рис. 1, 2). Овальная яма ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Скелет женщины 30–40 л. лежал на растительной подстилке, скорченно на спине, с завалом на левый бок, черепом ориентирован на ЮВ, ступни – в охре. Находок не было. Именно над погр. 15 сооружена *насыть 1* диаметром 30 м и высотой выше 1 м. Вокруг кургана сохранился ровик.

На поверхности насыпи 1 найдено погр. 20 (рис. 1, 6), представляющее собой разрозненные кости взрослого человека: пяточная, позвонки и фрагменты плечевой и бедренной. Рядом находился глиняный штамп в виде цилиндра, рабочая часть оформлена в виде «копыта» – по кругу сформированы четыре округлых выступа. Внешняя поверхность покрыта ангобом и залощена (рис. 1, 7).

Позже поверхность кургана покрыли тонким слоем материкового суглинка, на который лег выкид из первого впускного погр. 19 (рис. 1, 4). Оно совершенно в восточной части *насыти 1*: Т-катакомба, в западном торце входной ямы – вход и дромос. Вход закрыт досками из ясеня. В камере на растительной подстилке скелет мужчины 50–60 л. лежал вытянуто на спине, черепом ориентирован на Ю. Находок не было. Захоронение перекрыла *насыть 2*.

В процессе ее строительства в южную полу кургана впустили погр. 21 (рис. 2, 5), выкид из которого лежал в толще *насыти 2*. Это была Т-катакомба со ступенчатой входной ямой, в западной стенке сооружен вход и дромос, вход закрыт досками из ясеня. На дне камеры скелет женщины 25–35 л. лежал на подстилке, вытянуто на спине, черепом ориентирован на СВ, ступни окрашены охрой. Находок не было.

В процессе создания *насыти 2* были совершены погр. 7 и 31 (рис. 1, 3, 5). Погр. 7 не имело могильной конструкции: к югу от центра кургана лежали фрагменты лучевой и плечевой костей и изолированный череп взрослого мужчины (?) 40–50 л. Погр. 31 было разрушено: предположительно, скелет женщины 25–30 л. лежал скорченно на спине. Находок не было.

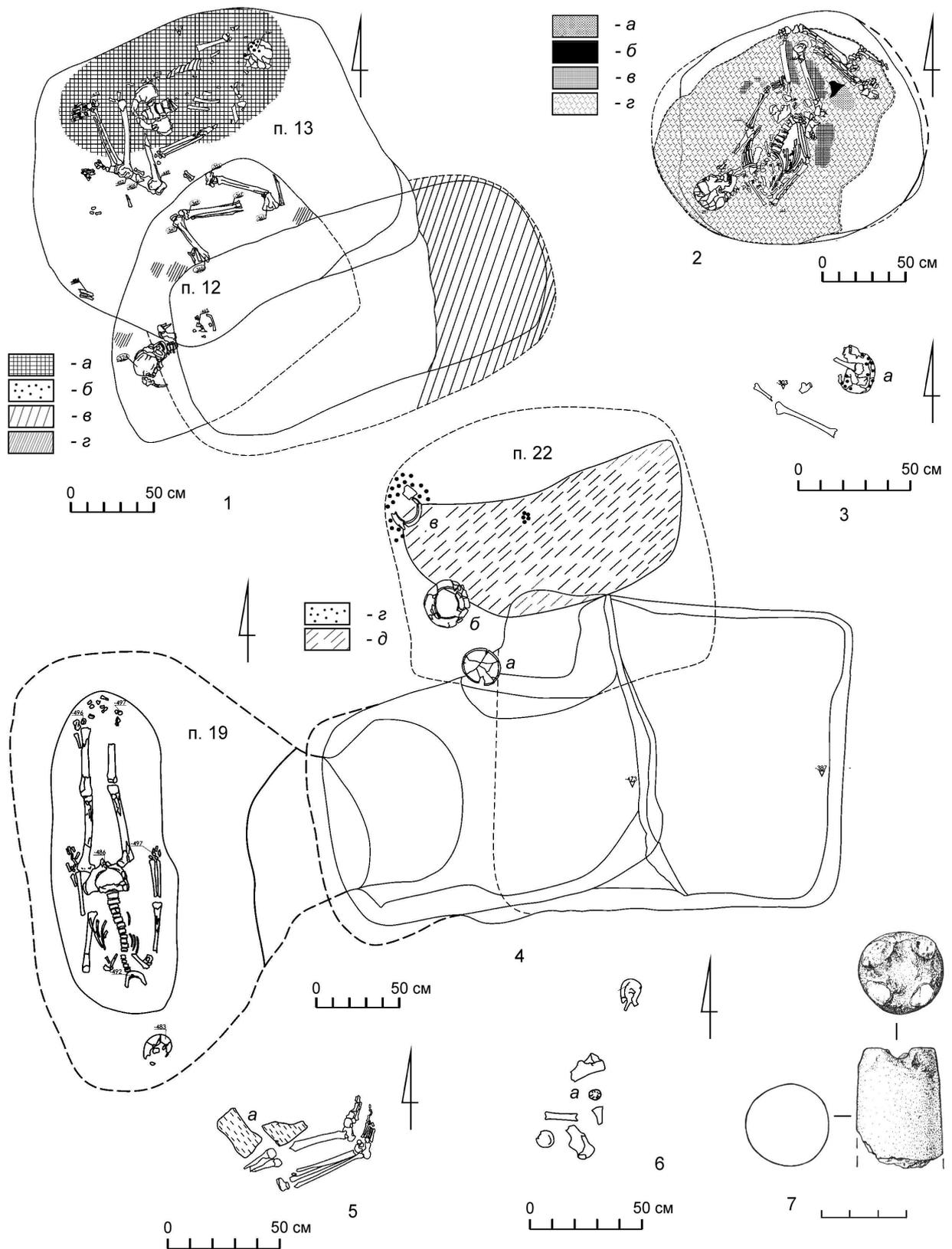


Рис. 1. Мог-к Улан IV, кург. 3: 1 – погр. 12 и 13, план (а – тлен органической подстилки погр. 12, б – охра, в – натоптанный материковый грунт во входной яме погр. 13, г – тлен органической подстилки погр. 13); 2 – погр. 15, план (а – охра, б – черный тлен, в – темно-серый тлен, г – белый тлен); 3 – погр. 7 (а – охра); 4 – погр. 19 и 22 (а – курильница, б–в – сосуды, г – охра, д – белый тлен); 5 – погр. 31 (а – светло-коричневый тлен); 6 и 7 – погр. 20, план (а – штамп) и глиняный штамп

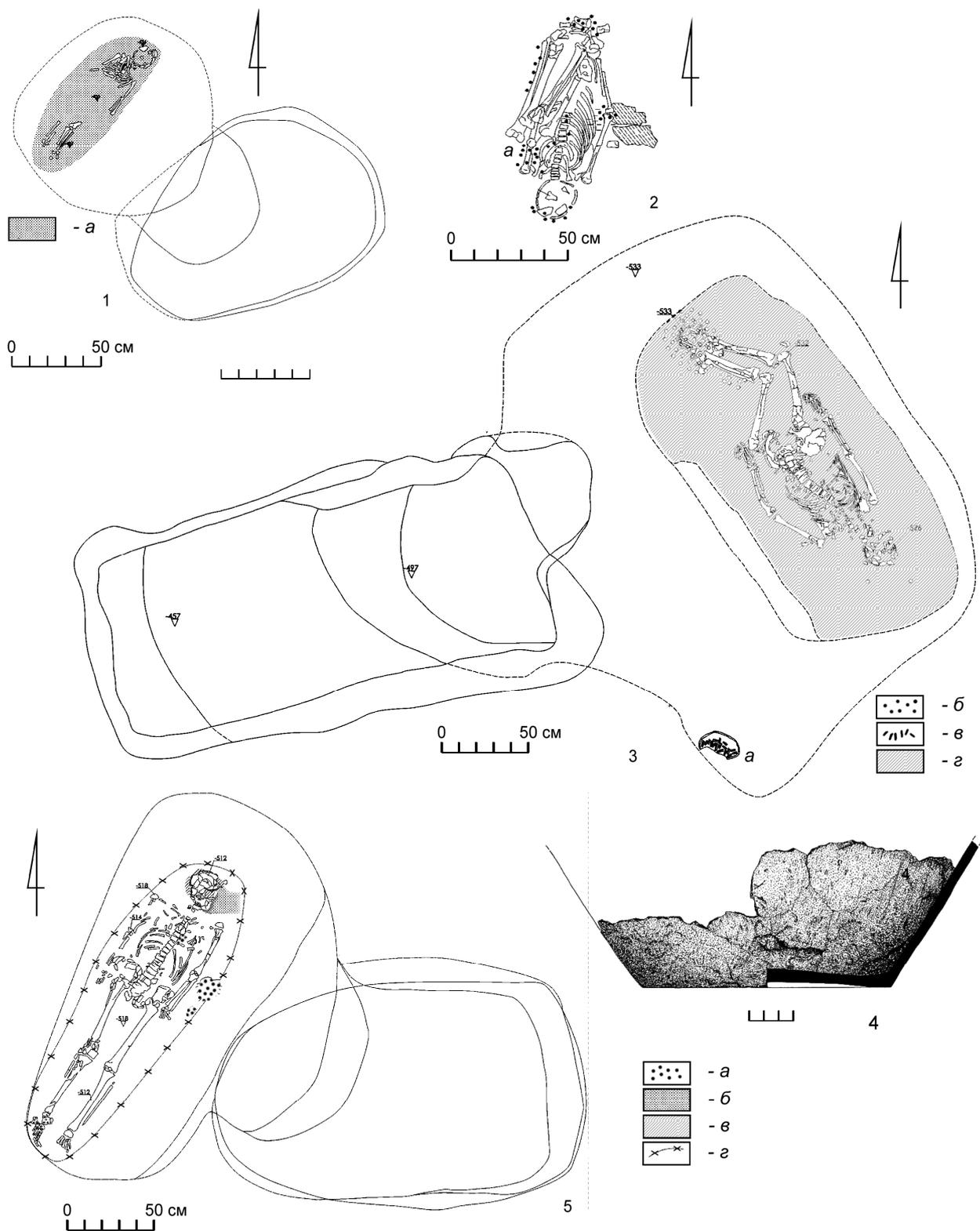


Рис. 2. Мог-к Улан IV, кург. 3, планы: 1 – погр. 6 (а – охра); 2 – погр. 4 (а – охра); 3–4 – погр. 14 (а – жаровня, б – охра, в – угли, г – органический тлен); 5 – погр. 21 (а – охра, б – красно-бурый тлен, в – зеленоватый тлен, г – граница распространения органического тлена)

В центральную и северную части *насыти* 2 впущены погр. 13 и 14, перекрытые *насытью* 3. Погр. 13 (рис. 1, 1) частично разрушило основное погр. 12. В северной стенке входной ямы Т-катакомбы сооружен вход в камеру с заслоном из ясеня. На дне камеры скелет мужчины 30–35 л. лежал на растительной подстилке, скорченно на спине, черепом ориентирован на В. Стопы окрашены охрой. Входная яма погр. 14 (рис. 2, 3) впущена в СЗ часть кургана. Выкид из нее залегал в толще *насыти* 3 и перекрывал выкид из погр. 13. Дно входной ямы Т-катакомбы понижалось к входу и дромосу, сооруженных в восточной стенке. Скелет женщины 25–30 л. лежал в камере на растительной подстилке, скорченно на спине, черепом ориентирован на ЮВ. Кости стоп окрашены охрой. В южном углу стояла жаровня с углями из днища сосуда (рис. 2, 4).

В западную половину *насыти* 2 впущено погр. 4, могильная яма не сохранилась: в слое насыпи лежал скелет женщины, скорченно на спине, ориентированный черепом на Ю (рис. 2, 2). На костях следы красной охры, в районе локтя правой руки – органическая подстилка.

К четвертому стратиграфическому горизонту относится погр. 6, впущенное в южную полу *насыти* 3 (рис. 2, 1). Вход в камеру был сооружен в СЗ стенке входной ямы Н-катакомбы. Скелет ребенка 2,5 л. лежал на дне на растительной подстилке, вытянуто на спине, черепом ориентирован на СВ и окрашен охрой. Находок не было.

Следующий пятый стратиграфический этап связан с погр. 5 и 22 восточноманычской и западноманычской катакомбных культур, впущенных в ЮВ полу кургана. Установить последовательность совершения этих двух погребений стратиграфически невозможно, но их перекрывает *насыть* 4.

С поверхности *насыти* 4 в курган были впущены детские погр. 1, 2, 9–11, 16, 18, 23–26 и 28, относящиеся к эпохе средней бронзы. Таким образом, курган имел длительную историю. Все погребения характеризуются особым, различным во многих деталях погребальным обрядом. Однако отсутствие инвентаря затрудняет культурную идентификацию захоронений. Дополнительные комплексные исследования – палеоантропологический анализ, масс-спектрометрия и <sup>14</sup>С датирование – позволили предложить интерпретацию погребений.

*Данные палеоантропологии.* Сохранность двух мужских черепов из погр. 7 и 12 оказалась достаточной для изучения их по краниометрической программе (Алексеев, Дебец 1964). Индивидуальные измерения представлены в табл. 1.

Таблица 1

Индивидуальные измерения мужских черепов погр. 7 и 12 кург. 3 мог-ка Улан IV

Краниометрические признаки	Краниометрические признаки		Краниометрические признаки		
	кург. 3, погр. 12	кург. 3, погр. 7	кург. 3, погр. 12	кург. 3, погр. 7	
1. Продольный диаметр	186.0	202.0	62. Длина нёба	44.0	–
8. Поперечный диаметр	132.0	134.0	77. Назомаллярный угол	140.5	–
17. Высотный диаметр	138.0	–	zm. Зигомаксиллярный угол	126.7	–
5. Длина основания черепа	101.0	–	SC. Симотическая ширина	9.5	10.7
9. Наименьшая ширина лба	100.0	–	SS. Симотическая высота	4.5	5.3
11. Ширина основания черепа	117.0	–	32. Угол наклона лба	93	–
45. Скуловой диаметр	132.0	124.0	72. Общий лицевой угол	81	–
40. Длина основания лица	103.0	–	75 (1). Угол выступания носа	35	–
48. Верхняя высота лица	71.0	72.0	8 : 1 Черепной указатель	71.0	66.3
43. Верхняя ширина лица	111.0	110.0	17 : 1 Высотно-продольный указатель	74.2	–
46. Средняя ширина лица	94.0	100.0	48 : 45 Верхний лицевой указатель	53.8	58.1
55. Высота носа	50.0	51.0	40 : 5 Указатель выступания лица	102.0	–
54. Ширина носа	24.0	26.0	54 : 55 Носовой указатель	48.0	51.0
51. Ширина орбиты	44.0	–	52 : 51 Орбитный указатель	72.7	–
52. Высота орбиты	32.0	–	SS : SC Симотический указатель	47.4	49.5
63. Ширина нёба	37.0	–	63 : 62 Нёбный указатель	84.1	–

На черепе из погр. 7 в центре верхней части чешуи лобной кости отмечено овальное отверстие, размером 10 × 20 мм трепанационного или травматического характера со следами воспалительного процесса и, вероятно, неполного заживления. В пользу травматического происхождения отверстия свидетельствуют радиально расходящиеся от него трещины, однако сохранность костной ткани недостаточна для однозначного заключения. На черепе из погр. 12 в левой части чешуи лобной кости возле венечного шва зафиксирована прижизненная открытая черепно-мозговая травма, полностью облитерированная.

*Масс-спектрометрические данные.* В Институте геохимии и аналитической химии РАН им. В. И. Вернадского получены данные по коллагену костей людей и животных (табл. 2).

Таблица 2

Кург. 3 мог-ка Улан IV, масс-спектрометрические данные

Образец/пол/возраст	$\delta^{13}\text{C}_{\text{PDB}}, \text{‰}$	$\delta^{15}\text{N}_{\text{air}}, \text{‰}$	Образец/пол/возраст	$\delta^{13}\text{C}_{\text{PDB}}, \text{‰}$	$\delta^{15}\text{N}_{\text{air}}, \text{‰}$
Погр. 5, м. 40–50 л.	-16,51	+16,89	Погр. 14, ж. 25–30 л.	-17,31	+14,93
Погр. 6, реб. 2,5 л.	-17,61	+14,19	Погр. 15, ж. 30–40 л.	-17,58	+14,88
Погр. 7, м. 40–50 л.	-17,67	+16,26	Погр. 16, новорожд.	-15,34	+17,06
Погр. 9, adult	-16,43	+12,18	Погр. 19, м. 50–60 л.	-18,31	–
Погр. 12, м. 45–50 л.	-17,97	+13,39	Погр. 20, взр.?	-18,27	+15,15
Погр. 13, м. 30–35 л.	-19,52	+12,15	Погр. 5, овца	-19,54	+10,33

В Институте геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН исследовано соотношение  $^{86}\text{Sr}/^{87}\text{Sr}$  в зубах взрослых людей (табл. 3).

Таблица 3

Определение  $^{86}\text{Sr}/^{87}\text{Sr}$  в зубах погребенного человека из кург. 3 мог-ка Улан IV

Образец/пол/возраст	материал	Sr, ppm	$^{86}\text{Sr}/^{87}\text{Sr}$
погр. 15, моляр, ж. 30–40 л.	эмаль	180	0.7091
погр. 15, моляр, ж. 30–40 л.	эмаль	144	0.7091
погр. 5, моляр, м. 45–55 л.	эмаль	263	0.7092
погр. 14, моляр, ж. 25–30 л.	эмаль	375	0.7091

*$^{14}\text{C}$  датирование.* В большинстве погребений присутствовали только кости человека. Для ряда археологических культур показано, что иногда  $^{14}\text{C}$  возраст костей человека является мнимым и нуждается в поправках, в т. ч., в поправке на резервуарный эффект (Плихт и др. 2007: 39–47). Согласно новым данным такая поправка менялась со временем и зависела от многих факторов. Для эпохи ранней бронзы она не превышала 150–200 радиоуглеродных лет. В образцах коллагена измерялись  $\delta^{13}\text{C}$  и  $\delta^{15}\text{N}$  (табл. 4).

Таблица 4

Кург. 3 мог-ка Улан IV, данные  $^{14}\text{C}$  датирования

№ лаб.	№ погребения	Образец	$^{14}\text{C}$ (BP)	Calibrated range (1, calBC) [start: end] relative area	$\delta^{13}\text{C}$ (‰)	$\delta^{15}\text{N}$ (‰)
49047	погр. 12	кость человека	5160 ± 40	[4038:4018] 0,2001; [3998:3947] 0,7998	-17,78	–
51017	погр. 7	кость человека	4450 ± 35	[3322:3272] 0,2485 [3268:3235] 0,2061 [3171:3162] 0,0398 [3116:3079] 0,2157 [3071:3025] 0,2898	-17,65	–
4020	погр. 20	кость человека	4010 ± 50	[2578:2471] 1,0	-18,27	+15,15
49044	погр. 21	растительная подстилка	4175 ± 45	[2879:2848] 0,1954 [2842:2841] 0,0103 [2813:2740] 0,5067 [2731:2693] 0,2391	-30,5	+6,5
49461	погр. 5	кость человека	3920 ± 120	[2572:2512] 0,1549 [2505:2271] 0,7227 [2258:2206] 0,1222	-19,58	–

*Обсуждение результатов.* Анализ погребального обряда (могильной конструкции, положения и ориентировки скелета) даже при отсутствии инвентаря в ряде случаев позволяет установить культурную принадлежность погребений. Согласно анализу погребального обряда погр. 15 и 31 относятся к ямной культуре (Шишлина 2007). Т-катакомбы с положением умерших на спине вытянуто или скорченно – это обрядовые характеристики местной раннекатакомбной группы (Шишлина 2007), к которой относятся погр. 19, 13, 14, 7 и 4, образующие особый планиграфический кластер. Следующий горизонт объединил погребения восточноманычской и западноманычской катакомбных культур (погр. 5, 22 и др.).

Таким образом, получена последовательность погребений, имеющих культурную привязку: ямная→раннекатакомбная→восточноманычская и западноманычская катакомбные культуры. Однако из стратиграфической цепочки выпали три погребения: основное погр. 12, погр. 20 с глиняным штампом (занимающее промежуточное место между первым впускным погр. 15 и погр. 31 ямной культуры, а также последующими погребениями раннекатакомбной культуры), и погр. 7 (захоронение черепа).

Данные  $^{14}\text{C}$  датирования показали, что погр. 12 и 7 попадают в период существования в исследуемом регионе особой группы степной майкопской культуры – примерно между 3600 и 3000 гг. до н. э. В самом конце этого периода и в начале III тыс. до н. э. в регионе появляются и представители ямной культуры (Шишлина 2007).

Краниометрическая характеристика носителей как майкопской, так и ямной культур (табл. 5) хорошо известна (Шевченко 1974: 199–203; 1986: 121–215; Хохлов 1999: 32–38; 2001: 94–99; 2002: 174–179; 2006: 136–146; Казарницкий 2009: 103–130; 2010: 148–155; 2011: 133–142).

Таблица 5

Средние значения краниометрических признаков мужских серий эпохи энеолита и ранней бронзы

Краниометрические признаки		Ямная культура Северо-Западного Прикаспия			Майкопская культура		
		n	X	sd	n	X	sd
1.	Продольный диаметр	55	186.4	7.1	10	196.8	6.6
8.	Поперечный диаметр	56	148.5	5.8	9	139.9	6.0
17.	Высотный диаметр	40	138.1	6.2	5	141.0	6.1
9.	Наименьшая ширина лба	58	100.3	4.9	9	95.8	5.5
45.	Скуловой диаметр	54	140.9	6.5	9	134.6	5.2
48.	Верхняя высота лица	54	70.5	4.0	9	73.7	6.6
55.	Высота носа	54	50.9	2.7	9	54.1	4.0
54.	Ширина носа	56	25.6	2.2	9	25.7	3.6
51.	Ширина орбиты	56	43.9	1.8	9	45.0	2.0
52.	Высота орбиты	56	31.3	2.0	9	33.0	2.9
77.	Назomалярный угол	56	138.9	5.3	9	134.5	6.5
zm.	Зигомаксиллярный угол	51	126.1	4.6	6	123.3	2.8
SC.	Симотическая ширина	48	8.8	1.7	7	9.3	1.2
SS.	Симотическая высота	47	5.4	1.2	7	5.4	0.4
32.	Угол наклона лба	46	82.3	4.5	7	78.1	3.5
72.	Общий лицевой угол	42	86.0	3.0	6	88.2	2.8
75 (1).	Угол выступания носа	44	36.8	5.4	7	38.3	3.1
8 : 1	Поперечно-продольный указатель	55	79.7	4.6	9	71.4	3.7
17 : 1	Высотно-продольный указатель	40	74.1	3.7	5	71.8	1.9
48 : 45	Верхний лицевой указатель	52	50.2	3.5	8	55.0	5.4
54 : 55	Носовой указатель	54	50.2	4.7	9	47.7	7.8
52 : 51	Орбитный указатель	56	71.3	4.4	9	73.5	8.0
SS : SC	Симотический указатель	47	61.5	11.2	7	58.2	7.8

Майкопская палеопопуляция статистически достоверно отличается от соседствовавшей с ней ямной более длинной и узкой мозговой коробкой, более узким и покатым лбом, менее широким и резче профилированным на верхнем горизонтальном уровне лицом и более высоким носом. По большинству перечисленных признаков достигаемый уровень значимости различий, согласно критерию Манна–Уитни, составляет менее 0.05, для продольного, поперечного и скулового диаметров – менее 0.01. Кроме этого, известны измерительные данные единственного черепа из энеолитического погр. 3 кург. 1 мог-ка Джангар.<sup>75</sup>

Два черепа (погр. 12 и 7) были сопоставлены с черепами ямной культуры Северо-Западного Прикаспия, майкопской культуры и с черепом из энеолитического погребения из Джангара. Для многомерного анализа использовался метод главных компонент (ГК) с подстановкой средних групповых значений признаков в случае отсутствия некоторых индивидуальных измерений. Первоначально объединенная серия была проанализирована по небольшому числу краниометрических признаков (продольный, поперечный и скуловой диаметры, верхняя высота лица, верхняя и средняя ширина лица, высота и ширина носа, симотический указатель) из-за плохой сохранности черепа из погр. 7. Первые две главные компоненты отразили в совокупности 54 % общей изменчивости. Максимальные нагрузки в ГК I легли на продольный диаметр, высоту и среднюю ширину лица, высоту носа; в ГК II – на верхнюю ширину лица, поперечный и скуловой диаметры. Черепа носителей майкопской и ямной культур разделились с небольшой трансгрессией по второй компоненте (рис. 3, А), демонстрирующей вариабельность широтных параметров лицевого и мозгового отделов. Череп из Джангара, как и ожидалось, занял место почти в центре в ямной серии, черепа из Улана – рядом с майкопскими, имеющими в среднем узкие долихокранные мозговые коробки и менее широкие лица по сравнению с подавляющим большинством представителей ямной культуры Прикаспия.

Относительно хорошая сохранность черепа из погр. 12 позволила повторить анализ, исключив из него череп из погр. 7 (рис. 3, Б), но с использованием большего числа как линейных, так и угловых признаков черепа (продольный, поперечный и скуловой диаметры, наименьшая ширина лба, верхняя и средняя ширина лица, верхняя высота лица, высота и ширина носа и орбит, назомялярный и зигомаксиллярный углы, симотический указатель, общий лицевой угол и угол выступания носа). ГК I отразила в результате 23 % общей изменчивости с наибольшими нагрузками на продольный диаметр, среднюю ширину и верхнюю высоту лица, высоту носа и ширину орбиты. В ГК II (20 % изменчивости) наиболее информативными оказались снова верхняя ширина лица, поперечный и скуловой диаметры, а также наименьшая ширина лба, т. е. признаки, по которым между майкопской и ямной краниологическими выборками существуют статистически достоверные различия. Неудивительно, что именно по координатам второй компоненты вновь произошло разделение майкопских и ямных черепов. Наблюдаемая при этом трансгрессия демонстрирует наличие лишь статистических, а не линейных границ между даже ярко различными человеческими популяциями. Череп из погр. 12 и в этом случае снова отчетливо тяготеет к майкопской выборке.

Таким образом, индивидуальное описание и сопоставление с краниологическими выборками эпохи ранней бронзы двух черепов из безынвентарных погр. 7 и 12 позволяют констатировать, что их морфологические особенности более свойственны носителям майкопской культуры и крайне редко встречаются в краниологической серии ямной культуры Северо-Западного Прикаспия.

<sup>14</sup>C возраст кости человека из погр. 20 с глиняным штампом расположился в финале хронологического интервала ямной культуры (3000–2500 гг. до н. э.) и в начале раннекатакомбной культуры, т. е. в тот период, когда в регионе сосуществуют носители нескольких традиций. По крайней мере, полученная <sup>14</sup>C дата соответствует стратиграфическому положению комплекса – на поверхности насыпи 1, сооруженной над ямным и майкопским погребениями, раньше, чем раннекатакомбные погребения, перекрытые насыпью 3: дата по подстилке из раннекатакомбного горизонта

<sup>75</sup> Фонд отдела антропологии МАЭ РАН, раскопки Н. А. Николаевой, измерения проведены А. В. Шевченко.

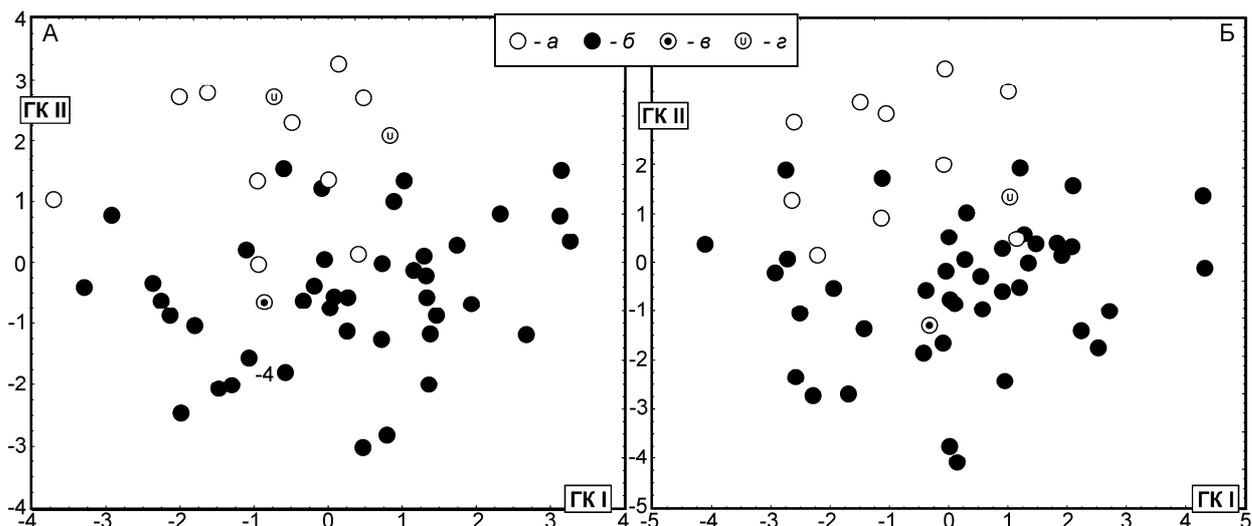


Рис. 3. Мужские черепа энеолита и ранней бронзы Северо-Западного Прикаспия в пространстве первой и второй главных компонент: *а* – майкопская культура; *б* – ямная культура Прикаспия; *в* – мог-к Джангар; *г* – мог-к Улан IV

соответствует интервалу этой культуры: 2600–2300 гг. до н. э. (Шишлина 2007). Хронологию датированных комплексов замыкает дата по кости человека из восточноманычского катакомбного захоронения. Таким образом, полученные  $^{14}\text{C}$  данные соответствуют выстроенной стратиграфической колонке.

Масс-спектрометрические данные показывают, что изотопный сигнал существенно варьировал. Это неудивительно, поскольку все индивидуумы проживали в регионе в разное время. Скорее всего, все взрослые, кроме двух женщин из погр. 14 и 15, прожили всю жизнь в пределах данной степной экологической ниши (Шишлина 2010: 104–112). Однако женщины из погр. 14 и 15, по всей вероятности, принадлежали к другой группе. Изотопный состав их костной ткани предполагает, что последние годы своей жизни в их системе питания преобладали продукты не степного происхождения. Их изотопные сигналы соответствуют модели, основные компоненты которой морепродукты. Детей из погр. 6 и 16, согласно изотопному сигналу, еще кормили грудью.

Определение показателя соотношения стабильных изотопов стронция  $^{86}\text{Sr}/^{87}\text{Sr}$  в эмали, дентине и костях погребенного человека может указать на вероятное место его рождения. Разные горные породы характеризуются разной величиной двух изотопов стронция  $^{86}\text{Sr}/^{87}\text{Sr}$ , меняющейся в зависимости от геологического строения территории. Через употребляемую человеком пищу и воду стронций попадает в костную ткань человека и его величина фиксируется в эмали зубов во время их роста и не меняется со временем, указывая на то географическое место, где он провел свое детство. Полученные данные по стронцию предварительные. Соотношение величины стабильных изотопов стронция  $^{86}\text{Sr}/^{87}\text{Sr}$  в дентине и эмали зубов людей, похороненных на западном склоне Средних Ергеней, на Южных Ергенях и в Кумо-Манычской впадине, варьирует от 0.7089 до 0.7092. Эти данные сопоставлялись с данными по величине стронция в зубах животных и в кислотной вытяжке из грунта под тазом, а также с данными по системе питания. Индивидуум западноманычской катакомбной культуры из погр. 5 по величине изотопов стронция соотносится с данными по зубам благородного оленя из ст. Новосвободная в Прикубанье – 0.7092. В погребении найдены экстраординарные предметы (жемчуг). Остальные индивидуумы характеризуются соотношением величины стабильных изотопов стронция  $^{86}\text{Sr}/^{87}\text{Sr}$  в эмали и дентине в пределах 0.7089–0.7090. Все индивидуумы соотносятся со степной моделью питания, кроме женщины из погр. 14 с морской системой питания. Мы можем предположить, что все эти люди родились в степи, где и провели практически всю свою жизнь, кроме женщины из погр. 14. Однако следует осторожно

относиться к полученным данным, необходима дополнительная оценка достоверности результатов и составление максимально подробной карты с данными по стабильным изотомам стронция  $^{86}\text{Sr}/^{87}\text{Sr}$  в горных породах и почвах на территории района исследований.

*Заключение.* Проведенное дополнительное исследование материалов из погребений эпохи бронзы кург. 3 мог-ка Улан IV позволяет отнести безынвентарные погр. 12 и 7 к степной майкопской группе, подтвердить данные стратиграфии и планиграфии результатами  $^{14}\text{C}$  датирования и высказать предположения о связи степного населения с кавказским регионом, включающим и приморские районы.

Алексеев, Дебец 1964 – *Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.* Краниометрия. М., 1964.

Казарницкий 2009 – *Казарницкий А. А.* К вопросу о палеоантропологии Северо-Западного Прикаспия в эпоху бронзы // Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях. СПб, 2009. С. 103–130.

Казарницкий 2010 – *Казарницкий А. А.* Краниология населения майкопской культуры: «новые старые материалы» // АЭАЕ. 2010. № 1 (41). С. 148–155.

Казарницкий 2011 – *Казарницкий А. А.* Население эпохи бронзы Северо-Западного Прикаспия // ЗИИМК РАН. 2011. № 6. С. 133–142.

Плихт и др. 2007 – *Плихт ван дер, Шишлина Н. И., Хеджес Р. Е. М., Зазовская Э. П., Севастьянов В. С., Чичагова О. А.* Резервуарный эффект и результаты датирования катакомбных культур Северо-Западного Прикаспия // Российская археология. 2007. № 2. С. 39–47.

Хохлов 1999 – *Хохлов А. А.* Краниологические материалы могильника Манджикины-1 // Могильник Манджикины-1 – памятник эпохи бронзы–раннего железного века Калмыкии (опыт комплексного исследования). М.; Элиста, 1999. С. 32–38.

Хохлов 2001 – *Хохлов А. А.* Краниологические материалы из погребений могильников Му-Шарет-1 и Му-Шарет-4 // Могильники Му-Шарет в Калмыкии: комплексное исследование. М.; Элиста, 2001. С. 94–99.

Хохлов 2002 – *Хохлов А. А.* Краниологический тип человека, погребенного по традиции майкопской культуры эпохи ранней бронзы // Нижневолжский археологический сборник. Волгоград, 2002. Вып. 5. С. 174–179.

Хохлов 2006 – *Хохлов А. А.* О краниологических особенностях населения ямной культуры Северо-Западного Прикаспия // ВА. Вып. 14. М., 2006. С. 136–146.

Шевченко 1974 – *Шевченко А. В.* Антропологическая характеристика населения Калмыкии в эпоху бронзы // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников: Сообщения Научно-Методического совета по охране памятников культуры. М., 1974. Вып. VII. С. 199–203.

Шевченко 1986 – *Шевченко А. В.* Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л., 1986. С. 121–215.

Шишлина 2007 – *Шишлина Н. И.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н. э.). М., 2007 (Тр. ГИМ. Вып. 165).

Шишлина 2010 – *Шишлина Н. И.* Изотопный «архив» кочевников Евразийских степей бронзового века: результаты исследования и интерпретация // Древние культуры Евразии: Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А. Н. Бернштама. СПб, 2010. С. 104–112.

## Археозоологическое изучение жертвенных комплексов из могильников срубной культуры лесостепного Поволжья<sup>76</sup>

Изучение археозоологических комплексов из могильников срубной культуры лесостепного Поволжья показало, что туши, части туш и отдельные кости животных использовались на разных этапах совершения погребального обряда и в разном качестве, а выбор того или иного вида животного и определенной части туши был обусловлен значением самого комплекса в ритуале. Рассмотрение анатомического спектра костей из археозоологических комплексов, а также их местоположение в кургане позволило выделить несколько категорий комплексов, одной из которых являются жертвенники (Рослякова 2011). Жертвенные комплексы включают в себя целые скелеты животных, отдельные черепа и черепа в сочетании с дистальными частями конечностей. Сочетание черепа с дистальными частями конечностей, по мнению М. П. Грязнова, символизирует целое животное (*pars pro toto*) (Грязнов 1977: 82). Археологический контекст нахождения подобных комплексов уже рассматривался исследователями (Агапов и др. 1983: 12; Васильев и др. 1985: 62–63; Крамарев, Кузьмина 1999: 84–85; Михайлова, Кузьмина 1999: 109–112; Семёнова 2000: 161–165; Крамарев 2003: 158). Авторы отмечали, что жертвенные комплексы сопровождали неординарные погребения раннего (покровского) этапа срубной культуры, а также рассматривали закономерности их расположения относительно погребений и на подкурганной площадке. Однако для выяснения специфики отбора животных для совершения погребального обряда и оценки значения разных видов животных в ритуальной практике необходим детальный анализ биологических и археологических параметров остеологических материалов. В настоящем исследовании приводятся результаты изучения видового состава, анатомического спектра и половозрастных характеристик животных из жертвенных комплексов.

Нами были изучены костные остатки жертвенных комплексов из 12 могильников лесостепного Поволжья: Березовского II, У железнодорожного разъезда «22 км» ж/д Сызрань–Саратов, Новоберезовского I, Бобровки I, Тростянки I, Ташелки IV, Масленниковского I, Рождественского I, Ново-Михайловского IV, Уваровского II, Урень I, Урень II. Они расположены в Ставропольском, Елховском, Сызранском, Волжском, Кинельском, Кинель-Черкасском, Приволжском, Хворостянском р-нах Самарской обл. и Старо-Майнском р-не Ульяновской обл. Всего было исследовано 20 комплексов.

Изучение видового состава и анатомического спектра костей животных из них показало, что основными жертвенными животными были крупный рогатый скот (*Bos taurus*) (40 %) и мелкий рогатый скот (*Ovis aries/Capra hircus*) (44 %) (табл. 1). Хотя в некоторых случаях в жертву приносили и лошадь (*Equus caballus*) (16 %).

Лошадь чаще всего представлена в жертвенных комплексах целыми скелетами и черепами. Туши двух лошадей, как правило, укладывали к Ю, ЮВ или ЮЗ от погребения, а иногда их захоранивали в отдельном погребении (Крамарев, Кузьмина 1999: 84–85). Комплексы с целыми скелетами лошадей известны в могильниках срубной культуры лесостепного Поволжья: Песочное, Крутенький о. к., Комаровка, Калиновка, Новые Ключи III, Уваровский II, Александровка IV. В ряде случаев были положены только черепа лошадей. По одному черепу встречено: в насыпях кург. 1 мог-ка Песочное и кург. 1 Масленниковского I мог-ка, в заполнении ровика кург. 4 Новоберезовского IV мог-ка и под насыпью кург. 2 мог-ка Подстепки III. В двух случаях черепа лошадей находились на дне погребений: в погр. 4 кург. 1 Фёдоровского I мог-ка и погр. 1 кург. 1 Шигонского I мог-ка. Черепа и дистальные части конечностей находились в одном комплексе два раза: в насыпи кург. 5 мог-ка Калиновка и рядом с погр. 1 кург. 6 мог-ка Урень I.

<sup>76</sup> Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 12-11-63002.

Таблица 1

Видовой состав животных из жертвенных комплексов  
могильников срубной культуры лесостепного Поволжья (количество особей)

Комплекс	Лошадь	КРС	МРС	Всего
<b>насыпь курганов</b>				
Масленниковский I, кург. 1	1	–	–	–
У железнодорожного разъезда «22 км» ж/д Сызрань–Саратов, кург. 3	–	1	–	1
<b>заполнение ровиков</b>				
Новоберезовский I, кург. 4, компл. 1	1	–	–	1
Бобровка I, кург. 2, ров, компл. 1	–	1	–	1
<b>на погребенной почве</b>				
Березовский II, кург. 1, компл. 1	–	2	–	2
Березовский II, кург. 1, компл. 2	–	–	2	2
Березовский II, кург. 1, компл. 4	1	2	–	3
Березовский II, кург. 2, компл. 1	–	5	2*	7
Березовский II, кург. 2, компл. 4	–	–	2* + 1	3
Тростянка I, кург. 1, жертв. 2	–	2	–	2
У железнодорожного разъезда «22 км» ж/д Сызрань–Саратов, нас., кург. 2, компл. 1	–	–	2**	2
У железнодорожного разъезда «22 км» ж/д Сызрань–Саратов, кург. 2, компл. 2	–	–	2	2
У железнодорожного разъезда «22 км» ж/д Сызрань–Саратов, кург. 2, жертв. 2	–	–	1*+2	3
<b>около погребений</b>				
Новые Ключи III, кург. 1, погр. 1	2	–	–	2
Ташелка IV, кург. 7, погр. 2, жертв. 2	–	1	–	1
Тростянка I, кург. 1, погр. 10	–	2	–	2
У железнодорожного разъезда «22 км» ж/д Сызрань–Саратов, кург. 2, погр. 8, жертв. 1	–	2	1*	3
<b>на перекрытии погребений</b>				
Рождественский I, кург. 1, погр. 1	–	–	4*	4
Ново-Михайловский IV, кург. 5, погр. 6	–	–	1*	1
<b>в отдельном погребении</b>				
Уваровский II, кург. 11, погр. 3	2	–	–	2
Итого	7	18	20	45
%	16	40	44	100

Иногда кости лошади находятся в одном комплексе вместе с остатками других видов животных. В Березовском II мог-ке тарзальная кость лошади входила в жертвенный комплекс, состоящий из черепов и дистальных частей конечностей двух особей крупного рогатого скота (далее – КРС). В кург. 2 мог-ка Кряж II в жертвенник наряду с черепами двух лошадей и дистальными частями конечностей одной лошади находились череп старой особи КРС и череп с дистальными частями конечностей мелкого рогатого скота (далее – МРС) (Васильева 1984: 44).

Только пять жертвенных комплексов с костями лошади были изучены археозоологами: парные захоронения лошадей из мог-ков Уваровский II, Новые Ключи III, Комаровка, череп лошади из ровика Новоберезовского IV мог-ка (Цалкин 1958: 236–237; Косинцев, Рослякова 1999: 77–86; Рослякова 2006: 477–482) и жертвенный комплекс из Березовского II мог-ка<sup>77</sup>. Этих данных недостаточно для каких-либо обобщений, касающихся отбора животных для жертвоприношения. Однако можно отметить, что в парных погребениях лошадей практически все животные были взрослыми. Только одна лошадь из мог-ка Новые Ключи III была полувзрослой. В мог-ках Уваровский II и Новые Ключи III пару составляли разнополые особи. В двух случаях лошади в парах были близкими по росту, около 136–144 см (мог-ки Комаровка и Уваровский II), а в одном – одна лошадь была меньше другой – 128–136 см и 136–144 см (Новые Ключи III). На костях двух лошадей (одной – из Уваровского II мог-ка, второй – из мог-ка Новые Ключи III) имеются патологические изменения на костях, свидетельствующие о заболеваниях, затруднявших передвижение животных. Возраст второй лошади из Уваровского II мог-ка был около 10 л., т. е. она уже вышла из

<sup>77</sup> Исследования автора настоящей работы, статья находится в печати.

оптимального для эксплуатации возраста. Череп из ровика Новоберезовского IV мог-ка принадлежал старой особи (старше 20 л.). Вероятно, именно возраст и наличие болезней повлияли на выбор этих животных для жертвоприношения.

Обряд жертвоприношения лошади был распространен в Нижнем Поволжье и в бассейне Дона. По имеющимся в настоящее время данным, в Башкирском Приуралье лошадь в качестве жертвенного животного не использовалась (Исмагил и др. 2009: 116). Как и в лесостепном Поволжье, в могильниках степного Поволжья преобладают черепа и целые скелеты пар лошадей, а в могильниках бассейна Дона чаще встречаются черепа вместе с дистальными частями конечностей. В Нижнем Поволжье скелеты пар лошадей располагались около погребений человека и в отдельных погребениях, предназначенных для лошадей. В бассейне Дона целые скелеты лошадей встречены на дне погребения вместе с человеком (Новоусманский мог-к, кург. 1, погр. 1).

Практически все жертвенники с костями КРС представлены черепами с дистальными частями конечностей. Только в одном случае это были целые черепа с нижними челюстями (табл. 2). В Березовском II мог-ке в кург. 1 в комплекс, состоящий из черепов и дистальных частей конечностей двух особей, входила коленная чашечка, которая была положена в жертвенник в виде отдельной кости. В кург. 2 этого же могильника в жертвенном комплексе вместе с пятью черепами находилась вторая фаланга КРС. В 6 из 9 случаев (67 %) в один комплекс входило более одной особи (от 2 до 5). Дважды в одном комплексе находились кости КРС и МРС. Для 18 особей КРС был определен их возраст на момент смерти (табл. 4). Как правило, в жертву приносили взрослых животных 14 (78 %): одной из них было 3–4 года (7 %); восьми – 4–6 л. (57 %); четверем – 6–9 л. (29 %); одной – больше 9 л. (7 %). В четырех комплексах находились останки взрослых и молодых особей. Двум молодым особям было около 1–3 мес., а двум другим – 3–6 мес. Для десяти взрослых особей КРС была установлена половая принадлежность – это были коровы. Как правило, жертвенники с костями КРС находятся на погребенной почве под насыпью кургана или около погребений.

Таблица 2

Анатомический спектр костей КРС из жертвенных комплексов могильников срубной культуры лесостепного Поволжья (количество особей)

Комплекс	Череп с нижними челюстями	Череп и дистальные части конечностей	Коленная чашечка	Фаланги	Всего
<b>насыпи курганов</b>					
У железнодорожного разъезда «22 км» ж/д Сызрань–Саратов, кург. 3	–	1	–	–	1
<b>заполнение ровиков</b>					
Бобровка I, кург. 2, ров, комп. 1	–	1	–	–	1
<b>на погребенной почве</b>					
Березовский II, кург. 1, компл. 1	–	2	–	–	2
Березовский II, кург. 1, компл. 4	–	2	1	–	2
Березовский II, кург. 2, компл. 1	5	–	–	1	5
Тростянка I, кург. 1, жертв. 2	–	2	–	–	2
<b>около погребений</b>					
Ташелка IV, кург. 7, погр. 2, жертв. 2	–	1	–	–	1
Тростянка I, кург. 1, погр. 10	–	2	–	–	2
У железнодорожного разъезда «22 км» ж/д Сызрань–Саратов, кург. 2, погр. 8, жертв. 1	–	2	–	–	2
Итого	5	13	1	1	18
%	28	72	–	–	100

Жертвенные комплексы с костями МРС также, в основном, состоят из черепов с дистальными частями конечностей (табл. 3). Череп с нижней челюстью встречен один раз. В 7 из 9 случаев (78 %) в комплексе находилось более одной особи (от 2 до 4). Причем некоторые из них могли быть представлены только черепом или только дистальной частью конечности, а иногда и отдельной фалангой.

Таблица 3

Анатомический спектр костей МРС из жертвенных комплексов  
могильников эпохи срубной культуры лесостепного Поволжья (количество особей)

Комплекс	Череп с нижними челюстями	Череп и дистальные части конечностей	Дистальные части конечностей	Всего
	на погребенной почве			
Березовский II, кург. 1, компл. 2	1	1	–	2
Березовский II, кург. 2, компл. 1	1	1	–	2
Березовский II, кург. 2, компл. 4	–	2	1	3
У железнодорожного разъезда «22 км» ж/д Сызрань–Саратов, нас., кург. 2, компл. 1	–	1	1	2
У железнодорожного разъезда «22 км» ж/д Сызрань–Саратов, кург. 2, компл. 2	1	–	1	2
У железнодорожного разъезда «22 км» ж/д Сызрань–Саратов, кург. 2, жертв. 2	–	2	1	3
<b>около погребений</b>				
У железнодорожного разъезда «22 км» ж/д Сызрань–Саратов, кург. 2, погр. 8, жертв. 1	–	1	–	1
<b>на перекрытии погребений</b>				
Рождественский I, кург. 1, погр. 1	–	3	1	4
Ново-Михайловский IV, кург. 5, погр. 6	1	–	–	1
Итого:	4	11	5	20
%	20	55	25	100

Таблица 4

Возрастной состав КРС и МРС из жертвенных комплексов  
могильников срубной культуры лесостепного Поволжья (количество особей)

Комплекс	КРС		МРС		
	молодые (мес.)	взрослые (лет)	молодые (мес.)	полузрелые (лет)	взрослые (лет)
<b>насыпи курганов</b>					
У железнодорожного разъезда «22 км» ж/д Сызрань–Саратов, кург. 3		1 (4–6)			
<b>заполнение ровиков</b>					
Бобровка I, кург. 2, ров, комп. 1		1 (4–6)			
<b>на погребенной почве</b>					
Березовский II, кург. 1, компл. 1		2 (6–9; >9)		1 (1,5–2)	1 (4–6)
Березовский II, кург. 1, компл. 2					
Березовский II, кург. 1, компл. 4		2 (4–6)			
Березовский II, кург. 2, компл. 1	1 (1–3)	3 (4–6); 1 (6–9)	1 (4–12)	1 (1–2)	
Березовский II, кург. 2, компл. 4			1 (около 12)		2 (2–2,5; 2,5–4)
Тростянка I, кург. 1, жертв. 2	1 (3–6)	1 (3–4)			
У железнодорожного разъезда «22 км» ж/д Сызрань–Саратов, нас., кург. 2, компл. 1			1 (3–6)	1 (1–1,5)	
У железнодорожного разъезда «22 км» ж/д Сызрань–Саратов, кург. 2, компл. 2				1	1 (2–2,5)
У железнодорожного разъезда «22 км» ж/д Сызрань–Саратов, кург. 2, жертв. 2			1 (3–6)	1 (около 1,5)	1 (старше 2)
<b>около погребений</b>					
Ташелка IV, кург. 7, погр. 2, жертв. 2		1 (6–9)			
Тростянка I, кург. 1, погр. 10	1 (1–3)	1 (6–9)			
У железнодорожного разъезда «22 км» ж/д Сызрань–Саратов, кург. 2, погр. 8, жертв. 1	1 (3–6)	1 (4–6)			1 (4–6)
<b>на перекрытии погребений</b>					
Рождественский I, кург. 1, погр. 1			1 (3–6)	1 (1–1,5)	2 (4–6)
Ново-Михайловский IV, кург. 5, погр. 6			1 (1–2)		
Всего:	4	14	6	6	8
%	22	78	30	30	40
%		100		100	

Среди остатков МРС определены кости овец 11 (55 %) и коз 2 (10 %). Для всех животных был установлен возраст (табл. 4). Часть из них были взрослыми – 8 (40 %), а остальные – полувзрослыми – 6 (30 %) и молодыми – 6 (30 %). Среди взрослых животных две особи были в возрасте 2–2,5 л., одна – старше 2 л., одна – 2,5–4 л., четыре – 4–6 л. Пяти полувзрослым животным было около 1–1,5 л. Из молодых особей одна была забита в возрасте 1–2 мес., три – 3–6 мес., одна – 4–12 мес. и одна – около года. В 7 из 8 комплексов (88 %) находились животные разных возрастов: взрослые-молодые (1), полувзрослые-молодые (2), молодые-полувзрослые-взрослые (2), взрослые-полувзрослые (2). Принадлежность животных по полу по имеющимся остаткам МРС не восстанавливается. Жертвенники с костями МРС встречены на погребенной почве под насыпью курганов, рядом с погребениями и на перекрытии погребений.

Совместное нахождение в одном комплексе голов и дистальных частей конечностей КРС и МРС, а также разновозрастных особей одного вида характерно и для жертвенных комплексов из погребальных памятников Нижнего Поволжья эпохи поздней бронзы (Яворская 2012: 121–127). В Башкирском Приуралье черепа и дистальные части конечностей КРС и МРС в одном комплексе не встречены, но здесь есть жертвенники, включающие остатки двух особей КРС (Исмагил и др. 2009: 112–116). Жертвенник с костями черепа и дистальных частей конечностей взрослой (2–2,5 года) и молодой (до одного года) особи КРС находились в жертвеннике кург. 2 Николаевского мог-ка в Башкортостане (Сатаев 2009: 215). В кург. 7 этого же могильника исследован жертвенный комплекс, состоящий из черепов и дистальных частей конечностей трех взрослых особей КРС, причем две из них были коровами (пол третьей особи определен авторами как вол, однако промеры пястной кости также указывают на ее принадлежность корове) (Сатаев, Гимранов 2009: 222–223).

Анализ остеологических материалов из жертвенных комплексов, происходящих из могильников срубной культуры лесостепного Поволжья, позволил сделать следующие выводы: 1) основными жертвенными животными в погребальном ритуале были КРС и МРС, реже в жертву приносили лошадь; 2) жертвенники с костями КРС и МРС, как правило, включали в себя черепа и дистальные части конечностей, гораздо реже в них находился только череп; 3) остатки КРС и МРС могли находиться в одном комплексе; 4) в большинстве случаев в комплексах с костями КРС и МРС находились остатки двух и более особей, причем некоторые из них представлены только одной частью туши или отдельной костью; 5) часто в жертвенники помещали части туш разновозрастных особей; 6) для КРС выявлено сочетание в одном комплексе останков коровы и теленка, кости быков в жертвенных комплексах не обнаружены; 7) большинство жертвенников располагалось на погребенной почве под насыпью курганов и около погребений, а жертвенники с костями МРС встречены и на перекрытии погребений; 8) лошадь представлена в жертвенных комплексах, чаще всего, целыми скелетами и отдельными черепами; сочетание черепа и дистальных частей конечностей встречается реже; 9) части туш и отдельные кости лошади могли помещать в жертвенник вместе с частями туш КРС и МРС; 10) скелеты двух лошадей, как правило, находятся рядом с погребениями и иногда в отдельном погребении, черепа – в насыпи и в ровиках курганов, на погребенной почве, на дне погребений, череп с дистальными частями конечностей – в насыпи кургана, на погребенной почве и около погребений.

Основные характеристики, выявленные для жертвенных комплексов срубной культуры лесостепного Поволжья, во многом являются общими и для других частей ареала срубной культуры. Особенно это касается жертвенников с костями КРС и МРС. В жертвенниках с костями лошади в разных регионах наблюдается преобладание разных частей туш. Так, целые туши и отдельно головы лошади наиболее многочисленны в жертвенниках лесостепного и степного Поволжья, тогда как в Подонье большая их часть представлена костями головы и дистальных частей конечностей. В лесостепном Поволжье скелеты лошадей не встречены в одном погребении с человеком, а целые черепа и комплексы черепов с дистальными частями конечностей не известны на перекрытии погребений.

- Агапов и др. 1983 – *Агапов С. А., Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семёнова А. П.* Срубная культура лесостепного Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы: Межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев, 1983. С. 6–58.
- Васильев и др. 1985 – *Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семёнова А. П.* Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации): Межвузовский сб. науч. тр. Куйбышев, 1985. С. 60–94.
- Васильева 1984 – *Васильева И. Н.* Отчет о раскопках кургана № 2 II Кряжского курганного могильника и кургана № 1 III Кряжского курганного могильника // *Дубман Э. Л., Скарбовенко В. А., Васильева И. Н., Зудина В. Н., Семькин Ю. А., Седова М. С.* Отчет о раскопках Кряжских курганных могильников в Безенчукском районе Куйбышевской области в 1983 году // НОА ИА РАН, Р-1, № 9588, 9588а.
- Грязнов 1977 – *Грязнов М. П.* Бык в обрядах и культах древних скотоводов // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 80–88.
- Исмагил и др. 2009 – *Исмагил Р., Морозов Ю. А., Чаплыгин М. С.* Николаевские курганы («Елена») на реке Sterля в Башкортостане. Уфа, 2009.
- Косинцев, Рослякова 1999 – *Косинцев П. А., Рослякова Н. В.* Парное захоронение лошадей из II Уваровского могильника // Историко-археологические изыскания: Сб. тр. молодых ученых. Самара, 1999. Вып. 3. С. 77–86.
- Крамарев 2003 – *Крамарев А. И.* Погребальные памятники срубной культуры Южного Средневожья // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: Мат-лы междунар. науч. конф. Чебоксары, 2003. С. 153–160.
- Крамарев, Кузьмина 1999 – *Крамарев А. И., Кузьмина О. В.* Кости животных в погребальном обряде срубной культуры // XIV Уральское археологическое совещание. ТД. Челябинск, 1999. С. 83–87.
- Михайлова, Кузьмина 1999 – *Михайлова О. В., Кузьмина О. В.* Новые памятники эпохи бронзы в Самарском Поволжье // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Самара, 1999. Вып. 1. С. 98–141.
- Рослякова 2006 – *Рослякова Н. В.* Костные остатки животных из могильников Новые Ключи III и Лозовка V // ВАП. 2006. Вып. 4. С. 476–484.
- Рослякова 2011 – *Рослякова Н. В.* Ритуальная практика населения срубной культуры Самарского Поволжья: роль и место животных в погребальном обряде // Тр. III (XIX) Всерос. АС. СПб; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. 1. С. 270–271.
- Сатаев 2009 – *Сатаев Р. М.* Остатки животных из раскопок 1 и 2 курганов Николаевского могильника // *Исмагил Р., Морозов Ю. А., Чаплыгин М. С.* Николаевские курганы («Елена») на реке Sterля в Башкортостане. Уфа, 2009. С. 211–221.
- Сатаев, Гимранов 2009 – *Сатаев Р. М., Гимранов Д. О.* Характеристика археозоологического материала из 7 кургана Николаевского могильника // Там же. С. 222–228.
- Семёнова 2000 – *Семёнова А. П.* Погребальные памятники срубной культуры // История изучения Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Бронзовый век. Самара, 2000. С. 152–208.
- Цалкин 1958 – *Цалкин В. И.* Фауна из раскопок археологических памятников Среднего Поволжья // Тр. Куйбышевской археологической экспедиции. 1958. Т. II. С. 221–281 (МИА. № 61).
- Яворская 2012 – *Яворская Л. В.* Погребальные ритуалы по археозоологическим материалам // Курганы бронзового века в излучине Дона (опыт комплексных археологических и естественнонаучных исследований). Волгоград, 2012. С. 116–127.

**Г. В. Ковалёва, К. Н. Красноруцкая, М. В. Набоженко, В. В. Польшин,  
В. В. Потапов, И. В. Толчко (Ростов-на-Дону, Россия)**

## **К вопросу о реконструкции палеоландшафтных особенностей Нижнего Подонья в финальный период эпохи бронзы – раннем железном веке**

Бассейн нижнего течения Дона – один из ключевых регионов в изучении проблем адаптации населения финала эпохи бронзы и раннего железного века на территории степного юга Восточной Европы. Территория Подонья была заселена с древнейших эпох, чему способствовали благоприятные климатические условия, разнообразие и богатство естественных ресурсов. Динамика и интенсивность этнокультурных процессов во многом была обусловлена расположением региона на стыке обширных природно-географических зон и крупных историко-географических территорий – это определило его роль как проводника многочисленных взаимовлияний, что характерно и для завершающего периода эпохи бронзы – раннего железного века.

Традиционно финальный период эпохи бронзы на Нижнем Дону датируется XII–X вв. до н. э. Однако в последнее время появилась тенденция к удревнению нижнего хронологического порога целой свиты финальнобронзовых культур Северной Евразии (см.: Schneweiß 2007: 237–245, 272–276, 279–281; Епимахов 2004: 94–95, табл. 4; Alekseev et al. 2001: № 1–11; László 2010: 122–125, tabl. 1; 2; Klochko et al. 1998: 668–671, tabl. 1; 2; и др.). На Нижнем Дону, заселенном носителями срубной культуры практически на всем протяжении эпохи поздней бронзы, в ее финале происходят значительные изменения. Резко уменьшается численность населения, по сравнению с предшествующей эпохой на поселениях заметно снижается мощность культурных напластований. Изменения касаются и материальной культуры: уменьшаются размеры и архитектура жилищ, появляются вещи как западного типа (характерные для белозерской культуры), так и северокавказского происхождения. Особенно заметны трансформации в погребальном обряде – на смену относительной унификации приходит значительная вариабельность, и появляются, как минимум, две обрядовые группы.

Предполагается, что причиной таких изменений являлась модификация скотоводческого хозяйства, вызванная, вероятно, рядом факторов, ключевым из которых были климатические изменения. Факт значительных климатических трансформаций в конце II тыс. до н. э. в степях Евразии сомнений не вызывает, однако единство в понимании характера этих изменений отсутствует. В одних случаях в это время предполагается увлажнение и похолодание климата, в других – его аридизация (Кузьмина 1996: 78). В ряде исследований, посвященных этой проблеме в Циркумпонтийском регионе, отмечена трансформация климата в сторону его аридизации. Последствия ее рассматривались, в первую очередь, для белозерской культуры (Махортых, Иевлев 1991: 21; Отрощенко 1991: 127; Бунятян 2001: 68–69). Признаки аридизации отмечены и в пограничных с Нижнедонским регионами – Подонцовье и Приазовье (Герасименко 1997: 33–35, 54–56, 60; Герасименко, Горбов 1996: 48–49; Герасименко, Гершкович 1996: 71–72), где пик аридизации совпадает с заключительным этапом эпохи бронзы. Предполагается, что засушливость климата послужила причиной перехода срубного населения на финальнобронзовом этапе от земледельческого уклада к кочевому скотоводческому.

Палинологический анализ морских отложений, вскрытых серией скважин на Азовском шельфе в 2007–2009 гг. (рис. 1, I), позволил охарактеризовать осадки позднеголоценового периода (Матишов, Новенко 2008; Матишов и др. 2011; библиография об исследованиях в данном регионе см.: Вронский 1984; Вронский, Хрусталёв 1967; Исагулова 1978: 88; Мищенко 2004; и др.). Интерпретация палинологических материалов приводит к выводу о том, что общий тренд к аридизации климата, охватывающий весь юг Восточно-Европейской равнины, в суббореальном и субатлантическом периодах голоцена не был непрерывным. Очевидно, проявление аридизации в большей или меньшей степени могло диктоваться локальными природно-климатическими особенностями конкретных

территорий. Так, в споро-пыльцевых спектрах морских отложений Азовского шельфа выявлены как минимум два периода с более гумидными условиями, каждый из которых длился в течение нескольких столетий: в позднем суббореале (3000–2300 л. н.) и в среднем субатлантике (2000–1700 л. н.).

Согласно археологическим данным на Нижнем Дону в финальный период эпохи бронзы формируется кочевой уклад. Этот факт подтверждается характерным для кочевников, практикующих круглогодичное кочевание, особенностями устройства погребений: разбросанностью их на огромной территории и отсутствием постоянных мест захоронений. Однако кочевое скотоводство на Нижнем Дону в финальный период эпохи бронзы представляло собой лишь один из нескольких хозяйственных укладов, т. к. наряду с курганными могильниками (и синхронно им) существовали поселения. Достоверно известно около десятка поселений, традиционно тяготеющих к руслам крупных рек – Дона и Маныча. Предположительно, жители поселений занимались отгонно-выгонным скотоводством. Впрочем, практиковались и другие формы хозяйства. Так, у переселенцев из Северо-Западного Кавказа, носителей кобьяковской культуры, основавших в районе дельты Дона четыре поселения, основной отраслью было рыболовство. Характерной чертой локализации указанных поселений было их размещение на высоких коренных берегах Дона в его нижнем течении.

К концу финального периода эпохи бронзы в восточноевропейской степи, по-видимому, полностью исчезает оседлый быт. Причем археологически фиксируется возникновение военной угрозы, а порой и гибели в результате военной агрессии для поселков некоторых оседлых культур – кобьяковской, бондарихинской, чернолесской. К концу финального периода эпохи бронзы кочевое скотоводство становится, очевидно, единственным хозяйственным укладом не только на Нижнем Дону, но и на всем степном восточноевропейском юге.

Это уклад является основным и в начале раннего железного века – в предскифский период (IX–VII вв. до н. э.). Однако в отличие от финального периода эпохи бронзы стабилизируются хозяйство и общественные отношения, а также заметно возрастает количество погребений, что говорит о некотором демографическом росте. Происходит определенная унификация погребального обряда, причем на территории всего Северного Причерноморья и Доно-Волжского региона, где сформировалась т. н. черногоровская культура (Дубовская 1996; 1997: 181 сл.; Потапов 2000: 7–14). Появляется серия элитных, «всаднических» и «воинских» погребений. Заметна инфильтрация черногоровцев как на юг, на Северный Кавказ, так и на север, в южные районы лесостепи, что фиксируется присутствием в этих регионах отдельных погребений степного черногоровского облика (Дударев 1999: 38–44, рис. 2–7; Медведев 1999: 19–26; и др.). Отмечены стабильные связи с кобанским и протомеотским населением Северного Кавказа, которые, по всей видимости, носили мирный характер (торговля?). В отличие от предшествующего периода финала эпохи бронзы система ведения хозяйства в последующую эпоху налаживается. Можно предположить, что стабилизируется обычная для кочевников система сезонных пастбищ.

В раннескифский период (VII–VI вв. до н. э.) на Нижнем Дону известно около 90 погребений, расположенных, в основном, на Левобережье и Правобережье, гораздо реже – в дельте. К рубежу третьей и последней четверти VII–третьей четверти VI в. до н. э./концу VI–началу V в. до н. э. относится и функционирование греческой колонии, известной как Таганрогское поселение (Копылов, Ларенок 1998: 112; Копылов 1999: 174–178; 2000: 157; Житников 1987: 12; 1997: 55). В это время (вероятно, около третьей четверти–конца VI–конца первой четверти V в. до н. э.; Копылов 2000: 158) в донских степях появляется новая мощная группа кочевого населения – меоты (Каменецкий 1965: 18), савроматы (Максименко 1983: 123) или племена скифского происхождения (Брашинский, Марченко 1984: 27; Копылов, Марченко 1986: 24, 34; Житников 1997: 56; Копылов 2000: 159). С новой волной населения принято связывать и появление в период около начала V в. до н. э. в дельте Дона родового кладбища кочевников и крупного постоянного зимника с относительно стабильным населением. Одновременно с этим событием с начала V в. до н. э. в степях вокруг донской дельты исчезают кочевнические погребения, происходит определенное запустение нижнедонских степей (Житников 1997: 55).

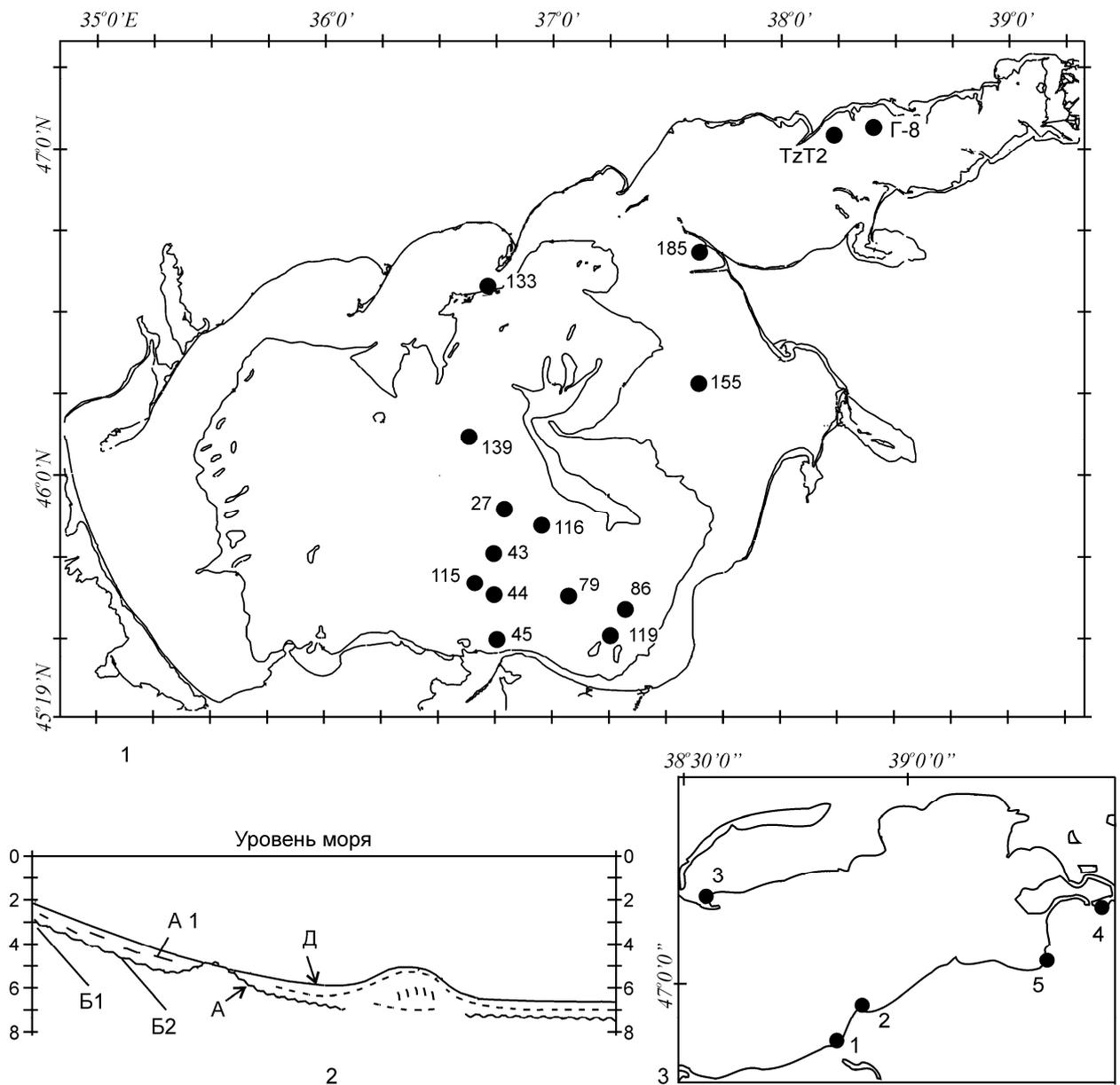


Рис. 1: 1 – локализация скважин на Азовском шельфе, 2007–2009 гг.

(колонки 133, 44, 45, 79, 86 – диатомовый анализ отложений;

колонки 43, 44, 45, 79, 133, 27, 86, 185, 155, Г-8, ТzТ2 – палинологический анализ отложений;

колонки 130, 155, 115, 116, 119 – малакологический анализ отложений);

2 – сводный сейсмолитологический профиль строения дна Таганрогского залива (по Матишов 2007), отражающие поверхности (Д – поверхность дна моря; А – поверхность размыта эпохи фанагорийской регрессии; А1 – поверхности наложения в толще морских осадков послефанагорийского времени;

Б1 – поверхности наложения пород коренного ложа долины залива; Б2 – элементы денудационной поверхности подводного берегового склона древнего залива [предположительно]);

3 – схема побережья Таганрогского залива с локализацией скважин (1 – сел. Новомаргаритово,

2 – Чумбур-коса, 3 – Беглицкая коса, 4 – о-в у впадения р. Азовки в р. Дон, 5 – сел. Заимо-Обрыв)

В IV в. до н. э. в низовьях Дона (непосредственно в дельте, на Правобережье и Левобережье) существует уже не менее десятка поселений, крупнейшее из которых Елизаветовское городище превращается в административный, хозяйственный и культурный центр всего Нижнего Подонья (Шелов 1970: 57; Брашинский, Марченко 1980: 211–218; Марченко и др. 2000: 42). Можно

предположить, что в IV–начале III в. до н. э. вся донская дельта была покрыта сетью поселений и временных рыбацких станов, а также дорог, соединявших населенные пункты.

Достаточно сложным до сих пор является вопрос об облике донской дельты в античную эпоху. П. М. Леонтьев отмечал, что с северной стороны «города», примыкающего к обширной болотистой заросшей камышом равнине, «в древности, без сомнения, был морской лиман, который мог служить гаванью для судов» (Леонтьев 1854: 512). Археологические исследования, проведенные в начале XX в., позволили установить, что с севера Елизаветовское городище было ограничено большим судоходным протоком, возможно, являвшимся в древности главным руслом Дона (Миллер 1934: 60–65). Не исключено также, что море, отступая, образовало лиман или озеро, связанное с Таганрогским заливом двумя или тремя рукавами (Марченко и др. 2000: 42). Следует также отметить, что существуют убедительные свидетельства наличия значительных незатопляемых (с постюрмской аридизации климата – эпохи последнего оледенения плейстоцена – и до настоящего времени) участков дельты (см.: Набоженко и др. 2012).

Крупнейшим из поселений округа Елизаветовского городища, по-видимому, было городище Лагутник. Большая часть поселков располагалась непосредственно на территории донской дельты, на песчаных дюнах речно-морской гряды между современными хуторами Дугино и Лагутник. Характер находок свидетельствует о том, что обитатели дельты занимались, в основном, рыболовством (Марченко и др. 1988). Не исключено, что род занятий населения дельты скифского времени может являться дополнительным свидетельством существования большого слабосоленого водоема, изобиловавшего рыбой, расположенного к северу от Елизаветовского городища. Очевидно также, что рыболовство становится производящей отраслью хозяйства, работавшей, главным образом, на экспорт – именно в результате интенсивного развития торговли варваров с греками. Судя по археологическим находкам, уже в первой половине IV в. до н. э. на Елизаветовском городище объемы добываемой рыбы намного превышали потребности населения. Можно предположить также, что многие греческие центры, поддерживающие связи с нижнедонским регионом, получали донскую рыбу ценнейших пород (напр., осетровых), а также различные рыбопродукты (Житников 1992: 27; Gavriljuk 2005).

Палинологический анализ морских отложений позволяет установить, что в этот период (около 2500/2400 л. н.) на территории Нижнего Подонья господствуют теплые засушливые условия (Матишов и др. 2011). Как зональный тип растительности распространяются разнотравно-злаковые и полынно-маревые степи. Солончаковые сообщества в сочетании с галофитными лугами, занимают засоленные понижения.

В первой четверти III в. до н. э. на высоком правом коренном берегу притока Дона – Мёртвого Донца был основан одноименный реке город Танаис. Расположенный на пересечении магистральных торговых путей Евразии он сравнительно быстро стал важным экономическим центром. Поселения, существовавшие в низовьях Дона в первые века н. э. и составлявшие округу Танаиса, преимущественно, располагались по краям дельты – на Правобережье и Левобережье, на мысах, образованных коренным берегом. На территории самой дельты известны лишь несколько пунктов, где найдена керамика первых веков н. э. Нельзя исключить, что причина тяготения поселений округа Танаиса к коренному берегу может заключаться в увеличении удельного веса земледелия в хозяйстве, а также его усовершенствованием по сравнению с более ранней эпохой. Однако изменение местоположения крупнейших поселенческих памятников в первые века н. э. требует объяснения и с точки зрения трансформации ландшафтов прибрежных районов.

Активизации процесса освоения территорий в эпоху античности, очевидно, способствовали благоприятные природные условия. Вопрос о том, что представляла собой площадь современного Таганрогского залива остается во многом дискуссионным. Большие споры среди специалистов вызывает период т. н. фанагорийской регрессии, и особенно – параметры гидрологического режима моря, его глубина, очертания береговой линии. Как правило, доводы сторон основываются на результатах археологических и геологических данных, часто полностью противоречащих друг

другу. При этом мнения расходятся от версии полного отсутствия моря до точки зрения, исключаящей наличие регрессии в это время. В последние годы проводятся масштабные биостратиграфические и литологические исследования донных отложений Азовского моря (Матишов 2006; Матишов и др. 2006а; 2006б; 2008; 2009; Матишов, Новенко 2008; Польшин 2009; Ковалёва, Польшин 2006). Необходимо отметить, что результаты этих исследований дополняются данными по абсолютному возрасту морских осадков и сейсмоакустическому зондированию морского дна, что, безусловно, повышает их ценность.

Строение береговой зоны Азовского моря свидетельствует, что ее формирование происходило под влиянием послеледниковой трансгрессии Черноморского бассейна на фоне интенсивного проявления разнонаправленных тектонических движений. Значительную роль в развитии водоема играли субаэральные этапы, когда площадь, занимаемая современной акваторией, представляла собой низменную равнину, дренируемую древним палеореками (Андрусов 1926; Невеский 1958; Балабанов, Измайлов 1988; Хрусталёв, Щербаков 1974; Фёдоров 1973; 1978; Попов 1983; Мысливец 2004). Наступление моря приводило к перекрытиям речных осадков морскими, отступление – к размыву и переотложению осадков речной системой Дона и накоплению аллювия.

Согласно наиболее распространенной точке зрения, примерно 8000–6000 л. н. черноморские воды проникли на площадь акватории Азовского моря, что привело к развитию трансгрессии и расширению границ морского бассейна. Широкое развитие в морском водоеме получила черноморская фауна, которая достигла своего расцвета в пик новочерноморской трансгрессии (примерно 6000–4000 л. н.) (Хрусталёв, Щербаков 1974). По данным малакологического анализа колонок донных осадков в это время в северо-восточной части Азовского моря доминировали мидиевые и биоценозы с богатой средиземноморской фауной. В дальнейшем уровень ход моря претерпевал изменения, вызванные чередованием относительно кратковременных регрессивно-трансгрессивных фаз. Эти изменения хорошо фиксируются в разрезе морских осадков, отложившихся в период от 4500 до 2600 л. н., что подтверждается данными радиоуглеродного анализа (Измайлов 2005). Нужно отметить, что подъемы уровня моря на трансгрессивных этапах за эти две тысячи лет не были значительными и максимально проявились в юго-восточной части акватории в районе современной дельты Кубани. Также некоторое расширение морских границ наблюдалось в устьевых частях рек, в частности реки Дон. Об этом можно судить по составу отложений трансгрессивной фазы, проявившейся в интервале 4500–4000 л. н. на площади современной дельты Дона и представленной серыми иловатыми глинами с повышенным содержанием малакофауны (Зайцев, Зеленщиков 2009: 124–126).

Около 2500 л. н. гидрологический режим морского бассейна стал постепенно меняться. Трансгрессивная стадия развития моря сменилась регрессивной (*фанагорийская стадия*). Очертания морского бассейна в это время до сих пор вызывают большие споры. Согласно наиболее распространенной точке зрения территория морской акватории в этот период сократилась, а уровень моря понизился ниже современного (Маев и др. 2007: 133–135). Значительная часть морского дна стала представлять собой низменную сушу, прорезаемую многочисленными речными долинами. Несмотря на сокращение площади водной поверхности, Азовское море в это время, по данным анализа раковинного материала из грунтовых колонок, представляло собой морской водоем с хорошо выраженной черноморской малакофауной. Возможно, это объясняется более широким соединением с Черным морем и отсутствием распреснения со стороны Кубани. О некотором снижении уровня моря в фанагорийскую стадию свидетельствует разнообразие раковин галофильных брюхоногих моллюсков, развивающихся в условиях мелководных лагун на макрофитах и морских травах. Подобные соленые лагуны с малакофауной реликтового типа представлены в настоящее время на периферии моря (Утлюкский и Молочный лиманы, Таманский залив).

Таким образом, для временного интервала 2700–2300 л. н. можно говорить о локализации морского бассейна в границах восточной и центральной частей современного моря – от Темрюкского залива на юге до современной дистали Белосарайской косы на севере.

Диатомовый анализ водорослей Азовского шельфа показал, что в донных отложениях чередуются зоны с массовым развитием двух видов (*Actinocyclus octonarius* Ehr. и *Actinoptychus senarius* (Ehr.) Ehr.), развивающихся в условиях мелководных опресненных районов, а так же зоны с большим содержанием спор диатомовых водорослей из рода *Chaetoceros*. Используя отмеченные маркерные виды диатомовых водорослей, были выделены 9–12 зон, указывающих на периоды понижения и повышения уровня водоема на протяжении последних 3000 л. н. Полученные результаты отличаются от известных кривых колебаний уровня моря тем, что трансгрессивно-регрессивные фазы отмечаются чаще, чем это указано в литературе (Шилик 1977; Фёдоров 1982; Балабанов 1984; Балабанов, Измайлов 1988: 54 сл.; Дикарёв 2009).

Косвенным доказательством понижения уровня моря в фанагорийскую стадию могут являться результаты сейсмоакустического исследования дна Таганрогского залива в 2006 и 2011 гг. (Матишов 2007; Матишов и др. 2007). В ходе исследования строения дна залива удалось обнаружить поверхность размыва, образованную в субаэральной обстановке и погребенную под слоем молодых (новоазовских) отложений, образовавшихся при последующей трансгрессии моря (рис. 1, 2). Глубина залегания данной поверхности и мощность вышележащего слоя морских отложений дают основание предполагать ее сравнительно молодой (фанагорийский) возраст.

Особенно отчетливо эрозионная поверхность проявляется под наносами аккумулятивным телом кос Чумбурская, Очаковская, Сазальницкая и Песчаные острова, а также подводным валом, расположенным к западу от сел. Круглого. На графиках акустической записи устьевой области Миусского лимана фиксируется переуглубленная речная долина, соответствующая регрессивной стадии развития морского бассейна. Мощность аллювиального вреза в морское дно в этом месте достигает 4 м. Выше по разрезу аллювиальный врез перекрывается слоем горизонтально лежащих морских осадков мощностью до 2 м, сформировавшихся при трансгрессивном подъеме уровня моря. Глубина эрозионного расчленения западнее морского края дельты Дона составляет не более 1,5 м. Сверху денудационная поверхность перекрывается слоем горизонтально залегающих современных осадков мощностью около 1 м. Судя по разрезам акустической записи дна, в направлении от берега к центру залива, рельеф погребенной денудационной поверхности сглаживается, а мощность перекрывающего ее слоя морских отложений возрастает до 2 и более метров. Это указывает на то, что на стадии регрессивного этапа здесь существовала относительно узкая водная артерия, по своей ширине значительно уступавшая современному Таганрогскому заливу.

Очевидно, накопление донных отложений, перекрывающих эрозионную поверхность, происходило уже во время трансгрессивной стадии развития моря (нимфейская трансгрессия), которая достигла своего пика около 1500 л. н. В это время уровень моря кратковременно поднялся выше современного, а его границы за счет абразионных процессов значительно расширились. В результате ширина Таганрогского залива увеличилась. Об этом свидетельствует строение дна этого района моря, в рельефе которого по данным сейсмоакустических исследований выделяется совпадающая с осью залива древняя долина палео-Дона и участки абразионных террас, протягивающихся от клифов разрушающихся берегов к центру акватории.

В дальнейшем на протяжении I тыс. н. э. из мобилизованного на дне залива обломочного материала и ракуши под действием морских течений и волнений стали образовываться современные косы. Молодость образования этих аккумулятивных тел подтверждается тем фактом, что их подводные продолжения залегают на поверхности размыва фанагорийского возраста. Возраст кос также подтверждается данными о видовом составе моллюсков, найденных в их отложениях на южном и северном берегах залива в результате бурения (рис. 1, 3). Большие участки прибрежных районов суши на пике нимфейской трансгрессии были затоплены, а дельта Дона отступила на восток от своего современного положения. Отложения трансгрессивной (нимфейской) стадии представлены здесь песками, обогащенными малакофауной (до 30 %), которые вверх по разрезу перекрываются глинистыми супесями и иловатыми глинами (Зайцев, Зеленщиков 2009).

Таким образом, с достаточной долей уверенности можно говорить, что в начале н. э. морские условия с соленостью воды более 7 ‰ существовали значительно восточнее нынешних границ и распространялись на часть площади, занимаемой современной дельтой Дона. По результатам сейсмоакустических исследований также можно сделать вывод, что в среднем за последние 2500–2000 лет, уровень моря повысился от 5 м на меридиане Беглицкой косы до 1,5–2 м на меридиане морского края дельты р. Дон. В результате этого древние формы субаэрального рельефа были затоплены водами наступающего моря и нивелированы активным накоплением осадочного материала. Постепенно стали меняться контуры дельты Дона, поднялся уровень грунтовых вод, что, в конечном итоге, привело к подтоплению мест, ранее пригодных для заселения.

- Андрусов 1926 – *Андрусов Н. И.* Геологическое строение и история Керченского пролива // Бюл. Московского общества испытателей природы. Отд. геологии. 1926. Т. 34, 3–4. С. 294–332.
- Балабанов 1984 – *Балабанов И. П.* Изменение волнового режима Черного моря в позднем голоцене // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1984. № 5.
- Балабанов, Измайлов 1988 – *Балабанов И. П., Измайлов Я. А.* Изменения уровня и гидрохимического режимов Черного и Азовского морей за последние двадцать тысяч лет // Водные ресурсы. 1988. № 6. С. 54–62.
- Брашинский, Марченко 1980 – *Брашинский И. Б., Марченко К. К.* Елизаветовское поселение на Дону – поселение городского типа // СА. 1980. № 1. С. 211–218.
- Брашинский, Марченко 1984 – *Брашинский И. Б., Марченко К. К.* К вопросу об этнической атрибуции Елизаветовского городища на Дону // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 24–28.
- Бунятян 2001 – *Бунятян Е. П.* Хозяйственные трансформации в эпоху финальной бронзы // XV Уральское археологическое совещание. Оренбург, 2001. С. 68–69.
- Вронский 1984 – *Вронский В. А.* Методические аспекты палинологических исследований южных морей СССР // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1984. № 2. С. 70–76.
- Вронский, Хрусталёв 1967 – *Вронский В. А., Хрусталёв Ю. П.* К биостратиграфической характеристике позднечетвертичных отложений в акватории Азовского моря // Геология побережья и дна Черного и Азовского морей в пределах УССР. Вып. 1. Киев, 1967. С. 3–9.
- Герасименко 1997 – *Герасименко Н. П.* Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене (по материалам палеографического изучения археологических памятников) // АА. 1997. № 6. С. 3–64.
- Герасименко, Гершкович 1996 – *Герасименко Н. П., Гершкович Я. П.* К палеоэкологии бассейна Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья в эпоху поздней бронзы // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи: ТД. Воронеж, 1996. Вып. 2. С. 70–72.
- Герасименко, Горбов 1996 – *Герасименко Н. П., Горбов В. Н.* Хроностратиграфия и палеоэкология эпохи бронзы Северо-Восточного Приазовья // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит–бронзовый век): Мат-лы междунар. конф. Донецк, 1996. Ч. 2. С. 47–49.
- Дикарёв 2009 – *Дикарёв В. А.* Новые данные об изменении уровня моря на северном побережье Керченского полуострова за последние 5000 лет // Геология, география и экология океана: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Д. Г. Панова. Ростов-на-Дону, 2009. С. 92–96.
- Дубовская 1996 – *Дубовская О. Р.* Этапы черноморской культуры (в плане относительной хронологии) // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: К 100-летию со дня рождения А. А. Иессена. СПб, 1996. С. 115–118.
- Дубовская 1997 – *Дубовская О. Р.* Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // АА. 1997. № 6. С. 181–218.
- Дударев 1999 – *Дударев С. Л.* Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999.

- Епимахов 2004 – *Епимахов А. В.* Периодизация памятников эпохи бронзы Урала в свете радиоуглеродных датировок // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: ТД. Волгоград, 2004. С. 90–95.
- Житников 1987 – *Житников В. Г.* Политическая и демографическая ситуация конца VI–начала V в. до н. э. на Нижнем Дону и возникновение Елизаветовского поселения // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье: ТД к семинару. Новочеркасск, 1987. С. 12–14.
- Житников 1992 – *Житников В. Г.* Нижнее Подонье в VI–первой трети III в. до н. э. (экономическая характеристика): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб, 1992.
- Житников 1997 – *Житников В. Г.* К проблеме возникновения Елизаветовского городища в дельте Дона // Российская археология. 1997. № 1. С. 50–59.
- Зайцев, Зеленщиков 2009 – *Зайцев А. В., Зеленщиков Г. В.* Голоцен дельты Дона // Геология, география и экология океана: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Д. Г. Панова. Ростов-на-Дону, 2009. С. 124–126.
- Измайлов 2005 – *Измайлов Я. А.* Эволюционная география побережий Азовского и Черного морей. Кн. 1. Анапская пересыпь. Сочи, 2005.
- Исагулова 1978 – *Исагулова Е. З.* Палинология Азовского моря. Киев, 1978.
- Каменецкий 1965 – *Каменецкий И. С.* Население Нижнего Дона в I–III вв. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965.
- Ковалёва, Польшин 2006 – *Ковалёва Г. В., Польшин В. В.* Особенности осадконакопления в юго-восточной части Азовского моря по результатам диатомового анализа // Проблемы геологии и освоения недр юга России. Ростов-на-Дону, 2006. С. 19–22.
- Копылов 1999 – *Копылов В. П.* Таганрогское поселение в системе раннегреческих колоний Северного Причерноморья // ВДИ. 1999. № 4. С. 174–178.
- Копылов 2000 – *Копылов В. П.* Население дельты Дона в V–IV вв. до н. э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э. М., 2000. С. 157–166.
- Копылов, Ларенок 1998 – *Копылов В. П., Ларенок П. А.* О времени основания Таганрогского поселения // Изучение памятников морской археологии. СПб, 1998. Вып. 3. С. 107–114.
- Копылов, Марченко 1986 – *Копылов В. П., Марченко К. К.* К вопросу о взаимодействии этнокультурных массивов на Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье в V–III вв. до н. э. (Об этнической принадлежности населения Елизаветовского городища) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1986.
- Кузьмина 1996 – *Кузьмина Е. Е.* Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма // ВДИ. 1996. № 2. С. 73–85.
- Леонтьев 1854 – *Леонтьев П. М.* Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях // Пропилеи: Сб. статей по классической древности. М., 1854. Кн. IV.
- Маев и др. 2007 – *Маев Е. Г., Мысливец В. И., Зверев А. С.* К истории развития Таганрогского залива // Геология морей и океанов: Мат-лы XVII Междунар. науч. конф. (Школы) по морской геологии. М., 2007. Т. IV. С. 133–135.
- Максименко 1983 – *Максименко В. Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983.
- Марченко и др. 1988 – *Марченко К. К., Житников В. Г., Яковенко Э. В.* Елизаветовское городище – греко-варварское торжище в дельте Дона // СА. 1988. № 3. С. 63–78.
- Марченко и др. 2000 – *Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П.* Елизаветовское городище на Дону. М., 2000 (Pontus Septentrionalis II. Tanais 2).
- Матишов 2006 – *Матишов Г. Г.* Новые данные о геоморфологии дна Азовского моря // Доклады РАН. 2006. Т. 409, № 3. С. 375–380.
- Матишов 2007 – *Матишов Г. Г.* Сейсмопрофилирование и картирование новейших отложений дна Азовского моря // Вестник ЮНЦ РАН. 2007. Т. 3, № 3. С. 32–40.
- Матишов, Новенко 2008 – *Матишов Г. Г., Новенко Е. Ю.* Палинологические исследования донных отложений // Азовское море в конце XX – начале XXI веков: геоморфология, осадконакопление, пелагические сообщества. Апатиты, 2008. С. 112–134.

- Матишов и др. 2006а – *Матишов Г. Г., Польшин В. В., Ильин Г. В., Новенко Е. Ю., Карагеоргис А.* Закономерности литохимии и палинологии современных донных отложений Азовского моря // Вестник ЮНЦ РАН. 2006. Т. 2, № 4. С. 38–51.
- Матишов и др. 2006б – *Матишов Г. Г., Польшин В. В., Ковалёва Г. В., Новенко Е. Ю., Уланова А. А.* Перспективы использования диатомового и палинологического анализов при изучении донных осадков Азовского моря // Позднекайнозойская геологическая история севера аридной зоны (Кайнозойский мониторинг природных событий аридной зоны юга России). Ростов-на-Дону, 2006. С. 119–123.
- Матишов и др. 2007 – *Матишов Г. Г., Польшин В. В., Болдырев М. А., Мысливец В. И., Маев Е. Г., Зверев А. С.* Новые представления о голоценовых отложениях шельфа Азовского моря (по данным картирования и сейсмопрофилирования дна) // Экосистемные исследования Азовского, Черного, Каспийского морей и их побережий. Апатиты, 2007. Т. IX. С. 42–50.
- Матишов и др. 2008 – *Матишов Г. Г., Шохин И. В., Набоженко М. В., Польшин В. В.* Многолетние изменения донных сообществ Азовского моря в связи с характером осадконакопления и гидрологическим режимом моря // Океанология. 2008. Т. 48, № 3. С. 425–435.
- Матишов и др. 2009 – *Матишов Г. Г., Ковалёва Г. В., Польшин В. В.* Новые данные о скорости седиментации в Азовском море в позднем голоцене // Доклады РАН. 2009. Т. 428, № 6. С. 820–823.
- Матишов и др. 2011 – *Матишов Г. Г., Новенко Е. Ю., Красноуцкая К. В.* Динамика ландшафтов Приазовья в позднем голоцене // Вестник ЮНЦ РАН. 2011. Т. 7, № 3. С. 35–43.
- Махортых, Иевлев 1991 – *Махортых С. В., Иевлев М. М.* О путях и времени формирования раннекайнозойских образований на юге европейской части СССР в позднейший предскифский период // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 18–30.
- Медведев 1999 – *Медведев А. П.* Ранний железный век лесостепного Подонья: Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. М., 1999.
- Миллер 1934 – *Миллер А. А.* Археологические разведки. М.; Л., 1934.
- Мищенко 2004 – *Мищенко А. А.* История развития природы Восточного Приазовья в голоцене (по палинологическим данным) // Комплексный мониторинг среды и биоты Азовского бассейна. Апатиты, 2004. С. 10–28.
- Мысливец 2004 – *Мысливец В. И.* Морфоструктурная основа экосистемы Азовского моря. // Там же. С. 28–43.
- Набоженко и др. 2012 – *Набоженко М. В., Шохин И. В., Абдурахманов Г. М., Клычева А. Н., Марахонич А. В., Олейник Д. И.* Основные закономерности распределения и генезис псаммофильных жесткокрылых понто-каспийского региона на примере Tenebrionidae и Scarabaeoidea (Insecta: Coleoptera) // Юг России: экология, развитие. 2012. № 1. С. 110–126.
- Невесский 1958 – *Невесский Е. Н.* К вопросу о новейшей Черноморской трансгрессии // Тр. Института океанологии АН СССР. 1958. Т. XXVIII. С. 23–29.
- Отрошенко 1991 – *Отрошенко В. В.* К вопросу о хозяйстве племен белозерской культуры // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в н. э.): Мат-лы междунар. конф. Кишинев, 10–14 декабря 1990 г. Киев, 1991. С. 127–128.
- Польшин 2009 – *Польшин В. В.* Донные отложения позднего голоцена Азовского моря // Геология, география и экология океана. Ростов-на-Дону, 2009. С. 269–272.
- Попов 1983 – *Попов Г. И.* Плейстоцен Понто-Каспийских проливов. М., 1983.
- Потапов 2000 – *Потапов В. В.* Предскифские племена степей Восточной Европы // Донская археология. 2000. № 1. С. 6–20.
- Фёдоров 1973 – *Фёдоров П. В.* Геологическая история Керченского пролива в связи с новыми данными бурения на его дне // Бюл. Московского общества испытателей природы. Отделение геологии. 1973. Т. 48, № 5. С. 72–82.
- Фёдоров 1978 – *Фёдоров П. В.* Плейстоцен Понто-Каспия. М., 1978.
- Фёдоров 1982 – *Фёдоров П. В.* Послеледниковая трансгрессия Черного моря и проблема изменения уровня Мирового океана за последние 15000 лет // Колебания уровня морей и океанов за 15000 лет. М., 1982. С. 151–156.

- Хрусталёв, Щербаков 1974 – *Хрусталёв Ю. П., Щербаков Д. А.* Позднечетвертичные отложения Азовского моря и условия их накопления. Ростов-на-Дону, 1974.
- Шелов 1970 – *Шеллов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. М., 1970.
- Шилик 1977 – *Шилик К. К.* Изменения уровня Черного моря в позднем голоцене и палеотопография археологических памятников Северного Причерноморья античного времени // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. М., 1977. С. 158–163.
- Alekseev et al. 2001 – *Alekseev A. Y., Bokovenko N. A., Boltrik Y., Chugunov K. A., Cook G., Dergachev V. A., Kovalyukh N., Possnert G., van der Plicht J., Scott E. M., Sementsov A., Skripkin V., Vasiliev S., Zaitseva G.* A Chronology of the Scythian antiquities of Eurasia based on new archaeological and <sup>14</sup>C data // Radiocarbon. 2001. Vol. 43 (2B). P. 1085–1107.
- Gavriljuk 2005 – *Gavriljuk N.* Fishery in the Life of the Nomadic Population of the Northern Black Sea Area in the Early Iron Age // Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region. Aarhus, 2005. P. 105–113 (Black Sea Studies. Vol. 2).
- Klochko et al. 1998 – *Klochko V. I., Kovaliukh N. N., Skripkin V. V., Motzenbecker J.* 1998. The chronology of the Subotiv Settlement // Radiocarbon. 1998. Vol. 40 (2B). P. 667–673.
- László 2010 – *László A.* Zur Chronologie der späten Bronzezeit und der älteren Hallstattperiode im nord-östlichen Karpatenraum. Die radiocarbon-Datierung der Gava-Holihrady Siedlung von Siret (Bukovina) // Satu Mare – Studii și comunicări. Satu Mare, 2010. P. 121–132 (Seria Arheologie. XXVI/I).
- Schneweiß 2007 – *Schneweiß J.* Die Siedlung Čiča in der westsibirischen Waldsteppe I. Untersuchungen zur spätbronze- bis früheisenzeitlichen Keramik, Chronologie und kulturellen Stellung. Mainz, 2007 (Archäologie in Eurasien. Bd. 22).

***В. Е. Куликов, С. В. Красниенко (Санкт-Петербург, Россия)***

### **Керамика Назаровской котловины: технологии и исследование методом полиполяризации (предварительное сообщение)**

М. П. Грязнов придавал исключительное значение керамике как хронологическому индикатору и источнику информации о древних технологиях (Вадецкая, Грязнов 1968). Особенности керамического комплекса каждой из культур ранних кочевников долины Енисея почти так же важны, как и архитектура погребальных сооружений, погребальный обряд, наборы оружия и орудий труда из металла.

Исследованные памятники Назаровской котловины – самой северной из Минусинских котловин – в значительной степени иллюстрируют положение дел на всем пространстве бассейна Среднего Енисея (от Восточного Саяна на севере до Западного Саяна на юге), где количественно преобладают погребальные памятники. Исследователи, открывшие и опубликовавшие относительно немногочисленные материалы, происходящие из поселений, уделяли значительное внимание керамике. Так, в 1957 г. Н. Л. Членова, проводя раскопки расположенной близ слияния рек Обьюл и Урюп стоянки Обьюл, на основании находок керамики и ее орнаментами выяснила, что этот памятник является стоянкой трех эпох: андроновской, тагарской и фоминской (Членова 1957: 15). При анализе керамического материала исследователи обращались, прежде всего, к формам сосудов и их орнаментации (Комарова 1975; Максименков 1978). Отчасти справедливыми остаются слова Э. Б. Вадецкой о том, что «состав теста, способы лощения и лепки керамики еще никем не исследованы» (Вадецкая 1999: 41). В результате проведенных на территории Назаровской котловины разведок, сборов подъемного материала и раскопок ряда памятников (Красниенко, Субботин 1997; Красниенко, Краснолуцкий 1998) получена значительная коллекция артефактов, в т. ч. серии керамических материалов, представляющих весь спектр культур ранних кочевников Минусинских котловин, а также находки, иллюстрирующие связи между этими археологическими культурами и культурами бассейна Оби (самусьской, ирменской, молчановской, кулайской и,

возможно, другими). Для каждой культуры индикаторами служат особенности технологии изготовления керамики (состав теста, способ формовки, характер обжига), формы и орнаментация сосудов. Из коллекции материалов, полученных в Шарыповском р-не Красноярского края, были отобраны образцы керамики различных археологических культур, представленных на этой территории.

Керамика, собранная как в разрушенной части поселения Гляден VIII, так и в ходе раскопок сохранившейся части памятника, характеризуется плотным тестом с примесью в основном мелкодробленой дресвы. Тесто промешано плохо. Органическая примесь незначительна. Осмотревшая найденные фрагменты Л. А. Соколова сделала некоторые наблюдения о технологии производства этой керамики. Обжиг сосудов окислительный; в ряде случаев со стороны внутренней поверхности идет полоса недожога, переходящая в оранжевый окислительный слой на внешней стороне. Вероятно, сосуд во время обжига стоял на венчике. Тем самым обеспечивался доступ кислорода к внешней стороне и ощущался недостаток кислорода внутри сосуда.

В результате изучения керамики под микроскопом В. П. Семибратов и Н. Ф. Степанова для памятника Усть-Бийке-1 (ранний бронзовый век) выявили три рецепта глиняного теста: «глина + органика в жидком состоянии, искусственно введенная в формовочные массы; глина + дресва + шерсть; глина + шерсть» (Семибратов, Степанова 2006: 123). На основе данных разных исследователей об изучении формовочных масс был сделан вывод об ограниченном использовании шерсти животных в качестве органической добавки и возможностях этого признака как хронологического индикатора (Там же: 125). Кроме того, авторы отметили местный характер сырья (железистая глина). Для темы данного сообщения важны параллели между упомянутыми памятниками.

В последние годы развитие технических возможностей, интеграция методов естественных наук и археологических исследований (мультидисциплинарный подход) позволили значительно разнообразить различные прикладные исследования в археологии. В частности, это касается и проблем в изучении технологических процессов производства керамики, а, конкретно, состава исходного сырья (теста), из которого изготавливали сосуды. Примерами таких методов могут служить: развитие литологического анализа (Деревянко 1989), микроскопическое исследование (многочисленные работы, напр.: Васильева 2006), петрографический анализ (напр.: Молодин, Ламина 1989; Белановская 1995; Кирчо, Ковнурко 2001), рентгенометрический анализ (Ковнурко, Кирчо 2003), метод фосфатного анализа (Жущиховская, Раков 1994; Салугина 2006; и др.), конхиологический анализ (Жущиховская, Раков 1994: 132) и другие химические методы.

В Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН В. Е. Куликовым и Е. Ю. Медниковой был разработан, успешно апробирован и запатентован (авторы патента В. Е. Куликов, Е. Ю. Медникова, С. С. Миняев, Е. Н. Носов) новый способ исследования образцов древних изделий, происходящих из различных памятников. Этот способ, основанный на системе технического зрения (СТЗ) получил название *метода полиполяризации*. Подробное объяснение принципа действия этого метода опубликовано (Куликов и др. 2011). Однако представляется уместным дать некоторые общие пояснения. Обычный свет распространяется во всех направлениях, перпендикулярных к направлению его движения. Поляризованный свет – это световые волны, электромагнитные колебания которых распространяются только в одном направлении. Полиполяризация предполагает «большое количество поляризованных объектов и соответствующих им изображений» (Там же: 120).

Применение метода полиполяризации к образцам керамики, полученных из различных памятников Назаровской котловины, показало, что все исследованные таким образом фрагменты глиняной посуды содержат в составе теста значительное включение угольного компонента. Это касается и обломков сосудов афанасьевского времени из культурного слоя поселения Гляден VIII, один из которых взят в качестве образца, иллюстрирующего метод (рис. 1, 1).

По мнению В. Е. Куликова, изготовление керамических сосудов, образцы которых были подвергнуты исследованию в полиполяризованном освещении, связано с использованием глины,

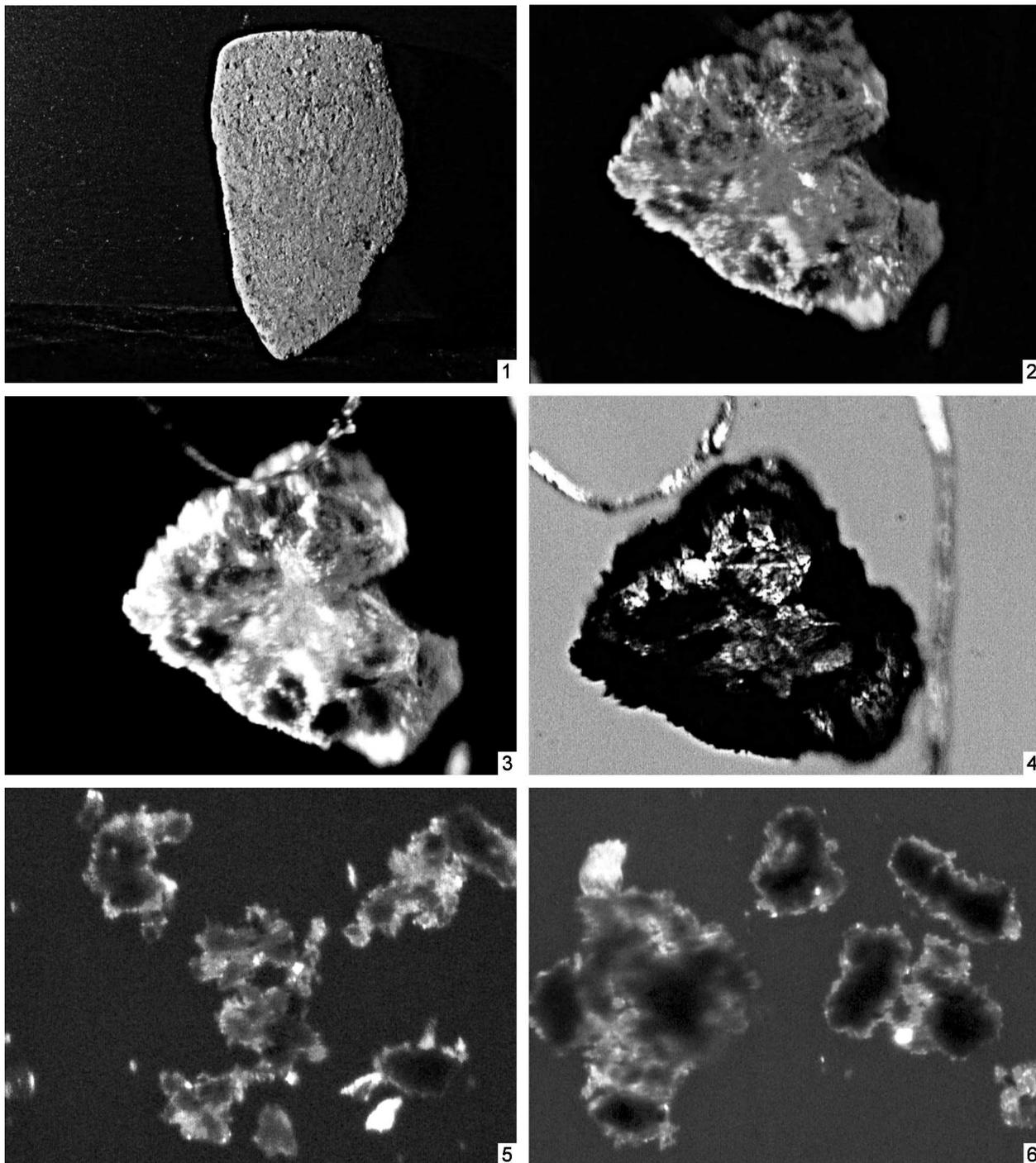


Рис. 1. Фрагмент керамики из поселения Гляден VIII (7 × 4 см):

1 – фотография образца; 2–6 – микрофотографии по методу полиполяризации (увеличение × 350)

содержащей большое количество частиц угля, и применением природного органического клея из отходов животного происхождения. Такие технологии характерны для территорий с естественными выходами месторождений угля, с одной стороны, и с наличием развитого скотоводческого хозяйства – с другой. Угольная пыль (угольный порошок) в виде зерен размерами до 50 мк (микрон) и клей на основе полуразложившихся органических останков в смеси с водной эмульсией образуют адгезионную (от *лат. adhaesio* – «прилипание, сцепление, притяжение») связь и формируют единую массу, в которой, однако, прослеживаются составляющие ее компоненты (рис. 1, 2–6). В полученных изображениях объединен первичный источник света. Он может проникать сквозь

кристаллические структуры. Свет многократно поворачивается, отражаясь от частиц, тем самым сдвигая баланс полного уничтожения. Аморфное тело прозрачно. При устранении источника света продолжается остаточное свечение, возможное только у клеевой массы. Уголь при минимальных размерах зерна не пропускает свет.

Дальнейшие исследования позволят установить соотношение угольного и других компонентов как органического, так и неорганического происхождения в образцах керамики, относящихся к различным археологическим культурам Назаровской котловины. Полученные данные, в свою очередь, дадут возможность выявить источники сырья и возможные центры керамического производства этого региона. В перспективе возможно уточнение хронологии памятников и выявление связей с соседними регионами.

- Белановская 1995 – *Белановская Т. Д.* Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья. Поселение времен неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб, 1995.
- Вадецкая, Грязнов 1968 – *Вадецкая Э. Б., Грязнов М. П.* Афанасьевская культура // История Сибири. Л., 1968. Т. 1. С. 159–165
- Вадецкая 1999 – *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб, 1999 (Archaeologica Petropolitana. VII).
- Васильева 2006 – *Васильева И. Н.* О происхождении гончарства // Современные проблемы археологии России: Мат-лы I (XVII) Всерос. АС (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск, 2006. Т. I. С. 243–245.
- Деревянко 1989 – *Деревянко Е. И.* К вопросу о состоянии исследования керамики в Дальневосточном регионе // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989. С. 43–54.
- Жущиховская, Раков 1994 – *Жущиховская И. С., Раков В. А.* Древняя керамика с примесью раковины: новые методы анализа. // Мат-лы междунар. конф. по применению методов естественных наук в археологии: ТД. СПб, 1994. Ч. II. С. 132–133.
- Кирчо, Ковнурко 2003 – *Кирчо Л. Б., Ковнурко Г. М.* Престижные культовые предметы и украшения Алтын-депе из древнейших искусственных минералов (по данным рентгенометрического анализа) // Археологические вести. СПб, 2003. № 10. С. 108–113.
- Кирчо, Ковнурко 2001 – *Кирчо Л. Б., Ковнурко Г. М.* Особенности производства керамики эпохи энеолита и бронзы Алтын-депе по данным петрографии // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб, 2001. С. 118–141 (Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Вып. 5).
- Комарова 1975 – *Комарова М. Н.* Карасукские могильники близ улуса Орак // Первобытная археология Сибири. Л., 1975, С. 85–93.
- Красниенко, Субботин 1997 – *Красниенко С. В., Субботин А. В.* Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). СПб, 1997.
- Красниенко, Краснолуцкий 1998 – *Красниенко С. В., Краснолуцкий С. А.* Поселения Назаровской котловины (предварительный культурно-хронологический анализ) // Поселения: среда, культура, социум: Мат-лы тематич. научн. конф. Санкт-Петербург. 6–9 октября 1998 г. СПб, 1998. С. 91–94.
- Куликов и др. 2011 – *Куликов В. Е., Медникова Е. Ю., Елихина Ю. И., Миняев С. С.* Опыт исследования войлочного ковра из Ноин-Улы методом полиполяризации // Археологические вести. СПб, 2011. № 17. С. 119–121.
- Максименков 1978 – *Максименков Г. А.* Андроновская культура на Енисее. Л., 1978.
- Молодин, Ламина 1989 – *Молодин В. И., Ламина Е. В.* Керамика могильника Сопка-2 // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989. С. 103–118.
- Салугина 2006 – *Салугина Н. П.* К методике определения раковины в составе древней керамики // Современные проблемы археологии России: Мат-лы I (XVII) Всерос. АС (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск, 2006. Т. II. С. 379–381.

Семибратов, Степанова 2006 – Семибратов В. П., Степанова Н. Ф. Керамические комплексы поселения Усть-Бийке-1 // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 119–125.

Членова 1957 – Членова Н. Л. Отчет о работе Урюпского отряда Красноярской археологической экспедиции 1957 года // НОА ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 2197.

**Н. А. Гаврилюк (Киев, Украина)**

## **Массовый материал, зонная стратиграфия и комплекс архаической кухонной керамики участка ЮЗА Ольвии**

Вопросы взаимоотношений ранних кочевников и создателей оседлых земледельческих образований, соседствовавших с кочевниками, всегда присутствовали в работах М. П. Грязнова. В своем докладе на конференции в Кемерово, который автору посчастливилось слышать, Михаил Петрович отмечал, что «интеграция возможна и неизбежна в пределах обширных естественно-исторических территорий, при наличии относительно развитого обмена» (Грязнов 1979: 4). Многие десятилетия отношения скифов-кочевников с обитателями античных центров Северного Причерноморья остаются предметом дискуссии. Вопросы влияния или взаимовлияния греков и скифов представителями украинской и Санкт-Петербургской археологических школ решаются по-разному. Полагаем, что нижеизложенный материал может являться дополнительным аргументом в пользу правоты представителей киевской школы антиковедения.

*О массовом материале.* Грунтовый массив культурного слоя памятников многих культур, в т. ч. относящихся к античному времени, как правило, содержит большое число разрозненных находок невыразительных частей керамических изделий. Они составляют базу т. н. массового материала, который во вмещающих слоях или заполнениях, хотя и может образовывать скопления, но чаще всего рассеян бессистемно. Иногда удается подобрать части одного и того же сосуда из отдаленных частей археологического памятника, напр., из рва большого скифского кургана (Полин 2011). О кажущейся бессистемности пространственного распределения массового материала свидетельствуют редкие успехи трудоемких попыток собрать керамический *puzzle*.

В сложившейся практике, когда на музейное хранение невозможно передать весь массовый археологический материал, в музейные учреждения и научные фонды попадают целые или археологически целые формы. Однако вряд ли кого надо специально убеждать, что подъемный или извлекаемый из культурного слоя массовый материал, который фиксируется в полевых условиях, но не передается на музейное хранение, является источником ценной информации. Согласно методике полевых исследований (напр., [http://www.archaeology-russia.org/methodic/polozh\\_raskopki.shtml](http://www.archaeology-russia.org/methodic/polozh_raskopki.shtml)), массовый материал должен фиксироваться в полевой документации (полевых списках) *поштучно* или в *сгруппированном* виде еще в полевых условиях. Естественно, степень достоверности определения материала и обоснованность его отбора соответствует уровню профессиональной подготовки специалиста, работающего с керамикой. На этапе фиксации в поле индивидуальных находок информация о находках концентрируется в инвентарной описи. Коллекционная опись консолидирует информацию о находках на этапе музейной фиксации также со своими коэффициентами фильтрации и искажения информации, потенциально содержащейся в первичных находках. Поэтому, поскольку *де-факто*, массовый материал не поступает на музейное хранение, то при надлежащем ведении и обработке *полевых списков* безвозвратно утрачивается важная информация. Археологический опыт свидетельствует, что включаемые в инвентарные, а затем в коллекционные списки находки составляют 25–30 % всего материала, изъятого из земли. Таким образом, массовый материал, составляющий 70–75 % всех находок, в лучшем случае может фиксироваться с определенной долей искажения в полевой документации в виде списков, но пока во многих (если не большинстве) случаев выпадает из пределов внимания исследователей и в научный оборот практически не вводится.

Со временем возможности вовлечения массового материала в практику научного исследования существенно изменились. С одной стороны, они расширились благодаря внедрению современных информационных технологий, с другой, – сузились вследствие нередко наблюдаемого падения дисциплины учета и ведения массового материала. Все-таки сочетание информационных технологий с закрепившейся в полевой практике схемой подачи данных в виде полевых списков с «паспортами» позволяет с приемлемыми затратами времени создавать и обрабатывать базы данных массового материала. При удачной структуре и полноте данных, проверенных алгоритмах их обработки, реконструируемая историческая картина может существенно обогатиться.

*Батиметрия находок или диаграммы распределения находок по глубинам.* Новый подход к фиксации и обработке массового материала был ранее апробирован на эллинистических материалах Тиры (Гаврилюк 2010а: 11–47), участков Западный Теменос (Гаврилюк 2006: 191–197) и НГС в Ольвии (Gavrylyuk 2010: 589–629). В результате удалось уточнить старые и выявить ряд новых социально-культурных особенностей жизни населения, оставившего эти поселения.

Ниже описываются результаты количественной обработки массового материала периода архаики, происходящего из заглубленных в землю сооружений (землянок, полуземлянок и хозяйственных ям) на участке ЮЗА в Ольвии. Часть этих сооружений представляют собой закрытые или полузакрытые комплексы, которые отличаются зонным характером. Первичными материалами являются полевые списки из раскопок Н. А. Лейпунской и С. Д. Крыжицкого в 1972–1979 гг. (1277 списков, в которых учтено 308855 находок).<sup>78</sup> Известно, что профессиональная культура и класс археолога находят свое отражение в качестве оставленной им первичной полевой документации. В этом ключе отчеты Н. А. Лейпунской являются добротными, академическими в полном смысле этого слова и остаются надежным источником информации спустя много лет по прошествии полевого сезона.

Исходя из характера термина «закрытый комплекс», резонно ввести понятие *зонной стратиграфии*, под которой далее понимается локальная (местная, частная) стратиграфия, выражаемая как батиметрией находок (количественным распределением массовых находок по глубинам залегания в раскопе), так и результатами послойного функционально-типологического анализа находок в зонах отдельных древних строительных объектов, в данном случае – сооружений, впущенных в материк.

Исходной информацией для построения зонной стратиграфии в конкретном случае являются зафиксированные в полевых списках данные по результатам раскопок указанных землянок, полуземлянок и хозяйственных ям архаического периода (обработано 40867 находок из полевых списков). Основу стратиграфии составляют количественные данные о насыщенности находками отдельных слоев заполнения по сведениям о находках из полевых списков и их функционально-типологический анализ. При этом дифференцирующим признаком отдельных слоев заполнения могут выступать, кроме абсолютной или относительной глубины залегания находки, цвет, точнее, органолептический характер грунта, вмещающего находку. В частности, в Ольвии на участке ЮЗА отмечаются существование грунтовых прослоек трех видов: глинисто-золистого, серозолистого, серо-глинистого. Таким образом, в ряде случаев альтернативой батиметрии находок, т. е. подсчету количества находок с учетом принадлежности их к тому или иному классификационному классу, категории, типу, виду и т. д., содержащихся в определенном (условном) пласте или интервале глубин, может служить специфическая натуральная шкала. В ходе обработки строились графические диаграммы распределения числа находок различных видов массового материала по глубинам этих сооружений (далее – диаграммы распределения находок по глубинам или диаграммы РНГ).

---

<sup>78</sup> Я благодарна С. Д. Крыжицкому за возможность обработать материалы участка и за ознакомление с текстом монографии, которая готовится к печати.

В результате обобщения данных обработки массового материала из сооружений периода архаики выявились диаграммы РНГ трех видов, соответствующих трем типам заполнения культурным слоем указанных объектов.

*Первый тип заполнения* углубленных в материк сооружений демонстрируют объекты, которые были засыпаны после определенного периода использования. К нему относятся землянки 214, 398, 400 401, полуземлянки 317, 197 (табл. 1) и хозяйственные ямы 425 и 125 участка ЮЗА в Ольвии. Диаграммы распределения числа находок по глубинам характеризуются наличием острого пика в районе горловины хозяйственной ямы (напр., рис. 1, 1). Обозначим далее эти диаграммы аббревиатурой РНГ-1. Такие сооружения использовались короткое время, а затем по каким-то причинам засыпались.

Таблица 1

Формирование комплекса находок в полуземлянке 197  
(по материалам полевых списков раскопок Н. А. Лейпунской в 1975 г.)

Характер грунта	Глубина (м)	Количество	
		штук	%
1. Глинисто-золистый	0–0,4	2967	46,29
2. Глинисто-золистый	0,4–0,6	693	10,81
3. Глинисто-золистый	0,6–0,8	669	10,44
4. Серо-золистый	0,7–0,8	805	12,56
5. Глинисто-золистый	0–0,8	809	12,62
6. Сероглинистый	0,8 (пол)	466	7,27
Всего:		6409	100

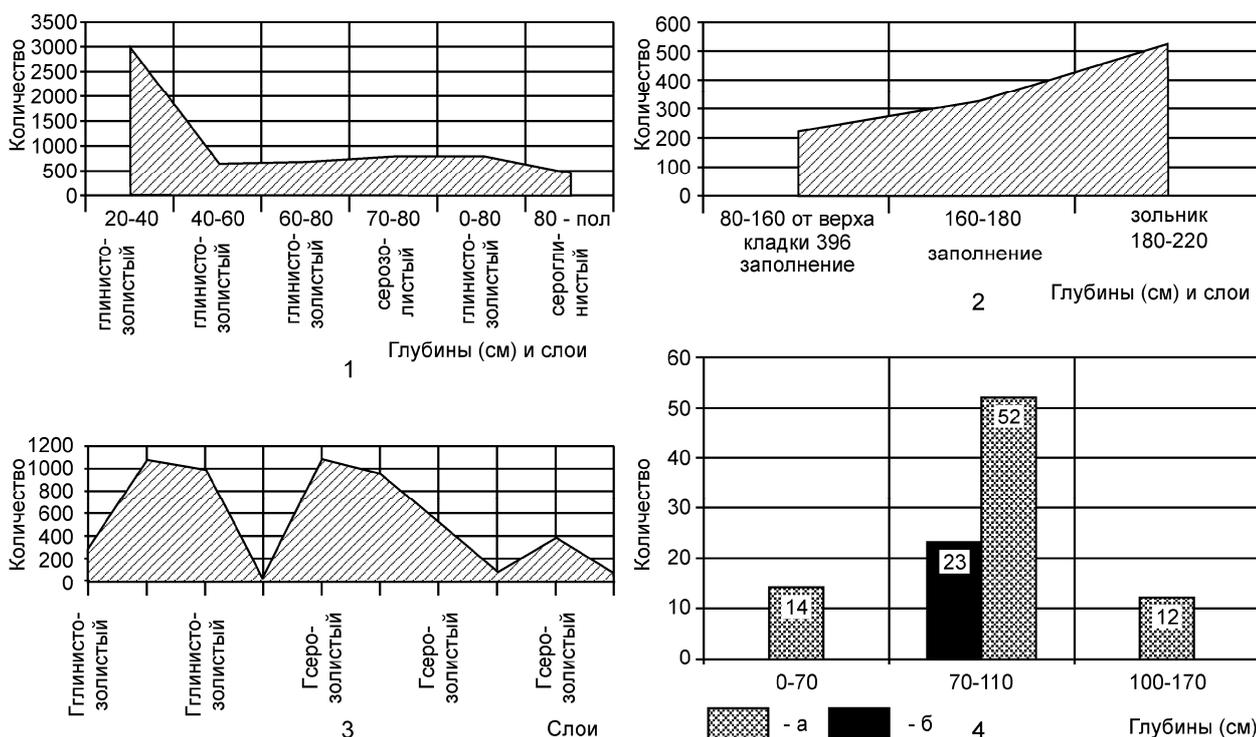


Рис. 1. 1–3 – количественное накопление находок по слоям и глубинам:

1 – полуземлянка 197; 2 – землянка 403; 3 – в полуземлянка 198;

4 – соотношение керамики по глубинам в землянке 395: а – гончарная, б – лепная

*Второй тип заполнения* представлен строительными объектами, диаграммы РНГ которых имеют пик в придонной части сооружения (напр., рис. 1, 2). Это сооружения, характеризующиеся

определенной продолжительностью жизненного цикла (в первом приближении примерно оцениваемой в одно поколение), после прекращения функционирования сразу начинали либо заполняться бытовыми и другими отходами, либо подсыпаться культурным слоем. Их примерами могут служить хозяйственные ямы (подобные яме 212) и землянки (как дно землянок 305 и 403) (табл. 2). Такие постройки некоторое время оставались открытыми, при этом скорость заполнения (заплывания) была относительно невелика. Иногда разрушение могло временно принять ускоренный характер, напр., в результате обвала стенок (свидетельством чего является появление в культурном слое материковых прослоек) или действия аномальных природных факторов, когда могут фиксироваться, напр., затечные прослойки. Второму типу заполнения соответствуют диаграммы типа РНГ-2 (рис. 1, 2).

Таблица 2

Формирование комплекса находок в землянке 403  
(по материалам полевых списков раскопок Н. А. Лейпунской в 1978 г.)

Характер грунта	Глубина (м)	Количество	
		штук	%
1. Заполнение	0,8–1,6*	224	20,7
2. Заполнение	1,6–1,8	330	30,5
3. Зольник	1,8–2,2	528	48,8
Всего:		1082	100

Примечание: \* от вершины кладки 396

*Третий тип заполнения*, которому соответствуют диаграммы РНГ-3, свойственный сложным сооружениям, подобным полуземлянкам 427 и 198 (рис. 3). Для таких сооружений характерны диаграммы РНГ с чередованием областей с повышенным количеством находок, которые накапливались довольно медленно, и «пустых» областей.

Таблица 3

Формирование комплекса находок в полуземлянке 198  
(по материалам полевых списков раскопок Н. А. Лейпунской в 1975 г.).

Характер грунта	Глубина (м)	Количество	
		абс., штук	%
1. Глинисто-золистый	0–0,3*	303	5,18
2. Глинисто-золистый	0,3–0,45	1063	18,16
3. Глинисто-золистый	0,45–0,55*	973	16,62
4. Расчистка верхнего горизонта	0,8*	40	0,68
5. Серо-золистый	0–0,8*	1075	18,36
6. Сероглинистый	0,55–0,65*	966	16,50
7. Серо-золистый	0,7–0,8**	525	8,97
8. Серо-золистый	0,8–0,95***	84	1,43
9. Серо-золистый	0,65–0,8****	376	6,42
10. Нижний уровень пола	0,95	85	1,45
11. Золистый-ниша	0,3*****	365	6,23
ВСЕГО		5855	100

Примечание: \* от полёвки; \*\* до полёвки; \*\*\* ниже пола верхнего горизонта; \*\*\*\* от пола; \*\*\*\*\* толщина слоя.

Таким образом, предложенное В. В. Крапивиной определение закрытых комплексов на поселениях как «сооружения в материке или на материке (стерильной прослойке), перекрытые <...> более поздним строительством и ненарушенные им» (Крапивина 2011: 86) можно дополнить. В расширенном толковании *закрытыми комплексами* можно считать «сооружения в материке или на материке (стерильной прослойке), перекрытые <...> более поздним строительством и ненарушенные им», включая одновременно засыпанные сооружения, заполнение которых прослежено и

датировано с помощью зонной стратиграфии. В таком случае закрытому комплексу соответствует диаграмма типа РНГ-1.

*Лепная керамика на античном поселении.* При помощи зонной стратиграфии землянок и полуземлянок периода архаики удалось проследить изменения временных и функциональных особенностей сооружений при их заполнении. Во всей 21 рассмотренной постройке соотношения основных групп массового материала в слоях разного времени оказались весьма показательными. Неожиданно для античного памятника значимым оказался диагностирующий потенциал «варварской», т. е. лепной керамики. Хотя в 62 % исследованных на участке ЮЗА построек (13 из 21) периода архаики лепная керамика отсутствовала вообще, тем не менее, ее изучение при помощи зонной стратиграфии оказалось информативным. Лепная керамика была найдена в восьми постройках. При этом находки фрагментов лепной посуды начинались на уровнях 0,5–0,7 м выше дна сооружения, напр., в землянке 395 (рис. 1, 4). То есть впервые (причем, с помощью именно метода определения количественного распределения массовых находок по глубинам залегания в раскопе) зафиксирован факт наличия периода, когда античные обитатели архаических землянок и полуземлянок лепную посуду не использовали. В свете этого наблюдения логичным представляется меньшее количество лепной керамики в архаических объектах (соотношение кухонной гончарной и лепной посуды в архаических постройках составляет 6 : 1) по сравнению с более поздними постройками, где это соотношение уменьшается до 3 : 1 (табл. 4). Очевидно, что лепная керамика участка ЮЗА периода архаики включала как группу кухонных сосудов, представленную кухонными горшками двух типов (горшки с дуговидной в разрезе шейкой и горшки с горлом в виде раструба), так и тарой – баночными и тюльпановидными сосудами. Эти лепные сосуды могли попасть в комплекс керамики населения Ольвии как результат попытки компенсировать дефицит привозной гончарной кухонной посуды. Известно, что в течение жизни одного поколения в отдельно взятом домохозяйстве происходит непрерывное обновление количественного и функционально-типологического состава керамики. Поэтому представляется нереальной ситуация, при которой не происходит восполнения керамики (тем или иным способом) в ходе ее естественной убыли.

Таблица 4

Основные виды посуды из архаических сооружений участка ЮЗА в Ольвии  
(по материалам полевых списков раскопок Н. А. Лейпунской в 1972–1979 гг.)

Сооружения	Гончарная кухонная керамика				Лепная горшки	Количество		Соотношение гонч. : лепн.
	кастрюли	кувшины	миски	горшки		гонч.	лепн.	
Полуземлянка 197	9	1	–	–	1	324	4	81 : 1
Полуземлянка 198	8	1	–	–	4	185	37	5 : 1
Землянка 401	1		1	8	–	167	8	21 : 1
Землянка 395	1	1	1	–	–	78	23	3,4 : 1
Землянка 214	8	2	–	–	2	46	7	6,6 : 1
Землянка 250	–	–	–	–	–	44	12	3,7 : 1
Землянка 400	–	–	–	–	–	34	54	0,6 : 1
Землянка 398	16	7	–	–	–	16	5	3,2 : 1
Всего:	43	12	2	8	7	894	150	6 : 1

Применительно к участку ЮЗА Ольвии, можно заметить, что в быту его обитателей был короткий (до одного-двух поколений) период, в котором отсутствовала лепная керамика. Пока нет доказательств того, что колонисты сумели наладить собственное производство керамики, особенно, в период архаики. Потребительские характеристики компонентов кухонной посуды позволяют говорить о преобладании группы кухонной гончарной керамики в период архаики и частичном ее дополнении кухонными лепными сосудами (горшками).

Этот вывод важен для решения проблемы присутствия варварского элемента в составе населения античных центров Северного Причерноморья, т. к. ряд исследователей считает лепную

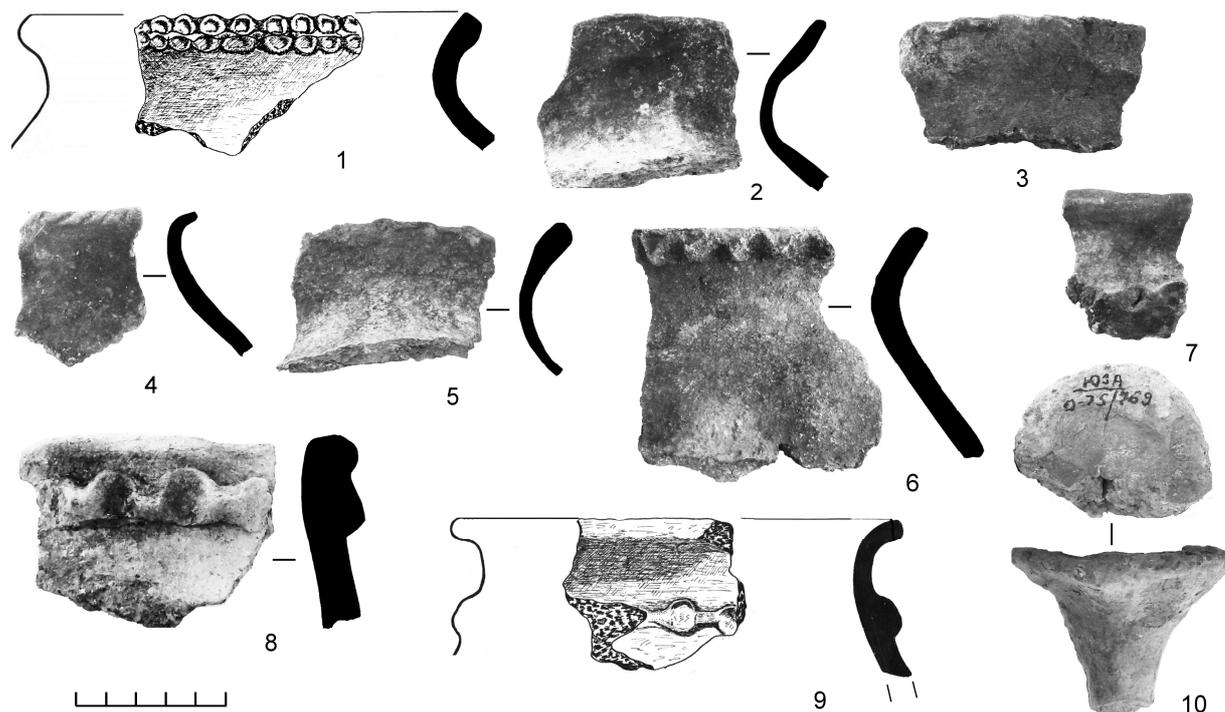


Рис. 2. Лепная керамика из сооружений периода архаики на участке ЮЗА в Ольвии:  
 1 – горшки с дуговидной в разрезе шейкой; 2–6 – горшки с горлом, отогнутым в виде раструба;  
 7–9 – тюльпановидные сосуды; 10 – фрагмент керноса  
 (1 – полуземлянка 197; 2–4, 8, 10 – полуземлянка 198; 5–7, 9 – землянка 214)

керамику неоспоримым аргументом в пользу присутствия варваров среди обитателей ранних греческих поселений. Но если рассмотреть состав лепной керамики архаических памятников Ольвии и ее окружи в комплексе с гончарной кухонной посудой (1044 фрагмента кухонной посуды), то этот вывод не покажется таким однозначным (табл. 4).<sup>79</sup> По качественным и количественным показателям отчетливо видно, что гончарная кухонная посуда преобладает. Лепные сосуды появляются в тех случаях, когда количество гончарной посуды уменьшается. Исключением можно считать лишь землянку 400, в которой фрагментов лепной посуды найдено больше, чем гончарной (табл. 4), и она появляется с самого начала использования землянки.

Кухонная керамика из архаических объектов участка ЮЗА Ольвии представлена лепной и гончарной посудой (табл. 4). Разнообразие лепной керамики из архаических объектов (рис. 2) ограничено горшками для приготовления пищи (они все закопчены) и тарой – тюльпановидными сосудами (без следов копоти на поверхности). Кухонную лепную посуду составляют горшки с дуговидной в разрезе шейкой (рис. 2, 1), которые существуют в Северном Причерноморье с позднего периода эпохи бронзы, и горшки с горлом в виде раструба (рис. 2, 2–6), появляющиеся в Нижнем Побужье с приходом первых греческих колонистов (Гаврилюк 1981: 17).

Кухонная гончарная керамика (закопченные красноглиняные сосуды) представлена в основном кастрюлями и кувшинами (табл. 4). В землянке 401 функции кастрюль выполняли гончарные горшки с короткой дуговидной шейкой. В двух землянках найдено по одной миске. Появление лепных горшков в трех сооружениях (землянка 214 и полуземлянки 197, 198) можно связать с уменьшением количества гончарной кухонной керамики.

<sup>79</sup> Сведения о кухонной гончарной керамике даются по определениям в поле (по полевым спискам), фрагменты кухонной гончарной посуды в фондах Национального историко-археологического заповедника «Ольвия» немногочисленны.

Лепные баночные и тюльпановидные сосуды (рис. 2, 7–9), имеющие аналогии в памятниках лесостепной зоны Северного Причерноморья, выполняли, по-видимому, роль тары для меда, как экспортной позиции племен лесостепи.

В полуземлянке 198 найден фрагмент керноса (рис. 2, 10). Это самая ранняя находка лепного керноса античной группы в Северном Причерноморье (Гаврилюк 2010б: 271–277). Его присутствие также может указывать на попытки компенсировать дефицит или даже отсутствие привозной гончарной керамики вследствие сокращения связей с метрополией.

*Выводы.* 1. Разработана методика обработки массового археологического материала, происходящего из отдельных (закрытых или полузакрытых) комплексов. Эта методика основана на обработке полевых списков с учетом зонной стратиграфии, учитывающей распределение находок по глубинам залегания, функционально-типологической классификации и построением диаграмм распределения находок по глубинам (диаграмм РНГ).

2. В результате обобщения результатов обработки массового материала из сооружений периода архаики составлены диаграммы РНГ трех видов, соответствующих трем типам заполнения культурным слоем указанных объектов. Диаграмма РНГ-1, характеризующаяся пиком находок в районе устья зерновой ямы или полёвки помещений, соответствует закрытому комплексу.

3. Благодаря использованию нового метода массовый материал, зафиксированный в полевых списках, превращается в источник ценной информации и вводится в научный оборот.

4. Анализ массового материала из архаических построек Верхнего города Ольвии по предложенной методике (т. е. изучение распределения массового материала по глубинам, функционально-типологическому составу с выявлением соотношения лепной и гончарной керамики) позволили отвергнуть возможность использования лепной керамики как этнического индикатора и связывать ее исключительно с варварским компонентом в составе населения города.

5. Показано, что при определенных условиях лепная посуда широко используется в античных домохозяйствах Ольвии.

Гаврилюк 1981 – *Гаврилюк Н. А.* Лепная керамика Степной Скифии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1981.

Гаврилюк 2006 – *Гаврилюк Н. А.* Лепная керамика и общин статистические данные керамических материалов // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. Симферополь, 2006. С. 191–197.

Гаврилюк 2010а – *Гаврилюк Н. А.* Лепная керамика Тиры // Тира – Белгород – Аккерман (материалы исследований). Одесса, 2010. С. 11–47.

Гаврилюк 2010б – *Гаврилюк Н. А.* Керносы из материалов городищ Нижнего Поднепровья // SYMBOLA. М.; Киев, 2010. С. 271–277.

Грязнов 1979 – *Грязнов М. П.* Об едином процессе развития скифо-сибирских культур // ТД Всесоюз. археологической конф. Кемерово, 1979. С. 4–6.

Крапивина 2011 – *Крапивина В. В.* Методика полевых археологических исследований античных памятников (на примере Ольвии Понтийской) // Методика полевых археологических исследований: Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. М., 2011. С. 71–91.

Полин 2011 – *Полин С. В.* К истории развития методики раскопок больших скифских курганов // Там же. С. 206–222.

Gavrylyuk 2010 – *Gavrylyuk N. O.* Statistical considerations // The Lower City of Olbia (Sektor NGS) in the 6<sup>th</sup> century BC to the 4<sup>th</sup> century AD. Aarhus, 2010. P. 589–629.

**Ф. Б. Бакшт, Л. С. Марсадолов  
(Красноярск, Санкт-Петербург, Россия)**

### **Геофизические исследования на Большом Салбыкском кургане**

Большой Салбыкский курган (далее – БСК) – один из самых крупных мегалитических памятников древних племен Южной Сибири, относящийся к V в. до н. э., эпизодически изучался в XVIII–XIX вв., а затем профессионально – с середины XX в. В 1954–1956 гг. Хакасская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР (г. Москва), возглавляемая известным археологом С. В. Киселёвым, раскопала этот курган (Киселёв 1956). В полевых экспедиционных работах участвовали московские археологи Л. А. Евтюхова, М. А. Дэвлет, С. В. Зотова, Н. Н. Терехова, Э. А. Новгородова, В. В. Волков, Л. Р. Кызласов, а также местные жители. Археологические исследования в Салбыке отличались от предшествующих раскопок более высоким научно-методическим уровнем – изучением насыпи кургана на снос – зачисткой и зарисовкой всех плит ограды; детальной графической и фотофиксацией объектов.

М. П. Грязнов неоднократно бывал в Салбыкской долине – еще до раскопок БСК и во время экспедиционных исследований С. В. Киселёва (рис. 1). В 1977 г. М. П. Грязнов решил сфотографировать для научного альбома хорошо сохранившиеся и наиболее красивые курганы тагарской культуры на Енисее и пригласил студента-археолога Л. С. Марсадолова, который умел хорошо фотографировать, в большую научную поездку по памятникам Хакасии. Среди других объектов были осмотрены и большие курганы в Салбыкской долине, которые настолько поразили молодого археолога, что он вернулся туда через много лет и провел там ряд летних сезонов.

Саяно-Алтайская археологическая экспедиция ГЭ под руководством Л. С. Марсадолова в 1990-е гг. начала новые комплексные исследования в Салбыкской долине (Марсадолов 1993; Марсадолов, Бакшт 1992). В процессе работ вновь был снят план ограды из каменных плит (рис. 2, 1); большое внимание было уделено изучению каменных выкладок и плит, расположенных за пределами ограды БСК и ранее незафиксированных. Для определения возраста кургана были взяты образцы дерева на радиоуглеродный и дендрохронологический анализы. В ходе исследований были произведены археологические, астрономические, геологические, геофизические, топографические и метрологические работы; более детально была изучена каменоломня; прослежена связь памятника с окружающим ландшафтом и решены другие научные задачи (Марсадолов 2010).

Одной из целей экспедиции в 1992 г. было выяснение связей пространственного положения археологических объектов со структурой и интенсивностью электрических и магнитных аномалий на разных участках обширной Салбыкской долины.

*Методика работ.* В задачу исследований входило проведение маршрутных работ методами магниторазведки, радиометрии (гамма-съёмка) и электроразведки методом естественного поля, а также детальное петрофизическое изучение материалов плит ограды кургана. Методически геофизические работы выполнялись в соответствии с действующими в геологической отрасли техническими инструкциями и руководствами, но при этом технология работ адаптировалась к специфике археологических исследований (Бакшт 1988; 1992; Малолетко, Плетнёва 1980; Смекалова 1992; и др.).

Магнитная съёмка проводилась протонным магнитометром ММП-203 (по цикловой схеме на рекогносцировочных профилях), с наблюдением вариаций вторым прибором (при площадной съёмке на курганах). На профилях шаг наблюдений был 2–5 м (на курганах) и 20–100 м в остальной части. Длина профилей геофизических наблюдений составляла от 3 до 10 км. Среднеквадратическая погрешность площадной съёмки равна  $\pm 4,1$  нТл, что позволяет строить планы изодинам с достаточно детальным сечением и обеспечивает качественную и количественную интерпретацию полученных материалов. Маршрутная гамма-съёмка выполнялась с радиометром СРП-68 с шагом от 5 до 100 м, с непрерывным прослушиванием в телефон интервалов между точками стационарных наблюдений  $J_{\gamma}$ . Средняя погрешность съёмки – 2 мкР/ч.



Рис. 1. Большой Салбыкский курган, раскопки 1955 г. С. В. Киселёв проводит экскурсию внутри каменной ограды. М. П. Грязнов во время экскурсии (в центре, в пальто)

Профильная съемка естественного электрического поля (ЕЭП) методом измерения градиента потенциала проведена по трем рекогносцировочным профилям с шагом 200 м, со сгущением до 50 м с помощью прибора АЭ-72 по стандартной методике. Аномалий ЕЭП не обнаружено.

Полевые работы 1992 г. проведены Геофизическим отрядом Красноярского филиала Сибирского научно-исследовательского института геологии, геофизики и минерального сырья под общим руководством с. н. с., канд. геол.-мин. наук Ф. Б. Бакшта, при участии профессора ТГУ д-ра геогр. наук А. М. Малолетко, с. н. с., канд. ф. наук А. Б. Григорьева и геолога В. А. Безиной. Камеральную обработку материалов выполнили Ф. Б. Бакшт и А. Б. Григорьев. Научное археологическое руководство работами и постановку конкретных задач исследования осуществлял начальник Саяно-Алтайской археологической экспедиции ГЭ Л. С. Марсадолов (Марсадолов и др. 1992).

*Геофизические исследования в Салбыке.* Большой Салбыкский курган был обследован магнитометрическими измерениями по сети  $10 \times 10$  м. Установлено, что как внутри ограды, так и за ее пределами на холме магнитное поле  $T$  исключительно ровное и мало отличается от нормального уровня для всего района, меняясь в пределах от 59777 до 59900 нТл. Это свидетельствует об отсутствии здесь сколько-нибудь крупных намагниченных объектов (каменных ящиков, кострищ, отдельных плит и т. п.). Но не исключено присутствие более мелких объектов, которые могли быть пропущены при редком шаге съемки. Аналогичное ровное магнитное поле отмечено и на кург. 2, а также между курганами.

Гамма-поле на кургане, включая его ограду, не отличается от нормального и меняется в пределах 11–15 мкР/ч. Колебания величины ЕЭП не превышали  $\pm 10$  мВ. Такое ровное поле указывает на отсутствие в данном районе сколько-нибудь заметных близповерхностных электрохимических или фильтрационных процессов.

В опытном порядке на БСК проведена съемка биолокационным методом. В пределах ограды кургана, у западной ее стенки, обнаружены четыре локальные биогеофизические аномалии размерами в единицы метров. На двух из них раскопаны бревна от деревянных сооружений, а причина образования еще двух, находящихся у боковых входов, неизвестна. Эти результаты представляют интерес как первый опыт применения данной нетрадиционной методики с археологической целью в Хакасии.

*Петрофизические исследования.* В соответствии с новым планом каменной ограды БСК, составленным в 1992 г. (рис. 2, 1), на всех плитах ограды произведены измерения магнитной

восприимчивости ( $\chi$ ), являющейся основной характеристикой любых магнитных веществ, и естественной радиоактивности. Измерения производились по торцам камней и по их боковой поверхности с шагом 0,5 м. Интервалы между точками прослушивались через телефон радиометра.

Измеряемая нами магнитная восприимчивость – это свойство вещества, его способность намагничиваться во внешнем магнитном поле. В данном случае – в поле Земли. Оно зависит только от состава и структуры породы и совершенно не зависит о формы объекта и его размеров, т. к. область влияния исследуемого пространства ограничивается размером датчика, в нашем случае – цилиндра диаметром в 60 мм.

Измерения величины  $\chi$  выполнялись каппаметром КТ-5С с аппаратурной погрешностью  $1 \cdot 10^{-5}$  ед. СИ. Гамма-активность  $J_\gamma$  определялась с помощью радиометра СРП-68. Каждая плита подвергалась измерениям в 10 равномерно распределенных по ее поверхности точках, иногда в 12–15 (если визуально наблюдалась неоднородность), а затем вычислялось среднее значение, Благодаря этому полученные результаты статистически совершенно корректны. Всего на 78 камнях взято около 1200 замеров. Для каждого камня вычислена средняя величина  $\chi_{\text{ср.}}$  и  $J_{\gamma\text{ср.}}$ . Значения  $\chi_{\text{ср.}}$  плит из вишневого, серо-вишневого и серого кварц-полевошпатового грауваккового мелкозернистого песчаника составляют от 11 до  $31 \cdot 10^{-5}$  ед. СИ (рис. 2, 2). Большинство плит обладает величиной  $\chi_{\text{ср.}}$  от 9 до  $18 \cdot 10^{-5}$  ед. СИ. Лишь более светлые, серые, с меньшим количеством железистого минерала гидрогетита и, возможно, с очень слабо повышенными содержаниями магнетита песчаники обладают  $\chi_{\text{ср.}}$  от 20 до  $31 \cdot 10^{-5}$  ед. СИ. Таких плит обнаружено всего 16 из 78. Примечательно, что закономерности в расположении упомянутых 16 плит нет – они перемежаются со сравнительно слабомагнитными плитами.

По гамма-активности все обследованные плиты более однородны, чем по магнитности. Значения меняются от 11 до 22 мкР/ч. (рис. 2, 3). Лишь у одной плиты № 3  $J_{\gamma\text{ср.}}$  равна 41 мкР/ч. Природа этой локальной аномалии пока не выяснена.

Во всей представленной выборке заметна обратная связь магнитной восприимчивости с гамма-активностью, что вызвано, скорее всего, первичным составом плит. Выделяющаяся телесным цветом стела № 83 входной части в курган, по физическим свойствам от прочих плит не отличается. Но ее минералогический состав более однороден и механически изотропен, а в естественном «цементе», в отличие от прочих плит, меньше карбонатов. По этим данным можно предположить, что все плиты добывались из одного карьера, но из разных горизонтов. Хотя по магнитной восприимчивости плиты сравнительно мало различны, все же заметно, что как средние, так и модальные значения  $\chi_{\text{ср.}}$  вертикальных плит значимо меньше, чем у горизонтальных (табл. 1). При этом у первых значения  $\chi_{\text{ср.}}$  превышают модальные в 45 % случаев, а у вторых только в 38 % (рис. 2, 2). При этом очевидно, что размах значений  $\chi_{\text{ср.}}$  и  $J_{\gamma\text{ср.}}$  вертикальных плит меньше, чем у горизонтальных.

Таблица 1

Физические свойства плит ограды Большого Салбыкского кургана

Положение плит	Количество плит	Магнитная восприимчивость $\chi_{\text{ср.}}$ $10^{-5}$ ед. СИ				Гамма-активность $J_{\text{ср.}}$ мкР/ч			
		мин.	макс.	ср. ариф.	мода	мин.	макс.	ср. ариф.	мода
Вертикальное	23	9,0	26	14,1	12,0	10,0	22,0	14,9	14,0
Горизонтальное	58	6,0	31,0	16,3	14,0	10,0	41,0	15,1	14,0
Все плиты	81	6,0	31,0	15,7	13,0	10,0	41,0	15,0	14,0

Поверхность всех плит в той или иной степени выветрена и покрыта тонким (до 3 мм) налетом гидроокислов железа. Было замечено, что горизонтальные плиты гораздо более подвержены таким процессам, чем вертикальные. А интенсивность выветривания зависит и от состава породы, и от ее структуры (слоистости), и от солнечной экспозиции (на освещенной стороне разрушаются быстрее), и от ориентировки слоев в стоящей плите (при горизонтальном их расположении дождевая вода на поверхности застаивается) и др. Влияние всех этих локальных факторов может быть оценено только при более детальных исследованиях.

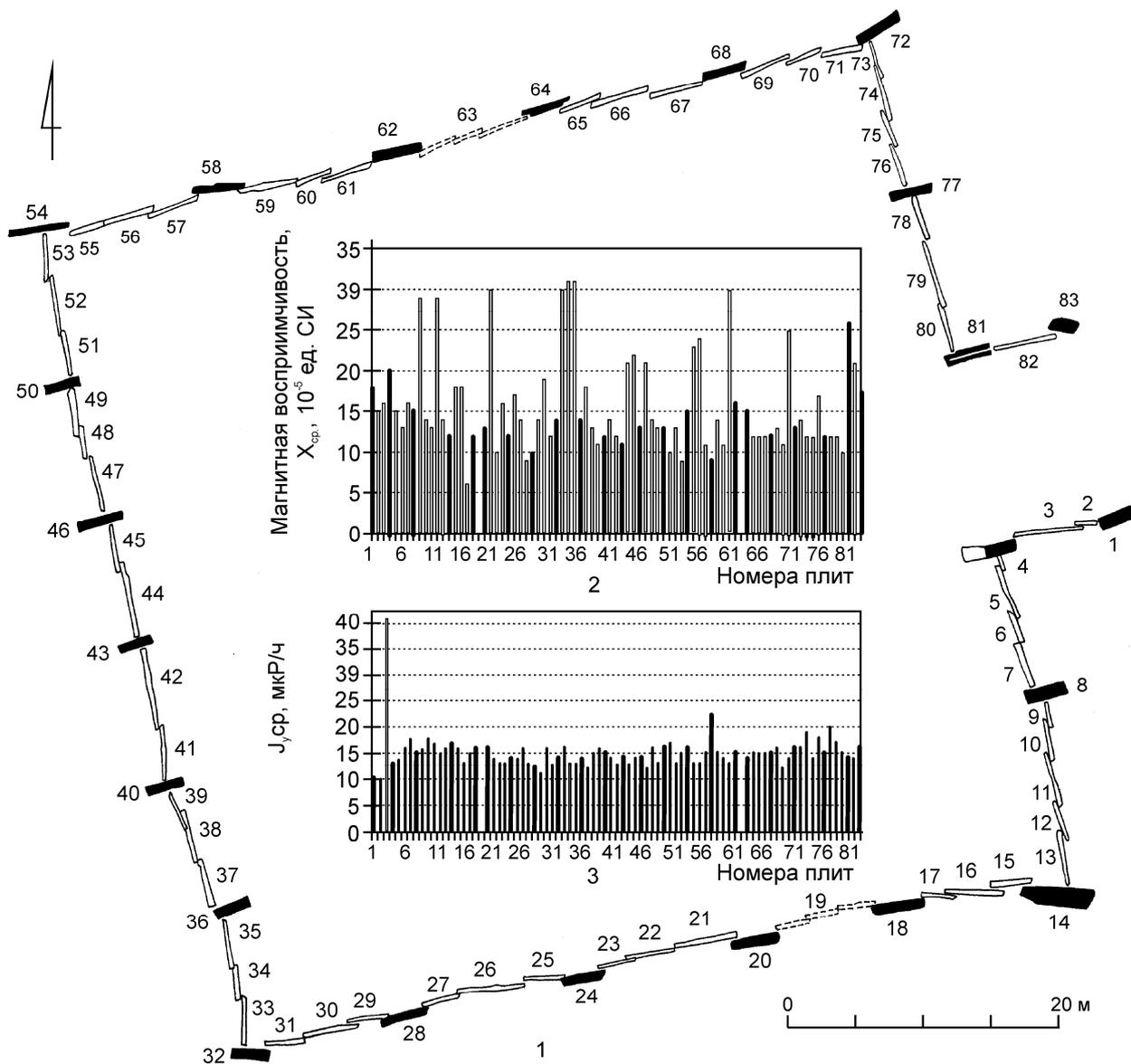


Рис. 2: 1 – план каменной ограды Большого Салбыкского кургана с номерами плит (составлен в 1992 г.);  
 2–3 – физические свойства каменных плит Большого Салбыкского кургана  
 (2 – магнитная восприимчивость; 3 – гамма-активность [номера плит соответствует номерам на плане]).  
 Число измеренных плит – 81 (№ 19 и 63 отсутствуют). Общее количество замеров  $\chi$  и  $J_{\gamma}$  – 1248.  
 Утолщенными линиями выделены параметры вертикальных стел.

Можно лишь отметить, что более выветренные горизонтальные плиты менее прочны, чем вертикальные. Это может быть обусловлено как их составом (повышенная железистость сидерит-содержащего цемента), так и структурой. Отметим, что плиты ограды соседнего кургана Салбык-2, находящегося в 1,2 км к СЗ от Большого кургана, аналогичны по своим физическим свойствам вышеописанным. Такая геофизическая характеристика материала для плит курганов Салбыка, вероятно, типична для большинства аналогичных сооружений Южной Сибири. Лишь в редких случаях были обнаружены контрастные и интенсивные локальные магнитные аномалии (на 2 курганах из 48 обследованных нами – Улуг-Хем-3 в Туве и Каракол-4 [Каменный] на Алтае).

*Горно-геологические и экологические особенности БСК.* Выходы девонских песчаников, аналогичных салбыкским, в каменоломне Хызыл-Хая расположены на участке длиной почти километр. Именно они подверглись расчистке и разработке, с извлечением монолитов из двух наиболее плотных слоев на середине горного склона.

Петрофизическими данными, приведенными в предыдущем разделе, подтверждается мнение археологов о том, что подбору вертикальных плит уделялось особое внимание, как опорным элементам конструкции, к которым предъявлялись повышенные требования.

Древние мастера учитывали горно-геологические и архитектурно-строительные свойства местных пород. Это помогло им остановить свой выбор именно на тех их разновидностях камня, блоки из которых сравнительно легко извлекались из массива (по сравнению с широко распространенными в Хакасии гранитоидами и т. п.). Тем самым обеспечивались достаточная прочность сооружений и их тысячелетняя сохранность.

Выбор места для возведения БСК был удачен не только с точки зрения географического и геоморфологического расположения. Отсутствие внутри самого кургана и в радиусе 5 км вокруг него радиоактивных, магнитных и электрических аномалий свидетельствует, что этот комплекс располагается на таких геологически однородных участках, где присутствие зон биологического дискомфорта очень маловероятно. Курган располагается в сейсмически благополучной зоне, не говоря уже о минимальном риске от других природных чрезвычайных ситуаций (наводнения, пожары и т. п.).

*Краткие выводы.* 1. Изученные комплексы в Салбыке располагаются вдали от геофизических аномалий – радиоактивных и магнитных. Другими словами, эти комплексы находятся на таких геологически сравнительно однородных участках, где присутствие зон биолого-экологического дискомфорта (геопатогенных зон) очень маловероятно, что не исключает нахождения таких зон за пределами изученных участков (напр., разломов около горных гряд); 2. Петромагнитные исследования (каппаметрия) и радиометрия позволили получить данные о петрофизической характеристике камней ограды БСК, что позволяет более обоснованно проводить интерпретацию данных геофизических съемок и поиски древних каменоломен, являвшихся источниками материала для построек; 3. Судя по равномерному распределению  $\chi_{\text{ср}}$  плит оград двух курганов, материал для них добывался из одного карьера из близко расположенных горизонтов верхнедевонских песчаников; 4. В будущем было бы желательно сравнить измерительные результаты геофизических работ 1992 г. с новыми аналогичными данными, что позволило бы выявить их изменения во времени; 5. Полученный опыт применения геофизики при археологических исследованиях в Салбыке, особенно в комплексе с петрографо-минералогическими исследованиями, может быть использован при изучении древних памятников Хакасии, Алтая, Тувы, других регионов Сибири и России.

БСК не был единственным мегалитическим сооружением в Салбыкской долине, возведенным опытными древними строителями того времени. Рядом с ним находятся еще 15 почти таких же больших курганов и десятки средних и малых. Практический опыт может быть приобретен и передан только в процессе строительной практики. В ходе дальнейших комплексных исследований с помощью несложных горно-геологических и маркшейдерских исследований можно реконструировать технологию горных работ и оценить объем каменных плит, добытых в каменоломне Хызыл-Хая и в ее окрестностях.

Феноменальность БСК заключается в его большой информативности для разных отраслей знания. Материалы из этого памятника являются уникальными источниками для реконструкции древней «модели мира» тагарского общества, связей с окружающим ландшафтом, социальной организации, религиозных и астрономических представлений, искусства, архитектуры объекта, разнообразных культурных связей с соседними и удаленными регионами, абсолютного времени (с помощью дендрохронологии и  $^{14}\text{C}$ ), а также для осознания ритмичности природно-исторических процессов и многих других проблем жизни и смерти в древности (Марсадалов 2010).

Бакшт 1988 – *Бакшт Ф. Б.* Методические рекомендации по применению каппаметрии (на примере рудных месторождений). 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1988.

- Бакшт 1992 – *Бакит Ф. Б.* Каппаметрия в археологических исследованиях // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке: Краткое содержание докл. Междунар. симпозиума. Красноярск, 1992. С. 14–17.
- Киселёв 1956 – *Киселёв С. В.* Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг. // ТД на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвящ. итогам археологических исследований 1955 г. М., 1956. С. 56–58.
- Малолетко, Плетнёва 1980 – *Малолетко А. М., Плетнёва Л. М.* Применение магниторазведки при археологических исследованиях // Новые методы в археологии. Томск, 1980. С. 47–53.
- Марсадолов 1993 – *Марсадолов Л. С.* Исследования Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1992 году // Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа: Краткие ТД. Май 1993 г. СПб, 1993. С. 3–5.
- Марсадолов 2010 – *Марсадолов Л. С.* Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан, 2010.
- Марсадолов и др. 1992 – *Марсадолов Л. С., Бакит Ф. Б., Гориков В. Л.* Комплексное исследование по программе «Новый центр Азии» // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Краткое содержание докл. Междунар. симпозиума. Красноярск, 1992. С. 298–300.
- Смекалова 1992 – *Смекалова Т. Н.* Физические методы в полевой археологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

## Список сокращений

АА	– Археологический альманах. Донецк.
АКМ	– Азовский краеведческий музей.
АН	– Академия наук.
АО	– Археологические открытия. М.
А.О.	– Автономный округ.
АПЕССТ	– Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М., 2010. (МИАР. № 13).
АПО	– Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.
АС	– Археологический съезд.
АСГЭ	– Археологический сборник ГЭ. Л., СПб.
АЭАЕ	– Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БВВЕ	– Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культуры, хронология и периодизация.
БС	– Балтийская система.
БСК	– Большой Салбыкский курган.
БСЭ	– Большая Советская энциклопедия. М.
ВА	– Вестник антропологии. М.
ВААЭ	– Вестник археологии, антропологии и этнографии, Тюмень.
ВАГУ	– Вестник Алтайского государственного университета. 1 раз у Зубовой
ВАП	– Вопросы археологии Поволжья. Самара.
ВАУ	– Вопросы археологии Урала.
ВДИ	– Вестник древней истории. М.
ВЛКСМ	– Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи.
ВМКК	– Восточноманьчжурская катакомбная культура.
ВООПИК	– Всероссийское (Всесоюзное) общество охраны памятников истории и культуры.
ВСО	– Восточносибирский отдел РГО.
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры АН СССР.
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации.
ГИМ	– Государственный исторический музей. М.
ГИН	– Геологический институт РАН.
ГРМ	– Государственный Русский музей. Л., СПб.
ГЭ	– Государственный Эрмитаж. Л., СПб.
ГЭС	– гидроэлектростанция.
ДНК	– дезоксирибонуклеиновая кислота.
ЕП	– Енисейская провинция: Альманах. Красноярск.
ЗИИМК	– Записки ИИМК РАН. СПб.
ЗОРСА	– Записки Отделения Русской и Славянской Археологии Императорского РАО. СПб.
ИА	– Институт археологии. М.
ИАК	– Императорская Археологическая комиссия. СПб.
ИАТ	– Институт археологической технологии. Пг., Л.
ИГАН	– Институт географии АН СССР.
ИИМК	– Институт истории материальной культуры. Л., СПб.
ИИЯЛ	– Институт истории, языка и литературы.
ИЧ	– Исторические чтения. Омск.
ИЭ	– Институт этнографии АН СССР.
ИЭРЖ	– Институт экологии растений и животных УрО РАН.
КВ	– Канонический вектор.
КГПИ (КГПУ)	– Красноярский государственный педагогический институт (университет) им. В. П. Астафьева.
КемГУ	– Кемеровский государственный университет.
КИИС	– Комиссия по изучению истории.
КККМ	– Красноярский краевой краеведческий музей.
КРС	– Крупный рогатый скот.
КС	– Кольский сборник. СПб, 2007.
КСИА	– Краткие сообщения ИА. М.; Л.
КСИИМК	– Краткие сообщения ИИМК АН СССР. М.; Л.
КСИЭ	– Краткие сообщения ИЭ АН СССР. М.; Л.
КЧ	– Крупновские чтения.
КЭИ	– Комиссия экспедиционных исследований.
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет.
ЛОИА	– Ленинградское отделение ИА АН СССР.
ЛОИИМК	– Ленинградское отделение ИИМК АН СССР.
МАО	– Московское археологическое общество.
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии. Л.; СПб.
МГУ	– Московский государственный университет.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАР	– Материалы и исследования по археологии России. М.
ММАТ	– Материалы по методике археологической технологии РАИМК.
МНМЭ	– Мифы народов мира. Энциклопедия. М.
МОКИСАР	– Материалы Особого Комитета по исследованию союзных и автономных республик.
МРС	– Мелкий рогатый скот.

МЭ	–	Материалы по этнографии. Л.
НА (НОА)	–	Научный (научно-отраслевой) архив.
НГПИ	–	Новосибирский государственный педагогический институт.
НКВД	–	Народный Комиссариат внутренних дел.
НМ РТ	–	Национальный музей Республики Татарстан. Казань.
НМФ	–	Национальный музей Финляндии. Хельсинки.
ОГПУ	–	Объединенное государственное политическое управление.
ОИПК	–	Отдел истории первобытной культуры ГЭ. Л.
ОмГУ	–	Омский государственный университет.
ОС	–	Окуневский сборник. СПб.
ОСО	–	Особое совещание при НКВД.
ПАВ	–	Петербургский археологический вестник. СПб.
ПАЭ	–	Приуральская археологическая экспедиция ИА РАН.
ПГУ	–	Петроградский государственный университет.
РА	–	Рукописный архив.
РАИМК	–	Российская Академия истории материальной культуры. Пг.
РАН	–	Российская Академия наук.
РАО	–	Русское археологическое общество.
РГО (ВГО)	–	Русское (Российское, Всесоюзное) географическое общество.
РЭМ	–	Российский этнографический музей. Л., СПб.
СА	–	Советская археология. М.
САИ	–	Свод археологических источников. М.; Л.
САИПИ	–	Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства. Кемерово.
СГАИМК	–	Сообщения ГАИМК. Пг., Л.
СГЭ	–	Сообщения ГЭ. Л., СПб.
СЕДС	–	Степи Евразии в древности и средневековье: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. СПб, 2002. Кн. I. 2003. Кн. II.
СМАЭ	–	Сборник МАЭ. Л.
СНЦ	–	Самарский научный центр РАН.
СО	–	Сибирское отделение РАН.
СПбГУ	–	Санкт-Петербургский государственный университет.
ССЭ	–	Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск.
СЭ	–	Советская этнография. М..
ТартГУ	–	Тартуский государственный университет.
ТАС	–	Тверской археологический сборник. Тверь.
ТашГУ	–	Ташкентский государственный университет.
ТГУ	–	Томский государственный университет.
ТД	–	Тезисы докладов.
ТЗС	–	Труды по знаковым системам. Тарту.
ТНИИЯЛИ	–	Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Кызыл.
ТОУАК	–	Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии.
УАВ	–	Уфимский археологический вестник.
УЗ	–	Ученые записки.
УНЦ	–	Уфимский научный центр РАН.
УрО	–	Уральское отделение РАН.
ЭПИЩАД	–	Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). М., 1981.
ЮНЦ	–	Южный научный центр РАН. Ростов-на-Дону.
ЯГКИО	–	Ямочно-гребенчатая историко-культурная общность.
ЯКИО	–	Ямная культурно-историческая область.
AAS	–	Acta Archaeologica Sinica.
AJA	–	American Journal of Archaeology.
AJPA	–	American Journal of Physical Anthropology.
AMIT	–	Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin.
BAR IS	–	British Archaeological Reports. International Series. Oxford.
ВМАРМ	–	Bulletin du Musée d'Anthropologie Préhistorique de Monaco.
ESA	–	Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
EW	–	East & West. Rome.
JAS	–	Journal of Archaeological Science.
JIES	–	Journal of Indo-European Studies.
JNES	–	Journal of Near Eastern Studies.
OIP	–	Oriental Institute Publications. Chicago.
RA	–	Revista arheologică. Serie nouă. Chişinău.
RASNW	–	Rock Art Studies. News of the World. Oxbow.
RPAC	–	Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centale. Paris.
SA	–	Studia Archaeologica. Уланбаатар.
SAA	–	South Asian Archaeology.
SMYA	–	Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki.